This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

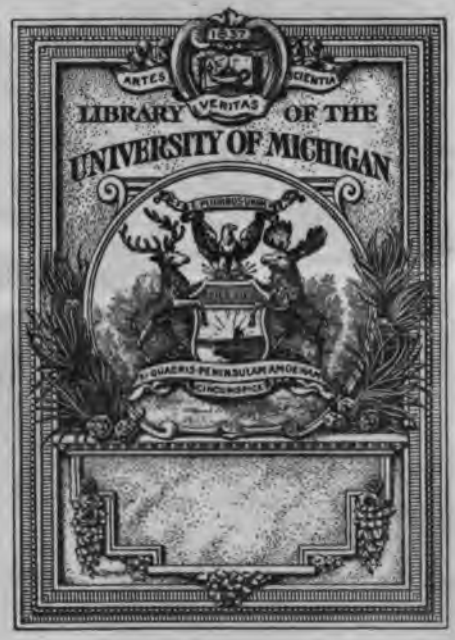
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

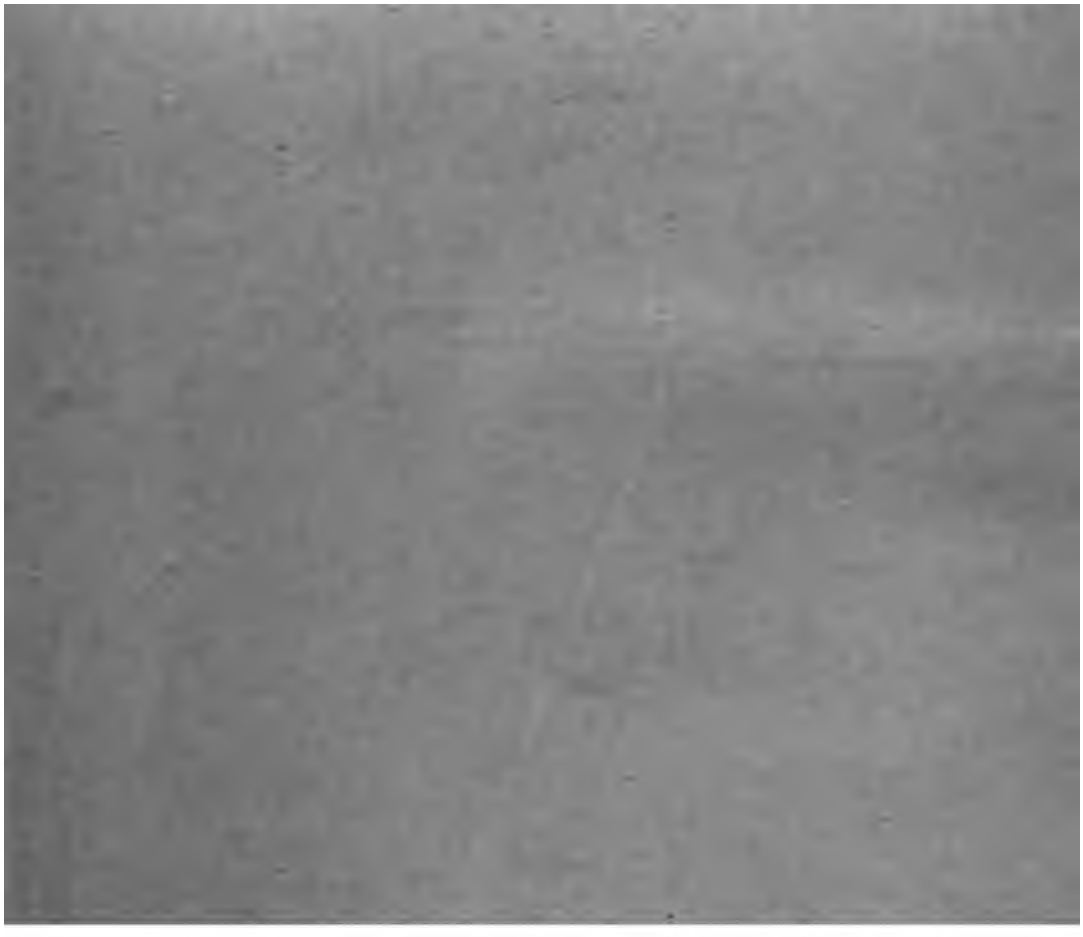
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,085,584


1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN



ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ I.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ I.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПУШКИНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	V — VI
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Комиссіи съ октября 1900 по октябрь 1902 г.	VII—XXXII
Б. Л. Модзалевскій. Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 г. (Отчетъ Отдѣленію Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ)	1 — 190

24211

Послѣ кончины, въ 1900 году, академика Леонида Николаевича Майкова, редактировавшаго, по порученію Отдѣленія Русскаго языка и словесности, предпринятое послѣднимъ изданіе сочиненій Пушкина и успѣвшаго выпустить въ свѣтъ лишь I-й томъ ихъ, Отдѣленіе, озабочиваясь дальнѣйшею судьбою изданія, постановило образовать особую Коммиссію, къ которой должны перейти заботы о предпріятіи и общее руководство отвѣтственнымъ дѣломъ изданія. Въ составъ коммиссіи вошли академики И. Н. Ждановъ, А. Н. Веселовскій и Ѳ. Е. Коршъ и засѣданія ея, подъ предсѣдательствомъ покойнаго академика Ивана Николаевича Жданова, начались въ октябрѣ 1900 года, то-есть, спустя полъ-года послѣ кончины Л. Н. Майкова, котораго смерть застала за печатаніемъ II-го тома сочиненій Пушкина, уже въ значительной степени обработаннаго; поэтому, первымъ дѣломъ вновь образованной Коммиссіи было озаботиться о томъ, чтобы матеріалы, собранные Леонидомъ Николаевичемъ, не остались въ его бумагахъ, а были изданы въ свѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ обработанныя имъ стихотворенія поэта были напечатаны подъ наблюденіемъ Александры Алексѣевны Майковой, вдовы покойнаго академика, и члена Коммиссіи — Владиміра Ивановича Саитова, ближайшаго сотрудника его по работамъ надъ изданіемъ со-

чиненій Пушкина; эти „Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина“ вышли въ 1902 г.

Въ 1901 году въ члены Коммиссіи вошли В. И. Саитовъ, В. Е. Якушкинъ, академикъ А. И. Соболевскій и П. А. Ефремовъ, въ 1902 году — академики А. Н. Пыпинъ и А. А. Шахматовъ, А. Ѳ. Онѣгинъ (Отто), П. Я. Дашковъ и Д. Ѳ. Кобеко, а въ 1903 году — И. А. Шляпкинъ и П. Е. Рейнботъ. Дѣлопроизводителемъ Коммиссіи, съ 1902 года, состоитъ Б. Л. Модзалевскій.

Послѣ смерти академика Ивана Николаевича Жданова, во главѣ Коммиссіи сталъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности академикъ Александръ Николаевичъ Веселовскій.

Настоящимъ выпускомъ начинается органъ Коммиссіи, въ которомъ, кромѣ протоколовъ ея засѣданій, будутъ помѣщаться труды членовъ Коммиссіи и посторонних ученыхъ, посвященные изученію біографіи и сочиненій Пушкина и писателей его эпохи, а равно лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ поэту. Журналъ будетъ выходить не менѣе двухъ разъ въ годъ, по мѣрѣ накопленія и напечатанія матеріала.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ октября 1900 по октябрь 1902 года.

I.

Протоколъ засѣданія Коммиссіи въ октябрѣ 1900 г.

Коммиссія, избранная Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности, въ составѣ академиковъ И. Н Жданова, А. Н. Веселовскаго и Ѳ. Е. Корша, обсудивъ вопросъ о продолженіи изданія сочиненій А. С. Пушкина, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Изданіе текста произведеній Пушкина должно быть основано на внимательномъ изученіи рукописей поэта и первопечатныхъ изданій. Произведенія, переписанныя Пушкинымъ, должны быть изданы вполнѣ согласно съ его рукописями. Тѣ стихотворенія и прозаическія статьи, которыя не сохранились въ рукописяхъ, печатаются по изданіямъ, явившимся при жизни поэта. По такимъ же изданіямъ печатаются и тѣ произведенія, которыя въ рукописяхъ сохранились въ видѣ черновыхъ, не исправленныхъ набросковъ.

II. Текстъ сочиненій Пушкина сопровождается примѣчаніями. Въ эти примѣчанія войдутъ: а) варіанты изъ рукописей и изданій, явившихся при жизни поэта; б) краткія объяснительныя замѣтки о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Пушкина.

III. Полезнымъ признается изданіе „Матеріаловъ для изученія жизни и сочиненій Пушкина“. Въ этотъ сборникъ могутъ войти: описаніе рукописей поэта, библіо-

графія всей Пушкинской литературы, описаніе библіотеки Пушкина, статьи объ отдѣльныхъ произведеніяхъ поэта, свѣдѣнія о современникахъ Пушкина, насколько эти свѣдѣнія могутъ быть полезны для выясненія дѣятельности поэта и проч.

II.

Протоколъ засѣданія 12-го марта 1901 года.

Присутствовали: Предсѣдатель, ординарный академикъ И. Н. Ждановъ; члены: ординарные академики А. Н. Веселовскій, Ѳ. Е. Коршъ; В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ.

По всестороннемъ обсужденіи общаго плана изданія сочиненій А. С. Пушкина и средствъ къ осуществленію его, при чемъ, въ виду присутствія двухъ новыхъ членовъ (В. И. Саитова и В. Е. Якушкина), были повторены и пересмотрѣны постановленія прежнихъ совѣщаній, Коммиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Изданіе должно состоять изъ критически провѣреннаго текста съ разночтеніями подъ строкой, съ варіантами и съ библіографическими, біографическими, литературными и вообще всякаго рода примѣчаніями, но лишь такими и въ такомъ объемѣ, какія окажутся нужными для полнаго объясненія даннаго произведенія, — иногда въ видѣ простыхъ ссылокъ на другія части изданія или на произведенія другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, съ отнесеніемъ всякихъ изслѣдованій въ особый, періодически издаваемый сборникъ, который могъ бы найти себѣ мѣсто при „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“.

II. Въ изданіе должно войти все написанное Пушкинымъ.

III. Текстъ долженъ представлять собою по возможности авторскую редакцію (безъ издательскихъ измѣненій) и при томъ послѣднюю, вслѣдствіе чего онъ будетъ основываться то на рукописяхъ, то на печатныхъ изданіяхъ, безъ окончательнаго и послѣдовательнаго предпочтенія того или другого изъ этихъ двухъ источниковъ, гдѣ предоставленъ выборъ между ними, и съ указаніемъ даннаго источника при каждомъ произведеніи, въ началѣ критическаго аппарата къ нему.

IV. Какъ тотъ, такъ и другой источникъ, и въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ, долженъ быть воспроизводимъ вполнѣ точно — за исключеніемъ, конечно, очевидныхъ описокъ или опечатокъ, — хотя-бы такимъ образомъ вносилась пестрота въ правописаніе и интерпункцію, искупающаяся тою важностью, которую эти внѣшнія черты могутъ имѣть не только для исторіи этихъ сторонъ русской грамматики (а впослѣдствіи — и произношенія), но иногда и для провѣрки подлинности той или иной редакціи помимо автографовъ.

V. Сочиненія Пушкина должны быть расположены по тремъ отдѣламъ: 1) стихи, 2) прозаическія повѣствованія, статьи и замѣтки и 3) письма, изъ которыхъ стихотворныя вставки будутъ приняты и въ стихотворный отдѣлъ, подъ соотвѣтствующими годами; порядокъ произведеній въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ долженъ быть хронологическій, хотя, быть можетъ, окажется цѣлесообразнымъ подраздѣленіе второго отдѣла на два.

VI. Изъ этихъ отдѣловъ послѣдній (письма) падаетъ на долю одного редактора — В. И. Саитова, который обязался, между прочимъ, сопоставить біографическія данныя о корреспондентахъ Пушкина, — по возможности съ приложеніемъ ихъ писемъ, соотвѣтствующихъ Пушкинскимъ, — въ такой полнотѣ, чтобы издатели прочихъ

сочиненій поэта могли, относительно этихъ лицъ, ограничиваться ссылками на примѣчанія къ письмамъ, для чего послѣднія будутъ снабжены особымъ указателемъ.

VII. Въ двухъ остальныхъ отдѣлахъ (см. п. V) установку текста и составленіе библіографическихъ и отчасти литературныхъ примѣчаній взялъ на себя В. Е. Якушкинъ, которому обѣщалъ свое содѣйствіе извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ, намѣченный Коммиссіей также въ ея члены.

VIII. Такъ какъ немыслимо изданіе, въ одинаковой степени удовлетворяющее какъ ученыхъ, такъ и обыкновенныхъ читателей, Коммиссія, согласно съ задачами Академіи Наукъ, имѣя въ виду приготовить прежде всего безусловно научное, хотя бы и дорогое по цѣнѣ, изданіе, на основаніи котораго были бы возможны всякаго рода изслѣдованія о Пушкинѣ безъ справокъ съ первоисточниками, недоступными огромному большинству, постановила, по мѣрѣ накопленія матеріала, обработаннаго въ этомъ изданіи, заняться составленіемъ другого, популярнаго, болѣе дешеваго, не столь полнаго (то-есть, безъ произведеній или мѣстъ, сомнительныхъ съ цензурной точки зрѣнія), съ сокращеннымъ критическимъ аппаратомъ или безъ него, съ единообразнымъ, новѣйшимъ правописаніемъ и расположеннаго по литературнымъ родамъ: лирика, эпосъ, сатира и эпиграмма, романъ и т. д.

III.

Протоколъ засѣданія 6-го декабря 1901 года.

Присутствовали: Предсѣдатель, ординарный академикъ А. Н. Веселовскій, члены, ординарные академики: Ѳ. Е. Коршъ и А. И. Соболевскій; П. А. Ефремовъ, В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ.

I. Предсѣдательствующій представилъ переданныя изъ I-го Отдѣленія Академической Библіотеки рукописные матеріалы для изданія сочиненій Пушкина, поступившіе туда послѣ академиковъ И. Н. Жданова и М. И. Сухомлинова. По ознакомленіи съ ними, Коммиссія опредѣлила возвратить ихъ въ Библіотеку, откуда они могутъ быть взяты для занятій В. И. Саитова, изъявившаго желаніе поближе съ ними ознакомиться.

II. Читанъ протоколъ мартовскаго засѣданія Пушкинской Коммиссіи (1901 г.). По поводу чтенія его были подняты слѣдующіе вопросы:

а) вопросъ *о разночтеніяхъ*. Положено: печатать въ текстѣ, подъ строкою, варіанты бѣловыхъ редакцій; въ концѣ тома — варіанты черновыхъ редакцій.

б) вопросъ *о запретныхъ піесахъ*. Положено: печатать въ научномъ изданіи отрывки запретныхъ піесъ, по возможности пополнивъ ихъ въ уровень съ возможными оговорками цензуры. Кромѣ того, желательно воспроизведеніе всего запретнаго, въ полномъ видѣ, въ особомъ, дополнительномъ томѣ къ научному изданію, „для немногихъ“.

в) вопросъ объ *орѳографіи*. Положено: соблюдать при печатаніи Пушкинское правописаніе и написаніе, за исключеніемъ явныхъ описокъ и опечатокъ, сообразно съ мнѣніями, высказанными въ засѣданіи 12 марта 1901 г. (п. IV).

III. В. Е. Якушкинъ доложилъ Коммиссіи о своихъ занятіяхъ по изученію Пушкинскихъ рукописей, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ. Въ настоящее время имъ закончено обозрѣніе 3-й тетради изъ числа 7 или 8, необходимыхъ ему для редактированія второго тома сочиненій Пушкина. Эту часть работы по изученію Пушкинскаго текста для второго тома онъ надѣется закончить весною будущаго 1902 года. Кромѣ того, г. Якушкинъ поработалъ и надъ

печатнымъ текстомъ Пушкина, заходя очень часто за предѣлы второго тома; при этомъ, ему много облегчаетъ работу собственное собраніе старинныхъ русскихъ альманаховъ. Хотя онъ не можетъ ручаться за скорое окончаніе обработки второго тома, такъ какъ въ Румянцовскомъ Музеѣ онъ имѣетъ возможность заниматься не болѣе четырехъ часовъ въ день, тѣмъ не менѣе, онъ надѣется представить текстъ, въ обработкѣ, всего второго тома сочиненій Пушкина осенью 1902 года. Къ своему докладу г. Якушкинъ присоединилъ сообщеніе о нѣкоторыхъ интересныхъ варіантахъ и неизданныхъ Puchkiniana по рукописямъ.

IV. В. И. Саитовъ сообщилъ, что онъ, для приготовленія къ печати переписки Пушкина, исчерпалъ все необходимое для его цѣли въ Императорской Публичной Библіотекѣ и получилъ доступъ въ архивъ Департамента полиціи, гдѣ оказалось 1) до 60 писемъ, относящихся къ перепискѣ Пушкина съ графомъ Бенкендорфомъ; въ томъ числѣ нашлось 15 писемъ Пушкина, совершенно неизвѣстныхъ въ печати, и 9 извѣстныхъ лишь на половину, такъ какъ обнародовавшій ихъ М. И. Семевскій воспользовался не всѣмъ текстомъ, а издалъ его съ выпусками. Въ томъ-же архивѣ найдено 25 писемъ графа Бенкендорфа къ Пушкину и изъ нихъ — 17 неизвѣстныхъ въ печати; всѣ эти письма писаны частью по-русски, частью по-французски; 2) сняты копіи съ писемъ Пушкина, принадлежащихъ нынѣ К. Я. Гроту; 3) два письма Пушкина нашлись въ Радищевскомъ Музеѣ, откуда и извлечены съ нихъ точныя копіи; 4) сняты копіи съ письма и записки Пушкина, хранящихся въ библіотекѣ Общества Любителей древней письменности. Кромѣ того, 5) имъ просматриваются „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ и „Древняя и новая Россія“, съ цѣлью извлеченія всѣхъ матеріаловъ, относящихся къ перепискѣ Пушкина.

V. Выслушано заявленіе г. В. И. Саитова о желательности войти въ сношенія съ слѣдующими лицами и учрежденіями, у которыхъ имѣются или могутъ найтись Пушкинскія рукописи:

1) Баронъ Александръ Борисовичъ *Вревскій* (имѣніе Голубово). 2) Княгиня Антонина Александровна *Хованская*, рожд. баронесса Вревская. 3) Евѳимія Борисовна *Зубова*, рожд. баронесса Вревская, вдова сенатора, и ея дочь Прасковья Петровна, начальница Псковскаго Епархіальнаго училища. 4) Евдокія Степановна *Панафидина*, рожд. баронесса Вревская. 5) Платонъ Львовичъ *Ваксель*, директоръ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 6) Николай Викторовичъ *Гаевскій*. 7) Павелъ Михайловичъ *Катковъ*. 8) А. Н. *Ганецкій* (письма Пушкина къ Киселеву). 9) Ада Ивановна *Киселева*, въ Москвѣ. 10) Юрій Николаевичъ *Щербачевъ*, секретарь посольства въ Константинополѣ. 11) Аркадій Аркадіевичъ *Журавлевъ* (письмо П. къ Нащокину). 12) Дмитрій Степановичъ *Нечаевъ*. 13) Петръ Ивановичъ *Бартеневъ*, издатель „Русскаго Архива“. 14) Никитенко, сынъ академика (письмо П.). 15) Любовь Ивановна *Курисъ*, вдова Д. С. С. (мѣст. Курисовка, Одесскаго уѣзда Херсонской губ.). 16) Графъ Сергій Дмитріевичъ *Шереметевъ*. 17) Павелъ Яковлевичъ *Дашковъ*. 18) Алексѣй Ивановичъ *Станкевичъ* (Московскій Историческій Музей; письмо къ В. В. Измайлову). 19) Московскій Историческій Музей (Чертковское Собраніе). 20) Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Къ этому списку В. Е. Якушкинъ добавилъ:

21) Юрій Павловичъ *Корниловъ*, Членъ Костромской Губернской Земской Управы, имѣніе Княжье, Костромского уѣзда (письма Дельвига, Вяземскаго и Пушкина, отъ Катенина). 22) Баронъ *Дельвигъ*, вице-губернаторъ въ одной изъ Сибирскихъ губерній. 23) А. Ѳ. *Онѣгинъ* (Отто), въ Парижѣ;

и П. А. Ефремовъ:

24) Графъ Модестъ Модестовичъ *Корфъ*. 25) Графиня Ина Петровна *Капнистъ*, въ С.-Петербургѣ.

Положено: со всѣми означенными лицами и учрежденіями войти, отъ имени Коммиссіи, въ сношеніе.

VI. В. Е. Якушкинъ заявилъ о желательности обратиться съ запросами о Пушкинскихъ рукописяхъ къ иностраннымъ Музеямъ и библіотекамъ и къ русскимъ Ученымъ Архивнымъ Коммиссіямъ, Университетамъ, Библіотекамъ и Музеямъ и т. п.

Положено: исполнить выраженное г. Якушкинымъ желаніе.

IV.

Извлеченія изъ протокола Засѣданія 22-го марта 1902 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Коммиссіи, академикъ А. Н. Веселовскій и члены: академики Ѳ. Е. Коршъ, А. Н. Пыпинъ и А. И. Соболевскій; П. А. Ефремовъ, В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ, при дѣлопроизводителѣ Б. Л. Модзалевскомъ.

II. Предсѣдатель доложилъ Коммиссіи присланныя отъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности выписки изъ протоколовъ его засѣданій:

1) о приглашеніи ординарнаго академика А. Н. Пыпина въ составъ Коммиссіи.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

2) О сообщеніи въ Коммиссію выписокъ изъ протоколовъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности за предыдущіе годы и о фотографированіи рукописей Пушкина, присылаемыхъ въ Академію.

Положено: Признать необходимымъ снятіе фотографическихъ копій, въ размѣрѣ подлинниковъ, со всѣхъ Пушкинскихъ рукописей, поступающихъ въ Коммиссію на

время отъ частныхъ лицъ, съ отнесеніемъ расходовъ по этой части на счетъ авансовъ, разрѣшенныхъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности въ засѣданіи 22-го декабря 1901 г. Сверхъ того, поручить дѣлопроизводителю Коммиссіи войти въ сношеніе съ фотографомъ Окружного Суда г. Малевинскимъ, у коего, по заявленію В. Е. Якушкина, имѣется много сдѣланныхъ съ Пушкинскихъ рукописей негативовъ, исполненныхъ по заказу покойнаго академика Л. Н. Майкова, и при этотъ положено заказать для Коммиссіи тѣ изъ отпечатковъ, коихъ не окажется въ числѣ снимковъ, переданныхъ въ Академію г-жею Майковой. Всѣ такіе снимки должны поступать, для храненія, въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ.

3) О предложеніи В. Е. Якушкину снестись съ издателемъ „Русскаго Архива", П. И. Бартеневымъ, съ цѣлью полученія отъ него, для работъ Коммиссіи, рукописей Пушкина, у него имѣющихся, и о сношеніи съ издателемъ „Русской Старины" о томъ же.

Положено: Просить Его Императорское Высочество Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ обратиться къ г. Бартеневу съ рескриптомъ о предоставленіи Коммиссіи хранящихся у него автографовъ Пушкина и принять предложеніе В. И. Саитова лично снестись со вдовою М. И. Семевскаго, такъ какъ въ архивѣ нынѣшняго издателя „Русской Старины" никакихъ Пушкинскихъ рукописей не имѣется.

4) Постановленіе Отдѣленія о приглашеніи Б. Л. Модзалевскаго къ дѣлопроизводству по Коммиссіи.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

III. Читанъ и одобренъ проектъ циркулярнаго обращенія къ русскимъ библіотекамъ, музеямъ, архивнымъ коммиссіямъ и т. под. съ просьбою сообщить Коммиссіи свѣдѣнія объ имѣющихся у нихъ рукописяхъ Пушкина.

Положено: отпечатать означенное циркулярное обращеніе и приступить къ его разсылкѣ.

IV. Дѣлопроизводитель доложилъ Коммиссіи, что, во исполненіе постановленія предыдущаго собранія Коммиссіи (п. V), Предсѣдателемъ были обращены просьбы о присылкѣ въ Коммиссію Пушкинскихъ рукописей къ слѣдующимъ лицамъ и учрежденіямъ: графу С. Д. Шереметеву, П. Л. Вакселю, А. И. Станкевичу, П. Я. Дашкову, А. А. Журавлеву, Ю. Н. Щербачеву, П. М. Каткову, А. В. Половцову, въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московскій Историческій Музей, Архивъ Министерства Финансовъ и Московскій Публичный и Румянцовскій Музей. Отвѣты до сихъ поръ получены только отъ г. Вакселя, Дашкова и Журавлева и изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Московскаго Публичнаго Музея.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

V. Предсѣдатель сообщилъ полученное имъ письмо А. В. Половцова, который, на запросъ Коммиссіи, не имѣется-ли у него рукописей Пушкина, отвѣтилъ, что у него временно находится одно письмо Пушкина на французскомъ языкѣ, которое онъ намѣренъ въ скоромъ времени напечатать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ нѣкоторыми своими комментаріями, послѣ чего не преминетъ прислать Коммиссіи тотъ № газеты, въ которомъ это письмо появится.

В. И. Саитовъ заявилъ при этомъ, что ему необходимо самому посмотрѣть это письмо, для чего онъ намѣренъ посѣтить г. Половцова, чтобы снять съ автографа точную копію.

VI. А. И. Соболевскій указалъ на то, что, по сообщенію Ѳ. И. Буслаева, сдѣланному со словъ П. В. Кирѣевскаго, нѣкоторыя изъ русскихъ пѣсенъ, собираніемъ которыхъ занимался Пушкинъ, были сообщены

послѣднимъ Кирѣевскому, въ собственноручной Пушкина записи, а потому академикъ Соболевскій просилъ В. Е. Якушкина обратить вниманіе на подлинники этихъ записей и выяснить, не окажется-ли среди нихъ дѣйствительно принадлежащихъ рукѣ Пушкина.

VI. Предсѣдателемъ былъ снова поднятъ вопросъ объ орѳографіи (см. прот. засѣд. въ мартѣ и декабрѣ 1901 г., п. п. IV и IIв), коей слѣдуетъ держаться при изданіи сочиненій Пушкина. Въ преніяхъ по сему вопросу приняли участіе всѣ члены Коммиссіи. — В. Е. Якушкинъ, для выясненія степени отступленія Пушкинской орѳографіи отъ современной намъ, предложилъ на разсмотрѣніе Коммиссіи поэмы Пушкина („Русланъ и Людмила", „Кавказскій Плѣнникъ", „Бахчисарайскій Фонтанъ", „Братья Разбойники" и др.), обработанныя имъ, въ орѳографическомъ отношеніи, по печатнымъ изданіямъ ихъ, вышедшимъ въ свѣтъ при жизни самого поэта. Результаты такого просмотра показали, что рѣзкихъ отступленій отъ современной намъ орѳографіи у Пушкина нѣтъ. Г. Якушкинъ привелъ на выдержку нѣкоторыя слова въ Пушкинскомъ написаніи, напримѣръ: мущина, мечь, мрачной, мочной, темной, тма, цалую, лице, тросникъ, подьятъ, Руской, кладязь, телега (и телѣга), щастье (и счастье), въ молчаньи, эвнухъ и др.; затѣмъ, нѣкоторыя имена существительныя нарицательныя, писанныя съ прописныхъ буквъ, напр.: Амуръ, Царь, Царица, Дворъ, Крестъ; въ знакахъ препинанія слишкомъ рѣзкихъ особенностей въ *печатномъ* текстѣ и въ *бѣловыхъ* автографахъ также не замѣчается. Поэтому, согласно большинству голосовъ присутствовавшихъ,

Положено: подтвердить то рѣшеніе вопроса объ орѳографіи, къ которому пришла Коммиссія въ предыдущихъ засѣданіяхъ, а по вопросу о знакахъ препинанія при-

знано необходимымъ возстановлять интерпункцію согласно тѣмъ главнѣйшимъ правиламъ, которыя наблюдаются у Пушкина въ текстѣ произведеній, выпущенныхъ въ свѣтъ имъ самимъ.

VIII. В. И. Саитовъ сообщилъ о ходѣ его работъ надъ приготовленіемъ къ печати переписки Пушкина. Со времени послѣдняго засѣданія имъ использованы слѣдующіе источники и матеріалы: 1) „Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“ и 2) подлинныя письма Пушкина, находящіяся у А. Н. Пыпина, Е. А. Шахматовой, въ Румянцовскомъ Музеѣ (письма къ Погодину), въ Архивѣ Департамента полиціи (къ Бенкендорфу и Дубельту и А. Н. Мордвинову; послѣднее — по сообщенію Н. Ѳ. Дубровина), у П. Я. Дашкова, у П. Л. Вакселя, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (къ бар. Корфу и Дуровой) и письма Плетнева къ Пушкину, съ подлинниковъ, доставленныхъ К. Я. Гротомъ.

IX. В. И. Саитовъ, сообщивъ, что многія цѣнныя рукописи Пушкина находятся у Графини Н. А. Меренберъ, П. Н. Тургенева и особенно — графа С. Д. Шереметева, къ которому уже писалъ, но безъ успѣха, г. Предсѣдатель Коммиссіи, указалъ на необходимость обращенія къ этимъ лицамъ самого Президента Академіи съ рескриптомъ, а также просилъ исходатайствовать для него разрѣшеніе на доступъ въ Собственную Е. И. Величества Библіотеку, гдѣ также имѣются рукописи Пушкина.

Постановлено: просить г. Предсѣдателя передать означенныя заявленія г. Саитова на обсужденіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности, для возбужденія соотвѣтствующаго ходатайства предъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи.

X. В. И. Саитовъ просилъ обратиться съ запросами относительно рукописей Пушкина къ графу Г. А. Мило-

радовичу, наслѣдникамъ П. А. Плетнева и къ сыну Павла Васильевича Анненкова — П. П. Анненкову.

Положено: исполнить.

XI. В. Е. Якушкинъ представилъ обозрѣнію Коммиссіи 5 фотографическихъ снимковъ съ рукописей Пушкина, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ, и просилъ Коммиссію уполномочить его дѣлать и впредь, по его усмотрѣнію, снимки съ нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ автографовъ, для воспроизведенія ихъ при Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина.

Положено: разрѣшить г. Якушкину заказывать подобные снимки, по его личному усмотрѣнію, съ отнесеніемъ проистекающихъ отсюда расходовъ на счетъ аванса, разрѣшеннаго на сей предметъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности; представленные же въ настоящемъ засѣданіи снимки передать, черезъ дѣлопроизводителя, въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи.

XII. В. Е. Якушкинъ предложилъ разсмотрѣнію членовъ листокъ со стихотвореніемъ Пушкина, полученный имъ отъ наслѣдниковъ сенатора Неболсина, считающихъ его за автографъ Пушкина.

По разсмотрѣнію рукописи, члены согласились съ мнѣніемъ г. Якушкина, что стихотвореніе это писано не Пушкина рукой.

XIII. Было заслушано полученное г. Предсѣдателемъ Коммиссіи письмо барона А. Б. Вревскаго (изъ Парижа, отъ 23-го февраля с. г.), извѣщающаго, что онъ готовъ принять у себя нынѣшнимъ лѣтомъ командируемаго въ с. Голубово, съ цѣлью ознакомленія съ находящимися тамъ книгами и рукописями, Б. Л. Модзалевскаго.

XIV. В. И. Саитовъ заявилъ, что, въ видахъ болѣе успѣшной дѣятельности Коммиссіи, желательно привле-

ченіе въ ея составъ, въ качествѣ членовъ, П. Я. Дашкова и Д. Θ. Кобеко.

Положено: пригласить въ члены Коммиссіи П. Я. Дашкова и Д. Θ. Кобеко.

V.

Извлеченія изъ протокола засѣданія 20-го октября 1902 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Академикъ А. Н. Веселовскій и члены: академики Θ. Е. Коршъ и А. И. Соболевскій; В. И. Саитовъ, В. Е. Якушкинъ, П. А. Ефремовъ и Д. Θ. Кобеко; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ о томъ, что Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности въ засѣданіи его, въ мартѣ с. г., приглашенъ въ члены Коммиссіи проживающій въ Парижѣ А. Θ. Онѣгинъ (Отто).

III. Предсѣдатель сообщилъ Коммиссіи, что П. И. Бартеневъ, обладающій, какъ извѣстно, большимъ количествомъ рукописей Пушкина, на рескриптъ Августѣйшаго Президента Академіи съ просьбою о присылкѣ ихъ въ Коммиссію, отвѣтилъ, что бо́льшая часть рукописей, у него имѣющихся, уже обнародована имъ, а то немногое, что̀ пріобрѣтено въ послѣднее время, предоставлено имъ въ распоряженіе В. Я. Брюсова, намѣревающагося издать особымъ сборникомъ нѣкоторыя произведенія и письма Пушкина.

Положено: просить В. И. Саитова снестись съ гг. Бартеневымъ и Брюсовымъ для полученія означенныхъ рукописей.

VI. По предложенію г. Предсѣдателя, дѣлопроизводитель доложилъ о томъ, къ кому были посланы обращенія съ просьбою о присылкѣ Пушкинскихъ рукописей, и какіе

отвѣты были получены. — Изъ Университетовъ только Харьковскій прислалъ хранящееся въ его библіотекѣ письмо Пушкина къ Родзянкѣ, а остальные Университеты отвѣтили, что ничего Пушкинскаго они не имѣютъ. Архивныя Коммиссіи: Владимірская — прислала калькъ съ письма Пушкина къ А. А. Фуксъ; Калужская—доставила выпускъ своихъ „Извѣстій“ 1901 г., въ которомъ напечатаны письма Пушкина, хранящіяся въ ея музеѣ, а остальныя отвѣтили, что рукописей Пушкина у нихъ нѣтъ. Саратовскій Радищевскій Музей предложилъ выслать для Коммиссіи фотографическіе снимки съ двухъ хранящихся въ немъ писемъ Пушкина. П. П. Анненковъ, Н. В. Гаевскій и графъ Г. А. Милорадовичъ на запросы Коммиссіи не отвѣтили.

Положено: просить Радищевскій Музей прислать фотографическіе снимки, а въ Калужскую Коммиссію обратиться съ просьбою объ исполненіи, за счетъ Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина, фотографическихъ снимковъ со всѣхъ имѣющихся въ ней автографовъ поэта.

V. Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Коммиссіи вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять для полученія Пушкинскихъ рукописей изъ Парижа, отъ П. Н. Тургенева, который не отвѣтилъ до сихъ поръ на рескриптъ Августѣйшаго Президента, обращенный къ нему 29-го марта (12-го апрѣля) с. г.

Положено: обратиться съ письмомъ къ профессору Лежэ, въ Парижѣ, и просить его повидаться съ г. Тургеневымъ и, частнымъ образомъ, узнать отъ него о принятомъ имъ по поводу просьбы Коммиссіи рѣшеніи.

VI. Предсѣдатель прочелъ письмо Евѳиміи Борисовны Зубовой, обѣщающей, вслѣдствіе просьбы Коммиссіи, въ скоромъ времени привезти въ Петербургъ имѣющіеся у нея подлинники 5 писемъ Пушкина.

Положено: сдѣлать съ этихъ писемъ фотографическіе снимки.

VII. Читано письмо Вл. Ив. Шенрока, сообщающаго на запросъ Коммиссіи, что ему неизвѣстно, гдѣ находятся подлинники писемъ Пушкина къ Языкову. При этомъ г. Шенрокъ обѣщаетъ принять мѣры къ розысканію и сообщенію Коммиссіи двухъ писемъ Пушкина, изъ коихъ одно (записка къ Гоголю) хранится у Н. В. Быкова, внучатнаго племянника Гоголя.

Положено: просить г. Шенрока исполнить его обѣщаніе въ возможно скорѣйшемъ времени.

VIII. Предсѣдатель прочелъ отношеніе г. Министра Императорскаго Двора отъ 11-го октября за № 8270 о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на доступъ В. И. Саитова въ Собственныя Его Величества Библіотеки для снятія копій съ имѣющихся тамъ писемъ Пушкина.

IX. В. И. Саитовъ просилъ вступить въ сношенія съ профессоромъ Алексѣемъ Ивановичемъ Маркевичемъ (въ Одессѣ), которому извѣстно мѣстонахожденіе принадлежавшей покойному И. И. Курису коллекціи автографовъ, среди которыхъ были автографы Пушкина.

Положено: поручить дѣлопроизводителю заготовить письмо къ А. И. Маркевичу.

X. Дѣлопроизводитель представилъ обзору членовъ исполненный, вслѣдствіе постановленія Коммиссіи (протоколъ засѣданія 22-го марта 1902 г., п. II, 2), альбомъ со снимками съ рукописей Пушкина, сдѣланными по заказу покойнаго Л. Н. Майкова, а также — фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ рукописей, полученныхъ отъ П. Я. Дашкова и П. Л. Вакселя, и представилъ два счета (на 20 и 63 р.) за исполненныя по этому поводу работы.

Положено: новые снимки включить въ альбомъ, а счеты оплатить изъ суммы, разрѣшенной къ расходованію на этотъ предметъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности.

XI. В. Е. Якушкинъ представилъ смѣту на изготовленіе фототипическихъ снимковъ съ рукописей, предназначающихся для изданія сочиненій Пушкина. Московскій фототипистъ К. А. Фишеръ берется печатать снимки, въ размѣрѣ 28 × 18, по $3^1/_2$—$3^1/_4$ к. за экземпляръ (при печатаніи 600 экз.), при чемъ цѣна эта можетъ быть еще уменьшена при печатаніи 1200 экз. За фотографіи, съ которыхъ фототипіи дѣлаться не будутъ, г. Фишеръ назначаетъ цѣну отъ 4 до 6 р. за экземпляръ.

Положено: признать условія подходящими и предложить ихъ на разсмотрѣніе Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

XII. Академикъ А. И. Соболевскій высказалъ предположеніе, что въ Историко-Филологическомъ Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ могутъ быть рукописи Пушкина, такъ какъ туда перешла вся библіотека С. П. Шевырева.

Положено: запросить объ этомъ Нѣжинскій Институтъ.

XIII. В. Е. Якушкинъ доложилъ о ходѣ его работъ надъ приготовленіемъ текста стихотвореній Пушкина. Минувшимъ лѣтомъ онъ занимался въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ и въ настоящее время заканчиваетъ просмотръ послѣдней тетради, необходимой ему для II тома собранія сочиненій Пушкина. При этомъ г. Якушкинъ привелъ нѣсколько поучительныхъ образчиковъ его работъ надъ чтеніемъ черновыхъ набросковъ стихотвореній, результатомъ котораго явилось не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи текста и творчества поэта. Въ виду этого, г. Якушкинъ просилъ разрѣшить ему, въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ, приводить иногда и черновыя, зачеркнутыя мѣста, съ точнымъ указаніемъ на количество вымаранныхъ или неразобранныхъ словъ, а также варіантовъ. Наконецъ, онъ прочелъ нѣсколько впервые имъ разобранныхъ отрывковъ изъ черновыхъ рукописей.

Въ настоящее время г. Якушкинъ занятъ подборомъ и обработкою примѣчаній и къ веснѣ думаетъ вполнѣ подготовить къ печати текстъ II тома (1818—1823 г.).

XIV. В. Е. Якушкинъ читалъ записку о планѣ изданія собранія сочиненій Пушкина и о распредѣленіи ихъ по томамъ (см. въ приложеніи). При этомъ В. И. Саитовъ заявилъ, что для переписки Пушкина потребуется не менѣе двухъ томовъ, а потому

Положено: 1) все изданіе заключить въ 12 томовъ, считая I-мъ — выпущенный покойнымъ Л. Н. Майковымъ; во II томъ войдутъ, такимъ образомъ, стихотворенія 1818—1823 г.; въ III — 1824 — 1827 г.; въ IV — 1828—1830 г.; въ V — „Евгеній Онѣгинъ"; въ VI — стихотворенія 1831—1836 г.; въ VII — повѣсти; въ VIII и IX — критическія статьи и прозаическіе отрывки; въ X — историческія работы и статьи и въ XI и XII — переписка; 2) разрѣшить посмѣнную подготовку къ печати то стиховъ, то прозы Пушкина.

XV. В. И. Саитовъ доложилъ о ходѣ его работъ надъ перепискою Пушкина; въ послѣднее время имъ получены были письма поэта: отъ П. А. Ефремова, изъ Московскаго Историческаго Музея (Чертковская Библіотека), Румянцовскаго Музея, Архива Министерства Финансовъ, Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, Харьковскаго Университета и др.,—всего около 160 писемъ Пушкина и къ нему.

XVI. В. И. Саитовъ высказалъ предположеніе, не имѣется ли въ бумагахъ графа М. А. Корфа, пріобрѣтенныхъ недавно Императорскою Публичною Библіотекой, рукописей Пушкина. На это Д. Ѳ. Кобеко сообщилъ, что, какъ ему хорошо извѣстно, въ бумагахъ графа Корфа Пушкинскаго ничего не имѣется.

XVII. В. И. Саитовъ высказался о желательности приглашенія въ составъ Коммиссіи академика А. А. Шах-

матова. Предложеніе это было единодушно привѣтствовано, а потому

Положено: просить А. Н. Веселовскаго передать академику А. А. Шахматову, въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности 2-го ноября, просьбу Коммиссіи принять участіе въ ея засѣданіяхъ.

XVIII. По предложенію Предсѣдателя, дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій сдѣлалъ докладъ о поѣздкѣ своей, по порученію Отдѣленія Русскаго языка и словесности, въ села Тригорское и Голубово въ іюнѣ текущаго года, объ осмотрѣ Тригорской библіотеки и о бумагахъ, имъ оттуда вывезенныхъ. При этомъ А. Н. Веселовскій сообщилъ, что въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности признано желательнымъ напечатать отчетъ г. Модзалевскаго и приложенія къ нему въ особомъ изданіи, которое могло-бы служить органомъ Коммиссіи, и въ которомъ помѣщались-бы разнаго рода матеріалы и изслѣдованія, касающіеся Пушкина и той среды, въ которой ему приходилось вращаться.

Положено: опубликовать отчетъ г. Модзалевскаго и приложенія къ нему въ органѣ Коммиссіи, которому признано наиболѣе подходящимъ дать заглавіе: „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія“.

Приложеніе къ протоколу засѣданія Коммиссіи по изданію сочиненій А. С. Пушкина 20-го октября 1902 года.

Записка В. Е. Якушкина.

Первый томъ сочиненій Пушкина, изданный подъ редакціей Л. Н. Майкова, заключаетъ въ себѣ 17 листовъ текста, на которыхъ даны всѣ стихотворенія до 1817 года включительно. При сравненіи съ изданіемъ Литературнаго

Фонда (до сихъ поръ наиболѣе полное изданіе) мы видимъ, что на 17 листахъ I-го тома помѣстилось 186 страницъ Фондовскаго изданія, т. е. менѣе 12 печатныхъ листовъ. Такимъ образомъ, въ Академическомъ изданіи стихотворенія до 1817 года заняли почти въ полтора раза болѣе мѣста, нежели въ изданіи Литературнаго Фонда. Эта разница зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, Академическое изданіе сдѣлало нѣкоторыя добавленія въ текстѣ (правда, что за то въ изданіи Литературнаго Фонда есть при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ примѣчанія прямо за текстомъ); во-вторыхъ, — и это главная причина, — Академическое изданіе при своемъ большомъ форматѣ оказывается менѣе уемисто: на его страницѣ помѣщается только 34 строки, тогда какъ въ изданіи Литературнаго Фонда на страницѣ 42 строки, т. е. болѣе почти на одну четвертую часть; при этомъ Академическое изданіе даетъ большее количество пробѣловъ, начиная почти всякое стихотвореніе съ новой страницы, почти такъ, какъ это хотѣлъ и дѣлалъ самъ Пушкинъ. Отъ указанныхъ условій и зависитъ то, что Академическое изданіе требуетъ мѣста въ полтора раза болѣе.

Для предварительнаго распредѣленія дальнѣйшаго матеріала по томамъ, я пользуюсь указаннымъ сейчасъ расчетомъ: беру число страницъ въ изданіи Литературнаго Фонда и предполагаю, что въ Академическомъ изданіи отдѣляемый матеріалъ возьметъ въ полтора раза болѣе мѣста. Конечно, это расчетъ предположительный, но довольно вѣроятный. Если въ дальнѣйшихъ томахъ будутъ печататься, между прочимъ, и крупныя произведенія Пушкина, которыя потребуютъ меньшаго увеличенія мѣста, такъ какъ въ нихъ меньше пробѣловъ, то съ другой стороны, согласно принятому плану, подъ текстомъ будутъ бѣловые, печатные варіанты Пушкина. Не имѣя возможности съ точностью учесть вліяніе двухъ указанныхъ осо-

бенностей, я беру прежній расчетъ: 11 страницъ текста изданія Литературнаго Фонда на печатный листъ Академическаго изданія. Пользуясь этимъ расчетомъ, я, примѣняясь къ предположенному числу томовъ (всего 12, одинъ изъ нихъ на біографію, два — для писемъ Пушкина, девять томовъ для сочиненій — одинъ изъ нихъ напечатанъ уже), — предполагаю слѣдующее распредѣленіе матеріала по томамъ:

II томъ — стихотворенія 1818—1824 гг. По изданію Литературнаго Фонда это составляетъ 150 страницъ 1-го тома и 170 стр. 2-го тома, итого 320 стр. Въ Академическомъ изданіи это дастъ . .	29 печатныхъ листовъ текста.
III томъ — стихотворенія 1825—1829 гг.: 1-го тома 38 стр.; 2-го тома 86 стр. и 3-го тома 152 стр.; итого 276 страницъ.	25 листовъ.
IV томъ — стихотворенія 1830 г. и „Евгеній Онѣгинъ“: 2-го тома 40 стр., 3-го тома 269 стр.; итого 309 страницъ . .	28 листовъ.
V томъ — стихотворенія 1831—1836 гг.: 2-го тома 68 стр.; 3-го тома 170 стр.; итого 238 страницъ	21 листъ.

Указанное распредѣленіе по возможности уравниваетъ объемъ томовъ. Помѣщеніе 29 — 30 листовъ текста въ томѣ возможно, потому что предполагается, что примѣчанія, сравнительно съ 1-мъ томомъ, будутъ менѣе обширны; держась приблизительно объема 1-го тома (17 листовъ текста и 29 листовъ примѣчаній и указателя, всего 46 листовъ), будемъ имѣть на примѣчанія болѣе 15 листовъ. Такъ какъ я только что приступилъ къ сводкѣ и отдѣлкѣ примѣчаній, то не могу дать точнаго ихъ расчета, но ду-

маю, что 15—20 листовъ на томъ для примѣчаній должно быть достаточно.

Обращаюсь къ дальнѣйшему матеріалу, — къ прозѣ Пушкина. Она занимаетъ три тома въ изданіи Литературнаго Фонда: томъ IV — беллетристика, около 29 листовъ, томъ V — критическія статьи, записки и пр. — 27 листовъ; томъ VI — „Пугачевскій бунтъ“ и другія историческія сочиненія — 22 листа. Прозаическій текстъ Академическаго изданія будетъ содержать около 27 тысячъ буквъ въ листѣ, тогда какъ въ листѣ изданія Литературнаго Фонда около 35 тысячъ, т. е. послѣдній листъ больше почти на 30%. По этому расчету, въ Академическомъ изданіи будетъ беллетристики до 40 листовъ, критическихъ и журнальныхъ статей до 35 листовъ; историческихъ сочиненій до 30 листовъ текста. По моему предположенію, беллетристика, которая потребуетъ сравнительно немного примѣчаній, можетъ быть вмѣщена въ одинъ томъ (исходя изъ объема I тома); также и историческія сочиненія. Но статьи журнальныя, критическія, записки, т. е. V томъ изданія Литературнаго Фонда, придется, вѣроятно, раздѣлить на два тома, такъ какъ, во-первыхъ, — текстъ 1887 г. долженъ быть дополненъ нѣсколькими статьями, а во-вторыхъ, весь этотъ матеріалъ требуетъ большаго количества подробныхъ примѣчаній. Такимъ образомъ, я предполагаю, что повѣсти займутъ VI томъ Академическаго изданія, журнальныя статьи и проч. составятъ VII и VIII томы, а сочиненія историческія — томъ IX; письма Пушкина, приготовляемыя къ изданію В. И. Саитовымъ, составятъ X и XI томы. Въ этомъ расчетѣ на одиннадцать томовъ я имѣю въ виду то, что было сказано объ объемѣ изданія въ предисловіи къ I тому: изданіе было предположено въ двѣнадцати томахъ, считая одинъ томъ на біографію Пушкина. Такъ какъ планъ изданія нѣсколько измѣнился, и въ программѣ его, поскольку она доселѣ установлена, о

біографіи не говорится, то если бы было признано возможнымъ сдѣлать расчетъ изданія на двѣнадцать томовъ безъ біографіи, т. е. два тома на письма, а десять томовъ на сочиненія, я бы предложилъ нѣсколько иное распредѣленіе по томамъ матеріала собственно стиховъ: предложилъ бы раздѣлить ихъ не на пять, а на шесть томовъ, что̀ уменьшило бы объемъ томовъ и дало бы болѣе равномѣрное распредѣленіе матеріала по томамъ. При такомъ распредѣленіи было бы такъ: I томъ, уже изданный, затѣмъ стихи Пушкина съ 1818 до 1836 года занимали бы томы съ II по VI, при чемъ по томамъ они распредѣлялись бы такъ:

II томъ—стихотворенія 1818—1823 гг.; по изданію Литературнаго Фонда всего 264 страницы	24 печатныхъ листа текста.
III томъ—стихотворенія 1824—1827 гг., всего 244 страницы	22 листа.
IV томъ—стихотворенія 1828—1830 гг., всего 225 страницъ	21 листъ.
V томъ — „Евгеній Онѣгинъ“, всего 190 стр.	18 листовъ.
VI томъ—стихотворенія 1831—1836 гг., всего 238 стр.	21 листъ.

Проза, согласно вышеприведенному расчету, займетъ четыре тома, т. е. томы съ седьмого по десятый включительно. Распредѣленіе стихотворнаго матеріала 1818—1836 гг. не на четыре, а на пять томовъ, помимо большей равномѣрности томовъ, имѣетъ то важное удобство, что, при меньшемъ объемѣ, каждый отдѣльный томъ будетъ требовать меньше труда и времени и можетъ быть скорѣе законченъ.

Относительно порядка приготовленія и печатанія то-

мовъ я позволю себѣ предложить слѣдующее. Въ настоящее время я занятъ изготовленіемъ II тома стихотвореній 1818 — 1824 гг. Я надѣюсь, что я приготовлю этотъ томъ окончательно къ веснѣ 1903 г. Вслѣдъ затѣмъ, я намѣревался бы приняться за приготовленіе тома повѣстей. Прозу Пушкина, говоря вообще, издавать, конечно, гораздо легче, чѣмъ его стихи; поэтому смѣна тома стихотвореній томомъ прозы будетъ представлять извѣстнаго рода отдыхъ для редактора, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать, безъ всякаго ущерба для дѣла, болѣе быстрому появленію одного тома Пушкина за другимъ, что̀ соотвѣтствуетъ желанію Коммиссіи и II Отдѣленія, а также и желанію всей читающей публики. Тутъ надо имѣть еще въ виду и такой случай: окончательная подготовка даннаго тома стихотвореній къ печати задерживается тѣмъ, что еще не полученъ, не добытъ тотъ или другой автографъ Пушкина, находящійся въ частныхъ рукахъ: чтобы не было задержки въ выходѣ изданія, необходимо вообще рѣшить, что тома выпускаются не по порядку нумераціи, а по изготовленію.

Вслѣдъ за II томомъ стихотвореній я ставлю на первую очередь именно томъ повѣстей, такъ какъ, съ одной стороны, ихъ текстъ требуетъ значительнаго исправленія, а съ другой стороны, я занимался имъ неоднократно и работу надъ ними могу закончить сравнительно скоро.

Текстъ повѣстей Пушкина, по объему, — на половину посмертный, а по числу названій — большая часть очерковъ напечатана уже послѣ кончины поэта, въ посмертномъ изданіи, затѣмъ Анненковымъ, Бартеневымъ и другими. При свѣркѣ печатнаго посмертнаго текста съ рукописями оказалось, что повѣсти Пушкина изданы очень неудовлетворительно: въ переводѣ текста вкралось много существенныхъ искаженій, а нѣкоторые отрывки перепутаны, начало одного соединено съ концомъ другого и пр.

Въ описаніи рукописей Пушкина я могъ только указать ошибки этого рода; изъ послѣдующихъ изданій, какъ извѣстно, только одно изданіе Литературнаго Фонда основывалось на Московскихъ рукописяхъ, но оно далеко не использовало ихъ, далеко не исправило всего текста Пушкинскихъ повѣстей. Такимъ образомъ, Академическому изданію предстоятъ двѣ задачи: исправить весь посмертный текстъ повѣстей Пушкина, свѣрить текстъ повѣстей, напечатанныхъ при жизни поэта, съ дошедшими до насъ подлинными рукописями и свести варіанты ко всѣмъ повѣстямъ.

Работа эта сравнительно нетрудная, главнымъ образомъ потому, что рукописный матеріалъ весь сосредоточенъ вмѣстѣ: за передачу рукописей Пушкина въ Румянцовскій Музей русская наука и литература навсегда обязаны благодарностью старшему сыну поэта, А. А. Пушкину. Главная путаница въ посмертномъ текстѣ повѣстей указана была мною еще въ описаніи рукописей Пушкина въ 1884 году, а затѣмъ я занимался этимъ текстомъ еще въ 1886 г., свѣряя „Дубровскаго“ по рукописи для изданія Литературнаго Фонда; теперь, работая надъ тетрадями поэта для Академическаго изданія, помимо того, что отрывки повѣстей попадаются въ разныхъ тетрадяхъ среди стихотвореній, я обратился къ тѣмъ тетрадямъ, которыя спеціально заключаютъ повѣсти, и занимался ими еще съ декабря 1901 г. Такимъ образомъ, у меня уже довольно много сдѣлано для окончательной подготовки текста повѣстей Пушкина къ печати, и я расчитываю въ скоромъ времени, вслѣдъ за II томомъ стихотвореній, приготовить къ изданію томъ повѣстей.

Въ заключеніе позволяю себѣ повторить два свои предложенія:

1) Прошу Коммиссію одобрить то или другое раздѣленіе сочиненій Пушкина по томамъ и

2) прошу также одобрить посмѣнную подготовку то стиховъ, то прозы Пушкина для изданія, или, говоря общѣе, — одобрить, — разъ распредѣленіе по томамъ будетъ установлено, — подготовку къ печати сочиненій Пушкина не въ порядкѣ нумераціи томовъ, а по мѣрѣ удобства.

Поѣздка въ с. Тригорское

въ 1902 году.

(Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ)

Б. Л. Модзалевскаго.

Историческія, очаровательныя по своей живописности мѣста — Михайловское, Тригорское, Голубо́во, Святыя-Горы и ихъ окрестности — уже не разъ привлекали къ себѣ вниманіе нашихъ писателей и ученыхъ. Посѣщенія этихъ мѣстъ начались еще въ концѣ 1840-хъ годовъ и, съ перерывами, продолжались вплоть до настоящаго времени, особенно усилившись въ юбилейномъ 1899 году, когда „Пушкинскіе уголки“ сдѣлались мѣстами, въ которыя стали совершаться цѣлыя паломничества, имѣвшія цѣлью или непосредственное знакомство съ краемъ, въ которомъ проживалъ „поэтъ опальный“, или разысканіе какихъ-нибудь вещественныхъ памятниковъ, касающихся его тамъ пребыванія, или собираніе различныхъ мѣстныхъ преданій, воспоминаній и даже слуховъ. Послѣ извѣстной „Прогулки въ Тригорское“, совершенной въ 1866 году М. И. Семевскимъ, вывезшимъ оттуда множество цѣнныхъ матеріаловъ, хранившихся у Алексѣя Николаевича Вульфа, этотъ поэтическій уголокъ посѣтилъ, лѣтомъ

1896 года, Леонидъ Николаевичъ Майковъ, съ тою-же цѣлью — поискать на мѣстѣ матеріаловъ, которые могли-бы быть ему полезными для его работы — академическаго изданія сочиненій Пушкина. Получивъ отъ теперешнихъ обладателей Тригорскаго и Голубóва кое-какія бумаги, Леонидъ Николаевичъ не могъ заняться разсмотрѣніемъ весьма его интересовавшей Тригорской библіотеки (которая, впрочемъ, привлекала къ себѣ вниманіе и болѣе раннихъ посѣтителей „Тригорскаго зáмка“): послѣдняя представительница семьи Вульфовъ-Осиповыхъ — Марья Ивановна Осипова доживала въ это время свои послѣдніе дни, и Леонидъ Николаевичъ, не желая безпокоить больную и ея близкихъ, долженъ былъ отложить свое намѣреніе до другого, болѣе благопріятнаго случая. Къ сожалѣнію, здоровье Леонида Николаевича не позволило ему и впослѣдствіи, какъ онъ предполагалъ, привести въ исполненіе свое намѣреніе, — и вопросъ о разсмотрѣніи Тригорской библіотеки былъ оставленъ открытымъ.

Въ 1901 году, осенью, Тригорское посѣтилъ извѣстный беллетристъ Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ-Леонтьевъ, помѣстившій затѣмъ, въ № 9220 „Новаго Времени“, фельетонъ („О Пушкинскихъ уголкахъ и Тригорской библіотекѣ“), въ которомъ сообщалъ, что даже при бѣгломъ просмотрѣ книгъ лишь одного изъ шкафовъ библіотеки онъ нашелъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ. „Въ короткій промежутокъ, бывшій въ моемъ распоряженіи“, писалъ г. Щегловъ: „увидѣть, разумѣется, пришлось мнѣ немногое, но и то немногое, что мнѣ посчастливилось выудить на удачу съ нижнихъ полокъ ветхаго книжнаго шкафа, взволновало меня до крайности... Это была коллекція старинныхъ календарей, принадлежавшихъ П. А. Осиповой — иные въ сафьянныхъ переплетахъ, другіе—въ простыхъ, третьи—вовсе безъ переплета. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, на заглавномъ листѣ, знаме-

нательная надпись: „Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Пушкина[1])“. Приведя, затѣмъ, изъ календарей нѣсколько сдѣланныхъ П. А. Осиповою записей, г. Щегловъ продолжаетъ: „Дальнѣйшее обозрѣніе Тригорской библіотеки, уже сквозь запыленныя окна шкафовъ, даетъ, разумѣется, лишь приблизительное, но всё-же характерное отраженіе минувшей эпохи. Сантиментальные французскіе романы и энциклопедическіе словари, домашніе лѣчебники и историческія книги, старинные журналы и альманахи — все это терпѣливо ждетъ спеціальной описи, которая явится, вѣроятно, цѣннымъ комментаріемъ для изслѣдователя „Евгенія Онѣгина“ и его времени“ [2]).

Сообщеніе, сдѣланное г. Щегловымъ, послужило лишнимъ побужденіемъ къ тому, чтобы Академія привела въ исполненіе намѣреніе покойнаго Л. Н. Майкова, — и Отдѣленіе русскаго языка и словесности поручило мнѣ

---

1) При болѣе спокойномъ и внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что надписи эти сдѣланы рукою не Александра Сергѣевича, а его отца Сергѣя Львовича Пушкина, дарившаго календари Прасковьѣ Александровнѣ въ благодарность за мелкія одолженія, которыя она ему оказывала, какъ сосѣдка по имѣнію. Да и находятся эти надписи на календаряхъ съ 1838 года, т. е. уже послѣ смерти поэта (см. ниже, въ каталогѣ библіотеки).

2) Г. Щегловъ вспоминаетъ при этомъ извѣстное описаніе Онѣгинской библіотеки и хочетъ въ книгахъ Тригорскаго найти подтвержденіе стихамъ поэта:

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша...
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ...

съѣздить въ село Тригорское. Главною задачею моею было разсмотрѣніе библіотеки и ближайшее ознакомленіе съ ея составомъ. Я долженъ былъ перебрать всѣ книги съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, не окажется-ли въ нихъ, на поляхъ или въ текстѣ, тѣхъ „рѣзкихъ отмѣтокъ", о которыхъ говорится въ „Евгеніи Онѣгинѣ", ибо извѣстно, что Пушкинъ широко пользовался книгами изъ „Тригорскаго за́мка", — что̀ видно, между прочимъ, и по его письмамъ. Было высказано также желаніе, чтобы я осмотрѣлъ и библіотеку села Голубо́ва, принадлежавшую баронессѣ Евпраксіи Николаевнѣ Вревской, бывшей Зинѣ Вульфъ, — прототипу Татьяны Лариной.

Заручившись предварительнымъ письменнымъ согласіемъ на мой пріѣздъ со стороны нынѣшнихъ владѣльцевъ Тригорскаго и Голубо́ва — баронессы Софіи Борисовны и барона Александра Борисовича Вревскихъ, я выѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ вечеромъ 25 іюня, взявъ билетъ до г. Острова, куда и прибылъ благополучно въ 8 ч. утра 26-го числа, а затѣмъ, по Кіевскому шоссе, направился на почтовыхъ, черезъ село Мясо́во, съ село Вѣче къ любезно обѣщавшему мнѣ свое руководительство и содѣйствіе Павлу Ѳедоровичу Карпову, мѣстному земскому начальнику, извѣстному своими энергичными трудами по устройству въ Святыхъ-Горахъ и въ Михайловскомъ юбилейныхъ торжествъ 1899 года. Проѣхавъ черезъ Мясо́во и у дер. Горохиной-Горы вступивъ въ границы Опочецкаго уѣзда, я въ 3 часа дня 26-го же числа доѣхалъ до с. Вѣча (въ 45 в. отъ Острова), гдѣ былъ встрѣченъ любезными хозяевами — Павломъ Ѳедоровичемъ и Маріею Александровною Карповыми и ихъ дочерью Надеждою Павловною Назимовою, супругой инженера-архитектора Псковского Губернскаго Земства Владиміра Леонидовича Назимова, по проекту и подъ наблюденіемъ котораго производятся

въ настоящее время работы по укрѣпленію въ Святогорскомъ монастырѣ горы съ могилою Пушкина. Павелъ Ѳедоровичъ Карповъ любезно предложилъ мнѣ свезти меня въ Голубо́во и представить баронессѣ и барону Вревскимъ, у которыхъ я хотѣлъ лично попросить разрѣшенія на осмотръ Тригорскаго и на обнародованіе матеріаловъ, которые могъ-бы найти тамъ.

27-го іюня я съѣздилъ съ П. Ѳ. Карповымъ въ Голубо́во, гдѣ представился почтенному хозяину барону Александру Борисовичу Вревскому, его сестрамъ — баронессѣ Софіи Борисовнѣ Вревской и Евѳиміи Борисовнѣ Зубовой, а также баронессѣ Свѣтланѣ Николаевнѣ Вревской, рожд. Лопухиной, женѣ барона Павла Александровича, нынѣшняго Варшавскаго вице-губернатора; тамъ же гостили въ это время: Наталья Михайловна Петропавловская — внучка баронессы Евпр. Никол. Вревской и племянница барона Александра Борисовича — и Марія Владиміровна Зубова, рожд. Эккъ, невѣстка Евѳиміи Борисовны Зубовой.

И баронъ, и баронесса любезно подтвердили мнѣ свое разрѣшеніе осмотрѣть достопримѣчательности Голубо́ва и Тригорскаго и напечатать при своемъ отчетѣ то, что мною будетъ тамъ найдено. Къ сожалѣнію, осмотрѣть Голубо́вскую библіотеку мнѣ не удалось, такъ какъ въ комнатѣ, гдѣ помѣщаются шкафы съ книгами, въ настоящее время лежитъ больная Марья Борисовна Карпова[1]). Впрочемъ, баронъ старался утѣшить меня тѣмъ, что библіотека невелика, очень разрознена и рѣшительно не представляетъ собою ничего замѣчательнаго, будучи, при томъ, составлена почти сплошь изъ книгъ болѣе новаго времени, во всякомъ случаѣ — послѣ-Пушкин-

1) Рожд. баронесса Вревская (род. во Псковѣ 6-го іюля 1833 г.), старшая изъ дѣтей барона Б. А. Вревскаго, вдова Григорія Ѳедоровича Карпова (род. въ 1835, ум. въ 1888 г.).

скаго. Убѣдившись съ грустью въ совершенной невозможности исполнить свое намѣреніе — посмотрѣть библіотеку мнѣ все-таки казалось очень не лишнимъ, — я воспользовался предложеніемъ баронессы Софіи Борисовны посмотрѣть другія достопримѣчательности Голубо́ва, какъ, напримѣръ, серебряный ковшичекъ на длинной ручкѣ, въ которомъ баронесса Евпраксія Николаевна, будучи еще не за-мужемъ, варила жженку для Пушкина, Языкова и Вульфа, а также бережно хранимые ею экземпляры „Онѣгина“, поднесенные ея матери Пушкинымъ (Глава III, Главы IV — V и Главы VI — VII); на двухъ изъ книжекъ, на обложкахъ, рукою Пушкина написано: „Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ Автора“, а на одной (Главы IV — V, изд. 1828 г.) — „Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ А. Пушкинъ. *Твоя отъ твоихъ*. 22 Февраля 1828 г.“. Въ одной изъ книгъ оказалось вложеннымъ посланіе *Н. М. Языкова* къ баронессѣ Е. Н. Вревской, — подлинный автографъ, помѣченный 11-мъ ноября 1845 года[1]). Въ Голубовѣ, кромѣ гипсовыхъ бюстовъ Пушкина и барона А. А. Дельвига, хранятся еще портреты: баронессы Евпраксіи Николаевны *Вревской* (масляными красками, работы, — какъ сообщила мнѣ баронесса С. Б. Вревская, — Т. Г. Шевченка, во 2-й половинѣ 1840-хъ годовъ, подписанный какимъ-то псевдонимомъ); Алексѣя Николаевича Вульфа (масляными красками, 1840-хъ годовъ), Ивана Петровича *Вульфа*, Тверского губернатора (дѣда баронессы Евпр. Ник. Вревской и Ал. Ник. Вульфа), умершаго въ началѣ 1817 года (литографія Paul'я Petit, 1856 г., съ оригинала работы О. А. Кипренскаго съ его извѣстной монограммою: О. К., писаннаго въ Твери въ

1) См. въ Прилож. VII; оно впервые было напечатано въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., № 5; въ послѣднемъ изданіи сочиненій Языкова (Суворинскомъ, 1898 г.), первомъ послѣ изданія Перевлѣсскаго, оно пропущено.

1811 году); а также нѣсколько портретовъ семьи бароновъ Вревскихъ, между прочимъ — небольшой портретъ масляными красками князя Александра Борисовича Куракина, работы Боровиковскаго (въ ростъ, съ бюстомъ Павла I съ правой стороны)[1]) и его-же погрудный портретъ, въ натуральную величину.

Благодаря любезности баронессы Свѣтланы Николаевны Вревской, мнѣ удалось посѣтить и развалины старинной церкви въ погостѣ Вревѣ (въ 1 верстѣ отъ Голубо́ва), живописномъ какъ своимъ расположеніемъ на высокомъ плоскогорьѣ, такъ и этими развалинами. Кирпичная церковь эта, въ готическомъ стилѣ, была спѣшно выстроена княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ къ ожидавшемуся имъ пріѣзду императора Павла I; посвященіе это не состоялось, а между тѣмъ зданіе было закончено и освящено, но, послѣ первой-же службы, обрушилось, какъ только народъ разошелся. Живописныя развалины Вревской церкви виднѣются еще издали, задолго до Врева; онѣ тщательно поддерживаются и въ настоящее время служатъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія семьи бароновъ Вревскихъ. Существуетъ преданіе, что въ то время, какъ умираетъ кто-нибудь изъ нихъ, — колоколъ Вревской церкви, свалившійся при разрушеніи ея въ находящееся у подошвы горы озерко́, глухо въ немъ звучитъ погребальнымъ звономъ. Въ развалинахъ Вревской церкви и около нея, въ особомъ склепѣ, погребены: баронъ Борисъ Александровичъ *Вревскій* (род. 29-го ноября 1805, ум. 17-го декабря 1888 г.), его жена — баронесса Евпраксія Николаевна *Вревская*, рожд. Вульфъ (род. 12-го октября 1809, ум. 22-го марта 1883 г.), и ихъ дѣти: младенецъ баронъ Александръ Борисовичъ, младенецъ баронъ Николай Борисовичъ (род. 15-го іюня, а

1) Съ этого оригинала есть гравюра Вендрамини.

ум. 24-го іюля 1835 г.), Александра Борисовна *Ладыженская*, рожд. бр. Вревская (род. 21-го августа 1840, ум. 7-го іюля 1899 г.), баронъ Алексѣй Борисовичъ *Вревскій* (род. 4-го августа 1845, ум. 21-го августа 1877 г.), баронъ Ипполитъ Борисовичъ *Вревскій* (род. 3-го сентября 1847, ум. 11-го іюля 1889 г.), Михаилъ Ивановичъ *Петропавловскій* (род. 6-го сентября 1830, ум. 3-го сентября 1893 г.) — мужъ баронессы Павлы Борисовны Вревской (род. въ Островѣ 9-го января 1842 г.), Григорій Ѳедоровичъ *Карповъ* (род. 4-го октября 1835 г., ум. 7-го ноября 1888 г.), мужъ баронессы Маріи Борисовны Вревской (род. во Псковѣ 6-го іюля 1833 г.) и баронъ Степанъ Борисовичъ *Вревскій* (ум. въ 1902 г.), владѣлецъ замѣчательнаго по своему живописному мѣстоположенію на берегу красиваго озера сельца Александрова, находящагося въ 1 верстѣ отъ Голубо́ва; онъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ баронессѣ Маріи Михайловнѣ Сердобиной.

28-го числа я отправился, вмѣстѣ съ обязательнымъ П. Ѳ. Карповымъ, въ Тригорское — цѣль моей поѣздки. По пути туда мы побывали въ Михайловскомъ и заглянули въ пустой Михайловскій домъ, а затѣмъ — въ Святогорскомъ монастырѣ на могилѣ Пушкина, вокругъ которой кипѣла работа по укрѣпленію монастырской горы, производимая подъ бдительнымъ надзоромъ В. Л. Назимова[1]).

Посѣтивъ Пушкинскую читальню и богадѣльню въ

1) Съ лѣвой стороны отъ памятника Пушкина — могилы его дѣда и бабки, на которыхъ съ большимъ трудомъ, но съ полной несомнѣнностью можно прочесть: Марья Алексѣевна *Ганнибалъ*, род. 20-го января 1745, ум. 27-го іюня 1818 г.; Іосифъ Абрамовичъ *Ганнибалъ*, род. 20-го января 1744, ум. 12-го октября 1806 г. (а не въ 1797 г., какъ говоритъ Пушкинъ: Соч., т. V, стр. 152). Могилъ отца поэта — Сергѣя Львовича (ум. въ С.Пб. 29-го іюля 1848 г.) и матери — Надежды Осиповны (ум. въ С.Пб. 29-го марта 1836 г.) не сохранилось, или они погребены въ одномъ склепѣ съ сыномъ. Тутъ же погребена мать уважаемаго П. Ѳ. Карпова — Шарлотта Григорьевна *Карпова*, рожд. *Гросманъ* (ум. 14-го ноября 1882 г.).

Святыхъ-Горахъ и побывавъ на Тимоѳеевой-Горѣ, гдѣ погребена Марія Ивановна *Осипова* (род. 27-го іюля 1820, ум. 19-го іюля 1896 г.), я уже къ вечеру попалъ въ Тригорское, и здѣсь, благодаря ходатайству за меня П. Ѳ. Карпова, былъ любезно принятъ постоянно живущимъ въ Тригорскомъ Борисомъ Петровичемъ Бекманомъ, которому и приношу здѣсь мою искреннюю благодарность за всѣ одолженія и содѣйствіе, оказанныя имъ мнѣ во время трехдневнаго моего пребыванія въ Тригорскомъ. Г. Бекманъ тутъ-же указалъ мнѣ библіотечные шкафы, числомъ 4, наполненные книгами. На слѣдующій день, съ утра, я приступилъ къ пересмотру книгъ и составилъ имъ подробный списокъ, который и слѣдуетъ ниже, въ приложеніи I, приведенный въ *нѣкоторый* систематическій порядокъ[1]).

На библіотеку Тригорскаго обратилъ вниманіе уже Семевскій, бывшій тамъ въ 1866 году. Въ описаніи своей поѣздки въ Тригорское[2]) онъ, впрочемъ, лишь кратко упоминаетъ о ней, не описывая подробно. „Въ небольшихъ старинныхъ шкапчикахъ“, говоритъ онъ: „помѣщается библіотека Тригорскаго; новыхъ книгъ не много, но за то я нашелъ здѣсь не мало изданій Новиковскихъ, довольно много книгъ по русской исторіи, нѣкоторыя библіографическія рѣдкости[3]), старинныя изданія русскихъ авторовъ: Сумарокова, Лукина, „Ежемѣсячныя Сочиненія“ Миллера, „Россійскій Ѳеатръ“, первое изданіе „Дѣяній Петра I-го“ — твореніе Голикова и проч. Между прочимъ,

1) При печатаніи списка книгъ, преимущественно 1-го отдѣла каталога, я счелъ полезнымъ раскрыть анонимы и псевдонимы, насколько это представилось возможнымъ сдѣлать при помощи трудовъ Barbier, Querard'a, De-Manne'a и др.

2) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175.

3) „Напр., хоть эта книга: „Дневныя записки путешествія изъ Архипелагскаго, Россіи принадлежащаго, острова Пароса въ Сирію и проч., Сергѣя Плѣщѣева въ исходѣ 1772 г. С.-Пб. 1773, въ 8 д. Эта книжка прежде мнѣ не попадалась подъ руку“. Прим. Семевскаго.

по этому экземпляру и именно въ этой самой комнатѣ Пушкинъ впервые познакомился съ жизнью и дѣяніями монарха, исторію котораго, какъ извѣстно, Пушкинъ взялся-было писать въ послѣдніе годы своей жизни. Но самымъ драгоцѣннымъ украшеніемъ библіотеки села Тригорскаго [является] экземпляръ альманаха „Сѣверные Цвѣты“ (1825 — 1831 годовъ), всѣ пѣсни „Евгенія Онѣгина“ — въ тѣхъ книжечкахъ, какъ онѣ впервые выходили въ свѣтъ и съ такимъ небывалымъ дотолѣ восторгомъ и любопытствомъ перечитывались всею Россіею; сочиненія Баратынскаго, Дельвига, — и всѣ эти книги украшены надписями авторовъ: то „Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой“, то „Алексѣю Николаевичу Вульфу“, съ приписками: „въ знакъ уваженія“, „въ знакъ дружбы“ и т. под. Встарину (какъ сообщилъ мнѣ хозяинъ) библіотека эта была довольно велика, и въ ней было много книгъ съ дорогими гравюрами; она была собрана отцомъ его матери Вымдонскимъ, человѣкомъ по своему времени весьма образованнымъ, находившимся въ сношеніяхъ съ Новиковымъ, едва-ли даже не масономъ и, какъ говорятъ, членомъ Казанской ложи. Вымдонскій былъ прекрасный хозяинъ, любилъ читать и весьма хорошо рисовалъ; рисунки его хранятся до сихъ поръ въ Тригорскомъ....“ [1])

1) Александръ Максимовичъ Вындомскій (или Вымдонскій, какъ раньше писалась эта фамилія) былъ сыномъ Максима Дмитріевича, генералъ-маіора и бывшаго Шлиссельбургскаго коменданта, которому, за службу въ качествѣ надсмотрщика за Анною Леопольдовною и юнымъ ex-императоромъ Іоанномъ Антоновичемъ, было пожаловано, по указу Екатерины II отъ 29-го іюля 1762 г., Тригорское съ 1085 душами крестьянъ. А. М. Вындомскій началъ службу въ 1756 г. въ Семеновскомъ полку, въ 1778 г. былъ капитанъ-поручикомъ, а въ 1780 году, при отставкѣ, получилъ чинъ полковника, послѣ чего поселился въ Тригорскомъ, гдѣ и умеръ 12-го февраля 1813 г.; погребенъ онъ у церкви въ пог. Городищѣ, въ $^1/_2$ верстѣ отъ Тригорскаго. Изъ его литературныхъ произведеній въ печати извѣстно лишь одно стихотвореніе „Молитва грѣшника кающагося“, помѣщенное въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“ 1789 г., ч. II, стр. 22. Кромѣ того, имъ издана отдѣльно: „Записка, какимъ образомъ сдѣлать

Дѣйствительно, книгъ, принадлежавшихъ, судя по надписямъ, А. М. Вындомскому, въ библіотекѣ Тригорскаго сохранилось много; но вообще составъ ея, со времени поѣздки Семевскаго, сильно-таки измѣнился: многихъ книгъ нѣтъ (напр., я не нашелъ ни „Дѣяній Петра Великаго“, ни комплекта „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, ни книги Плещеева, ни „Евгенія Онѣгина“); видно, что библіотеку кто-то даже пытался приводить въ систематическій порядокъ; взамѣнъ утраченныхъ появилось много книгъ духовно-нравственнаго содержанія, въ родѣ путешествій А. Н. Муравьева, сочиненій митр. Филарета, проповѣдей, житій святыхъ и т. под. Кажется, эти книги пріобрѣтались подъ конецъ жизни П. А. Осиповою и ея дочерью — М. И. Осиповою.

Въ Тригорской библіотекѣ, не смотря на то, что она за послѣднее время подверглась, повидимому, значительнымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ, что въ ней вовсе не оказалось книгъ „съ рѣзкими отмѣтками ногтей“ Пушкина-Онѣгина, что мы не нашли тамъ ничего, прямо относящагося къ Пушкину (кромѣ рисунка карандашомъ на экземплярѣ I тома „Клариссы Гарлоу“, о которой онъ, кстати, писалъ изъ Михайловскаго брату Льву Сергѣевичу въ половинѣ ноября 1824 г.: „Читаю Клариссу: мочи нѣтъ, какая скучная дура!“ [1]), — да экземпляра „Стихотвореній Александра Пушкина“ съ тщательно замаранною надписью автора), — не смотря на все это, въ ней нашлось кое-что, по нашему мнѣнію, любопытное: такъ, уже самый составъ ея очень характеренъ для эпохи и наглядно показываетъ намъ, на чемъ воспитывалась Пуш-

---

изъ простого горячаго вина самую лучшую французскую водку; почерпнутыя къ сему правила изъ опыта почтенной публикѣ и любителямъ хозяйства сообщаетъ Александръ Вындомской“, С.-Пб. 1800, изд. 2-е — С.-Пб. 1808. См. также, въ приложеніи XI, стихотвореніе Вындомскаго. *Б. М.*

1) Соч., т. VII, стр. 92.

кинская Татьяна, что она читала, надъ чѣмъ задумывалась и что̀ питало ея воображеніе.

....Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый[1]),
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда[2]);
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена-жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума[3]).

Цѣлая галлерея романическихъ героевъ проходитъ при просмотрѣ книгъ Тригорской библіотеки, въ которой количество романовъ и вообще произведеній изящной литературы XVIII и начала XIX вѣковъ значительно превосходитъ число книгъ другихъ отдѣловъ. Почти всѣ романы, составившіе библіотеку Татьяны, т. е. Евпраксіи Вульфъ, перешли къ ней отъ ея матери Прасковьи Александровны: на многихъ изъ нихъ мы видимъ над-

---

1) Любопытный портретъ его находимъ въ воспоминаніяхъ его родной племянницы — А. П. Кернъ: „Это была замѣчательная партія: мужъ [т. е. Н. И. Вульфъ] нянчился съ дѣтьми, варилъ въ шлафрокѣ варенье, а жена [П. А. Вульфъ, впослѣдствіи Осипова] — гоняла на кордѣ лошадей или читала „Римскую исторію“. Оба они, однако, были люди достойные любви и уваженія“ („Русскій Архивъ“ 1884 г., кн. III, стр. 330).

2) Въ библіотекѣ Тригорскаго есть, дѣйствительно, нѣсколько книгъ съ надписями его имени и фамиліи.

3) И Ричардсонова „Geschichte Herrn Grandison“, и Руссо оказались на лицо въ Тригорской библіотекѣ (см. каталогъ).

пись ея руки, сдѣланную ею сперва какъ „Prascovie de Windomsky“, затѣмъ — какъ „Prascovie Woulff“ и, наконецъ, „Prascovie d'Ossipoff“: очевидно, что и Прасковья Александровна въ молодости, да и въ зрѣлыхъ годахъ такъ же зачитывалась романами, какъ и многія изъ ея современницъ[1]): и Грандисонъ, и Кларисса Гарлоу, и Юлія, и разныя Герміоны, Клары, Георгины, Елизаветы, Христины и т. д., и т. д. съ ихъ героями, — все это налицо въ Тригорской библіотекѣ, все свидѣтельствуетъ о томъ, что его обитательницы старшаго и младшаго поколѣній какъ нельзя болѣе подходятъ къ типамъ, нарисованнымъ Пушкинымъ, и намъ кажется почти несомнѣннымъ, что именно съ нихъ прозорливымъ поэтомъ взято много тѣхъ „наблюденій вѣрныхъ и безпристрастныхъ“, о которыхъ онъ самъ говоритъ въ рукописи предисловія къ первому изданію „Евгенія Онѣгина[2])“.

Кромѣ библіотеки, въ Тригорскомъ нашлось и еще кое-что заслуживающее вниманія: мы разумѣемъ найден-

---

1) См. работу В. В. Сиповскаго: „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій“, С.-Пб. 1899, стр. 5 и сл., гдѣ такъ живо и отчетливо очерчены типы нашихъ любительницъ романовъ XVIII и XIX в.

2) Анненковъ, какъ извѣстно, видитъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Лариныхъ отраженіе Евпраксіи и Анны Вульфъ; о томъ-же свидѣтельствуетъ и братъ ихъ Алексѣй Николаевичъ, говоря въ своемъ „Дневникѣ“: „....Я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, „въ губерніи Псковской“. Такъ я, Дерптскій студентъ, явился въ видѣ Гёттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна-ли одна изъ нихъ“ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, стр. 199). Припомнимъ и надпись Пушкина на экземплярѣ „Онѣгина“, поднесенномъ Е. Н. Вульфъ: „Твоя отъ твоихъ“; кромѣ того, баронъ А. Б. Вревскій говорилъ мнѣ, что имя своей героини Пушкинъ связалъ съ именемъ его матери — баронессы Евпраксіи Николаевны, такъ какъ Татьяна празднуется въ тотъ же день, что и Евпраксія: дѣйствительно, день обѣихъ — 12-е января. Въ супругахъ Лариныхъ также очень много сходнаго съ супругами Вульфами (сравни строфы XXX — XXXVI главы II „Евгенія Онѣгина“). Черты Анны Вульфъ — Ольги — отчасти обрисовываются и изъ прилагаемыхъ ниже писемъ къ ней брата Алексѣя Николаевича.

ныя нами письма и бумаги Прасковьи Александровны Осиповой и Алексѣя Николаевича Вульфа. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить три письма А. И. Тургенева къ П. А. Осиповой (прилож. II), весьма содержательныя и любопытныя, какъ и всѣ вообще его письма; затѣмъ — письма къ П. А. Осиповой ея кузины Екатерины Евгеньевны Кашкиной (извлеченіе см. въ прилож. III); далѣе — письма А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской) къ А. Н. Вульфу (прилож. IV), копія съ письма князя П. А. Вяземскаго къ О. С. Пушкиной (Павлищевой) (прилож. V); письма А. Н. Вульфа къ сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ, относящіяся къ 1828 — 1853 гг. (прилож. VI), пополняющія намъ образъ Алексѣя Николаевича, столь живо нарисованный Л. Н. Майковымъ („Пушкинъ", С.-Пб. 1899), сѣтовавшимъ на недостатокъ матеріаловъ для болѣе отчетливой біографіи этого пріятеля Пушкина; извлеченія изъ писемъ къ нему отъ А. И. Колзаковой (прилож. XI); наконецъ, нѣсколько бумагъ дѣлового содержанія (прилож. VIII[1]), рисующихъ намъ Вульфа — сельскаго хозяина и его отношеніе къ реформѣ 1861 г., въ которой онъ хотя и принималъ активное участіе въ качествѣ члена Тверского Комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (1858 г.), но на которую смотрѣлъ со своей точки зрѣнія, слишкомъ ревниво отстаивая свои „права" отъ посягательствъ принадлежавшихъ ему „душъ мужеска и женска пола", въ коихъ видѣлъ своихъ личныхъ враговъ. Въ этомъ отношеніи многочисленныя сохранившіяся въ Тригорскомъ бумаги: заявленія, жалобы, протесты, разсчеты и учеты весьма характерны для біографіи Вульфа, который изъ „Гёттингенскаго студента съ вольнолюбивыми мечтами, духомъ пылкимъ и востор-

1) Нѣкоторыя бумаги писаны отъ имени Маріи Ивановны Осиповой, но всѣ — рукою А. Н. Вульфа, почему мы и считаемъ *его* авторомъ этихъ любопытныхъ документовъ.

женною рѣчью“ [1]), столь прельщавшими Пушкина и Языкова, превратился съ годами въ хозяина-скопидома, правда, не утратившаго способности живо всѣмъ интересоваться, но на первый планъ поставившаго заботы о хозяйствѣ и о приращеніи своихъ доходовъ. И правда: принявъ имѣніе, послѣ смерти матери, въ очень запутанномъ положеніи, А. Н. Вульфъ, ко времени своей смерти, привелъ его въ блестящее состояніе, не смотря на совершившуюся вскорѣ реформу и всеобщее „оскудѣніе“, изъ котораго, какъ извѣстно, благополучно вышли лишь немногіе помѣщики. О Вульфѣ до сихъ поръ сохранилась въ краѣ память, какъ о „строгомъ баринѣ“, никому не дававшемъ поблажки.

Ко всему этому я счелъ нелишнимъ присоединить здѣсь: выборки изъ „Мѣсяцеслововъ“ П. А. Осиповой (прилож. IX), при чемъ извлекъ изъ нихъ лишь то, что можетъ представлять хотя-бы малѣйшій *общій* интересъ, а также — изъ двухъ альбомчиковъ или записныхъ книжечекъ, принадлежавшихъ П. А. Осиповой и ея отцу А. М. Вындомскому [2]).

Изъ портретовъ, хранящихся въ Тригорскомъ, укажу прежде всего карандашный портретъ Пушкина, писанный J. V. (то-есть, J. Vernet) [3]), восхитительный по своей работѣ, сохранности и, несомнѣнно, самый сходный съ ори-

---

1) „Евгеній Онѣгинъ“, гл. II, стр. VI.

2) Прилож. X. Кромѣ того, въ Тригорскомъ еще нашлись: большое количество писемъ къ П. А. Осиповой графа Карла Верри-делла-Бозіа (на нѣмецкомъ языкѣ, съ 1818 г.), письма къ ней-же отъ Николая Разлуцкаго (1816 — 1817 г.), нѣсколько писемъ нѣкоего Cottard'a (на франц. яз., 1814 г.), Павлы Иван. Дашковой (1838 — 1842 г.) и нѣсколько писемъ къ А. Н. Вульфу отъ родныхъ и знакомыхъ. Всѣ они общаго интереса не представляютъ.

3) Фототипія съ увеличенной, слѣдовательно, искаженной копіи съ него помѣщена въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки, изд. подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго“, С.-Пб. 1899, л. 3.

гиналомъ, — судя по маскѣ поэта; портретъ этотъ виситъ въ наглухо-закрытой, необитаемой нынѣ комнатѣ М. И. Осиповой и подвергается всѣмъ случайностямъ, огню и водѣ, т. е. сырости; такой драгоцѣнности, нѣтъ сомнѣнія, гораздо болѣе прилично было-бы храниться въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ или въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ-бы онъ могъ быть доступенъ для обозрѣнія публики и гдѣ-бы менѣе подвергнутъ былъ дѣйствію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Затѣмъ, въ одной изъ комнатъ Тригорскаго висятъ на стѣнѣ портреты: Пушкина (гравюра Гейтмана изъ „Кавказскаго Плѣнника“, — отдѣльный оттискъ на *большомъ* листѣ, но, еще въ давнія времена, варварски сложенный и вставленный въ небольшую старинную рамку), барона А. А. Дельвига и А. И. Тургенева (о которомъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ къ П. А. Осиповой отъ 10-го февраля 1837 г.), — оба литографіи; затѣмъ — портретъ Алексѣя Николаевича *Вульфа*, акварель художника Григорьева, писанная съ натуры въ Петербургѣ 28-го сентября 1828 г., передъ отправленіемъ Вульфа на войну[1]), а также портретъ масляными красками Ивана Сафоновича *Осипова*, женскій портретъ (г-жи *Кашкиной*), также масляными красками, и прелестный портретъ — пастель Евгенія Петровича *Кашкина*, двоюроднаго дѣда П. А. Осиповой[2]).

1-го Іюля я закончилъ разборку и описаніе библіотеки, посѣтилъ кладбище погоста Городища, въ $^1/_2$ верстѣ отъ Тригорскаго, гдѣ близъ церкви погребены: Прасковья Александровна *Осипова* (род. 23-сентября 1781, ум. 8-го апрѣля 1859 г.), ея второй мужъ ст. сов. Иванъ Сафоновичъ *Осиповъ* (ум. 5-го февраля 1824 г.), Алексѣй

1) Воспроизведенъ, по копіи съ него, сдѣланной барономъ Пав. Ал. Вревскимъ, въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки“, л. 21.

2) Теперь этотъ портретъ баронессою С. Б. Вревскою переданъ Ник. Серг. и Ник. Ник. Кашкинымъ.

Николаевичъ *Вульфъ* (род. 17-го декабря 1805[1]), ум. 17-го апрѣля 1881 г.) и дѣдъ его полковникъ Александръ Максимовичъ *Вындомскій* (ум. 12-го февраля 1813 г.) и погостъ Вороничи (рядомъ съ Городищемъ), гдѣ у Воскресенской церкви погребенъ „помѣщикъ села Петровскаго[2]), чиновникъ 14-го класса Веніаминъ Петровичъ *Ганнибалъ*", умершій 23-го декабря 1839 г., на 65 году жизни[3]).

Возвратившись въ тотъ-же день въ Вѣче и поблагодаривъ гостепріимныхъ П. Ѳ. и М. А. Карповыхъ за ихъ любезный пріютъ и содѣйствіе въ исполненіи моей задачи, я вечеромъ двинулся въ обратный путь. На станціи Мясо́во, сидя, въ ожиданіи лошадей, на постояломъ дворѣ, я пріобрѣлъ у содержателя его случайно замѣченный мною на стѣнѣ акварельный портретъ (работы Шаде) Николая Игнатьевича *Шёнига* (род. въ 1795, ум. въ 1860 г.), пріятеля и, кажется, родственника А. Н. Вульфа (о немъ онъ упоминаетъ въ своемъ „Дневникѣ"), знакомца Пушкина, помѣщика сельца Духова́, близъ г. Острова и автора весьма цѣнныхъ и любопытныхъ воспоминаній, частію обнародованныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 и 1881 годовъ.

Б. Модзалевскій.

19-го октября 1902 г.
С.-Петербургъ.

---

1) По метрикѣ А. Н. Вульфа видно, что онъ родился въ Тригорскомъ-же; воспреемникомъ его былъ генералъ-отъ-инфантеріи Мих. Мих. Философовъ, а воспреемницею — старшая сестра Анна Николаевна Вульфъ.

2) Село Петровское — въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго, на берегу озера Петровскаго, черезъ которое протекаетъ р. Сороть. Послѣ Ганнибала оно перешло къ нѣкоему Компаніону, отставному офицеру. Дочь его, Клара Ѳедоровна, вышла замужъ за Ос. Ос. Князевича (ум. въ 1888 г.), владѣльца села Воскресенскаго, близъ Святыхъ-Горъ.

3) О немъ см. любопытныя подробности въ „Воспоминаніяхъ", Л. Н. Павлищева.

Приложеніе I.

Каталогъ библіотеки села Тригорскаго.

Отдѣлъ I.

Изящная литература (собранія сочиненій, поэзія, романы, повѣсти, альманахи и т. под.).

1) Собраніе сочиненій Якова *Княжнина*, С.-Пб. 1787, 3 т.

2) Полное собраніе сочиненій Мих. Вас. *Ломоносова*...., ч. III и IV, С.-Пб. 1784 — 1785.

3) Опытъ дружбы. Комедія съ аріями, въ двухъ дѣйствіяхъ, взятая изъ нравоучительныхъ сказокъ г. *Мармонтеля*.... Перевелъ съ франц. *Василій Вороблевскій*. М., s. a.

4) Hermione, ou journal de deux orphelines. Traduit de l'anglais par *I.* et *J. P.* — Paris. 1803, 4 т.

5) Le Prieuré de Derwent, 2 т. (безъ обложекъ).

6) Clara et Emmeline; par Miss *H*.... Auteur de Louise, ou la Chaumière. Traduit de l'Anglais. 2 т. Londres. 1788. [Par *Elisabeth Helme*].

7) Les amours des Anges et les Mélodies Irlandaises. De *Thomas Moore*. Traduction de l'anglais par M-me *Louise Sw-Belloc*. Paris. 1823.

Съ литографированнымъ портретомъ Мура. Изящный экземпляръ въ переплетѣ, обернутомъ въ синюю бумагу, на которой рукою П. А. Осиповой написано: „Les poesie [sic] de Moore". Въ книгѣ вложены цвѣты.

8) Histoire de M-r le Marquis de Cressy, traduite de l'Anglois par Madame de***. Amsterdam. 1758. [Par Mad. *Riccoboni*].

Въ одномъ переплетѣ со слѣдующимъ №:

9) Recueil de pièces détachées. Par Madame *Riccoboni*. Amsterdam. 1765.

10) Géorgina. Histoire véritable; par l'auteur de Cécilia. Traduite de l'anglois par M. *V*****. Genève. 1788. 4 т., въ 2 переплетахъ. [Par Mistriss *Howel*].

11) Les enfants de l'Abbaye, par M-me *Regina-Maria Roche;* traduit de l'anglais par *André Morellet*. Paris, s. a. (конца XVIII — нач. XIX в.), 6 т. (defic. т. I); съ гравированною картинкою при каждомъ томѣ.

12) La visite nocturne, traduite de l'anglais par *Maria-Regina Roche*, auteur des Enfants de l'Abbaye. Paris. 1801, 5 т., съ гравированными картинками.

13) Le danger de l'Enthousiasme, ou les illusions de la vie. Paris. 1802, 2 т.

14) Elisabeth de S***, ou l'histoire d'une Russe, publiée par une de ses Compatriotes. Paris. 1802, 2 т. (не полный экземпляръ). [Соч. гр. *Н. И. Головкиной*].

15) Nouveaux Contes moraux et nouvelles historiques. Par Madame de *Genlis*. Paris. 1805, тт. II et III.

16) Christine et Sigefroit, ou le triomphe de l'amour. Par *B*** C****. Avec figure. Paris. An VI [1798].

17) Six nouvelles. Par M. *Fiévée*. 2 т. Paris. 1803.

18) Oeuvres complètes et inédites de *Millevoye*. Troisième édition. Paris. 1824, тт. II — VI.

19) Poêmes et opuscules en vers et en prose par M. *Campenon*. Paris. 1823, т. I.

На листкѣ передъ титуломъ чернилами написано: „A M-lle Marie Ossipoff".

20) Poésies diverses par *Edmond Géraud*. 2-e édition. Paris. 1822.

Чернилами поставлены буквы: M. O. (т. е. Марія Осипова).

На стр. 54-55 карандашомъ отчеркнута строфа:

„Eteins, je t'en conjure, une flamme insensée,
Et que le souvenir d'un tendre égarement
Ne fasse plus de ma pensée
Et le bonheur et le tourment.

Въ томъ-же томѣ: „Six romances par M. *P. M. Lorrando*" (стр. 249-281).

21) Les deux amis. Par M-me *De Pienne*. 2 т. Paris. 1804.

На книгѣ надписи: „De la bibliothèque de Jean de Karizna" и „T. de Voulff".

22) L'homme en masque de fer. Par *J. J. Regnault-Warin*, auteur du Cimetière de la Madeleine, etc., éditeur des Oeuvres de Berquin. Paris. 1804, 4 т. (не достаетъ части I и всего II тома).

23) Lettres de Madame la marquise de *Pompadour*..... Londres. 1776, 3 части въ 1 переплетѣ.

24) Lettres de Ninon de Lenclos au Marquis de Sevigné. Avec sa vie. Paris. 1763, 2 т. въ 1 переплетѣ; съ портр. [Par *L. Damours*].

25) Laure, ou lettres de quelques femmes de Suisse. Genève. 1786, 7 т. [Par *Samuel Constant*].

26) Histoire d'Agathe de St. Bohaire. Amsterdam. 1769, 2 т. въ 1 переплетѣ. [Par *J.-P.-Frénais*].

27) Histoire de Miss Jenny, écrite et envoyée par elle à Milady Comtesse de Roscomond, Ambassadrice d'Angleterre à la Cour de Danemark. Par Madame *Riccoboni*. Paris. 1764, 4 т. въ 2 переплетахъ.

28) Histoire d'Emilie Montague. Par M. *Brooke*, imitée de l'Anglois par M. *Frenais*. Paris. 1770, 5 частей въ 2 переплетахъ.

29) Les Impératrices Romaines, ou Histoire de la Vie, et des intrigues secrètes des femmes des douze Césars, de celles des Empereurs Romains et des Princesses de leur sang. Par M. de *Serviez*. Paris. 1728, т. III.

30) Oeuvres de *Valentin Jamerai Duval*, précédées des mémoires sur sa vie. Avec figures. A St.-Pétersbourg et se vend à Strasbourg chez J. G. Treuttel, libraire. 1784, 2 т.; посвящено императрицѣ Екатеринѣ II. Съ гравированными: портретомъ Дюваля и виньетками.

31) Anna Rose-Tree, histoire angloise. Par Madame de *Malarme*. Bruxelles. 1785, 2 т. въ 1 переплетѣ.

32) Les plus belles lettres françoises sur toutes sortes de sujets, tirées des meilleurs auteurs, avec des notes. Par *P. Richelet*. Paris. 1755, 2 т.; съ гравиров. портретомъ Richelet и картинкою.

33) Modèles de lettres sur différents sujets. ...Paris. 1774.

34) La vie la Marianne, ou les aventures de Madame la Comtesse de***. Par Monsieur de *Marivaux*. Francfort. 1750, 2 т.; съ гравиров. картинками.

35) Mémoires de Miss Sidney Bidulph, extraits de son journal et traduits de l'anglois. Amsterdam. 1762, 3 т. [Par M-me *Shéridan*, перев. *J.-B.-R. Robinet*].

36) Mémoires de Miss Sidney Bidulph; par l'auteur des Mémoires pour servir à l'histoire de la Vertu. Paris. 1768, 2 т. [Par l'abbé *A.-F. Prévost*].

37) Herbert, ou Adieu Richesses, ou les Mariages. A Edimbourg. 1788, 3 т. [Перев. *P. Bernard de La Mare*].

38) Lettres d'Adelaïde de Dammartin, comtesse de Sancerre, à Monsieur le Comte de Nancé, son ami. Par Madame *Riccoboni*. Paris 1767; 2 т. въ 1 переплетѣ.

39) Lettres de Mylord Rivers à Sir Charles Cardigan.

Par Madame *Riccoboni*. Amsterdam. 1777; 2 т. въ 1 переплетѣ.

40) La jolie fille de Perth.... Par Sir *W. Scott*, trad. de l'anglais par M. *A.-J.-B. Defauconpret;* 4 т. Paris. 1828.

Рукою П. А. Осиповой написано на книгѣ: „De la bibliothèque de Trigorsk".

41) Walsingham, ou l'enfant des montagnes. Par Marie *Robinson*, auteur d'Angelina, d'Hubert de Sévrac, de la Veuve etc. etc. etc. Paris, s. a. (начало XIX в.), тт. I, II, III и V.

42) Frédéric. Par *J. F.*, auteur de la Dot de Suzette. Londres. 1799, 2 т. [Par *J. Fiévée*].

43) Oeuvres de Madame de *Tencin*. Amsterdam. 1786, 7 т.

Съ гравированнымъ портретомъ Claudine-Alexandrine Guérin de Tencin (née en 1681 — 1749). На 2-мъ томѣ рукою П. А. Осиповой написано:

L'amour est eternel
Lorsqu'il est vertueux.

44) Les soirées Provençales, ou lettres de M. *Bérenger*, écrits à ses amis pendant ses voyages dans sa patrie. Paris. 1787, 3 т.; съ гравиров. картинками.

45) Nouvelle bibliothèque de Société, contenant des faits intéressants, des Mélanges de littérature et de Moral, des variétés historiques, un choix de bons Mots, des Poésies fugitives, des Contes en vers et en prose etc. Londres. 1782, т. I, III и IV. [Rédigée par *C.-S. Sautreau de Marsy*].

46) La dot de Suzette, ou l'histoire de M-me de Senneterre, racontée par elle-même. Paris. An IV (1796); съ гравированною картинкою. [Par *J. Fiévée*].

47) Lettres et épitres amoureuses d'Héloïse et d'Abeilard. Nouvelle édition. Londres. 1784, 2 т. въ 1 переплетѣ; съ гравиров. картинками.

На книгѣ надписи: „Des livres de Semïon Be-

chetzow“ (Бѣшенцовъ?); „Des livres de Michel Lodiguine“.

48) Oeuvres de Monsieur *Gresset*, de l'Académie Françoise. Londres. 1768, 2 т.

На книгѣ надпись: „Ce livre apartien [sic] à Prascovie Windomsky“.

49) Alcibiade enfant. Paris. An III (1795). 4 т., съ гравированными картинками.

т. II — Alcibiade jeune homme;

т. III — Alcibiade homme-fait;

т. IV — Alcibiade vieillard.

50) Oeuvres complettes d'*Young*, traduites de l'anglois par M. *Le-Tourneur*. Paris. An IV ou 1796, 5 т.; съ 12-ю гравированными картинками.

На 1-мъ томѣ ярлычекъ книгопродавца: „à Moscou, chez F. Courtener“. На чистомъ послѣ переплетной крышки листкѣ рукою П. А. Осиповой написано:

О Юнгъ, нещасныхъ другъ, несчасныхъ утешитель,
Ты бальзамъ въ сердце льешь, сушишь источникъ слезъ,
И съ смерьтію дружа, дружишь ты насъ и съ жизнью.

Въ текстѣ многія мѣста отмѣчены по полю карандашомъ ею-же и сопровождаются замѣчаніями, напр.: „cette idée est consolante“ (т. I, стр. 47), „Coeurs heureux! vous y troverez moien de charmes“ (ib., стр. XLVII).

На т. III надпись — Prascowie de Woulff“, а на V — та-же надпись, но „Woulff“ зачеркнуто и позже написано: „Vindomsky, L'année 1797“.

51) Pierre le Grand. Tragédie en 5 actes. Par M. *Dorat*. Paris. 1779.

52) Adélaide de Hongrie. Tragédie en 5 actes et en vers. Par M. *Dorat*. Paris. 1774.

53) Phèdre et Hippolyte. Tragédie en 5 actes et en vers. Par M. *Racine.* Paris. 1774.

На книгѣ надпись: „Александра Ушакова".

Въ томъ же переплетѣ:

53a) Le dépit amoureux, comédie en 5 actes et en vers; de *Molière.* Paris. 1777.

54) Jérusalem delivrée. Poème de *Tasse.* Nouvelle édition. Paris. 1785, 5 т.

На книгѣ надпись: „De la bibliothèque Prascovie de Windomsky".

55) Chefs-d'oeuvres de *Corneille.* Paris. 1800, 4. т.

55a) Histoire de Gil-Blas de Santillane. Par *Lesage.* Paris. 1823, 3 т.

56) Le Sylphe; traduit de l'anglois. Genève. 1784, 2 т. въ 1 переплетѣ. Романъ. [Перев. *Piere Le-Tourneur*].

57) Bibliothèque de campagne, ou amusemens de l'esprit et du coeur. Amsterdam. 1758 — 1779, т. III, IV, V и VI, въ коихъ помѣщены: La Princesse de Cleves; Le Prince de Condé, nouvelle historique par Edme *Boursault*; Le Bélier, conte par Ant. Comte de *Hamilton*; Histoire de Fleur-d'Epine, conte par *le même*; Histoire d'Iris, par *Poisson*; Académie galante и т. под. романы вольнаго содержанія.

58) Lettres d'Emérence à Lucie. Par Madame *le Prince de Beaumont*, 2 т. Leipsick. 1765. Романъ.

59) Marie de Sinclair. Paris, An VI (1798). Съ картинкою. Надпись: „M. de Woulff". Романъ. [Par Angélique *Caze de La Bove,* marquise *de Blanville*, dame *B. Ducos*].

60) Les confidences d'une jolie femme. Amsterdam. 1784 — 1788, 4 т. въ 1 переплетѣ. Романъ. [Par Mademoiselle *d'Albert*].

61) Voyages dans la caverne du malheur et les repaires du désespoir; traduit de l'allemand de *Spiess* par *C. . . L. . . Sevelinges.* Paris. 1801, 2 т. Романъ.

62) Les contradictions, ou ce qui peut en arriver. Paris, s. a. [1799 г.]. Романъ. [Par M-me *Guizot*, née de *Meulan*].

Надпись: „De la bibliothèque de Voulff".

63) Bélisaire. Par M. *Marmontel*. A Maestricht. 1782.

Надпись: „Prascovie Woulff".

64) Cyrus. Tragédie en 5 actes par M. *Turpin*. Paris 1773.

65) Les paysages, ou essais sur la nature champêtre. Poëme par *C.-F.-A. Lézay-Marnésia*. Paris. 1800.

66) Mémoires et aventures d'un homme de qualité, qui s'est retiré du monde. Paris. 1766, тт. III — VII. [Par l'abbé *A.-F. Prévost*].

67) Galatée, roman pastoral, imité de Cervantes par M. *De Florian*. Paris. 1789.

68) Théâtre de société. Par l'auteur du Théâtre à l'usage des jeunes personnes. En Suisse. 1781. 2 т. [Par M-me de *Genlis*].

69) L'esprit d'Addisson, ou les beautés du spectateur, du Babillard et du Gardien..... par Mr. *J. P. A.* — Yverdon. 1777, 3 т.

Надпись: „Prascovie W"[oulff]; въ книгѣ есть нѣсколько отмѣтокъ П. А. Осиповой.

70) Lettres de Messire Roger de *Rabutin*, comte *de Bussy* . . . . . avec les reponses. Amsterdam. 1788, т. II — VI. Съ портретомъ Bussy-Rabutin'a.

71) Lettres angloises, ou histoire de Miss Clarisse Harlove. Nouvelle édition, augmentée de l'Eloge de *Richardson*, des lettres posthumes et du Testament de Clarisse. Paris. 1777, 14 томовъ, въ 7 переплетахъ, со многими гравированными картинками. [Переводъ абб. *Prévost*].

На чистомъ, послѣ переплетной крышки, листкѣ, въ т. I находится женскій поясной портретъ въ профиль, съ накинутой на плечи шалью; рисованъ онъ несомнѣнно *Пушкинымъ* (срв. его черновыя тетради

и рисунки, воспроизведенные въ Альбомахъ Пушкинскихъ выставокъ, и письмо къ брату въ ноябрѣ 1824 г.).

72) Epreuves du sentiment. Par M. *D'Arnaud*. Paris. 1773, тт. I — II и IV — VI. Повѣсти.

73) Collection complète des oeuvres de *J. J. Rousseau*, citoyen de Genève. Genève. 1782, т. II.

74) Ethelinde, ou la recluse du lac. Par *Charlotte Smith*. Paris. 1796, 4 т.; весьма трепаный экземпляръ, безъ обложекъ.

75) Charles et Marie. Par l'auteur d'Adèle de Senance. [sic]. Paris. 1802. Романъ. [Par Adèle *Filleule*, baronne de *Souza*].

76) Mémoires d'Athanaïse, par Madame *Guénard*, auteur d'Irma, des Mémoires de Madame la Princesse de Lamballe etc., Paris. 1803, 3 т. Романъ.

77) L'amour et la philosophie. Par *Berriat-Saint-Prix*. Paris. 1801, 5 т. Романъ.

78) Les O'Brien et les O'Flaherty, ou l'Irlande en 1793. Par Lady *Morgan*, trad. par *J. Cohen*. Paris. 1828, 6 т.

79) Soirées d'été, ou varietés sentimentales et champêtres. Lausanne. 1795.

80) Le Mérite des femmes et autres poésies. Par *Gabriel Legouvé*. Paris. 1813.

81) La famille de Halden, traduit de l'allemand d'*Auguste La-Fontaine* par *M. V.*..... Paris. 1803. Романъ.

82) Eugénie et Mathilde, ou Mémoires de la famille du comte de Revel. Par l'auteur d'Adèle de Senange. Paris. 1811, 3 т. Романъ. [Par M-me de *Souza*].

83) Laure et Auguste. Histoire véritable, redigée dans une suite de lettres par une jeune Dame; traduit de l'Anglois. Par *Béranger*. Paris, s. a. [1798], 2 т.

84) Fleming fils, ou la manie des systèmes, traduction libre de l'allemand d'*Auguste Lafontaine*. Par Ma-

dame de *Cerenville*, traducteur du baron de Fleming. Paris. 1803, 3 т.

85) Claire d'Albe. 1799, s. l. Романъ. [Par M-me *M.-J. Risteau*, veuve *Cottin*].

86) Oeuvres choisies de M. *Dorat*. Paris. 1786, т. III.

87) Don Quichotte de la Manche, traduit de l'espagnol par *Florian*. Paris. 1812, 4 т.

Надпись на книгахъ: „Olga Pouchkine".

88) Fingal, poëme d'*Ossian*, et autres poésies galliques en vers français par *A. Saint-Michel*. Paris. 1820.

89) Hortense et Sélicourt. Par *H. Lemaire*, auteur de Virginie Bellemont, Rosine etc. Paris. 1799. Романъ.

90) L'amant bourru, comédie en 3 actes. Par M. de *Monvel*. Stockholm. 1783; и рядъ другихъ комедій; переплетены въ 3 томика.

91) Les oeuvres de Monsieur de *Crebillon*. Paris. 1743, 3 т.

Надпись: „Pierre Woulf".

92) Mémoires de Madame la marquise de *Pompadour*. Londres. 1776, 2 т.

93) Le Magasin des pauvres, artisans, domestiques et gens de la campagne, par Madame *Le Prince de Beaumont*, 2 т. Lion. 1768.

94) Oeuvres mêlées de Madame *Le Prince de Beaumont* Maestricht. 1775, 6 т.

95) Nouveaux proverbes dramatiques, ou recueil de comédies de société. Par M-r *G***. Liège. 1785. [Par *C.-G.-T. Garnier*].

96) Oeuvre de *Jacques Delille;* avec..... des notes en allemand..... par *J. H. Meynier*. Coburg. 1804.

97) Le nouveau Werther, imité de l'allemand. Neuchatel. 1786. [Par le marquis *J.-M.-J. Fleuriot de Langle*].

98) Le Mercure galant, comédie.... Paris. 1768.

99) Les bourgeoises à la mode, comédie par M. *D'Ancourt*. Paris. 1761.

100) Eugénie. Drame..... par M. de *Beaumarchais*. Paris. 1778.

101) Christophe le Rond, comédie par M. *Dorvigny*. Londres. 1782.

102) L'école des maris, comédie de *Molière*. Paris. 1761.

103) Le faux savant, comédie par M. *du Vaure*. Paris. 1772.

104) L'épreuve réciproque, comédie par le sieur *Alain*. Toulouse. 1782.

Всѣ эти 7 комедій (съ № 98), и еще 5 другихъ, въ одинаковыхъ переплетахъ.

105) Metusko, ou les polonais. Par *Pigautl-Lebrun*. Troisième Nouvelle. Paris. 1800.

106) Les erreurs de la vie, ou mémoires de Félice; par *François Pagès*, auteur de l'Histoire secrète de la révolution française. Paris. s. a. (начало XIX в.), 2 т.

107) Carite et Polydore. Par *J. J. Barthélemi*, auteur du Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Lausanne. 1796.

108) La rencontre au Garigliano, ou les quatre femmes. Traduit de l'Allemand de *Bazile Ramdohr*, par *Isabelle de Montolieu*, auteur de Caroline de Lichtfield et traducteur des Tableaux de Famille. Paris. 1803.

109) Ainsi finissent les grandes passions, ou les dernières amours du Chevalier de.... Publiées par M. *Loaisel de Tréogate*. Paris. 1788, 2 т.

110) La Duchesse de Lavalière. Par Madame de *Genlis*. 5-e édition. Paris. s. a. (начало XIX в.).

111) Le naufrage. Traduit de l'anglais de Miss *S. H. Burney*. Paris. 1816, 2 т.

112) Voyage autour de ma chambre, suivi du Lépreux de la cité d'Aoste; nouvelle édition, d'après celle de Saint-Pétersbourg (1812), revue et augmentée. Paris. 1823. [Par *Xavier de Maistre*].

113) Les méprises, ou les illusions du plaisir; lettres du

comte d'Orabel, pour servir à l'histoire de sa vie. Redigées et mises au jour par M. *Nougaret*. Berlin. 1780, 2 т. въ 1 переплетѣ. Романъ.

114) Oeuvres choisies de l'Abbé *Prevost*. Amsterdam. 1783, т. VIII, IX, X („Le Doyen de Killerine, histoire morale" и др.).

115) Epitres, stances et odes de *Voltaire*. Paris. 1816. Надпись рукою Алексѣя. Ник. Вульфа: „1828, 24/III. С.-Петербургъ".

116) Les aventures de Caleb Williams, ou les choses comme elles sont. Par *William Godwin*; traduites de l'Anglais. Paris. An IV (1796), т. I.

117) Les nuits de Paris, ou l'observateur nocturne. Par M. *Rétif de la Bretone*, auteur des Contemporaines, du Paysan et de la Paysane pervertis. Londres. 1789, т. I.

118) Friedrich von *Matthisson's* Gedichte. Wien. 1816, 3 т.

119) Lustspiele von Gotthold Ephraim *Lessing*. Berlin. 1770, т. II.

120) Lord *Byron's* Poesien. Aus dem Englischen. Vier und zwanzigstes Bändchen. Uebersetzt von Elise von *Hohenhausen*, geb. von Ochs. Zwickau. 1827.

121) *Schillers* sämmtliche Werke in zwölf Bänden. Stuttgart. 1838, т. I — II, въ 1 переплетѣ.

122) Friedrich von *Schillers* sämmtliche Werke. Wien. 1825, т. XI и XII.

123) Don Karlos, Infant von Spanien. Von Fr. *Schiller*. Leipzig. 1804.

124) Gedichte von Fr. *Schiller*. Leipzig. 1808, т. II.

125) *Schiller's* sämmtliche Werke. Stuttgart. 1836, т. XI.

126) Nachlese zu Friedr. *Schiller's* sämmtlichen Werken. Besorgt von Dr. Heinr. Doering. Zeitz. 1835.

127) *Goethe's* Gedichte. Dritte Abtheilung. Wien. 1816.

128) Theater von *Goehte*. Erster Theil. Faust. Wien. 1816.

129) Neue Erholungen, herausgegeben von *W. G. Becker*. 4 Bändehen (въ 2 переплетахъ). Leipzig. 1808.

130) Aus meinem Leben; Dichtung und Wahrheit. Von *Goethe*. Wien. 1812, 2 т.

131) Leyer und Schwert, von *Theodor Körner*. Berlin. 1819.

132) *Theodor Körners* vermischte Gedichte und Erzählungen. Leipzig. 1815.

133) Der Zauberring; ein Ritterroman von *Friedrich de la Motte-Fouqué*. Nürnberg. 1816, т. II и III.

134) Erinnerungen von *Friedrich von Mattisson*. Zürich. 1810. 5 т.

Надпись: „Изъ книгъ Прасковьи Осиповой".

135) Der Astrolog. Ein romantisches Gemählde von *Walter Scott*. Uebersetzt von *W. A. Lindau*. Leipzig. 1822, 3 т.

136) Redgauntlet. Eine Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts von *W. Scott*. Aus dem Englischen übersetzt von *Heinrich Doering*. Jena. 1824, 3 т.

137) Arwed Gyllenstierna. Von *E. F. van der Velde*. Dresden. 1823, I Theil.

138) Agathon. Leipzig. 1773, т. II, III и IV.

139) Méditations poétiques. Par M. *Alphonse de Lamartine*. 7-e édition. St. Pétersbourg. 1821.

140) *Jean Pauls* Geist, oder Chrestomathie der vorzüglichsten, kräftigsten und gelungsten Stellen aus seinen sämmtlichen Schriften. Weimar. 1801, т. II.

141) *C. F. Gellerts* sämmtliche Schriften. Leipzig. 1775, 10 т.

142) Des Herrn *Christian Ewald von Kleist* sämmtliche Werke. Wien. 1774, 2 тома въ 1 переплетѣ.

143) Geschichte Herrn Carl Grandison. In Briefen entworfen von dem Verfasser der Pamela und der Clarissa. Vierte verbesserte und mit Kupfern versehene Auflage. Aus dem englischen übersetzt. Leipzig. 1770, 7 Bände.

Съ портретомъ *J. Richardson'a* и съ 14 гравированными картинками (по 2 въ каждомъ томѣ).

144) Fortsetzung und Beschluss der lustigen Lebensgeschichte Gussmans von Alfarache[1]). Von *Ferdinand Wilhelm Beer*. Leipzig. 1752.

145) Kleine moralische Erzählungen aus der wirklichen Welt. Riga. 1803.

146) Reseda. Von *Fanny Tarnow*. Leipzig. 1827.

147) Novellen von *Adolph Ritter von Tschabuschnigg*. Wien. 1835, 2 т.

148) Sämmtliche Schriften von *Johanna Schopenhauer*. Leipzig. 1830 — 1831, т. I, II, X, XI, XII, XV — XXIV.

Надпись: „Изъ книгъ Прас. Осиповой".

149) Parabeln von Dr. *Friedrich-Adolph Krummacher*. Wien. 1818, 3 т.

150) Le Passe-Temps agréable, ou nouveau choix de bons mots, de pensées ingénieuses, de rencontres plaisantes.... Amsterdam. 1770, 2 т. въ 1 переплетѣ.

Надпись: „A Madame Prascowie Woulff".

151) Oeuvres de *Colardeau*, de l'Académie Française, 2 тома, безъ обложекъ, сильно потрепаны; съ портретомъ Ch.-Pierre Colardeau и гравированными картинками.

Во 2 томѣ — „Lettre d'Héloïse à Abeilard"; „Armide à Renaud, Héroïde; „Le Patriotisme", poëme; „Epitre à Minette"; „Première Nuit d'Young", въ которой отмѣчены карандашемъ по полю (быть можетъ П. А. Осиповою) стихи: съ

....Autant que son auteur, l'Homme est inconcevable
De deux êtres divers mêlange invraisemblable.....

до: Foible Immortel, blessé du glaive de la Mort... (стр. 113);

---

1) „Histoire de Guzman d'Alfarache" — сочиненіе Ле-Сажа.

на стр. 119-й — со стиха

.....Mon rapide bonheur fut à peine goûté — до стиха:
Sa joye indépendante émane de son être.

на стр. 123-й, противъ стиха

.....Mais de la vertu même il attaque les jours

карандашемъ сдѣлана рука ☞; то-же на стр. 127-й, противъ стиха

Tels que ces faux amis, dont la vaine tendresse...

Въ переводѣ „Seconde nuit d'Young", на стр. 143-й, отмѣченъ стихъ

Sans le courage, hélas! que seroient les Mortels?

На стр. 148-й — отмѣтка карандашемъ по полю отъ стиха

Le Dieu qui de son souffle a créé la Parole....

до стиха:

Sur les lèvres de l'Homme achève la Pensée.

На стр. 150-й — отъ стиха

La sagesse de l'Homme est l'art de vivre heureux

до стиха:

Ah! nous l'éprouvons tous; le bonheur veut deux âmes.

На стр. 153-й — опять нарисована рука противъ стиха

Tu me veux pour Ami? sois mon Ami toi-même.

На стр. 167-й, рукою Прасковьи Алекс. Осиповой, послѣ словъ „*Milton,* par une suite singulière de sa conformité avec le Poète Grec, sommeilla dans son Paradis reconquis, et son génie y dégénéra de lui-même", написано: „L'Allemagne — un Klopstock".

152) Les caractères. Par Madame *de P*****. Londres. 1751.

На стр. 24, 45, 57, 58, 59, 71, 72—73, 88, 106 и 202 на поляхъ сдѣланы продольныя отмѣтки карандашомъ.

153) Lettres, anecdotes et mémoires historiques du Nonce Visconti.... Par *M. Aymon*. Amsterdam. 1719, т. I. Съ гравированными картинками.

154) Voyage au Jardin des Plantes... Par *L. F. Jauffret*. Paris. An VI (1798).

155) La Science des personnes de Cour, d'Epée et de Robe. Commencée par Mr. de *Limiers*, revue, corrigée et considérablement augmentée par Mr. *Pierre Massuet*, docteur en médecine. Amsterdam. 1752, т. IV, partie II.

156) Les fables de *Lafontaine*. Paris. 1805.

157) Poesie del Signor abate *Pietro Metastasio*. Torino. 1757, 10 т.

158) Amalia di M. Fielding. Traduzione dall'Inglese. Si aggiungono Il Mennone, e i due consolati del sig. di *Voltaire* et l'avventura singolare del sig. Ab. *Prevost*. Venezia. 1782.

159) Le notte di *Young*, tradotte dall'inglese e dal francese dal Signor Abbate *Alberti*. In Marsiglia. 1770, 2 т.

Надпись: „Ce livre appartien à la bibliothèque de Praskowie Windomsky".

160) Scelta delle commedie di *Carlo Goldoni*, avvocato Veneto.... In Lipsia, 1767, 3 т.

161) Memorie dell'avventure d'un huomo di qualita è del Marchese di***. Tradotto dal francese in lingua toscana da Don *Clemente Romani*. Giena. 1755; 7 томовъ въ 4 переплетахъ.

162) Novelle persiane divise in mille ed una giornata, tradotte in francese e dal francese nel volgare Italiano. Venezia. 1783; 5 томовъ въ 3 переплетахъ.

163) Novelle venticinque, composte dal Marchese *Francesco Albergati Capacelli* e dall'abbate *Gianfrancesco Altanesi.* Venezia. 1781.

164) L'Americana Ramminga, cive Memorie di donna Innez di Quebrada. Venezia. 1763; 2 т. въ 1 переплетѣ.

165) La nuova Marianna, o sia storia della Baronessa di N., scritta in idioma Francese da Cei medesima, e tradotta nell'Italiano da *Dorinda Belzarrini.* Venezia. 1752, т. II.

166) Il Mattino, il Mezzogiorno e ta Sera. Poemetti tre. Venezia. 1779.

167) Gli avvenimenti di Telemaco, figliulo d'Ulisse. Tradotti ....per *B. D. Moretti.* Leiden. 1719, т. II.

168) La Francese in Italia, o sia Memorie critiche di madama N. N..... publicate dall'abate *Pietro Chiari.* Venezia. 1760.

169) Commedia da Camera, ossia Dialoghi Familiari, scritti dall'abate *Pietro Chiani.* Venezia. 1770, 2 т.

170) Erzälumgen bei Ebbe und Fluth. Spindler's Tachenbuch 1835.

171) Nordischer Almanach für das Jahr 1807. Herausgegeben von *F. G. Albers.* Riga.

172) Minerva. Taschenbuch für das Jahr 1809. Leipzig.

173) „ „ „ „ „ 1811. „

174) „ „ „ „ „ 1822. „

175) „ „ „ „ „ 1823. „

176) „ „ „ „ „ 1825. „

177) „ „ „ „ „ 1831. „

178) Cornelia. Taschenbuch für Deutsche Frauen auf das Jahr 1828. Herausgegeben von *A. Schreiber.* Heidelberg.

179) Novellenkranz. Ein Almanach auf das Jahr 1832. Von *Ludwig Tieck.* Zweiter Jahrgang. Berlin.

180) Vergissmeinnicht. Ein Taschenbuch für 1828 von *H. Clauren.* Leipzig.

181) Orphea. Taschenbuch für 1826. Dritter Jahrgang. Leipzig.

182) Orphea. Taschenbuch für 1829. Sechster Jahrgang. Leipzig.

183) *W. G. Beckers-* Taschenbuch 1828. Leipzig.

Рукою П. А. Осиповой помѣчено: „Получено отъ Языкова".

184) Rheinisches Taschenbuch auf das Jahr 1829. Herausgegeben von Dr. *Adrian*. Frankfurt a/M.

185) Taschenbuch der Liebe und Freundschaft gewidmet. 1838. Herausgegeben von Dr. *St. Schütze*. Frankfurt a/M.

186) Taschenbuch für das Jahr 1829, der Liebe und Freundschaft gewidmet. Herausgegeben von Dr. *St. Schütze*. Frankfurt a/M.

187) Taschenbuch zum geselligen Vergnügen auf das Jahr 1825. Leipzig.

Всѣ эти альманахи — со множествомъ прелестныхъ гравюръ на стали.

188) Сѣверная Звѣзда 1829 г. С.-Пб. 1829.

189) Сѣверные Цвѣты на 1827 годъ, изданы барономъ *Дельвигомъ*. С.-Пб. 1827.

Рукою П. А. Осиповой написано: „Отъ издателя Прас. Алекс. Осиповой".

190) Сѣверные Цвѣты на 1828 г. С.-Пб. 1827.

191) Жизнь и смерть Ричарда III, Короля Аглинскаго, трагедія господина Шакеспера. Переведена съ французскаго языка въ Нижнемъ Новѣ-Городѣ 1783. С.-Пб. 1787, 8°, 306 стр.

192) 4 сборника съ комедіями, въ одинаковыхъ переплетахъ; на каждой книжкѣ написано: „Изъ книгъ Александра Вындомскаго":

193) кн. 1) „Вольной домъ, или Шотландка, комедія г.

Гума, переведена на французскій языкъ, а на россійскій перевелъ *Александръ Протасовъ*. М. 1763.

194) „Комедія Обманутой женихъ. . . . . переведена съ нѣмецкаго *Алексѣемъ Шурлинымъ*. М. 1768.

195) кн. 2) „Щеголеватой скоморохъ, или одноминутное дѣло. Комедія г. *ле-Гранда*, переведена *Иваномъ Текутьевымъ*. М. 1764.

196) „Благодѣтельный Грубіянъ, сочиненіе *Гольдони*, переведена *Михайломъ Храповицкимъ*. С.-Пб. 1772.

197) кн. 3) „Менехемы, или Близнецы. Комедія, соч. г. *Реньярда*, переводъ съ французскаго [*Вл. Ин. Лукина*]. С.-Пб. 1763.

198) „Обычай нынѣшняго свѣта, комедія въ 1 д., перевелъ съ французскаго *Александръ Салтыковъ*. С.-Пб. 1764.

199) „Ревнивой изъ заблужденія выведенной. Комедія, сочиненіе г. *Кампистрона*, переводъ съ французскаго. М. 1764.

200) кн. 4) „Тесть и зять, комедія, въ 3 дѣйствіяхъ, вольной переводъ съ комедіи г. *Кольлъ* [*Вл. Ин. Лукина*]. С.-Пб. 1768.

201) „Разумной вертопрахъ, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, вольной переводъ съ комедіи г. *Боасіи*. [Перев. *Вл. Ин. Лукина*]. С.-Пб. 1768.

202) „Островъ необитаемый, комедія въ 1 дѣйствіи... С.-Пб. 1769.“

203) „Задумчивой, комедія въ 5 дѣйствіяхъ; съ комедіи г. *Ренара*. [Перев. *Вл. Ин. Лукина*]. С.-Пб. 1769.

204) Есѳирь, трагедія, взятая изъ Священнаго Писанія, сочиненная г. *Расиномъ*. Переведена съ французскаго. М. 1783.

205) Россійскій Ѳеатръ, ч. V — X, XV — XXVI, XXIX — XXXVIII, XL — XLIII.

206) Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи, М. 1794, 2 т. [*М. М. Хераскова.*].

207) Владиміръ Великій. Трагедія. Сочиненіе *Ѳеодора Ключарева*. М. 1779.

208) Люцинда и Армидоръ. Музыкальная драмма, представленная на Императорскомъ театрѣ 1777 года. Стихотворство г. *Колтелиня*. С.-Пб. 1777.

209) Луцій Веръ. Опера *Апостола Зено*, представленная на Императорскомъ придворномъ театрѣ въ С. Петербургѣ 1774 года. С.-Пб. 1774.

210) Армида. Опера, представленная на придворномъ Императорскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ. Сочиненія г. *Марка Кольтелини*. Съ италіанскаго переводилъ *И. Д[митревскій]*. С.-Пб. 1776.

211) Торжествующій хамелеонъ, или изображеніе анекдотовъ и свойствъ графа Мирабо. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1792, 2 тома въ 1 переплетѣ.

212) Чернецъ, Кіевская повѣсть. Сочиненіе *Ивана Козлова*. С.-Пб. 1825.

Надпись на книгѣ: „Изъ книгъ Прас. Алекс. Осиповой“.

213) Эда и Пиры. Стихотворенія *Евгенія Баратынскаго*. С.-Пб. 1826.

Надпись Е. А. Боратынскаго: „Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Сочинителя“.

214) Гамлетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненія *В. Шекспира*. Перевелъ съ англійскаго *М. В[ронченко]*. С.-Пб. 1828.

Надпись: „Прас. Алек. Осиповой“ (ея рукою).

215) Стихотворенія *Александра Пушкина*. С.-Пб. 1826.

На правомъ верхнемъ углу обложки — оттискъ Пушкинскаго талисмана на прозрачномъ сургучѣ. На внутренней сторонѣ обложки Пушкинымъ написано чернилами посвященіе, но потомъ тщательно замарано. Можно разобрать: — — — — — отъ все-

нижайшаго ея доброжелателя А. Пушкина. — 1826 года. — изъ сельца Зуёва".

216) Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина. Посвящена отцу поэта. С.-Пб. 1837.

Сочиненіе *Ѳ. Н. Глинки.*

217) Сто русскихъ литераторовъ. Томъ первый. С.-Пб. 1839.

Въ трехъ переплетахъ; на обложкѣ перваго рукою Сергѣя Львовича Пушкина чернилами написано: „Марьѣ Ивановнѣ Осиповой смиренно подноситъ Пушкинъ".

218) Творенія *М. Хераскова*, вновь исправленныя и дополненныя. Части: V и VI, IX, X и XI и XII, — въ 3-хъ томахъ.

219) Полное собраніе всѣхъ сочиненій. . . . . *А. П. Сумарокова.* М. 1781 — 1782, чч. II, III, IV, V, VIII и X.

220) Сочиненія и переводы *Владимера Лукина.* С.-Пб. 1765, 2 т. въ 1 переплетѣ.

221) Собраніе стихотвореній *Ивана Козлова,* ч. II, С.-Пб. 1840.

Надпись неизвѣстной руки: „Марьѣ Ивановнѣ Осиповой".

222) Новыя стихотворенія *Н. Языкова.* М. 1845.

Надпись на обложкѣ: „Алексѣю Николаевичу Вульфу Н. Языковъ".

Отдѣлъ II.

Руководства дѣтскія книги, учебники, и т. под.

223) *Плещѣева* Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи. Изданіе 3-е, С.-Пб. 1790.

224) Краткое руководство къ физикѣ для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи. Изданное по Высочайшему повелѣнію царствующей Императрицы Екатерины Вторыя. С.-Пб. 1785.

225) Краткое начертаніе землеописанія для дѣтей, сочиненное *Георг. Христіан. Раффомъ*, а съ нѣмецкаго на Россійскій языкъ преложенное *Никитою Рахмановымъ*. С.-Пб. 1790.

226) Юношеское училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами, сочиненное на французскомъ языкѣ г-жею *ле-Пренсъ-де Бомонтъ*, а на россійской переведенные въ Троицкой Семинаріи учителемъ, что нынѣ М. П. С. П. *Иваномъ Харламовымъ*. М. 1774, 4 ч.

227) Дѣтской атласъ, или новой удобной и доказательной способъ къ ученію географіи, исправленной и умноженной *Филиппомъ Генрихомъ Дилтеемъ*. . . . . переведенъ . . . . . *Михаиломъ Александровичемъ Новосильцовымъ* и *Иваномъ Дмитріевичемъ Карповымъ*. М. 1768 — 1777, тт. I — III и V — VI.

228) Таблица Россійской исторіи въ пользу юношества, а особливо россійскаго. Изъ сочиненій г. Профессора *Вегюслень*. Переведена съ французскаго *Θ. Пр.* М. 1788.

229) Kleine theoretisch-praktische Deutsche Sprachlehre für Schulen und Gymnasien. Von D. *Theodor Heinsius*. Berlin. 1824.

На листкѣ, послѣ переплетной крышки, рукою кажется Алексѣя Никол. Вульфа, написано чернилами: „АВульфъ. Вул. Вульфъ“ съ росчерками.

230) Grammaire françoise.... Сокращенная французская грамматика съ россійскимъ переводомъ, расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ..... *Мартыномъ Соколовскимъ*. М. 1778.

231) Etrennes aux écoliers. Ouvrage, destiné à l'éducation de la jeunesse, par les Exemples d'application de Bienfainsance et de vertu. Paris. 1788.

Надпись: „Praskowie Woulff".

232) Le Perroquet, ou Mélange de diverses pièces intéressantes pour l'esprit et pour le coeur; t. I. Francfort sur le Meyn. 1742. Журналъ.

233) Journal récréatif de la jeunesse. Redigé par M-me la Comtesse de *Genlis*. Conforme à l'édition de Paris. St.-Pétersbourg et Brunswick, chez A. Pluchart, imprimeur-libraire. 1816 — 1817, 6 выпусковъ въ 1 переплетѣ.

234) Eraste, ou l'ami de la jeunesse, entretiens familières. . . . . Par M. *Filassier*. 4-e édition. Paris. 1785.

235) Manuel de la jeunesse, ou instructions familières en dialogues sur les principaux points de la réligion. Paris. 1773, 2 т.

236) Entretiens, drames et contes moraux à l'usages des enfants, par Madame *de la Fite*. 2-e édition. La Haye. 1783, 2 т.

237) Mythologie élémentaire à l'usage des écoles et pensions. 5-e édition, Paris. 1812.

238) Elémens de Mythologie à l'usage des écoles du second age. Par *H. Wandelaincourt*. Pétersbourg. 1815, т. I.

239) La réligion des petits enfants. . . . Par *G. F. Seiler*, traduit de l'allemand par *A. Hollard*. Erlang. 1783.

240) Modèle des jeunes gens. St.-Pétersbourg. 1815.

241) L'esprit des moralistes français . . . . Par *Sindley Murray*. St.-Pétersbourg. 1814, т. III.

242) Contes à ma fille, pour former ses goûts, ses habitudes, son esprit et son coeur, par *J. N. Bouilly*. Paris. 1811. 2 vol.

Надпись: „Анны Николаевны Вульфъ".

243) Le nouveau Robinson, pour servir à l'amusement

et à l'instruction des enfans, traduit de l'allemand de *M. Campé*. Berne. 1794.

Надпись: „Изъ книгъ Ивана Ивановича Корзины".

244) L'ami des enfants, par M. l'abbé de***. Rouen. 1785.

245) Le Lycée de la jeunesse, ou les études reparées. Par M. *Moustalon*. Paris. 1786, 2 т.

246) Théâtre à l'usage des jeunes personnes, par Madame la Comtesse de *Genlis*. Paris. 1782, т. III.

247) Le livre des enfants, ou l'idées générales et définitions des choses dont les enfans doivent être instruits. Metz. 1760.

248) Magasin des enfants ou dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction. Paris. 1767, 4 тома въ 2 переплетахъ.

249) Instruction pour les jeunes dames qui entrent dans le monde; se marient; leurs devoirs dans cet état et envers leurs enfans. Par M. *Le Prince de Beaumont*. Haye. 1764, 4 тома въ 2 переплетахъ.

Надпись: „Ce livre apartient à M-lle Woulfi".

250) Свойство совершенной женщины, изображенной въ разумныхъ правилахъ, предписанныхъ Герцогинею К*** подъ именемъ Аристы принцессѣ Селименѣ для соблюденія ея чести и доброй славы. Съ нѣмецкаго на россиской переведена *А. Р.* С.-Пб. 1764.

251) Magasin nouveau des jeunes demoiselles, ou conversation entre la jeune Emilie et sa mère . . . . . Neuchatel. 1780.

252) Les veillées du château, ou cours de morale à l'usage des enfans, par l'auteur d'Adèle et Théodore. Paris. 1784, 3 т.

253) Annales de la vertu, ou cours d'histoire à l'usage des jeunes personnes par l'auteur du Théâtre d'éducation. Paris. 1781, 3 т.

254) Le Maître italien, ou la grammaire françoise et italienne de *Veneroni*. Lyon. 1778; то-же, изд. 1786; то-же, изд. 1794.

255) Grammaire Italienne, pratique et raisonnée. Par M. l'abbé *Antonini*. Lyon. 1763.

256) Новая Италіанская грамматика, собрана изъ разныхъ авторовъ и переведена на россійскій языкъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 2-мъ тисненіемъ. М. 1774.

257) Recueil de lettres françoises et italiennes de bienséance et marchandes, pour ceux qui souhaitent d'apprendre à bien écrire en italien. Par l'abbé *Antonini*. Basle. 1761.

258) Cours d'Histoire Sacrée et profane. Paris. 1765, 2 т.

Надпись: „Des livres de Praskowie Woulff".

259) Systematisches Lehrbuch über die drey Reiche der Natur zum Gebrauch für Lehrer und Hofmeister bey dem Unterricht der Jugend. Nürnberg. 1777, 2 Bände.

260) Краткое руководство къ математической географіи. С.-Пб. 1787.

Надпись писарской руки: „Ея Высокородія Парасковьи Александровны Вындомской, 1787 года, іюля 27 дня".

261) Lehrbuch der Erdbeschreibung zur Erläuterung des neuen methodischen Schulatlasses. Von *Adam-Christian Gaspari*. Weimar. 1818.

262) Französisches Lesebuch für Anfänger. Von *J. F. Schaffer*. Hannover. 1822.

263) Der Frau *Maria le Prince de Beaumont* lehrreiches Magazin für Kinder zu richtiger Bildung ihres Bestandes und Herzens, für die deutsche Jugend eingerichtet. Leipzig. 1772, 4 т. въ 2 переплетахъ.

264) Nouvelle introduction à la Géographie moderne. Londres. 1754, т. I.

265) Recréations mathématiques et physiques. . . . Par feu M. *Ozanam*. Paris. 1770, 3 т.

Надпись: „Изъ книгъ Івана Ушакова".

266) Neue französische Grammatik. Berlin. 1782, 2 т.

266a) Kleine Kinderbibliothek, herausgegeben von. *J. H. Campe*. Braunschweig. 1784 — 1786, ч. I, II, IV, V и VI.

267) Der Frau *Maria le Prince de Beaumont* neuer Mentor oder Unterweisungen für die Knaben. Wien. 1774 — 1776, t. I, II, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII.

268) *I. G. Röchlings* . . . . . Auserlesene Bibliothek für Kinder und junge Leute. . . . . Leipzig. 1785.

269) Robinson der Jüngere, zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung für Kinder. Von *J. H. Kampe*. Hamburg. 1780, 2 т. въ 1 переплетѣ.

270) Die Hausmutter in allen ihren Geschäften, Leipzig. 1778 — 1779, 3 т.

271) Il nuovo Robinson, per servir di divertimento ed istruzione della gioventù. Tradotto in italiano dall'originale tedesco del Sr. *Campe*. Halle. 1787, т. I.

272) L'educazione delle Fanciulle, opera istruttiva d'un filosofo italiano. Venezia. 1765.

273) Букварь Китайской..... Перевелъ *Алексѣй Леонтіевъ*. С.-Пб. 1779.

Отдѣлъ III.

Исторія и вспомогательныя науки.

274) Римская исторія отъ созданія міра до битвы Актійскія, то-есть, по окончаніе Республики; соч. *Роллена*, перевелъ съ французскаго *Василій Тредіаковскій*. С.-Пб. 1761 — 1767, 16 частей.

275) Описаніе древняго славенскаго языческаго баснословія. С.-Пб. 1768.

Надпись: „Изъ книгъ Александра Вымдонскаго".

276) Образованіе древнихъ народовъ, сочиненное *Дандреемъ Бардономъ*, переводъ съ французскаго [*Я. И. Булгакова*]. С.-Пб. 1795 — 1796, 4 тт.

277) Собраніе всѣхъ помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, съ 1787 по 1791 г. включительно, реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской имперіи. 2 части, М. 1791.

278) *Діодора* Сикилійскаго Историческая библіотека. Переведена съ греческаго на россійскій языкъ *Иваномъ Алексѣевымъ*. С.-Пб. 1774 — 1775, 6 частей.

279) Волтеріанцы, или исторія о якобинцахъ.... Съ французскаго (перевелъ *Петръ Дамогацкой*), М. 1805 — 1806.

280) Историческое описаніе Россійской Коммерціи при всѣхъ портахъ и границахъ..... Соч. *Михайлы Чулкова*. С.-Пб. 1781 — 1786, 21 томъ.

281) *Антона Солиса* Исторія о покореніи Мексики. Переведена съ нѣмецкаго языка Академіи Наукъ переводчикомъ *Васильемъ Лебедевымъ*. С.-Пб. 1765, 2 т.

282) Начальныя основанія Англинской исторіи..... сочиненныя Аббатомъ *Миллотомъ*. С.-Пб. 1786 — 1788, 3 т.

283) Шесть писателей исторіи о Августахъ. С.-Пб. 1775, 2 т.

284) *К. Свѣтонія Транквилла* Жизни двенадцати первыхъ Цесарей Римскихъ. Переведено.... *Михаиломъ Ильинскимъ*. С.-Пб. 1776, т. II.

285) Журналъ и любопытныя путешествія графа Фалкенштейна. Перевелъ съ французскаго языка *Дмитрій Рыкачевъ*. М. 1781.

286) *Каія Саллустія Криспа* войны Каталинская и Югурѳинская. Переведены.... *Вас. Крамаренковымъ*. С.-Пб. 1769.

287) Повѣствованія *Иродота* Аликарнасскаго. Переведъ *Андрей Нартовъ*. С.-Пб. 1763 — 1764, 2 т.

288) Исторія о нынѣшнемъ состояніи Правительства Польскаго; съ нѣмецкаго языка переведена секретаремъ *Васильемъ Лебедевымъ*. С.-Пб. 1766.

289) Краткая исторія о Японскомъ государствѣ, изъ достовѣрныхъ извѣстій собранная. М. 1773. [Соч. *Ивана Рейхеля*].

290) Скиѳская исторія.... отъ *Андрея Лызлова* сложена..... издана *Николаемъ Новиковымъ*. Изданіе 2-е. М. 1787, 3 тома въ 1 переплетѣ.

291) Исторія Бранденбургская.... Переведенная съ французскаго на россійскій языкъ *Анною Вельяшевой-Волынцовою*. М. 1770.

292) *Кая Юлія Кесаря* Записки о походахъ его въ Галлію. Переведены съ латинскаго языка *Сергѣемъ Вороновымъ*. С.-Пб. 1774.

293) Житіе Кунъ-Тсеэа или Конфуціуса, наславнѣйшаго философа Китайскаго, возстановлятеля древнія учености; перевелъ *Михайла Веревкинъ*. С.-Пб. 1790.

294) Histoire du temps des Croisades, par Sir *Walter Scott*, trad. de l'anglais par M. *A. J. B. Defauconpret*. Paris. 1825, 3 т.

295) Oeuvres complètes de Sir *Walter Scott*. Histoire d'Ecosse. Paris. 1828, 3 т.

296) Précis d'événements militaires de la dernière guerre des Espagnols contre les français. Par *Boutourlin*. St.-Pétersbourg. 1818.

297) Elemens d'histoire générale. En Suisse. 1778, т. I.
Надпись: „Изъ книгъ Ивана Вульфа“.

298) Vita di Pietro il Grande, imperador della Russia, scritta dall'abbate *Antonio Catiforo*. Edizione quarta. Venezia. 1781.

299) La vie privée du Roi de Prusse, ou mémoires pour

servir à la vie de M-r de *Voltaire*, écrits par lui-même. Amsterdam. 1784. Съ портретомъ Фридриха Великаго.

Надпись: „Марьи Осиповой".

300) Vie de Frédéric II, Roi des Prusses. Strasbourg. 1788, 4 т.

301) Nouvelles historiques. Par M. *d'Arnaud*. Amsterdam. 1782, 2 т.

302) Tableau de l'histoire moderne. Par M. le Chevalier *de Méhégan*. Paris. 1772, 3 т.

303) Historische Gemählde und Anecdoten der Könige in Frankreich.... Aus dem französische übersetzt. Leipzig. 1768, 4 т.

304) Die Zeiten Ludewigs des XIV. Aus dem französischen des Herrn von *Voltaire* übersetzt. Frankfurt. 1778, 2 т.

305) Merkwürdiges Leben und Trauriger Fall des Weltberufenen Russischen Staats-Ministers Andreä Grafen von Ostermann, Ehemaligen Russisch-Kayserlichen Reichs-Vice-Canzlers, und bisherigen Gros-Admirals von Russland..... Bremen. 1743.

306) Incendie du Palais d'Hiver à St.-Pétersbourg. Paris. 1838. Статья *кн. П. А. Вяземскаго.*

На обложкѣ рукою А. И. Тургенева написано чернилами: „М. Г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ издателя".

Отдѣлъ IV.

Естественныя науки, медицина, географія, путешествія.

307) Начальныя основанія Естественной исторіи..... Издано *Васильемъ Севергинымъ*. С.-Пб. 1791, 3 книги.

308) Начальныя основанія плоской тригонометріи,

выбранныя изъ тетрадей д. с. с. и кав. *Николая Ивановича Фусса*. С.-Пб. 1804.

309) Начальныя основанія химіи *І. Х. П. Еркслебена*. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ *Никита Соколовъ*. С.-Пб. 1788.

310) Волфіянская экспериментальная физика. Съ нѣмецкаго подлинника на латинскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго на россійскій языкъ перевелъ *Михайло Ломоносовъ* (изданіе 2-е). С.-Пб. 1760.

311) Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи, или новое собраніе матерій, принадлежащихъ къ симъ тремъ наукамъ. Чч. I, III и IV, М. 1788; ч. V и VI, М. 1789; ч. VIII, М. 1789; ч. X, М. 1790.

312) Новый курсъ математической для артилеристовъ и инженѣровъ..... Сочиненъ г. *Белидоромъ*. Съ французскаго же на россійскій переведенъ *Иваномъ Глѣбовскимъ*. С.-Пб. 1766, ч. I.

313) Испытаніе свойствъ чая и кофе..... Труды *Карла Меера*. С.-Пб. 1787. [Перевелъ *Пав. Острогорскій*].

314) Доброй помѣщикъ, или другъ земледѣльцевъ..... Переводъ съ французскаго языка. М. 1789, 2 т.

315) Описаніе Корсики съ разными при томъ важными по сіе время неизвѣстными приключеніями о Паскалѣ Паолѣ, Корсиканскомъ генералѣ. С.-Пб. 1773.

316) Исторія о странствіяхъ вообще.... Сочиненія г. *Прево*.... М. 1797, ч. I, II, IV—VIII, XV—XIX, XXI—XXII.

317) Собраніе разныхъ достовѣрныхъ химическихъ книгъ, а именно Іоанна Исаака Голланда: рука философовъ, о Сатурнѣ, о растѣніяхъ, минералахъ, кабала и о камнѣ философическомъ, съ приобщеніемъ небольшаго сочиненія неизвѣстнаго автора о заблужденіяхъ алхимистовъ; съ вырѣзанными на мѣди фигурами. С.-Пб. 1787.

318) Кратчайшее описаніе городамъ, доходамъ и прот-

чему Китайскаго государства..... выбранное..... секретаремъ *Леонтіевымъ*. С.-Пб. 1778.

319) Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen..... Berlin. 1769 — 1780, т. V, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX и XX.

320) Schriften der Berlinischen Gesellschaft naturforschender Freunde. Berlin. 1780, 6 т.

321) Géographie Universelle, treaduite de l'Allemand de Mr. *Büsching*. Strasbourg. 1768, т. II (Russie, Prusse, Pologne).

322) Cours d'histoire naturelle, ou tableau de la Nature. Paris. 1770, т. I, II, III, IV, VI et VII.

323) Полный и всеобщій домашній лѣчебникъ..... *Бухана*. М. 1791.

324) *М. Пекена*. О сохраненіи здравія и жизни. М. 1801.

325) Лечебникъ, или наставленія относительныя къ дѣятельной врачебной наукѣ, сочиненныя *Антономъ Л. Барономъ Штеркомъ* (перев. студентъ Московскаго Университета *М. Г.*). М. 1789, ч. II.

Отдѣлъ V.

Богословіе, философія, политика и т. под.

326) Философія нравоучительная, сочиненная графомъ и большаго креста Малтійскимъ кавалеромъ *Эммануиломъ Тезауромъ*, благороженнымъ Туринцомъ. Переведенная съ Італіанскаго языка ст. сов. *Стефаномъ Писаревымъ* и колл. асс. *Георгіемъ Дандоломъ*. С.-Пб. 1764.

327) Нравоучительныя письма для образованія сердца, изъ сочиненій господина *Душа*. М. 1788, 2 т.

328) Органъ забавныхъ мыслей философскія игры *Франческа Лоредана*, дворянина Венеційскаго. Переведен-

ный съ Италіанскаго языка *С. П.* [*Стефаномъ Писаревымъ*], С.-Пб. 1775, 2 т.

329) Анти-Махіавель, или опытъ возраженія на Махіавелеву науку о образѣ государственнаго правленія, сочиненъ нынѣ славно владѣющимъ Королемъ Прусскимъ *Фридерикомъ II.* Переведенный на россійскій языкъ тит. сов. *Яковомъ Хорошкевичемъ*. С.-Пб. 1779.

330) Политическое завѣщаніе Кардинала Дюка *де-Ришелье* Французскому Королю. М. 1766, 2 т.

Надпись: „Изъ книгъ Александра Вындомскаго".

331) Государь и министръ. Книга, сочиненная г. *Мозеромъ*, съ нѣмецкаго языка переведена артиллеріи капитаномъ *Яковомъ Козельскимъ*. С.-Пб. 1766.

332) *Балтазара Граціана* придворной человѣкъ, переведенъ съ гишпанскаго языка на французской *Амелотомъ де-ла Уссей*, а съ франц. на россійской *Сергѣемъ Волчковымъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1760.

333) *Епиктета*, стоическаго философа Енхиридіонъ и апофѳегмы и *Кевита* Ѳивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Переведены съ греческаго языка коллежскимъ ассессоромъ *Григорьемъ Полѣтикою*. С.-Пб. 1767, изд. 2-е.

Надпись: „Изъ книгъ Александра Вындомскаго".

334) Мнѣнія нравоучительныя на разные случаи, съ правилами и разсужденіями господина графа Оксенштирна. Переведено съ французскаго *И. а. о. ъ К. д. я. ц. в. м.* [т. е. Иваномъ Кудрявцевымъ]. М. 1792, 2 т.

335) Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли, то есть всѣ законы и установленія Китайскаго (а нынѣ Манжурскаго) Правительства. Перевелъ *Алексѣй Леонтіевъ*. С.-Пб. 1782, 3 т.

336) Джунъ-Юнъ, то есть Законъ Непреложный. Изъ преданій Китайскаго философа Кунъ Дзы. Перевелъ *Алексѣй Леонтіевъ*. С.-Пб., s. a., кн. II.

337) La solitude, considérée relativement à l'esprit et au coeur. Ouvrage, traduit de l'allemand de *Zimmermann*... Par *Mercier*. Paris. 1817.

338) La science du Gouvernement..... Par M. *De-Réal*. Paris. 1765, 8 т.

339) Unterhaltungen mit Gott in den Morgenstunden auf jeden Tag des Jahres, von *Chr. Chr. Sturm*. 5 Auflage. Halle. 1784, 2 т.

Надписи рукою П. А. Осиповой: „De la bibliothèque de P. W.“, а на II т. — „Изъ библіотеки Маріи Аристарховны Вындомской“.

340) Unterhaltungen mit Gott in den Abendstunden, von *J. Fr. Tiede*. Halle. 1780, т. IV.

341) Unterhaltungen mit Gott bey Fällen und Zeiten. Von *Jacob Fr. Feddersen*. Halle. 1781.

342) Della forza della fantasia umana, trattato di *Lodovico Antonio Muratori*. Venezia. 1772.

Отдѣлъ VI.

Смѣсь (словари, журналы, искусства и пр.).

343) Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, ч. III и IV.

344) Зритель. Ежемѣсячное изданіе 1792 г.

Надпись рукою П. А. Осиповой: „Изъ книгъ Прасковьи В.“.

345) Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія. — За 1758, 1759, 1760, 1761 и 1762 годы; 10 т., по 2 за каждый годъ.

346) Сы-Шу Гѣи, то есть четыре книги съ толкова-

ніями. Перевелъ съ китайскаго и манжурскаго на россійскій языкъ надв. сов. *Алексѣй Леонтіевъ*. С.-Пб. 1780.

347) Ueber Kunst und Alterthum in den Rhein und Mayn Gegenden. Von *Goethe*. Stuttgart. 1816, I Heft.

348) Словарь юридическій, ч. IV, отд. IV, съ 1775 по 1796 г. *М. Чулкова*.

349) Dictionnaire portatif de Mythologie pour l'intelligence des poëtes.... Paris. 1765, 2 т.

350) Synonymes françois..... Par l'abbé *Girard*..... Paris. 1769, т. I.

351) Основательное и ясное наставленіе въ миніатурной живописи..... Переведено съ нѣмецкаго языка переводчикомъ *Михаиломъ Агентовымъ*. М. 1765.

Надпись: „Изъ книгъ Александра Вымдонскаго“.

352) Нѣсколько различныхъ словарей.

Приложеніе II.

Письма А. И. Тургенева къ П. А. Осиповой.

1.

10-го февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Я возвратился сюда третьяго дня[1]) и первымъ и пріятнымъ долгомъ считаю принести вамъ, Милостивая Государыня Прасковья Александровна, чувствительнѣйшую благодарность за радушный пріемъ, который я нашелъ въ мирномъ, прелестномъ вашемъ пріютѣ[2]). Тригорское останется для меня незабвеннымъ не по однимъ воспоминаніямъ поэта, который провелъ тамъ лучшія минуты своей поэтической жизни. Для чего не послѣдовалъ онъ

---

1) Сравни письмо А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому изъ Пскова отъ 7-го февраля 1837 г., напечатанное въ „Остафьевскомъ Архивѣ князей Вяземскихъ", подъ ред. В. И. Саитова, т. III, С.-Пб. 1899, стр. 1.

2) Въ Тригорское Тургеневъ пріѣхалъ, сопровождая тѣло Пушкина, 5-го февраля (см. ниже, выписки изъ календарей П. А. Осиповой,). Будучи въ Тригорскомъ, онъ записалъ въ альбомъ Осиповой слѣдующія строки: „Le bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire..... Sentence versifiée à Trigorskoyé le 5 fevrier 1837. A. Tourgueneff". (См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 11, стр. 93).

влеченію своего сердца и Генія и не возвратился въ Михайловскія кущи,

На скатъ Тригорскаго холма[3]):

можетъ быть *«звуки чудныхъ пѣсенъ»* еще бы не замолкли!

Минуты, проведенныя мною съ вами и въ сельцѣ и въ домикѣ поэта, оставили во мнѣ неизгладимыя впечатлѣнія. Бесѣды ваши и все вокругъ васъ его такъ живо напоминаетъ! Въ деревенской жизни Пушкина было такъ много поэзіи, а вы такъ вѣрно передаете эту жизнь. Я пересказалъ многое, что̀ слышалъ отъ васъ о Поэтѣ, о Михайловскомъ и о Тригорскомъ здѣшнимъ друзьямъ его: всѣ желаютъ и просятъ васъ описать подробно, перомъ дружбы и исторіи, Михайловское и его окрестности, сохранить для Россіи воспоминаніе объ образѣ жизни поэта въ деревнѣ, о его прогулкахъ въ Тригорское, о его любимыхъ двухъ соснахъ, о мѣстоположеніи, словомъ — все то, что осталось въ душѣ вашей неумирающаго отъ поэта и человѣка. Милая и умная почитательница великаго русскаго таланта — Марья Ивановна[4]) поможетъ вамъ въ этомъ патріотическомъ трудѣ и перепишетъ своей рукой ваши строки о вашемъ незабвенномъ другѣ[5]), который заслужилъ нѣчто лучшее самой славы: слезы красоты и невинности; я видѣлъ ихъ,—и онѣ пали и на мое сердце; въ память о нихъ осмѣливаюсь препроводить новое изданіе „Онѣгина“[6]). Не забудьте того, который

---

3) Стихъ Пушкина изъ стихотворенія „Простите, вѣрныя дубравы“, написаннаго 1-го сентября 1817 года. (Соч. Акад. изд., т. I изд. 2-е, С.-Пб. 1899. стр. 268).

4) Осипова; она ѣздила съ Тургеневымъ въ Михайловское и показала ему „домикъ и садъ поэта“ („Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 1).

5) Эта просьба Тургенева, къ сожалѣнію, не была исполнена.

6) Изданіе 3-е, Глазунова, было напечатано въ Типографіи Экспедиціи Заготовленія государственныхъ бумагъ и вышло въ началѣ 1837 года.

унесетъ съ собою искреннюю къ вамъ привязанность далеко, далеко и только въ воспоминаніяхъ будетъ искать утѣшеній въ разлукѣ съ отечествомъ, помня слова другого Тургенева:

И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ[7]).

Вы желали имѣть портретъ мой, коего оригиналъ писанъ Брюлловымъ[8]): подъ эгидою таланта посылаю я его для Тригорскаго вашего кабинета[9]). Но позвольте, во избѣжаніе недоразумѣній, объяснить нѣкоторыя надписи и слова на семъ листѣ. „Безъ боязни обличаху“ — текстъ изъ лѣтописца Троицкаго Сергіевскаго Монастыря Аврамія Палицина, который, описывая патріотически-смѣлый поступокъ предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои обличали Самозванца въ самозванствѣ и за то побіены имъ каменіемъ на Красной площади, говоритъ о сихъ двухъ геройхъ искренности и любви къ отечеству: „Безъ боязни обличаху“. Это приняли мы девизомъ нашимъ[10]). „Элегія“ — написана братомъ Андреемъ[11]), первымъ другомъ Жуковскаго, открывшимъ въ немъ геній и сердце его. „Къ отечеству“ [12]), — его же стихи, кои нѣ-

---

7) Стихъ изъ „Элегіи“ Андрея Ивановича Тургенева („Угрюмой осени мертвящая рука Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ“).

8) Онъ воспроизведенъ въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ“, изд. подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1899, л. 28. По рисунку Виньерона онъ былъ литографированъ, около 1830 г., за-границей, у Энгельмана. Брюлловъ написалъ (акварелью) и портретъ Сергѣя Ивановича Тургенева (см. „Альбомъ Пушкинской выставки въ Москвѣ“, М. 1899, л. 42).

9) Онъ хранится и нынѣ въ одной изъ комнатъ с. Тригорскаго.

10) Эти слова находятся подъ портретомъ Тургенева.

11) См. выше, примѣч. 7-е. А. И. Тургеневъ умеръ въ 1803 г.

12) „Къ Отечеству“, стихи, соч. Андрея Тургенева, были изданы въ 1806 г. въ С.-Петербургѣ, въ 4°; Жуковскій хлопоталъ о томъ, чтобы положить ихъ на музыку (Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, подъ ред. И. А. Бычкова, М. 1895, стр. 29). Въ это время набиралось Народное Ополченіе, манифестъ о которомъ послѣдовалъ 30-го ноября 1806 г.

сколько лѣтъ по его кончинѣ читаны были въ Таврическомъ дворцѣ, въ собраніи Дворянства, когда Россія воспламенялась и ополчалась противъ Наполеона. Книга „О налогахъ“ — осужденнаго на смерть брата Николая, о коемъ лучше молчать. Книги сея было два изданія, — и теперь нѣтъ въ продажѣ ни одного экземпляра[13]). Письмо, которое я держу въ рукахъ, писано братомъ Сергѣемъ въ 1821 году изъ Царяграда, во время чумы и ярости Турокъ противъ Грековъ[14]). Правительство позволило брату оставить посольство и успокоить мать свою; онъ не думалъ о спасеніи своей жизни — не оставилъ посольства, но, описавъ положеніе Грековъ, сказалъ: „До насъ ли!“ Я хотѣлъ сохранить это чувство, а васъ прошу принять сіи изъясненія свидѣтельствомъ моего къ вамъ уваженія и не пѣнять за сіи подробности, безъ коихъ всѣ сіи слова были бы непонятны[15]).

Вотъ и стихи на кончину поэта. Я увѣренъ, что они и вамъ такъ же понравятся, какъ здѣсь всѣмъ почитателямъ и друзьямъ поэта[16]).

Естьли вздумаете написать ко мнѣ нѣсколько словъ,

---

13) „Опытъ теоріи налоговъ“ первымъ изданіемъ вышелъ въ С.-Пб. въ 1818 г., а въ 1819 г. уже понадобилось второе его изданіе. Николай Ивановичъ Тургеневъ род. въ 1789, ум. въ 1871 г.

14) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ (род. въ 1790, ум. въ 1827 г.) съ 3-го января 1820 г. состоялъ вторымъ совѣтникомъ при нашей Константинопольской миссіи. Нѣкоторыя подробности о тяжеломъ времени, пережитомъ нашимъ посольствомъ въ 1821 г., см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ“, т. II, стр. 182 — 198.

15) На портретѣ, о коемъ идетъ рѣчь, А. И. Тургеневъ изображенъ сидящимъ за столомъ; правая рука его заложена за бортъ сюртука, а въ лѣвой онъ держитъ развернутое письмо, на которомъ видны слова: „До насъ-ли. 1821. Константинополь“; на столѣ, на который онъ облокотился, лежитъ книга съ надписью на корешкѣ „О налогахъ“, а подъ нею — два листа бумаги съ надписями: „Къ Отечеству“ и „Элегія“.

16) Какіе стихи посылалъ Тургеневъ, опредѣленно сказать трудно. Вѣроятно, это были извѣстныя пламенныя строфы Лермонтова. Въ Тригорской библіотекѣ имѣется экземпляръ „Воспоминанія о піитической жизни Пушкина“ Ѳ. Н. Глинки; но оно вышло нѣсколько позднѣе.

то мой адресъ: Его Превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, въ П.-Бургѣ, въ Трактиръ Демута, № 1.

Свидѣтельствую душевное почтеніе моей любезной спутницѣ въ Михайловское и сестрицѣ ея[17]) и съ совершенною преданностью имѣю честь быть

вашимъ покорнымъ слугою
А. Тургеневъ.

2.

24-го февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Вчера имѣлъ я честь получить письмо ваше, Милостивая Государыня Прасковья Александровна, и не могу вамъ выразить, съ какимъ чувствомъ я читалъ его! Всѣ минуты Тригорскаго, для сердца незабвенныя, ожили въ памяти; еще сильнѣе захотѣлось повторить ихъ въ жизни; но во власти-ли человѣка передѣлать судьбу свою! Участь бездомнаго странника — встрѣчаться съ наслажденіями души и сердца, а постоянно — жить только съ тоскою и грустью по мниломъ и съ невозвратимыми утратами. Не отъ того ли

И меланхоліи печать всегда на немъ?...[1])

Поспѣшаю отвѣчать на письмо ваше: Наталья Николаевна 16-го февраля уѣхала черезъ Москву въ деревню брата, Калужской губерніи[2]), съ сестрою Алексан-

---

17) Марьѣ Ивановнѣ и Екатеринѣ Ивановнѣ Осиповымъ; Анна Николаевна Вульфъ была въ это время въ Петербургѣ.

1) Нѣсколько измѣненный стихъ изъ „Сельскаго кладбища“ Жуковскаго (1802 г.).

2) Н. Н. Пушкина уѣхала въ имѣніе Гончаровыхъ — Полотняный Заводъ.

дриною [3]), съ дѣтьми и въ сопровожденіи тетки Загряжской [4]), которая, проводя ихъ, возвратится сюда недѣли черезъ двѣ. Въ Москвѣ онѣ не остановятся ни на часъ, и Пушкина напишетъ письмо къ Сергѣю Львовичу [5]) и скажетъ ему, что теперь не въ силахъ еще его видѣть. Братья [6]) ея также провожаютъ ихъ. Я видѣлъ ее наканунѣ отъѣзда и простился съ нею. Здоровье ея не такъ дурно; силы душевныя также возвращаются. Съ другою сестрою [7]), кажется, она простилась, а тетка высказала ей все, что чувствовала она въ отвѣтъ на ея слова, что «*она прощаетъ Пушкину*». Отвѣтъ образумилъ и привелъ ее въ слезы. За недѣлю предъ симъ разлучили ее съ мужемъ; онъ подъ арестомъ въ кордегардѣ, и недавно объявили ему и Данзасу [8]) первый приговоръ, который, вѣроятно, не состоится, особливо для послѣдняго. Дѣло можетъ еще протянуться съ мѣсяцъ [9]). Отецъ-Гекернъ все продалъ и собирается въ путь, но еще не отозванъ. Опека занимается устройствомъ дѣлъ вдовы и дѣтей; Жуковскій съ генераломъ жанд[армскимъ] приводитъ въ порядокъ бумаги покойнаго. Государь сказалъ Жуковскому, что даетъ 50,000 на изданіе (въ 10,000 экземпляровъ) сочиненій

---

3) Александра Николаевна Гончарова, фрейлина.

4) Екатерина Ивановна Загряжская, фрейлина, род. въ 1779, ум. въ 1842 г.; ея портретъ, работы А. П. Брюллова, см. въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки“, л. 25.

5) Пушкину.

6) У Н. Н. Пушкиной было три брата: Дмитрій, Иванъ и Сергѣй Николаевичи.

7) Екатериною Николаевною, 10-го января 1837 г. вышедшею за мужъ за убійцу Пушкина Ж. Дантеса-Геккерена (ум. въ 1895 г., въ Эльзасѣ).

8) Константинъ Карловичъ, секундантъ Пушкина.

9) См. книгу: „Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 года“. С.-Пб. 1900. — Коммиссія военнаго суда надъ Дантесомъ и Данзасомъ приговорила обоихъ (19-го февраля) къ повѣшенію; но рѣшеніе это для перваго было замѣнено разжалованіемъ въ рядовые и высылкою за-границу, а для второго — заключеніемъ въ Петропавловскую крѣпость, на гауптвахту, на два мѣсяца.

Пушкина въ пользу семейства. Изданіе обойдется въ 66,000. Если пустить въ 20 руб. экземпляръ, то капиталъ и проценты до совершеннолѣтія ихъ обезпечатъ ихъ участь. Долги также будутъ заплачены. Жуковскій, какъ и всегда и для всѣхъ, сопричастныхъ сердцу его,—Геній утѣшитель.

Посылаю вамъ письмо князя Вяземскаго къ Булгакову[10]), который, не получивъ полнаго, третьяго письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о послѣднихъ минутахъ поэта. Какъ бы многое хотѣлось мнѣ передать вамъ отсюда, но, вопреки пословицѣ, *бумага не все терпитъ*. Умоляю васъ, однако же, написать ко мнѣ *все*, что вы умолчали и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ: это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ говорилъ съ вашей милой дочерью[10a]) почти наканунѣ дуэли: передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣмъ, что онъ говорилъ другимъ,—и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обѣщаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти! Буду ожидать еще здѣсь письма вашего, ибо пробуду, вѣроятно, здѣсь до 2-ой недѣли, а можетъ быть и до третьей поста. Я долженъ откланяться и благодарить Государя за пожалованіе мнѣ табатерки съ вензелемъ и за исполненіе всѣхъ моихъ предложеній и главнаго, *невольнаго* желанія возвратиться въ Парижъ[11]). Первыя состоятъ въ одобреніи всѣхъ заграничныхъ сотрудниковъ моихъ[12]) наградами и въ дозволеніи мнѣ пріобрѣсти новыя рукописи. Государь велѣлъ меня уже не разъ благодарить за историческія сокровища, кои я вывезъ изъ Рима и Парижа; читаетъ и

---

10) Отъ 5-го февраля 1837 г.; оно напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1879 г.

10a) Анной Николаевной Вульфъ.

11) Гдѣ проживалъ тогда Ник. Ив. Тургеневъ.

12) По извлеченію изъ архивовъ матеріаловъ по русской исторіи.

весьма хвалитъ ихъ. Вы знаете, что я былъ, по мнѣнію многихъ, въ какой-то опалѣ; но на балѣ у Французскаго посла Государь, подозвавъ меня къ себѣ, громко сказалъ мнѣ, à peu près, слѣдующее: „Благодарю, очень благодарю тебя. Твои бумаги чрезвычайно любопытны. Я читаю ихъ и прочту все (онѣ въ 8 огромныхъ портфеляхъ). Теперь благословляю тебя. Поѣзжай, куда хотѣлъ (разумѣется Парижъ, гдѣ я найду еще много любопытнаго) и только не занимайся другимъ. Вѣрю тебѣ, вѣрю; дай же мнѣ руку" — и крѣпко пожалъ ее. И тутъ же, на балѣ, и послѣ многимъ говорилъ о моихъ бумагахъ; прислалъ мнѣ акты о русской исторіи для Архивовъ иностранныхъ, кои меня снабжали, и теперь я ожидаю только представленія меня Ихъ Величествамъ и поѣду тотчасъ въ Москву, гдѣ, вѣроятно, пробуду до перваго лѣтняго пути. Для чего дорога изъ Москвы въ Парижъ не на Псковъ! Свернулъ бы хоть на одинъ часъ въ Тригорское!

Въ будущемъ „Современникѣ" прочтете мои старые Европейскіе комеражи [13]), но позвольте мнѣ иногда и лично напоминать вамъ о себѣ изъ Европы. Вѣроятно, надобно писать на Петербургъ, въ Псковъ. Постараюсь загладить необдуманную посылку „Онѣгина" и замѣнить ее такими книгами, о коихъ сказалъ Поэтъ [14]), какъ о трудѣ незабвеннаго М. Н. Муравьева:

Мать дочери велитъ труды его читать
(La mère en permettra la lecture à sa fille).

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю исполненіе вашего обѣщанія: прошу припомнить въ отношеніи Михайлов-

---

13) Извлеченія изъ заграничныхъ писемъ Тургенева къ князю Вяземскому помѣщены въ *Современникѣ* 1837 г., т. V, стр. 22 — 51.

14) Стихъ Пирона изъ комедіи „La métromanie, ou le poëte"

La mère en prescrira la lecture à sa fille

былъ передѣланъ И. И. Дмитріевымъ и примѣненъ, въ обратномъ смыслѣ, къ сочиненіямъ Мих. Никит. Муравьева (см. Сочиненія Дмитріева, изд. 1893 г., т. I, стр. 213).

скаго и Тригорскаго и всей жизни съ вами Поэта и о всѣхъ стихахъ или упоминаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, кои привели вы изъ Барона Дельвига. Поэтъ, зная васъ короче и долго, конечно, не сказалъ ничего о вашихъ, чего бы сердце мое не угадало и не подтвердило со всею искренностію.

Если вамъ вздумается, и я не теряю на то надежды, въ Москву написать ко мнѣ, то вотъ мой адресъ: Его П[ревосходительству] А. И. Т[ургеневу], въ приходъ Власія, въ домѣ г-жи Нефедьевой (двоюродной сестры моей); впрочемъ, и безъ того почта знаетъ меня, и почтъ-директоръ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ пересылаетъ ко мнѣ все скоро и вѣрно. Въ Москвѣ позволилъ мнѣ Государь заняться въ Государственномъ Архивѣ дипломатическими бумагами, и я постараюсь познакомиться и тамъ съ прошедшимъ.

Вы желали также слышать все, что здѣшніе праздно-любцы-вѣстовщики *мыслятъ вслухъ* о Натальѣ Николаевнѣ: ихъ не переслушаешь! и въ семъ случаѣ письмо умнаго и добраго Вяземскаго гласностію своею должно служить вѣрнѣйшимъ коментаріемъ, а на случай и опроверженіемъ злонамѣренныхъ и пустыхъ толковъ. Постараюсь доставить вамъ и письмо Жуковскаго къ Сергѣю Львовичу [15]): оно достойно предмета и души друга Поэта и, кажется, ни одной подробности, ни существенной, ни мелочной, — если можетъ быть что-либо мелочное, когда дѣло идетъ о смерти и о Пушкинѣ — не упущено. — Записки о послѣднихъ минутахъ его, составленныя очевид-

---

15) Это письмо, отъ 15-го февраля 1837 г., печатается нынѣ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго. По свидѣтельству М. И. Семевскаго (*Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 11, стр. 98—99) подлинникъ письма этого былъ подаренъ С. Л. Пушкинымъ баронессѣ Е. Н. Вревской, у которой взялъ его на время, но не возвратилъ, бывшій инспекторъ Дерптскаго Университета Николай Игнатьевичъ Шенигъ. Неизданные отрывки изъ него были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г., ст. 983—989.

цами и друзьями: докторомъ Спасскимъ и другомъ Далемъ[16]) — также очень интересны, но я еще и этихъ записокъ не получилъ.

Пожмите милую руку у вашихъ милыхъ и примите свидѣтельство совершеннаго почитанія.

А. Тургеневъ.

3.

24-го апрѣля 1837 г. Москва.

Христосъ воскресе! Я получилъ милое, но грустное письмо ваше отъ 8 (19) Апрѣля и благодарю васъ, что вы вспомнили отдаленнаго. Кажется, что я всѣ письма ваши получилъ и на каждое отвѣчалъ. Не полѣнитесь увѣдомить меня поскорѣе о выздоравливающихъ: сердечное безпокойство за нихъ и за васъ — искренно, какъ моя къ вамъ привязанность. Объясните также, какое письмо послано было съ крестьянами: я ихъ не видѣлъ и все еще ожидаю обѣщаннаго вами *описанія*.

Я видѣлъ раза два Сергѣя Львовича: онъ переноситъ горе, какъ умѣетъ; сбирается самъ ко вдовѣ, полагая, что ей пріѣхать сюда неудобнѣе, хотя она и намѣревалась.

Наша Свѣтлая недѣля просвѣтлѣла только сегодня: до сей поры было пасмурно и дождливо. Я работаю ежедневно въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, знакомлюсь съ прошедшимъ и нахожу его мелкимъ и малозначущимъ въ сравненіи съ нашимъ временемъ; но матеріяльная жизнь могла протекать какъ по маслу. Да что въ ней для существа ин-

---

16) Записка доктора Ивана Тимоѳеевича Спасскаго впервые была напечатана М. Н. Лонгиновымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г., № 18, стр. 555 — 559, а разсказъ Вл. Ив. Даля — въ *Московской Медицинской Газетѣ* 1860 г., № 49.

теллектуальнаго! — „Не о хлѣбѣ единомъ“ и пр..... Сбираюсь въ далекій путь[1]) недѣли черезъ три или четыре, — и такъ, пишите скорѣе. Жена моего брата, его единственное благо съ дочерью[2]) (послѣ невинности) выкинула и все еще слаба. Неизвѣстность о ней долго меня мучила; и теперь еще я не спокоенъ. Разстояніе между нами ужасное и ѣхать тотчасъ было бы безполезно; остается — томиться въ ожиданіи писемъ. Это навело еще болѣе мрачности на бездомную жизнь мою. Горячка милой Марьи И[вановны][3]) и испугала, и огорчила меня до глубины сердца и тронула также. Опять отдаленіе ужасно. Не смѣю просить васъ еще разъ написать ко мнѣ; но вы сами пожелаете успокоить искренно и всею душою вамъ и вашимъ преданнаго. — Адресуйте все на имя Алекс. Яковлевича Булгакова, Московскаго почтъ-директора. Не задерживайте и вида монастыря, надъ коимъ горитъ лучъ безсмертія Пушкина, и хотя бы видъ и не былъ такъ отдѣланъ, какъ бы желать должно. Если пришлете вѣрный, то литографирую его для васъ и для немногихъ въ Парижѣ.

Колокола Московскіе гудятъ и наводятъ грусть и тоску по отчизнѣ и по отечествѣ, хотя обширномъ, но не менѣе любимомъ; оно сжимается для сердца въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и часто останавливается мысль и память его не на однѣхъ могилахъ; но живые и милые развѣ не то же, что и мертвые, — для отдаленнаго? Простите — грустно! Пора въ Архивъ, гдѣ займусь только такимъ прошедшимъ, отъ коего не болитъ сердце. Цѣлую нѣжно руки ваши и вашихъ.

---

1) Въ Парижъ, къ Н. И. Тургеневу; еще 31-го мая, однако, Тургеневъ былъ въ Москвѣ и выѣхалъ только въ началѣ іюня.

2) Жена Н. И. Тургенева — Клара Сисмонди; дочь ихъ умерла въ малолѣтствѣ.

3) Осиповой.

Адресъ: „Милостивой Государынѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Псковской губерніи въ городъ Островъ, въ село Тригорское.—Почтовый штемпель: „Москва. 1837. Апрѣля 26“.

Рукою П. А. Осиповой помѣчено: Получено Мая 11-го.

Приложеніе III.

Выборки изъ писемъ Екатерины Евгеньевны Кашкиной къ П. А. Осиповой.

Въ письмѣ отъ 25-го апрѣля 1831 г., изъ Москвы, Екатерина Евгеньевна пишетъ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой:

„....Moscou est dépourvue de jeunes gens; les militaires sont tous à l'armée, il ne reste que les civiles: *Pouchkine* les nomme „архивные юноши“[1]). A propos de cet auteur: depuis qu'il s'est marié, c'est un tout autre homme—posé, raisonnable, adorant sa femme. Elle est digne de cette métamorphose, car on prétend qu'elle est aussi spirituelle que belle, un port de déesse, avec un visage charmant; et lorsque je le rencontre, auprès de sa belle épouse, il me rappelle involontairement le portrait de ce petit animal très spirituel et intelligent, que vous devinerez sans que je le nomme...“

Когда, въ апрѣлѣ 1833 г., родная племянница и воспитанница Е. Е. Кашкиной, Варвара Николаевна Кашкина, вышла за-мужъ за адъютанта великаго князя Михаила Павловича — Александра Александровича Грессера и начала

---

1) Ср. въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ стихи (гл. 7-я стр. XLIX):

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ...

Пушкинъ говорилъ, что выраженіе это принадлежитъ Соболевскому (Соч., т. V, стр. 129, примѣч.).

показываться въ высшемъ Петербургскомъ свѣтѣ, П. А. Осипова совѣтовала Е. Е. Кашкиной познакомить ея племянницу съ Н. Н. Пушкиной. „J'ai écrit à Varinka", писала Осиповой Екатерина Евгеньевна въ письмѣ отъ 12-го іюня 1833 г.: „votre désir qu'elle se rapproche de M-me *Pouchkine*, si elle se rencontre avec elle dans le monde. Je vous réponds qu'elle le fera, puisqu'elle a beaucoup de déférence et d'estime pour vos avis, mais il reste à savoir si M-me Pouchkine voudra faire sa connaissance; Varinka à peine mariée ne peut pas avoir acquis la bonne réputation de la belle M-me Pouchkine, qui réunit à cela les qualités du coeur et de l'esprit, comme vous le dites....."

Въ началѣ мая 1835 г. Пушкинъ неожиданно посѣтилъ Тригорское, гдѣ пробылъ четыре дня. Прасковья Александровна, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ столь радостнаго для нея событія, какъ нежданный пріѣздъ ея любимца, не замедлила подѣлиться этою новостью со своею пріятельницею, которая 18-го іюня писала ей въ отвѣтъ: „Béni soit le moment de l'arrivée de *Pouchkine*, dont le plaisir de revoir a fait tant de bien à votre santé".

Когда вѣсть о предсмертной дуэли Пушкина разнеслась мало-по-малу и достигла глухихъ деревенскихъ уголковъ, Кашкина, бывшая въ то время въ своей деревнѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ, писала Осиповой (18-го февраля 1837 г.), еще не увѣренная въ справедливости печальныхъ слуховъ: „La chère Annette[1]) est encore à Pétersbourg; je suis fâchée de ne l'avoir pas appris plutôt: je lui aurais écrit absolument. Vous devez être informée, chère amie, si le malheureux évènement arrivé a l'auteur *Pouchkine* est vrai; on prétend que par jalousie pour sa femme ou par jalousie d'un autre pour la sienne, il a été tué en duel par un étranger. Je voudrais bien que cela fût un cancan de notre bonne

1) Анна Николаевна Вульфъ.

ville et non une verité, car la mort de *Pouchkine* est une grande perte: comme poète distingué, doué de beaucoup d'esprit, on pouvait espérer qu'en avançant en âge et que la fougue des passions éteinte, il serait devenu un membre utile à sa patrie. Que de raisons pour le regretter et que doit éprouver sa pauvre femme si elle est cause de sa fin tragique, même innocemment.—Plus de doute", продолжаетъ она: „dans l'instant je viens de lire dans la „Gazette de Moscou" les tristes détails de l'enterrement du poète. J'ai payé un tribut à sa mémoire en versant des larmes. Je trouve même, que la plume du rédacteur Prince Chalikoff n'est pas assez éloquente pour dépeindre les regrets de ses compatriotes.—Ma soeur m'écrit encore une anecdote assez singulière et bien pitoyable, arrivée dans l'étranger avec deux dames russes, se distinguant par la dépravation de leur conduite: la comtesse Samoïloff[1]) et la comtesse Zouboff, née Scherbatoff; jalouse l'une de l'autre, elles se prennent de querelle pour un de leur sigisbée; au pistolet s'appelle en duel, la première experte dans l'art de manier cette arme meurtrière, étend sur place sa compatriote[2]). Que de tristes réflexions cela vous donne sur l'égarement de la pauvre humanité, si elle n'est pas guidée par les lumières de la divine religion!..."

Выражая, въ письмѣ отъ 20-го мая 1837 г., сожалѣніе о болѣзни дочерей Прасковьи Александровны, Кашкина замѣчаетъ, что „бѣда одна не приходитъ" и говоритъ: „Le corps du *poète*, qu'on amène pour enterrer dans votre voisinage, c'était déjà un coup bien sensible pour votre coeur"...

---

1) Вѣроятно, жена графа Николая Александровича Самойлова—графиня Юлія Павловна, рожд. графиня фонъ-деръ Паленъ, во 2-мъ бракѣ — Перри, въ 3-мъ—графиня де-Морнэ.

2) Слухъ этотъ былъ невѣренъ: графиня Наталья Павловна Зубова, супруга графа Александра Николаевича Зубова († 1875), умерла лишь 15-го октября 1868 года (*Русская Старина* 1885 г., т. 47, стр. 173).

Въ нѣсколькихъ письмахъ Е. Е. Кашкина разсказываетъ П. А. Осиповой о своемъ братѣ — Дмитріи Евгеніевичѣ Кашкинѣ. Бывшій Семеновецъ и шефъ Олонецкаго мушкатерскаго полка, принимавшій дѣятельное участіе въ Итальянскомъ и Швейцарскомъ походахъ Суворова и цѣлымъ рядомъ подвиговъ отличившійся въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, вмѣстѣ съ 13-мъ егерьскимъ своего имени полкомъ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и поселился у себя въ деревнѣ—въ с. Бурмасовѣ, гдѣ съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, занимался музыкой и литературой. Такъ, онъ издалъ: „Душеспасительныя и назидательныя христіанскія поученія въ пользу юношества, готовящагося проходить многотрудное поприще жизни, соч. г-жи де-ла Моттъ-Гіонъ“ (2 ч., М. 1821); „Хвалу достославнымъ Россійскимъ Героямъ, пѣснь лирическую“ (М. 1822) и „Благочестивыя размышленія уединеннаго христіанина“ (М. 1822), три оды и др. (см. Геннади, Словарь, т. II, стр. 125 и 399). Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Е. Е. Кашкиной, касающихся ея брата.

Въ письмѣ отъ 28-го мая (1834 или 1835 г.) она пишетъ: „Je devais à mon retour avoir une compagne dans ma solitude — Alexandrine Kaschkine, que vous devez connaître, — la fille du brouder Dmitri, poète et musicien tout-à-la fois, mais sans talent et sans génie. Je me rappelle, combien de fois mes pauvres oreilles ont soufferts en l'entendant jouer „La danse des ours“ sur une guitare à 36 cordes de son invention; et puis vint la poésie, qui rivalisait avec le génie musical de sorte que l'économie allait tout de travers et il vient de vendre sa campagne, la pauvre fille s'est trouvée sur le pavé“.

„La fille du frère Dmitri“, сообщаетъ она въ письмѣ отъ 8-го января 1837 г.: „demeurait avec lui, tant qu'il n'avait pas vendu sa campagne de Ярославъ, depuis il s'est

acheté une maison à Ouglitch et il a mis sa fille à la porte comme meuble inutile, indigne d'inspirer sa muse poétique. Cet été à Moscou il s'est chamaillé avec la censure pour faire imprimer ses traductions et compositions; à la fin il est parvenu à le faire à ses frais[1]) et l'une d'elle il l'a presentée à l'Héritier du Trône, qui l'a fait remercier — par politesse; son cerveau fêlé ne voit pas la chose ainsi: il s'imagine avoir le génie de Racine, de Voltaire,—tous les auteurs anciens et modernes sont au-dessous de lui; il s'attend à un débit conséquent de ses rapsodies poétiques, qu'un libraire de la ville s'est chargé de vendre et, pour s'en assurer, il dépense son dernier argent pour faire la navette d'Ouglitsch à Moscou".

Въ письмѣ отъ 24-го сентября 1843 г. Кашкина сообщаетъ о смерти своего брата: „Hier en recevant ma poste, j'ai appris que le frère Dmitri avait quitté ce bas monde. Pauvre homme! personnellement pour lui, je ne le regrette pas: souffrant depuis des mois, malheureux par la femme de rien qu'il avait épousé pour la fortune, son existence n'était pas un paradis sur cette terre; la sienne ne l'était pas non plus, je le suppose: bien plus jeune que lui, elle s'est mariée pour être m-me la générale".....

Въ иныхъ письмахъ содержатся любопытныя черточки, отмѣченныя умною, наблюдательною и нѣсколько насмѣшливою особою, какою была Кашкина. Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ. Въ письмѣ отъ 24-го августа (1829 г.?) она говоритъ: „Ces jours-ci j'ai fait une course de quarante verstes pour aller voir m-me et m-r Kaverinne[2]),

1) Въ 1836 г. Кашкинъ издалъ въ Москвѣ: поэму „Александріада" и 3 тома сочиненій и переводовъ.

2) Павелъ Никитичъ, бывшій Московскій оберъ-полиціймейстеръ, Калужскій и Смоленскій губернаторъ и, наконецъ (съ 1818 г.),—сенаторъ; онъ былъ отцомъ одного изъ пріятелей Пушкина—Петра Павловича Каверина (род. въ 1794 г.), о коемъ см. Академическое изданіе сочиненій Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 374—377.

l'ex-senateur. Pour arranger sa fortune il a quitté le service depuis un an; habitant la campagne par nécessité et non par goût, cette vie uniforme et paisible ne peut pas convenir à un homme habitué au grand monde; il ne manquerait rien pour satisfaire celui qui aimerait la vie champêtre: une charmante situation, un joli jardin, quantité de fleurs et de belles orangeries, — mais toutes ces jouissances pour m-me Kaverinne ne valent pas celle d'avoir du monde chez elle..... Le jour de Transfiguration", продолжаетъ она далѣе: „qui est la fête de notre église, le 6-me de ce mois, nous avons eu pour toute la journée, comme cela se fait à la campagne, tout ce qu'il y a dans nos environs en fait de voisins et voisines; la société n'était pas des plus aimables, mais il fallait bien s'en occuper et les entretenir. L'un d'eux s'est distingué d'une manière particulière: le mari et la femme, deux grosses masses de chairs bizarrement taillées, qui nous sont tombées sur les bras, suivis d'un aumônier et d'un petit naïn; le premier ne les quitte jamais depuis qu'ils l'ont marié à une de leurs pupilles. Et c'est vraiment une scène comique que de voir arriver ce couple de graisses, accompagné d'une pareille cour: ne serait-il pas mieux de les laisser à la maison? Mais il faut avouer qu'en province les progrès de civilisation sont bien arriérés, puisqu'on rencontre de tels originaux. Ces deux êtres sans éducation sont tellement rouillés, qu'ils ne vous parlent plus de rien que des brillantes qualités de leur prêtre; le pauvre fils en souffre, un jeune homme de 17 ans qu'ils viennent d'envoyer à une de leurs terres plus éloignée de nous, avec cette septième merveille du monde pour prendre des leçons de théologie, lorsqu'il serait temps de songer que ce pauvre garçon est déjà d'âge d'embrasser la carrière militaire ou civile; mais ils ne comprennent pas même que l'instruction soit nécessaire pour développer le mérite de la jeunesse".... Совѣтуя Прасковьѣ Александровнѣ полѣчиться отъ ея недуговъ,

Кашкина указываетъ (въ письмѣ отъ 21-го марта 1838 г.) на Московскихъ врачей: „Pour des bons médecins Moscou n'en manque pas: celui de l'établissement m-r Jenikhen[1])— on lui accorde du talent, Visotsky[2]) et beaucoup d'autres; Иноземцовъ[3]), Detkovsky[4]) le fameux, célèbre par des cures de malades désespérés..... Il est malade, il ne quitte pas la chambre, mais on va chez lui pour la consultation, que collègues évitent de l'avoir avec lui: lorsqu'il est appellé, il ne se gêne pas de leur dire qu'ils ont traités leur patient à l'aventure, sans approfondir sa maladie. Cette grossière franchise lui a fait beaucoup d'ennemis, au point qu'on vient de lui ôter les leçons de médecine qu'il donnait à l'Université et à l'Académie — deux places honorables qu'on avait donné pour son talent distingué. Toutes ces contrariétés ont dérangé sa santé; pour la rétablir, deux étés de suite il est allé aux eaux minérales".....

Въ 1844 г. Тригорское посѣтилъ князь П. А. Вяземскій, — и П. А. Осипова не замедлила разсказать объ этомъ своей пріятельницѣ. „De quel Prince Viasemsky me parlez-vous, chère amie?" спрашиваетъ Кашкина: „Ne serait-ce pas l'auteur, le Prince Pierre, que je connais beaucoup, de même que sa femme, née Princesse Gagarine? Il était grand ami de feu poète *Pouchkine;* cela ne m'étonnerait pas, s'il était venu dans votre contrée pour voir son épouse. Que fait cette belle affligée dont la beauté a été cause de tant

---

1) Ѳедоръ Ивановичъ Янихенъ, директоръ и врачъ Московскаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ; въ 1820—1840 годахъ онъ пользовался широкою извѣстностью въ Москвѣ.

2) Вѣроятно, Григорій Яковлевичъ Высотскій (род. въ 1781, ум. въ 1849 г.), профессоръ хирургіи въ Московской Медико-Хирургической Академіи.

3) Извѣстный докторъ, профессоръ Московскаго Университета Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ (род. въ 1802, ум. въ 1869 г.).

4) Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій, профессоръ Московской Медико-Хирургической Академіи, а съ 1831 года — Московскаго Университета по каѳедрѣ терапіи (род. въ 1784, ум. въ 1841 г.).

de malheurs? Vient-elle vous voir, la voyez-vous souvent? L'anecdote du Prince est véridique: c'est une plainte générale des paysans de la couronne, que l'administration actuelle de leurs campagnes est ruineuse pour eux; leur dépense est doublée, rien que pour voiturer les employés qui leur arrivent très souvent, sans parler des autres accessoires"....

Остальныя письма Кашкиной наполнены сообщеніями о многочисленной роднѣ корреспондентки, о ея переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, о ея горестяхъ и радостяхъ, о ея денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ и т. под. Это — живая хроника 1830—1840-хъ годовъ, любопытная многими частными подробностями. Остается лишь пожалѣть, что не сохранилось или, по крайней мѣрѣ, еще не обнаружилось мѣстонахожденіе отвѣтныхъ писемъ къ Кашкиной Прасковьи Александровны Осиповой, такъ какъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, удалось-бы выискать гораздо болѣе для насъ интереснаго и цѣннаго. Впрочемъ, можно надѣяться, что письма эти находятся въ богатѣйшемъ семейномъ архивѣ Кашкиныхъ, въ селѣ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда Калужской губерніи; въ такомъ случаѣ они рано или поздно будутъ разысканы нынѣшнимъ владѣльцемъ архива — Ник. Ник. Кашкинымъ, извѣстнымъ своею горячею любовью къ родной старинѣ и ея памятникамъ[1]).

---

1) См. „Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества", вып. I, С.-Пб. 1900 г., стр. 31—48: „Архивъ Кашкиныхъ и прежнихъ владѣльцевъ села Нижнихъ Прысковъ", статья Н. Н. Кашкина.

Приложеніе IV.

Письма А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ) и ея мужа и сына къ А. Н. Вульфу.

1.

15-го іюля 1871г. Лубны.

Спѣшимъ подѣлиться съ вами, многоуважаемый и горячо любимый братъ Алексѣй Николаевичъ, нашею радостію: сынъ нашъ[1]) помолвленъ съ очень милою особою дочерью всѣми уважаемыхъ и любимыхъ людей по фамиліи Аксамитныхъ. Вѣнчаться предполагаютъ 16-го августа и тотчасъ пріѣхать жить къ намъ изъ Ромновъ, гдѣ живетъ теперь невѣста. Она умна, добра, но не хороша... Годовой доходъ ея съ аренды простирается до 600 рублей. Мы ожили и очень счастливы, что можемъ сообщить Вамъ, наконецъ, пріятное. Скажите объ этомъ роднымъ и пожелайте счастья молодымъ. Не пишемъ больше потому, что много еще предстоитъ писать, да и жара нестерпимая... Лѣто благодатно, ждутъ урожая.—Будьте здоровы, обнимаемъ васъ съ чувствами искренней и горячей

1) Александръ Александровичъ Марковъ-Виноградскій (род. въ 1842—1843 г.); онъ лишилъ себя жизни вскорѣ послѣ смерти родителей, въ 1879 или 1880 году.

преданности и просимъ не забывать насъ и хоть изрѣдка извѣщать о себѣ.

А. П. и А. В. Виноградскіе[2]).

2.

[Вторая половина 1871 г. Лубны.]

Милый братъ Алексѣй!

Ты вѣрно обо мнѣ ничего не знаешь, а я тебѣ писала въ Малинники[3]), и вѣрно ты не получилъ; я тебя извѣщала о женидьбѣ моего сына и рекомендовала новую дочь, которая тебѣ и пишетъ. Они теперь уѣзжаютъ — она къ родителямъ ея, а онъ — въ Петербургъ, хлопотать объ обѣщанномъ ему уже мѣстѣ. Не подосадуй, мой другъ, на меня, что я при сей вѣрной оказіи прибѣгаю къ тебѣ опять за помощью, мой вѣрный другъ и моя всегдашняя опора! Помоги мнѣ еще разъ, вѣроятно въ послѣдній, потому что я очень ужъ на тонкую пряду: раза два нынче зимой чуть было не отправилась. Не откажи мнѣ, пожалуйста, въ этотъ послѣдній разъ, вышли мнѣ, пожалуйста, 100 въ Петербургъ на имя Констанціи Петровны Де-Додтъ; часть я ей должна, а на остальные она подновитъ мой гардеробъ, потому что мой гардеробъ мыши съѣли. Адресъ Констанціи: домъ Овсянниковой, Итальянская улица, квартира Тютчевыхъ.

И жилось бы мнѣ здѣсь хорошо, еслибы я могла жить въ своемъ домѣ; но братъ[4]) не пускаетъ и даже оттягалъ

---

2) Все письмо писано рукою А. В. Маркова-Виноградскаго.

3) Имѣніе А. Н. Вульфа въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

4) Единственный братъ Анны Петровны—Павелъ Петровичъ Полторацкій (род. въ 1810 году).

и мою собственность, ту, которую мнѣ отецъ завѣщалъ. Ну, Богъ съ нимъ! Это за то, что я ему отдала часть свою, которую получила отъ бабушки. Прощай, мой милый другъ. Весна такъ хороша, что я и тебѣ подобной желаю. Напиши мнѣ хоть словечко и прости, что я тебѣ надоѣдаю и будь такъ добръ, не откажи въ моей просьбѣ и вышли какъ можно скорѣй.

Преданная тебѣ другъ и сестра

Анна Виноградская[5]).

3.

16-го сентября 1872 г. Лубны[6]).

Вчера мы были обрадованы оказанною намъ помощью Вами, многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ, и приносимъ Вамъ за нее живѣйшую признательность. Бѣдная моя старушка прослезилась и поцѣловала радужную бумажку, — такъ она пришлась кстати...

Я на дняхъ получилъ отказъ въ пособіи, которое просилъ у Департамента Удѣловъ[7]) и былъ очень огорченъ, не зная, гдѣ добыть презрѣннаго тряпья, чтобы сдѣлать необходимый запасъ дровъ, — и моя добрая голубушка сказала мнѣ, что она давно уже по секрету хлопочетъ у Васъ о помощи... Я нѣсколько успокоился и вотъ вчера былъ несказанно обрадованъ Вашею помощью...

Родной братъ ограбилъ[8]), а двоюродный помогаетъ... Да помогутъ послѣднему силы небесныя на все доброе и проститъ перваго Богъ!

---

5) Подпись — собственноручная, дрожащей рукой, карандашомъ.

6) Писано рукою А. В. Маркова-Виноградскаго.

7) Тамъ одно время служилъ Александръ Васильевичъ Марковъ-Виноградскій, второй мужъ А. П. Керн.

8) См. предыдущее письмо.

Здоровье наше плохо. Мы думали поправиться лѣтомъ, но лѣто было испорчено таскавшеюся у насъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ потаскухою холерою!..

Дѣти наши служатъ въ Одессѣ. Но чѣмъ живутъ въ такомъ дорогомъ мѣстѣ, получая 55 рублей въ мѣсяцъ, и какъ живутъ, — мы не знаемъ!..

Нашъ городишко нѣсколько оживился: въ немъ открылась гимназія, и на улицахъ встрѣчаешь теперь, кромѣ свиней, телятъ и собакъ, еще и гимназистовъ. По случаю открытія былъ обѣдъ на *земскія деньги*, и надъ осетромъ и персиками говорили рѣчи: попечитель хвалилъ земство, а земство попечителя....

На дняхъ откроется мостовая черезъ гору, по которой во время грязи не было проѣзда въ теченіе столѣтій.

Обнимаемъ Васъ, нашъ добрый родной, и просимъ писать намъ хоть изрѣдка. Кланяйтесь усердно сестрамъ и племянницамъ. Скорбныя вѣсти изъ родныхъ Берновскихъ странъ[9]) очень огорчили нашу старушку, но отдаленныя воспоминанія, которымъ предалась она, стушевали скорбь, и она уснула вчера покойно и сегодня встала бодрою. А все вы!

4.

23-го декабря 1878 г. Прямухино[10]).

Видишь, гдѣ я очутилась, мой добрый другъ и братъ? Въ домѣ, гдѣ я бывала въ дѣтствѣ, гдѣ мнѣ такъ хорошо на старости, и гдѣ ты бывалъ въ прошлые годы

9) Берново — родовое имѣніе Вульфовъ въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ.; оно было пожаловано въ 1722 году прадѣду Алексѣя Николаевича Вульфа — бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу; тамъ выросла А. П. Полторацкая (Кернъ).

10) Имѣніе Бакунинныхъ въ Тверской губерніи, около г. Торжка. Все письмо, кромѣ подписи, писано рукою А. В. Виноградскаго.

нерѣдко, и гдѣ надѣюсь видѣть тебя, можетъ быть, даже въ это лѣто... А какъ мы съ мужемъ были бы рады этому!.. Добрѣйшіе хозяева наши Александръ и его жена Лиза Бакунины[11]), такъ съ нами ласковы и внимательны, что мы испытываемъ полное довольство и покой....

Изъ Москвы мы переѣхали въ Торжокъ еще въ апрѣлѣ, по случаю дороговизны и потому, что утомились отъ суеты и грязи номерной жизни... Въ половинѣ же октября перебрались въ Прямухино по влеченію сердца и въ видахъ экономіи; но эти виды пока не осуществились по случаю *тяжкой* болѣзни мужа, изъ которой онъ едва выздоравливаетъ, и которая сильно подорвала его финансы, а также и физическія силы... Прямухино все то же, что было 70 лѣтъ назадъ и это мнѣ очень пріятно;— а между тѣмъ, милое наше Берново уже далеко не то!...

Дѣти наши въ Москвѣ, и мы надѣемся, что доставятъ намъ радость свиданія въ скоромъ времени...

Мое здоровье не дурно, но болѣзненная тоска по временамъ одолѣваетъ меня, и память очень плоха. Вслѣдствіе этого, напомни мнѣ о всѣхъ нашихъ родныхъ и утѣшь подробною граматкою о себѣ, старый и неизмѣнный другъ и братъ.

Будь здоровъ и люби—хоть немного—неизмѣнно преданнаго тебѣ друга.

Анна Виноградская.

---

11) Александръ Александровичъ Бакунинъ (род. въ 1821 г.; здравствуетъ и по-нынѣ), сынъ Тверского губернскаго предводителя дворянства Алекс. Мих. Бакунина и жены его Варвары Александр. Муравьевой, родственницы Вульфовъ; его сестра Татьяна Михайловна была за-мужемъ за роднымъ дядей А. П. Кернъ—Александромъ Марковичемъ Полторацкимъ (о Бакуниныхъ см. у Л. Н. Майкова въ его книгѣ „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899). Женатъ А. А Бакунинъ былъ, съ 11-го января 1852 г., на Елизаветѣ Васильевнѣ Марковой-Виноградской, сестрѣ Александра Васильевича. Послѣ ея смерти онъ женился на Елизаветѣ Александровнѣ Львовой.

Поцѣлуй за насъ Катеньку и Юлія[12]) и поздравь съ праздниками.

Адресъ: Въ Торжокъ, въ с. Прямухино. Александру Але[ксандровичу] Бакунину, для передачи А. П. Виноградской.

5.

5-го февраля 1879 г. Москва, на углу Тверской и Грузинской, домъ Гуськовыхъ, меблированныя комнаты, № 19.

Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ!

Съ грустью спѣшу увѣдомить: отецъ мой[13]) 28-го генваря умеръ отъ рака въ желудкѣ, при страшныхъ страданіяхъ, въ домѣ Бакуниныхъ въ селѣ Прямухинѣ. Послѣ похоронъ я перевезъ старуху-мать несчастную къ себѣ въ Москву, гдѣ надѣюсь ее кое-какъ устроить у себя, и гдѣ она будетъ доживать свой короткій, но тяжелогрустный вѣкъ[14]). Всякое участіе доставитъ радость бѣдной сиротѣ-матери, для которой утрата отца незамѣнима.

Пожелавъ вамъ всего хорошаго, остаюсь уважающій васъ вашъ слуга

А. Виноградскій.

---

12) Екат. Ермол. Шокальскую, дочь А. П. Кернъ отъ перваго брака, здравствующую и по-нынѣ (род. въ 1818 г.), и сына ея Юлія Михайловича Шокальскаго (нынѣ полковникъ, библіотекарь Картографической части Главнаго Гидрографическаго Управленія).

13) Александръ Васильевичъ Марковъ-Виноградскій.

14) А. П. Кернъ скончалась въ Москвѣ въ томъ-же 1879 г.

Приложеніе V.

Копія съ письма кн. П. А. Вяземскаго къ О. С. Пушкиной (отрывокъ)[1].

.....Je Vous engage beaucoup à écrire à votre frère à ce sujet et à le prier de faire des démarches pacifiques auprès de votre père, lui faisant bien entendre que cette paix est nécessaire à votre tranquillité. D'ailleurs, je crains pour lui l'effet que peut produire dans le monde et sur l'esprit de l'Empereur même sa brouille avec ses parents. Nous vivons à une époque où tout se sait; votre frère a des ennemis,— on ne manquera pas de le peindre aux yeux de l'Empereur comme un homme qui est en révolte complète contre les lois divines et humaines, qui ne sait supporter aucun frein, qui sera mauvais citoyen, parcequ'il est mauvais fils.

J'ai parlé à votre frère à plusieurs reprises sur ce sujet, mais toujours sans succès: Vous connaissez son exagération. Mais je soutiens qu'il est indécent et ridicule à un fils d'être brouillé avec son père. *A quoi bon avoir donc de l'esprit si ce n'est* pas pour se mettre au-dessus des petites tracasseries de la vie? En tout cas s'il est beau d'être généreux envers ceux dont nous avons à nous plaindre, est-il

---

1) Копія сдѣлана послѣ января 1828 г., т. е. послѣ выхода О. С. Пушкиной за Н. И. Павлищева.

encore bien plus beau de l'être envers son père, si effectivement il pouvoit avoir des tors envers son fils.

Рукою П. А. Осиповой-же: „Copie d'une lettre du p. Wiasemsky à Olga Pawli., l'année 1825“ [2]).

---

2) Письмо это вѣрнѣе, кажется, отнести къ ноябрю 1824 года, когда у Пушкина были ссоры съ родителями.

Приложеніе VI.

Письма А. Н. Вульфа къ А. Н. Вульфъ.

1.

16-го января 1828 г.

Запечатавъ и отправивъ одно письмо къ тебѣ, за недостаткомъ другой бумаги продолжаю на простой. — Право, меня совѣсть мучаетъ. Я готовъ сдѣлать обѣтъ никогда не молиться разнымъ божествамъ, но виноватъ ли я, когда я нахожу въ одной *то*, а въ другой *другое* любви достойнымъ? Здѣсь я завлеченъ силою чувства, которое застигаетъ все способное горѣть, а тамъ самолюбіе и какое-то внутреннее чувство не позволяетъ мнѣ оставаться неблагодарнымъ. Это заставляетъ меня желать быть безчувственнымъ, что, однако, иначе не можетъ быть, какъ отбросивъ всякое самолюбіе, а это трудно. Увидя красавицу, я холоденъ, она меня не занимаетъ; но коль скоро я вижу себя замѣченнымъ, и что мнѣ желаютъ нравиться, — я поневолѣ отвѣчаю ей. Теперь ясный примѣръ тому: узнавъ, что мое письмо сдѣлало непріятность, я готовъ сдѣлать все, чтобы загладить мою вину; мысль, что я — причиной печали чьей-нибудь, а особливо тѣхъ, которыхъ я цѣню, для меня нестерпима, и отъ того я не въ состояніи никогда оставить первый кого бы ни было.

Здѣшнія женщины не улучшили мое мнѣніе обо всѣхъ; правда, я почти никого еще не знаю, но, однако, подтвердили мнѣніе, что жизнь разсѣянная пагубна для семейственнаго счастья. Въ гостиной, сидя въ огромномъ чепцѣ, на диванѣ, онѣ такъ же важны, какъ браминъ, занятый созерцаніемъ Бога; съ умильнымъ участіемъ спрашиваютъ онѣ другъ друга объ здоровьѣ, какъ будто бы отъ одной изъ нихъ отказались лѣкаря, и, разсказавъ другъ другу, какъ долго каждая изъ нихъ вчера танцовала, онѣ разстаются. Подслушайте же разговоръ двухъ пріятельницъ въ спальной, — и тутъ то вы увидите, съ какимъ искусствомъ перетолковываютъ каждое слово какого-нибудь общаго ихъ друга; каждое незначущее слово получаетъ у нихъ смыслъ и такой, какой имъ захочется. Все это мнѣ казалось сначала очень страннымъ, особливо то, что и молодые люди совершенно образовались по этой методѣ. Для избѣжанія этого я взялъ себѣ за правило ничего не разсказывать въ другой горницѣ, что̀ я слышалъ въ одной: отъ того я играю очень молчаливую роль.

Родственная любовь не занимаетъ меня теперь: я не влюбился въ А., потому что она занята — не знаю кѣмъ; у меня была только способность къ тому. Кстати объ роднѣ: я еще ничего не говорилъ объ Бѣгичев[ой][1]); увидѣвъ ее въ первой разъ, я говорилъ съ ней, не узнавая ее; сначала она мнѣ не очень понравилась, но теперь кажется мнѣ лучше. По твоему совѣту я хожу туда обѣдать и не часто; она меня встрѣтила сперва выходками, что я свѣтскій человѣкъ, слѣдственно, не люблю родню, не хожу въ церковь, люблю только нѣмецкій языкъ и тому подобное; это меня очень смѣшило. Въ Висл[еневой]

1) Здѣсь разумѣется, быть можетъ, — Анна Ивановна Бѣгичева, по мужу Колзакова (о которой см. ниже, письмо отъ 16-го февраля 1830 г., примѣч. 13-е) или ея сестра Павла Ивановна, въ 1840 г. вышедшая за мужъ за Як. Андр. Дашкова.

я ничего еще не нашелъ замѣчательнаго, кромѣ филейныхъ мѣстъ, которыя, не смотря на свою величину, не имѣютъ ничего ни прелестнаго, ни изящнаго. — Сестеръ и Бар[онессу] я вижу всякій день, а теперь пойду съ визитомъ въ третій разъ къ Кат[еринѣ][2]) Вас[ильевнѣ] и Никиф[ору] Изот[овичу][3]), а въ первой—къ Миллеръ[4]), которая, какъ и сестра ея.....[5]), тебѣ кланяются, также какъ и Симанской, гдѣ я вчера (понедѣльникъ) провелъ несносныхъ два часа. — Прощай, мой Ангелъ, иду къ Барону обѣдать; сегодня его имянины.

На оборотѣ: „Въ Торжокъ. Ея Высокоблагородію Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ". Почтовый штемпель: „С.-Петербургъ, 1828, генв. 18".

2.

Сарыкіой, 16-го февраля 1830 года. № 2.

Какъ заимодавца радуетъ неожиданное полученіе долга, котораго онъ уже и не полагалъ взыскать, такъ и меня обрадовало третьяго дня полученіе писемъ твоихъ отъ 12-го и 17-го октября[1]). — Давно уже въ душѣ не обвиняя тебя болѣе за молчаніе, я терпѣливо переносилъ

---

2) Или Нат[альѣ].

3) Пушкину; Н. И. Пушкинъ, д. с. совѣтникъ, членъ Кабинета и смотритель Каменно-Островскаго дворца (род. 3-го марта 1758, умеръ 14-го октября 1831 г., на 74 г.), былъ женатъ на Евпраксіи Аристарховнѣ Кашкиной, родной теткѣ, по матери, П. А. Осиповой.

4) Дочь Ник. Изот. Пушкина, Татьяна Никифоровна была за-мужемъ за колл. асс. Миллеромъ; она род. 13-го декабря 1801, ум. 7-го ноября 1855 г.; погребена на Большой Охтѣ.

5) Фамилія не разборчиво написана; сестра Т. Н. Миллеръ, Екатерина Никифоровна (род. 6-го октября 1796, ум. 15-го мая 1864 г.) была за-мужемъ за колл. сов. Никол. Вас. Хвостовымъ (ум. въ 1837 г.).

1) Сравни отмѣтку въ записной книжкѣ Вульфа подъ 14-мъ февраля 1830 г. (см. ниже).

лишеніе часто получать твои письма, думая, что онѣ [sic] не доходятъ до меня. Теперь же я вижу, что почта лучше, чѣмъ я думалъ: письма не пропадаютъ, а только иногда лишніе два-три мѣсяца пересылаются изъ одного города въ другой. Въ продолженіе всего похода не затерялось ни одного письма ко мнѣ, исключая тѣхъ, которыя мать писала изъ Москвы. Одно непріятно только то, что, получивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ письмо, въ немъ получаешь отвѣтъ на то, что было любопытно знать полгода назадъ, или, читая въ нихъ извѣстія, принимаешь ихъ за настоящія, тогда когда онѣ [sic] уже давно прошли. — Если ты теперь рѣдко отъ меня получаешь письма, то это потому, что здѣсь мы не имѣемъ совершенно возможности отправлять ихъ на какую-либо почту; послѣднія письма, напримѣръ, я отправилъ черезъ Яссы, куда одинъ изъ нашихъ офицеровъ поѣхалъ, а это еще не знаю, — когда и кому его повѣрю.

Изъ перваго твоего письма узналъ я о потерѣ, которую сдѣлали ваши уланы въ особѣ любви достойнаго Алексѣя Степ[ановича]. — Объ ней я уже тебѣ писалъ и прибавляю теперь со вздохомъ одно восклицаніе: „О *ноги, ноги*, гдѣ вы нынѣ?“ [2]).

Во второмъ же мнѣ было два сюрприза (для ясности —

Одно словечко написать
Осмѣлился я по-французски):

если мнѣ неожиданнымъ удовольствіемъ было найти въ немъ Пуш[кинское] донесеніе о нашихъ красавицахъ [3]),

---

2) Пародія стиха изъ „Онѣгина“ (гл. I, строфа XXXI):

Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?

3) Это — письмо Пушкина изъ Малинниковъ отъ 16-го октября 1830 г.: „Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ“ и т. д.

то не менѣе я удивился любезности Netty[4]), съ которой она пользуется правомъ Берновской[5]) хозяйки: нельзя далѣе простирать вниманіе къ своимъ гостямъ, какъ она это дѣлаетъ; я увѣренъ, что домъ Баронессы М.[6]) всегда будетъ наипріятнѣйшимъ. Она не ошиблась въ своемъ предположеніи что Д. желаетъ или желалъ ей посвятить остатки своихъ дней и силъ (замѣчу мимоходомъ для людей, его знающихъ, что онъ весьма неудачно кончилъ кампанію: лихой уланъ былъ весьма плохимъ гусаромъ; теперь онъ уже не здѣсь въ полку, а въ резервныхъ эскадронахъ). На упреки Netty въ нашемъ непостоянствѣ и т. п. любезныхъ качествахъ молодости я бы ей отвѣчалъ многое, потому что я теперь вовсе тутъ безпристрастенъ и *не боюсь сказать словечко отъ того, что волкъ недалечко*, — но ей ли слушать теперь холодныя слова опытности и истины, когда воображеніе и сердце ее обольщены очарованіемъ; — вотъ почему я поблагодарю ее за любезность ко мнѣ однимъ только низкимъ поклономъ и чиннымъ поцѣлуемъ ручки.

Какъ Сомовъ[7]) въ „Сѣв[ерныхъ] Цв[ѣтахъ]“ еже-

---

4) Netty — Анна Ивановна Вульфъ, дочь Ивана Ивановича Вульфа, кузина А. Н. Вульфа; она была за-мужемъ за Трувеллеромъ. Ей Пушкинъ написалъ извѣстное четверостишіе (1828):

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ,—
И R и O позабываю
Для N и W.

5) Берново, имѣніе, пожалованное въ 1722 году бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу (дѣду Алексѣя Николаевича), перешло по наслѣдству къ Ивану Ивановичу Вульфу, отцу Netty.

6) Не знаемъ, кто это; но на какихъ-то бароновъ намекаетъ Пушкинъ въ своемъ вышеназванномъ письмѣ къ Вульфу, говоря: „Какъ жаль, ...что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили-бъ мы *барономъ* и простыхъ дворянъ“...

7) Орестъ Михайловичъ Сомовъ, литераторъ, и соредакторъ Дельвига въ „Литературной Газетѣ“; въ 1825 — 1831 гг. они вмѣстѣ издавали альманахъ „Сѣверные Цвѣты“.

годно даетъ намъ обзоръ за-годовой литерат[уры][8]), точно также Алекс[андръ] Серг[ѣевичъ] сообщаетъ мнѣ извѣстія о Тверскихъ красавицахъ[9]). Кажется, самое время не имѣетъ власти надъ нимъ, онъ не перемѣняется: вездѣ и всегда одинъ и тотъ же. Возвращеніе нашихъ барышень, вѣроятно, отвлекло его отъ Netty, которой онъ говоритъ нѣжности или относя ихъ къ другой, или [отъ] нечего дѣлать.

Въ слѣдующихъ твоихъ письмахъ я вѣрно узнаю, какъ продолжится и чѣмъ окончится любопытной его *запздъ изъ Арзерума въ Павловское*[10]). По происхожденію его, Азіатскіе вкусы не должны быть чужды: не привезъ ли онъ какого-нибудь молодого *Чубукчи-Пашу* (податель трубки)?—Это было-бы нужно для оправданія его словъ. По письму А[нны] П[етровны][11]), онъ уже въ Петербургѣ; она одного мнѣнія съ тобою въ томъ, что цинизмъ его увеличивается. — Двѣ новости, ею же мнѣ сообщенныя, были также вовсе неожиданны: одна, что О[льга] С[ергѣевна][12]) вылѣчилась съ тѣмъ, чтобы впредь уже не занемогать, т. е. разъѣхалась съ Павлищ[евымъ]. Мнѣ кажется причина ея поступка весьма основательною: кому не мило свое здоровье? — Вторая новость была для меня еще занимательнѣе, ближе сердцу, а именно *помолвка Лизы* за одного изъ ихъ сосѣдей. Ежели бы я могъ быть увѣренъ, что она дала вмѣстѣ съ своимъ словомъ и сердце (какъ часто говорятъ), то это было-бы для меня

8) Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ“ помѣщена статья Сомова „Обзоръ россійской словесности за 1828 г.“, на 1830 годъ—„Обозрѣніе Россійской словесности за первую половину 1829 г.“ и на 1831 годъ (изд. 1830) — „Обозрѣніе Россійской словесности“.

9) См. вышеуказанное письмо Пушкина отъ 16-го октября.

10) Павловское—сельцо, принадлежавшее Павлу Ивановичу Вульфу, дядѣ Ал. Ник. Вульфа; здѣсь Пушкинъ гостилъ и въ 1827 году.

11) Кернъ, двоюродной сестры А. Н. Вульфа, съ которой онъ былъ въ дѣятельной перепискѣ.

12) Павлищева, сестра Пушкина.

самое радостное извѣстіе, какое я теперь бы могъ получить. Ты видишь, что, проживъ годъ безъ женщинъ, я уже начинаю лучше объ нихъ думать; еще нѣсколько лѣтъ, — и я въ нихъ увижу Ангеловъ. Но теперь удовольствіе мое еще не полно: кто знаетъ, чего ей, можетъ быть, стоило роковое согласіе? Во всякомъ случаѣ, я вижу первую явную пользу моего отъѣзда въ армію: еслибы наша связь осталась таковою, какова она была при отъѣздѣ ея изъ Петербурга, то врядъ-ли бы она согласилась такъ скоро на чье-либо предложеніе (я говорю это, откинувъ всякое самолюбіе). Такъ то, мой другъ, теперешняя жизнь искупаетъ прежніе мои грѣхи.

Опять ты станешь жаловаться на то, что я мало говорю про настоящую мою жизнь; но она такъ однообразна, что мнѣ совершенно нечего прибавить къ прежде сказанному. Черезъ мѣсяцъ, въ половинѣ марта, предполагается вывести насъ изъ деревень въ лагерь. Это мнѣ не очень пріятно, потому что времечко еще не будетъ довольно тепло, чтобы жить подъ открытымъ небомъ. Главная причина, побуждающая къ раннему выступленію на бивуаки, есть опасеніе, чтобы въ селеніяхъ весною не усилилась чума. — Погода стоитъ очень перемѣнчивая; съ конца января здѣсь уже сошелъ снѣгъ, и мы пользовались прекраснѣйшими днями весенними, какіе на сѣверѣ бываютъ въ апрѣлѣ, такъ что въ недѣли двѣ почти распустилась и высохла земля, несмотря на морозы и снѣгъ, временемъ выпадавшій; сегодня же съ сильнымъ вѣтромъ сдѣлалась такая метель, какой и зимою не бывало. — Съ перемѣною времени премѣнилась и моя охота: оставивъ преслѣдованье заяцевъ [sic], ползаю я по тростникамъ за дикими гусями, которыхъ здѣсь, какъ и всѣхъ водяныхъ птицъ, чрезвычайное множество. Неутомимой моею охотою я пріобрѣлъ славу стрѣлка,—славу, которую я вовсе не ожидалъ заслужить. Желаніе сказать тебѣ что-нибудь

занимательное про насъ и про край, гдѣ мы живемъ, заставляетъ меня часто и надолго задумываться, — почти всегда безуспѣшно. Въ этомъ селеніи расположены теперь два первыхъ эскадрона полка, полковой и бригадный штабъ, слѣдственно,—офицеровъ стоитъ здѣсь человѣкъ съ 30 (въ полку у насъ офицеровъ чрезвычайно много— болѣе 70 человѣкъ), которые проводятъ день, шатаясь отъ одного къ другому; а вечера — мы въ разговорахъ о походѣ, гдѣ каждый съ такимъ же жаромъ, какъ бы въ первой разъ говоря, разсказываетъ свои опасности тѣмъ, которые не только сотню разъ это слышали, но сами видѣли ихъ. Занимательнѣе этихъ героидъ отчеты въ волокитствахъ за Некрасовками[1]) и насмѣшки надъ оными; здѣсь есть нѣсколько женщинъ, обратившихъ на себя общее вниманіе, но врядъ ли кто можетъ похвалиться побѣдою надъ ними. Я не участвовалъ въ этихъ поискахъ во-первыхъ отъ того, что не имѣлъ случая, и отъ того, что я весьма неопытенъ съ сельскими красавицами. Уже оконченныя представленія и награды за войну вывели разсказы объ оныхъ изъ числа обще-занимательныхъ.

Черезъ часа полтора имѣетъ быть отправленъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ курьеромъ въ Бухарестъ: пользуясь симъ случаемъ, я спѣшу окончить письмо, чтобы съ нимъ оное отослать. Я чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что ранѣе написалъ къ тебѣ, а то, можетъ быть, прогулялъ бы этотъ вѣрной случай.

Къ преждесказанному про себя я не знаю ничего новаго прибавить; я терпѣливѣе ожидаю моего производства, чѣмъ извѣстія о возвращеніи въ Россію, о которомъ мы вѣрнаго ничего не знаемъ. — Прощай, мой несравненный другъ!

---

1) Они [sic] имѣютъ полное право называться *Русскими красавицами*, пользуясь всѣми преимуществами нашихъ соотечественницъ, исчисленныхъ Вяземскимъ въ его стихотвореніи *Рус[скій] Бог*. (Примѣч. Вульфа).

26-го февраля 1830 г.

Я распечатываю письмо, чтобы отвѣчать на твое отъ 16-го ноября, мною сейчасъ полученное. Надо было всю твою любезность, чтобы сдѣлать сноснымъ расположеніе духа, въ которомъ я его получилъ, и которое ты въ прежнихъ моихъ письмахъ справедливо нашла. Но прежнее въ сравненіи съ настоящимъ—ничтожное: оно изъ комка снѣга сдѣлалось лавиной, которая меня засыпала и душитъ. Вотъ причины: письмо твое привезъ мнѣ изъ крѣпости Кистенджи офицеръ, отправленный туда за полученіемъ денегъ, лежавшихъ тамъ для нашего полка; не получая давно отъ Матери писемъ, я считалъ себя вправѣ ожидать денегъ и въ первый разъ почти былъ увѣренъ ихъ получить; но каково же мнѣ было обмануться!!! Но довольно объ этомъ: у меня горитъ голова и выступаетъ потъ на лбу, какъ въ жару лихорадки.

1830-й годъ, кажется, не высокосный, а вотъ уже вторая свадьба, о которой я слышу, и обѣ довольно неожиданныя; впрочемъ, послѣдняя (Реб.) не такъ чрезвычайно меня обрадовала, какъ ты думаешь; считая супружество необходимымъ въ нашей гражданской жизни, я всегда радуюсь замужествамъ. Кстати, прибавлю здѣсь, что мои привязанности семейственныя не столько сосредоточены, какъ ты думаешь. Переписка же моя теперь ограничена тобою, Мат[ерью] и А[нною] П[етровной]. Я совершенно согласенъ съ тобой въ мнѣніи, которое ты имѣешь объ Ан[нѣ] Ив[ановнѣ] Бѣг[ичевой][13]). Кто-бы

13) Анна Ивановна Бѣгичева, родственница Ал. Ник. Вульфа черезъ мать его — П. А. Осипову; впослѣдствіи была за-мужемъ за генералъ-адъютантомъ, адмираломъ Павломъ Андреевичемъ Колзаковымъ (род. 18-го іюля 1779, ум. 1-го сентября 1864 г.), авторомъ разсказовъ, напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1870 г. Анна Ивановна Колзакова умерла 3-го января 1879 г., на 73 г. жизни, и погребена съ мужемъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ. Ея письма къ А. Н. Вульфу см. ниже, въ приложеніи XI.

не захотѣлъ въ нее влюбиться и не старался бы снискать взаимность? Но какъ можно было мнѣ это сдѣлать, когда въ продолженіе года я ничего другого отъ нея не слышалъ какъ: „Давно ли Вы получили отъ Матушки (или сестрицы) письма?“ — Я слишкомъ разсудителенъ и холоденъ, чтобы питать безнадежныя чувства. Ты знаешь, что я, какъ волна:

Горитъ, блеститъ, но холодна.

Что ты находишь удивительнаго въ моихъ вопросахъ о Лизѣ? Кажется съ подозрѣніемъ ты говоришь объ нихъ? Мнѣ кажется очень естественнымъ желаніемъ знать, что дѣлаетъ женщина, которая за годъ передъ тѣмъ, не смотря на все, твердила, что любитъ.

Итакъ, Пуш[кинъ] правъ, что Мас (?) возвратился опять къ твоимъ ногамъ [14]); точно, трудно и для меня истолкованіе его поведенія; — воля твоя, а ума тутъ я не вижу: не такъ дѣлаются дѣла, какая бы цѣль ни была; въ военномъ искусствѣ не найдешь такихъ правилъ.

И ты, мой ангелъ, пустилась разъѣзжать по имянинамъ родственниковъ и сосѣдей? Радуюсь за тебя, что ты все не сидишь, какъ рябчикъ, въ Мал[инницкой] глуши. Я воображаю себѣ досаду, которую тебѣ дѣлаютъ вопросы объ моемъ производствѣ [15]). Я самъ не понимаю никакъ причины моего несчастія тутъ. Полкъ не виноватъ, потому что отъ него я уже три раза былъ представленъ: не знаю, кто ко мнѣ не благоволитъ?

Поцѣлуй любовницы иногда на минуту разгоняетъ съ лица печаль: такъ и я теперь разсѣялъ немного мою тоску; но, запечатавъ письмо, тѣ же заботы найдутъ на меня. — Въ заключеніе скажу тебѣ одну, нѣкоторымъ образомъ

---

14) Анна Николаевна Вульфъ за-мужъ никогда не вышла.

15) А. Н. Вульфъ былъ произведенъ въ корнеты Гусарскаго Принца Оранскаго полка 5-го мая 1880 года.

пріятную новость: въ началѣ іюня мы перейдемъ за Днѣстръ, вступимъ въ Россію; оно тѣмъ пріятно, что теперь не опасается уже никто здѣсь остаться до сентября или итти въ Молдавію.

Прощай, моя утѣшительница!

Все письмо исколото въ карантинѣ при окуриваніи.

3.

Антоновка 20-го января 1831 г.

На твое письмо отъ 20-го декабря не удалось мнѣ такъ скоро отвѣчать, какъ я желалъ; на прошлой почтѣ я успѣлъ только отправить письмо къ Матери. Можетъ быть, при полученіи онаго, ты опять подумаешь: „Онъ ко мнѣ одной не пишетъ“ и т. п., но противъ такого обвиненія я напомню тебѣ недавнія твои обѣщанія не сомнѣваться во мнѣ.

Вчера я возвратился изъ Сквиры, гдѣ былъ нашъ дивизіонный начальникъ, а завтра ожидаемъ мы сюда нашего бригаднаго — Муравьева, который будетъ смотрѣть эскадронъ; отъ этого я все и разъѣзжаю съ одного мѣста въ другое. Вмѣсто того, чтобы въ половинѣ февраля идти въ Бердичевъ для содержанія караула, пойдемъ мы въ Сквиру; такой перемѣной я не очень доволенъ: до перваго апрѣля жить въ скучной Сквирѣ совсѣмъ не весело. Но на такую жизнь не должно жаловаться: все лучше, чѣмъ это время быть въ походѣ. Кажется, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что насъ не тронутъ съ мѣста, что поляковъ усмирятъ скоро и что Европейской войны нельзя опасаться. — Вотъ, кажется, я сказалъ тебѣ все, что есть въ настоящемъ и ожидаю въ будущемъ до весны.

Вѣрно жизнь Пуш[кина] въ Нижегород[ской] деревнѣ была очень похожа на Михайл[овскую], когда она ему

такъ живо напомнила послѣднюю, что онъ вздумалъ писать къ вамъ[1]). Какъ можетъ *Ушакова*[2]) знать твое мнѣніе о его женитьбѣ? Не хотѣлъ-ли онъ сказать только, можетъ быть, что Уш[акова] одного мнѣнія съ тобою объ этомъ предметѣ, а не то, чтобы она *повторяла твои слова:* до такой степени я не думаю, чтобы васъ другъ съ другомъ заочно П[ушкинъ] познакомилъ: точно это бы не было лестно ни тебѣ, ни ей. Теперь, когда холера прекратилась въ Москвѣ, вѣроятно и онъ оставилъ свое убѣжище и возвратился къ своей прелестницѣ[3]); къ тому же, теперь и самое свободное время года до великаго поста.

Третьяго дня пріѣздъ одного изъ моихъ товарищей, а вчера смотры Муравьева не давали мнѣ времени продолжать къ тебѣ письмо; между тѣмъ, получилъ я твое отъ 11-го января, меня чрезвычайно обрадовавшее, до такой степени, что сегодня, на третій день, пріятное впечатлѣніе отъ онаго продолжается, несмотря на то, что радостныя ощущенія рѣдко бываютъ продолжительны. Точно, тетушка Надежда Гавриловна[4]) въ своемъ родѣ неоцѣненная: одно ея пребываніе въ губерніи уже достаточно, чтобы заставить веселиться; безъ нея едва-ли кто извлекъ-бы васъ изъ очаровательнаго, очарованнаго Тригорскаго. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было читать, что новый годъ ты встрѣтила у прекраснаго г. *Валуева*, что я опасался, не страдаешь-ли ты все еще несносными спазмами. — Господа инженеры вѣрно были порядочные люди, когда тебѣ не было скучно съ ними; а самъ г-нъ В. — Сашенькина прелесть — былъ-ли онъ съ тобою такъ-же любезенъ какъ, помнишь, лѣтомъ, возвратясь въ мирный свой домъ? Вамъ еще чувствитель-

1) Это, вѣроятно, письмо къ П. А. Осиповой изъ Болдина, отнесенное въ изданіи Литерат. Фонда (т. VII, стр. 237) къ сентябрю 1830 г.: „C'est dans la solitude de Boldino“ и т. д.

2) Сосѣдка Вульфовъ по Тверской деревнѣ (см. ниже).

3) Пушкинъ вернулся въ Москву, къ невѣстѣ, еще 5-го декабря 1830 г.

4) Тетка А. Н. Вульфа; см. письмо отъ 30-го іюня 1834 г.

нѣе должно быть лишеніе удовольствій, которыя могутъ какимъ-нибудь чудомъ родиться и въ Псковѣ во время прохода войскъ; впрочемъ, невѣроятно, чтобы это случилось; развѣ не сойдется-ли гвардія какъ-нибудь тамъ съ ярмаркою? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій объ дальнѣйшихъ успѣхахъ и побѣдахъ Евпраксѣи[5]) и желаю, чтобы они были столь-же важны, какъ и самъ баронъ, — дай Богъ ему смѣлости. А пуще всего направь его стопы на путь истинный, а не на тотъ, по которому идетъ бо́льшая часть нашей братіи. Отъ того ли, что я по себѣ самому сужу, но на молодежь я мало надѣюсь, впрочемъ.... Но, какъ бы то ни было, а еслибы это случилось, то у меня уже готовъ планъ прекраснѣйшихъ послѣдствій такого событія.

За поклонъ, который ты мнѣ передаешь отъ Ольги Вас. Б., я уже третій день, какъ въ нее влюбленъ и надѣюсь остаться вѣрнымъ или сохранить способность до пріятной минуты, когда случай сведетъ меня опять съ нею. Ея милое сознаніе меня чрезвычайно обрадовало, — а если она точно живетъ въ чемъ-либо сходно съ Баронессою, то это только увеличиваетъ нетерпѣніе мое повергнуться къ ея стопамъ (это отзывается немного польскимъ здѣшнимъ краемъ). Наше знакомство, кажется, относится къ 1817 или 16 году (ты, вѣрно, засмѣешься наслѣдственной моей способности помнить числа, но здѣсь хоть особенная причина), когда она съ Мат[ерью] была въ Петровскомъ: нѣсколько сценъ того времени остались у меня въ памяти; потомъ встрѣтилъ я ее въ Островѣ, четыре года тому назадъ у постели ея больной матери (какъ давно!!), почти такъ, какъ Байронъ въ поэмѣ своей „*Сонъ*“ встрѣчаетъ во второй разъ свою Марію. Теперь я

---

5) Евпр. Ник. Вульфъ вышла за-мужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго 8-го іюня 1831 г.

ожидаю третьяго свиданія. Всегда я желалъ найти случай познакомиться съ нею; во всемъ, что̀ я про нее слышалъ, всегда я принималъ живое участіе; а ея прекрасный станъ, ея привлекательныя движенія и теперь живо себѣ представляю; это для меня тѣмъ удивительнѣе, что я съ нею былъ только нѣсколько минутъ, не сказалъ двухъ словъ, и тому уже прошло что-то много времени.

Но что ты скажешь о томъ, что она меня завела вотъ въ другой листъ бумаги, и что уже совѣстясь передъ тобою перестаю объ ней говорить, хотя и имѣю, кажется, еще многое про нее сказать?

По твоимъ словамъ Пуш[кинъ] долженъ быть теперь уже женатъ[6]); но я не столько нетерпѣливъ видѣть *Госпожу Пуш[кину]*, потому что я *себя извыдалъ — и смиряюсь*. Не знаю, время-ли, или образъ жизни причиною, но я примѣтно хладѣю; только воспоминаніе изрѣдка оживляетъ, согрѣваетъ меня и то не надолго: со вздохомъ о былломъ я возвращаюсь къ опытной сущности.

Можно-ли было ожидать потери такого здороваго, въ цвѣтѣ силъ молодого человѣка, какъ былъ молодой Висл[еневъ]? По наружности должно было полагать, что онъ проживетъ цѣлый вѣкъ! Въ такихъ случаяхъ всѣ разсужденія заключаются однимъ: что онъ ничего не потерялъ. Вдругъ остаться одной изъ цѣлаго семейства — очень тягостно; за то Ксенія В. болѣе привяжется къ своему мужу, если она его любитъ, или къ Аннѣ Ив[ановнѣ], которой тоже подобное утѣшеніе было бы къ стати; странно, что съ ея достоинствами, съ ея состояніемъ и живучи, наконецъ, всегда въ столицѣ, она по сю пору не за-мужемъ.

Евпраксѣя, кромѣ главнаго своего завоеванія, назвала еще два другихъ, а для кого же съ такимъ тщаніемъ взби-

---

6) Свадьба Пушкина была 18-го февраля 1831 г.

вала свои волосы Саша[7]), столько мѣсяцевъ спокойно и гладко лежавшіе по ея лбу?

Много благодарю тебя за посылку родимой земли Тригорской, которую, еслибы она не высыпалась на пути, я бы вѣрно привѣсилъ на шею къ кресту, которой всякой православной обязанъ носить. За такую любезность я не останусь въ долгу и посылаю тебѣ, за неимѣніемъ еще фіалокъ, вѣточку душистой травки, которая еще съ осени украшала мою хату. Мы становимся чрезвычайно сентиментальны, — и это, кажется, не примѣта молодости. — Прощай, моя душа; живучи въ Сквирѣ, я буду опять чаще къ тебѣ писать. — 30-го января.

Бумага съ водяными знаками: Г. У. Ф. Нс. П. 1829. На конвертѣ адресъ: „Во Псковъ. Ея Высокоблагородію Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. Въ С. Тригорское". Запечатано сургучемъ съ оттискомъ какой-то арабской надписи.

4.

Варшава, 1-го сентября 1832 года.

Ты совершенно права, упрекая меня въ послѣднемъ письмѣ твоемъ отъ 25-го іюля (каково письма ходятъ!), что я одно время, — и какое! — провелъ долго къ тебѣ не писавъ, а я кругомъ виноватъ и утѣшаюсь только тѣмъ, что это непріятное, тягостное для тебя время уже прошло; впредь же я постараюсь, чтобы подобнаго со мной не случалось. Ежели бы, однако, это, сверхъ чаянія, и случилось еще когда-нибудь, то ты совершенно невправѣ думать, что это дѣлается изъ забвенія тебя или тому подобныхъ причинъ; кажется, мы другъ друга довольно

7) Дочь Ив. Саф. Осипова (вотчима А. Н. Вульфа) отъ 1-го его брака — Александра Ивановна Осипова; 5-го февраля 1833 года она вышла за-мужъ за Псковскаго полиціймейстера подполковника Петра Николаевича Беклешова; она умерла въ Петербургѣ въ 1864 году. (*С. Петерб. Вѣдом.* 1866 г., № 189).

давно знаемъ, чтобы мыслить другъ о другѣ подобное. Къ тому же, въ такомъ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого, когда цѣлый мѣсяцъ путешествуетъ письмо, не должно удивляться, если оно иногда опоздаетъ; отъ того же и переходишь невольно отъ еженедѣльной переписки къ ежемѣсячной, которая отъ того дѣлается связнѣе, потому что меньше повторяешь и однимъ разомъ оканчиваешь предметъ, а не говоришь три мѣсяца сряду объ немъ, какъ, напримѣръ, объ сговорѣ Сашеньки[1]). Вотъ почему я бы готовъ былъ предложить, чтобы прежде не писать, пока не получишь отвѣта на послѣднее письмо.— Нѣтъ, это не годится, письма идутъ такъ медленно, что въ годъ ихъ бы болѣе шести не получилъ: лучше остаться при прежнемъ.

Какое несносное для тебя это лѣто, печальное: начиная отъ погоды, все въ продолженіе его тебя мучило; дай Богъ, чтобы вамъ выѣхать скорѣе въ Петербургъ, а то я предвижу, что и свадьбѣ такъ скоро не бывать. Откуда эта мысль дожидаться *Семенова* какъ *Мессію*, тѣмъ болѣе, что онъ еще ничего не обѣщалъ. Я опасаюсь тоже, чтобы эту осень не напомнилъ Ломбардъ, что „можно ждать, но что всему есть мѣра“[2]). — Въ этомъ письмѣ къ М[атери] я говорю ей объ томъ, что искушаюсь теперь желаніемъ проситься въ отставку; это приготовленіе *на всякой случай*, потому что я не отвѣчаю за то, [что] до января мѣсяца не стану проситься въ отставку, особенно, ежели положеніе мое въ службѣ не перемѣнится; тогда мнѣ рѣшительно не для чего служить, — развѣ ради удовольствія волочиться за польками; но это удовольствіе не такъ велико.

---

1) Александра Ивановна Осипова, падчерица П. А. Осиповой; она была невѣстой П. Н. Беклешова (см. предыдущее письмо).

2) Тригорское было заложено въ Опекунскомъ Совѣтѣ и Алексѣй Николаевичъ хлопоталъ о его перезалогѣ.

Каково-бы оно ни было, но какъ единственное мое занятіе здѣсь, то я и не могу объ немъ умолчать. Я говорилъ уже тебѣ, на какой точкѣ я былъ съ *Вольфшею*[3]), когда она мнѣ объявила объ пріѣздѣ графини, и какъ я нашелъ послѣднюю; съ тѣхъ поръ я почти совершенно оставилъ первую, тѣмъ болѣе, что она вскорѣ уѣхала, къ конечному огорченію Льва[4]), въ деревню и посвятилъ свои вечера послѣдней. Съ недѣлю мы провели въ дружескихъ бесѣдахъ о Плаутинѣ[5]), о семейственной нашей жизни, которую тогда вели, потомъ начали объяснять причины странной нашей дружбы, открыли другъ у друга чрезвычайную склонность и природный даръ къ поцѣлуямъ, а наконецъ и то, что есть еще живѣйшія наслажденія..... Съ того времени мы пользуемся ими умѣренно и въ особенности *безмятежно*, безъ тѣни всякой печали, что̀ весьма рѣдко случается. Это отъ того, что мы сначала не брали на себя никакой *роли*. Я не увѣрялъ ее ни въ чемъ, не просилъ у нея ничего. Совершенно свободные, ничѣмъ не связанные, мы бываемъ вмѣстѣ столько, сколько намъ это доставляетъ удовольствія и доказываемъ тѣмъ самымъ, что мы желаемъ быть вмѣстѣ. Такое свободное, безъ примѣси всякой лживости, отношеніе имѣетъ неизъяснимую прелесть: такъ легко, пріятно всегда быть самимъ собою, говорить, что̀ приходитъ на мысль, ибо за каждое слово не отвѣчаешь, какъ на исповѣди, и не обя-

---

3) О знакомствѣ съ этою особою Вульфъ говоритъ нѣсколько разъ въ своемъ дневникѣ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, стр. 179, 180, 182).

4) Л. С. Пушкина, жившаго тогда въ Варшавѣ; онъ служилъ въ Финляндскомъ драгунскомъ полку; 17-го декабря 1832 г. онъ вышелъ въ отставку капитаномъ. Онъ познакомилъ Вульфа съ „Вольфшею“ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, стр. 178).

5) Николай Ѳедоровичъ Плаутинъ (род. 13-го января 1796, ум. 24-го декабря 1866 г.), тогда генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 3-й гусарской дивизіи; впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи и членъ Государственнаго Совѣта.

занъ писать на другое утро объясненій ему. Кромѣ того, еще и не столько теряешь времени, какъ съ этими *пагубными страстями*, имѣешь свободный часъ побывать съ пріятелемъ, прочитать книгу, даже, если бы хотѣлъ, то и за другими поволочиться. Право, нѣтъ ничего лучше такой дружбы! Съ *Плаутинымъ* кончилась ея связь, тѣмъ болѣе, что на этихъ дняхъ узнали мы объ его *женитьбѣ* на Графинѣ *Калиновской*. Это *Сквирская* еще его невѣста, которую ему приготовляли еще, когда она была въ Институтѣ, изъ котораго она вышла только въ нынѣшнемъ году [6]). Кромѣ того, что она хороша собой, но и очень богата. *Плаутинъ* чрезвычайно щастливъ; все ему удается по желанію; здѣсь онъ даже имѣлъ выборъ между двумя.

Недавно я получилъ письмо отъ А[нны] П[етровны] [7]); она радуется твоимъ письмамъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда. Отъ *Хитровой* также ожидаетъ она чего-то. Ольга С[ергѣевна] [8]), по ея словамъ, едва-ли скоро выѣдетъ оттуда.

Александра [9]), точно, кажется помирилась; ея письмо, которымъ извѣщаетъ о выборѣ себѣ мужа, очень мило. Она очень щастлива тѣмъ, что своимъ выборомъ угодила и М[атери] вмѣстѣ, — слѣдственно, она имѣетъ всѣ причины ожидать щастливую будущность. М[ать] пишетъ, что Валеріанъ не *зрѣетъ;* какъ ты находишь его? имѣетъ ли онъ опредѣленныя понятія о вещахъ, о томъ, чего онъ хочетъ, и все-ли желаетъ онъ вступить въ военную службу? М[ать] предвидитъ большія затрудненія пустить его въ

---

6) Графиня Северина Осиповна Калиновская выпущена была въ 1832 г. изъ Училища Ордена св. Екатерины въ Петербургѣ съ малымъ шифромъ.

7) Керн.

8) Павлищева; она пріѣхала въ Варшаву изъ Михайловскаго, гдѣ гостила у стариковъ Пушкиныхъ, около 10-го апрѣля (см. Л. Н. Павлищевъ. „Изъ семейной хроники“, М. 1890, стр. 301 — 302).

9) Александра Ивановна Осипова.

свѣтъ, а скоро должна будетъ это сдѣлать: ему уже 20 лѣтъ[10]).

Я слышу, что Евпраксія не кормитъ болѣе своего наслѣдника: здорова ли она?—Обними ее за меня и попроси ее, чтобы она за меня то-же сдѣлала съ Борисомъ[11]).

Прощай, моя душенька.

Адресъ: „Сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ“.

5.

14-го (26) мая 1833 г. [Г. Холмъ].

Сожалѣю очень, что образцовые башмаки мои тебѣ не въ пору, хоть я ихъ и заказывалъ по твоему башмаку.— Чему тутъ удивляться, что я помню о твоихъ нуждахъ: въ Варшавѣ живучи, всякая женщина, на улицѣ встрѣчающаяся, мнѣ ихъ напоминала, ибо всѣ польки съ большимъ тщаніемъ обуваются, — эту справедливость должно имъ отдать. Большая часть щеголихъ, напримѣръ, наша Вольфша, другихъ не носятъ чулокъ, какъ шелковые. Впрочемъ, главнаго, что я хотѣлъ знать, мнѣ ты не сказала: хорошо ли они сшиты, лучше ли Петербургскихъ (въ чемъ я сомнѣваюсь) и слѣдовательно, стоитъ ли ихъ отсюда везти?

Справедливо, моя душа, твое сомнѣніе въ томъ, что едва-ли мнѣ возможно будетъ скоро ѣхать отсюда: я самъ

---

10) Валеріанъ Николаевичъ Вульфъ (род. въ с. Берновѣ 22-го мая 1812 г., ум. 12-го марта 1845 г. въ с. Голубовѣ); черезъ 4 года онъ поступилъ (4-го февраля 1836) унтеръ-офицеромъ въ Уланскій в. к. Михаила Павловича полкъ.

11) Баронесса Е. Н. и ея мужъ баронъ Б. А. Вревскіе.

начинаю этого опасаться. Отставка моя остановилась[1]); да еслибы теперь и вышла, то мнѣ не было бы легче. Матушка на Страстной недѣлѣ написала ко мнѣ, что *собирается писать* на слѣдующей почтѣ, но тѣмъ, кажется, и заключила[2]). — Такъ что я рѣшительно не вѣдаю, что изъ всего этого выйдетъ. Въ послѣднемъ твоемъ письмѣ отъ 14-го апрѣля, извѣстивъ о твоемъ сомнѣніи ѣхать или не ѣхать тебѣ въ Псковъ, ты спрашиваешь у меня, *что мнѣ еще сказать?* — Спросивъ потомъ, въ сношеніи ли я съ Варш[авою] и Ольгою Сергѣевной[3]), хвалишься тѣмъ, что когда ты изъ Тригорскаго нашла, чѣмъ исписать четвертку бумаги, какъ я не нахожу ничего тебѣ написать. — Истинно, мой другъ! но вопросами я не только четвертку, но и цѣлую стопу испишу тебѣ,—и ты все отъ этого ни на шагъ впередъ не подвинешься. Помнишь-ли, я разъ написалъ тебѣ изъ Петербурга письмецо въ этомъ родѣ? — Если Ольга С[ергѣевна] и намѣревалась съ мужемъ жить побратски, то можно ли было предполагать, что онъ для того ее вывезетъ изъ Петербурга въ Варшаву, чтобы сидѣть противъ нея и любоваться ею? Такихъ идеаловъ не должно искать въ этомъ мірѣ; впрочемъ, слухъ, который до тебя дошелъ, мнѣ не кажется невѣроятнымъ. — Читая это письмо, мой Ангелъ, ты подумаешь, что я объѣлся бѣлены: въ такомъ любезномъ тонѣ оно написано, не правда-ли? Проживешь еще долѣе въ Хелмѣ, такъ будешь бросаться и на прохожихъ. Покуда сдѣлался я еще только *мечтателемъ*, — нѣсколько времени съ нетерпѣніемъ ожидалъ я восхода *новаго мѣсяца* и съ тѣхъ поръ,

---

1) А. Н. Вульфъ вышелъ въ отставку штабсъ-ротмистромъ вскорѣ же послѣ написанія этого письма.

2) На молчаніе матери онъ жалуется и въ своемъ дневникѣ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, С.-Пб. 1899, стр. 197); впрочемъ, П. А. Осипова, какъ видно изъ ея записи въ календарѣ, отправила сыну письмо въ Хлынъ (sic) 9-го мая (см. ниже, выдержки изъ календарей П. А. Осиповой).

3) Павлищевою, рожд. Пушкиной, которая тогда жила въ Варшавѣ.

какъ онъ явился, всѣ мои удовольствія заключаются въ прогулкахъ при свѣтѣ его.

Вотъ тебѣ, моя милая, письмецо, если не пространное, то ужъ, вѣрно, не *пустое*, потому что ярко изображаетъ состояніе моего духа. Если и этимъ ты не будешь довольна, то въ слѣдующемъ разскажу тебѣ всѣ полковыя глупости, начиная съ полковника и его семьи, до послѣдняго похожденія младшаго въ полку корнета, которыя столь же любопытны должны быть для тебя, какъ газетныя извѣстія о томъ, гдѣ выпалъ градъ и тому подобное.

Прощай, мой несравненный другъ, — не гнѣвайся на твоего *безотвѣтнаго* и сама больше разсказывай, а не спрашивай.

На оборотѣ: Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

6.

10 (22)-го іюня 1833 г. Г. Холмъ.

И письмо твое *сердоликовое* дошло до меня, мой другъ! оно опоздало отъ того, что было въ Грубешовѣ, гдѣ полкъ теперь до времени стоитъ. Какъ изъ сего, такъ и изъ прежнихъ моихъ писемъ ты убѣдишься, что я держусь постоянно принятому правилу тотчасъ отвѣчать на письма, и теперь надѣюсь, что не можешь пѣнять на мое молчаніе.

И мнѣ жаль твоего кольца, которому красотою равнаго не видывалъ; сожалѣніе же мое постараюсь доказать тѣмъ, что употребляю все возможное стараніе, чтобы отыскать такое, какое ты желаешь. Желаніе твое узрѣть меня въ іюнѣ, видишь, мой другъ, не исполнилось; и я самъ не вѣдаю, кто знаетъ, когда оно исполнится; отставка моя вѣроятно теперь, когда государь не на мѣстѣ, еще болѣе замедлится, такъ что я уже и перестаю ожидать оную, что̀ мнѣ надоѣло. Я вынужденнымъ нахожусь терпѣливо

ожидать 1-го сентября, подать прошеніе объ отпускѣ, — ибо оно выходитъ скорѣе отставки, — и, получивъ оный, вторично просить объ отставкѣ. Вотъ на какую даль отсрочено наше свиданіе, моя милая!! Такъ погибаетъ у меня *цѣлый годъ* жизни въ безполезномъ и самомъ скучномъ образѣ жизни, которой я когда-либо велъ!

Получивъ деньги, имѣлъ я возможность на этихъ дняхъ воспользоваться приглашеніемъ милой жены Плаутина[1]), для меня весьма лестнымъ, съѣздить въ дивизіонную квартиру, гдѣ, кромѣ ея, живетъ также и *Муравьева*; мужъ ея, за отсутствіемъ, командуетъ дивизіею; между этими двумя генеральшами я старался такъ дѣлить время, чтобы ни одну не обидѣть предпочтеніемъ другой, тѣмъ болѣе, что обѣ равно благосклонны ко мнѣ. Первая еще сущій ребенокъ, настоящая институтка: много дурачится, смѣется—даже иногда надъ раннею *сѣдиною* мужа; только, кажется, безъ всякаго дурного намѣренія; вообще, чрезвычайно забавна. Другую я очень люблю, потому что, если она собою и не хороша и не молода уже, но очень любезна, добра, любитъ поговорить, *поврать* иногда или посмѣяться надъ другими, часто очень остро. Жаль, что мужья, всегдашнія собесѣдники, не допускали меня завираться съ послѣдней; съ первою же, которой мужъ преподаетъ уроки, какъ наставникъ, я не только не позволялъ себѣ пускаться въ нѣжность, но даже долженъ былъ *потакать* мужу и увѣрять также въ *суетѣ свѣтскихъ удовольствій*. Вотъ, что значитъ неравенство лѣтъ и въ самомъ щастливомъ случаѣ! Бѣда мужу, если жена ищетъ занятія: рано или поздно она его найдетъ. Четыре дня, которые я провелъ въ этомъ обществѣ, можно назвать очень пріятно проведенными, въ сравненіи съ здѣшнею моею жизнью. Теперь я стану чаще посѣщать пріятель-

1) Николая Ѳедоровича; см. письмо отъ 1-го сентября 1832.

ницъ моихъ, тѣмъ болѣе, что Муравьевъ съ своею бригадою скоро уходитъ въ Россію.

Службою меня, какъ отходящаго, теперь не безпокоятъ. Дубельтъ хотѣлъ было поручить мнѣ начальство надъ пограничной цѣпью вдоль границы Галиціи, но Плаутинъ избавилъ меня отъ этой непріятности. Вотъ тебѣ послѣднія мои новости; въ ожиданіи твоихъ обнимаю тебя, моя душенька!

Скоро годъ, какъ не получаю отъ А[нны] П[етровны][2]) писемъ; если ты къ ней пишешь, то спроси у ней о причинѣ и получаетъ-ли она мои письма, которыя — не щадя своего добраго имени — я отправлялъ къ ней черезъ Жандармское управленіе.

На конвертѣ адресъ: Въ г. Псковъ. Ея Высокоблагородію Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. „I. W. P. Wulff w Pskow“. Почтовый штемпель „Chełm“.

7.

24-го іюля 1833 года.

Получивъ письмо твое отъ 27-го іюня, я не теряю ни минуты, спѣшу съ нетерпѣніемъ благодарить тебя, моя несравненная, за оное, несмотря на то, что ты въ ономъ меня сравниваешь весьма остроумно съ эмблемою вѣрности и постоянства и даже бѣшенаго; несмотря на то, повторю, прочиталъ я его съ величайшимъ удовольствіемъ и, читая, отъ души смѣялся. Если бы я былъ съ тобою теперь, то не удержалъ бы себя въ желаніи разцѣловать тебя, твои ручки, даже ножки — отъ восторга: именно отъ одного этого чувства.

И такъ, ты, прелесть моя, не шутя, читая мои письма, гнѣвалась на меня?—За что же? За то-ли, что я избиралъ тебя въ повѣренныя моей печали, моей тоски? Развѣ ты

2) Керн.

была причиною ихъ, что ты на себя все принимала? И если бы ты была виновною въ томъ, сталъ-ли бы я тебя тогда обвинять въ глаза? Нѣтъ, я бы тогда молчалъ. И за все это ты угрожаешь перестать ко мнѣ писать! Вотъ если бы я тебя считалъ способною къ выполненію сихъ словъ, тогда можно было-бы кой-кому сердиться, только не тебѣ. Не доженъ-ли я въ письмѣ передавать именно то состояніе, въ которомъ я нахожусь во время писанія? Вотъ теперь я и говорю, какъ утѣшило меня твое письмо, какъ я имъ доволенъ: до того, что мнѣ кажется весьма возможнымъ, для разнообразія и оживленія переписки, этакъ иногда поссориться; разумѣется, что только изъ недоразумѣнія это позволительно, а не впрямъ. Впрочемъ, если ты внимательно прочтешь мои письма, на которыя ты такъ нападаешь, то я весьма сомнѣваюсь, чтобы ты въ нихъ могла отыскать хоть одно выраженіе или мысль, которая относилась бы къ тебѣ лично или обвиняла бы тебя въ чемъ-либо; я, по крайней мѣрѣ, никогда не мыслилъ что-либо подобное написать; это я торжественно утверждаю. Теперь, надѣюсь, я болѣе не буду подавать поводу къ обвиненію меня въ чемъ-либо, до сего относящемся; желаніе твое исполнилось: твое письмо застало меня въ лучшемъ духѣ. Почему? Ты это знаешь уже изъ послѣдняго, вчерашняго письма къ Мат[ери]: моя отставка уже вышла, я свободенъ, и забота одна осталась мнѣ, какимъ образомъ ускорить минуту нашего свиданія. Боюсь я, не одинъ мѣсяцъ пройдетъ, пока она исполнится, хотя, кажется, и въ нашихъ рукахъ она лежитъ. — Съ наличными деньгами, благодаря Рейхману [1]), которыхъ у меня теперь есть рублей 400, мнѣ и до дому невозможно доѣхать, на прогоны больше издержу; слѣдственно, принужденъ

1) Рейхманъ—управляющій П. А. Осиповой, жившій въ Малинникахъ; о немъ пишетъ Пушкинъ въ письмѣ къ женѣ отъ 24-го августа 1833 г. и къ П. А. Осиповой отъ 29 іюня — 13 іюля 1834 г.

я дожидаться, пока получу оныя. Надо также мнѣ и одѣться, — ѣхать для того въ Варшаву, гдѣ можно это сдѣлать на кредитъ. Заѣхавъ же однажды туда, что̀ станешь дѣлать, если еще мѣсяцевъ шесть пройдетъ въ одной перепискѣ о деньгахъ. Это, признаюсь, пугаетъ меня; я не рѣшаюсь ни на что, видя вездѣ такія опасности, — какъ ни необходима мнѣ поѣздка въ Варшаву. Но если я бы хоть нѣсколько сотъ имѣлъ еще рублей, то прямо бы поскакалъ къ вамъ въ Тригорское, хоть въ одномъ сертукѣ, съ котораго только что снялъ эполеты. Къ сожалѣнію, какъ ни думай, а ничего лучше не придумаешь, какъ ѣхать въ Варшаву; почему, получивъ это письмо, и полагай меня уже тамъ. Это будетъ въ половинѣ августа; положимъ, что къ 1-му сентября М[атери] возможно будетъ выслать мнѣ деньги туда; черезъ мѣсяцъ я ихъ получу, — а въ октябрѣ, слѣдственно, я могу тебя уже увидѣть. Увы, это еще почти три мѣсяца![2])

Вотъ вы опять въ Тригорскомъ, гдѣ, видно, не такъ скучно, что и Саш[енька][3]) желаетъ въ оное возвратиться на нѣсколько времени; ежели она такъ ревнива, то должно ей еще благодарить Провидѣніе за такого мужа, какъ ея; и если она скоро не успокоится, то навѣрное можно полагать, что скоро выгонитъ изъ дому мужа; за это можно поручиться. Я желаю, чтобы *Лиза* не слѣдовала ея совѣту; она не такъ ревнива; недавно, въ порывѣ мечтательности, возбужденномъ послѣднимъ полнымъ сіяніемъ луны и воспоминаніями, написалъ я къ послѣдней очень нѣжное письмо, такое длинное, что если она его прочтетъ безъ остановки, то вѣрно она неравнодушна ко мнѣ. — А[нна] П[етровна][4]) писала ко мнѣ тоже, и я долженъ былъ, какъ ты, отвѣчать тѣмъ же.

---

2) Лишь 20-го ноября 1833 г. Вульфъ былъ въ Тригорскомъ.

3) Ал. Ив. Беклешова, рожд. Осипова.

4) Кернъ.

Отнынѣ я надѣюсь, душенька моя, что ты не станешь больше сердиться на меня за мои письма; я не буду болѣе къ тому подавать причины. Слѣдующее мое, вѣроятно, будетъ изъ Варшавы, куда и пиши ко мнѣ не медля: и тамъ вѣдь я буду жить однимъ только ожиданіемъ. Прощай, моя милая.

8.

Іюня 30-го дня 1834 года. Малинники.

Передо мною лежатъ два письма твоихъ, изъ коихъ не знаю, право, которому долженъ отдать предпочтеніе, которое милѣе, которое болѣе принесло мнѣ радостей — и на оба я еще не отвѣчалъ. Какъ не сознаться послѣ этого, что ежечасно я становлюсь хуже и хуже, менѣе и менѣе достойнымъ твоей нѣжности. Все это совершенно справедливо, одного только не думай, чтобы любовь моя къ тебѣ уменьшилась-бы сколько-нибудь: я такъ далекъ отъ этого, что и не стану тебя даже увѣрять въ этомъ.— Хозяйство, глупое хозяйство и разъѣзды, также не очень забавные, — вотъ, что у меня поглощаетъ все мое время; но объ этомъ послѣ: сперва поговоримъ о томъ, что ты пишешь.—Начнемъ съ ковшика; напрасно упрекаешь ты меня, что я забылъ объ немъ: тогда бы я не помнилъ и твоихъ *ручекъ*, а возможно-ли это? Какую-бы пару хорошенькихъ я ни встрѣчалъ, всегда первая мысль есть сравнить ихъ съ твоими и всегда бѣдненькимъ бываетъ это не выгодно, все остаются твои Европейскими, несравненными, единственными. — Нѣтъ, моя душа, передъ отправленіемъ каменьщиковъ къ Евпраксіи[1]), будучи въ Торжкѣ, я самъ искалъ этихъ ковшиковъ, но напрасно; даже и на послѣней ярмаркѣ въ Старицѣ, гуляя по ря-

1) Баронесса Евпр. Никол. Вревская.

дамъ съ Ермолаевыми, я не забывалъ объ нихъ, но и тутъ такихъ хорошенькихъ, какъ твой, не видалъ. Разсужденіе же твое объ важности бездѣлицъ весьма основательно; я хоть еще не знаю и не испытывалъ супружеской жизни, хотя и имѣю къ тому большое желаніе (т. е. къ испытанію), но полагаю, что такія въ ономъ бездѣлицы весьма важны. И такъ, ты не нашла никакой перемѣны въ извѣстныхъ лицахъ въ отношеніи къ тебѣ и находишь меня гораздо затѣйливѣе ихъ; можетъ статься, что ты и права въ томъ; болѣе же всего радуюсь я тому, что желанія этихъ лицъ ограниченны, что̀ доказываетъ, что гораздо меньшимъ пользуются, ибо извѣстно: чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ большаго желаешь.

Для симметріи къ твоимъ вѣстямъ скажу тебѣ, что ты также совершенно основательно судишь и объ моей непобѣдимой, и объ М. — На этихъ дняхъ имѣлъ я съ ними много возни; поздравивъ первую съ тѣмъ, что ежедневно платье ее становится короче, сказалъ я ей, что мнѣ теперь не остается ничего другого дѣлать, какъ *огласить* (compromettre) ее и черезъ четверть часа почти это и случилось; вотъ какъ иногда мы дѣлаемся вѣщими. Эта неосторожность была мнѣ прощена; но третьяго дня у Пав[ла] Ив[ановича][2]) на имянинахъ пришло мнѣ на мысль отвѣдать, точно ли можно извлечь что-либо изъ М.; это было замѣчено, и негодованіе было такъ сильно, что я даже радовался тому, что она способна была такъ сильно чувствовать. Она увѣряла меня также,что и къ своей пріятельницѣ

---

2) Пав. Ив. Вульфъ, дядя Алексѣя Николаевича, жилъ въ принадлежавшемъ ему сельцѣ Павловскомъ, сосѣднемъ съ Малинниками, въ которомъ живалъ и Пушкинъ, и Вульфъ; былъ подпоручикъ въ отставкѣ; въ 1826 году П. А. Осипова купила у него сельцо Марицыно, въ томъ же Старицкомъ уѣздѣ. П. И. Вульфъ умеръ въ бѣдности, и съ тѣхъ поръ Павловское перешло уже черезъ нѣсколько рукъ (см. В. Колосовъ. А. С. Пушкинъ въ Тверской губ. Тверь. 1888, стр. 5 и сл.).

Кат[еринѣ] Ушак[овой][3]) видѣла меня неравнодушнымъ съ какимъ-то неяснымъ чувствомъ, которое заглушалось желаніемъ добродушнымъ, дабы я насладился съ тою супружескимъ щастіемъ; но все это было не то, что этотъ разъ. Ту она находитъ достойною и увѣряла меня, что и Уш[акова] меня находятъ приличнымъ,—самоотверженіе, котораго я не постигалъ, но объясняю себѣ желаніемъ, съ ея стороны, убѣдиться, точно-ли мнѣ приглянулась златорунная, или нѣтъ. — Чтобы сдержать обѣщаніе, въ Твери данное, къ Троицыну дню ѣздилъ я съ Василіемъ Ивановичемъ[4]) и Катериной Ивановной[5]) къ Ушаковымъ; *Ермолаевы* должны были быть также тамъ. Уже въ Старицѣ узналъ я, что онѣ на пути туда[6]). Кромѣ ихъ пріѣхали еще изъ Твери Жандровы[7]) (объ нихъ скажу только, что Кат[енька] дурнѣетъ, а мужъ ея страсть имѣетъ особенную ѣздить на козлахъ и неприлично ревнивъ) и нѣсколько офицеровъ (5 человѣкъ); трое изъ нихъ очень милые, а двое очень добрыхъ; былъ еще и Александръ Ушаковъ, мой сослуживецъ. Первое вниманіе обратилъ я, разумѣется, на Ерм[олаевыхъ], объ которыхъ столько слышалъ, и, разумѣется, нашелъ не такими красавицами, какъ ожидалъ найти, почему и обратилъ вниманіе на несравненно роскошнѣйшія формы Уш[аковой] и сталъ сперва замѣчать, кто ею занятъ и кѣмъ она. Тотчасъ увидѣлъ я, что два добренькихъ-то (описать ихъ легко: одинъ изъ Артиллерійской Школы, пріятель и сослужи-

---

3) Имѣніе этихъ Ушаковыхъ было въ Тверскомъ уѣздѣ; они приходились дальнею роднею Вульфу, и съ сыномъ ихъ Александромъ онъ служилъ въ одномъ полку (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, стр. 209).

4) Вельяшевымъ, штабсъ-капитаномъ, Старицкимъ исправникомъ, женатымъ на теткѣ Алексѣя Николаевича—Натальѣ Ивановнѣ Вульфъ.

5) Вѣроятно—Полторацкой, теткой А. Н. Вульфа, женой Петра Морковича, матерью А. П. Кернъ.

6) Сравни дневникъ Вульфа (Майковъ. Пушкинъ, стр. 209).

7) Дочь Вас. Ив. и Нат. Ив. Вельяшевыхъ — Екатерина Васильевна, была за Жандромъ; ей Пушкинъ написалъ стихи.

вецъ Саши; другой — адъютантъ и котораго Кат[енька] Глд. [8]) находитъ похожимъ на своего старшаго брата) бродятъ за нею: первой скромно и тихо, а другой—пѣтухомъ. Ее же нашелъ вполнѣ любезною хозяйкою, говорящею даже со всѣми по-очереди, — почему я, поклонившись ей, обратился къ Ерм[олаевымъ]; около Лизы [9]), меньшой, которую вообще предпочитаютъ (по моему она обѣщаетъ много и чувственности, и шаловливости, въ танцахъ же это — вакханочка или сладострастная танцовщица), нашелъ я изъ первыхъ трехъ господъ—Загряжскаго, цвѣтъ здѣшнихъ гусаровъ, Московскаго юношу, красавца съ головы до пятъ. Не смѣя вступить съ нимъ въ соперничество, обратился я къ Аннѣ [10]), настоящему восковому херувимчику съ вербочки, съ вѣчною улыбкою на устахъ и съ черненькими, необыкновенно свѣтлыми глазками. Съ ея монастырьскими правилами, основанными на пространномъ катехизисѣ, который она, какъ отличная, съ шифромъ и первымъ даже, воспитанница твердо помнитъ, забавляла она меня чрезвычайно, тѣмъ болѣе, что парадоксами я ее оглушилъ, отвергая все,—самое постоянство. Къ тому же она такая хохотушка, что подъ конецъ одного моего приближенія достаточно было, чтобы заставить ее смѣяться. Отца и мачихи ихъ не было: онѣ были подъ покровительствомъ какой то нѣмки; къ тому же Кат[енька] Уш[акова] есть также самовластная правительница дома,— то мы и пользовались совершенною свободою разговоровъ a parte. Изъ остальныхъ двухъ офицеровъ, почитателей

8) Екатерина Ивановна Гладкова, дочь Ивана Ивановича Вульфа, кузина Алексѣя Николаевича Вульфа; у нея было три брата: Николай, Петръ и Иванъ Ивановичи.

9) Въ 1839 г. Елизавета Дмитріевна Ермолаева вышла за-мужъ за Александра Ѳедоровича Багговута, бывшаго впослѣдствіи генераломъ отъ-кавалеріи (род. въ 1806, ум. въ 1883 г.).

10) Анна Дмитріевна Ермолаева 1-я въ 1830 г. окончила курсъ третьею по успѣхамъ воспитанницею въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и была награждена шифромъ.

Анеты (что я узналъ послѣ) — *Алединскаго* и *Кн. Козловскаго*[11]), послѣдній полюбился мнѣ особенно: это юноша, въ душѣ поэтъ и, вообрази себѣ, знаетъ Языкова стиховъ столько же на память, сколько и я; если бы я зналъ, что онъ Анетою занятъ, я, право, оставилъ бы ее въ покоѣ. — Въ полуверстѣ отъ Ушаковыхъ живетъ нѣкто Валуевъ, герой лейбъ-шампанскаго полка; у него былъ я съ прочими въ Духовъ день; онъ также меня весьма полюбилъ, потому, кажется, что вмѣстѣ всѣ любовались на роскошныя красы Уш[аковой]. Вмѣсто одного дня, какъ предполагалъ, провелъ я тамъ три дня — и очень пріятно, — но возвратился же, однако, не такъ, какъ меня ожидали, не влюбленнымъ по уши и все не въ Уш[акову], и чтобы она сама не вообразила чего-либо на то похожее, я всячески старался убѣдить ее въ родственной моей нѣжности къ ея пріятельницѣ.

Въ девятую пятницу въ Старицѣ опять былъ я вмѣстѣ съ Ерм[олаевыми], но здѣсь какъ то онѣ были менѣе для меня занимательны, и я въ дурномъ духѣ, потому что, ѣхавъ въ Старицу, потерялъ чубукъ; и Лиза мнѣ показалась лучше: у Анны дурны руки. За то нашелъ я и одну прехорошенькую и чрезвычайно соблазнительную (agaçante) жену одного врача тамошняго полка. Жаль только, что я не имѣю случая ею заняться.

Твоему совѣту оставить невозмутимую въ покоѣ — послѣдую я во всякомъ случаѣ, потому что они ожидаютъ только денегъ, чтобы выѣхать отсюда, и на короткое время заѣдутъ въ Петербургъ. Над[ежда] Гавр[иловна][12]) къ осени желаетъ также уѣхать. Тогда край здѣшній

---

11) Кн. Іона Михайловичъ Козловскій, въ 1830-хъ годахъ помѣщавшій свои стихотворенія въ *Библіотекѣ для Чтенія* (Ср. Майковъ. Пушкинъ, стр. 209).

12) Двоюродная тетка А. Н. Вульфа, дочь Гавріила Петровича Вульфа, брата Ивана Петровича, дѣда Вульфа.

очень опустѣеть и, въ противоположность прежнему, останется одна молодежь. Ежели мат[ушка] пришлетъ ко мнѣ управителя, то я тотчасъ же поклонюсь и всѣмъ красавицамъ здѣшнимъ. Тѣмъ болѣе, что мат[ушка] сама зоветъ меня къ себѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ.

Очень радуюсь, что ты нашла въ Алекс[андрѣ] .... такую милую женщину; какъ жаль, что братъ при жизни не рѣшался привезти познакомить его съ нами; видно ты очень полюбила его, когда въ тебѣ родилось желаніе съѣздить къ ней. Вотъ и Пуш[кины][13]) у васъ, и Вревскіе скоро соберутся, а мнѣ едва ли къ тому времени удастся пріѣхать.—Что Ольга Серг[ѣевна][14]) не пріѣдетъ — не сожалѣю я столько потому, что мнѣ очень было бы непріятно, если бы въ это время не удалось мнѣ ее видѣть; она немного поздно принялась за материнское дѣло, и я любопытенъ знать одинъ-ли Павлищ[евъ] помогаетъ ей. Сашенька[15]), я чаю, опять брюхата; она, я слышу, недавно была у васъ; гдѣ располагаютъ они поселиться?

Этотъ вопросительный знакъ напоминаетъ мнѣ, что новости здѣшняго края истощились, но другого я не поставлю болѣе. Съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ гляжу я теперь на эти два исписанныхъ листа и надѣюсь, что ради ихъ простишь ты мнѣ долгое мое молчаніе, — тѣмъ болѣе, что ни на одной изъ страницъ воображеніе мое не разгулялось; а какъ оно теперь, при концѣ, рвется и ищетъ свободы!

Прощай, моя душенька, люби и въ награду за сіе поцѣлуй меня, не мысленно, а при первой нашей встрѣчѣ и мнѣ позволь по прихоти моей тебя разцѣловать!

---

13) Старики, родители поэта, проводившіе лѣто въ Михайловскомъ.
14) Павлищева, сестра Пушкина.
15) Беклешова, сестра Вульфа.

9.

Апрѣля 30-го дня 1888 года. Тверь.

Опять пишу я тебѣ, моя милая, изъ Твери, и такъ какъ первое письмо мое отсюда нашла ты занимательнымъ, то я желаю и этому такую же судьбу; я, по крайнѣй мѣрѣ, постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, къ тому; за успѣхъ, однако, я не увѣренъ, потому что покуда еще мало встрѣтилъ занимательнаго. Я нашелъ здѣсь тѣ же лица, объ которыхъ уже писалъ: и миловидную Корфъ (у которой встрѣтилъ гр. Толстую, рожденную Загряжскую[1]), разспрашивавшую меня о тебѣ, какъ старой знакомой) и любезную Катерину Уш[акову][2]) съ пріятельницею ея Руссовою (а у этой теперь въ гостяхъ двѣ Московскія барышни; одна пользуется славой прежней красоты, другая же—настоящею молодостью и при томъ еще насъ, темныхъ жителей Твери, познакомила съ новою музыкою піаниста *Мейера*, отъ которой трещатъ инструменты и рвутся струны, когда онъ разыгриваетъ сочиненія *Тальберха;* она *ужасно* хороша и, слѣдовательно, изъ благодарности мы предпочли послѣднюю Москвитяночку первой). Только Перевощиковой я не засталъ: она на нѣсколько дней уѣхала въ Москву, а безъ нея всѣ корнеты остаются безъ ума. Про губ[ернаторшу][3]) я еще не

---

1) *Графини* Толстой, рожд. Загряжской, не было, а была Елизавета Алексѣевна Толстая, рожд. Загряжская, съ 1825 г. за-мужемъ за Николаемъ Николаевичемъ Толстымъ, бывшимъ офицеромъ Семеновскаго полка, затѣмъ — Тверскимъ предводителемъ дворянства, наконецъ — управляющимъ Московскою Удѣльною конторой, умершимъ 1-го мая 1872 г. — Е. А. Толстая умерла 4-го февраля 1840 года.

2) О ней см. предыдущія письма.

3) Тверскимъ губернаторомъ былъ (съ 16-го декабря 1837 г. по 6-е декабря 1842 г.) д. с. с. Яковъ Дмитріевичъ Бологовской (род. 30-го марта 1798, ум. 1-го іюля 1851 г., погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ).

могу ничего сказать; ѣду къ ней сегодня обѣдать. По слухамъ, она, однако, порядочно кокетничаетъ съ молод[ежью], а супругомъ своимъ не очень занимается; онъ очень доброй малой, мнѣ кажется, но довольно пустой, а говорунъ неумолкающій. Полторацкихъ не нашелъ я здѣсь: она въ Москвѣ, а Алекс[ѣй] М[арковичъ][4]) въ деревню поѣхалъ. Покуда стояла прекрасная погода, то публика здѣшняя все каталась въ лодкахъ и особенно верхомъ; всѣ дамы стали наѣздницами, даже дѣвица *Шагарова*, которую ты, можетъ, знала и, послѣ сестры, состоящая въ званіи Дивизіонной Начальницы. Но вотъ нѣсколько дней ужо, какъ послѣ необыкновеннаго жара наступилъ холодъ, всякой день вѣтеръ, и снѣгъ выпалъ, [погода] сдѣлалась холодна и ненастна, какъ осень, и всѣ удовольствія прекратились. Моя любезность также не успѣла согрѣться и распуститься, какъ березки. Просиживаю вечера съ Кат[ериной] Степ[ановной] и съ Москвичами; я только думаю о пользѣ или вредѣ погоды да объ посѣвахъ, да о томъ еще, когда отсюда уѣду. Самое извѣстіе, что Ермол[аевы][5]) недавно проѣхали здѣсь въ деревню, не много меня обрадовало. Однако, хорошо, что онѣ пріѣхали, а то у насъ въ краю ужасная пустота, совершенно безжизненная. А у васъ все, слава Богу, благополучно, слѣдовательно, Борисъ[6]) теперь въ Петербургѣ. Но что же ты ничего не пишешь о твоихъ предположеніяхъ? А наше путешествіе на Кавказъ? Скажи Евпраксіи[7]), что вѣдь курсъ начинается съ 15-го мая тамъ; я боюсь, что мы такъ опоздаемъ, а между тѣмъ она бы мнѣ

4) А. М. Полторацкій, родственникъ А. Н. Вульфа, былъ въ это время Тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; онъ былъ женатъ (2-мъ бракомъ) на Варварѣ Дмитріевнѣ Киселевой, сестрѣ Павла Дмитріевича, впослѣдствіи графа.

5) См. предыдущее письмо.

6) Баронъ Б. А. Вревскій.

7) Баронессѣ Е. Н. Вревской.

хоть что-нибудь написала о себѣ. А что твое лѣченіе съ Машенькою [8])? тоже ты объ этомъ ни слова не говоришь.

Благодарю тебя за вѣсти объ Ольгѣ С[ергѣевнѣ] [9]) и за удивительную объ Львѣ [10]). Въ какой же золотой край попался онъ? Непостижимо! Или онъ такъ преданъ Азіатскимъ обычаямъ, что кто-нибудь его содержитъ изъ Грузинскихъ князей? Онъ, какъ красавица, къ тому еще разсылаетъ свои портреты. Странное дѣло, непонятная вещь!

Прощай, моя милая, цѣлую тебя въ уста и очи, покуда заочно, но надѣюсь, что это будетъ не надолго.

10.

25-го апрѣля 1847 г. Малинники.

На два твоихъ письма я не отвѣчалъ, милый другъ мой, потому что ожидалъ все изъ Петербурга отвѣта на мои предложенія объ Лѣсной дачѣ; хотѣлось тебѣ сказать что-нибудь рѣшительное, а не одни извѣстія объ погодѣ. Вчера получилъ отъ Варв[ары] Дмитревны отвѣтъ съ новыми предложеніями, объясненіями условій и пр.: на мои требованія не согласились; однимъ словомъ, завязалась переписка и торгъ, который чѣмъ кончится, сказать не могу, но въ одномъ увѣряю, что никакимъ блескомъ очей не ослѣплюсь и, ежели предпріятіе не будетъ очевидно выгоднымъ, за него не возьмусь — у меня довольно занятій и безъ того.

А тебѣ что пишутъ Бекл[ешовы] [1])? Изъ того, что Емилія къ Лиз[аветѣ] Петр[овнѣ] пишетъ, знаю я про

---

8) Мар. Ив. Осиповой.

9) Павлищевой.

10) Л. С. Пушкинѣ; онъ въ это время былъ на Кавказѣ и принималъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ.

1) Т. е. Александра Ивановна, рожд. Осипова, и Петръ Николаевичъ, ея мужъ.

нездоровье ихъ всѣхъ почти, исключая самой Емиліи: это не даетъ надежды къ исполненію плана твоего путешествія; я утѣшаюсь тѣмъ, что покуда нѣтъ препятствія къ твоему пріѣзду сюда. Ежели обстоятельства потребуютъ моего присутствія въ маѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, то мы можемъ тамъ съѣхаться. И ко мнѣ Катенька пишетъ про свое біеніе сердца и слабость; состояніе это меня очень безпокоитъ.

Изъ газетъ я узналъ о смерти Храповиц[каго][2]); не пишетъ ли Анна Ив[ановна], кто новый начальникъ ея Косточки[3]), и что вообще онѣ дѣлаютъ?

Въ самую распутицу отправилъ я къ Евпраксіи ткача; благополучно ли доѣхалъ онъ, и получили ли вы съ нимъ мои письма? Съ тѣхъ поръ здѣсь все распутица, я ни шагу изъ дому, никого не вижу, ни съ кѣмъ не говорю и читаю журналы, — слѣдовательно съ тобою у насъ небольшая разница была въ образѣ жизни. Весна очень медленно ноничe приближается: покуда еще виденъ все снѣгъ да грязь; утѣшаюсь тѣмъ, что май будетъ за то тепелъ; пусть апрѣль беретъ свое.

На дняхъ подтвердилась молва, что Александръ Вельяшевъ[4]) въ Москвѣ дѣйствительно просваталъ Рюмину[5]);

---

2) Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій — генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ; род. 9-го августа 1784, ум. 31-го марта 1847 г.; погребенъ въ Сергіевой пустыни.

3) А. И. Колзакова и сынъ ея Константинъ Павловичъ, пажъ выпуска 1837 г., нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ; тогда онъ состоялъ адъютантомъ при М. Е. Храповицкомъ.

4) Александръ Васильевичъ Вельяшевъ (род. 26-го августа 1817 г. въ Новоторжскомъ уѣздѣ), сынъ Вас. Ив. Вельяшева, женатаго на Натальѣ Ивановнѣ Вульфъ, теткѣ Алексѣя Николаевича; въ 1875 г. былъ живъ и имѣлъ чинъ маіора, полученный имъ при выходѣ въ отставку въ 1848 г. изъ Уланскаго в. кн. Михаила Павловича полка.

5) Прасковью Николаевну, внучку извѣстнаго богача — откупщика ст. сов. Гавріила Васильевича Рюмина (ум. въ Рязани 26-го ноября 1827 г., на 75 году) и дочь камергера Николая Гавриловича Рюмина; она пережила своего мужа.

богатая невѣста, — для него кстати; хорошо бы отыскать такую и брату его Николаю[6]), который теперь живетъ въ Старицѣ безъ всякой цѣли, съ одною скукой.

Прощай покуда, мой милый другъ. Желаю, чтобы весеннее солнце согнало скорѣе твои лишаи, осушивъ землю для прогулокъ, потому что это единственная гимнастика, къ которой ты можешь прибѣгнуть.

11.

4-го іюля 1853 г. Малинники.

Получивъ твое послѣднее письмо изъ Тригорскаго, я ожидалъ нетерпѣливо твое обѣщанное слѣдующее, тѣмъ больше, что въ это время только отправилъ вещи твои туда; я-было сомнѣвался вообще, отправлять ли ихъ, но, сообразивъ, что другого случая скоро не будетъ, я рѣшился не откладывать далѣе, и, какъ ты писала объ болѣзни Марьи[1]), то, вспомнивъ желаніе твое объ дѣвочкѣ Сашкѣ, отправилъ и эту, но только съ оговоркою, чтобы ее оставили въ Голуб[овѣ][2]) до твоего возвращенія, а въ Тригорское безъ тебя не посылали бы, потому что тамъ извѣстно, что случается въ такихъ обстоятельствахъ. Поэтому я очень обрадовался, когда узналъ, что ты въ Рудневкѣ; вѣроятно помѣстилась въ свѣтлицѣ съ маленьк-

---

6) Николай Васильевичъ Вельяшевъ (род. 25-го апрѣля 1822 г.), воспитанникъ Дворянскаго полка; служилъ въ л-гв. Семеновскомъ, Образцовомъ кавалерійскомъ и Конно-Гренадерскомъ полкахъ; вышелъ въ отставку въ 1847 году, поручикомъ; жилъ еще въ 1860-хъ годахъ въ Твери, гдѣ былъ повѣреннымъ по дѣламъ; былъ женатъ на Софьѣ Константиновнѣ Пусторослевой. Ихъ дочь, Екатерина Николаевна — супруга академика И. П. Янжула (сообщ. Н. П. Чаплиной, рожд. Великопольской).

1) Марьи Ив. Осиповой.

2) Имѣніе барона Б. А. Вревскаго, близъ погоста Врева, въ Островскомъ у. Псковской губ., въ 18 верстахъ отъ Тригорскаго.

кимъ балкономъ, для тебя заранѣе назначенной. Привозить такую вѣсть Павлу Андреевичу[3]), какъ твоя, было пріятно, и надо надѣяться, что впередъ будетъ все къ лучшему, и мѣра непріятностей окончательно исполнилась....

Въ Петербургъ вы съ Борисомъ[4]) пріѣхали вовремя, —къ свадебнымъ пирамъ; для Кат. Шок[альской][5]) тоже кстати пришлась эта оказія. А что слышно про другую Кат[еньку], про Матушкину?—ей бы ближе было каретою воспользоваться. Нѣтъ, вѣроятно съ Алекс[ѣемъ] Михайловичемъ[6]) вмѣстѣ; ей поручена продажа вотчинъ Рязанскихъ и Псковскихъ. Что ежели первой, получивъ деньги, зачтетъ ихъ за свое жалованье? Это можетъ случиться легко. Точно, мнѣ очень жаль, что мы не съѣхались въ Рудневкѣ, но время у меня такъ дорого, что оттуда не рѣшился я даже съѣздить въ Москву, не ради прогулки, а по дѣлу; но статься можетъ, что по той же причинѣ я вынужденъ буду ѣхать туда,—и не далѣе, какъ въ первыхъ числахъ мая. Тогда, быть можетъ, я прокатился бы и къ вамъ, чтобы обнять тебя съ позволенія Анны Ивановны[7]) и воспользоваться снова ея привѣтливымъ приглашеніемъ.

Посылаю тебѣ денегъ серіями 108 рублей; извини, что не билетами; это время я совсѣмъ обанкрутился: хлѣба не удалось продать, а на деньги, которыя слѣдо-

---

3) Козакову, мужу Анны Ивановны, рожденной Бѣгичевой.

4) Барономъ Б. А. Вревскимъ.

5) Екатерина Ермолаевна, дочь Анны Петровны и Ермолая Ѳедоровича Кернъ (см. выше, стр. 78), въ 1852 г. вышла за мужъ за Мих. О. Шокальскаго (ум. въ 1861 г.). За нее ранѣе сватался М. И. Глинка (Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, М. 1890, стр. 167), написавшій для нея музыку къ посвященному ея матери стихотворенію Пушкина: „Я помню чудное мгновенье".

6) А. М. Чеблыковъ былъ управляющимъ у П. А. Осиповой; А. Н. Вульфъ былъ очень недоволенъ его дѣйствіями.

7) Козаковой.

вало получить въ маѣ, и теперь не могу навѣрное разсчитывать; Анна Ивановна, опытная въ оборотахъ съ ними, поможетъ тебѣ разсчитать и размѣнять ихъ.

Про здѣшній край сказать нечего: никуда почти не выѣзжая, я мало знаю, что въ немъ дѣлается. Возвращаясь изъ Рудневки только, узналъ я, что молодая Бакунина[8]) не выздоровѣла, а въ маѣ умерла. Такая потеря снова все семейство Б[акуниныхъ] очень огорчаетъ. Кат[ерина] Петр[овна] поѣхала въ Павлин. къ Емиліи, которая тоже очень была больна; Ник[олай] Петр[овичъ] пріѣзжалъ къ ней изъ Орла на короткое время и сюда заѣзжалъ, но я не видалъ его.

Окончивъ письмо, пришло мнѣ на мысль, что посылать къ тебѣ деньги по почтѣ будетъ для тебя хлопотливо съ полученіемъ ихъ, почему я и рѣшился отправить ихъ съ нарочнымъ; но, чтобы не разсылать въ такое дорогое время людей безъ крайности, нашлась для обратнаго пути тоже оказія: мнѣ возьмутъ изъ В[ышняго] Волочка кровельной бумаги для Нивскаго[9]) дома, котораго половина уже покрыта, а потомъ кстати изъ Рудневки привезетъ маслобойню, которую Анна Ивановна, по любезному обычаю своему, и нониче, какъ прежде, подарила мнѣ. — Между тѣмъ, покуда я все это соображалъ или, вѣрнѣе сказать, поджидалъ деньги, время то и затянулось и письмо къ тебѣ залежалось. Наконецъ, сегодня накопилось ихъ столько, что я могу обойтись безъ серій, — почему и посылаю тебѣ ровно сотню рублей; если же тебѣ въ эту минуту нужно будетъ больше, то въ Петербургѣ я могу тебѣ ассигновать въ полученіе съ оброчныхъ,

---

8) Елизавета Васильевна Бакунина, рожд. Маркова-Виноградская, жена Александра Александровича Бакунина (см. выше, стр. 77); она умерла въ с. Прямухинѣ 5-го мая 1853 г., вскорѣ послѣ рожденія у нея сына Алексѣя.

9) Нивы — одно изъ имѣній Вульфа въ Старицкомъ уѣздѣ.

сколько тебѣ потребуется, или ты попроси у Анны Ивановны, а въ августѣ у меня опять будутъ деньги тамъ отъ продажи сыра.

Петровъ день былъ я у Вельяш[евыхъ], гдѣ и видѣлъ остальное общество наше, а слышалъ тамъ новаго, что Ржевскіе переѣхали отсюда въ подмосковное имѣніе Вельяш[евыхъ] и будутъ управлять имъ.

Про здоровье Емиліи говорятъ, что надежды къ ея выздоровленію нѣтъ, и она долго прожить не можетъ.

Какъ твое письмо отъ 20-го числа, такъ и Голуб[овское] отъ того-же числа я получилъ сегодня..... Борисъ благополучно возвратился со всѣми чадами и домочадцами. Кат[енька] Шок[альская] точно переѣхала на Тригорскія воды и будто бы въ благословенномъ состояніи.— Такъ Маша будетъ по крайнѣй мѣрѣ не одна лѣчиться....

Окончу поклономъ Аннѣ Ивановнѣ и всѣмъ въ Рудневкѣ, отдыхающимъ отъ городскихъ треволненій, и желаю, чтобы не тревожили ихъ ни мухи, смѣнившія комаровъ, ни нежданныя посѣщенія.

Если же изъ Твери въ Волочекъ не пришло по сіе время разрѣшеніе на снятіе запрещенія, то стоитъ только туда послать Павла справиться въ Канцеляріи губернатора, — на это нужно только сутки времени и рубля два издержекъ. Я же здѣсь съ Тверью никакихъ сообщеній не имѣю.

Приложеніе VII.

Стихотвореніе Н. М. Языкова,

посвященное баронессѣ Евпраксіи Николаевнѣ Вревской.

*

* *

Я помню васъ! Вы неизмѣнно
Блестите въ памяти моей —
Звѣзда тѣхъ милыхъ, свѣтлыхъ дней,
Когда, гуляка вдохновенной
И полный свѣжихъ чувствъ и силъ,
Я въ міръ прохлады деревенской
Весь свой разгулъ души студентской—
Въ вашъ домъ и садъ переносилъ;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали тамъ двоихъ
Пѣвцовъ, — и былъ одинъ изъ нихъ
Самъ Пушкинъ (въ оны дни опальной
Пѣвецъ свободы), а другой...
Другой былъ я, его послушникъ,
Его избранникъ и подручникъ
И собутыльникъ молодой. —
Какъ хорошо тогда мы жили!
Какой огонь намъ въ душу лили
Стаканы жженки ромовой!

Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна;
Ее вы сами разливали, —
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
Къ веселымъ юношей устамъ
И звонко, звонко цѣловались,
Сто разъ звѣня привѣты вамъ! —
Другой былъ я, — и мной воспѣта
Та наша славная гульба!
Съ тѣхъ поръ прошли ужъ многи лѣта,—
И гонитъ вашего поэта
Безчеловѣчная судьба...
Но васъ я помню постоянно,
Но вы блестите безтуманно
Въ щастливой памяти моей —
Звѣзда тѣхъ милыхъ, свѣтлыхъ дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите жъ нынѣ мой поклонъ
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звонъ,
Какимъ звучали тѣ стаканы
Вамъ похвалу; за чистый хмель,
Какимъ въ ту пору были пьяны
У васъ мы ровно шесть недѣль;
Поклонъ за то, что и понынѣ,
Въ моей болѣзненной кручинѣ,
Я вѣрно, живо помню васъ
И взглядъ радушный и огнистый
Побѣдоносныхъ вашихъ глазъ,
И ваши кудри золотисты
На пышныхъ склонахъ бѣлыхъ плечъ,
И вашу сладостную рѣчь,
И ваше сладостное пѣнье,

Тамъ, у окна, въ виду пруда...
Ахъ! помню, помню и волненье,
Во мнѣ кипѣвшее тогда!...

Н. Языковъ.

Ноября 11 дня 1845.

Писано рукою Языкова на листѣ почтовой бумаги малаго формата со штемпелемъ: „Асѣевской фабрики“.

Приложеніе VIII.

Бумаги, касающіяся имѣній Вульфовъ и Осиповыхъ.

1.

28-го декабря 1846 года.

С. Малинники досталось по наслѣдству въ 1817 году 3-мъ братьямъ, 2-мъ сестрамъ съ ихъ матерью и состояло изъ 220 ревизскихъ душъ[1]). Цѣна онаго въ то время, полагая по 560 руб. за душу, простиралась до 100000 руб., если исключить долги, состоявшіе на немъ. По малолѣтству наслѣдниковъ, оно находилось въ опекунскомъ управленіи по 1829 годъ. Если бы тогда вотчина поступила въ раздѣлъ между наслѣдниками, то на 7-мую часть матери осталось бы 30 душъ цѣною 15 т. руб. и на $^2/_{14}$ 2-хъ дочерей—столько же, т. е. 30 душъ цѣною 15 т. руб. Остальныя 160 душъ поступили бы на часть 3-хъ братьевъ, по 53 души на каждаго.

Доходу тогда (1829 годъ) имѣніе могло приносить отъ 7 до 8 тысячъ рублей асс., почему цѣнность онаго оставалась та же, какъ и прежде за 12 лѣтъ. Въ томъ же году вотчина была заложена въ Опекунскомъ Совѣтѣ для уплаты долговъ за другое имѣніе, с. Нивы, 200 душъ,

---

1) Противъ этого мѣста рукою П. А. Осиповой написано: „По раздѣльному акту между г. Вульфовъ, кажется, въ Малинникахъ состояло съ Негодяихой 236 д., а у брата Ѳ[едора] И[вановича]—250 д.; 50 д. онъ продалъ“.

доставшихся 3-мъ братьямъ послѣ смерти ихъ дяди, отъ котораго другіе наслѣдники отказались — и обѣ вотчины остались въ управленіи матери, по довѣренности дѣтей ея. Въ 1834 году старшій изъ братьевъ, послѣ кончины второго [1]), принялъ вотчины въ свое управленіе по довѣренности прочихъ владѣльцевъ и нашелъ ихъ въ такомъ положеніи, что обѣ вмѣстѣ приносили меньше доходу, чѣмъ прежде одна, и потому отъ накопившихся недоимокъ Опекунскаго Совѣта оба подпали описи. Щастливое обстоятельство, что въ то время случилась новая ревизія, дозволившая залогомъ прибылыхъ душъ погасить недоимку, спасло имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга. Хотя этотъ оборотъ и оставилъ за владѣльцами вотчины, но все невыгодныя слѣдствія пріобрѣтенія с. Нивъ остались для нихъ тѣ же. Платежи процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ увеличились до 9 тысячъ руб., а Нивы не приносили и 5 тысячъ руб., слѣдовательно, изъ доходовъ Малинниковъ онѣ ежегодно поглощали до 4 тысячъ руб., такъ что владѣльцы оныхъ имѣли только половину дохода противъ прежнихъ лѣтъ. Къ тому же, устройство имѣнія требовало изъ этого небольшого дохода также пожертвованій. Послѣ кончины третьяго изъ братьевъ[2]) (1845 годъ) остались владѣльцами с. Малинники старшій изъ братьевъ съ прочими, а числится оно по дѣламъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ за всѣми вообще, какъ умершими, такъ и въ живыхъ находящимися, что̀ препятствуетъ всякому производству дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ, почему и необходимо нынѣ оное перечислить за настоящими владѣльцами или раздѣлить его между ними.

Нынѣ въ с. Малинникахъ 304 души, заложенныхъ въ

---

1) Алексѣй Николаевичъ, послѣ смерти Михаила Николаевича Вульфа (тоже гусар; род. 12-го іюня 1808, ум. 20-го мая 1832 г., въ Брестъ-Литовскѣ. Сообщ. Баронъ П. А. Вревскій).

2) Валеріана Николаевича (см. выше, стр. 99).

Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 76 тысячъ руб. ассигнаціями. При раздѣлѣ оныхъ достанется на 7-ую часть матери 44 души, цѣною 22 тысячи руб. ассигнаціями, а за вычетомъ долга Опекунскому Совѣту по 250 руб. за душу, всего 11 тысячъ руб. ассигнаціями. Цѣнность этихъ 44 душъ осталась, слѣдовательно, такая же — 11 тысячъ руб. ассигнаціями; на $^{2}/_{14}$ или $^{1}/_{7}$ часть дочерей выдѣлится изъ с. Малинниковъ точно такая же часть, стоющая 11 тысячъ руб. Желательно теперь привести въ извѣстность отъ каждаго изъ наслѣдниковъ, какъ пожелаютъ онѣ получить слѣдующія имъ части: наличными ли душами, или деньгами?

(Отвѣтъ, писанный рукою П. А. Осиповой): „7-й части ни деньгами, ни душами мать не требуетъ себѣ,—а Нивы пріобрѣтены были противъ ея желанія по волѣ Алексѣя Николаевича и Анны Николаевны. Нынѣ, при отличномъ хозяйствѣ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, можно надѣяться, что доходы умножатся и, слѣдовательно, цѣнность имѣнія; къ тому же, оцѣнка имѣнія при раздѣлахъ не допускается одними тѣми лицами, до коихъ это касается.— Это подало бы поводъ къ злоупотребленіямъ".

Такъ какъ матушка отказалась отъ 7-ой части, ей слѣдующей изъ с. Малинниковъ, то предлагаетъ оное раздѣлить на равныя части между братомъ и сестрами, то-есть, выдѣлить каждой изъ сестеръ по 100 душъ или выплатить имъ цѣну оныхъ деньгами по вышеобъявленной цѣнѣ, за вычетомъ долга Опекунскому Совѣту. 100 душъ изображаетъ капиталъ въ 25 тысячъ руб. ассигнаціями или 7.142 руб. серебромъ.

Вслѣдствіе всего вышеобъясненнаго, предлагается составить раздѣльной актъ вотчины с. Малинниковъ, въ той силѣ, что сестры, на мѣсто слѣдующей каждой изъ нихъ 14-ой части, получатъ по 7 тысячъ руб. серебромъ, а число дворовыхъ людей — по ихъ желанію, съ тѣмъ,

чтобы до уплаты капитала получать ежегодно имъ съ онаго по 6-ти процентовъ.

Писано рукою А. Н. Вульфа.

2.

Послѣ покойнаго дѣда нашего, а моего свекра тайнаго совѣтника Ивана Петровича Вульфа, по раздѣлу съ прочими наслѣдниками его, дядями и тетками нашими, совершенному въ Тверской Палатѣ Гражданскаго Суда 20-го марта 1817 г., досталось намъ недвижимое имѣніе, состоящее Тверской губерніи, Старицкаго у. въ с. Малинникахъ съ деревнею Негодяихой, въ коихъ по послѣдней ревизіи числится 304 души, вмѣстѣ съ братьями Михаиломъ и Валеріаномъ Николаевичами, нынѣ умершими. Поговоря между собою полюбовно, согласились между собою учинить раздѣлъ оной вотчины нашей на слѣдующихъ условіяхъ: 1) я, Прасковья Осипова, слѣдующую мнѣ изъ недвижимаго имѣнія 7-ую часть уступаю сыну моему Алексѣю; 2) я, Анна, за слѣдующую 14-ую часть недвижимаго имѣнія — 22 ревизскія души — желаю получить деньгами 1500 руб.; 3) я, Евпраксія, также; 4) я, Алексѣй, беру на свою часть все имѣніе, обязываясь сестрамъ выплатить по совершеніи акта вышеозначенныя 3 тысячи руб. и принять на себя долгъ Опекунскому Совѣту.

Проектъ раздѣльнаго акта; писанъ рукою А. Н. Вульфа.

3.

М. И. Осипова — графу Я. К. Сиверсу.

Ваше Сіятельство, М. Г. Графъ Яковъ Карловичъ!

Въ продолженіе всего лѣта жаловалась я не разъ г. Мировому Посреднику Мельницкому на безпорядки работъ въ с. Тригорскомъ. Вы сами, по указанію г. Начальника губерніи, увѣщевали крестьянъ къ исполненію ихъ обязанностей, но все это не повело ни къ чему. Показывала я г. Посреднику, какъ дурно возили навозъ, какъ дурно пахали, и что 4-ая часть поля осталась не паханая, — онъ только объяснилъ, что возка навоза такая работа, которую онъ разсчитать не можетъ, — хоть она и разсчитана по „Урочному положенію"; — жаловалась на то, что косцы стали косить траву по 5 — 7 человѣкъ на десятину, когда прежде косили по четыре; что рожь стали косить по 10 человѣкъ вмѣсто 8-ми и оставляя десятины неподгребенными, чего прежде не бывало; что работники не слушаются старостъ и управителя и ругаютъ ихъ; на работу выходятъ и съ нея уходятъ не во́-время; указывала на главныхъ зачинщиковъ, на то, что выбранные сельскіе старшины не только не понуждаютъ работниковъ, но явно имъ потворствуютъ, а множество людей не выходятъ совсѣмъ на работу... Все это оставлено безъ изслѣдованія и безъ взысканія. Г. Посредникъ пріѣзжалъ, толковалъ тайно о чемъ-то съ старшинами, а вотчинной конторѣ ни словесно, ни письменно никакого рѣшенія не сообщалъ, — и послѣ каждаго его посѣщенія безпорядки увеличивались. Наконецъ, и дворовые люди стали ослушиваться, напр. двѣ прачки (по ревизіи крестьянки) за то, что въ недѣлю не могли вымыть бѣлья и не хотѣли взять себѣ въ помощь барщинскихъ бабъ, были по-

сланы къ г. Посреднику, но онъ отказалъ разсмотрѣть жалобу подъ предлогомъ, что не подлежитъ его вѣдомству (противно статьѣ 23-й „Положенія о губернскихъ учрежденіяхъ"), а между тѣмъ не передалъ въ полицію, если ей слѣдовало разбирать. На окончательное же мое требованіе отъ 18-го іюля объ прекращеніи всѣхъ этихъ безпорядковъ экзекуціоннымъ порядкомъ, онъ только прибылъ 3-го августа и, вмѣсто изслѣдованія всѣхъ безпорядковъ, объявилъ, что старшины ему донесли, будто всѣ работы, которыя слѣдуетъ, исполняются, и сталъ исключать изъ всегда существовавшей барщины тягловыхъ работниковъ больше 30 человѣкъ. По болѣзни своей я поручила брату моему штабсъ-ротмистру А. П. Вульфу разсмотрѣть правильность его дѣйствія, и когда оное оказалось совершенно произвольнымъ, то поручила ему объявить г. Мельницкому, что болѣе утруждать его просьбами считаю безполезнымъ.

Прилагая при семъ подробный списокъ людей, исключенныхъ г. Посредникомъ изъ барщины, и примѣръ его толкованія „Положенія" о крестьянахъ, я прошу васъ покорнѣйше, на основаніи ст. 14-й и 34-й „Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ", замѣнить г. Посредника другимъ лицомъ, безпристрастнымъ, для прекращенія безпорядковъ въ с. Тригорскомъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію честь имѣю быть Вашею, М. Г. и т. д.

11-го августа 1861 г.

4.

М. И. Осипова — В. Н. Муравьеву.

М. Г. Валеріанъ Николаевичъ.

Вы были такъ снисходительны къ моей просьбѣ объ усмиреніи крестьянъ с. Тригорскаго, что не только лично взяли на себя трудъ ихъ убѣждать къ исполненію обязанностей, но позволили мнѣ, въ случаѣ, что убѣжденія останутся безполезными, обращаться къ вамъ съ просьбами письменно; съ того времени, истощивъ всѣ мѣры терпѣнія, я вынуждена воспользоваться этимъ правомъ и просить васъ снова о приведеніи въ порядокъ и повиновеніе крестьянъ, потому что мѣстныя власти ничего не дѣлаютъ къ водворенію онаго, а между тѣмъ лѣто проходитъ и хозяйство совсѣмъ разстраивается.

Былъ здѣсь г. Предводитель съ Посредникомъ[1]); послѣдній толковалъ что-то съ выборными старшинами, вызывалъ ихъ не разъ къ себѣ; потому толкованія ихъ не только никакихъ не имѣли послѣдствій полезныхъ, а напротивъ — увеличивали неповиновеніе отъ произвольнаго толкованія новаго „Положенія“ самимъ г. Посредникомъ, вмѣсто буквальнаго исполненія правилъ о приведеніи въ исполненіе „Положенія о крестьянахъ“, стат. 4 по 12-ую. Онъ, напр., при удобреніи полей, когда жаловались ему на медленность работы, утверждалъ, что это такая работа, что ее опредѣлить нельзя, какъ будто бы она только ноніче сочинена, и ежели ему непонятна, то и другимъ неизвѣстна; при жалобахъ на сѣнокошеніе, старшины утверждаютъ, что онъ приказываетъ ставить 5 косцовъ на десятину хозяйственную, когда и всегда выходило

1) Мировымъ посредникомъ 1-го участка Опочецкаго уѣзда былъ Дмитрій Николаевичъ Мельницкій.

4 человѣка. — Про дворовыхъ людей утверждаетъ, что только взрослые обязаны работать своимъ господамъ и т. д.; однимъ словомъ, онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ помѣщиковъ околодка, къ кому ни пріѣзжалъ, и никто не желаетъ повторенія его посѣщеній. Изъ прилагаемыхъ же копій моихъ писемъ и его отвѣта вы увидите, что ни одна изъ моихъ просьбъ объ взысканіи съ виновныхъ не исполнена, и онъ откладываетъ до конца лѣта изслѣдованіе оныхъ и не предпринимаетъ ничего къ приведенію къ послушанію крестьянъ.

Въ надеждѣ, что вы такъ же благосклонно примете мою письменную просьбу, какъ внимательны были къ изустной, прошу принять увѣреніе въ истинномъ уваженіи Вашей, М. Г., готовой къ услугамъ и пр.

5.

М. И. Осипова — графу Я. К. Сиверсу.

Ваше Сіятельство, М. Г. графъ Яковъ Карловичъ!

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ отъ 11-го августа увѣдомила я васъ, какъ все лѣто дѣйствія г. Мирового Посредника Мельницкаго приводили все въ большій и большій безпорядокъ хозяйство с. Тригорскаго, и хотя всѣ жалобы мои остаются безъ уваженія, я, однако, вмѣняю себѣ долгомъ, не смотря на то, довести до вашего свѣдѣнія, до какой степени дошли безпорядки вслѣдствіе его внушеній крестьянамъ. Изъ прилагаемой вѣдомости безпорядковъ съ 7-го по 27-ое Августа вы удостовѣритесь, какъ они возрастаютъ ежедневно, и какія невозвратныя потери терпитъ хозяйство отъ того, что по сіе время рожь не убрана и не посѣяна, яровое еще

не тронуто и половина сѣнокоса не выкошена, почему снова прошу Ваше Сіятельство принять законныя мѣры къ возстановленію въ отчинѣ порядка и къ вознагражденію оной за убытки, понесенные отъ произвольныхъ распоряженій Г. Мирового Посредника.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью честь имѣю быть Вашею и пр.

25-го августа 1861 г.

6.

М. И. Осипова — В. Н. Муравьеву.

М. Г. Валеріанъ Николаевичъ!

Обратившись къ вамъ уже однажды съ просьбою объ прекращеніи безпорядка въ с. Тригорскомъ, клонящагося къ совершенному разоренію хозяйства въ ономъ, позвольте еще разъ попросить васъ объ защитѣ отъ произвольныхъ распоряженій г. Мирового Посредника Мельницкаго, которыми онъ все больше и больше возбуждаетъ крестьянъ къ неповиновенію. Въ дополненіе прежде разсказаннаго о немъ прибавлю только послѣднія его распоряженія.

По жалобѣ моей отъ 18-го іюля онъ прибылъ только 3-го августа и 4-го числа, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать мои просьбы на старшинъ, дворовыхъ женщинъ и крестьянъ, объявилъ, что по донесенію первыхъ онъ находитъ все, какъ слѣдуетъ, исправнымъ; жалобу на женщинъ—его разбирательству не подлежащею, несмотря на то, что по ревизіи онѣ пишутся крестьянками; а дурную работу и неповиновеніе крестьянъ не взялъ даже на себя труда повѣрить, принялся исключать изъ барщины работниковъ, кто къ нему ни приходилъ о томъ просить;

иныхъ же и не спрося, по собственному усмотрѣнію. Когда это дошло до моего свѣдѣнія и по болѣзни я не могла сама разсмотрѣть, то поручила брату моему А. Н. Вульфу повѣрить правильность его дѣйствій, и онъ нашелъ ихъ совершенно произвольными, въ чемъ вы удостовѣритесь изъ прилагаемаго списка этихъ работниковъ и изъ другого образца его толкованія „Положенія", вслѣдствіе котораго я вынуждена васъ покорнѣйше просить объ защитѣ отъ г. Мирового Посредника Мельницкаго и объ замѣщеніи его другимъ лицомъ, безпристрастнымъ, —на основаніи статьи 14-й и 34-й „Положенія о Губернскихъ Учрежденіяхъ" и объ введеніи должнаго порядка и повиновенія въ отчинѣ.

Въ надеждѣ, что вы не откажете просьбѣ моей, вынужденной крайностью положенія, прошу принять увѣренія въ истинномъ уваженіи и признательности вашей, Милостивый Государь, и пр.

27-го августа 1861 г. С. Тригорское.

7.

М. И. Осипова — М. М. Грушецкому.

М. Г. Михаилъ Михайловичъ!

Неисповѣдимому Промыслу Божію угодно было нынѣ посѣтить испытаніемъ сословіе помѣщиковъ на общую пользу другихъ сословій Государства. По той же Всевышней волѣ вы 7-го августа, ѣдучи изъ Святыхъ Горъ господскими полями с. Тригорскаго, поражены были стоящими на нихъ неубранными хлѣбами и работою крестьянъ, такъ что призвали къ себѣ тамъ бывшаго управителя и разспрашивали его о причинахъ безпорядка, которыя онъ вамъ и объяснилъ.

Живое участіе, которое вы приняли въ дѣлѣ, обнадеживаетъ меня, что вы, какъ Губернскій Предводитель Дворянства и членъ Губернскаго Комитета, какъ свидѣтель, Провидѣніемъ мнѣ посланный, въ разореніи дворянской вотчины отъ неисполненія Высочайшей воли мѣстными начальниками и противозаконныхъ поступковъ мироваго посредника Мельницкаго, не откажете мнѣ въ защитѣ вашей при разсмотрѣніи моей жалобы въ Губернскомъ Комитетѣ, копію съ которой при семъ прилагаю.

Извиняюсь въ томъ, что утруждаю васъ личнымъ дѣломъ, которое, по несчастію, обращается теперь въ общее положеніе всѣхъ помѣщиковъ. Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть Вашею, Милостивый Государь, готовою къ услугамъ

[М. Осипова].

11-го октября 1861 г.

Приложеніе: Въ Псковской Губернскій Комитетъ о крестьянскомъ дѣлѣ

Опоческой помѣщицы дочери
Статскаго Совѣтника Маріи
Ивановой Осиповой

Прошеніе.

Опоческаго уѣзда помѣщица М. И. Осипова жаловалась и Мировому Съѣзду, и господину Начальнику Губерніи на то, что съ мая мѣсяца нѣсколько разъ просила г. Мирового Посредника объ приведеніи въ порядокъ и повиновеніе барщинскихъ крестьянъ с. Тригорскаго: 1-ое, что они не слушались старостъ и управителя и надъ ними только издѣвались; 2-ое, что сельскіе старосты не только не понуждали ихъ къ исполненію обязанностей, но всегда имъ потворствовали; 3-ье, что всѣ работы производились какъ только возможно дурно и медленно, отчего ни одна

въ свое время не исполнилась: навозъ возили такъ медленно и запахивали такъ дурно, что поле не успѣло подтроить (?), а когда его засѣяли, то многія десятины нельзя было бороздить отъ дурного паханья, и около третьей части всего поля осталась необработанная; по той же причинѣ половина сѣнокоса осталась некошенная, ржаное поле по 3-ье число сентября неубранное, яровое поле же и нынѣ такое же.

Когда, по жалобамъ на все это, Мировой Посредникъ неоднократно пріѣзжалъ, то на оныя вниманія не обращалъ, законнымъ порядкомъ вотчиннымъ начальствомъ не изслѣдовалъ; ни гласно, ни письменно вотчинной конторѣ своихъ рѣшеній не объявлялъ, а только наединѣ съ сельскими старостами переговоривъ, уѣзжалъ, вызывая ихъ потомъ къ себѣ въ Опочку, вслѣдствіе чего послѣ каждаго его посѣщенія безпорядокъ въ вотчинѣ увеличивался и работы шли все хуже. Наконецъ, на жалобу отъ 18-го іюля онъ 4-го августа сталъ исключать изъ барщины тягловыхъ мужиковъ, владѣющихъ землею добровольно, за то, что имъ недоставало нѣсколько мѣсяцевъ до 18-ти лѣтъ, и дѣвокъ за то, что ходятъ на работу вмѣсто тягловыхъ бабъ, — противно статьѣ 7-ой „Правилъ приведенія въ дѣйствіе“ и Циркуляра Упр. Мин. Вн. Дѣлъ, ссылаясь на стат. 208 „Мѣст. Положенія“, въ которой опредѣленъ возрастъ барщинниковъ отъ 18-ти до 55-ти и женщинъ отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ, *по утвержденіи уставныхъ граматъ*, и на Высочайшемъ Повелѣніи 26-го апрѣля и 6-го іюня. Но это совершенно неправильно: статья 208 ограждаетъ, точно также, какъ и 213-ая (п. 3-ій, о беременныхъ женщинахъ), помѣщиковъ отъ того, чтобы на работу выходили настоящіе взрослые работники, а не малолѣтки и дряхлые, а Высочайшее повелѣніе 26-го апрѣля въ томъ же смыслѣ подтверждаетъ отбываніе съ тягла земли 3-хъ и 2-хъ дневной работы, а 6-го іюня —

даже за два полутягла обязываетъ общество, въ случаѣ недостатка работниковъ, отбывать полную тягловую повинность или, по обоюдному соглашенію, недостигшими или вышедшими изъ указанныхъ лѣтъ людьми. Также и Циркуляромъ Упр. Министерств. Внутр. Дѣлъ 10-го августа подтверждено, что за каждое тягло надѣла земли должна отбываться повинность господская.

Въ примѣръ другого неправильнаго толкованія Посредникомъ „Положенія о крестьянахъ“ привела я, что онъ, когда его просили подтвердить одному крестьянину статью 106-ую, п. 1-ый „Мѣстнаго Положенія“, въ которой опредѣлено: „*безъ согласія помѣщика запрещается возводить вообще всякія строенія* ближе 150 шаговъ *отъ опушки помѣщичьихъ лѣсовъ*“, сперва сказалъ, что ему такая статья *неизвѣстна*, потомъ, когда оную указали ему, что *не относится сюда*, отъ того, что сказано только *о возведеніи новыхъ строеній;* на возраженіе же: „а когда старая изба развалится?“ отвѣчалъ, *что крестьянинъ можетъ поселиться въ овинѣ*. Въ слѣдствіе чего я просила объ защитѣ отъ такого пристрастнаго произвола и отъ окончательнаго разоренія вотчиннаго хозяйства, съ вознагражденіемъ за понесенные убытки отъ виновнаго въ ономъ.

Опоческой Мировой Съѣздъ, разсматривая эти жалобы, мало того, что нашелъ всѣ дѣйствія г. Мельницкаго законными, но даже придалъ другой смыслъ онымъ, называя *домогательствомъ*, объ которомъ и рѣчи не было, *примѣръ* произвольнаго и противнаго закону толкованія; а въ ссылкѣ на статью 106-ую вставилъ въ оную слово „*лишь*“, дающее иной смыслъ закону; не желая уразумѣть очень понятный и простой смыслъ онаго, что запрещается крестьянамъ строиться ближе 150 саж. отъ господскихъ лѣсовъ единственно для того, чтобы не подвергать ихъ истребленію огнемъ и непозволенною рубкою, слѣдовательно, ежели новое строеніе признается опаснымъ для

сохраненія лѣсовъ, то старыя еще опаснѣе. Съѣздъ призналъ толкованіе Посредника явно для того только, чтобы его оправдать, вмѣсто того, чтобы постановить справедливое опредѣленіе.

Далѣе, оный точно также себѣ усвоилъ толкованіе г. Мельницкаго, противное смыслу статьи 208 Высочайшихъ повелѣній 26-го апрѣля и 6-го іюня и Циркуляра исправляющаго должность Мин. Внутр. Дѣлъ 10-го августа, гдѣ вездѣ постановлено, что даромъ помѣщичьей землей крестьянамъ пользоваться нельзя, и тѣмъ пришелъ къ явному противорѣчію самому себѣ, утверждая, что Посредникъ правъ, а владѣльцу слѣдуетъ вознагражденіе, въ которомъ, однако, отказывается ему.

Потомъ, всѣ жалобы на сельскихъ старшинъ, на дворовыхъ людей и отдѣльныхъ работниковъ, побуждавшихъ къ неповиновенію, не удостоилъ своего разсмотрѣнія. Просьбу объ вознагражденіи за недодѣлы работъ по прежнему порядку и по урочному положенію и за небылые дни, послѣ каждаго посѣщенія г. Посредника возраставшіе въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 3-го по 9-ое іюня въ недѣлю не выходило на работу 29 мущинъ и 35 женщинъ, а съ 6-го по 9-е августа не было уже 89 м., 134 ж., какъ и теперь продолжается, — назвалъ *несвоевременными*, несмотря на то, что каждую недѣлю г. Посреднику представлялась объ нихъ вѣдомость, покуда была надежда, что онѣ къ чему-либо поведутъ, и отказалъ въ вознагражденіи за тѣ и другіе. Въ довершеніе же всего Съѣздъ, не взявъ на себя труда изслѣдовать на дѣлѣ и на мѣстѣ справедливость жалобъ, повѣривъ однимъ словамъ г. Мельницкаго, поставилъ его судьею надъ самимъ собою, поручивъ ему *по собственному усмотрѣнію*, а не по какому-либо узаконенію, штрафовать виновныхъ, когда, въ сущности, одинъ онъ виноватъ разстройству всего хозяйства с. Тригорскаго.

Находя изложенныя опредѣленія Опоческаго Уѣзднаго Съѣзда совершенно несогласными съ узаконеніями объ устройствѣ крестьянъ и съ простыми понятіями о справедливости, изложенными въ основныхъ законахъ государственныхъ, что никто *самъ въ своемъ дѣлѣ судьею быть не можетъ*, и особенно по уничтоженіи крѣпостного права никому не дано судить *по личному усмотрѣнію*, — я обращаюсь въ Псковское Губернское Присутствіе съ покорнѣйшей просьбой объ уничтоженіи постановленія Опоческаго Мирового Съѣзда и объ защитѣ отъ г. Мельницкаго, съ вознагражденіемъ за убытки вотчины с. Тригорскаго съ тѣхъ лицъ, кто тому виноватъ.

Подано 10-го октября 1861 г. въ Псковѣ.

8.

А. Н. Вульфъ В. З. Сокольскому [1]).

Милостивый Государь Викторъ Захарьевичъ!

Вы сами хозяинъ,—знаете, слѣдовательно, какъ дорогъ въ настоящее время года не только день, но даже часъ: взгляните же на нижеслѣдующую табличку и сжальтесь да пріѣзжайте. Если вы даже недѣлей позже введете ваши граматы, то никто отъ этого не пострадаетъ, намъ же потерянная недѣля времени ничѣмъ не вознаградится. Опись и продажа имущества нѣкоторыхъ крестьянъ произвела гораздо меньшее впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать!—вѣроятно потому, что бывшій писарь Алексѣй, продолжая проживать на старой квартирѣ и представлять „Голову закона“, учитъ послѣднему крестьянъ.

---

1) В. З. Сокольскій былъ кандидатомъ въ мировые посредники 1-го участка Опочецкаго уѣзда.

Вчера, 17-го, въ день Вознесенья, пришли отстаивать 15 человѣкъ по собственному желанію, что̀ извѣстно головѣ; сообщаю это вамъ, чтобы впослѣдствіи они не могли сказать, что ихъ *заставляли* въ праздникъ работать.

Не было на барщинѣ мужиковъ и бабъ:

съ 1-го апр. по 23-ье:	мужиковъ 163,	бабъ 189.
съ 23-го апр. по 1-ое мая:	мужиковъ 154,	бабъ 101.
съ 1-го мая по 17-ое:	мужиковъ 172,	бабъ 149.
	Итого мужиковъ 489,	бабъ 439.

Каждую недѣлю доносятъ въ волость, — пользу отъ этого вы можете видѣть по этимъ цифрамъ. 10-го мая, при повѣркѣ барщины и работъ, былъ самъ голова и писарь: оказалось, не было въ тотъ день 40 мужчинъ однихъ! Что тутъ дѣлать!

1862 года, 18-го мая, с. Тригорское.

Приложеніе IX.

Выборки изъ замѣтокъ въ мѣсяцесловахъ и календаряхъ.

Мѣсяцесловъ на **1802** г.; принадлежалъ А. М. Вындомскому.

На первомъ прокладномъ листѣ — списокъ предводителей дворянства Псковской губерніи; въ ихъ числѣ значится Опочецкій уѣздный предводитель полковникъ Александръ Максимовичъ Вындомской[1]).

Тоже, на **1812** г.; принадлежалъ А. М. Вындомскому; имъ записано подъ 22-мъ мая: „У Пашиньки[2]) родился сынъ Валеріанъ[3]) въ Берновѣ".

На **1813** и **1815** гг. — безъ записей.

На **1817** г.; принадлежалъ, какъ и всѣ слѣдующіе, П. А. Осиповой.

Подъ 2-мъ марта ею записано: „Видѣла у Н. Г. въ послѣдній разъ І. С. О.[4]), а 4-го числа выѣхала изъ Петербурга".

---

1) отецъ Пр. Ал. Осиповой (см. стр. 10 — 11).

2) т. е. у Пр. Ал. Вульфъ, во 2-мъ бракѣ Осиповой.

3) Валеріанъ Николаевичъ Вульфъ, младшій сынъ Прасковьи Александровны; 4-го февраля 1836 г. онъ вступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ Уланскій великаго князя Михаила Павловича полкъ, 8-го апрѣля былъ произведенъ юнкеромъ, а 19-го февраля 1839 г.—корнетомъ того же полка; взявъ отпускъ для лѣченія болѣзни на Кавказскихъ водахъ (въ апрѣлѣ 1839 г.), Вульфъ 15-го января 1840 г. вышелъ въ отставку и умеръ 18-го марта 1845 года.

4) т. е. Ивана Сафоновича Осипова, за котораго П. А. Вульфъ и вышла въ томъ же году.

3-го марта: „Рожденіе Н[икифора] Изотовича Пушкина“.

4-го октября: „Уѣхалъ Ив[анъ] Саф[оновичъ] изъ Тригорскаго въ Петербургъ“.

На **1818** г.

8-го февраля: „Послала Ив[ану] Саф[оновичу] 75 руб., полученныхъ отъ тетушки Евпр[аксіи] Аристарховны[1]), къ Александрѣ Евгеньевнѣ К[ашкиной] въ Москву.

13-го іюня: „Возвратились мы изъ Петербурга, а 20-го опять туда уѣхалъ Ив. Сафоновичъ“.

На **1819, 1820, 1821, 1822, 1823** гг. — безъ записей.

На **1824** г. —

26-го ноября: „Писала черезъ Псковъ..... къ Жуковскому[2]) ..... къ *Пушк[ину]*[3]).

На **1825** г.

31-го января: „Пріѣхала изъ Петербурга въ Псковъ“.

6-го февраля: [писала] „Сергѣю *Пушкину* въ Петербургъ“.

Мартъ:

„По висту долженъ мнѣ *Пушкинъ* 1 р. 50 к.; я ему—20 к.
еще „ „ „ 1 р. 70 к.; „ „ —10 к.
еще „ „ „ 1 р. 80 к.; „ „ — „
еще „ „ „ — — ; „ „ —70 к.

Май: „Иванъ Матвѣевичъ Рокотовъ[4]) занялъ у меня 50 четв. извести“.

19-го іюля: „Поѣхала А. П. Кернъ изъ Тригорскаго въ Ригу“.

---

1) Пушкиной, рожд. Кашкиной, жены Никифора Изотовича Пушкина.

2) Прасковья Александровна хлопотала тогда о Пушкинѣ, поссорившемся съ родителями. См. отвѣтное письмо Жуковскаго къ Осиповой.

3) Сергѣю Львовичу, въ половинѣ ноября уѣхавшему изъ Михайловскаго.

4) Сосѣдъ П. А. Осиповой, знакомый и съ Пушкинымъ.

На **1826** г.

9-го февраля: „Выѣхала я изъ Тригорскаго въ Тверь“.

12-го февраля: „Выѣхала я изъ Пскова; пріѣхала въ Малинники 20-го поутру“.

26-го апрѣля: „Писала Вас. Ив. Вельяшеву[1])“.

Сентябрь: „Въ ночи съ 3-го на 4-е число прискакалъ офицеръ изъ Пскова къ *Пушкину* и вмѣстѣ уѣхали на зарѣ“.

12-го сентября: „Получила письмо отъ *Пушкина* изъ Пскова[2]) съ радостною вѣстью, что онъ будетъ свободенъ, и въ стихахъ — письмо отъ Языкова[3]).

9-го ноября: „Возвратился *Пушкинъ* изъ Москвы, свободный“.

На **1827** г.

11-го іюля: „Писала въ Старицу брату Павлу Ивановичу Вульфъ[4])“.

На **1828** г.

14-го іюня: „Писала къ Дельвигу въ Чернь“.

Ноябрь: „На 29-е число видѣла сего утра странной сонъ, будто у меня въ моемъ домѣ много гостей, между прочими — князь Хилковъ; и въ то время, когда мы сидѣли за длиннымъ столомъ, на рукѣ у меня было большое золотое кольцо, которое слома-

---

1) Штабсъ-ротмистръ В. И. Вельяшевъ былъ въ то время исправникомъ въ Старицкомъ Земскомъ Судѣ; въ этомъ уѣздѣ находились деревни Вульфовъ: Малинники, Негодяиха, с. Нивы и др.; дочери В. И. Вельяшева, Екатеринѣ Васильевнѣ, вышедшей впослѣдствіи за Жандра, посвящены извѣстные стихи Пушкина: „Подъѣзжая подъ Ижоры“.

2) Смотри въ Соч., изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 185, письмо отъ 4-го сентября.

3) Это — извѣстное „Тригорское“, отъ котораго былъ въ восторгѣ Пушкинъ (см. письмо его къ Языкову въ день возвращенія въ Михайловское, 9-го ноября 1826 г. — т. VII, стр. 188).

4) Братъ перваго мужа П. А. Осиповой, отставной подпоручикъ; въ этомъ году онъ продалъ ей принадлежавшее ему с-цо Марицыно, въ Старицкомъ же уѣздѣ; онъ жилъ въ с-цѣ Павловскомъ.

лось, и мнѣ кто-то сказалъ въ то время, что Рейхманъ[1]) умеръ".

На **1829** г.

Январь.: „Дельвига квартира у Владимірской, въ домѣ Алферова".

4-го апрѣля: „Возвратилась изъ Старицы въ Малинники".

24-го сентября: „Пріѣхала я съ Машею[2]) изъ Старицкаго уѣзда въ Тригорское".

26-го октября: „Писала къ Над[еждѣ] Осиповнѣ[3]), къ Ольгѣ Сергѣевнѣ[4]), къ Алексѣю[5]) черезъ Кишиневъ".

На **1829** г. (другой экземпляръ; записи относятся уже къ 1830 г.).

Январь [1830 г.]: „У Владимірской, въ Свѣчномъ переулкѣ, въ домѣ Касторской — *Пушкины*.

10-го мая 1830 г. — писано къ барону Дельвигу.

11-го сентября 1830 г. — писано къ барону Дельвигу.

На **1830** г. 14-го сентября 1830 г. — „писано Алек. *Пушкину* въ Москву".

На **1831** г.

28-го апрѣля: „Помолвлена Зина[6]) за Барона Бориса Вревскаго".

8-го іюля: „Была свадьба Евпраксіи".

На **1832** г.

Январь: „Въ Краковской области, въ мѣстечкѣ Стобницы стоитъ съ полкомъ Алексѣй.

---

1) Управляющій П. А. Осиповой въ Малинникахъ.

2) Марья Ивановна Осипова, дочь Прасковьи Александровны отъ второго брака (см. выше, стр. 9).

3) Пушкиной.

4) Пушкиной, впослѣдствіи Павлищевой.

5) А. Н. Вульфу, который въ это время принималъ участіе въ Турецкой войнѣ.

6) Евпраксія (Euphrosine) Николаевна Вульфъ, дочь П. А. Осиповой.

28-го января: „писала *А. Пушк[ину]*[1]).

31-го января: „Пріѣхалъ изъ арміи Алексѣй“[2]).

12-го февраля: „Писала къ Н[адеждѣ] Осиповнѣ.

19-го апрѣля: „Писала къ Пушкиной, къ Павлищевой“.

Іюль: „Получено отъ С[ергѣя] Львовича *[Пушкина]* на почту денегъ 3 р. 80 к.

Въ Петербургъ: „Ольгѣ Сергѣевнѣ[3]) и *Александру Серг.* [Пушкину].

17-го іюля — Ольгѣ Серг[ѣевнѣ].

6-го августа — Ольгѣ Сергѣевнѣ.

9-го августа — Льву Сергѣевичу[4]) въ Варшаву.

На **1833** г.

5-го марта: „Писала къ Надеждѣ Осиповнѣ въ Москву“.

9-го мая: „Писано Алексѣю въ Хлынъ [вм. „Холмъ“]; Вѣрѣ Петровнѣ Вындомской въ Петербургъ“.

19-го мая: Писано Н[адеждѣ] Осиповнѣ.

6-го іюня: „Родилась у Евпраксіи дочь Марья[5])“.

9-го декабря: „Сашинька[6]) родила дочь Елизавету[7])“.

---

1) Письмо это, отъ 25-го января 1832 г., напечатано въ книгѣ И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1903, стр. 158 — 159.

2) Алексѣй Николаевичъ Вульфъ.

3) Павлищевой, сестрѣ Пушкина.

4) Пушкину, брату поэта.

5) Бар. Марія Борисовна Вревская, была за-мужемъ за Григ. Өед. Карповымъ; жива понынѣ; на стр. 5 и 8 день рожденія ея ошибочно отнесенъ къ 6-му *іюля*.

6) Александра Ивановна, старшая дочь Прасковьи Александровны отъ 2-го брака ея съ Ив. Саф. Осиповымъ; вышла за-мужъ за Псковскаго полиціймейстера Петра Николаевича Беклешова; ей въ 1824 г. Пушкинъ написалъ извѣстное свое „Признаніе“: „Я васъ люблю, хоть я бѣшусь“. Въ 1863 г. она была учительницей музыки въ Псковскомъ Маріинскомъ училищѣ 1-го разряда.

7) Была замужемъ за г. Насѣдкинымъ.

На **1834** г.

7-го января: „Писала изъ Острова къ Н[адеждѣ] Осиповнѣ“.

15-го января: — тоже, ей-же.

Январь: „У Полицейскаго мосту, въ домѣ купца Бахерата, въ квартирѣ к. Никиты Григор. Волх[онскаго] — Левъ Ив. [sic] *Пушкинъ*“.

Февраль: „А. Серг. *Пушкинъ* живетъ въ домѣ Баташева, близъ Гагаринской пристани и Прачешнаго мосту“.

22-го августа: „Писала А. П. Кернъ и послала ей 50 р. асс. для перезалога чайника“.

2-го ноября: Два письма: къ Льву Серг. и Ольгѣ Серг.

9-го ноября: къ *Алекс. Серг. [Пушкину]*[1]) и къ Ольгѣ Серг[ѣевнѣ] безъ денегъ.

1-го декабря: письмо къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

На **1835** г.

Январь: *Пушкины*—на Моховой, въ домѣ Кленберха.

25-го марта: „Къ Алексѣю[2]) въ Старицу“.

„Майя 8-го неожиданно пріѣхалъ въ Тригорское Александръ Серьгѣичь *Пушкинъ*. Пробылъ до 12-го числа и уѣхалъ въ Петерб. обратно, а между тѣмъ Н. Н.[3]) 14-го родила сына Григорія“.

28-го ноября — писала „*А. С. Пушкину*“.

На **1836** г.

19-го января: „Черезъ Новоржевъ писала *Пушкину*“[4]).

---

1) Вѣроятно, письмо отъ 1-го ноября 1834 г. (см. въ книгѣ И. А. Шляпкина, стр. 207—208).

2) Вульфу.

3) т. е. Наталія Николаевна; Гр. Ал. Пушкинъ дѣйствительно родился 14-го мая; А. С. вернулся въ Петербургъ 15-го мая („Ист. Вѣст.“ 1888 г., т. 34, стр. 560, 561).

4) Письмо отъ 18-го января 1836 г. (см. въ книгѣ И. А. Шляпкина, стр. 228—229).

На **1837** г.

Январь: „А. Ив. Тургеневъ—въ приходѣ Власья, въ домѣ г-жи Нефедьевой".

6-го февраля Александръ Ивановичъ Тургеневъ, провожая тѣло милаго нашего А[лександра] Сер[гѣевича] пріѣхалъ въ Тригорское[1]) и пробылъ ровно 1-нѣ сутки. А. С. скончался 29 Генваря въ Петерб."

6-го мая: „Послано письмо Жуковскому".

11-го мая: „Получено письмо отъ А. Ив. Тургенева; отвѣчала 15-го".

18-го іюля: „Послала А. П. Кернъ ломбардной билетъ для перезалога серегъ бриліантовыхъ".

На **1838** г. На немъ рукою П. А. Осиповой отмѣчено: „полученъ отъ Сер. Льв. *Пушкина*".

20-го марта: „Выѣхала коляска *Серг. Льв. [Пушкина]* въ Петербургъ".

На **1839** г. На немъ надпись рукою *С. Л. Пушкина:*

„М. Г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Пушкина".

10-го февраля: „Евпраксія родила дочь Софію[2]) въ С.-Петербургѣ".

Ноябрь: „Домъ нанимаетъ Бор. Ал.[3]) на Вас. Остр., на Среднемъ Проспектѣ, въ домѣ купца Сысоева, между 7 и 8 линіей".

На **1840** г.

2-го іюля: Писала къ *Пушкину*.

На **1841** г. Надпись: „Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Пушкина" и рукою П. А. приписано: „С[ергѣя] Л[ьвовича]".

---

1) Прасковья Александровна ошибается: Тургеневъ пріѣхалъ въ Тригорское 5-го февраля, а 6-го было погребеніе Пушкина; онъ *выѣхалъ* 6-го числа и 7-го былъ уже во Псковѣ.

2) Баронесса Софія Борисовна, нынѣшняя владѣлица с. Тригорскаго.

3) Баронъ Борисъ Александровичъ Вревскій, зять П. А. Осиповой.

28-го сентября: „Былъ въ Тригорскѣ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій“ (писано рукою А. Н. Вульфа въ „Памятной книжкѣ на 1841 годъ“).

„6-го ноября выѣхала я изъ Петербурга и 8-го пріѣхала въ Тригорское, а 10-го была свадьба Катенькина[1])“.

На **1842** г. — съ тою же надписью С. Л. Пушкина.

9-го января: „Евпраксія родила дочь Павлу[2])“.

28-го января: „Фокъ съ Катенькой уѣхали въ Дерптъ“.

18-го февраля: „Левъ Сергеичъ [Пушкинъ] именинникъ“.

На **1843** г. — съ тою же надписью С. Л. Пушкина.

На **1844** г. — надпись рукою П. А. Осиповой: „Полученъ отъ Сергѣя Львовича Пушкина декабря 23-го 1843 г.“.

Сентябрь: „Въ Большой Садовой, въ домѣ Тишкина — *Пушкинъ*“.

На **1845** г. — надпись: „Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Пушкина“.

12-го марта: „Скончался Валеріанъ[3]) въ Голубовѣ“.

5-го декабря: „Въ Москвѣ скончался отъ удара Александръ Ивановичъ Тургеневъ“.

На **1847 — 1858** гг. — безъ записей.

На **1859** г. — рукою Ал. Ник. Вульфа записано:

„8 Апрѣля скончалась Прасковья Александровна Осипова въ Тригорскѣ“.

---

1) Екат. Иван. Осипова, вторая дочь Пр. Ал. и Ив. Саф. Осиповыхъ; она вышла за-мужъ за Виктора Александровича Фока; здравствуетъ и понынѣ, проживая въ настоящее время въ Севастополѣ; ей принадлежитъ с-цо Лысая Гора, близъ Тригорскаго (верстахъ въ двухъ).

2) Павла Борисовна Вревская, за-мужемъ за Михаиломъ Ивановичемъ Петропавловскимъ; жива понынѣ.

3) сынъ П. А. Осиповой — Валеріанъ Николаевичъ Вульфъ (см. выше, стр. 139).

На 1860 г. — „Алекс. Вас. Виноградскій[1]) — въ Департаментѣ Удѣловъ, на Литейной".

На 1861 г. —

24-го февраля — „Въ Малинники пріѣхалъ".

17-го іюня — рожденіе Кат. Ив.[2]).

27-го іюля — рожденіе Маріи Ив.[3]).

На 1862, 1864 — 1868 гг. — безъ помѣтокъ.

Памятная книжка на **1829** г. съ записями Алексѣя Николаевича Вульфа за 1829 и 1830 годъ.

12-го генваря — Именины Евпраксіи[4]).

16-го генваря — Поѣхалъ съ *Пуш[кинымъ]*[5]) въ Петербургъ.

18-го генваря — 8 ч. веч. съ *Пуш[кинымъ]* пріѣхалъ въ Петербургъ.

24-го генваря — Зачисленъ я на службу въ Принца Оранскаго Гусарскій полкъ унтеръ-офицеромъ до разсмотрѣнія бумагъ.

7-го февраля: 8 час. вечера выѣхалъ изъ Петербурга.

9-го „ 11 ч. веч. пріѣхалъ въ Торжокъ.

10-го „ Въ Малинники.

25-го „ Былъ я въ Твери у Евпраксіи.

8-го марта: Выѣхалъ изъ Малинниковъ.

9-го „ Выѣхалъ изъ Старицы.

15-го „ Пробылъ въ Кіевѣ.

---

1) А. В. Марковъ-Виноградскій (ум. въ Москвѣ 28-го января 1879 г.)— второй мужъ Анны Петровны Кернъ, рожд. Полторацкой.

2) Фокъ, рожд. Осиповой.

3) Осиповой.

4) Евпраксіи Николаевны Вульфъ, впослѣдствіи бар. Вревской (см. выше, стр. 13, примѣч. 2-ое).

5) Вѣроятно, съ Александромъ Сергѣевичемъ, ибо Левъ Сергѣевичъ былъ въ то время на Кавказѣ, въ походахъ (см. его формуляръ).

18-го марта: Ночью пріѣхалъ въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ, съ артиллеріи ген-маіоромъ, служащимъ при Великомъ Князѣ, Бибиковымъ.

22-го марта: Выѣхалъ изъ Могилева.

24-го „ Прибылъ въ Яссы.

28-го „ Выѣхалъ изъ Яссъ.

1-го апрѣля: Пріѣхалъ въ с. Пашкане, мѣстопребываніе полка.

7-го апрѣля: Выступилъ въ походъ П[ринца] О[ранскаго] Гус. полкъ.

15-го апрѣля: Писалъ въ Тверь и Петербургъ.

25-го „ Писалъ къ Языкову.

27-го „ Писалъ къ матери, сестрѣ и А. П.[1]) чрезъ Одессу.

28-го апрѣля: Перешли мы Дунай.

11-го мая: Пришли мы въ лагерь при с. Кагарнѣ (Каургу).

17-го „ Выступили изъ Каургу.

19-го „ Пришли въ Козлуджу.

25-го „ Дѣло подъ Праводами.

29-го „ Дѣло Витгенштейнова полка съ отступающимъ изъ Праводъ визиремъ.

30-го мая: Разбитіе визиря подъ Шумлою (19 конно-артиллерійская рота Бобылева рѣшила дѣло).

31-го мая: Кавалерійское дѣло нашей дивизіи подъ Шумлою.

6-го іюня: Пошла наша дивизія въ экспедицію за Шумлу къ Джумаѣ.

9-го іюня: Получилъ отъ А. П.[1]) письмо, возвратившись изъ экспедиціи.

14-го іюня: Получилъ письма отъ матушки и сестры черезъ Ушакова[2]).

---

1) А. П. Кернъ.

2) См. выше, стр. 108.

18-го іюня: Пришла наша дивизія подъ Силистрію, которая въ этотъ же день, по нашемъ приходѣ, и сдалась.

23-го іюня: Писалъ къ матери, сестр[амъ] и А. П. [Кернъ].

28-го „ Возвратились опять подъ Шумлу.

29-го „ Получилъ письма отъ сестры и А. П.

5-го іюля: Отступила Главная Квартира отъ Шумлы; мы были въ аріергардѣ.

6-го іюля: Пришли въ Эксибазаръ и остались въ немъ при наблюдательномъ корпусѣ надъ Шумлою.

17-го іюля: Отправлены письма къ матери, сестр[амъ] и А. П.

26-го іюля: Экспедиція нашего полка въ Балканы къ Джумаѣ.

27-го іюля: Рекогносцировка ущелій близъ Эски-Стамбула, гдѣ при атакѣ редутовъ кн. Горчаковъ раненъ и потерялъ (безъ нужды) болѣе 100 человѣкъ.

28-го іюля: Нападеніе Т[урокъ] на нашъ корпусъ подъ Марашемъ; Ахт[ырскій] и Алекс[опольскій] п[олки] прогнали ихъ; первой особенно отличился и 19 к. б. [конно-батарейная] рота.

2-го августа: Получилъ письмо отъ А. П. отъ 28 Іюня; просилъ полковника о представленіи.

3-го августа: Отвѣчалъ А. П.

4-го „ Перешелъ Л[агерь?] нашего корпуса подъ с. Мадара.

6-го августа: Рожденіе Л. П. Райзеръ.

7-го „ Принялъ нашъ (3) эскадронъ маіоръ Беръ.

14-го „ Писалъ къ матери и сестрѣ.

18-го „ Лагерь выступилъ вечеромъ изъ Мадерды, а ночью заложенъ 1 редутъ и параллель подъ Шумлою.

19-го августа: Продолжаются работы, а въ ночь заложенъ 2 редутъ на правомъ флангѣ.

22-го августа: Открыты батареи на нашихъ редутахъ.

25-го „ Вечеромъ Т[урецкая] граната взорвала въ переднемъ редутѣ зарядный ящикъ и убило 3 челов. Пошли мы къ Джумаѣ.

26-го августа: До свѣту атаковали и взяли оной безъ выстрѣла, но послѣ вытѣснены изъ онаго — хвала нашему распоряженію!!!...

29-го августа: Узнавъ отъ переметчика объ уходѣ части нашей кавалеріи, вышли поутру Турки изъ Ш[умлы], но скоро были прогнаны артиллеріею и оставшеюся кавалеріею.

31-го августа: Возвратились мы изъ экспедиціи въ Джумай.

2-го сентября: Получилъ письма отъ 1 Авг. отъ матери, сестры Сашеньки и Евпраксіи[1]).

4-го сентября: Умеръ Мадатовъ[2])

5-го „ Въ ночи получено извѣстіе о заключеніи мира; я былъ при первомъ свиданіи визиря съ Красовскимъ.

9-го сентября: Получилъ письмо отъ А. П. [Кернъ] отъ 17-го іюля.

20-го сентября: Отправилъ письма къ матери, сестрамъ и А. П.

22-го сентября: Получено извѣстіе, что военныя дѣйствія съ турками опять начались. Этотъ слухъ оказался впослѣдствіи ложнымъ.

25-го сентября: Получилъ письма отъ матери и сестры; 28-го отвѣчалъ матери.

5-го октября: Отвѣчалъ сестрѣ.

10-го „ Писалъ къ А. П. и Языкову.

21-го „ Пошли отъ Шумлы обратно въ Бабадагъ.

---

1) Александры Иван. Осиповой и Евпр. Ник. Вульфъ.

2) Кн. Валер. Григор. Мадатовъ, род. въ 1782 г., генералъ-лейтенантъ.

23-го октября: Козлуджи; 25-го — Базарджикъ.

3-го ноября: Пришли мы въ деревню Сарыкіой близъ Бабадага — зимнія наши квартиры.

14-го ноября: Чувствуемо было довольно сильное землетрясеніе поутру, около 6-ти часовъ.

15-го ноября: Получилъ письмо отъ матери и сестры отъ 8-го сентября; 19-го отвѣчалъ матери и сестрѣ.

7-го декабря: Получилъ письмо отъ матери.

25-го „ Получилъ отъ матери письмо изъ Тригорскаго отъ 4-го октября.

30-го декабря: Отъ матери получилъ [письмо] отъ 4-го ноября.

31-го декабря: Отправилъ письма къ сестрѣ, матери и А. П.

1830 годъ.

4-го января: Перешелъ нашъ эскадронъ изъ Сарыкіой въ Монастырище.

13-го января: Пріѣхалъ назадъ въ Сарыкіой.

20-го „ Получилъ письма изъ Петербурга, Пскова и Торжка.

9-го февраля: Получилъ письмо А. П. отъ 19-го января.

11-го „ Отправилъ съ Папенгеймомъ черезъ Яссы письма къ матери, сестрѣ и А. П.

14-го февраля: Получилъ два сестриныхъ письма со вложеніемъ одного отъ *П[ушкина]* [1]).

27-го февраля: Получилъ письмо сестры отъ 14-го ноября и отвѣчалъ на оное съ Шедеверомъ черезъ Букарестъ.

---

1) Это письмо Пушкина отъ 16-го октября 1829 г., изъ Малинниковъ, гдѣ въ это время были и сестры Вульфа; А. Н. получилъ письма Анны Николаевны отъ 12-го и 17-го октября (см. выше, стр. 83, письмо Вульфа отъ 16-го февраля 1830 г.).

24-го марта: Письмо сестры отъ 19-го января.
29-го „ Письмо А. П. [Кернъ] отъ 27-го февраля.
16-го апрѣля: Получилъ отъ матери 200 руб. и письма отъ всѣхъ сестеръ.
17-го апрѣля: Выступили мы изъ л[агеря] при с. Балб. и пришли на Дунайскую переправу, гдѣ я получилъ письма отъ сестеръ и матери со вложеніемъ 300 руб.
19-го апрѣля: Вступили въ карантинъ; 21-го нашъ полкъ очистился окуркою.
25-го апрѣля: Писалъ къ сестрѣ и матери.
26-го „ Возвратились въ Рени обратно, перейдя Дунай.
28-го апрѣля: Пришли въ Рени для выдержанія 21 дневнаго к[арантиннаго] срока.
16-го майя: Выступили изъ карантина въ Рени и пошли къ Бендерамъ.
27-го майя: Пришли въ Бендеры.
3-го „ Послѣ окурки вступили въ оцѣпленіе.
12-го „ Писалъ къ А. П.; 25-го — писалъ къ матери и сестрѣ.
26-го іюня: Перешли мы Днѣстръ. Получилъ приказъ о производствѣ моемъ въ офицеры[1]), отданный 5-го майя сего года.
27-го іюня: Получилъ по два письма отъ матери и сестры и 87 червонцевъ; 30-го получилъ письма отъ матери и сестры.
11-го іюля: Писалъ матери и сестрѣ изъ Тульчина.
19-го „ Пришелъ нашъ эскадронъ на постоянныя квартиры въ мѣстечко Володарку, въ 30 верстахъ отъ Сквиры.
22-го іюля: [Письмо] отъ А. П.; 29-го писалъ къ А. П.

---

1) Изъ юнкеровъ въ корнеты гусарскаго Принца Оранскаго полка.

Въ концѣ книги адреса: У Красныхъ Воротъ, въ приходѣ 3-хъ святителей, въ домѣ Елагиной — *Языковъ.*

А. П. [Кернъ] — на Вас. Островѣ, 9 линія, д. купца Волгова, № 228.

Приложеніе X.

Альбомчики А. М. Выndомскаго и П. А. Осиповой.

1. Тетрадочка въ папочномъ переплетѣ, съ 42 стихотвореніями, списанными Александромъ Максимовичемъ Выndомскимъ изъ разныхъ журналовъ XVIII в., большею частью изъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени", затѣмъ — изъ „Чтенія для вкуса и разума", „Московскаго Журнала" и др. Изъ авторовъ встрѣчаемъ: В. Л. Пушкина, И. И. Дмитріева, кн. Г. А. Хованскаго, Е. П. Люценку и Павла Соковнина. Стихотворенія всѣ писаны рукою Выndомскаго, кромѣ послѣдняго, на французскомъ языкѣ („Chanson") написаннаго, кажется, П. А. Осиповою.

2. Альбомчикъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ и такомъ же футлярѣ, принадлежавшій П. А. Осиповой, ею почти весь заполненный въ 1810 — 1815 гг. Здѣсь стихотворенія, большею частью на французскомъ языкѣ (изъ Сегюра, Авг. Лафонтена, Desforges Maillart и др.), а также на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. На книжкахъ эпиграфъ:

Le sentiment est la vie de l'âme,
L'indifferance est son néant.

На л. 27 — слѣдующее стихотвореніе А. М. Выndом-

скаго, переписанное рукою его дочери — П. А. Осиповой [1]):

Сонетъ.

Услыши, Господи, мой стонъ,
Къ тебѣ я прибѣгаю;
Тебя прошу, къ тебѣ взываю,
Хотя превыше звѣздъ твой тронъ!
Въ печали, горести, мученьѣ
Ты душу укрѣпи мою,
Простри десницу ты Свою
И мнѣ подай Твое спасенье!
Пройди, мой гласъ, сквозь сводъ небесный
И стань у Вѣчнаго предъ тронъ, —
Отъ сердца исходящій стонъ
Преклонитъ Господа и
Мнѣ дастъ вѣкъ прелестный. [sic.].

А. Вындомской.

На л. 34 об. — 35 написано рукою графа Карла Верри делла-Бозіа слѣдующее стихотвореніе его сочиненія:

Trigorski, 16-ten July 1818.

Lied.

Ich lese in manchen Blicken
Der Zufriedenheit seltenes Glück
Und ich möchte nicht wieder so gerne
Auch in mir empfinden die Ruh.

* *
*

Doch vergebens fühl ich in mir
Für Liebe ein sanftes Gefühl,

1) Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“ 1789 г. (ч. II, стр. 22—28) напечатана была „Молитва грѣшника кающагося“, соч. А. Вындомскаго, аналогичнаго содержанія съ этимъ „Сонетомъ“.

Mein Schicksaal lässt nie mir erreichen
Der Sehnsucht einziges Ziel.

* *
*

Die Freuden des Häusslichen Glückes
Sie weilen entfernet von mir
Für mich ist ohne dem Glücke
Auf Erden nichts werthes mehr da.

* *
*

Selbst in der fernsten Zukunft
Erblick ich kein lächelndes Bild,
Nur stete Schwermuth alleine
Ist mir von den Schicksaal bestimmt.

* *
*

Drum schreckt mich auch nicht das Scheiden
Von hinnen in jenes Sein,
Und gelassen erwart ich die Stunde
Die Ruhe dem Herzen ertheilt.

C. V.[1])

Рукою П. А. Осиповой: „Den 16 September C. G. V.[1]) verlis Trigorski dem 1813 Jahr".

„Zum zweiten mal war es den 21 Nowembre das C....[2]) schon wirklich Russland verliss; vieleicht um einmahl wieder auf dessen Boden zu treten".

На лл. 53 об. — 55 об. — вписанное графомъ Верри 8-го августа 1813 г. стихотвореніе „Der glückliche Bauer" (von Miller) и 29-го сентября 1813 г. — „An die Abendstern"; на лл. 61 об. — 64 об. — вписанное имъ же 9-го августа 1813 г. стих.: „An Betty" (von Cramer) и 12-го августа 1813 г. „An des Vergissmeinnicht" съ припискою

1) Carl Graf Verri; правописаніе удерживаемъ.
2) Carl.

подъ послѣднимъ П. А. Осиповой: „und den 29 Jannuar erhielt ich aus B.... die nachricht von C. W., das er sich eine Lebens Gefärtin auserlöst hätte. 1815 Jahr.

На лл. 67 об. — 69 — стихотвореніе неизвѣстнаго автора, имъ самимъ въ альбомъ вписанное:

Винятъ меня въ народѣ,
Велятъ ее забыть;
На что-жъ законъ въ природѣ,
Коль Лилу не любить?

* *
*

Какія-жъ благи свѣту
Даны ко счастью дней,
Не Лилу-ли къ предмету
Принесть въ даръ сердце ей?

* *
*

Пусть сердцемъ обладаетъ
Умѣвъ ее хвалить,
Тѣмъ сердцемъ управляетъ,
Кто могъ ее любить.

* *
*

Кто къ Лилы [sic] равнодушенъ
Узрѣть и не любить,
И сердцу непослушенъ —
Жестокимъ можетъ быть.

* *
*

Природой управляя,
Велишь ты мнѣ молчать,
И въ горести стеная,
Вѣкъ долженъ я страдать.

* *
*

Бесѣдую съ луною,
Грущу съ тоской моей,
Вся мысль полна тобою
И духъ весь преданъ ей.

* *
*

Клянуся алтарями
И небомъ и землей,
Клянуся я богами,
Клянуся и тобой,

* *
*

Что въ мірѣ я не знаю
Другихъ тебѣ сравнить;
Другого не желаю,
Какъ вѣчно вѣрнымъ быть.

* *
*

Вынь сердце изнуренно,
Исторгни духъ ты мой, —
На немъ изображеннымъ
Увидишь образъ свой.

* *
*

Когда и то не тронетъ, —
Дай ядъ мнѣ съ рукъ твоихъ,
И сердце то, что стонетъ, —
Конецъ предѣлу ихъ. [sic]

Альтонъ, 9-го августа 1810 г.
отъ афтора.

На лл. 70 об. — 72 — столь же удачное стихотвореніе того-же автора: „Ночь въ пустынѣ“, съ помѣткою: Августа 13-го, 1810 года. Альтонъ: Усерднѣйше посѣщаетъ [sic] афторъ“. Многія стихотворенія вписаны разными почерками, на память владѣлицѣ альбома. —

Приложеніе XI.

Выдержки изъ писемъ А. И. Колзаковой къ А. Н. Вульфу.

1.

2-го іюня 1852 года. Петербургъ.

Хотя я и обѣщала написать много кузинетѣ[1]), но близость отъѣзда сестры[2]) такъ беретъ время, что никакъ не могла найти довольно, чтобы исполнить вполнѣ мое обѣщаніе и даже не смѣю и впредь навѣрно обѣщать: хлопоты, грустное расположеніе надо мною дѣйствуютъ иначе, чѣмъ надъ M-me de Sévigné, столь много прежде уважаемой, и которая, какъ я недавно читала, поступила, по мнѣнію новаго поколѣнія литераторовъ, *en vieille radoteuse sentimentale.*

Благодарю васъ за полученную мною остальную 1000 р. серебромъ. Дашковы[3]) ѣдутъ 4-го, Павелъ Андреевичъ[4])—въ Варшаву 9-го и 10-го, а я на другой день въ Рудневку[4]) дня на три, потомъ—въ Котлованъ[5]) до 1-го

---

1) Вѣроятно, разумѣется Анна Николаевна Вульфъ.

2) Павлы Ив. Дашковой, жены Якова Андреевича Дашкова.

3) Семья Як. Андр. Дашкова, посланника въ Швеціи.

4) Колзаковъ. Рудневка — имѣніе его въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ; принадлежитъ нынѣ сыну П. А. и А. И. Колзаковыхъ — Конст. Павл. Колзакову.

5) Имѣніе А. И. Колзаковой въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губ., нынѣ принадлежатъ Нат. Ѳед. Зворыкиной, рожд. Русиновой.

іюля, и съ 1-го до 8-го или 10-го полагаю пробыть въ Рудневкѣ; я надѣюсь, что къ 1-му кузинета можетъ ко мнѣ пріѣхать погостить у меня; васъ не смѣю звать, а пожалуете — буду очень рада. . . . . Я была у Павлищевой [1]), нашла ее хоть физически не въ добромъ положеніи, но морально воскресшую духомъ. Сынъ ея [2]) и выросъ, и потолстѣлъ; поступилъ въ Университетъ [3]) и при шпагѣ; она съ мужемъ [4]) будетъ купаться въ Ревелѣ.

Я взяла *менажерку*, Псковскую уроженку, *Блумеръ*, которая кажется будетъ *по мнѣ*; я ее вчера посылала въ Институтъ къ Сонечкѣ Вревской [5]), которую она нашла здоровою.

Прощайте, будьте здоровы и всѣмъ прочимъ щастливы.

2.

Апрѣля 9-го 1855 г. Петербургъ.

Я очень была порадована, что вы получили часть денегъ отъ Тарлецкаго и есть вѣроятность въ полученіи остальныхъ. Нужно ли еще теперь доставить свѣдѣнія о продаваемой мною землѣ въ Боровичахъ?

Моя поѣздка въ Рудневку мнѣ удалась. Я рѣшила, что, считая отъ 1-го мая на полъ года я еще оставлю Генинга [6]), но это не причина, чтобы не искали управляющаго и не иначе, какъ русскаго. Я Генинга не иначе оставила, какъ исполнителемъ моихъ приказаній, не смѣя отъ нихъ отклоняться. По 1-ое мая онъ доставитъ вамъ вѣдо-

---

1) Ольги Сергѣевны, рожд. Пушкиной, сестры поэта.

2) Левъ Николаевичъ, нынѣ д. с. совѣтникъ въ оставкѣ.

3) С.-Петербургскій, гдѣ Л. Н. Павлищевъ окончилъ курсъ въ 1856 г. кондидатомъ камеральныхъ наукъ юридическаго факультета.

4) Ник. Ив. Павлищевымъ (род. въ 1801, ум. въ 1879 г.).

5) Баронесса Софья Борисовна Вревская, нынѣ здравствующая.

6) Управляющій въ имѣніи А. И. Колзаковой.

мости. Я еще разъ, милліонъ разъ васъ благодарю за то, что, согласившись на мою просьбу взять тогда на себя покровительство моему имѣнію, вы мнѣ дали время оправиться отъ разстройства, въ которое меня тогда ввергло стеченіе обстоятельствъ и наше несчастіе. Теперь я себя чувствую морально и физически бодрѣе, и, проведя два лѣта въ деревнѣ, воображаю, что пріобрѣла опытность; слѣдовательно, и располагаю, если Богъ поможетъ, по силѣ моихъ понятій сама дѣйствовать.

Анна Николаевна [1]) здорова; она вамъ писала за меня, что мои мнѣнія не такъ измѣняются, какъ Петербургская погода. Дѣтство мое я провела не съ дѣтьми, а въ кабинетѣ отца [2]); видѣла ежедневно героевъ Отечественной войны,— ихъ разсказы запали глубоко въ сердце мое. Послѣ смерти отца, дѣтство перешло въ юность въ жизни однообразной; время было достаточно на разсужденіе. Пустое многоглаголаніе гувернанки Висленевыхъ, бывшей, вѣроятно, poissarde [3]), возведенной нашимъ невѣжествомъ и нашими грошами въ воспитательницы русскихъ дворянокъ, меня, какъ я ни была молода, поразило пустотою, самохвальствомъ, еще болѣе—ненавистью къ Россіи. Краткій мой взглядъ на земли чужестранныя, эгоизмъ — результатъ воспитанія иноплеменными — и собственныя мои во многомъ другомъ наблюденія, вотъ что положило основаніе той силѣ чувствъ, которыя во мнѣ выражаются въ настоящее время. Я не понимаю, не понимаю и не буду понимать чувствъ въ половину; любовь моя къ царю и отечеству нераздѣльна,—слѣдовательно и едина ненависть моя къ врагамъ ихъ, и чувства эти неизмѣнны.

---

1) Вульфъ, сестра А. Н. Вульфа.

2) Иванъ Матвѣевичъ Бѣгичевъ, генералъ-маіоръ (род. 14-го февраля 1766, ум. 23-го декабря 1816 г.); съ нимъ погребена Екатерина Николаевна Бѣгичева, рожд. Вындомская (род. 26-го декабря 1744, ум. 19-го января 1840 г.); оба погребены въ С.-Петербургѣ, на Малой Охтѣ.

3) Т. е. рыночной торговкой.

Прощайте, будьте здоровы, убѣдитесь, что Малинники стоятъ того, чтобы въ нихъ провести все лѣто; насъ посѣтите, а Тригорское считайте на днѣ Леты.

4.

15-го сентября 1857 г. Царское Село.

Письмо ваше съ столь неожиданными извѣстіями меня поразило. Да, мы потеряли истиннаго друга: она[1]) любила васъ любовью матери, а я въ ней имѣла какъ отголосокъ во всѣхъ моихъ чувствахъ. Чистая была душа. — При таковой потерѣ перебирая въ прошедшемъ [sic], дума невольно приводитъ въ раздумье, и себя въ чемъ-либо упрекаешь. Это всегда бываетъ въ подобныхъ потеряхъ; но не упрекайте себя, что вы мнѣ пишете о себѣ: кому болѣе, какъ мнѣ, не раздѣлить, потому что я могу сказать, что мы были, какъ сестры. Она благую часть имѣетъ. Подъ вліяніемъ моего огорченія раздѣляя ваше, я не могу удержаться, чтобы вамъ не посовѣтовать; простите меня, но искренно желаю, чтобы вы избѣгнули себѣ упрековъ; не отвергайте моихъ мыслей и опытности! Теряя людей, съ которыми мы во враждѣ, все вдругъ измѣняется, вдругъ какъ будто спадываетъ съ глазъ повязка, причины вражды ослабѣваютъ, собственныя убѣжденія измѣняются и себя во многомъ обвиняешь. О! не будьте эгоистомъ! Не дайте умереть старой, слабой женщинѣ[2]) во гнѣвѣ на васъ! Давно молю я Бога, чтобы смягчилъ онъ сердца ваши, но до сихъ поръ молитва моя напрасна... Да будетъ наша

1) Анна Николаевна Вульфъ; род. 10-го декабря 1799, ум. 2-го сентября 1857 г. (даты сообщены барономъ П. А. Вревскимъ); погребена въ с. Берновѣ, Старицкаго у. Тверской губ.

2) Въ это время у А. Н. Вульфа были какія-то непріятности съ матерью — П. А. Осиповой.

усопшая предстательницею предъ Тѣмъ, Кому все возможно. Да смягчитъ онъ сердце ваше! Простите грубаго, но искренно вамъ преданнаго друга А. К.

5.

30-го сентября 1857 г. Царское Село.

Я писала вамъ въ день отъѣзда моего въ деревню, куда призвало меня не совершенно трезвое поведеніе управляющаго въ Котлованѣ; поѣздка эта меня утомила и опять обезкуражила, — потому до сихъ поръ я не была въ состояніи опять съ вами побесѣдовать. Если съ письмомъ, писаннымъ сгоряча по полученіи горестнаго извѣстія о потерѣ общаго нашего друга, я коснулась слишкомъ откровенно о семейной распрѣ, простите меня; мнѣ часто дѣлаютъ упрекъ, что я вижу многое не тѣми глазами, какъ всѣ, — можетъ быть это и справедливо, но мое было искренное желаніе, чтобы обратить въ минуту печали мысли ваши къ примиренію, тѣмъ болѣе, что это было одно изъ сердечныхъ желаній покойной.

Въ послѣдній разъ я касаюсь этого грустнаго предмета. . . . . Перечитывая письмо ваше, столь исполненное огорченія, повторяю вамъ, что со мною вы не должны опасаться говорить о скорби вашей, которая и моя, и если вамъ вздумается когда излить мысли ваши, то я не найду въ этомъ эгоизма. . . . . .

6.

16-го октября 1857 г. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 9-го числа въ отвѣтъ на два мои не можетъ остаться безъ возраженія. Взглядъ женщины

часто различенъ со взглядомъ мущины; къ тому же характеры наши, воспитаніе, пути въ жизни были столь различны, что противоположность въ мысляхъ естественна. Мы никогда почти одинъ другого не понимаемъ, и потому строки мои вмѣсто дружескаго вамъ утѣшенія получили другое значеніе. Желала бы хоть этотъ одинъ разъ изъясниться ясно, чтобы вы, хотя различествуя мнѣніемъ, по крайней мѣрѣ видѣли не оскорбительное обвиненіе, отъ чего я была далека. Кому отъ природы не дано чувство нѣжности, въ томъ къ старости кровь застываетъ, умственныя способности слабѣютъ, чѣмъ всегда пользуются тѣ, которые въ томъ находятъ выгоду, удаляютъ отъ законныхъ связей, клеветою и всѣми способами, и пользуются разностію взгляда — тою-же, о которой я говорила[1]). Касательно со мною,—я желаю, стараюсь пояснить недоразумѣнія, когда они между вами и мною бываютъ, а Чеблыковъ и К°[2]), вѣроятно, за нихъ хватается, какъ за драгоцѣнныя имъ орудія. Оттого — жестокосердіе въ раздраженномъ, хотя ослабѣвшемъ воображеніи. На мѣстѣ вашемъ и я бы пришла въ жестокосердіе; если вы его въ себѣ не признаете, — тѣмъ лучше. Я не оправдываю того, что̀ трудно оправдать, но полагаю, что и въ ней жестокосердія менѣе, чѣмъ оно кажется, и молюсь о смягченіи сердецъ *вашихъ*. Мнѣ кажется, что, удаленная отъ окружающихъ ея людей, она сдѣлала бы къ вамъ шагъ, и я желала бы, чтобы вы ей сознались, что могли, безъ вѣдома вашего, ее огорчить, и чтобы тогда она васъ благословила. О благословеніи сына матерью я молю, — вотъ мое желаніе. Болѣе пояснить я не могу, и мнѣ будетъ очень прискорбно, если и этотъ разъ мы опять впадемъ

---

1) Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ письмахъ говорится о П. А. Осиповой и ея ссорѣ съ сыномъ.

2) Алексѣй Михайловичъ Чеблыковъ былъ управляющимъ у П. А. Осиповой до самой ея смерти.

въ недоразумѣніе. Тогда уже ущербъ въ дружбѣ, какъ вы изъясняетесь, будетъ во вредъ для меня. — Благодатная осень даетъ возможность много сдѣлать хозяевамъ; я хотя не хозяйка, а садоводка, сожалѣю, что не въ деревнѣ. Евѳимію Никитичну[1]) я видѣла; она любила Анну Николаевну и сердечно жалѣетъ о ней; она, какъ и я, ничего не знаетъ изъ Голубова. Желаю вамъ здоровья и успѣха въ хозяйствѣ. А. К.

7.

27-го декабря 1857 года. Петербургъ.

Послѣ отправки мною вамъ выписки[2]), я было 17-го бралась за перо, чтобы написать вамъ, сколь искренно желаю, чтобы новый годъ, начинающійся для васъ съ сего дня[3]), былъ добрымъ для васъ годомъ, — но признаюсь, что не написала, чтобы не обязать васъ отвѣтомъ за сантиментальное воспоминаніе. Письмо ваше отъ 20-го мнѣ доставило величайшее удовольствіе: этотъ разъ взглядъ нашъ на предстоящія измѣненія отчасти сходенъ. Полагаю, что и у васъ, какъ здѣсь, такіе толки, такія дикія мысли, что вѣроятно при Вавилонскомъ столпотвореніи не болѣе было разногласія. Ораторствовавшіе во время войны, которыхъ миръ заставилъ на время молчать, кричатъ по пріобрѣтенной привычкѣ, а до сихъ

---

1) Баронессу Вревскую, вдову колл. сов. барона Степана Александровича Вревскаго, рожд. Арсеньеву.

2) Анна Ивановна посылала А. Н. Вульфу сдѣланную ею „Сокращенную выписку изъ проэкта министра внутреннихъ дѣлъ Ланского къ военному генералъ-губернатору Волынской, Ковенской и Гродненской губерній генералъ-адъютанту Назимову", касавшуюся правилъ о губернскихъ комитетахъ и предположеній касательно крестьянской реформы.

3) 17-е декабря — день рожденія Ал. Н. Вульфа.

поръ вѣчно молчавшіе кричатъ безъ навыка столь же громко, — тѣ и другіе равно съ одинаковымъ невѣжествомъ, — о предметѣ, важность котораго только лишь теперь начинаетъ обрисовываться въ ихъ глазахъ. Желательно, чтобы въ комитетахъ не было ничего подобнаго, а если будетъ, то, разумѣется, результатъ не можетъ отвѣчать благому намѣренію царя. У многихъ уже филантроповъ маска упала. Презамѣчательная эпоха для писателя характеристическихъ наблюденій!

Въ числѣ невѣроятныхъ предположеній — то, что будетъ прощенъ долгъ Опекунскому Совѣту, совершенно невѣроятно и невозможно, не смотря на то, что многіе конфиденціально говорятъ qu'ils le tiennent de bonne source. Родня нашъ, который это долженъ знать лучше многихъ, говоритъ, что это невозможно. Залогъ князя Орлова[1]) нѣсколькихъ тысячъ душъ былъ сигналомъ, и всѣ послѣдовали, говоря: „что взято, то свято“. Но князь не заложилъ свое имѣніе, а заложилъ женино по ея, а не своему убѣжденію. Я закладываю, но моимъ предсмертнымъ распоряженіемъ не оставляю свободными окружающія Котлованъ деревни. Мнѣ сказалъ Александръ Максимовичъ[2]), что недавно былъ перезалогъ имѣнія Тверской губерніи — Вульфа. Очень была бы я рада, если бы вы, перезаложивъ, выкупили Малинники или Нивы. Теперь болѣе, нежели когда-либо, я довольна, что вывела нѣсколько деревень, и мои, т. е. такъ называемыя господскія земли — совершенно особенно отъ деревенскихъ, владѣемыхъ крестьянами, которые вездѣ уравнены и всѣ въ особенныхъ планахъ. Желающимъ же откупиться со всею въ планѣ землею я позволяю цѣлою деревнею (безъ пустошей), въ нѣкоторыхъ деревняхъ — по 180 р.

1) Алексѣя Ѳедоровича; онъ былъ женатъ на Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой.

2) Княжевичъ.

за ревизскую душу, а въ нѣкоторыхъ по 200 р. серебромъ, но не позже 15-го января. Послѣ же уже пора приниматься за составленіе ревизскихъ сказокъ.

Мой старый и малый здоровы. Путешественники наши въ Іерѣ, въ Провансѣ, близъ Тулона; у нихъ 22 градуса тепла. Бѣда, что и здѣсь нѣтъ мороза, ни снѣга.

Въ Стокгольмѣ [1]) всѣ здоровы. Какъ часто я забываюсь, хочу сообщить имъ свое или чужое мнѣніе, хочу слышать отголосокъ, — и нѣтъ его, и подобнаго для меня уже не будетъ... Видѣла я молодыхъ Вревскихъ [2]). Они — съ сѣвера на востокъ, съ востока на западъ, и съ запада возвратились птичьими полетами на сѣверъ съ Парижскими модами. — Въ 8-ой линіи [3]) я давно не была и не знаю, которой партіи она принадлежитъ. Еще разъ повторяю вамъ желаніе мое всѣхъ вамъ благъ. А. К.

8.

Октябрь 1858 г. Петербургъ.

Слышу, что вы на нѣсколько времени въ отпуску, послѣ вашихъ междоусобныхъ преній, и хоть чувствую, что дѣлаю не хорошо, безпокоя васъ письмомъ, а еще болѣе отвѣтомъ, но рѣшаюсь на это по просьбѣ старика Муратова [4]); онъ тоже депутатомъ въ Рязанской губерніи [5])

---

1) Семья Якова Андреевича Дашкова, посланника нашего въ Швеціи; онъ былъ женатъ на сестрѣ А. И. Колзаковой, Павлѣ Ивановнѣ, рожд. Бѣгичевой, родственницѣ П. А. Осиповой.

2) т. е. барона Александра Борисовича Вревскаго (нынѣшняго владѣльца с. Голубова) съ женою.

3) Тамъ, кажется, жила дочь А. П. Кернъ отъ 1-го брака — Екат. Ермол. Шокальская, здравствующая и понынѣ.

4) Ивана Степановича? См. ниже, письмо № 15.

5) А. Н. Вульфъ былъ въ это время членомъ Тверского Губернскаго Комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

и проситъ меня, если возможно, доставить ему что-либо изъ нашихъ Тверскихъ предположеній; а я, какъ эхо, повторяю вамъ это, если это возможно, на основаніи, что, кажется, у насъ дѣлается все *въявь*, а не втайнѣ, какъ здѣсь въ Петербургской губерніи; оно и понятно: здѣсь цѣль — какъ бы болѣе еще крестьянина закабалить, а у насъ, если и не успѣете освободить его, то ужъ, навѣрно, возстановите его противъ желающихъ его вѣчной кабалы. Признаюсь вамъ, что я опасаюсь, что диктаторы ваши такъ далеко пойдутъ, что вы, консерватовые, будете вытѣснены, а если они себѣ голову сломаютъ, тогда уже диктаторство перейдетъ къ Весьегонскимъ, и Тверитяне, какъ Нижегородцы, задушатъ всѣ благородныя намѣренія мыслію — ложною — самосохраненія. Можетъ быть, и дай Богъ, что это бредни старой бабы.

Какъ я вамъ и говорила, я до времени не дѣлаю перемѣнъ, но дѣлаю предположенія и полагаю три поля мои, въ которыхъ слишкомъ 200 десятинъ, раздѣлить на четыре: тогда уже будетъ въ будущемъ году не 75 четвертей посѣва ржи, а *50* четвертей; прошу васъ дать мнѣ совѣтъ на будущій годъ, не засѣять ли мнѣ 2 поля яровымъ, чтобы въ одномъ изъ нихъ засѣять травами? По озими же, какъ вы мнѣ совѣтовали, я сѣять не могу, потому что вездѣ борозды проведены. „Все *обстоитъ благополучно*, работаютъ *исправно*, *только* что *больныхъ* все болѣе и болѣе прибавляется“; болѣзнь не опасная, которая не мѣшаетъ ни у себя работать, ни праздники чествовать, а приходитъ въ господскіе дни. Полагаю, что подобный недугъ неизлѣчимъ, а что на будущую весну онъ еще болѣе усилится. Я спѣшу многое сдѣлать теперь; и не разгородить ли, сколько возможно, теперь, пользуясь хорошею осенью, на 4 поля, т. е. тамъ, гдѣ это возможно, неприкосновенно озимому полю? . . . . . .

9.

25-го октября 1858 г. Петербургъ.

Узнавъ, что диктаторы наши здѣсь, и что — не знаю, правда ли это, — что проэктъ ихъ разсматривается свыше, я полагала, узнавъ что-либо о результатѣ, васъ увѣдомить; вотъ почему и замедлила благодарить васъ за прозу и за поэзію; послѣдняя во мнѣ рѣшительно уже не пробуждаетъ отголоска; радуюсь за васъ, что вы говорите, что еще увлекаетесь идеалами; много, я полагаю, вы обязаны деревеннской жизни, что сохранили эту способность. — Не узнавъ еще ничего, какъ идетъ нашъ Тверской проэктъ[1]), я рѣшилась вамъ написать, предоставивъ *удовольствіе* или неудовольствіе результата, какъ узнаю, немедленно же вамъ передать. Отъ многихъ слышу, что диктаторъ нашъ считается государственною головою — головами, если не признанными по ихъ дѣламъ, то по призванію къ онымъ.

Недавно я вамъ писала; съ тѣхъ поръ, еще до полученія вашей прозы, я имѣла случай доставить Муратову[2]), по просьбѣ его, сокращенную выписку изъ журнала 11-го сентября. Могу ли я послать въ Стокгольмъ[3]) присланныя вами мнѣ бумаги? — Ихъ мнѣ возвратятъ, но когда — это опредѣлить нельзя, не зная, когда на то будетъ случай.

Спрашивала я у васъ въ письмѣ моемъ совѣта, не обратить ли мнѣ свое хозяйство изъ *трехъ*-польнаго въ четырехъ-польное, или лучше въ пяти-польное? Все озимое мое поле въ бороздахъ, слѣдовательно, весною по немъ клеверъ сѣять нельзя? Котлованской мой управляющій никакъ не можетъ убѣдиться въ необходимости въ

---

1) По крестьянскому вопросу.

2) См. предыдущее письмо.

3) Дашковымъ (см. выше, 6-ое письмо).

скоромъ времени измѣнить хозяйство, и всѣ его предположенія доказываютъ, что трудно будетъ ему понять новое положеніе, потому что онъ еще не понимаетъ ни цѣну времени, ни цѣну труда.

Я полагаю, что для *лѣсовъ* нашихъ тогда надобно будетъ лучше имѣть изъ отставныхъ солдатъ, а свои лѣсничіе будутъ еще хуже, чѣмъ теперь. Теперь-ли пріискивать вновь выходящихъ въ отставку, еще хранящихъ въ памяти воинскіе уставы, или ожидать новаго положенія?

„Все *обстоитъ* благополучно“, а чередные больные въ господскіе дни заболѣваютъ; наказанные становымъ — точно такъ же чередуются, какъ бы они и не были наказаны. . . . . .

10.

10-го ноября 1858 г. Петербургъ.

. . . . . Благодарю за сообщаемыя вами подробности, а я не имѣю ничего вамъ сказать особеннаго: все это время видѣла людей дикихъ, безъ самоотверженія, да и даже безъ самоохраненія. Здѣсь съ ума сошли на акціяхъ: на всѣ стихіи — вода и огонь; пѣшеходы толпами стоятъ у дверей, экипажи по всей улицѣ: сама я это видѣла при входѣ конторы, гдѣ подписываются на Общество водопроводовъ; что же будетъ, когда осуществится кампанія для мостовыхъ? . . . . . Я еще не заразилась этою всеобщею лихорадкою; но, какъ у всякаго барона своя фантазія, — моя теперь: покупка земледѣльческихъ орудій. Слышу отъ многихъ похвалу тѣхъ, которыхъ получили по заказу коммиссіонера *Эдерсгейма*; на дняхъ будетъ большая выставка въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, и,

если не ошибаюсь, то убѣжденіе въ необходимости машинъ доставитъ многочисленные заказы. Прилагаю вамъ при семъ каталогъ и изъ онаго выписку, какія-бы я желала заказать машины, но не хочу на это рѣшиться безъ вашей цензуры. Заманчивы паровыя машины, но надо подождать, когда будутъ дешевле. Вычислѣ прежнихъ бывшихъ моихъ вассаловъ человѣкъ пять способны быть при дѣйствіи машинъ (на постановку которыхъ я все-таки взяла бы настоящихъ машинистовъ). Можно-ли надѣяться, что не со всѣми же ими я вдругъ разстанусь! На покупку машинъ и на постановку оныхъ я имѣю отъ 1500 до 2000 рублей. Желаю вамъ всѣхъ благъ, начиная, по эгоизму, успѣхомъ Комитетскихъ занятій[1]).

Понимаю изъ вашего письма, что если бы теперь же, т. е., до *улучшенія* нашлись-бы люди въ лѣсничіе, то теперь бы и взять. Прямо изъ отставки ундеръ-офицеры года два и три бываютъ хороши.

11.

2-го декабря 1858 г. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 23-го получила, равно и отъ 14-го съ интереснымъ приложеніемъ...

По моему мнѣнію, предполагаемый нашимъ Комитетомъ, — единственной исходъ и безопаснѣе всѣхъ прочихъ. Предположеніе здѣшней губерніи я имѣла время лишь пробѣжать; улучшеніе я только одно поняла — въ пользу беременныхъ женщинъ; если другія есть, то я не могла ихъ понять; улучшеніе же быта помѣщика видимо,

---

1) Т. е. въ Тверскомъ Комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

если бы такое предположеніе устроилось, но оно сомнительно. Очень многіе возстаютъ противъ права дворовымъ выкупа, полагая, что эта поведетъ къ воровству. Слышала, что Новогородскій *уѣздной* предводитель князь Мышецкой[1]) (изъ нашего Вындомскаго рода[2]), — сынъ князя Евграфа Дмитріевича, котораго вы у насъ вѣрно видали) настаиваетъ подражать плану Унковскаго[3]); вѣроятно еще болѣе, чѣмъ у насъ, найдетъ оппозицію въ сынахъ Великаго Новгорода. . . . . Уважая вполнѣ вашу ценсуру, я заказала молотильню въ 225 и соломорѣзку. Жидъ Эдерсгеймъ обѣщалъ мнѣ для васъ свѣдѣніе о костомольнѣ, но, кажется, опять обманетъ: физіономія его не внушаетъ довѣрія. Однако, Мирковичъ и Пантелѣевъ очень довольны полученными чрезъ него молотильнями и много лучше Бутеноповскихъ[4]).

Гилленшмидтъ, двоюродный братъ Маріе, снялъ на аренду ферму Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества близъ Порохового Завода[5]); трудится и, какъ долготерпѣливый нѣмецъ и какъ amateur, обѣщаетъ тоже

---

1) Князь Николай Евграфовичъ Мышецкій, штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, съ 1849 г. былъ въ отставкѣ; во время Крымской компаніи былъ начальникомъ Новгородскаго ополченія, затѣмъ долгое время былъ Новгородскимъ уѣзднымъ и губернскимъ предводителемъ дворянства и при открытіи памятника Тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ былъ произведенъ въ д. с. совѣтники; умеръ въ с. Высоцкомъ, Порховскаго у., Псковской губ., 19-го января 1897 г. на 80 году жизни („Нов. Вр." 1897 г., № отъ 25-го янв., некрологъ).

2) Дѣдъ А. Н. Вульфа, отецъ Пр. Ал. Осиповой, былъ Александръ Максимовичъ Вындомскій.

3) Извѣстный дѣятель по крестьянскому дѣлу, Тверской губернскій предводитель дворянства, отрѣшенный отъ должности; ум. въ Петербургѣ въ ночь съ 19-го на 20-е декабря 1893 г.

4) Объ увлеченіи машинами и разными Бутенопами см. у С. Н. Терпигорева Атаны въ „Оскудѣніи"; А. И. Колзакова также отдала дань своему времени, какъ видно изъ настоящихъ писемъ.

5) О Ф. Г. Гилленшмидтѣ см. въ Исторіи Импер. Вольно-Экономическаго Общества, А. И. Ходнева, С.-Пб. 1865, стр. 572—582.

выписать по 1-й навигаціи машины, которыя будетъ продавать съ произведеніями опытовъ. Жидъ Эдерсгеймъ далъ мнѣ тетрадку съ рисунками лѣсопильныхъ машинъ, которую при семъ вамъ посылаю, но за переводъ не берусь, не имѣя понятія въ техническихъ выраженіяхъ и русскихъ, а тѣмъ менѣе англинскихъ. . . . . .

12.

28-го апрѣля 1859 г. Петербургъ.

. . . . . О кончинѣ тетушки[1]), разумѣется, Евѳимія Н[икитишна][2]), какъ все знающая, мнѣ дала вѣсть прежде письма Евпр[аксіи] Ник[олаевны][3]). Помоги вамъ Богъ выпутаться изъ сѣтей Осиповскихъ, простите мою откровенность! Нельзя-ли было бы вамъ отказаться отъ своей части въ пользу ихъ? Онѣ[4]), повѣрьте мнѣ, что-нибудь выхлопочутъ себѣ и найдутъ помимо васъ себѣ адвокатовъ, а если вы вступитесь или какъ наслѣдникъ, или какъ ихъ адвокатъ, то въ первомъ случаѣ не выиграете, а поплатитесь частію Малинниковъ, а въ послѣднемъ — изъ адвокатовъ поступите въ крѣпостные безъ возможности когда-либо улучшенія быта. Женидьбой-же отъ ига не отдѣлаетесь, а двойное себѣ навяжете. . . . . Недавно слышала я, — кажется отъ людей, которые должны знать, — что выкупа не будетъ, а лишь одна личная свобода безъ земли. . . . . .

---

1) Прасковья Александровна Осипова скончалась въ Тригорскомъ 8-го апрѣля 1859 г.

2) Бар. Вревская, вдова барона Степана Александровича Вревскаго.

3) Вревской.

4) Т. е. сестры Алексѣя Николаевича: Марія Ивановна Осипова и Екатерина Ивановна Фокъ; Алексѣй Николаевичъ не внялъ этому совѣту, взялся за управленіе имѣніями и привелъ ихъ въ блестящее состояніе.

13.

30-го іюня (12-го іюля) 1859 г. Висбаденъ.

Вчера была обрадована полученіемъ письма вашего; сама разъ шесть собиралась писать вамъ, но скоро по пріѣздѣ въ Гомбургъ писать было нечего, потомъ, во время реакціи водъ, настала лѣнь; пріѣхавъ-же сюда, въ здѣшнюю котловину, насталъ не жаръ, а зной, отъ котораго, равно какъ и отъ ваннъ, пришла въ изнеможеніе; дней пять, какъ немного головѣ получше физически, за-то морально очень тревожусь. Константинъ Павловичъ[1]), сообщая мнѣ, слишкомъ тому недѣля, о смерти Мих. А. Ростовскаго[2]), написалъ, что Павелъ Андреевичъ очень разстроился, и съ тѣхъ поръ я ни отъ кого не имѣю вѣсти, когда бы, по обыкновенію, должна была имѣть уже два раза. Я полагаю, что если окончу и возвращусь благополучно, то поѣздка эта принесетъ мнѣ большую пользу. Я опять вмѣстѣ съ Евг[еніей] О[сиповной] и комп.; чрезъ недѣлю должны сюда пріѣхать сестра съ Яковомъ А[ндреевичемъ[3]), который былъ болѣнъ при смерти и еще плохо поправляется. Во всякомъ случаѣ въ половинѣ августа я уже полагаю быть въ Рудневкѣ и надѣюсь, что при проѣздѣ вашемъ съ востока на западъ меня посѣтите. . . . . Другой день, какъ здѣсь успокоились картиною обнимающихся двухъ императоровъ и вѣрятъ слѣпо въ окончаніе кровопролитія.—Что касается до нашихъ дѣлъ,

---

1) Колзаковъ, сынъ Анны Ивановны.

2) Михаилъ Александровичъ Растовскій, сынъ генер-м. Александра Андреевича и жены его Любовь Ермолаевны Великопольской, д. с. совѣтникъ, состоявшій при Мин. Вн. Дѣлъ, род. 16-го ноября 1817, ум. 13-го іюня 1859 г., погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ; былъ женатъ на Евдокіи Андреевнѣ Колзаковой, сестрѣ адмирала, генералъ-адъютанта Павла Андреевича Колзакова, мужа Анны Ивановны.

3) Дашковъ съ женою Павлою Ивановною, рожд. Бѣгичевою.

то я сожалѣю, если не надѣлятъ крестьянъ землею; слѣдовательно, мы останемся съ ними связанными, а отъ этого то я избавиться и желаю. Помѣщиковъ и полубояръ здѣсь множество.....

14.

27-го февраля 1860 г. С.-Петербургъ.

Много благодарю васъ за полученную черезъ человѣка вашего посылку. По моему мнѣнію, сочиненіе это чисто-утопическое, и удивляюсь, что люди образованные могутъ полагать возможнымъ условіе съ безграмотными, которымъ всякой прохожій можетъ смутить умы и потрясти довѣріе, а безъ обоюднаго довѣрія никакія условія существовать не могутъ. Вотъ мнѣніе старой женщины, но, къ сожалѣнію, не разъ она отгадывала; и теперь предвижу несостоятельность подобнаго учрежденія, а что Кокоревъ даетъ деньги, это ничего не значитъ: его соучастіе не есть уже гарантія, потому что и ему едва ли удастся возвратить потерянный кредитъ. Очень сожалѣю, что съѣздъ вашъ для учрежденія банка далъ думать о болѣе радикальномъ расположеніи, отъ котораго, кромѣ непріятностей, ничего быть не можетъ. Здѣсь и Богъ знаетъ, что сказали, — что всѣхъ васъ разослали въ отдаленныя губерніи.

Здѣсь еще особенно новаго въ столь короткое время быть не можетъ. Вновь прибывшіе депутаты очень, очень милостиво были приняты государемъ и гр. Панинымъ на его собственной ладъ, и, между прочимъ, онъ просилъ, чтобы они не видались и не совѣщались со здѣшнимъ предводителемъ [1]). Говорятъ, что труды Редакціонной

---

1) С.-Петербургскимъ Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ въ это время графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ.

Коммиссіи будутъ непремѣнно окончены въ мартѣ; вотъ все, что по этому дѣлу я слышала.

Дочь Пушкина[1]) выходитъ за-мужъ за конно-гвардейскаго офицера Гартунга; добрый малой, пріятель нашего покойнаго Николая[2]), съ которымъ вмѣстѣ жили и здоровье убивали. Видно, что неурожай на жениховъ; потому это говорю, что достовѣрно знаю, что Наталья Николаевна[3]) болѣе году, какъ старалась устроить дѣло, а какой тутъ бенефисъ, кромѣ замужества—не понимаю.... Если бы Александръ Сергѣевичъ увидѣлъ свой портретъ въ рамкѣ изъ портретовъ своей семьи и вновь въ нее вступившихъ и вступающихъ съ ихъ папиньками, то страшно бы его перекосило...

15.

12-го августа 1874 г. Царское Село.

Въ Котлованъ въ жаркую погоду, въ жареномъ поѣздѣ, гдѣ всѣ курили, не смотря на то, что вагонъ не для курящихъ, пріѣхала усталая и все время — т. е. недѣлю, чувствовала усталось, не въ силахъ была вамъ писать, и много нашлось дѣла; главныя, къ большому моему удовольствію, окончила. Скотоводство нашла еще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ оно было. Коровы, которыхъ большая часть очень молодыя, дали кругомъ болѣе, чѣмъ по три пуда

---

1) Марья Александровна; ея мужъ—генералъ-маіоръ Леонидъ Николаевичъ Гартунгъ, воспитанникъ Пажескаго корпуса; служилъ въ Конно-Гвардейскомъ полку, а потомъ завѣдывалъ коннозаводскимъ округомъ; умеръ 7-го ноября 1877 г.

2) Николай Яковлевичъ фонъ-Гилленшмидтъ, тоже изъ камеръ-пажей, служилъ въ Конномъ полку.

3) Пушкина, тогда Ланская.

масла. За масло деньги получаю я въ Петербургѣ, — слѣдовательно это вѣрно. Пьянство, нерадѣніе въ исполненіи работъ, кражи, порубка лѣса — тѣ же, что повсюду, и та же юстиція. Воспользовались болѣзнію Менделѣева [1]), надѣлали порубокъ; по глупости, въ просительныхъ письмахъ о пощадѣ и предложеніяхъ о сдѣлкахъ, сами себя обвинили и, — все осталось безнаказанно. Сѣна мало, а клеверъ очень хорошъ и въ изобиліи. Вотъ вамъ рапортъ бывшей помѣщицы, а нынѣ — землевладѣлицы. Что же касается до просвѣщенія и *санитарной* части, то она ввѣрена сыну извѣстнаго вамъ Ивана Степановича [2]); онъ присоединилъ къ способностямъ отца (кромѣ хозяйственныхъ, въ которыхъ ему судьба отказала) высшія воззрѣнія и филантропію конечнаго полусвѣта; не худо бы кому посмотрѣть, описать и послать въ каррикатуру Щедрину....

1) Сосѣдъ А. И. Колзаковой.

2) Муратова? См. выше, стр. 167, прим. 4-е.

УКАЗАТЕЛЬ.

Авраамій Палицынъ 55.
Агентовъ, Михаилъ 52.
Adrian, d-r 36.
Аксамитная, Елиз. — см. Маркова-Виноградская.
Алединскій 110.
Александрово, сельцо, 8.
Александръ I-й 79.
Александръ II-й 69, 174, 175.
Алексѣевъ, Иванъ Алексѣевичъ 45.
Alain, авт. 29.
Алферовъ, домовл. 142.
Albergati Capacelli, Francesco 35.
Albers, F. G. 35.
Alberti, abbate 34.
Анна Леопольдовна (импер.) 10.
Antonini, абб. 43.
Антоновка, мѣст. 91.
Арзрумъ 84, 86.
Arnaud, авт. 27, 47.
Арсеньева, Евеимія Никитична — см. баронесса Вревская.

Бабадагъ, крѣп. 150, 151.
Багговутъ, Александръ Ѳедоровичъ 109.
Багговутъ, Елизавета Дмитріевна, рожд. Ермолаева, 109, 110.
Базарджикъ 151.
Байронъ 30, 93.
Бакунина, Варвара Александровна, рожд. Муравьева, 77.
Бакунина, Елизавета Александровна, рожд. **Львова**, 77.
Бакунина, Елизавета Васильевна, рожд. Маркова-Виноградская, 77, 118.
Бакунина, Татьяна Михайловна — см. Полторацкая.
Бакунины 76, 118.
Бакунинъ, Александръ Александровичъ 77, 78, 118.
Бакунинъ, Александръ Михайловичъ 77.
Бакунинъ, Алексѣй Александровичъ 118.
Barbier, библіогр. 9.
Вардонъ, Дандрей 45.
Barthélemi, J. J. 29.
Баташевъ, домовл. 144.
Бахератъ, домовл. 144.
Beer, Ferdinand-Wilhelm 32.
Becker, W. G., авт. 31, 35.
Беклешова, Александра Ивановна рожд. Осипова, 92, 95, 96, 98, 105, 111, 114, 143, 150.
Беклешова, Елизавета Петровна — см. Насѣдкина.
Беклешовъ, Петръ Николаевичъ 95, 96, 98, 105, 114, 143.
Бекманъ, Борисъ Петровичъ 9.
Белидоръ, авт. 48.
Belloc, Louise Sw. 19.
Belzarrini, Dorinda 35.
Бендеры 152.
Béranger 23, 27.
Вердичевъ, гор. 91.
Верново, село 76, 77, 85, 99, 139, 162.

Burney, S. H., Miss 29.
Berriat-Saint-Prix 27.
Веръ, маіоръ 149.
Бибиковъ, генер. 148.
Blanville de-, marquise, dame B. Ducos, 25.
Блумеръ, г-жа 160.
Боассьи, авт. 37.
Бобылевъ, офиц. 148.
Болдино, село 91, 92.
Бологовская, N. N., жена Якова Дмитріевича Б., 112 — 113.
Бологовской, Яковъ Дмитріевичъ 112 — 113.
Beaumarchais 29.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ 10, 38.
Боровиковскій, Владиміръ Лукичъ. 7.
Боровичи, 160.
Brooke, авт. 22.
Брюлловъ, Александръ Павловичъ 58.
Брюлловъ, Карлъ Павловичъ 55.
Bouilly, J. N. 41.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ 59, 61, 63.
Булгаковъ, Яковъ Ивановичъ 45.
Бурмасово, село 68.
Boursault, Edme 25.
Бутенопъ, машин. 172
Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ 46.
Буханъ, авт. 49.
Бухарестъ 88, 151.
Вѣгичева, Анна Ивановна — см. Колзакова.
Вѣгичева, Екатерина Николаевна, рожд. Вындомская, 161.
Вѣгичева, Павла Ивановна — см. Дашкова.
Вѣгичевъ, Иванъ Матвѣевичъ 161.
Вѣшенцовъ, Семенъ 23 — 24.
Бычковъ, Иванъ Аѳанасьевичъ 55.
Büsching, авт. 49.

Валуевъ 92.
Валуевъ 110.
Wandelaincourt, H. 41.
Van der Velde, E. F. 31.
Варшава 95, 99, 100, 105, 106, 143, 159.
Вегюслень, проф. 40.
Великопольская, Любовь Ермолаевна — см. Ростовская.
Великопольская, Надежда Ивановна — см. Чаплина.
Вельяшева, Екатерина Васильевна — см. Жандръ.
Вельяшева, Екатерина Николаевна — см. Янжулъ.
Вельяшева, Наталья Ивановна, рожд. Вульфъ, 108, 115.
Вельяшева, Прасковья Николаевна, рожд. Рюмина, 115 — 116.
Вельяшева, Софья Константиновна, рожд. Пусторослева, 116.
Вельяшева-Волынцева, Анна Ивановна 46.
Вельяшевы 119.
Вельяшевъ, Александръ Васильевичъ 115 — 116.
Вельяшевъ, Василій Ивановичъ 108, 115, 141.
Вельяшевъ, Николай Васильевичъ 116.
Вендрамини, грав. 7.
Veneroni, авт. 43.
Веревкинъ, Михаилъ Ивановичъ 46.
Vernet, J., художн. 15.
Верри-делла-Возіа, графъ Карлъ 15, 155, 156, 157.
Виньеронъ, худ. 55.
Висленева 82—83.
Висленевы 161.
Висленевъ 94.
Волговъ, домовл. 153.
Волконскій, князь Никита Григорьевичъ 144.
Володарка, мѣст. 152.
Волчковъ, Сергѣй Саввичъ 50.
Вольтеръ 30, 34, 47, 69.
Вольфъ, г-жа 97, 99.
Вороблевскій, Василій Григорьевичъ 19.
Вороничи, погостъ 17.
Вороновъ, Сергѣй 46.
Воскресенское, село 17.

Вревская, баронесса Александра Борисовна — см. Ладыженская.
Вревская, баронесса Анастасія Матвѣевна 167.
Вревская, баронесса Евпраксія Николаевна 4, 5, 6, 7, 12, 18, 61, 93, 94, 99, 106, 113, 115, 120 — 122, 123, 124, 125, 126, 142, 143, 145, 146, 147, 150, 173.
Вревская, бароцесса Еѳимія Борисовна — см. Зубова.
Вревская, баронесса Евѳимія Никитична, рожд. Арсеньева, 165, 173.
Вревская, баронесса Марія Борисовна — см. Карпова.
Вревская, баронесса Марія Михайловна, рожд. бар. Сердобина, 8.
Вревская, баронесса Павла Борисовна — см. Петропавловская.
Вревская, баронесса Свѣтлана Николаевна, рожд. Лопухина, 5, 7.
Вревская, баронесса Софія Борисовна 4, 5, 6, 16, 145, 160.
Вревскіе, бароны 7, 111.
Вревскій, баронъ N. Борисовичъ 99.
Вревскій, баронъ Александръ Борисовичъ 4, 5, 167.
Вревскій, баронъ Александръ Борисовичъ, младенецъ, 7.
Вревскій, баронъ Алексѣй Борисовичъ 8, 13.
Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ 5, 7, 93, 99, 113, 116, 117, 119, 142, 145.
Вревскій, баронъ Ипполитъ Борисовичъ 8.
Вревскій, баронъ Николай Борисовичъ, младенецъ, 7.
Вревскій, баронъ Павелъ Александровичъ 5, 16, 124, 162.
Вревскій, баронъ Степанъ Александровичъ 165, 173.
Вревскій, баронъ Степанъ Борисовичъ 8.
Вревъ, погостъ 7, 116.
Вронченко, Михаилъ Павловичъ 38.
Вульфъ, дядя Алексѣя Никол., 124.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ 1, 6 10, 13, 14, 15, 16, 17, 30, 39, 40, 73—78, 81—119, 123, 124, 125, 126—138, 142, 143, 144, 146—153.
Вульфъ, Анна Ивановна (Netty), по мужу Трувеллеръ, 85, 86.
Вульфъ, Анна Николаевна, 13, 14, 17, 41, 57, 59, 66, 81—119, 123, 124, 125, 126, 148, 149, 150, 151, 152, 159, 160, 161, 162—168, 165.
Вульфъ, Валеріанъ Николаевичъ 98—99, 123, 124, 126, 139, 146.
Вульфъ, Гавріилъ Петровичъ 110.
Вульфъ, Евпраксія Николаевна — см. баронесса Вревская.
Вульфъ, Екатерина Ивановна — см. Полторацкая.
Вульфъ, Екатерина Ивановна — см. Гладкова.
Вульфъ, Иванъ 46.
Вульфъ, Иванъ Ивановичъ 85, 109.
Вульфъ, Иванъ Ивановичъ мл. 109.
Вульфъ, Иванъ Петровичъ 6, 110, 126.
Вульфъ, Михаилъ Николаевичъ, 25 (?), 123, 124, 126.
Вульфъ, Надежда Гавриловна 92, 110.
Вульфъ, Наталья Ивановна — см. Вельяшева.
Вульфъ, Николай Ивановичъ 12.
Вульфъ, Николай Ивановичъ мл. 109.
Вульфъ, Павелъ Ивановичъ 87, 107, 141.
Woulf, Pierre 28.
Вульфъ, Петръ Гавриловичъ 76, 85.
Вульфъ, Петръ Ивановичъ 109.
Вульфъ, Прасковья Александровна, рожд. Вындомская — см. Осипова.
Вульфъ, Ѳедоръ Ивановичъ 21 (?), 123.
Вѣче, село 4, 17.
Вындомская, Вѣра Петровна 143.
Вындомская, Екатерина Николаевна — см. Бѣгичева.
Вындомская, Марія Аристарховна, рожд. Кашкина, 51.
Вындомская, Прасковья Александр., по 1-му браку Вульфъ — см. Осипова.
Вындомскій, Александръ Максимо-

вичъ 10, 11, 15, 17, 36, 45, 50, 52, 139, 154 — 155, 172.
Вындомскій, Максимъ Дмитріевичъ 10.
Высотскій, Григорій Яковлевичъ 71.
Высоцкое, село Порховск. у., 172.
Вышній-Волочекъ 118, 119.
Вяземская, княгиня Вѣра Ѳедоровна, рожд. кн. Гагарина, 71.
Вяземскій, князя Петръ Андреевичъ 47, 53, 59, 61, 71, 79, 80, 88, 146.

Гавриловъ, Матвѣй Гавриловичъ 49.
Галиція 103.
Hamilton, comte Antoine, авт., 25.
Ганнибалъ, Веніаминъ Петровичъ 17.
Ганнибалъ, Іосифъ Абрамовичъ 8.
Ганнибалъ, Марья Алексѣевна 8.
Garnier, C.-G.-T., авт., 28.
Гартунгъ, Леонидъ Николаевичъ 176.
Гартунгъ, Марья Александровна, рожд. Пушкина, 176.
Gasparі, Adam-Christian 43.
Heinsius, Theodor 40.
Гейтманъ, худ. 16.
Геккеренъ, баронъ 58.
Gellert, C. F. 31.
Helme, Elisabeth 19.
Guénard, mad., авт., 27.
Генингъ, управляющій 160.
Геродотъ 46.
Гёте 30, 31, 52.
Гизо 26.
Гилленшмидтъ, Николай Яковлевичъ 176.
Гилленшмидтъ, Федоръ Григорьевичъ 172 — 178.
Гладкова, Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ, 109.
Глазуновъ, книгопрод. 54.
Глебовскій, Иванъ 48.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ 117.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ 39, 56.
Hohenhausen, Elise, перев., 30.
Godwin, William 30.
Голиковъ, Иванъ Ивановичъ 9.
Голландъ, Иванъ-Исаакъ 48.
Hollard, A., перев., 41.
Головкина, графиня Наталья Петровна 20.
Голубо́во, сельцо 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 99, 116, 119, 146, 165.
Goldoni, Carlo 34, 37.
Гончарова, Александра Николаевна 57 — 58.
Гончарова, Екатерина Николаевна — см. Дантесъ-Геккеренъ.
Гончаровы 57.
Гончаровъ, Дмитрій Николаевичъ 58.
Гончаровъ, Иванъ Николаевичъ 58.
Гончаровъ, Сергѣй Николаевичъ 58.
Городище, погостъ 10, 17.
Горохина-Гора, дер. 4.
Горчаковъ, князь 149.
Howel, mistr., писат. 20.
Грандисонъ 12, 13, 31.
Граціанъ, Балтазаръ 50.
Gresset, авт. 24.
Гресперъ, Александръ Александровичъ 65.
Гресперъ, Варвара Николаевна, рожд. Кашкина, 65, 66.
Григорьевъ, художникъ 16.
Гросманъ, Шарлотта Григорьевна — см. Карпова.
Грубешовъ, гор. 101.
Грушецкій, Михаилъ Михайловичъ 132 — 133.

Даль, Владиміръ Ивановичъ 62.
d' Albert, m-lle, 25.
Damours, L., авт. 21.
Дандоло, Георгій 49.
Данзасъ, Константинъ Карловичъ 58.
D' Ancourt, авт. 28.
Дантесъ-Геккеренъ, Екатерина Николаевна, рожд. Гончарова, 58.
Дантесъ-Геккеренъ, Жоржъ 58.
Дашкова, Павла Ивановна, рожд. Бѣгичева, 15, 82, 159, 167, 169, 174.
Дашковъ, Яковъ Андреевичъ 159, 167, 169, 174.

Де-Додтъ, Констанція Петровна 74.
De La Marc, P. Bernard 22.
Де-ла-Моттъ-Гіонъ, писат., 68.
de la Motte Fouqué, Friedrich 31.
де-ла-Уссей, Амелотъ 50.
De-la-Fite, mad., писат. 41.
Delille, Jacques 28.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ 6, 10, 16, 86, 61, 85, 141, 142.
De-Manne, библіогр. 9.
Демута трактиръ 57.
De Pienne, mad., писат. 21.
De-Réal, авт. 51.
Doering, Heinrich 31.
Дерптъ, гор. 146.
Defauconpret, A. J. B. 23, 46.
Desforges-Maillart, авт. 154.
Джумай, сел. 148, 149, 150.
Дилтей, Филиппъ-Генрихъ 40.
Діодоръ Сицилійскій 45.
Дмитревскій, Иванъ Аеанасьевичъ 38.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ 60,154.
Дмитрій Самозванецъ 55.
Домогацкій, Петръ 45.
Dorat, авт. 24, 28.
Dorvigny, авт. 29.
Дубельтъ 103.
Духово, сельцо 17.
Душъ, авт. 49.
Duval, Valentin-Jamerai 22.
du Vaure, авт. 29.
Дядьковскій, Іустинъ Евдокимовичъ 71.

„Евгеній Онѣгинъ“ 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 15, 54, 60, 65, 84.
Екатерина II, 22, 40.
Елагина, домовл. 153.
Ермолаева, Анна Дмитріевна 109, 110.
Ермолаева, Елизавета Дмитріевна — см. Багговутъ.
Ермолаевы, Старицкіе помѣщики, 107, 108, 109, 110, 113.

Жандръ, мужъ Ек. Вас. Жандръ, 108, 141.
Жандръ, Екатерина Васильевна, рожд. Вельяшева, 108, 141.
Jean-Paul, писат. 31.
Genlis, m-me 20, 29, 41, 42.
Жеребцова, Ольга Александровна — см. княгиня Орлова.
Géraud, Edmond 21.
Girard, abbé, 52.
Jauffret, L. F. 84.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 55, 57, 58, 59, 61, 140, 145.

Загряжская, Екатерина Ивановна 58.
Загряжская, Елизавета Алексѣевна — см. Толстая.
Загряжскій, гусаръ 109.
Зворыкина, Наталья Ѳедоровна, рожд. Русинова, 159.
Seiler, G. F., авт. 41.
Зено, Апостолъ 38.
Зубова, Евѳимія Борисовна, рожд. баронесса Вревская, 5.
Зубова, Марія Владиміровна, рожд. Экъ, 5.
Зубова, графиня Наталья Павловна, рожд. кн. Щербатова, 67.
Зубовъ, графъ Александръ Николаевичъ 67.

Ильинскій, Михаилъ 45.
Иноземцовъ, Ѳеодоръ Ивановичъ 71.

Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, 10.

Каверина, жена слѣдующаго, 70.
Каверинъ, Павелъ Никитичъ 69.
Каверинъ, Петръ Павловичъ 69.
«Кавказскій плѣнникъ» 16.
Caze de la Bove, marquise de Blanville, dame B. Ducos, 25.
Калиновская, графиня Северина Осиповна 98.
Campé, J. H. 42, 44.
Campenon, авт. 20.
Кампистронъ, авт. 37.
Карпова, Марія Александровна, рожд. Яковичъ, 4, 17.

Карпова, Марія Борисовна, рожд. баронесса Вревская, 5, 8, 143.
Карпова, Надежда Павловна — см. Назимова.
Карпова, Шарлотта Григорьевна, рожд. Гросманъ, 8.
Карповъ, Григорій Ѳедоровичъ 5, 8, 143.
Карповъ, Иванъ Дмитріевичъ 40.
Карповъ, Павелъ Ѳедоровичъ 4, 5, 8, 9, 17.
Касторская, домовл. 142.
Catiforo, Antonio 46.
Каургу, сел. 148.
Кашкина, г-жа 16.
Кашкина, Александра Дмитріевна 69.
Кашкина, Александра Евгеньева 140.
Кашкина, Варвара Николаевна — см. Грессеръ.
Кашкина, Евпраксія Аристарховна — см. Пушкина.
Кашкина, Екатерина Евгеньевна 14, 65 — 72.
Кашкина, Марія Аристарховна — см. Выдомская.
Кашкина, Устинья Ѳоминична, рожд. Германова, 69.
Кашкинъ, Дмитрій Евгеньевичъ 68 — 69.
Кашкинъ, Евгеній Петровичъ 16.
Кашкинъ, Николай Николаевичъ 16, 72.
Кашкинъ, Николай Сергѣевичъ 16.
Кевитъ Ѳивейскій 50.
Querard, библіогр, 9.
Körner, Theodor 31.
Кернъ, Анна Петровна, рожд. Полторацкая, по 2-му мужу Маркова-Виноградская, 12, 14, 78 — 78, 86, 89, 98, 103, 105, 108, 117, 140, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 167.
Кернъ, Екатерина Ермолаевна — см. Шокальская.
Кернъ, Ермолай Ѳедоровичъ 117.
Кипренскій, Орестъ Адамовичъ 6.
Киселева, Варвара Дмитріевна — см. Полторацкая.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 113.
Кистенджи, крѣп. 89.
Кишеневъ 142.
Chiari, Pietro 35.
Кіевъ 147.
„Кларисса Гарлоу“ 11, 13, 31.
Kleist, Christian-Ewald 31.
Кленберхъ, домовл. 144.
Клопштокъ, писат. 33.
Clauren, H. 35.
Ключаревъ, Ѳедоръ Петровичъ 38.
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ 166.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ 19.
Князевичъ, Осипъ Осиповичъ 17.
Cohen, J., перев. 27.
Козельскій, Яковъ Павловичъ 50.
Козловскій, князь Іона Михайловичъ 110.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ 38, 39.
Козлуджа 148, 151.
Colardeau, Charles-Pierre 22.
Колзакова, Анна Ивановна, рожд. Бѣгичева, 14, 82, 89 — 90, 94, 115, 117, 118, 119, 159 — 177.
Колзакова, Евдокія Андреевна, см. Растовская.
Колзаковъ, Константинъ Павловичъ 115, 159, 167, 174.
Колзаковъ, Павелъ Андреевичъ 89, 117, 159, 167, 174.
Колле (КольЛ), авт. 37.
Колосовъ, В. И. 107.
Колтелинъ, Маркъ 38.
Компаніонъ, Клара Ѳедоровна 17.
Компаніонъ, Ѳеодоръ 17.
Constant, Samuel 21.
Коризна, Иванъ Ивановичъ 21, 42.
Corneille, Jean 25.
Корфъ, г-жа 112.
Котлованъ, с-цо 159, 163, 166, 169, 176.
Крамаренковъ, Василій Ив. 45.
Cramer, авт. 156.
Красовскій, Аѳанасій Ивановичъ 150.
Crebillon, писат. 28.

Krummacher, Friedrich-Adolf 32.
Кудрявцевъ, Иванъ 50.
Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ 7.
Courtener, F., книгопрод. 24.

Ладыженская, Александра Борисовна, рожд. баронесса Вревская, 8.
Lamartine, Alphonse 31.
Ланской, графъ Сергѣй Степановичъ 165.
La-Fontaine, Auguste 27, 154.
Lafontaine, Jean 34.
Лебедевъ, Василій 45, 46.
Ле-Грандъ, авт. 37.
Legouvé, Gabriel 27.
Lezay-Marnésia, C.-F.-A. 26.
Lemaire, H., авт. 28.
Ленскій (изъ „Онѣгина") 13.
Леонтьевъ, Алексѣй Леонтьевичъ 44, 49, 50, 52.
Ле-Пренсъ де Бомонъ, Марія 25, 28, 40, 42, 43, 44.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ 56.
Lesage, авт. 25, 32.
Lessing, Gotthold-Ephraim 30.
Le-Tourneur, Pierre 24, 25.
Limiers, авт. 34.
Lindau, W. A. 31.
Лодыгинъ, Михаилъ 24.
Loaisel de Tréogate 29.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ 19, 48.
Лоредань, Франческъ 49.
Lorrando, P. M. 21.
Лукинъ, Владиміръ Игнатьевичъ 9, 37, 39.
Лызловъ, Андрей 46.
Лысая-Гора, с-цо 146.
Львова, Елизавета Александровна— см. Бакунина.
Люценко, Ефимъ Петровичъ 154.

Мадатовъ, князь Валеріанъ Григорьевичъ 150.
Мадара, сел. (Мадерда?) 149.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 2, 3, 13, 14, 15, 55, 77, 97, 100, 108, 110.
Malarme, mad., авт. 22.
Малинники, сельцо 74, 84, 90, 104, 106, 107, 114, 116, 123, 124, 125, 126, 141, 142, 146, 147, 151, 162, 166, 173.
Марашъ, сел. 149.
Marivaux, авт. 22.
Марицыно, с-цо 107, 141.
Маркова-Виноградская, Анна Петровна — см. Кернъ.
Маркова-Виноградская, Елизавета, рожд. Аксамитная, 73, 74, 76, 77.
Маркова-Виноградская, Елизавета Васильевна — см. Бакунина.
Марковъ - Виноградскій, Александръ Александровичъ 73, 74, 76, 77, 78.
Марковъ - Виноградскій, Александръ Васильевичъ 73 — 78, 147.
Мармонтель 19, 26.
Massuet, Pierre 34.
Mattisson, Friedrich 30, 31.
Méhégan, chev., авт. 47.
Мееръ, Карлъ 48.
Мейеръ, піанистъ 112.
Meynier, J. H. 28.
Мельницкій, Дмитрій Николаевичъ 127—128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137.
Менделѣевъ, помѣщ. 177.
Mercier, авт. 51.
Maistre, Xavier 29.
Metastasio, Pietro 34.
Miller, авт. 156.
Миллеръ, колл. асс. 83.
Миллеръ, Гергардъ-Фридрихъ 9.
Миллеръ, Татьяна Никифоровна, рожд. Пушкина, 83.
Миллотъ, абб. 45.
Millevoye 20.
Мильтонъ 33.
Мирковичъ, помѣщ. 172.
Михайловское, сельцо, 1, 4, 8, 11, 17, 54, 57, 60, 91, 98, 111, 140, 141.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 65.
Могилевъ, гор. 148.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 15, 55.

Мозеръ, авт. 50.
Molière 25, 29.
Монастырище, сел. 151.
Monvel, авт. 28.
Montolieu, Isabelle 29.
Morgan, lady 27.
Morellet, André 20.
Moretti, B. D. 35.
Муравьева, 102.
Муравьева, Варвара Александровна — см. Бакунина.
Муравьевъ, генер. 91, 92, 102, 103.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ 11.
Муравьевъ, Валеріанъ Николаевичъ 129 — 130, 131 — 132.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ 60.
Муратовъ, [Иванъ Степановичъ?] 167 — 168, 169, 177.
Muratori, Lodov. Anton. 51.
Moore, Thomas 19, 20.
Moustalon, 42.
Мышецкій, князь Евграфъ Дмитріевичъ 172.
Мышецкій, князь Николай Евграфовичъ 172.
Мясо̀во, село 4, 17.

Назимова, Надежда Павловна, рожд. Карпова, 4.
Назимовъ, Владиміръ Ивановичъ 165.
Назимовъ, Владиміръ Леонидовичъ, 4, 8.
Наполеонъ 56.
Насѣдкина, Елизавета Петровна, рожд. Беклешова, 148.
Негодяиха, дер. 123, 126, 141.
Нефедьева, Александра Ильинична 61, 145.
Нивы, с-цо 118, 123, 124, 125, 141, 166.
Николай I, 58, 59, 60, 61, 101.
Новиковъ, Николай Ивановичъ 9, 10, 46.
Новоржевъ, гор. 144.
Новосильцовъ, Михаилъ Александровичъ 40.
Nougaret, авт. 30.

Овсянникова 74.
Одесса, 148.
Ozanam, авт. 44.
Орелъ, гор. 118.
Орлова, княгиня Ольга Александровна, рожд. Жеребцова, 166.
Орловъ, князь Алексѣй Ѳедоровичъ 166.
Осипова, Александра Ивановна — см. Беклешова.
Осипова, Екатерина Ивановна — см. Фокъ.
Осипова, Марія Ивановна 2, 9, 11, 14, 21, 39, 47, 54, 57, 63, 114, 116, 119, 127 — 137, 142, 147, 173.
Осипова, Прасковья Александровна, рожд. Вындомская, по 1-му браку Вульфъ, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 23, 24, 25, 26, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 41, 43, 47, 51, 53 — 64, 65, 66, 68, 70, 71, 72, 80, 84, 89, 90, 91, 92, 93, 98, 100, 104, 105, 111, 117, 123, 124, 125, 126, 138 — 146, 148 — 152, 154 — 158, 162 — 163, 164, 167, 172, 173.
Осиповъ, Иванъ Сафоновичъ 16, 95, 139, 140, 143, 146.
Оссіанъ 28.
Остерманъ, гр. А. И. 47.
Островъ, городъ 4, 8, 17, 93, 144.
Острогорскій, Павелъ 48.

Павелъ I, 7.
Павлищева, Ольга Сергѣевна, рожд. Пушкина, 14, 28, 79, 80, 86, 98, 100, 111, 114, 142, 143, 144, 160.
Павлищевъ, Левъ Николаевичъ 17, 98, 117, 160.
Павлищевъ, Николай Ивановичъ 79, 86, 100, 111, 160.
Павловское, сельцо Стар. у., 86, 107, 141.
Pagès, François 29.
Панинъ, гр. Викторъ Никитичъ 175.
Пантелѣевъ, помѣщ. 172.
Папенгеймъ, офиц. 151.
Пашкане, сел. 148.
Пекенъ, Матвѣй 49.

Перевлѣсскій, Петръ Мироновичъ 6.
Перевощикова, дѣвица 112.
Петровское, село 17, 93.
Петропавловская, Наталья Михайловна 5.
Петропавловская, Павла Борисовна, рожд. баронесса Вревская, 8, 146.
Петропавловскій, Михаилъ Ивановичъ 8, 146.
Петръ I, 9, 24, 46.
Pigault-Lebrun 29.
Пиронъ, авт. 60.
Писаревъ, Степанъ Ивановичъ 49, 50.
Плаутина, жена Ник. Өед., рожд. гр. Калиновская (?), 102.
Плаутинъ, Николай Өедоровичъ 97, 98, 102, 103.
Плещеевъ 55.
Плещеевъ, Сергѣй Ивановичъ 9, 11, 39.
Плюшаръ, А. 41.
«Подъѣзжая подъ Ижоры», стих. Пушкина, 141.
Полетика, Григорій Андреевичъ 50.
Полотняный Заводъ 57.
Полторацкая, Варвара Дмитріевна, рожд. Киселева, 113, 114 (?)
Полторацкая, Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ, 108.
Полторацкая, Татьяна Михайловна, рожд. Бакунина, 77.
Полторацкій, Александръ Марковичъ 77.
Полторацкій, Алексѣй Марковичъ 113.
Полторацкій, Павелъ Петровичъ 74, 75.
Полторацкій, Петръ Марковичъ 108.
Pompadour, marquise 21, 28.
Праводы, сел. 148.
Prévost, A.-F. 26, 30, 34, 48.
«Признаніе» (А. И. Осиповой), стих. Пушкина 143.
Протасовъ, Александръ 37.
Прыски, село 72.
Прямухино, село 76, 77, 78, 118.
Псковъ 53, 93, 95, 100, 103, 140, 141, 145, 151.
Poisson, авт. 25.
Пустошлева, Софья Константиновна — см. Вельяшева.
Пушкина, Евпраксія Аристарховна, рожд. Кашкина, 83, 140.
Пушкина, Екатерина Никифоровна — см. Хвостова.
Пушкина, Марья Александровна — см. Гартунгъ.
Пушкина, Надежда Осиповна 8, 142, 143, 144.
Пушкина, Наталья Николаевна 57, 58, 61, 62, 65, 66, 92, 94, 104, 144, 176 (Ланская).
Пушкина, Ольга Сергѣевна — см. Павлищева.
Пушкина, Татьяна Никифоровна — см. Миллеръ.
Пушкины, дѣти А. С. и Н. Н., 58, 59.
Пушкины, С. Л. и Н. О. 98, 111, 142, 144.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ 2, 4, 6, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 26, 33, 39, 53, 54, 56, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 79, 80, 84, 85, 86, 90, 91—92, 94, 104, 107, 108, 111, 117, 120—121, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 151, 160, 176.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 154.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ 144.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 11, 27, 97, 114, 143, 144, 146, 147.
Пушкинъ, Никифоръ Изотовичъ 83, 140.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 3, 8, 39, 58, 61, 62, 80, 140, 143, 145, 146.

Rabutin, Roger, comte de Bussy, 26.
Разлуцкій, Николай 15.
Райзеръ, Л. П. 149.
Ramdohr, Bazile, перев., 29.
Расинъ 25, 37, 69.
Ростовская, Евдокія Андреевна, рожд. Колзакова, 174.
Ростовская, Любовь Ермолаевна, рожд. Великопольская, 174.

Храповицкій, Михаилъ Васильевичъ 87.

Цезарь, Юлій 46.
Zimmermann, авт. 51.

Tchabuschnigg, Adolph Ritter 32.
Чаплина, Надежда Ивановна, рожд. Великопольская, 116.
Чеблыковъ, Алексѣй Михайловичъ 117, 164.
Чернь, гор. 141.
Чулковъ, Михаилъ Дмитріевичъ 52.

Шагарова, дѣвица 113.
Шаде, художникъ 17.
Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ 67.
Schaffer, J. F. 43.
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ 6.
Шедеверъ, офиц. 151.
Шекспиръ 36, 38.
Шёнигъ, Николай Игнатьевичъ 17, 61.
Shéridan 22.
Schiller 30.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ 143, 144.
Шокальская, Екатерина Ермолаевна, рожд. Кернъ, 78, 117, 119, 167.
Шокальскій, Михаилъ Осиповичъ 117.
Шокальскій, Юлій Михайловичъ 78.
Schopenhauer, Johanna 32.
Spiess, авт. 25.
Schreiber, A. 35.
Штеркъ, баронъ Ант.-Л. 49.
Sturm, Chr.-Chr. 51.
Шуваловъ, графъ Петръ Павловичъ 175.
Шумла, крѣп. 148, 149, 150.
Шурлинъ, Алексѣй 87.
Schütze, St. 36.

Щегловъ-Леонтьевъ, Иванъ Леонтьевичъ 2, 8.
Щербатова, княгиня Наталья Павловна, — см. гр. Зубова.

Эдерсгеймъ, Юліусъ 170, 172, 17?
Эксибазаръ 149.
Aymon, M. 34.
Энгельманъ, литогр. 55.
Эпиктетъ 50.
Эрслебенъ, I. X. П. 48.
Эски-Стамбулъ 149.

Юмъ (Гумъ) 87.
Юнгъ-Штиллингъ 24, 32, 33, 34.

Языковъ, Николай Михайловичъ 6, 36, 39, 110, 120 — 122, 141, 148, 150, 153.
Янжулъ, Екатерина Николаевна, рожд. Вельяшева, 116.
Янжулъ, Иванъ Ивановичъ 116.
Янихенъ, Ѳеодоръ Ивановичъ 71.
„Я помню Васъ“, стих. Н. М. Языкова, 120 — 122.
„Я помню чудное мгновенье“, стих. Пушкина, 117.
Ярославль, гор. 68.
Ясы 148, 151.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ II.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1904.

ПУШКИНЪ
и
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ II.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ПУШКИНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Комиссіи съ марта 1903 по февраль 1904 года..... I—XVI.

Автографы Пушкина, поступившіе въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ въ 1903-мъ году. В. И. Срезневскаго ..... 1—13.

Изъ семейнаго архива Раевскихъ. Б. Л. Модзалевскаго 14—24.

Замѣтка къ Пушкину (Происхожденіе пѣсенки Грипева: «Мысль любовну истребляя»). В. И. Чернышева .. 25—26.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая замѣтка (Съ портретомъ). Б. Л. Модзалевскаго ..... 27—31.

Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ (Изъ журнальной полемики конца 20-ыхъ гг. XIX в.). В. В. Каллаша. 32—49.

Предполагаемый источникъ для біографіи Пушкина. Ф. А. Витберга ..... 50—64.

Изъ двадцатыхъ годовъ. Замѣтки и матеріалы. I. Къ біографіи Я. Н. Толстого; II. Исторія одного письма К. Н. Батюшкова. П. Е. Щеголева..... 65—80.

Записка къ Пушкину. Н. О. Лернера ..... 81—83.

Указатель (къ извлеченіямъ изъ протоколовъ I-го и II-го выпусковъ и къ тексту II-го)..... 85—90.

Положено: просить г. Якушкина отобрать въ Остафьевскомъ и Михайловскомъ архивахъ графа Шереметева всѣ Пушкинскія рукописи (стихотворенія, письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, П. В. Нащокину, С. А. Соболевскому и Ѳ. А. Скобельцыну, письма къ Пушкину Е. М. Хитрово и др.), чтобы затѣмъ просить у графа разрѣшенія переслать ихъ въ Академію.

IV. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что, вслѣдствіе заявленія академика А. И. Соболевскаго (протоколъ засѣд. 22 марта 1902 г., п. VI), онъ ознакомился съ собраніемъ записей русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ; среди нихъ 3 или 4 пѣсни оказались, дѣйствительно, записанными рукою Пушкина. Къ этому г. Якушкинъ присовокупилъ, что хранитель рукописей Музея С. О. Долговъ снялъ съ этихъ записей точныя копіи, которыя онъ намѣренъ прислать въ Академію для напечатанія въ журналѣ Коммиссіи.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

V. Предсѣдатель доложилъ телеграмму, полученную, въ декабрѣ минувшаго года, Августѣйшимъ Президентомъ Академіи отъ графини Наталіи Александровны Меренбергъ, въ которой она сообщаетъ, что не находитъ возможнымъ прислать въ Академію письма ея отца. В. И. Саитовъ заявилъ, что имъ полученъ былъ отъ М. М. Стасюлевича корректурный экземпляръ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", съ поправками И. С. Тургенева, но что и это не удовлетворяетъ его при исполненіи его задачи, и что ему необходимо воспользоваться подлинными рукописями писемъ. Собраніе высказало предположеніе, не будетъ ли возможно получить письма при посредствѣ дочери графини Меренбергъ, г-жи Кондыревой (рожд. Дубельтъ); а потому

Положено: просить Предсѣдателя Коммиссіи обратиться къ г-жѣ Кондыревой съ просьбой о посредни-

кина", на 33 л., 1824 г., и изъ Тифлиса, отъ Канцеляріи Штаба Кавказскаго Военнаго Округа отъ 13 декабря, за № 22613, „Дѣлѣ о стихотворцѣ Александрѣ Пушкинѣ. Начато отъ 12 мая 1829, кончено 4 іюня 1829, на 3-хъ листахъ".

Положено: снять съ этихъ дѣлъ точныя копіи для Коммиссіи, а подлинники возвратить.

IX. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученныхъ отъ Британскаго Музея, Парижской Національной Библіотеки, Королевскихъ Библіотекъ: Стокгольмской, Дрезденской и Вѣнской, Великогерцогской Веймарской и Югославянской Академіи отвѣтахъ о томъ, что Пушкинскихъ рукописей у нихъ не имѣется. Институтъ Оссолинскихъ въ Львовѣ отвѣтилъ, что въ немъ есть автографъ письма Пушкина, фотографическая копія съ котораго была уже прислана покойному Л. Н. Майкову, а Королевская Берлинская Библіотека, что въ ней хранится: „Сказка о мертвой царевнѣ", 1833 г., на 11 страницахъ, стихотвореніе въ 11 строчекъ, отрывокъ стихотворенія и письмо къ Булгарину. Музей Королевства Чешскаго прислалъ фотографическій снимокъ съ хранящагося въ немъ автографа стихотворенія „О Делія драгая". Въ Берлинскую Библіотеку написана уже, черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, просьба о присылкѣ имѣющихся въ ней автографовъ, а въ Британскій Музей, въ виду того, что въ немъ, по слухамъ, автографы Пушкина имѣются,

Положено: помимо отправленнаго уже черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ходатайства о высылкѣ рукописей или снимковъ съ нихъ, просить представителя Англо-Русскаго Общества въ Лондонѣ навести въ Музеѣ справки о рукописяхъ Пушкина.

X. А. А. Шахматовъ представилъ обозрѣнію членовъ Коммиссіи рукописи Пушкина, полученныя Академіею въ даръ отъ Петра Николаевича Тургенева изъ Парижа.

XI. А. А. Шахматовъ представилъ хранившійся въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки полученный отъ Над. Конст. Дунинъ-Борковской портретъ (раскрашенная литографія) Е. Н. Ушаковой.

Положено: поручить дѣлопроизводителю сдѣлать съ портрета фотографическій снимокъ и разрисовать его акварелью, а подлинникъ возвратить г-жѣ Дунинъ-Борковской.

XII. По поводу портрета Ушаковой былъ поднятъ вопросъ вообще о портретахъ, которые могли-бы быть приложены къ Академическому изданію сочиненій Пушкина

Положено: признать весьма желательнымъ (какъ полагалъ и покойный Л. Н. Майковъ) украсить изданіе портретами всѣхъ, по возможности, лицъ, къ которымъ Пушкинъ имѣлъ то или иное отношеніе, какъ, напримѣръ, портреты его корреспондентовъ, лицъ, которымъ посвящены стихотворенія и т. п.

XIII. Дѣлопроизводитель при этомъ заявилъ, что въ с. Тригорскомъ находится превосходный портретъ самого Пушкина, рисованный карандашомъ Ж. Вернэ въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ и до сего времени не издававшійся удовлетворительно.

Положено: обратиться къ баронессѣ Софіи Борисовнѣ Вревской съ просьбою о присылкѣ въ Академію означеннаго портрета, для снятія съ него точной фотографической копіи.

XIV. Былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ органѣ Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники“ печатать протоколы засѣданій Коммиссіи.

Положено: печатать въ журналѣ Коммиссіи протоколы ея засѣданій въ возможной полнотѣ.

XV. В. И. Саитовъ доложилъ, что, со времени послѣдняго засѣданія Коммиссіи, имъ были получены авто-

графы писемъ и произведеній Пушкина (послѣднія, а именно: фотографическій снимокъ съ черновыхъ примѣчаній Пушкина къ „Евгенію Онѣгину“, „Зимняя дорога“, стихи къ князю П. П. Вяземскому (съ автографа послѣдняго), планъ „Дубровскаго“, а также варіанты къ „Гавриліадѣ“ по раннему списку, хранящемуся въ Собственной Его Величества Библіотекѣ въ копіи, снятой г. Саитовымъ, — были тутъ же переданы В. Е. Якушкину) отъ слѣдующихъ учрежденій и лицъ: Собственной Его Величества Библіотеки въ Зимнемъ Дворцѣ, Московскаго Румянцовскаго Музея, Публичной Библіотеки, 1-го Реальнаго Училища въ С.-Петербургѣ, Музея Королевства Чешскаго, Радищевскаго Музея въ Саратовѣ (приславшаго фотографическіе снимки съ писемъ, со стихотворенія „Перестрѣлка за холмами“ и рисунка Пушкина, въ немъ хранящихся), А. В. Половцова, В. Я. Брюсова, П. И. Бартенева, Е. Б. Зубовой, П. Н. Тургенева, Н. В. Быкова, А. И. Маркевича, В. И. Шенрока, Т. С. Львовой, (при посредствѣ А. І. Малеина), В. И. Яковлева, К. Я. Грота, А. И. Киселевой, — всего 117 писемъ Пушкина и къ нему; всѣмъ приславшимъ своевременно была выражена благодарность отъ имени Коммиссіи.

XVI. В. И. Саитовъ высказался о желательности обращенія къ сыновьямъ и дочери поэта: А. А. и Г. А. Пушкинымъ и М. А. Гартунгъ съ просьбою о сообщеніи Коммиссіи автографовъ ихъ отца, буде таковые у нихъ имѣются.

Положено: заготовить рескрипты отъ имени Президента и послать ихъ, по подписаніи, названнымъ лицамъ.

XVII. В. Е. Якушкинъ доложилъ собранію, что работы его надъ текстомъ II-го тома въ настоящее время имъ закончены, и что въ половинѣ мая с. г. онъ пришлетъ въ Академическую Типографію оригиналъ для набора, а тѣмъ временемъ будетъ обрабатывать примѣчанія къ

тексту. Имъ использованы рукописи Московскаго Румянцовскаго Музея и Императорской Публичной Библіотеки и всѣ, бывшія ему доступными, частныя собранія, что̀ дало ему возможность съ достаточною опредѣленностью выработать текстъ II-го тома.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Академикъ А. А. Шахматовъ высказался о желательности собиранія при Коммиссіи различныхъ печатныхъ работъ о Пушкинѣ, какъ уже ранѣе появившихся въ свѣтъ, такъ и имѣющихъ появиться, при чемъ онъ самъ,— равно и другіе члены Коммиссіи, присоединившись къ предложенію А. А. Шахматова, изъявили готовность пожертвовать для означеннаго собранія книги, брошюры и газетныя статьи. Собранію этому предположено отвести помѣщеніе въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки, гдѣ въ настоящее время находится перевезенная изъ с. Ивановскаго, Бронницкаго уѣзда, библіотека Пушкина.

II.

Протоколъ засѣданія 30-го октября 1903 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій и члены: академики А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; П. Е. Рейнботъ, В. И. Саитовъ, И. А. Шляпкинъ и В. Е. Якушкинъ; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ выписку изъ протокола засѣданія Отдѣленія Русскаго языка и словесности отъ 11-го октября с. г., ст. XXI:

„Въ настоящемъ засѣданіи была доложена Отдѣленію справка относительно *бумаги для печатанія* II-го тома сочиненій А. С. Пушкина и представлены образцы бумаги.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 по февраль 1904 года.

I.

Протоколъ засѣданія 27-го марта 1903 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, ординарный академикъ А. Н. Веселовскій, члены: академики А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ, дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. В. И. Саитовъ предложилъ избрать въ члены Коммиссіи профессора С.-Петербургскаго Университета Илью Александровича Шляпкина и Секретаря Пушкинскаго Лицейскаго Общества Павла Евгеньевича Рейнбота.

Вслѣдствіе послѣдовавшаго за симъ избранія названныхъ лицъ, *положено:* увѣдомить о семъ гг. Шляпкина и Рейнбота и сообщить объ ихъ избраніи Отдѣленію Русскаго языка и словесности.

III. В. И. Саитовъ заявилъ, что отъ графа С. Д. Шереметева до настоящаго времени еще не получены рукописи Пушкина, въ которыхъ онъ встрѣчаетъ настоятельную надобность. По этому поводу В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что онъ получилъ отъ графа Шереметева приглашеніе пріѣхать, для ознакомленія съ рукописями поэта, въ с. Остафьево и намѣренъ воспользоваться имъ весною или въ началѣ лѣта с. г., а потому

Положено: просить г. Якушкина отобрать въ Остафьевскомъ и Михайловскомъ архивахъ графа Шереметева всѣ Пушкинскія рукописи (стихотворенія, письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, П. В. Нащокину, С. А. Соболевскому и Ѳ. А. Скобельцыну, письма къ Пушкину Е. М. Хитрово и др.), чтобы затѣмъ просить у графа разрѣшенія переслать ихъ въ Академію.

IV. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что, вслѣдствіе заявленія академика А. И. Соболевскаго (протоколъ засѣд. 22 марта 1902 г., п. VI), онъ ознакомился съ собраніемъ записей русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ; среди нихъ 3 или 4 пѣсни оказались, дѣйствительно, записанными рукою Пушкина. Къ этому г. Якушкинъ присовокупилъ, что хранитель рукописей Музея С. О. Долговъ снялъ съ этихъ записей точныя копіи, которыя онъ намѣренъ прислать въ Академію для напечатанія въ журналѣ Коммиссіи.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

V. Предсѣдатель доложилъ телеграмму, полученную, въ декабрѣ минувшаго года, Августѣйшимъ Президентомъ Академіи отъ графини Наталіи Александровны Меренбергъ, въ которой она сообщаетъ, что не находитъ возможнымъ прислать въ Академію письма ея отца. В. И. Саитовъ заявилъ, что имъ полученъ былъ отъ М. М. Стасюлевича корректурный экземпляръ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, съ поправками И. С. Тургенева, но что и это не удовлетворяетъ его при исполненіи его задачи, и что ему необходимо воспользоваться подлинными рукописями писемъ. Собраніе высказало предположеніе, не будетъ ли возможно получить письма при посредствѣ дочери графини Меренбергъ, г-жи Кондыревой (рожд. Дубельтъ); а потому

Положено: просить Предсѣдателя Коммиссіи обратиться къ г-жѣ Кондыревой съ просьбой о посредни-

чествѣ передъ ея матерью и предложить графинѣ Меренбергъ уступить имѣющіяся у нея рукописи въ собственность Академіи за нѣкоторую сумму денегъ.

VI. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученномъ извѣщеніи Калужской Ученой Архивной Коммиссіи, въ которомъ сообщается, что мѣстный фотографъ берется исполнить фотографическіе снимки съ хранящихся въ Музеѣ Коммиссіи подлинныхъ писемъ поэта къ А. Н. Гончарову за 80 рублей.

Положено: просить Коммиссію поручить фотографу прислать пробный снимокъ съ одного изъ писемъ, въ размѣрѣ подлинника, и, въ случаѣ удовлетворительности его, заказать снимки и съ остальныхъ писемъ.

VII. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученномъ, при отношеніи Тверской ученой Архивной Коммиссіи отъ 25-го октября 1902 г., за № 260, экземплярѣ „Стихотвореній Александра Пушкина", ч. I, С.-Пб., 1829 г., найденномъ въ библіотекѣ бывшихъ помѣщиковъ Калязинскаго уѣзда Ушаковыхъ; на обложкѣ книги рукою Пушкина сверху написано чернилами: „всякое даяніе благо — —" внизу: „Всякъ даръ свыше есть", на внутренней сторонѣ обложки: „Катеринѣ Николаевнѣ Ушаковой отъ А. П. 21 сентября 1829 Москва", а на задней обложкѣ, съ наружной стороны: „Nec femina, nec puer". Кромѣ того, Коммиссія прислала „Журналъ 71-го засѣданія Тверской ученой Архивной Коммиссіи 14 іюня 1899 г.", въ коемъ заключается докладъ И. А. Иванова о пребываніи Пушкина въ Тверской губерніи (стр. 11 — 16).

Положено: возвратить книгу въ Коммиссію и выразить ей благодарность отъ имени Пушкинской Коммиссіи.

VIII. Дѣлопрозводитель доложилъ о полученныхъ изъ Одессы, при отношеніи Одесскаго градоначальника отъ 16 декабря, за № 23056, „Дѣлѣ о высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пуш-

кина", на 33 л., 1824 г., и изъ Тифлиса, отъ Канцеляріи Штаба Кавказскаго Военнаго Округа отъ 13 декабря, за № 22613, „Дѣлѣ о стихотворцѣ Александрѣ Пушкинѣ. Начато отъ 12 мая 1829, кончено 4 іюня 1829, на 3-хъ листахъ".

Положено: снять съ этихъ дѣлъ точныя копіи для Коммиссіи, а подлинники возвратить.

IX. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученныхъ отъ Британскаго Музея, Парижской Національной Библіотеки, Королевскихъ Библіотекъ: Стокгольмской, Дрезденской и Вѣнской, Великогерцогской Веймарской и Югославянской Академіи отвѣтахъ о томъ, что Пушкинскихъ рукописей у нихъ не имѣется. Институтъ Оссолинскихъ въ Львовѣ отвѣтилъ, что въ немъ есть автографъ письма Пушкина, фотографическая копія съ котораго была уже прислана покойному Л. Н. Майкову, а Королевская Берлинская Библіотека, что въ ней хранится: „Сказка о мертвой царевнѣ", 1833 г., на 11 страницахъ, стихотвореніе въ 11 строчекъ, отрывокъ стихотворенія и письмо къ Булгарину. Музей Королевства Чешскаго прислалъ фотографическій снимокъ съ хранящагося въ немъ автографа стихотворенія „О Делія драгая". Въ Берлинскую Библіотеку написана уже, черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, просьба о присылкѣ имѣющихся въ ней автографовъ, а въ Британскій Музей, въ виду того, что въ немъ, по слухамъ, автографы Пушкина имѣются,

Положено: помимо отправленнаго уже черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ходатайства о высылкѣ рукописей или снимковъ съ нихъ, просить представителя Англо-Русскаго Общества въ Лондонѣ навести въ Музеѣ справки о рукописяхъ Пушкина.

X. А. А. Шахматовъ представилъ обозрѣнію членовъ Коммиссіи рукописи Пушкина, полученныя Академіею въ даръ отъ Петра Николаевича Тургенева изъ Парижа.

XI. А. А. Шахматовъ представилъ хранившійся въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки полученный отъ Над. Конст. Дунинъ-Борковской портретъ (раскрашенная литографія) Е. Н. Ушаковой.

Положено: поручить дѣлопроизводителю сдѣлать съ портрета фотографическій снимокъ и разрисовать его акварелью, а подлинникъ возвратить г-жѣ Дунинъ-Борковской.

XII. По поводу портрета Ушаковой былъ поднятъ вопросъ вообще о портретахъ, которые могли-бы быть приложены къ Академическому изданію сочиненій Пушкина

Положено: признать весьма желательнымъ (какъ полагалъ и покойный Л. Н. Майковъ) украсить изданіе портретами всѣхъ, по возможности, лицъ, къ которымъ Пушкинъ имѣлъ то или иное отношеніе, какъ, напримѣръ, портреты его корреспондентовъ, лицъ, которымъ посвящены стихотворенія и т. п.

XIII. Дѣлопроизводитель при этомъ заявилъ, что въ с. Тригорскомъ находится превосходный портретъ самого Пушкина, рисованный карандашомъ Ж. Вернэ въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ и до сего времени не издававшійся удовлетворительно.

Положено: обратиться къ баронессѣ Софіи Борисовнѣ Вревской съ просьбою о присылкѣ въ Академію означеннаго портрета, для снятія съ него точной фотографической копіи.

XIV. Былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ органѣ Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники“ печатать протоколы засѣданій Коммиссіи.

Положено: печатать въ журналѣ Коммиссіи протоколы ея засѣданій въ возможной полнотѣ.

XV. В. И. Саитовъ доложилъ, что, со времени послѣдняго засѣданія Коммиссіи, имъ были получены авто-

графы писемъ и произведеній Пушкина (послѣднія, а именно: фотографическій снимокъ съ черновыхъ примѣчаній Пушкина къ „Евгенію Онѣгину“, „Зимняя дорога“, стихи къ князю П. П. Вяземскому (съ автографа послѣдняго), планъ „Дубровскаго“, а также варіанты къ „Гавріліадѣ“ по раннему списку, хранящемуся въ Собственной Его Величества Библіотекѣ въ копіи, снятой г. Саитовымъ, — были тутъ же переданы В. Е. Якушкину) отъ слѣдующихъ учрежденій и лицъ: Собственной Его Величества Библіотеки въ Зимнемъ Дворцѣ, Московскаго Румянцовскаго Музея, Публичной Библіотеки, 1-го Реальнаго Училища въ С.-Петербургѣ, Музея Королевства Чешскаго, Радищевскаго Музея въ Саратовѣ (приславшаго фотографическіе снимки съ писемъ, со стихотворенія „Перестрѣлка за холмами“ и рисунка Пушкина, въ немъ хранящихся), А. В. Половцова, В. Я. Брюсова, П. И. Бартенева, Е. Б. Зубовой, П. Н. Тургенева, Н. В. Быкова, А. И. Маркевича, В. И. Шенрока, Т. С. Львовой, (при посредствѣ А. І. Малеина), В. И. Яковлева, К. Я. Грота, А. И. Киселевой, — всего 117 писемъ Пушкина и къ нему; всѣмъ приславшимъ своевременно была выражена благодарность отъ имени Коммиссіи.

XVI. В. И. Саитовъ высказался о желательности обращенія къ сыновьямъ и дочери поэта: А. А. и Г. А. Пушкинымъ и М. А. Гартунгъ съ просьбою о сообщеніи Коммиссіи автографовъ ихъ отца, буде таковые у нихъ имѣются.

Положено: заготовить рескрипты отъ имени Президента и послать ихъ, по подписаніи, названнымъ лицамъ.

XVII. В. Е. Якушкинъ доложилъ собранію, что работы его надъ текстомъ II-го тома въ настоящее время имъ закончены, и что въ половинѣ мая с. г. онъ пришлетъ въ Академическую Типографію оригиналъ для набора, а тѣмъ временемъ будетъ обрабатывать примѣчанія къ

тексту. Имъ использованы рукописи Московскаго Румянцовскаго Музея и Императорской Публичной Библіотеки и всѣ, бывшія ему доступными, частныя собранія, что̀ дало ему возможность съ достаточною опредѣленностью выработать текстъ II-го тома.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Академикъ А. А. Шахматовъ высказался о желательности собиранія при Коммиссіи различныхъ печатныхъ работъ о Пушкинѣ, какъ уже ранѣе появившихся въ свѣтъ, такъ и имѣющихъ появиться, при чемъ онъ самъ,— равно и другіе члены Коммиссіи, присоединившись къ предложенію А. А. Шахматова, изъявили готовность пожертвовать для означеннаго собранія книги, брошюры и газетныя статьи. Собранію этому предположено отвести помѣщеніе въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки, гдѣ въ настоящее время находится перевезенная изъ с. Ивановскаго, Бронницкаго уѣзда, библіотека Пушкина.

II.

Протоколъ засѣданія 30-го октября 1903 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій и члены: академики А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; П. Е. Рейнботъ, В. И. Саитовъ, И. А. Шляпкинъ и В. Е. Якушкинъ; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ выписку изъ протокола засѣданія Отдѣленія Русскаго языка и словесности отъ 11-го октября с. г., ст. XXI:

„Въ настоящемъ засѣданіи была доложена Отдѣленію справка относительно *бумаги для печатанія* II-го тома сочиненій А. С. Пушкина и представлены образцы бумаги.

Отдѣленіе постановило передать рѣшеніе этого вопроса въ Коммиссію по изданію сочиненій А. С. Пушкина". Въ справкѣ о бумагѣ, приложеной къ выпискѣ, сообщается, что 1-ое изданіе т. I-го Сочиненій напечатано было въ числѣ 1212 экз. на простой (125 стопъ) и 100 экз. на веленевой бумагѣ; 2-е изданіе т. I-го Сочиненій напечатано въ числѣ 1812 экз. на простой (188 стопъ) и 100 экз. на веленевой бумагѣ; четыре листа т. II-го Сочиненій напечатаны въ числѣ 3012 экз. на простой и 100 экз. на веленевой бумагѣ. Бумаги имѣется 484 стопы обыкновенной (бѣлой, по заказу покойнаго Л. Н. Майкова) и 28 стопъ веленевой, при чемъ бумага заказана была на счетъ Отдѣленія.

А. А. Шахматовъ при этомъ заявилъ, что въ складѣ типографіи, дѣйствительно, уже имѣется бумага, сдѣланная для т. II-го Сочиненій по заказу Л. Н. Майкова, и что бумаги этой хватитъ для простыхъ экземпляровъ II-го тома собранія сочиненій. Поэтому

Положено: печатать II-й томъ на имѣющейся уже бумагѣ, заказанной Л. Н. Майковымъ, а вопросъ о бумагѣ для слѣдующихъ томовъ отложить до будущаго засѣданія Коммиссіи, такъ какъ къ этому времени должны быть закончены работы образованной при Академіи Коммиссіи по вопросу объ улучшеніи качества бумаги, на которой будутъ впредь печататься всѣ вообще изданія Академіи Наукъ, и поручить дѣлопроизводителю Коммиссіи сдѣлать справку въ Академической Типографіи съ тѣмъ, чтобы выяснить, возможно-ли будетъ на ея машинахъ печатать Сочиненія Пушкина въ прежнемъ форматѣ, но на общеакадемической бумагѣ, нѣсколько бо́льшаго формата, чѣмъ заказывавшаяся Л. Н. Майковымъ.

III. Предсѣдатель сообщилъ, что по поводу заявленія его въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности 13-го сентября с. г. о составѣ *журнала* Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія", о

размѣрахъ выпусковъ журнала въ годъ, о матеріалѣ для него и объ отплатѣ статей гонораромъ, Отдѣленіе постановило (ст. V протокола названнаго засѣданія): „1) просить предсѣдателя Коммиссіи, академика А. Н. Веселовскаго принять на себя завѣдываніе изданіемъ упомянутаго выше сборника, 2) объемъ годового выпуска опредѣлить въ 12 листовъ, 3) статьи означеннаго сборника оплачивать гонораромъ въ размѣрѣ 32 рублей за изслѣдованія и въ размѣрѣ 16 рублей за матеріалы".

Положено: принять къ свѣдѣнію.

IV. В. Е. Якушкинъ, представивъ Коммиссіи *оригиналъ текста* второй половины II-го тома Собранія сочиненій Пушкина (стихотворенія и поэмы 1821—1823 гг.), сдѣлалъ подробный докладъ о его работахъ надъ этимъ томомъ: о количествѣ піесъ, вошедшихъ въ него (совершенно новыхъ піесъ или черновыхъ набросковъ войдетъ въ него до 13 №№), о поправкахъ къ прежнимъ изданіямъ, сдѣланныхъ имъ на основаніи *печатнаго* текста прижизненныхъ изданій сочиненій поэта и по *черновымъ* рукописямъ, по достовѣрнымъ спискамъ, возстановляющимъ мѣста, искаженныя цензурой, и о хронологической послѣдовательности піесъ, имъ принятой.

Положено: принять къ свѣдѣнію, а оригиналъ текста поручить дѣлопроизводителю немедленно сдать въ Академическую Типографію.

V. В. Е. Якушкинъ представилъ обозрѣнію членовъ *образцы* набора и шрифтовъ Академической Типографіи для начинаемаго печатаніемъ II-го тома сочиненій.

Положено: утвержденный образцовый наборъ поручить дѣлопроизводителю передать Управляющему Типографіей Академіи, для свѣдѣнія.

VI. По поводу образцовъ шрифта для текста и примѣчаній, былъ снова поднятъ вопросъ о *подстрочныхъ* примѣчаніяхъ къ тексту стихотворныхъ произведеній. Послѣ

оживленныхъ преній, въ которыхъ приняли участіе всѣ члены Коммиссіи,

Положено: подтвердивъ прежнее постановленіе Коммиссіи, печатать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту стихотвореній бѣловые варіанты изъ прижизненныхъ изданій произведеній поэта и бѣловыхъ рукописей его.

VII. По поводу запретныхъ піесъ и отдѣльныхъ мѣстъ изъ произведеній, подтверждено постановленіе Коммиссіи, сдѣланное въ засѣданіи 6-го декабря 1901 г. (п. II, б), о выдѣленіи въ особый томъ всѣхъ произведеній и мѣстъ изъ нихъ, безусловно не могущихъ, по цензурнымъ условіямъ, войти въ текстъ изданія, имѣющаго поступить въ продажу.

VIII. В. Е. Якушкинъ высказалъ желаніе, чтобы послѣдняя корректура каждаго листа II-го тома разсылалась всѣмъ членамъ Коммиссіи, для просмотра и замѣчаній. Члены Коммиссіи изъявили полную готовность принять на себя просмотръ листовъ въ корректурѣ, а потому

Положено: поручить дѣлопроизводителю, по полученіи изъ Типографіи экземпляровъ послѣдней корректуры, разсылать ее членамъ Коммиссіи, которые будутъ возвращать ее г. Якушкину непосредственно отъ себя, черезъ два-три дня по ея полученіи.

IX. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что имъ сдѣланы уже фотографическіе снимки съ тѣхъ рукописей Пушкина, которыя онъ находитъ желательнымъ помѣстить въ видѣ приложеній ко II-му тому сочиненій.

Положено: просить г. Якушкина привезти означенные снимки къ слѣдующему засѣданію Коммиссіи, для ихъ разсмотрѣнія.

X. По поводу поднятаго въ прошломъ засѣданіи вопроса о портретахъ, которые желательно было-бы приложить къ собранію сочиненій, и послѣ обмѣна мнѣній между членами Коммиссіи,

Положено: при томахъ стихотвореній Пушкина по-

мѣщать лишь портреты самого поэта; портреты-же его корреспондентовъ, во избѣжаніе задержки печатанія текста переписки, выдѣлить въ особый альбомъ, въ форматѣ собранія сочиненій.

XI. Въ виду неполученія отвѣта отъ графа С. Д. Шереметева на новую просьбу Коммиссіи о присылкѣ рукописей Пушкина (письмо Предсѣдателя Коммиссіи отъ 13-го октября, за № 165), В. И. Саитовъ просилъ Предсѣдателя лично повидаться съ графомъ, еще разъ передать ему ходатайство Коммиссіи и, въ случаѣ новаго неопредѣленнаго отвѣта, разрѣшить ему, г. Саитову, приступить къ печатанію переписки безъ свѣрки копій, сдѣланныхъ нѣкогда Л. Н. Майковымъ, съ подлинными рукописями.

Положено: исполнить просьбу В. И. Саитова, на что и А. Н. Веселовскій изъявилъ свое согласіе.

XII. Предсѣдатель доложилъ, что, благодаря стараніямъ дѣлопроизводителя Коммиссіи, Б. Л. Модзалевскаго, въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба удалось не только разыскать дѣло (I-го стола Канцеляріи Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства 1833 г., за № 27, на 34-хъ листахъ: „О доставленіи въ Канцелярію Военнаго Министерства свѣдѣній, имѣются-ли въ Архивѣ означеннаго Департамента донесенія графа Суворова- Рымникскаго 1794 и 1799 г., приказы его и слѣдственное дѣло о Пугачевѣ"), заключающее въ себѣ два собственноручныхъ письма Пушкина къ князю А. И. Чернышеву и одно—къ графу П. А. Клейнмихелю, но что г. Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ согласился на передачу этого дѣла въ собственность Академіи Наукъ.

Положено: передать дѣло, для вѣчнаго храненія, въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ.

XIII. Предсѣдатель доложилъ, что Александръ Але-

ксандровичъ Пушкинъ, вслѣдствіе обращенія къ нему Августѣйшаго Президента Академіи отъ 22 апрѣля с. г., за № 152, прислалъ въ Коммиссію оригиналъ хранящагося у него дневника его отца. При этомъ В. И. Саитовъ представилъ копію съ дневника, свѣренную имъ, вмѣстѣ съ Б. Л. Модзалевскимъ, съ подлинною рукописью.

Положено: копію передать въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ, а подлинную рукопись возвратить А. А. Пушкину черезъ чиновника особыхъ порученій Академіи В. А. Рышкова, при поѣздкѣ его, въ ноябрѣ сего года, въ Москву.

XIV. Дѣлопроизводитель доложилъ, что при отношеніи Калужской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 1 октября с. г., за № 75, получены снимки съ хранящихся въ Музеѣ Коммиссіи писемъ поэта къ А. Н. Гончарову, и представилъ счетъ мѣстнаго фотографа Адамовича на 80 рублей за работу по исполненію 20 снимковъ.

Положено: оплатить счетъ изъ суммы, отпущенной на этотъ предметъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности, а снимки включить въ альбомъ, для этого заведенный.

XV. В. И. Саитовъ сообщилъ, что имъ въ послѣднее время получено свыше 30 писемъ Пушкина и къ нему отъ П. П. Анненкова, А. А. Бахрушина, П. Е. Рейнбота, И. А. Шляпкина, Калужской Ученой Архивной Коммиссіи и Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

XVI. По поводу подлинниковъ писемъ Пушкина къ женѣ, находящихся у графини Н. А. Меренбергъ,

Положено: просить И. А. Шляпкина, знакомаго съ дочерью графини Меренбергъ отъ перваго брака, Ниной Михайловной Кондыревой, рожд. Дубельтъ, повидаться съ послѣднею и просить ея ходатайства передъ матерью

ея о доставленіи рукописей или фотографій съ нихъ въ Коммиссію.

XVII. Для полученія отъ Александры Алексѣевны Майковой имѣющихся у нея автографовъ поэта и исполненія съ нихъ фотографическихъ снимковъ,

Положено: просить В. И. Саитова повидаться съ г-жею Майковой и получить отъ нея автографы, съ коихъ сдѣлать снимки.

XVIII. В. Е. Якушкинъ передалъ В. И. Саитову копіи съ писемъ Пушкина, имѣющіяся у его отца, Е. И. Якушкина: къ А. А. Ананьину, г. Зеновичу, П. Я. Чаадаеву и Н. И. Хмельницкому.

XIX. Дѣлопроизводитель доложилъ о выходѣ изъ печати I-го выпуска журнала Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія", экземпляры котораго розданы были всѣмъ присутствовавшимъ въ засѣданіи членамъ Коммиссіи.

Положено: по полученіи матеріаловъ для II-го выпуска, уже обѣщанныхъ нѣкоторыми лицами, приступить къ печатанію его, размѣромъ до 6 печатныхъ листовъ, со включеніемъ въ него протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 г.

III.

Протоколъ засѣданія 17-го февраля 1904 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій, члены: академики А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; П. Е. Рейнботъ, В. И. Саитовъ, И. А. Шляпкинъ и В. Е. Якушкинъ; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ, что, исполняя желаніе В. И. Саитова, онъ былъ у графа С. Д. Шереметева и,

не заставъ его дома, получилъ отъ него письмо отъ 20-го декабря 1903 г., въ коемъ графъ пишетъ, что, затрудняясь выпиской въ Петербургъ принадлежащихъ ему автографовъ Пушкина, онъ предлагаетъ поручить кому-либо, въ маѣ мѣсяцѣ 1904 г., произвести на мѣстѣ, въ с. Михайловскомъ, Подольскаго уѣзда Московской губерніи, свѣрку копій писемъ съ ихъ подлинниками.

Положено: Поручить дѣлопроизводителю Б. Л. Модзалевскому, списавшись весною съ графомъ С. Д. Шереметевымъ, отправиться въ с. Михайловское и на мѣстѣ сдѣлать свѣрку текста писемъ и произведеній Пушкина съ оригинальными рукописями.

III. И. А. Шляпкинъ сообщилъ, что, во исполненіе возложеннаго на него Коммиссіею порученія, онъ просилъ проф. И. Я. Фойницкаго переговорить съ Н. М. Кондыревой, рожд. Дубельтъ, по вопросу о письмахъ Пушкина къ женѣ. Г-жа Кондырева обѣщала г. Фойницкому оказать возможное съ ея стороны содѣйствіе къ полученію Коммиссіею отъ графини Меренбергъ названныхъ писемъ Пушкина.

V. Дѣлопроизводитель представилъ обозрѣнію членовъ Коммиссіи присланный баронессою Софіею Борисовною Вревской портретъ Пушкина, работы J. Vernet, находившійся до сего времени въ с. Тригорскомъ, и просилъ дать ему указанія, какимъ способомъ слѣдуетъ исполнить воспроизведеніе портрета и гдѣ заказать исполненіе его для II-го тома Сочиненій.

Положено: заказать въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ фотографію съ портрета, въ размѣрѣ оригинала, посовѣтоваться тамъ со спеціалистомъ о возможно лучшемъ и близкомъ къ подлиннику способѣ воспроизведенія портрета и взять образцы различныхъ способовъ печатанія, для представленія въ слѣдующемъ засѣданіи Коммиссіи.

VI. В. Е. Якушкинъ доложилъ, что въ доставленной ему И. А. Шляпкинымъ принадлежащей послѣднему тетради съ копіями произведеній Пушкина, сдѣланными П. В. и Ив. В. Анненковыми онъ нашелъ немало новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ стиховъ поэта, дополняющихъ то или иное стихотвореніе, любопытные варіанты, отрывки и т. под., которыми и воспользовался для своихъ цѣлей.

VII. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что отъ г. Юрьевича, Курскаго помѣщика, внука С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей Императора Александра II, онъ получилъ чрезвычайно любопытный автографъ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ (на бумагѣ 1829 г.), который далъ нѣсколько существенныхъ варіантовъ къ установившемуся въ печати тексту названнаго произведенія.

VIII. В. И. Саитовъ просилъ у И. А. Шляпкина содѣйствія къ полученію необходимыхъ ему оригиналовъ писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину, обнародованныхъ въ трудѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“. И. А. Шляпкинъ обѣщалъ доставить г. Саитову просимыя имъ рукописи.

IX. В. И. Саитовъ сообщилъ, что въ настоящее время имъ почти уже закончена провѣрка датировки писемъ Пушкина и къ нему, и что онъ получилъ автографы писемъ Пушкина отъ П. Е. Рейнбота, Д. С. Нечаева (черезъ С. Г. Рункевича) и изъ Пушкинскаго Музея при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

X. В. И. Саитовъ сообщилъ, что г. Министръ Юстиціи разрѣшилъ ему извлеченіе различныхъ біографическихъ свѣдѣній изъ Сенатскаго Архива, для комментаріевъ біографическаго характера къ перепискѣ Пушкина.

XI. Дѣлопроизводитель доложилъ, что, во исполненіе даннаго ему порученія, онъ наводилъ справку въ Академической Типографіи относительно возможности печатанія Собранія сочиненій Пушкина въ прежнемъ форматѣ

на обще-академической бумагѣ, и что Управляющій Типографіею далъ положительный отвѣтъ по этому вопросу.

XII. Дѣлопроизводитель представилъ фотографическій снимокъ, въ размѣрѣ подлинника, съ автографа Пушкина, хранящагося въ Музеѣ Виленскаго Военнаго Собранія, полученный при любезномъ воздѣйствіи А. В. Жиркевича.

Положено: включить означенный снимокъ въ альбомъ съ прочими фотографическими снимками.

Автографы Пушкина,

поступившіе въ библіотеку Императорской Академіи наукъ въ 1903-мъ году.

Въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи наукъ въ теченіе минувшаго 1903 года поступило девять автографовъ Пушкина. Пріобрѣтеніемъ этимъ Академія наукъ обязана П. Н. Тургеневу и Общему архиву Главнаго штаба. Представляя опись автографовъ, въ приложеніи къ нимъ сообщаю свѣдѣнія о полученныхъ библіотекою въ томъ же 1903 г. спискахъ съ произведеній Пушкина, изъ которыхъ наиболѣе цѣненъ близкій по времени къ подлиннику списокъ съ письма Пушкина къ бар. Геккерену (отъ барона Мейендорфа), и правленныхъ И. С. Тургеневымъ корректурныхъ листахъ писемъ Пушкина къ женѣ (отъ М. М. Стасюлевича).

1. **Первая глава „Евгенія Онѣгина“.** Рукопись въ 8-ю долю, на 30-ти листахъ. Посвященіе, заглавіе, пять страницъ текста въ началѣ и двѣ въ концѣ писаны самимъ Пушкинымъ; ему же принадлежатъ поправки и передѣлки во всей остальной рукописи, писанной переписчикомъ; всѣ окончательныя поправки рукописи, сдѣланныя Пушкинымъ, вошли въ печатный текстъ; оставшихся непоправленными, несходныхъ съ извѣстнымъ текстомъ мѣстъ немного, въ строфахъ, писанныхъ самимъ Пушкинымъ, ихъ всего два. Примѣчанія къ тексту, въ изданіяхъ на-

печатанныя, въ рукописи или совсѣмъ отсутствуютъ, или только отмѣчены въ текстѣ звѣздочками, или приведены подъ строкой одними начальными словами. Послѣ XVII-й строфы въ рукописи идетъ та, которая потомъ названа XX-ой; нынѣшняя строфа XVIII („Волшебный край...“) и XIX („Мои богини...“) приписаны въ концѣ рукописи рукою Пушкина; нумерація же строфъ XVIII-й и слѣд. прежняго счета) переправлена рукой Пушкина въ XX и пр. Вслѣдъ за строфой XXXVI-й (или по исправленному тексту XXXVIII — „Недугъ, котораго причину...“) слѣдовала непосредственно строфа, начинающаяся словами „Причудницы большого свѣта...“ (по первому счету XLIII); затѣмъ послѣ строфы XXXVI-й (стараго счета) поставлено карандашемъ многоточіе и цифры XXXVII, XXXVIII, XXXIX; когда послѣ были прибавлены дополнительныя строфы XVIII и XIX, измѣнившія нумерацію, при переправкѣ цифръ была пропущена цифра XXXIX; вслѣдствіе этого дальнѣйшій счетъ оказался невѣрнымъ и въ главѣ 1-й общее число строфъ вышло не шестьдесятъ, а шестьдесятъ одна (послѣдняя строфа ошибочно по первому счету названа LV-й). Еще слѣдуетъ указать различіе съ нынѣ принятымъ текстомъ въ порядкѣ строфъ: строфа XLV („Условій свѣта свергнувъ бремя...“) въ рукописи поставлена вслѣдъ за XLVI-й („Кто жилъ и мыслилъ...“) согласно съ 1-мъ изданіемъ Евгенія Онѣгина 1825 г.; перестановка введена съ изд. 1838 г.

л. 1. Посвященіе: „Посвящено брату Льву Сергѣевичу Пушкину“ (какъ въ 1-мъ изд. 1825 г.). Внизу карандашемъ приписано „Pouchkine“ — отмѣтка, сдѣланная, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ Тургеневыхъ — дѣтей Н. И. Тургенева, которымъ принадлежала рукопись.

л. 2. Заглавіе: Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Сочиненіе А. П. . . .

л. 2 об. Эпиграфъ. Первоначальный текстъ: „*Pas entierement exempt* de vanité il avait encore plus de....“ и пр., какъ въ печатномъ; первыя три слова зачеркнуты и надъ ними карандашемъ надписано „Pêtri“ (какъ въ печатномъ).

л. 3. „Глава первая“. Эпиграфа изъ кн. Вяземскаго нѣтъ (какъ и въ изд. 1825 г.). Представляю первоначальный текстъ, поправки Пушкина и разночтенія сравнительно съ изданіемъ 1838 г., изданіемъ литературнаго фонда и 1-мъ изд. Евгенія Онѣгина 1825 г. (первая цифра обозначаетъ строфу, вторая — строку):

I. 6. Но, Боже мой, какая *мука* (вм. печатн. „скука“).

II. 1. Такъ *мыслилъ* молодой повѣса (вм. „думалъ“).

XV. 14. Не *прогремитъ* ему обѣдъ. Пушкинымъ поправлено „не прозвонитъ“ (какъ въ печатн.).

XVI. 6. *К . . . инъ* (въ новыхъ изд. „Каверинъ“); *К* зачеркнуто Пушкинымъ; въ изд. 1825, 1838 — ***.

XVI. 9 — 11. Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
Двойной бекасъ и виниретъ,
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ.

Вторая строка зачеркнута и сверху Пушкинымъ надписано: „Французской кухни лучшій цвѣтъ“, и затѣмъ измѣненъ порядокъ 2-й и 3-й строкъ (какъ въ печатн.).

XVIII. 10. Вм. печатн. „Шаховской“ — *Ш . . .*; потомъ карандашемъ приписана фамилія, но не рукой Пушкина.

XX. 14. И *гибкой* ножкой ножку бьетъ; Пушкинымъ поправлено „быстрой“ (какъ въ печатн.).

XXII. 5 — 6. Еще не перестали *хлопать*
Обшикивать, *чихать и топать*.

Потомъ поправлено (какъ въ печатн.):

. . . . . топать
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать.

XXII. 8. *Театра блещутъ* фонари.

Поправлено въ

Блистаютъ *люстры*, фонари.

Потомъ сл. „люстры“ зачеркнуто и впереди приписано „вездѣ“, какъ вошло въ печатный текстъ.

XXV. 5. Вм. нов. печатн. „Каверинъ“ въ рукоп.: *Ч....*; въ изд. 1825, 1838 — ***.

XXVI. 13 — 14. *Академическій словарь*
Мнѣ не законъ, какъ было встарь.

Потомъ передѣлано (какъ въ печатн.):

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

При этомъ мѣстѣ начало примѣчанія „Нельзя не пожалѣть etc.“.

XXVII. 5. Сл. „померкшими“ вставлено Пушкинымъ.

XXVII. 14. *Дѣвицъ* и дамъ и чудаковъ.

Карандашемъ зачеркнуто „дѣвицъ“ и вставлено передъ сл. „чудаковъ“ „модныхъ“ (какъ въ печатн.).

XXVIII. 2. *Звонокъ раздался;* онъ стрѣлой...

Осталось въ рукописи безъ поправки (въ изд. „Швейцара мимо...“).

XXIX. 13 — 14. Я это *для того* пишу,
Чтобъ доказать, что не грѣшу.

Карандашемъ переправлено въ

Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу,

какъ въ печатн.

XXX. 12 — 14. . . . . Грусный, охладѣлой,
И нынче иногда во снѣ
Онѣ *смущаютъ* сердце мнѣ.

Осталось неисправленнымъ; подъ строкою рукой Пушкина приписано: „Непростительный галлицизмъ. Соч.“. Въ 1-мъ изд. примѣчаніе это сохранилось, но, кажется, случайно, потому что стихи рукописи были исправлены такъ:

...Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ смущаютъ сердце мнѣ.

Въ этой редакціи галлицизма уже не было. Въ нынѣ принятомъ текстѣ съ 1838 г. вм. „смущаютъ“ (какъ въ 1825) „тревожатъ“.

XXXI. 12. И край отцовъ и заточенье.

Къ этой строкѣ внизу страницы предположительная поправка:

И безъ друзей уединенье.

XXXII. 14. *Въ саняхъ и* на гранитѣ скалъ.

Затѣмъ переправлено (какъ въ печатн.):

У моря, на гранитѣ...

XXXIII. 4. Съ любовью пасть...

Переписчикомъ переправлено „лечь“ (какъ въ печатн.).

XXXIV. 2. Въ *веселыхъ* иногда мечтахъ

Поправлено „въ завѣтныхъ...“ (какъ въ печатн.).

XXXIV. 5—7. Опять *волнуясь умиленьемъ*,
Опять ея прикосновеньемъ
Кипитъ въ *усталомъ* сердцѣ кровь...

Переправлено карандашемъ:

Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ *усталомъ* сердцѣ кровь.

Въ печатн. ред. „въ увядшемъ сердцѣ“.

XXXV. 14. Ужъ отворялъ свой *Wass ist dass.*

Пушкинымъ поправлено „васъ-исдасъ“ (въ печатн. „васисдасъ“).

XXXVI. 5. Проснется *въ* полдень *онъ* и снова

Переправлено: „за полдень и снова“ (какъ въ печатн.).

XXXVII. 13 — 14. Но *предлагать имъ* наконецъ
Усталъ онъ саблю *или* свинецъ.

Переправлено (какъ въ печатн.):

Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII. 3. *Подобье англинскаго сплина*,
Ясныя русская хандра.

Переправлено карандашемъ (какъ въ печатн.):

Подобный англинскому сплину,
Короче русская хандра.

XLII (въ рук. XLIII). 4.

Довольно скученъ *лучшій* тонъ.

Такъ и въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г. „высшій".

XLII-XLIII. 9. Къ тому жъ онѣ такъ *величавы*.

Такъ въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г.: „непорочны".

XLII-XLIII. 10. Такъ *непорочны*, такъ умны.

Такъ въ 1-мъ изд.; въ нын. съ 1838 г. текстѣ: „величавы".

XLII-XLIII. 12. Такъ *чисты ихъ святые нравы*.

Переправлено карандашемъ:

Такъ *чисто сохраняютъ нравы*.

Такъ въ 1-мъ изд.; въ обычномъ текстѣ:

Такъ осмотрительны, такъ точны.

XLIII-XLIV. 1. И вы, *красотки* молодыя.

Поправлено „гетеры", потомъ снова поставлено „красотки" (какъ и въ печатн.).

XLIII-XLIV. 3. Уносятъ дрожки *бѣговыя*.

Потомъ поправлено „удалыя" (какъ въ печатн.).

XLIII-XLIV. 14. *За то*, что къ нимъ принадлежу.

Переправлено „затѣмъ" (какъ въ печатн.).

XLIV-XLV. 7. Тамъ скука, *тутъ* обманъ и бредъ.

Въ изд. „тамъ".

XLV-XLVII. 8. Я былъ *сердитъ*, онъ *былъ* угрюмъ.

Переправлено (какъ въ печатн.):

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ.

XLV-XLVII. 13. *Судьбы*, фортуны и людей.

Переправлено: „слѣпой фортуны..." (какъ въ печатн.).

XLVI. 2. Случайная ошибка переписчика въ порядкѣ словъ, поправленная Пушкинымъ „не презирать людей".

XLVI. 13 — 14. И шуткѣ съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграммъ.

Такъ въ изд. 1825 г.; въ изд. 1838 г. „къ шуткѣ“; въ изд. Анненкова и слѣд. „къ шуткѣ... къ злости“.

XLVII-XLVIII. 8. Строка вписана Пушкинымъ (переписчикомъ пропущена случайно).

XLIX-L. 9. Я нѣгой *услажусь*.

Поправлено „наслажусь“ (какъ въ печатн.).

XLIX-L. 13. *Тамъ* обрѣтутъ.

Поправлено „съ ней“... (какъ въ печатн.).

LIII-LIV. Строки 2-я и 4-я поставлены одна вмѣсто другой; порядокъ исправленъ рукой Пушкина.

LIII-LIV. 11. . . . *и* досель; такъ и въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г. „а досель“.

LIV-LV. 6. Его не *забавляли* болѣ; въ печатн. „не занимали“.

LV-LVI. 10. Читаю мало, *долго* сплю; въ печатн. „много“.

LVI-LVII. 3. *И* радъ замѣтить *эту* разность.

Поправлено (какъ въ печатн.):

Всегда я радъ замѣтить разность.

LVI-LVII. 13. Писать *иное что любя*,
А только *про самихъ себя*.

Поправлено (какъ въ печатн.):

Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

LVII-LVIII. 7. Такъ я *безпечный* воспѣвалъ.

Поправлено „безпеченъ“ (какъ въ печатн.).

LX-LXI. 10. Плоды трудовъ *моихъ* отдамъ.

Такъ въ 1-мъ изд. и у Анненкова; нынѣ поправлено „своихъ“.

Рукопись принесена въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 1).

2. **Письмо Пушкина къ С. И. Тургеневу** 1821 года. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Письмо было напечатано въ Вѣстникѣ Европы, 1880, № 12, стр. 819 — 820, подъ за-

главіемъ „Изъ Пушкинской переписки“; подъ строкой помѣщена краткая объяснительная замѣтка И. С. Тургенева о помѣщаемыхъ имъ двухъ письмахъ А. С. Пушкина и одномъ С. Л. Пушкина, предоставленныхъ въ его распоряженіе семействомъ Николая Ивановича Тургенева, въ архивѣ котораго они хранились. Письмо помѣчено только 21 августа; годъ выставленъ Тургеневымъ по предположенію. Въ печатный текстъ письма вкралась одна опечатка: въ фразѣ „дѣло шло о моемъ изгнаніи“ слѣд. читать „объ моемъ...“; кромѣ того не приведенъ адресъ, помѣщенный на обор. 2 л. письма: „Сергею Ивановичу Тургеневу“. При письмѣ Пушкина приложено письмо И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу, почти цѣликомъ вошедшее въ упомянутое подстрочное примѣчаніе къ письмамъ (с. 819).

Рукопись принесена въ даръ П. Н. Тургеневымъ.

Собр. автогр. (Пушкинъ, 4).

3 — 4. **Два письма Пушкина къ А. И. Тургеневу.** 1) Въ четвертку, на 2-хъ листахъ, 2) на обрывкѣ бумаги. Первое письмо было напечатано И. С. Тургеневымъ вмѣстѣ съ другими письмами А. С. Пушкина и его отца въ Вѣстникѣ Европы, 1880, № 12, стр. 820 — 821 (см. выше), второе — короткая записочка — напечатано не было. Первое письмо, помѣченное только 14 іюля, отнесено И. С. Тургеневымъ къ 1823 году, но это, кажется, невѣрно: въ немъ говорится о непріятностяхъ съ Воронцовымъ, которыя произошли весной и лѣтомъ 1824 г. Второе письмо писано наканунѣ дуэли, т. е. 26 января 1837 года. Въ печатномъ текстѣ перваго письма послѣ сл. „Вандалъ, придворный“ вм. точекъ слѣдуетъ поставить „хамъ“; не приведенъ въ изданіи адресъ, написанный рукою Пушкина на об. второго листа письма: „A Monsieur Monsieur Tourguenief a St.-Petersbourg“. Въ запискѣ Пушкина (на клочкѣ синей бумаги) всего восемь словъ: „Не могу отлучиться. Жду васъ до 5

часовъ". На оборотѣ рукой А. И. Тургенева приписано: „Послѣдняя записка ко мнѣ Пушкина наканунѣ дуэля".

Письма принесены въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 2, 3).

5 — 6. **Два письма Пушкина къ Н. Н. Раевскому** о „Борисѣ Годуновѣ" 1825 и 1829 гг. (въ черновикахъ). Въ четвертку, на 3-хъ и 4-хъ листахъ. Оба письма писаны по французски; много помарокъ и передѣлокъ. Первоначально письма были изданы въ Матеріалахъ П. В. Анненкова (стр. 442 — 445) съ большими пропусками, обусловленными требованіями цензуры; въ полномъ видѣ письма появились только въ 1881 г. въ Вѣстникѣ Европы (№ 2, стр. 643—649) въ сопровожденіи обстоятельнаго введенія и примѣчаній В. П. Гаевскаго. Въ изданіе это, исполненое очень тщательно, вкралось нѣсколько неточностей. Въ 1-мъ письмѣ (л. 2 об. = стр. 646) въ изд. читается choses les plus étranges; въ оригиналѣ первоначально было: choses les plus triviales; затѣмъ вм. послѣдн. слова, зачеркнутаго, поставлено étrangeres à ses passions: вѣроятно, такъ и слѣдуетъ читать, хотя сл. à ses passions и зачеркнуто; передъ сл. (тамъ же) De là cette gène . . . въ подл. стоитъ незачеркнутое Voyez Sch (это, вѣроятно, должно быть зачеркнуто). Во второмъ письмѣ (л. 2 = стр. 647) послѣ сл. elle est horriblement polonaise comme le стоитъ сл. disait, пропущенное въ изданіи, затѣмъ уже слѣдуетъ зачеркнутая неразборчивая фраза, какъ отмѣчено Гаевскимъ (кажется написано la cousine de M-le M.... s...irska); на л. 4-мъ (стр. 648, 3 строка снизу) вм. que diable слѣд. читать quel diable; наконецъ, дата читается не 30 j., а 30 jan. Этими указаніями ограничиваются всѣ поправки къ изданію Гаевскаго. При обоихъ письмахъ нѣтъ имени лица, которому они адресованы, а при первомъ нѣтъ и даты: и то и другое опредѣляется издателемъ предположительно, но, можно думать,

правильно. Подробности относительно этого вопроса см. въ предисловіи В. П. Гаевскаго.

Рукописи принесены въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 5, 6).

7. **Дѣло о доставленіи Пушкину** изъ архива военнаго министерства рукописей для составленія „Исторіи Пугачевскаго бунта“ 1833 — 1836 гг. Въ листъ и четвертку на 56-ти листахъ (лл. 38—56 чистые), въ бумажной обложкѣ.

На обложкѣ слѣд. заглавіе: „№ 27. Дѣло по 1 столу канцеляріи инспекторскаго департамента военнаго министерства о доставленіи въ канцелярію военнаго министерства свѣдѣнія: имѣются ли въ архивѣ сего департамента донесенія графа Суворова-Рымникскаго 1794 и 1799 годовъ, приказы его и слѣдственное дѣло о Пугачевѣ; — сдѣсь же заключается и переписка, производившаяся по сему предмету въ канцеляріи военнаго министерства. Начато 13 февраля 1833 года, кончено 29 генваря 1836 года. На 34-хъ листахъ. № 40-й. Сдано въ архивъ 13 іюля 1836 года“.

Въ дѣлѣ 34 номера бумагъ: №№ 1 и 14 заключаютъ описи ихъ, №№ 16, 22 и 30 — собственноручныя письма Пушкина. Первыя два письма адресованы гр. Александру Ивановичу Чернышеву, третье — Петру Андр. Клейнмихелю. Въ первомъ письмѣ (7 февр. 1833 г.) Пушкинъ проситъ графа Чернышева разрѣшить воспользоваться находящимися въ архивахъ главнаго штаба слѣд. документами: 1) слѣдственнымъ дѣломъ о Пугачевѣ, 2) донесеніями гр. Суворова во время кампаніи 1794 г. 3) донесеніями его 1799 г. и 4) приказами его по войскамъ. Во второмъ письмѣ (8 марта 1833 г.) Пушкинъ благодаритъ гр. Чернышева за присылку рукописей и проситъ доставить ему еще донесенія въ военную коллегію ген-анш. Бибикова, а также рапорты кн. Голицына, Михельсона и Суворова. Въ третьемъ письмѣ (отъ 19 ноября 1835 г.)

Пушкинъ, извѣщая Клейнмихеля о возвращеніи въ военное министерство взятыхъ рукописей, проситъ доставить „послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 года)“.

Дѣломъ этимъ пользовался Я. К. Гротъ при составленіи статьи своей „Занятія Пушкина“, напечатанной впервые въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1862 г., т. XLII, № 12.

Поступило изъ общаго архива главнаго штаба.

42. 9. 3.

8. **Современная копія съ письма Пушкина барону Геккерену** 26 янв. 1837 года. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На об. л. 4-го приписка „Документъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ покойнаго ген.-адъютанта барона Мейендорфа, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ секретаремъ голландскаго посольства бар. Геверсомъ, отъ котораго, предполагается, и получено это письмо“; подъ припиской подпись „Свиты Его Величества генералъ-маіоръ бар. Мейендорфъ. 1879 г.“. Очевидно, авторъ приписки принималъ настоящую рукопись за подлинную руки Пушкина.

Рукопись поступила отъ бар. Мейендорфа.

42. 9. 4.

9. **„Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина** въ спискѣ 1828 года. Въ восьмую долю, на 13-ти листахъ.

Поступило отъ В. П. Никитина.

45. 8. 140.

10. **„Полтава“ Пушкина.** Списокъ поэмы, переписанный въ 1829 г. по мнѣнію прежняго владѣльца, въ Сибири однимъ изъ декабристовъ (поэма относится къ 1828). Рукопись въ четвертку, на 38-ми листахъ (бумага 1826 г.), въ бумажной обложкѣ. На листѣ 1-мъ заглавіе „Полтава Поэма Александра Пушкина 1829“. Подъ датой приписка шифромъ: очевидно подпись переписчика. Къ

рукописи приложены двѣ газетныя вырѣзки, сообщающія исторію списка.

Рукопись поступила отъ А. И. Яцимирскаго. По инвент. кат. Яцимирскаго № 90.

11. **Правленные И. С. Тургеневымъ корректурные листы писемъ Пушкина къ женѣ** съ предисловіемъ М. М. Стасюлевича (корректуры относятся къ ноябрю 1877 г.). Въ открытый листъ, на 17 листахъ (корректуры въ гранкахъ— 35 полосъ). Письма были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" за 1878 годъ (№№ 1 и 3) подъ заглавіемъ „Новыя письма А. С. Пушкина, іюль 1830 — май 1836 г."; трудъ редактированія писемъ, по просьбѣ обладательницы писемъ дочери Пушкина графини Н. А. Меренбергъ, взялъ на себя И. С. Тургеневъ. Одиннадцать изъ 74-хъ писемъ къ женѣ и одно письмо къ тещѣ Н. И. Гончаровой писаны по французски и въ нашемъ экземплярѣ представлены только въ русскомъ переводѣ, значительно исправленномъ въ корректурѣ Тургеневымъ; всѣ остальныя письма писаны по русски. Главное значенье корректуры русскихъ писемъ заключается въ томъ, что въ ней текстъ писемъ является въ полномъ и не измѣненномъ редакціей видѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ корректура интересна въ томъ отношеніи, что изъ нея наглядно видѣнъ характеръ поправокъ Тургенева: въ изданный въ „Вѣстникѣ Европы" текстъ писемъ многія поправки Тургенева не введены и текстъ представленъ въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ предполагалъ Тургеневъ. Исправленія текста по преимуществу дѣлались Тургеневымъ изъ чувства приличія, какъ и большая часть сокращеній; но, обозначая сокращенія точками, поправки текста редакторъ предполагалъ оставить безъ всякихъ оговорокъ; характеръ поправокъ видѣнъ изъ слѣдующихъ примѣровъ: вм. „выблядокъ" (въ письмѣ № 64) поставлено незаконный (въ изд. „в...." и поясненіе словомъ „незаконный" въ скоб-

кахъ), вм. „переждешъ свои времяны“ (въ № 49) — свое нездоровье (въ изд. „....“), вм. „упекъ въ камеръ пажи“ (въ № 42) — произвелъ (въ изд. оставлено „упекъ“), вм. „во время регулъ“ (т. ж.) — нездоровья (въ изд. „болѣзни“), вм. „не сводничай“ (въ № 20) — не услуживай (въ изд. „....“), въ фразѣ „къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣренъ“ (въ № 42) послѣднія слова замѣнены „не буду“ (какъ и въ изданіи) и пр.; фамиліи нерѣдко замѣняются начальными буквами и часто безъ видимаго повода. Нельзя не отмѣтить, что настоящія письма въ слѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина обыкновенно перепечатывались съ текста, напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы“, и поэтому повторили всѣ поправки и всѣ пропуски Тургенева. На первомъ листѣ корректуры приписка М. М. Стасюлевича къ И. С. Тургеневу съ просьбой написать предисловіе къ письмамъ.

Принесено въ даръ М. М. Стасюлевичемъ.

42. 9. 1.

Дневникъ Пушкина за 1833 — 1835 гг. Списокъ нынѣшняго времени съ рукописи, принадлежащей А. А. Пушкину. Въ листъ, на 31 листѣ. Дневникъ напечатанъ съ большими пропусками въ „Русской мысли“ 1880 г. и „Русскомъ архивѣ“ того же года, и затѣмъ перепечатывался въ „Полныхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина“.

Поступилъ изъ академической коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина.

42. 9. 2.

В. И. Срезневскій.

Изъ семейнаго архива Раевскихъ.

Отношенія Пушкина къ семейству Раевскихъ и его дружескія связи съ ними достаточно извѣстны по работѣ Л. Н. Майкова „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма“ [1]). Зная со словъ покойнаго Леонида Николаевича, что онъ очень хотѣлъ подробнѣе ознакомиться съ фамильнымъ архивомъ членовъ этой семьи, и что смерть помѣшала ему привести въ исполненіе его желаніе въ полной мѣрѣ, я задался цѣлью, обратившись къ потомкамъ Н. Н. Раевскаго по мужской линіи, навести справки въ его бумагахъ, съ тѣмъ, не окажется-ли среди послѣднихъ матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину — его автографовъ, переписки между членами семьи Раевскихъ за 1820 — 1830-е годы и т. под. Благодаря любезности нынѣшняго владѣльца бумагъ, Петра Михайловича Раевскаго, мнѣ удалось пересмотрѣть бумаги его дѣда, Николая Николаевича Раевскаго младшаго, но, къ сожалѣнію, въ нихъ нашлось весьма немногое, ибо большей части переписки не сохранилось или она еще не разыскана.

Въ бумагахъ Раевскаго оказались: автографы стихотвореній 1) „Земля и море“, 2) „Изъ Гафиза“ и 3) отрывокъ изъ III главы „Евгенія Онѣгина“ (строфы XVII —

1) Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 137 — 161.

XX), 4) письмо Сергѣя Львовича Пушкина къ Н. Н. Раевскому отъ 20-го апрѣля 1837 г.[1]), съ приложенною къ нему копіею съ письма княгини Е. Н. Мещерской къ С. Л. Пушкину, сдѣланною рукой послѣдняго[2]), 5) черновикъ письма Н. Н. Раевскаго къ Пушкину отъ 10-го мая 1825 г.[3]), 6) письмо Льва Сергѣевича Пушкина къ брату отъ 24-го іюля 1831 г. и 7) письмо баронессы Юліи Беркгеймъ къ Н. Н. Раевскому, изъ Одессы, касающееся, между прочимъ, смерти Пушкина.

Писемъ Пушкина къ Н. Н. Раевскому, извѣстныхъ лишь по черновымъ наброскамъ, въ бумагахъ къ сожалѣнію не оказалось.

Автографы стихотвореній „Земля и море“ и „Изъ Гафиза“ были уже использованы Л. Н. Майковымъ и вошли въ изданные въ 1902 г. „Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина“, но, въ виду того, что Леонидъ Николаевичъ не ставилъ себѣ задачею точное воспроизведеніе орѳографіи Пушкина, считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь эти стихотворенія въ томъ точно видѣ, какъ они сохранились въ автографахъ[4]).

Къ этимъ матеріаламъ присоединяю письмо Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому, сохранившееся въ бумагахъ послѣдняго.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и [нѣжно] тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны робкіе лелѣетъ;

---

1) напечатано Л. Н. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., № 5, стр. 263 — 264.

2) напечатано, по другой копіи, въ книгѣ Я. К. Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, С.-Пб. 1899, стр. 258 — 260.

3) напечатанъ въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, стр. 143 — 144.

4) Въ прямыя скобки заключены слова, въ подлинникахъ зачеркнутыя.

Заботъ и думъ слогая грузъ
Тогда лѣнюсь я веселѣе —
И забываю важныхъ Музъ:
Мнѣ волны мирныя милѣе.
Когда-же волны побрегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ
И громъ гремитъ по небесамъ
И молніи въ пучинѣ блещутъ
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы
Земля мнѣ кажется вѣрней
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый. . . . .
На утломъ онъ челнѣ живетъ
Его труды среди пучины. . .
Я внемлю шумъ веселыхъ водъ
Ручья текущаго въ долинѣ.

Подлинникъ—въ альбомѣ съ рисунками карандашомъ и акварелью (типы казаковъ, калмыковъ или татаръ, женскія головки, портреты неизвѣстныхъ мужчинъ и женщинъ, каменный домикъ съ тополями (акв.), нѣсколько татарскихъ палатокъ среди горъ (акв.), мущина, спящій въ палаткѣ, мущина въ фуражкѣ, читающій книгу (подписано карандашомъ „Messire Fournier"), фонтанъ, бьющій изъ стѣны (подп. чернилами „Joursouff") и т. под. Бумага съ водянымъ знакомъ: скачущій единорогъ.

Сравни „Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ", С.-Пб. 1902, стр. 78—79.

Шеерь I.

Фаргатъ-Беку.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой,
Не бросайся въ бой кровавой
[Съ этой ратію слѣпой]
Съ Карабахскою толпой.
Знаю, смерть тебя невстрѣтитъ;
Азраель среди мечей
Красоту твою замѣтитъ
И [защитой] пощада будетъ ей;
Но боюсь: въ пылу сраженій
Ты утратишь навсегда
[Скромность] Робость дѣвственныхъ движеній
Прелесть нѣги и стыда —

А. П.

5 іюля 1829
Лагерь при Эvфратѣ.

На листкѣ бумаги съ золотымъ обрѣзомъ и водяными знаками: „J. Wh (atman) Turke(y Mill) 18 . .“.

Сравни „Матеріалы“, стр. 269.

Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.
— Что, Таня, что съ тобой? — мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ. —
— О чемъ-же, Таня? я бывало
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынче все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла; да,

Прошла худая череда;
Зашибло. . . . — Разкажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года;
Была[ль] ты влюблена тогда? —

*

— И полно, Таня; въ эти лѣта
Я не слыхала про любовь;
Не то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
— Да какъ-же ты вѣнчалась, няня? —
— Такъ видно Богъ велѣлъ; мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ 13 лѣтъ;
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ — и наконецъ
Меня благословилъ Отецъ;
Я горько плакала со страха
Мнѣ съ пѣньемъ косу разплели
Да съ плачемъ въ церковь повели.

*

И вотъ ведутъ въ семью чужую. . . . .
Да ты не слушаешь меня —
Ахъ, няня, няня! я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя,
Я плакать, я рыдать готова. . . . —
— Дитя мое, ты не здорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь? попроси;
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь. — Я не больна;
Я, знаешь, няня. . . . влюблена. —
— Дитя мое, Господь съ тобою! —

И няня съ тихою мольбой
Крестилась дряхлою рукой.

*

Я влюблена, шептала снова
Старушкѣ горестной она. —
Сердечный другъ, ты не здорова —
— Оставь меня, я влюблена. —
И между тѣмъ луна сіяла
И полнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы
И разпущеныя власы
И капли слезъ — и на скамейкѣ
Предъ Героиней молодой
Съ платкомъ на головѣ сѣдой
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ.
. . . . . .

На листѣ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ: овалъ, а въ немъ стоящій на заднихъ лапахъ левъ.

Настоящій отрывокъ — „Ночной разговоръ Татьяны съ ея няней“ — долженъ былъ войти въ альманахъ А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева „Звѣздочка“ 1826 г. (сравни „Русск. Стар.“ 1883, т. XXXIX, стр. 60 — 61), съ прибавкою лишь двухъ стиховъ въ концѣ XX строфы и съ небольшими варіантами противъ этого текста.

Записка Льва Сергѣевича Пушкина къ А. С. Пушкину.

Je ne vous écris que deux mots et encore est-ce pour vous importuner de nouveau par rapport à l'argent. — J'ai emprunté au Général Rayevsky[1]) 300 roubles, que je vous

1) т. е., у Николая Николаевича Раевскаго.

prie de vouloir bien lui payer, à lui ou au porteur de la présente.

Léon Pouchkine.

1831, le 24 Juillet.

На оборотѣ: A Mousieur Monsieur de Pouchkine à Pétersbourg[1]).

Письмо баронессы Юліи Беркгеймъ[2]) къ Н. Н. Раевскому.

[Февраль 1837 г. Одесса].

Il n'est bruit à Odessa que de la mort du Poète *Pouchkin*. L'Empereur a été d'une générosité extraordinaire envers la malheureuse veuve et les orphelins et on dit que le mari en mourant a hautement proclamé l'innocence de sa femme, lui a rendu justice et n'a rien voulu recevoir que de sa main. Voilà un bien triste avenement! On ne nous donne pas de détails sur cet horrible et malheureux duel, mais on nous ecrivoit, il y a quelque tems, de Pétersbourg qu'un officier français au régiment des chevaliers gardes nommé Dantès était amoureux de Madame Pouchkin et qu'il avoit été rendu attentes à cette intrigue (c'est à dire Pouchkin) par une lettre anonyme aussi plate que méchante[3]). Au moment où Pouchkin recevoit ce paquet Dantès étoit chez sa femme; furieux, il l'appelle dans une autre chambre et propose un duel; l'autre lui dit qu'il est amoureux de la soeur de Ma-

---

1) Извѣстно, что Пушкину постоянно приходилось распутывать денежныя дѣла своего брата.

2) Баронесса Юлія Беркгеймъ, дочь извѣстной своимъ крайнимъ мистицизмомъ баронессы Крюденеръ, ревностная послѣдовательница своей матери, вышедшая въ 1815 г. за барона Франца Христіановича Беркгейма, служившаго съ 1816 г. въ Россіи по Министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; она умерла въ 1866 г. О ней см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ кн. Вяземскихъ", подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 456—457.

3) Рукою Н. Н. Раевскаго выписка карандашомъ: „du Bancal Dolgorouky" (т. е. кн. Петра Владиміровича Долгорукаго, хромого).

dame Pouchkin. Pouchkin lui demande de laquelle, — Dantès pris au dépourvu dit que c'est l'ainée; aussitôt Pouchkin le mène dans le salon et déclare à sa belle soeur que Dantès se propose, — et les voilà promis au grand étonnement de toute la société.

Il paroit que le duel à été provoqué par d'autres circonstances. Cette nouvelle m'a fait de la peine: c'est un beau talent, victime de petites passions et même moins que cela— de mauvais plaisants. .....Je vous renvois „Valerie". C'est le 6 Décembre que j'ai eu la pansée de Vous le donner, mais il n'était pas relié. Je tiens à ce que Vous ayez, soit par l'harmonie du style que Vous aimez, soit par la vue du livre, au souvenir de ma mère[1]). Je n'ai donné „Valerie" à personne, mais comme il y a quelquechose de sauvage dans Votre âme, je desire que ces paroles soient pour Vous de la musique jusqu'au tems où Vous gouterez l'Evangile. Il faut regarder comme un saint devoir de perfectionner son âme, de s'elever à ce qu'il y a de beau, être fidèle dans ce qui est à notre portée et Dieu bénira nos efforts. Ce qui est dit dans „Valerie" est vrai: „L'indifférence pour le bien est la plus dangereuse des immoralités".

„Valerie" a été écrit par la femme du monde, mais la prière étoit déjà dans ce couer qui disoit: „Dieu est si grand et rien ne se perd devant lui: chaque mouvement, chaque pensée vertueuse même vient l'eppanouir devant ses regards, il a compté chaque intention, chaque sentiment louable de sa créature, comme chaque battement de son coeur; il dit à la vie de s'arrêter et au bien de croitre et de prosperer dans les siècles".

C'est bien la réponse à ce que vous m'écriviez. „Je voudrais prier": cette intention est déjà une prière. Choisissez une parole de l'Ecriture qui aille à Votre coeur comme ce

---

1) Баронесса Крюденеръ (ум. въ 1824 г.), авторъ романа „Valerie".

passage de Psaume: „Seigneur, créez en moi un coeur pur et renouvellant le fond de mon âme, mettez y un esprit droit". Lisez tous les jours quelquechose qui puisse Vous faire du bien. Un psaume, une page, une ligne, mais que chaque jour Vous ayez la pensée de Votre Dieu pour le remercier de ses bienfaits. Ayez surtout une pensée de charité, de bonté envers vos inférieurs, envers ceux qui ont besoin de Vous: ce sera une prière.....

Voici encore ce qu'on écrit à Madame Potemkin[1]) sur *Pouchkin* et ce qu'elle vient de nous communiquer. Il a été blessé mortellement dans un duel qu'il a eu avec Dantès. Il a succombé 24 heures après, n'ayant pas perdu connaissance et s'étant reconcilié avec sa femme. Dantès après son mariage avec la belle soeur de Pouchkin continuait toujours à faire la cour à Madame Pouchkin: le mari perdit patience, écrivit une lettre épouvantable à Dantès — et le lendemain il se battirent....

Письмо В. А. Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому.

[Конецъ апрѣля 1838 г. С.-Петербургъ][2]).

Хотя мнѣ и жаль, очень жаль Вельяминова[3]), моего добраго, стараго пріятеля и соученика (здѣсь уже его похоронили — не дай Богъ), но я радъ, что Раевскаго толкнули въ дѣло, ибо онъ мастеръ своего дѣла и съ Кавказомъ сладитъ. Здравствуйте изъ Петербурга, мой милый

---

1) Татьяна Борисовна Потемкина, рожд. кн. Голицына (р. 1801, ум. 1869 г.), статсъ-дама, извѣстная своею филантропическою дѣятельностью и религіозными стремленіями, знакомая баронессы Беркгеймъ.

2) 3-го мая 1838 г. Жуковскій выѣхалъ изъ Петербурга.

3) Алексѣй Алексѣевичъ Вельяминовъ, умершій въ этомъ году, командовалъ Кавказскою линіею и Черноморіею и былъ замѣненъ Н. Н. Раевскимъ; 19-го января 1838 г. онъ еще получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Алупкинскій собесѣдникъ: сколько могу судить *по себѣ*, то кажется мнѣ, что Алупкинская встрѣча[1]) насъ сблизила. Жаль только, что наши дороги врозь бѣгутъ: Вы на Кавказъ, а я въ Швецію и Англію. Авось еще встрѣтимся — и не разъ — въ жизни; когда же встрѣтимся, то ужъ вѣрно другъ другу кислаго лица не здѣлаемъ, а радушно, дружески протянемъ руку.

Вотъ просьба Генералу Раевскому. Прошу принять ее къ сердцу. Въ Вашемъ корпусѣ находится Дороховъ[2]), разжалованный въ солдаты съ выслугою. Дайте ему способъ выслужиться. Онъ раненъ въ ногу, ходить не можетъ, слѣдственно будетъ плохой солдатъ въ пѣхотѣ; посадите его на коня: увидите, что онъ драться будетъ исправно. Однимъ словомъ, нарядите его казакомъ. Объ этомъ нарядѣ я просилъ еще въ Москвѣ Клейнмихеля; онъ отвѣчалъ мнѣ, что офиціальнаго приказа дать нельзя; но что корпусный командиръ это можетъ сдѣлать своею волею, по моей просьбѣ, совѣтовалъ мнѣ написать къ Вельяминову и взялся переслать письмо мое. Это письмо теперь осталось безполезнымъ. Передаю просьбу мою Вамъ. Не откажите. Я Дорохова лично мало знаю; но знаю коротко милую, добрую жену его; примите къ сердцу ея несчастія. Надѣюсь на Васъ, какъ на себя. Обнимаю отъ всего сердца. Жуковскій.

Хоть убей, не знаю, который изъ васъ двухъ братьевъ

---

1) Встрѣчи съ Раевскимъ отмѣчены въ дневникахъ Жуковскаго въ 1837 году: подъ 31-мъ августа, въ Одессѣ, гдѣ Раевскій, обѣдая у Жуковскаго, „много говорилъ о Пушкинѣ“, и подъ 17-мъ, 18-мъ и 19-мъ сентября, *въ Алупкѣ* (см. Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 354 и 361).

2) Вѣроятно, Василій Павловичъ Дороховъ, коммиссіонеръ 10-го класса, состоявшій въ вѣдомствѣ Кіевской Коммиссаріатской Коммиссіи; 26-го мая 1830 г. онъ „за дерзкія слова противъ Государя Императора“ былъ лишенъ чиновъ, дворянства и знака отличія военнаго ордена и отданъ рядовымъ въ Финляндскій корпусъ („Московскія Вѣдомости“ 1830 г., № 62, стр. 2775). Отсюда могъ быть переведенъ на Кавказъ.

Александръ и который Николай. Прошу не сердиться, если не такъ написалъ адресъ. Я съ именами въ вѣчной ссорѣ.

Это письмо вручено вамъ будетъ самимъ Дороховымъ.

Подлинникъ на листѣ голубоватой почтовой бумаги большого формата; находится между письмами къ Раевскому конца мая 1838 г.

Замѣтка къ Пушкину.

Происхожденіе пѣсенки Гринева: «Мысль любовну истребляя».

Сантиментальная любовная пѣсенка Гринева, послужившая причиной раздора между имъ и Швабринымъ, оказывается заимствованной, съ небольшими измѣненіями, изъ пѣсенника Новикова. Представимъ соотвѣтствующія мѣста изъ „Капитанской дочки“ и этого пѣсенника:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю *вольность получить!*
Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они *духъ* во мнѣ *смутили,*
Сокрушили мой *покой.*
Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, *надо мной,*
Зря меня въ сей лютой *части*
И *что я плѣненъ тобой.*

(„Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, т. IV, С.-Пб. 1887, стр. 202 — 203).

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И отъ взоровъ убѣгая,
Тщуся *вольность получить.*
Но глаза́, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной,
Тѣ глаза́, что *духъ смутили,*
И разрушили *покой.*
Ты жъ узнавъ, что я плѣненъ тобой,
Зря меня въ жестокой *части,*
Сжалься, сжалься *надо мной.*

(„Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ“... Ч. I, М. 1780, стр. 41, № 34).

Тожественные стихи и части стиховъ напечатаны у насъ курсивомъ.

Въ послѣднихъ трехъ строчкахъ оригинала пѣсни Гринева очевидно скрывается какая-то ошибка письма или печати: пѣсенка написана и напечатана въ видѣ риемованныхъ четырехстишій (довольно плохіе хореи: - ⏑), а здѣсь не достаетъ одного стиха. Замѣчательно, что и въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ, избѣгая сочинительства, болѣе передѣлывалъ и исправлялъ какого-то чувствительнаго, но неискуснаго стихотворца. При нѣкоторыхъ дополненіяхъ и перестановкахъ, онъ изъ трехъ стиховъ сдѣлалъ четыре, подходящіе къ предыдущимъ по размѣру и риемѣ.

Конечно, Пушкинъ могъ узнать данную пѣсню и не по сборнику Новикова, но познакомиться съ ней въ живомъ употребленіи: напр., въ пѣніи дворовыхъ или мѣщанъ.

В. Чернышевъ.

С. С. Есаковъ.

Около 1817 г. Около 1831 г.

Mag

Семенъ Семеновичъ Есаковъ.

Біографическая замѣтка.

Товарищъ Пушкина по Лицею, выпущенный оттуда въ 1817 году, С. С. Есаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ I-го курса. Свѣдѣній о немъ въ печати почти не сохранилось. Благодаря любезному посредничеству Константина Николаевича Ходнева, находящагося въ родственныхъ связяхъ съ семьею Есаковыхъ, я получилъ отъ дочери Семена Семеновича, баронессы Софіи Семеновны Корфъ, нѣкоторыя данныя для біографіи ея отца, а также два его портрета: одинъ—рисованный свинцовымъ карандашомъ (по сообщенію дочери—работы какого-то барона Корфа), чуть-ли не въ лицейской формѣ, а другой — сепіей, изображающій Есакова въ полковничьихъ эполетахъ, въ послѣдніе годы его жизни.

С. С. Есаковъ происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи и родился въ 1799 году; отцомъ его былъ надворный совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Есаковъ, служившій директоромъ Временного Одѣленія Ассигнаціоннаго Банка (съ 1814 по 1816 г.) и умершій во второй половинѣ 1820-хъ г., 88 лѣтъ отъ роду[1]), а матерью — Елизавета Филипповна, рожд. Ярцева. Опредѣленный въ Лицей въ 1811 году, одновременно съ Пушкинымъ, Еса-

1) Погребенъ онъ въ Варшавѣ, на упраздненномъ нынѣ кладбищѣ на Млынарской улицѣ (сообщ. Анатолія Евгеньевича Егорова).

ковъ вскорѣ-же сталъ въ ряды лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ, а въ 1813 году аттестованъ былъ первымъ по „благонравію“ [1]).

Въ 1817 году окончивъ курсъ Лицея и награжденный при выпускѣ второю серебряною медалью, Есаковъ 29-го октября 1817 г. поступилъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, И. И. Пущинымъ, въ лейб-гвардіи конную артиллерію прапорщикомъ, а по сформированіи изъ нея лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской легкой № 3 батареи, переведенъ былъ въ ея составъ (въ декабрѣ того-же года), 19-го апрѣля 1820 г. произведенъ былъ въ подпоручики, черезъ два съ половиной года — въ поручики (16-го декабря 1822 г.), затѣмъ — въ штабсъ-капитаны (8-го ноября 1824 г.). Батарея № 3 стояла въ Варшавѣ, гдѣ въ январѣ 1826 г. розыскивалъ Есакова Кюхельбекеръ, бѣжавшій изъ Петербурга послѣ 14-го декабря и надѣявшійся, при помощи своего лицейскаго товарища, отыскать въ Варшавѣ нѣкоторыхъ лицъ, у коихъ онъ разсчитывалъ найти себѣ заступничество; какъ извѣстно, разспросы его объ Есаковѣ, братъ котораго былъ въ это время командиромъ стоявшаго также въ Варшавѣ л.-гв. Волынскаго полка, навели на Кюхельбекера подозрѣніе, — и онъ былъ схваченъ [2]).

Получивъ нѣсколько разъ Высочайшее благоволеніе за маневры подъ Варшавой (1819, 1820 [3]) и 1822 г.) и подъ Брестъ-Литовскомъ (1823 г.), С. С. Есаковъ 11-го августа 1829 г. былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ, съ началомъ Польской кампаніи 1830 года, принялъ въ ней участіе. Но дни его въ это время были уже сочте-

---

1) См. И. А. Шляпкинъ. Къ біографіи Пушкина, С.-Пб. 1899, стр. 22.

2) „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 404, 407, 408; „Русская Старина“ 1878 г., т. VII, стр. 468, 469, 470 и 1875 г., т. XIII, стр. 348, 349; Н. А. Гастфрейндъ. Побѣгъ и поимка Вильг. Кюхельбекера. С.-Пб. 1904, стр. 21 и 30.

3) См. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1899 г., № 1, стр. 99 (въ статьѣ Д. Ѳ. Кобеко).

ны: весною 1831 года онъ застрѣлился [1]). Обстоятельства его смерти въ точности пока еще не выяснены; Е. А. Энгельгардтъ, въ письмѣ къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 4-го декабря 1831 г., сообщалъ кратко: „Есаковъ застрѣлился. Жаль, что его не убило ядромъ непріятельскимъ“ [2]), а въ другомъ письмѣ, отъ 28-го мая 1832 г., говорилъ: „Я писалъ тебѣ объ ужасной кончинѣ Есакова, который застрѣлилъ себя по какимъ-то непріятностямъ по службѣ. Жаль и глупо“ [3]). Я. К. Гротъ, называя Есакова „благороднѣйшимъ человѣкомъ“, сообщаетъ, что во время Польской кампаніи (1831 г.) онъ „имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился“ [4]). Товарищъ Есакова по выпуску, баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ, оставилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія строки объ немъ: „Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ Лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кам-

---

1) Исключенъ изъ списковъ умершимъ въ приказѣ отъ 5-го мая 1831 г.(„Русс. Инвал.“ 1831 г., № 111, стр. 442). Свѣдѣнія о службѣ Есакова я заимствую изъ послужного его списка, полученнаго изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба (книга формулярныхъ списковъ л-гв. конно-артиллерійской легкой батареи № 8 за 1828 г., по архиву № 1076).

2) Д. Ѳ. Кобеко, „Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы“, статья въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ 1899 г., № 1, стр. 96.

3) тамъ-же.

4) Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, С.-Пб. 1899, стр. 71.

панію (1831 г.), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ — застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка“ [1]). Похороненъ онъ въ Варшавѣ.

О взаимныхъ отношеніяхъ Есакова и Пушкина, къ сожалѣнію, ничего доселѣ неизвѣстно, и по краткимъ упоминаніямъ о немъ въ письмахъ Илличевскаго къ Фуссу, въ запискахъ И. И. Пущина и въ письмахъ Е. А. Энгельгардта нельзя составить объ этихъ отношеніяхъ никакого представленія; впрочемъ, изъ того, что Пушкинъ ни разу не обмолвился объ Есаковѣ въ своихъ письмахъ, даже по поводу его трагической кончины, о которой не могъ не знать своевременно, можно, кажется, предположить, что оба товарища никогда не были особенно близки между собою — ни во время Лицейской жизни, ни впослѣдствіи [2]).

Есаковъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Германъ [3]), дочери генералъ-аншефа [4]), и оставилъ послѣ себя троихъ дѣтей: 1) Евгенія Семеновича (род. 27-го сентября 1825 г.), окончившаго курсъ въ Лицеѣ съ малою золотою медалью въ 1844 году; онъ служилъ затѣмъ въ IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, былъ замѣшанъ въ дѣло Петрашевскаго, сидѣлъ въ

---

1) „Русская Старина“ 1904 г., іюнь, стр. 552.

2) Съ именемъ Есакова связывается стихотвореніе „Къ N.“ („Страдалецъ произвольной муки“), въ 1859 г. напечатанное Г. Н. Геннади, какъ неизданное стихотвореніе Пушкина, въ „Русской Бесѣдѣ“ (т. III, стр. 1). На самомъ-же дѣлѣ это стихотвореніе, относящееся дѣйствительно къ какому-то Есакову, только не къ Семену Семеновичу, принадлежитъ перу Дмитрія Петровича Ознобишина (оно имѣется въ находящихся у меня рукописяхъ его) и было напечатано имъ еще въ 1827 г. въ „Сынѣ Отечества“ (ч. 113, стр. 93 — 94) съ подписью *Оз.* (Срав. статью П. А. Ефремова въ „Нов. Вр.“ 1908 г., № 9845).

3) Род. 4-го февраля 1800, ум. 16-го апрѣля 1868 г., погребена въ Петербургѣ, на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Ея сестра — Елизавета Ивановна — была замужемъ за генералъ-адъютантомъ Борисомъ Сергѣевичемъ Рихтеромъ.

4) Формулярный списокъ С. С. Есакова.

крѣпости, послѣ чего былъ снова принятъ А. Л. Гофманомъ на службу въ IV Отдѣленіе, состоялъ секретаремъ при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и умеръ отъ чахотки 17-го марта 1872 г. [2]); 2) Александра Семеновича (род. въ Скерневицахъ 22-го апрѣля 1830 г.); по выпускѣ въ 1849 г. изъ 2-й С.-Петербургской гимназіи, онъ окончилъ курсъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института и состоялъ затѣмъ личнымъ секретаремъ при графѣ П. Д. Киселевѣ, который, по семейному преданію, и умеръ на его рукахъ за-границей; скончался онъ въ С.-Петербургѣ, душевнобольнымъ; 3) Софью Семеновну, родившуюся съ братомъ Александромъ 22-го апрѣля 1830 г., нынѣ вдову барона Николая Николаевича Корфа (ум. 22-го ноября 1884 г.).

Братья Семена Семеновича: Дмитрій Семеновичъ былъ генералъ-лейтенантомъ и комендантомъ въ Вильнѣ [3]), а Петръ Семеновичъ, полковникъ Шлюссельбургскаго егерьскаго полка (род. въ 1806 г.), умеръ въ 1842 г. въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ вмѣстѣ съ отцомъ; оба они оставили потомство.

Б. Модзалевскій.

---

2) погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

3) род. 12-го іюля 1789, ум. 8-го мая 1859 г; погребенъ въ Кременчугѣ.

Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ.

[Изъ журнальной полемики конца 20-хъ гг. XIX в.].

Въ нашихъ журнальныхъ нравахъ 1820—30-хъ годовъ было очень много своеобразнаго.

Подписчикъ былъ тогда довольно рѣдкимъ звѣремъ, и на него шла правильная охота. Его приманивали музыкальными и модными приложеніями, необыкновенною энциклопедичностью содержанія номеровъ, именами видныхъ литераторовъ и даже самовольнымъ печатаніемъ и перепечатаніемъ ихъ произведеній; другъ противъ друга журналисты вели непрестанную партизанскую войну, старательно вылавливая опечатки и описки, уличая въ невѣжествѣ и безграмотности, затрогивая даже частную жизнь — вообще угождая грубымъ вкусамъ публики литературными кулачными боями и потасовками.

Особенно на этомъ поприщѣ отличался Воейковъ. Его главными противниками были—Булгаринъ, Гречъ и Полевой[1]). По отношенію къ нимъ онъ былъ готовъ на все и буквально въ каждомъ номерѣ своего „Славянина“

---

1) См., напр., въ „Славянинѣ“ 1829 г. „Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ, для издателя „Московскаго Телеграфа“ и „Піонъ“ въ вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею для издателя „Московскаго Телеграфа“, сплетенный рукою прелестной „Галатеи“.

отводилъ для полемики съ ними чуть не пятую часть всѣхъ страницъ. Онъ даже завелъ особый отдѣлъ — „Хамелеонистика“, въ которомъ старательно отмѣчалъ всѣ противорѣчія и недоразумѣнія у своихъ враговъ. Онъ церемонился только съ „Московскимъ Вѣстникомъ“ и его редакторомъ Погодинымъ, потому что за ними стоялъ Пушкинъ, а имъ и его литературными связями столь же практичный, сколь и циничный авторъ „Дома сумасшедшихъ“ не могъ не дорожить. Пушкина, напр., онъ льстиво называлъ („Славянинъ“ 1828, № 20, стр. 275) „однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ“, „соединяющимъ въ себѣ качество просвѣщеннаго цѣнителя и превосходнаго прозаика“.

Обычный для него желчный, бранчивый и язвительный тонъ при отзывѣ о другихъ журналахъ смѣняется по отношенію къ „Московскому Вѣстнику“ и Погодину изысканной, даже льстивой любезностью.

Въ „Славянинѣ“ 1828 г. (№ 52, стр. 496 — 7) онъ, напр., писалъ: „Впродолженіе двухъ лѣтъ мы съ удовольствіемъ читали *Московскій Вѣстникъ*, находя въ немъ и стихотворенія Пушкина, и хорошій выборъ статей, и слогъ чистый, и оцѣнку книгъ неподкупную, основательную, показывающую въ издателѣ знаніе русскаго языка, ученость, вкусъ и, что всего дороже, а потому и всего рѣже, благородный характеръ, чуждый духа партій, нахальства, самохвальства, самонадѣянности. Мы съ уваженіемъ видѣли въ г. Погодинѣ человѣка прямого, который въ своихъ критикахъ[1]) не искалъ блистать остроуміемъ *Крылова*, не приводилъ кстати и некстати колкіе стихи сего баснописца-сатирика и не посыпалъ чужою солью приторныхъ статеекъ своего стряпанья; человѣка, который съ негодованіемъ отвергалъ два низкія правила

1) Дальше намекп на Булгарина.

[illegible]

[illegible] новыхъ журналъ. [illegible] просилъ Н. По- [illegible] съ 1-го [illegible] энциклопедиче- [illegible] названіемъ: *Шарла-* [illegible]

[illegible] войдутъ только тѣ на- [illegible] которыхъ не [illegible] нравственное, обли- [illegible] и созерцательное [illegible]; 3) право [illegible] и уголовное; 4) [illegible] 6) зоологія; 7) бо- таника, 8) [illegible] опытная и анали- тическая химія; 10) физика; 11) технологія; 12) меха- ника, 13) сельское хозяйство; 14) аналитическая геомет- рія, 15) сферическая тригонометрія; 16) астрономія; 17) те- орія [illegible] искусства; 18) теорія военнаго искусства 19) фортификація, 20) инженерство; 21) мореходство; 22) архитектура, 23) искусство ваянія; 24) искусство живо- писи [illegible] 25) теорія музыки и генералъ-басъ; 26) риторика; [illegible] 28) философія; 29) хирургія; 30) физіологія; 31) [illegible] 32) фармакологія; 33) ветерина- рія [illegible] 35) [illegible] и неисчисленныя другія.

II. Разборы книгъ на всѣмъ отраслямъ науки, искусства и ремеслъ на всѣхъ языкахъ, начиная отъ того, которымъ разговаривалъ нашъ прадѣдушка *Адамъ* съ нашею прабабкою *Евою*, до санскритскаго, который есть не что иное, какъ первобытный славянскій, или нынѣшній россійскій языкъ[1]).

III. Новая статья, которую назову: *пестрота*[2]). Это не разнообразіе, не смѣсь, не занимательность. Въ ней будутъ помѣщаться *намеки, краткія выписки, додатки*, о кустарныхъ и москательныхъ товарахъ, о гуляньяхъ подъ Новинскимъ и о засѣданіяхъ англійскаго парламента; о сказкѣ „Бова Королевичъ“ и объ археологіи, о лубочныхъ театрахъ и о трагедіяхъ *Озерова*, о женскихъ черевичкахъ и о дифференціальныхъ исчисленіяхъ, о страсбургскихъ пирогахъ и о подводныхъ корабляхъ, объ обезьянахъ и о Невтонѣ, о *пейзанскихъ* шляпкахъ и о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, о столярныхъ издѣліяхъ и о строеніи міровъ.

IV. Издатель *Шарлатана*, рѣшась издавать журналъ въ родѣ французскаго „Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie“, обязывается совмѣстить въ себѣ одномъ познанія какъ главнаго издателя *Бюллетеня* г. *барона Ферюсака*, такъ и всѣхъ вмѣстѣ писателей, участвующихъ въ ономъ по разнымъ отдѣленіямъ, т. е. господъ: Дюро де ла-Маль, Клапрота, Жомара, Шамполіона старшаго и младшаго, Ейріеса, Абеля-Ремюза, Валкенайера, Лапи, Штурцгейма, Дюпьи, Бори де Сенъ-Венсана, Ампера, Дюпеня, Франкера, Матьо, Барбье-де-Бокажа, Паризо, Лакруа, Жофруа-Сентъ-Илера, Кювье, Дарсе, Тенара,

---

1) Полевой дѣйствительно имѣлъ неосторожность довольно докторально толковать о мало знакомомъ ему санскритскомъ языкѣ. См., напр., „Славянинъ“ 1828, XXX, стр. 147 — 148.

2) Намекъ на очень пестрыя приложенія къ „Московскому Телеграфу“.

Френеля, Кокебера-де-Монбре, Пуансо, Дюмерсиля, Мажанди, Флурана, Шанталя, Ласепеда, Вильморена и всѣхъ будущихъ и могущихъ быть.

Онъ берется сочинять историческіе отрывки не хуже *Карамзина* „Воспоминаній на пути въ Троицкій монастырь“ или „О мятежахъ въ парствованіе *Царя Алексѣя Михайловича*“ повѣсти не хуже *Жуковскаго* „Марьиной рощи“, *Бестужева* „Гуго фонъ Брахтъ“, *Булгарина* „Эстераки“ и „Паденія Вендена“, и, сверхъ того, обѣщаетъ угождать своихъ читателей подогрѣтыми статьями изъ *Шлецера* и *Строева*, выдавая ихъ за собственныя свои произведенія. Слогъ его, въ чемъ онъ увѣренъ, какъ въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, сладокъ и легокъ, какъ слогъ *Батюшкова*, благороденъ и правиленъ, какъ слогъ *М. Н. Муравьева*, силенъ и пылокъ, какъ слогъ *Жуковскаго*; самъ онъ богатъ мыслями, острыми шутками, игривыми и замысловатыми выраженіями, какъ *князь Вяземскій*.

Каждую недѣлю будетъ выходить по двѣ книжки, а всего 104 №№ въ годъ, съ планами, чертежами, почерками великихъ мужей, женъ, дѣвицъ и отроковъ, съ картинками новѣйшихъ парижскихъ и лондонскихъ модъ, съ изображеніями стульевъ, креселъ, диванова, скамеекъ, скамеечекъ[1]). Издатель обѣщаетъ опаздывать выдачею книжекъ своего изданія такъ, чтобы къ концу года осталось за нимъ въ недоимкѣ по крайней мѣрѣ книжекъ десять[2]), а если увидитъ, что подписчики не строго съ него взыскиваютъ, то и больше. Онъ имѣетъ къ этому и склонность, и природное дарованіе.

Цѣна самая умѣренная: здѣсь въ С.-Петербургѣ 120 рублей, съ доставленіемъ на домъ съ пересылкою

---

1) Имѣются въ виду, конечно, „Прибавленія къ *Московскому Телеграфу*, содержащія въ себѣ изображенія новѣйшихъ мебелей, уборки комнатъ, образцы модныхъ матерій, узоры для шитья“ и пр.

2) Такой грѣхъ вообще водился за Полевымъ.

въ другіе города 130 рублей государственными ассигнаціями. За полгода 75 рублей, съ пересылкою 80 рублей.

Издатель *Пройдоха Выручкинъ*,

Неслужащій дворянинъ, homme de Lettres.

Жительство имѣю въ Лоскутномъ ряду у торговки Лохмотьевой, подъ № 279-мъ".

Пріуроченіе къ Петербургу и „неслужащій дворянинъ" заставили было насъ отнести все это первоначально къ Булгарину, но Воейковъ повторяетъ въ этомъ случаѣ обычныя (свои и чужія) нападенія противъ Полевого[1]), прозрачно называетъ его *Выручкинымъ* и пр. Невѣрныя пріуроченія сдѣланы, по всей вѣроятности, не безъ задней мысли — чтобы при нуждѣ отпереться отъ

1) Срав., напр., „Дамскій журналъ" 1825 г., № 13, стр. 19: „O tempora O mores!"

Обмѣривъ и обвѣсивъ васъ,
Купцы засѣли на Парнасъ;
Купцы бренчатъ, трещатъ на лирахъ;
Купцы острятъ умы въ сатирахъ;
Купцы журналы издаютъ,
И намъ галиматью за бисеръ продаютъ.
Любезные! берите втрое,
Оставьте только вкусъ и уши намъ въ покоѣ!

Ib. 1826 г., III, стр. 117: Н. Грековъ, *Журнальный феноменъ*.

Съ эпиграфомъ: ни то, ни се
(Загадки всѣмъ), не зная по-французски,
Гильдейкинъ переводитъ все,
А пишетъ не по-русски.

Любопытно, что кн. Шаликовъ особенно возненавидѣлъ Полевого и Булгарина (съ ихъ журналами *Каланча* = *Московскій Телеграфъ*, *Червякъ* = *Сѣверная Пчела*) *за присвоеніе картинокъ дамскихъ модъ*:

Картинки дамскихъ модъ
Журналу Дамскому всегда принадлежали;
Но въ журналистахъ есть безсовѣстный народъ:
Червякъ и *Каланча* васъ нагло притязали,
Картинки дамскихъ модъ!

„Дамскій Журналъ" 1829 г., XII, стр. 186 (Рондо N.).

того, что онъ мѣтилъ на Полевого. Это вообще въ характерѣ Воейкова...

Насколько развязенъ могъ иногда онъ быть, видно, напр., изъ его отзыва о Сомовѣ („Славянинъ“ 1829 г., VI—VII, стр. 213): „*Яша дурачекъ*, подражаніе О. М. Сомова французскому Jacques l'Idiot, весьма естественно. Г. Сомовъ совершенно вошелъ въ характеръ французскаго дурачка. Глупое чванство, высокое мнѣніе о своемъ умѣ, болтовство, которое этотъ сумасбродъ почиталъ за краснорѣчіе — точь въ точь переданы г. Сомовымъ русскимъ его читателямъ. Хвала и честь подражателю!“

Не меньшею развязностью и пошлостью отличался и его постоянный литературный противникъ, Булгаринъ. Ревниво слѣдя за успѣхами другихъ журналистовъ, видя въ каждомъ новомъ изданіи прежде всего конкурента, онъ не останавливался въ своей полемикѣ на передъ чѣмъ — клеветалъ, инсинуировалъ, доносилъ, прикрывая особенно гнусныя выходки аллегорическою (вполнѣ понятною, однако, всѣмъ освѣдомленнымъ людямъ) формою, ссылками на мнимые переводы съ иностранныхъ языковъ и пр.

Въ 1828 г. въ „Сѣверной Пчелѣ“ онъ выступилъ (№ 38) съ клеветническою статьею противъ „Московскаго Вѣстника“, который, благодаря постоянному сотрудничеству Пушкина, казался ему слишкомъ опаснымъ соперникомъ. По усвоенной привычкѣ онъ ссылается на мнимый французскій источникъ своей статьи.

„Въ одномъ французскомъ журналѣ напечатанъ слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько молодыхъ людей въ Эдинбургѣ[1]), досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились издавать соединенными силами журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ“ (Edinb. Messenger)[2]). Просьбами и лестными обѣща-

1) Москвѣ.
2) „Московскій Вѣстникъ“.

ніями молодые люди склонили Лорда Байрона[1]) нигдѣ не помѣщать своихъ стиховъ, кромѣ „Эдинбургскаго Вѣстника“, думая, что симъ переманятъ къ себѣ всѣхъ читателей. Но у семи нянекъ дитя всегда безъ глаза. Главный редакторъ[2]) не имѣлъ никакой власти, а мальчики[3]), усиливаясь преобразовать міръ теоріями[4]), усыпляли читателей. Для нѣсколькихъ стишковъ Байрона[5]), которые и безъ того скоро расходились по рукамъ[6]) и перепечатывались, никто не хотѣлъ подписываться на пустой и дѣтскій журналъ, и онъ сталъ гаснуть и упадать. Тогда одинъ изъ сотрудниковъ, несчастный поэтъ[7]), собираетъ своихъ товарищей и произноситъ рѣчь слѣдующаго содержанія: „Господа! Журналъ нашъ упадаетъ, тогда какъ „Эдинбургскій Маякъ“ (Edinb. Watchlight)[8]), издаваемый однимъ только литераторомъ, имѣетъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Я открылъ тайну его извѣстности. При мнѣ пришелъ въ книжную лавку одинъ помѣщикъ подписаться на нѣсколько журналовъ и, не зная всѣхъ заглавій, сказалъ книгопродавцу: „дайте мнѣ тѣ журналы, которые жестоко бранятся“. Вообще люди любятъ, когда другіе смѣло нападаютъ на огромныя репутаціи: это облегчаетъ ихъ ничтожность, а публика требуетъ сильныхъ впечатлѣній (des sensations fortes). Начнемъ браниться со всѣми журналами, разругаемъ въ нихъ всѣхъ лучшихъ писателей, поэтовъ и прозаиковъ, исключая Лорда Байрона и самихъ себя. Сдѣлаемъ

---

1) Пушкина.
2) Погодинъ.
3) Рожалинъ, Веневитиновы, Кирѣевскій и т. д.
4) Увлеченіе нѣмецкой идеалистической философіей.
5) Пушкинъ, дѣйствительно, мало печаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“.
6) Благодаря нескромности пріятелей.
7) Шевыревъ.
8) „Московскій Телеграфъ“.

обозрѣніе всѣхъ журналовъ[1]) и скажемъ, что всѣ они никуда не годятся. Это возбудитъ любопытство публики и дастъ почувствовать, что нашъ журналъ лучше всѣхъ. Другіе журналы станутъ отвѣчать намъ, и читатели поневолѣ должны будутъ подписываться на нашъ „Вѣстникъ", чтобы знать, о чемъ идетъ дѣло. Всѣ писатели, раскритикованные въ другихъ журналахъ, пристанутъ къ намъ, и мы составимъ партію, и въ книжныхъ лавкахъ станутъ спрашивать: „гдѣ тотъ „Вѣстникъ", который всѣхъ ругаетъ?" — Предложеніе принято, и тихій „Эдинбургскій Вѣстникъ" завелъ жестокую брань съ журналами и писателями цѣлой Англіи. Но какъ, по несчастію, между издателями не было ни одного человѣка съ талантомъ, то ни одинъ журналъ, ни одинъ писатель не отвѣчалъ на глупыя критики; стихи Байрона также не спасли журнала: онъ, надѣлавъ много шуму въ своемъ кругу, упалъ, и одинъ изъ бывшихъ его сотрудниковъ, въ предосторожность публикѣ, напечаталъ этотъ анекдотъ въ „Эдинбургскомъ Маякѣ", съ эпиграфомъ: avis au lecteur"[2]).

Эта статья и была какъ разъ гнуснымъ отвѣтомъ „на глупыя критики".

Ненависть къ Булгарину и желаніе поддѣлаться къ Пушкинскому кружку заставили Воейкова сейчасъ же подхватить брошенную „Сѣверной Пчелой" перчатку. Въ XXI № „Славянина" за 1828 г. (стр. 323—325) была напечатана замѣтка: „Нѣчто объ англійскомъ журналѣ *Лондонскій Трутень*".

„Въ 38 № *Сѣверной Пчелы* напечатана весьма любо-

1) Такое обозрѣніе, дѣйствительно, было въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г., и больше всего досталось „Московскому Телеграфу" и „Сѣверной Пчелѣ". Судя по намекамъ послѣдней, оно принадлежитъ Шевыреву.

2) Повидимому, въ этомъ случаѣ Булгаринъ имѣетъ въ виду себя и „Сѣверную Пчелу". Онъ раньше участвовалъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ".

пытная благонамѣренная статья, взятая изъ одного французскаго журнала, въ которой разсказывается, будто нѣсколько молодыхъ людей, досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились сами издавать журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ“; что они просьбами и лестными обѣщаніями склонили *Лорда Байрона* участвовать въ ихъ журналѣ, что, несмотря на то, журналъ началъ упадать, что главный редакторъ сего журнала не имѣлъ никакой власти, а что всѣмъ завѣдывали *мальчики*, что молодые люди, для поддержки падающаго (будто) журнала, принялись со всѣми браниться и нападать на *огромныя репутаціи* и пр.

Для удовольствія публики, мы помѣщаемъ продолженіе этого анекдота, заимствованное изъ слѣдующей книжки того же самаго французскаго журнала.

Въ этой книжкѣ иностранный журналистъ объявляетъ, что помѣщенная имъ въ предыдущемъ № статья есть не иное что, какъ низкая выдумка ловкаго и опытнаго издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone). Сей журналистъ, бывшій прежде искателемъ приключеній[1]) и никогда ничему не учившійся, но одаренный отъ природы рѣдкою увертливостью, почиталъ литературу единственно средствомъ для пріобрѣтенія денегъ, а потому видѣлъ въ каждомъ новомъ журналѣ новаго врага и находилъ всѣ способы позволенными для пораженія своего противника. Нѣсколько времени забавникъ этотъ морочилъ публику увѣреніями о своихъ познаніяхъ, та-

---

1) Срав. Вл. Ел(агина): „На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи“ — „Дамскій Журналъ“ 1825 г. № XVI, стр. 138:

Фигляринъ разъ сказалъ, что былъ кавалеристомъ;
Фигляринъ радъ прослыть хорошимъ журналистомъ:
Не обличу его въ лганьѣ!
Быть такъ! Но на конѣ онъ смотритъ журналистомъ,
Въ журналѣ жъ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ —
И выѣзжаетъ на враньѣ.

Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ.

[Изъ журнальной полемики конца 20-хъ гг. XIX в.].

Въ нашихъ журнальныхъ нравахъ 1820—30-хъ годовъ было очень много своеобразнаго.

Подписчикъ былъ тогда довольно рѣдкимъ звѣремъ, и на него шла правильная охота. Его приманивали музыкальными и модными приложеніями, необыкновенною энциклопедичностью содержанія номеровъ, именами видныхъ литераторовъ и даже самовольнымъ печатаніемъ и перепечатаніемъ ихъ произведеній; другъ противъ друга журналисты вели непрестанную партизанскую войну, старательно вылавливая опечатки и описки, уличая въ невѣжествѣ и безграмотности, затрогивая даже частную жизнь — вообще угождая грубымъ вкусамъ публики литературными кулачными боями и потасовками.

Особенно на этомъ поприщѣ отличался Воейковъ. Его главными противниками были—Булгаринъ, Гречъ и Полевой[1]). По отношенію къ нимъ онъ былъ готовъ на все и буквально въ каждомъ номерѣ своего „Славянина“

---

1) См., напр., въ „Славянинѣ“ 1829 г. „Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ, для издателя „Московскаго Телеграфа“ и „Піонъ“ въ вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею для издателя „Московскаго Телеграфа“, сплетенный рукою прелестной „Галатеи“.

отводилъ для полемики съ ними чуть не пятую часть всѣхъ страницъ. Онъ даже завелъ особый отдѣлъ — „Хамелеонистика“, въ которомъ старательно отмѣчалъ всѣ противорѣчія и недоразумѣнія у своихъ враговъ. Онъ церемонился только съ „Московскимъ Вѣстникомъ“ и его редакторомъ Погодинымъ, потому что за ними стоялъ Пушкинъ, а имъ и его литературными связями столь же практичный, сколь и циничный авторъ „Дома сумасшедшихъ“ не могъ не дорожить. Пушкина, напр., онъ льстиво называлъ („Славянинъ“ 1828, № 20, стр. 275) „однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ“, „соединяющимъ въ себѣ качество просвѣщеннаго цѣнителя и превосходнаго прозаика“.

Обычный для него желчный, бранчивый и язвительный тонъ при отзывѣ о другихъ журналахъ смѣняется по отношенію къ „Московскому Вѣстнику“ и Погодину изысканной, даже льстивой любезностью.

Въ „Славянинѣ“ 1828 г. (№ 52, стр. 496 — 7) онъ, напр., писалъ: „Впродолженіе двухъ лѣтъ мы съ удовольствіемъ читали *Московскій Вѣстникъ*, находя въ немъ и стихотворенія Пушкина, и хорошій выборъ статей, и слогъ чистый, и оцѣнку книгъ неподкупную, основательную, показывающую въ издателѣ знаніе русскаго языка, ученость, вкусъ и, что всего дороже, а потому и всего рѣже, благородный характеръ, чуждый духа партій, нахальства, самохвальства, самонадѣянности. Мы съ уваженіемъ видѣли въ г. Погодинѣ человѣка прямого, который въ своихъ критикахъ[1]) не искалъ блистать остроуміемъ *Крылова*, не приводилъ кстати и некстати колкіе стихи сего баснописца-сатирика и не посыпалъ чужою солью приторныхъ статеекъ своего стряпанья; человѣка, который съ негодованіемъ отвергалъ два низкія правила

1) Дальше намекп на Булгарина.

Жофруа и Лабомеля: 1) Personne n'a de l'esprit hors nous et nos amis, 2) Apportez-moi deux lignes du plus honnête homme et j'y découvrirai de quoi le faire pendre— и высказалъ смѣло горькія истины гг. издателямъ *Сѣверной Пчелы* и *Московскаго Телеграфа*. Но, чтобы отдать полную справедливость г. *Погодину*, надобно прибавить, что онъ, поясняя недостатки другихъ періодическихъ изданій, указывалъ своимъ читателямъ не одну изнанку, но и лицевую ихъ сторону".

Сравните съ этимъ „объявленіе о новомъ журналѣ, подъ заглавіемъ: *Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ*" (ib., 491—494), несомнѣнно направленное противъ Н. Полевого: „Я, нижеподписавшійся, предпринимаю съ 1-го января наступающаго 1829 г. издавать энциклопедическій, всеобъемлющій журналъ, подъ заглавіемъ: *Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ.*

I. Въ составъ моего журнала войдутъ только тѣ науки, которымъ я не учился, и тѣ знанія, которыхъ не имѣю — а именно: 1) догматическое, нравственное, обличительное, проповѣдное, историческое и созерцательное Богословіе; 2) россійскіе законы и исторія оныхъ; 3) право естественное, политическое, гражданское и уголовное; 4) политическая экономія; 5) зоогнозія; 6) зоологія; 7) ботаника; 8) минералогія; 9) всеобщая, опытная и аналитическая химія; 10) физика; 11) технологія; 12) механика; 13) сельское хозяйство; 14) аналитическая геометрія; 15) сферическая тригонометрія; 16) астрономія; 17) теорія военнаго искусства; 18) теорія военнаго искусства 19) фортификація; 20) инженерство; 21) мореходство; 22) архитектура; 23) искусство ваянія; 24) искусство живописи; 25) теорія музыки и генералъ-басъ; 26) риторика; 27) піитика; 28) философія; 29) хирургія; 30) физіологія; 31) судебная медицина; 32) фармакологія; 33) ветеринарія; 34) патологія; 35) терапія и безчисленныя другія.

II. Разборы книгъ на всѣмъ отраслямъ науки, искусства и ремеслъ на всѣхъ языкахъ, начиная отъ того, которымъ разговаривалъ нашъ прадѣдушка *Адамъ* съ нашею прабабкою *Еввою*, до санскритскаго, который есть не что иное, какъ первобытный славянскій, или нынѣшній россійскій языкъ[1]).

III. Новая статья, которую назову: *пестрота*[2]). Это не разнообразіе, не смѣсь, не занимательность. Въ ней будутъ помѣщаться *намеки*, *краткія выписки*, *додатки*, о кустарныхъ и москательныхъ товарахъ, о гуляньяхъ подъ Новинскимъ и о засѣданіяхъ англійскаго парламента; о сказкѣ „Бова Королевичъ“ и объ археологіи, о лубочныхъ театрахъ и о трагедіяхъ *Озерова*, о женскихъ черевичкахъ и о дифференціальныхъ исчисленіяхъ, о страсбургскихъ пирогахъ и о подводныхъ корабляхъ, объ обезьянахъ и о Невтонѣ, о *пейзанскихъ* шляпкахъ и о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, о столярныхъ издѣліяхъ и о строеніи міровъ.

IV. Издатель *Шарлатана*, рѣшась издавать журналъ въ родѣ французскаго „Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie“, обязывается совмѣстить въ себѣ одномъ познанія какъ главнаго издателя *Бюллетеня* г. *барона Ферюсака*, такъ и всѣхъ вмѣстѣ писателей, участвующихъ въ оном по разнымъ отдѣленіямъ, т. е. господъ: Дюро де ла-Маль, Клапрота, Жомара, Шамполіона старшаго и младшаго, Ейріеса, Абеля-Ремюза, Валкенайера, Лапи, Штурцгейма, Дюпьи, Бори де Сенъ-Венсана, Ампера, Дюпеня, Франкера, Матьо, Барбье-де-Бокажа, Паризо, Лакруа, Жофруа-Сентъ-Илера, Кювье, Дарсе, Тенара,

---

1) Полевой дѣйствительно имѣлъ неосторожность довольно докторально толковать о мало знакомомъ ему санскритскомъ языкѣ. См., напр., „Славянинъ“ 1828, XXX, стр. 147 — 148.

2) Намекъ на очень пестрыя приложенія къ „Московскому Телеграфу“.

Френеля, Кокебера-де-Монбре, Пуансо, Дюмерсиля, Мажанди, Флурана, Шанталя, Ласепеда, Вильморена и всѣхъ будущихъ и могущихъ быть.

Онъ берется сочинять историческіе отрывки не хуже *Карамзина* „Воспоминаній на пути въ Троицкій монастырь“ или „О мятежахъ въ царствованіе *Царя Алексѣя Михайловича*“ повѣсти не хуже *Жуковскаго* „Марьиной рощи“, *Бестужева* „Гуго фонъ Брахтъ“, *Булгарина* „Эстераки“ и „Паденія Вендена“, и, сверхъ того, обѣщаетъ угождать своихъ читателей подогрѣтыми статьями изъ *Шлецера* и *Строева*, выдавая ихъ за собственныя свои произведенія. Слогъ его, въ чемъ онъ увѣренъ, какъ въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, сладокъ и легокъ, какъ слогъ *Батюшкова*, благороденъ и правиленъ, какъ слогъ *М. Н. Муравьева*, силенъ и пылокъ, какъ слогъ *Жуковскаго*; самъ онъ богатъ мыслями, острыми шутками, игривыми и замысловатыми выраженіями, какъ *князь Вяземскій*.

Каждую недѣлю будетъ выходить по двѣ книжки, а всего 104 №№ въ годъ, съ планами, чертежами, почерками великихъ мужей, женъ, дѣвицъ и отроковъ, съ картинками новѣйшихъ парижскихъ и лондонскихъ модъ, съ изображеніями стульевъ, креселъ, диванова, скамеекъ, скамеечекъ[1]). Издатель обѣщаетъ опаздывать выдачею книжекъ своего изданія такъ, чтобы къ концу года осталось за нимъ въ недоимкѣ по крайней мѣрѣ книжекъ десять[2]), а если увидитъ, что подписчики не строго съ него взыскиваютъ, то и больше. Онъ имѣетъ къ этому и склонность, и природное дарованіе.

Цѣна самая умѣренная: здѣсь въ С.-Петербургѣ 120 рублей, съ доставленіемъ на домъ съ пересылкою

---

1) Имѣются въ виду, конечно, „Прибавленія къ *Московскому Телеграфу*, содержащія въ себѣ изображенія новѣйшихъ мебелей, уборки комнатъ, образцы модныхъ матерій, узоры для шитья“ и пр.

2) Такой грѣхъ вообще водился за Полевымъ.

въ другіе города 130 рублей государственными ассигнаціями. За полгода 75 рублей, съ пересылкою 80 рублей.

Издатель *Пройдоха Выручкинъ*,

Неслужащій дворянинъ, homme de Lettres.

Жительство имѣю въ Лоскутномъ ряду у торговки Лохмотьевой, подъ № 279-мъ".

Пріуроченіе къ Петербургу и „неслужащій дворянинъ" заставили было насъ отнести все это первоначально къ Булгарину, но Воейковъ повторяетъ въ этомъ случаѣ обычныя (свои и чужія) нападенія противъ Полевого[1]), прозрачно называетъ его *Выручкинымъ* и пр. Невѣрныя пріуроченія сдѣланы, по всей вѣроятности, не безъ задней мысли — чтобы при нуждѣ отпереться отъ

1) Срав., напр., „Дамскій журналъ" 1825 г., № 13, стр. 19: „O tempora O mores!"

Обмѣривъ и обвѣсивъ васъ,
Купцы засѣли на Парнасъ;
Купцы бренчатъ, трещатъ на лирахъ;
Купцы острятъ умы въ сатирахъ;
Купцы журналы издаютъ,
И намъ галиматью за бисеръ продаютъ.
Любезные! берите втрое,
Оставьте только вкусъ и уши намъ въ покоѣ!

Ib. 1826 г., III, стр. 117: Н. Грековъ, *Журнальный феноменъ*.

Съ эпиграфомъ: ни то, ни се
(Загадки всѣмъ), не зная по-французски,
Гильдейкинъ переводитъ все,
А пишетъ не по-русски.

Любопытно, что кн. Шаликовъ особенно возненавидѣлъ Полевого и Булгарина (съ ихъ журналами *Каланча* = *Московскій Телеграфъ*, *Червякъ* = *Сѣверная Пчела*) *за присвоеніе картинокъ дамскихъ модъ*:

Картинки дамскихъ модъ
Журналу Дамскому всегда принадлежали;
Но въ журналистахъ есть безсовѣстный народъ:
Червякъ и *Каланча* васъ нагло притязали,
Картинки дамскихъ модъ!

„Дамскій Журналъ" 1829 г., XII, стр. 186 (Рондо N.).

тот, что онъ мѣтилъ на Полевого. Это вообще въ характерѣ Всѣйкова...

Насколько развязенъ могъ иногда онъ быть, видно, напр., изъ его отзыва о Сомовѣ („Славянинъ" 1829 г., VI—VII, стр. 213): „*Яша дурачекъ*, подражаніе О. М. Сомова французскому Jacques l'Idiot, весьма естественно. Г. Сомовъ совершенно вошелъ въ характеръ французскаго дурачка. Глупое тщеславіе, высокое мнѣніе о своемъ умѣ, болтовство, которое этотъ сумасбродъ почиталъ за краснорѣчіе — точь въ точь передано г. Сомовымъ русскимъ его читателямъ. Хвала и честь подражателю!"

Не меньшею развязностью и пошлостью отличался и его постоянный литературный противникъ, Булгаринъ. Ревниво слѣдя за успѣхами другихъ журналистовъ, видя въ каждомъ новомъ изданіи прежде всего конкурента, онъ не стѣснялся въ своей полемикѣ на передъ чѣмъ — клеветалъ, инсинуировалъ, доносилъ, прикрывая особенно гадкія выходки аллегорическою (вполнѣ понятною, однако, всѣмъ освѣдомленнымъ людямъ) формою, ссылками на какіе-нибудь переводы съ иностранныхъ языковъ и пр.

Въ 1825 г. въ „Сѣверной Пчелѣ" онъ выступилъ № 38, съ клеветническою статьею противъ „Московскаго Вѣстника", который, благодаря постоянному сотрудничеству Пушкина, казался ему слишкомъ опаснымъ соперникомъ. По усвоенной привычкѣ онъ ссылается на мнимый французскій источникъ своей статьи.

„Въ одномъ французскомъ журналѣ напечатанъ слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько молодыхъ людей въ Эдинбургѣ[1], видя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и прозы, рѣшились издавать соединенными силами журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ" (Edinb. Messenger)[2]. Просьбами и лестными обѣща-

---

1) Лондонѣ.

2) „Лондонскій Вѣстникъ".

ніями молодые люди склонили Лорда Байрона[1]) нигдѣ не помѣщать своихъ стиховъ, кромѣ „Эдинбургскаго Вѣстника“, думая, что симъ переманятъ къ себѣ всѣхъ читателей. Но у семи нянекъ дитя всегда безъ глаза. Главный редакторъ[2]) не имѣлъ никакой власти, а мальчики[3]), усиливаясь преобразовать міръ теоріями[4]), усыпляли читателей. Для нѣсколькихъ стишковъ Байрона[5]), которые и безъ того скоро расходились по рукамъ[6]) и перепечатывались, никто не хотѣлъ подписываться на пустой и дѣтскій журналъ, и онъ сталъ гаснуть и упадать. Тогда одинъ изъ сотрудниковъ, несчастный поэтъ[7]), собираетъ своихъ товарищей и произноситъ рѣчь слѣдующаго содержанія: „Господа! Журналъ нашъ упадаетъ, тогда какъ „Эдинбургскій Маякъ“ (Edinb. Watchlight)[8]), издаваемый однимъ только литераторомъ, имѣетъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Я открылъ тайну его извѣстности. При мнѣ пришелъ въ книжную лавку одинъ помѣщикъ подписаться на нѣсколько журналовъ и, не зная всѣхъ заглавій, сказалъ книгопродавцу: „дайте мнѣ тѣ журналы, которые жестоко бранятся“. Вообще люди любятъ, когда другіе смѣло нападаютъ на огромныя репутаціи: это облегчаетъ ихъ ничтожность, а публика требуетъ сильныхъ впечатлѣній (des sensations fortes). Начнемъ браниться со всѣми журналами, разругаемъ въ нихъ всѣхъ лучшихъ писателей, поэтовъ и прозаиковъ, исключая Лорда Байрона и самихъ себя. Сдѣлаемъ

---

1) Пушкина.
2) Погодинъ.
3) Рожалинъ, Веневитиновы, Кирѣевскій и т. д.
4) Увлеченіе нѣмецкой идеалистической философіей.
5) Пушкинъ, дѣйствительно, мало печаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“.
6) Благодаря нескромности пріятелей.
7) Шевыревъ.
8) „Московскій Телеграфъ“.

обозрѣніе всѣхъ журналовъ[1]) и скажемъ, что всѣ они никуда не годятся. Это возбудитъ любопытство публики и дастъ почувствовать, что нашъ журналъ лучше всѣхъ. Другіе журналы станутъ отвѣчать намъ, и читатели поневолѣ должны будутъ подписываться на нашъ „Вѣстникъ", чтобы знать, о чемъ идетъ дѣло. Всѣ писатели, раскритикованные въ другихъ журналахъ, пристанутъ къ намъ, и мы составимъ партію, и въ книжныхъ лавкахъ станутъ спрашивать: „гдѣ тотъ „Вѣстникъ", который всѣхъ ругаетъ?" — Предложеніе принято, и тихій „Эдинбургскій Вѣстникъ" завелъ жестокую брань съ журналами и писателями цѣлой Англіи. Но какъ, по несчастію, между издателями не было ни одного человѣка съ талантомъ, то ни одинъ журналъ, ни одинъ писатель не отвѣчалъ на глупыя критики; стихи Байрона также не спасли журнала: онъ, надѣлавъ много шуму въ своемъ кругу, упалъ, и одинъ изъ бывшихъ его сотрудниковъ, въ предосторожность публикѣ, напечаталъ этотъ анекдотъ въ „Эдинбургскомъ Маякѣ", съ эпиграфомъ: avis au lecteur"[2]).

Эта статья и была какъ разъ гнуснымъ отвѣтомъ „на глупыя критики".

Ненависть къ Булгарину и желаніе поддѣлаться къ Пушкинскому кружку заставили Воейкова сейчасъ же подхватить брошенную „Сѣверной Пчелой" перчатку. Въ XXI № „Славянина" за 1828 г. (стр. 323—325) была напечатана замѣтка: „Нѣчто объ англійскомъ журналѣ *Лондонскій Трутень*".

„Въ 38 № *Сѣверной Пчелы* напечатана весьма любо-

1) Такое обозрѣніе, дѣйствительно, было въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г., и больше всего досталось „Московскому Телеграфу" и „Сѣверной Пчелѣ". Судя по намекамъ послѣдней, оно принадлежитъ Шевыреву.

2) Повидимому, въ этомъ случаѣ Булгаринъ имѣетъ въ виду себя и „Сѣверную Пчелу". Онъ раньше участвовалъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ".

пытная благонамѣренная статья, взятая изъ одного французскаго журнала, въ которой разсказывается, будто нѣсколько молодыхъ людей, досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились сами издавать журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ“; что они просьбами и лестными обѣщаніями склонили *Лорда Байрона* участвовать въ ихъ журналѣ, что, несмотря на то, журналъ началъ упадать, что главный редакторъ сего журнала не имѣлъ никакой власти, а что всѣмъ завѣдывали *мальчики*, что молодые люди, для поддержки падающаго (будто) журнала, принялись со всѣми браниться и нападать на *огромныя репутаціи* и пр.

Для удовольствія публики, мы помѣщаемъ продолженіе этого анекдота, заимствованное изъ слѣдующей книжки того же самаго французскаго журнала.

Въ этой книжкѣ иностранный журналистъ объявляетъ, что помѣщенная имъ въ предыдущемъ № статья есть не иное что, какъ низкая выдумка ловкаго и опытнаго издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone). Сей журналистъ, бывшій прежде искателемъ приключеній[1]) и никогда ничему не учившійся, но одаренный отъ природы рѣдкою увертливостью, почиталъ литературу единственно средствомъ для пріобрѣтенія денегъ, а потому видѣлъ въ каждомъ новомъ журналѣ новаго врага и находилъ всѣ способы позволенными для пораженія своего противника. Нѣсколько времени забавникъ этотъ морочилъ публику увѣреніями о своихъ познаніяхъ, та-

---

1) Срав. Вл. Ел(агина): „На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи“ — „Дамскій Журналъ“ 1825 г. № XVI, стр. 138:

Фигляринъ разъ сказалъ, что былъ кавалеристомъ;
Фигляринъ радъ прослыть хорошимъ журналистомъ:
Не обличу его въ лганьѣ!
Быть такъ! Но на конѣ онъ смотритъ журналистомъ,
Въ журналѣ жъ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ —
И выѣзжаетъ на враньѣ.

лантахъ, дешевизнѣ и достоинствахъ своего журнала; самъ изволилъ писать похвалы своимъ сочиненіямъ и втирался въ дружбу къ извѣстнымъ литераторамъ. Возгордившись неожиданнымъ успѣхомъ, онъ принялъ уже на себя тонъ покровительства и хотѣвшихъ издавать журналъ увѣщевалъ оставить это предпріятіе и сдѣлаться его сотрудниками; кто же не соглашался или не вѣрилъ его личинѣ, тому онъ мстилъ особеннымъ образомъ: провѣдывалъ про его домашнія обстоятельства и описывалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Но не долго продолжалось мишурное торжество издателя *Лондонскаго Трутня:* множество грубыхъ ошибокъ всякаго рода явно показали его невѣжество, а замашки площаднаго витязя возбудили всеобщее къ нему презрѣніе; узнали, что все его маранье поправлялось (какъ онъ и самъ однажды проболтался) или, лучше, вновь передѣлывалось другимъ его товарищемъ[1]), который, впрочемъ, ради денежныхъ оборотовъ и своей меркантильной операціи, придерживался этого литературнаго сплетника; всѣ литераторы почувствовали къ нему отвращеніе и отзывались о немъ такъ, какъ онъ дѣйствительно заслуживалъ. Въ числѣ журналовъ, которые вывели *Лондонскій Трутень* на свѣжую воду, находился и *Эдинбургскій Вѣстникъ*[2]). *Трутень*, не будучи въ силахъ отвѣчать *Вѣстнику* на дѣльную критику, принялся сперва по привычкѣ отвѣчать личностями, а потомъ старался всѣми средствами, во что бы то ни стало, поссорить редактора съ сотрудниками, а сотрудниковъ съ редакторомъ и съ *Лордомъ Байрономъ*. Съ сею цѣлію издатель *Трутня* напечаталъ вышесказанную выдумку. Но, къ несчастью, онъ далъ промахъ и напрасно ломалъ свою пустую голову: никто не поссорился, *Эдинбургскій Вѣст-*

1) Н. И. Гречъ.

2) Въ „Московскомъ Вѣстникѣ", дѣйствительно, было нѣсколько вылазокъ противъ Булгарина.

ихъ продолжается и будетъ продолжаться на зло литературному артельщику, а только къ *Трутню* возбудилось презрѣніе больше прежняго — если это только возможно.

Одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ *Трутня*, изумленный мѣднолобіемъ своего прежняго журналиста — хозяина, долгомъ счелъ извѣстить о семъ почтеннѣйшую публику и помѣстилъ подъ своею статью эпиграфъ: Avis aux lecteurs[1]).

Мы съ своей стороны не можемъ не порадоваться, что подобныя статьи печатаются не у насъ, и что русскіе литераторы сохраняютъ въ спорахъ своихъ всю возможную пристойность".

Аллегорическое переругиванье, прекрасно вводящее насъ во всѣ подробности тогдашнихъ литературныхъ отношеній, этимъ не кончилось. Пересказывая очень подробно всю исторію литературнаго „паденія" Булгарина въ иносказательномъ видѣ, Воейковъ захотѣлъ потомъ еще опредѣленнѣе указать на него и въ 39 № „Славянина" за тотъ же годъ напечаталъ очень ядовитую статейку какого то Глотовскаго (вѣроятно, псевдонимъ того же Воейкова), на этотъ разъ съ болѣе чѣмъ ясными намеками и указаніями: „О знакомствѣ издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone) съ знаменитыми покойниками, послѣ ихъ чины", съ эпиграфомъ:

А тѣ — кого съѣдятъ,
Не говорятъ!

„Въ IX, X и XI книжкахъ *Лондонскаго Трутня* издатель расхвастался своею дружбою съ великими современниками[2]); пухлымъ слогомъ, въ надутыхъ выраженіяхъ

1) Повидимому, Воейковъ подразумѣваетъ въ данномъ случаѣ натоящую свою статью. Раньше онъ участвовалъ въ „Сѣверной Пчелѣ" Булгарина и Греча.

2) Булгаринъ любилъ вспоминать о своемъ близкомъ знакомствѣ и даже дружбѣ съ уже скончавшимися дѣятелями (особенно Грибоѣдовымъ, Карамзинымъ—между прочимъ, въ „Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ" 1828 и пр.).

разсказалъ онъ о знакомствѣ своемъ съ *покойнымъ Наполеономъ* въ 1812 году на аванъ-постахъ передъ Бауденомъ[1]). „Покойный императоръ, говоритъ онъ, объѣзжая передовые посты своей большой арміи, прибылъ на отводный караулъ, гдѣ я, будучи коннымъ поручикомъ, командовалъ. Онъ соскочилъ съ вороного, пламеннаго коня своего (который также *покойникъ*), быстро подошелъ ко мнѣ, съ четверть часа весьма ласково со мною разговаривалъ, разспрашивалъ о моей службѣ и, записавъ въ свою памятную книжку мой полкъ, чинъ и фамилію, вскочилъ на храпящаго коня — и полетѣлъ, какъ молнія. На другой день произведенъ я былъ въ капитаны. Въ Лейпцигскомъ сраженіи превышающій въ силахъ непріятель тѣснилъ нашъ авангардъ; непріятельская кавалерія двинулась противу насъ; нашъ быстрый напоръ опрокинулъ тяжелыхъ россійскихъ ратниковъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, мнѣ удалось двухъ изъ нихъ свалить съ ногъ. *Покойный* завоеватель Европы видѣлъ сіе съ возвышенія, съ котораго наблюдалъ движенія союзныхъ войскъ; быстро подскакалъ онъ къ моему полку на гнѣдомъ арабскомъ жеребцѣ (который теперь, вѣроятно, *покойникъ*) и, закричавъ: *„вся надежда на васъ — и надежда не плохая!“*, послалъ за мною *покойнаго* начальника главнаго штаба своего *Бертье*. Подъѣхавъ къ *покойному* его величеству, я опустилъ саблю; *покойникъ* снялъ съ *покойника Дюрока* крестъ почетнаго легіона — и привязалъ мнѣ въ петлицу. Въ это время вдали чернѣли непріятельскія колонны — и лучи заходящаго солнца отражались на блестящемъ оружіи“. Въ *десятой* книжкѣ словоохотный издатель *Лондонскаго Трутня* краснорѣчиво и трогательно повѣствуетъ о знакомствѣ своемъ съ *покойнымъ Карамзинымъ* въ бытность свою въ 1824 году въ Петербургѣ съ *покойнымъ* флота

1) Такая статья, дѣйствительно, есть у Булгарина.

капитаномъ *Кохреномъ*. Признаюсь, что я ни разу не видѣлъ у *покойнаго исторіографа* по вечерамъ этого англійскаго путешественника[1]) и ни отъ кого не слыхалъ объ немъ. Даже въ *Сѣверной Пчелѣ*, которая жужжала обо всякомъ заморскомъ пройдохѣ, прыгунѣ по канату, не было о семъ литераторѣ ни строчки. Между тѣмъ *вечера покойнаго исторіографа* описаны ловкимъ и смѣтливымъ издателемъ *Лондонскаго Трутня* такъ занимательно, такими истинными красками, что можно подумать, будто онъ цѣлую жизнь не разставался съ *покойникомъ*. Чудный вѣкъ! Есть искусники поддѣлывать бриліанты, золото, жемчугъ, недоставало фокусника для поддѣлки небывалой пріязни съ знаменитыми мужами: наконецъ, нашелся и такой художникъ... и гдѣ же?—Въ Лондонѣ, въ средоточіи европейскаго просвѣщенія! Половина одиннадцатаго нумера посвящена описанію дружбы съ *покойнымъ Бельзони*, знаменитымъ путешественникомъ по Египту, который гостилъ нѣсколько времени и у насъ въ Петербургѣ въ 1822 году. Издатель *Лондонскаго Трутня* обѣщаетъ намъ написать біографію покойника.

На сіе хвастовство издатель *Edinburgh Review*[2]) отвѣчалъ англійскою народною пословицею, которую можно перевесть на россійской языкъ такимъ образомъ: *„мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай!“*

Въ № 42 „Славянина“ того же года нападки на Булгарина слиты съ вылазкой противъ Полевого (съ намеками на его купеческое происхожденіе и торговлю спиртными напитками): „Нѣчто объ издателяхъ англійскихъ журналовъ: „Лондонскій Трутень“ и „Бомбайская Каланча“. „Бомбайская Каланча“ = „Московскій Теле-

---

1) Имѣется въ виду, конечно, Булгаринъ, какъ издатель „Лондонскаго Трутня“.

2) „Славянинъ“ или тотъ же „Московскій Вѣстникъ“?

графъ“ — прозваніе, пущенное въ ходъ „Дамскимъ Журналомъ“ и очень привившееся въ тогдашней журналистикѣ[1]).

„Въ нашей благословенной матушкѣ Россіи не бываетъ такихъ смѣшныхъ пѣтушьихъ дракъ между журналистами и такихъ жаркихъ перебранокъ, какъ въ чужихъ краяхъ, особливо въ Англіи, гдѣ чернь — страстная охотница до кулачныхъ боевъ, медвѣжьей травли и полемическихъ битвъ. Теперь всѣ журналисты и газетчики ведутъ войну съ задорными издателями *Лондонскаго Трутня* и *Бомбайской Каланчи*.

Первый, часто по привычкѣ, обидѣвшись какою-нибудь острою шуткою или замысловатою насмѣшкою своихъ товарищей и не умѣя отвѣчать шуткою на шутку, готовъ жаловаться на нихъ въ Парламентъ[2]). Въ отмщеніе за то издатели Edinburgh Review[3]) прозвали его *литературнымъ* ежомъ, Literary Urhin, а издатели *Лондонскаго Курьера*[3]) не величаютъ иначе, какъ литературнымъ крючкотворцемъ.

Другой, занимаясь прежде химіею и въ особенности перегонкою спиртованныхъ газовъ, вдругъ почувствовалъ талантъ пороть дичь, записался въ литературный цехъ и завелъ журнальную лавочку подъ вывѣскою *Бомбайская Каланча въ Золотомъ полѣ*. Но по пословицѣ: *горбатаго исправитъ могила*, онъ всѣ свои сравненія, всѣ риторическія тропы и фигуры заимствуетъ изъ химическихъ

---

1) См. „Дамскій Журналъ“ 1827 (VII, 32 — 39; XI, 253 — 261; XIII, 33 — 39; XIX, 38 — 42; XXII, 151 — 154); 1831 (IV, 123; XIX, 85); 1829 (II, 30; XII, 186; XXVIII, 22 — 23; XXII, 140 — 141); „Славянинъ“ 1829, VI — VII, 202 — 208: „*Бомбайскій журналистъ Николай Лѣсной*“. О заключенномъ въ концѣ 1827 г. мирѣ между Полевымъ, Булгаринымъ и Гречемъ см. „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., № VIII, стр. 94 — 95.

2) = Доносить.

3) Имѣются въ виду „Московскій Вѣстникъ“ и „Славянинъ“. Впрочемъ, „Лондонскій Курьеръ“ можетъ быть и „Дамскій Журналъ“.

препаратовъ[1]). Въ его журналѣ, говоритъ издатель *Лондонскаго Курьера*, найдете вы „кубъ бумагомаранія, въ коемъ перегоняетъ онъ слова, какъ спиртъ, посредствомъ паровъ санскритскаго языка[2]), и, сливая въ бочку массивныхъ (?) нарѣчій, закупориваетъ ихъ изобрѣтенною имъ мастикою шарлатанизма, а потомъ ставитъ эту подмѣсь въ темный подвалъ невѣжества".

Редакторъ „Московскаго Вѣстника", М. П. Погодинъ, благоразумно думалъ было уклониться отъ этой полемики. Онъ объявилъ въ своемъ журналѣ (1828 г., VIII, стр. 466): „Нѣкоторые читатели „Московскаго Вѣстника" изъявили сожалѣніе, какъ я слышалъ, что въ этомъ журналѣ займутъ отнынѣ много мѣста журнальныя пренія. Они ошибаются: „Московскій Вѣстникъ" *долженъ разъ* сказать свое мнѣніе о всѣхъ примѣчательныхъ явленіяхъ въ русской славесности *его времени*, но никогда не войдетъ въ частныя, безполезныя, унизительныя для себя журнальныя перепалки — особливо теперь, когда наши бойцы, къ сожалѣнію всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія, выходятъ изъ границъ не только скромности, но даже *благопристойности*".

Но идти противъ общаго теченія трудно, и, несмотря на всѣ благія намѣренія, самому „Московскому Вѣстнику" вскорѣ пришлось выйти изъ этихъ границъ...

Уже въ X-ой книжкѣ (стр. 316 — 317) Строевъ „пустилъ" и свою „аллегорію" противъ Полевого.

„Въ 1810 году одинъ старожилъ-литераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего дневника, въ которомъ онъ обыкновенно записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ

---

1) Намеки на купеческое происхожденіе Полевого и его водочные заводы. Срав. „Дамскій Журналъ" 1828 г., № IV, стр. 201: „Винокуръ и его пріятель". Въ сочиненіяхъ Полевого, дѣйствительно, попадаются сравненія, заимствованныя изъ торговаго міра и водочнаго дѣла.

2) Полевой имѣлъ слабость толковать о санскритскомъ языкѣ, о которомъ имѣлъ очень мало представленія.

на сценѣ нашего литераторства. Сколько въ этой рукописи анекдотовъ и похожденій, истинно забавныхъ! Напр., старикъ разсказываетъ, что въ 1778 году (ровно за 50 лѣтъ предъ симъ) онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что-нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого-нибудь знатока и въ видѣ разговора выспрашивать, что ему нужно, а въ то же время его cousin[1]), сидя за ширмами, записывалъ слышанное. Бывало, выйдетъ въ свѣтъ разсужденіе — и дѣльно, и изрядно: *а ларчикъ просто открывался.* — Еще старикъ слышалъ отъ своего дѣда: въ 1728 году *(ровно за сто лѣтъ предъ симъ)* одинъ писака издавалъ нѣчто въ родѣ журнальной смѣси, подъ названіемъ: „Московская Каланча". Умники воображали, что, дабы разсуждать о чемъ-нибудь дѣльно, должно говорить свысока: бывало, влѣзетъ на свою каланчу да и занесетъ дичь. Тогда была пословица отвѣчать разскащикамъ небылицъ: *ужъ не съ каланчи ли ты то принесъ?* Однажды,

Ахъ! его лукавый побери...

Но письмо мое слишкомъ длинно. Когда издатель „Московскаго Телеграфа" помѣститъ у себя въ журналѣ статью изъ Edinb. Review: *о пивныхъ кабакахъ въ Англіи* (съ посвященіемъ ея мнѣ), я доставлю вамъ, для помѣщенія въ вашемъ „Вѣстникѣ", десятка полтора анекдотовъ изъ моей рукописи о томъ же писакѣ, который въ 1728 г. издавалъ въ Москвѣ *Каланчу* и, въ знакъ обоюдной учтивости, буду имѣть честь дедиковать ихъ почтеннѣйшему Н. А. Полевому. Courage, г. издатель „Телеграфа": скорѣе за пивные кабаки — я за рукопись![2])"

1) К. Полевой?

2) Срав. еще „Дамскій Журналъ" 1828 г., № XIII, стр. 29: „Онъ, или три гильдіи":

Онъ первой гильдіи глупецъ,
Второй онъ гильдіи купецъ,
А третьей гильдіи писецъ.

Полевой и Булгаринъ, конечно, не оставались въ долгу, — и аллегорическая брань переходила въ открытую. Булгаринъ, вообще не брезгавшій никакими средствами, отъ аллегорическихъ толковъ о раздорахъ въ редакціи „Московскаго Вѣстника“ перешелъ къ открытой лжи и объявилъ о выходѣ Погодина изъ состава редакціи. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1828 г., № VIII, стр. 466) Погодинъ долженъ былъ возражать: „Въ Сѣверной Пчелѣ“ объявлено, что я перестаю издавать „Московскій Вѣстникъ“, избирая для себя занятія полезнѣйшія, и предоставляю изданіе г-ну Шевыреву: изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ г-да издатели присваиваютъ себѣ право, мнѣ одному надлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, — почему знаютъ они, что̀ я почитаю полезнымъ, и что̀ полезнѣйшимъ?“

Все это очень характерно для нашихъ старинныхъ журнальныхъ нравовъ, которые сами журналисты сопоставляли съ „пѣтушьими боями“ и „медвѣжьей травлей“.

Министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ напоминать цензурному комитету („Русская Старина“ 1900 г., № 5, стр. 302): „примѣчается, что въ повременныхъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ разными журналистами, выходятъ подъ названьемъ разныхъ критикъ и антикритикъ не столько полезныя о словесности сужденія, сколько бранныя одного съ другимъ переписки, часто имѣющія цѣлью одно только несообразное съ благонравіемъ публичное оскорбленіе другъ друга“. А въ своемъ первомъ посланіи къ цензору Пушкинъ совѣтовалъ:

. . . вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань —
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань. . .

Вл. Каллашъ.

Предполагаемый литературный источникъ для біографіи А. С. Пушкина.

Въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ нынѣшняго года помѣщена статья П. Е. Щеголева: „А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 г.“. Въ ней сообщаются изъ бумагъ „страстнаго любителя книгъ“, В. Ф. Щербакова, весьма интересныя свѣдѣнія о студенческой[1]) рукописной литературѣ начала 30-хъ гг. прошлаго столѣтія и обрисовывается отношеніе къ Пушкину той части тогдашняго студенчества, которая состояла изъ франтовъ и свѣтскихъ любезниковъ и ухаживателей и составляла, очевидно, самую *пошлую* часть студенческой молодежи. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что авторъ, назвавъ свою статью: „А. С. Пушкинъ и *московскіе студенты*“ обобщилъ бывшіе въ его рукахъ факты и тотъ *пошлый* тонъ, какимъ отличались издатели студенческаго рукописнаго журнала „Момусъ“ (о которомъ по преимуществу и идетъ рѣчь въ статьѣ г. Щеголева), какъ-бы приписалъ вообще тогдашнимъ студентамъ Московскаго Университета. Между тѣмъ, тѣ пошлыя отношенія къ

1) Такъ думаетъ г-нъ Щеголевъ, хотя ни изъ чего не видно, чтобы кружокъ Щербакова былъ непремѣнно кружкомъ студенческимъ.

Пушкину, какія обнаруживаются въ журналѣ „Момусъ“, вовсе не характеризуютъ отношеній къ А. С. Пушкину Московскихъ студентовъ вообще. Достаточно вспомнить, что какъ разъ въ это время въ числѣ Московскихъ студентовъ былъ Бѣлинскій.

Но въ данномъ случаѣ можно обойтись и безъ такихъ припоминаній. И поможетъ намъ въ этомъ тотъ самый романъ „Теодоръ и Розалія“, о которомъ не было до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній, — но въ которомъ, по словамъ самого Пушкина, была разсказана его сердечная исторія. Характеризуя отношенія къ Пушкину Московскихъ студентовъ 1831 г., г-нъ Щеголевъ цитируетъ, между прочимъ, письмо Пушкина къ женѣ отъ 10-го декабря 1831 г. изъ Москвы, въ которомъ Пушкинъ сообщалъ, какъ онъ провелъ предыдущій день: „Вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента-дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ *романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ описываетъ нашу исторію. Умора!* Все это, однако-жъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ“.

„Къ сожалѣнію“, говоритъ г-нъ Щеголевъ, „не смотря на всѣ наши поиски въ библіографическихъ роспи-сяхъ, каталогахъ книжныхъ магазиновъ и газетныхъ объявленіяхъ, намъ не удалось разыскать романа „Теодоръ и Розалія“. Быть можетъ, онъ поднесенъ былъ Пушкину въ рукописи“ (стр. 221).

Указаніе Пушкина на романъ „Теодоръ и Розалія“, какъ на описаніе его сердечной „исторіи“ столь важно, что намъ понятно стремленіе изслѣдователей отыскать этотъ романъ, чтобы, при помощи его, подробнѣе познакомиться съ однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни нашего великаго писателя. Но до сихъ поръ романъ этотъ оставался неизвѣстнымъ и надежда познакомиться съ нимъ почти была потеряна.

Къ счастію, въ настоящее время это „біографическое“

въ отношеніи Пушкина недоумѣніе можетъ быть разъяснено, такъ какъ мнѣ удалось отыскать упоминаемый въ письмѣ Пушкина романъ и имя его автора.

Несчастный обожатель Н. Н. Гончаровой, заслужившій отъ Пушкина титулъ „студента-дурака“, былъ *Ѳедоръ Ѳоминскій*, о которомъ, къ сожалѣнію, я никакихъ свѣдѣній сообщить не могу. Романъ его, озаглавленный: *„Невѣдомые Теодоръ и Розалія, или высочайшее наслажденіе въ бракѣ. Нравоучительный романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Сочиненіе Ѳеодора Ѳоминскаго“*, напечатанъ въ Москвѣ, въ типографіи Лазаревыхъ Института восточныхъ языковъ, въ 1832 г. (цензурное разрѣшеніе дано 23-го октября 1831 г.; цензоръ — Сергѣй Аксаковъ).

Кромѣ этого романа, Ѳедору Ѳоминскому принадлежатъ еще: 1) „Дума Александръ I“, напечатанная въ Москвѣ, въ типографіи Авг. Семена въ 1831 г. (цензурное дозволеніе — 26-го сентября 1831 г.). Посвящена графинѣ М. А. Ростопчиной.

2) „Баллада Свѣтлана и ея женихъ суженый и ряженый“. Москва. Въ типографіи Авг. Семена. 1831 (цензурное дозволеніе 22-го сентября 1831 г.). Оба эти произведенія — въ одной оберткѣ.

3) „Новая Аглая или юныя чувства души и сердца“. Москва. Въ типографіи Авг. Семена. 1831 (цензурное дозволеніе 23-го сентября 1831). Посвящено: Ольгѣ Львовнѣ Турчаниновой, урожденной Княжнѣ Грузинской, и Александрѣ Николаевнѣ *Невѣдомой*.

Это — сборникъ мелкихъ стихотвореній, большею частію обращенныхъ къ тѣмъ красавицамъ, которыя волновали сердце автора. Между прочимъ, есть стихотвореніе *„Къ другу“*, посвященное О. Л. Т., т. е. Ольгѣ Львовнѣ Турчаниновой. Одно стихотвореніе посвящено „Его Превосходительству Ивану Юрьевичу Николеву“, одно озаглавлено: „Въ день ангела Л. И. Николевой“, одно напи-

сано на день рожденія графа Н. Д. Т. Все это характеризуетъ кругъ знакомыхъ Ѳедора Ѳоминскаго и можетъ пригодиться для разъясненія его личности. Нѣсколько стихотвореній посвящено Александрѣ *Николаевнѣ Невѣдомой*, подъ которой, можетъ быть, скрыта Наталья *Николаевна* Гончарова.

Къ этой *Невѣдомой* относятся:

1. „*Увѣреніе*“, начинающееся вопросомъ:

„Зачѣмъ меня *боишься* ты?
Ужель могу я быть опасенъ?
Ужель моей любви мечты
И увѣренья трудъ напрасенъ?

Но на эти вопросы:

„Молчанье! былъ мнѣ твой отвѣтъ;
Ты только на меня взглянула,
Что значитъ то? „Ни да, ни нѣтъ?“
Улыбка на устахъ вспорхнула!“

2. «*Идеалъ*», которымъ оказалась Александра Николаевна Невѣдомая:

„Напрасно зрѣлъ я красоты,
Все сердце мрачнымъ пребывало:
Но вдругъ глазамъ явилась ты,
И сердце вдругъ грустить престало!“—

3. «*Признаніе*», въ которомъ изображается всѣхъ покоряющая красота Невѣдомой:

„О другъ мей! Кто тебя лишь знаетъ,
Не можетъ, чтобъ не обожать!
За взглядъ одинъ готовъ бываетъ
Весь вѣкъ у ногъ твоихъ вздыхать“. —

4. «*Роза*». —

5. «*Портретъ красавицы*» (одно изъ самыхъ неудачныхъ

стихотвореній, состоящее изъ простаго набора нѣжныхъ словъ). —

6. «*Письмо къ Невѣдомой*», изъ котораго узнаемъ, что невѣдомая красавица не только не обращала на пылкаго автора никакого вниманія, но прямо пренебрегала его страстью. „Ты страсть мою *пренебрегаешь*“, жалуется ей несчастный вздыхатель: „*противенъ* взоръ мой для тебя“, и приписываетъ такое пренебреженіе гордости:

„Ты, гордостью водясь одною,
Какъ! молвишь, смѣлъ прельщаться мной?

Несмотря на это, авторъ рѣшительно говоритъ ей:

„Теперь же знай, что сколь сурова
Ко мнѣ ты ни желаешь быть;
Во мнѣ-же сердца нѣтъ другова,
Одно-жъ тебѣ принадлежитъ!“

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній ясно, что Александра Николаевна Невѣдомая серьезно плѣнила сердце Ѳедора Ѳоминскаго, человѣка, какъ видно по его стихотвореніямъ, влюбчиваго и сентиментально-страстнаго.

Впрочемъ, А. Н. Невѣдомая была не единственнымъ *идеаломъ* автора. Въ стихотвореніи «*Воспоминаніе идеала*» упоминается уже не объ Александрѣ, а о Маріи, съ которой авторъ мечталъ даже „соединиться“, но насталъ „разлуки скорбный часъ, минуты горестны прощанья“,— и все ограничилось съ ея стороны „милымъ даромъ“ въ воспоминанье, а съ его — „осеннимъ“ цвѣткомъ, который долженъ былъ изображать самого́ автора.

Дѣйствительно-ли подъ А. Н. Невѣдомой надо разумѣть Н. Н. Гончарову, рѣшить трудно. Единственнымъ основаніемъ для этого служатъ вышеприведенныя слова Пушкина, указывающія на Ѳоминскаго, какъ на обожателя Гончаровой. Точно также остается неизвѣстнымъ, зналъ-ли Пушкинъ о стихотворныхъ изліяніяхъ Ѳомин-

скаго? Вѣроятно, — нѣтъ, ибо онъ объ нихъ ничего не говоритъ и узналъ о „писательствѣ“ Ѳоминскаго, повидимому, только изъ поднесеннаго ему романа.

Между прочимъ, въ числѣ стихотвореній Ѳоминскаго есть „Моя просьба *при вступленіи въ полкъ*“. Такъ какъ сборникъ его стиховъ изданъ въ 1831 г. и уже въ концѣ сентября былъ въ цензурѣ, то, значитъ, авторъ въ это время фактически уже не былъ студентомъ, чего, впрочемъ, Пушкинъ могъ и не знать. Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь о Ѳоминскомъ изъ его собственныхъ произведеній; другихъ никакихъ у насъ нѣтъ.

Теперь вопросъ: принадлежитъ-ли Ѳоминскій къ тому кружку пошлыхъ ухаживателей и вздыхателей, который издавалъ журналъ „Момусъ“ и о которомъ только и говорится въ статьѣ г-на Щеголева? По всей вѣроятности — нѣтъ. Стихотворенія Ѳоминскаго очень плохи, но въ нихъ нѣтъ ничего пошлаго. Первое стихотвореніе „Слезы“ даже очень недурно и по внѣшней формѣ, и по выраженному въ немъ чувству.

Но еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ *его романъ*, о которомъ писалъ Пушкинъ и къ которому мы теперь и перейдемъ.

Романъ написанъ *въ защиту брака*, и авторъ всѣми силами старается раскрыть передъ читателями всѣ прелести *чистой, возвышенной* брачной жизни. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Я буду восхищаться и въ полной мѣрѣ вознагражденъ буду за свой трудъ, если удастся мнѣ иную мечтательную дѣвицу, любви достойную, рѣшившуюся по какимъ-нибудь побужденіямъ остаться на всегда въ одиночествѣ, покорить ее пріятной власти брака, или иного состарѣвающагося холостяка уклонить отъ его затѣй“.

Романъ состоитъ изъ четырехъ главъ. Первую составляетъ письмо Теодора къ другу его Карлу, въ кото-

мися ему въ брачной и семейной жизни, Теодоръ начинаетъ горячо убѣждать своего друга бросить безпорядочную холостую жизнь съ любовницей и вступить на путь семейнаго благополучія.

„Я прошу тебя, Карлъ!“ писалъ онъ: „выбери себѣ также дѣвицу по сердцу своему и сочетайся съ нею; ты живешь теперь, такъ сказать, въ половину. Мысль счастливыми сдѣлать людей извлекала всегда изъ глазъ твоихъ радостныя слезы. О! исполни оную на дѣтяхъ твоихъ; ни на комъ лучше не можешь оную исполнить, какъ на нихъ; никто съ большею благодарностію того не принимаетъ, какъ они; и ни къ кому также, по достиженіи всѣхъ своихъ намѣреній, не можешь надежнѣе преклониться, какъ къ нимъ. Повѣрь мнѣ напередъ только на слово, что чувствованіе содѣлаться отцомъ въ счастливомъ бракѣ есть утѣшительнѣйшее, и отстань отъ непостоянной, страннической своей жизни.

„Какъ прекрасною не называй ты любовницу свою, но она все только наложница, которая пожертвуетъ тобою всякому другому, кто только больше тебя платить ей будетъ, и которая, сколь много бы ни участвовала въ богатствѣ твоемъ, всегда неблагодарна. А когда ты вступишь въ бракъ искренно съ доброю женою, когда она полагать будетъ въ тебѣ все свое счастіе; когда твое счастіе будетъ ея счастіемъ, твое несчастіе ея несчастіемъ; тогда только соучастіе въ твоемъ богатствѣ и попеченіе объ ономъ сопровождаемо будетъ признательностію. . .

„Повѣрь мнѣ, любезный другъ, что ты смотришь на бракъ злобными глазами; онъ, по истинѣ, не бремя, какъ ты думаешь, *а самое искреннѣйшее дружелюбное двухъ сердецъ соединеніе, которое отеческимъ и материнскимъ чувствомъ гораздо тѣснѣе становятся.*

„Какая твоя нынѣшняя жизнь? Жизнь, не имѣющая никакой цѣли! Для кого ты трудишься, для кого соби-

высочайшей степени человѣческихъ ощущеній. Избранная тобой дѣвица да будетъ благонравная, милая, умная и въ полномъ цвѣтѣ юности! Ищи, храни, домогайся ея; . . . которая тебѣ судьбою назначена, когда-нибудь о тебѣ вздохнетъ; ищи, — найдешь и будетъ она твоя. . . *Но будь и самъ не искаженъ, въ цвѣтущей юности здравія, мужественъ*, — и, будучи таковымъ, прими въ объятія супругу твою; тогда узнаешь, какой цѣны любовь есть такой супру́ги; тогда призна́ешь не ложнымъ, что супруга твоя всегда будетъ имѣть для тебя новыя прелести любви, и ты почтешь себя благополучнымъ въ семъ мірѣ" (стр. 54 — 55).

Другъ Теодора, Карлъ, изъ переписки съ которымъ состоитъ большею частію романъ, былъ холостякъ и жилъ съ любовницей. Соединившись брачными узами съ Розаліей, Теодоръ, въ письмѣ къ Карлу, съ восторгомъ изображаетъ свое семейное счастіе, прочность и нравственную чистоту связывающихъ его съ Розаліей взаимныхъ чувствъ и, наконецъ, какъ верхъ супружескаго блаженства, родительскія чувства и радости, когда онъ сталъ отцомъ.

„Я сдѣлался отцомъ!" писалъ онъ своему другу: „Мы несправедливо судили, когда почитали бракъ не инымъ чѣмъ, какъ только блистательнымъ игомъ. Нѣтъ! нѣтъ! онъ заключаетъ въ себѣ неисчислимыя услажденія, о которыхъ прежде мнѣ и во снѣ не видѣлось". Сознаніе своего родительскаго долга исторгаетъ у него такія восклицанія: „Не прекрасное-ли то зрѣлище, не великое-ли и славное званіе! Теперь я чувствую, что довольно въ свѣтѣ и одного того дѣла, когда кто добрый отецъ есть, и что тотъ, исполняя сей долгъ во всей точности, можетъ имѣть большее достоинство, нежели иной владѣтель".

Увлеченный и восхищенный своимъ семейнымъ счастіемъ и новыми нравственными горизонтами, открывши-

мися ему въ брачной и семейной жизни, Теодоръ начинаетъ горячо убѣждать своего друга бросить безпорядочную холостую жизнь съ любовницей и вступить на путь семейнаго благополучія.

„Я прошу тебя, Карлъ!“ писалъ онъ: „выбери себѣ также дѣвицу по сердцу своему и сочетайся съ нею; ты живешь теперь, такъ сказать, въ половину. Мысль счастливыми сдѣлать людей извлекала всегда изъ глазъ твоихъ радостныя слезы. О! исполни оную на дѣтяхъ твоихъ; ни на комъ лучше не можешь оную исполнить, какъ на нихъ; никто съ большею благодарностію того не принимаетъ, какъ они; и ни къ кому также, по достиженіи всѣхъ своихъ намѣреній, не можешь надежнѣе преклониться, какъ къ нимъ. Повѣрь мнѣ наперед только на слово, что чувствованіе содѣлаться отцомъ въ счастливомъ бракѣ есть утѣшительнѣйшее, и отстань отъ непостоянной, страннической своей жизни.

„Какъ прекрасною не называй ты любовницу свою, но она все только наложница, которая пожертвуетъ тобою всякому другому, кто только больше тебя платить ей будетъ, и которая, сколь много бы ни участвовала въ богатствѣ твоемъ, всегда неблагодарна. А когда ты вступишь въ бракъ искренно съ доброю женою, когда она полагать будетъ въ тебѣ все свое счастіе; когда твое счастіе будетъ ея счастіемъ, твое несчастіе ея несчастіемъ; тогда только соучастіе въ твоемъ богатствѣ и попеченіе объ ономъ сопровождаемо будетъ признательностію. . .

„Повѣрь мнѣ, любезный другъ, что ты смотришь на бракъ злобными глазами; онъ, по истинѣ, не бремя, какъ ты думаешь, *а самое искреннѣйшее дружелюбное двухъ сердецъ соединеніе, которое отеческимъ и материнскимъ чувствомъ гораздо тѣснѣе становятся.*

„Какая твоя нынѣшняя жизнь? Жизнь, не имѣющая никакой цѣли! Для кого ты трудишься, для кого соби-

раешь? Для неблагодарности, для расточительности! *О, Карлъ! дай жизни своей опредѣленіе, избери себѣ жену по сердцу своему*, и тогда стократно искреннѣе соединены мы будемъ другъ съ другомъ.

„О, сколь я счастливъ, содѣлавшись отцомъ! Теперь стократъ дороже мнѣ жена моя. Она мать моего и своего дитяти! Сколь много сія мысль заключаетъ въ себѣ очаровательнаго для меня, чего я и сказать не въ силахъ! Жена моя представляется мнѣ *еще стократъ прекраснѣе, какъ она стала матерью; она теперь великое имѣетъ достоинство, которое вселяетъ въ меня высокое къ ней почтеніе;* я сопряженъ съ нею симъ дитятею еще тѣснѣе.

„О, Карлъ! *безъ сего отеческаго чувствованія ты ничто;* ты можешь имѣть оное существенно только въ бракѣ, въ искреннемъ и вѣрномъ соединеніи съ твоею женою".

Всѣ эти восторги Теодора отъ удовольствій семейной жизни вытекаютъ *изъ самаго чистаго, вполнѣ цѣломудреннаго* источника.

Нарисовавъ своему другу такую картину: „Розалія моя сидитъ насупротивъ меня; я читаю книгу; младенецъ опять питается *прикрытою скромно* грудью ея; она смотритъ (думая, что я не примѣчаю) то на младенца, то на меня, какъ будто сравниваетъ черты его съ моими", онъ далѣе разсказываетъ: "Восхищенъ бывъ сердечною любовію моей жены, хотѣлъ было я раздѣлить съ младенцемъ поцѣлуй на груди ея; *но она тотчасъ прикрыла съ скромностію бѣлымъ платкомъ волнующуюся грудь свою и притомъ, ударивъ меня тихонько по губамъ, назвала безстыдникомъ.* Карлъ! ты рисуешь хорошо, нарисуй же сіе явленіе и подари мнѣ.... а я подпишу внизу: картина счастливаго супружества" (стр. 74). По мнѣнію молодыхъ и счастливыхъ супруговъ, ихъ бракъ, а еще болѣе — ихъ ребенокъ тѣснѣе соединили ихъ съ человѣчествомъ, сдѣлали болѣе наклонными къ благотворенію и состраданію (стр. 77).

Любуясь своимъ младенцемъ, Теодоръ и Розалія восхищаются его здоровымъ видомъ и радуются, что онъ не будетъ ихъ *проклинать, какъ иные дѣти своихъ истощенныхъ и слабыхъ родителей проклинаютъ*", „будетъ нѣкогда женѣ своей здоровымъ мужемъ, а дѣтямъ здоровымъ отцомъ". Мысль эта вызываетъ обоихъ супруговъ на взаимную благодарность:

„Благодарю тебя, Розалія!" говоритъ Теодоръ: „что ты была цѣломудренная и благородно мыслящая дѣвица". „А я благодарю тебя", отвѣчаетъ Розалія, „за то, что ты юношескихъ своихъ силъ не растерялъ распутствомъ" (стр. 80 — 81).

Противополагая свою чистую, счастливую семейную жизнь холостой и безпорядочной жизни своего друга, Теодоръ спрашиваетъ его:

„Скажи мнѣ, можетъ ли твоя любовница доставить тебѣ хотя нѣсколько чистѣйшихъ сихъ утѣшеній? Какую ведешь ты пустынную, скорбную и любви лишенную жизнь? Можешь-ли ты съ любовницею столь искренно радоваться о потомствѣ своемъ? Да и имѣютъ-ли еще сіе желаніе души ваши и обѣ-ли?

„Какое отличительное имѣешь ты отъ моего чувствованіе, когда, по утолѣніи *дикаго* своего желанія, спѣшишь изъ объятій ея, такъ сказать, опрометью. Я воображаю, какъ ты извиняешься тогда недосугомъ, чтобъ только пристойнымъ образомъ безъ шуму удалиться отъ нея. Какая тоска, унылость и омерзѣніе тогда слѣдуютъ за тобою!

„Посмотри на меня: тебѣ покажется чудомъ. Я всегда веселѣе прежняго, моя любовь къ Розаліи не могла утолиться такъ, *какъ дикая, скотская страсть*; она еще больше умножается; я склоннѣе къ упражненіямъ своимъ и больше ощущаю въ себѣ духа, огня и силы дѣятельной".

И все это производитъ любовь, но любовь *чистая*, „со-

гласная и во всемъ соотвѣтственная, взаимное услажденіе душъ, которое притомъ не слабѣетъ, но больше еще возбуждается и усиливается, а впослѣдствіи производитъ пріятнѣйшую веселость отъ воспоминанія столь согласной любви и ея цѣли“ (стр. 84 — 85).

Убѣждая всѣми этими разсужденіями своего друга перемѣнить безпутную холостую жизнь на чистую и счастливую семейную, Теодоръ, наконецъ, увѣряетъ его: „Не сомнѣвайся больше, любезный Карлъ, чтобъ ты не нашелъ дѣвицы по сердцу своему. *Право, мы очень худо мыслимъ о дѣвицахъ* и весьма многими заражены предразсудками въ разсужденіи ихъ; повѣрь мнѣ, что онѣ не столь отмѣнныя отъ насъ и злонравныя творенія, какъ ты о нихъ по большей части думаешь, если только мы умѣемъ ихъ найти и преклонить на любовь“ (стр. 86).

Всѣ эти увѣщанія, въ концѣ концовъ, повліяли на Карла, который, сознавшись, что онъ не имѣетъ къ своей любовницѣ „никакого чувства благороднаго, кромѣ плотскаго сладострастія“, что онъ *унижается и больше уподобляется скоту*, рѣшаетъ разстаться со своей любовницей и проситъ Розалію, чтобъ она выбрала ему въ жены „подобную себѣ дѣвицу“, „и тогда“, пишетъ онъ Теодору, „я почту себя благополучнымъ изъ смертныхъ! *Пусть многіе научатся изъ опыта моего, лучше-ли вступить въ бракъ или жить холостымъ*“ (стр. 120).

Это горячее, хотя и наивное, восхваленіе нравственной чистоты брачной жизни, поднесенное авторомъ Пушкину послѣ его женидьбы и даже, можетъ быть, вызванное этой женидьбой, даетъ намъ право не причислять Ѳедора Ѳоминскаго къ числу пошлыхъ ухаживателей за Н. Н. Гончаровой, описанныхъ въ статьѣ г-на Щеголева и позволявшихъ себѣ ревниво и пошло вышучивать Пушкина за преимущество, оказанное ему Гончаровой передъ всѣми этими пошляками.

Но тогда является вопросъ: Чѣмъ-же вызванъ рѣзкій отзывъ Пушкина и объ авторѣ („студентъ-дуракъ"), и о романѣ („умора")?

По моему мнѣнію, отзывъ объ авторѣ есть просто результатъ субъективнаго настроенія поэта, вызваннаго вообще впечатлѣніемъ отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ ухаживателей за Н. Н. Гончаровой, отъ которыхъ, по огульному впечатлѣнію, ничѣмъ не отдѣлялся и Ѳедоръ Ѳоминскій.

Отзывъ же о романѣ вызванъ его почти дѣтской наивностью и очень неудовлетворительной формой. Собственно, это вовсе и не романъ: ни событій, ни характеровъ, ни завязки — ничего въ немъ нѣтъ. Это юношески-идеалистическія изліянія по поводу самаго обыкновеннаго житейскаго факта. И такъ какъ самъ Пушкинъ уже пережилъ въ это время періодъ юношескаго идеализма (ему въ концѣ 1831 года шелъ уже 32-й годъ), то ему произведеніе Ѳедора Ѳоминскаго и должно было показаться „уморительнымъ", тѣмъ болѣе, что оно и по изложенію — произведеніе чисто дѣтское.

Если намъ пришлось такъ долго на немъ остановиться и такъ подробно излагать его содержаніе, то только потому, что, по словамъ Пушкина, въ произведеніи Ѳоминскаго описана сердечная исторія самого Пушкина.

Но тутъ мы рѣшительно недоумѣваемъ: какое отношеніе къ этой исторіи имѣетъ романъ Ѳоминскаго? Съ фактической стороны — никакого. Во всемъ романѣ только два обстоятельства могутъ напомнить Пушкина: первое то, что Теодоръ и Карлъ — лицеисты (см. стр. 29 — 30); второе — отношеніе Теодора и Карла соотвѣтствуютъ отношеніямъ между Пушкинымъ и П. В. Нащокинымъ, и если подъ Теодоромъ разумѣютъ Пушкина, то Карлъ напомнитъ намъ П. В. Нащокина. Слѣдовательно, приходится признать, что романъ „Теодоръ и Розалія" имѣетъ къ сердечной исторіи Пушкина отношеніе, такъ сказать,

психологическое, нравственное, изображая высокую настроенность Пушкина и его невѣсты.

А еще проще предположить, что Пушкинъ опредѣлилъ содержаніе романа, не читая его, со словъ самого Ѳоминскаго, который, поднося романъ, долженъ-же былъ объяснить, почему именно онъ его подноситъ. Вѣроятно, онъ оправдывалъ передъ Пушкинымъ свою „смѣлость“ не достоинствами романа, а тѣмъ, что въ немъ описана сердечная исторія самого Пушкина; при чемъ тутъ-же и прочелъ, вѣроятно, нѣсколько страницъ. Выслушавъ чтеніе и спровадивъ автора, Пушкинъ врядъ-ли сталъ „дочитывать“ романъ и сообщилъ объ немъ женѣ просто какъ о „курьезѣ“, не придавая ему ровно никакого значенія: ни литературнаго, ни „біографическаго“.—Во всякомъ случаѣ, романъ этотъ къ біографіи Пушкина никакого отношенія не имѣетъ.

Ф. Витбергъ.

Іюль — Августъ 1904 г.

Изъ двадцатыхъ годовъ.

Замѣтки и матеріалы.

I.

Къ біографіи Я. Н. Толстого.

Въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о Яковѣ Николаевичѣ Толстомъ[1]) выяснены черты жизни и характера этого человѣка, котораго Пушкинъ находилъ возможнымъ называть „раннимъ философомъ“. Изученіе личности Я. Н. Толстого, интересное и необходимое съ исторической точки зрѣнія, имѣетъ и спеціальный интересъ, — для пушкинской біографіи. Одной изъ ея задачъ является изслѣдованіе отношеній и знакомствъ поэта и опредѣленіе возможныхъ на него вліяній всякихъ его друзей и пріятелей. Съ Я. Н. Толстымъ Пушкинъ встрѣчался въ кружкѣ „Зеленой лампы“. Г. Модзалевскій справедливо указываетъ на то, что кружокъ членовъ этого веселаго сообщества не преслѣдовалъ исключительно цѣлей кутежа, волокитства, дебоширства и т. д. Въ кружкѣ, — „этомъ пріютѣ любви и вольныхъ музъ“ велись безконечные споры, и несомнѣнно, если вспомнить духъ вре-

1) Б. Л. Модзалевскій. Яковъ Николаевичъ Толстой (Біографическій очеркъ). Съ приложеніемъ портрета. С.-Пб. 1899 (оттискъ изъ „Русской Старины“ 1899 г., № 9 и 10).

мени, — по большей части на темы о вольности. Исторія „Зеленой лампы“ далеко еще не изучена, не выяснены даже физіономіи членовъ, но мы не ошибемся, сказавъ, что среди нихъ Я. Н. Толстой оказывался однимъ изъ способнѣйшихъ вести разговоры на отвлеченныя темы.

„Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни;
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ
И на лампаду Эпиктета
Златой Горацієвъ фіалъ“.

Въ цѣляхъ спеціально-пушкинскихъ и общеисторическихъ наиболѣе любопытнымъ представлялось бы изученіе отношеній Я. Н. Толстого къ тому общественному движенію, конечный взрывъ котораго произошелъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Но мы можемъ пока только поставить вопросъ и разрѣшить его лишь въ самой общей формѣ. Свѣдѣнія о Толстомъ, какъ членѣ тайнаго общества, крайне скудны и глухи. Достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что онъ былъ членомъ Общества, и при томъ — однимъ изъ старѣйшихъ и авторитетныхъ. Объ этомъ можно заключить по слѣдующему отрывку изъ „Записокъ“ кн. Е. П. Оболенскаго. Оболенскій разсказываетъ о ходѣ дѣлъ Общества въ самомъ началѣ 1825 года. „Въ это время, пишетъ онъ, по дѣламъ Общества все находилось въ какомъ-то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ были вдали отъ Петербурга: Николай Ивановичъ Тургеневъ за-границей, Яковъ Николаевичъ Толстой тамъ же, Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ Москвѣ, Сергѣй Петровичъ Трубецкой въ Кіевѣ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ, наличное

число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограниченно. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825-ый годъ“ [1]). Въ этомъ отрывкѣ нужно обратить вниманіе на то, что Оболенскій именуетъ Толстого среди виднѣйшихъ членовъ Общества, отсутствіемъ которыхъ объясняется даже затишье по дѣламъ Общества. Оболенскій противополагаетъ Я. Н. Толстого и другихъ названныхъ лицъ новымъ членамъ Общества, молодежи: первымъ были вѣдомы сокровенныя цѣли Общества, послѣдніе только готовились къ воспріятію ихъ. А говоря о томъ, что наличное число членовъ въ Петербургѣ ограниченно, Оболенскій указываетъ на то, что хотя названные члены и не были на лицо, но они сохранили связи съ обществомъ. Слѣдовательно, Яковъ Толстой не только былъ первоначальнымъ членомъ, но остался имъ и послѣ распаденія Общества Благоденствія; правда, онъ жилъ за-границей и не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Общества. Но идейныя связи сохранились: и живя въ Парижѣ, Толстой былъ близокъ по своимъ духовнымъ интересамъ къ своимъ товарищамъ, жившимъ въ Россіи. Въ „Русской Старинѣ“ (1889 г., ноябрь, стр. 375—377) было напечатано письмо Александра Александровича Бестужева изъ С.-Петербурга отъ 3-го марта 1824 года къ неизвѣстному лицу.

---

1) XIX вѣкъ. Историческій Сборникъ, изд. П. И. Бартеневымъ, ст. кн. Оболенскаго: „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ“. Любопытно то, что въ Лейпцигскомъ изданіи „Воспоминаній кн. Е. П. Оболенскаго“ („Русскій Заграничный Сборникъ“, ч. IV, тетр. V, 1861, стр. 14) фамилія Я. Н. Толстого пропущена.

При самомъ даже поверхностномъ обзорѣ этого письма можно вполнѣ опредѣленно заключить, что письмо это писано къ Як. Ник. Толстому. Оно чрезвычайно характерно для эпохи, для автора и для адресата. Содержаніе письма служитъ доказательствомъ, что Яковъ Николаевичъ Толстой не порвалъ связей со своими товарищами по обществу: къ нему писали, какъ къ человѣку, для котораго интересны всѣ подробности жизни петербургскихъ друзей, отъ него требовали политическихъ новостей: „что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ?—спрашиваетъ авторъ письма. Каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? пожалуйста, *бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ*“.

Это письмо ускользнуло отъ вниманія Б. Л. Модзалевскаго. Въ нашей замѣткѣ, являющейся дополненіемъ къ его работѣ, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести это письмо цѣликомъ и въ особенности потому, что оно дышетъ колоритомъ эпохи и даетъ немало подробностей литературной и общественной жизни въ 1824-мъ году.

С.-Петербургъ, 3 марта 1824 г. Ночь.

„Долго, любезнѣйшій Яковъ Николаевичъ, не видались мы съ вами, а это время еще долѣе намъ казалось отъ того, что рѣдко имѣли о васъ вѣсти, — а отъ васъ? Ну да правда и я хорошъ — забудемъ старое и поговоримъ о настоящемъ... о которомъ можно сказать и много и мало: я скажу, что припомню.

Лѣтомъ я выдержалъ карантинъ отъ полугорячки; въ іюнѣ вступилъ въ должность къ герцогу Виртембергскому; сентябрь и октябрь проѣздилъ съ нимъ по сѣверному краю Россіи — по пріѣздѣ стрѣлялся съ ком. Рингеромъ, который волей Божіею промахнулся, а я подарилъ ему патронъ. Ноябрь присѣлъ за „Звѣзду“ и въ декабрѣ

ее съ Рылѣевымъ спекли. При этомъ ее прилагаю: не осудите: чѣмъ были богаты, тѣмъ и рады [1]), а теперь принимаюсь отбраниваться на безсмысленныя, площадныя выходки нашихъ журналистовъ. Это превосходитъ всякое вѣроятіе.

За моими новостями слѣдуютъ новости моихъ друзей, и я скажу вамъ, что Рылѣевъ десять дней тому назадъ дрался на дуели съ княземъ Ш., офицеромъ финл. гвардіи; кн. Ш. свелъ связь съ побочною сестрою Рылѣева, у него воспитанною, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣевой. Сначала онъ было отказался, но когда Р. плюнулъ ему въ лицо—онъ рѣшился. Стрѣлялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило [не разобрать одного слова, залито чернилами] на вылетъ — но онъ хотѣлъ драться до повалу — и повѣрите ли, что на трехъ шагахъ оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, мы развели ихъ. Теперь онъ не опасенъ и рана его идетъ очень хорошо.

Жуковскій пудрится, Воейковъ (вампиръ во всемъ смыслѣ слова) лежитъ на одрѣ недуга, разбитый лошадьми. Крыловъ написалъ 27 прелестнѣйшихъ басенъ. Пушкина Фонтанъ-Слезъ — превосходенъ; онъ пишетъ еще поэтическій романъ: Онѣгинъ,—который, говорятъ, лучше его самого. Карамзинъ печатаетъ два послѣдніе тома. Наконецъ, Кюхельбекеръ издаетъ Альманахъ въ 4 томахъ подъ заглавіемъ Мнемозина, онъ еще не показался, а г-нъ Сленинъ и Дельвигъ издаютъ на 25 годъ „Сѣверные Цвѣты“, точно то-же, что и наша „Звѣзда“: это спекуляція промышленности. Имъ завидно, что въ три недѣли мы продали всѣ 1,500 экземпляровъ—посмотримъ удачи!...

Теперь политика: Дибичъ силенъ, а Волконскій сталъ

---

1) Посылаю безъ переплета, чтобы вы могли по своему вкусу связать ее. *А. Б.*

дворецкимъ безъ околичностей. Поговариваютъ о присоединеніи министерствъ къ сенату; власть Аракчеева растетъ, какъ грибъ, и тверда, какъ пирамида. Государь ввелъ новую форму одежды: ходитъ въ брюкахъ. Михаилъ влюбился въ свою жену. Герцогиня виртембергская вчера умерла на моемъ дежурствѣ и я видѣлъ какое дѣйствіе произвело это на людей, которые считаютъ себя богами.... Это была поучительная картина. Въ Петербургѣ ужасная скука.

Театры несносны и одинъ только Freischütz плѣнялъ нашу ребяческую публику. Его давали 17 разъ сряду и всегда театръ былъ полонъ.

Шаховской терзаетъ Вальтеръ-Скотта—но объ этомъ вы подробнѣй узнаете отъ Всеволожскаго.

За мой винегретъ прошу заплатить въ свой чередъ политикой и словестностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ. Теперь закидываю вопросный крючекъ—почему гг. журналисты отказались помѣщать вашу статью[1]) объ антологіи[2]). Уже не въ отмѣстку ли за проказы Поццо-ди-Борго? Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ; каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? Пожалуйста бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ. Здѣсь же солдатство и ползанье слились въ одну черту и офицеры пустѣютъ и низются день ото дня.

Много меня одолжите, почтеннѣйшій, если пришлете, когда можно будетъ, изданіе Парни, это желаніе Рылѣева, который здѣсь не могъ достать его ни за какія деньги.

---

1) О ней см. брошюру г. Модзалевскаго, стр. 25 — 26.

2) Здѣсь ее рвутъ изъ рукъ въ руки. Она очень любопытна и вамъ предстоитъ еще побранить самого С. Мора за гадость его и вопреки Journal des debats. *А. Б.*

Еще, если вамъ не хочется издавать Пушкина[1])—то продайте его намъ, мы немедля вышлемъ деньги. Онъ говоритъ, что Гнѣдичъ на сей разъ распустилъ ложные слухи. Ждемъ отвѣта.

Будьте здоровы, а объ удовольствіи вашемъ мы не сомнѣваемся, а произведеній вашихъ надѣемся и васъ любимъ по прежнему. Весь вашъ Александръ Бестужевъ".

„Благомыслящіе", которыхъ Я. Н. Толстой могъ бы одолжить сообщеніемъ политическихъ новостей, по всей вѣроятности, были изъ членовъ Общества.

Казалось, что ближе всего было бы справиться объ участіи Я. Н. Толстого въ движеніи декабристовъ въ слѣдственномъ о нихъ производствѣ. Но слѣдственныя дѣла представляютъ матеріалъ, изъ котораго чрезвычайно затруднительно извлекать достовѣрныя данныя: всякія показанія нужно разсматривать сквозь призму представленія о грядущемъ наказаніи. Правда, привлеченные по дѣлу декабристовъ и допрашивавшіеся въ высочайше учрежденномъ комитетѣ по розысканію о злоумышленныхъ обществахъ не скупились на имена и называли очень много членовъ, но все же, tacitu consensu, принимали за правило по возможности выгораживать людей, которыхъ можно было спасти. Такъ, напримѣръ, благополучно избѣгъ всякихъ каръ А. С. Грибоѣдовъ[2]); и Я. Н. Толстой долженъ былъ благодарить судьбу за то, что все обошлось такъ же благополучно и для него: во время производства слѣдствія онъ былъ за-границей и къ допросамъ не вызывался. Но его отсутствіе не помѣшало возникновенію цѣлаго дѣла.

Еще 21-го января 1826 года кн. Оболенскій въ спискѣ членовъ, приложенномъ къ всеподданнѣйшему письму,

---

1) См. объ этомъ въ брошюрѣ г. Модзалевскаго, стр. 12 — 15.

2) См. нашу статью „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы", С.-Пб. 1904 (оттискъ изъ „Литературнаго Вѣстника" 1904 г., кн. 2).

среди множества названныхъ имъ фамилій, указалъ и Я. Н. Толстого, добавивъ при этомъ, что Толстой „со времени отъѣзда за-границу прекратилъ всѣ сношенія съ членами общества".

Комитетъ запросилъ о прикосновенности Толстого по обществу слѣдующихъ лицъ: Пестеля, кн. Трубецкого, кн. Оболенскаго и полковника Митькова.

Пестелю былъ предложенъ слѣдующій вопросный пунктъ:

„Въ отвѣтахъ своихъ вы называете членомъ тайнаго общества нѣкоего Толстого. Объясните: какъ его имя, чинъ и гдѣ онъ служитъ"?

На этотъ вопросъ Пестель далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Я другого Толстого членомъ общества не знаю, какъ того, который въ 1819 и 1820 году былъ предсѣдателемъ коренной Думы Союза Благоденствія. Имени и чина его я вовсе не знаю и никогда не зналъ; гдѣ онъ въ послѣднее время служилъ, мнѣ неизвѣстно, но въ то время, коли не ошибаюсь, щитался онъ по Морскому Вѣдомству. Болѣе всего извѣстенъ онъ по рѣзному своему художеству".

Пестель имѣлъ въ виду, конечно, извѣстнаго художника и медальера Ѳедора Петровича Толстого.

Почти столь же благопріятенъ для Я. Н. Толстого былъ и отвѣтъ князя С. П. Трубецкого на аналогичный вопросъ. Кн. Трубецкой, по началу оговорившій было Якова Толстого, значительно измѣняетъ свое показаніе.

„Названный мною Толстой служитъ старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба Его Имп. Величества; его зовутъ Яковъ Николаевичъ. — Хотя я и показывалъ его членомъ тайнаго общества, однако-жъ я утвердительно удостовѣрить въ томъ не могу; ибо я не знаю, ни когда онъ къ оному принадлежалъ, ни въ какое время онъ отъ онаго отсталъ. Знаю только что, по возобновленіи общества, онъ никакого участія не принималъ".

Князь Е. П. Оболенскій, отличавшійся необыкновенной искренностью въ своихъ признаніяхъ и, тѣмъ не менѣе, при возможности кое-что скрывавшій, далъ слѣдующія показанія о Яковѣ Толстомъ въ отвѣтъ на запросъ комитета:

„Названный мною членомъ общества Толстой есть дѣйствительно старшій адъютантъ Главнаго Штаба Его Величества Яковъ Николаевичъ Толстой, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка штабсъ-капитанъ; при семъ поставляю представить коммиссіи, что Толстой былъ принятъ мною въ Общество (сколько я нынѣ упомнить могу) за нѣсколько мѣсяцевъ до выступленія гвардіи въ походъ въ Вильно въ 1821-мъ году: т. е. въ концѣ 1820 года. Сіе принятіе его состояло единственно въ томъ, что въ разговорѣ съ нимъ объ отечествѣ нашемъ и о внутреннемъ состояніи онаго, я ему объявилъ, по дружескимъ сношеніямъ съ нимъ, о существованіи Общества, имѣющаго цѣль достиженіе конституціоннаго правленія чрезъ нѣсколько лѣтъ, распространеніемъ просвѣщенія, улучшеніемъ состоянія крестьянъ и тому подобными мѣрами; — послѣ чего предложилъ я ему поступить въ Общество, на что получилъ отъ него отзывъ неудовлетворительный; я признаюсь оставался въ изумленіи и замѣшательствѣ, не ожидая его отказа — что видя Толстой, дабы не оставить меня въ сомнѣніи о скромности его, касательно объявленнаго ему мною существованія Общества, объявилъ мнѣ, что онъ готовъ содѣйствовать лично цѣли Общества, распространеніемъ просвѣщенія и улучшеніемъ состоянія крестьянъ; но ни въ какія личныя обязательства по обществу не намѣренъ входить и никакихъ личныхъ сношеній по дѣламъ онаго имѣть съ кѣмъ либо изъ членовъ онаго, исключая меня, — послѣ чего, давъ мнѣ честное слово о храненіи тайны, оставался онъ въ семъ отношеніи со мною къ Обществу, не вступая ни въ управу, и (сколько я нынѣ упомнить

могу) не имѣя ни съ кѣмъ изъ членовъ Общества личныхъ сношеній до выступленія гвардіи въ началѣ 1821 года; — послѣ чего онъ вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края, откуда не возвращался, и со мною даже никакой переписки частной съ того времени не имѣлъ. — О принятіи же Толстаго и о сихъ обстоятельствахъ принятія его сообщилъ ли я въ то время кому-либо изъ членовъ Общества, я нынѣ упомнить не могу; но обязанностію поставилъ представить обстоятельства сіи Коммиссіи для исправленія сдѣланной мной ошибки въ названіи Толстаго членомъ Общества, въ то время когда онъ зналъ лишь о существованіи онаго, никакого личнаго въ ономъ участія не принималъ и, едва нѣсколько мѣсяцевъ пробывъ въ семъ отношеніи къ обществу, уѣхалъ въ чужіе края, отъ коихъ и не возвращался, прекративъ всѣ сношенія со мною".

При оцѣнкѣ степени достовѣрности этихъ признаній кн. Оболенскаго, необходимо вспомнить приведенный выше отрывокъ изъ его „Воспоминаній". Но во всякомъ случаѣ обстоятельства для Я. Н. Толстого складывались крайне благопріятно: комитетъ нашелъ показанія трехъ членовъ Общества совершенно достаточными для выясненія дѣла Я. Н. Толстого въ Россіи. Но Комитетъ интересовался знать, зачѣмъ собственно поѣхалъ за-границу Я. Н. Толстой и что онъ тамъ дѣлаетъ. За разрѣшеніемъ недоумѣній онъ обратился къ одному путешествовавшему по чужимъ краямъ члену общества полковнику Митькову. Комитетъ поставилъ ему слѣдующій вопросъ:

„Въ отвѣтахъ вашихъ вы показали, что во время бытности вашей въ чужихъ краяхъ вы видались съ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества Толстымъ.

Объясните, въ чемъ состояли сужденія ваши съ нимъ о тайномъ обществѣ при семъ свиданіи; что именно вы ему открыли о дѣйствіяхъ здѣшнихъ членовъ и о совѣ-

щаніяхъ, бывшихъ предъ вашимъ отъѣздомъ; какое принималъ онъ участіе въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ общества и въ какое именно время было означенное ваше съ нимъ свиданіе; также объясните, если вамъ извѣстно, когда именно Толстой отправился въ чужіе края, какое онъ оказывалъ содѣйствіе въ пользу общества во время нахожденія его здѣсь въ С.-Петербургѣ, какъ имя его и какого чина?“

Митьковъ отвѣчалъ:

„Симъ имѣю честь донести. Я видалъ Толстова въ 1824 году въ бытность мою въ Парижѣ, гдѣ я съ нимъ и познакомился, а прежде его не зналъ, а слышалъ отъ Николая Тургенева, что Толстой принадлежалъ къ прежнему тайному обществу. Я ему сказывалъ, что передъ отъѣздомъ моимъ въ 1823 году составилось вновь тайное общество; но объ ономъ сужденій онъ со мною никакихъ не имѣлъ и мнѣ ничего о премѣнахъ общества не говорилъ.

Когда именно Толстой отправился въ чужіе края и какое онъ оказывалъ содѣйствіе въ пользу общества во время его пребыванія здѣсь въ С.-Петербургѣ, я не знаю. Имя его Яковъ. Какого чина, не знаю.

1826 года Маія 27-го дня“.

Этими разспросами и ограничились разысканія Комитета о степени виновности Я. Н. Толстого. Допросы самому Толстому были сочтены излишними, и Комитетъ счелъ возможнымъ поднесть Императору Николаю записку слѣдующаго содержанія.

„Князья Трубецкой и Оболенскій, называя Толстого членомъ общества, присовокупляютъ, что онъ уже три года находится за границею и со времени отбытія изъ Россіи всѣ сношенія съ членами общества прекратилъ.

Полковникъ Митьковъ объясняетъ, что во время бытности его въ 1824 году въ чужихъ краяхъ видѣлся въ

Парижѣ съ Толстымъ, о принадлежности котораго къ прежнему обществу слышалъ онъ прежде того отъ Тургенева. При семъ свиданіи онъ ему открылъ о возобновившемся обществѣ, но болѣе ни о чемъ съ нимъ не говорилъ".

Николай Павловичъ приказалъ Толстого „поручить подъ секретный надзоръ начальства и ежемѣсячно доносить о поведеніи".

Я. Н. Толстой избѣгъ кары, но все-же дѣло не кончилось безъ послѣдствій: репутація его была испорчена. Въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго разсказано, сколькихъ трудовъ—и какихъ—стоило Я. Н. Толстому добиться возстановленія репутаціи. Съ нимъ произошла любопытная метаморфоза: членъ тайнаго общества, проникнутый высокими этическими идеалами, ранній философъ, пріятель Пушкина сталъ агентомъ русскаго правительства за-границей.

II.

Исторія одного письма К. Н. Батюшкова.

Въ 1818 году Батюшковъ обратился къ своему сочлену по Арзамасу, извѣстному генералу Михаилу Ѳедоровичу Орлову съ просьбой оказать покровительство македонскому греку Ивану Сутирѣ. Орловъ въ это время былъ въ Кіевѣ, а Батюшковъ собирался въ Италію. Письмо Батюшкова, не бывшее въ печати, слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь, Михаилъ Ѳеодоровичъ,

Вручитель сего письма Иванъ Сутира, грекъ изъ Македоніи, извѣстный по своимъ несчастіямъ, отправляется отъ сюда въ отечество свое черезъ Кіевъ: осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство не отказать ему въ помощи и принять его въ Ваше особенное покровительство. Я мало знакомъ Вамъ, милостивый государь, но Васъ

знаю, знаю, что Вы всегда готовы подать руку помощи бѣдному, какой бы земли онъ не былъ, зная, что тотъ доставляетъ Вамъ истинное удовольствіе, кто подаетъ Вамъ случай совершить доброе дѣло.

Арзамасъ весь разсѣялся по лицу земному; я самъ послѣ завтра ѣду въ Италію, но гдѣ бы мы ни были, сохранимъ въ памяти сердца и ума величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего. Съ глубокимъ почитаніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Константинъ Батюшковъ.

Петербургъ
Ноября 3
1818 г.

На оборотѣ:

Его Превосходительству Милостивому Государю Михаилу Федоровичу Орлову въ Кіевѣ".

Послѣднія строки письма относятся къ Арзамасу. Рейнъ—арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова. Батюшковъ закончилъ свое письмецо комплиментомъ: „гдѣ бы мы ни были, сохранимъ въ памяти сердца и ума величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего". На самомъ дѣлѣ, Орловъ пришелся не ко двору въ Арзамасѣ. Но комплиментъ Батюшкова привлекъ къ письму совершенно неожиданное вниманіе.

М. Ѳ. Орловъ обратился съ этимъ письмомъ къ извѣстному герою Отечественной войны генералу Н. Н. Раевскому, бывшему въ это время командиромъ 4-го корпуса. Сынъ его, Александръ Раевскій передалъ это письмо начальнику штаба своего отца, полковнику Линдену, для исполненія, съ помѣтой: „Батюшка приказалъ, чтобы по сему письму исполнили". Мы не знаемъ, что за человѣкъ былъ Линденъ, но его поведеніе въ этомъ дѣлѣ рисуетъ

его въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Орловъ слылъ въ это время за большого либерала и возбуждалъ опасенія въ „охранителяхъ“. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Линденъ. Письмо показалось ему подозрительнымъ, и онъ не отдалъ его обратно Раевскому, а оставилъ у себя, разсчитывая, очевидно, что при случаѣ письмо пригодится. Оно дѣйствительно пригодилось. Линденъ вообще былъ наблюдательный человѣкъ и хорошо запоминалъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Въ Кіевѣ вокругъ него шло въ это время большое броженіе. Результаты своихъ наблюденій Линденъ доложилъ въ 1821 году Начальнику Главнаго Штаба барону И. И. Дибичу. Онъ разсказалъ ему „о распространеніи въ Кіевѣ тайнаго общества и примѣтномъ стараніи онаго умножить число членовъ“. При докладѣ онъ представилъ и подозрительное письмо съ упоминаніемъ объ Арзамасѣ и Рейнѣ. Дибичъ оставилъ это письмо у себя, но, очевидно, не придалъ никакого значенія сообщеніямъ Линдена.

Но письму не было суждено затеряться. Пришелъ тревожный 1825 годъ, разразилась катастрофа 14 декабря. Періодъ „розысканій о злоумышленныхъ обществахъ“ создалъ особую атмосферу. По всѣмъ концамъ Россіи поѣхали лица различныхъ служебныхъ положеній, низшихъ и высшихъ, съ порученіями „розысканій“. Генералъ-адъютантъ Демидовъ былъ отправленъ на югъ. Линденъ въ это время состоялъ при главной квартирѣ 1-ой арміи. Въ тревожную пору онъ опять вспомнилъ о подозрительномъ письмѣ о тайныхъ обществахъ и рѣшилъ опять пустить его въ ходъ. Когда Демидовъ былъ въ Могилевѣ, Линденъ явился къ нему и сдѣлалъ докладъ. Докладъ Линдена имѣлъ слѣдующій результатъ.

Генералъ адъютантъ Демидовъ въ Всеподданнѣйшемъ рапортѣ изъ Житомира отъ 13-го генваря 1826 года за № 2 между прочимъ сообщалъ:

„Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Могилева имѣлъ я разговоръ съ полковникомъ Линденомъ, находящимся нынѣ при Главной квартирѣ 1-й арміи, а передъ симъ бывшимъ Начальникомъ Штаба въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, который между прочимъ разсказывалъ мнѣ о письмѣ, писанномъ въ прошломъ 1821 году какимъ-то Батюшковымъ или Батиньковымъ, чего въ точности онъ Линденъ не упомнитъ, на имя генералъ-маіора Орлова, каковое письмо сыномъ генерала Раевскаго было передано ему Линдену для нѣкотораго по немъ исполненія, а какъ въ ономъ заключались разныя иносказанія, то посему почелъ я нужнымъ потребовать отъ него составленную записку тому, что лишь можетъ онъ упомнить, каковую, безъ наималѣйшаго моего заключенія, обязанностію почелъ всеподданнѣйше представить въ подлинникѣ Высочайшему свѣдѣнію Вашего Императорскаго Величества“.

Записка Линдена, представленная при этомъ рапортѣ, — слѣдующаго содержанія:

„Въ бытность мою Начальникомъ Штаба 4-го пѣхотнаго корпуса въ 1821 году, поступило ко мнѣ распечатанное письмо, писанное отъ некоего Батюшкова или Батинькова къ Михаилъ Федоровичу Орлову, какъ къ Начальнику Штаба. Содержаніе письма заключало прозьбу объ оказаніи покровительства одному бѣдному греку, рекомендательнымъ письмомъ въ корпусъ, для испрошенія пособія. Ниже подписи Батюшкова была приписка почти слѣдующаго содержанія: „Арзамасъ все разсѣялась по лицу земному; я самъ на дняхъ ѣду въ Италію. Величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего, да будетъ съ Вами“. Письмо сіе ко мнѣ прислалъ сынъ корпуснаго командира Александръ Раевскій, съ надписью: „Батюшка приказалъ, чтобъ Вы по сему исполнили“. Посему я здѣлалъ выполненіе. Чрезъ два дни Александръ Раевскій прислалъ ко мнѣ требовать обратно.

Эти два стиха вошли въ XXV-ую строфу:

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ и т. д.

Ниже этихъ двухъ стиховъ набросана карандашемъ, не пушкинской рукою, крупнымъ почеркомъ, слѣдующая записка:

„Приходи ко мнѣ въ половинѣ перваго; пойдемъ въ лицей: тамъ экзаменъ исторіи“.

Записка не подписана и не датирована. Когда и кѣмъ она была написана? „Онѣгинъ“ былъ оконченъ осенью 1830 г.; послѣдняя его строфа помѣчена 25 сентября, а въ октябрѣ и ноябрѣ поэтъ написалъ нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, отвѣчая критикамъ и какъ бы подводя итоги своему труду. Однако, Пушкинъ, видно, еще долго отдѣлывалъ детали романа; такъ, письмо Онѣгина къ Татьянѣ помѣчено 3 октября 1831 г.

Я. К. Гротъ въ статьѣ своей „Царскосельскій лицей“ (сборникъ работъ Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, С.-Пб. 1899, стр. 45) вспоминаетъ, что Пушкинъ лѣтомъ 1831 г., живя въ Царскомъ Селѣ, присутствовалъ въ лицеѣ на экзаменѣ исторіи; лицеисты часто встрѣчали Пушкина въ царскосельскомъ саду то съ женою, то съ Жуковскимъ. Очевидно, записка написана въ самый день экзамена, на которомъ былъ Пушкинъ,—вѣроятно, въ іюнѣ, когда обыкновенно происходили экзамены въ лицеѣ. (Въ Царское Село Пушкинъ переѣхалъ, по собственному его показанію, 25 мая; 1 іюня онъ писалъ П. В. Нащокину: „вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ“). Трудно предположить, что пріятель Пушкина (можно думать, что это былъ Жуковскій, съ которымъ Пушкинъ тогда встрѣчался часто),

набросалъ свою записку на исписанномъ поэтомъ клочкѣ бумаги. Мы знаемъ, что Пушкинъ тщательно берегъ свои бумаги, и благодаря этому до насъ дошли многіе черновики и варіанты его произведеній, хоть бы того же „Онѣгина“, дающіе намъ возможность изслѣдовать процессъ его „технической“ работы и, до извѣстной степени, даже ходъ мыслей поэта. Приведенные стихи написаны Пушкинымъ, вѣроятно, на запискѣ пріятеля, уже послѣ экзамена, на который былъ приглашенъ поэтъ.

Найденная среди пушкинскихъ черновиковъ записка даетъ нѣчто хоть немногое, но все-таки новое для біографіи великаго человѣка, въ жизни котораго намъ ничто не можетъ казаться мелочью, и проливаетъ свой свѣтъ на довольно сложный вопросъ о хронологіи его лучшаго романа.

Николай Лернеръ.

С.-Пб. 15 іюля 1904 г.

УКАЗАТЕЛЬ.*)

Аксаковъ, Сергѣй Тимооеевичъ 52.
Ананьинъ, Александръ Андреевичъ (2) XIII.
Анненковъ, Иванъ Васильевичъ (2) XV.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ (1) XIX, XXX; (2) XV; 7, 9.
Анненковъ, Павелъ Павловичъ (1) XIX, XXI; (2) XII.
Аракчеевъ, гр. А. А. 70.
„Арзамасъ“, общество 76—80.

Байронъ 39, 40, 41, 42.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ (1) XIII, XV, XX, XXX; (2) VI; 67.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ 36, 76—80.
Бахрушинъ, Алексѣй Александровичъ (2) XII.
„Бахчисарайскій фонтанъ“ 11, 69.
Бенкендорфъ, графъ А. Х. (1) XII, XVIII.
Беркгеймъ, баронъ Францъ Христіановичъ 20.
Беркгеймъ, баронесса Юлія 15, 20—22.
Вестужевъ, Александръ Александровичъ 19, 36, 67, 68—71.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ 10, 11.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ 80.
„Борисъ Годуновъ“, Пушкина 9.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ (1) XX; (2) VI.
Булгаринъ, Ѳ. В. (2) IV; 32, 33, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49.
Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ (1) XVI.
Быковъ, Николай Владиміровичъ (1) XXII; (2) VI.
Бычковъ, Иванъ Аѳанасьевичъ 23.
Бѣлинскій, В. Г. 51.

Ваксель, Платонъ Львовичъ (1) XIII, XVI, XVIII, XXII.
„Valérie“, романъ баронессы Крюденеръ 21.
Вальтеръ-Скоттъ 70.
Вельяминовъ, Алексѣй Алексѣевичъ 22.
Веневитиновы, Д. В. и М. В. 39.
Верне, Ж. (2) V, XIV.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ (1) V, VI, VII, XIV, VIII, X, XX, XXV; (2) I, VII, IX, XI, XIII.

*) Арабская цифра въ скобкахъ (1 и 2) передъ римскими цифрами означаетъ страницы извлеченій изъ протоколовъ въ 1-мъ (1) и 2-мъ (2) выпускахъ „Пушкина и его современниковъ“.

Витбергъ, Ѳедоръ Александровичъ 64.
Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ 32, 33, 37, 38, 40, 43, 69.
Волконскій, князь Петръ Михайловичъ 69.
Воронцовъ, князь М. С. 8.
Вревская, баронесса Софія Борисовна (2) V, XIV.
Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ (1) XIII, XIX.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 70.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ (2) VI.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ (1) XIII; (2) II, 3, 36.

„Гавриліада“, Пушкина (2) VI.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ 9, 10.
Гаевскій, Николай Викторовичъ (1) XIII, XXI.
Ганецкій, А. Н. (1) XIII.
Гартунгъ, Марія Александровна (2) VI.
Гастфрейндъ, Николай Андреевичъ 28.
Геверсъ, секретарь Голландскаго посольства 11.
Геккеренъ, баронъ 1, 11.
Геннади, Григорій Николаевичъ 30.
Германъ, Елизавета Ивановна—см. **Рихтеръ**.
Германъ, Иванъ, ген.-аншефъ 30.
Германъ, Марія Ивановна—см. **Есакова**.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ 71.
Гоголь, Н. В. (1) XXII.
Голицынъ, князь 10.
Гончарова, Наталья Ивановна 12.
Гончаровъ, Аѳанасій Николаевичъ (2) III, XII.
Гофманъ, Андрей Логгиновичъ 31.
Грековъ, Н. 37.
Гречъ, Николай Ивановичъ 32, 42, 46.
Грибоѣдовъ, А. С. 43, 71.
Гротъ, Константинъ Яковлевичъ (1) XII, XVIII; (2) VI.
Гротъ, Яковъ Карловичъ 11, 15, 29, 82.
Грузинская, княжна Ольга Львовна —см. **Турчанинова**.

Дантесъ 20, 21, 22.
Дантесъ, Екатерина Николаевна 22.
Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ (1) VI, XIII, XVI, XVIII, XX, XXII.
„Делибашъ“, стих. Пушкина (2) VI.
Дельвигъ, баронъ, вице—губернаторъ (1) XIII.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ (1) XIII; 69.
Демидовъ, Николай Ивановичъ 78—80.
Дибичъ, баронъ Иванъ Ивановичъ 69, 78, 80.
Дневникъ Пушкина (2) XI—XII; 13.
Долговъ, Семенъ Осиповичъ (2) II.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ („Вапсаl“) 20.
Дорохова, жена слѣдующаго 23.
Дороховъ, Василій Павловичъ 23, 24.
Дубельтъ, Л. В. (1) XVIII.
Дубровинъ, Николай Ѳедоровичъ (1) XVIII.
„Дубровскій“, Пушкина (2) VI.
Дунинъ-Борковская, Надежда Константиновна (2) V.
Дурова, Надежда Андреевна (1) XVIII.

„Евгеній Онѣгинъ“ (2) VI, 1—7, 14, 17—19, 69, 81—83.
Егоровъ, Анатолій Евгеньевичъ 27.
Елагинъ, Владиміръ 41.
Елена Павловна, Великая Княгиня 31.
Есакова, Елизавета Филипповна, рожд. **Ярцева**, 27.
Есакова, Марія Ивановна, рожд **Германъ** 30.
Есакова, Софья Семеновна—см. баронеса **Корфъ**.
Есаковъ, Александръ Семеновичъ 31.

Есаковъ, Дмитрій Семеновичъ 28, 31.
Есаковъ, Евгеній Семеновичъ 30.
Есаковъ, Петръ Семеновичъ 31.
Есаковъ, Семенъ Ивановичъ 27.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ 27—31.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ (1) VI, X, XIV, XX, XXIV; 30.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ (1) V, VI, VII, VIII, XI.
Жиркевичъ, А . . . . . Владиміровичъ (2) XVI.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 15, 22—24, 36, 69, 82.
Журавлевъ, Аркадій Аркадьевичъ (1) XIII, XVI.

„Звѣздочка“, альманахъ 1826 г. 19.
„Зеленая лампа“, общество 66.
„Земля и море“, стих. Пушкина 14, 15—16.
Зеновичъ (2) XIII.
„Зимняя дорога“, стих. Пушкина (2) VI.
Зубова, Евоимія Борисовна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII, XXI. (2) VI.
Зубова, Прасковья Петровна (1) XIII.

Ивановское, село (2) VII.
Ивановъ, И. А. (2) III.
Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1) XIII.
„Изъ Гафиза“, стих. Пушкина 14, 15, 17.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ 30.
„Исторія Пугачевскаго бунта“ 10.

Каверинъ, Петръ Павловичъ 3, 4.
Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ 49.
„Капитанская дочка“ 25—26.
Капнистъ, графиня Ина Петровна (1) XIV.
Карамзинъ, Н. М. 36, 43, 44, 45, 69.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1) XIII.
Катковъ, Павелъ Михайловичъ (1) XIII, XVI.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 39.
Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ (1) XVI, XVII; (2) II.
Киселева, Ада Ивановна (1) XIII; (2) VI.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 31.
Киселевъ, Сергѣй Дмитріевичъ (1) XIII.
„Клеветникамъ Россіи“, стихотв. Пушкина (2) XV.
Клейнмихель, графъ Петръ Андреевичъ (2) XI; 10, 11, 23.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ (1) VI, XX, XXIV; 28, 29.
Кондырева, Нина Михайловна, рож. Дубельтъ (2) II, XII, XIV.
Корниловъ, Юрій Павловичъ (1) XIII.
Корфъ, баронъ 27.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ (1) XVIII, XXIV; 29.
Корфъ, графъ Модестъ Модестовичъ (1) XIV.
Корфъ, баронъ Николай Николаевичъ 31.
Корфъ, баронесса Софья Семеновна, рожд. **Есакова** 27, 31.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ (1) V, VII, VIII, X, XIV, XX; (2) I, VII, XIII.
Кохренъ, путешественникъ 45.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ 33, 69.
Крюденеръ, баронесса 20, 21.
Курисъ, И. И. (1) XXII.
Курисъ, Любовь Ивановна (1) XIII.
„Къ N.“, стих. Д. П. Ознобишина 30.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ 28, 69.

Лежэ, профессоръ (1) XXI.
Лернеръ, Николай Осиповичъ 83.
Линденъ 1-й, полк. 77, 78, 79, 80.
Львова, Татьяна Сергѣевна (2) VI.

Майкова, Александра Алексѣевна (1) V, XV; (2) XIII.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ (1) V, XV, XXII, XXIV, XXV; (2) IV, V, VIII, XI; 14, 15, 16.
Малевинскій, фотографъ (1) XV.
Малеинъ, Александръ Іустиновичъ (2) VI.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ (1) XXII; (2) VI.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ 29.
Мейендорфъ, баронъ, жертв. 1, 11.
Меренберъ, графиня Наталія Александровна, рожд. Пушкина (1) XVIII; (2) II, III, XII, XIV; 12.
Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна 15.
Милорадовичъ, графъ Григорій Александровичъ (1) XVIII, XXI.
Митьковъ, полк. 72, 74, 75.
Михайловское, село (2) II, XIV.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Князь 70.
Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ 10.
„Мнемозина", альманахъ 69.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ (1) VI, XIV, XV, XIX, XX, XXV; (2) I, VII, XI, XII, XIII, XIV; 65, 68 70, 71, 76.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ (1) XVIII.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ 36.

Нарышкинъ, Михаилъ Михайловичъ 66.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ (1) XIII; 2 II; 63, 82.
Небольсинъ, сенаторъ (1 XIX.
„Невѣдомые Теодоръ и Розалія", романъ 51—64.
Нечаевъ, Дмитрій Степановичъ (1 XIII; 2 XV
Никитенко, сынъ А. В. (1 XIII.
Никитинъ, В. П. 11.
Николева, Л. П. 52.
Николевъ, Иванъ Юрьевичъ 52
Новиковъ, Николай Ивановичъ 25, 26.

Оболенскій, князь Евгеній Петровичъ 66, 67, 71, 72, 73, 74, 75.
„О Делія драгая", стих. Пушкина (2) IV.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ 35.
Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ 30.
Онѣгинъ (Отто) Александръ Ѳедоровичъ (1) VI, XIII, XX.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ 76—80.
Остафьево, село (2) I, II.

Панафидина, Евдокія Степановна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII.
Парни 70.
„Первое посланіе къ цензору", Пушкина 49.
Пестель, Павелъ Ивановичъ 72.
Петрашевскій-Буташевичъ, Михаилъ Васильевичъ 30.
Плетневъ, Петръ Александровичъ (1) XVIII, XIX.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1) XVIII; 33, 34, 39, 47, 49.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ 48.
Полевой, Николай Алексѣевичъ 32, 34, 35, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 48, 49.
Половцовъ, Анатолій Викторовичъ (1) XVI; (2) VI.
„Полтава" 11.
„Полярная Звѣзда", альманахъ 1824 г. 68, 69.
Потемкина, Татьяна Борисовна 22.
Поццо-ди-Борго, графъ Карлъ Осиповичъ 70.
Пугачевъ (2 XI; 10.
Пушкина, Наталья Николаевна 12—13, 20, 21, 22, 51, 52, 53, 54, 62, 63, 82.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ (1 XXXI; (2) VI, XII; 13.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ (2 VI.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 2, 15, 19—20.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 8, 15.

Пущинъ, Иванъ Ивановичъ 28, 30, 66.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ (1) VI, XIV, XVIII; (2) I.

Раевскіе 14.
Раевскій, Александръ Николаевичъ 24, 77, 78, 79.
Раевскій, Николай Николаевичъ ст. 77, 79.
Раевскій, Николай Николаевичъ мл. 9, 14—24.
Раевскій, Петръ Михайловичъ 14.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ (1) VI; (2) I, VII, XII, XIII, XV.
Рихтеръ, Борисъ Сергѣевичъ 30.
Рихтеръ, Елизавета Ивановна, рожд. **Германъ**, 30.
Родзянко, Аркадій Гавриловичъ (1) XXI.
Рожалинъ, Николай Матвѣевичъ 39.
Ростопчина, графиня М. А. 52.
Рункевичъ, Степанъ Григорьевичъ (2) XV.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ 19, 67, 69, 70.
Рышковъ, Владиміръ Александровичъ (2) XII.

Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ (1) V, VI, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XIX, XX, XXII, XXIV, XXVIII; (2) I, II, V, VI, VII, XI, XII, XIII, XV; 20.
Сахаровъ, Викторъ Викторовичъ (2) XI.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ (1) XII, XV.
Семенъ, Августъ Ивановичъ 52.
Сенъ-Моръ, авт. 70.
„Сказка о мертвой царевнѣ“, Пушкина (2) IV.
Скобельцынъ, Ѳедоръ Лоанасьевичъ (2) II.
Сленинъ, Иванъ Васильевичъ 69.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ (1) VI, X, XIV, XVI, XVII, XX XXIII; (2) II.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ (2) II.
Сомовъ, Орестъ Михайловичъ 38.
Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ 13.
Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ (1) XIII, XVI.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ (2) II; 1, 8, 12, 13.
Строевъ, Павелъ Михаиловичъ 36, 47.
Суворовъ-Рымникскій, кн. А. В. (2) XI; 10.
Сутира, Иванъ, грекъ 76.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ (1) XI.
„Сѣверные Цвѣты“, альманахъ 1825 г. 69.

„Теодоръ и Розалія“, романъ 51—64.
Толстой, Яковъ Николаевичъ 65—76.
Толстой, графъ Ѳедоръ Петровичъ 72.
Тригорское, село (2) V, XIV.
Трубецкой, князь Сергѣй Петровичъ 66, 72, 75.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ 8, 9.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (2) II; 1, 8, 12, 13.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ (2) 8, 66, 75.
Тургеневъ, Петръ Николаевичъ (1) XVIII, XXI; (2) IV, VI; 1, 7, 8, 9, 10.
Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ 7—8.
Турчанинова, Ольга Львовна, рожд. кн. **Грузинская** 52.

Ушакова, Екатерина Николаевна (2) III, IV.
Ушаковы, Калязинскіе помѣщики (2) III.

Фишеръ, К. А. (1) XXIII.
Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ (2) XIV.

Фуксъ, Александра Андреевна (1) XXI.
Fournier, М-г 16.
Фуссъ, Павелъ Николаевичъ 30.

Хитрово, Елизавета Михайловна (2) II.
Хмельницкій, Николай Ивановичъ (2) XIII.
Хованская, княгиня Антонина Александровна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII.
Ходневъ, Константинъ Николаевичъ 27.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ (2) XIII.
Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ (2) XI; 10.
Чернышевъ, Василій Ивановичъ 26.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ 37.
Шахматова, Елизавета Александровна (1) XVIII.
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ (1) VI, XXIV, XXV; (2) I, IV, V, VII, VIII, XIII.
Шаховской, князь (дуэль съ Рылѣевымъ) 69.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ 3, 70.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1) XXIII; 39, 40, 49.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ (1) XXII; (2) VI.
Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ (1) XIII, XVI, XVIII; (2) I, II, XI, XIII, XIV.
Шлецеръ, Августъ 36.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ (1) VI; (2) I, VII, XII, XIII, XIV, XV; 28.

Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ 50, 51, 55, 62, 80.
Щербаковъ, В. Ф. 50.
Щербачевъ Юрій Николаевичъ (1) XIII, XVI.

Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ 29, 30.

Юрьевичъ, Курскій помѣщикъ (2) XV.
Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевичъ (2) XV.

Языковъ, Николай Михайловичъ (1) XXII.
Яковлевъ, Василій Ивановичъ (2) VI.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ (1) VI, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII, XIX, XX, XXIII, XXIV, XXV—XXXII; (2) I, II, VI, VII, IX, X, XIII, XV.
Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ (2) XIII.
Яцимирскій, Александръ Ивановичъ 12.
Ярцева, Елизавета Филипповна, см. **Есакова**.
Ѳоминскій, Ѳедоръ 51—64.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ III.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1905.

ПУШКИНЪ.

ПУШКИНЪ
и
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ III.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опыты окончанія «Русалки». Ѳ. Е. Корша.....	1— 22.
А. С. Пушкинъ въ Казани. Е. А. Боброва.....	23— 67.
Пушкинъ и Рылѣевъ. В. В. Сиповскаго.....	68— 88.
Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей. В. Е. Рудакова.....	89— 91.
Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.). Б. Л. Модзалевскаго.....	92— 95.
«Пушкинскія» замѣтки. А. И. Маркевича.....	96—106.
О словаряхъ: языка Пушкина и Пушкинскихъ рѳмъ ...	107—108.
Планъ словаря языка А. С. Пушкина. А. И. Соболевскаго	109—110.
Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ рѳмъ. Ѳ. Е. Корша.....	111—134.
Указатель.....	135—138.

Опыты окончанія „Русалки“.

Появленіе конца „Русалки“ по записи покойнаго Дмитрія Павловича Зуева вызвало въ свое время цѣлую литературу: большинство критиковъ признало эту запись поддѣлкой, меньшинство высказалось за ея подлинность, не скрывая впрочемъ сомнѣній въ правдоподобіи обстановки и условій, при которыхъ Д. П. Зуевъ познакомился съ этимъ окончаніемъ и записалъ его, а также въ точности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ Пушкинскаго текста, если онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ. Памятниками этой литературы остались, помимо нѣсколькихъ газетныхъ статей, мой „Разборъ вопроса о подлинности окончанія „Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева“ („Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. III, 1898, кн. 3, стр. 633—785, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 1 — 100 и т. IV, кн. 2, стр. 476—588) и составленный какъ-бы въ отвѣтъ на это изслѣдованіе сборникъ А. С. Суворина „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ (С.-Пб. 1900), въ который вошли между прочимъ всѣ статьи самого собирателя, направленныя противъ Д. П. Зуева, его записи и меня, какъ единственнаго изъ защитниковъ подлинности этой записи, посвятившаго ей цѣлое изслѣдованіе. Въ числѣ статей А. С. Суворина объ этомъ вопросѣ есть три, которымъ нельзя отказать въ историко-литературномъ интересѣ. Въ одной изъ нихъ (изъ № 8591 „Новаго Времени“) г. Суворинъ путемъ

филологической критики (на которую въ моемъ лицѣ онъ тутъ-же ополчается) убѣдительно доказываетъ поддѣльность извѣстнаго стихотворнаго переложенія молитвы Господней, приписаннаго не задолго до того Пушкину профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ“ (Харьковъ. 1900, стр. 153 — 155), впрочемъ не имъ первымъ. Критику г. Суворина на это стихотвореніе можно дополнить указаніемъ на два недостатка: 1) изъ первой строфы можно заключить, что авторъ, человѣкъ несомнѣнно взрослый, не слыхалъ этой молитвы до того времени, къ которому относится описанная обстановка, и 2) повтореніе слова „Твое“ вмѣсто риемы[1]). Первый изъ этихъ недостатковъ замѣченъ г. Рождественскимъ (Пушкинъ, Черты внутренняго облика, стр. 24 — 26; оттискъ изъ журн. „Вѣра и Церковь“ 1899 г., № 5), который пытался устранить его предположеніемъ, что это отрывокъ изъ поэмы, напр. „Галуба“; но ни по языку, ни по стиху не можетъ быть и рѣчи о принадлежности этой стихотворной молитвы Пушкину: стóитъ только сравнить ее съ безспорнымъ „Отцы пустынники и жены непорочны“. Къ тому-же называютъ еще и другого автора.

Другія двѣ изъ упомянутыхъ статей г. Суворина (изъ №№ 8607 и 8615 „Новаго Времени“ въ сборникѣ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ стр. 261 — 284) важны не выводами, а указаніемъ на двѣ забытыя попытки окончанія „Русалки“, написанныя Крутогоровымъ (Штукенбергомъ) и И. О. П. (Е. А. Богдановой). Г. Суворинъ вывелъ ихъ изъ забвенія потому, что предположилъ въ нихъ источники, которыми пользовался Д. П. Зуевъ для своей пресловутой „поддѣлки“. Штукенберга въ то время уже

---

[1]) Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ царствіе Твое!

не было въ живыхъ, а г-жа Богданова немедленно отозвалась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ энергическимъ, но бездоказательнымъ выраженіемъ полнаго согласія съ мыслью г. Суворина, раскрывъ при этомъ свой псевдонимъ. Насколько правы г. Суворинъ и г-жа Богданова, выяснится изъ разсмотрѣнія обоихъ продолженій сравнительно съ продолженіемъ, извѣстнымъ изъ записи Д. П. Зуева.

Какъ у него, такъ и у Штукенберга и у г-жи Богдановой [1]) продолженіе драмы открывается давно извѣстнымъ Пушкинскимъ началомъ 6-ой сцены.

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ —
Откуда ты, прелестное дитя?“,

за чѣмъ слѣдуетъ, конечно, отвѣтъ Русалочки, у каждаго автора уже свой. Зуевская запись рѣзко отличается отъ нихъ тѣмъ, что самыя слова Пушкина находятся въ ней лишь съ 10-го стиха, и при томъ съ варіантами, изъ которыхъ замѣчателенъ „Прошедшаго печальныя мечты“ вмѣсто „Печальныя, печальныя мечты“. Въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 745 — 746) я показалъ, что общеизвѣстные начальные 15 стиховъ этой сцены содержатъ въ себѣ цѣлыхъ два введенія: одно — ст. 1 — 9 (изъ которыхъ первые два есть и въ 4-ой сценѣ):

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.

---

[1]) „Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова. Санктпетербургъ. 1866“, стр. 167 — 228. И этотъ сборникъ, и книжку г-жи Богдановой „Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка (Сцены: шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая, одинадцатая, сочиненіе И. О. П.“, М. 1877) желающіе могутъ найти въ библіотекахъ Публичной и Академической.

Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ! . . . и я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...,

другое — ст. 10 — 15:

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...,

и Пушкинъ при окончательной обработкѣ, вѣроятно, устранилъ-бы одно изъ нихъ, именно первое, что̀ можно заключить уже изъ того, что непосредственно за выписанною частью 15-аго стиха слѣдуетъ сценическая замѣтка „Русалочка выходитъ на берегъ“ и слова князя, начало которыхъ составляетъ окончаніе того-же 15-аго стиха:

Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

Въ Зуевской рукописи такъ и есть: она начинается прямо съ 10-аго стиха. Что-же это? удачная мысль поддѣльщика или нѣчто иное? Этотъ вопросъ оставимъ пока безъ отвѣта и возвратимся къ разсмотрѣнію обоихъ „источниковъ“ спорной записи.

Продолженіе Штукенберга написано въ діалогическихъ частяхъ, какъ Пушкинское начало, пятистопными ямбами, изрѣдка съ примѣсью шестистопныхъ и четырехстопныхъ, тоже какъ у Пушкина (напр., ст. 6 этой сцены— четырехстопный), но не сплошь четырехстопными, какъ почему-то показалось г. Суворину, а въ лирическихъ (пѣсняхъ русалокъ) — четырехстопными амфибрахіями (стр. 177 и 199, кромѣ случайнаго анапеста:

И несемъ, и онъ тихъ какъ ягненокъ

стр. 177) или двухстопными съ риѳмой черезъ стихъ (стр. 203, да еще съ нарушеніемъ предѣла двухъ сосѣднихъ стиховъ

И выплыветъ къ берегу
Нѣмъ, недвижимъ

стр. 204), т. е. въ формахъ, изъ которыхъ первая не встрѣчается у Пушкина въ „Русалкѣ“, а вторая — нигдѣ. Но и діалогическій размѣръ построенъ у Штукенберга не вездѣ по-Пушкински: нерѣдки у него окончанія стиха безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, напр.

И я росла въ подводномъ теремѣ

(стр. 169, такъ-же 174, 175, 181, 185, 204 и др.). Что касается метрической формы у г-жи Богдановой, то г. Суворинъ замѣчаетъ о ней лишь то, что авторъ „плохо владѣлъ стихосложеніемъ“; но онъ ея не понялъ, потому что принималъ за стихъ все то, что̀ напечатано въ одну строчку, и даже послѣ того, какъ г. Гр. Немировъ указалъ ему его ошибку исключительно на основаніи его-же выписокъ, онъ все-таки не разобралъ, въ чемъ тутъ сила, и призналъ искаженными всѣ тѣ мѣста, гдѣ не выходятъ пятистопные или шестистопные ямбическіе стихи, т. е. чуть не половину всего текста („Новое Время“ № 8615 и сборникъ „Поддѣлка Русалки Пушкина,“ стр. 262 и 276—280). Странно, что г-жа Богданова, откликнувшись такъ сочувственно на причисленіе ея драматическаго опыта къ источникамъ Зуевской записи, не объяснила г. Суворину строя своихъ стиховъ и не указала виновника ихъ неправильнаго дѣленія въ печати. А выбрала она для діалога форму оригинальную, болѣе свойственную оперному либретто, чѣмъ обыкновенной, немузыкальной драмѣ: по надлежащемъ раздѣленіи всѣ стихи у нея оказываются ямбическими, но разной длины — отъ одной стопы до шести, даже до семи, напр.

О нѣтъ, дитя: ты вѣрно заблудилась.
Смотри:
Кругомъ все дико, нѣтъ жилья людского,
А ночью до-дому одна
Ты не дойдешь. Пойдемъ со мной

(стр. 4). При такомъ, можно сказать, речитативномъ складѣ, разумѣется, невозможна „реставрація“ г. Суворина:

И настежь растворилась дверь. Иду,
Иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный

вмѣсто музыкально-правильнаго:

И настежь растворилась дверь.
Иду, иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный

(стр. 24). Отклоненія отъ ямбическаго строя попадаются мѣстахъ въ осьми (стр. 4, 12 — 13, 17, 18 — 19, 22 — 23, 32, 33, 39), большею частію при смѣнѣ говорящихъ, какъ и въ Зуевской записи два раза; другіе примѣры, какъ и вообще стихотворныя погрѣшности въ родѣ „чтобъ“ вмѣсто „чтобы“ (стр. 35), позволительно отнести на счетъ издателя, редактора или корректора, введшаго г. Суворина въ заблужденіе неправильнымъ раздѣленіемъ стиховъ. Какъ-бы то ни было, такой формы, скорѣе оперной, чѣмъ литературной, у Пушкина нѣтъ, также нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ, употребленныхъ г-жей Богдановой. Такъ обстоитъ дѣло съ метрической стороны въ „источникахъ“ Д. П. Зуева, но совсѣмъ иначе въ его собственномъ текстѣ: здѣсь въ діалогѣ вездѣ пятистопный ямбъ Пушкинской структуры, кромѣ двухъ мѣстъ, подозрительныхъ и по другимъ причинамъ (см. „Извѣстія отд. р. я. и сл.“, т. IV, кн. 1, стр. 46 — 49 и кн. 2, стр. 522 — 524), а въ пѣсняхъ — Пушкинскія двухстопные амфибрахіи и четырехстопные трохеи съ риѳмой во всѣхъ стихахъ.

Языкъ и стилистика обоихъ „источниковъ“ даже не напоминаютъ Пушкина, напр. у Штукенберга стр. 169:

И мать ужель *совсѣмъ* въ Днѣпрѣ живетъ?,

тамъ-же:

Ахъ подлинно я *виноватъ преступный!*,

стр. 173:

Сойди къ водѣ, а я подружекъ *скликну*,

стр. 184:

И, *скликнувъ* рыбаковъ, протащимъ неводъ,

тамъ-же:

Оставь меня одну, пока не *скличу*,!

стр. 175:

Все, все, что было дорогова *тутъ*,
Черезъ тебя *лишилась*,

стр. 188:

Исполнилось *что надо* наконецъ!,

стр. 201:

бывало
Поволочиться ты *гораздъ* любилъ[1]),

стр. 215:

Дивья — коль запретилъ,

и кромѣ того странная перетасовка словъ, какъ стр. 17:

Да не чужой какой *ли* подвернулся?,

стр. 182:

Ты по слѣду дошелъ *куда-жъ*?,

стр. 191:

Но сердце, что тобою только жило,
Тебя *что* безъ оглядки полюбило,

стр. 199:

Въ неволѣ я у этихъ лже-существъ,
Дѣтей *которыми* пугаютъ няньки,

---

[1]) По-малорусски „ти сам гаразд був охочий“.

гдѣ авторъ, издатель или наборщикъ, запутавшись въ конструкціи, поставилъ передъ „которыми“ запятую. У г-жи Богдановой языкъ въ общемъ ближе къ Пушкинскому, но насколько, трудно рѣшить сразу; вотъ, гдѣ пригодился-бы Пушкинскій глоссарій, до сихъ поръ еще не составленный. Во всякомъ случаѣ г-жа Богданова употребляетъ иногда ударенія, кажется, не встрѣчающіяся у Пушкина, напр. стр. 17:

Какъ смерть *блѣдно́* лице,

стр. 35:

Блѣдно́ твое лице и руки холодны[1])

стр. 19:

Какъ разъ отъ *не́дуга* избавилъ,

стр. 36:

О нѣтъ! То *не́дугъ* черный *мути́тъ*.

Въ Зуевской записи критика указала необычныя ударенія *прода́вецъ*, *мама́* и *сказки́*; но какъ произносилъ Пушкинъ первое слово, по видимому, неизвѣстно, а послѣднія два находятся въ явно испорченныхъ или неотдѣланныхъ стихахъ. Но вообще эта запись со стороны языка (кажется, кромѣ слова *огневой*), грамматическихъ формъ, синтаксиса и просодіи не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго Пушкинскому употребленію, въ риторикѣ же представляетъ полное сходство съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. А въ пресловутыхъ источникахъ? Въ нихъ встрѣчаются, и то изрѣдка, лишь единоначатіе и вообще повтореніе словъ: у Штукенберга „что“ въ трехъ предложеніяхъ подъ рядъ (стр. 171), „никто“ въ двухъ (стр. 184), у г-жи Богдановой „Давно, давно“ (стр. 23), быть можетъ, изъ „Каменнаго Гостя“ сц. 3:

---

*) Но *холодны́* у Пушкина есть напр. въ „Анджело“:

Всѣ средства женскаго искуства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.

Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.

При этихъ сравненіяхъ еще рѣзче выступаетъ тотъ выводъ, къ которому привелъ меня разборъ записи Д. П. Зуева, — что или онъ былъ безпримѣрнымъ, неслыханнымъ знатокомъ Пушкинской формы (чего за нимъ никто не подозрѣвалъ), или — не онъ авторъ опороченнаго критикой окончанія „Русалки“.

А каково отношеніе этихъ будто-бы источниковъ Зуевской записи къ Пушкину съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступны наблюденію авторовъ при посредствѣ простого, хоть, можетъ быть, и внимательнаго чтенія подлинныхъ произведеній Пушкина? У Штукенберга стр. 171:

Ты близокъ намъ? ты мой отецъ?

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 5 („Днѣпровское дно“):

Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

Стр. 172:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко

ср. въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко.

Стр. 218:

Смеркается... вотъ такъ и тянетъ сила
Невѣдомая

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4 („Днѣпръ. Ночь“) и 6 („Берегъ“):

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.

У Е. А. Богдановой (дѣлю стихи по ритму) стр. 5:

Онъ продалъ мельницу свою

Бѣсамъ запечнымъ,
А деньги на храненье бросилъ въ Днѣпръ

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4:

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты

и сц. 5:

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ.

Стр. 6:

Ночной порой и дикій звѣрь
Изъ лѣсу можетъ набѣжать

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3 („Свѣтлица“):

въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ.

Стр. 29:

Сейчасъ, мой свѣтъ, бѣгу

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3:

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

На стр. 35 — 36 княгиня и князь передъ сценой съ ожерельемъ говорятъ почти то-же, что князь и дочь мельника, оставшись наединѣ („Русалка“ сц. 1). Въ Зуевской записи позаимствованій изъ Пушкина, такъ сказать, сырьемъ нѣтъ ни одного, а есть только намеки на содержаніе первой части и какъ-бы слѣды безотчетныхъ воспоминаній объ отдѣльныхъ мѣстахъ изъ другихъ произведеній Пушкина, иногда едва уловимые, какіе часто встрѣчаются и у самого Пушкина.

Тонъ рѣчи и вообще характеръ лицъ въ пресловутыхъ

„источникахъ“не такіе, какъ въ первой части „Русалки“. У Штукенберга Русалочка говоритъ иногда совсѣмъ не по-дѣтски, напр. на стр. 175:

Ты мужчина.
У насъ молва, что вы такъ смѣлы.
Мнѣ стыдно за тебя.

Княгиню у него мѣстами трудно отличить по языку отъ мамки, старшая Русалка покрикиваетъ на младшихъ не какъ „строгая сестра“, а скорѣе какъ подвыпившій ундеръ, а съ княземъ бесѣдуетъ какъ безстыжая баба, хотя кое-гдѣ не безъ сентиментальности; да и у князя вырываются выраженія совсѣмъ не княжескія въ родѣ

О, гдѣ я? спалъ я что ли, али нѣтъ?,

гдѣ къ тому-же очень непріятно сталкиваются патетическое „О“ и простонародное „али“, умѣстное въ устахъ мельника (сц. 1):

Али ты
Отъ радости нежданой одурѣла?

У г-жи Богдановой характеры въ общемъ выдержаны, однако и здѣсь Русалочка сплошь да рядомъ вдается въ далеко не ребячій тонъ, и кроткая и безотвѣтная княгиня на стр. 30 кричитъ на охотниковъ:

Разбойники, холопы!,

а на стр. 31 отрѣзываетъ ловчему:

Ты лжешь, дуракъ!

Есть, правда, брань „Дуракъ“ и во второй сценѣ подлинной „Русалки“, но тамъ это слово произноситъ князь, крайне раздраженный тѣмъ, что конюшій не умѣлъ отыскать Русалку въ хорѣ дѣвушекъ на свадьбѣ. Такъли изображены дѣйствующія лица въ Зуевскомъ продолженіи? Правда, что нѣкоторые критики находили и въ немъ подобныя несоотвѣтствія, не принимая въ расчетъ даже различія въ положеніи даннаго лица согласно

съ событіями, но весьма поучительно сравнить эти мнимыя противорѣчія съ уклоненіями отъ Пушкинскихъ характеровъ хотя-бы у Штукенберга, что̀ впрочемъ читателю легко сдѣлать самому.

По содержанію оба завѣдомо не Пушкинскихъ продолженія сходны въ томъ, что Русалка мститъ князю до конца, и что князь и княгиня погибаютъ. Но въ частностяхъ разница между этими продолженіями значительна, начиная съ того, что у г-жи Богдановой предметомъ мести является не столько князь, сколько княгиня. Впрочемъ оба мотива даны Пушкинымъ: Русалка въ 5-й сценѣ готовится къ мести, о чемъ говоритъ въ концѣ прямо слѣдующими словами:

Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ,

а въ 1-ой дочь мельника, т. е. она-же при жизни на землѣ, грозитъ разлучницѣ, разрывая подаренное ей княземъ ожерелье:

Такъ бы я
Разорвала тебя змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

У Штукенберга князь попадаетъ въ теремъ русалокъ въ самомъ началѣ, будучи завлеченъ туда дочерью, а потомъ выходитъ на сушу и въ концѣ умираетъ при видѣ Русалки въ водяномъ столпѣ, который появляется на его дворѣ, а княгиня отъ такой неожиданности также умираетъ, поручая окружающимъ благословить за нее ея маленькаго сына, мельникъ же во время этихъ ужасовъ внезапно исцѣляется отъ безумія. Заключительныя слова произноситъ мамка:

Ахти!
Что будетъ съ нимъ-то, съ круглымъ сиротою!

У г-жи Богдановой мельникъ гибнетъ за сценой, за-

стрѣленный изъ ружья княжьимъ охотникомъ во время своей борьбы съ княземъ изъ-за Русалочки, что̀ читатель узнаетъ изъ ея разсказа; князь отъ свиданія съ дочерью становится полупомѣшаннымъ, душитъ княгиню жемчужнымъ ожерельемъ, которое онъ подарилъ нѣкогда дочери мельника, а потомъ Царица русалокъ нанизала на волшебную нить, сплетенную ею изъ русалочьихъ косъ; по смерти княгини онъ, спасаясь отъ собственныхъ слугъ, бросается со скалы въ Днѣпръ. Заключительныя слова принадлежатъ слугамъ:

Князь утонулъ! спускайте лодки!
Несите сѣти и багры!

Мотивъ удушенія ожерельемъ, которое, по словамъ Царицы русалокъ на стр. 16,

Какъ лютая змѣя,
Вкругъ шейки лебединой обовьется
И кольцами своими
Ее сожметъ,

заимствованъ отчасти изъ восклицанія дочери мельника въ первой сценѣ передъ утопленіемъ:

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣей, змѣею онъ меня — [1])
Не жемчугомъ опуталъ,

отчасти изъ словъ мельника въ четвертой сценѣ въ отвѣтъ на приглашеніе князя:

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ.

---

[1]) Четырехстопный ямбъ вмѣсто пятистопнаго, устроенный первыми издателями изъ такихъ обрывковъ, которые въ подлинномъ видѣ могли-бы навлечь на ихъ автора не меньшія нареканія, чѣмъ тѣ стихи Зуевской записи, гдѣ нѣкоторымъ критикамъ пригрезились *мама* и *сказки*.

Пушкинымъ-же внушено и введеніе маленькаго сына, но только косвенно: въ третьей сценѣ княгиня говоритъ:

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать,

и нельзя сказать, чтобы такое пользованіе положеніемъ, даннымъ у Пушкина, вызывалось ходомъ драмы, какъ и возвращеніе разсудка мельнику у Штукенберга. Прямо противорѣчитъ даннымъ Пушкина промежутокъ между началомъ и концемъ дѣйствія въ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ вмѣсто осьми[1]). Впрочемъ вся дальнѣйшая фабула и ея развитіе вообще довольно слабы въ обоихъ этихъ продолженіяхъ,—очевидно, потому, что ихъ авторы лишены драматическаго дарованія, а Штукенбергъ къ тому-же совсѣмъ не поэтъ. А въ Зуевской записи? Князь тоже бросается въ Днѣпръ, а княгиня умираетъ, но то и другое само по себѣ такъ естественно, что этому совпаденію въ трехъ продолженіяхъ нельзя придавать важности при разсмотрѣніи вопроса о заимствованіяхъ. За то месть Русалки у Д. П. Зуева принимаетъ оборотъ неожиданный: прежняя дѣвушка, дочь мельника, увидѣвъ князя, ощущаетъ къ нему ту-же любовь, которая ее погубила. Это—не внутреннее противорѣчіе и не выворотъ готоваго мотива на изнанку, а творческое развитіе даннаго положенія. Мельникъ умираетъ отъ проклятія дочери, заботами которой, прямыми и при посредствѣ Русалочки, поддерживалось его существованіе. Основы этого вымысла также находятся въ первой части, но не въ готовомъ видѣ и не въ обратномъ: недружелюбное отношеніе дочери къ мельнику выразилось въ концѣ первой сцены:

---

[1]) По посмертному изданію; но въ рукописи „Прошло 8 долгихъ лѣтъ“, при чемъ 8 передѣлано изъ 7 (изд. facsimile, л. XXII); см. „Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 748.

Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ-прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!

и въ пятой, гдѣ послѣ разсказа Русалочки о томъ, какъ она разъискивала для дѣда брошенныя имъ въ рѣку деньги, и какъ онъ обрадовался пестрымъ раковинкамъ, которыя она дала ему вмѣсто денегъ, Русалка восклицаетъ:

Безумный скряга!

Проклятіе Русалки и его дѣйствіе на мельника есть выводъ изъ этихъ данныхъ, естественный, но не такой формально-логическій, до какого было-бы нетрудно дойти всякому сколько-нибудь изобрѣтательному человѣку, а не менѣе творческій, чѣмъ пробужденіе прежней любви въ Русалкѣ, — мотивъ, доступный или автору самыхъ данныхъ или, если другому лицу, то лишь насквозь проникнутому работой его духа въ этомъ направленіи. Смерть княгини обусловлена не мелодраматическимъ ужасомъ, какъ у Штукенберга, и не чужимъ мотивомъ, полученнымъ посредствомъ обращенія метафоры подлинника въ дѣйствительность, какъ у Е. А. Богдановой, а нравственнымъ потрясеніемъ при видѣ обручальнаго кольца, возвращеннаго ей отъ имени мужа, — потрясеніемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что, какъ видно изъ ея словъ въ началѣ послѣдней сцены, сердце ея было надорвано до явленій патологическихъ. Эта передача кольца есть coup de grâce послѣ ея долгихъ страданій, и всякій человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти долженъ признать такую развязку самой естественной и эстетической, — конечно, если онъ не хочетъ обмануть себя или

другихъ. Послѣднія слова драмы и въ этомъ продолженіи говоритъ мамка:

Умерла!

Въ сонмъ Ангеловъ прими ее, Всевышній!

Указанія для правильной оцѣнки этихъ словъ, приличныхъ будто-бы болѣе архіерею, чѣмъ мамкѣ, даны въ моемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. IV, 1899 г., кн. 2, стр. 567 — 574). Какъ-бы то ни было, уже изъ этого обзора главныхъ моментовъ конца драмы по тремъ редакціямъ всякому непредубѣжденному критику ясно, что Зуевская выше остальныхъ въ драматическомъ отношеніи, хотя, по крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ двухъ, принадлежащая г-жѣ Богдановой, обнаруживаетъ нерѣдко въ своемъ авторѣ поэтическую изобрѣтательность, а Д. П. Зуевъ, судя по безспорнымъ его произведеніямъ, былъ одаренъ этой способностью въ слабой степени.

Отличается Зуевское продолженіе отъ двухъ другихъ также краткостью, и при томъ такъ рѣзко, что это замѣтилъ и г. Суворинъ; но онъ объясняетъ эту особенность Зуевской записи тѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, Дмитрій Павловичъ „былъ мастеръ на мистификаціи, и потому зналъ, что чѣмъ короче поддѣлка, тѣмъ менѣе въ ней прорѣхъ“. Въ чемъ иномъ проявилось его мастерство по этой части, если не считать довольно неопредѣленнаго указанія г. А. К. на его подправку сказки Чернышева, о томъ ни одинъ изъ отрицателей подлинности этой записи не говорилъ ни слова, а что̀ касается критиковъ, выступавшихъ въ „Новомъ Времени“, то признаніе Д. П. Зуева такимъ искуснымъ мистификаторомъ кажется особенно страннымъ на страницахъ этой газеты, гдѣ онъ ославленъ чуть не кретиномъ. Не менѣе удивительна и отличающая его продолженіе сдержанность въ измышленіяхъ и прикрасахъ, которая никакъ не согласуется съ его отмѣченной тамъ-же „стихоманіей“, и это противорѣчіе достойно

тѣмъ большаго вниманія, что похитители чужихъ сюжетовъ и подражатели, даже свободные отъ недостатковъ, приписываемыхъ „Новымъ Временемъ“ покойному Зуеву, обыкновенно склонны къ размазыванью своихъ образцовъ. Въ своемъ продолженіи „Русалки“, онъ, по словамъ г. Суворина, „собиралъ по зернышку“ — у кого? у Пушкина? нѣтъ: у Штукенберга и г-жи Богдановой! Далѣе идетъ перечень „зернышекъ“, похищенныхъ у этихъ будто-бы предшественниковъ. Этотъ списокъ слѣдуетъ прежде всего сократить, выкинувъ изъ него напр. указаніе на красоту дочери мельника и на ея самоутопленіе у Зуева и у г-жи Богдановой, какъ черты, которыя не зачѣмъ было воровать одному у другого, также упоминаніе того, что Русалка долго ждала князя, общее Зуеву со Штукенбергомъ, но и имъ обоимъ — съ Пушкинымъ, у котораго въ пятой сценѣ Русалка наказываетъ своей дочери:

скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ.

Недоказательна и общая этимъ обоимъ продолженіямъ задержка князя внѣ дома охотой, нѣсколько разъ упоминаемая и Пушкинымъ въ концѣ третьей сцены, гдѣ охотники воротились домой безъ князя, послѣ чего и въ четвертой онъ остается на берегу Днѣпра и является тамъже въ шестой. Но за всѣми такими вычетами останется все-таки не мало мѣстъ, несомнѣнно доказывающихъ связь между тремя продолженіями „Русалки“, не случайную и не ограничивающуюся повтореніемъ Пушкинскихъ мотивовъ и выраженій. Это приходится признать, только не слѣдуетъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, къ какому пришелъ г. Суворинъ, разсуждая такъ: между всѣми тремя продолженіями есть сходство, а Зуевское напечатано послѣ двухъ другихъ; слѣдовательно Зуевъ

обокралъ своихъ предшественниковъ. Но вѣдь печатать можно только написанное, а написанное можетъ долго и даже никогда не печататься; потому изъ факта болѣе поздняго появленія чего-либо въ печати никакъ не слѣдуетъ, что оно и написано позже того, что̀ напечатано раньше. А что Зуевская редакція продолженія „Русалки“ написана, по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ она была обнародована, видно между прочимъ даже изъ „Новаго Времени“ (№ 8593—сборникъ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“, стр. 225), гдѣ было помѣщено свидѣтельство г-на Н. У., что о ней шла рѣчь въ года его дѣтства, т. е. едва-ли позже 1866 г., когда появилось продолженіе Штукенберга. Послѣдній былъ не только современникомъ Д. П. Зуева, но также инженеромъ, какъ онъ, и потому легко могъ быть съ нимъ знакомъ и знать его продолженіе. Г. Суворинъ думаетъ, напротивъ, что Зуевъ зналъ продолженіе Штукенберга и даже воспользовался имъ и потому выступилъ со своею записью лишь въ Ноябрѣ 1887 г., выждавъ кончину Штукенберга, который умеръ въ Мартѣ того-же года. Однако и тогда онъ ограничился тѣмъ, что прочелъ свою рукопись въ обществѣ литераторовъ, а печатать ее еще не рѣшался — почему? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ въ „Новомъ Времени“ упомянутый выше г. Н. У., что Дмитрій Павловичъ ждалъ, пока умретъ его братъ Петръ Павловичъ, который зналъ объ его обманѣ, а умеръ онъ въ 1895 г. Если такъ, то какъ-же не побоялся Дмитрій Павловичъ огласить, по крайней мѣрѣ, фактъ обладанія этой подозрительной записью лѣтъ за восемь до смерти своего брата, который тогда-же могъ его изобличить? И такъ не только предположеніе г. Суворина противорѣчитъ показанію г-на Н. У., но и оба эти объясненія исключаютъ одно другое. Свидѣтельству г-на Н. У. — если оно есть на самомъ дѣлѣ свидѣтельство, а не такое-же предположеніе, какъ выска-

занное г. Суворинымъ — можно противопоставить свидѣтельство разносторонне образованнаго и всѣми уважаемаго лица, также инженера (назвать его я пока не уполномоченъ), что Дмитрій Павловичъ читалъ ему продолженіе „Русалки“ лѣтомъ 1883 или 1884 г. на дачѣ Петра Павловича въ Петергофѣ при хозяинѣ. Для выясненія истины г. Н. У., дальній свойственникъ Дмитрія Павловича, предлагаетъ опросъ родныхъ; конечно, это было-бы желательно, но могло-бы и не дать ожидаемыхъ результатовъ, потому что оставшіеся въ живыхъ родственники Дмитрія Павловича мало что̀ знаютъ точно объ его молодости, а при его „стихоманіи“, о которой говоритъ г. А. К., между ними, не смотря на все ихъ уваженіе къ душевнымъ качествамъ покойнаго, легко могло сложиться предубѣжденіе противъ его разсказовъ о записи, чѣмъ объясняются какъ слухи о томъ, что онъ „занятъ окончаніемъ Русалки“, такъ и его молчаніе въ ихъ кругу объ этомъ „занятіи“. Безусловно важно было-бы добыть его подлинную запись, которую онъ при мнѣ вынималъ изъ ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ (на Захарьевской), на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу, и по которой прочелъ мнѣ начало, не попавшее на первый разъ въ печать, потому что было извѣстно изъ общедоступнаго Пушкинскаго текста, и нѣсколько другихъ мѣстъ, казавшихся мнѣ сомнительными. Объ отличіи одного изъ этихъ мѣстъ по рукописи и по напечатанному П. И. Бартеневымъ тексту я упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 636 — 638), гдѣ отмѣчена и важность того обстоятельства, что запись начинается не съ отвѣта Русалочки на вопросъ князя:

Откуда ты, прелестное дитя?,

а со словъ князя:

Прошедшаго печальныя мечты

и т. д., составлявшія, очевидно, начало сцены въ рукописи, по которой читалъ Пушкинъ, когда его слушалъ Зуевъ, какъ разсказываетъ послѣдній, или — если кто не вѣритъ его разсказу, — которая какъ-то попала въ его руки. Но важнѣе всѣхъ этихъ предполагаемыхъ внѣшнихъ фактовъ факты внутренніе, извлекаемые изъ самаго произведенія посредствомъ разбора его содержанія, языка и строя стиховъ при постоянномъ сличеніи съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. Такому разбору подвергнута запись Д. П. Зуева въ моемъ изслѣдованіи, и выводы, къ которымъ я пришелъ въ немъ, еще ярче оттѣняются сравненіемъ этой записи съ двумя другими продолженіями „Русалки“, которыя г. Суворинъ считаетъ источникомъ продолженія, обнародованнаго Д. П. Зуевымъ. Однако прежде, чѣмъ привести свои настоящія заключенія, мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о возможной причинѣ сходства въ нѣкоторыхъ частностяхъ между продолженіями Д. П. Зуева и Е. А. Богдановой, хотя это сходство и слабо и нехарактеристично. Это объясненіе кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что касается отчасти и продолженія Штукенберга. Дѣло въ томъ, что г-жа Богданова, какъ и Штукенбергъ, писали свои продолженія, по видимому, не безъ вліянія со стороны либретто извѣстной оперы Даргомыжскаго на ту-же тему. Это вліяніе можно предположить напр. потому, что и у г-жи Богдановой и въ оперѣ Русалка мститъ не столько князю, сколько княгинѣ, мельникъ бросается на князя, князь отъ встрѣчи съ русалками теряетъ сознаніе своихъ поступковъ, драма кончается крикомъ охотниковъ о поданіи помощи князю (въ оперѣ параллельно съ возгласомъ русалокъ:

Ох. Тутъ недоброе случилось,
Надо князя отъискать!
Рус. Теперь отъ насъ онъ не уйдетъ!)

По всей вѣроятности, изъ оперы г-жа Богданова заимствовала и свою поэтическую форму. Общія черты Штукенбергова продолженія съ либретто: приведенное выше заимствованіе изъ „Евгенія Онѣгина“ (впрочемъ у либреттиста не дословно:

Не самъ ли безумецъ я счастье утратилъ!
А было такъ близко, возможно оно),

водяной столпъ въ соотвѣтствіе облаку, изъ-за котораго является теремъ русалокъ, смерть княгини отъ испуга (въ оперѣ княгиня, по крайней мѣрѣ, „падаетъ безъ чувствъ“), отсутствіе всякаго намека на смерть мельника. И такъ нѣкоторая зависимость обоихъ этихъ продолженій отъ либретто оперы во всякомъ случаѣ весьма вѣроятна, а въ соотвѣтствующемъ имъ „Финалѣ“, который почти всецѣло принадлежитъ либреттисту, встрѣчается много Пушкинскихъ выраженій. Со своей стороны Штукенбергъ и г-жа Богданова, умышленно или безсознательно, внесли въ свои продолженія кое-что Пушкинское. Присутствія Пушкинскаго элемента въ Зуевской записи не отрицаютъ и тѣ критики, которые считаютъ ее поддѣлкой. Эти-то Пушкинскія кое-что и нѣчто и сближаютъ взаимно всѣ три продолженія и оперный „Финалъ“. Однако и въ отношеніи къ либретто Зуевское продолженіе занимаетъ особое мѣсто: не смотря на нѣкоторое общее сходство съ текстомъ либретто, въ этомъ продолженіи нельзя найти никакихъ признаковъ даже косвеннаго вліянія оперы. Правда, мотивъ любви Русалки къ князю во время исполненія задуманной ею мести можетъ, пожалуй, показаться съ перваго взгляда общимъ Зуевской записи съ либретто; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: въ оперѣ Русалка, говоря словами Пушкина о своей мести князю, тутъ-же представляетъ эту месть лишь мѣрой къ тому, чтобы снова вступить въ обладаніе любимымъ человѣ-

комъ, а въ Зуевской записи она думаетъ только о мести до тѣхъ поръ, пока вновь не увидѣла его, что̀ гораздо болѣе согласно съ мыслью Пушкина, насколько можно ее угадать изъ конца пятой сцены.

И такъ вотъ тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи упомянутыхъ выше данныхъ, почерпнутыхъ мною изъ внимательнаго изученія Зуевской записи, изъ личнаго знакомства съ Дмитріемъ Павловичемъ и съ безспорными его произведеніями и изъ свидѣтельствъ и показаній знавшихъ его людей:

1) Свѣдѣнія о записи Д. П. Зуева восходятъ къ 50-ымъ, если не къ 40-ымъ годамъ.

2) Если онъ ждалъ чьей-либо смерти для сообщенія своей записи постороннимъ, то не смерти брата или Штукенберга, а, быть можетъ, кого-нибудь изъ Пушкинскаго кружка, послѣдовавшей не позже 1883 г.

3) Его продолженіе „Русалки“ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія (и чѣмъ Вельтмановское, не говоря уже объ оперѣ), хотя г-жа Богданова, по видимому, даровитѣе Д. П. Зуева.

4) Оно значительно короче прочихъ, что̀ не согласно ни съ обычаями подражателей вообще, ни съ манерою Дмитрія Павловича въ частности.

Ѳ. Коршъ.

А. С. Пушкинъ въ Казани.

I.

Пребываніе А. С. Пушкина въ Казани составляетъ кратковременный эпизодъ изъ его путешествія на востокъ Европейской Россіи осенью 1833 года. Прежде, чѣмъ перейти къ обрисовкѣ этого эпизода, мы позволимъ себѣ предпослать нѣсколько словъ объ указанномъ путешествіи нашего поэта вообще, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ путешествіе, о цѣляхъ и намѣреніяхъ, какія съ нимъ связывались.

Ѣхать побуждали поэта отчасти обстоятельства его личной жизни, отчасти интересы художественные и научные.

Вотъ что писалъ Пушкинъ своему закадычному другу, *П. В. Нащокину* отъ 23 февраля 1833 г.[1]):

«*Нѣтъ у меня досуга*, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ *уединенія*. Вотъ какъ располагаю я своимъ будущимъ лѣтомъ: послѣ родовъ жены[2]) отправляю ее въ калужскую деревню, къ се-

1) Письма Пушкина цитируются нами по первому Морозовскому изданію, т. VII, а отчасти по собранію Брюсова.

2) 6 іюля 1833 г. родился у него сынъ Александръ Александровичъ, крестнымъ отцомъ котораго былъ именно П. В. Нащокинъ. При отъѣздѣ Пушкина въ путешествіе жена его осталась въ Петербургѣ. Пушкинъ полагалъ тогда, что жена его опять беременна, какъ видно изъ его письма къ женѣ изъ села Языкова отъ 12 сентября (№ 353, стр. 325): „я радъ, что ты не брюхата“.

страмъ, а самъ съѣзжу въ *Нижній*, да можетъ быть, въ *Астрахань*. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе *нужно* мнѣ нравственно и физически". (Письмо № 339, стр. 314).

Кромѣ желанія прокатиться, освѣжиться и доставить себѣ досугъ для занятій, Пушкина привлекали на Востокъ и сюжеты тѣхъ произведеній, надъ которыми онъ тогда работалъ.

Въ началѣ 1833 года А. С. Пушкинъ еще имѣлъ намѣреніе писать біографію генералиссимуса князя *А. В. Суворова*, куда, въ качествѣ одной главы, должно было войти изображеніе его участія въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. 9 февраля Пушкинъ писалъ военному министру, графу *А. И. Чернышову*, прося доставить ему для занятій разные документы, въ томъ числѣ и „слѣдственное дѣло" о *Пугачевѣ* (стр. 312, письмо № 338). Просьба Пушкина была удовлетворена Чернышовымъ 25 февраля (*В. Брюсовъ*, Письма Пушкина и къ Пушкину, стр. 70, № 30)[1]). 5 марта (у Морозова, № 340, стр. 314) Пушкинъ приглашалъ себѣ въ сотрудники по архивнымъ историческимъ занятіямъ *М. П. Погодина*, а 8 числа того же мѣсяца (№ 341, стр. 315) еще разъ обращался къ Чернышову, прося къ полученнымъ уже о *Пугачевѣ* бумагамъ добавить еще донесенія и реляціи за 1776 г. 8 марта Чернышовъ (у Брюсова, стр. 71, № 31) опять доставилъ Пушкину кое-какія бумаги.

Какъ это часто бываетъ, отдѣльный эпизодъ первоначальнаго обширнаго замысла разросся въ особое цѣлое произведеніе, — и вмѣсто біографіи Суворова у Пушкина написалась „Исторія Пугачевскаго бунта".

Уже 8 мая *Н. В. Гоголь* съ восторгомъ сообщалъ въ

---

1) Доставлены были не всѣ документы, просимые Пушкинымъ; слѣдственное дѣло о Пугачевѣ Пушкинъ читалъ уже послѣ напечатанія своей „Исторіи Пугачевскаго бунта".

Москву М. П. Погодину (Письма, изд. В. И. Шенрокомъ, т. I, стр. 250, № 81): „Пушкинъ ужъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный романъ!“ Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Гоголь поспѣшилъ и упредилъ событія. Матеріалы къ написанію „Исторіи Пугачевскаго бунта“ были вполнѣ готовы у Пушкина только къ осени. Наряду съ научно-историческимъ изображеніемъ исторіи Пугачевщины, у Пушкина возникъ замыселъ нарисовать ту же эпоху и художественно — въ видѣ романа или повѣсти: то была „Капитанская дочка“ [1]), написанная позднѣе, а именно, между 1834 и 1836 годами.

Для болѣе подробнаго и точнаго изложенія событій Пугачевщины требовалось Пушкину самому осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ они происходили. Въ этомъ направленіи онъ началъ хлопотать, добиваясь себѣ отпуска въ Казань и Оренбургъ. Прошеніе о томъ, или письмо Пушкинъ представилъ Государю чрезъ шефа жандармовъ 22 іюля, а 29 іюля Управляющій III Отдѣленіемъ *А. Н. Мордвиновъ*, за отсутствіемъ самого шефа, графа *А. Х. Бенкендорфа*, уѣхавшаго въ свое знаменитое имѣніе *Фалль* [2]), увѣдомилъ Пушкина, что Государю угодно знать, что́ побуждаетъ его къ поѣздкѣ, и по какой причинѣ хочетъ онъ „*оставить* занятія, здѣсь на него возложенныя“.

На другой же день, 30 іюля Пушкинъ прислалъ съ

---

1) См. Николай Лернеръ, „Труды и дни“, стр. 108. *П. О. Морозовъ* (т. VII изданія сочиненій Пушкина, стр. XII, хронологическій списокъ произведеній) указываетъ, что „Капитанская дочка“ окончена въ августѣ 1833-го года, а въ т. V, стр. 274, полагаетъ, что эта повѣсть была написана одновременно съ „Исторіею Пугачевскаго бунта“, какъ результатъ занятій Пушкина по составленію этой исторіи.

2) Видъ этого имѣнія, по картинѣ *Фрикке*, былъ помѣщенъ въ альманахѣ жандармскаго офицера *Владиславлева* „Утренняя Заря“ за 1843 г.

дачи на Черной рѣчкѣ отвѣтъ[1]). Любопытно, что въ этомъ отвѣтѣ А. Н. Мордвинову Пушкинъ мотивируетъ свою просьбу объ отпускѣ чисто матеріальными соображеніями. По его словамъ, онъ желалъ бы провести два мѣсяца въ совершенномъ *уединеніи*, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно имъ начатую, которая ему *доставитъ деньги*. „Мнѣ самому *совѣстно*“, признается поэтъ, „тратить время на *суетныя* занятія (NB поэзіею!) — но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль *болѣе важную и полезную*“. Въ деревнѣ онъ хочетъ дописать *романъ*, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани; вотъ почему ему бы хотѣлось посѣтить обѣ сіи губерніи (у Брюсова, № VII, стр. 21).

На это письмо, писанное „со всею искренностью“, Мордвиновъ, по порученію Бенкендорфа, 7 августа сообщилъ поэту, что Государь дозволяетъ ему ѣхать на четыре мѣсяца въ Оренбургъ и Казань. 11 августа поэтъ подалъ формальное прошеніе, а 12-го ему уже былъ разрѣшенъ отпускъ дѣйствительно на четыре мѣсяца, и поэтъ могъ ѣхать туда, куда его влекли историческіе и художественные интересы.

18 августа Пушкинъ началъ свое путешествіе, изъ котораго возвратился въ Петербургъ на цѣлый мѣсяцъ ранѣе срока истеченія отпуска, т. е. не черезъ четыре, а черезъ три мѣсяца, не въ декабрѣ, а въ ноябрѣ того же года.

По дорогѣ въ Москву Пушкинъ заѣзжалъ еще въ сторону, гостилъ у знакомыхъ и былъ, между прочимъ, въ

---

1) У Морозова (цитированное изданіе, т. VII, № 344, стр. 316) это письмо ошибочно отнесено, какъ адресованное къ самому Бенкендорфу, котораго уже не было въ городѣ. Та же ошибка повторена и у *А. С Архангельскаю*, „Пушкинъ въ Казани“, стр. 1.

имѣніи родныхъ своей жены, Гончаровыхъ, въ *Яропольцѣ*[1]). Въ Москву онъ прибылъ только 25 августа и остановился въ домѣ Гончаровыхъ же, на Никитской. Здѣсь онъ оставался до 29 августа, когда выѣхалъ въ Нижній, куда онъ прибылъ 2 сентября. Изъ Нижняго поэтъ поѣхалъ въ Казань, куда онъ разсчитывалъ (въ Москвѣ) прибыть еще около третьяго[2]).

II.

Въ Казани Пушкинъ пробылъ всего около трехъ сутокъ. Но возстановить полную картину пребыванія поэта въ этомъ городѣ, какъ мы убѣдимся ниже, весьма затруднительно; это связано съ нѣкоторыми вопросами, не поддающимися окончательному рѣшенію.

Прежде всего дадимъ отчетъ о тѣхъ первоисточникахъ, какими мы располагаемъ по вопросу о пребываніи Пушкина въ Казани.

Оффиціальный органъ, издававшійся тогда при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, „Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику“ о проѣздѣ Пушкина хранитъ полное молчаніе.

Главнымъ и надежнѣйшимъ источникомъ является воспоминаніе о Пушкинѣ мѣстной Казанской поэтессы Александры Андреевны *Фуксъ*.

---

1) Ярополчь, Ераполецъ, или Казанское—большое село на рѣкѣ Ламѣ, въ 115 в. отъ Москвы по дорогѣ въ Зубцовъ, принадлежало графу Захару Григорьевичу *Чернышову*, славилось садами и великолѣпными постройками; Екатерина II не разъ посѣщала Чернышова въ его имѣніи. Ярополчь былъ воспѣтъ Василіемъ Ивановичемъ *Майковымъ* (см. его „Сочиненія и переводы“, изд. 1867 г., стр. 516—519 и прим. на стр. 554) въ одѣ:

Градского шуму удаляся,
Пріемлю лиру я мою:
Во Ярополчѣ веселяся,
Пріятность онаго пою....

и т. д.

2) № 347, отъ 26 августа, стр. 320.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться подробно на этой замѣчательной провинціальной дѣятельницѣ — потому, что нами написана о ней отдѣльная монографія, помѣщенная въ „Русской Старинѣ“ за истекшій 1904 годъ, въ іюньской и іюльской книжкахъ. Къ сожалѣнію, ея воспоминаніе о Пушкинѣ касается только одного дня, а именно 7 сентября.

Воспоминаніе г-жи Фуксъ представляетъ собою собственно письмо къ ея подругѣ, Еленѣ Николаевнѣ *Мандрыкиной*[1]), желавшей по поводу смерти Пушкина узнать подробности о личномъ знакомствѣ своей подруги съ великимъ поэтомъ. Это письмо г-жи Фуксъ къ Мандрыкиной вмѣстѣ съ подлинными письмами поэта къ г-жѣ Фуксъ было прочтено на одной изъ литературныхъ бесѣдъ (1 декабря 1843 года) въ домѣ г-жи Фуксъ, какія она устраивала въ Казани по зимамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; тогда же это сообщеніе было напечатано въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (за 1844 г., № 2).

Въ своемъ воспоминаніи поэтесса очень подробно и съ любовью *записала всѣ детали* знакомства съ поэтомъ 7 сентября 1833 г., когда она съ мужемъ принимала Пушкина въ своемъ домѣ; въ статьѣ приведены всѣ разговоры, какіе были съ нимъ тогда ведены. Но первая половина казанскаго пребыванія Пушкина, т. е. 6 сентября, въ воспоминаніи Фуксъ совершенно отсутствуетъ.

Кое въ чемъ дополняются свѣдѣнія г-жи Фуксъ тѣми письмами, какія поэтъ писалъ ей и своей женѣ. И тѣ, и другія вошли въ изданіе *П. О. Морозова*. Особенное значеніе имѣютъ теперь для насъ письма Пушкина къ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 351, стр. 323), отъ 12 сен-

---

1) Эта младшая и незамужняя дочь Казанскаго начальника внутренней стражи, генерала Н. Я. Мандрыки, впослѣдствіи поступила въ Богородицкій монастырь въ Свіяжскѣ, гдѣ постриглась подъ именемъ Есеири и скончалась монахинею.

тября изъ с. Языкова[1]), въ 65 верстахъ отъ Симбирска (№ 353, стр. 324—325) и перепечатанное изъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ письмо къ А. А. Фуксъ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 352, стр. 324).

Наконецъ, къ пребыванію А. С. Пушкина въ Казани относится еще особое оффиціальное дѣло, не содержащее, впрочемъ, никакихъ цѣнныхъ указаній. О немъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Оно напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., въ январьской книжкѣ, т. 33, стр. 223—226.

На основаніи этихъ первоисточниковъ писались различныя справки и юбилейныя поминки. Такъ, къ столѣтней годовщинѣ рожденія нашего поэта казанскій профессоръ исторіи права (при Университетѣ) *Н. П. Загоскинъ* помѣстилъ о пребываніи Пушкина въ Казани статью въ майскомъ *(юбилейномъ)* нумерѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ.

Статья проф. Загоскина представляетъ собою, въ существенномъ, пересказъ воспоминанія г-жи Фуксъ съ нѣкоторыми собственными указаніями, не всегда, впрочемъ, надежными.

Къ тому же юбилею издалъ особую брошюру профессоръ русской литературы при томъ же Университетѣ *А. С. Архангельскій* подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ въ Казани (5—8 сентября 1833 года). Нѣсколько замѣтокъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани съ присоединеніемъ относящихся къ этому литературныхъ матеріаловъ“[2]) въ 8-ую долю.

Уже самое заглавіе брошюры показываетъ, что это есть нѣчто случайное, сборное, mixtum compositum, на-

1) А. С. Архангельскій (op. cit., стр. 3) ошибочно считаетъ это письмо писаннымъ изъ *Симбирска*, тогда какъ изъ Симбирска писано письмо женѣ 14 сентября (№ 354, стр. 325).

2) Эту брошюру нужно отличать отъ другой брошюрки того же автора, изданной въ Казани же и тогда же: „А. С. Пушкинъ, какъ писатель народный“ (въ 12-ую долю листа).

скоро написанное. Въ брошюрѣ 67 стр., но текста всего 27 стр.; остальныя 40 стр. заняты разнообразными „приложеніями“. Нѣкоторыя изъ этихъ приложеній цѣнны; напр., перепечатано воспоминаніе г-жи Фуксъ. Но есть и вещи, рѣшительно неимѣющія никакого отношенія къ проѣзду Пушкина черезъ Казань: напр., 10 стр. заняты перепечаткою баллады Г. П. Каменева „Громвалъ“ [1]). Каменевъ приходился г-жѣ Фуксъ дядею, и Пушкинъ, при свиданіи съ племянницею, хвалилъ ей стихи покойнаго ея дяди, но спеціально о „Громвалѣ“ ничего не говорилъ. И вдобавокъ перепечатанъ „Громвалъ“ съ небрежностію, никакъ непростительною для ученаго спеціалиста по русской словесности: на стр. 60 и 61 четырнадцать строфъ (56 стиховъ) совершенно перемѣшаны между собою, такъ что въ результатѣ получается полнѣйшая безсмыслица, которую читатель-неспеціалистъ, пожалуй, припишетъ еще ни въ чемъ неповинному Каменеву, тогда какъ она всецѣло внесена отъ себя г. профессоромъ Архангельскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что для перепечатки взятъ *не подлинный*, первый текстъ самого Каменева изъ „Періодическаго изданія“ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, 1804 г., а текстъ, значительно передѣланный *В. А. Жуковскимъ* для его „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій“. О передѣлкѣ каменевскаго текста г. Архангельскій, преимущественно работавшій по русской словесности надъ „твореніями святыхъ отцовъ“, пожалуй, могъ и не знать.

Въ „приложеніяхъ“ еще разъ приведены письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, уже перепечатанныя въ Морозовскомъ изданіи. Но, перепечатавъ письма Пушкина къ Фуксъ, проф. Архангельскій почему то не перепечаталъ

---

1) Объ этомъ поэтѣ см. нашъ трудъ „Къ біографіи Гавріила Петровича Каменева“ .Варшава. 1905.

двухъ сохранившихся отвѣтныхъ писемъ г-жи Фуксъ къ Пушкину, вошедшихъ въ Бартеневское изданіе „Бумаги А. С. Пушкина“, М. 1881, вып. I, стр. 21—22, отъ 20 января 1834 г. и отъ 24 мая 1836 г., и даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этихъ письмахъ такъ, какъ будто о существованіи ихъ онъ совершенно не подозрѣваетъ.

Обратимся къ тексту брошюры. А. С. Архангельскій никогда не занимался казанскою исторіею и казанскими древностями. Поэтому онъ обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному мѣстному знатоку казанской исторіи, Николаю Яковлевичу *Агафонову*, который предоставилъ въ распоряженіе профессора свой громадный архивъ, обширную библіотеку Casanensia и даже свои ненапечатанныя сочиненія (см. стр. 11). Въ большинствѣ случаевъ заимствованное у Н. Я. Агафонова или почерпнутое по его указанію изъ рѣдкихъ печатныхъ источниковъ того времени цѣнно; таковы свѣдѣнія о г-жѣ Фуксъ, объ Э. П. Перцовѣ, о состояніи тогдашней Казани (по „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ и книгамъ тѣхъ годовъ). Собственныя библіографическія указанія проф. Архангельскаго, какъ мы уже видѣли выше, не всегда точны. Выводы его (напр., о мѣстѣ остановки Пушкина въ Казани) часто невѣрны.

Наконецъ, по одному частному вопросу (а именно, гдѣ въ Казани останавливался Пушкинъ) высказался уже въ печати пишущій эти строки (см. субботнее приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ отъ 8 ноября 1903 г., № 9943, стр. 7—8). Разобравъ какъ мѣстное казанское преданіе, поддерживаемое проф. Н. П. Загоскинымъ, такъ и аргументы проф. А. С. Архангельскаго, и доказавъ несостоятельность всѣхъ этихъ мнѣній, мы привели отысканное нами свидѣтельство самого Пушкина и представили новую формулировку интересующаго насъ вопроса, о которой скажемъ и здѣсь нѣсколько словъ ниже.

III.

Первымъ вопросомъ изслѣдователя, приступающаго къ описанію пребыванія Пушкина въ Казани, является опредѣленіе момента времени, *когда* онъ прибылъ въ этотъ городъ.

Самъ поэтъ писалъ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября: „Я здѣсь съ *пятаго* и до сихъ поръ не имѣлъ время (sic) тебѣ написать слова“ (т. VII, стр. 323, № 351).

А. А. Фуксъ въ своемъ воспоминаніи сообщаетъ, что о пріѣздѣ Пушкина въ Казань она узнала отъ Е. А. Боратынскаго, пріѣхавшаго къ ней съ прощальнымъ визитомъ *шестого*. Далѣе, разсказывая, что ея мужъ познакомился съ Пушкинымъ *седьмого* утромъ, А. А. прибавляетъ, что Пушкинъ останавливался въ Казани на *одни сутки*. Изъ этого сопоставленія выходитъ какъ будто, что поэтъ прибылъ въ Казань не пятаго, а *шестого*, и притомъ утромъ, ибо объ его пріѣздѣ А. А. узнала уже въ визитное время, т. е. послѣ полудня.

Наконецъ, по полицейскимъ свѣдѣніямъ въ вышеуказанномъ „дѣлѣ“, поэтъ прибылъ въ Казань тоже шестого, а не пятаго сентября.

Такимъ образомъ, получается противорѣчіе: съ одной стороны, показаніе самого поэта полагаетъ днемъ его пріѣзда въ Казань пятое число; съ другой стороны, А. А. Фуксъ и полиція свидѣтельствуютъ о прибытіи его въ Казань не пятаго, а шестого сентября.

Какъ примирить эти показанія между собою, или которое изъ нихъ положительно вѣрно, а которое неправильно?

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи поэта. Вдобавокъ, А. А. Фуксъ познакомилась вѣдь съ Пушкинымъ только наканунѣ его отъѣзда, т. е. седьмого вечеромъ, а при пріѣздѣ его не присутствовала

и судила со словъ Е. А. Боратынскаго, который могъ и не сказать ей точно, когда именно пріѣхалъ Пушкинъ, ограничившись лишь простымъ указаніемъ на самый фактъ пріѣзда; или же А. А. могла не понять Евгенія Абрамовича, а быть можетъ и не доспросила его прямо о моментѣ пріѣзда дорогого гостя.

Что касается свѣдѣній полиціи, то они оказываются весьма запоздалыми, ибо они помѣщены въ бумагѣ отъ 30 октября, т. е. болѣе, чѣмъ черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ отъѣзда поэта изъ Казани.

Повидимому, примирить разногласящія показанія всего лучше такъ.

Въ письмѣ къ женѣ еще изъ Нижняго отъ 2 сентября (№ 350, стр. 323) поэтъ сообщаетъ, что онъ былъ у губернатора, генерала *Бутурлина;* онъ и жена его приняли Пушкина „очень мило и ласково"; поэта уговаривали обѣдать „завтра" (т. е. 3 сентября) у нихъ. Такимъ образомъ, изъ Нижняго поэтъ могъ выѣхать самое раннее — послѣ губернаторскаго обѣда, 3 сентября, вечеромъ. Разстояніе между Казанью и Нижнимъ (550 верстъ) при безостановочной, быстрой ѣздѣ на перекладныхъ, безъ остановокъ и ожиданія лошадей, на бойкихъ коняхъ, при хорошемъ состояніи пути и благопріятной погодѣ[1]), поэтъ дѣйствительно могъ проѣхать въ двое съ лишкомъ сутокъ[2]), а значитъ, и могъ прибыть въ Казань именно

1) Въ другомъ письмѣ къ женѣ изъ Нижняго отъ того же 2 сентября (№ 349, стр. 321) поэтъ восклицаетъ: „Что у насъ за *погода!* дни жаркіе, съ утра маленькіе *морозы:* роскошь! такъ ли у васъ?" Хорошая дорога была и далѣе. „Надобно тебѣ знать", пишетъ Пушкинъ женѣ уже изъ Болдина 2 октября (№ 356, стр. 327), „что нынѣшній годъ была всеобщая *засуха*, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу".

2) Однако, изъ Москвы въ Нижній (разстояніе 410 в.) поэтъ „дотащился" только на *пятыя* сутки, хотя дорога была „хороша"; но это потому, что на станціяхъ, особенно подъ Москвою смотрители не давали лошадей, несмотря на бумагу, взятую Пушкинымъ отъ самого московскаго почтъ-директора *Булгакова* (№№ 349 и 350, стр. 321 — 323).

пятаго очень поздно вечеромъ или уже въ ночь на шестое, почему казанцы могли отнести его пріѣздъ уже къ слѣдующему дню, къ шестому числу. Наконецъ, нельзя не признать возможнымъ и того, что, прибывши въ Казань въ ночь съ пятаго на шестое, поэтъ допустилъ обычную въ такихъ случаяхъ неточность обозначенія: еще не ложившись спать, считалъ день незаконченнымъ, т. е. все еще пятымъ сентября, тогда какъ астрономически послѣ 12 часовъ ночи уже началось шестое число.

IV.

Разсмотрѣвъ вопросъ о времени пріѣзда поэта въ Казань, обратимся теперь ко второму вопросу, еще болѣе трудному, а именно, къ вопросу о мѣстѣ жительства А. С. Пушкина во время пребыванія его въ Казани.

Въ виду того, что этому вопросу была уже посвящена нами особая спеціальная статья, выше нами указанная, мы можемъ ограничиться здѣсь лишь приведеніемъ ея существеннаго содержанія и выводовъ.

Въ самой Казани на этотъ счетъ существовало преданіе, будто бы А. С. Пушкинъ останавливался у своего пріятеля (по Петербургу) Эраста Петровича *Перцова* въ его и его братьевъ домѣ, на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улицъ. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ бакалейному торговцу, купцу *А. В. Афанасьеву*[1]), содержащему въ немъ одну изъ своихъ лавокъ.

Казанцы были такъ твердо убѣждены въ вѣрности этого преданія, что даже собирались въ 1887 и въ 1899 годахъ отъ лица Думы прикрѣпить къ дому мраморную доску съ соотвѣтствующею надписью, а кромѣ того, про-

1) Видъ дома былъ приложенъ къ моей статьѣ.

легающую мимо дома Рыбнорядскую улицу намѣревались переименовать въ Пушкинскую.

Противъ этого преданія и основанныхъ на немъ предположеній неоднократно выступали, какъ прежній владѣлецъ дома, братъ Эраста Петровича, Петръ Петровичъ, такъ и сынъ послѣдняго, племянникъ пушкинскаго пріятеля, не только устно и письменно, но и въ печати[1]).

Ученымъ защитникомъ мѣстной легенды о перцовскомъ домѣ выступилъ проф. Н. П. Загоскинъ; противъ легенды высказался проф. А. С. Архангельскій.

Подробному анализу какъ самаго преданія, такъ и аргументовъ (въ его пользу) — Н. П. Загоскина и выводовъ А. С. Архангельскаго была посвящена моя статья. Вопросъ приходится теперь ставить совсѣмъ иначе, благодаря указанному мною обстоятельству, неизвѣстному для писавшихъ прежде. Изъ Казани 8 сентября 1833 г. Пушкинъ выѣхалъ и 9 сентября былъ уже въ Симбирскѣ. Здѣсь у губернатора Пушкинъ видѣлся съ однимъ старымъ поволжскимъ литераторомъ, отставнымъ чиновникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ *Второвымъ*, который объ этомъ своемъ свиданіи съ знаменитымъ поэтомъ сообщилъ письмомъ сыну, Николаю Ивановичу Второву, въ это время жившему въ Казани. Въ монографіи *М. Ѳ. Де-Пуле* объ И. А. Второвѣ „Отецъ и сынъ“ („Русскій Вѣстникъ“, т. 118, за 1875 г., августъ, стр. 610) приведенъ изъ этого письма отрывокъ, одна фраза котораго имѣетъ въ данномъ случаѣ особенную важность: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что былъ въ Казани у Фукса и *стоялъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ*“ [2]).

Теперь трудность вопроса состоитъ уже въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ же „стоялъ“ Боратынскій въ это

---

1) Въ мѣстномъ органѣ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 г.

2) А проф. Архангельскій все старался доказать, что Пушкинъ жилъ „во всякомъ случаѣ“ *не* у Боратынскаго (стр. 18 — 19).

время, и гдѣ онъ обыкновенно останавливался, когда живалъ въ Казани.

Старшій сынъ извѣстнаго поэта, донынѣ еще здравствующій, Левъ Евгеніевичъ Боратынскій любезно объяснилъ намъ, что его отецъ, бывая въ Казани, неподалеку отъ которой было расположено имѣніе его тестя, Льва Николаевича *Энгельгардта*, останавливался въ домѣ тестя; этотъ домъ стоялъ гдѣ-то на Грузинской улицѣ и теперь болѣе не существуетъ.

Наши собственныя попытки и поиски въ городскомъ архивѣ, по нашей просьбѣ любезно произведенные городскимъ архиваріусомъ и библіотекаремъ городской публичной библіотеки *А. І. Войцѣховскимъ*, не дали никакихъ результатовъ, — и опредѣлить мѣстоположеніе дома Энгельгардта на Грузинской улицѣ намъ не удалось.

Итакъ, намъ одно только извѣстно положительно вѣрно, что Пушкинъ въ Казани жилъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ, но было ли то въ домѣ Энгельгардта, или въ какомъ другомъ домѣ, или, наконецъ, въ какой-нибудь гостинницѣ, мы не знаемъ. Выраженіе Второва и Пушкина „стоялъ“ можетъ относиться и къ гостинницѣ. Если Боратынскій на этотъ разъ самъ останавливался въ домѣ Энгельгардта, то Пушкинъ, зная мѣсто его остановки, могъ проѣхать туда прямо съ дороги. Но вполнѣ возможно и такое предположеніе, что Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Казань, сначала остановился въ гостинницѣ, какъ останавливался, повидимому, въ гостинницахъ и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ, а потомъ уже, на другой день, т. е. шестого поутру, какъ-либо узнавъ, что Боратынскій въ Казани, перебрался на житье къ нему, Боратынскій же, дѣлая послѣ этого въ тотъ самый день прощальный визитъ А. А. Фуксъ, сообщилъ ей о пріѣздѣ Пушкина; вотъ почему, можетъ быть, пріѣздъ Пушкина и начали считать съ шестого, т. е. со дня его переселенія къ Боратынскому.

Возможно, наконецъ, что Пушкинъ и случайно остановился въ той же гостинницѣ, гдѣ уже стоялъ Боратынскій.

Замѣтимъ, что Пушкинъ врядъ-ли могъ разсчитывать застать Боратынскаго въ Казани. Еще въ письмѣ къ Ивану Васильевичу *Кирѣевскому* отъ 4 августа 1833 г. (Татевскій Сборникъ *С. А. Рачинскаго*, 1899, № 40, стр. 49) Е. А. Боратынскій даетъ ему свой адресъ такъ: „Тамбовской губерніи въ *Кирсановѣ*“; слѣдовательно, онъ разсчитывалъ пробыть въ материномъ имѣніи *Вяжлѣ*, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли. При медленности тогдашней почты онъ едва-ли получилъ бы отвѣтъ отъ И. В. Кирѣевскаго изъ Москвы ранѣе. Отъ 15 октября 1833 г. (тамъ же, № 41, стр. 51) онъ сообщаетъ Кирѣевскому, повидимому, изъ того же тамбовскаго имѣнія: „у насъ совершенный голодъ“. Въ промежутокъ между этими двумя письмами Е. А. Боратынскій успѣлъ *побывать* въ Казани и тамъ повидался съ Пушкинымъ [1]). Поѣздка Боратынскаго въ Казань, кажется, произошла въ концѣ августа мѣсяца и носила, надо полагать, для самого Боратынскаго характеръ непредвидѣнной, спѣшной, неотложной и дѣловой.

Мы не можемъ опредѣлить, когда Е. А. Боратынскій прибылъ въ Казань, гдѣ онъ тутъ жилъ, и долго ли тамъ пробылъ. Несомнѣнно, онъ прибылъ ранѣе Пушкина, ибо къ его пріѣзду онъ уже собирался уѣзжать и, сообщая г-жѣ Фуксъ о появленіи Пушкина въ Казани, дѣлалъ ей визитъ pour prendre congé. Притомъ, этотъ отъѣздъ его былъ обратно въ Вяжлю, ибо, если бы онъ уѣзжалъ только въ имѣніе тестя, въ Каймары, за 20 верстъ отъ Казани,

---

1) Поэтому совершенно ложно мнѣніе проф. *Архангельскаго* (стр. 12): „Боратынскій *около этого времени* (?) и жилъ въ Казани: здѣсь жилъ его тесть и ближайшіе родные.“ Именно „около этого времени“ они и не жили ни въ Казани, ни въ Каймарахъ, а Е. А. былъ въ Казани наѣздомъ.

то А. А. Фуксъ не имѣла бы повода „грустить“ объ этой разлукѣ. Съ Боратынскимъ и съ его тестемъ, Л. Н. Энгельгардтомъ А. А. Фуксъ (см. нашу монографію объ ней, стр. 509) видѣлась въ Москвѣ въ январѣ того же 1833-го года; какъ видно изъ ея писемъ къ мужу, она не одинъ разъ была въ Москвѣ въ домѣ Боратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ.

Какъ мы увидимъ ниже, Е. А. Боратынскій, простившись шестого съ А. А. Фуксъ окончательно, не уѣхалъ седьмого утромъ прямо въ Вяжлю, но воспользовался еще этимъ днемъ, чтобы предварительно съѣздить въ Каймары и восьмого утромъ рано былъ въ Казани на проводахъ Пушкина.

Пріѣздъ Пушкина обрадовалъ Е. А. Боратынскаго. Къ г-жѣ Фуксъ онъ „вошелъ въ комнату съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже *«досадно»*, и она „приготовилась было сдѣлать ему упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ“. Эта, еще не успѣвшая остыть радость указываетъ, что Боратынскій свидѣлся съ Пушкинымъ не наканунѣ, а только-что, т. е. не пятаго вечеромъ, а шестого утромъ.

V.

Допуская, что Пушкинъ прибылъ въ Казань пятаго сентября поздно вечеромъ или же въ ночь съ пятаго на шестое, надобно предположить, что послѣ отдыха съ дороги Пушкинъ первую половину дня шестого сентября употребилъ на то, чтобы розыскать Боратынскаго (если онъ не въѣхалъ къ нему прямо) и на то, чтобы сдѣлать нѣкоторые оффиціальные визиты, напр., губернатору, каковымъ тогда (съ 1832 по 1841 г.) былъ въ Казани

генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ *Стрекаловъ*[1]).

Помощь губернаторовъ была для Пушкина необходимою въ видахъ большей успѣшности при достиженіи его цѣлей—осмотра замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, игравшихъ ту или другую роль во время Пугачевщины. И въ другихъ городахъ Пушкинъ посѣщалъ губернаторовъ: такъ, въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, онъ даже отобѣдалъ у губернатора Бутурлина; и въ Симбирскѣ (см. его письмо къ женѣ, № 353, стр. 325, отъ 12 сентября изъ села Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска) онъ разсчитывалъ: „сегодня ѣду въ Симбирскъ, *отобѣдаю у губернатора,* а вечеромъ отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя (sic) цѣль моего путешествія". Пришлось ли ему пообѣдать у казанскаго губернатора С. С. Стрекалова, мы не знаемъ. Если губернаторъ его приглашалъ къ обѣду[2]), то этотъ обѣдъ могъ имѣть мѣсто только шестого сентября, потому что седьмого Пушкинъ обѣдалъ у Э. П. Перцова.

---

1) Губернаторъ этотъ оставилъ по себѣ добрую память въ Казани, какъ человѣкъ гостепріимный и общительный; по отношенію къ самому городу ознаменовалось его губернаторство усиленнымъ мощеніемъ улицъ. Въ то время на самыхъ бойкихъ улицахъ, какъ, напр., на Большой Проломной, бывала такая грязь, особенно по осени, что, случалось, не могли вытащить изъ нея увязнувшихъ тарантасовъ и оставляли ихъ *зимовать* посреди улицы!

2) По своему гостепріимству Стрекаловъ легко могъ пригласить Пушкина. Если онъ этого не сдѣлалъ, то развѣ по соображеніямъ политическаго характера. Стрекаловъ былъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, когда въ 1829 г. тамъ проѣзжалъ Пушкинъ, состоявшій подъ полицейскимъ надзоромъ, о чемъ, какъ увидимъ ниже, у губернатора тогда была и переписка. Хотя въ Казани въ то время еще *не знали* (см. ниже), что надзоръ продолжается, но по старой памяти Пушкинъ могъ казаться Стрекалову человѣкомъ опаснымъ. Вѣроятно, приглашенія Пушкину не было; по крайней мѣрѣ, поэтъ ничего не упоминаетъ объ этомъ обѣдѣ въ письмахъ къ женѣ, тогда какъ обѣды у другихъ губернаторовъ отмѣчались имъ.

Что дѣлалъ Пушкинъ шестого сентября вечеромъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, онъ провелъ его въ обществѣ своего стараго друга, Е. А. Боратынскаго.

VI.

Утромъ седьмого сентября Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ, мужъ писательницы, пріѣхалъ провожать Боратынскаго; вѣроятно, онъ думалъ, что Боратынскій уѣзжаетъ совсѣмъ; но Боратынскій ѣхалъ еще только въ подгородное имѣніе Каймары. На проводахъ Евгенія Абрамовича былъ, разумѣется, и жившій съ нимъ Пушкинъ. Еще наканунѣ, шестого, Боратынскій предупредилъ Александру Андреевну о желаніи Пушкина видѣть обоихъ супруговъ, при чемъ „такая неожиданная и радостная вѣсть“ заставила г-жу Фуксъ „проститься съ Боратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало прежде“. Здѣсь, въ этомъ домѣ, откуда уѣзжалъ Боратынскій, К. Ѳ. Фуксъ впервые увидѣлъ геніальнаго поэта и познакомился съ нимъ. По свидѣтельству г-жи Фуксъ, судившей со словъ своего мужа, К. Ѳ. Фуксъ и А. С. Пушкинъ чрезъ полчаса уже чувствовали себя такъ хорошо знакомыми, какъ бы они уже давно жили вмѣстѣ.

Знакомство съ Фуксомъ было для Пушкина очень важно. Фуксъ, хотя по происхожденію и былъ заграничный нѣмецъ, считался въ то время уже казанскимъ старожиломъ, былъ, при томъ, чуть ли не единственный въ то время знатокъ края, глубоко и всесторонне изучившій его исторію, этнографію и статистику и, въ добавокъ къ тому, какъ медикъ съ огромною практикой, зналъ въ Казани всѣхъ и все, не исключая татаръ и старообрядцевъ. И собственными знаніями, и черезъ своихъ знакомыхъ онъ могъ быть въ высшей степени полезенъ Пуш-

кину въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ о Пугачевщинѣ. Къ Фуксу направляли всѣхъ проѣзжихъ путешественниковъ, изучавшихъ край въ томъ или другомъ отношеніи; у Фукса были за свѣдѣніями и справками проѣзжавшіе чрезъ Казань баронъ Александръ фонъ *Гумбольдтъ*[1]), баронъ Августъ *Гакстгаузенъ*, французъ-оріенталистъ *Лябатъ*, министръ *П. Д. Киселевъ*, *М. М. Сперанскій*. Послѣдній такъ отозвался о Фуксѣ: „Фуксъ — *чудо!*..... Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Большое его вліяніе на татаръ по медицинѣ“ [2]).

Въ Казанскомъ университетѣ К. Ѳ. Фуксъ служилъ съ 1805 г., сначала въ качествѣ профессора естественной исторіи и ботаники, а съ 1818 г.—профессора терапіи, патологіи и клиники. Фуксъ имѣлъ большое вліяніе на студентовъ[3]). И начальство цѣнило Фукса: неоднократно онъ былъ ректоромъ университета. Послѣдніе годы его службы были омрачены различными непріятностями, возникшими вслѣдствіе слабости его характера передъ попечителемъ *М. Л. Магницкимъ*[4]), при которомъ Фуксъ былъ ректоромъ. Паденіе Магницкаго запутало служеб-

---

1) О пребываніи Гумбольдта въ Казани см. мою спеціальную статью въ сборникѣ „Поволжье“, 1908 года.

2) У *Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 190. Сперанскій былъ въ Казани проѣздомъ въ Сибирь, 10 — 13 мая 1819 г. Ранѣе того, 18 сентября 1812 г. его провезли черезъ Казань въ ссылку въ Пермь.

3) См., напр., въ воспоминаніяхъ *С. Т. Аксакова*.

4) Фуксъ сильно запачкалъ себя угодничествомъ Магницкому: для него онъ и сочинялъ „Инструкціи“ преподавателямъ (въ 1822 г.), и предлагалъ Аракчеева въ почетные члены Университета (въ 1824 г.), и предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ по скандальному дѣлу объ изгнаніи профессора *Жобара;* при этомъ сбылъ Университету въ 1825 г. за 12 тысячъ рублей свое собраніе восточныхъ монетъ и прикрывалъ казнокрадство Магницкаго. По удаленіи послѣдняго, Фуксу въ присутствіи Совѣта былъ объявленъ (вмѣстѣ съ Правленіемъ) выговоръ министра за самовольныя и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ Магницкимъ.

ныя дѣла Фукса. Незадолго до пріѣзда Пушкина въ Казань, Фуксъ, только-что (6 мая 1833 г.) получившій званіе заслуженнаго ординарнаго профессора, уже 1 іюля того же 1833 года вышелъ въ чистую отставку изъ университетской службы, оскорбленный тѣми условіями, на которыхъ ему предложено было продолжать служить, чего онъ еще хотѣлъ[1]). Не покидая науки и медицинской практики, К. Ѳ. скончался въ Казани 24 апрѣля 1846 г., въ возрастѣ 69 лѣтъ[2]).

Къ пріѣзду Пушкина К. Ѳ. уже два мѣсяца не былъ профессоромъ и не принадлежалъ болѣе университету.

Александра Андреевна Фуксъ сама втайнѣ сознавала, что, вѣроятно, Пушкинъ хотѣлъ собственно познакомиться съ ея мужемъ, а не съ нею[3]). Разумѣется, при состоявшемся знакомствѣ съ мужемъ, Пушкинъ долженъ былъ представиться и его женѣ. Но дѣло обошлось безъ визита: Пушкина прямо пригласили въ тотъ же день къ Фуксамъ на вечеръ, какъ въ свое время (23 и 27 мая 1829 г.) проводилъ у Фуксовъ вечера всемірно-извѣст-

---

1) Такимъ образомъ, совершенно невѣрно утвержденіе А. С. Архангельскаго, будто бы К. Ѳ. Фуксъ (стр. 7) „прожилъ въ Казани съ 1805 г.“ *исключительно на службѣ* въ Казанскомъ университетѣ *всю свою* жизнь († 1846 г.)“ На самомъ дѣлѣ К. Ѳ. Фуксъ послѣ увольненія прожилъ въ Казани 13 лѣтъ и умеръ въ отставкѣ. Невѣрно и то, что онъ пріѣхалъ „въ Россію въ *самой ранней* своей молодости“ — это — 24 лѣтъ! И въ Университетѣ онъ служилъ вовсе не съ самаго его основанія: первый профессоръ, Петръ-Даніель-Фридрихъ *Цеплинъ* былъ назначенъ 21 января 1805 г., а К. Ѳ. Фуксъ былъ назначенъ черезъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ — уже седьмымъ по счету — 4 сентября того же года.

2) Память его почтена казанцами устройствомъ особаго „Фуксовскаго садика“ на берегу рѣки Казанки. Рядомъ съ садикомъ — мѣсто для свалки нечистотъ, зимній запасъ которыхъ по веснѣ свергается съ крутого берега въ рѣку, во время ледохода.

3) „Пушкинъ зналъ, что въ Казани мой *мужъ*, какъ старожилъ, постоянно занимавшійся изслѣдованіемъ здѣшняго края, всего болѣе могъ удовлетворить его желанію и потому, можетъ быть, и желалъ *съ нами* (sic) познакомиться“.

ный путешественникъ Гумбольдтъ[1]). Вечеръ у Пушкина былъ вполнѣ свободенъ, потому что его сожителя, Е. А. Боратынскаго, не было въ городѣ. На другое утро, восьмого сентября, рано, еще до свѣту, Пушкинъ собирался уже ѣхать изъ Казани черезъ Симбирскъ на Оренбургъ.

Знакомство съ К. Ѳ. Фуксомъ Пушкинъ цѣнилъ высоко. Въ письмѣ къ женѣ (№ 353, стр. 325) онъ называетъ Фукса „умный и ученый нѣмецъ.... одолжилъ меня *очень*, и я *радъ*, что съ нимъ познакомился". Въ „Исторіи Пугачевскаго бунта", приводя разсказъ о казанскомъ лютеранскомъ пасторѣ, котораго Пугачевъ пожаловалъ въ полковники[2]) и взялъ съ собою (Морозовское изданіе, т. VI, стр. 62), онъ въ „примѣчаніи къ главѣ седьмой", № 112, стр. 109 отмѣчаетъ: „Слышано мною отъ К. Ѳ. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университетѣ (NB бывшаго!), человѣка столь же *ученаго*, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему *обязанъ* я *многими* любопытными свѣдѣніями касательно эпохи и *стороны*, здѣсь описанныхъ".

Проводивъ Е. А. Боратынскаго въ его недальній путь, Пушкинъ одинъ, тройкою на дрожкахъ поѣхалъ тоже за городъ, по Сибирскому тракту, за 10 верстъ отъ города къ такъ называемой *Троицкой* мельницѣ, гдѣ, послѣ удачнаго сраженія 10 іюля 1774 г. съ Казанскимъ коннымъ легіономъ подъ командою полковника *Толстого*, Пугачевъ 11 іюля расположился лагеремъ передъ окончательнымъ штурмомъ Казани. Отъ Троицкой мельницы Пушкинъ поѣхалъ назадъ, къ городу и объѣхалъ еще существовавшее тогда *Арское поле*[3]), откуда 12 іюля Пугачевъ штурмовалъ Казань. Оборонительныя дружины

---

1) См. нашу монографію о Гумбольдтѣ, стр. 11 и 13.

2) За старое добро: когда Пугачевъ былъ еще колодникомъ въ Казани, пасторъ подавалъ ему милостыню.

3) Теперь оно сплошь застроено.

были смяты и остатки ихъ вмѣстѣ съ жителями укрылись въ крѣпости. Здѣсь казанцы и отсидѣлись отъ Пугачева, который обстрѣливалъ стѣны крѣпости и помѣщающійся въ нихъ *Спасскій* монастырь изъ пушекъ, поставленныхъ у трактира на углу Гостиннаго двора и въ Казанскомъ монастырѣ. Съ Арскаго поля Пушкинъ проѣхалъ въ крѣпость и обошелъ ее кругомъ. Затѣмъ онъ возвратился къ себѣ *домой*, т. е. въ тотъ домъ, гдѣ онъ „стоялъ“ вмѣстѣ съ Е. А. Боратынскимъ, уѣхавшимъ теперь въ Каймары, и до двухъ часовъ оставался тамъ, писалъ, очевидно, перенося на бумагу видѣнное и слышанное имъ; писемъ въ этотъ день онъ не писалъ, даже женѣ. Послѣ двухъ часовъ онъ поѣхалъ на обѣдъ къ Эрасту Петровичу Перцову[1]). Обѣдъ былъ званый; по крайней мѣрѣ, тутъ же обѣдалъ съ Пушкинымъ и К. Ѳ. Фуксъ. Боратынскаго, по случаю его отъѣзда, конечно, не было.

VII.

Въ шесть часовъ вечера Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ доложили о Пушкинѣ. Поэтесса встрѣтила его въ залѣ. Пушкинъ подошелъ къ ней и, взявъ ее дружески за руку, ласково промолвилъ ей: „Намъ не нужно съ

1) О Перцовѣ, другѣ Александры Андреевны Фуксъ, см. въ нашей монографіи, стр. 5—8 и статью *Б. Л. Модзалевскаго* въ „Русскомъ Біографич. Словарѣ“, С.-Пб. 1902, стр. 582 — 583. По поводу этого обѣда проф. А. С. Архангельскій вдается въ хитрую аргументацію, не совсѣмъ понятную (стр. 21): „Указаніе, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Перцовымъ еще въ Петербургѣ, дѣлается госпожею Фуксъ едва ли не съ задней мыслью объяснить своей подругѣ, къ которой написано письмо,—почему Пушкинъ обѣдалъ именно у Перцова, а не у ней, казанской поэтессы, съ которой такъ тепло и сердечно, судя по ея же письму, *сошелся* Пушкинъ въ мимолетный проѣздъ свой черезъ Казань“. Да въ томъ то и дѣло, что Пушкинъ и „сошелся“, и вообще познакомился съ г-жею Фуксъ именно *послѣ* перцовскаго обѣда, на который онъ, вѣроятно, былъ приглашенъ ранѣе; къ Фуксамъ же его звали *на вечеръ* того же дня.

Вами рекомендоваться: Музы насъ познакомили заочно, а Боратынскій еще болѣе". Съ Карломъ Ѳедоровичемъ Пушкинъ встрѣтился, какъ короткій знакомый.

Хозяева и знаменитый гость сѣли въ гостиной. Завязался разговоръ о Пугачевѣ. Хозяйкѣ дома казалось неловкимъ вмѣшиваться въ эту спеціальную бесѣду; при томъ, очевидно, присутствіе знаменитости ее, какъ провинціалку, стѣсняло, и она робѣла. Какъ водится, подали чай.

Отпивши чай, К. Ѳ. Фуксъ повезъ Пушкина къ казанскому старожилу, купцу первой гильдіи, Леонтію Филипповичу *Крупеникову* (1757 — 1836), который семнадцатилѣтнимъ юношей былъ самъ изъ Казани захваченъ пугачевцами въ плѣнъ и уведенъ изъ города, а поэтому, какъ очевидецъ, могъ сообщить Пушкину немало любопытнаго. Л. Ф. Крупениковъ въ свое время игралъ среди казанскаго купечества видную роль и съ 1809 по 1811 г. былъ казанскимъ городскимъ головою. Сынъ его, Алексѣй Леонтьевичъ, принадлежалъ къ кружку *С. А. Москотильникова*[1]) и *былъ другомъ* казанскаго купца-поэта, Г. П. Каменева.

У Крупеникова Фуксъ и Пушкинъ пробыли часа полтора, а потомъ опять вернулись къ Фуксамъ.

Домъ, гдѣ принимали Фуксы Пушкина, принадлежалъ Карлу Ѳедоровичу, а нынѣ находится во владѣніи купца *Ерлыкина* (на углу Сѣнной площади и Владимирской улицы); внѣшній видъ его передѣланъ — убранъ увѣнчивавшій домъ большой куполъ.

У подъѣзда дома Фуксовъ Пушкинъ сталъ благодарить Карла Ѳедоровича, говоря ему: „Какъ Вы добры, К. Ѳ., какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете насъ, путешественниковъ. Для чего Вы это дѣлаете? Вы те-

1) О кружкѣ Москотильникова см. въ нашей книгѣ о Каменевѣ.

этотъ вопросъ, какъ извѣстно (?), уже тогда, въ половинѣ 30-хъ гг., по существу (?) былъ почти (?) такъ же разработанъ (?), какъ и нынѣ". Это мнѣніе профессора А. С. Архангельскаго о „чистомъ" магнетизмѣ, кажется, и неавторитетно, и невѣрно.

Итакъ, ужинавшіе заговорили о магнетизмѣ, который былъ въ Петербургѣ тогда модною темой: удачныя излѣченія съ помощью магнетизма дѣлали много шума. Неизвѣстно, что полагалъ о „нечистомъ" магнетизмѣ Э. П. Перцовъ. Но Фуксы оба не вѣрили въ магнетизмъ, мужъ — „потому, что былъ очень ученъ", а жена — потому, что „ничего тутъ не понимала". За то Пушкинъ всевозможными, отчасти и шутливыми, доказательствами старался увѣрить собесѣдниковъ въ истинѣ магнетизма. Поэтъ указывалъ на то, что мы напряженіемъ своей воли можемъ заставить человѣка оглянуться и смотрѣть на насъ; особенно волшебную силу, по мнѣнію Пушкина, магнетизмъ имѣетъ надъ женщинами; онъ приводилъ примѣры, что женщина при самой страстной и раздѣленной, взаимной любви можетъ остаться добродѣтельною, а иногда подъ вліяніемъ магнетизма отдаётся невольно и безъ любви. Хозяйка не вѣрила его указаніямъ и увѣреніямъ.

Кончили разговоръ о магнетизмѣ, чему г-жа Фуксъ была очень рада, но зашелъ другой разговоръ, еще менѣе для нея интересный, а именно — о посѣщеніи насъ духами, о предсказаніяхъ и тому подобныхъ вещахъ изъ области оккультизма, при чемъ Пушкинъ поразилъ хозяйку своимъ суевѣріемъ. Къ этому привелъ его, по его собственному признанію, одинъ случай, когда въ 1818 г. онъ съ Никитою Всеволодовичемъ *Всеволожскимъ* зашелъ однажды изъ проказы къ кофейной гадальщицѣ, старой нѣмкѣ *Кирхгофъ*, и та сдѣлала ему три предсказанія: Пушкинъ на дняхъ долженъ былъ встрѣтиться со знакомымъ

жениху объявляютъ-таки отказъ, который тотъ и выноситъ твердо, „безъ приключеній и романическихъ притворныхъ огорченій“; авторъ совѣтуетъ и всѣмъ брать такой конецъ за образецъ.

Пушкинъ расшалился и, внутренно потѣшаясь надъ хозяйкою (какъ мы увидимъ ниже), нѣсколько разъ останавливалъ ея чтеніе похвалами; иные стихи заставлялъ повторять или перечитывалъ самъ.

Въ теченіе дальнѣйшаго разговора Пушкинъ интересовался семействомъ *Апехтиныхъ*, изъ котораго происходила Александра Андреевна, спрашивалъ ее, гдѣ она училась, кто были ея учителя, потомъ сталъ разсказывать о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни и нѣсколько разъ самъ *приглашалъ* поэтессу пріѣхать туда: „Пріѣзжайте, пожалуйста, пріѣзжайте“, упрашивалъ Пушкинъ довѣрчивую провинціалку, распустившую уши отъ похвалъ великаго поэта; „я познакомлю съ Вами жену мою. Повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать Вамъ на *казанскую* привѣтливость *не* петербургскою благодарностью“.

Пушкинъ разошелся и началъ откровенно и подробно говорить о духѣ современности, объ его вліяніи на литературу, о русскихъ писателяхъ и поэтахъ, о каждомъ сказалъ свое мнѣніе и заключилъ бесѣду просьбою о молчаніи, называя „сегодняшній вечеръ“ своею „исповѣдью“.

VIII.

Въ такихъ разговорахъ прошло время до 10 часовъ вечера. Тутъ пріѣхалъ Карлъ Ѳедоровичъ, привезшій съ собою всегдашняго друга своего дома и пушкинскаго пріятеля Э. П. Перцова. Они поддержали литературный разговоръ. Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ, пере-

этотъ вопросъ, какъ извѣстно (?), уже тогда, въ половинѣ 30-хъ гг., по существу (?) былъ почти (?) такъ же разработанъ (?), какъ и нынѣ". Это мнѣніе профессора А. С. Архангельскаго о „чистомъ" магнетизмѣ, кажется, и неавторитетно, и невѣрно.

Итакъ, ужинавшіе заговорили о магнетизмѣ, который былъ въ Петербургѣ тогда модною темой: удачныя излѣченія съ помощью магнетизма дѣлали много шума. Неизвѣстно, что полагалъ о „нечистомъ" магнетизмѣ Э. П. Перцовъ. Но Фуксы оба не вѣрили въ магнетизмъ, мужъ — „потому, что былъ очень ученъ", а жена — потому, что „ничего тутъ не понимала". За то Пушкинъ всевозможными, отчасти и шутливыми, доказательствами старался увѣрить собесѣдниковъ въ истинѣ магнетизма. Поэтъ указывалъ на то, что мы напряженіемъ своей воли можемъ заставить человѣка оглянуться и смотрѣть на насъ; особенно волшебную силу, по мнѣнію Пушкина, магнетизмъ имѣетъ надъ женщинами; онъ приводилъ примѣры, что женщина при самой страстной и раздѣленной, взаимной любви можетъ остаться добродѣтельною, а иногда подъ вліяніемъ магнетизма отдаётся невольно и безъ любви. Хозяйка не вѣрила его указаніямъ и увѣреніямъ.

Кончили разговоръ о магнетизмѣ, чему г-жа Фуксъ была очень рада, но зашелъ другой разговоръ, еще менѣе для нея интересный, а именно — о посѣщеніи насъ духами, о предсказаніяхъ и тому подобныхъ вещахъ изъ области оккультизма, при чемъ Пушкинъ поразилъ хозяйку своимъ суевѣріемъ. Къ этому привелъ его, по его собственному признанію, одинъ случай, когда въ 1818 г. онъ съ Никитою Всеволодовичемъ *Всеволожскимъ* зашелъ однажды изъ проказы къ кофейной гадальщицѣ, старой нѣмкѣ *Кирхгофъ*, и та сдѣлала ему три предсказанія: Пушкинъ на дняхъ долженъ былъ встрѣтиться со знакомымъ

и получить предложеніе хорошаго мѣста, во-вторыхъ, получить черезъ письмо неожиданныя деньги и, въ третьихъ, окончить жизнь неестественною смертью. Такъ какъ первыя два предсказанія въ скорости сбылись, то Пушкинъ съ увѣренностію ожидалъ исполненія и третьяго.

Послѣ ужина Пушкинъ опять пошелъ въ кабинетъ А. А. Фуксъ и, перебирая у нея книги, натолкнулся на сочиненія бывшаго казанскаго профессора *Г. Н. Городчанинова*[1]), гдѣ были и стихи, и проза. Онъ закрылъ книгу и какъ бы съ досадою сказалъ: „О! эта проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать *прозой;* признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернилы".

Пушкинъ засидѣлся у Фуксовъ до часу. Наконецъ, онъ простился съ четою, какъ со старыми знакомыми. Онъ нѣсколько разъ обнималъ Карла Ѳедоровича, и „кажется", говоритъ Александра Андреевна, „оставилъ насъ не съ притворнымъ сожалѣніемъ, сказавши при прощаніи: „Я никакъ не думалъ, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанья; но мы въ Петербургѣ увидимся".

---

1) Городчаниновъ до 1829 г. состоялъ при Казанскомъ Университетѣ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. *И. И. Лажечниковъ*, знавшій Городчанинова лично, говоритъ про него, что въ его изсохшей головѣ и сердцѣ не было и чутья поэзіи. Пушкинъ состоялъ членомъ Казанскаго Общества любителей словесности, предсѣдателемъ котораго былъ Городчаниновъ. Онъ очень обидѣлся на Пушкина за то, что тотъ не сдѣлалъ ему, какъ предсѣдателю, визита. О невозможныхъ лекціяхъ Городчанинова, объ его литературномъ старовѣрствѣ и изувѣрствѣ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій его слушатель, *С. Т. Аксаковъ*.

IX.

Просидѣвши наканунѣ у Фуксовъ до часу ночи, Пушкинъ 8 сентября, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, утромъ выѣхалъ изъ Казани. Александра Андреевна послѣ недолгаго отдыха тоже встала очень рано, — въ пять часовъ утра, почти въ одно время съ Пушкинымъ, и принялась за поэзію. Она написала на проѣздъ знаменитаго гостя стихи. Эти стихи А. А. напечатала въ мѣстномъ журналѣ „Заволжскій Муравей“, а потомъ они вошли и въ собраніе ея стихотвореній (стр. 175 — 179). Содержаніе ихъ такое. На разсвѣтѣ этого дня къ г-жѣ Фуксъ явился и пробудилъ ее отъ сна какой-то чудный геній, который отъ имени боговъ поздравилъ ее съ посѣщеніемъ поэта, приводящаго въ ликованіе самый Парнассъ. Онъ передалъ еще г-жѣ Фуксъ подарокъ,—лиру, но запретилъ ей воспѣвать похвалы поэту, потому что это для нея не по силамъ. Въ честь Пушкина, оказывается, вчера Аполлонъ давалъ пиръ на Геликонѣ и особенно отличалъ русскихъ, а въ частности казанскихъ „геніевъ“. Марсъ позавидовалъ славѣ Пушкина, гремѣвшей въ небесныхъ голосахъ, и выразился, что такъ не пировали и его герои по сожженіи Трои.

Черезъ три часа стихи были готовы и переписаны; въ восемь часовъ они были уже отосланы къ поэту. Но поэтесса опоздала; оказалось, что Пушкинъ еще на *разсвѣтѣ* этого дня, т. е. около 5 часовъ покинулъ Казань, оставивъ письмо для г-жи Фуксъ и отправивъ письмо къ женѣ (№ 351, стр. 323 — 324). Женѣ онъ сообщалъ, что въ Казани „возился со стариками, современниками моего героя[1]), объѣзжалъ окрестности города, осматри-

1) Л. Ф. Крупениковымъ.

валъ мѣста сраженій[1]), разспрашивалъ, записывалъ и *очень доволенъ*, что не напрасно посѣтилъ эту сторону". Погода стояла прекрасная, „чтобъ не сглазить только". Въ Симбирскѣ онъ ожидалъ найти отъ жены письмо. Изъ Симбирска же онъ обѣщалъ женѣ писать о Казани подробно, „а теперь некогда!" — „Здѣсь Боратынскій: вотъ онъ ко мнѣ входитъ", прибавляетъ нашъ поэтъ. Очевидно, Боратынскій только что пріѣхалъ, прямо къ *проводамъ* своего друга. Письмо было писано передъ самымъ отъѣздомъ, наскоро: „*сейчасъ* ѣду въ Симбирскъ".

Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ Пушкинъ писалъ (№ 352, стр. 324), изъявляя свою „глубокую признательность за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани". Вмѣстѣ съ этимъ онъ посылалъ ей свой петербургскій адресъ и выражалъ надежду, что обѣщаніе ея „пріѣхать въ Петербургъ *не есть* одно любезное привѣтствіе". Такая ласковость Пушкина, конечно, тронула бѣдную провинціалку до глубины души.

X.

Свое обѣщаніе написать женѣ о Казани поэтъ исполнилъ не въ Симбирскѣ, какъ первоначально предполагалъ, а въ селѣ Языковѣ, Карсунскаго уѣзда, въ 65 верстахъ отъ Симбирска. 10 сентября[2]) онъ прибылъ въ Симбирскъ и черезъ *Загряжскаго* получилъ письмо отъ жены. Изъ Симбирска Пушкинъ заѣхалъ въ Языково провѣдать своего стараго пріятеля, поэта Николая Михайловича Языкова, но не нашелъ его дома и познакомился съ его старшимъ братомъ, который ему очень по-

1) См. выше, стр. 43 — 44.
2) № 353, стр. 324.

нравился. Отсюда 12 сентября онъ написалъ женѣ и коснулся Казани, или почти исключительно Фуксовъ (стр. 325).

Пушкинъ сообщаетъ, что онъ въ Казани таскался по окрестностямъ, по полямъ, по *кабакамъ* и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings[1]), *сорокалѣтней, несносной бабѣ* съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи". Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, помѣщается имъ въ письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Насчетъ ногтей поэтъ былъ весьма чувствителенъ, самъ себѣ отращивалъ ногти полувершковые и утверждалъ, что „быть можно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей". Ногти въ грязи и заполненные воскомъ промежутки недостающихъ зубовъ, очевидно, сразу погубили Александру Андреевну во мнѣніи Пушкина, и она показалась ему несносною. „Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало". Мы знаемъ, что она сдѣлала это по просьбѣ самого Пушкина. „Боратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ *безстыдствомъ* расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ". Мы видѣли выше, что Пушкинъ звалъ г-жу Фуксъ къ себѣ въ Петербургъ въ гости отвѣдать его гостепріимства и самъ послалъ ей адресъ съ повторнымъ напоминаніемъ объ обѣщаніи навѣстить его. Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ изображаетъ дѣло такъ: „однако, она *взяла* мой адресъ и *стращаетъ* меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и *поздравляю*". О Карлѣ Ѳедоровичѣ онъ выразился благосклоннѣе; этотъ отзывъ приведенъ у насъ выше[2]). Но

1) Синіе чулки.
2) Стр. 43.

и надъ нимъ остритъ Пушкинъ за то, что тотъ „въ жену влюбленъ и въ *изумленіи* отъ ея *генія*“.

Наивные Фуксы и не подозрѣвали, что столичный гость все время отводилъ себѣ душу и сердечно надъ ними потѣшался.... И какъ далека была отъ истины Александра Андреевна, заключившая свое воспоминаніе о Пушкинѣ такими словами: „Я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностью, но ошиблась (sic). До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе: не писавъ почти ни къ кому (?), онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня *лестнаго*, что я по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ“.

Любопытно было бы знать, что̀ именно сообщалъ Пушкинъ заочно русскимъ литераторамъ о своей казанской знакомкѣ, и что̀ такое онъ наговорилъ о ней. Вѣроятно, не поздоровилось бы г-жѣ Фуксъ, если бы она услыхала....

„Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?“ — со слезами причитала Александра Андреевна, глядя на портретъ Пушкина, послѣ извѣстія о гибели его....

А. А. Фуксъ представила документальныя данныя въ доказательство своихъ словъ, что она остановила на себѣ вниманіе поэта. При своей статьѣ она напечатала подлинныя письма къ ней Пушкина, гдѣ мы съ удивленіемъ читаемъ различные комплименты. Объ этихъ письмахъ мы скажемъ еще ниже, а пока отмѣтимъ, что Пушкинъ въ нихъ доводитъ свою свѣтскую учтивость до очевидной

насмѣшки въ глаза. Онъ-де „съ жадностію прочелъ *прелестныя* стихотворенія“ г-жи Фуксъ и между ними ея посланіе къ нему самому, „недостойному поклоннику ея музы“, просить не бранить его за Пугачева, потому что поэзія, кажется, для него изсякла, и онъ весь въ прозѣ; ему совѣстно, особенно, передъ г-жею Фуксъ (№ 414, стр. 372). Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ разсыпается въ такихъ же любезностяхъ, даже проситъ г-жу Фуксъ, несмотря на невысокое мнѣніе объ ея стихахъ, „украсить“ его журналъ „Современникъ“ произведеніями своего пера (№ 446, стр. 394).

XI.

Доскажемъ вкратцѣ о ходѣ путешествія Пушкина послѣ Казани. 8 сентября Пушкинъ, какъ мы видѣли выше, выѣхалъ изъ Казани на Симбирскъ. Въ тотъ же день онъ былъ въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, *Лаишевѣ*, находящемся отъ Казани въ 59 верстахъ. Здѣсь у Пушкина произошелъ инцидентъ со станціоннымъ смотрителемъ, котораго онъ страшно напугалъ своею подорожною, а именно словами, что онъ ѣдетъ „по особому Высочайшему повелѣнію“. Смотритель сбилъ весь городъ на станцію и оповѣстилъ власти[1])....

10 сентября Пушкинъ былъ уже въ Симбирскѣ; отсюда онъ еще 12 сентября выѣхалъ было въ Оренбургъ, но заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и она оказалась неудачною: не было хорошихъ ямщиковъ; съ третьей станціи поэтъ возвратился въ Симбирскъ, тоже не безъ приключеній. Другой разъ онъ выѣхалъ иною дорогой и 18 сентября (№ 335, стр. 326) былъ уже въ Оренбургѣ.

---

1) Инцидентъ описанъ въ статьѣ *П. И. Суворова*: „Пушкинъ въ Лаишевѣ“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1901 г., № 323.

Подобно Фуксу въ Казани, здѣсь занялся Пушкинымъ *В. И. Даль*, который возилъ его по Оренбургу и окрестностямъ; былъ Пушкинъ и въ Пугачевской столицѣ, станицѣ *Берды*. Изъ Оренбурга Пушкинъ поѣхалъ въ Уральскъ. И здѣсь ему наперерывъ давали „всѣ извѣстія, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду“ (№ 356, стр. 327), а 23 сентября Пушкинъ уже выѣхалъ въ обратный путь.

При выѣздѣ изъ Уральска вечеромъ пошелъ дождь, первый по его выѣздѣ въ путешествіе, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимою. Потомъ выпалъ снѣгъ, и Пушкину пришлось обновить зимній путь на саняхъ. Ѣхалъ онъ черезъ Саратовъ и Пензу. 29 сентября Пушкинъ снова проѣзжалъ мимо села Языкова, опять заѣхалъ, засталъ тамъ всѣхъ трехъ братьевъ, очень весело провелъ съ ними время, ночевалъ и на слѣдующій день, 30 сентября отправился дальше. 1 октября Пушкинъ закончилъ путешествіе, прибывши въ свое имѣніе *Болдино*, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Пребываніе въ Болдинѣ ознаменовалось созданіемъ такихъ шедѣвровъ, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“, „Сказка о мертвой царевнѣ“, „Мѣдный Всадникъ“. Здѣсь Пушкинъ привелъ въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, окончательно обработалъ „Исторію“ и написалъ къ ней предисловіе (2 ноября). „Коли Царь позволитъ мнѣ „Записки“ (о Пугачевѣ; такъ онъ называетъ пока „Исторію“), то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи“, мечтаетъ поэтъ въ письмѣ къ женѣ изъ Болдина, отъ 8 октября (№ 357, стр. 328), какъ бы объясняя свою работу надъ Пугачевымъ исключительно матеріальными разсчетами. Около половины ноября Пушкинъ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ. 28 ноября 1833 г. Е. А. Боратынскій просилъ И. В. Кирѣевскаго („Татевскій Сборникъ“, № 42, стр. 52): „Узнай деревенскій и город-

ской адресъ Пушкина; мнѣ нужно къ нему написать. Нарочно для этого распечатываю письмо".

По пріѣздѣ въ Петербургъ Пушкинъ принялся за хлопоты. 6 декабря 1833 г. онъ уже просилъ чрезъ графа А. Х. Бенкендорфа разрѣшенія представить рукопись, при чемъ сообщалъ ему: „Я думалъ нѣкогда написать историческій *романъ*, относящійся ко времени Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины" (№ 366, стр. 335).

Императоръ Николай Павловичъ лично прочелъ рукопись и при томъ весьма внимательно, дѣлая собственноручныя отмѣтки. Онъ даже измѣнилъ заглавіе, предложенное Пушкинымъ, „Исторія Пугачева" на „Исторія Пугачевскаго бунта", разсуждая, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи"[1]). Печатаніе было дозволено съ Высочайшаго одобренія, и на печатаніе разрѣшено выдать 20 тысячъ рублей изъ Государственнаго казначейства. 4 іюля 1834 года началось печатаніе „Исторіи" въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а въ декабрѣ того же года печатаніе закончилось, и „Исторія Пугачевскаго бунта" вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ. Историческій же романъ изъ эпохи Пугачевщины „Капитанская дочка" появилась значительно позднѣе: она была напечатана въ 1836 г. въ четвертомъ томѣ пушкинскаго журнала „Современникъ".

XII.

Пребываніе Пушкина въ Казани вызвало въ оффиціальныхъ сферахъ переписку, носящую довольно

1) См. у Брюсова, стр. 77—79, №№ 36 и 37, письма Бенкендорфа отъ 8 и 24 марта 1834 г.

курьезный характеръ: это — требованіе учредить за Пушкинымъ полицейскій надзоръ.

19 августа 1828 г., Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ „за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта Пушкина".

Секретный надзоръ слѣдовалъ за Пушкинымъ, когда онъ въ маѣ 1829 г. поѣхалъ въ Грузію. Отъ 22 августа 1829 г. („Русскій Архивъ" 1876 г., II: „Черта изъ жизни Пушкина", стр. 236—237) Тифлисскій генералъ-губернаторъ С. С. Стрекаловъ, который по случайности былъ именно потомъ и Казанскимъ губернаторомъ во время проѣзда Пушкина черезъ Казань, сообщилъ Московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу *Голицыну*, что извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ X класса А. С. Пушкинъ отправился изъ Тифлиса въ Москву по дѣламъ, и что на основаніи Высочайшаго повелѣнія онъ подлежитъ секретному надзору. Князь Д. В. Голицынъ немедленно предписалъ московскому оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору *А. С. Шульгину* имѣть означеннаго „отставного чиновника" „подъ секретнымъ надзоромъ полиціи". Шульгинъ донесъ потомъ Голицыну, когда 12 октября 1829 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы, что по надзору полиціи въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено, а объ учрежденіи надзора за нимъ и въ Петербургѣ (полиція полагала, что Пушкинъ уѣхалъ туда) онъ сообщилъ и. д. Петербургскаго оберъ-полицеймейстера полковнику *Дершау*. Послѣ этого Пушкинъ неоднократно ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, но ничего предосудительнаго за нимъ не оказывалось. Когда онъ въ 1833 г. задумалъ свое путешествіе на Востокъ Россіи по Пугачевскому дѣлу, то у полиціи, видимо, возникло насчетъ надзора сомнѣніе. Отъ 19 апрѣля 1833 г. Петербургскій военный генералъ-

губернаторъ просилъ Московскаго генералъ-губернатора увѣдомить его, *по какому случаю* признано нужнымъ имѣть г. Пушкина подъ надзоромъ полиціи. Очевидно, происхожденіе этой мѣры было уже забыто, а raison d'être для ея дальнѣйшаго сохраненія не имѣлось. На это Московскій губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ, у него не имѣется. Начало исторіи оказалось уже позабытымъ. Но отъ надзора Пушкинъ и тутъ не избавился. Поѣхалъ онъ въ свое путешествіе съ Высочайшаго соизволенія, и за нимъ, правда, съ громаднымъ опозданіемъ, послѣдовалъ и надзоръ.

Наконецъ допытались до источника происхожденія надзора за Пушкинымъ. 20 сентября (когда Пушкинъ былъ уже въ Уральскѣ) Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ написалъ Нижегородскому военному губернатору объ установленіи надзора, указывая его начало съ 1828 г., и сообщая, что Пушкинъ выбылъ изъ Петербурга якобы 14 сентября (тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ оттуда около 20 августа), и при томъ будто бы въ свое имѣніе, состоящее въ Нижегородской губерніи. Свѣдѣнія петербургской полиціи не отличались точностью, и если бы опасность отъ Пушкина соотвѣтствовала многочисленнымъ хлопотамъ о надзорѣ за нимъ, то онъ, разумѣется, успѣлъ бы натворить за это время горькихъ бѣдъ.

Управленіе Нижегородскаго военнаго губернатора хватилось Пушкина и, несмотря на то, что съ 1 октября онъ уже точно былъ въ своемъ нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ, не нашло его, а обратилось къ Казанскому военному губернатору отъ 9 октября 1833 г. за № 4344: „извѣстясь, что Пушкинъ намѣренъ былъ отправиться въ Казанскую и Оренбургскую губерніи“, оно просило учредить за нимъ надзоръ въ *Казани*. Замѣтимъ, что Пуш-

кинъ ѣхалъ, не скрываясь, и въ самомъ Нижнемъ, какъ и въ другихъ городахъ, представлялся губернаторамъ, даже обѣдывалъ у нихъ.

Нижегородскую „секретную“ бумагу отъ 9 октября получили въ Казани лишь 17 октября, т. е. черезъ недѣлю! Такъ быстро производилась погоня за исчезнувшимъ поэтомъ.

Въ Казани пребываніе Пушкина въ свое время не пробудило въ административномъ мірѣ никакой сенсаціи. Какъ мы упоминали, ни его пріѣздъ, ни выѣздъ не отмѣчены даже въ оффиціальномъ органѣ. Теперь, по полученіи о немъ секретной бумаги, его разыскивали въ Казани довольно долго. А именно, только еще черезъ двѣ недѣли, уже 30 октября 1833 г., за № 8237, Казанскій губернаторъ по этому секретному и спѣшному дѣлу собрался отвѣтить своему Нижегородскому коллегѣ, что Пушкинъ прибылъ въ Казань 6 сентября и выѣхалъ въ Оренбургъ 8 минувшаго сентября мѣсяца. Правящему же должность Казанскаго полицеймейстера было рекомендовано, въ случаѣ прибытія въ Казань Пушкина (который, сидя у себя въ Болдинѣ, и не думалъ вторично ѣхать въ Казань), „имѣть за его поведеніемъ *строгое наблюденіе*“. Приказъ этотъ остался втунѣ: Пушкинъ изъ Болдина проѣхалъ въ Петербургъ. Въ Казани же только оставалось бумаги о Пушкинѣ подшить въ одно „дѣло“, которое получило № 142 и хранилось въ архивѣ канцеляріи Казанскаго губернатора. Здѣсь оно было найдено Н. Я. Агафоновымъ, и копія съ него передана сенатору *М. Е. Ковалевскому*, который тогда производилъ въ Казани ревизію. Ковалевскій же черезъ *Г. Рѣпинскаго* напечаталъ „дѣло“ въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., январь, т. 33, стр. 223 — 226, при чемъ объ Агафоновѣ, сдѣлавшемъ эту находку, не упомянуто ни словомъ....

XIII.

Сношенія Пушкина съ Казанью послѣ его проѣзда черезъ нее не прерывались почти до самой его смерти и поддерживались черезъ Фуксовъ. Гдѣ напечатаны письма А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ и ея отвѣты къ нему, было уже упомянуто выше.

20 января 1834 г. г-жа Фуксъ писала Пушкину, собираясь послать — ему первому — экземпляръ отдѣльнаго изданія своихъ стихотвореній, куда вошли и стихи на его проѣздъ; изданіе должно было выйти въ свѣтъ черезъ двѣ недѣли. Поэтесса вызывала Пушкина на дальнѣйшую переписку, выражая надежду читать его отвѣтъ.

Кромѣ этого письма, г-жа Фуксъ посылала Пушкину еще два письма съ оказіями: одно черезъ барона *Люцероде* еще въ 1833 г., а другое черезъ Эраста Петровича Перцова, но ни тотъ, ни другой писемъ Александры Андреевны Пушкину не передали.

19 октября 1834 г. Пушкинъ собрался отвѣтить г-жѣ Фуксъ, благодаря ее за стихотворенія, извѣщая о неполученіи имъ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ и прося кланяться Карлу Ѳедоровичу, „коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны“. На дняхъ онъ собирался отправить г-жѣ Фуксъ въ обмѣнъ на ея стихотворенія „отвратительно-ужасную исторію Пугачева“ (№ 414, стр. 372 — 373).

Но отсылка „Исторіи“ задержалась: не приходилъ изъ Парижа заказанный тамъ портретъ Пугачева. Только 15 августа 1835 г. книга была отправлена Пушкинымъ при письмѣ (№ 426, стр. 380 — 381). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ посылалъ Фуксамъ еще одинъ экземпляръ „Исторіи“ для передачи Михаилу Сампсоновичу *Рыбуш-*

кину, бывшему адъюнкту Казанскаго Университета, переведенному какъ разъ тогда въ директоры училищъ Астраханской губерніи. М. С. Рыбушкинъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Фуксами, которые принимали живое участіе въ редактируемомъ имъ (вмѣстѣ съ адъюнктомъ Михаиломъ Васильевичемъ *Полиновскимъ*) оффиціальномъ университетскомъ органѣ „Заволжскій Муравей". Рыбушкинъ написалъ „Краткую Исторію города Казани", имѣвшую большой успѣхъ. Экземпляръ книги Рыбушкинъ послалъ Пушкину, и теперь въ обмѣнъ тотъ посылалъ Рыбушкину своего Пугачева. Познакомился ли Пушкинъ ранѣе, будучи въ Казани, съ Рыбушкинымъ лично, какъ произвольно предполагаетъ А. С. Архангельскій (стр. 10), мы не знаемъ, и нигдѣ объ этомъ не говорится.

Посылка съ книгами не достигла своего назначенія: Фуксы не получили Пушкинскаго подарка, о чемъ г-жа Фуксъ писала Пушкину. Это письмо ея не сохранилось. Отъ 20 февраля 1836 г. изъ Петербурга (№ 446, стр. 394) Пушкинъ писалъ ей, что, возвратясь изъ деревни, нашелъ ея письмо и удивлялся, какимъ образомъ „бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него *памятное*". Пушкинъ теперь вторично посылалъ ей книгу чрезъ графа *Апраксина*. При этомъ Пушкинъ пересылалъ г-жѣ Фуксъ и билетъ на полученіе его журнала „Современникъ"[1]) и приглашалъ ее въ сотрудницы, прося ее „украсить" журналъ произведеніями своего пера.

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 24 мая 1836 г., весьма востóрженномъ, Александра Андреевна сообщала, что его драгоцѣнный подарокъ она получила въ деревнѣ въ день своихъ именинъ (значитъ, 21-го апрѣля). По ея

1) I томъ „Современника" имѣлъ цензурное разрѣшеніе 31 марта.

выраженію, радость ея раздѣлялъ, безъ сомнѣнія, и самъ ея ангелъ! „При восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ“ за здоровье Пушкина, чему свидѣтелемъ былъ петербургскій житель *Приклонскій*, чиновникъ Департамента государственныхъ имуществъ. Исполняя „приказаніе“ Пушкина, А. А. Фуксъ отправила ему для помѣщенія въ „Современникъ“ цѣлую серію своихъ произведеній. Всѣ эти сочиненія А. А. предполагала печатать отдѣльными изданіями не раньше зимы того года; но она желала бы, чтобы сначала они появились въ журналѣ Пушкина: „тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться“.

Сочиненія г-жи Фуксъ, посланныя въ „Современникъ“, были слѣдующія: одна элегія, которую взялъ у нея *М. Д. Деларю*, чтобы передать ее Пушкину или Сенковскому въ „Библіотеку для Чтенія“ (гдѣ въ 1838 г., т. 28, стр. 209 — 257, появилась ея повѣсть „Черная коса“); два дѣйствія водевиля „Она похудѣла“, посвященнаго Э. П. Перцову и напечатаннаго отдѣльно въ 1837 г.; I главу повѣсти „Основаніе Казани“, вышедшей отдѣльною книгой въ 1836 г., и отрывки изъ писемъ „о скитахъ въ Нижегородской губерніи“; эти письма вообще не были напечатаны; кажется, они были запрещены цензурою за благопріятные отзывы о раскольникахъ.

По смерти Пушкина Александра Андреевна описала свое знакомство съ нимъ по просьбѣ своей пріятельницы, Е. Н. Мандрыкиной; этимъ воспоминаніемъ мы выше пользовались неоднократно. 1 декабря 1843 года письмо г-жи Фуксъ о пребываніи Пушкина въ Казани было прочтено самимъ авторомъ, Александрою Андреевною, на одной изъ бесѣдъ въ ея домѣ. На томъ же вечерѣ читали и письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, а князь *А. А. Дологорукой* въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній прочелъ и стихотвореніе на смерть Пушкина,

такъ что значительная часть этого вечера была посвящена Пушкину[1]).

XIV.

Теперь надобно сообщить о тѣхъ литературныхъ работахъ супруговъ Фуксовъ, какія были вызваны пребываніемъ Пушкина въ Казани. Какъ мы видѣли выше (стр. 48), Пушкинъ просилъ собирать свѣдѣнія о Г. П. Каменевѣ и хотѣлъ было писать его біографію. Мы не знаемъ, были ли г-жею Фуксъ собираемы эти свѣдѣнія, и если были, то пересылались ли они Пушкину, и какое тотъ изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе.

За то Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ по просьбѣ Пушкина горячо принялся за собираніе фактовъ о пребываніи Пугачева въ Казани. Четыре года онъ, по его собственнымъ словамъ, съ неусыпнымъ стараніемъ собиралъ „всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій“. Однако, Фуксу не удалось при жизни Пушкина передать ему все собранное. Матеріалы, собранные Карломъ Ѳедоровичемъ, были использованы его супругою для написанія романа: „Зюлима, или *Пугачевъ въ Казани*“. Къ роману Александры Андреевны были прибавлены примѣчанія и приложенія, составленныя ея мужемъ, какъ это было сдѣлано и при стихотворной повѣсти г-жи Фуксъ: „Основаніе Казани“. Романъ хотѣли печатать отдѣльнымъ изданіемъ, о чемъ было уже сообщено въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Отрывки изъ своего романа г-жа Фуксъ уже читала на литературныхъ собраніяхъ въ ея домѣ, въ концѣ 1844 г. и въ началѣ 1845 г. Тогдашній редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, Нико-

1) См. нашу монографію о Фуксъ, стр. 505.

лай Ивановичъ Второвъ обѣщался печатать отрывки изъ романа въ своей газетѣ, въ распоряженіе которой авторъ предоставилъ свою рукопись. Но были помѣщены всего лишь два приложенія, а именно — разсказъ очевидцевъ, купцовъ *И. А. Сухорукова* и *Л. Ф. Крупеникова* (№ 44 за 1847 г., стр. 261 — 265 и № 51, стр. 330 — 331). Изъ самого романа въ „Вѣдомостяхъ“ не появилось ничего. Не вышелъ онъ и отдѣльнымъ изданіемъ, а рукопись его, повидимому, утрачена безвозвратно.

XV.

Преданіе о проѣздѣ Пушкина чрезъ Казань сохранялось у мѣстныхъ жителей, но связывалось съ невѣрными представленіями вродѣ легенды о Перцовскомъ домѣ[1]). По поводу юбилеевъ Пушкина были предположенія, о которыхъ сказано выше, а именно: прикрѣпить доску на Перцовскомъ домѣ и переименовать пролегающую мимо дома улицу. Ни то, ни другое не осуществилось. Послѣднимъ Пушкинскимъ отголоскомъ въ Казани надо считать основаніе Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина. § 1 „Устава“ его (стр. 3) гласитъ: „Общество посвящается памяти А. С. Пушкина и носитъ названіе его имени въ память столѣтія дня рожденія великаго поэта (26 мая 1799 г. — 26 мая 1899 г.)“. Въ разсужденіи о „задачахъ“ этого Общества (стр. 10) сказано: „одной изъ *главныхъ* сторонъ будущей научной дѣятельности нашего Общества должно быть изученіе всего того, что относится *къ жизни и поэтической дѣятельности* А. С. Пушкина“. Къ сожалѣнію, юное казанское общество, повидимому, оказалось не очень

1) См. выше.

жизнеспособнымъ. О какихъ-либо научныхъ предпріятіяхъ этого Общества (кромѣ нѣсколькихъ популярныхъ тетрадокъ „Чтеній“) и тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь спеціальныхъ работахъ его въ области Puschkiniana что-то пока еще не слышно...

Проф. *Евгеній Бобровъ.*

Пушкинъ и Рылѣевъ.

Современникъ великаго поэта, почти его ровесникъ, К. Ѳ. Рылѣевъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности пользовался его постояннымъ вниманіемъ; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ состоялъ подъ его „особымъ надзоромъ". По крайней мѣрѣ, онъ, одинъ изъ немногихъ, вызвалъ у Пушкина столько отзывовъ. Впервые въ письмахъ поэта о Рылѣевѣ упоминается въ 1823 г. (Л. С. Пушкину, Кишиневъ, 30 января). Здѣсь дважды, съ замѣтной ироніей, Рылѣевъ названъ „знаменитымъ", при чемъ высмѣяно слово „дума", которымъ Рылѣевъ назвалъ цѣлый рядъ своихъ лироэпическихъ произведеній: по словамъ поэта, „тревожныхъ *думъ,* слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, *по-русски* ничего не значитъ" (намекъ на нѣмецкое — dumm). Но уже въ слѣдующемъ 1824 году (Л. С. Пушкину, Одесса, 6-го января) онъ пишетъ: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: „Войнаровскій" полонъ жизни". Въ томъ же году (А. А. Бестужеву, Одесса, 12 января) онъ пишетъ: „Рылѣева *Войнаровскій* несравненно лучше всѣхъ его „Думъ": слогъ его возмужалъ и становится истинно-повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ".

Въ слѣдующемъ году онъ уже обращаетъ на себя вниманіе друзей похвалами по адресу Рылѣева и считаетъ

своимъ долгомъ даже защищаться отъ обвиненій въ пристрастіи. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Михайловскаго, отъ 21 марта, онъ высказываетъ по этому поводу очень знаменательныя слова: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ, я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе“. Л. С. Пушкину въ томъ-же 1825 году, въ началѣ апрѣля, онъ опять пишетъ: „Войнаровскій“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“. Наконецъ, въ томъ-же году въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 25 мая онъ, говоря о поэмѣ Козлова „Чернецъ“, опять возвращается къ Рылѣеву: „Эта поэма, конечно, полна чувствъ и умнѣе „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. „Если Палѣй пойдетъ, какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ“ (на Парнассѣ) — пишетъ онъ брату въ февралѣ 1825 г.

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ ясно 1) что, начавъ съ ироническаго отношенія къ дѣятельности Рылѣева, поэтъ очень скоро увлекся ею, особенно поэмой „Войнаровскій“, 2) Пушкинъ замѣтилъ, что поэтическій языкъ Рылѣева „возмужалъ“ подъ вліяніемъ его, Пушкина, 3) въ произведеніяхъ Рылѣева останавливали на себѣ его вниманіе нѣкоторые удачные образы („палачъ“) и общій тонъ, „размашистый“, свидѣтельствующій о широтѣ вдохновенія...

Онъ идетъ „своей дорогой“ — говоритъ Пушкинъ о Рылѣевѣ, т. е. другими словами, живетъ въ кругу своихъ

оригинальныхъ замысловъ, въ атмосферѣ своихъ настроеній... Шелъ „своей дорогой“, конечно, и самъ Пушкинъ, но литературная исторія нѣкоторыхъ его произведеній указываетъ, что онъ никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки — и перерабатывалъ по своему въ своихъ произведеніяхъ. Это было заимствованіе *художественной идеи* и самостоятельное развитіе ея. Всегда это взятое чужое изъ подъ его пера выходило вдвойнѣ прекраснѣе. Какъ на образецъ подобнаго заимствованія у маленькихъ писателей лучше всего указать, какъ Пушкинъ использовалъ одинъ образъ изъ поэмы Боброва „Таврида“: тамъ ему понравилось появленіе „скопца“ — и онъ ввелъ его въ свою поэму „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Меня, говоритъ онъ, ввелъ въ искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: *„подъ стражею скопцовъ гарема“*. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть“ (къ князю Вяземскому, Одесса, ноябрь 1825 г.). Подобныхъ „мелкихъ“ заимствованій у Пушкина, думается, найти можно немало; выясненіе ихъ для пониманія творчества великаго поэта, конечно, небезполезно. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно сопоставить Пушкина съ Рылѣевымъ.

Прежде всего, думается намъ, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ думы Рылѣева: „Олегъ Вѣщій“ написано стихотвореніе Пушкина: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“. На эту связь указываетъ 1) и самое заглавіе „пѣснь“, которымъ Пушкинъ хотѣлъ замѣнить дико звучавшее для него слово „дума“; затѣмъ, 2) несомнѣнное знакомство поэта съ самымъ произведеніемъ Рылѣева: еще въ январѣ 1823 года онъ полонъ воспоминаній о произведеніи Рылѣева; брату онъ пишетъ, что Рылѣевъ ошибался, сказавъ, что Олегъ прибилъ на вратахъ Царе-

града щитъ *съ гербомъ* россійскимъ; 3) хронологическое совпаденіе: дума Рылѣева напечатана въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г. (ч. I, № 11), но, конечно, въ рукописи могла дойти до Пушкина и раньше: такъ было съ „Войнаровскимъ“, котораго Пушкинъ зналъ задолго до его напечатанія (см. выше). Произведеніе Пушкина окончено 1-го марта того-же 1822 года; 4) близость нѣкоторыхъ мѣстъ обоихъ произведеній. У Рылѣева Олегъ представленъ неумолимымъ, суровымъ воиномъ: „Горятъ деревни, села пышутъ ...Кровь повсюду заструилась“; у Пушкина: „Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ“. У Рылѣева: „Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ цареградскимъ воротамъ“; у Пушкина: „Твой щитъ на вратахъ Царяграда“. Здѣсь внесена поправка: щитъ оказывается „безъ герба“; наконецъ, 5) произведеніе Пушкина въ ряду другихъ его стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко по содержанію и по настроенію, — ясное доказательство того, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній или интересовъ, а было„ случайнымъ“ произведеніемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ нечаянно блеснувшей идеи.

Но еще значительнѣе были воздѣйствія Рылѣева на поэму Пушкина „Полтава“ и даже на драму „Борисъ Годуновъ“. Оба произведенія прекрасны въ отдѣльныхъ частяхъ, но слабы въ цѣломъ: въ нихъ нѣтъ единства и, главное, цѣльности: они точно сшиты изъ отдѣльныхъ сценъ, отдѣльныхъ произведеній... Это замѣтили еще современники Пушкина, и въ этомъ отношеніи ихъ судъ былъ совершенно справедливъ. „Романтизмъ“, которымъ прикрывалъ Пушкинъ указанные недостатки своихъ произведеній, конечно, не представлялъ собою защиты серьезной,—такъ какъ его вліяніе могло сказаться на содержаніи, настроеніяхъ, стилѣ произведеній, но не на

ихъ построеніи: для хорошаго „романическаго“ произведенія единство содержанія и стройность плана такъ же необходимы, какъ и для „классическаго“.

Перечитывая „думы“ Рылѣева, мы должны отмѣтить, прежде всего, что онъ, одинъ изъ первыхъ, во всякомъ случаѣ *ранѣе Пушкина*, сталъ искать источниковъ вдохновенія въ далекомъ прошломъ Россіи: въ этомъ отношеніи *онъ—учитель Пушкина*. Затѣмъ, любопытно, что Рылѣевъ *раньше Пушкина* упорно ходилъ вокругъ того художественнаго замысла, который воплощенъ въ „Полтавѣ“: въ поэмѣ „Войнаровскій“, въ поэмѣ „Мазепа“, „Палѣй“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ выведены почти всѣ лица, которыя повторяются потомъ въ „Полтавѣ“; многія отдѣльныя картины, даже стихи Рылѣева тоже повторены у Пушкина.

Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на образѣ самого героя—Мазепы. Этотъ образъ, для Пушкина слишкомъ неестественный и напыщенный, цѣликомъ сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ Мазепы Рылѣевскаго, а также біографическаго очерка, посвященнаго Мазепѣ („Жизнеописаніе Мазепы“ А. О. Корниловича) и приложеннаго къ поэмѣ „Войнаровскій“ вмѣстѣ съ „Жизнеописаніемъ Войнаровскаго“ (соч. А. А. Бестужева). Если-бы поэтъ *самъ* подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ-бы слишкомъ неопредѣленныхъ и въ то же время сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы. Поэтъ не обрисовалъ бы его такими общими, чертами:

. . . онъ не вѣдаетъ святыни,
. . . онъ не помнитъ благостыни,
. . . онъ не любитъ ничего,
. . . кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
. . . презираетъ онъ свободу,
. . . нѣтъ отчизны для него.

Онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта, а на своей палитрѣ болѣе яркихъ красокъ! Написавъ же быстро свое произведеніе, онъ не успѣлъ переварить навѣяннаго извнѣ. „Однако, какой отвратительный предметъ,—отзывался онъ о Мазепѣ: ни одного добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость!“ — отзывъ интересный, особенно въ устахъ поэта, который всегда искалъ симпатичныя, смягчающія черты даже въ преступныхъ своихъ геройхъ и всегда ихъ находилъ! (Пугачевъ, Скупой Рыцарь, Донъ-Жуанъ, Сальери и пр.). „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ, что увлекли меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, *далѣе не могъ-бы ею заниматься и бросилъ бы все!*“ Послѣднія слова тоже очень характерны: они свидѣтельствуютъ, что долго въ героевъ „Полтавы“ Пушкинъ не вдумывался, не изучалъ ихъ, что написаны они „порывомъ“, случайно, быть можетъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ опять подвернувшейся подъ руки давно любимой поэмы Рылѣева. Въ этой поэмѣ Мазепа является эпизодическимъ лицомъ и всегда предстаетъ какимъ-то мелодраматическимъ „злодѣемъ“.

Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летѣли на бой,
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій,
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ. . .
...Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла.

У Рылѣева Мазепа представленъ „угрюмымъ“, его чело „обложилось мракомъ и тоской“, изъ-подъ „бровей нависшихъ“ сверкаетъ „какой-то пламень дикій“, онъ „угрюмъ“ и молчитъ въ присутствіи молодежи; онъ „отъ всѣхъ скрывался“. Глаза его „сверкаютъ“, „чело угрюмо“. Видъ у него „мрачный и суровый“, „глаза сверкаютъ“, онъ „волнуемъ тайно мрачной думой“, онъ — „Іуда“, „хитрый вождь“, „скрытный“, у него „дикій“ взглядъ, „очи полныя тоской“.

Изъ всѣхъ героевъ Пушкинъ только Мазепу обрисовалъ, пользуясь совершенно такимъ-же нехудожественнымъ пріемомъ — красками темными и слишкомъ искусственно подобранными: и у пушкинскаго героя духъ „неукротимъ“, онъ — „старикъ надменный“, у него „умыселъ ужасный“, онъ — „злой старикъ“, „дерзкій хищникъ, губитель“ „злодѣй“, „скрытный“, душа его „мятежна, ненасытна“, онъ творитъ „козни“, душа его „коварна“, „воля злая“, въ сердцѣ его „преступный жаръ“, у него „блестящій“, впалый взоръ; онъ „мраченъ“, умъ его „смущенъ жестокими мечтами“, помышленья его „черны“, онъ старикъ „суровый“, онъ „блѣденъ“, рѣчь его „сурова“; онъ — „злодѣй“, онъ испытываетъ „угрызенья змѣиной совѣсти своей“, онъ „угрюмъ“, думы его „мрачны“, онъ старецъ „мрачный“, онъ „грозенъ“, „терзается какой-то страшной пустотой“, „молча скрежеталъ“, въ груди у него „кипучій ядъ“, у него „коварныя сѣдины“, онъ „сверкаетъ очами“, „злодѣй“, „Іуда“, „мрачный духъ“.

Конечно, такое исключительное для Пушкина сходство въ манерѣ описывать героя не случайно и ясно указуетъ, кто вдохновилъ нашего поэта на созданіе образа Мазепы, кто толкнулъ великаго поэта на ложный путь художественной неправды.

Любопытна еще одна деталь: „размашистый“, по

выраженію Пушкина, стиль Рылѣева очень любитъ изображать героя въ тотъ моментъ, какъ онъ „мчится“, „летитъ“ и пр. Такъ, Войнаровскій вспоминаетъ о своихъ удалыхъ набѣгахъ, когда онъ „часто за Палѣемъ вслѣдъ“ *мчался* на конѣ, какъ онъ „леталъ гордо на конѣ“. У Пушкина Мазепа вспоминаетъ, какъ „скакалъ“ рядомъ съ Кочубеемъ (дважды), къ мѣсту казни гетманъ „скакалъ“, оттуда онъ „мчался“; возставъ на Петра, онъ „мчится на конѣ“; спасаясь бѣгствомъ, онъ тоже „мчится“, мимо хутора „помчался“. Этотъ „наѣзднический“ характеръ Мазепы напоминаетъ какъ разъ многихъ героевъ „Думъ“ Рылѣева: очень многіе изъ нихъ отличаются такою-же „стремительною силою“ духа.

Но особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ „Войнаровскій“.

Изъ «Полтавы»:	*Изъ «Жизнеописанія Мазепы».*
Но старый гетманъ оставался Послушнымъ подданнымъ Петра...	.. въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія.
[ной Мазепа въ горести притвор- Къ царю возноситъ гласъ покорный: „И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ: Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ Царю служилъ душою вѣрной.	Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ, и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи. Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особен-

... Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ.

нымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ, его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось-ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить, какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ.

Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.

Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи.

Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго ссмнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,

Самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣсколько дней сряду, не могъ

На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья...

...Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они, какъ воры,
Ведутъ свои переговоры...
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ.
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра...
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,

ни ходить, ни стоять и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ къ гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренья: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію.

Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались, 22 Октября 1708 г. писалъ онъ еще къ графу Головкину, что не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна, и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ, съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ, въ знакъ подданства и вѣрности..

Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины
И на коварные сѣдины
Елей таинственный течетъ...
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой...
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный...
[Въ объясненіи причинъ измѣны Мазепы Пушкинъ сошелся вполнѣ съ Рылѣевымъ: Мазепа хотѣлъ короны, для чего рѣшилъ обмануть и русскихъ, и шведовъ; казакамъ причину измѣны выставлялъ, какъ боязнь самодержавія Петра.]

„Что побудило Мазепу къ измѣнѣ?

„Ненависть ли его къ русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ во время его пребыванія при польскомъ дворѣ?

„Любовная-ли связь съ одной изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ?

„Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа въ универсалахъ своихъ и письмахъ къ казакамъ клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный на чужбинѣ, ужъ два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Изъ этихъ „недоумѣній“ біографа Мазепы вышли и „недоумѣнія“ Пушкина:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать?

Итакъ, и для Пушкина неясны цѣли измѣны Мазепы — ясно только его несомнѣнное, очевидное коварство.

. . Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами, старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ.

И, между тѣмъ, „не вѣдаетъ святыни“ (сношенія съ католиками-іезуитами, соборованье, чтобы обмануть Петра), „не помнитъ благостыни“ (неблагодарность по отношенію къ Петру), „не любитъ ничего“ (черта, заимствованная изъ „Жизнеописанія“, *но противорѣчащая любви* героя къ Маріи), „презираетъ онъ свободу“ (черта, не оправданная поэмой), „нѣтъ отчизны для него“ (тоже). Отсюда-же, изъ этого „Жизнеописанія“ позаимствовался онъ и „противорѣчіемъ“, рѣжущимъ глазъ: авторъ „Жизнеописанія“, представивъ въ Мазепѣ мелодраматическаго злодѣя, испортилъ свое созданье, указавъ на „малодушіе“ Мазепы. То же сдѣлалъ и Пушкинъ, неожиданно включивъ „малодушіе“ въ черты характера своего героя[1]).

Кромѣ заимствованій, такъ сказать, „психологическаго“ свойства, слѣдуетъ отмѣтить заимствованія Пушкинымъ у Рылѣева цѣлыхъ картинъ. Такъ, напримѣръ, картина привала утомленныхъ бѣглецовъ — Карла и Мазепы.

---

1) Кромѣ „Жизнеописанія“, воспользовался Пушкинъ для своей поэмы „Исторіей Малороссіи“ Бантыша-Каменскаго; объ этомъ онъ самъ говоритъ; оттуда взяты нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ, взятъ текстъ письма Мазепы къ Петру.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ,
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...
Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ;
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ
Вдали на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ
Какъ другу открывался мнѣ.

(Рылѣевъ, „Войнаровскій“, 57).

У Пушкина въ „Полтавѣ“:

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ[1]). . . .
Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ,
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ...

Затѣмъ въ поэмѣ Рылѣева слѣдуетъ мелодраматическое описаніе тѣхъ ужасныхъ видѣній, что посѣтили его во время недуга. Всѣ эти видѣнія Мазепы (казнь Кочубея и Искры, анаѳематствованіе въ церкви, видѣніе жены Кочубея и дочери) Пушкинымъ изъ „видѣній“ передѣланы „на дѣйствительность“, при чемъ зависимость этихъ картинъ отъ Рылѣевскихъ (по крайней мѣрѣ, первой) доказываетъ заимствованіе великимъ поэтомъ у Рылѣева образа „палача“, — образъ, который, по его собственному признанію, поразилъ его воображеніе.

Казнь Кочубея и Искры.

Изъ „Войнаровскаго“.	Изъ „Полтавы“.
. . . И задыхаясь, увѣрялъ, Что Кочубея видитъ съ Искрой.	Средь поля роковой помостъ; На немъ гуляетъ, веселится

1) Сравни еще слѣдующее мѣсто изъ „Войнаровскаго“:

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль;
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.

„Вотъ, вотъ они! При нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки,
Вотъ покатилась голова. . .
И вотъ другая! . . . Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!“.

Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой. . .
И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.

Нетрудно замѣтить, что у Пушкина картина казни изображена гораздо художественнѣе, отчасти благодаря тому, что поставлена въ болѣе выгодную обстановку. На первое мѣсто выдвинута фигура *палача*, сохранены нѣкоторыя детали, какъ, напримѣръ, впечатлѣніе отъ взоровъ отсѣченной головы. Психика толпы у Пушкина разработана правдивѣе: въ послѣдній моментъ передъ роковымъ ударомъ народъ безмолствуетъ, — у Рылѣева „стенанія и плачъ“. Объ „анаѳематствованіи“ Мазепы Пушкинъ дважды говоритъ мимоходомъ; у Рылѣева умирающій Мазепа видитъ цѣлую сцену этого церковнаго обряда. Появленіе безумной Маріи и ея разговоръ съ Мазепой принадлежатъ къ самымъ сильнымъ мѣстамъ поэмы; у Рылѣева эта благодарная сцена не разработана; у него сказано только:

Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

У обоихъ авторовъ отмѣчены чувства бѣглецовъ, когда они оставили за собою „рубежъ“ страны родины.

Изъ „Войнаровскаго“.

Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой.
Въ волненьѣ чувствъ, тоской томимый
Я какъ ребенокъ зарыдалъ..

Изъ „Полтавы“.

Тоска, тоска его снѣдаетъ,
Въ груди дыханье стѣснено!
И молча онъ коня сѣдлаетъ
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

Наконецъ, самое упоминаніе въ поэмѣ „Полтава“ имени Войнаровскаго:

У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился,

упоминаніе, не вызываемое необходимостью, не связанное съ контекстомъ, можетъ быть объяснимо только, какъ мимолетная, нечаянная дань признательности великаго поэта Рылѣеву. Къ поэмѣ Рылѣева приложены еще „примѣчанія“ историческаго и этнографическаго свойства. Оттуда почерпнулъ Пушкинъ свои знанія о старомъ гетманѣ Палѣѣ.

ъ Примѣчаній къ „Войнаровскому“.

[Оклеветанный Мазепой лѣй]... былъ отправленъ Москву, а оттолѣ, по зу государеву, сосланъ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя ъ лѣтъ томился вдалекѣ родины и родныхъ, снѣмъ тоскою бездѣйствія неволи. Измѣна Мазепы рыла глаза Петру, и онъ реди заботъ военныхъ омнилъ объ оклеветанъ Палѣѣ и возвратилъ имущество, чинъ и сву. Но какъ земная власть ла возвратить ему здоье! Однакожъ, послѣдніе Палѣевой жизни были адны для сердца стараго на. Онъ пріѣхалъ на ну въ день полтавской вы, сѣлъ на коня и, подживаемый двумя казаи, явился передъ сво. Радостные клики оглаи воздухъ: видъ Палѣя пламенилъ всѣхъ мужеомъ. Старикъ ввелъ каовъ въ дѣло, и хотя ля его не могла уже раь враговъ, но еще однаж указала путь къ побѣдѣ..

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ...
Сердечной ревностью горя..

Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками?

Подъ вліяніемъ поэмы „Войнаровскій“, въ которой говорится о похоронахъ Мазепы въ Бендерахъ, Пушкинъ въ 1824-мъ году, т. е. во время особаго увлеченія поэмой Рылѣева, искалъ могилы бѣглаго гетмана (Воспоминанія Липранди: „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65). Объ этой могилѣ вспоминаетъ Пушкинъ и въ послѣсловіи къ „Полтавѣ“.

Еще одна мелочь сближаетъ поэму Пушкина съ „Войнаровскимъ“ Рылѣева; только къ „Полтавѣ“ приложены довольно обстоятельныя историческія „примѣчанія“, что̀ особенно характерно и для поэмы Рылѣева: такъ, и у него только къ „Войнаровскому“ приложены такія обстоятельныя объясненія.

У Рылѣева есть „дума“, посвященная Борису Годунову; стоитъ прочесть ее,—и невольно въ памяти всплываетъ образъ Пушкинскаго Годунова, особенно тотъ монологъ его, который раскрываетъ передъ нами его тоскующее сердце. Оба писателя изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ вопіющей несправедливости черни къ его державному труду кроется великая справедливость, — наказаніе за содѣянное преступленіе.

Изъ „думы“ Рылѣева.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу!
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села!
Полезному открою всѣ пути
И возвеличу блескъ престола!
Я мнилъ: народъ меня благословитъ,

Зря благоденствія отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ!
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій. . .
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья! . . .

Невольно съ этой цитатой хочется сопоставить нѣкоторыя мѣста изъ монолога Пушкинскаго Годунова:

..Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать . . .
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы. . .
Я выстроилъ имъ новыя жилища. . .

Несмотря на сознанье своихъ заслугъ передъ отечествомъ, и Пушкинскій Годуновъ не знаетъ счастья:

Счастья нѣтъ моей душѣ...,

говоритъ онъ.

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ,
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. . .

Кончается монологъ жалобами на то, что отъ му-

ченія совѣсти никуда ему не уйти — эта же мысль выражена въ „думѣ“ Рылѣева.

Полагаю, что приведенныя сопоставленія позволяютъ говорить съ увѣренностью о томъ, что въ произведеніяхъ Рылѣева Пушкинъ нерѣдко встрѣчалъ такіе поэтическіе „намеки“, которые затрагивали его творчество, развертывались въ цѣлыя художественныя картины, почти всегда неизмѣримо превосходившія въ художественномъ отношеніи заимствованное. Только въ созданіи образа Мазепы вліяніе Рылѣева не было переработано Пушкинымъ и вошло въ его творчество непріятнымъ *нехудожественнымъ* диссонансомъ.

В. Сиповскій.

Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей.

Въ Архивѣ Департамента Герольдіи, въ 129-й книгѣ „Рѣшенныхъ дѣлъ Герольдіи Правительствующаго Сената“, на лл. 605—609, сохранились нижеслѣдующіе три документа, касающіеся выдачи свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствѣ упоминаетъ г. Селезневъ въ своемъ трудѣ „Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, С.-Пб. 1861 (стр. 6 приложеній), а также И. А. Шляпкинъ въ брошюрѣ „Къ біографіи А. С. Пушкина (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя)“, С.-Пб. 1899 (стр. 14), но самый документъ нигдѣ еще обнародованъ не былъ, равно какъ и два другіе — прошеніе С. Л. Пушкина и удостовѣреніе И. И. Дмитріева и графа Сергѣя Николаевича Салтыкова.

I.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій!

Проситъ служащій въ коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гер-

бовникъ [1]) и съ онаго герба братъ мой родной, гвардіи порутчикъ Василій Львовичъ Пушкинъ, въ 1802 году получилъ копію, а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего [2]), всеподданнѣйше прошу *Къ сему*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Герольдіи принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ. *Прошенію*

Всемилостивѣйшій Государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1811 года; къ поданію надлежитъ въ Герольдію. Прошеніе писалъ и сочинялъ Канцеляристъ Петръ Степановъ. *Седьмаго класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.*

II.

Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣя Львовича Пушкина.

Марта дня 1811 г.

Министръ Юстиціи Дмитріевъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Графъ Сергій Салтыковъ.

---

1) Гербъ рода Пушкиныхъ внесенъ въ V часть „Общаго Гербовника“, на стр. 18; родъ записанъ въ VI часть родословной книги Костромской и Московской губерній. *В. Р.*

2) Въ дѣлѣ Герольдіи его нѣтъ; въ 1861 г. оно еще хранилось въ дѣлахъ Лицейскаго архива. *Ред.*

III.

Свидѣтельство[1]).

Копія.

По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила: дать сіе Коммиссаріатскаго штата 7-го класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину въ томъ, что онъ происходитъ отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и высочайше утвержденъ.

Марта 23 дня 1811 года.

Подлинный подписали: Герольдмейстеръ и кавалеръ Владиміръ Грушецкій. Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матвѣй Вагановъ. Секретарь Карлъ Гальбергъ. Коллежскій Ассессоръ Коневскій. У подлиннаго свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи печать. Пошлины 50 коп. взяты.

Подлинное свидѣтельство получилъ Штата Коммисаріатскаго седьмаго класса Сергѣй Пушкинъ.

Сообщилъ В. Рудаковъ.

---

1) Свидѣтельство это, за № 887, выдано на основаніи опредѣленія Герольдіи, состоявшагося 28-го марта 1811 года. *В. Р.*

Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

У обоихъ авторовъ отмѣчены чувства бѣглецовъ, когда они оставили за собою „рубежъ“ страны родины.

Изъ „Войнаровскаго“.

Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой.
Въ волненьѣ чувствъ, тоской томимый
Я какъ ребенокъ зарыдалъ..

Изъ „Полтавы“.

Тоска, тоска его снѣдаетъ,
Въ груди дыханье стѣснено!
И молча онъ коня сѣдлаетъ
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

Наконецъ, самое упоминаніе въ поэмѣ „Полтава“ имени Войнаровскаго:

У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился,

упоминаніе, не вызываемое необходимостью, не связанное съ контекстомъ, можетъ быть объяснимо только, какъ мимолетная, нечаянная дань признательности великаго поэта Рылѣеву. Къ поэмѣ Рылѣева приложены еще „примѣчанія“ историческаго и этнографическаго свойства. Оттуда почерпнулъ Пушкинъ свои знанія о старомъ гетманѣ Палѣѣ.

Изъ Примѣчаній къ „Войнаровскому“.

[Оклеветанный Мазепой Палѣй]... былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру, и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакожъ, послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ на войну въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ: видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло, и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ..

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ...
Сердечной ревностью горя..

Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками?

Подъ вліяніемъ поэмы „Войнаровскій“, въ которой говорится о похоронахъ Мазепы въ Бендерахъ, Пушкинъ въ 1824-мъ году, т. е. во время особаго увлеченія поэмой Рылѣева, искалъ могилы бѣглаго гетмана (Воспоминанія Липранди: „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65). Объ этой могилѣ вспоминаетъ Пушкинъ и въ послѣсловіи къ „Полтавѣ“.

Еще одна мелочь сближаетъ поэму Пушкина съ „Войнаровскимъ“ Рылѣева; только къ „Полтавѣ“ приложены довольно обстоятельныя историческія „примѣчанія“, что особенно характерно и для поэмы Рылѣева: такъ, и у него только къ „Войнаровскому“ приложены такія обстоятельныя объясненія.

У Рылѣева есть „дума“, посвященная Борису Годунову; стоитъ прочесть ее,—и невольно въ памяти всплываетъ образъ Пушкинскаго Годунова, особенно тотъ монологъ его, который раскрываетъ передъ нами его тоскующее сердце. Оба писателя изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ вопіющей несправедливости черни къ его державному труду кроется великая справедливость, — наказаніе за содѣянное преступленіе.

Изъ „думы“ Рылѣева.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу!
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села!
Полезному открою всѣ пути
И возвеличу блескъ престола!
Я мнилъ: народъ меня благословитъ,

Зря благоденствія отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ!
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій. . .
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья! . . .

Невольно съ этой цитатой хочется сопоставить нѣкоторыя мѣста изъ монолога Пушкинскаго Годунова:

..Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать . . .
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы. . .
Я выстроилъ имъ новыя жилища. . .

Несмотря на сознанье своихъ заслугъ передъ отечествомъ, и Пушкинскій Годуновъ не знаетъ счастья:

Счастья нѣтъ моей душѣ...,

говоритъ онъ.

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ,
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. . .

Кончается монологъ жалобами на то, что отъ му-

ченія совѣсти никуда ему не уйти — эта же мысль выражена въ „думѣ“ Рылѣева.

Полагаю, что приведенныя сопоставленія позволяютъ говорить съ увѣренностью о томъ, что въ произведеніяхъ Рылѣева Пушкинъ нерѣдко встрѣчалъ такіе поэтическіе „намеки“, которые затрагивали его творчество, развертывались въ цѣлыя художественныя картины, почти всегда неизмѣримо превосходившія въ художественномъ отношеніи заимствованное. Только въ созданіи образа Мазепы вліяніе Рылѣева не было переработано Пушкинымъ и вошло въ его творчество непріятнымъ *нехудожественнымъ* диссонансомъ.

В. Сиповскій.

Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей.

Въ Архивѣ Департамента Герольдіи, въ 129-й книгѣ „Рѣшенныхъ дѣлъ Герольдіи Правительствующаго Сената“, на лл. 605—609, сохранились нижеслѣдующіе три документа, касающіеся выдачи свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствѣ упоминаетъ г. Селезневъ въ своемъ трудѣ „Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, С.-Пб. 1861 (стр. 6 приложеній), а также И. А. Шляпкинъ въ брошюрѣ „Къ біографіи А. С. Пушкина (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя)“, С.-Пб. 1899 (стр. 14), но самый документъ нигдѣ еще обнародованъ не былъ, равно какъ и два другіе — прошеніе С. Л. Пушкина и удостовѣреніе И. И. Дмитріева и графа Сергѣя Николаевича Салтыкова.

I.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій!

Проситъ служащій въ коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гер-

бовникъ [1]) и съ онаго герба братъ мой родной, гвардіи порутчикъ Василій Львовичъ Пушкинъ, въ 1802 году получилъ копію, а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего [2]), всеподданнѣйше прошу *Къ сему*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Герольдіи принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ. *Прошенію*

Всемилостивѣйшій Государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1811 года; къ поданію надлежитъ въ Герольдію. Прошеніе писалъ и сочинялъ Канцеляристъ Петръ Степановъ. *Седьмаго класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.*

II.

Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣя Львовича Пушкина.

Марта дня 1811 г.

Министръ Юстиціи Дмитріевъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Графъ Сергій Салтыковъ.

---

1) Гербъ рода Пушкиныхъ внесенъ въ V часть „Общаго Гербовника“, на стр. 18; родъ записанъ въ VI часть родословной книги Костромской и Московской губерній. *В. Р.*

2) Въ дѣлѣ Герольдіи его нѣтъ: въ 1861 г. оно еще хранилось въ дѣлахъ Лицейскаго архива. *Ред.*

III.

Свидѣтельство[1]).

Копія.

По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила: дать сіе Коммиссаріатскаго штата 7-го класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину въ томъ, что онъ происходитъ отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и высочайше утвержденъ.

Марта 23 дня 1811 года.

Подлинный подписали: Герольдмейстеръ и кавалеръ Владиміръ Грушецкій. Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матвѣй Вагановъ. Секретарь Карлъ Гальбергъ. Коллежскій Ассессоръ Коневскій. У подлиннаго свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи печать. Пошлины 50 коп. взяты.

Подлинное свидѣтельство получилъ Штата Коммисаріатскаго седьмаго класса Сергѣй Пушкинъ.

Сообщилъ В. Рудаковъ.

---

1) Свидѣтельство это, за № 887, выдано на основаніи опредѣленія Герольдіи, состоявшагося 28-го марта 1811 года. *В. Р.*

Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.).

Одинъ изъ членовъ общества „Зеленой Лампы", Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, извѣстенъ по двумъ посланіямъ къ нему Пушкина: одно изъ нихъ было написано въ 1818, а другое („Здорово, Юрьевъ-именинникъ") въ 1819 г. Различныя изданія сочиненій поэта различно датируютъ это второе посланіе, пріурочивая его, обыкновенно, къ началу 1819 года, а П. О. Морозовъ, въ изданіи 1903 г., (т. I, стр. 238 — 239) выставляетъ подъ нимъ помѣту „февраль", не указывая, впрочемъ, источника, изъ котораго онъ взялъ эту помѣту. Между тѣмъ, изъ служебнаго формуляра Юрьева, къ которому Пушкинъ въ этомъ второмъ посланіи обращается уже какъ къ лейбъ-улану, видно, что въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ онъ былъ переведенъ 20-го сентября 1819 г. Такимъ образомъ, посланіе это могло быть писано не ранѣе 20-го сентября, а принимая во вниманіе, что память св. Ѳеодора празднуется 20-го и 23-го сентября, дважды въ ноябрѣ и дважды въ декабрѣ, можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что оно писано было или въ самый день перевода Юрьева въ лейбъ-уланы, или 23-го сентября, когда

вѣсть объ этомъ переводѣ, вѣроятно, давно ожидавшемся, дошла до Пушкина[1]).

Сообщаемъ здѣсь, кстати, біографическія свѣдѣнія объ Юрьевѣ, почерпнутыя изъ дѣла о дворянскомъ его происхожденіи (въ Архивѣ Департамента Герольдіи), изъ дѣла о его службѣ, хранящагося въ Архивѣ Государственнаго Банка и разысканнаго по нашей просьбѣ архиваріусомъ Банка А. А. Мироновымъ, а также изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго полка", составленной П. О. Бобровскимъ (С.-Пб. 1903, приложенія ко II тому, стр. 107 — 108).

Ѳ. Ф. Юрьевъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1796 году; въ 1812 г. (1-го сентября) онъ поступилъ на службу пятидесятымъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 г. былъ, вмѣстѣ съ полкомъ, въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Ангальтѣ, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Нейстрицемъ (17-го), получилъ чинъ корнета и вернулся въ Россію, а 5-го декабря 1814 г., послѣ распущенія ополченія, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручики и 8-го августа 1818 г., „по волѣ начальства и по Высочайшему повелѣнію, переведенъ былъ, въ числѣ русскихъ офицеровъ", въ Ямбургскій уланскій полкъ. 20-го сентября 1819 г., какъ сказано было выше, Юрьевъ, „за отличіе по службѣ и по собственному желанію", перешелъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, съ назначеніемъ

1) Эти соображенія были сообщены нами В. Е. Якушкину, который воспользовался ими для примѣчаній къ Академическому изданію сочиненій Пушкина.

старшимъ адъютантомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ затѣмъ во фронтѣ полка съ 10-го августа 1823 по 9-е февраля 1824 г., Юрьевъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ командующему 1-ю уланскою дивизіей генералъ-маіору князю Лопухину, 20-го октября того же года произведенъ въ штабсъ-ротмистры и назначенъ къ тому-же Лопухину бригаднымъ адъютантомъ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г., по выходѣ Лопухина въ отставку, снова вернулся въ свой полкъ, гдѣ, однако, прослужилъ уже недолго, и 10-го января 1833 г. вышелъ въ отставку, „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ“. Причислившись 29-го января 1835 г. къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Юрьевъ 2-го іюня 1836 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ, 19-го апрѣля 1839 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а 5-го октября того же года назначенъ былъ старшимъ директоромъ въ Экспедицію депозитной кассы при Коммерческомъ Банкѣ. Съ этого времени вся дальнѣйшая служба „любимца вѣтреныхъ Лаисъ“ прошла по Министерству Финансовъ; такъ, онъ постепенно занималъ должности: товарища управляющаго Коммерческимъ Банкомъ (съ 20-го августа 1843 г.), управляющаго (1848, 1849 и 1851 г.) временными Рыбинской и Нижегородской Банковыми Конторами, Управляющаго Экспедиціею Государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 22-го января 1854 г.), Управляющаго Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ (съ 15-го октября 1854), въ 1856 г. былъ коммандированъ для обревизованія Рижской Банковой Канторы, а въ 1858 г. съ тою же цѣлью осматривалъ Московскую, Одесскую, Кіевскую и Харьковскую Конторы Коммерческаго Банка. Состоя съ 1848 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Ѳ. Ф. Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 г.; жена его, Марія Павловна, рожденная Уша-

кова[1]) умерла еще раньше — 7-го декабря 1858 г. (род. 21-го августа 1802 г.) и погребена съ мужемъ въ церкви Казанскаго кладбища въ Царскомъ Селѣ. Дѣтей у нихъ не было, а наслѣдниками Ѳедора Филипповича были братья и сестра его жены: Валеріанъ и Алексѣй Павловичи Ушаковы и Варвара Павловна Барыкова[2]); въ качествѣ свидѣтелей на духовномъ его завѣщаніи подписались: Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, одинъ изъ сотоварищей Юрьева по обществу „Зеленой Лампы“ (братъ основателя послѣдней — Никиты Всеволожскаго) и Николай Павловичъ Мансуровъ, сынъ другого члена „Зеленой Лампы“ — П. Б. Мансурова. Изъ этого можно заключить, что Юрьевъ до конца дней своихъ сохранилъ дружескія связи съ пріятелями своей кипучей молодости. Подлинная рукопись второго посланія Пушкина къ Юрьеву перешла къ П. А. Ефремову, у котораго находится и въ настоящее время (Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 126).

Б. Модзалевскій.

---

1) Дочь генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова (р. 21-го іюня 1759 г. † 11-го марта 1840 г., погребенъ съ дочерью).

2) Умерла 5-го февраля 1862, погребена съ сестрой.

„Пушкинскія“ замѣтки[1]).

При занятіяхъ какими бы то ни было спеціальными вопросами накопляется попутно много матерьяла, къ этимъ вопросамъ не относящагося, но все же запоминаемаго, особенно, если онъ касается личности или дѣятельности такого писателя, какъ Пушкинъ. И у меня накопилось не мало замѣтокъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ великаго поэта. Большинство ихъ было уже потомъ напечатано, кое чѣмъ я и самъ воспользовался для своего сообщенія „Пушкинъ и Новороссійскій край“, помѣщеннаго въ сборникѣ „Пушкинскіе дни въ Одессѣ“ (Одесса. 1900 г.); но кое какая мелочь еще нашлась въ моемъ портфейлѣ. Не все тутъ равноцѣнно; но, полагая, что все, относящееся къ Пушкину, можетъ быть использовано въ будущемъ, я и позволяю себѣ сообщить эти безсвязныя замѣтки.

I.

Въ редакцію сборника, который предполагалось издать въ Одессѣ къ юбилею Пушкина, доставленъ былъ, между прочимъ, разсказъ г. Подвысоцкаго о томъ, какъ

1) Эта статья покойнаго профессора Новороссійскаго Университета Алексѣя Ивановича *Маркевича* найдена въ бумагахъ А. Н. *Пыпина*, среди статей, присланныхъ для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“. *Ред.*

Пушкинъ пріѣзжалъ къ своему пріятелю, дѣду г. Подвысоцкаго, Николаю Ивановичу Величко (дѣду и современнаго поэта В. Л. Величко). Передавать этотъ разсказъ я не считаю себя вправѣ, да и не убѣжденъ, что онъ теперь гдѣ-либо не напечатанъ, такъ какъ слѣдить за тѣмъ, что печатается во всѣхъ журналахъ и газетахъ нашихъ, невозможно[1]). Но въ разсказѣ г. Подвысоцкаго были нѣкоторыя неточности, и я хочу привести здѣсь соображенія, которыя, въ случаѣ чего, косвеннымъ образомъ помогутъ эти неточности исправить. Если Пушкинъ дѣйствительно когда-либо заѣзжалъ къ Н. И. Величко въ его хуторъ Вернигоровщину, то это могло быть лишь лѣтомъ 1824 г., послѣ того, какъ онъ былъ высланъ изъ Одессы и проѣзжалъ въ свое Михайловское черезъ Кременчугъ и Черниговъ; при чемъ, слѣдуя большимъ почтовымъ трактомъ, обязательно долженъ былъ проѣхать черезъ Прилуки и Нѣжинъ. Хотя дорога между этими городами и не лежитъ черезъ мѣстечко Ичню, близъ которой находится хуторъ Вернигоровщина, но разстояніе ихъ отъ почтоваго тракта, напр., отъ лежащаго на немъ мѣст. Монастырища, такъ невелико (верстъ 20—25), что Пушкину не трудно было бы свернуть въ сторону и заѣхать на нѣсколько часовъ къ пріятелю. Замѣчу, между прочимъ, что, хотя хуторъ Вернигоровщина находится очень близко отъ мѣст. Ични, но лежитъ уже не въ Черниговской губерніи, какъ Ичня, а въ Полтавской — въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

---

1) Разсказъ Н. В. Подвысоцкаго: „Изъ моихъ воспоминаній“, напечатанъ въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“ Петербургскихъ литераторовъ, С.-Пб. 1899, стр. 586 и сл.

Ред.

II.

Сообщаю нѣкоторые архивные матерьялы, быть можетъ, не лишніе для біографіи Пушкина, а именно, — два рапорта А. А. Скальковскаго.

А.

Его Превосходительству Господину Одесскому временному Генералъ Губернатору[1])

Тайнаго Совѣтника Скальковскаго

Рапортъ.

Исполняя предписаніе Вашего Высокопревосходительства отъ 23 сего Іюня № 1877 о собраніи въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора свѣдѣній „о поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“, честь имѣю донести, что въ архивѣ найдены мною слѣдующіе три положительные документа о нашемъ знаменитомъ соотечественникѣ:

1) Въ дѣлѣ 1850 года, № 307: „О составленіи Коммисіи для разбора дѣлъ архива Канцеляріи, подлежащихъ къ уничтоженію“, въ числѣ прочихъ было дѣло 1821 года, № 401, на 38 страницахъ: „По отношенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ о жалованьѣ Коллежскаго Секретаря Пушкина“. Дѣло это, по требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 27 Ноября 1861 года, за № 1969, отправлено Генералъ-Губернаторомъ графомъ Строгановымъ Г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ 7 Января 1862 года, за № 288.

2) Дѣло 1824 года № 74/89, часть 1-я „О саранчѣ“, опустошавшей тогда поля Новороссійскаго Края, въ ко-

1) Графу Э. И. Тотлебену.

торомъ упомянуто: „что въ числѣ чиновниковъ, командированныхъ въ Херсонскую губернію княземъ М. С. Воронцовымъ для произведенія опытовъ къ истребленію саранчи, отправленъ былъ „Коллежскій Секретарь Пушкинъ“ съ выдачею ему 400 р. ассигнаціями на путевыя издержки. Подлинное черновое предписаніе Генералъ-Губернатора отъ 25 Мая 1824 года, № 7976, находится во 2-й части дѣла о саранчѣ: № 76, 1824 же года. О томъ, какъ исполнилъ свое порученіе достославный поэтъ, въ дѣлѣ этомъ не видно. Дѣло хранится до сихъ поръ въ нашемъ архивѣ.

3) Дѣло 1824 года, № 144: „О высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пушкина“, на 33-хъ листахъ, которое при представленіи моемъ отъ 20 Декабря 1879 года, № 96, мною лично доставлено бывшему Одесскому градоначальнику генералъ-маіору Гейнсу, согласно предложенію его отъ 15 Ноября того же года, № 11135; это дѣло до настоящаго времени въ архивъ нашъ не возвращено[1]).

Донося о семъ Вашему Высокопревосходительству, я полагаю, что генералъ-маіоръ Гейнсъ, по первому требованію Вашему, не замедлитъ представить Вамъ упомянутое дѣло № 144 въ убѣжденіи, что онъ въ немъ никакой надобности не имѣетъ, а обязанъ возвратить въ Генералъ-Губернаторскій архивъ, изъ котораго оно было заимствовано.

Что касается до пребыванія въ Одессѣ знаменитаго нашего поэта, то въ Генералъ-Губернаторскомъ архивѣ свѣдѣній о томъ не имѣется. Тайный Совѣтникъ А. Скальковскій, Императорской Академіи Наукъ членъ.

Одесса. 28 Іюля 1880 года.

---

1) Нынѣ, стараньями и. д. Одесскаго Градоначальника гр. П. П. Шувалова, уже возвращено въ архивъ. *А. М.*

1829 года Высочайшаго благоволенія. Наконецъ, 18 сентября 1830 года дозволено было ему поступить на службу въ Канцелярію князя Воронцова и поселиться окончательно въ Одессѣ. Изъ этой выписки видно, что г. Тепляковъ, прибывшій въ Одессу, сперва на нѣсколько лишь дней, въ 1829 году и поселившійся въ этомъ городѣ едва въ 1831 г., не могъ никакъ дружить съ Пушкинымъ во время пребыванія знаменитаго поэта въ Одессѣ въ 1822 — 1824 гг.

Мы полагаемъ, въ оправданіе г. Лоровича, что онъ смѣшалъ нашего безсмертнаго поэта съ его двоюроднымъ братомъ[1]), который, точно, нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Одессѣ въ 1840-хъ годахъ, гдѣ и женился на дочери генерала Загряжскаго.

Что касается службы Пушкина по истребленію саранчи, то г. Миллеръ въ дѣлахъ архива бывшаго Генералъ-Губернаторства нашелъ, по требованію бывшаго Градоначальника А. К. Гейнса, и сообщилъ Его Превосходительству дѣло 1824 года, № 153/76: „Объ истребленіи саранчи". Въ немъ находится предписаніе Князя Воронцова отъ 22 Мая 1824 года, № 7976 о командированіи Коллежскаго Секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевыя издержки 400 руб. ассигнаціями. Отчетные рапорты по этому порученію отъ военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ этомъ находятся въ большомъ числѣ. Донесенія же Пушкина ни въ прозѣ, ни въ стихахъ нигдѣ не найдено, и едва ли г. Лоровичъ могъ читать этотъ „поэтическій рапортъ" Пушкина, такъ какъ автору фельетона „Одесскаго Вѣстника" было въ 1824 году не болѣе 12 лѣтъ отъ роду и, слѣдственно, не могъ онъ тогда

---

1) Ошибка: родной братъ — Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ. *А. М.*

Отсюда начало моего знакомства съ Александромъ Сергѣевичемъ".

И далѣе, говоря о порученіи, данномъ княземъ Воронцовымъ Пушкину истреблять саранчу вмѣстѣ съ другими, весьма почтенными лицами, посредствомъ цѣлыхъ баталіоновъ пѣхоты, г. Лоровичъ пишетъ, „что графъ М. С. Воронцовъ не долюбливалъ Пушкина послѣ знаменитаго донесенія въ стихахъ, вмѣсто казеннаго рапорта, объ истребленіи саранчи, при чемъ полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно. Сколько мнѣ извѣстно, рапортъ этотъ пріобщенъ къ дѣлу и, надо полагать, хранится въ Генералъ-Губернаторскомъ архивѣ".

Прочитавъ столь удивительныя вещи, я обратился за справками въ упомянутый Генералъ-Губернаторскій архивъ; г. Миллеръ, консерваторъ этого архива, доставилъ мнѣ слѣдующія выписки: во-первыхъ — изъ дѣла 1826 года, № 34, „объ отставномъ поручикѣ Тепляковѣ", изъ котораго видно, что г. Тепляковъ въ ноябрѣ 1826 г. по распоряженію высшей власти высланъ былъ на постоянное жительство въ Херсонъ, гдѣ и находился безотлучно до начала января 1828 года, когда, по особому ходатайству князя Воронцова, онъ камандированъ былъ на службу къ Таганрогскому градоначальнику. Онъ только въ октябрѣ 1829 года получилъ дозволеніе посѣтить Одессу въ теченіе восьми дней. Въ это время, по его просьбѣ, командированъ онъ былъ въ Варну и другіе крѣпости и города, занятые Русскими войсками, съ археологическою цѣлію. Плодомъ этого путешествія было собраніе нѣсколькихъ древнихъ мраморовъ[1]) и довольно дѣльное ихъ описаніе, удостоившееся даже 31 декабря

1) Находятся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. М.*

1829 года Высочайшаго благоволенія. Наконецъ, 18 сентября 1830 года дозволено было ему поступить на службу въ Канцелярію князя Воронцова и поселиться окончательно въ Одессѣ. Изъ этой выписки видно, что г. Тепляковъ, прибывшій въ Одессу, сперва на нѣсколько лишь дней, въ 1829 году и поселившійся въ этомъ городѣ едва въ 1831 г., не могъ никакъ дружить съ Пушкинымъ во время пребыванія знаменитаго поэта въ Одессѣ въ 1822 — 1824 гг.

Мы полагаемъ, въ оправданіе г. Лоровича, что онъ смѣшалъ нашего безсмертнаго поэта съ его двоюроднымъ братомъ[1]), который, точно, нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Одессѣ въ 1840-хъ годахъ, гдѣ и женился на дочери генерала Загряжскаго.

Что касается службы Пушкина по истребленію саранчи, то г. Миллеръ въ дѣлахъ архива бывшаго Генералъ-Губернаторства нашелъ, по требованію бывшаго Градоначальника А. К. Гейнса, и сообщилъ Его Превосходительству дѣло 1824 года, № 153/76: „Объ истребленіи саранчи". Въ немъ находится предписаніе Князя Воронцова отъ 22 Мая 1824 года, № 7976 о командированіи Коллежскаго Секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевыя издержки 400 руб. ассигнаціями. Отчетные рапорты по этому порученію отъ военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ этомъ находятся въ большомъ числѣ. Донесенія же Пушкина ни въ прозѣ, ни въ стихахъ нигдѣ не найдено, и едва ли г. Лоровичъ могъ читать этотъ „поэтическій рапортъ" Пушкина, такъ какъ автору фельетона „Одесскаго Вѣстника" было въ 1824 году не болѣе 12 лѣтъ отъ роду и, слѣдственно, не могъ онъ тогда

---

1) Ошибка: родной братъ — Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ. *А. М.*

судить, что „полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно". А. Скальковскій.

Повидимому, настоящая статья А. А. Скальковскаго, или, точнѣе, рапортъ его, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было основанія ей находиться въ архивномъ дѣлѣ, откуда я извлекъ ее, повидимому была имъ тогда не закончена, такъ какъ въ ней не исполнено обѣщаніе указать, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ. Впрочемъ, мнѣніе А. А. Скальковскаго объ этомъ было впослѣдствіи напечатано; но я потому и отношу настоящій рапортъ къ 1880 г., что тогда именно состоялось въ Одессѣ при торжественной обстановкѣ прибитіе къ дому г. Сикара на Итальянской (нынѣ Пушкинской) улицѣ доски съ обозначеніемъ, что здѣсь въ 1823 г. жилъ Пушкинъ. А. А. Скальковскій отрицалъ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ домѣ, но Одесское Славянское Общество, которое озаботилось тогда помѣщеніемъ доски на домѣ Сикара, руководствовалъ указаніемъ Н. Г. Тройницкаго, жившаго въ Одессѣ въ то время, когда здѣсь былъ Пушкинъ, и бывшаго величайшимъ его поклонникомъ; тогда какъ А. А. Скальковскій поселился въ Одессѣ позже и вращался въ такомъ кругу, гдѣ Пушкина не долюбливали.

III.

По поводу рапорта о саранчѣ, могу припомнить, что приходилось въ Одессѣ слышать различныя его редакціи; можетъ быть, онѣ уже были гдѣ-либо и напечатаны. Одна редакція сообщаетъ рапортъ дѣйствительно въ стихотворной формѣ, несхожей съ обычною, а что то въ родѣ:

Сія саранча
Богомъ создана и т. д.

Можетъ быть, г. Лоровичу попался рапортъ именно въ такой редакціи.

По другой редакціи рапортъ имѣлъ будто-бы такой видъ: на всей первой страницѣ листа было написано: „Саранча летѣла, летѣла, летѣла“ и т. д. до конца страницы, а въ концѣ слова: „и сѣла“; на второй страницѣ: „сидѣла, сидѣла, сидѣла“ и т. д. опять до конца страницы; на третьей: „ѣла, ѣла, ѣла“ и т. д., а въ концѣ: „все съѣла“; на четвертой же многократно повторялся неприличный глаголъ, тоже въ прошедшемъ времени, а въ концѣ— другой, сходный съ нимъ, и слова: „и улетѣла“.

Попадались мнѣ и модификаціи рапорта второй редакціи: „саранча то летѣла, то сидѣла, снова летѣла и снова сидѣла“ и т. д. до безконечности. Вообще желательно было бъ видѣть хоть одинъ старинный экземпляръ копіи съ этого апокрифическаго рапорта.

IV.

Въ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ М. Н. Макарова упоминается, что едва-ли не первымъ, оцѣнившимъ даровитаго юношу, былъ гувернеръ родственниковъ Пушкина— графовъ Бутурлиныхъ — французъ Жилле. Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ Р. Жилле былъ впослѣдствіи директоромъ Ришельевскаго Лицея и вообще представляетъ собою лицо, не безынтересное для исторіи нашего воспитанія въ началѣ XIX в.; его біографію смотри въ сборникѣ „Ришельевскій Лицей и Императорскій Новороссійскій Университетъ“, Одесса. 1898 г.

V.

Ад. Ант. Арцимовичъ, бывшій въ 1860-хъ годахъ Самарскимъ губернаторомъ, а затѣмъ попечителемъ Одес-

скаго Учебнаго Округа, разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Самарскихъ архивахъ дѣла, которыми пользовался Пушкинъ для исторіи Пугачевскаго бунта; при чемъ онъ не давалъ себѣ труда списывать необходимые ему документы или отдѣльныя мѣста въ нихъ, а просто вырывалъ или вырѣзывалъ то, что ему было нужно. Этотъ фактъ нетрудно и провѣрить.

VI.

В. И. М-чъ разсказывалъ мнѣ, со словъ Н. П. Семенова, члена Государственнаго Совѣта, о слѣдующемъ случаѣ: пріѣхавъ молодымъ въ Петербургъ, Н. П. Семеновъ съ кѣмъ-то изъ своихъ родственниковъ шелъ по улицѣ и вдругъ услышалъ вдали шумъ. Показалась толпа народа; родственникъ Н. П. Семенова предупредилъ его, что они сейчасъ встрѣтятъ императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этомъ кричали: „Браво, Пушкинъ!“, апплодировала и т. п. Родственникъ Н. П. Семенова былъ знакомъ съ Пушкинымъ и, встрѣтившись, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, что и дало возможность Н. П. Семенову близко видѣть Пушкина.

Авторитетность источника исключаетъ возможность сомнѣваться въ достовѣрности разсказа, который прекрасно иллюстрируетъ популярность Пушкина въ Петербургѣ.

VII.

Позволю себѣ высказать сомнѣніе, правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ разсказѣ Григорія („Бориса Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ. Правда, знаки препинанія раз-

мѣщены точно также и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина; но для меня такое возраженіе недостаточно убѣдительно: знакамъ препинанія Пушкинъ вообще не придавалъ особеннаго значенія, разставлялъ ихъ не всегда правильно (да были ли въ его время общепринятыя, хоть сколько-нибудь систематическія правила о знакахъ препинанія?) и могъ не обратить вниманія на то, какъ они напечатаны въ тѣхъ стихахъ, которые я имѣю въ виду.

Въ настоящее время печатается:

Григорій.

. . . Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, и т. д.

Мнѣ же кажется, что слѣдуетъ читать такъ;

. . . . . съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

Получается образъ, гораздо болѣе естественный.

Одесса. 25 декабря 1900 г.

Ал. Маркевичъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ соединеніи съ Разрядомъ изящной словесности 28 января текущаго года Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ было внесено предложеніе о составленіи словаря Пушкинскихъ риѳмъ. При обсужденіи этого вопроса было высказано нѣкоторыми изъ присутствующихъ связанное съ нимъ пожеланіе, чтобы наконецъ осуществилась и мысль о Пушкинскомъ словарѣ, занимавшая неоднократно изслѣдователей произведеній Пушкина и вызвавшая нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой давно назрѣвшей потребности, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна не была доведена до конца. Собраніе признало, что успѣшное исполненіе обѣихъ этихъ работъ, особенно второй, возможно только по окончаніи предпринятаго Академіей полнаго и критически провѣреннаго изданія сочиненій Пушкина, однако, въ виду неизбѣжной медленности исполненія такихъ задачъ, какъ подробный Пушкинскій словарь и систематическій словарь Пушкинскихъ риѳмъ, нашло умѣстнымъ озаботиться безотлагательно выработкой плана обоихъ трудовъ и возложило это порученіе на академиковъ *А. И. Соболевскаго* и *Ѳ. Е. Корша.* Въ засѣданіи 3 февраля, состоявшемся при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина не изъ числа академиковъ, а именно В. Е. Якушкина (одного изъ редакторовъ), Б. Л. Модзалевскаго (секретаря Коммиссіи) и П. Е. Рейнбота, планъ Пушкинскаго словаря, составленный акад. *Соболевскимъ*, и планъ словаря Пушкинскихъ риѳмъ, предложенный акад. *Кор-*

шемъ, были прочтены ихъ авторами и подверглись обстоятельному обсужденію, внесшему нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ обѣ записки, а затѣмъ было постановлено: 1) начало работъ по предполагаемому Пушкинскому словарю отложить до выхода II тома сочиненій Пушкина (подъ редакціею В. Е. Якушкина) и I тома переписки Пушкина (подъ редакціею Вл. И. Саитова), 2) обѣ записки напечатать въ ближайшемъ выпускѣ органа Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники".

Ред.

I.

Планъ словаря языка А. С. Пушкина.

1) Словарь заключаетъ въ себѣ всѣ слова, находящіяся какъ въ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ А. С. Пушкина, такъ и въ его письмахъ; дѣловыя бумаги, подписанныя Пушкинымъ, не имѣются въ виду.

2) Союзы, предлоги, частицы, мѣстоименія, формы глагола *быть*, встрѣчающіеся очень часто, — входятъ въ словарь 1) въ нѣсколькихъ примѣрахъ своего обычнаго употребленія и 2) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ употребленіе представляетъ уклоненіе отъ нормальнаго.

3) Каждое изъ остальныхъ словъ указывается во всѣхъ случаяхъ своего употребленія и сопровождается выписками такой величины, чтобы можно было видѣть: 1) грамматическое значеніе находящейся въ нихъ формы (падежной, личной), 2) синтаксическое употребленіе этой формы (управленіе глагола и т. п.), 3) удареніе, если выписка взята изъ стихотворенія, 4) эпитетъ, если слово — имя существительное.

4) Каждая выписка имѣетъ при себѣ указаніе на источникъ. Если это — одно изъ крупныхъ произведеній Пушкина, то къ сокращенному названію пьесы присоединяется цифра главы, пѣсни и строфы, дѣйствія и явленія и т. д.; если это — небольшое стихотвореніе или прозаическая статья, то дается лишь сокращенное заглавіе

или сокращенный первый стихъ; если наконецъ это — письмо, то сообщается его дата.

5) Словарь пользуется текстомъ сочиненій Пушкина по академическому изданію.

А. Соболевскій.

II.

Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ риѳмъ.

I.

Такъ какъ словарь Пушкинскихъ риѳмъ объемомъ своимъ, вѣроятно, значительно превыситъ изслѣдованіе о стихосложеніи, послѣднему можно придать видъ введенія, хотя, конечно, было-бы желательно, чтобы эта часть не ограничилась общими и только внѣшними метрическими данными, а содержала въ себѣ и такія указанія, которыя дали-бы читателю возможность вникнуть въ самый строй Пушкинскаго стихосложенія и понять причины той легкости, красоты, силы и того разнообразія, которыми плѣняетъ насъ Пушкинскій стихъ независимо отъ размѣра, но въ органической связи съ содержаніемъ, настроеніемъ и тономъ. Въ этомъ отношеніи важно обратить вниманіе на распорядокъ ритмическихъ удареній сильныхъ и слабыхъ, т. е. совпадающихъ съ грамматическимъ (прозаическимъ) ударѳніемъ или падающихъ на неударяемыя грамматически слоги только на основаніи общаго ритмическаго теченія стиха, и такимъ образомъ различить съ одной стороны напр. такіе стихи, какъ

Стоя́лъ онъ, ду́мъ вели́кихъ по́лнъ,

гдѣ каждому ритмическому ударенію соотвѣтствуетъ грамматическое (разговорное), и такіе, какъ

Порфѝрорóднаѧ вдовá,

гдѣ на ударенія грамматическія приходятся лишь главныя ритмическія (тактовыя), а съ другой — такіе, какъ оба выше приведенные, и такіе, каковъ слѣдующій:

И кла́нялся́ непри́нужде́нно,

гдѣ первое грамматическое удареніе, а слѣдовательно — и первое главное ритмическое, падаетъ не на 4-ый слогъ, какъ въ предъидущихъ, а на второй. Также напр. въ стихахъ

Одна́жды, стра́нствуя́ среди́ пусты́ни ди́кой,
Внеза́пно бы́лъ объя́тъ я ско́рбію вели́кой,

изъ которыхъ въ первомъ слогъ передъ цезурой имѣетъ исключительно ритмическое (слабое) удареніе, а во второмъ — ритмическое и одновременно грамматическое (сильное), согласно съ чѣмъ видоизмѣняется и общій порядокъ главныхъ и второстепенныхъ ударе́ній въ полустишіи, и т. д. Эти явленія уже привлекали къ себѣ вниманіе Тредіаковскаго и позже — Кубарева. Какъ въ связи съ вопросомъ о ритмическихъ удареніяхъ, такъ и по другимъ причинамъ слѣдуетъ обстоятельно разсмотрѣть цезуры, что̀ особенно важно для пятистопнаго ямба, о строѣ котораго Пушкинъ со второй половины 20-ыхъ годовъ думалъ не такъ, какъ раньше, но и для четырехстопнаго, движеніе котораго разнообразится между прочимъ и остановками или, выражаясь по-музыкальному, перерывомъ legato, напр.

Чертогъ сіялъ. || Гремѣли хоромъ
Пѣвцы || при звукѣ флейтъ и лиръ.

Въ связи съ распредѣленіемъ сильныхъ и слабыхъ ритмическихъ ударе́ній стоитъ вопросъ о большей или меньшей длинѣ словъ, входящихъ въ составъ стиховъ, что̀ особенно важно въ стихахъ, содержащихъ въ себѣ не менѣе четырехъ стопъ (а таковыхъ — огромное большинство), и въ размѣрахъ, состоящихъ изъ трехсложныхъ стопъ. Въ отдѣлѣ о звуковой силѣ и выразительности стиховъ желательны замѣчанія о звукоподражаніи и вообще о такъ называемой звуковой живописи (Топпа-

Iegei), выражающейся въ умѣстномъ повтореніи тѣхъ-же гласныхъ или согласныхъ, напр.

Хо́дитъ въ о́блачномъ сіяньѣ
Полумѣсяцъ молодо́й,

въ такъ называемыхъ ассонансѣ и аллитераціи, иногда и помимо качества самыхъ звуковъ — въ синтактическомъ построеніи, какъ

Шведъ, | Русскій || колетъ, | рубитъ, | рѣжетъ.

Само собою разумѣется, что этому изслѣдованію внутренняго строя стиховъ должно предшествовать полное перечисленіе употребленныхъ Пушкинымъ размѣровъ и строфъ съ отмѣткой окончаній мужескихъ и женскихъ, т. е. напр. при стихотвореніи «Поэтъ, не дорожи любовію народной» желательно приблизительно такое метрическое опредѣленіе: «Сонетъ французскаго образца, т. е. состоящій изъ александрійскихъ стиховъ; риѳмы: а Б Б а, а Б Б а; В В г; Д Д г» (гдѣ строчными буквами означены женскія риѳмы, а прописными — мужескія), или при балладѣ «Олегъ»: «Амфибрахическая строфа, въ которой первый и третій стихи состоятъ изъ четырехъ стопъ, второй и четвертый — изъ трехъ; риѳмы: «А б А б» и т. п.

Такъ опредѣляется длина стиховъ, т. е. ихъ стопное содержаніе, по господствующей терминологіи, отправляющейся отъ числа удареній, слышимыхъ при чтеніи; но возможна, конечно, и другая, греческая, основанная на числѣ удареній музыкальныхъ, по которой напр. стихъ

Отмстить неразумнымъ Хозарамъ

оказывается равнымъ стиху

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ

вслѣдствіе того, что при пѣніи предпослѣдній слогъ (*-за-*) растягивается до продолжительности цѣлой стопы, а послѣдній (*-рамъ*) получаетъ поэтому стопное (или тактовое) удареніе.

Выборъ той или другой терминологіи зависитъ отъ точки зрѣнія исполнителя предполагаемой задачи.

Весьма желательно было-бы внесеніе историческаго элемента въ изслѣдованіе о размѣрахъ Пушкина, т. е. указанія на то, которые изъ нихъ введены имъ впервые, и которые заимствованы у предшественниковъ, при чемъ должна быть указана какъ степень его зависимости отъ нихъ, такъ и отличія въ обращеніи съ отдѣльными размѣрами, напр. допускалъ-ли Пушкинъ въ своихъ ямбахъ и трохеяхъ стихи такого строя, какъ Державинскіе

Отсвѣчивàясь въ сердцáхъ

и

Съ бѣлымѝ Борéй власáми.

II.

Словарь Пушкинскихъ риѳмъ долженъ быть расположенъ въ азбучномъ порядкѣ, но, конечно, не риѳмующихся словъ, а только риѳмъ, т. е. риѳмующихся окончаній словъ. Для достиженія этой цѣли мужескія риѳмы должны составить одинъ отдѣлъ, а женскія — другой. Кое-гдѣ придется различить риѳмы точныя и неточныя; но въ этомъ случаѣ необходима большая осторожность во вниманіе къ тому обстоятельству, что произношеніе Пушкина въ точности намъ неизвѣстно и при томъ въ разныя эпохи его жизни могло быть не совсѣмъ одинаково, а въ стихахъ, особенно въ раннюю пору его творчества, несомнѣнно носило на себѣ слѣды тогдашняго литературнаго преданія, которымъ обусловливаются напр. сохраненіе звука *е* тамъ, гдѣ въ обычной рѣчи слышится *ё*, и южнорусскій выговоръ *ɪ* въ концѣ словъ, гдѣ Пушкинъ внѣ поэтической формы произносилъ *к*, вслѣдствіе чего *-ɪ* риѳмуется у него то съ *-хъ*, то съ *-къ*. Но каково-бы ни было качество отдѣльныхъ риѳмъ, онѣ должны, какъ сказано выше, быть расположены въ азбучномъ порядкѣ. Но, такъ какъ составить точный планъ словаря Пушкинскихъ

рифмъ можно только при наличности подлежащаго обслѣдованію матеріала, а его еще предстоитъ собрать, ниже предлагается лишь примѣрное распредѣленіе рифмующихся окончаній словъ (конечно, не однихъ грамматическихъ наставокъ), разсчитанное скорѣе на словарь русскихъ рифмъ вообще, чѣмъ на рифмы какого-либо русскаго поэта въ частности. Потому этотъ приблизительный планъ можетъ пригодиться и помимо Пушкина. Словарей рифмъ у насъ мало, но и тѣ, которые есть, расположены не систематически и далеко не полны. Правда, полнота въ такихъ словаряхъ едва-ли когда достижима, особенно на долгое время, но систематичность для нихъ тѣмъ болѣе обязательна, что безъ нея трудно и найти то, что̀ нужно. Впрочемъ, очень многіе сомнѣваются и въ томъ, нужны-ли самые словари рифмъ, такъ какъ думаютъ, что вдохновеніе даетъ истинному поэту не только содержаніе, но и форму. Это справедливо лишь отчасти, потому что самый даровитый поэтъ иногда готовъ былъ-бы дорого заплатить за рифму къ тому слову, которое оказалось у него въ концѣ стиха именно вслѣдствіе удачнаго оборота его творческой мысли, но по отсутствію этой рифмы въ данное мгновеніе долженъ напрягать свою память или передѣлывать только-что написанное въ прямой ущербъ своему вдохновенію и красотѣ своего созданія. Это случается особенно часто при употребленіи формъ искусственныхъ, какъ сонетъ, глосса, тріолетъ или газель. О желательности такого словаря для переводчика стихотворныхъ произведеній нечего и говорить, а впослѣдствіи онъ сослужитъ важную службу научную, какъ живое свидѣтельство о произношеніи данной эпохи, подобно старымъ провенсальскимъ спискамъ рифмъ при Donat proensal и Las leys d'amors.

I.

Риѳмы мужескія (односложныя).

1.

На гласныя.

На *á:*

-ба, -ва, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -ма, -на и т. д.

На *я́:*

-бя, -вя, -дя, зя, -ля, -мя, -ня и т. д. и отдѣльно и послѣ гласной или ь, какъ *я — моя — соловья.*

На *é (ѣ, э):*

-бе (-бѣ), -ве (-вѣ), -ге (-гѣ), -де (-дѣ) и т. д.

То-же послѣ ь: -бьѣ, -вьѣ, -дьѣ и т. д.

На *и́:*

-би, -ви, -ги, -ди, и т. д.

То-же послѣ гласной и послѣ ь, какъ *мои — соловьи* (съ чѣмъ Пушкинъ риѳмуетъ иногда и *любви* и т. п.).

На *о́*:

-бо, -во, -го, -до, -жо (же) и т. д.

На *ё* (-jo), послѣ гласной или ь: -ё, -бьё, -вьё, -дьё и т. д.

На *у́*:

-бу, -ву, -гу, -ду и т. д.

На *ю́:* -дю, -лю, -ню, рю и т. д.

То-же послѣ гласной или ь: -ю, -бью, -вью, -дью и т. д.

На ы:

-бы, -вы, -ды и т. д.

Примѣчаніе 1. Мужескія риѳмы съ двумя и тремя согласными передъ ударяемой гласной, куда относятся и -ья, -ьѣ, -ьи и т. п., можно не выдѣлять въ особые списки, такъ какъ въ расчетъ принимается часто лишь вторая согласная, т. е. напр. *добра́* риѳмуется не только съ *бобра́*, но и съ

ковра́, одра́, игра́, пора́, люблю́ — не только съ *ублю́*, но и съ *ловлю́, продлю́, млю́, молю́*, а у многихъ поэтовъ — даже съ *пою*, и т. п.

Примѣчаніе 2. При разработкѣ этого отдѣла, какъ впрочемъ и всѣхъ слѣдующихъ, должно имѣть въ виду всѣ грамматическія формы словъ, напр. ра́бъ (см. ниже 2. А.) — раба́, рабу́, рабо́мъ, рабѣ́, также хлѣ́бъ — мн. ч. хлѣба́ и т. п. Въ такихъ случаяхъ простая ссылка на соотвѣтствующіе отдѣлы риѳмъ -а́бъ, -ѣ́бъ и т. д. недостаточна, потому что напр. не всѣ существительныя на данную согласную имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ удареніе на концѣ.

2.

На согласныя.

А. На одну.

Съ *а́* (*я*):

-абъ (-апъ, -ябъ, -япъ), -авъ (-афъ, -аѳъ, -явъ), -агъ (-акъ, -ахъ, -ягъ, -якъ, -яхъ — см. выше), -адъ (-атъ, -ядъ, -ятъ), -ажъ (-ашъ, -яжъ, -яшъ), -азъ (-асъ, -язъ, -ясъ), -акъ (ср. риѳмы на -агъ), -алъ (-ялъ), -амъ (-ямъ), -анъ (янъ), -апъ (ср. риѳмы на -абъ), -аръ (яръ), -асъ (ср. риѳмы на -азъ), -атъ (ср. риѳмы на -адъ), -афъ (-аѳъ — ср. риѳмы на -авъ), -ахъ (ср. риѳмы на -агъ), -ацъ (-ящъ), -ачъ (-ячъ), -ашъ (-яшъ — ср. риѳмы на -ажъ), -ащъ (-ящъ).

То-же съ *ь* въ концѣ: -абь (-апь и -ябь, -япь), -авь (-явь), -адь (-ать и -ядь, -ять) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ, э*):

-ебъ (-ѣбъ, -епъ, -ѣпъ), -евъ (-ѣвъ, -еѳъ), -егъ (-ѣгъ, -екъ, ѣкъ, -ехъ, -ѣхъ), -едъ (ѣдъ, -эдъ, -етъ, -ѣтъ, -этъ) и т. д.

То-же съ *ь* въ концѣ.

Съ *и́* (*ы*):

-ибъ (-ыбъ, -ипъ, -ыпъ), -ивъ (-ывъ, -ифъ, -иѳъ), -игъ (-ыгъ, -икъ,

-ыкъ, -ихъ, -ыхъ), -идъ (-ыдъ, -итъ, -ытъ), -ижъ (-ыжъ, -ишъ, -ышъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *о́* (*ѣ*):
-объ (-ёбъ, -опъ, -ёпъ), -овъ (ёвъ, -офъ, -оѳъ), -огъ (-окъ, -охъ, -ёгъ, -ёкъ, -ёхъ), -одъ (-отъ, -ёдъ, -ётъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *у́* (*ю*):
-убъ (-упъ, -юбъ, -юпъ), -увъ (-уфъ, -ювъ, -юфъ), -угъ (-укъ, -ухъ, -югъ, -юкъ, -юхъ), -удъ (-утъ, -юдъ, -ютъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Б.

На двѣ*).

Съ *а́* (*я*):
-абръ (-ябръ), авръ, -агръ, -акръ, -антъ и т. п.
То-же съ ъ въ концѣ или между согласными, какъ *Альпъ*.

Съ *е́* (*ѣ, э*):
-евръ (-эвръ), -ездъ (-ѣздъ, -естъ, -ѣстъ), -ентъ, -ербъ (-ерпъ), -ескъ (-ѣскъ) и т. д.
То-же съ ъ.

Съ *и́* (*ы*):
-игръ, -имнъ, -индъ, -искъ (-ыскъ), -истъ (-ыстъ) и т. п.
То-же съ ъ.

Съ *о́* (*ѣ*):
-одръ (-ёдръ), -олкъ (ёлкъ), -олнъ (-ёлнъ), -ондъ (-онтъ), -ордъ (-ёрдъ), -орнъ (-ёрнъ), -ортъ (-ёртъ, — ср. -ордъ), -остъ (-ёстъ), -отръ (-ётръ) и т. п.
То-же съ ъ.

---

*) Окончанія даны лишь примѣрно, потому что сочетанія двухъ согласныхъ въ концѣ сравнительно рѣдки, трехъ — еще рѣже.

Съ *ý* (*ю*):

-ургъ, -урнъ, -устъ (-юстъ), утръ и т. п.

То-же съ *ъ*.

В.

На три.

Съ *á* (*я*):

-айскъ, -альскъ, -андръ, -астръ и др.

Съ *é* (*ѣ*, *э*):

-евскъ, -енскъ, -естръ и др.

Съ *и́* (*ы*):

-инскъ, -ирскъ, -истръ (-ыстръ) и др.

Съ *ó* (*ё*):

-овскъ, -орскъ, -орстъ и др.

Съ *ý* (*ю*):

-урскъ, -устръ и др.

II.

Риѳмы женскія (двусложныя, трохаическія).

1.

На гласныя.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Чуть-ли не только на -ái, -éи (-ѣ́и), -óи, -ýи, и то рѣдкія, а прочія, кажущіяся чисто гласными, на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ j, какъ слова на-áя, -áю, -áѣ и т. п., почему о нихъ удобнѣе говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ *á* (или *я́*)—*а* (или *-о*):
-а́ба (-я́ба, -а́бо, -я́бо), а́ва (-я́ва, -а́во, -я́во), -а́га (-я́га, -а́го, -я́го), -а́да (-я́да, -а́до, -я́до), -а́жа, -а́за и т. д., также съ *я:* -а́я (-а́ja), -а́дя (-я́дя), -а́ля (-я́ля) и т. п.

Съ *á (я́)* — *е (ѣ)*:
-а́бѣ (-я́бѣ), -а́вѣ (-я́вѣ), -а́гѣ (-я́гѣ) и т. д.

Съ *á (я́)* — *и:*
-а́би (я́би), -а́ви (я́ви), -а́ги (я́ги) и т. д., риѳмующіяся иногда съ *á* — *е (ѣ)*, что̀ слѣдуетъ замѣтить для всѣхъ женскихъ риѳмъ на *е (ѣ)* и *и.*

Съ *á (я́)* — *о:*
-а́бо (-я́бо), -а́во (я́во) и т. д. ср. *á* — *а.*

Съ *á* — *у (ю)*:
-а́бу (я́бу), -а́ву (-я́ву) и т. д., также съ *ю:* -а́ю (-а́jу), -*а́дю* (-я́дю), -а́лю (я́лю) и т. д.

Съ *á (я́)* — *ы:*
-а́бы (-я́бы), -а́вы (-я́вы) и т. д.

б) Съ *é (ѣ́)* — *а (о, я)*:
-е́ба (-ѣ́ба, -е́бо), -е́ва (-ѣ́ва, -ево, -ѣво), -е́га (-ѣ́га), -е́да (-ѣ́да) и т. д., также съ *я:* -е́я (-ѣ́я=е́ja), -е́дя (-ѣ́дя), -е́ля (-ѣ́ля), -е́ня (-ѣ́ня) и т. п.

Съ *é (ѣ́)* — *е (ѣ)*:
-е́бѣ (-ѣ́бѣ), -е́вѣ (-ѣ́вѣ) и т. д.

Съ *é* (ѣ́) — *и:*
-е́би (едва-ли найдется), -е́ви (также), -е́ги (-ѣ́ги) и т. д.

Съ *é (ѣ́)* — *о:*
-е́бо, -е́во и т. д. — ср. *é* — *а.*

Съ *é* (*ѣ́*) — *y* (*ю*):
-éбу (-ѣ́бу), -éву, -éгу и т. д., также съ *ю:* -éдю, -éлю, -éню и т. п.

в) Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *а* (*о*, *я*):
-и́ба (-ы́ба, -и́бо), -и́ва (-ы́ва, -и́во) и т. д., также съ *я:* -і́я (-ы́я), -и́дя, -и́ля (-ы́ля), -иня (-ы́ня) и т. п.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *е* (*ѣ*):
-и́бѣ (-ы́бѣ), -и́вѣ (-ы́вѣ) и т. д.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *о:*
-и́бо, -и́во и т. д. — ср. *и́* — *а*.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *у* (*ю*):
-и́бу (-ы́бу), -и́ву (-ы́ву) и т. д., также съ *ю:* -і́ю, -и́лю (-ы́лю), -и́ню (-ы́ню) и т. п.

Съ *и́* (ы́) — *ы́:*
-и́бы (-ы́бы), и́-вы (-ы́вы) и т. д.

г) Съ *о́* (*ё*) — *а* (*я*)
Съ *о́* (*ё*) — *е* (*ѣ*)
Съ *о́* (*ё*) — *и* (*ы*)
Съ *о́* (*ё*) — *у* (*ю*)
д) Съ *у́* (ю) — *а* (*я*)
Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ѣ*)
Съ *у́* (*ю́*) — *и* (*ы*)
Съ *у́* (*ю*) — *о*
Съ *у́* (*ю́*) — *у* (*ю*)

} такимъ-же образомъ.

В.

Съ двумя согласными (или съ *й* + согл. и съ согл. + j).

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*):
-а́бка (-я́бка, -я́бко, -а́пка, -я́пка), -а́бра (-а́бро), -а́вна (-я́вна, -а́вно, -я́вно), -а́вра, -а́гра, -а́жка (-я́жка, -а́жко, -я́жко, -а́шка, -я́шка), -а́зка (-я́зка, -я́зко, -а́ска, -я́ска, -я́ско), -а́йка, -а́йна

и т. д., также съ *я* въ концѣ: -а́бья, -а́вья, -а́дья (-я́дья), -а́кля, -а́пля и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):

-а́бье (-я́бье), -а́бкѣ (-я́бкѣ, -а́шкѣ) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*

-а́бьи, -а́бки, -а́вки, -а́вни и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *о:*

-а́бко (-я́бко, -а́шко), -а́вно и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *у* (*ю*):

-а́бку, -а́вку, -а́вну и т. д., также -а́бью, -а́влю, -а́вню и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*

-а́вны, -а́вры, -а́гры и т. д.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*о, я*):

-е́бна (-е́бно), -е́вка (-е́́вка), -е́вна (-е́́вна, -е́́вно), -е́дна (-е́́дна, -е́́дно), -е́жда (-е́́жда), -е́жна (-е́́жна, -е́жно, -е́́жно), -е́зна (-е́зно, -е́здна), -е́йна (-е́́йна, -е́́йно) и т. д., также -е́вья (-е́́вья), -е́вня, -е́дня (-е́́дня), -е́жья, -е́лья, -е́мля и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ѣ*):

-е́внѣ, -е́жде (-е́ждѣ), -е́лье (-е́льѣ), -е́льнѣ (-е́́льнѣ) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и:*

-е́вни, -е́дни, -е́зни (-е́́зни), -е́льи и т. д. — Ф. *е́* — *а.*

Съ *е́* (*ѣ́*) — *о:*

-е́дно, -е́вно (-е́́вно) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*):

-е́вну (-е́́вну), -е́жду (-е́́жду), -е́зну (-е́здну) и т. д., также -е́вью (-е́́вью), -е́вню, -е́жью и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы:*

-е́вны (-е́́вны), -е́жды (-е́́жды), -е́жны (-е́́жны) и т. д.

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а* (*о, я*):

-и́вна (-и́вно), -и́дна (-и́дно), -и́зна, -и́лка (-ы́лка, -ы́лко) и т. д., также -и́пля (-ы́пля), -и́рья, -и́рня и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ѣ*):
-и́внѣ, -и́знѣ, -и́лье (-и́льѣ, ы́лье, -ы́льѣ) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и*:
-ы́бки (-и́нки, -ы́нки), -и́кни, -и́льи (-ы́льи), -и́лки (-ы́лки) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *о:*
-и́бко, -и́вно и т. д. — ср. *и́* — *а.*

Съ *и́* (*ы́*) — *у* (*ю*):
-и́бку (-ы́бку, -и́пку, -ы́шку), -и́вку, -и́гну (-ы́гну), -и́зну, -и́кну и т. д., также -ы́бью, -и́льню, -и́рню и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы:*
-и́вны, -и́дны, -и́змы, -изны и т. д.

г) Съ *о́* (*ё*) — *а* (*о, я*):
-о́бна (-о́бно), -о́бра (-ёбра), -о́вна (-ёвна, -о́вно, -ёвно), -о́дра (-ёдра, -о́дро), -о́жна (-ёжна, -о́жно, -ёжно), -о́зна (-ёзна, -о́зно, -ёзно, -о́здно), -о́йна и т. д., также -о́бья, -о́бля, -о́вья, -о́вля, -о́вня, -о́дья, -о́дня, -о́жня, -о́зня, -о́йня и т. п.

Съ *о́* (*ё*) — *е* (*ѣ*):
-о́бье (-о́бьѣ), -о́вье (-о́вьѣ), -о́блѣ, -о́внѣ и т. д.

Съ *о́* (*ё*) — *и:*
-о́бьи, -о́вьи, -о́вли, -о́вни и т. д.

Съ *о́* (*ё*) — *о:*
-о́бно, -о́вно, -о́дно, -о́дра и т. д. — ср. *о́* — *а.*

Съ *о́* (*ё*) — *у* (*ю*):
-о́вну (-ёвну), -о́зну, -о́йну и т. д., также -о́бью, -о́вью, -о́влю, -о́вню, -о́жню и т. п.

Съ *о́* (*ё*) — *ы:*
-о́бны, -о́вны (-ёвны), -о́вцы, -о́дры, -о́жны и т. д.

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а* (*я*):
-у́бка (-ю́бка, -у́пка), -у́дка (-ю́дка, -у́тка, -ю́тка), -у́дна (-ю́дна), -у́жка (-ю́жка, -у́шка, -ю́шка), -у́жна (-ю́жна) и т. д., также -у́бья (-ю́бья), -у́жья (-ю́жья), -у́тня (-ю́тня) и т. п.

Съ *ý* (*ю́*) — *е* (*ѣ*):
-у́бье (-у́бьѣ, -ю́бье, -ю́бьѣ), -у́бкѣ (-ю́бкѣ, -у́шкѣ, -ю́пкѣ), -у́дье (-у́дьѣ, -ю́дье, -ю́дье), -у́дкѣ (-у́ткѣ, -ю́ткѣ) и т. д.

Съ *ý* (*ю́*) — *и:*
-у́бьи, -у́дьи, -у́дки и т. д.

Съ *ý* (*ю́*) — *о:*
-у́дно (-ю́дно), -у́жно, -у́зно и т. д. — ср. *ý* — *а.*

Съ *ý* (*ю́*) — *ы:*
-у́дны (-ю́дны), -у́жны и т. д.

Г.

Съ тремя согласными (й, j).

а) Съ *á* (*я́*) — *а* (*о*, *я*):
-а́йска, -а́льска, -а́мбра, -а́мска, -а́ндра, -а́нска (-я́нска), -а́рска, -а́стна (-а́стно*), -а́стра и т. д., также -а́стья (-я́стья) и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *е* (*ѣ*):
-а́йскѣ, -а́льскѣ, -а́мбрѣ и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *и:*
-а́бски (-а́пски), -а́дски (-я́дски, -а́тски, -а́цки), -а́йски, -а́льски, -а́мски, -а́нски (-а́ндски), -а́ркни, -а́рски (-я́рски) и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *о:*
-а́стно, -а́цтво и др.

Съ *á* (*я́*) — *у* (*ю*):
-а́йску, -а́льску, -а́мбру, -а́мску, -андру, -а́нску, -а́ркну, -а́рску и т. д., также -а́стью (-я́стью) и т. п.

---

* Впрочемъ здѣсь три согласныхъ только для глаза, потому что въ -стн-, какъ и въ -здн-, средняя согласная не выговаривается. Такимъ образомъ -а́стна, -е́стна, -е́здна (-е́дна) часто рифмуются съ -а́сна, -е́сна (-е́сна), -е́зна и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*

-а́мбры, -а́ндры и т. д.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*о*, *я*):

-е́вска (-ѣ́вска), -е́здка, (-е́стка, -ѣ́стка), -е́здна (-ѣ́здна), -е́йска, -е́ктра, -е́ндра, -е́нска, -е́рска, -е́стна (-ѣ́стна), -е́стра и т. д., также -е́стья (-ѣ́стья) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ъ*):

-е́вскѣ (-ѣ́вскѣ), -е́здкѣ (-ѣ́сткѣ), -е́йскѣ и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и:*

-е́дски (-*ѣ́*дски, -е́тски, -ѣ́тски, -е́цки), -е́йски, -е́рзки (-е́рски, -ѣ́рски) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *о:*

-е́здно (-ѣ́здно), -е́рзко, -е́стно (-ѣ́стно) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*):

-е́вску (-ѣ́вску), -е́здку (-ѣ́стку), -ейску, -е́ктру и т. д., также -е́стью (-ѣ́стью) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы:*

-е́ктры, -е́ндры, -е́рсты (-е́рзты), -е́стры и т. д.

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а* (*я*, *о*):

-и́льска (-ы́льска), -и́мбра, -и́мска (-ы́мска), -и́ндра, -и́нска, -и́рска, -и́стка, -и́стна (-ы́стна), -и́стра (-ы́стра, -ы́стро) и т. д., также -и́стья (-ы́стья) и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ъ*):

-и́льскѣ (-ы́льскѣ), -и́мбрѣ и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и:*

-и́дски (-и́тски, -и́цки), -и́льски, -и́нски, -и́ркни (-ы́ркни), -ирски и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *о:*

-и́стно и др. — ср. *и́* — *а.*

Съ *и́* (*ы*) — *у:*

-и́льску (-ы́льску), -и́мбру, -и́мску (-ы́мску), -и́ндру, -и́нску, -и́ркну (-ы́ркну) и т. д., также -и́стью (-ы́стью) и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы:*

-и́мбры и т. д.

г) Съ *о́* (*е́*) — *а (я)*:

-о́вска (-ёвска) -о́дска (-о́тска, -о́цка), -о́здка (-о́стка, -ёстка), -о́льска (-о́льзко), -о́нска и т. д., также -о́стья, -о́ршня и т. п.

Съ *о́* (*е́*) — *е* (*ѣ*):

-о́вскѣ (-ёвскѣ) и т. д.

Съ *о́* (*е́*) — *и:*

-о́вски (-ёвски), -о́дски (-о́тски, -о́цки), -о́лкни (-ёлкни), -о́рдки (-о́ртки, -ёртки), и т. д.

Съ *о́* (*е́*) — *о:*

-о́здко (-о́стко, -ёстко), -о́льзко, -о́стно, -о́стро (-ёстро) и т. д. — ср. *о́* — *а*.

Съ *о́* (*е́*) — *у* (*ю*):

-о́вску (-ёвску), -о́дску (-о́тску, -о́цку), -о́здку (-о́стку, -ёстку), -о́лкну (-ёлкну) и т. д., также -о́стью и т. п.

Съ *о́* (*е́*) — *ы:*

-о́стны, -о́стры (-ёстры) и т. д.

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а* (*о*, *я*):

-у́здка, -у́стка, -у́рска, -у́стна и т. д., также -у́стья и т. п.

Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ѣ*):

-у́рскѣ, -у́сткѣ, -у́стьѣ и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *и:*

-у́жски (-у́шски), -у́зски (-у́сски), -у́рски и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *о:*

-у́стно и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *у* (*ю*):

-у́здку (-у́стку), -у́рску, и т. д., также -у́стью и т. п.

Съ *у́* (*ю́*) — *ы:*

-у́стны, -у́стры (-ю́стры) и т. д.

Д.

Съ четырьмя согласными.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а:*

-а́бства (-а́пства), -а́вства (-а́фства), -а́дства (-я́дства, -а́тства, -я́тства), -а́йства (-я́йства), -а́льства и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ъ*);

-а́бствѣ (-а́пствѣ) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*

-а́ндски (-я́ндски, -а́нтски), -а́рдски (-а́ртски) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *о:*

-а́бство (-а́нство) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *у:*

-а́бству (-а́пству) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*

?

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а:*

-е́бства, -е́дства (-е́ждства, -е́тства), -е́йства (-е́йства) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ъ*):

-е́бствѣ и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и:*

? но ср. -е́дствій (-е́ждствій), -е́йствій (-е́йствій) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у:*

-е́бству и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы:*

?

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а:*

-и́дства (-ы́дства, -ы́тства), -и́льства, -и́мства, -и́нства и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ъ*):

-и́дствѣ (-ы́дствѣ, -ы́тствѣ) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и:*

?

Съ *и́* (*ь́*) — *о:*

-и́дство (-ы́дство, -ы́тство) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *у:*

-и́дству (-ы́дству, -ы́тству) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы:*

?

г) Съ *о́* (*ё́*) — *а:*

-о́бства (-о́пства), -о́вства (-ёвства), -о́дства (-о́тства, -ётства), -о́йства, -о́льства, -о́мства, -о́нства (-ёнства), -о́рства (-ёрства).

Съ *о́* (*ё́*) — *е* (*ъ*):

-о́бствѣ (-о́пствѣ) и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *и:*

? но ср. -о́льствій и т. п.

Съ *о́* (*ё́*) — *о:*

-о́бство (-о́пство) и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *у:*

-о́бству (-о́пству) и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *ы:*

?

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а:*

-у́дства (-ю́дства, -у́тства), -у́мства, -у́рства *).

Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ъ*):

-у́дствѣ и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *и:*

? но ср. -у́тствій и т. п.

---

*) Но *искýсство* у Пушкина и др. рифмуется съ *чýвство*, т. е. въ первомъ опускается при чтеніи одно *с*, а во второмъ — первое *в*.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*

? но ср. у Грибоѣдова *за́-ночь — Степа́ныч*ъ.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*я*, *о*):

-е́дать, -е́ять и т. д.

Такъ-же съ прочими гласными. Тѣ-же сочетанія гласныхъ и согласныхъ при двухъ и трехъ согласныхъ въ концѣ, напр. -ёмистъ, -а́дость и т. п.

В.

Съ двумя согласными въ серединѣ.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*):

-а́бкамъ (-я́бкамъ, -а́пкамъ, -я́пкамъ, -а́бкомъ, -я́бкомъ, -а́пкомъ), -а́бкахъ (-я́бкахъ, -а́пкахъ, -я́пкахъ), -а́вкалъ (-я́вкалъ), -а́вкамъ (-я́вкамъ, -а́вкамъ), -а́вкахъ (-я́вкахъ) и т. д.

То-же съ *ь:*

-а́вкать (-я́вкать) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *с* (*ѣ*):

-а́бленъ, -а́бнемъ (-я́бнемъ), -а́бнетъ (-я́бнетъ), -а́бнешь (-я́бнешь), -а́вленъ (-я́вленъ) и т. д. съ разными гласными и согласными, съ *з* и съ *ь* въ концѣ.

III.

Риѳмы дактилическія (трехсложныя).

1.

На гласныя.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*):

-а́вала (-а́вало, -я́вола), -а́дала (-а́дала, -а́дало), -а́зана (-я́зана, -а́зано, -я́зано), -а́яла (-а́яло, -а́ила), а́яна (-а́ена, -а́ина) и т. д., также -а́ная (-я́ная, -а́ное, -я́ное) и т. п.

-áденъ (-яденъ), -áдетъ (-ядетъ), -áдешь (-ядешь), -áжемъ (-яжемъ), -áженъ (-яженъ), -áжетъ (-яжетъ), -áжешь (-яжешь), -áзенъ (-язенъ), -áемъ и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *и:*
-áбивъ (-я́бивъ), -áбилъ (-я́билъ), -áбимъ (-я́бимъ), -áдимъ (-я́димъ), -áбитъ (-я́битъ), -áбишь (-я́бишь) и т. д., часто въ смѣшеніи съ *á — е*, какъ у Пушкина *Пáвелъ — прáвилъ*.

Съ *á* (*я́*) — *о*:
-áбовъ (-я́бовъ) и т. д. — ср. *á — а*.

Съ *á — у* (*ю*):
-áдутъ (-я́дутъ), -áнувъ (-я́нувъ), -áнулъ (-я́нулъ), -áнутъ (-я́нутъ), -áрусъ (-я́русъ), -áчутъ (-я́чутъ), -áшутъ (-я́шутъ) и др., также -áютъ (-я́ютъ).

Съ *á* (*я́*) — *ы*:
-áбымъ, -áбыхъ, -áвымъ (-я́вымъ) и т. д.

Такимъ-же образомъ (ср. риомы женскія на гласную):
б) Съ *é* (*ѣ́*) — *а* (*о, я*), *é* (*ѣ́*) — *и*, *é* (*ѣ́*) — *о*, *é* (*ѣ́*) — *у* (*ю*), *é* (*ѣ́*) — *ы*, г) съ *и́* (*ы́*) — *а* (*я, о*) и т. д.

То-же съ *ъ* въ концѣ (помимо *ж* и *ш*):

а) Съ *а* (*я́*) — *а* (*я, о*):
-áдать (-áдоть), -áкать (-я́кать, -я́коть), -áпать (-áпоть), -áхарь и др.

Съ *á* (*я́*) — *é* (*ѣ́*):
-áвѣть (-я́вѣть), -áмень, -áшень и др.

Съ *á* (*я́*) — *и:*
-áбить (-я́бить), -áвить (-я́вить), -áдить и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *о*:
-áводь (-áвать) — ср. *á — а*.

Съ *á* (*я́*) — *у:*
-áнуть (-я́нуть) и др.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*

? но ср. у Грибоѣдова *за́-ночь — Степа́ныч*ъ.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*я*, *о*):

-ѣ́дать, -ѣ́ять и т. д.

Такъ-же съ прочими гласными. Тѣ-же сочетанія гласныхъ и согласныхъ при двухъ и трехъ согласныхъ въ концѣ, напр. -ѣ́мистъ, -а́дость и т. п.

В.

Съ двумя согласными въ серединѣ.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*):

-а́бкамъ (-я́бкамъ, -а́пкамъ, -я́пкамъ, -а́бкомъ, -я́бкомъ, -а́пкомъ), -а́бкахъ (-я́бкахъ, -а́пкахъ, -я́пкахъ), -а́вкалъ (-я́вкалъ), -а́вкамъ (-я́вкамъ, -а́вкамъ), -а́вкахъ (-я́вкахъ) и т. д.

То-же съ *ь:*

-а́вкать (-я́вкать) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):

-а́бленъ, -а́бнемъ (-я́бнемъ), -а́бнетъ (-я́бнетъ), -а́бнешь (-я́бнешь), -а́вленъ (-я́вленъ) и т. д. съ разными гласными и согласными, съ *ъ* и съ *ь* въ концѣ.

III.

Риомы дактилическія (трехсложныя).

1.

На гласныя.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*):

-а́вала (-а́вало, -я́вола), -а́дала (-а́дала, -а́дало), -а́зана (-я́зана, -а́зано, -я́зано), -а́яла (-а́яло, -а́ила), а́яна (-а́ена, -а́ина) и т. д., также -а́ная (-я́ная, -а́ное, -я́ное) и т. п.

Съ *á* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *е* (*ѣ*):
-а́палѣ (-а́полѣ), -а́карѣ и др.

Съ *á* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *и:*
-а́бами, -а́вали (-а́воли, -я́воли), -а́вами, -а́гами (-я́гами), -а́дали (-я́дали, -а́доли), -а́яли и т. п.

Съ *â* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *о:*
-а́вало и т. д. — ср. *á* — *а* — *а*.

Съ *á* (*я́*) — *а* (*я*, о) — *у* (*ю*):
-а́палу и т. д., также -а́даю (-я́даю, -а́дою) и т. д.

б) Съ *á* (*я́*) — *е* (*ѣ*, *и*, *і*) — *а* (*о*, *я*, *е*):
-а́вѣла (-я́вѣла, -а́вѣло, -явѣло, -а́вила, -а́вило), -а́жена (-я́жена, -а́жено, -я́жено), -а́рева (-а́рево, -а́ряго) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *е* (*ѣ*, *и*, *і*) — *е* (*ѣ*):
-а́ревѣ и т. д.

То-же съ другими сочетаніями гласныхъ и согласныхъ, потомъ съ двумя согласными, напр. -а́скана, -а́сково (-а́сскаго, -я́зкаго, -я́скаго) или -а́чество, -о́жество, и т. д. съ тѣми-же подраздѣленіями, какъ въ риѳмахъ женскихъ.

2.

На согласныя.

а) Съ *á* (*я*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*):
-а́паламъ (-а́поломъ), -а́евалъ (-а́ивалъ) и т. д.

Съ *á* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*) — *у* (*ю*):
-а́даютъ (-я́даютъ) и т. д.
Такъ-же съ другими гласными и согласными.

Риѳмы на *й* можно какъ подвести подъ соотвѣтствующіе отдѣлы, такъ и выдѣлить въ особый списокъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ и дактилическихъ риѳмахъ, потому что послѣ неударяемой гласной этотъ звукъ 1) иногда не принимается въ расчетъ, напр. плѣ́нной — смире́нно, 2) приводитъ къ созвучію

такія гласныя, которыя въ другихъ случаяхъ не риѳмуются, напр. обы́чай—добы́чей—отли́чій, лука́вый—отра́вой, пы́лкій—ссы́лкой.

Какъ уже сказано выше, на предложенный здѣсь планъ отнюдь нельзя смотрѣть какъ на схему, предназначенную для собранія и расположенія только Пушкинскихъ риѳмъ. Потому сюда включены риѳмы дактилическія, которыя у Пушкина встрѣчаются чуть не лишь въ такой риѳмованной прозѣ, какою написана сказка о Балдѣ, а изъ прочихъ многія такія, которыя завѣдомо не находятся въ его стихотвореніяхъ, да и не могли быть имъ употреблены въ большей части его произведеній вслѣдствіе своего чрезмѣрно шутливаго, чтобы не сказать «шутовского», характера. Сюда относятся нѣкоторыя грамматическія образованія, напр. многіе глаголы на *-кать*, и риѳмы изъ двухъ словъ — ударяемаго и неударяемаго или безгласнаго, иначе невозможныя и часто богатыя, напр. *Ялты — вая́лъ ты, да́мы — всегда́ мы, боязли́вы — везли́ вы, ло́же — чело́ же, па́токи — глупа́-таки, про́повѣдь — Евро́па вѣдь, то́щи — во́ щи, ба́бокъ—на́ бокъ, ме́бель—не́бъ-ль, ча́йка—встрѣча́й-ка, Ва́нька—вста́нь-ка* и т. п., доходящія иногда до полнаго звукового тождества, до каламбура, какъ *жа́лобы — жа́ло-бы, ста́яли — ста́я-ли, уста́ли—уста́-ли, за́дали—за́да-ли (изъ а́да-ли), за́домъ —за́ домъ, горба́то—горба́-то, не сла́бы—несла́-бы, на́стежь—На́стъ-жь, и гра́дъ — игра́-дъ* и др. Пушкинъ не совсѣмъ чуждался риѳмъ изъ двухъ словъ, но употреблялъ ихъ очень рѣдко и то лишь такъ, что второе не превышало одного слога (*внима́лъ я — возбужда́лъ я, страда́лъ я — иска́лъ я, страда́лъ онъ — побряца́лъ онъ, хозя́йка — примѣча́й-ка, отвѣча́й-ка — хозя́йка, по́ лбу — по́лбу*), но юмористы любятъ риѳмы этого рода, а Некрасовъ даже въ такомъ по содержанію серьёзномъ стихотвореніи, какъ «Филантропъ», не остановился передъ риѳмами *Жито́міру — по́-міру* и *за́-ново — пья́наго*.

И такъ, данныя выше схемы риѳмующихся звуковыхъ сочетаній имѣютъ для обслѣдованія Пушкинскихъ риѳмъ значеніе

лишь формальное, какъ образчики возможныхъ въ русскомъ языкѣ созвучій, изъ которыхъ многія чужды Пушкину; но отсутствіе у него риѳмы того или другого состава не мѣшаетъ, конечно, приведенію его наличныхъ риѳмъ въ азбучный порядокъ. Однако это расположеніе не должно быть примѣняемо такъ, чтобы получилось нѣчто въ родѣ словаря риѳмъ изъ Пушкина, т. е. не слѣдуетъ смѣшивать любую пару риѳмующихся словъ съ общей массой подобныхъ имъ созвучій безъ вниманія къ тому обстоятельству, съ какимъ именно словомъ риѳмуется данное слово у Пушкина. Избѣжать такого обезличенія Пушкинскихъ риѳмъ, нежелательнаго между прочимъ и по причинѣ, уже упомянутой — отсутствію точныхъ свѣдѣній о выговорѣ Пушкина —, возможно двоякимъ путемъ: 1) на основаніи напр. риѳмы *уголо́къ — могъ* не смѣшивать всѣ безъ исключенія риѳмы на *-къ* съ риѳмами на *-гъ* въ одинъ отдѣлъ, а помѣщать между риѳмами на *-къ* лишь тѣ слова на *-гъ*, которыя въ самомъ дѣлѣ риѳмуются у Пушкина со словами на *-къ* (и наоборотъ), или, что̀, можетъ быть, окажется болѣе удобнымъ, образовать изъ словъ на *-къ*, риѳмующихся со словами на *-гъ*, особый отдѣлъ, помимо отдѣловъ риѳмъ на *-къ* и риѳмъ на *-гъ*, 2) при каждой риѳмѣ указывать мѣсто, гдѣ она встрѣчается. Способы соединенія всѣхъ этихъ основъ упорядоченія матеріала не могутъ быть указаны точно и подробно въ общемъ планѣ работы, но, какъ-бы будущій изслѣдователь ни осуществилъ всѣ частности предложеннаго здѣсь очерка, во всякомъ случаѣ позволительно выразить желаніе, чтобы при ссылкахъ онъ не довольствовался голыми цифрами, означающими томы, страницы и строки выбраннаго имъ изданія, а называлъ стихотворенія по заглавіямъ или первымъ словамъ, хоть въ сокращеніи. Не мѣшало-бы также собрать и все то, что̀ самъ Пушкинъ говоритъ о риѳмѣ.

Ѳ. Коршъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Агафоновъ, Николай Яковлевичъ 31, 61.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ 41, 51.
„Анджело“, Пушкина 8.
Апехтина, Анна Петровна, рожд. Каменева 48.
Апехтины, родственники А. А. Фуксъ 47.
Апраксинъ, графъ 63.
Архангельскій, Александръ Семеновичъ 26, 29—31, 35, 37, 42, 44, 48—50, 63.
Арцимовичъ, Адамъ Антоновичъ 104.

Бантышъ-Каменскій, Дмитрій Николаевичъ 80.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ 19, 31.
Барыкова, Варвара Павловна, рожд. **Ушакова** 95.
Бенкендорфъ, графъ А. Х. 25, 26, 58.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ 68, 69, 72.
Бобровскій, Павелъ Осиповичъ 93.
Бобровъ, Евгеній Александровичъ 67.
Бобровъ, Семенъ Сергѣевичъ 70.
Богданова, Е. А. (псевд.-И. О. П.) 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 22.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ 32, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 45, 46, 53, 54, 57.
Боратынскій, Левъ Евгеньевичъ 36
„Борисъ Годуновъ“, Пушкина 86—88, 105—106.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ 23, 24, 26 58.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ 33.
Бутурлина, жена слѣдующаго 33.
Бутурлинъ, губернаторъ Казанскій 33, 39.
Бутурлины, графы 104.

Величко, Василій Львовичъ 97.
Величко, Николай Ивановичъ 97.
Вельгланскій, Даніилъ Михайловичъ 49.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ 22.
Владиславлевъ, Владиміръ Андреевичъ 25.
Войцѣховскій, А. І. 36.
Воронцовъ, князь М. С. 99, 101, 102.
Всеволожскій, Александръ Всеволодовичъ 95.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 50, 95.
Второвъ, Иванъ Алексѣевичъ 35, 36.
Второвъ, Николай Ивановичъ 35, 66.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ 69, 70.

Гакстгаузенъ, баронъ Августъ 41,
„Галубъ“, Пушкина 2.
Гейнсъ, А. К., Одесскій градонач. 99, 102.

Гоголь, Н. В. 24—25.
Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ 59.
Гончаровы, 27.
Городчаниновъ, Григорій Николаевичъ 51.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ 41, 48, 48.

Даль, Владиміръ Ивановичъ 57.
Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ 20.
Даркшевичъ, А. О., проф. 48, 49.
Деларю, Михаилъ Даниловичъ 64.
Де-Пуле, Михаилъ Ѳедоровичъ 35.
Державинъ, Г. Р. 114.
Дершау, полиціймм. 59.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ 89, 90.
Долгорукой, князь А. А. 64.

„Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина 9, 138.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ 95.

Жилле, Р. 104.
Жобаръ, Альфонсъ 41.
Жуковскій, В. А. 30.

Загоскинъ, Н. П. 29, 31, 35.
Загряжская, Елизавета Александровна—см. **Пушкина.**
Загряжскій, 53.
Загряжскій, Александръ Михаиловичъ 102.
„Здорово, Юрьевъ — именинникъ“, стих. Пушкина 92, 93, 95.
„Зеленая Лампа“, общество 92, 95.
Зуевъ, Дмитрій Павловичъ 1—22.
Зуевъ, Петръ Павловичъ 18, 19, 22.

„Исторія Пугачевскаго бунта“ 24, 25, 43, 57, 58, 62.

Казань (пребываніе въ ней Пушкина) 23—67.
Каменевъ, Гавріилъ Петровичъ 30, 45, 48, 65.
„Каменный Гость“, Пушкина 8—9.
„Капитанская дочка“, 25, 58.
Киверъ, проф. 49.
Кирхгофъ, гадальщица 50.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 37, 38, 57.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 41.
Клуге, проф. 49.
Ковалевскій, М. Е. 61.
Константинъ Константиновичъ, Великій Князь, Президентъ Академіи 107.
Корниловичъ, Александръ Осиповичъ 72, 75.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ 41.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ 22, 107, 134.
Крупениковъ, Алексѣй Леонтьевичъ, 45.
Крупениковъ, Леонтій Филипповичъ 45, 52, 66.
Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ 112.

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ 51.
Лернеръ, Николай Осиповичъ 25.
Липранди, Иванъ Петровичъ 86.
Лопухинъ, князь 94.
Лоровичъ, В. В. 100, 101, 102, 104.
Люцероде, баронъ 62.
Лябатъ, оріенталистъ 41.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ 41.
Майковъ, Василій Ивановичъ 27.
Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ 104.
Мандрыка, Елена Николаевна 28, 64.
Мандрыка, Николай Яковлевичъ 28.
Мансуровъ, Николай Павловичъ 95.
Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ 95.
Марковичъ, Алексѣй Ивановичъ 96, 106.
Миллеръ, архиваріусъ 101, 102.

Мироновъ, Александръ Александровичъ 93.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 44, 95, 107.
„Молитва“ („Отцы—пустынники и жены непорочны“), стих. Пушкина 2.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ 25, 26.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ 23, 24, 25, 26, 28, 30, 92.
Москотильниковъ, Савва Андреевичъ 45.

Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ 23.
Немировъ, Гр. 5.

Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ 46.

Перцовъ, Петръ Петровичъ 35.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.
Перцовъ, сынъ Петра Петровича 35.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 24, 25.
Подвысоцкій, Н. В. 96—97.
Полиновскій, Михаилъ Васильевичъ 63.
„Полтава“, Пушкина 71 и слл.
Приклонскій, чиновникъ 64.
Пугачевъ, 24, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 52, 56, 57, 58, 62, 63, 65.
Пушкина, Елизавета Александровна, рожд. **Загряжская** 102.
Пушкина, Наталья Николаевна 23, 28, 32, 33, 43, 47, 52, 53, 54, 57.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ 23.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 90.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 68, 69, 102.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 89, 90, 91.
„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, Пушкина 70.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ 96.

Рачинскій, С. А. 87.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ 107.
Рождественскій, С. В. 2.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ 91.
„Русалка“ Пушкина и ея окончаніе по записи Д. П. Зуева 1—22.
Рѣпинскій, Г. К. 61.
Рыбушкинъ, Михаилъ Сампсоновичъ 62—68.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ 68—88.

Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ 108.
Салтыковъ, графъ Сергѣй Николаевичъ 89, 90.
Селезневъ, Иванъ Яковлевичъ 89.
Семеновъ, Николай Петровичъ 105.
Сикаръ, домовлад. въ Одессѣ 108.
Сиповскій, Василій Васильевичъ 88.
Скальковскій, Аполлонъ Александровичъ 98—103.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ 107, 110.
„Современникъ“ Пушкина 56, 58, 63, 64.
Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ 41.
Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ 39, 59.
Строгановъ, графъ 98.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 16, 17, 18, 19, 20.
Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. 24.
Суворовъ, П. П. 56.
Сумцовъ, Н. Ѳ. 2.
Сухоруковъ, И. А. 66.

Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ 100, 101, 102.
Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ 98.

Тредіаковскій, Василій Кириллович 112.
Тройницкій, Николай Григорьевичъ 103.

„Утренняя заря“, альманахъ 1843 г. 25.
Ушакова, Варвара Павловна—см. **Барыкова.**
Ушакова, Марья Павловна—см. **Юрьева.**
Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 95.
Ушаковъ, Валеріанъ Павловичъ 95.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ 95.

Фрикке, художн. 25.
Фуксъ, Александра Андреевна 27—67.
Фуксъ, Карлъ Ѳедоровичъ 28, 32, 35, 40—43, 45, 47, 50, 51, 54, 57, 62, 65.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ 38.

Цеплинъ, Петръ-Даніель-Фридрихъ 42.

Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ 24.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ 27.
Чернышевъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ 16.

Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ 25.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ 89.
Штукенбергъ (псевд. „Крутогоровъ“) 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22.
Шуваловъ, графъ П. П. 99.
Шульгинъ, Александръ Сергѣевичъ 59.

Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ 36, 38.

Юрьева, Марія Павловна, рожд. Ушакова 94—95.
Юрьевъ, Ѳедоръ Филипповичъ 92—95.

Языковъ, Александръ Михайловичъ 53, 57.
Языковъ, Николай Михайловичъ 46, 53, 57.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ 93, 107, 108.
Яропольцъ, имѣніе Гончаровыхъ 27.

ПОПРАВКА.

Во II выпускѣ «Пушкина и его современниковъ», на стр. 81, въ строкѣ 12-й сверху, вмѣсто «Вошелъ *одинъ* собой довольный» слѣдуетъ читать: «Вошелъ *однимъ* собой довольный».

ПУШКИНЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ IV.

Повременное изданіе Комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

ПУШКИНЪ.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ IV.

Повременное изданіе Комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. В. И. Срезневскаго ..... 1—38.

Собраніе автографовъ Пушкина, принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки Императорской Академіи Наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой). В. И. Срезневскаго ..... 39—46.

Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина». В. В. Сиповскаго ..... 47—58.

«Русланъ и Людмила» (Къ литературной исторіи поэмы). В. В. Сиповскаго ..... 59—84.

Къ исторіи «Современника» (Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову). Вадима Модзалевскаго ..... 85—89.

Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки. Б. Л. Модзалевскаго (съ портретами и рисунками) ..... 90—186.

Григорій Александровичъ Пушкинъ. Личныя воспоминанія. Ю. М. Шокальскаго (съ портретомъ) ..... 187—195.

Замѣчанія и поправки Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Тройницкаго ..... 196.

Указатель ..... 197—210.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. В. И. Срезневскаго ..... 1—38.

Собраніе автографовъ Пушкина, принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки Императорской Академіи Наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой). В. И. Срезневскаго ..... 39—46.

Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина». В. В. Сиповскаго ..... 47—58.

«Руслань и Людмила» (Къ литературной исторіи поэмы). В. В. Сиповскаго ..... 59—84.

Къ исторіи «Современника» (Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову). Вадима Модзалевскаго ..... 85—89.

Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки. Б. Л. Модзалевскаго (съ портретами и рисунками) ..... 90—186.

Григорій Александровичъ Пушкинъ. Личныя воспоминанія. Ю. М. Шокальскаго (съ портретомъ) ..... 187—195.

Замѣчанія и поправки Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Тройницкаго ..... 196.

Указатель ..... 197—210.

Пушкинская коллекція,

принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи наукъ

А. А. МАЙКОВОЙ.

Въ 1904 году рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи наукъ обогатилось цѣннѣйшимъ собраніемъ автографовъ Пушкина, принесеннымъ въ даръ Академіи вдовой покойнаго Леонида Николаевича Майкова Александрой Алексѣевной Майковой. Это собраніе, вмѣстѣ съ присоединенной къ нему тѣмъ же лицомъ коллекціей книгъ и гравюръ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину, положило основаніе новому отдѣлу рукописнаго отдѣленія, названному по постановленію конференціи Академіи Пушкинскимъ отдѣломъ имени Л. Н. Майкова.

Даръ А. А. Майковой можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія шесть частей: 1) Автографы Пушкина; 2) Переписка; 3) Копіи его произведеній; 4) Изображенія Пушкина, портреты лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ, снимки картинъ и виды мѣстностей, такъ или иначе касающихся Пушкина; 5) Изданія сочиненій Пушкина; 6) Литература о Пушкинѣ. Въ настоящее описаніе введены только отдѣлы 1-ый, 2-ой и 3-ій.

При передачѣ въ библіотеку своего дара жертвова-

тельница поставила условіемъ, чтобы право перваго пользованія Пушкинскими матеріалами и опубликованія ихъ принадлежало Академіи наукъ и чтобы опубликованіе это произошло въ академическомъ изданіи Сочиненій Пушкина, начатомъ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ. Въ виду этого въ представляемомъ ниже обозрѣніи коллекціи дано только сухое и краткое внѣшнее описаніе каждой рукописи безъ приведенія какихъ бы то ни было выписокъ изъ неизвѣстныхъ текстовъ или новыхъ варіантовъ къ текстамъ извѣстнымъ. Внѣшнее описаніе дало, впрочемъ, нѣсколько разъ поводъ къ невольнымъ поправкамъ въ хронологіи произведеній Пушкина, невольнымъ оттого, что онѣ непосредственно связаны съ описаніемъ внѣшности рукописей, играющимъ, какъ извѣстно, нерѣдко первенствующую роль въ опредѣленіи ихъ времени. Надѣемся, что этими замѣтками не будетъ нарушено желаніе жертвовательницы и не превысится обычное право описателя.

Для избѣжанія неясностей въ описаніи слѣдуетъ отмѣтить, что: 1) если въ немъ не говорится, на какомъ языкѣ писана рукопись, то это обозначаетъ, что языкъ рукописи русскій, 2) если не говорится, что рукопись писана карандашомъ, то значитъ — писана черниломъ. Слова, поставленныя въ ковычки, взяты изъ текста рукописи. Прямыя скобки [ ] обозначаютъ добавленія описателя.

Объясненія сокращеній: Ак. изд. — Сочиненія Пушкина, изд. Имп. Академіи наукъ [подъ ред. Л. Н. Майкова], изд. 2, 1900. — Анн. изд. — Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 1855 — 1857. — Лит. ф. — Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ подъ ред. П. О. Морозова, 1887. — Ефр. — Сочиненія А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, 1903 — 1905.

I. Автографы Пушкина.

1. Стихотворенія.

1). *Бова*, отрывокъ (1815 г.). Въ листъ, на 1-мъ листѣ. Бумага грубая сѣрая со знакомъ 1813 г. На оборотной сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 24. Бѣловой списокъ. Начальныя слова „Видитъ тѣнь иль призракъ стараго...“, послѣднія — „На такое предложеніе“; — стихи 196 — 246 (Ак. изд., 1. стр. 101—102). Варіанты къ обычному тексту отмѣчены Л. Н. Майковымъ (Ак. изд., 1. 119 — 120).

2). „*Къ Каверину*“ и „*Добрый совѣтъ*“ (1817). Обрывокъ листа. Бумага съ знакомъ 1823 г. На об. краснымъ черниломъ 13. Позднѣйшія копіи. Первая пьеса на лицевой сторонѣ съ помѣтой 1817, вторая—на оборотной; первая сохранилась не полностью. Слово „Добрый“ въ заглавіи второй пьесы прибавлено, повидимому, не Пушкинымъ. Надъ заглавіемъ первой приписано: „Къ Щерб. 1819), къ Дав.“ (Ак. изд., 1. стр. 242 и 247, прим. 361 и 371 — 377).

3). „*Таврическая звѣзда*“ (1820). Въ четвертку, на 1 листѣ. Почтовая бумага со знакомъ 1814 г. Среди текста красная цифра 3. Поправокъ очень немного. Въ изданіяхъ безъ заглавія; нач. «*Рядѣетъ облаковъ летучая гряда...*» (Анн. 2. 270; Лит. ф. 1. 225).

4). „*Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ...*“. Листокъ въ четвертку. Бумага сѣроватая. Въ срединѣ красная цифра 11. Черновикъ. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ И. А. Шляпкинымъ (Изъ неизд. бум. Пушкина, с. 66), есть одна поправка. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

5). „*Наперсница волшебной старины...*“ (1821). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 49. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Лит. ф. 1. 246).

6). *„Кто видѣлъ край....“ — Желаніе* (1821). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листкахъ. Среди текста красныя цифры 33 и 34. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Второй листокъ писанъ съ одной стороны. Бѣловой списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 284 — 286; Лит. ф. 1. 235 — 237).

7). *„Недавно я въ часы свободы...“ — Сѣтованія* (1821). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синяя бумага — та же, что въ № 5 („Наперсница...“); среди текста красная цифра 15. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 289 — 290; Лит. ф. 1. 247).

8). *„Она меня зоветъ, попду или нѣтъ...“* (1821). Въ листъ, на 1 л. Среди страницы красная цифра 4. Текстъ писанъ карандашомъ; много помарокъ. У Анненкова безъ 1-й строки и безъ конца (т. 1. 352); точно такъ же и въ изд. Лит. ф. — подъ загл. *Отрывокъ изъ комедіи* (т. 2. 313).

9). *Война*, отрывокъ (1821). Обрывокъ листа сѣроватой бумаги. На об. красная цифра 1. Нач.: „Паденье грозное Беллониныхъ дѣтей...“ (въ печ. текстѣ: Паденье ратныхъ и вождей — въ настоящей рукописи это первоначальная редакція); послѣдній стихъ на лицевой сторонѣ: „Кончину ль темную...“. На об. послѣднія двѣ строчки стихотворенія, дата „29 ноябр. 1821“ (ранѣе было написано „окт.“), монограмма А П. и какія то вычисленія. Поправокъ немного (Анн. 2. 292 — 293; Лит. ф. 1. 257).

10). *Бахчисарайскій фонтанъ*, отрывокъ (1822). Въ четвертку, на 1 л. На оборотной сторонѣ среди текста краснымъ черниломъ цифра 47. На лицевой сторонѣ: „Вступленье“: нач.: „Печаленъ будетъ мой разказъ...“ (Анн. 1. 104). На об. отрывокъ конца поэмы; нач.: „Покинувъ сѣверъ наконецъ...“, конч.: „Сіи надгробные столбы...“. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Анн. 3. 218; Лит. ф. 2. 335 — 336).

11). *„Между горныхъ стѣнъ несется шумный Терекъ...“*

(1822 ?). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 33. Черновой набросокъ. На об. набросокъ посвященія *Бахчисарайскаго фонтана* кн. П. А. Вяземскому.

12). *„Язвительный поэтъ, остряк замысловатой...“* (1822) — *Кн. П. А. Вяземскому.* Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 14. Черновикъ (начало стихотворенія—см. Лит. ф. 1. 283). На об. послѣ окончанія первой пьесы въ другомъ направленіи отрывки нѣсколькихъ стихотворныхъ набросковъ.

13). *„Сегодня я поутру дома...“* (1822). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага со знакомъ 182? г. Среди текста красная цифра 46. Повидимому, бѣловой списокъ, съ немногими передѣлками. Внизу листа мужской профиль. Писано съ одной стороны бумаги (Анн. 7. 84—85; Лит. ф. 1. 284).

14). *„Недвижный стражъ дремалъ...“* (1823). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На лицевыхъ сторонахъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 41, 42. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ, но съ рядомъ новыхъ поправокъ и передѣлокъ (Лит. ф. 1. 296 — 298).

15). *Первое посланіе цензору*, отрывокъ (1824). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣроватая бумага. На об. сторонѣ красная цифра 4. Безъ заглавія; нач.: „Потребности ума не всюду таковы....“; конч.: „А ты глупецъ и трусъ...“. Редакція первоначальная. Черновикъ (Лит. ф. 1. 315 — 316).

16). *Коварность* (1824). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 53. Нижняя часть листа оторвана; поэтому въ рукописи средины пьесы недостаетъ: на лицевой сторонѣ 12 начальныхъ строкъ, на оборотной 4 заключительныхъ. Заглавія нѣтъ. Въ концѣ приписано: „18 окт. 1824. Мих[айловское]“. Черновикъ (Анн. 2. 356 — 357; Лит. ф. 1. 321).

17). *„Быть въ сраженьи похвально...“* (вѣроятно, слѣд. читать: „Въ сраженьи быть похвально“), черновой набро-

сокъ (1824—1825?). Листъ, сложенный пополамъ. Синяя бумага съ клеймомъ 1822 г. Среди текста красныя цифры: 62, 63. Писано съ одной стороны (ср. И. А. Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 69; ср. Ефр. 8. 313).

18). Отрывки стихотвореній (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. На об. красная цифра 72. На лицевой сторонѣ вторая половина (черновой набросокъ) стихотворенія *Я помню чудное миновенье...* — начало оторвано (Анн. 2. 389 — 390; Лит. ф. 1. 351 — 352). На об. въ два ряда наброски стихотвореній: 1) „*Короче дни, а ночи долъ...*“, 2) „*Изъ Рима ѣхалъ онъ домой...*“; ниже пробы народнаго стиха „*Расходились по поганскому граду...*“.

19). *Пріятелямъ* (1825). Лоскутъ бѣлой бумаги. Среди текста красная цифра 19. Нач.: „Враги мои, теперь уже ни слова...“. Писано съ одной стороны. Черновой набросокъ. Заглавія нѣтъ (Анн. 2. 407; Лит.ф. 1. 345).

20). *Изъ Аріостова Orlando furioso* (1825). Въ 8-ю долю, на 4-хъ лл. Сѣроватая бумага. На лицевыхъ сторонахъ среди текста цифры: 4, 7, 5, 6. Озаглавлено: „Canto XXIII. ott. 100“ (Анн. 7. 465 — 469; Лит. ф. 1. 366 — 369).

21). „*Изъ А. Шенье. Покровъ, упитанный...*“ (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синеватая бумага. Среди текста и на оборотной чистой сторонѣ красная цифра 41. Въ концѣ приписано: „20 апрѣ[ля] 1825“. Бѣловой списокъ съ большими передѣлками и поправками во второй части (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362).

22). То же стихотвореніе. Въ листъ, на 1 листѣ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 8. Набросокъ первыхъ шести стиховъ (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362). Вслѣдъ за этимъ отрывокъ неизвѣстной пьесы, начин. словами: „*Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ...*“. — Ниже набросокъ, нач.: „*Кто идетъ—салдатъ...*“. Писано съ одной стороны бумаги.

23). Отрывокъ изъ *Египетскихъ ночей* (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 28. Текстъ на одной сторонѣ листка. Черновикъ послѣдней части, нач. „И вотъ, уже сокрылся день...“ до конца — „Блистаетъ ложе золотое“ (Анн. 5. 472; Лит. ф. 4. 398).

24). „*Блеститъ луна, недвижно море спитъ...*“ (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага со знакомъ 1822 г. Среди текста красная цифра 21. Писано съ одной стороны бумаги. Анненковъ предполагаетъ, что „этотъ отрывокъ.... составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго фонтана“ (т. 7, 86 — 87); но предположеніе это, кажется, не вѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій фонтанъ былъ написанъ въ 1822-мъ г. и изданъ въ 1824-мъ г., тогда какъ въ настоящей рукописи — черновомъ наброскѣ, съ края приписана позднѣйшая дата — „22 іюля 1825“.

25). *Женихъ*, отрывокъ (1825). Небольшой лоскутъ бумаги. Среди текста красная цифра 2. Въ отрывкѣ всего 12 строкъ; нач.: „Съ тропинки сбилась я...“ (Лит. ф. 3. 100). На об. листка сохранилась приписка „30 іюля 1825. Михайловское“.

26). „*Только что на проталинахъ весенныхъ...*“ (отн. къ 1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 83. Черновикъ. На об. набросокъ «*Но ты забудь меня, мой другъ...*» (4 строки) и списокъ стихотвореній, между прочимъ относящихся къ болѣе позднему времени, чѣмъ 1825 г.

27). „*Мой [первый] другъ, мой другъ безцѣнный...*“ — *И. И. Пущину* (1826). Въ листъ, на 1 л. Сѣрая грубая бумага. Среди текста красная цифра 23. Черновой набросокъ, значительно распространенный въ сравненіи съ обычнымъ текстомъ, довольно близкій къ тому, который напечатанъ Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (Ефр. 7. 149 — 150). Съ края женскій профиль.

28). Листокъ съ четырьмя стихотвореніями (1826?).

Въ листъ, на 2-хъ листахъ. Грубоватая бумага съ филигранью „Pro patria“. На внутреннихъ сторонахъ листовъ красныя цифры: 29, 30. На лицевой сторонѣ 1-го листа стихотвореніе *„Ольга, крестница Киприды...“* (Оленькѣ Массонъ), относимое къ 1820 г. (Анн. 7. 26—27; Лит. ф. 1. 217); дата — „22 Nov.“. На оборотной сторонѣ наверху поперекъ листа *„Каковъ я прежде былъ...“*, относимое, на основаніи отмѣтки при 1-мъ изданіи, къ 1828 г.; это стихотвореніе писано карандашомъ и читается очень трудно. Сверхъ него съ боку черниломъ набросокъ послѣднихъ строфъ стихотворенія *Зимняя дорога* (отн. къ 1826 г.). Первая часть этого стихотворенія на томъ-же листѣ (об. 1-го) ниже; писано въ другомъ направленіи (Анн. 2. 415—416; Лит. ф. 2. 5). На л. 2-мъ въ два ряда (начинаясь на правой сторонѣ) стихотвореніе *„Какъ счастливъ я, когда могу покинуть...“*; надъ текстомъ „23 Nov. С. Козак . . .“. На об. 2-го л. карандашомъ *„Въ Евр[ейской] хижинѣ лампада...“* (Анн. 7. 45—46; Лит. ф. 2. 137); стихотвореніе названо Анненковымъ началомъ повѣсти и отнесено къ 1832-му г.—Настоящій листокъ съ черновыми набросками стихотвореній, относимыхъ къ разнымъ годамъ, вѣроятно, дастъ будущимъ изслѣдователямъ основаніе перемѣнить общепринятую датировку и, можетъ быть, пріурочить ихъ къ ноябрю 1826 г.

29). *Стансы — Въ надеждѣ славы и добра...*, отрывокъ (1826). Лоскутъ грубой сѣрой бумаги. На об. красная цифра 10. Писано съ одной стороны бумаги. Въ рукописи находятся строфы 5-я, 3-я и 4-я. Внизу приписка „22 декабря 1826 году. Москва у Зуб[кова].“

30). *Талисманъ* (1827). Въ листъ, на 1 листѣ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 22. Первоначальная редакція стихотворенія, въ иномъ размѣрѣ, чѣмъ общеизвѣстная; нач.: „Храни меня, мой талисманъ...“. Съ боку рисунокъ, изображающій кусты. Оборотная сто-

рона бумаги чистая (Анн. 2. 423—424; Лит. ф. 2. 9—10).

31). „*Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ...*“ (1827). Въ четвертку, на 3-хъ лл. На листкахъ вписаны краснымъ черниломъ цифры: 74, 73, 75. Черновикъ. На лл. 1 — 2 первая половина стихотворенія до строки „Ихъ пестры волны за собой“; передѣлка стиховъ, находящихся на л. 1-мъ, вписана на л. 2-мъ об., тамъ же и эпиграфъ. На л. 3-мъ вторая часть пьесы (нач.: „На рай полуденной природы...“) съ добавленіемъ противъ извѣстнаго текста въ концѣ еще 6 стиховъ (нач.: „Забудь Еврейку молодую...“); (Лит. ф. 2. 24 — 26). На л. 1 внизу миніатюрный набросокъ, изображающій Наполеона.

32). „*Я знаю край...*“. Въ 8-ую долю, на 1 л. Голубоватая бумага. На об. красная цифра 7. Черновой набросокъ, вѣроятно, относящійся къ предыдущей пьесѣ, но обработанный въ другомъ направленіи. Пьеса кончается словами „...степь нагая | Надъ моремъ стелется одна“. Повидимому, это описаніе крымской степи. Подъ стихотвореніемъ женскій профиль. Оборотъ листа чистый.

33). „*Нѣтъ, я не льстецъ...*“ —*Друзьямъ* (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 50. Набросокъ; первая строфа и нѣсколько строкъ четвертой и пятой (Лит. ф. 2. 29—30).—На об. послѣднія строки пьесы *Талисманъ* („Милый другъ“ и проч.); подъ ними приписка „6 Ноября ночью“ и пять сургучныхъ перстневыхъ печатей.

34). „*Щастливъ, кто избранъ своенравно....*“ (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 13. Надъ стихотвореніемъ приписано „Твоихъ признаній etc.“ — начало стихотворенія *Наперсникъ*, которое, по предположенію Анненкова (2. 470), представляетъ съ первымъ одно цѣлое. Текстъ съ одной стороны (Анн. 2. 447; Лит. ф. 2. 34).

35). „*Даръ напрасный, даръ случайный...*“ (1828). Въ чет-

вертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 56. Полный текстъ, безъ помарокъ. Съ боку наброски профилей и приписка: „26 мая 1828“. Писано съ одной стороны (Анн. 2. 449 — 450; Лит. ф. 2. 38).

36). *Полтава*, отрывки (1828). Въ четвертку, 2 л. и 1 клочекъ. Бумага бѣлая и синяя. Красныя цифры: 52, 1, 51.

а). Послѣднія 4 строки первой пѣсни („О, еслибъ вѣдала она...“) съ припиской „3 октября 1828“. Ниже набросокъ предыдущихъ строкъ „Что стыдъ Маріи?...“ и пр. (Анн. 3. 295; Лит. ф. 3. 122). Тутъ же приписано: „2 окт. Письмо къ Ц., le cadavre — Dorl.... — вечеръ у кн. Dolg.“. На об. л. 1-го примѣчанія къ 1-й пѣсни (1 — 7).

б). Набросокъ послѣднихъ строкъ 2-й пѣсни: „Все было кровію... Въ клочкахъ, растеряно, избито“... и слѣд. 2 строки (Анн. 3. 314; Лит. ф. 3. 137). Ниже: „9 окт.“ и „Конецъ второй части“. На об. послѣдняя строка пѣсни („Помчала горе...“) и приписка „Конецъ 2-й части“.

в). Отрывокъ изъ 3-й пѣсни. Нач. словами, не вошедшими въ окончательный текстъ, „Сегодня свадьба...“ — 4 строки (Лит. ф. 3. 149); затѣмъ: „И съ дикимъ смѣхомъ завизжала...“ (Анн. 3. 328 — 329; Лит. ф. 3. 149 — 150); конч.: „Съ роднымъ прощаясь рубежемъ...“. Внизу приписано: „16 окт. 1828. С.П.Б.... Гр. Т... от. Гос.“.

37). *Евгеній Онѣгинъ*, отрывки. Въ четвертку и 8-ую долю, 7 листовъ и одинъ обрывокъ листка.

а). Гл. VII, строфа 54 — 55. На синей бумагѣ. Среди текста красная цифра 57. Въ концѣ приписано: „4 нояб. Малинники [1828]“.

б). Гл. VIII, строфы 10 — 11. Бумага бѣлая, золотообрѣзная. Красная цифра 8. Черновой набросокъ.

в). Гл. VIII-я, строфа 32-я (Письмо Онѣгина къ Татьянѣ). Бумага бѣлая съ клеймомъ 1832 г. (2 листка).

Красныя цифры: 20, 21. Въ концѣ приписано: „5 окт. 1831. Ц[арское] С[ело]“.

г). Гл. VIII, строфы 48 — 51. Бумага сѣроватая (2 листа). На обор. листовъ красныя цифры: 77, 76. Въ концѣ приписано: „Болдино 1830, сент. 25, 3¼“; въ низу листа: „письмо от. N. Кист. Кр. пор., pt. ka.“

д). Наброски изъ путешествія Онѣгина. Листокъ сѣроватой бумаги съ клеймомъ 1823 г. Среди текста красная цифра 55.

е). Лоскутокъ синей бумаги. Красная цифра 6. Набросокъ нѣсколькихъ стиховъ, не вошедшихъ въ романъ, повидимому, относящихся къ гл. I-й.

38). Отрывокъ, начинающійся словами „*Благословенъ твой новый путь....*“ (1829). Лоскутъ бумаги съ вырваннымъ кускомъ. На верху надписано „[Д]ушетъ 27 мая“. На об. рядъ профилей, подражанія арабскимъ надписямъ и оборванныя изображенія двухъ фигуръ, между которыми красная цифра 20. Указаніе мѣстности опредѣляетъ годовую дату: въ Душетѣ Пушкинъ былъ по дорогѣ въ Тифлисъ въ 1829 г.

39). „*Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ...*“ — *Дорожныя жалобы* (1829). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 92. Черновикъ. Въ концѣ приписано: „4 окт.“ (Анн. 2. 484—485; Лит. ф. 2. 70—71).

40). „*Обвалъ (avalanche)*“ (1829). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 91. Черновикъ. На лицевой сторонѣ три первыя строфы съ припиской въ концѣ „29 окт.“; на оборотной—двѣ послѣднія съ припиской „30“ (Анн. 2, 481 — 482; Лит. ф. 2, 71 — 72).

41). „*Делибашъ*“ (относятъ къ 1829 г.) и „*Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ...*“ (относятъ къ 1824). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 27. Подъ первымъ стихотвореніемъ подписано „Сыганъ-лу“ — горный хребетъ

близъ Карса, около котораго Пушкинъ былъ 14—18 іюня 1829 г.; вѣроятно, битвы около этихъ мѣстъ дали поводъ Пушкину написать пьесу. Ниже приписано: „7 сент.“ — это, какъ увидимъ ниже, 7 сент. 1830 г. Рукопись — перебѣленный экземпляръ, но съ поправками (Анн. 2. 482—483; Лит. ф. 2. 68—69).—На об. *Аквилонъ* (Анн. 2. 353; Лит. ф. 1, 305). Перебѣленный экземпляръ съ многими поправками. Внизу приписано: „1824 [цифра 2 передѣлана изъ 3] Мих[айловское]“. Ниже приписано: „Болд. 7 сент.“; въ Болдинѣ 7 сент. Пушкинъ былъ въ 1830 г.; что листокъ писанъ въ 1830-хъ гг. подтверждаетъ переправка цифры 2 изъ 3 въ 1824. Такимъ образомъ, надо думать, что оба стихотворенія окончательную отдѣлку получили въ сентябрѣ 1830 г.

42). „*Бѣсы*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. Среди текста на об. 1-го л. красная цифра 93. Черновикъ. Надъ заглавіемъ приписано „Шалость“ (вошло и въ печатный текстъ). Въ концѣ: „1830 7 сентября Болдино“ (Анн. 2. 521 — 523; Лит. ф. 2. 99 — 100).

43). „*Протекшихъ лѣтъ безумное веселье...*“ — *Элегія* — *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...* (1830). Въ 8-ю долю, 1 л. Среди текста красная цифра 39. Перебѣленный экземпляръ съ поправками и въ неокончательной отдѣлкѣ. Надъ первой строкой приписано: „8 сент.“ (Анн. 2. 514; Лит. ф. 2. 101).—На оборотѣ пьеса „*Новоселье къ* **“—бѣловой списокъ въ обычной редакціи, безъ поправокъ, но зачеркнутый карандашомъ. Внизу приписано: „1830 Мос[ква]“ (Анн. 2. 532; Лит. ф. 2. 91).

44). „*Румяный критикъ мой...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 20. Передъ началомъ: „1 окт. 1830 Болд.“. Конецъ пьесы приписанъ надъ началомъ, на полѣ дополненье къ срединѣ. Поправокъ очень мало (Лит. ф. 2. 101—102).—На оборотѣ листа „*Къ статуѣ въ Ц[арскомъ] С[елѣ]*“; нач.: „Урну съ водой уро-

нивъ...“ (1830). Въ концѣ приписано: „1 окт.“. Бѣловой списокъ безъ поправокъ (Анн. 2. 532 — 533; Лит. ф. 2. 120). — Вслѣдъ за этой пьесой старательно зачеркнутое двустишіе „*Къ переводу Иліады*“ (сколько можно разобрать, не сходно съ пьесой, извѣстной подъ названіемъ — На переводъ Иліады,—Анн. 2. 534; Лит. ф. 2. 89).—Затѣмъ: „*Куда же: ты? Въ Москву...*“ — *Изъ записки пріятелю* (1830). Въ концѣ: „10 окт.“ (Анн. 7. 96; Лит. ф. 2. 107).

45). „*Въ послѣдній разъ твой образъ милой...*“ — *Разставанье* (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста цифра 11. Въ концѣ приписано: „5 окт. 1830 Болд.“. Бѣловой списокъ съ нѣсколькими передѣлками въ словахъ (Анн. 2. 515—516; Лит. ф. 2. 105). — На об. вслѣдъ за окончаніемъ пьесы приписано стихотвореніе „*Отрокъ*“ (Анн. 2. 533; Лит. ф. 2. 120). Въ концѣ: „10 окт.“, затѣмъ „или?“ и иная редакція послѣдняго стиха — „Будешь ловитель умовъ, будешь подвижникъ Петру“.

46). „*Пажъ или пятнадцатый годъ*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 30. Перебѣленный, повидимому, экземпляръ, съ поправками и дополненіями (въ первой редакціи не было между прочимъ строфъ 4-й и 5-й). Въ концѣ приписано: „7 окт. 1830 г.“ — дата первой редакціи (Анн. 2. 524 — 525; Лит. ф. 2. 106 — 107).

47). *Моя родословная*, вторая часть (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 90. Черновикъ. Нач.: „Рѣшилъ Ф[игляринъ], сидя дома...“ Съ края приписано: „16 окт. 1830 Болд.“. — На об. эпиграмма на Булгарина, нач.: „*Не то бѣда, Ѳаддей Булгаринъ...*“ (Анн. 7. 107, не вполнѣ сходно).

48). „*Заклинаніе*“, нач. „*О если правда, что въ ночи...*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Бумага сѣроватая съ клеймомъ 1829 г. Среди текста красная цифра 25. Перебѣленный экземпляръ съ немногими поправками; вся вторая строфа вычеркнута, но затѣмъ опять возстановлена; про-

тивъ нея съ боку карандашомъ приписано: писать;—рука не Пушкина. Въ концѣ стоитъ: „17 окт.“ (Анн. 2. 450—451; Лит. ф. 2. 112—113).

49). „*Мнѣ не спится, нѣтъ огня...*“ — *Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы* (1830). Въ листъ, на 1 листѣ. Сѣроватая бумага со знакомъ 1829 г. Въ срединѣ красная цифра 66. Наброски стихотворенія. Текстъ на лѣвой сторонѣ листа, въ два ряда (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113). —Съ правой стороны въ другомъ направленіи начало стихотворенія „*[Въ началѣ жизни] школу помню я...*“ (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117). На об. листа двѣ строки, можетъ быть, относящіяся къ тому же стихотворенію, но отброшенныя, нач.: „*Я помню дѣву, юности прелестной(?)...*“. Тутъ же въ другомъ направленіи крупное заглавіе „Зависть“.

50). „*Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага золотообрѣзная со знакомъ 1834 г. Среди текста красная цифра 21. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ стихотворенія съ новыми поправками. Текстъ съ одной стороны. Въ концѣ приписано: „окт. 1830 Болдино“; но эта приписка тоже скопирована съ стараго оригинала, что очевидно изъ знаковъ бумаги (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113).

51). „*Въ началѣ жизни школу помню я...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага 1829 г. Среди текста красная цифра 24. Вся пьеса полностью; перебѣленный экземпляръ съ поправками (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117).

52). Отрывокъ той же пьесы. Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 23. Двѣ послѣднія извѣстныя въ печати строфы (нач.: „Одинъ Дельфійскій идолъ — ликъ младой...“) и продолженіе пьесы (три строфы). Черновые наброски. Текстъ съ одной стороны листа.

53). Та же пьеса, отрывокъ (1830). Въ четвертку,

1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 22. Рукопись представляетъ собою черновые наброски пяти строфъ: 8-й — 12-й. Текстъ съ одной стороны бумаги.

54). „*Предъ испанкой благородной...*“ (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 17. Повидимому, перебѣленный экземпляръ, но съ поправками; приписанъ набросокъ начала 3-й строфы, но тутъ же зачеркнутъ. Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 2. 525; Лит. ф. 2. 118 — 119).

55). „*Когда порой воспоминанье...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. (1 листъ, сложенный пополамъ). Сѣроватая бумага; на внутренней сторонѣ красная цифра 89. Черновикъ. — На л. 2-мъ внизу и на об. л. 2-го набросокъ конца *Моей родословной* (1830), нач.: „Ф[игляринъ] пишетъ, сидя дома...“ (Анн. 7. 40; Лит. ф. 2. 109). На лицевой сторонѣ л. 2-го среди набросковъ первой пьесы поперекъ написанъ планъ повѣсти *Мятель*.

56). Черновые наброски, повидимому, къ стихотворенію *Стамбулъ гяуры нынче славятъ...*, — къ второй части пьесы (1830). Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 32; внизу фигура турка. Текстъ съ одной стороны бумаги.

57). „*Нечаянно пригрѣтый славой...*“ и „*Плѣшивый щеголь, врагъ труда...*“ (1830?). Въ четвертку, 2 л. (1 л. перегнутый пополамъ) На бумагѣ клеймо 1829 г. Красныя цифры: 66, 67. Текстъ писанъ съ внутренней стороны сложеннаго листа. Поправокъ почти нѣтъ; писано наскоро, многія слова недописаны, собственныя имена обозначены буквами.

58). *Къ тѣни полководца* (1831). Въ 8-ую долю, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 34. Списокъ безъ поправокъ. Рукопись заключаетъ въ себѣ послѣднія двѣ строфы. Въ концѣ приписано: „1831“. Текстъ съ одной стороны листка (Анн. 7. 44; Лит. ф. 2. 128 — 129).

59). „*И далъ мы пошли...*“ и „*Тогда я Демоновъ увидѣлъ...*“— *Подражаніе Данту* (1832). Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 10. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 530—531; Лит. ф. 2. 140—141).

60). Отрывокъ, нач. словами „*Хотѣлъ я душу освѣжить...*“ (1832). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 21. Писано карандашомъ (см. Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушк., 70, — напечатано по копіи не совсѣмъ точной; ср. Ефр. 8. 313—314). Ниже текста нѣсколько карандашныхъ рисунковъ — двѣ фигуры и два профильныхъ наброска; поперекъ листа въ двухъ мѣстахъ нѣсколько первоначальныхъ плановъ повѣсти, повидимому, *Дубровскаго;* на об. планъ *Дубровскаго* въ окончательной обработкѣ.

61). Наброски *Пѣсни о Георгіи Черномъ* (1832—1833?). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага; красная цифра 15. Пѣсня осталась необработанной и въ собранія сочиненій не вошла. Поправки и дополненія писаны карандашомъ. На верху листа карандашомъ набросокъ письма къ неизвѣстному, вѣроятно, къ гр. Бенкендорфу, на французскомъ языкѣ. На обор. счета; внизу карандашомъ приписано: „Сихл[еръ]“.

62). „*Славная флейта, Θеонъ...*“ (1833). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 14. Текстъ писанъ карандашомъ съ одной стороны листа. Внизу приписано: „1 янв. 1833“ (Анн. 3. 22; Лит. ф. 2. 144).

63). „*Юноша, скромно пируй...*“ и „*Вино (Іонъ Хіоскій)*“ (1833). Небольшой лоскутъ бумаги. На лицевой сторонѣ красная цифра 8. Оба стихотворенія писаны карандашомъ. Первое стихотвореніе безъ помарокъ; внизу приписано: „2 янв.“ (Анн. 3. 57; Лит. ф. 2. 173). Второе стихотвореніе на оборотѣ листа; во второй строкѣ обычный текстъ замѣненъ инымъ (Анн. 3. 24; Лит. ф. 2. 145).

64). „*Чистый лоснится полъ....*“ (1833). Въ четвертку, 1 л. На оборотѣ красная цифра 13. Текстъ писанъ карандашомъ съ одной стороны листка. Чистовой списокъ съ тремя поправками. Внизу подъ стихотвореніемъ приписано: „(*изъ Ксенофана Колофонскаго*)“ и „12 янв.“ (Анн. 3. 21; Лит. ф. 2. 144 — 145).

65). „*Будрышъ (изъ Мицкевича)*“ (1833). Въ четвертку, 2 л. Бумага съ клеймомъ 1829 г. Красныя цифры среди текста: 95, 96. Чистовой списокъ съ поправками. Въ концѣ приписано: „28 окт. 1833 Болд.“ (Анн. 3. 27—29; Лит. ф. 2. 153 — 154). Оборотъ л. 2-го безъ текста.

66). Отрывокъ пьесы *Странникъ* (1833 — 1834). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага со знакомъ 1833 г. Среди текста красная цифра 7. Въ рукописи находится черновикъ IV-й строфы и на обор. наброски стр. II-ой (Лит. ф. 2. 164 — 166).

67). „*Куда вы? За городъ, конечно...*“ (1834?). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 71. Черновой набросокъ; надъ приведенной начальной строкой ранѣе было заглавіе „*Чиновникъ и поэтъ*“, затѣмъ зачеркнутое. На об. продолженіе текста; послѣднее слово — зачеркнутое — Кирджали — можетъ приблизительно опредѣлить дату пьесы.

68). „*Когда владыка Ассирійскій....*“ — *Юдифь* (1834 — 1835). Въ четвертку, 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. На обор. среди текста красная цифра 69. На лицевой сторонѣ рисунокъ туалета съ зеркаломъ и профили. Рукопись представляетъ собою черновой набросокъ. Въ изданіи Лит. ф. стихотвореніе отнесено къ 1832 г., клеймо бумаги принуждаетъ перенести дату на болѣе позднее время (Анн. 1. 388; Лит. ф. 2. 158).

69). „*Ода LVI (изъ Анакр.)*“, нач.: „*Порѣдѣла, побѣлѣла...*“ (1835). Среди текста красная цифра 9. Чистовой списокъ съ немногими поправками. На оборотѣ предположи-

тельная передѣлка послѣднихъ четырехъ строкъ. Подъ стихотвореніемъ приписано: „6 янв. 1835“ (Анн. 1. 399; Лит. ф. 2. 170).

70). „*Ода LVII*“, нач.: „*Что же сухо въ чашѣ дно?...*“ — Изъ Анакреона (1835). Лоскутъ золотообрѣзной бумаги. Среди текста красная цифра 10. Чистовой списокъ съ двумя поправками. Внизу приписано: „6 янв. 1835“. Оборотная сторона бѣлая (Анн. 3. 55; Лит. ф. 2. 171).

71). „*(Изъ Анакреона) отрывокъ*“, нач.: „*Узнаемъ коней ретивыхъ...*“ (1835). Въ 16-ую долю, 1 л. Бѣлая золотообрѣзная бумага. Чистовой списокъ; двѣ послѣднія строки („Въ нихъ сіяетъ...“) какъ бы предположительно зачеркнуты. Въ концѣ приписано: „6 янв. 1835“ (цифра 5 читается очень неопредѣленно; останавливаемся на этой датѣ на основаніи того, что другіе переводы изъ Анакреона помѣчены тѣмъ же числомъ и 1835 годомъ, и кромѣ того, что бумага рукописи одного изъ нихъ — выше, № 69 — сходна съ бумагой настоящей рукописи). Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 1. 399 и 3. 56; Лит. ф. 2. 170).

72). „*Отрывокъ*“, нач.: „*Не розу Паѳоскую...*“, и „*Богъ веселый винограда...*“ (1835). Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага. Между двумя пьесами красная цифра 17. Первая пьеса, повидимому, чистовой списокъ; двѣ поправки, изъ которыхъ одна исправляетъ обычный текстъ (Анн. 3. 58 — 59; Лит. ф. 2. 174). — Вторая пьеса съ многими поправками и передѣлками; нѣкоторыя слова надписаны карандашомъ сверхъ написанныхъ черниломъ (Анн. 3. 56; Лит. ф. 2. 171).

73). „*Подражаніе Арабскому*“, нач.: „*Отрокъ милый...*“. Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага; ниже текста красная цифра 35. Черновикъ. Надъ стихотвореніемъ узоръ — подражаніе арабскому шрифту. Оборотъ листа бѣлый (Анн. 3. 59; Лит. ф. 2. 174).

74). „*Художнику*“, нач.: „*Грустенъ и веселъ вхожу...*“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 5. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано „25 март. 1836“. Оборотъ листа чистый (Анн. 3. 65; Лит. ф. 2. 185 — 186).

75). „*(Подражаніе италіянскому)*“, нач.: „*Какъ съ древа сорвался...*“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 18. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано: „22 іюня 1836. Кам. остр.“. Оборотъ листа чистый (Анн. 3. 65 — 66; Лит. ф. 2. 187).

76). „*Изъ VI Пиндемонте*“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Голубая бумага; среди текста красная цифра 19. Перебѣленный экземпляръ; есть нѣсколько поправокъ. Заглавіе „Изъ VI Пиндемонте“ переправлено въ настоящей рукописи: ранѣе стояло „изъ Alfred Musset“. Въ концѣ приписано: „5 іюл.“ (Лит. ф. 2. 187 — 188).

77). То же стихотвореніе. Въ четвертку, 1 л. Голубая бумага. Среди текста красная цифра 12. Черновой набросокъ. Заглавія нѣтъ. На об. среди текста рисунокъ, изображающій собаку.

78). „*Когда за городомъ задумчивъ я брожу...*“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 7. Перебѣленный, повидимому, списокъ, съ многими поправками и передѣлками. Въ концѣ приписано: „14 авг. 1836. Кам. остр.“ (Анн. 7. 46 — 47; Лит. ф. 2. 188 — 189).

79). Черновые наброски пьесы *Памятникъ* (1836). Въ листъ, 1 л. Бумага синеватая съ знакомъ 1834 г. Среди текста на об. красная цифра 50. Черновикъ трехъ послѣднихъ строфъ. На об. внизу предположительный варіантъ третьей строфы (Анн. 3. 69 — 70; Лит. ф. 2. 189—190). Наверху на об. листа карандашомъ нѣсколько строкъ стихотворенія, нач. словами „*Пошли мнѣ долгу жизнь...*“, и затѣмъ толкованія латинскихъ словъ.

Стихотворенія неизвѣстнаго времени.

80). *„Подъ какимъ созвѣздіемъ...“*. Въ четвертку, 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 39. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

81). *„Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ...“*. Лоскутъ грубой сѣрой бумаги. На об. красная цифра 2. Набросокъ, всего нѣсколько строкъ. Текстъ съ одной стороны листка.

82). *„На силу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы...“*. Въ листъ, на 1 л. Синяя грубая бумага. Среди текста красная цифра 28. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны.

83). *„О боги мирные полей, дубравъ и горъ...“*. Лоскутъ почтовой бумаги. Среди текста красная цифра 29. Перебѣленный, повидимому, списокъ, съ поправками. Текстъ писанъ съ одной стороны.

84). *„Пока меня безъ милости бранятъ...“*. Въ четвертку, 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 79 и рисунокъ, изображающій парусную лодку. На об. карандашные наброски, между прочимъ, профильный портретъ Пушкина.

85). *„Во снѣ я вами ощастливленъ...“*. Въ 8-ую долю, 1 л. На оборотѣ красная цифра 3. Черновикъ. Писано съ одной стороны листка, видимо, оторваннаго отъ письма, такъ какъ около текста есть отмѣтка — А. С. Пушкину.

86). *„Будь подобенъ полной чашѣ...“*. Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 44. Черновикъ. На об. окончаніе пьесы и затѣмъ поперекъ текста набросокъ еще одной строфы, повидимому, того же стихотворенія; выше начало другого: *„Онъ мнѣ ровесникъ...“*. Первая пьеса напечатана И. А. Шляпкинымъ по копіи Анненкова (Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 67).

87). *„Пускай увѣнч[анный] люб[овью] крас[оты] Въ завѣт-[номъ] зол[отѣ] хранитъ ея черты...“*. Небольшой лоскутъ

бумаги. На обор. сторонѣ красная цифра 5. Текстъ съ одной стороны бумаги.

Записи (?) народныхъ пѣсенъ.

1). *„Другъ сердечный(?) мнѣ намѣдни говорилъ.“* Лоскутокъ бумаги съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра 17. Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 4 строки; можетъ быть, и не запись, такъ какъ есть поправки.

2). *„Не видала ли, дѣвица, | Коня моего“*. Въ 8-ую долю, 1 л. бумага 1834 г. Рядомъ съ текстомъ красная цифра 14; тутъ же по французски не Пушкинымъ приписано: vinaigre des quatre voleurs.... Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 8 строкъ; есть передѣлки, такъ что за простую запись принять пѣсню трудно.

Проза.

Повѣсти и сцены.

1). *Отрывки изъ романа въ письмахъ.* Въ листъ и четвертку, на 18 листахъ. Бумага разнообразная со знаками 1827 и 1828 гг., сѣрая и синяя. По листамъ среди текста краснымъ черниломъ цифры: 35, 36, 37, 38, 39, 43 и 40, 42 и 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 33 и 30, 29 и 34, 32 и 31, 50, 28. Рукопись заключаетъ въ себѣ черновики писемъ: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го и еще неполное 1-е письмо въ нѣсколько иной редакціи. На об. послѣдняго л. набросокъ, не относящійся къ роману (Анн. 7. 125 — 138; Лит. ф. 4. 348 — 359).

2). *Цезарь путешествовалъ...*, отрывокъ (1835). Въ листъ, на 3 листахъ. Сѣроватая бумага со знакомъ 1834 г. На л. 1, об. 2-го, лицевой сторонѣ 3-го и об. 3-го цифры краснымъ черниломъ: 13, 9, 10 и 12. Рукопись заклю-

чаетъ въ себѣ отрывки 2-й и 3-й (Анн. 1. 397 — 400; Лит. ф. 4. 383 — 386).

3). *Драматическій этюдъ* (1835?). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 года. Среди текста красная цифра 11. Заглавіе приписано карандашомъ рукою П. В. Анненкова (Анн. 7. 149 — 150; Лит. ф. 4. 331 — 332).

4). *„И ты тутъ былъ?...“* (1835?). Въ листъ, на 1 листѣ. На лицевой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 10 (Анн. 1. 277; Лит. ф. 4, 332).

5). *Созданіе міра*, отрывокъ (средина 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Синяя бумага. На об. красная цифра 37. Почеркъ рукописи ранній. Текстъ съ одной стороны бумаги. Рукопись представляетъ собою, повидимому, набросокъ перевода.

Планы и программы литературныхъ произведеній и замѣтки по поводу ихъ.

1). Набросокъ плана поэмы (?) *„Антеонъ“* (начало 1820-хъ гг.). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага сѣроватая. На об. красная цифра 31 и женскіе профили. Текстъ писанъ съ одной стороны листа, частью по русски, частью по французски. Надъ нимъ приведенное выше заглавіе. Почеркъ ранній.

2). Двѣ программы сказки (?), главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой является *Бова* (первая пол. 1820-хъ гг.) Въ четвертку и 8-ую долю, 2 л. Бумага одного листка сѣрая грубая, другого — болѣе хорошей выдѣлки. Красныя цифры: 34, 27. На верху 1-го л. приписано: „Rouslane et Ludmilla“ и нарисованы башни и латное вооруженіе; на этомъ листкѣ текстъ съ одной стороны.

3). Два наброска плана повѣсти *Гости съѣзжались на дачу...* (1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. На об. листа красная цифра 58. Текстъ писанъ большею частью по французски; главное дѣйствующее лицо Зелія = Zelie (въ печ. текстѣ Зинаида Вольская). На лицевой сторонѣ надъ текстомъ карандашомъ набросано нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ, нач. *„Уродился я бѣдный недоносокъ...“*. На об. на полѣ набросокъ, нач. словами *„Какъ живо колкій Грибоѣдовъ...“*. Дату опредѣляемъ по послѣднему наброску: Горе отъ ума Пушкину читалъ впервые Пущинъ 11 янв. 1825 г.; у Анненкова повѣсть датирована 1829 г., въ изд. Лит. ф. 1831 г. (Анн. 5. 502—506, 7. 147—148; Лит. ф. 4. 365—371).

4). Замѣтки о *Борисѣ Годуновѣ*.

а). Набросокъ предисловія (1831?). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди листа красная цифра 16 (Анн. 1. 132; Лит. ф. 3. 82).

б). Замѣтка по поводу мнѣнія митр. Платона о Дмитріи Самозванцѣ (1831). Въ 16-ую долю, на 1 л. На об. красная цифра 23. Въ концѣ замѣтки дата „6 іюля 1831“ (Лит. ф. 3. 84).

5). Наброски программы *Романа на кавказскихъ водахъ* (1831). Въ четвертку и восьмушку, на 6-ти листахъ. Бумага между прочимъ со знаками 1829 и 1830 гг. На лицевыхъ сторонахъ первыхъ трехъ листовъ и на оборотахъ трехъ послѣднихъ краснымъ черниломъ цифры: 36, 29, 52, 15, 16, 42. На об. послѣдняго листа записка Е. М. Хитрово.

6). *„Les deux danseuses“*, программа повѣсти (начало 1830-хъ гг.). Въ 16-ую долю, 1 л. Бумага съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра 13. Текстъ французскій. Упоминаются имена Zavad[ovski] и Ist[omine]; ср. наброски плана повѣсти „Русскій Пеламъ“, II-й, III-й и IV-й (Ефр. 5. 172 — 174).

7). Замѣтка о *Моцартѣ и Сальери* (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Внизу рисунокъ, изображающій кусты, и перечень, повидимому, писемъ (имена и фамиліи лицъ перечня поставлены въ дат. падежѣ). Замѣтка написана на оборотѣ письма Н. М. Смирнова; послѣднее приблизительно можетъ опредѣлить дату замѣтки (Анн. 1. 288; Лит. ф. 5. 194).

8). Первоначальный набросокъ плана *Дубровскаго.* (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ черниломъ цифра 12.

9). Замѣтка о происхожденіи *Графа Нулина* (1833?). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 64 (Анн. 1. 167; Лит. ф. 5. 194).

10). Набросокъ плана *Капитанской дочки* (1833). Въ 8-ую долю, на 1 л. На об. краснымъ черниломъ цифра 25.

11). Отрывокъ наброска плана *Кирджали* (1834). Клочекъ сѣрой бумаги. На об. краснымъ черниломъ цифра 11.

12). Набросокъ плана повѣсти (?) изъ времени Петра Великаго (1834 — 1835). Въ четвертку, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 10. Начальныя слова: „Сынъ стрѣльца воспитанъ вдовою вмѣстѣ съ ея сыномъ...“.

13). Набросокъ плана драматическаго произведенія (1830-ые гг.). Въ листъ, на 1 л. Красная цифра 3. Писано карандашомъ. Текстъ французскій. Дѣйствующія лица: Adèle, Charle и Derv...

Перечни стихотвореній.

1). Перечень стихотвореній. Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ черниломъ цифра 1. Писано въ 2 столбца. При названіяхъ стихотвореній отмѣчены годы, къ которымъ они относятся —

1824 по 1831; въ спискѣ есть стихотворенія неизвѣстныя.

2). Перечень стихотворныхъ произведеній. Въ листъ, на 1 л. Толстая сѣроватая бумага. На оборотной чистой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 91. Верхняя часть листа занята спискомъ произведеній съ годами ихъ сочиненія и, повидимому, отмѣтками о деньгахъ, за нихъ полученныхъ. На нижней части въ три столбца распредѣленіе стихотворныхъ произведеній по тремъ томамъ для изданія; изъ ряда 2-го тома впослѣдствіи выдѣленъ въ самостоятельный 4-й т. Евгеній Онѣгинъ, а къ 3-му приписаны произведенія 1833 г., ранѣе въ списокъ не внесенныя.

Историко-литературные и историческіе матеріалы, статьи, замѣтки и записки.

1). *„Prologue“*, отрывокъ изъ записокъ (ранніе годы). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 14. Нач.: „Я посѣтилъ твою могилу...“. Въ отрывкѣ упоминается Ц[арское] С[ело], Баб[олово], Дельвигъ, Кюхельбекеръ.

2). *„О фр[анцузской] словесности“* (до средины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 4. На об. листка нѣсколько профилей. Статья касается вопроса о вліяніи французской литературы на русскую.

3). *Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ* (до средины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 38. Замѣтка нач. словами: „Изо всѣхъ родовъ сочиненій самыя (invraisemblance) неправдоподобныя...“.

4). *Отрывокъ замѣтки о встрѣчѣ съ П. А. Ганнибаломъ* (1824). Клочокъ листа сѣрой бумаги. По срединѣ крас-

нымъ черниломъ цифра 18. На лицевой сторонѣ дата „1824 Ноябр. 19 Мих[айловское]“ и начало разсказа, на оборотѣ — средина (Лит. ф. 5. 22).

5). *О народности въ литературѣ* (не ранѣе 1826 г.). Въ листъ, на 2 л. Синеватая бумага со знакомъ 1823 г. Красныя цифры: 1, 2. На л. 1-мъ текстъ, писанный карандашомъ; на об. л. 2-го перечень стихотвореній (карандашомъ), между прочимъ, пьесъ 1826 г.; тутъ же черновикъ начала письма (карандашомъ) на французскомъ языкѣ, можетъ быть, Бенкендорфу (ср. Лит. ф. 7. № 216). Текстъ статьи напечатанъ Анненковымъ и въ слѣд. изданіяхъ не полностью (Анн. 1. 260 — 261; Лит. ф. 5. 31).

6). *„Примѣры невѣжливости“*. Въ четвертку, 2 л. Сѣроватая бумага. Красныя цифры: 2, 3. Анненковымъ напечатана только первая часть замѣтки (Анн. 5. 19; Лит. ф. 5. 54). На об. л. 2-го замѣтка, начин. словами: *„Если все уже сказано, зачѣмъ же вы пишете?...“*.

7). *Встрѣча съ Кюхельбекеромъ* (1827). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ сѣрой бумаги. Въ началѣ текста дата „15 окт. 1827“. 2-й листъ оборванъ, на об. его строки изъ *Полтавы* (Лит. ф. 5. 50).

8). *Замѣтка о Байронѣ по поводу Корсара* (1827). Въ листъ, на 2-хъ лл. Синяя бумага. Красныя цифры: 32, 40. Анненковымъ напечатано съ пропускомъ въ срединѣ (Анн. 1. 260; Лит. ф. 5. 49).

9). *Отвѣтъ на разборъ 4-й и 5-й главъ Евгенія Онѣгина* (1828). Въ листъ, на 4 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1825 г. Красныя цифры: 47, 48, 49, 46. Послѣдній листъ безъ текста. Разборъ былъ напечатанъ въ журн. „Атеней“ 1828 г., февр. Отвѣтъ напечатанъ не былъ.

10). *Замѣтка о трагедіи Ромео и Юльета Шекспира* (1829). Въ листъ, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 12. Близко къ тому, что напечатано Анненковымъ (Анн. 1. 169; Лит. ф. 5. 62).

11). *Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей* (1829). Въ четвертку, 13 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1826 г. Красныя цифры: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27. Въ концѣ (на л. 13-мъ) приписано: „27 марта 1829. Москва". На л. 1 заглавіе „Придисловіе" и эпиграфъ „Sine ira et studio"; ниже нарисованъ мужской профиль, написано „1829" и еще ниже отмѣчено: „въ лиговомъ домѣ". На л. 13 об. мужской профиль, тщательно нарисованный перомъ, съ подписью А. Р...; рядомъ съ нимъ стоитъ „Pièces justificatives" и затѣмъ приведенъ перечень статей, можетъ быть, послужившихъ матеріаломъ къ настоящей статьѣ.

12). *Замѣтки о русскихъ пословицахъ* (1820-ые гг.). Въ четвертку, 2 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красныя цифры: 31, 30. Листки теперь раздѣлены, но ранѣе, очевидно, составляли одинъ листъ. Текстъ начинается на об. л. 1-го, кончается на об. л. 2-го. У Анненкова (Анн. 1. 254) замѣтка напечатана съ пропусками (такъ же Лит. ф. 5. 137). Нач.: „Не суйся середа прежде четверга"; конч.: „Кто въ дѣлѣ (въ должности), тотъ и въ отвѣтѣ (въ посольствѣ)". Въ изданіяхъ отнесено къ 1830 г., но, судя по почерку, едва ли вѣрно.

13). *Замѣтки и выписки о государственномъ строѣ*, отрывки (1820-ые гг.). Въ четвертку, 3 л. Синяя, голубая и сѣроватая бумага. Среди текста красныя цифры: 58, 57, 59. На двухъ листкахъ текстъ съ одной стороны. Писано по французски.

14). *Замѣтка объ изученіи русской словесности* (1830). Въ листъ, на 2-хъ лл. Красныя цифры: 31, 33. Текстъ замѣтки напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 263; Лит. ф. 5. 251—252). Нач.: „Приступая къ изученію..."; конч.: „единственный памятникъ — Пѣснь о плк. Иг[оревѣ]". Надъ началомъ замѣтки нѣсколько словъ объ уваженіи къ минувшему, какъ чертѣ, отличающей образованность отъ

дикости (ср. Анн. 1. 148—не сходно). На об. л. 1-го и на лицевой сторонѣ л. 2-го черновикъ французскаго письма, повидимому, къ гр. Бенкендорфу.

15). *О критикѣ*, набросокъ плана статьи (1830—1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди листа краснымъ черниломъ цифра 34. Начальныя слова: „Критика вообще. Крит. наука...“: послѣднія слова: „гдѣ нѣтъ любви къ искуству, тамъ нѣтъ и критики“ (это вставка къ предыд. фразѣ, начинающейся словами: „хотите ли быть знакомымъ съ художествомъ...“). Низъ листа занятъ черновымъ наброскомъ 25-й—26-й строфъ VIII-ой главы *Евгенія Онѣгина*.

16). *О критикѣ и литературѣ* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1830 г. Красныя цифры: 56, 57. Въ концѣ приписано: „24 окт.“. Первая часть замѣтки (л. 1 и л. 1 об.) напечатана (Анн. 1. 296—297; Лит. ф. 5. 139 — 140).

17). *Набросокъ введенія въ русскую исторію* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красныя цифры: 54, 55. Текстъ французскій. На л. 2-мъ послѣ текста рисунокъ, изображающій женскую фигуру въ восточномъ нарядѣ. Оборотъ л. 2-го безъ текста.

18). *Отрывокъ очерка татарскаго нашествія* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1831 г. Красныя цифры: 52, 53. Текстъ французскій. Начала недостаетъ; нач. словами: „tandis que les petits fils de Wlad[imir]...“. Текстъ кончается на лицевой сторонѣ л. 2-го.

19). *Краткая замѣтка о Поль-Потерѣ* изъ Conversations-Lex. (1831). Въ 16-ую долю, 1 л. Сѣроватая бумага. Красная цифра 14. На об. отрывки двухъ послѣднихъ строкъ (по 2 слова) *Бородинской годовщины* и отмѣтка „5 сент.“ (пьеса написана 5 сент. 1831 г.).

20). *О феодальномъ устройствѣ*, краткій набросокъ (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра среди текста 68. Оборотная сторона безъ текста. Передъ наброскомъ дата „30 мая 1831 Ц[арское] С[ело]“ и эпиграфъ изъ Вольтера. Нач.: „Прежде нѣжели приступимъ...“; послѣ первой фразы идетъ уже не изложеніе, а планъ статьи.

21). *Та же статья, въ изложеніи* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 67. Текстъ, за немногими исключеніями, сходенъ съ тѣмъ, который напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 267 — 268); нач. словами: 1) „Прежде нѣжели приступимъ къ описанію преоборота...“; обрывается на полусловѣ: „а въ послѣдствіи са[ми отъ себя]“.

22). *О журнальной полемикѣ* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 12. Нач.: „Писатели извѣстные у насъ подъ именемъ аристократовъ ввели обыкновеніе...“; конч.: „гордость недостойная добраго христіанина“. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ Анненковымъ (Анн. 1. 251) и перепечатаннымъ въ другихъ изд. (Лит. ф. 5. 110, Ефр. 5. 483, и пр.) есть нѣсколько дополненій и поправокъ редакціоннаго характера (напр. вм. сл. сходка печатнаго текста въ рукописи „кабакъ“, и пр.) Поправки эти, повидимому, сдѣланы Анненковымъ.

23). *Замѣтка о русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красныя цифры: 62, 63. Замѣтка занимаетъ листы 1-й и начало 2-го; начин. словами: „Опредѣляйте значеніе словъ, говоритъ Декартъ...“; надъ текстомъ зачеркнутое заглавіе „Обозрѣніе обозрѣній“. На л. 2-мъ черновикъ письма къ Бенкендорфу отъ 18 янв. 1831 г. (Ефр. 7. 387 — 388). На л. 2 об. карандашный черновикъ стихотворенія *„Я думалъ, сердце*

позабыло..." (Анн. 1. 212; Лит. ф. 2. 40) съ варіантами противъ обычнаго текста; кромѣ извѣстныхъ двухъ строфъ есть неоконченный набросокъ третьей строфы; писано поперекъ листа въ 2 столбца. Рядомъ съ стихотвореніемъ нѣсколько женскихъ профилей карандашомъ. Изданія относятъ стихотвореніе это къ 1828 г.; на основаніи настоящей рукописи его слѣдуетъ, вѣроятно, считать написаннымъ въ началѣ 1831 г.

24). *О дворянствѣ*, программа статьи (1831?). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 61. Первая часть этой программы напечатана Анненковымъ въ Вѣстникѣ Европы 1880 г., № 6, стр. 605 (Лит. ф. 5. 169).

25). *Замѣтка объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь* (начало 1830-хъ гг.). Въ 8-ю долю, на 1 л. На об. листа счета; среди нихъ красная цифра 32.

26). *Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ* (1831 — 1832). Въ листъ, на 1 л. Желтоватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 39. Первая часть замѣтки съ сокращеніями напечатана Анненковымъ (Анн. 1. 297—298), затѣмъ перепечатана въ др. изданіяхъ (Лит. ф. 5. 161, и др.).

27). *Матеріалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевскаго бунта* (1833 — 1834). Въ листъ, четвертку, восьмую и шестнадцатую долю, на 78 листахъ, изъ которыхъ 5 безъ текста, 60 писаны рукою Пушкина и 13 писарской рукою. Бумага разнообразная съ знаками 1829, 1830, 1832 и 1834 гг. Матеріалы и замѣтки эти [illegible] въ текстъ исторіи, [illegible] въ томъ самомъ видѣ, [illegible] же въ переработанномъ [illegible] въ первое [illegible] и нашли себѣ [illegible] Исторія Пугачевскаго [illegible] нѣкоторые

матеріалы (напр. часть указовъ Пугачева, писемъ Падурова) въ изданія вовсе не внесены. Среди замѣтокъ Пушкина въ рукописи находимъ двѣ датированныя: замѣтка объ отцѣ Крылова съ датой „11 апр. 1833“ (л. 28) и набросокъ гл. 7-й — „Казань 6 сент.“ (л. 2).

28). *Очеркъ исторіи русской литературы въ связи съ литературой французской* (1834). Въ листъ, на 8 листахъ. Сѣроватая бумага; есть клеймо 1834 г. Красныя цифры съ 1 до 8. Въ лѣвыхъ верхнихъ углахъ первыхъ семи листовъ, перемѣтка рукою Пушкина 1 — 7. На л. 3 об. два наброска письма къ гр. Бенкендорфу (по русски и по французски), вѣроятно, того самаго, которое въ иной редакціи было написано 23 ноября 1834 г. (см. Ефр. 7. 581—582, № 498). На об. л. 8-го (бѣломъ) карандашомъ приписано (не Пушкинымъ) „О классицизмѣ и романтизмѣ“. Текстъ настоящей статьи отчасти сходенъ съ той статьей, которая печатается въ изданіяхъ сочиненій Пушкина подъ заглавіемъ *О русской литературѣ съ очеркомъ французской* (Лит. ф. 5. 243 — 251). Рукопись начинается словами: „Долго Россія оставалась чуждою Европѣ...“ (5. 249); послѣ части, помѣщаемой въ изданіяхъ подъ II (5. 250 — 251), слѣдуетъ то, что находится передъ вступленіемъ (Лит. ф. 5. 243 — 249); эта часть за немногими исключеніями въ рукописи изложена совершенно иначе, чемъ въ печатномъ текстѣ.

29). *О Дельвигѣ* (1834 или 1835). Въ листъ, на 1 л. Сѣрая бумага со знакомъ 1834 г. (такимъ образомъ, къ 1831-му г., какъ въ изд. Лит. ф. и др., отнесено быть не можетъ). По срединѣ листа красная цифра 14. Нач.: „Я ѣхалъ съ В. изъ П.б....“; конч.: „послѣ скучнаго математическаго класса“ (Лит. ф. 5. 159 — 160).

30). *Замѣтка о новой комедіи Загоскина — Недовольные* (1836). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 51. На об. набросокъ профиля, повиди-

мому, самого Пушкина, и черновикъ письма къ неизвѣстному, по всей вѣроятности, въ Тверь. Дата опредѣляется временемъ выхода въ свѣтъ комедіи Загоскина.

31). *Краткія замѣтки по русской исторіи* (1830-ые гг.). Въ 8-ую долю, на 2 л. Бумага, вѣроятно, второй половины 1830-хъ гг. Красныя цифры: 18, 30. Текстъ писанъ по русски и по французски, съ одной стороны листковъ. Въ замѣткахъ говорится объ удѣльныхъ князьяхъ, боярахъ, кабальныхъ и полныхъ холопахъ и пр.

32). *О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго* (1830-ые годы). Въ четвертку, 1 л. Голубоватая бумага. Среди текста красная цифра 68 (Анн. 1. 255 — 256; Лит. ф. 5. 136 — 137).

Календарь или мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1721... Въ Санктъпітербурхской Типографіи лѣта Господня 1720, Декабря въ 12 день. — Копія 1820 — 1830 гг. Въ листъ, на 12 листахъ (лл. 10 и 11 бѣлые). Текстъ писанъ писарской рукой; заглавный листъ, отмѣтки на л. 2-мъ и на л. 5 и рисунокъ на л. 12 об., изображающій внѣшность календаря, съ припиской „форма календаря“, — рукою Пушкина. Въ текстъ копіи не введенъ мѣсяцесловъ въ тѣсномъ смыслѣ — распредѣленіе памятей святыхъ и дней недѣли по числамъ, фазы луны, время восхожденія и захожденія солнца (ср. описаніе Календаря у Пекарскаго — Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. 2, 490).

II. Переписка Пушкина.

Письма Пушкина.

1). *Къ Н. И. Гнѣдичу*, 29 апр. 1822 г. (Лит. ф. 7, № 22, стр. 29—30). Въ четвертку, на 2-хъ отдѣльныхъ листкахъ, составлявшихъ прежде одинъ листъ. Въ серединѣ лицевыхъ сторонъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 8, 9. Черновикъ. Съ печатнымъ текстомъ (и бѣловымъ и черновымъ) сходенъ только отчасти.

2). *Къ А. Н. Раевскому*, 1823 г. (Лит. ф. 7, № 54, стр. 66—67). Въ листъ, на 1 л. Синяя бумага съ филигранью Pro patria. Въ срединѣ листа краснымъ черниломъ цифра 59; верхъ листа оборванъ. На оборотѣ рисунки карандашомъ и перомъ — мужскіе профили и начала строкъ (концы оторваны) стихотворенія, нач.: „Но ты предвидѣньемъ своимъ [?]....“;—можетъ быть, черновой набросокъ стихотворенія *Недвижный стражъ дремалъ*... (Лит. ф. 1. 296 — 298). Письмо черновое; писано по французски. Въ печати извѣстно въ русскомъ переводѣ.

3). *Къ А. А. Дельвигу*, дек. 1824 г. (Лит. ф. 7, № 89, стр. 100—103). Въ четвертку, на 3-хъ листахъ. На обор. 3-го л. слѣдъ красной сургучной печати. Начало и конецъ письма, имѣющіе личный характеръ, въ рукописи зачеркнуты; приписка рукописи на об. л. 3 въ изданія не вошла.

4). *Къ Н. Н. Раевскому*, 1827 г. (Анн. 1. 145 — 147: отрывки; ср. Ефр. 7. 287 — 289, № 219). Въ листъ, на 6 листахъ. Бумага темно-синяя со знакомъ 1825 г. По срединѣ лицевой стороны листовъ цифры: 37, 38, 42, 43, 44 (4-й листъ безъ отмѣтки). Черновикъ — матеріалъ къ предполагавшемуся предисловію Бориса Годунова.

5). *Къ Н. Н. Раевскому*, 1827 г. (ср. Ефр. 7, стр. 287—288, № 219). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Рукопись представляетъ собою копію части предыдущаго письма (№ 4) — л. 1-го и лицевой стороны л. 2-го.

6). *Къ А. Х. Бенкендорфу*, іюнь (?) 1829 г. Въ 8-ю долю, на 1 л. Красная цифра 21. Верхняя часть листа оборвана; на обор. пробы пера и монограмма АП. рукою Пушкина. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Письмо въ печати неизвѣстно; содержаніе его изложено въ статьѣ неизвѣстнаго автора, посвященной Пушкину и напечатанной въ „Рус. Старинѣ“ 1874 г., т. 10, 703—704.

7). *Къ П. А. Плетневу*, 21 янв. 1831 г. (Лит. ф. 7, № 270, стр. 258—259). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага 1829 г. Все письмо исколото иголкой (вѣроятно, для дезинфекціи, т. к. писано во время холеры). На об. 2-го л. остатки красной сургучной печати, почтовый штемпель и адресъ; лицевая сторона 2-го л. бѣлая. Подписи нѣтъ; дата „21 янв.“.

8). *Къ М. П. Погодину*, 1831 г. (ср. Ефр. 7, № 390, стр. 468—469). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Надъ началомъ письма рукою Л. Н. Майкова приписано: Погодину 1831. — Ни обращенія, ни подписи нѣтъ.

9). *Къ родителямъ* 1831 (?) г. Въ четвертку, на 1 л. На лицевой сторонѣ, среди текста цифра 3 краснымъ чернилomъ; на об. красная цифра 2; поверхъ текста оборотной стороны наброски профилей и списокъ стихотвореній Пушкина, среди которыхъ встрѣчаются и произведенія 1831 г. Письмо черновое, писано частью чернилomъ, частью карандашомъ. Даты нѣтъ.

10). *Къ Н. Н. Пушкиной*, 24 апр. 1834 г. Въ листъ, на 1 л. Бумага 1830 г. Листокъ оборванъ снизу и запачканъ. Письмо въ печати неизвѣстно. Обращенія и подписи нѣтъ; дата „Вторникъ“, изъ текста видно — страстной недѣли; годъ опредѣляется при помощи другихъ писемъ.

11). *Къ П. Я. Чаадаеву* (1836). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1836 г. Среди текста красныя цифры: 13, 14. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Конецъ письма сходенъ съ отрывкомъ того письма (черновымъ), которое напечатано г. Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. 7, стр. 664—665, № 589; этотъ послѣдній черновикъ частью сходенъ съ письмомъ—тоже черновымъ, напечатаннымъ тамъ же, подъ № 588,—19 окт. 1836 г.; надо думать, № 589 только иная редакція письма № 588, а не самостоятельное письмо. Нѣкоторыя мѣста нашей рукописи, не сходныя съ № 589, сходны съ № 588.

12). *Къ бар. Геккерену*, 21 ноября 1836 г. Одиннадцать клочковъ письма (изъ нихъ одинъ безъ текста), видимо, отъ двухъ разныхъ листовъ бумаги,—одна изъ первоначальныхъ редакцій письма. Бумага синеватая. На одномъ изъ клочковъ знакъ 1826 г.; этотъ клочекъ составляетъ одно цѣлое съ тремя другими; еще два могутъ быть соединены вмѣстѣ, остальные четыре не имѣютъ связи ни другъ съ другомъ, ни съ остальными. Всѣ отрывки писаны черниломъ, за исключеніемъ одного, писаннаго карандашомъ. См. изд. Лит. ф. № 478 (послѣдняя редакція) и „Рус. Стар.“, 1880 г., т. 28, № 7, стр. 516—520 (первоначальныя редакціи).

13). *Къ А. О. Ишимовой*, 25 янв. 1837 г. Въ восьмую долю, на 1-мъ листѣ. Синеватая бумага. На об. краснымъ черниломъ цифра 24. Черновикъ; безъ обращенія, подписи и даты. Въ печати извѣстно по бѣловому списку (Лит. ф., № 484, стр. 419).

Письма къ Пушкину.

1). *С. Л. Пушкина*, 16 апр. 1830 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Письмо писано по французски (см. Анн.

1. 2782—79). Въ низу л. 2-го и на оборотѣ его приписка Над. Ос. Пушкиной.

2). *П. И. Кеппена*, 17 іюля 1836 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На л. 1-мъ краткая записка (по русски), на л. 2-омъ извлеченіе изъ статьи А. Кухарскаго о имени Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (на нѣмецкомъ языкѣ).

3). *П. Я. Чаадаева*, безъ даты. Въ четвертку, на 2-хъ л. Письмо занимаетъ лицевую сторону 1-го л., на об. 2-го адресъ. На французскомъ языкѣ.

III. Копіи Произведеній Пушкина.

1). *Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ 1817* (отн. къ 1816 г.). Въ четвертку, л. 2 лл. Копія рукою П. В. Анненкова. Надъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова (Я. Н. ?); въ концѣ объяснительная къ стихотворенію приписка Анненкова (Лит. ф. 7. стр. LIV; Ефр. 8. 76—77).

2). Отрывки изъ *Руслана и Людмилы*. Въ листъ, на 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова, карандашомъ. Въ рукописи приведены стихи, бывшіе въ изданіи 1820 г. и выпущенные или измѣненные въ изд. 1828 г.; всѣ они приведены въ изд. Лит. ф. въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (т. 2, стр. 212, 213, 217, 223, 226, 242, 243 и 250); перечень пропущенныхъ стиховъ въ рукописи не совсѣмъ полонъ.

3). *Изъ посланія Я. Н. Толстому*, нач.: *Горишь ли ты, лампада наша...?* (1822). Въ листъ, на 1 л. Строки, пропущенныя въ изд. Анненкова (т. 1. 187), но теперь печатающіяся (Лит. ф. 7. 40): „Вотъ онъ, пріютъ...“ и слѣд. шесть.—На томъ же листкѣ ниже *Экспромптъ Гнѣдичу* при чтеніи имъ у Я. Н. Толстого отрывка изъ Иліады (1819)

нач.: *Съ тобою въ споръ я не вступаю...* (Лит. ф. 7. 214). Листокъ писанъ Я. Н. Толстымъ.

4). *Кавказскій пѣнникъ* (1821) и *Бахчисарайскій фонтанъ* (1822). Въ 32-ю долю, на 38 лл. Писано красивой, мельчайшей скорописью; на об. л. 1-го тушью портретъ Пушкина въ дѣтскомъ возрастѣ съ гравюры Гейтмана (портретъ этотъ былъ приложенъ къ 1-му изданію Кавказскаго Плѣнника). Рукопись заключена въ красный сафьянный переплетъ, тисненый золотомъ, съ буквами L. G. на передней доскѣ и надписью — Соч. Пушкина — на корешкѣ; золотой обрѣзъ; при рукописи футляръ зеленаго сафьяна.

5). *Генералу Пущину* (1821) и *Вигелю* (1823). Въ листъ, на 1 л. Первая пьеса — экспромтъ П. С. Пущину — въ рукописи съ добавленіемъ не печатающихся въ изданіяхъ четырехъ начальныхъ стиховъ (Лит. ф. 1. 262); нач.: Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ.... — Вторая пьеса въ сравненіи съ текстомъ письма къ Ф. Ф. Вигелю (Лит. ф. 7. 64 — 65) даетъ нѣкоторые варіанты.

6). *Хотя стишки на именины...* (1825) и *За Netty сердцемъ я летаю...* (1828). Въ четвертку, на 1 л. Старая сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 20. Листокъ писанъ рукою А. Н. Вульфъ (Анн. 7. 89; Лит. ф. 1. 346; Анн. 7. 92; Лит. ф. 2. 42). Первая пьеса посвящена Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ, вторая — Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ.

7). *Пѣсни*, записанныя Пушкинымъ (1825). Въ листъ, на 2 лл. Писарскимъ почеркомъ, съ поправками и дополненіями рукою Анненкова: 1) *Во городѣ было во Астрахани...* (Лит. ф. 1. 372 — 373), 2) *Какъ на утренней зарѣ...* (Лит. ф. 1. 373), 3) *Во славномъ городѣ во Кіевѣ...* (Лит. ф. 1. 374—375), 4) *Какъ за церковью за нѣмецкою...* (Лит. ф. 1. 372).

8). *Нѣтъ, я не льстецъ...* (1828). Въ 8-ую долю, 1 л. (Анн. 7. 37 — 38; Лит. ф. 2. 29 — 30).

9). *Гонимый рока самовластьемъ...* (1832). Обрывокъ листа (Лит. ф. 2. 142).

10). Отрывки изъ *Мѣднаго всадника* (1833) и изъ *Родословной моего героя* (1833). Въ 8-ую долю и листъ, на 3-хъ лл. Писано рукой Анненкова, карандашомъ. Приведенные въ рукописи стихи Мѣднаго всадника отмѣчены въ изд. Лит. ф., т. 3, стр. 561, 563, 570 — 571 (послѣдніе введены въ текстъ), Родословной — тамъ же, т. 3, стр. 550 — 551 (введены въ текстъ), 554 — 555, 552. (Нѣкоторые стихи Мѣднаго всадника въ первыхъ его изданіяхъ, какъ извѣстно, были замѣнены по цензурнымъ условіямъ иными, частью не Пушкинскими — см. Ефр. 8. 450 и слѣд.).

11). *Мірская власть*, нач.: *„Когда великое свершалось торжество...“* (1836). Въ листъ, 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова (Лит. ф. 2, 186). На об. листа *Аріонъ* (1827).

12). *Нѣкоторыя историческія замѣчанія* (1822), копія поздняго времени. Въ листъ, на 4 лл. Въ концѣ приписано: Писано въ Кишиневѣ 1821—1822 год. и почерпнуто изъ сборника Н. С. Алексѣева. — Въ настоящее время статья эта напечатана (съ пропусками) по оригиналу, находящемуся въ собраніи П. Я. Дашкова (см. Ефр. 5. 354 — 360; Лит. ф. 5. 10 — 14).

13). *Отрывокъ изъ опыта отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій* (1830). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Нач.: Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ...; конч.: On en rit, j'en ris moi-même (Лит. ф. 5. 118 — 119).

В. Срезневскій.

Собраніе автографовъ Пушкина,

принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки Императорской Академіи наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой).

Въ ряду новыхъ пріобрѣтеній Пушкинскаго отдѣла рукописнаго отдѣленія библіотеки Академіи наукъ существенное значеніе имѣетъ коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Евгеніей Александровной Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой), заключающая собраніе автографовъ Пушкина, между прочимъ рядъ писемъ, до сихъ поръ извѣстныхъ только по спискамъ. Свѣдѣнія объ этой коллекціи съ указаніемъ варіантовъ въ стихотвореніяхъ и поправокъ къ извѣстнымъ въ печати текстамъ писемъ представляемъ въ настоящемъ описаніи.

Стихотворенія.

I. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры 113 и 114.

л. 1. «*Друзьямъ*», нач.: „Вчера былъ день разлуки шумной...“ (изд. Анненк., т. 2, 326 — 327; Лит. фонда, т. 1,

272—273). Относится къ 1822 году; впервые пьеса была напечатана въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 24—25. Въ рукописи первоначально было заглавіе „Вакхическая пѣснь“; затѣмъ зачеркнутое, оно было замѣнено тѣмъ, подъ которымъ пьеса извѣстна теперь. Подпись монограмма АП. — Варіанты: 1-я строфа, 4 строка — „при *блескѣ* чашъ“ вм. „при громѣ...“; 3-я строфа, 2 строка — „*вашихъ* глазъ“ вм. „нашихъ...“; въ этой редакціи стихотвореніе было напечатано въ Полярной звѣздѣ.

л. 1 об. «*Гречанкѣ*», нач.: „Ты рождена воспламенять...“ (изд. Анненк., т. 2, 329—330; Лит. фонда, т. 1, 279—280). Относится къ 1822 году. Въ первый разъ было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 107 — 108. Подъ строкой примѣчаніе къ сл. „пѣвецъ Леилы“: „См. поэму лорда Байрона Гяуръ (а не Джауръ, какъ пишутъ нѣкоторые)“. Подпись монограмма АП. — Варіантовъ къ извѣстному въ печати тексту нѣтъ, кромѣ написанія въ стр. 15-й, „въ дальной сторонѣ“ (какъ въ Пол. звѣздѣ) вм. „дальней...“ (какъ въ слѣд. изд.).

л. 2 об. «*Элегія*», нач.: „Увы, зачѣмъ она блеститъ...“ (изд. Анненк., т. 2, 260—261; Лит. фонда, т. 1, 223—224). Относится къ 1820 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 335 — 336. — Варіантовъ къ обычному тексту рукопись не даетъ.

II. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью TS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры: на 1-мъ л. — 36 и 34, на 2-мъ — 35; на полѣ 1-го листа приписано дѣтскимъ почеркомъ старинной руки „Молилевъ“(?). Оба листка заняты стихотвореніемъ «*Овидію*» (изд. Анненк., т. 2, 301—304; Лит. фонда, т. 1, 258—260: „Къ Овидію“). Относится къ 1821 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 81 — 84 (озаглавл. „Овидію“; вм. подписи двѣ звѣздочки, какъ и въ рукописи). — Варіантъ въ 24 стихѣ, который читается

такъ: „Ты, съ юныхъ дней своихъ презрѣвшій мечь булатной...“ вм. „Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной“, какъ въ Полярной звѣздѣ и др. изданіяхъ.

III. Въ четвертку, на 1 листѣ. Бумага съ филигранью —раковина (та же, что въ письмѣ Бестужеву 8 февр. 1824 г.—см. ниже). Въ правомъ верхнемъ углу цифра 68. На листкѣ находятся два стихотворенія: «*Элегія*» (нач.: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...“) и «*Нереида*» (у Анненкова, т. 2, 340 — 341 и 269). Первое относится къ 1823 году, второе къ 1820 году. Въ первый разъ были напечатаны въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 314 — 315 и 29, но съ такими грубыми опечатками, что въ томъ же году были перепечатаны вновь въ „Литературныхъ листкахъ“ Булгарина (№ 4, стр. 134—135); „Элегія“ и на этотъ разъ не обошлась безъ дефектовъ, такъ какъ появилась въ печати безъ трехъ стиховъ (26 — 28). Рукопись наша, думаемъ, представляетъ тотъ именно автографическій списокъ, который былъ присланъ для напечатанія въ „Литературныхъ листкахъ“. На это указываетъ во первыхъ то, что списокъ точно сходенъ съ текстомъ „Литературныхъ листковъ“ во всѣхъ варіантахъ противъ обычнаго текста. Во вторыхъ, въ рукописи особенное вниманіе обращено на тѣ слова, которыя явились въ Полярной звѣздѣ съ опечатками, — они писаны тщательнѣе, чѣмъ другія, и подчеркнуты; — въ Элегіи эти слова: *бесѣды* (Полярн. звѣзда—бесѣдѣ, 12), *съ боязнью* (Полярн. зв.— болѣзнью, 15); въ Нереидѣ: *надъ* (Полярн. зв.—какъ, 3). Наконецъ, что особенно бросается въ глаза, это пропускъ въ рукописи тѣхъ же трехъ стиховъ (26 — 28) Элегіи, которыхъ недостаетъ въ изданіи Лит. листковъ. Среди доказательствъ нашего предположенія, конечно, наиболѣе существеннымъ является второй пунктъ — отмѣтка опечатокъ. — Что касается до варіантовъ противъ обычнаго текста, то они въ Элегіи слѣдующіе (въ сравненіи съ

текстомъ Анненкова): 2 стр. „моей любви *несчастное*“ (Анн. безумное), 9 стр. „мнѣ *чувства* омрачивъ“ (Анн. разумъ), 10 стр. „*безумной*“ (Анн. несчастной), 11 стр. „въ толпѣ ихъ *мумной*“ (Анн. страстной), 12 стр. „*угрюмъ* и молчаливъ“ (Анн. одинъ и ...), 15 стр. „хочу-ль *уйти*“ (Анн. бѣжать), 34 стр. „но *ты вправа*“ (Анн. но я любимъ). Варіантъ въ Нереидѣ одинъ: 3 стр. „сокрытый межъ *олив*ъ“ (Анн. межъ деревъ). Подпись въ рукописи послѣ второго стихотворенія — буквы А. П.

Письма.

I. Письма къ А. А. Бестужеву.

1). Письмо 21 іюня 1822 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью TS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 119 и 120. Подпись „Пушкинъ“; дата полная. — Въ изданіи Литературнаго фонда 1887 г. (т. 7, № 24, стр. 32—33) слѣд. неточность: 32,30-31 чит. „препятствія *въ* напечатаніи“.

2). Письмо 13 іюня 1823 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Подпись монограмма АП; дата „13 іюня“. — Въ изданіи Литературнаго фонда (т. 7, № 39, стр. 49—51) слѣд. неточности: 50.3 вм. „это молчаніе“ чит. „это *у*молчаніе“; 50.4 вм. „я отъ тебя“ чит. „*а* отъ тебя“; 50.5 чит. „*а* обижать; 50.16 чит. и сказы*вали тп*, *что* ходятъ; 50.18-19 чит. „*Благовѣщеніе*“; 50.24 чит. „въ рукахъ Николая Раевскаго“.

3). Письмо 8 февраля 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Подписи нѣтъ; дата полная; на оборотѣ адресъ.— Неточности въ изданіи Лит. фонда (т. 7. № 59, стр. 71—72): 71.26-27 чит. „для снисходительнаго вниманія, мил(о-сти*вая*) госуд*(арыня)* NN и ожидаетъ *ободри*тельной улыб-

ки...“; 72.15 вм. „напечаталъ“ чит. „*печатаю*“; 72.5 слѣ. „похабный“ поставлено въ скобки и вписано между строкъ.

4). Письмо 29 іюня 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Подписи нѣтъ; дата полная.—Неточности изд. Литер. фонда (т. 7. № 68, стр. 81—82): 81.20 чит. „послѣднее твое“; 81.24-25 вм. „пріятно ли“ и проч. чит. „пріят*ельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни?* Богъ...“ и пр.; 81.26 чит. „ты ост*рамилъ*“; 81.27-28 вм. „еще не кстати“ чит. „еще кстати“; 81.29 вм. „припоминать“ чит. „припо*мнить*“; 81.30 чит. „когда увидѣлъ“; 82.2-3 чит. „единственном*ъ* журнал*ъ*“; 82.12 чит. „миновал*ся*“; 82.14-15 вм. „въ свидѣтели“ чит. „въ свидѣте*льство*“; 82.17 вм. „но вижу“ чит. „*а* вижу“; 82.20 вм. „грезъ“ чит. „*жидъ*“; 82.21 чит. „*попа*“; 82.24 вм. „молодости“ чит. „*младости*“.

5). Письмо 24 марта 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1820 г. Прожжено насквозь по срединѣ листа. Начальныя слова письма: „Во первыхъ пришли мнѣ свой адресъ...“; въ концѣ отмѣтка: „24 март. Михайловское“. Письмо это въ изданіяхъ присоединяется, какъ продолженіе, къ письму, начинающемуся словами „Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда“... (изд. Лит. фонд., № 103) и помѣчается 21 марта (въ „Матеріалахъ“ Анненкова, стр. 128,—12 марта); нужно сказать, что по бумагѣ, почерку, сгибамъ оно совершенно сходно съ указаннымъ письмомъ; поэтому, вѣроятно, однимъ изъ переписчиковъ, по копіи котораго было напечатано въ Русской старинѣ (1882, т. 33, стр. 460) и затѣмъ въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, и было принято за составную часть другого (отн. этого — второго письма см. ниже). Разновременность написанія писемъ явствуетъ изъ того, что въ одномъ изъ нихъ (24 мр.) находимъ слова „Жду П[олярную] З[вѣзду], давай ее сюда; предвижу, что буду съ тобой согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ...“;

въ другомъ же подробно разбираются эти мнѣнія.—Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда (№ 103, стр. 117—118): 117.15 вм. „очень очень дѣльное“ чит. „очень дѣльное“; 117.15 вм. „пришлю“ чит. „*перешлю*“; 117.21 вм. „имѣлъ къ тому“ чит. „имѣлъ тому“; 118.10 вм. „въ этомъ“ чит. „въ *оном*ъ“; 118.16 вм. „но тебѣ“ чит. „*да* тебѣ“.

6). Письмо безъ даты; на основаніи содержанія можетъ быть отнесено къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 4-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ фабрики Сазонова 1820 г. Подписи нѣтъ. Первая часть письма (начиная со словъ „Отвѣчаю на первый параграфъ...“ и кончая словами „я буду говорить“) въ изданіи Лит. фонда 1887 г. (т. 7, 115—117) и „Рус. Старинѣ“ (1882 г., т. 33, 458—459) напечатана въ соединеніи съ письмомъ 24 марта, и такимъ образомъ съ невѣрной датировкой (см. выше); вторая часть—какъ самостоятельное письмо (Лит. фонд., 1887, 127—128; „Рус. стар.“ 1882 г., т. 33, 461—462). Ранѣе въ правильномъ порядкѣ все письмо полностью было напечатано въ „Русскомъ словѣ“ 1861 г. (ч. 2, стр. 24—27), въ отрывкахъ у Анненкова (Мат., 160—162). — Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда 1887 г. (№№ 103 и 114, стр. 115—117, 127—128): 115.27 вм. „у такихъ“ чит. „у *таковых*ъ“; 116.7 вм. „и нѣтъ литературы“ чит, „*а* нѣтъ...“; 116.8 чит. „*и* недостаетъ“; 116.9 чит. „репутаці*и*“; 116.24-25 чит. „что *это* все не можетъ установить *какого-нибудь* мнѣнія“; 116.28 чит. „вотъ все“; 116.29 вм. „можно сказать“ чит. „*скажемъ*“; 116.31 вм. „позже“ и проч. чит. „*ниже* съ этимъ *соглашаешься*“; 116.37 вм. „не хуже“ чит. „не *ниже*“; 116.41 чит. „*да* Баратынскаго“; 117.1-2 вм. „таланты“ чит. „*дарованія*“; 127.20 чит. „*предъ* ними“; 127.31 чит. „*объ* нашей-*то*“; 128.2 чит. „*подлецъ* Воронцовъ“; 128.8 вм. „подражаніяхъ“ чит. „*подражателяхъ*“; 128.15 чит. „брось *этихъ* нѣмцевъ“; 128.18 вм. „романической“ чит. „*байронической*“; 128.20 чит. „*конечно тебѣ*“; 128.20 чит. „на *его*

Войнаровскаго". Изданіе „Рус. слова" исправнѣе изд. Литературнаго фонда, но въ немъ имѣются нѣкоторые пропуски, вѣроятно, обусловленные требованіями цензуры. Слѣдуетъ отмѣтить, что фразы, поставленныя въ изд. Лит. фонда въ скобкахъ, въ оригиналѣ находится или подъ строкой или на полѣ; это суть: „виноватъ! Горацій..." (115), „уважаю въ немъ великаго человѣка..." (116), „у одного только народа..." (116). Интересно отмѣтить, что слова „кумиръ Державина ¼ золотой, ¾ свинцовый", первоначально были написаны—„...полузолотой, полусвинцовый", затѣмъ слова „полу" были зачеркнуты и надъ ними поставлены цифры.

7). Письмо 30 ноября 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Писано блѣдными коричневатыми чернилами. Безъ подписи; дата „30 ноября". На оборотѣ адресъ: „Его Высокоблагородію Кондратью Федоровичу Рылѣеву въ С.-Петербургъ. У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву". Печать Пушкина чернаго сургуча, почтовый штемпель „Опочка 18... дек. 5". — Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда (№ 151, стр. 166): 166.9 чит. „*объ* журналѣ"; 166.12 вм. „запрещеніями" чит. „*защищеніями*"; 166.12 чит. „*выдутъ*"; 166.20 чит. „была бы лучше"; 166.28 чит. „все будетъ *слогъ* сбиваться". Въ „Рус. словѣ" текстъ переданъ точнѣе, но съ сокращеніями, ничѣмъ не отмѣченными. См. еще „Рус. стар.", 1882 г., т. 33, с. 463 — 464 (по списку), Отеч. зап. 1855, № 6, отд. III, с. 64.

II. Письма къ К. Ѳ. Рылѣеву.

1). Письмо 25 янв. 1825 г. Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Безъ подписи; дата: „25 генв.". — Неточности изд. Литературнаго фонда (№ 94, стр. 106 — 107): 106.23 вм. „отрывки" чит. „отры*вокъ*"; 106.30 чит. „Гудибра*са*"; 107.1

чит. „*Ренике*-Фуксъ“; 107.2 вм. „и проч. и проч.“ чит. „etc. etc. etc. etc. etc.“; 107.3-4 чит. „картины... входятъ“; 107.10 вм. „навсегда“ чит. „*всегда*“; 107.11 вм. „корить... вѣнчать“ чит. „*казнитъ ...вѣнчаетъ*“; 107.14 чит. „генваря“.

2). Письмо безъ даты, относимое къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ (2-й листъ бѣлый). Бумага съ клеймомъ 1824 г. Подписи нѣтъ.—Неточности противъ изд. Литер. фонда (№ 113, стр. 126 — 127): 126.28 чит. „подразумѣвать *похвалу*, знаки *возклицанія*“; 126.29 чит. „писано *тобою* съ умыслу“; 126.29 чит. „не счелъ *я* за нужное отмѣчать *его* для тебя“; 127.12 чит. „Наливайки.“

III. Письмо къ А. Х. Бенкендорфу.

21 апр. 1828 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 16 и 17. На 1-мъ л. надъ обращеніемъ приписано: „пол. 23 Апрѣля 1828 г.“ Подпись и дата полныя. Напечатано въ первый разъ въ Рус. старинѣ 1874 г. (т, 9, с. 394—395) въ статьѣ А. И. Ивановскаго „А. С. Пушкинъ, эпизодъ изъ его жизни 1828 г.“ (по оригиналу); хотя отмѣчено, что письмо „приведено безъ малѣйшаго измѣненія въ грамматикѣ и орѳографіи“, неточности, и именно отклоненія отъ орѳографіи, есть. Въ изд. Лит. фонда, № 201, стр. 201 — 202.

В. Срезневскій.

Къ литературной исторіи „Исторіи села Горохина“.

„Англія есть отечество каррикатуры и пародій. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри“.

(А. Пушкинъ, „О каррикатурѣ въ Англіи и о Полевомъ“, 1830).

„Самая замѣчательная пародія Пушкина, говоритъ Страховъ, есть «*Лѣтопись села Горохина*», въ которой онъ пародировалъ первыя главы *Исторіи Государства Россійскаго*. Ложный тонъ Карамзина здѣсь разоблаченъ совершенно, при томъ не вообще, а съ точнымъ указаніемъ избранныхъ свойствъ предмета, по отношенію къ кото-

рому этотъ тонъ ложенъ“ [1]). Это утвержденіе, будто „Исторія села Горохина“ есть пародія на Исторію Карамзина — домыселъ, ни на чемъ не основанный и ничѣмъ не подтверждаемый, тѣмъ не менѣе, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ въ русской критической литературѣ.

Это тѣмъ болѣе странно, что въ томъ-же 1830 году, когда создано было разбираемое произведеніе, написалъ Пушкинъ, между прочимъ, разборъ „Исторіи русскаго народа“ Н. Полевого. Въ этой статьѣ поэтъ неразъ нападаетъ на Полевого за несправедливое отношеніе къ Карамзину. Напр.:

„..но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и, какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая *пародія* заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ *пародія* разсказа исторіографа“.

«*Исторія Русскаго народа*» начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей; г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ, сблизивъ то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „И такъ мы видимъ.. Изъ сего слѣдуетъ...“. „...Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику...“ и пр.

Достаточно этихъ цитатъ, чтобы удостовѣриться, что въ 1830-омъ году Пушкинъ энергично и искренно *защи-*

---

1) Н. Н. Страховъ, „Замѣтки о Пушкинѣ“.

щалъ Карамзина, и отнюдь не былъ расположенъ сочинять „пародіи“ на его безсмертный трудъ. Любопытно, что, рядомъ съ этимъ уваженіемъ къ Карамзину, около имени Полевого какъ разъ вьется неотступно насмѣшливое словцо: „пародія“. Полевой, по мнѣнію поэта, слѣпо подражалъ Карамзину, Тьерри, Баранту и Нибуру, но это подражаніе было такъ неудачно, что переходило въ *«пародію»*.

Полевого поэтъ высмѣялъ зло не только въ этой критикѣ на его историческій трудъ, но и въ частныхъ письмахъ, и въ шутливыхъ „Дѣтскихъ сказкахъ“ (все въ томъ-же 1830-омъ году), — конечно, къ нему онъ не питалъ никакого благоговѣнія и готовъ былъ его вышучивать. Вотъ почему съ бо̀льшимъ правомъ можно утверждать, что „Исторія села Горохина“ есть пародія на „Исторію русскаго народа“ Полевого. Мнѣніе это еще въ 1900-омъ году нашло себѣ подтвержденіе въ статьѣ: „Исторія села Горохина“ г. Черняева[1]), который, опровергая Страхова, заявляетъ, что пародія Пушкина направлена не противъ Карамзина, а вообще противъ историографовъ съ такими пріемами изслѣдованія и изложенія, какіе не нравились поэту; мелькомъ и Черняевъ останавливаетъ вниманіе свое на Полевомъ[2]), дѣлаетъ нѣкоторыя любопытныя сопоставленія и проходитъ мимо, не сдѣлавъ вышеприведеннаго категорическаго заключенія. Конечно, пока и не произведенъ обстоятельный сравнительный анализъ содержанія и стиля обоихъ сочиненій, вопросъ до нѣкоторой степени является открытымъ, но и

1) Н. И. Черняевъ, „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ. 1900.

2) „Такія же сближенія, какія сдѣлалъ Страховъ между параллельными мѣстами „Исторіи села Горохина“ и Исторіей Карамзина можно сдѣлать между и *любымъ сочиненіемъ* по русской исторіи. Возьмемъ, *напримѣръ*, „Исторію русскаго народа“ Полевого“ (стр. 521).

сдѣланныя г. Черняевымъ сопоставленія указываютъ, на мой взглядъ, каковы должны быть результаты сближенія этихъ двухъ произведеній.

Но если можно считать до нѣкоторой степени рѣшеннымъ вопросъ, на кого мѣтила „пародія" Пушкина, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, насколько самостоятельна самая „идея" этой пародіи. Нетрудно было вышутить „исторію народа" въ такой-же, но „только каррикатурной исторіи",—но сведеніе исторіи *народа* въ „исторію *села*"—это, съ художественной точки зрѣнія, замыселъ, болѣе сложный,—его объяснить однимъ желаніемъ высмѣять Полевого нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, такое произведеніе, какъ „Исторія села Горохина", заключаетъ въ себѣ, въ сущности, два предмета осмѣянія: 1) пріемы писателей-историковъ, 2) предметъ ихъ изслѣдованія—ничтожный, не заслуживающій вниманія. Такимъ образомъ, заразъ осмѣивается пошлость исторіографа и пошлость изображенной жизни.

Едва-ли Пушкинъ сознательно желалъ въ своемъ произведеніи высмѣять Россію, между тѣмъ, онъ сдѣлалъ это. Очевидно, для объясненія такой странности мало одного сближенія съ Полевымъ,—нужно искать еще какихъ-нибудь литературныхъ фактовъ.

Мнѣ кажется, что изъ недоумѣнія насъ выводитъ одна любопытная работа извѣстнаго нѣмецкаго сатирика Рабенера, переведенная на русскій языкъ подъ названіемъ: «*Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописей деревни Кверлеквичь*» и изданная въ С.-Пб. въ 1764.

Это—остроумная сатира, художественнымъ замысломъ и изложеніемъ, тономъ совершенно напоминающая „Исторію (или лѣтопись) села Горохина". Въ XVIII-мъ вѣкѣ сочиненіе это въ русскомъ переводѣ выдержало нѣсколько изданій (отдѣльно и въ собраніи сочиненій Рабенера), часто попадается въ разныхъ каталогахъ,—словомъ, было дос-

таточно популярно. У меня нѣтъ данныхъ утверждать, что эта сатира была извѣстна великому поэту [1]), но, при любви его рыться въ старыхъ книгахъ, она могла попасть ему въ руки и возбудить его интересъ, а, и это—главное, слишкомъ ужъ исключительно сходно содержаніе произведеній Рабенера и Пушкина, чтобы можно было упорно отрицать всякую связь между ними. Только Салтыковская „Исторія одного города“ примыкаетъ къ этимъ двумъ произведеніямъ — до такой степени они одиноки по своему типу среди массы произведеній всеобщей литературы.

Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе Пушкинскаго произведенія съ сатирой Рабенера очень любопытно; привожу подробный пересказъ этой сатиры въ русскомъ ея переводѣ.

Авторъ разсказываетъ, какъ онъ отыскалъ эту курьезную „лѣтопись“, и что въ ней оказалось.

Начинается она съ обращенія къ „благосклонному читателю“, при чемъ разсказано, откуда добыта лѣтопись (3).

„О сочинителѣ сей лѣтописи, такъ же и о томъ, когда оная въ свѣтъ издана, заподлинно донесть я не могу. На первой страницѣ оной, вмѣсто надписи, поставлена литера N,—конечно для того, чтобы возбудить въ читателѣ любопытство и охоту къ исканію имени сочинителева. Но я, не прилагая на то ни малаго труда, догадываюсь, что написалъ ее деревенскій пасторъ“ (4).

„Когда же сей Авторъ жилъ и историческія приключенія собиралъ, оное столько же, сколько и имя его сумнительно, а по догадкамъ кажется мнѣ, что сіе происходило вскорѣ послѣ смерти Канцлера Крела“ (4).

„. . . она весьма пространна, а писана въ листъ въ че-

---

1) Быть можетъ, составъ Пушкинской библіотеки (особенно изъ с. Болдина) поможетъ намъ въ этомъ отношеніи.

тыре алфавита, къ тому же мелкимъ и связнымъ письмомъ“ (4).

Посвящена „Лѣтопись“ тестю сочинителя и куму Юрью Клюнкеру, Бургомистру Меранскому и тамошняго почтеннаго сапожнаго цѣха Алдерману“ (7).

„Авторъ равняетъ мѣстечко Меране съ древнимъ Римомъ, а любезнаго своего тестя съ Цицерономъ“, — ибо де и онъ, какъ Цицеронъ, вреднаго городу Риму сластолюбиваго Катилину изъ онаго выгналъ, избавилъ городъ Меране отъ надменнаго городского писаря. (8).

„Отъ 9 до 12 страницы показываетъ порядокъ предпріемлемыхъ трудовъ своихъ; на 13 происходящую отъ оныхъ пользу; отъ 15 до 19 страницы изъясняется на шести листахъ, что за многотрудною своею должностью, сію припись окончать былъ принужденъ. За симъ слѣдуетъ на 20 и 21 страницахъ крайнее желаніе о продолженіи лѣтъ любезному своему куму, на 22 стр. находятся слѣдующія слова: „Должная безъ ласкательства въ честь господину сочинителю лѣтописи Кверлеквичской, и на память ему отъ ниже именованныхъ ученыхъ людей возстановленная похвала“. Но сочинитель нашъ, какъ видно, не дождавшись сихъ ученыхъ похвалъ, умеръ, ибо до самой сороковой страницы находятся одни бѣлые листы“. (9).

„Съ сорокового листа начинается самая лѣтопись большими словами: „Богъ создалъ свѣтъ, а потомъ мущину и женщину“. Тѣмъ кончается сія матерія, а сочинитель удивляется, сколь то чудно есть, что чрезъ столь многіе вѣки всѣ мѣста земныя родомъ человѣческимъ наполнились, такъ что нынѣ, говоритъ онъ, въ одной деревнѣ Кверлеквиче уже восемьдесятъ девять разумныхъ душъ находятся“ (9).

„На 46 стр. вздумалось ему добираться, въ какомъ бы состояніи деревня Кверлеквичъ за тысячу лѣтъ до сего

находилась, о чемъ заключилъ онъ, что въ тогдашнее время мѣсто сіе совсѣмъ было пусто, а тутъ, гдѣ построенъ въ киркѣ Канцель, — птица Выпъ крикивала. Потомъ, истощая все свое знаніе, разсказываетъ о нѣкоемъ Херускомъ князѣ, Арминіи называемомъ. Говоря же о Атилѣ приходитъ въ крайнее иступленіе и удивляется судьбѣ Вандаловъ, изъ холодныхъ восточныхъ мѣстъ въ теплую Италію пришедшихъ“ (10).

„На стр. 59 опомнился и извиняется, что писалъ пространно не безъ причинъ, ибо де хотѣлъ я доказать, каковы были предки наши. Но, почитая все оное сомнительнымъ, разсудилъ лучше замолчать, нежели что-нибудь сомнительное говоритъ, ибо де разумному человѣку безъ ясныхъ доказательствъ ни о чемъ писать не надлежитъ“ (10).

„Затѣмъ разсказываетъ о Гусѣ и Гуситахъ“. „Тутъ же искренне смѣется простодушію нѣкоего крестьянина..., на мученія сего одушевленнаго мужа, связку дровъ принесшаго“ (11).

„На стр. 66 объясняетъ, что такъ долго занимался „предками“ въ силу слѣдующаго разсужденія: „для меня, говоритъ онъ, довольно и того знанія, что намъ безъ предковъ быть не можно. Ибо, гдѣ есть дѣйствіе, тамъ надлежитъ быть и причинѣ; а понеже я и со всѣми крестьянами деревни Кверлеквичъ есмь дѣйствіе, слѣдовательно должна быть тому и причина, а она заключается въ предкахъ нашихъ, коихъ я выше сего съ столь великимъ трудомъ отъискать старался“ (11).

„На стр. 68 благодаритъ Создателя за то, что Тотъ умудрилъ его до того, что помогъ ему выбраться изъ временъ древности во времена историческія“ (11).

„Потомъ описываетъ, а притомъ съ довольною ясностью, положеніе мѣста, округа пространство, плѣтни, рвы и расположеніе улицъ Кверлеквичскихъ“ (12).

„На стр. 80 объясняетъ происхожденіе названія Кверлеквичъ изъ Querelarum quies“ (12).

„На стр. 81 описываетъ строенія деревни съ приложеніемъ множества плановъ, коихъ въ мѣсяцъ и охотнику пересмотрѣть будетъ трудно; однакожъ, несмотря на такое пространство, онаго въ порокъ ему ставить не можно, ибо тѣмъ соблюлъ онъ еще и въ нынѣшнія времена отъ таковыхъ же писателей крѣпко наблюдаемое правило“ (12).

„Земскую избу, въ кою за вину крестьянъ сажали, по читаетъ также особливаго примѣчанія достойную и называетъ ее ужасомъ ослушниковъ и храмомъ справедливости, а земскаго строгимъ оной наблюдателемъ, а при семъ будто бы удобномъ случаѣ показываетъ находящееся между духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ различіе“ (13).

„Не умалчиваетъ и о сходной крестьянской избѣ. Объ ней говорилъ онъ не короче, какъ о дворянскомъ домѣ, а о стоящей подъ окномъ ея липѣ, подъ которой крестьяне всегда на всходъ збирались, безъ радостнаго восхищенія и упомянуть не можетъ. Ибо она дѣлаетъ ему всегдашнее напоминаніе о древнихъ идольскихъ липахъ, подъ которыми встарину и суды производились. Сію матерію распространилъ онъ весьма велерѣчиво, чему я и не удивляюсь; затѣмъ, что въ нынѣшнихъ писателяхъ въ таковыхъ дѣлахъ подобную ему ревность нахожу“ (13).

„На стр. 140 слѣдуетъ описаніе о церкви, поповомъ дворѣ и о школѣ, что онъ пространно описавши, приложилъ съ оныхъ и рисунки“ (13).

„Съ описаніемъ церкви соединяется разсказъ о находкѣ монеты съ неяснымъ изображеніемъ и неточной подписью — и доказываетъ, что сдѣлано Карломъ великимъ на случай крещенія Ветикиндова. — Другіе думали, что это „крышка съ пробки“.

„На стр. 203 до 279 стр. находится поколѣнная рос-

пись благородныхъ дворянъ и наслѣдныхъ господъ Квер-леквичскихъ“ (15).

„Гансъ-фонъ N. родился въ 1429 году, жилъ 65 лѣтъ. Объ немъ ничего больше не примѣчается, какъ только то, что былъ чрезвычайно толстобрюхъ“ (16).

„Гансъ Урлихъ фонъ N. Сынъ его, имѣлъ гончую собаку и любилъ ее столь сильно, что при погребеніи оной далъ священнику больше, нежели на поминовеніе тогда жъ скончавшагося своего сына; впротчемъ, былъ человѣкъ добрый“.

„Георгъ фонъ N ѣлъ, пилъ, а женатъ былъ на трехъ женахъ, любилъ крестьянъ своихъ; священникамъ же былъ крайній непріятель, а о томъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ онъ на катедрѣ говорилъ... Отмѣнилъ древній обычай своихъ предковъ, кои ихъ по воскресеньямъ къ столу своему брали, словомъ былъ великой Атеистъ безбожникъ и безсовѣстный человѣкъ. И такъ, какъ жилъ, такъ и умеръ, ибо упалъ съ лошади и сломилъ себѣ шею. — Надъ гробомъ его происходилъ ужасный шумъ, которой и сама попадья собственными своими ушми слыхала“ (16).

Со стр. 280-й до 363-й—идетъ перечень церковниковъ и ихъ характеристики.

„Генрихъ Квадъ, честной мужъ, говорилъ еженедѣльно проповѣди и умеръ, оставя трудовъ своихъ книгу, называемую „чистосердечное наставленіе простодушнымъ проповѣдникамъ, какъ имъ на Канцелѣ осанисто говорить надлежитъ“ (17).

„Куртъ Гауціусъ, крайній пустосвятъ, блѣднѣлъ всегда, когда что нибудь дурное о Папѣ слыхалъ. Отъ него сдѣлалось пятьдесятъ шесть человѣкъ раскольниковъ; бранился всегда съ помѣщикомъ и крестьянами за нестроеніе поповской конюшни; о праздникѣ (опившись пива) умеръ“ (17).

Изъ учителей школы выдѣленъ особенно одинъ Гавейтъ, которому авторъ лѣтописи присоединяетъ эпитетъ „Великій“ за то, что онъ обладалъ цѣлымъ рядомъ добродѣтелей и обучалъ дѣтей „чисто читать и писать, церковь содержалъ въ чистотѣ, изрядно въ колоколы звонилъ, охотно пѣлъ“.

Изъ ученыхъ лицъ, происшедшихъ изъ села Кверквичъ: „Славнѣйшіе суть слѣдующіе: Юрья Грейфъ—крестьянской сынъ, учился правамъ и былъ стряпчимъ въ пригородкѣ недалеко отъ Магдебурга. Особыя приѣты этого стряпчаго: длинные пальцы и такая толстая кожа на лицѣ, которая не пропускала краски стыда“ (19).

Балтазаръ Вурцель — лекарь, изобрѣтатель разныхъ панацей.

Мартинъ Пинзель. Мать его, будучи имъ чревата, обѣщалась, когда дастъ ей Богъ сына, поставить его священникомъ. Необыкновенная тупость головы, косноязычіе и отсутствіе памяти, къ тому же призваніе къ кузнечному ремеслу,—все это мѣшало бѣдному Пинзелю выполнить обѣтъ матери. Но, наконецъ, мать до тѣхъ поръ его била, пока не позналъ онъ точнаго своего званія и не сдѣлался учителемъ богословія. (19).

Было нѣсколько поэтовъ: „Илья Папъ, изрядной пѣвецъ и смѣшной человѣкъ, ходилъ на весьма высокихъ каблукахъ...; умеръ чиріемъ, оставя по себѣ трагедію: „Слѣпая старость или Товій“ (20).

„Захарій Папъ, братъ его, такой-же, однакожъ отъ онаго отмѣнной краснопѣвецъ“.—Былъ большой щеголь: „фуфайку носилъ съ хрустальными разноцвѣтными пуговицами“, попалъ въ шайку комедіантовъ. „Собраніе стиховъ его напечатано подъ именемъ: „Собачьи бѣшеные дни“; онъ же написалъ оду въ честь своей лирѣ и, читая оную, въ первой разъ отроду засмѣявшись, захохотался до смерти“ (20).

„Наконецъ, на 384 стр. описаніе того, сколь часто въ Кверлеквичѣ солдаты постоемъ стояли. Какъ они, къ крайнему всѣхъ прихожанъ соблазну, съ госпожи сей деревни, тайно начальника ихъ посѣщающей, платье сняли; сколь часто крестьяне поносомъ недомогали, какъ нѣкоего конокрада, въ тюрьму посадивши, увѣщевали; такожъ, что въ 1542 году сапожниковъ сынъ въ нужную яму упалъ, однакожъ оттуда безъ всякаго вреда вытащенъ“ (21).

Все это окончаніе лѣтописи приписано, какъ предполагаетъ Рабенеръ, супругой пастора.

Таково это любопытное произведеніе нѣмецкаго сатирика. Конечно, между лѣтописью села Горохина и лѣтописью деревни Кверлеквичъ сходства въ содержаніи почти нѣтъ, но за то *художественные замыслы*, лежащіе въ основаніи обоихъ произведеній, тожественны, ихъ художественное воплощенье — *литературная форма*, *тонъ*, отношеніе авторовъ къ разсказу и героямъ—все это совершенно совпадаетъ. Съ одной стороны, совершенная обособленность „Лѣтописи села Горохина“ въ ряду всѣхъ твореній не только Пушкина (*единственное* сатирическое произведеніе), но и другихъ *русскихъ* произведеній болѣе раннихъ и современныхъ Пушкину, заставляетъ усумниться въ *оригинальности* замысла и формы этой единственной Пушкинской сатиры. Съ другой стороны, исключительность этой литературной формы (осмѣяніе „исторіи *народа*“ въ исторіи *деревни*)— формы, найденной Рабенеромъ, популярность его творенія у насъ въ XVIII в. — заставляетъ рѣшительно сближать повѣсть Пушкина съ указанной сатирой.

Припомнимъ, въ заключеніе, слова поэта о томъ, что старыя запыленныя дѣдовскія книги его интересовали и даже затрагивали его творчество: „Умный человѣкъ, говорилъ Пушкинъ, устами одного своего героя, могъ-бы взять здѣсь готовые характеры, исправить слогъ и без-

смыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. *Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры*“ (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 68).

В. Сиповскій.

Русланъ и Людмила.

(къ литературной исторіи поэмы).

„Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разбирите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ".

(Ѳ. И. Буслаевъ, «Мои воспоминанія»).

Съ восторгомъ принята была русской публикой и критикой первая поэма Пушкина; нѣсколько ворчливыхъ голосовъ потонули въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ. Такой „успѣхъ" среди „широкой публики", конечно, знаменателенъ, — толпѣ нравится то, что ей по плечу, что беретъ лишь немного выше ея вкусовъ, что удивляетъ лишь нѣкоторой новизной, такъ сказать, частнаго характера, — бо́льшею яркостью красокъ, нѣкоторою причудливостью формы, — но все то, что слишкомъ превышаетъ ея пониманіе, что слишкомъ для нея необычно и оригинально, — то встрѣчается ею съ недоумѣніемъ и враждой. Такова была судьба „Бориса Годунова".

Поэтому *успѣхъ* „Руслана и Людмилы" указываетъ, самъ по себѣ, на то, что это произведеніе было по плечу

русской публикѣ и потому было принято, какъ нѣчто всѣмъ понятное, всѣмъ доступное и, въ то же время, интересное.

Стоитъ опредѣлить, что въ поэмѣ Пушкина было „понятнымъ", быть можетъ, даже знакомымъ его русскимъ поклонникамъ, что оказалось „пріятной" новизной, — и мы придемъ къ анализу литературной исторіи поэмы. Много было уже у насъ написано по этому вопросу, но, на мой взглядъ, еще остается сказать многое. Необходимо: 1) опредѣлить, хотя бы приблизительно, что въ русской литературѣ подготовило появленіе поэмы Пушкина и этимъ обусловило за ней успѣхъ, 2) что „новаго" сказалъ юный поэтъ въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи, и почему оно не утонуло въ морѣ забвенія среди массы однородныхъ произведеній, 3) въ какомъ отношеніи „народная" поэма Пушкина находится къ народной поэзіи. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса приведетъ къ выясненію общаго вопроса о вліяніи народной поэзіи на Пушкина.

Въ статьѣ „Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ: „Русланъ и Людмила" [1]). П. Н. Шеффферъ подвелъ итоги тому, что сдѣлано было въ русской критической литературѣ для выясненія литературныхъ основъ Пушкинской поэмы. [2]) Со своей стороны, онъ прибавилъ рядъ любопытныхъ дополненій (вліяніе вольтеровской „La Pucelle" на характе-

---

1) „*Сборникъ* „Памяти Л. Н. Майкова", С.-Пб. 1902.

2) Привожу *перечень* главныхъ работъ, пользуясь указаніями П. Н. Шеффера, посвященныхъ этому вопросу: *Л. Поливановъ*, „Русланъ и Людмила", („Сочин. Пушкина", изд. Поливанова, М. 1898, т. II, 1 — 21), *П. В. Владиміровъ*, „Происхожденіе „Руслана и Людмилы" А. С. Пушкина" („*Кіевскія Универс. Изв.*" 1895 г., № 6); его-же: „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ" („Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, собр. проф. и преподав. Имп. Университета Св. Владиміра", Кіевъ. 1899); *А. И. Кирпичниковъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ" („Русская Старина" 1899 г., № 2); *Н. И. Черняевъ*, „Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ", Харьковъ. 1900.

ристику Людмилы; вліяніе поэмы Виланда „Оберонъ“ на эпизодъ похищенія Людмилы Черноморомъ; вліяніе „вступленія“ къ „Бахаріанѣ“ Хераскова на „прологъ“ къ „Руслану“). Съ особеннымъ вниманіемъ остановился авторъ на сличеніи пушкинскаго произведенія со сказкою объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Рукописный текстъ этой старой сказки приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что не здѣсь кроется объясненіе происхожденія поэмы; сопоставивъ текстъ *печатный* XVIII-го вѣка (изъ сборника „Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“ С.-Пб. 1815), онъ находитъ рядъ точекъ соприкосновенія, что позволяетъ ему заключить о преимущественномъ вліяніи на поэму Пушкина именно этого *печатнаго* текста.

Затѣмъ изслѣдователь переходитъ къ выясненію вліянія поэмы Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ на „Руслана“.

Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, интереснѣе всего заключеніе первое — относительно значенія *печатнаго* текста сказки, — указаніе, свидѣтельствующее о *литературномъ*, не устномъ источникѣ поэмы.

Другое указаніе такого же характера дѣлаетъ проф. Владиміровъ. Въ цѣнномъ изслѣдованіи своемъ: „А. С. Пушкинъ и его предшественники“ [1]) онъ характеризуетъ рядъ русскихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ произведеніямъ Пушкина, между прочимъ, къ „Руслану и Людмилѣ“. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе предположенія П. Н. Шеффера о „книжности“ Пушкинской поэмы. Проф. Владиміровъ указываетъ на произведеніе Чулкова: „Русскія сказки, содержащія древ-

1) „Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, сост. профессорами и преподавателями Имп. Универс. св. Владиміра“. 1899 г.

нѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываньe въ памяти приключенья“ (изд. въ 10 частяхъ Новиковымъ въ 1783 г.) и говоритъ, что поэма Пушкина „связана съ Русскими сказками“. Не входя въ детальное изслѣдованіе этого указанія, онъ говоритъ далѣе, что „Пушкинъ, находясь на югѣ въ 1821 г., просилъ выслать ему нѣсколько частей Русскихъ Сказокъ“ [1]). Затѣмъ онъ дѣлаетъ характеристику произведенія Чулкова. „Эти въ полномъ смыслѣ „волшебныя“ исторіи, въ родѣ 1001 ночи, въ которыхъ имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, — преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощеѣ,—утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманныхъ подробностей и лицъ. Тутъ находимъ и злыхъ волшебницъ, волшебниковъ, появляющихся въ облакахъ съ громомъ, въ тучахъ, какъ Пушкинскій Черноморъ, и именно съ цѣлью похищенья красавицъ, и добродѣтельныхъ волшебницъ Добрадъ, Велеславъ, помогающихъ героямъ Булатамъ, Громобоямъ, Алешамъ, Чуриламъ, или Добрынямъ, связаннымъ съ кн. Владиміромъ и Кіевомъ. Но послѣдній окруженъ очарованными домами, замками. Вообще подробности быта болѣе подходятъ къ французскимъ нравамъ XVII—XVIII в., взятымъ изъ сказокъ Гамильтона, Флоріана, Лафонтена“. Не входя въ оцѣнку этой характеристики Чулковскихъ сказокъ, слишкомъ суммарной и далеко не охватывающей ни ихъ содержанія, ни ихъ настроенія, — я, тѣмъ не менѣе, совершенно присоединяюсь къ мысли проф. Владимірова о связи сказокъ Чулкова съ поэмой Пушкина. Я попытаюсь только подробнѣе обосновать этотъ намекъ и увеличить

1) Хотя Пушкинъ и не называетъ фамиліи *Чулкова*, но изъ словъ его: „нѣсколько частей“ явствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду именно это „собраніе“.

ссылку на произведеніе Чулкова ссылками на длинный рядъ другихъ произведеній, аналогичныхъ.

„Сказки“ Чулкова, по типу свему, принадлежатъ, главнымъ образомъ[1]), къ романамъ „рыцарско-волшебнымъ“ — вѣрнѣе, къ рыцарскимъ поэмамъ, въ родѣ произведеній Баярда, Аріоста, Тассо, Виланда и др. Эти „поэмы“ явились результатомъ подражанія старымъ рыцарскимъ романамъ (вродѣ „Амадисовъ“ и „Пальмериновъ“). Усвоивъ оттуда рядъ „общихъ мѣстъ“, они, со своей стороны, внесли въ освѣщеніе героевъ-рыцарей и ихъ подвиговъ несерьезность тона и авторскій скептицизмъ. Другимъ продолженіемъ „развитія“ рыцарскихъ романовъ были сказки о „феяхъ“: выродившись изъ народной поэзіи, воспринявъ въ себя элементы стараго, разбитаго рыцарскаго романа, эти сказки окрасились или фривольностью, манерностью, или морализующей тенденціей. Во всякомъ случаѣ, подобно „поэмамъ“, и эти „сказки“ не отрывались отъ круга однихъ и тѣхъ-же и „общихъ мѣстъ“. Русская публика XVIII в. знала и любила и эти поэмы, и сказки. Онѣ охотно переводились, имъ подражали, ихъ передѣлывали. Цѣлая литература „подражаній“ примкнула къ этимъ произведеніямъ, присвоила себѣ тѣ же „общія мѣста“, ту же манеру письма, тотъ-же тонъ. Изъ многочисленныхъ авторовъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ этомъ направленіи, одинъ Чулковъ является наиболѣе самостоятельнымъ и оригинальнымъ: онъ свободно импровизировалъ, поддѣлываясь то подъ манеру западно-европейскихъ романистовъ, то подъ стиль народнаго творчества.

---

1) Нѣкоторыя изъ сказокъ этого сборника чисто народныя; есть даже одно близкое переложеніе былины (о Василіи Буслаевичѣ); другія относятся, по типу, къ сказкамъ 1001 ночи, третьи — къ реалистическимъ повѣстямъ типа „плутовскаго“ романа и пр.

Къ этому-же типу произведеній относится и поэма Пушкина. Чтобы показать, насколько эта богатая подражательная литература однообразна, насколько шаблонны ея „общія мѣста“, постараюсь доказать это примѣрами, взятыми на удачу изъ разныхъ русскихъ романовъ, сказокъ и повѣстей XVIII в., — этого типа.

Героиня, похищаемая чародѣемъ, всегда помѣщается имъ въ роскошныхъ чертогахъ; тамъ она окружается богатствами; всѣ ея прихоти исполняются безъ замедленія. Подобно тому, какъ всесильный Черноморъ играетъ жалкую роль предъ плѣненною имъ Людмилою, которая потѣшается надъ влюбленнымъ Карломъ, такъ и всѣ насильники-чародѣи, герои волшебныхъ романовъ XVIII в., въ богатыхъ чертогахъ своихъ, въ присутствіи своихъ капризныхъ возлюбленныхъ, теряютъ всю суровость и мрачность своихъ образовъ, — всѣ они являются молить о любви и всегда встрѣчаютъ отказъ, иногда насмѣшку красавицъ. Въ одномъ изъ романовъ мы находимъ разгадку этой странности: оказывается, чародѣи и волшебники „любовью“ могли наслаждаться только тогда, когда она имъ давалась добровольно: надъ любовью безсильна была ихъ наука.

Привожу рядъ примѣровъ, аналогичныхъ положенію Людмилы у Черномора:

Героиня разсказываетъ, что похитившій ее духъ влюбился въ нее, но встрѣтилъ сопротивленіе. Надѣясь истребить изъ ея памяти Силослава, онъ ее помѣстилъ въ богатый замокъ и окружилъ роскошью. („Пересмѣшникъ“ Чулкова, 171).

У карлы Зердута много красивыхъ дѣвицъ въ плѣну („Одушевленная статуя“, 51). „Между ними одна особенно красива“. „У сего хищнаго духа Зердута столь много честныхъ дѣвицъ, которыхъ онъ разными похищалъ способами, что едва ли у смертныхъ толикое число находится“ (ibid., 51).

Карачунъ собиралъ въ роскошномъ дворцѣ красавицъ со всего свѣта; онѣ получали все, что только имъ вздумается: вол-

шебный обѣдъ, разныя забавы (Поповъ, „Славянскія Древности“, 116—7).

Въ дворцѣ злого чародѣя Зивіала до 100 прекрасныхъ дѣвицъ, имъ похищенныхъ (Чулковъ, „Русскія Сказки“, 269).

Карачунъ красавицамъ не страшенъ, такъ какъ, „когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальства, то завсегда становился недвижимъ или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ“ („Слав. Древн.“, 111).

Чародѣй Зелулъ „производилъ насиліе міру“, „похищая единородныхъ дщерей у несчастныхъ родителей, разлучая нѣжныхъ женъ отъ вѣрныхъ имъ супруговъ“ („Низверженный Зелулъ“, 107).

Тезифея, похищенная Зелуломъ, очнулась въ замкѣ на пышномъ одрѣ (ibid. 227). Зелулъ объясняется ей въ любви, все обѣщаетъ и угрожаетъ. Она упорствуетъ (ib. 230).

Волшебникъ Шамисъ „столько влюбчивъ, что крадетъ со всего свѣта красавицъ, заключаетъ ихъ въ волшебный замокъ“ („Чудныя похожденія Израда“, 78).

Зломиръ, похитивъ Ціану, устроилъ ей великолѣпное жилище, окружилъ богатствами и свитой (ibid. 125). Все къ ея услугамъ, — она одна бродитъ по роскошнымъ заламъ (ib. 129): стоило ей чего пожелать, — сейчасъ все являлось къ ея услугамъ (хоры пѣвицъ, танцы, угощенія) (ibid., 130—1).

Перекраса похищена чародѣемъ Злодумомъ, который держитъ ее въ роскошномъ замкѣ („Зубоскалъ“, 45).

Зердутъ нѣжно проситъ любви у похищенной имъ красавицы, она отвергаетъ его, называя „мерзостнымъ твореніемъ“ („Одушевленная статуя“, 97). Зердутъ заключилъ ее (ib., 99). Героиня разсказываетъ объ ухаживаньяхъ колдуна, какъ онъ, ее развлекая, „дѣлалъ изъ золота маленькихъ мальчиковъ и заставлялъ ихъ плясать“ (ib., 101). Не добившись любви, Зердутъ на всѣхъ плѣненныхъ красавицъ наложилъ молчаніе (ib., 103). Питались дѣвицы по звону колокольчика: стоило позвонить — „то и предстанетъ великолѣпное кушанье, котораго наѣвшись, пропадало паки“ (ib., 105). Разныя увеселенія были предоставлены дѣвицамъ (ib.).

Героиня во власти чародѣя Всезлоба, который влюбился въ нее, но безуспѣшно („Русскія сказки“, 69).

Триглодитъ безуспѣшно добивается любви похищенной дѣвицы; онъ окружилъ ее роскошью (ib. „Русск. ск.“ 236—7, 240—2).

Когда Зенида очутилась въ волшебномъ замкѣ чародѣя, онъ ее окружилъ роскошью и богатствомъ: всѣ прихоти ея исполнялъ—„слѣдовало только вообразить“ („Русскія сказки“, 299).

Зивіалъ на колѣняхъ проситъ любви у похищенной красавицы, но безуспѣшно (ib., 300).

Всѣ герои, какъ Русланъ, послѣ долгихъ скитаній обыкновенно убиваютъ чародѣевъ, находятъ своихъ возлюбленныхъ, но иногда злые чародѣи, подобно Черномору, погрузившему Людмилу въ волшебный сонъ, также погружаютъ героинь въ сонъ, или превращаютъ ихъ въ статуй, или обращаютъ въ чудовищъ.

Проникнувъ въ роскошные хрустальные чертоги, Сидонъ нашелъ героиню Зениду, погруженную въ волшебный сонъ („Русскія сказки“, 281).

Герой, проникшій въ замокъ, находитъ всѣхъ красавицъ усыпленными („Славянскія Древности“, 56—7).

Красавица, плѣненная карломъ Зердутомъ, сидитъ на тронѣ „въ задумчивости“; эта задумчивость есть оцепенѣніе („Одушевленная статуя“, 87).

Послѣ ряда приключеній и испытаній Израдъ освобождаетъ спящую красавицу Ціану изъ власти стараго чародѣя-эѳіопа Зломира („Чудныя похожденія Израда“, 58).

Мужъ, возлюбленный, братъ, рѣже—отецъ отправляются разыскивать похищенное у нихъ дорогое существо. Это—„общее мѣсто“ волшебныхъ романовъ *преимущественно русскихъ*,—та основа, на которой авторъ строитъ весь романъ.

Прелѣпа украдена злымъ духомъ и живетъ въ его замкѣ („Пересмѣшникъ“, 105); Силославъ ѣдетъ ее добывать (ib., 106).

Сынъ князя Богослава—Свѣтлосанъ отправляется на поиски зятя и сестры, похищенныхъ колдуномъ („Славянскія Древности“, 23).

Гассанъ ѣдетъ на поиски похищенной Рипсимы („Чудныя похожденія Израда“, 56).

Алфонсъ отправляется отыскивать Лупзу, похищенную духомъ („Одушевленная статуя“, 36).

Передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту всѣ эти герои встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ, волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ или случайно, или нарочно. Ободривъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами. Такимъ образомъ, въ этихъ многочисленныхъ и всегда неизбѣжныхъ эпизодахъ можно видѣть прототипъ посѣщенія Русланомъ Финна. Такъ, напримѣръ:

Алсана похищена Бабой-Ягою; братъ Алсаны Тарбелсъ отправился на поиски, заблудился въ лѣсу; здѣсь встрѣчаетъ онъ пустынника, который даетъ ему указанія, какъ найти дѣвушку. („Русскія сказки“, 162).

Живущая въ пещерѣ добрая волшебница помогаетъ Святобою совѣтами и даетъ средства (талисманы) найти жену („Русскія сказки“, 69).

Оруженосецъ Свѣтлосана посовѣтовалъ ему съѣздить за совѣтомъ къ Видостану, мудрому отшельнику, чтобы тотъ посовѣтовалъ, какъ найти зятя и сестру. Оказывается, онъ — благожелательный мудрецъ — тоже страдаетъ отъ колдуна, ихъ общаго врага. („Славянскія Древности“, 25 — 7).

Герой идетъ на поиски жены, встрѣчаетъ волшебницу, покровительницу, которая дала ему совѣты, указанія и средства найти жену („Русскія сказки“, 223).

Добрый волшебникъ помогаетъ герою найти путь къ волшебному замку Шамиса и вооружаетъ его талисманами („Чудныя похожденія Израда“, 87).

Дервишъ Сизифъ даетъ Клеоранду совѣты, какъ выручить жену („Низверженный Зелулъ“, 119 — 122).

Добрая волшебница указываетъ путь герою („Зубоскалъ“, 45).

Куртозаръ, отправляясь въ далекій путь на подвиги, пользуется указаніями благосклоннаго старца-пустынника („Забавный разскащикъ“, 42 — 5).

Старикъ пустынникъ указалъ герою путь и далъ средства попасть къ Зердуту („Одушевленная статуя“, 52 — 4).

Идиллическая жизнь Ратмира, увлекшагося любовью

смыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. *Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры*“ (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 68).

В. Сиповскій.

Русланъ и Людмила.

(къ литературной исторіи поэмы).

„Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разбирите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ".

(Ѳ. И. Буслаевъ, «Мои воспоминанія»).

Съ восторгомъ принята была русской публикой и критикой первая поэма Пушкина; нѣсколько ворчливыхъ голосовъ потонули въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ. Такой „успѣхъ" среди „широкой публики", конечно, знаменателенъ, — толпѣ нравится то, что ей по плечу, что беретъ лишь немного выше ея вкусовъ, что удивляетъ лишь нѣкоторой новизной, такъ сказать, частнаго характера, — бо́льшею яркостью красокъ, нѣкоторою причудливостью формы, — но все то, что слишкомъ превышаетъ ея пониманіе, что слишкомъ для нея необычно и оригинально, — то встрѣчается ею съ недоумѣніемъ и враждой. Такова была судьба „Бориса Годунова".

Поэтому *успѣхъ* „Руслана и Людмилы" указываетъ, самъ по себѣ, на то, что это произведеніе было по плечу

русской публикѣ и потому было принято, какъ нѣчто всѣмъ понятное, всѣмъ доступное и, въ то же время, интересное.

Стоитъ опредѣлить, что̀ въ поэмѣ Пушкина было „понятнымъ", быть можетъ, даже *знакомымъ* его русскимъ поклонникамъ, что̀ оказалось „пріятной" новизной, — и мы придемъ къ анализу литературной исторіи поэмы. Много было уже у насъ написано по этому вопросу, но, на мой взглядъ, еще остается сказать многое. Необходимо: 1) опредѣлить, хотя бы приблизительно, что̀ въ русской литературѣ подготовило появленіе поэмы Пушкина и этимъ обусловило за ней успѣхъ, 2) что̀ „новаго" сказалъ юный поэтъ въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи, и почему оно не утонуло въ морѣ забвенія среди массы однородныхъ произведеній, 3) въ какомъ отношеніи „народная" поэма Пушкина находится къ народной поэзіи. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса приведетъ къ выясненію общаго вопроса о вліяніи народной поэзіи на Пушкина.

Въ статьѣ „Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ: „Руслан̀ъ и Людмила" [1]). П. Н. Шефферъ подвелъ итоги тому, что сдѣлано было въ русской критической литературѣ для выясненія литературныхъ основъ Пушкинской поэмы. [2]) Со своей стороны, онъ прибавилъ рядъ любопытныхъ дополненій (вліяніе вольтеровской „La Pucelle" на характе-

1) „Сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова", С.-Пб. 1902.

2) Привожу перечень главныхъ работъ, пользуясь указаніями П. Н. Шеффера, посвященныхъ этому вопросу: *Л. Поливановъ*, „Руслан̀ъ и Людмила", („Сочин. Пушкина", изд. Поливанова, М. 1898, т. II, 1 — 21), *П. В. Владимировъ*, „Происхожденіе „Руслана и Людмилы" А. С. Пушкина" („*Кіевскія Универс. Изв.*" 1895 г., № 6); его-же: „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ" („Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, собр. проф. и преподав. Имп. Университета Св. Владиміра", Кіевъ. 1899); *А. И. Кирпичниковъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ" („Русская Старина" 1899 г., № 2); *Н. И. Черняевъ*, „Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ", Харьковъ. 1900.

ристику Людмилы; вліяніе поэмы Виланда „Оберонъ“ на эпизодъ похищенія Людмилы Черноморомъ; вліяніе „вступленія“ къ „Бахаріанѣ“ Хераскова на „прологъ“ къ „Руслану“). Съ особеннымъ вниманіемъ остановился авторъ на сличеніи пушкинскаго произведенія со сказкою объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Рукописный текстъ этой старой сказки приводитъ изслѣдователя къ заключенію, что не здѣсь кроется объясненіе происхожденія поэмы; сопоставивъ текстъ *печатный* XVIII-го вѣка (изъ сборника „Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“ С.-Пб. 1815), онъ находитъ рядъ точекъ соприкосновенія, что позволяетъ ему заключить о преимущественномъ вліяніи на поэму Пушкина именно этого *печатнаго* текста.

Затѣмъ изслѣдователь переходитъ къ выясненію вліянія поэмы Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ на „Руслана“.

Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, интереснѣе всего заключеніе первое — относительно значенія *печатнаго* текста сказки, — указаніе, свидѣтельствующее о *литературномъ*, не устномъ источникѣ поэмы.

Другое указаніе такого же характера дѣлаетъ проф. Владиміровъ. Въ цѣнномъ изслѣдованіи своемъ: „А. С. Пушкинъ и его предшественники“ [1]) онъ характеризуетъ рядъ русскихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ произведеніямъ Пушкина, между прочимъ, къ „Руслану и Людмилѣ“. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе предположенія П. Н. Шеффера о „книжности“ Пушкинской поэмы. Проф. Владиміровъ указываетъ на произведеніе Чулкова: „Русскія сказки, содержащія древ-

1) „Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, сост. профессорами и преподавателями Имп. Универс. св. Владиміра“. 1899 г.

нѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываньe въ памяти приключенья“ (изд. въ 10 частяхъ Новиковымъ въ 1783 г.) и говоритъ, что поэма Пушкина „связана съ Русскими сказками“. Не входя въ детальное изслѣдованіе этого указанія, онъ говоритъ далѣе, что „Пушкинъ, находясь на югѣ въ 1821 г., просилъ выслать ему нѣсколько частей Русскихъ Сказокъ“ [1]). Затѣмъ онъ дѣлаетъ характеристику произведенія Чулкова. „Эти въ полномъ смыслѣ „волшебныя“ исторіи, въ родѣ 1001 ночи, въ которыхъ имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, — преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощеѣ,—утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманныхъ подробностей и лицъ. Тутъ находимъ и злыхъ волшебницъ, волшебниковъ, появляющихся въ облакахъ съ громомъ, въ тучахъ, какъ Пушкинскій Черноморъ, и именно съ цѣлью похищенья красавицъ, и добродѣтельныхъ волшебницъ Добрадъ, Велеславъ, помогающихъ героямъ Булатамъ, Громобоямъ, Алешамъ, Чуриламъ, или Добрынямъ, связаннымъ съ кн. Владиміромъ и Кіевомъ. Но послѣдній окруженъ очарованными домами, замками. Вообще подробности быта болѣе подходятъ къ французскимъ нравамъ XVII—XVIII в., взятымъ изъ сказокъ Гамильтона, Флоріана, Лафонтена“. Не входя въ оцѣнку этой характеристики Чулковскихъ сказокъ, слишкомъ суммарной и далеко не охватывающей ни ихъ содержанія, ни ихъ настроенія, — я, тѣмъ не менѣе, совершенно присоединяюсь къ мысли проф. Владимірова о связи сказокъ Чулкова съ поэмой Пушкина. Я попытаюсь только подробнѣе обосновать этотъ намекъ и увеличить

1) Хотя Пушкинъ и не называетъ фамиліи *Чулкова*, но изъ словъ его: „нѣсколько частей“ явствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду именно это „собраніе“.

ссылку на произведеніе Чулкова ссылками на длинный рядъ другихъ произведеній, аналогичныхъ.

„Сказки“ Чулкова, по типу свему, принадлежатъ, главнымъ образомъ[1]), къ романамъ „рыцарско-волшебнымъ“ — вѣрнѣе, къ рыцарскимъ поэмамъ, въ родѣ произведеній Баярда, Аріоста, Тассо, Виланда и др. Эти „поэмы“ явились результатомъ подражанія старымъ рыцарскимъ романамъ (вродѣ „Амадисовъ“ и „Пальмериновъ“). Усвоивъ оттуда рядъ „общихъ мѣстъ“, они, со своей стороны, внесли въ освѣщеніе героевъ-рыцарей и ихъ подвиговъ несерьезность тона и авторскій скептицизмъ. Другимъ продолженіемъ „развитія“ рыцарскихъ романовъ были сказки о „феяхъ“: выродившись изъ народной поэзіи, воспринявъ въ себя элементы стараго, разбитаго рыцарскаго романа, эти сказки окрасились или фривольностью, манерностью, или морализующей тенденціей. Во всякомъ случаѣ, подобно „поэмамъ“, и эти „сказки“ не отрывались отъ круга однихъ и тѣхъ-же и „общихъ мѣстъ“. Русская публика XVIII в. знала и любила и эти поэмы, и сказки. Онѣ охотно переводились, имъ подражали, ихъ передѣлывали. Цѣлая литература „подражаній“ примкнула къ этимъ произведеніямъ, присвоила себѣ тѣ же „общія мѣста“, ту же манеру письма, тотъ-же тонъ. Изъ многочисленныхъ авторовъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ этомъ направленіи, одинъ Чулковъ является наиболѣе самостоятельнымъ и оригинальнымъ: онъ свободно импровизировалъ, поддѣлываясь то подъ манеру западно-европейскихъ романистовъ, то подъ стиль народнаго творчества.

---

1) Нѣкоторыя изъ сказокъ этого сборника чисто народныя; есть даже одно близкое переложеніе былины (о Василіи Буслаевичѣ); другія относятся, по типу, къ сказкамъ 1001 ночи, третьи — къ реалистическимъ повѣстямъ типа „плутовскаго“ романа и пр.

Къ этому-же типу произведеній относится и поэма Пушкина. Чтобы показать, насколько эта богатая подражательная литература однообразна, насколько шаблонны ея „общія мѣста“, постараюсь доказать это примѣрами, взятыми на удачу изъ разныхъ русскихъ романовъ, сказокъ и повѣстей XVIII в., — этого типа.

Героиня, похищаемая чародѣемъ, всегда помѣщается имъ въ роскошныхъ чертогахъ; тамъ она окружается богатствами; всѣ ея прихоти исполняются безъ замедленія. Подобно тому, какъ всесильный Черноморъ играетъ жалкую роль предъ плѣненною имъ Людмилою, которая потѣшается надъ влюбленнымъ Карломъ, такъ и всѣ насильники-чародѣи, герои волшебныхъ романовъ XVIII в., въ богатыхъ чертогахъ своихъ, въ присутствіи своихъ капризныхъ возлюбленныхъ, теряютъ всю суровость и мрачность своихъ образовъ, — всѣ они являются молить о любви и всегда встрѣчаютъ отказъ, иногда насмѣшку красавицъ. Въ одномъ изъ романовъ мы находимъ разгадку этой странности: оказывается, чародѣи и волшебники „любовью“ могли наслаждаться только тогда, когда она имъ давалась добровольно: надъ любовью безсильна была ихъ наука.

Привожу рядъ примѣровъ, аналогичныхъ положенію Людмилы у Черномора:

Героиня разсказываетъ, что похитившій ее духъ влюбился въ нее, но встрѣтилъ сопротивленіе. Надѣясь истребить изъ ея памяти Силослава, онъ ее помѣстилъ въ богатый замокъ и окружилъ роскошью. („Пересмѣшникъ“ Чулкова, 171).

У карлы Зердута много красивыхъ дѣвицъ въ плѣну („Одушевленная статуя“, 51). „Между ними одна особенно красива“. „У сего хищнаго духа Зердута столь много честныхъ дѣвицъ, которыхъ онъ разными похищалъ способами, что едва ли у смертныхъ толикое число находится“ (ibid., 51).

Карачунъ собиралъ въ роскошномъ дворцѣ красавицъ со всего свѣта; онѣ получали все, что только имъ вздумается: вол-

шебный обѣдъ, разныя забавы (Поповъ, „Славянскія Древности“, 116—7).

Въ дворцѣ злого чародѣя Зивіала до 100 прекрасныхъ дѣвицъ, имъ похищенныхъ (Чулковъ, „Русскія Сказки“, 269).

Карачунъ красавицамъ не страшенъ, такъ какъ, „когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальства, то завсегда становился недвижимъ или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ“ („Слав. Древн.“, 111).

Чародѣй Зелулъ „производилъ насиліе міру“, „похищая единородныхъ дщерей у несчастныхъ родителей, разлучая нѣжныхъ женъ отъ вѣрныхъ имъ супруговъ“ („Низверженный Зелулъ“, 107).

Тезифея, похищенная Зелуломъ, очнулась въ замкѣ на пышномъ одрѣ (ibid. 227). Зелулъ объясняется ей въ любви, все обѣщаетъ и угрожаетъ. Она упорствуетъ (ib. 230).

Волшебникъ Шамисъ „столько влюбчивъ, что крадетъ со всего свѣта красавицъ, заключаетъ ихъ въ волшебный замокъ“ („Чудныя похожденія Израда“, 78).

Зломиръ, похитивъ Ціану, устроилъ ей великолѣпное жилище, окружилъ богатствами и свитой (ibid. 125). Все къ ея услугамъ, — она одна бродитъ по роскошнымъ заламъ (ib. 129): стоило ей чего пожелать, — сейчасъ все являлось къ ея услугамъ (хоры пѣвицъ, танцы, угощенія) (ibid., 130—1).

Перекраса похищена чародѣемъ Злодумомъ, который держитъ ее въ роскошномъ замкѣ („Зубоскалъ“, 45).

Зердутъ нѣжно проситъ любви у похищенной имъ красавицы, она отвергаетъ его, называя „мерзостнымъ твореніемъ“ („Одушевленная статуя“, 97). Зердутъ заключилъ ее (ib., 99). Героиня разсказываетъ объ ухаживаньяхъ колдуна, какъ онъ, ее развлекая, „дѣлалъ изъ золота маленькихъ мальчиковъ и заставлялъ ихъ плясать“ (ib., 101). Не добившись любви, Зердутъ на всѣхъ плѣненныхъ красавицъ наложилъ молчаніе (ib., 103). Питались дѣвицы по звону колокольчика: стоило позвонить — „то и предстанетъ великолѣпное кушанье, котораго наѣвшись, пропадало паки“ (ib., 105). Разныя увеселенія были предоставлены дѣвицамъ (ib.).

Героиня во власти чародѣя Всезлоба, который влюбился въ нее, но безуспѣшно („Русскія сказки“, 69).

Триглодитъ безуспѣшно добивается любви похищенной дѣвицы; онъ окружилъ ее роскошью (ib. „Русск. ск.“ 236—7, 240—2).

Когда Зенида очутилась въ волшебномъ замкѣ чародѣя, онъ ее окружилъ роскошью и богатствомъ: всѣ прихоти ея исполнялъ—„слѣдовало только вообразить“ („Русскія сказки“, 299).

Зивіалъ на колѣняхъ проситъ любви у похищенной красавицы, но безуспѣшно (ib., 300).

Всѣ герои, какъ Русланъ, послѣ долгихъ скитаній обыкновенно убиваютъ чародѣевъ, находятъ своихъ возлюбленныхъ, но иногда злые чародѣи, подобно Черномору, погрузившему Людмилу въ волшебный сонъ, также погружаютъ героинь въ сонъ, или превращаютъ ихъ въ статуй, или обращаютъ въ чудовищъ.

Проникнувъ въ роскошные хрустальные чертоги, Сидонъ нашелъ героиню Зениду, погруженную въ волшебный сонъ („Русскія сказки“, 281).

Герой, проникшій въ замокъ, находитъ всѣхъ красавицъ усыпленными („Славянскія Древности“, 56 — 7).

Красавица, плѣненная карломъ Зердутомъ, сидитъ на тронѣ „въ задумчивости“; эта задумчивость есть оцепенѣніе („Одушевленная статуя“, 87).

Послѣ ряда приключеній и испытаній Израдъ освобождаетъ спящую красавицу Ціану изъ власти стараго чародѣя-эѳіопа Зломира („Чудныя похожденія Израда“, 58).

Мужъ, возлюбленный, братъ, рѣже—отецъ отправляются разыскивать похищенное у нихъ дорогое существо. Это—„общее мѣсто“ волшебныхъ романовъ *преимущественно русскихъ*, — та основа, на которой авторъ строитъ весь романъ.

Прелѣпа украдена злымъ духомъ и живетъ въ его замкѣ („Пересмѣшникъ“, 105); Силославъ ѣдетъ ее добывать (ib., 106).

Сынъ князя Богослава—Свѣтлосанъ отправляется на поиски зятя и сестры, похищенныхъ колдуномъ („Славянскія Древности“, 23).

Гассанъ ѣдетъ на поиски похищенной Рипсимы („Чудныя похожденія Израда“, 56).

Алфонсъ отправляется отыскивать Лупзу, похищенную духомъ („Одушевленная статуя“, 36).

Передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту всѣ эти герои встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ, волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ или случайно, или нарочно. Ободривъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами. Такимъ образомъ, въ этихъ многочисленныхъ и всегда неизбѣжныхъ эпизодахъ можно видѣть прототипъ посѣщенія Русланомъ Финна. Такъ, напримѣръ:

Алсана похищена Бабой-Ягою; братъ Алсаны Тарбелсъ отправился на поиски, заблудился въ лѣсу; здѣсь встрѣчаетъ онъ пустынника, который даетъ ему указанія, какъ найти дѣвушку. („Русскія сказки“, 162).

Живущая въ пещерѣ добрая волшебница помогаетъ Святобою совѣтами и даетъ средства (талисманы) найти жену („Русскія сказки“, 69).

Оруженосецъ Свѣтлосана посовѣтовалъ ему съѣздить за совѣтомъ къ Видостану, мудрому отшельнику, чтобы тотъ посовѣтовалъ, какъ найти зятя и сестру. Оказывается, онъ — благожелательный мудрецъ — тоже страдаетъ отъ колдуна, ихъ общаго врага. („Славянскія Древности“, 25 — 7).

Герой идетъ на поиски жены, встрѣчаетъ волшебницу, покровительницу, которая дала ему совѣты, указанія и средства найти жену („Русскія сказки“, 223).

Добрый волшебникъ помогаетъ герою найти путь къ волшебному замку Шамиса и вооружаетъ его талисманами („Чудныя похожденія Израда“, 87).

Дервишъ Сизифъ даетъ Клеоранду совѣты, какъ выручить жену („Низверженный Зелулъ“, 119 — 122).

Добрая волшебница указываетъ путь герою („Зубоскалъ“, 45).

Куртозаръ, отправляясь въ далекій путь на подвиги, пользуется указаніями благосклоннаго старца-пустынника („Забавный разскащикъ“, 42 — 5).

Старикъ пустынникъ указалъ герою путь и далъ средства попасть къ Зердуту („Одушевленная статуя“, 52 — 4).

Идиллическая жизнь Ратмира, увлекшагося любовью

къ настушкѣ Гориславѣ, встрѣчается также въ „Русскихъ сказкахъ“ Чулкова, — такъ одинъ изъ героевъ

Добръ съ Милостаной, послѣ ряда треволненій, живутъ въ бѣдности рыбаками, но счастливы („Рус. ск.“, 119). О жизни своей герой говоритъ: „Предались мы всѣмъ пріятностямъ нѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностью и посреди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими человѣками, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ, каждая рощица, всякій лужокъ приглашали насъ; мы считали себя единою четою на свѣтѣ и привыкли къ нашему уединенію (ibid., 120).

Коварный и трусливый кандидатъ на руку Людмилы— Фарлафъ — находитъ себѣ протопипъ въ одномъ изъ жениховъ Милославы (героиня романа Попова).

Изъ жениховъ Милославы князь казарскій Трухтрахъ во время состязанія, наградой котораго была назначена Милослава, „трепеталъ и предпочиталъ охотно безславный миръ славной дракѣ“; онъ хитростью спасаетъ свою жизнь и обманомъ убиваетъ соперника“ („Славянскія Древности“ 15 — 17).

Сцена похищенія Черноморомъ Людмилы неоднократно встрѣчается въ волшебныхъ романахъ XVIII в. Это — обыкновенная „завязка“ всѣхъ тѣхъ диковинныхъ приключеній, которыя составляютъ содержаніе русскихъ романовъ „волшебно-рыцарскаго“ типа. Похищеніе всегда происходитъ неожиданно: обыкновенно во время бракосочетанія или сейчасъ же послѣ обрядовъ, въ первую брачную ночь. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, по составу своему сплетенныхъ изъ цѣпи отдѣльныхъ эпизодовъ-авантюръ, такое неожиданное похищеніе повторяется по нѣскольку разъ. Привожу примѣры:

Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Аса была похищена чародѣемъ; мужъ отправился отыскивать ее по всему свѣту („Пересмѣшникъ“, 103).

Чародѣй Карачунъ похищаетъ чужихъ женъ („Славянскія Древности“, 95).

Во время бракосочетанія Вельдюзя, кн. Полотскаго, съ Милославой, послѣ зловѣщихъ предсказаній идола Полеля, „вдругъ спустилось облако и унесло Милославу, а жертвенный быкъ обратился въ змѣя и унесъ Вельдюзя („Славянскія Древности“, 20).

Боягордъ влюбился въ Черемисскую княжну Баяну. Отецъ ея Пойванъ согласился на ихъ бракъ, но Баяна во время прогулки въ саду была похищена облакомъ. Оказалось, это было дѣло рукъ чародѣя Сарагура („Русскія Сказки“, 80.) Боягордъ сталъ ее искать по свѣту (ib., 96). Ему помогаетъ совѣтами и волшебными талисманами добрая волшебница (ib.).

Чародѣй похищаетъ Всемилу, дунувъ на мужа который, вслѣдствіе этого, не можетъ ее защищать („Русскія Сказки“, 155—6).

Послѣ долгихъ поисковъ герои нашли своихъ женъ и освободили ихъ, но, послѣ краткаго разговора, погрузились въ волшебный сонъ. Проснувшись, витязи не нашли женъ (ib., 134).

Богиня Дидимія, разгнѣванная на родителей Звенислава за презрѣніе, къ ней оказанное, во время бракосочетанія героя является на облакѣ и похищаетъ его невѣсту, а, заодно, и невѣсту его друга Парбелса. Мужья ѣдутъ на поиски (ib., 23).

Зенида, царская дочь, въ которую влюбился волшебникъ Зивіялъ, похищена облакомъ (ib., 229).

Миловидъ, „упоенный нѣжностію дражайшей супруги, заснулъ въ ея объятіяхъ“,—но утромъ ея не оказалось—лежало лишь письмо, съ указаніемъ, что ее похитилъ духъ Триглодитъ (ib., 219).

Курусъ—женихъ царицы Карсены. Онъ сидѣлъ у возлюбленной своей Карсены; разговоры ихъ исполнены были нѣжности, прекрасная рука ея прилѣплена была къ его устамъ; вдругъ поднялась буря, налетѣло черное облако; на немъ возсѣдалъ чародѣй Сарагуръ; „въ рукѣ держалъ онъ жезлъ, обвитый змѣями, зодіакъ висѣлъ черезъ плечо и страшная пѣна била изо рта его“. „Онъ бросилъ въ Карсену письмо, и она вмигъ окаменѣла, а Куруса онъ, схвативъ за волосы, помчалъ по воздуху“ (ib., 97, 98).

Баба-Яга влюбляется въ Тарбелса, похищаетъ его, ухаживаетъ за нимъ, помѣстивъ въ роскошный садъ, въ богатую об-

становку. Онъ потѣшается надъ нею, какъ Людмила надъ Черноморомъ (ib., 236—243).

Уродъ-чародѣй Кривидъ влюбился въ красавицу Прелѣпу и хотѣлъ похитить ее при помощи богатырей Дубыни, Горыни и Усыни. Наружность его ужасна: „голова съ кулакъ, украшенная только однимъ глазомъ", „рыжая, по землѣ волочащаяся борода, горбъ сзади и спереди, ноги въ $^1/_4$ аршина, сивая шерсть на рукахъ" (ib., 160).

Вихорь укралъ царицу Сумбуку, когда она гуляла по саду. Сыновья царицы отправляются ее искать („Сказка о золотой горѣ", 2).

Альфонсъ увидѣлъ въ лѣсу прекрасную принцессу, которая плакала, „какъ вдругъ спустился духъ и, оную похитивъ, полетѣлъ" („Одушевленная статуя", 41).

Гигантъ-чародѣй Шамисъ сватается за дочь Аримена, угрожая, въ случаѣ отказа, убить отца. Аримонъ отказываетъ. Тогда чародѣй три раза топнулъ, — явился разноцвѣтный огонь изъ бездны и колесница, запряженная 12-ю черными крылатыми конями; онъ похитилъ дочь Аримена и скрылся („Чудныя похожденія Израда", 71, 73).

Во время торжественнаго свадебнаго шествія Гассана и Рипсимы вдругъ раздался ударъ грома; во дворцѣ разверзся потолокъ; огненное облако показалось, на немъ летѣла Гарпія, которая, обратясь въ чудовище, похитила Рипсиму („Чудныя похожденія Израда", 42).

Ціана была похищена „гнуснымъ эѳіопомъ", который прилетѣлъ на кровавомъ облакѣ" (ib., 123).

Храбродѣлъ, влюбленный въ Перекрасу, дочь египетскаго царя, женится на ней. По выходѣ ихъ изъ храма, послѣ бракосочетанія, налетѣло облако, загремѣлъ громъ, заблистала молнія, — во время общаго смятенья героиня оказалась похищенной („Зубоскалъ", 29). Храбродѣлъ отправляется искать молодую жену (ib., 31).

Игриппа, гуляя въ саду, пошла въ кипарисовую рощу. Семь черныхъ невольниковъ схватили ее и увезли. Герой Виталбъ ѣдетъ ее разыскивать („Зубоскалъ", 143, 145).

Злой духъ похитилъ Лѣпу у жениха ея Одара (ib., 67). Они были уже обручены и гуляли вдвоемъ въ саду. Одаръ въ отчаяніи отправляется отыскивать невѣсту (ib., 75).

Клеорондъ потерялъ свою жену, въ которую влюбился чародѣй, „гнусный эеіопъ“ Зелулъ. „Въ первый еще день брачнаго союза, когда Гименъ готовился уже увѣнчать взаимную ихъ другъ къ другу любовь, безчеловѣчный Зелулъ исторгъ ее изъ нѣжныхъ объятій своего супруга и разрушилъ готовый совершиться бракъ („Низверженный Зелулъ“, 112).

Клеорондъ гулялъ съ Зефизой. Вдругъ явился Зелулъ и дунулъ на Клеоронда, отчего онъ лишился чувствъ и упалъ; Зелулъ возложилъ на него оковы и, подхвативъ полумертвую отъ страха Зефизу, понесся по воздуху (ib., 161).

Тезифея, во время прогулки, похищена Зелуломъ; Дорадъ отправился на поиски ея (ib., 166 — 7).

Зефиза похищена Исполинами (ib., 284); герой Клеорондъ отправляется на поиски ея (ib., 296 — 7).

Сцена полета Руслана съ Черноморомъ встрѣчается нѣсколько разъ въ разсмотрѣнныхъ нами волшебныхъ романахъ и сказкахъ. Такъ, напримѣръ,—

Чародѣй Зелулъ летитъ, а въ него вцѣпился Клеорондъ. Зелулъ обращается въ разныхъ чудовищъ, но герой не выпускаетъ его („Низверженный Зелулъ“, 207).

Въ другой сказкѣ царевичъ Иванъ является выручать мать, похищенную чародѣемъ. —

Мать учитъ сына, какъ овладѣть чародѣемъ: надо схватить его крѣпко за волшебную палицу и не выпускать ея изъ рукъ („Сказка о золотой горѣ“, 20). Такъ и случилось: чародѣй летитъ, а за палицу держится царевичъ Иванъ (ibid., 20 — 21).

Тѣ искушенія, которыя чародѣй поставилъ на пути Ратмира, и съ которыми юный витязь не справился, отдавшись радостямъ волшебной жизни замка въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ, не разъ встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ. Ихъ можно отнести къ „общимъ мѣстамъ“ романовъ „волшебнаго типа“.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Силославъ, во время поисковъ своей возлюбленной, попадаетъ въ роскошный замокъ, населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, „домѣ угощенія“, все роскошно. „Началъ бить

благовонный водометъ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной паръ, наполнивъ все зданіе теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тѣло. Въ такой покоясь роскоши, почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души“ („Пересмѣшникъ“, 159). Послѣ легкаго сна красавицы повели его обѣдать: „кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностью“ (ib., 160). Красавицъ до 3000 — и всѣ прелестны. Взоры Силослава „летали по всѣмъ“ (ib., 161). Онѣ ему заявили, что замокъ ихъ весь наполненъ женщинами, что ихъ „должность принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію“ (ib., 164). „Ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами, онѣ будутъ всѣ во власти твоей“—сказала ему одна изъ красавицъ (ib., 165).

„Вдавшись въ великую роскошь и нѣжность, не мужество уже сіяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатырство,— походилъ онъ болѣе на Нарцисса, любовавшагося собственною красотою (ib., 168).

Силославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ—„препровождалъ время, получая всякой день новыя благосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка, и такъ, не оставалось ему ничего иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенья лучшаго и достойнѣйшаго“ (ib., 166).

Какъ замокъ Наины, и этотъ оказался волшебнымъ, и когда разрушены были горы, онъ исчезъ со всѣми красавицами и роскошью (ib., 174).

Волшебникъ, желая отвратить героя отъ его поисковъ, ставитъ ему на пути разныя препятствія, напр., искушаетъ его ласками прекрасныхъ дѣвушекъ („Славянскія Древности“, 52 — 3).

Послѣ побѣды героя надъ искушеніями волшебный замокъ проваливается („Славянскія Древности“, 95 — 101).

Сидонъ разыскиваетъ Зениду, украденную „эеіопомъ звѣрообразнымъ“, годъ ѣздилъ, утомляется, теряетъ коня; онъ тоже подвергается искушенію женщинами („Русскія Сказки“, 266—7).

Волшебная лодочка привезла героя къ чудному замку.

„Огромныя палаты бѣлаго камня до облаковъ, цвѣты кругомъ; стѣны украшены живописью, въ окнахъ статуи, фонтаны, ступени изъ разноцвѣтнаго мрамора. Внутри много прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя „рѣзвятся“. „Увидѣвъ сего человѣка, встали и, молча представляя себя въ его услуги, радовались“ („Одушевленная статуя“, 82). Этотъ замокъ исчезаетъ, когда герой махнулъ волшебнымъ платкомъ (ib., 89 — 90).

Конечно, всѣ эти примѣры отнюдь не должны приводить къ заключенію, что *всѣ* цитованныя произведенія были извѣстны Пушкину и имѣли на его поэму вліяніе. Я хотѣлъ только доказать, что почти все содержаніе его поэмы еще въ XVIII-мъ вѣкѣ было у насъ сплошнымъ „общимъ мѣстомъ“. Такимъ образомъ, „Русланъ и Людмила“, по типу своему, представляетъ собой завершеніе у насъ въ русской литературѣ старой вѣковой исторіи „волшебно-рыцарскаго“ романа. — Поэма создалась подъ вліяніемъ „массовой“ литературы, съ опредѣлившимся давно содержаніемъ и настроеніями; съ этой литературой конечно, знакомъ былъ Пушкинъ еще до Лицея, роясь дома въ библіотекѣ отца. Поэма создалась совершенно внѣ сферы интересовъ къ русской устной народной поэзіи, а исключительно подъ вліяніемъ книгъ.

Но если Чулкова выдѣлилъ Пушкинъ изъ длиннаго ряда однородныхъ писателей, то это объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, талантливость и оригинальность дѣлали его самымъ замѣтнымъ писателемъ этого рода.

Останавливаюсь, въ заключеніе, на одной подробности, которая позволяетъ говорить о преимущественной близости пушкинской поэмы именно къ романамъ Чулкова.

Прекрасная сцена, когда Русланъ вступаетъ на поле, покрытое мертвыми костями, и предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о тлѣнности всего земного, находитъ себѣ прототипомъ подобныя-же сцены въ романахъ Чулкова.

Силославъ, безъ оруженосца и коня, грустный, бредетъ, куда глаза глядятъ; странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное порубленное воинство. „Обширное и престрашное поле все покрыто было мужскими тѣлами. *Такое зрѣлище смутило его духъ и вселило въ него любопытство.* Онъ очень долго разсматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положеніяхъ; наконецъ, по срединѣ сего умерщвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военочальникомъ“ („Пересмѣшникъ“, 121). „Голова сія открывала и закрывала глаза свои истомленные“ (ib., 121). Это голова богатыря Роксолапо. Герой вступаетъ въ разговоръ съ головой.

Другой герой Булатъ тоже „очутился на пространномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями; переломанное или заржавѣвшее оружіе, всюду разбросанное, показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. *Во уединеніи оставляютъ человѣка всякія пристрастія и предаютъ сердце его естественнымъ разсужденіямъ. Булатъ размышлялъ о сустности человѣческихъ дѣйствій, о ослѣпленіяхъ мщенія и ложной славы*, принуждающихъ ихъ ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга и, можетъ быть, извлекъ бы заключеніе, что нѣтъ для нихъ лучшаго, какъ жить въ покоѣ („Русскія сказки“, 207).

„Чрезъ нѣсколько дней взъѣхалъ я на пространную долину, которая вся покрыта была человѣческими костями. *Я сожалѣлъ о судьбѣ сихъ погибшихъ и лишенныхъ погребенія и предался въ размышленія о причинахъ, приводящихъ смертныхъ въ толь враждебные противу себя поступки*“. Онъ увидѣлъ вдругъ предъ собой лежащую богатырскую голову отмѣнной величины. Онъ зарылъ голову и подъ ней нашелъ мѣдный ключъ (ib., 102—3).

Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, валяющуюся въ безчестіи и лишенную погребенія; онъ хотѣлъ предать кости погребенію, при чемъ оказалось, что „великій мечъ лежалъ, вмѣсто возглавья, подъ черепомъ богатырскимъ“ (ib., 208).

Булатъ оживляетъ богатыря Сидона. Для этого Булатъ открылъ чудесный сосудецъ, ему врученный, и сейчасъ увидалъ, „какъ пары покрыли кости богатыря, какъ стали обростать онѣ жилами, плотью, потомъ надъ тѣломъ образовалась отъ нихъ облако“; „сильный чохъ разорвалъ облако и представилъ Булату встающаго съ земли богатыря“ (ib., 209).

Въ приведенныхъ цитатахъ я курсивомъ отмѣтилъ очень характерную подробность: герои Чулкова „размышляютъ“ на полѣ битвы, погружаясь въ какое-то меланхолическое, созерцательное настроеніе. Подъ головой великана оказывается „мечъ“, голова „чихаетъ“.

Стоитъ сравнить съ этими мѣстами мысли и чувства Руслана:

„Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами:
„О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?“ —

и нетрудно будетъ въ этихъ строкахъ увидѣть полное и прекрасное развитіе этой подробности (размышленія на полѣ битвы), которая упорно повторяется нѣсколько разъ у Чулкова; этого намека нѣтъ ни въ рукописной сказкѣ объ Ерусланѣ, ни въ той печатной, на которую указывалъ П. Н. Шефферъ въ своей статьѣ. Не есть-ли это одно изъ указаній на то, что, кромѣ массоваго вліянія цѣлаго ряда однородныхъ произведеній, сказки Чулкова имѣютъ для Пушкина особое, преимущественное значеніе, и не подтверждается-ли это предположеніе, между прочимъ, вышеуказанной просьбой поэта выслать ему именно „Сказки“ Чулкова?

Поэма Пушкина потому и была встрѣчена съ энтузіазмомъ, что она вся цѣликомъ вышла изъ этой богатой литературы рыцарско-волшебныхъ произведеній, — въ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашелъ-бы себѣ нѣсколькихъ прототиповъ даже въ одной *русской* вол-

шебной романистикѣ[1]). Такимъ образомъ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русскій читатель увидѣлъ все давно знакомое, но изложенное не въ грубой прозѣ XVIII в. архаистическимъ, топорнымъ стилемъ, а въ легкихъ, прекрасныхъ стихахъ, шаловливыхъ и звонкихъ, сверкающихъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то граціозною фривольностью. Въ этой стихотворной формѣ и своеобразной манерѣ письма была та „новизна“, которая оживила старое, давно всѣмъ извѣстное и, быть можетъ, порядкомъ поднадоѣвшее. То, что сказалъ Пушкинъ о писаніи „новыхъ“, „оригинальныхъ“ романовъ, при помощи матеріала, извлеченнаго для нихъ изъ старой дѣдовской литературы,— то вполнѣ оказалось приложимымъ и для объясненія возникновенія его собственной поэмы. Въ нѣсколькихъ предшествующихъ работахъ касательно Пушкина приходилось мнѣ припоминать эти знаменательныя слова: они многое объясняютъ въ творчествѣ поэта; художественная идея, даже положеніе героевъ, ихъ слабые абрисы брались имъ нерѣдко извнѣ, но разработка всего взятаго, перенесеніе въ ту обстановку, которую онъ зналъ лучше — словомъ, „руссификація“ и „приспособленіе къ интересамъ современности“ — принадлежали поэту. Удивительно-удачный образчикъ такой творческой переработки представляютъ собою герои романа „Евгеній Онѣгинъ“[2]), неудачный—герои „Кавказскаго Плѣнника“[3]) и „Руслана и Людмилы“... Для нихъ онъ воспользовался старою канвой, на ней сумѣлъ расшить яркіе и интересные „узоры“, но всетаки еще не въ „русскомъ стилѣ“. Для „Кавказ-

1) До сихъ поръ мнѣ не удалось найти въ предшествующей Пушкину литературѣ, русской и иностранной, ничего похожаго на эпизодъ Финна и Наины, — между тѣмъ, заимствованность этой вставной повѣстушки сразу чувствуется. Очевидно даже, прототипъ ей надо искать среди „пародій“ на „волшебную“ сказку.

2) См. мою работу „Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна“.

3) См. мою работу „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“.

скаго Плѣнника“ его попытка оказалась неудовлетворительною вслѣдствіе излишняго субъективизма, имъ тогда владѣвшаго, вслѣдствіе недостаточно-спокойнаго отношенія къ дѣйствительности и излишней подчиненности Шатобріану. То же можно сказать и относительно „Руслана“: поэтъ еще недостаточно проникся духомъ народной поэзіи, былъ еще слишкомъ во власти „книги“ и того граціозно-шаловливаго настроенія, которое совершенно чуждо народной русской поэзіи.

Мнѣ остается коснуться послѣдняго поставленнаго вопроса — объ отношеніи Пушкина къ народной поэзіи. Послѣ прекрасной работы проф. Вс. Миллера: „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, казалось-бы, нѣтъ больше мѣста для такихъ вопросовъ, но все предыдущее въ настоящей моей статьѣ касательно „литературности“ ранней пушкинской поэмы заставляетъ меня пересмотрѣть этотъ вопросъ съ той точки зрѣнія, на которую не становился проф. Миллеръ.

Проф. Миллеръ очень внимательно собралъ всѣ факты изъ жизни поэта, — факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ съ дѣтства росли и постепенно углублялись интересы его къ народному творчеству; онъ отмѣтилъ среди произведеній поэта всѣ, проникнутыя народнымъ духомъ, но онъ не отмѣтилъ одного важнаго явленія въ творчествѣ поэта, — явленія, очень характернаго для пониманія отношеній его къ народной поэзіи.

Выше я указалъ, какъ онъ изъ старой дѣдовской литературы почерпалъ канву для узоровъ въ новомъ вкусѣ, какъ онъ ловилъ намеки, развивалъ ихъ и раскрашивалъ. То же можно наблюдать и въ его „народныхъ произведеніяхъ“ - сказкахъ: многія изъ нихъ не народнаго происхожденія, а чисто-литературнаго, книжнаго, но обработаны поэтомъ въ народномъ русскомъ духѣ. Вотъ почему прежде, чѣмъ говорить, хотя-бы, объ инте-

ресѣ Пушкина къ русскимъ сказкамъ няни, не мѣшаетъ пересмотрѣть, всѣ-ли сказки слышалъ онъ изъ ея устъ, не увлекался ли онъ не только слушаньемъ, но и *чтеніемъ* тѣхъ искусственныхъ псевдонародныхъ „русскихъ“ сказокъ и иностранныхъ, которымъ былъ богатъ еще XVIII вѣкъ. Въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ поэтъ намѣчаетъ содержаніе тѣхъ сказокъ, которыя разсказывалъ ему „котъ ученый“ [1]); изъ перечня сюжетовъ этихъ „сказокъ“ видно, что лишь немногія изъ нихъ относятся къ „народнымъ“ сказкамъ, а именно:

Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ добраго царя.
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ..
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ бредетъ сама собой.
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ.

Все это, дѣйствительно, захватываетъ содержаніе русскихъ простонародныхъ сказокъ, но уже слѣдующая картина:

. . . . тамъ лѣшій бродитъ,
Русалки на вѣтвяхъ сидятъ

относится къ области „повѣрій“, а не сказокъ. Только у Чулкова встрѣчаемъ мы „сказки“, гдѣ дѣйствуютъ „лѣшіе“ и „русалки“.

Наконецъ, остальные сюжеты не принадлежатъ ни сказочному эпосу, ни народнымъ вѣрованьямъ:

---

1) Этотъ „котъ“ взятъ, вѣроятно, у Державина, который въ своемъ произведеніи „Царь-Дѣвица“ описалъ теремъ героини. Этотъ теремъ находится въ сказочной сторонѣ, „въ рощахъ злачныхъ, въ *лукоморьѣ*“; въ роскошномъ саду порхаютъ тамъ райскія птички; здѣсь же обитаетъ „чудесный заморскій *котъ*“.

Тамъ на невидимыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей...
..Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны..

— это уже фантастика не народныхъ русскихъ сказокъ, а тѣхъ искусственныхъ, волшебныхъ, въ которыхъ воображеніе писателя не знаетъ удержу, громоздитъ чудовищные образы „изобрѣтенныхъ“ ужасовъ въ видѣ диковинныхъ существъ, различныхъ видѣній.

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря!..

— картина, неизвѣстная русскимъ простонароднымъ сказкамъ, но избитая въ сказкѣ искусственной, книжной.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ поэтъ вспоминаетъ „о прелести таинственныхъ ночей“, когда старуха-няня разсказывала ему сказки „о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы“. И какія-же видѣнія послѣ этихъ разсказовъ смущали покой ребенка? —

Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упадало.
Тогда съ лазурной высоты,
На лоно розъ крылатыя мечты,
Волшебники, *волшебницы* слетали,
Обманами мой сонъ обворожали:
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ *Полкановъ* и *Добрыней*, —
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

„Волшебники“ и „волшебницы“ могли явиться только подъ вліяніемъ чтенія *волшебныхъ* сказокъ чужихъ или русскихъ — подражательныхъ, въ родѣ Чулкова (русскія сказки знаютъ *вѣдуна*, *вѣдьму*, но не знаютъ „волшебниковъ“), а встрѣча поэта съ „лихими Полканами и Доб-

рынѣй“ выдаетъ поэта головой. Въ русскихъ сказкахъ „Полкановъ“ тоже нѣтъ. Впервые русскій народъ познакомился съ именемъ „Полканъ“ изъ повѣсти о Бовѣ, гдѣ Полканъ (полупесъ-получеловѣкъ) является испорченнымъ итальянскимъ Pulicane. За то Чулковъ нѣсколько разъ вводитъ этотъ образъ въ свои сказки и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ („полканы“), понимая подъ этимъ именемъ древнегреческаго „центавра“. У того же Чулкова въ „Русскихъ Сказкахъ“ есть длинный романъ о похожденіяхъ Добрыни.

Еще одно указаніе: Татьяна увидѣла во снѣ собраніе чудовищъ:

. . . . . за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ, съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ и вотъ
Полужуравль и полукотъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣй!
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ
Людская молвь и конскій топъ!

Передъ нами калейдоскопъ образовъ, которые мы напрасно стали бы искать въ русскихъ народныхъ сказкахъ. Это — также одинъ изъ эпизодовъ старыхъ вол-

шебныхъ сказокъ и романовъ, — тамъ все полно „видѣній", тамъ слѣды „невиданныхъ звѣрей" — тамъ эта свобода необузданнаго воображенія, которой не знаетъ русскій народъ, вообще скупой на фантастику и тяготѣющій къ реализму, къ бытовой картинѣ... Правда, подъ шаловливымъ перомъ поэта испарился весь ужасъ этого необычнаго собранія „невиданныхъ звѣрей" — передъ нами веселая „каррикатура" на фантастику старыхъ заимствованныхъ или переведенныхъ сказокъ.

Въ сказкѣ Чулкова „Повѣсть о Аліошѣ Поповичѣ богатырѣ" встрѣчаемъ мы картинку въ такомъ-же жанрѣ: авторъ тоже рисуетъ собраніе чудовищъ, надъ которыми посмѣивается и самъ, и заставляетъ это дѣлать своего героя.

„Вся комната наполнилась дьяволами различнаго вида. Иные имѣли ростъ исполинскій, и потолокъ трещалъ, когда они умѣщались въ комнатѣ; другіе были такъ малы, какъ воробьи и жуки съ крыльями, безъ крыльевъ, съ рогами, комолые, многоголовые, безголовые; похожіе на звѣрей, на птицъ, и все, что есть въ природѣ ужаснаго. Всѣ ревѣли, страшно выли, сипѣли, скрежетали и бросались на богатыря" (стр. 229).

Подобныхъ картинокъ можно указать въ русскихъ *книжныхъ* сказкахъ нѣсколько, но только у Чулкова онѣ окрашиваются въ веселые, свѣтлые тона. У Попова, напримѣръ, въ его „Славянскихъ древностяхъ" введенъ такой-же эпизодъ, но разсказанъ онъ серьезно [1]).

Если я прибавлю къ этому, что для прекрасной сказки „О рыбакѣ и рыбкѣ" напрасно искали источникъ въ русскихъ простонародныхъ сказкахъ, — она нашлась среди нѣмецкихъ, у братьевъ Гриммовъ [2]), — если прибавлю, что

1) Поповъ, op. cit., 124 — 6 и др.

2) Н. Ѳ. Сумцовъ „Изслѣдованія о поэзіи Пушкина", 287. Также въ сказкахъ M-me le Prince de Beaumont.

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ нѣкоторыми деталями напоминаетъ сказку Клингера: „Le coq d'or“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“ напоминаетъ одну изъ повѣстей „1001 ночи“ [1]), „Сказка о мертвой царевнѣ“ болѣе принадлежитъ западу, чѣмъ русскому народу,—мы должны будемъ признать, что не только для „Руслана и Людмилы“, но и для другихъ произведеній, въ болѣе народномъ духѣ, Пушкинъ бралъ матеріалъ не всегда у народа, а часто, даже, скажу, *чаще* изъ книги, даже нерусской. Такимъ образомъ, его произведенія „въ русскомъ духѣ“ находятся совершенно въ томъ же отношеніи къ чисто народнымъ, въ какомъ находятся, хотя-бы, сказки объ Ерусланѣ и Бовѣ къ настоящимъ русскимъ, — будучи заимствованы, онѣ руссифицировались, столкнувшись съ русской поэтикой былиннаго и сказочнаго эпоса, приспособились и совершенно акклиматизировались. То же про-

---

1) „Тысяча и одна ночь. Сказки Арабскія“ перевед. съ фр. яз., т. 12, 1774. *Исторія о двухъ сестрахъ, завидующихъ меньшой.* Однажды принцъ Персидскій Косрутагъ, переодѣвшись, ходилъ по городу ... „Пришедъ въ одну улицу, гдѣ не было народа, услышалъ онъ, что громко говорятъ: онъ подошелъ къ тому дому, откуда слышенъ былъ шумъ и, смотря въ скважину дверную, увидѣлъ свѣтъ и трехъ сестеръ, сидящихъ на софѣ и разговаривающихъ послѣ ужина. По словамъ старшей изъ нихъ догадаться можно было, что желаніе ихъ различное было причиною разговора. „Когда мы теперь о томъ говоримъ“, сказала одна, „то бъ я желала быть за Султанскимъ хлѣбникомъ, я бы ѣла тотъ хорошій хлѣбъ, который пекутъ для Султана. Посмотримъ, какого ты вкуса!“ „А я бы, говорила другая, хотѣла быть за главнымъ Султанскимъ кухмистиромъ, я бы ѣла лучшіе соусы: а какъ я увѣрена, что Султанской хлѣбъ употребляютъ во всемъ дворцѣ, то бъ я и его ѣсть стала: видишь, сестрица, сказала она старшей, что мое желаніе твоего превосходнѣе!“

Младшая сестра, будучи чрезвычайная красавица и умнѣе бо̀льшихъ своихъ сестеръ, начала говорить: „Что до меня касается, сестрицы, сказала она, я не полагаю желаній своихъ въ такихъ бездѣлицахъ; но хочу сего превосходнѣе: я бъ желала быть за Султаномъ и родить ему Принца, у котораго бы волосы были съ одной стороны золотые, а съ другой — серебряные, когда бы онъ сталъ плакать, то бы, вмѣсто слезъ, катился бы жемчугъ, а когда бъ улыбнулся, то бъ губы его подобны были расцвѣтающей розѣ!“ Другія параллели см. у Н. Ѳ. Сумцова, op. cit.

изошло и съ чужими сюжетами, взятыми изъ книги, когда они попали въ руки Пушкина. Чужая сказка (хотя-бы „О рыбакѣ и рыбкѣ"), попавъ въ его руки, подчинилась его знанію и пониманію истинно-народной пѣсни и претворилась въ русскую сказку. Намеки, почерпнутые не у народа, а изъ книги, поэтъ развилъ, расцвѣтилъ и облекъ новою плотью: по старой канвѣ расшилъ новые узоры.

Любопытно, что, въ этомъ отношеніи, Пушкина, какъ и его предшественниковъ и современниковъ, тянуло къ такой „поддѣлкѣ". До него и при немъ у насъ съ меньшимъ успѣхомъ занимались такими поддѣлками: Чулковъ („Русскія сказки"), Поповъ („Славянскія древности"), Херасковъ („Бахаріана"), А. Радищевъ, („Бова"), Н. Радищевъ („Богатырскія повѣсти въ стихахъ"), Державинъ („Царь-дѣвица"), Карамзинъ („Илья Муромецъ"), Жуковскій, Даль и др.; Нелединскій-Мелецкій, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Дельвигъ[1]).

Начало вѣка особенно прославилось такими поддѣлками (напр. „Краледворская Рукопись"), — ранѣе въ XVIII в. къ такому же разряду произведеній относятся пѣсни Оссіана. Это было литературной модой. Быть можетъ, это объясняется и тѣмъ, что простонародная поэзія, простая и несложная, не удовлетворяла избалованнымъ вкусамъ и запросамъ интеллигенціи, но нароставшій интересъ и углублявшееся знаніе влекли къ народному творчеству. Оставалось идти на компромиссъ: изобрѣтенная, или заимствованная интрига расцвѣчивалась на народно-поэтическій ладъ. Вотъ почему для своихъ сказокъ и Пушкинъ выбиралъ сюжеты или книжные, или, оче-

1) Подробнѣе библіографію см. въ сочиненіи И. И. Замотина: „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ", 1908, 17—31 и А. Н. Веселовскаго, „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія", Спб. 1904, 509 — 530.

видно, заимствованные народомъ („О мертвой царевнѣ“), — они были болѣе сложны, болѣе „интересны“.

Вотъ почему его безсознательно потянуло и къ поддѣльнымъ пѣснямъ южныхъ славянъ Мериме. Вотъ почему и самъ онъ былъ не прочь отъ сознательной подделки. Не объ этомъ ли говоритъ его самодовольный возгласъ, брошенный Кирѣевскому при передачѣ ему сборника записанныхъ пѣсенъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“. Кирѣевскій не сумѣлъ различить настоящихъ простонародныхъ отъ сочиненныхъ Пушкинымъ. Конечно, это — лишнее доказательство того, какой виртуозности въ подделкѣ достигъ поэтъ и притомъ цѣною долгихъ и томительныхъ усилій: воспоминанія сказочника Даля, поэтъ обронилъ замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, какой борьбы стоила ему трудная побѣда надъ русскимъ народнымъ словомъ: „Сказка сказкой, а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать? Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по-русски и не въ сказкѣ. Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ“.

Итакъ, [illegible] не подражалъ ни одной [illegible] А. Мицкевича — [illegible] изслѣдователи, что [illegible] „мистификаціи“ — [illegible] что [illegible] въ [illegible] народныя [illegible] „Русалка“ [illegible] родное.

З. [illegible]

Къ исторіи „Современника“.

(Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову).

Въ 1-мъ № „Современника“ за 1837 годъ (т. V, стр. 89 — 112), частью подготовленномъ къ выходу самимъ Пушкинымъ, но выпущенномъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Краевскимъ, кн. Одоевскимъ и Плетневымъ, напечатанъ былъ „Отрывокъ изъ рукописи Карамзина о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (До смерти Екатерины II)“; онъ сопровождался слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: „Во второмъ нумерѣ *Современника* упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина[1]). Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса.“

Пушкинъ писалъ эти строки послѣ того, какъ цензурой уже была просмотрѣна, сокращена и разрѣшена къ печати Записка Карамзина, и онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что этотъ отрывокъ встрѣтитъ новыя препятствія

1) „Современникъ“ 1836 г., т. II, стр. 13, въ статьѣ самого Пушкина: „Россійская Академія“.

1.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ].

Я былъ у васъ чтобы узнать отъ Васъ, правда ли, что статья Карамзина, которую мы хотѣли помѣстить въ Современникѣ и въ которой нѣтъ слова которое бы можно было остановить, запрещена Вами? Такъ говоритъ Крыловъ[1]). Не могу никакъ этому повѣрить. Онъ какъ нибудь не понялъ. Въ этой статьѣ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы могло помѣшать ея изданію въ свѣтъ. Это просто взглядъ на состояніе Россіи до смерти Екатерины, въ коемъ нѣтъ ничего общаго съ тою огромною запискою изъ которой онъ взялъ, и до которой нѣтъ дѣла читателю. И Карамзинъ бы самъ напечаталъ этотъ отрывокъ въ томъ видѣ въ какомъ мы хотимъ его напечатать. Если онъ нездѣлалъ никакого употребленія изъ своей записки при жизни[2]), то это по тому, что у него и списка ея не осталось. Намъ дорого все, что имъ написано; и что можетъ Россія знать изъ оставшагося послѣ него, того жаль лишать ее. Прошу васъ не отнимать у Современника его лучшаго украшенія. Да и не можетъ быть, что бы вы могли запретить печатаніе этой статьи? Это вѣрно недоразумѣніе Крылова. Прошу васъ убѣдительно отвѣчать мнѣ и если можно поскорѣе, ибо хотѣлось бы эту статью помѣстить въ началѣ[3]). Пора набирать ее. Мою же статью о

---

1) Цензоръ Александръ Лукичъ Крыловъ (р. въ 1801, ум. въ 1853 г.) былъ назначенъ для ценаированія „Современника“; Пушкину не мало пришлось препираться съ этимъ строгимъ чиновникомъ, „одно имя котораго“, по словамъ Никитенко, было „страшно для литературы“ (Записки, т. I, стр. 385, изд. 1893 г.); см. книгу И. А. Шляпкина, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“ и В. Я. Брюсова, Письма Пушкина и къ Пушкину“.

2) Она написана была въ 1811 году; найдена въ 1836 г.

3) Въ начало книжки она, однако, не попала.

Пушкинѣ я показывалъ Государю; онъ приказалъ многое выбросить. Какъ скоро поспѣетъ моя операція, представлю вамъ статью въ обоихъ видахъ[1]).

Жуковскій.

2.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ.].

Удивляюсь рѣшенію Цензурнаго комитета; не пропускать сочиненія Карамзина по тому только, что оно при немъ не было напечатано! Чтожъ ето за поводъ къ запрещенію? Подаю эту піесу на разсмотрѣніе Цензуры я, для напечатанія въ Современникѣ, въ тѣхъ мысляхъ что написанное Карамзинымъ будетъ имѣть много привлекательнаго для читателей Современника? Дѣло Цензуры пропустить то что пропустить можно, и вымарать то, чего она пропустить неможетъ. Ей и знать не льзя и не нужно, отъ куда взята представляемая мною піеса; ея дѣло только смотрѣть на то, — можно ли ее пропустить или нѣтъ. Пушкинъ ее уже представлялъ. Я все то выбросилъ, что было отмечено и Цензура можетъ быть теперь довольна. Да я и самъ бы не за что не захотѣлъ напечатать что нибудь такое, что кого бы то ни было могло бы ввести въ отвѣтственность. Прошу васъ убѣдительно, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичь, приказать пересмотрѣть піесу въ томъ видѣ въ какомъ она теперь представляется. Будетъ совершенная несправедливость не позволять ее только для того что она Карамзина и еще не напечатана. Я васъ увѣряю что послѣ тѣхъ изключеній которыя сдѣланы

---

1) Статья Жуковскаго „Послѣднія минуты Пушкина“, въ которую вошло письмо его къ С. Л. Пушкину отъ *15-го февраля 1837* г., напечатана въ „Современникѣ,“ № 1-й 1837 г., стр. I — XVIII; ею открывается этотъ посмертный № Пушкинскаго журнала.

мною, все въ ней пропущено быть можетъ. Пускай выкинутъ все то что найдутъ нужнымъ; пускай если угодно и не говорится что она писана для Е. Павловны[1]). Можно поставить слѣдующее заглавіе: *Отрывокъ изъ рукописи, найденной по смерти Карамзина.* Прошу у васъ защиты и справедливости.

Вашъ

Жуковскій.

1) По словамъ Пушкина, передававшаго разсказъ А. С. Шишкова, Карамзинъ написалъ свою Записку „по вызову“ великой княгини Екатерины Павловны, жены герцога Георга Ольденбургскаго (статья „Россійская Академія“ — въ „Современникѣ“ 1836 г., т. II, стр. 18 и Соч., изд. подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, С.-Пб. 1905, стр. 96).

Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки.

Пушкинская литература давно уже не обогащалась столь цѣннымъ открытіемъ, какъ письмо поэта къ Василію Петровичу Зубкову (отъ 1-го декабря 1826 г.), найденное въ бумагахъ Б. Н. Чичерина и обнародованное А. Ѳ. Кони сперва въ „Журналѣ для всѣхъ“ (1905 г., № 1), а затѣмъ — въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (1905 г., т. X, кн. 1 и отд. отт.). Письмо это, заключающее въ себѣ любопытныя подробности біографіи поэта, яснѣе рисующее мало извѣстный эпизодъ его увлеченія Софьей Ѳедоровной Пушкиной и содержащее драгоцѣнную автохарактеристику, — уже знакомо, такимъ образомъ, всѣмъ почитателямъ великаго поэта. Публикуя это замѣчательное письмо и говоря о Зубковѣ и его привлеченіи къ дѣлу декабристовъ, А. Ѳ. Кони писалъ: „Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныя. Онѣ исполнены историческаго и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ Слѣдственной Коммиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени“.... Печатая ниже эти записки, мы предпосылаемъ имъ очеркъ жизни ихъ автора, насколько удалось обрисовать его по печатнымъ и другимъ источникамъ. Возможностью обнародовать записки мы обязаны просвѣщенному вниманію члена

Василій Петровичъ
ЗУБКОВЪ.

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ нѣкоторыми деталями напоминаетъ сказку Клингера: „Le coq d'or“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“ напоминаетъ одну изъ повѣстей „1001 ночи“ [1]), „Сказка о мертвой царевнѣ“ болѣе принадлежитъ западу, чѣмъ русскому народу,—мы должны будемъ признать, что не только для „Руслана и Людмилы“, но и для другихъ произведеній, въ болѣе народномъ духѣ, Пушкинъ бралъ матеріалъ не всегда у народа, а часто, даже, скажу, *чаще* изъ книги, даже нерусской. Такимъ образомъ, его произведенія „въ русскомъ духѣ“ находятся совершенно въ томъ же отношеніи къ чисто народнымъ, въ какомъ находятся, хотя-бы, сказки объ Ерусланѣ и Бовѣ къ настоящимъ русскимъ, — будучи заимствованы, онѣ руссифицировались, столкнувшись съ русской поэтикой былиннаго и сказочнаго эпоса, приспособились и совершенно акклиматизировались. То же про-

---

1) „Тысяча и одна ночь. Сказки Арабскія“ перевед. съ фр. яз., т. 12, 1774. *Исторія о двухъ сестрахъ, завидующихъ меньшой.* Однажды принцъ Персидкій Косрутагъ, переодѣвшись, ходилъ по городу ... „Пришедъ въ одну улицу, гдѣ не было народа, услышалъ онъ, что громко говорятъ: онъ подошелъ къ тому дому, откуда слышенъ былъ шумъ и, смотря въ скважину дверную, увидѣлъ свѣтъ и трехъ сестеръ, сидящихъ на софѣ и разговаривающихъ послѣ ужина. По словамъ старшей изъ нихъ догадаться можно было, что желаніе ихъ различное было причиною разговора. „Когда мы теперь о томъ говоримъ“, сказала одна, „то бъ я желала быть за Султанскимъ хлѣбникомъ, я бы ѣла тотъ хорошій хлѣбъ, который пекутъ для Султана. Посмотримъ, какого ты вкуса!“ „А я бы, говорила другая, хотѣла быть за главнымъ Султанскимъ кухмистиромъ, я бы ѣла лучшіе соусы: а какъ я увѣрена, что Султанской хлѣбъ употребляютъ во всемъ дворцѣ, то бъ я и его ѣсть стала: видишь, сестрица, сказала она старшей, что мое желаніе твоего превосходнѣе!“

Младшая сестра, будучи чрезвычайная красавица и умнѣе бо́льшихъ своихъ сестеръ, начала говорить: „Что до меня касается, сестрицы, сказала она, я не полагаю желаній своихъ въ такихъ бездѣлицахъ; но хочу сего превосходнѣе: я бъ желала быть за Султаномъ и родить ему Принца, у котораго бы волосы были съ одной стороны золотые, а съ другой — серебряные, когда бы онъ сталъ плакать, то бы, вмѣсто слезъ, катился бы жемчугъ, а когда бъ улыбнулся, то бъ губы его подобны были расцвѣтающей розѣ!“ Другія параллели см. у Н. Ѳ. Сумцова, op. cit.

изошло и съ чужими сюжетами, взятыми изъ книги, когда они попали въ руки Пушкина. Чужая сказка (хотя-бы „О рыбакѣ и рыбкѣ“), попавъ въ его руки, подчинилась его знанію и пониманію истинно-народной пѣсни и претворилась въ русскую сказку. Намеки, почерпнутые не у народа, а изъ книги, поэтъ развилъ, расцвѣтилъ и облекъ новою плотью: по старой канвѣ расшилъ новые узоры.

Любопытно, что, въ этомъ отношеніи, Пушкина, какъ и его предшественниковъ и современниковъ, тянуло къ такой „поддѣлкѣ“. До него и при немъ у насъ съ меньшимъ успѣхомъ занимались такими поддѣлками: Чулковъ („Русскія сказки“), Поповъ („Славянскія древности“), Херасковъ („Бахаріана“), А. Радищевъ, („Бова“), Н. Радищевъ („Богатырскія повѣсти въ стихахъ“), Державинъ („Царь-дѣвица“), Карамзинъ („Илья Муромецъ“), Жуковскій, Даль и др.; Нелединскій-Мелецкій, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Дельвигъ[1]).

Начало вѣка особенно прославилось такими поддѣлками (напр. „Краледворская Рукопись“), — ранѣе въ XVIII в. къ такому же разряду произведеній относятся пѣсни Оссіана. Это было литературной модой. Быть можетъ, это объясняется и тѣмъ, что простонародная поэзія, простая и несложная, не удовлетворяла избалованнымъ вкусамъ и запросамъ интеллигенціи, но выросшій интересъ и углублявшееся знаніе влекли къ народному творчеству. Оставалось идти на компромиссъ: изобрѣтенная, или заимствованная интрига расцвѣчивалась на народно-поэтическій ладъ. Вотъ почему для своихъ сказокъ и Пушкинъ выбиралъ сюжеты или книжные, или, оче-

1) Подробнѣе библіографію см. въ сочиненіи И. И. Замотина: „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ“, 1908, 17—31 и А. Н. Веселовскаго, „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“, Спб. 1904, 509 — 530.

видно, заимствованные народомъ („О мертвой царевнѣ), — они были болѣе сложны, болѣе „интересны".

Вотъ почему его безсознательно потянуло и къ поддѣльнымъ пѣснямъ южныхъ славянъ Мериме. Вотъ почему и самъ онъ былъ не прочь отъ сознательной поддѣлки. Не объ этомъ ли говоритъ его самодовольный вызовъ, брошенный Кирѣевскому при передачѣ ему сборника записанныхъ пѣсенъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ". Кирѣевскій не сумѣлъ различить настоящихъ простонародныхъ отъ сочиненныхъ Пушкинымъ. Конечно, это — лишнее доказательство того, какой виртуозности въ поддѣлкѣ достигъ поэтъ и притомъ цѣною долгихъ и сознательныхъ усилій: восхищаясь сказками Даля, поэтъ обронилъ замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, какой борьбы стоила ему трудная побѣда надъ русскимъ народнымъ стилемъ: „Сказка сказкой, а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать? Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!"[1]).

Итакъ — мой очеркъ нисколько не подрываетъ ни одной мысли изъ статьи проф. Вс. Миллера,—онъ еще подкрѣпляетъ основное положеніе статьи изслѣдователя, что Пушкинъ былъ великимъ русскимъ „этнографомъ," — въ этомъ отношеніи онъ до такой степени былъ великъ, что свои заимствованія умѣлъ претворять въ чисто-народныя произведенія: начавъ съ неудачной поддѣлки („Русланъ и Людмила"), подъ конецъ своей жизни добился, *путемъ долгихъ усилій*, умѣнья перевоплощать чужое въ свое родное.

В. Сиповскій.

1) Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 418.

Къ исторіи „Современника“.

(Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову).

Въ 1-мъ № „Современника“ за 1837 годъ (т. V, стр. 89 — 112), частью подготовленномъ къ выходу самимъ Пушкинымъ, но выпущенномъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Краевскимъ, кн. Одоевскимъ и Плетневымъ, напечатанъ былъ „Отрывокъ изъ рукописи Карамзина о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (До смерти Екатерины II)“; онъ сопровождался слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: „Во второмъ нумерѣ *Современника* упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина[1]). Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса.“

Пушкинъ писалъ эти строки послѣ того, какъ цензурой уже была просмотрѣна, сокращена и разрѣшена къ печати Записка Карамзина, и онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что этотъ отрывокъ встрѣтитъ новыя препятствія

---

1) „Современникъ“ 1836 г., т. II, стр. 13, въ статьѣ самого Пушкина: „Россійская Академія“.

со стороны цензуры[1]); отстаивать его предъ нею въ лицѣ С. С. Уварова пришлось Жуковскому, что̀ видно изъ двухъ писемъ его къ бывшему своему пріятелю и Арзамасскому товарищу, въ это время министру народнаго просвѣщенія. Письма эти, недавно найденныя мною въ бумагахъ одного собирателя, не имѣютъ на себѣ датъ и установить ихъ можно только приблизительно: хлопоты, напримѣръ, Вяземскаго и Одоевскаго о выпускѣ 1-й книжки „Современника“ на 1837 (процензурованной отчасти еще при жизни Пушкина — 11-го ноября 1836 г.) относятся ко второй половинѣ февраля и къ марту 1837 г.[2]); къ этому же времени слѣдуетъ отнести и настоящія письма Жуковскаго (въ самомъ началѣ мая онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга въ путешествіе по Россіи), равно какъ и недатированную записку Жуковскаго къ князю Одоевскому: „Вѣдь вы взяли статью Карамзина? И отдали ее переписывать? То-есть конецъ? Доставьте Вяземскому“.[3])

Вадимъ Модзалевскій.

Кіевъ.
28-го марта 1906 г.

---

1) Записка Карамзина цѣликомъ не издана, собственно, и до сихъ поръ: будучи напечатана въ „Русск. Арх.“ 1870 г. (кн. II), она была изъята изъ №№ этого журнала и экземпляры съ нею очень рѣдки (см. С. И. Пономаревъ, „Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ“, С-Пб. 1883.

2) См., напр., въ брошюрѣ „Изъ Собранія автографовъ Импер. Публ. Библіотеки“, С.-Пб. 1898 г., стр. 76—78, письма князя Вяземскаго къ князю Одоевскому.

3) „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. III, стр. 53.

1.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ].

Я былъ у васъ чтобы узнать отъ Васъ, правда ли, что статья Карамзина, которую мы хотѣли помѣстить въ Современникѣ и въ которой нѣтъ слова которое бы можно было остановить, запрещена Вами? Такъ говоритъ Крыловъ[1]). Не могу никакъ этому повѣрить. Онъ какъ нибудь не понялъ. Въ этой статьѣ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы могло помѣшать ея изданію въ свѣтъ. Это просто взглядъ на состояніе Россіи до смерти Екатерины, въ коемъ нѣтъ ничего общаго съ тою огромною запискою изъ которой онъ взялъ, и до которой нѣтъ дѣла читателю. И Карамзинъ бы самъ напечаталъ этотъ отрывокъ въ томъ видѣ въ какомъ мы хотимъ его напечатать. Если онъ нездѣлалъ никакого употребленія изъ своей записки при жизни[2]), то это по тому, что у него и списка ея не осталось. Намъ дорого все, что имъ написано; и что можетъ Россія знать изъ оставшагося послѣ него, того жаль лишать ее. Прошу васъ не отнимать у Современника его лучшаго украшенія. Да и не можетъ быть, что бы вы могли запретить печатаніе этой статьи? Это вѣрно недоразумѣніе Крылова. Прошу васъ убѣдительно отвѣчать мнѣ и если можно поскорѣе, ибо хотѣлось бы эту статью помѣстить въ началѣ[3]). Пора набирать ее. Мою же статью о

---

1) Цензоръ Александръ Лукичъ Крыловъ (р. въ 1801, ум. въ 1853 г.) былъ назначенъ для цензированія „Современника“; Пушкину не мало пришлось препираться съ этимъ строгимъ чиновникомъ, „одно имя котораго“, по словамъ Никитенко, было „страшно для литературы“ (Записки, т. I, стр. 385, изд. 1893 г.); см. книгу И. А. Шляпкина, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“ и В. Я. Брюсова, Письма Пушкина и къ Пушкину“.

2) Она написана была въ 1811 году; найдена въ 1836 г.

3) Въ начало книжки она, однако, не попала.

Пушкинѣ я показывалъ Государю; онъ приказалъ многое выбросить. Какъ скоро поспѣетъ моя операція, представлю вамъ статью въ обоихъ видахъ[1]).

Жуковскій.

2.

[Конецъ февраля-мартъ 1837 г. Петербургъ.].

Удивляюсь рѣшенію Цензурнаго комитета; не пропускать сочиненія Карамзина по тому только, что оно при немъ не было напечатано! Чтожъ ето за поводъ къ запрещенію? Подаю эту піесу на разсмотрѣніе Цензуры я, для напечатанія въ Современникѣ, въ тѣхъ мысляхъ что написанное Карамзинымъ будетъ имѣть много привлекательнаго для читателей Современника? Дѣло Цензуры пропустить то что пропустить можно, и вымарать то, чего она пропустить неможетъ. Ей и знать не льзя и не нужно, отъ куда взята представляемая мною піеса; ея дѣло только смотрѣть на то, — можно ли ее пропустить или нѣтъ. Пушкинъ ее уже представлялъ. Я все то выбросилъ, что было отмечено и Цензура можетъ быть теперь довольна. Да я и самъ бы не за что не захотѣлъ напечатать что нибудь такое, что кого бы то ни было могло бы ввести въ отвѣтственность. Прошу васъ убѣдительно, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичь, приказать пересмотрѣть піесу въ томъ видѣ въ какомъ она теперь представляется. Будетъ совершенная несправедливость не позволять ее только для того что она Карамзина и еще не напечатана. Я васъ увѣряю что послѣ тѣхъ изключеній которыя сдѣланы

---

1) Статья Жуковскаго „Послѣднія минуты Пушкина“, въ которую вошло письмо его къ С. Л. Пушкину отъ *15-го февраля 1837 г.*, напечатана въ „Современникѣ,“ № 1-й 1837 г., стр. I — XVIII; ею открывается этотъ посмертный № Пушкинскаго журнала.

мною, все въ ней пропущено быть можетъ. Пускай выкинутъ все то что найдутъ нужнымъ; пускай если угодно и не говорится что она писана для Е. Павловны[1]). Можно поставить слѣдующее заглавіе: *Отрывокъ изъ рукописи, найденной по смерти Карамзина.* Прошу у васъ защиты и справедливости.

Вашъ

Жуковскій.

1) По словамъ Пушкина, передававшаго разсказъ А. С. Шишкова, Карамзинъ написалъ свою Записку „по вызову“ великой княгини Екатерины Павловны, жены герцога Георга Ольденбургскаго (статья „Россійская Академія“ — въ „Современникѣ“ 1836 г., т. II, стр. 13 и Соч., изд. подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, С.-Пб. 1905, стр. 96).

Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки.

Пушкинская литература давно уже не обогащалась столь цѣннымъ открытіемъ, какъ письмо поэта къ Василію Петровичу Зубкову (отъ 1-го декабря 1826 г.), найденное въ бумагахъ Б. Н. Чичерина и обнародованное А. Ѳ. Кони сперва въ „Журналѣ для всѣхъ“ (1905 г., № 1), а затѣмъ — въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (1905 г., т. X, кн. 1 и отд. отт.). Письмо это, заключающее въ себѣ любопытныя подробности біографіи поэта, яснѣе рисующее мало извѣстный эпизодъ его увлеченія Софьей Ѳедоровной Пушкиной и содержащее драгоцѣнную автохарактеристику, — уже знакомо, такимъ образомъ, всѣмъ почитателямъ великаго поэта. Публикуя это замѣчательное письмо и говоря о Зубковѣ и его привлеченіи къ дѣлу декабристовъ, А. Ѳ. Кони писалъ: „Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныя. Онѣ исполнены историческаго и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ Слѣдственной Коммиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени“.... Печатая ниже эти записки, мы предпосылаемъ имъ очеркъ жизни ихъ автора, насколько удалось обрисовать его по печатнымъ и другимъ источникамъ. Возможностью обнародовать записки мы обязаны просвѣщенному вниманію члена

Василій Петровичъ
ЗУБКОВЪ.

Main

Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина и Секретаря Пушкинскаго Лицейскаго Общества — Павла Евгеньевича Рейнбота, который получилъ ихъ отъ камергера В. В. Евреинова, родного внука В. П. Зубкова (по матери своей — Ольгѣ Васильевнѣ); считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность В. В. Евреинову и П. Е. Рейнботу за разрѣшеніе опубликовать эти любопытныя Записки.

Отецъ Василія Петровича Зубкова — Петръ Абрамовичъ[1])—родился 14-го іюня 1762 года; 17-ти лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, находился адъютантомъ въ штабѣ генералъ-поручика А. Ѳ. Уварова и въ 1790 г., 8-го марта, вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; 20-ти лѣтъ отъ роду онъ женился, въ 1782 г., на 13-ти лѣтней дѣвушкѣ — Марьѣ Михайловнѣ Шапошниковой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра, бывшаго впослѣдствіи въ военной службѣ, и Абрама, также сперва военнаго (до 1816 г.), а затѣмъ служившаго (1834) по выборамъ дворянства депутатомъ Дмитровскаго уѣзда[2]). Потерявъ жену, скончавшуюся 14-го мая 1796 года, Петръ Абрамовичъ женился вторично—на Натальѣ Петровнѣ Евреиновой (род. 16-го апрѣля 1775 † 5-го іюня 1845), внучкѣ того Якова Матвѣевича Евреинова, который при Петрѣ Великомъ былъ Русскимъ консуломъ въ Кадиксѣ, а затѣмъ — Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи и умеръ 24-го октября 1772 года. Отъ этого брака и родился въ Москвѣ 14-го мая 1799 года Василій Петровичъ Зубковъ [3]). Отца своего онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ (Петръ Абрамовичъ умеръ въ Москвѣ 4-го января 1804 г.) и остался, вмѣстѣ съ братомъ, подъ опекой своей матери, ея брата — Дмитрія Петровича Евреинова и дяди своего — бригадира Ивана Алексѣевича Булгакова, который былъ женатъ на сестрѣ его отца — Аннѣ Абрамовнѣ Зубковой (ум. 2-го декабря 1846 г.).

---

1) Сынъ прапорщика Абрама Васильевича отъ брака его съ Авдотьей Андреевной Бабушкиной (род. 1749 † 1797).

2) Онъ род. 4-го ноября 1791 † 8-го апрѣля 1856 г.; былъ женатъ, съ 6-го февраля 1821 г., въ Москвѣ, на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

3) По надгробной надписи Василій Петровичъ родился 14-го мая 1800 г.; но мы беремъ 1799 годъ, указанный въ метрикѣ его рожденія, находящейся въ дѣлѣ Архива Департамента Герольдіи, откуда заимствованы и другія свѣдѣнія о семьѣ Зубковыхъ; см. также Записки М. М. Евреинова въ „Русск. Архивѣ“ 1891 г., кн. II, стр. 405—412.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ Василій Петровичъ уже записанъ былъ въ службу — ученикомъ въ Архитектурную школу Экспедиціи Московскаго Кремлевскаго строенія (27-го мая 1807 г.) и хотя, вѣроятно, обязанностей никакихъ не несъ, а учился дома, тѣмъ не менѣе, получилъ, 22-го марта 1809 г., то-есть, на десятомъ году, званіе канцеляриста, а 20-го февраля 1811 года — чинъ коллежскаго регистратора, послѣ чего, къ новому 1815 году произведенъ былъ въ губернскіе секретари. Несмотря на такое „блестящее" начало служебной карьеры, о которой, конечно, заботились его опекуны, Зубковъ 22-го декабря 1815 г. уволился отъ службы въ Экспедиціи и 29-го декабря поступилъ въ только что открытое, но уже извѣстное и модное Московское Учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное Н. Н. Муравьевымъ. Василій Петровичъ вошелъ въ число слушателей второго курса этого Училища. 26-го ноября 1817 г. онъ былъ произведенъ, по экзамену, въ прапорщики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ были выпущены, между прочимъ: извѣстный писатель и археологъ А. Ѳ. Вельтманъ, П. А. Тучковъ — впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ — и другія лица, съ которыми Зубковъ и впослѣдствіи поддерживалъ дружескія отношенія [1]). Сохранилось показаніе Зубкова, данное имъ въ 1826 г., что въ 1817 (или 1818) году ему было предлагаемо (кн. Ѳед. Петр. Шаховскимъ) вступить въ тайное литературное общество, коего названіе ему неизвѣстно, но у коего былъ писанный уставъ. „Цѣль его, говоритъ онъ, кажется, заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на Русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ"; но Зубковъ, какъ показалъ онъ на допросѣ, въ это общество не вступилъ [2]).

Получивъ, въ сентябрѣ 1819 г., чинъ подпоручика, Василій Петровичъ 11-го декабря того-же года вышелъ изъ службы

---

1) Формулярный списокъ; Н. В. Путята, Ген.-м. Н. Н. Муравьевъ, С-Пб. 1852, стр. 13-14, 33, 34; Д. Кропотовъ, Жизнь графа Н. Н. Муравьева, С-Пб. 1874, стр. 407.

2) См. ниже, въ Запискахъ, и показаніе Зубкова въ дѣлѣ о немъ въ Государственномъ Архивѣ, л. 1.

по квартирмейстерской части [1]) и около двухъ лѣтъ провелъ въ отставкѣ, воспользовавшись этимъ временемъ, между прочимъ, для поѣздки за-границу. О путешествіи этомъ намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что въ январѣ 1821 года онъ былъ въ Парижѣ [2]) и что вернулся оттуда, „прельщенный французскимъ судопроизводствомъ и краснорѣчивыми выраженіями нѣкоторыхъ депутатовъ“ [3]), которыхъ онъ слушалъ въ Камерѣ; что онъ ознакомился съ судомъ присяжныхъ, о которомъ тогда въ Россіи еще и говорить запрещалось, и что за границей и по возвращеніи оттуда онъ увлекался изученіемъ сочиненій Делольма, Сея, Сисмонди и другихъ политическихъ писателей. Въ 1820 или 1821 г. онъ въ Петербургѣ вступилъ членомъ въ масонскую ложу „Соединенныхъ Славянъ“; „цѣль ея, по словамъ Зубкова, была благотворительность и усовершеніе нравственности, а средства къ достиженію сей цѣли — произвольныя денежныя пожертвованія и чтеніе въ ложѣ поучительныхъ нравственныхъ рѣчей“; изъ ложи этой, въ которой онъ, по собственнымъ словамъ, дошелъ до высокихъ степеней, онъ вышелъ въ 1822 году, когда всѣ масонскія братства были закрыты по распоряженію правительства.

Возвратившись на родину съ запасомъ новыхъ и живыхъ впечатлѣній, Зубковъ не могъ равнодушно, какъ прежде, смотрѣть на окружающую его дѣйствительность: сравненіе видѣннаго имъ на Западѣ съ отечественными порядками производилось невольно и волновало молодого человѣка. Необходимость найти себѣ единомышленниковъ заставляла его искать подходящихъ знакомствъ и пріобрѣтать друзей среди представителей мыслящей молодежи. Еще въ 1820 году онъ познакомился съ Сергѣемъ Николаевичемъ Кашкинымъ, только-что бросившимъ службу въ л.-гв. Павловскомъ полку, гдѣ онъ служилъ и жилъ со своимъ двоюроднымъ братомъ — кн. Е. П. Оболенскимъ (декабристомъ); знакомство это вскорѣ перешло въ тѣсное дружество на почвѣ общихъ умственныхъ интересовъ. По возвращеніи изъ-за границы, Зубковъ въ 1822 году

---

1) Формуляръ и „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.“, т. 73, стр 151.

2) Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо къ Зубкову его матери, писанное въ Парижъ изъ Москвы 10-го января 1821 г., подвергшееся перлюстраціи; оно напечатано въ отрывкѣ въ „Русск. Стар.“ 1882 г., т. 33, стр. 275.

3) Госуд. Архивъ, дѣло Зубкова, л. 4 об.

познакомился и сдружился съ Павломъ Ивановичемъ Колошинымъ, который, какъ и старшій братъ его Петръ Ивановичъ (съ августа 1817 года бывшій преподавателемъ въ Муравьевской Школѣ колонновожатыхъ), былъ членомъ Союза Благоденствія; сошелся онъ съ Борисомъ Карловичемъ Данзасомъ, незадолго передъ тѣмъ (26-го апрѣля 1821 г.) назначеннымъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору князю Д. В. Голицыну, а въ ноябрѣ 1822 г. опредѣлившимся въ совѣтники Московскаго Губернскаго Правленія; наконецъ, съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, другомъ Пушкина, недавно лишь промѣнявшимъ мундиръ гвардейскаго артиллериста на скромную должность жреца Ѳемиды сперва въ роли члена С.-Петербургской Уголовной Палаты, а затѣмъ — судьи 1-го Департамента Московскаго Надворнаго Суда, въ который вскорѣ (3-го ноября 1824 г.) поступилъ засѣдателемъ С. Н. Кашкинъ. Зубкову рекомендовали Пущина, „какъ веселаго, благороднаго, добраго и честнаго человѣка“, — и онъ не замедлилъ съ нимъ сойтись, ведя съ нимъ бесѣды на общественныя темы. „Отъ Пущина я слыхалъ,“ говорилъ Зубковъ въ своемъ показаніи Коммиссіи, много жалобъ на уголовное судопроизводство; онъ говаривалъ о томъ, что хорошо-бы, еслибъ крестьяне были свободны“ [1]). Къ этому кружку друзей вскорѣ присоединились: Александръ Павловичъ Бакунинъ, Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ, — оба состоявшіе при Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, совѣтникъ Московскаго Губернскаго Правленія, и князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, служившій также при князѣ Д. В. Голицынѣ.

Самъ Зубковъ, по возвращеніи изъ-за границы причислившійся къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (27-го сентября 1821г.), а затѣмъ (28-го іюля 1822 г.) — къ Московскому ея Архиву, 22-го марта 1823 г. былъ „отряженъ“ къ Московскому Генералъ-Губернатору кн. Д. В. Голицыну, при которомъ, какъ мы видѣли, служила большая часть его пріятелей. Выборъ послѣдней службы нельзя приписать простому случаю; извѣстно, какими побужденіями руководствовался Пущинъ, переходя на невидныя должности члена Уголовной Палаты и судьи Надворнаго Суда, и какъ удивлялись его поступку представители и пред-

1) Госуд. Арх., дѣло Зубкова, л. 4 об.

Mod

В. П. Зубковъ. (сидитъ). Б. К. Данзасъ. (сидитъ). И. Н. Горсткинъ. (стоитъ). И. И. Пущинъ. (сидитъ).

ставительницы Петербургскаго и Московскаго большого „совѣта", къ которому принадлежалъ Пущинъ: въ дѣйствіяхъ кружка друзей замѣтна общая идея, общее желаніе своимъ личнымъ примѣромъ и образомъ дѣйствій споспѣшествовать, съ одной стороны, торжеству правосудія, а съ другой — препятствовать проявленію мрачныхъ сторонъ современнаго имъ чиновничества; въ этомъ состояла ихъ программа (входившая въ программу активной борьбы декабристовъ) и, само собою разумѣется, она могла казаться подозрительною представителямъ старыхъ порядковъ. Вскорѣ Зубковъ получилъ еще большую возможность проводить въ жизнь идеи, одушевлявшія его и его друзей: 6-го августа 1824 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ во 2-й Департаментъ Московской Палаты Гражданскаго Суда, когда мѣсто это очистилось за уходомъ съ него Павла Ивановича Колошина.

Въ 1825 году, по предложенію Зубкова, кружокъ друзей заказалъ художнику общую группу, которую они и налитографировали въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. На ней были, сдѣланные Д. М. Соболевскимъ, портреты: самого Зубкова, И. И. Пущина, П. И. Колошина, А. П. Бакунина, Б. К. Данзаса, И. Н. Горсткина и князя П. Д. Черкасскаго[1]). Когда нѣкоторые изъ членовъ этого дружескаго общества были арестованы и увезены въ Петербургъ, въ Москвѣ вспомнили про эту группу и, припомнивъ „подозрительное" поведеніе пріятелей въ служебныхъ дѣйствіяхъ, стали разсказывать о нихъ разныя небылицы[2]). Такъ, типичный представитель сплетницы-Москвы, А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ брату Константину отъ 22-го декабря 1825 г., сообщалъ по поводу событій 14-го декабря: „Отсюда попался тоже къ негодямъ Петер-

1) У Т. Б. Сѣмечкиной сохранилась акварельная группа, на которой, между прочимъ, находятся портреты ея отца—Б. К. Данзаса и В. П. Зубкова; группа эта была на Пушкинской Юбилейной выставкѣ въ Академіи Наукъ въ 1899 г. (см. Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки, подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, М. 1899, каталогъ, № 309), при чемъ, со словъ Т. Б. Сѣмечкиной, была неправильно названа группой Лицеистовъ II выпуска (В. П. Зубковъ, напр.,въ Лицеѣ не воспитывался). Предполагая, что эта группа именно та, о которой говоритъ Зубковъ, прилагаемъ ее къ настоящему изданію по фотографіи, любезно доставленной намъ Т. Б. Сѣмечкиной.

2) См. ниже, въ запискахъ Зубкова.

бургскимъ молодой Пущинъ, служащій при князѣ [Д. В. Голицынѣ], коего увѣрили, что отецъ его боленъ при смерти, а потому князь и не могъ ему отказать ѣхать въ Петербургъ. За дѣломъ поѣхалъ! У этого Пущина есть здѣсь пріятели. *Они составили такъ называемое братство Семиугольной Звѣзды*, — глупости, кои теперь всѣхъ ихъ могутъ компрометтировать. Тутъ Данзасъ, Колошинъ, князь Черкасскій, Кашкинъ, Зубковъ, Пущинъ, — не помню седьмого. Эти молодцы всѣ занимаютъ здѣсь мѣста при князѣ, коего могутъ компрометтировать“ [1]).

Несмотря, однако, на тѣсную связь между собою названныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ такой убѣжденный и ревностный членъ тайнаго общества, какъ И. И. Пущинъ, союзъ ихъ не имѣлъ никакой узко-политической подкладки и цѣлей. Быть можетъ Пущинъ и попытался бы впослѣдствіи привлечь своихъ сослуживцевъ и друзей въ составъ тайнаго общества, но, въ моментъ своего ареста, ни Зубковъ, ни другіе его пріятели не были посвящены въ ближайшія намѣренія и задачи декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, 9-го января 1826 г. Зубковъ былъ арестованъ, былъ отправленъ, на фельдъегерскихъ лошадяхъ, въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ провелъ 12 дней въ томительномъ одиночномъ заключеніи, о которомъ такъ подробно разсказываетъ въ печатаемыхъ ниже Запискахъ.

Изъ дѣлъ Слѣдственной о декабристахъ Комиссіи, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, видно, что поводомъ къ арестованію Зубкова послужили слова барона В. И. Штейнгеля, который въ первомъ показаніи своемъ написалъ, что зналъ о близкихъ сношеніяхъ въ Москвѣ Пущина съ Зубковымъ, Данзасомъ и Пав. И. Колошинымъ (у коего жилъ тогда Пущинъ). Кромѣ того, уже послѣ ареста Зубкова, въ пользу его прикосновенности къ дѣлу, могли служить, въ глазахъ Комиссіи, указанія С. Н. Кашкина, Петра А. Муханова и князя Е. П. Оболенскаго, — указанія столь-же неопредѣленныя, какъ и слова барона Штейнгеля. Кашкинъ, отвѣчая на запросъ Комиссіи по поводу письма И. И. Пущина къ С. М. Семенову, полученнаго послѣднимъ въ Москвѣ, писалъ 24-го января: „Г. Семеновъ не показывалъ мнѣ письма г. Пущина, но

1) „Русск. Арх.“ 1901, кн. II, стр. 283.

говорилъ о содержаніи 16-го декабря, по вечеру, между тѣмъ какъ я по утру, бывъ на Дворянскихъ выборахъ, слышалъ объ ужасномъ происшествіи [бунтѣ]. Онъ говорилъ въ домѣ Совѣтника Гражданской Палаты г. Зубкова, въ присутствіи хозяина. Осмѣлюсь просить покорнѣйше, чтобы мои слова не навлекли непріятности г. Зубкову, о которомъ, зная его весьма коротко, я совершенно убѣжденъ, что онъ никогда къ обществу не принадлежалъ. Притомъ же, онъ одержимъ болѣзнію“ [1]). П. А. Мухановъ сказалъ еще менѣе, выразившись, что о принадлежности Зубкова къ Обществу онъ заключилъ лишь изъ факта его арестованія въ Москвѣ. [2]) Кн. Е. П. Оболенскій, приводя весьма длинный списокъ лицъ, прикосновенныхъ, въ большей или меньшей степени, къ Обществу, писалъ противъ именъ Пав. Ив. Колошина, Ив. Ник. Горсткина и Зубкова: „Всѣ сіи члены женаты, а потому принадлежатъ къ Обществу единственно по прежнимъ связямъ. Кругъ ихъ дѣйствій вообще былъ: распространеніе просвѣщенія введеніемъ школъ въ деревняхъ, улучшеніе состоянія крестьянъ, частное освобожденіе оныхъ по возможности, постепенное взиманіе доходовъ не съ лицъ, но съ земли и уменьшеніе дворовыхъ людей.“ [3])

Подобныя первымъ тремъ неопредѣленныя указанія, конечно, не могли дать Коммиссіи достаточныхъ поводовъ къ осужденію Зубкова, и она уже 14-го января постановила просить о его освобожденіи, но Императоръ написалъ на докладѣ „повременить“ и только послѣ вторичнаго доклада, 20-го января постановилъ: „выпустить съ аттестатомъ“. Послѣдній, однако, окончательно былъ врученъ Зубкову лишь послѣ того, какъ было заслушано и обсуждено въ Коммиссіи приведенное выше показаніе князя Оболенскаго, изъ-за котораго Зубковъ, наканунѣ выпущенный изъ крѣпости, едва не былъ посаженъ въ нее вторично. Снабженный аттестатомъ, онъ, однако, попалъ въ находившійся всегда подъ руками императора Николая I, составленный въ 1827 году, „Алфавитъ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ Обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высоч. учрежденною 17-го декабря

1) Госуд. Арх., разр. I В, д. № 64.
2) ib., д. № 356.
3) ib., дѣло № 335.

1825 г. Слѣдственною Коммиссіею“ [1]). Въ Алфавитѣ этомъ Императоръ Николай наводилъ справки всякій разъ, какъ ему попадалась по какому-нибудь случаю знакомая по дѣлу о декабристахъ ненавистная фамилія. О Зубковѣ здѣсь, на страницахъ 257—258-й, читается слѣдующее: „Былъ взятъ по показанію Штейнгеля, что имѣлъ частыя сношенія съ Пущинымъ и другими членами. Но по изслѣдованію Коммиссіи оказался не принадлежавшимъ къ Обществу и не знавшимъ о существованіи онаго. — Содержался въ крѣпости съ 12-го января. По Высочайшему повелѣнію въ слѣдствіе доклада Коммиссіи 20-го января освобожденъ съ аттестатомъ.“

Показанія Зубкова, приведенныя имъ въ своихъ „Запискахъ“, почти дословно сходятся съ подлинными документами, находящимися въ дѣлѣ его въ Государственномъ Архивѣ. Въ нихъ онъ даетъ тѣ-же указанія на предложеніе, сдѣланное кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ въ 1817 или 1818 г., — вступить въ литературно-благотворительное общество, на участіе въ Масонскихъ ложахъ, на знакомства съ инкриминированными лицами. Въ первомъ письменномъ показаніи онъ говоритъ, однако, еще, что „слыхалъ о какомъ-то обществѣ Зеленой Лампы“, но не помнитъ, отъ кого [2]). Это, несомнѣнно, было именно то общество, которое извѣстно по участію въ немъ Пушкина [3]).

Изъ друзей Зубкова только одинъ Пущинъ, какъ настоящій членъ Общества, пострадалъ тяжко; другіе отдѣлались значительно легче: Кашкинъ поплатился высылкою въ Архангельскъ, Горсткинъ — въ Вятку, Колошинъ — въ деревню

---

1) Госуд. Арх., дѣла о декабристахъ, отд. I В. Въ Алфавитъ этотъ занесено 572 лица.

2) Гос. Арх., I В, д. Зубкова, № 197, л. 4.

3) Оно обратило на себя вниманіе Слѣдственной Коммиссіи, какъ видно изъ слѣдующей записи въ „Алфавитѣ“ противъ имени камеръ юнкера Никиты Всеволодовича Всеволожскаго, „основателя“ Зеленой Лампы: „По указанію князя Трубецкаго, Бурцова, Пестеля, Всеволожскій былъ учредителемъ Общества Зеленой Лампы, которому названіе сіе дано отъ лампы, висѣвшей въ залѣ его дома, гдѣ собирались члены, коими (по словамъ Трубецкаго) были: Толстой, Дельвигъ, Родзянка, Барковъ и Улыбашевъ. По изысканію Коммиссіи, оказалось, что предметомъ сего Общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Коммиссія, видя, что общество сіе не имѣло никакой политической цѣли, оставила оное безъ вниманія“.

съ запрещеніемъ вступать въ службу, Данзасъ высидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ; остальные не попали даже въ „Алфавитъ“, т. е. даже вовсе не привлекались къ слѣдствію.

Тягость заключенія въ крѣпости усугублялась для Зубкова еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время онъ имѣлъ уже свою семью: въ 1823 г. онъ женился на Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной.

Анна Ѳедоровна была третьею изъ четырехъ дочерей Ѳедора Алексѣевича Пушкина отъ брака его съ княжною Марьей Ивановной Оболенской и родилась 25-го іюля 1803 г. Она лишилась отца въ раннемъ дѣтствѣ; Ѳедоръ Алексѣевичъ (родной дядя извѣстнаго остряка и театрала Алексѣя Михайловича Пушкина) служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1800 г. былъ Калужскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ въ 1801 — 1803 г., въ чинѣ д. с. совѣтника, былъ губернаторомъ въ Воронежѣ и, выйдя въ отставку, скончался 22-го ноября 1810 г., оставивъ женѣ очень скромное состояніе и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ сынъ Иванъ въ 1812 г. былъ принятъ въ Пажескій Корпусъ. Семья поселилась въ Москвѣ, около которой у нея было, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, небольшое имѣніе — с. Семеновское. Жить съ подроставшими дочерьми Марьѣ Ивановнѣ было трудно: ей приходилось, что называется, „тянуться“, поддерживая тонъ высшаго общества, къ которому она съ семьей принадлежала; въ 1814 году она уже вывозила двухъ старшихъ дочерей — Екатерину и Елизавету. Такъ, 12-го января 1814 г. Марья Аполлоновна Волкова сообщала своей пріятельницѣ В. И. Ланской: „Нынѣшній годъ очень много начинающихъ выѣзжать въ свѣтъ: двѣ дѣвицы Алмазовы[1]), прелесть какія хорошенькія, Пушкина [Елизавета], младшая сестра нашей красавицы [Екатерины], княжна Оболенская, дочь князя Андрея“[2])... Старшую дочь Марьѣ Ивановнѣ удалось скоро пристроить: Екатерина Ѳедоровна въ іюлѣ того-же года вышла за-мужъ за Петра Дмитріевича Евреинова, двоюроднаго, по матери, брата В. П. Зубкова. Объ этомъ бракѣ находятся любопытныя подробности въ письмахъ той-же М. А. Волковой. „Вчера“, пишетъ она 1-го августа

1) За старшимъ братомъ ихъ, Николаемъ Петровичемъ, была за-мужемъ Авдотья Петровна Зубкова, мать поэта Б. Н. Алмазова, которому П. В. Зубковъ, такимъ образомъ, приходился роднымъ дядей.

2) „Вѣстн. Европы“ 1874 г., № 10, стр. 546.

1814 г., „я ужинала у вдовы Авраама [1]) и вернулась домой въ ужасномъ негодованіи, до сихъ поръ не могу успокоиться. Тебѣ извѣстно, что маленькая Пушкина вышла за Евреинова. Пріѣхавъ сюда, я узнала, что этотъ провинціалъ никогда не бывалъ въ Москвѣ и явился сюда лишь три мѣсяца тому назадъ, по смерти стараго отца; слѣдовательно, человѣкъ онъ не свѣтскій, но, повидимому, порядочный. У него тридцать тысячъ годового дохода. Онъ два раза сватался за Пушкину, сперва она отказала, потомъ, вѣроятно, подумавъ о грустномъ своемъ положеніи, рѣшилась выдти за него съ цѣлью обезпечить всю свою семью, начиная со старухи-матери. Кажется, въ этомъ поступкѣ ничего не должно быть смѣшного, особенно, для близкихъ ея родственниковъ. Имъ извѣстно, въ какихъ она была тонкихъ обстоятельствахъ, значитъ, скорѣе слѣдуетъ пожалѣть о ней, а не поднимать ее на смѣхъ. Она пожертвовала собой, выйдя за человѣка менѣе ея образованнаго и который не можетъ быть ей парой. Между тѣмъ, представь себѣ, что жена Авраама и ея прекрасный сынокъ весь вечеръ трунили надъ бѣдной женщиной, осмѣивая ея мужа и всю его родню, пріѣзжавшую на свадьбу. Насмѣшкамъ конца не было. Ѳедоръ Голицынъ, который не прочь посмѣяться надъ ближнимъ, принялъ участіе въ шуткахъ, и они хохотали на всю гостинную надъ жалкимъ замужествомъ племянницы хозяйки дома, съ которой обращались, какъ съ дочерью, три мѣсяца тому назадъ. Одна Гагарина молчала. Меня все это возмущало. Старушка, вдова Авраама, настоящая ехидна. Вяземскій [2]) называетъ ее „Сицилійской отравительницей,“ потому, что находитъ у нея сходство съ восковой куклой, изображавшей эту женщину. Вяземскій отчасти правъ: если старуха физически не отравляетъ людей, за то рѣчи ея пропитаны такимъ ядомъ, который никого не щадитъ.“ [3]) Черезъ нѣсколько писемъ она снова возвращается къ этому же эпизоду: „Мнѣ помнится,“ говоритъ она 29-го августа, что я писала тебѣ о свадьбѣ маленькой Пуш-

---

1) Такъ называетъ она Нат. Абр. Пушкину, вдову сосланнаго въ Сибирь Мих. Алексѣев. Пушкина и мать остряка и театрала Алексѣя Михайловича.

2) Кн. Петръ Андреевичъ, постоянный посѣтитель этой семьи Пушкиныхъ.

3) „Вѣстн. Европы“ 1874, № 12, стр. 640 — 641.

киной, которая выходитъ за молодого Евреинова, пріѣхавшаго сюда въ маѣ. Въ Москвѣ его никто не знаетъ, потому что онъ живетъ въ провинціи. Онъ увидалъ Пушкину у обѣдни, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, влюбился въ нее сразу, нашелъ способъ познакомиться съ ея матерью, сдѣлалъ предложеніе и женился. Все это устроилось очень быстро: когда я ѣхала въ деревню [1]), еще не слышно было объ этой свадьбѣ, а черезъ мѣсяцъ объявили, что Пушкина выходитъ за-мужъ. Бѣдной дѣвочкѣ нельзя было быть слишкомъ разборчивой: семья ея была рада-радехонька, что нашелся богатый женихъ, который можетъ обезпечить ее и сестеръ. Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ хорошее состояніе; но, какъ говорятъ, провинціалъ въ полномъ смыслѣ слова, что такъ потѣшаетъ вдову Пушкину и ея сынка, а по моему, слѣдуетъ пожалѣть о бѣдной дѣвочкѣ“ [2]).

Со второй дочерью М. И. Пушкиной, Елизаветой, не обошлось такъ благополучно. Когда матери ея уже, кажется, не было въ живыхъ [3]), Елизавета Ѳедоровна, жившая у своей тетки, Маріи Сергѣевны Каръ, рожд. княжны Хованской, влюбилась въ крѣпостного ея человѣка Алексѣя Александровича Штурманова, который, обладая музыкальными способностями, нерѣдко аккомпанировалъ на клавесинахъ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ; она бѣжала съ нимъ изъ дома тетки въ сентябрѣ 1816 г., обвѣнчалась и въ 1817 г. жила въ Калугѣ. Кн. П. А. Вяземскій принялъ участіе въ судьбѣ этой четы и, между прочимъ, черезъ А. И. Тургенева, продалъ для Петербургской сцены сдѣланный Алексѣемъ Михайловичемъ Пушкинымъ переводъ комедіи Реньяра „Игрокъ“ [4]). Романическая исторія Штурмановыхъ надѣлала въ Москвѣ большого шума; Е. Ѳ. Евреинова звала къ себѣ сестру, обѣщая „забыть ея поступокъ, если она согласится оставить мужа, но она не поддается обѣщаніямъ лестнымъ, терпитъ нужду и клятвѣ сердца не измѣняетъ“ [5]).

---

1) Въ концѣ мая.

2) „Вѣстн. Европы“ 1874 г., № 12 стр. 643 — 644.

3) Въ ноябрѣ 1815 г. она, однако, еще была воспріемницей своей внучки Софьи Петр. Евреиновой.

4) „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 55, 73 — 74.

5) Письмо Вяземскаго къ Тургеневу 29-го іюля 1817 г. — „Ост. Арх.“, т. I, стр. 76 — 77. Нѣкоторыя подробности объ этомъ происшествіи даетъ

По смерти М. И. Пушкиной, двухъ младшихъ ея дочерей— Анну Ѳедоровну (р. 1803) и Софью Ѳедоровну (р. 1806) взяла къ себѣ на воспитаніе Екатерина Владиміровна Апраксина, жена извѣстнаго въ Москвѣ своимъ широкимъ и открытымъ образомъ жизни Степана Степановича Апраксина и родная сестра князя Д. В. Голицына, Московскаго военнаго генералъ-губернатора. Апраксина, у которой было двѣ дочери,[1]) и раньше брала къ себѣ въ домъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывала и выдавала за-мужъ; сироты-Пушкины „были послѣднія изъ молодыхъ дѣвицъ, воспитывавшихся у Апраксиной.“[2]) Анна Ѳедоровна Пушкина, по словамъ Е. П. Яньковой, „была стройна и высока ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными, какъ смоль, глазами и была очень умная и милая дѣвушка.“[3]) Съ будущей женой своей Зубковъ, безъ сомнѣнія, познакомился въ домѣ своего двоюроднаго брата Петра Дмитріевича Евреинова (ум. въ іюнѣ 1824 г.), за которымъ, какъ мы говорили, была старшая сестра ея — Екатерина Ѳедоровна. Въ концѣ 1822 года Василій Петровичъ былъ уже женихомъ Анны Ѳедоровны, которой къ этому времени только что исполнилось 19 лѣтъ. Сообщая о Московскихъ новостяхъ, А. Я. Булгаковъ писалъ

Ф. Кристинъ въ письмѣ къ княжнѣ В. Н. Туркестановой изъ Москвы, отъ 30-го сентября 1816 г. („Русск. Арх.“ 1882, кн. III, прил., стр. 412 — 418). Кристинъ ошибочно называетъ здѣсь Елизавету Ѳед. Пушкину Екатериной.

1) Одна изъ нихъ была уже за-мужемъ (за кн. А. Л. Щербатовымъ), а другая, Наталья, только въ 1821 г. вышла за кн. С. С. Голицына.

2) Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 462.

3) Въ „Разсказахъ Бабушки“ (С-Пб. 1885, стр. 461 — 462) эти слова отнесены къ Софьѣ Ѳедоровнѣ. Мы рѣшаемся переставить сдѣланныя Яньковой характеристики сестеръ по слѣдующемъ соображеніемъ: 1) Софья Ѳедоровна была младшая сестра Анны Ѳедоровны, а не старшая, какъ говоритъ Е. П. Янькова, которой память легко могла измѣнить; 2) Н. А. Муханова въ современномъ событіямъ письмѣ (см. ниже) называетъ именно Софью Ѳедоровну „крошкой Пушкиной“, а это слово, никакъ не подходя къ понятію „стройной и высокой ростомъ“, прекрасно соотвѣтствуетъ словамъ, опредѣляющимъ Софью Ѳедоровну, какъ „маленькую и субтильную блондинку, точно саксонская куколка“. Память, сохранивъ въ Яньковой воспоминаніе о внѣшности обѣихъ сестеръ, повидимому весьма различныхъ по наружности и характерамъ, легко могла измѣнить старушкѣ, когда она припоминала, которая изъ сестеръ за кѣмъ именно была за мужемъ.

своему брату 18-го декабря 1822 г., что онъ былъ у Сонцова (дяди поэта Пушкина) и „видѣлъ тутъ двухъ невѣстъ: княжну Голицыну[1]) и Пушкину; обѣ живутъ у Катерины Владиміровны Апраксиной. Первая выходитъ за Ухтомскаго, а вторая, бѣдная очень дѣвушка, имѣла счастье понравиться молодому пригожему Зубкову, имѣющему 1500 душъ[2]); видно, было написано на небѣ; а Варенька Пушкина и многія другія сидятъ въ дѣвкахъ, оттого что слишкомъ разборчивы, и кончаютъ все старыми сенаторами“[3]).

Свадьба Зубковыхъ состоялась въ 1823 году; жизнь молодыхъ потекла спокойно;[4]) мужъ занятъ былъ службой, а досуги дѣлилъ между занятіями естественной исторіей, къ которой уже въ это время питалъ большую склонность, свѣтскими развлеченіями и бесѣдами въ кругу друзей на темы общественнаго характера, и только арестъ и послѣдовавшее за нимъ время томительнаго заключенія въ крѣпости выбили супруговъ изъ обыденной колеи. Вернувшись въ Москву оправданнымъ и чистымъ отъ подозрѣній въ неблагонамѣренности, Зубковъ, однако, скоро (14-го октября 1826 г.) вышелъ въ отставку изъ Гражданской Палаты, гдѣ прослужилъ два съ лишнимъ года.

Къ сентябрю — октябрю 1826 г. относится знакомство Зубкова съ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ въ Москву изъ Михайловскаго по вызову императора Николая. Знакомство ихъ могло состояться у Веневитиновыхъ, у С. А. Соболевскаго, Погодина, Мухановыхъ, князя П. А. Вяземскаго, съ которыми былъ знакомъ Зубковъ, или, наконецъ, въ одной изъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, куда въ это время такъ старались заманивать Пушкина, и гдѣ онъ охотно бывалъ, вы-

---

1) Марія Дмитріевна, дальняя родственница Е. В. Апраксиной, рожд. кн. Голицыной; она вышла за-мужъ за князя Александра Ивановича Ухтомскаго.

2) У Зубкова были имѣнія въ Любимскомъ и Даниловскомъ уѣздахъ Ярославской губ. и въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ.

3) „Русск. Арх.“ 1901, кн. I, стр. 46.

4) Е. П. Янькова говоритъ, что В. П. Зубковъ купилъ около этого-же времени „домъ у гр. Агр. Степ. Толстой, въ Большомъ Толстовскомъ переулкѣ, между Смоленскимъ Рынкомъ и Спасо-Песковскою площадью, домъ деревянный, одноэтажный, предлинный по улицѣ“ („Разсказы Бабушки“, С.-Пб. 1885). Не здѣсь-ли и бывалъ у Зубкова Пушкинъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1826 года?

рвавшись изъ своего заточенія. Въ это же время и Пушкинъ сталъ бывать у Зубкова, къ которому его заранѣе располагала ихъ общая дружба съ Пущинымъ; здѣсь, по свидѣтельству, П. И. Бартенева, Пушкинъ „проводилъ безпрестанно время“ [1]); онъ близко сошелся съ Зубковымъ, вскорѣ былъ съ нимъ уже „на ты“ [2]) и въ домѣ его познакомился съ его свояченицей Софьей Ѳедоровной Пушкиной [3]). Знакомство Пушкина съ Софьей Ѳедоровной, произведшей на него такое сильное впечатлѣніе, состоялось между 8-мъ сентября и началомъ ноября: уже 9-го ноября, сообщая о своемъ скоромъ возвращеніи въ Москву, онъ писалъ князю Вяземскому: „Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у Васъ къ 1-му: она велѣла.“ Судя по письму Пушкина къ Зубкову, въ которомъ онъ пишетъ, говоря о Софьѣ Ѳедоровнѣ: „Я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь“, можно судить о неимовѣрной быстротѣ, съ которою возрастало его чувство къ красавицѣ; эпизодъ со сватовствомъ Пушкина произошелъ, вѣроятно, незадолго до отъѣзда его изъ Москвы. Ко времени второго пріѣзда туда, во второй половинѣ декабря (есть указаніе, что 22-го декабря онъ, въ квартирѣ Зубкова, написалъ свои стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“), нужно отнести окончательную неудачу Пушкина въ его сватовствѣ, на возможность которой Зубковъ, повидимому, указывалъ поэту въ недошедшихъ до насъ письмахъ своихъ (о нихъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Пушкинъ) и которую самъ поэтъ предчувствовалъ, говоря, въ письмѣ къ Соболевскому: „Твои догадки гадки, виды мои гладки“; и дѣйствительно, уже 8-го декабря,

---

1) „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 393.

2) Въ замѣткахъ В. Ѳ. Щербакова о пребываніи Пушкина въ Москвѣ находится слѣдующая запись, относящаяся къ марту 1827 г.: „Въ субботу на Тверскомъ я въ первый разъ увидѣлъ Пушкина; онъ туда пришелъ съ Корсаковымъ, сѣлъ съ нѣсколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили совѣтники Гражданской Палаты Зубковъ и Данзасъ, онъ подбѣжалъ къ первому и сказавъ: „Что ты на меня не глядишь? Жить безъ тебя не могу“. Зубковъ поцѣловалъ его“. (Соч. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 111).

3) Въ январѣ 1826 г. Софья Ѳедоровна съ Е. В. Апраксиной, какъ видно изъ Записокъ Зубкова, была въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ Василій Петровичъ (см. ниже).

какъ увидимъ ниже, по Москвѣ говорили объ имѣющей состояться свадьбѣ С. Ѳ. Пушкиной съ В. А. Панинымъ.

Весьма вѣроятно предположеніе А. Ѳ. Кони, что именно о С. Ѳ. Пушкиной говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ:

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей (грустію) думою питать....

Тѣмъ болѣе вѣроятно это предположеніе, — вопреки утвержденію Анненкова, будто оно обращено къ Плещееву или Кюхельбекеру (который въ это время былъ уже въ ссылкѣ), — что листокъ съ этимъ стихотвореніемъ, помѣченный 1-мъ ноября 1826 года (передъ отъѣздомъ поэта изъ Москвы), сохранился именно въ бумагахъ В. П. Зубкова, которому принадлежалъ, и отъ котораго, черезъ С. П. Колошина (сына его пріятеля — П. И. Колошина), въ 1866 году перешелъ въ Чертковскую Библіотеку [1]).

Въ стихотвореніи этомъ поэтъ упрекаетъ себя въ малодушіи передъ „зловѣщею думой," которою онъ „питаетъ безвременную (т. е. преждевременную) скуку," ожидая „въ унынье робкомъ" „неизбѣжную разлуку," т. е. отъѣзда своего изъ Москвы. Очевидно, въ это время онъ еще имѣлъ надежды на благосклонность и взаимность покорившей его сердце дѣвушки.

Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что и въ стихотвореніи „Зимняя дорога," написанномъ, вѣроятно, по пути изъ Михайловскаго въ Москву въ серединѣ декабря 1826 г., поэтъ, подъ именемъ Нины, разумѣетъ С. Ѳ. Пушкину, о свиданіи съ которой не переставалъ мечтать въ Михайловскомъ:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣрно кругъ свой совершитъ
И, докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

—

1) „Русск. Арх." 1866, ст. 1172 — 1178 и 1867 г., стр. 317.

Грустно, Нина; путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ...

Здѣсь, подъ поэтической дымкой, ясно проглядываетъ субъективное чувство поэта; настроеніе его, какъ нельзя больше, подходитъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени, въ которыхъ онъ тогда находился. Онъ мечтаетъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, къ которой ѣдетъ и которую „завтра“ увидитъ въ кругу „докучныхъ“ (для него) поклонниковъ (среди нихъ, вѣроятно, и Панина); онъ надѣется поговорить съ ней наединѣ, когда разъѣдутся гости, а до тѣхъ поръ будетъ, „забывшись у камина,“ смотрѣть на нее, „не наглядясь.“

Кто-же такая была С. Ѳ. Пушкина, внушившая поэту такое живое, горячее чувство? Къ сожалѣнію, мы знаемъ о ней очень немного. Она родилась 21-го апрѣля 1806 года и рано потеряла отца. По смерти матери, т. е., приблизительно, въ 1816 — 1817 г., ее, какъ и старшую сестру Анну (Зубкову), пріютила у себя Е. В. Апраксина, и въ ея великосвѣтскомъ домѣ она получила свое воспитаніе, также великосвѣтское. Про наружность ея мы знаемъ [1]), что она „была маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хоть не имѣла ни той поступи, ни осанки, какъ ея сестра....., но личикомъ была кажется, еще милѣе“.

Въ „Сынѣ Отечества“ за 1825 годъ (ч. 104, № 22, стр. 197 — 207) мы нашли описаніе „Праздника въ селѣ Городнѣ,“ бывшаго 26-го августа въ имѣніи матери Московскаго Генералъ-Губернатора, статсъ-дамы княгини Нат. Петр. Голицыной (извѣстной „Princesse Moustache“), въ 7-ми верстахъ отъ Калуги. Здѣсь, въ числѣ прочихъ свѣтскихъ барышень и кавалеровъ, принимала активное участіе и Софья Ѳедоровна, привезенная на праздникъ своею воспитательницею, Е. В. Апраксиной, дочерью „Princesse Moustache,“ и исполнившая передъ многочисленнымъ обществомъ гостей нѣсколько французскихъ и русскихъ куплетовъ, написанныхъ ad hoc Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ,

1) Со словъ Е. П. Яньковой, которыми мы пользуемся mutatis mutandis (см. выше, стр. 102).

А. И. Писаревымъ и М. М. Карніолиннымъ-Пинскимъ. Этотъ праздникъ живо рисуетъ намъ ту среду, въ которой вращалась въ это время С. Ѳ. Пушкина: это былъ высшій кругъ Московскаго свѣтскаго общества, въ которомъ Пушкина блистала своей красотой; такъ, Е. А. Сабанѣева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [1]) называетъ „Софи Пушкину“ въ числѣ первыхъ Московскихъ красавицъ середины 1820-хъ годовъ.

Къ предложенію поэта и его восторженному поклоненію Софья Ѳедоровна отнеслась, повидимому, равнодушно, да, по свойству своего „преживого и превеселаго нрава“, она врядъ-ли и могла серьезно отнестись къ чувству Пушкина, и въ ея къ нему отношеніи было простое кокетство (ср. фразу Пушкина: „Она велѣла“). Поэтому она и отдала предпочтеніе Валеріану Александровичу Панину. 8-го декабря 1826 г. Наталья Александровна Муханова писала сыну своему Александру Алексѣевичу: „Новости здѣшнія — интересныя свадьбы Офросимова Андрея на Катеринѣ Корсаковой [2]) и малютки Панина на крошкѣ Пушкиной“ [3]), — слѣдовательно, свадьба ихъ состоялась въ самомъ началѣ 1827 года.

Такъ окончился эпизодъ сватовства поэта, доселѣ мало извѣстный и освѣтившійся такъ ярко благодаря найденному А. Ѳ. Кони письму Пушкина къ Зубкову. Впрочемъ, это увлеченіе его было сильно, но не глубоко: извѣстно, что, почти одновременно, онъ увлекался, въ Москвѣ же, сперва Е. А. Тимашевой, а затѣмъ сестрами Ек. Ник. и Ел. Ник. Киселевыми. Между тѣмъ, слухъ о сватовствѣ Пушкина разнесся и дошелъ до его друзей: такъ, напр., Дельвигъ, писалъ ему въ серединѣ января 1827 г.: „Ты, слышу, хочешь жениться; благословляю, только привози сюда жену познакомиться съ моею.“

Что касается четы Паниныхъ, то намъ ничего почти неизвѣстно о дальнѣйшей ихъ жизни, кромѣ того, что въ 1847 г. Валеріанъ Александровичъ былъ.... смотрителемъ Московскаго Вдовьяго Дома; затѣмъ онъ состоялъ казначеемъ Россійскаго

---

1) „Истор. Вѣстн.“ 1900 г., т. LXXXII, № 12, стр. 810.

2) Екатерина Александровна, рожд. Римская-Корсакова; овдовѣвъ послѣ брака съ Офросимовымъ, она вышла за-мужъ за Александра Александровича Алябьева (Т. П. Пассекъ, Изъ дальнихъ лѣтъ, т. I, стр. 362).

3) Щукинскій Сборникъ, в. IV, М. 1905, стр. 161.

Общества Любителей Садоводства и скончался въ Москвѣ 8-го декабря 1880 г., на 78 году жизни (род. 27-го мая 1803 г.); Софья Ѳедоровна скончалась раньше его—27-го января 1862 г.; погребены они оба въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Возвратимся теперь къ В. П. Зубкову. Выйдя въ отставку, какъ мы сказали, въ 1826 году, онъ провелъ не у дѣлъ $2^1/_2$ года и только 6-го мая 1829 г. снова началъ служить, будучи назначенъ, по представленію князя Д. В. Голицына, совѣтникомъ во временную экспедицію 2-го Департамента Московской Палаты Уголовнаго Суда, учрежденную для производства дѣла о преданныхъ, по Высочайшему повелѣнію, суду Палаты разныхъ чиновникахъ Удѣльнаго и другихъ вѣдомствъ за злоупотребленія по удѣльнымъ имѣніямъ. Дѣло это заключало въ себѣ до 12000 листовъ и состояло изъ двухъ слѣдствій, при чемъ подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ дѣлу о злоупотребленіяхъ было болѣе тысячи человѣкъ. Выборъ Зубкова совѣтникомъ во временную экспедицію, учрежденную Комитетомъ Министровъ спеціально для разсмотрѣнія этого гигантскаго дѣла, по ходатайству князя Голицына, показываетъ, что послѣдній, зная Зубкова по прежней службѣ его въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, цѣнилъ его способности и служебную опытность [1]) и вообще продолжалъ относиться къ нему доброжелательно и съ довѣріемъ; Зубковъ бывалъ въ домѣ своего начальника, гдѣ въ 1830 г., 2-го января, на балѣ-маскарадѣ игралъ duc'a D'Elmar'a [2]); къ тому же году относятся нѣсколько упоминаній имени Зубкова: такъ, въ мартѣ, въ письмѣ изъ Москвы къ князю Вяземскому, Пушкинъ писалъ: „Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ—членъ Клуба“ [3]); въ августѣ говоритъ о свида-

---

1) Еще въ 1823 г. Зубковъ, по порученію князя Голицына, производилъ, между прочимъ, слѣдствіе о ссорѣ между городничимъ и городскимъ головою г. Вереи.

2) „Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 478.

3) Вѣроятно Англійскаго. Это послѣднее упоминаніе имени Зубкова въ перепискѣ Пушкина. Въ 1828 г. онъ поручалъ Соболевскому передать Василію Петровичу 250 р. (В. Я. Брюсовъ, Письма Пушкина и къ Пуш-

ніи съ нимъ М. П. Погодинъ, которому Зубковъ сообщалъ о пребываніи за-границей княгини З. А. Волконской [1]), а въ сентябрѣ князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ въ своей Записной книжкѣ, что, въ пріѣздъ свой въ Москву, онъ встрѣтилъ у Яра А. В. Веневитинова и Зубкова [2]); все это даетъ указанія на образъ жизни и кругъ знакомствъ Василія Петровича въ это время.

Появленіе въ 1830 году въ Москвѣ холеры открыло Зубкову новое поприще дѣятельности: съ 24-го сентября по 2-е ноября 1830 г. онъ былъ помощникомъ начальствовавшаго надъ Якиманскою частью сенатора Брозина и завѣдывалъ 2-мъ и 3-мъ ея кварталами, а 2-го ноября былъ назначенъ начальствующимъ надъ Ордынскою холерною больницей и энергично велъ борьбу противъ болѣзни до 19-го ноября 1831 г. По словамъ Погодина, принимавшаго горячее участіе въ дѣятельности холернаго комитета и находившаго, что другія, призванные на борьбу съ болѣзнью лица мало и плохо работали, „Зубковъ отличался въ Якиманской Больницѣ;“ онъ даже „завелъ особливую больницу въ части Якиманской“ [3]). Не довольствуясь практическою дѣятельностью, Зубковъ написалъ и издалъ книжку, касающуюся болѣзни, съ которой онъ боролся, а именно — „О незаразительности холеры. Наблюденія, сдѣланныя въ Москвѣ Васильемъ Зубковымъ“ (М., въ тип. А. Семена, 1831, 8°), съ гравированнымъ планомъ Якиманской части, бывшей въ его завѣдываніи. Въ книжкѣ этой, имѣющей 52 страницы и помѣченной, въ концѣ, 6-мъ января 1831 г., Зубковъ говоритъ о своихъ трудахъ по уходѣ за больными: онъ ежедневно посѣщалъ, одинъ или со своими сотрудниками —

кину, М. 1903, стр. 18). Разультатомъ посѣщеній поэтомъ Зубкова было то, что у послѣдняго остались, кромѣ упомянутаго выше автографа стихотворенія „Зачѣмъ безвременную скуку“, еще автографы написаннаге въ это время „Отвѣта х + у“ („Нѣтъ, не черкешенка она“), шестистишія князю П. П. Вяземскому и нѣсколько рисунковъ поэта („Русск. Арх.“ 1866, ст. 817).

1) „Русск. Арх.“ 1882, кн. III, стр. 167.

2) Собр. Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, С.-Пб. 1884, стр. 141.

3) „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. III, стр. 174. Эта больница была открыта 24-го октября, на Ордынкѣ, въ домѣ Шереметевой (В. П. Зубковъ, „О незаразительности холеры“, стр. 14).

своякомъ В. А. Панинымъ и Пассекомъ[1])—Якиманскую больницу и частныя квартиры обывателей этого бѣднаго и грязнаго квартала Москвы, не жалѣя себя и не боясь заразить себя и свою семью. Наблюденія надъ больными вскорѣ укрѣпили въ Зубковѣ убѣжденіе, шедшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что холера не прилипчива и что она не есть болѣзнь „міазматическая." Онъ, на основаніи своего личнаго опыта, пришелъ къ заключенію, что заболѣваніе холерой не является результатомъ одного повѣтрія, что она не передается по воздуху; полемизируя съ штабъ-лѣкаремъ Соломономъ, по поводу изданной имъ книги „Замѣчанія о холерѣ, поразившей Астрахань въ іюлѣ 1830 г." онъ старается доказать, что болѣзнь эта принадлежитъ къ числу происходящихъ отъ особеннаго состоянія атмосферы, — „отъ измѣненія медицинскихъ свойствъ ея." Въ заключеніе онъ совѣтуетъ, въ видѣ предохранительныхъ во время эпидеміи мѣръ, „вести образъ жизни здоровый, остерегаться отъ всякаго излишества и сохранять нравственное спокойствіе, которое во всякое время способствуетъ къ поддержанію тѣлесныхъ силъ." Съ другой стороны, причины заболѣванія онъ видитъ въ негигіенической обстановкѣ, излишествахъ въ пищѣ и въ ея недоброкачественности, въ отсутствіи теплой и сухой одежды, пьянствѣ, простудѣ и т. под. Какъ видимъ, Зубковъ въ этомъ отношеніи пришелъ къ выводамъ, очень близкимъ къ тѣмъ, къ которымъ пришла и современная намъ наука на основаніи неизвѣстной еще въ тѣ времена бактеріологіи.

Въ 1831—1832 гг. Зубковъ выполнилъ нѣсколько служебныхъ командировокъ, въ 1834 г. былъ назначенъ и. д. совѣтника во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Уголов-

---

1) Это былъ извѣстный Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, который „одинъ изъ первыхъ предложилъ себя въ распоряженіе холернаго комитета и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ дѣйствовалъ во все время эпидеміи. Онъ завѣдывалъ въ больницѣ канцеляріей, хозяйственной частью, ухаживалъ за больными; мало того, съ нѣкоторыми изъ медиковъ на себѣ дѣлалъ опыты прилипчивости холеры. Опытъ показалъ, что она не прилипчива. Послѣ этого стали смѣлѣе относиться къ болѣзни, и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи" (Т. П. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ, т. I. С.-Пб. 1878, стр. 357—358). За свои труды Пассекъ получилъ чинъ титул. совѣтника, а Зубковъ—Высочайшее благоволеніе и орденъ Владиміра 4-й степени.

наго Суда, въ концѣ октября 1835 г. былъ переведенъ, совѣтникомъ-же, въ 1-й Департаментъ, а съ 16-го декабря 1837 по 26-е мая 1838 г. состоялъ товарищемъ предсѣдателя той-же Палаты. Живя все время въ Москвѣ, Зубковъ продолжалъ вращаться въ томъ-же кружкѣ, что̀ и раньше. Онъ бывалъ у Погодина, князя П. А. Вяземскаго [1]), М. А. Дмитріева [2]); изъ прежнихъ своихъ друзей поддерживалъ отношенія съ Б. К. Данзасомъ [3]), А. П. Бакунинымъ и др., внимательно слѣдилъ за изящной и научной литературой [4]), а досуги свои, по-прежнему, посвящалъ естественнымъ наукамъ, которыми особенно сталъ увлекаться съ 1823 г. Еще въ 1824 году онъ вступилъ въ недавно передъ тѣмъ открытое Московское Общество Сельскаго хозяйства [5]), весьма дѣятельное въ ту пору, а затѣмъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены состоявшаго при Университетѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы и принималъ участіе въ его трудахъ. Такъ, напр., въ отчетѣ о публичномъ ординарномъ засѣданіи этого Общества, происходившемъ 22-го декабря 1828 г., В. П. Зубковъ читалъ на французскомъ языкѣ описаніе новооткрытыхъ имъ Сибирскихъ насѣкомыхъ: новаго рода — Odontocnemia Ficheri и новыхъ видовъ — Blethisa Eschscholtzii, Cetonia Karelini и Saperda Quadripunctata [6]). Въ журналѣ этого Общества — „Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou“ — Зубковъ напечаталъ четыре статьи по энтомологіи: въ 1829 г. — „Notice sur un nouveau genre et quelques nouvelles espèces de Coléoptères“ (о 17 видахъ) [7]) и „Catalogue des Coléoptères pris par Mr. Karélin dans les Steppes des Kir-

1) „Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 278.

2) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IV, стр. 18.

3) Тамъ-же.

4) „Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, что появлялось въ литературѣ Русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги“; такъ говоритъ Б. Н. Чичеринъ (въ бумагахъ котораго найдено письмо Зубкова къ Пушкину) въ своихъ Воспоминаніяхъ („Русск. Арх.“ 1890, кн. I, стр. 517).

5) С. А. Масловъ, Историч. обозрѣніе Импер. Моск. Общ. Сельскаго хозяйства, М. 1846, прилож., стр. 262.

6) „Моск. Вѣдом.“ 2-го февраля 1829 г., № 10, стр. 443.

7) „Bulletin“ 1829, t. I, p. 147—168, съ двумя табл.; перепечатано въ Парижскомъ изданіи „Bulletin“, сдѣланномъ Lequien, t. I, p. 29—44 и въ „Bulletin“ Férussac'a 1830, t. I, p. 152—154.

guises, entre le Volga et l'Oural" [1]), въ 1833 г.—„Nouveaux Coléoptères récueillis en Turcménie" (55 видовъ) [2]) и въ 1837 г.—„Description de quelques Coléoptères nouveaux" [3]). По словамъ П. И. Бартенева (который, кстати, называетъ Зубкова „замѣтнымъ лицомъ въ тогдашнемъ, т.-е. конца 1820-хъ гг., Московскомъ обществѣ" и „человѣкомъ образованнымъ"), въ энтомологіи извѣстенъ даже жукъ его имени — „Carabus Zubkoffii" [4]).

Въ 1838 г. Зубковъ задумалъ перемѣнить родъ службы: онъ опредѣлился директоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея и директоромъ училищъ всей Ярославской губерніи, но въ должности этой пробылъ всего полъ-года — съ 7-го іюля по 15-е декабря [5]), послѣ чего, 27-го іюня 1839 г., назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-е отдѣленіе 6-го (уголовнаго) Департамента Сената, въ Москвѣ, а 28-го апрѣля 1842 г. перешелъ, въ томъ же званіи, въ 8-й Департаментъ, при чемъ нѣсколько разъ, въ 1841 — 1844 гг., исправлялъ должность оберъ-прокурора въ 6-мъ и 7-мъ (гражданскихъ) Департаментахъ Сената. Произведенный въ д. с. совѣтники (3-го іюля 1843 г.), Зубковъ 8-го іюля 1845 г. былъ опредѣленъ оберъ-прокуроромъ 8-го Департамента, а 1-го марта 1850 г. — назначенъ на то-же мѣсто въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ Сената, гдѣ уже раньше работалъ за болѣзнью оберъ-прокурора М. А. Дмитріева — литератора и стараго своего знакомца. Ко времени службы Зубкова въ Московскомъ Сенатѣ относятся любопытныя воспоминанія о немъ К. П. Побѣдоносцева, прослужившаго въ 8-мъ Департаментѣ около двухъ лѣтъ (въ 1846 — 1848 гг.) подъ начальствомъ

---

1) тамъ-же 1829, t. I, p. 169—170.

2) тамъ-же 1833, t. VI, p. 310—340, перепечатано въ изданіи Lequien, t. I, p. 297—332.

3) тамъ-же 1837, t. X, № 5, p. 59—72, съ 2 табл.; перепечатано въ „Revue Zoologique", Paris, 1840, t. III, p. 149. Указаніемъ на эти работы Зубкова мы обязаны зоологу Зоологическаго Музея Академіи НаукъГ. Г. Якобсону, по словамъ котораго имя Зубкова до сихъ поръ не забыто русскими энтомологами.

4) „Русск. Арх." 1878 г., кн. III, стр. 393 и 1904 г., кн. I, стр. 305. Названіе это дано было Georg'омъ Dahl († 1832). Теперь этотъ жукъ называется Carabus Alyssidotus (сообщ. Г. Г. Якобсонъ).

5) Формуляръ; И. М. Звонниковъ, Историч. Записка о Яросл. Гимназіи, Яросл. 1881, стр. 14 и 42 и брошюра Головщикова: Черты жизни и дѣят. Ярослав. Демид. Училища, Яросл. 1869, стр. 48.

Василія Петровича; послѣдній тогда задался цѣлью освѣжить составъ своей Канцеляріи привлеченіемъ къ работѣ молодыхъ юристовъ, воспитавшихся „въ новомъ духѣ служебной правды". „Главною мыслью В. П. Зубкова", пишетъ г. Побѣдоносцевъ, „было обновленіе застарѣвшей въ приказномъ обычаѣ канцеляріи Департамента. Главную силу ея составляли старые оберъ-секретари, умные и опытные знатоки старыхъ указовъ и дѣлъ; но трудно было полагаться на честность пріемовъ ихъ практики. Однако, въ ихъ рукахъ находилась участь каждаго дѣла. Присутствіе состояло изъ сенаторовъ, заслуженныхъ генераловъ военной и гражданской службы, людей мало искусныхъ въ юридическихъ тонкостяхъ, и потому докладомъ канцеляріи почти всегда рѣшалось дѣло. Эту крѣпость В. П. Зубковъ задумалъ разбивать съ помощью новыхъ элементовъ.... Затѣмъ явились новобранцы изъ правовѣдовъ, и ими-то оберъ-прокуроръ началъ орудовать, не трогая съ мѣста никого изъ старыхъ опытныхъ дѣльцовъ. Выбирая способнѣйшихъ молодыхъ людей и подготовляя ихъ мало-по-малу къ секретарской должности, онъ обставлялъ ими старыхъ оберъ-секретарей, подъ своимъ руководствомъ; такъ что на докладѣ, за которымъ внимательно слѣдилъ оберъ-прокуроръ, молодой докладчикъ могъ всегда уравновѣшивать невѣрное внушеніе своего оберъ-секретаря. По той же системѣ, когда выврѣвали подъ руководствомъ Зубкова оберъ-секретари изъ молодыхъ, онъ присоединилъ къ нимъ секретарей изъ старыхъ дѣльцовъ. Такъ, мало-по-малу перерабатывался составъ канцеляріи, безъ обидъ и потрясеній: старые дѣльцы доживали вѣкъ на мѣстахъ своихъ и нерѣдко служили своими совѣтами молодымъ, обращавшимся къ ихъ опытности въ дѣлахъ прежняго времени.... Служба Зубкова въ Москвѣ въ постоянномъ общеніи съ Московскимъ обществомъ и съ товариществомъ компаніи архивныхъ юношей (Пушкинымъ, Вяземскимъ, Одоевскимъ и пр.) дала ему способъ расширить и усовершить свое образованіе, такъ что въ 1840-хъ годахъ онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей между начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ по службѣ не могло не быть благодѣтельно для развитія молодыхъ людей, начинавшихъ въ Сенатѣ свою служебную дѣятельность. Зная прекрасно французскій и нѣмецкій языки, Зубковъ слѣдилъ постоянно за литературой, много читалъ, и бесѣда его была всегда

пріятна и поучительна для молодежи. Домъ его, въ одномъ изъ переулковъ Смоленскаго рынка[1]), близко былъ знакомъ догдашнему обществу: здѣсь, на танцовальныхъ вечерахъ, можно было видѣть всѣхъ Московскихъ красавицъ того времени (двѣ дочери самого Зубкова, А. Бѣгичева, Юлія Давыдова, Лидія и Александра Ховрины, Лужина, Акинѳова, двѣ Поливановы)". У Зубкова, пишетъ далѣе г. Побѣдоносцевъ, въ 1848—1849 гг. читали они газету „La Presse" съ интересовавшими всѣхъ статьями Э. Жирардена; „у него-же.... увидѣли мы прославленныя сочиненія того времени, считавшіяся запрещенными, но возбуждавшія общій интересъ (Луи-Блана, Прудона, Фуррье, Ламартина, Исторію Жирондистовъ и пр.). Немногіе изъ этой молодой компаніи товарищей-правовѣдовъ остались въ живыхъ, но оставшіеся не могутъ не вспомнить съ благодарностью о В. П. Зубковѣ. Пишущій эти строки проводилъ немало пріятныхъ вечеровъ въ его кабинетѣ, гдѣ онъ разсказывалъ намъ много о дѣлахъ и людяхъ прежняго и новаго времени, показывалъ новыя полученныя имъ книги, объяснялъ чудеса микроскопа, стоявшаго всегда на рабочемъ столѣ его. Тутъ случалось встрѣчать у него нѣкоторыхъ его пріятелей, большею частью интересныхъ и умныхъ людей"[2]).

Въ 1851 году (2-го октября) В. П. Зубковъ былъ переведенъ оберъ-прокуроромъ въ 1-й Департаментъ Сената (на мѣсто своего пріятеля Б. К. Данзаса), въ Петербургъ, при чемъ ему поручены были въ завѣдываніе Сенатскіе: Архивъ, Типографія, Казначейство, Школа писарей Министерства Юстиціи, Канцелярія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи и предсѣдательство въ Хозяйственномъ Комитетѣ при Сенатѣ; съ 1853 г. онъ завѣдывалъ дѣлами Общаго Собранія 4-го, 5-го и Межевого Департаментовъ и, награжденный въ 1854 г. орденомъ Владиміра 2-й степени, 8-го января 1855 г. былъ пожалованъ въ званіе сенатора, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ къ присутствованію въ Департаментъ Герольдіи; однако, тяжкая болѣзнь заставила его просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ 19-го мая того-же 1855 года.

---

1) см. выше, стр. 103.

2) „Русск. Арх." 1904 г., № 2, стр. 301 — 305.

12-го апрѣля 1862 г. В. П. Зубковъ скончался въ Москвѣ, въ своемъ старомъ домѣ; погребенъ онъ въ Донскомъ Монастырѣ, рядомъ съ своими родителями и родственниками.

Т. Б. Сѣмечкина, дочь неоднократно упоминавшагося выше товарища Зубкова, Б. К. Данзаса, часто видѣвшая Василія Петровича въ послѣдніе годы его жизни у своего отца въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ вообще человѣкъ веселаго нрава; въ разговорѣ его было много юмора, онъ шутилъ съ дѣтьми, которые его очень любили, и всегда, являлся желаннымъ гостемъ. Говоря о женѣ Зубкова, Аннѣ Ѳедоровнѣ, Татьяна Борисовна высказываетъ предположеніе, что „она, должно быть, была красавицей въ молодости, такъ какъ черты ея это ясно выказывали, и, кажется, она сама не могла примириться съ наступившею старостью; насколько я ее помню, это была молодящаяся старушка, нарумяненая, всегда нарядная и любившая гулять пѣшкомъ по Невскому со своей собачкой-моськой.“ Анна Ѳедоровна на много пережила своего мужа: она скончалась въ Петербургѣ 15-го марта 1889 г. и погребена на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

У Зубковыхъ было нѣсколько дѣтей, изъ коихъ достигли зрѣлаго возраста двѣ дочери (о нихъ упоминаетъ въ указанныхъ воспоминаніяхъ своихъ г. Побѣдоносцевъ, какъ объ извѣстныхъ Московскихъ красавицахъ): Ольга (род. 25-го марта 1825 г.), бывшая за-мужемъ за генералъ-маіоромъ Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ, и Пелагея (род. 5-го іюля 1827 г.), также бывшая въ замужествѣ, и сынъ Владиміръ (род. 17-го іюля 1828 г.), служившій сперва въ Сенатской Типографіи, затѣмъ — въ Департаментѣ Герольдіи и (1860 г.) въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Свои Записки В. П. Зубковъ написалъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ освобожденія изъ крѣпости, — еще до окончанія процесса декабристовъ, завершившагося казнью пятерыхъ изъ нихъ 13-го іюля 1826 года. Къ нимъ онъ приложилъ пять рисунковъ: 1) планъ части Петропавловской крѣпости, въ которой находился его казематъ, 2) планъ и внутренній видъ самаго каземата, 3) планъ Адмиралтейства и Зимняго Дворца съ указаніемъ комнаты, въ которую онъ былъ помѣщенъ до перевода въ крѣпость, 4) видъ комнаты, въ которой засѣдалъ Комитетъ, и 5) планъ квартиры коменданта, въ которой про-

исходили засѣданія Комитета; прилагаемъ воспроизведеніе 2-го, 4-го и 5-го рисунковъ.

Приложенный при семъ портретъ Зубкова воспроизведенъ по фотографіи съ оригинала, хранящагося у Т. Б. Сѣмечкиной [1]), которой приносимъ нашу искреннюю благодарность за его доставленіе.

Б. Модзалевскій.

Павловскъ, 30-го марта 1906.

1) Онъ былъ уже воспроизведенъ, но въ уменьшенномъ видѣ, въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Импер. Академіи Наукъ“ изд. въ 1889 г. (табл. 33). На Московской Пушкинской выставкѣ былъ другой портретъ Зубкова, литографированный въ Москвѣ у Роппольта, по рисунку Пелегрини („Каталогъ“ выставки, № 23). Въ „Подробномъ словарѣ русск. гравир. портретовъ“ Д. А. Ровинскаго (т. I, С.-Пб. 1889, ст. 831) указанъ гравированный физіонатрасомъ у Бушарди въ Парижѣ портретъ Дмитрія Петровича Зубкова. Не есть-ли это также портретъ *Василія Петровича*, сдѣланный въ 1820—1821 г., когда онъ былъ въ Парижѣ?

Récit da ma détention à la forteresse de St.-Pétersbourg.

1826. A St.-Pétersbourg.

On apprit à Moscou l'événement du 14 Décembre par l'arrivée du général Komarovsky[1]). Le premier jour on ne crut pas que tout était fini; on disoit qu'il y avoit eu une révolte, qu'on avoit tiré les canons et ensuite les uns ajoutaient que tout étoit rentré dans l'ordre, les autres que toute la garde étoit en insurrection.

La journée du 14 Décembre fut suivie de nombreuses arrestations. Elles commençaient à Moscou vers le 20. Nous apprimes d'abord celle de Michel Orloff[2]) et de Nikita Mouravieff[3]) qu'on avoit été prendre dans sa terre. Ensuite furent arrêtés les chevalier-garde Svinine[4]) et Kologrivoff[5]), puis Kolochine[6]) et Semenoff[7]) et le lendemain Michel Narichkin[8]) et Stengel[9]). On disoit à Moscou que le général Raevsky[10]) avoit été pris et que lui, Nikita Mouravieff et Orloff étoient les chefs de la conspiration. A cette occasion quelqu'un qui avoit été aide de camp de Raevsky et qui avoit son portrait dans son cabinet écrivit dessous: „traître" et le fit mettre dans la cave!

Le 8 Janvier Danzass[11]) vint me dire qu'on venoit d'enlever Kachkine[12]). Cette nouvelle anéantit l'espérance que j'avois eue de ne pas être inquiété. Kachkine m'avoit dit

plusieurs fois qu'il n'avoit jamais appartenu à aucune société secrète; j'attribuais donc son arrestation à ses liaisons avec plusieures personnes gravement compromises et par conséquent je devois m'attendre à éprouver le même sort. Je ne pensais plus qu'à préparer ma famille à mon futur voyage. Je parvins à faire envisager cet événement comme étant fort heureux en ce qu'il me procureroit l'occasion de me justifier entièrement aux yeux du public (on tenoit beaucoup à cela); car mes ennemis n'avoient pas manqué de répandre le bruit que j'étois aussi un conspirateur. Persuadé de mon innocence, j'étois sûr d'être libéré aussitôt après mon interrogatoire ou après être resté quelques jours au corps de garde*); je craignois seulement que le voyage ne fit du tort à ma santé, car j'étois convalescent d'une maladie nerveuse. Le soir je rentrais dans mon cabinet et je préparais une lettre adressée à ma femme[13]) pour lui être remise par la Princesse Dmitri[14]) quinze jours après mon départ. Cette lettre venue soit disant de Pétersbourg devoit la tranquilliser sur mon sort. Kolochine avoit fait la même chose. Je m'endormis tranquillement. A minuit je fus réveillé par mon domestique qui me remit un billet de D...[15]) „Mon cher ami, m'écrivoit-il, il faut vous préparer à partir demain matin, et moi aussi je pars". A l'instant je quittois le lit et j'envoyais mon domestique chez le Prince T...[16]) pour lui demander sa pelisse**).

*) On croyoit alors fermement à Moscou que toutes les personnes qu'on amenoit à Pétersbourg étoient mises au corps de garde et non à la forteresse et je croyais revoir peut être Kolochine, Semenoff, Kachkine et je ne pensais pas sans plaisir à passer quelque temps avec eux dans le même endroit.

**) J'ai appris qu'après mon départ les parents de la femme de Tcherk. lui avoient reproché d'avoir fait cette imprudence, mais il leurs objecta, que m'ayant donné sa pelisse quand je n'étois pas encore reconnu coupable, cela ne pouvoit point le compromettre; qu'au contraire, s'il étoit arrêté et si on lui demandoit, comment il osoit me donner sa pelisse, cela prouveroit qu'il me croyait innocent et que par conséquent il n'avoit jamais compris avec moi!!! Car enfin s'il m'avoit connu pour conspirateur, il ne m'auroit pas donné sa pelisse.

En attendant je plaçais dans un portemanteau quelque linge, une pipe, du tabac, un frac etc. Je voulus ensuite me rendormir, mais cela me fut impossible: j'étois fort agité. Vers le matin je pris gaiement mon parti et, pensant toujours à mon innocence, je ne fus même pas fâché de faire un petit voyage qui me distrairoit et me procureroit le plaisir de voir mes anciennes connoissances de Pétersbourg.

Le 9 à 8 heures du matin j'annonçais mon départ à ma famille et grâce à Dieu tout se passa au mieux. A 9 heures je reçus un billet qu'on me dit venir de la part de Pierre Mouchanoff[17]); c'étoit une invitation fort polie du Grand Maître de Police de me rendre de suite chez lui. Comme tous mes paquets étoient prêts, je fis mes adieux à ma famille et j'allais chez Choulguine[18]). Il m'annonça qu'il avoit l'ordre de m'expédier pour Pétersbourg et me dit de retourner chez moi et de lui apporter mes papiers. Je revins donc à la maison; je fis de nouveaux adieux à ma famille et j'apportais au Général de Police un portefeuille contenant mes papiers. Ce brave homme me dit qu'il en avoit agi ainsi avec moi pour ne pas effrayer ma femme et me pria de garder là-dessus le secret*).

Après m'avoir laissé environ une heure dans sa chambre de toilette, il vint me dire que tout étoit prêt, m'embrassa et me remit, moi et mes papiers, entre les mains d'un officier de police à figure rébarbative.

Nous descendîmes un éscalier dérobé et nous nous mîmes dans un traîneau couvert attelé de 3 bons chevaux qui prirent de suite le galop. Pendant que mon conducteur

---

*) Le Prince Dmitri[19]) a eu une conduite bien belle dans ces malheureux temps. Il avoit fait acheter plusieures pelisses et des bottes chaudes qu'il donnoit à ceux qui n'en avoient point lorsqu'on les amenoit chez lui. Il a donné à Семеновъ[20]) 500 Roub. Si nous avions eu un autre Général-Gouverneur, il est probable que les arrestations se seroient faites avec moins d'humanité. Cependant Обресковъ[21]) et Ravinsky[22]) se sont oubliés quelquefois, comme, par exemple, avec Семеновъ et Зыловъ[23]).

visoit son passeport à la barrière, je fis mes adieux au Prince Val. Chakoffskoye[24]) qui entroit dans la ville et qui ne fut pas peu etonné de me voir.

Après avoir fait silencieusement quelques verstes, j'entamais la conversation avec mon conducteur. J'appris qu'il étoit l'officier de police de la Stretenka et quand je lui eus dit mon nom, il m'apprit qu'il avoit été paysan de mon père[25]) et qu'il connoissoit beaucoup mon frère[26]). Il me dit qu'il n'oublioit jamais son premier état et me pria de le considérer comme un serviteur dévoué. A la première station je lui proposais de déjeuner. Je vis en entrant dans l'auberge le Comte Georges Tolstoy[27]) avec son frère cadet[28]) qui alloient rejoindre leurs postes. Nous fûmes fort étonnés de nous voir; je pensais d'abord que ces Messieurs étoient aussi arrêtés. Nous commencions à diner lorsque nous vîmes entrer Pierre Mouchanoff[17]) suivi d'un feldjäger (Заварзаевъ) qui le conduisoit à Pétersbourg.

A la seconde station nous montions en traîneau, quand je vis arriver le Général M. Fon-Viesen[29]) qui avoit le même sort et qui venoit de sa terre où on l'avoit saisi*).

A Klin je l'abordais et nous fîmes connoissance pendant quelques instants. Bientôt nous ratrappâmes Danzass[11]). Cette nuit et le lendemain le 10 nous nous arrêtions tous les trois aux mêmes stations pour prendre ensemble le thé et nos repas. A Torjok Mouchanoff pris les devants et nous ne l'avons plus revu. A une station, à quelques verstes avant Novgorod nos conducteurs eurent une conférence secrète, dans laquelle ils décidèrent que nous devions nous séparer, et nous partîmes l'un aprés l'autre avec des intervales d'une

---

*) A une station Mouchanoff me croyant probablement de la société me dit qu'il ne falloit rien avouer. A une autre il nous dit qu'Alexandre Bestougeff[30]) avoit dit à l'Empereur: „ce qui est semé, produira". Fon-Viesen lui tourna le dos, et Mouchanoff, en souriant, me dit: „Voyez, ce coquin de Fon-Viesen qui se retourne et fait semblant de ne rien savoir!"

heure entre chaque départ. Je partis le dernier. Depuis Moscou mon conducteur à chaque poste arrosoit son estomac de quelques verres d'*yerofeïtch* et il finit par être tout-à-fait soûl à Poméranié, où je fus obligé de le laisser dormir pendant une heure et demie: il ne pouvoit plus marcher.

Dans la nuit du 10 Fon-Viesen qui avoit très froid dans son traîneau découvert et qui souffroit beaucoup d'une blessure au pied qui s'étoit rouverte obtint de son feldjäger de faire une station dans mon kibitka. Mon conducteur se mit avec le sien, et Fon-Viesen se plaça dans mon équipage. Je lui appris que Grabbe[31]) avoit été pris; il me demanda si Jakouchkine[32]) l'étoit; je lui dis que non. A la station suivante il trouva dans le livre de la poste qu'un feldjäger avoit passé pour aller à Smolensk, il me dit que c'étoit probablement pour arrêter Jakouchkine et parut fort inquiet. Il me dit qu'il croyoit du devoir d'un honnête homme de ne pas cacher ses opinions, qu'il s'étoit occupé de politique comme théorie, mais qu'il n'avoit jamais pensé aux applications. „Ha! dit-il, je donnerois beaucoup pour être dans une semaine à cette même station, retournant auprès de ma femme!“ [33])

Pendant la route on faisoit peu attention à nous. Je n'ai vu sur aucune figure l'expression de la pitié ou de l'étonnement; à une poste seulement trois vieilles femmes assez bien vêtues en mantelets noires me reconduisirent à mon traîneau, en me chargeant de bénédictions à voix basse.

Les feldjäger reçoivent l'argent de poste pour 3 chevaux, et n'en payent que 2. C'est un sacrifice que font les postillons pour ne pas être trop rossés en chemin. Mon conducteur avoit donné ses bottes chaudes au Général Fon-Viesen qui n'en avoit pas. Il les remplaçoit à chaque station, en se couvrant les pieds avec la touloupe du postillon qui étoit donc obligé de faire la route sans fourrure. L'un de ces postillons ne voulut pas faire ce sacrifice malgré les menaces

du conducteur qui dans le village n'osoit pas en venir aux coups. Mais aussi pendant tout le chemin il ne cessa de le rosser et le fit aller si vite qu'un cheval creva. Dans ce cas le Gouvernement paye 250 R. au propriétaire, mais je pense qu'une grande partie de cet argent reste entre les mains de ceux qui sont chargés de le délivrer. Les feldjäger ne reçoivent que 600 R. d'appointement par an et un habit complet. Comme ils sont continuellement en voyage, l'argent de poste pour un cheval qu'ils gardent, fait au bout de l'année une somme considérable. Ceux que j'ai vus sont en général très polis.

Nous entrâmes dans Pétersbourg le 11 à 8 heures du soir*).

A la barrière on nous donna un cosaque qui nous escorta jusqu'au logement du général de service. En entrant dans sa Chancellerie je vis le général Fon-Viesen [39]) qui me montra Danzass [11]) endormi sur une chaise. Le général Patapoff [35]) étoit à la forteresse; on nous pria d'attendre. Nous fîmes chercher à l'auberge du thé; mais au moment où nous voulions le prendre, on vint chercher Danzass. Je m'endormis un moment sur un sopha. En m'éveillant je vis le Prince Ouroussoff [36]), aide-de-camp du général Kisseleff, qui venoit d'amener un aide-de-camp Chichkoff [37]). Quelques instants après on nous ordonna de partir. Je fis mes adieux à Fon-Viesen et je suivis mon conducteur et Ouroussoff avec son prison-

*) Je n'ai pas besoin de dire que je n'ai pas fait mon voyage très commodément. A chaque poste j'obtenois, il est vrai, un traîneau couvert; mais ordinairement l'ouverture en étoit si étroite et si basse, que nous ne pouvions pas rester couchés tous les deux, et mon conducteur se tenoit debout; cela m'incommodoit beaucoup. Quand le kibitka lui permettoit de se coucher à côté de moi,-autre désagrément: il puoit horriblement l'eau de vie et j'étois obligé de respirer dans cette atmosphère spiritueuse. Pour éviter cette odeur je finis par prendre un traîneau découvert.—Danzass avoit un bon kibitka du Prince Galitzine [14]), Fon-Visen étoit en traîneau découvert. Pendant les deux nuits que j'ai été en route, j'ai à peine dormi 2 heures. En passant par la Гороховая, je vis de la lumière chez Andrieux [34]).

nier d'abord dans la chancellerie du commandant et ensuite dans le grand Corps de garde au Palais. Je crus que la chambre des officiers étoit celle qu'on m'avoit destinée. Je fus fâché de ne pas y voir d'autres détenus. Je m'établis sur un mauvais divan, sur lequel je croyois passer la nuit et je me disposois à allumer ma pipe, lorsque le colonel de service me dit qu'il étoit défendu de fumer et que je serais de suite transféré dans une autre chambre. Il me dit qu'on alloit enlever tous mes effets et mon argent et me conseilla de changer de linge. Je profitais de son conseil et je passais dans une petite chambre, où je mis du linge propre. Je tirais 100 R. de mon portefeuille et je les plaçais entre l'étoffe et la doublure de mon gilet, pensant que cet argent pourroit peut-être me devenir utile. Ensuite on me prit ma montre, mon argent etc. On voulut faire une liste de tout ce que contenoit mon portemanteau, mais j'obtins la grâce de le faire simplement ficeler et cacheter; l'autre opération auroit sans doute duré une heure.

Aussitôt après un officier me conduisit à travers un vestibule dans une grande chambre, éclairée par une seule chandelle. Un bas-officier me conduisit auprès d'une chaise et me dit de me mettre là et de me coucher par terre si je voulois dormir. Il me défendit de parler avec qui que cela soit. Je vis sur un divan un fort bel homme endormi, dont je n'ai pas pu savoir le nom*).

Tous les meubles de cette chambre consistoient en ce mauvais divan sans coussin, une table et une chaise. Je fus donc obligé de coucher par terre sur ma pelisse. Comme j'étois horriblement fatigué de la route, je dormis un peu. Le lendemain matin je trouvois mon compagnon d'infortune éveillé. Il paroissoit très gai; nous fîmes quelques gestes qui ne furent pas compris ni par l'un, ni par l'autre.

---

*) Потомъ приписано: „Podgio cadet.“ [38]).

Cette chambre se trouve dans le palais, au rez-de-chaussé, vis-à-vis l'Amirauté. Elle est à deux fenêtres de deux vitres chacune. Devant chaque fenêtre se trouvoit une sentinelle qui ne permettoit pas d'en approcher. Il y avoit deux sentinelles à la porte.

A midi on vint prendre mon compagnon, et je ne l'ai plus revu; j'ai seulement appris que c'étoit un colonel, probablement en retraite, car il portoit l'habit bourgeois. Resté seul je me hazardois à parler avec les sentinelles. L'une d'elle me dit que les premiers jours ceux qu'on mettoit dans cette chambre étoient obligés de rester tout le temps assis sur une chaise sans se lever.

A 2 heures on m'apporta à manger une assiette d'assez bon *ugu*, du beuf grillé découpé en petits morceaux et deux morceaux de pain,—l'un blanc, l'autre bis. Il n'y avoit ni couteau, ni fourchette.

Toutes les fois que je voulois aller dans les latrines, deux sentinelles,—l'une devant, l'autre derrière moi m'accompagnoient le sabre nu. Vingt personnes à la fois font leur besoin dans des ouvertures pratiqués dans une longue planche. C'étoit fort plaisant et fort sale.

Enfin vers les 9 heures un feldjäger vint me prendre et me conduisit dans son traineau chez l'Empereur dans l'Hermitage. J'arrivois d'abord dans une petite antichambre, où l'on m'offrit une chaise. Plusieurs valets en habits de deuil s'entretenoient debout. Un seul habillé à la militaire s'asseyoit de temps en temps en me lançant des regards de mépris. Au bout d'une demi-heure on m'appela dans la chambre à côté où je trouvois le général Levacheff[39]) qui me fit entrer dans une grande salle remplie de tableaux. Il s'assit à une petite table couverte de papiers et me dit de prendre place. Il me dit:

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus que cela—les dépositions

faites contre vous prouvent que vous êtes vous-même membre de cette société; ainsi je vous prie de me dire tout ce que vous savez à ce sujet."

Je lui répondis que je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète.

„Et pouvez-vous", me dit-il, „soutenir une confrontation avec vos accusateurs, par exemple avec Pouchchine [40]), Kolochine [6]), Semenoff [7]), Kachkine [12])?"

Je lui répondis que oui et lui fis la déposition suivante qu'il mit par écrit:

„L'année 1817 ou 1818 je ne m'en souviens pas précisément, le Prince Théodore Chakofskoye [41]) me proposa d'entrer dans une société dont je ne sais pas le nom".

— Où se trouve actuellement ce personnage? me demanda le Général *).

„Dans ses terres — lui répondis-je: il me semble qu'il a été aide-de-camp du Général Dépréradovitch. Autant que je m'en souviens, c'étoit une société purement littéraire et nullement contraire au Gouvernement".

— Aux lois, — dit le Général d'un air qui sembloit dire: „ce qui est contraire au gouvernement, est controire aux lois".

„On avoit le projet de traduire en russe de bons ouvrages français et l'on pouvoit apporter aux séances des morceaux littéraires en prose ou en vers. Un des articles portoit, que les membres riches devoient donner la dizième partie de leur revenu pour secourir les membres pauvres" (le général écrivit simplement „les pauvres") „et payer des

*) Cette question me fit beaucoup de peine: elle me prouva que Chakofskoye n'étoit pas pris; je pensais que grâce à moi on alloit le faire chercher. Il a été aide-de-camp du général Paskévitch [42]) et non de Dépréradovitch [43]). A Moscou j'avois entendu dire positivement qu'il avoit été pris. Depuis que ce mémoire a été écrit j'ai appris qu'en effet le Prince Chakofskoye avoit été pris avant moi.

amendes chaque fois qu'ils n'apportoient pas de composition*). Cela me décida à ne pas entrer dans cette société. L'année 1820 j'ai fréquenté à Pétersbourg les loges maçonniques dans lesquelles j'ai même occupé un grade élevé, mais depuis qu'elles sont fermées je n'ai plus été dans aucune loge, et j'ignore s'il y en a depuis cette époque. Je n'ai jamais appartenu à aucune autre société secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société pareille. Je n'ai appris l'événement du 14 Décembre que le jour de l'arrivée à Moscou du Comte Komarovsky[1]), par la voix publique." Je signai cette déposition**).

---

*) Далѣе зачеркнуто: „Depuis l'année 1817 je n'ai plus entendu parler de cette société".

**) Здѣсь находится слѣдующая, написанная на лѣвой сторонѣ тетради,

Note sur les portraits.

Quelques mois avant la mort de l'Empereur Alexandre je proposais à tous mes amis de faire lithographier nos portraits afin que chacun put avoir ceux de tous; nous pensions qu'il seroit curieux et agréable de les posséder, surtout après quelques années, lorsque la position de chacun seroit changée. Ma proposition fut acceptée et M-r Sobolevsky[44]) fit un très joli groupe au crayon; je proposai de l'envoyer lithographier à Paris, mais comme vers l'époque où ce dessin fut achevé Pouchchine[45]) se disposoit à partir pour Pétersbourg, nous nous décidâmes à le lui confier pour le faire lithographier dans cette ville. Le groupe étoit composé de Pouchchine, Kolochine[6]), Bacounine[46]), Paltchikoff[47]), Danzass[11]), Gorstkine[48]), Tcherkasky[49]) et moi. Quand il fut achevé, on le mit sous verre et comme il avoit le mérite de la ressemblance et d'une jolie composition, on le montra à toutes les personnes qui voulurent le voir et entr'autres au Général-Gouverneur[50]). Enfin comme ces portraits avoient été faits sans aucune arrière-pensée, on n'en avoit fait aucun mystère. Pouchchine les emporta à Pétersbourg. Après l'événement du 14 Décembre on commença à dire à Moscou que ce dessin représentoit les membres de la conspiration, qu'il y avoit dans le ciel une étoile avec autant de rayons que la société renfermoit de membres, qu'enfin autour de l'étoile il y avoit écrit „Les amis réunis."—Lorsqu'on commença à nous enlever, à Moscou ces bavardages devinrent encore plus forts[51]). A Pétersbourg même quand j'ai été relâché on m'en a parlé, surtout de l'inscription. Le fait est que le Comité d'enquête n'a pas eu connoissance de ce dessin, ou au moins n'en a pas parlé. Et, en effet, quoi de plus bête que tous ces bavardages! Après mon arrestation on a dit à Moscou que j'étois représenté dans ce dessin avec une étoile sur le front; que je m'occupais d'enthomologie uniquement pour masquer mes autres occupations

Le général me dit d'attendre et alla avec chez l'Empereur. Je profitai de son absence pour reconnoître la salle dans laquelle je me trouvois. C'est celle où se trouve la grande pendule de Minin et Pojarsky; au milieu sont placés de grands vases en marbre et des pupitres avec des tableaux. J'entendis l'Impératrice qui parloit avec ses enfants dans la chambre à côté. Je m'approchais de la porte vitrée qui sépare cette salle de la première chambre où le Général m'avoit reçu avant de m'introduire dans la Salle et je vis Danzass [52]); je voulus lui parler, mais mon feldjäger m'imposa silence. Au bout d'une demi-heure le Général Levacheff [39]) rentra. Il me fit sortir de la salle et parla d'abord à Danzass. Ensuite, après l'avoir congédié, il s'approcha de moi et, me prenant par le bras, me dit: „Sa Majesté a ordonné de vous faire mettre à la forteresse; vous y serez interrogé et si vous prouvez votre innocence vous serez libéré dans deux ou trois jours ou un peu plus. Si vous avez besoin de quelque chose, vous pouvez vous adresser à moi,—vous pourrez m'écrire" *).

Je lui fis un salut et comme j'étois sûr d'être bientôt relâché, je ne lui demandais pas à être bien logé, je ne lui dis pas même que j'étois malade; d'ailleurs je croyois être logé très bien, au moins c'est ce que tout le monde pensoit à Moscou. En mettant ma pelisse dans l'antichambre je vis Danzass; je lui dis qu'on me conduisoit à la forteresse

---

qui consistoient à composer tous les papiers nécessaires à la conspiration, que j'étois représenté faisant prêter serment à mes amis, que lorsque j'avois été amené devant l'Empereur, on m'avoit deshabillé, que j'avois pâli et qu'on m'avoit trouvé une marque sur le corps!!!!!

*) Je ne conçois pas paurquoi je fus mis à la forteresse sur un soupçon très vague, comme on verra par la suite. Toutchkoff [53]), ainsi que je l'ai appris ensuite, a été mis à l'Etat-Major dans un appartement composé de 3 chambres avec le général Calm [54]), N. Voeïkoff [55]) et M-r Liprandi [56]). Ils étoient très commodément et très proprement logés et faisoient chercher leur diner chez A. Voeikoff [57]); le soir ils jouaient au boston. Cependant Toutchkoff a avoué qu'il avoit été de la Société de 1817.

et je n'eus pas le temps d'entendre sa réponse, car nous descendîmes des escaliers différents.

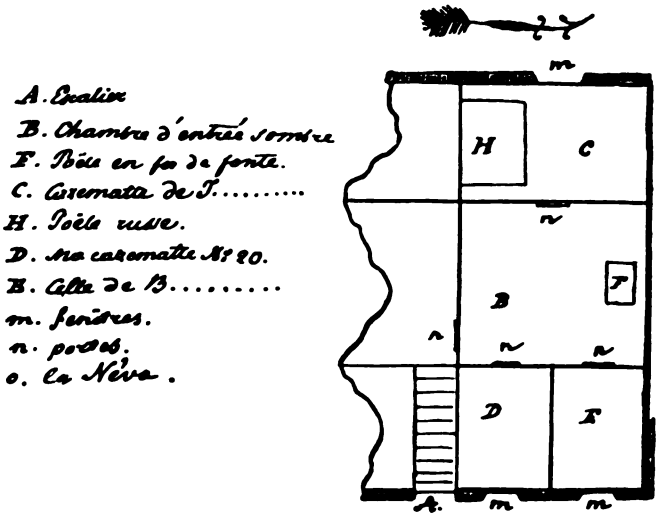
Arrivé dans la rue, mon conducteur me mit dans son traîneau et nous arrivâmes devant les portes de la forteresse qui de suite s'ouvrirent avec un grand fracas pour nous donner passage.

Je fus d'abord introduit dans une jolie chambre que je crus bonnement être celle qu'on me destinoit. Je restois là pendant une bonne heure à bavarder gaîment avec mon feldjäger. Enfin on me conduisit en haut chez le commandant[58]). J'entrais dans son cabinet. Il sourit très gracieusement et me fit asseoir à côté de lui.

„Je viens, me dit-it, de recevoir de Sa Majesté l'ordre de Vous loger à la forteresse“ [59]).

Il me remit entre les mains du Major de Place*) qui m'ordonna de le suivre. Il me mit à côté de lui dans son traîneau; un aide-de camp de place se mit derrière et nous partîmes. Nous entrâmes dans une cour séparée de la grande place par un mur dans lequel est percé un arc. Au fond de cette cour je distinguai un bâtiment avec une porte basse, devant laquelle nous nous arrêtâmes. Un escalier en pierre très sombre nous conduisit dans une espèce de chambre, où se trouvoient plusieurs soldats. Elle étoit eclairée par une lanterne suspendue au plafond. A gauche se trouvoit une porte qu'on ouvrit; nous entrâmes par cette porte dans une autre espèce de chambre occupée en grande partie par un énorme poële russe. Elle avoit un aspect si triste que je suppliais le Major de Place de m'en donner une autre, plus petite que j'avois remarquée en entrant à droite, vis-à-vis celle-là. Il y consentit, et me laissa avec l'aide-de-camp de place. Nous entrâmes donc dans cette petite chambre. L'aide-de-camp me

*) Егоръ Михайловичъ Подушкинъ [60]); il paraît que c'est un bien *brave homme.*



Vue de la 2me casemate № 20

1) Планъ части Петропавловской крѣпости. 2) Внутренній видъ каземата.

demanda si j'avois sur moi des bijoux ou de l'argent. Je lui répondis qu'on m'avoit tout enlevé au corps de garde. Il me dit que selon la règle il devroit me déshabiller; mais il se contenta de fouiller dans toutes mes poches. Quand il arriva à celle de mon gilet et que j'entendis le froissement des 100 R. qui se trouvoient entre l'étoffe et la doublure, je fus sur le point de les lui remettre; heureusement il retira la main. Il prit ensuite note de mes gens à Moscou jusqu'à la nourrisse et la bonne de mon enfant[61]),—je ne sais pourquoi. Je me hasardais à lui demander s'il y avoit des prisons meilleures que la mienne. „Oui, me dit-il, y en a d'un peu meilleures, mais aussi il y en a de plus mauvaises.

— Oui, lui dis-je, les cazemattes.

„Mais vous êtes dans une cazematte", me répondit-il.

Il fit mettre une lampe sur la fenêtre et me dit en s'en allant que si je voulois écrire à Sa Majesté ou au commandant ou enfin à qui que ce soit, je n'avois qu'à demander de l'encre, du papier et des plumes, qu'on ne refusoit cela à personne. Il me quitta. J'entendis fermer ma porte à clef et ensuite tirer une barre de fer que l'on ferma encore avec un cadenas.

J'étendis ma pelisse sur mon lit et me jettai dessus; comme depuis trois nuits je n'avois pas dormi, j'eus le bonheur de m'endormir. Je fus souvent reveillé par le bruit que faisoient les soldats dans la première chambre. Comme ils dorment une partie de la journée, ils veillent et bavardent une partie de la nuit.

Je m'éveillai à 8 heures. Je me levai et commençai à examiner mon appartement. C'étoit une chambre de 6 pas de long et de 5 pas de large. La porte d'entrée étoit pratiquée dans une cloison en poutres verticales qui me séparoit de la première chambre d'entrée; le mur à gauche étoit aussi une cloison. Vis-à-vis la porte étoit le mur extérieur en pierre avec une fenêtre donnant dans la cour et le mur à droite

étoit simplement une voûte qui commençoit au plancher et alloit jusqu'au haut de la cloison à gauche en sorte qu'il étoit impossible de toucher à pieds joint cette voûte, car elle touchait la tête quand les pieds en étoient encore à un pas et demi. La fenêtre étoit dans un enfoncement, les vitres étoient si sales qu'on ne pouvoit rien voir distinctement à travers; derrière se trouvait une grille en fer. La voûte étoit assez humide. Quoique fort sale, cette cazematte étoit assez claire. Mon lit consistoit en quelques morceaux de bois ingénieusement unis par des plaques de fer. Le matelas de paille et le coussin reposoient sur deux planches étroites qui laissoient un vide entr' elles et dont l'une étoit beaucoup plus épaisse que l'autre. Le drap de lit étoit comme de raison de la toile la plus grossière et très sale. Pas de chaise, mais une table qui pour ne pas tomber devoit être appuyée contre le mur. Au lieu de pot de chambre on avoit placé dans un coin une jatte en bois qui conservoit une odeur abominable. Ajoutez à cela une bouteille avec de l'eau et la lampe,—et vous aurez tous mes meubles et ustensiles.

Je n'avois fait la veille qu'un repas: j'avois très faim et je pensois à l'heure du dîner, lorsque je vis entrer un soldat qui m'apportoit du thé. J'avoue que je m'attendois si peu à en prendre, que *je versai des larmes* de joie. Je crus d'abord que c'étoit une galanterie du commandant, mais le soldat me dit qu'on en donnoit à tout le monde. Il paroît cependant que tous les prisonniers n'en reçoivent pas, car un jour le bas-officier de service vint me demander si on m'en donnoit. Le thé se trouve tout préparé dans une théière; on y joint 3 morceaux de sucre et un petit pain blanc que le soldat apporte sous sa redingote et qui par conséquent sont passablement sales. On me donna aussi une tasse. Je conservois la même pendant toute ma détention; n'ayant pas de verre, je m'en servois pour boire de l'eau.

Mon déjeuner achevé, je me mis à nettoyer un carreau de

ma fenêtre et je parvins à distinguer parfaitement jusqu'à la figure des personnes qui passaient devant. Cette fenêtre, comme je l'ai déjà dit, donne dans une petite cour nommée du Laboratoire (Лабораторной Дворъ), separée de la place vis-à-vis l'Hôtel de la Monnoie par un mur percé d'un arc. Ce mur aboutit à gauche à une tour qui fait partie de l'Hôtel. A travers l'arc je distinguois une partie de cet édifice et au fond—un corps de garde. A 10 heures je reçus la visite d'un officier d'artillerie qui vint me demander des nouvelles de ma santé. Il n'est là que depuis le 14 Décembre et tout son service consiste à visiter chaque cachot le soir et le matin pour avoir des nouvelles des détenus.

Je trouvai sur ma fenêtre quelques petits morceaux de verre avec lesquels je gravais sur l'entablement:

Ba. . . . Zou . . . . .
ici détenu depuis le 12 Janvier
jusqu'au . . . . .

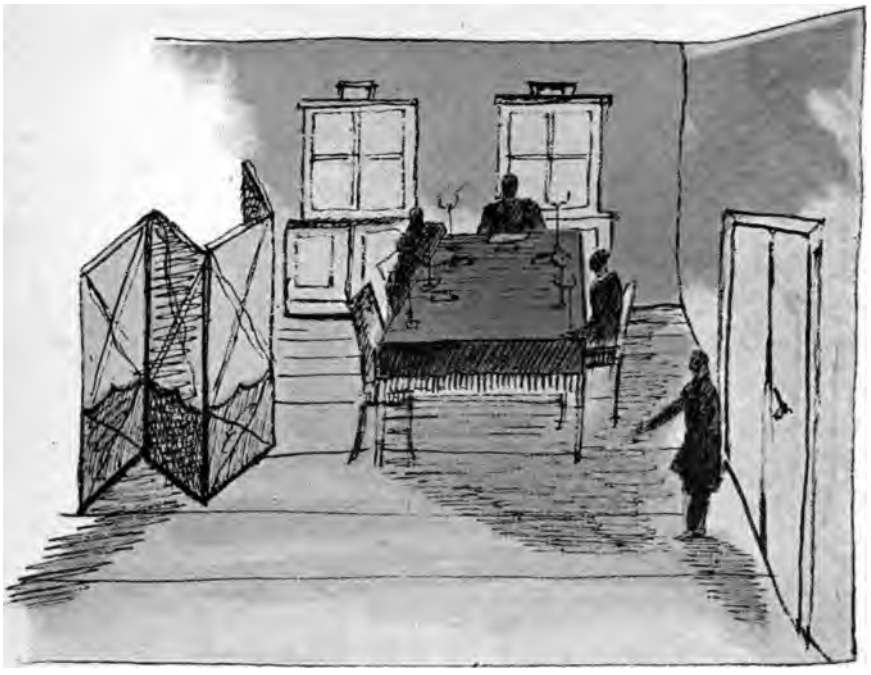
Vers midi je vis arriver un aide de camp de place avec un prêtre[62]). Je pensois qu'ils venoient chez moi, mais je ne pus deviner pourquoi. Pour prendre courage, j'avalois une tasse d'eau fraîche et je recommande à chacun d'en faire autant dans les occasions où on veut conserver sa présence d'esprit: cela calme extraordinairement. Un moment après la porte s'ouvrit et l'aide de camp de place introduisit dans ma chambre un vieux prêtre avec lequel il me laissa. Il me demanda comment je me trouvois-là? Je lui répondis qui j'étois innocent. Il me dit que comme je serais interrogé par le Comité, on l'avoit envoyé pour m'engager à ne rien cacher, ce que je lui promis. Sur ce il me quitta. Je fus assez mécontent de cette visite, en pensant que le sot étoit incapable de porter la consolation aux nouveaux détenus.

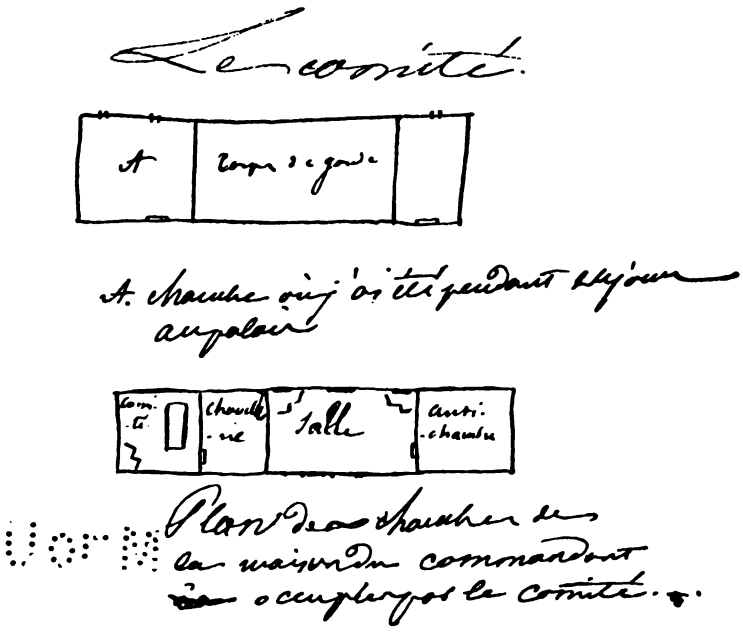
A 2 heures on m'apporta à diner; c'étoit dans une terrine une soupe avec du boeuf découpé en petits morceaux, deux

morceaux du pain,—l'un noir, l'autre bis, et une assiette de mauvais gruau avec du beurre rance*). Je mangeai fort peu.

Dès qu'il fit sombre, on alluma ma lampe et je distinguai alors les milliers de blattes qui courroient sur les murs. Je délayai de la mèche dans de l'huile et j'en formai une couleur noire. A l'aide d'un petit morceau de bâton je dessinai mon chiffre sur l'embrasure de la fenêtre. Avec un autre morceau de bois je parvins en grattant la voûte à y faire un B et un Z. Enfin l'ennui commençoit à me gagner, quand on m'apporta encore du thé avec les mêmes accessoires que le matin. A 7 heures l'officier d'artillerie vint me faire encore une visite. A 8 heures on m'apporta à souper des *uuu* assez bon avec un morceau de pain noir. Un moment après arriva le Major de Place qui m'ordonna de m'habiller pour aller au Comité. Je mis ma pelisse, mon bonnet et nous descendîmes l'escalier de pierre par lequel on m'avoit introduit dans ce bâtiment. J'étois fort content, car je me rappellai les paroles du général Levacheff et j'étois persuadé que je ne rentrerai plus dans mon cachot. En chemin le Major me couvrit la figure avec une espèce de voile en toile. Nous arrivâmes. Le Major me prit par la main et sans m'ôter ma grosse pelisse et mon bonnet il m'introduisit, après avoir traversé une grande chambre, dans une autre chambre très éclairée. Je pus deviner qu'on me fit passer derrière un paravent; là on m'ordonna de m'asseoir. Je n'entendis que quelques feldjägers qui parloient à côté de moi, mais je ne pus distinguer ce qu'ils disoient. J'entendis encore un bruit de tasses et je jugeai que l'on prenoit le thé. Un quart d'heure après le Major de Place vint me prendre par la main: il me fit ôter ma pelisse et

*) Danzasse outre cela a eu tous les jours du boeuf grillé. Tous les mets sont fort mal accommodés, mais comme on voit le gouvernement a l'intention de très bien nourrir les prisonniers et je suis sûr que l'entretien coûte beaucoup, mais je pense qu'une partie de l'argent passe dans les poches des fournisseurs[68]).





1) Комната для засѣданій Комитета. 2) Комната въ Зимнемъ Дворцѣ. 3) Планъ комнатъ въ квартирѣ коменданта Петропавловской крѣпости: а) Комитетъ, б) канцелярія, в) зала, г) передняя.

mon bonnet et me conduisit dans une chambre très éclairée, où j'entendis un bruit d'éperons, et enfin de là dans une autre chambre. Là on m'ordonna d'ôter mon voile. Je l'ôtoi et je vis devant moi une longue table couverte de drap rouge avec quantité de chandeliers en argent avec des bougies allumées. Il y avoit trois membres seulement: le ministre Tatischeff[64]), le général Tchernicheff[65]) et le général Benkendorff[66]). Ce dernier que je pris d'abord pour le Grand Duc[67]) avant d'avoir remarqué son aiguillette, commença à m'interroger.

„Vos liaisons intimes avec Pouchchine, Kolochine, Semenoff et Kachkine, et surtout les dépositions faites contre vous, prouvent à n'en pouvoir douter que vous êtes membre de la société secrète, ainsi avouez tout franchement. Si vous avouez vous pouvez espérer d'être pardonné, l'Empereur est clément. Si vous niez, vous serez perdu pour toujours. Eh bien, avez-vous été dans cette société?"

— Mon général, je n'ai jamais été dans aucune sosiété secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société secrète. J'ai été maçon jusqu'à l'année où les loges ont été fermées.

„Mais n'oubliez pas que la société dont je vous parle, n'est pas comme la franc-maçonnerie, il n'y a là ni signes, ni mots sacrés; si seulement vous vous êtes rencontré dans vos idées avec un des membres, vous en êtes déjà. Vous êtes jeune; je conçois que vous avez pu avoir été entrainé."

Je répétai ma première réponse.

„Ah, vous persistez à nier. Hé bien, nous vous confronterons avec vos amis, vos accusateurs, nous verrons ce que vous direz alors; vous courez à votre perte; elle sera inévitable."

—Je suis étonné que ceux que vous nommez, aient pu me dénoncer, c. à d. me calomnier; je les ai toujours connus pour des hommes d'honneur. Je repète encore une fois que

je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société secrète et n'ai jamais été membre d'aucune pareille société. Je demande à être confronté avec mes accusateurs. Il est possible que d'autres personnes m'aient nommé pour grossir le nombre des coupables. Si ces personnes persistent à prétendre que je suis membre de leur société?

„Oh, nous verrons alors qui de vous deux aura raison. Vous ne devez pas douter de l'équité du Comité. Mais je vous le répète—ce sont vos chers amis qui vous accusent. Enfin vous n'oserez pas dire que vous n'ayez jamais entendu ces messieurs parler entr'eux de leurs projets?"

—Jamais!"

„Entendez-vous, général, dit-il, en s'adressant au ministre de la guerre, il prétend qu'il n'a pas entendu leurs conversations politiques, et c'est leur ami! — Allez, voilà des questions par écrit. Réfléchissez mûrement à tout ce que je vous ai dit. L'espérance du pardon, ou une perte inévitable: choisissez. Répondez à ces questions par écrit. Vous serez confronté avec vos amis."

Je le saluai, on me mit de nouveau le voile, et le Major de Place me reconduisit dans ma cazematte [68]).

Je m'y attendoi si peu que le sang me monta à la tête et je faillis me trouver mal. Une demi-heure après le Major de Place m'apporta le papier contenant les questions du Comité; il étoit conçu ainsi:

„Le Comité secret, créé par ordre de Sa Majesté a adressé au Conseiller Honoraire Zoubkoff les questions suivantes.

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus les dépositions faites contre vous prouvent que vous avez appartenu à cette société; ainsi sans attendre qu'on vous montre des preuves convaincantes et qu'on vous confronte avec vos accusateurs, répondez à ce qui suit:

1° Quand avez-vous été reçu dans la société secrète et par qui?

2° Qui avez-vous reçu vous-même dans cette société?

3° Quels étoient les moyens que la société vouloit employer pour parvenir à son but?

4° Qu'est ce qui s'est passé à la grande assemblée de cette société l'année 1820 et 1821?

5° Quels sont les membres de cette société à vous connus?

6° Connoissiez-vous le projet d'agir en même temps à Pétersbourg, à Moscou et dans la 2-de armée?

7° Connoissiez-vous le projet d'attenter aux jours du défunt Empereur?

8° D'où la société tiroit-elle les fonds nécessaires à son entreprise?

9° Connoissiez-vous le projet d'agir comme on a fait le 14 Décembre en engageant les soldats à ne pas prêter serment à l'Empereur?

10° Outre des réponses à ces questions, dites tout ce que vous savez par rapport à cette société.

Le Major de Place me remit une feuille de papier, une plume et de l'encre et me pria d'écrire vite ma réponse. Je lui dis qu'elle seroit bientôt prête*). La voici:

„Je n'ai qu'une seule réponse à faire à toutes les questions qui me sont faites par le Comité secret, c'est que jamais je n'ai été dans aucune société secrète et jamais je n'ai eu connoissance d'une pareille société. (ensuite je répétai ce que j'avois dit au général Levacheff au sujet de la société du Prince Chakoffskoye et des loges maçonniques).

„Quant à mes liaisons avec plusieurs membres de la so-

---

*) J'écrivis tout ce qui me passa par la tête. Il y eut plusieurs râtures, mais j'eus soins de les faire en sorte qu'on put lire ce qui avoit été écrit. Ces réponses n'ont aucune suite, au moins elles n'ont pas été préparées.

ciété secrète, il est vrai que j'ai été lié avec Kolochine, Kachkine, Pouchchine et Semenoff. Je fis la connoissance de Kolochine en 1822*) et l'ai fréquenté très peu jusqu'à l'époque de son mariage[69]); jamais je n'ai eu avec lui de conversation politique et jamais je ne lui ai entendu dire qu'il ait appartenu à une société secrète. Je ne l'ai appris qu'après son arrestation. Nous parlions ordinairement de nos affaires, du Bureau des renseignements que nous avons établi à Moscou[70]) et de notre service.

J'ai fait la connoissance de Pouchchine en 1823 lorsqu'il est venu servir à Moscou. Il ne m'a jamais dit qu'il ait été dans une société secrète et jamais ne m'a confié ses projets. Quelquefois il parloit des avantages qui résulteroient de la libération des paysans et ordinairement il parlait des affaires de son tribunal[71]) et se plaignoit de l'imperfection de notre procédure criminelle. Je n'ai jamais remarqué qu'il s'occupat de politique et je suis persuadé qu'il a quitté Moscou sans aucune mauvaise intention, et que c'est ici qu'il aura été entraîné. Son départ ne me parut pas extraordinaire, car l'année passée il étoit allé à Pétersbourg à la même époque pour voir ses parents[72]). Il nous promit de revenir pour le 15 Janvier et même nous résolûmes d'aller à sa rencontre,— tant nous étions persuadés de le revoir.

Je ne connois Semenoff que depuis quelques mois; il est venu chez moi quatre fois et je ne suis jamais allé chez lui. Il paroit être un homme très éclairé, mais ses opinions me sont inconnues. Il ne m'a jamais parlé d'aucune société secrète.

Je connois Kachkine depuis 1820**). Il s'occupoit alors de la politique françoise. J'arrivois à cette époque de l'étranger, la tête remplie des beaux discours de plusieurs députés, aussi parlions nous continuellement de la Chambre des députés,

*) Въ подл. показ. (л. 4 об.) прибавлено: въ Москвѣ

**) Въ подл. показ. (л. 40 б.): съ 1821 г.

des Jury etc. Mais bientôt je cessai de m'occuper de politique, je fus ennuyé de m'occuper des affaires d'autrui; ma fortune étoit dérangée, je devois penser aux miennes, et je fermai Delolme[73]), Say[74]) et Sismondi[75]). D'ailleurs, depuis mon mariage je m'occupe exclusivement d'histoire naturelle. Jamais Kachkine ne m'a parlé d'une société secrète. Après l'arrestation de Kolochine il m'a dit qu'il n'avoit jamais appartenu à cette société.

„Ordinairement nous nous réunissions chez Kolochine le soir; on commençoit à parler des affaires de tribunaux et dès que quatre personnes se trouvoient réunies, on se mettoit à jouer au wist jusqu'au souper. Comme je ne connois pas le wist, je me retirois souvent avant la fin de la partie. Quelquefois nous étions dans l'appartement de Kolochine pendant que Pouchchine recevoit chez lui ses connoissances dont plusieurs n'étoient même pas connues avec Kolochine. Semenoff ne venoit presque jamais à ces soirées: il étoit trop occupé par sa place[76]).

„Kachkine est connu avec Kolochine depuis fort peu de temps. J'ai appris l'événement du 14 Décembre le jour de l'arrivée du Comte Komarovsky par les bruits publics.

„Je finis par répéter que je n'ai jamais appartenu à ancune société secrète et je n'ai jamais eu connoissance d'aucune société pareille. S'il y a des personnes qui m'accusent du contraire, je supplie de me confronter avec elles.— Le Conseiller de cour Danzass peut attester la vérité de tout ce que je dis" *).

---

*) При настоящемъ дневникѣ имѣется черновикъ отвѣта Зубкова Комитету, на русскомъ языкѣ, писанный въ крѣпости; вотъ онъ:

„На всѣ заданные мнѣ Тайнымъ Комитетомъ вопросные пункты имѣю честь объяснить слѣдующее. Я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ и о существованіи такихъ обществъ извѣстенъ не былъ. Въ 1817 году Князь Ѳ. Шаховской, бывшій адъютантъ генерала Депрерадовича, а тогда служившій въ армейскомъ полку, предложилъ мнѣ вступить въ какое-то общество, коего названіе мнѣ неизвѣстно; но оно, вѣроятно,

J'avois à peine écrit cette réponse que l'officier d'artillerie vint m'apporter de la cire à cacheter et un cachet.

было литературное, по крайней мѣрѣ въ постановленіи не было ничего законопротивнаго Члены обязаны были вносить $^1/_{10}$ часть доходовъ, платить штрафы всякой разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода. Сіи причины и отчасти лѣнь побудили меня отказаться отъ вступленія въ это общество. Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ книгъ и въ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Вотъ все, что я могу припомнить объ этомъ обществѣ, которое и тогда сдѣлало на меня весьма малое впечатлѣніе. Въ 1820 году я находился въ Масонскихъ ложахъ до самаго ихъ закрытія.

Насчетъ моихъ связей съ Колошинымъ, Пущинымъ, Семеновымъ и Кашкинымъ имѣю честь объяснить слѣдующее. Я познакомился съ Колошинымъ въ 1822 году, а подружился съ нимъ уже послѣ его женидьбы, никогда не имѣлъ съ нимъ политическаго разговора и никогда не слышалъ отъ него о тайномъ обществѣ и чтобъ былъ членомъ сего общества. Я узналъ объ этомъ послѣ его ареста. Я обыкновенно съ нимъ говорилъ объ устройствѣ нашихъ дѣлъ, о заведенной нами Справочной Конторѣ и о судебныхъ дѣлахъ. Съ Пущинымъ я познакомился по пріѣздѣ его въ Москву. Хотя отъ него тоже не слыхалъ никогда о тайномъ обществѣ и о томъ, что онъ членъ онаго, но помню, что онъ иногда говорилъ о пользѣ, могущей произойти отъ освобожденія крестьянъ, а болѣе слыхалъ отъ него жалобы на наше судопроизводство. Я всегда его зналъ за человѣка веселаго и привыкъ слышать отъ него однѣ шутки, такъ что мнѣ обыкновенно бывало смѣшно, когда онъ говорилъ о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ. Я увѣренъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы безъ всякой дурной цѣли, но что его здѣсь завели. Отъѣздъ его мнѣ совсѣмъ не показался удивительнымъ, потому что онъ всякой годъ въ это же время уѣзжалъ въ Петербургъ для свиданія съ родственниками. Мы всѣ ожидали его возвращенія, по его словамъ, къ 15 Января и собирались ѣхать къ нему на встрѣчу. — Съ Семеновымъ я знакомъ только нѣсколько мѣсяцевъ, онъ у меня былъ раза 4, а я у него — ни разу. Кажется, онъ человѣкъ образованный, но, впрочемъ, его мыслей не знаю. Отъ него тоже о тайномъ обществѣ ничего не слыхалъ. Съ Кашкинымъ я знакомъ съ 1820 года. Онъ тогда еще занимался французскою политикою. По пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, мы весьма часто говорили о французскомъ правленіи, о депутатахъ и проч. Но мнѣ скоро наскучило заниматься чужими дѣлами, я закрылъ Сея и Сисмонди и совершенно пересталъ заниматься политикою. Съ тѣхъ поръ почти единственное мое занятіе было — Естественная Исторія. Съ Кашкинымъ я часто говорилъ о улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ, о присяжныхъ и проч., но о тайномъ обществѣ отъ него ничего не слыхалъ; послѣ взятія Колошина онъ мнѣ говорилъ, что никогда ни въ какомъ обществѣ не былъ.

Мы обыкновенно съѣзжались всѣ у Колошина по вечерамъ, сперва говорили о своихъ дѣлахъ и курили трубки, но, какъ скоро съѣдутся

En écrivant, j'avois répandu de l'huile sur mon papier: il me dit que cela ne faisoit rien; ainsi je fis un paquet dans lequel je mis la réponse et les demandes et après avoir cacheté le tout et avoir mis sur l'enveloppe: „Réponse du Conseiller Honoraire Zoubkoff", je le donnai à l'officier.

Comme je me sentois la tête embarrassée, je priai l'officier de m'envoyer le lendemain un médecin et le suppliai d'ordonner aux soldats de ne pas faire de bruit la nuit. Il les chassa tous et ne laissa que la sentinelle. Il étoit déjà près de minuit. Le lendemain matin de nouveau du thé à 9 heures et tout de suite après—la visite de l'officier.

J'avois dans le carreau d'en haut de la fenêtre un ventilateur en fer blanc à étoile tournante. Afin que l'air passat mieux, je cassai cette étoile et m'amusai à faire avec les rayons différents dessins en les mettant les uns à côté des autres. Je résolus de les employer à marquer le nombre de jours que je serais à la forteresse. Au commencement de chaque journée j'en enfonçais un dans une fente de la cloison; il y avoit en tout 23 rayons; j'espérois qu'ils me suffiroient. Je pensois continuellement à l'effet que produiroit ma réponse et je me décidai à envoyer encore un supplément. J'envoyai chercher du papier et le soir je remis à l'officier d'artillerie un supplément ainsi conçu.

---

4 человѣка, то сейчасъ сядутъ играть въ вистъ; я въ вистъ не играю, а потому очень часто, не дожидаясь ужина, уѣзжалъ домой. Пущинъ иногда въ это время принималъ у себя своихъ знакомыхъ, которые, сколько я могъ замѣтить, къ Колошину никогда не ходили. Семеновъ почти никогда не бывалъ на этихъ вечерахъ: онъ всегда занимался службою. Кашкинъ познакомился съ Колошинымъ очень недавно. О происшествіи 14 Декабря я узналъ въ залѣ Благороднаго Собранія по городскимъ слухамъ, въ день выборовъ, послѣ пріѣзда генералъ-адъютанта.

Имѣю честь повторить, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ членомъ не былъ, ни о существованіи такого общества извѣстенъ не былъ. Буде есть противу меня показанія, то прошу дать мнѣ съ моими обвинителями очныя ставки. Во всемъ вышеписанномъ ссылаюсь на находящагося здѣсь надв. сов. Данзаса.

je dois montrer mon innocence dans tout son éclat et pour y parvenir je supplie le Comité de me confronter avec Pouchchine au sujet de l'événement du 14 et avec Kolochine au sujet de la société secrète"*).

J'envoyai cette réponse au Comité par l'officier. Je me mis à marcher et à penser au plaisir et en même temps à la douleur que j'aurai de revoir Pouchchine. J'étois fermement persuadé

---

*) Вотъ черновикъ этого показанія по-русски:

„Въ дополненіе къ посланному мною вчерашняго числа отвѣту, имѣю честь объяснить слѣдующее. Члены тайнаго общества могли считать на меня потому, что, по пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, я занимался политикою и восхищался французскими постановленіями и краснорѣчіемъ французскихъ депутатовъ; но повторяю, что со времени моей жевидьбы я пересталъ заниматься политикою. Мы всѣ служили подъ начальствомъ Князя Голицына, занимая всѣ ровныя мѣста, имѣли одну цѣль быть честными и со всевозможной дѣятельностью исполнить нашу должность и въ этомъ смыслѣ успѣли. Главными нашими разговорами были наши судебныя дѣла. Столь постоянно по вечерамъ играли въ вистъ, что я даже, помню, у себя запретилъ игру въ карты, утверждая, что люди образованные могутъ найти другое занятіе. На всѣхъ ссылаюсь въ томъ, что я никогда не желалъ освобожденія крестьянъ: доказательствомъ къ тому можетъ служить то, что я еще недавно искалъ случая купить имѣніе [„и даже торговалъ деревню генерала Чичерина" — подл. показ., л. 6 об.]. Признаюсь, что я очень жалѣлъ о Пущинѣ, когда узналъ, что онъ посаженъ въ крѣпость. Я вѣрилъ глупымъ слухамъ о могущей произойти междоусобной войнѣ послѣ кончины Императора Александра Павловича. Рѣшительно повторяю, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ, о существованіи тайнаго общества никогда извѣстенъ не былъ и никогда ни съ кѣмъ не сговаривался перемѣнить образъ правленія въ Россіи. Пускай найдется человѣкъ, который покажетъ противное. Я полагаю, что ежли какія перемѣны могутъ быть полезны въ государствѣ, то ихъ должно ожидать отъ Верховной Власти, но что никто, кромѣ нея, не въ правѣ ихъ дѣлать.

За моимъ оправданіемъ послѣдуетъ, вѣроятно, мое освобожденіе, но этого для меня не достаточно: я осмѣлюсь всеподданѣйше просить Государя Императора о томъ, чтобы сдѣлать мое оправданіе гласнымъ, дабы возвратить мнѣ уваженіе моихъ соотечественниковъ, моимъ заключеніемъ, можетъ быть, потерянное. Я чувствую, что, дабы сдѣлаться достойнымъ такой милости, я долженъ совершенно быть оправденъ, а для сего вижу одно средство—очныя ставки, почему осмѣливаюсь настоятельно просить Тайный Комитетъ дать мнѣ очныя ставки съ Пущинымъ и Колошинымъ".

que personne ne m'avoit dénoncé, car qui de ces messieurs auroit voulu devenir un lâche calomniateur et à quel but? Je commençai à m'ennuyer horriblement; on a bientôt épuisé tous les genres de distractions quand on est en prison, sans livres, sans pipe, enfin sans aucune espèce d'occupation. La lampe répand une odeur détestable; fort heureusement on a une chandelle pour deux jours, ensorte que la lampe ne brûle que la nuit et elle doit être allumée la nuit; si elle s'éteint, la sentinelle doit la rallumer; mais ordinairement la sentinelle s'endort. J'avois partagé la mêche en filets très minces dont un seul étoit allumé, ensorte que je me débarrassai de l'odeur que produisait la grosse mêche. Rien de plus lugubre que le carillon de la grande horloge de l'église; il dure au moins 5 minutes à chaque heure! J'avois pour chauffer ma cazematte un conduit de chaleur en fer qni la traversoit en long et aboutissoit dans la chambre d'entrée à un poële en fer de fonte. Toutes les fois qu'on chauffoit il y avoit de la fumée et la chaleur étoit effroyable. Une heure après il faisoit froid à cause de l'humidité de la voûte. Je ne me déshabillai jamais pour dormir car je n'avois pas de couverture et le drap de lit étoit trop sale*).

Le jour suivant, le 14, je reçus la visite du Major de Place et d'un médecin qui promit de m'envoyer une mixture pour la bile et du salep. La Major de Place me dit en me quittant qu'il espéroit que le soir je serais libéré. Je n'en pouvois plus de joie et cependant cette nouvelle m'a fait un grand mal, car depuis ce moment toutes les fois que quelqu' un entroit dans la grande chambre, ou qu'on ouvroit ma porte,

---

*) Outre les habits que j'avois sur moi, j'avois la pelisse d'ours de Tcherkasky et mes bottes chaudes. J'étendois la pelisse sur le lit et je dormois dessus, en faisant avec mes bottes chaudes et mon bonnet une espèce de coussin. J'avois deux mouchoirs de poche, qui au bout de 4 jours devinrent si sales que je fus ensuite obligé de me moucher avec les doigts.

je croyois qu'on venoit pour me libérer et toujours j'étois trompé. Je ne puis dire la sensation que j'éprouvois chaque fois. Lorsque les sentinelles se relevoient, la nouvelle venoit toujours examiner l'état dans lequel se trouvoit le cadenas de la porte, et je croyois que la porte alloit s'ouvrir et qu'on me relâcheroit.

Le 15 je fus presqu'au désespoir à cause de l'ennui: je crois que ma maladie entroit pour beaucoup dans ma position morale. J'allai jusqu'à me donner de la tête contre la voûte; heureusement je ne me fis pas de mal. On m'apporta du salep et ma médecine; on m'en donna une cuillerée et le bas officier la remporta en me disant qu'il étoit défendu de laisser chez moi toute la fiole, mais que toutes les 2 heures il viendroit me l'apporter. Je ne l'ai plus revue depuis*). Le médecin m'avoit prescrit un bouillon aulieu du manger ordinaire, mais je ne pus obtenir qu'une soupe au poisson assez bonne, mais qui me fit encore plus de mal à cause de la grande quantité de poivre qu'on y avoit mis.

En regardant par la fenêtre, je reconnus dans la cour le Obergutenfervalter Daniloff[78]) avec lequel j'avois fait une enquête en 1823 à Moscou et qui étoit venu diner chez moi. Outre les rayons en fer blanc que je fichois dans le mur, je fis des boulettes de pain noir, avec lesquelles je marquois aussi les journées. J'en mis 30, l'une au dessous de l'autre, en les écrasant contre la cloison. J'étois decidé, si après 30 jours le Comité ne me faisait aucune réponse, à ecrire à l'Empereur et à le supplier d'ordonner de hâter mon jugement.

---

*) Si j'étois tombé malade plus sérieusement, j'aurais été transféré dans un hôpital. J'ai vu Fournier[77]) qui y a été et qui en fait le plus grand éloge. J'ai appris depuis que M. Fon Viesen avoit fait deux maladies au cachôt. Cela peut-il être vrai? je le demande.—Le Major de Place, voyant ma prison remplie de fumée ordonna de laisser pendant quelque temps la porte ouverte. C'est une drôle de sensation que celle qu'on éprouve dans une prison dont la porte est ouverte et dont on ne peut cependant pas sortir.

J'aurois consenti alors à être fastigé, à être dégradé, pourvu qu'on me rendit la liberté. Les inventeurs de la potence et de la décapitation sont des bienfaiteurs de l'humanité; celui qui a inventé le secret est un infâme scélérat; ce n'est pas une punition corporelle,—c'est une punition morale. Ceux qui n'ont jamais été mis au secret ne peuvent pas comprendre ce que c'est. Et encore je voyois du monde dans la cour, le soir j'avois de la lumière... Dans cette même forteresse la plupart des fenêtres sont peintes avec de la croie à l'extérieur, excepté les deux carreaux duhaut. Il y a encore des sacs (мѣшки); ce sont des trous carrés qui sont si étraits et si peu profonds qu'on ne peut y rester ni debout, ni couché. Ce trou est fermé par une dalle avec un trou pour donner passage à l'air, et on n'y voit goutte. Je priois Dieu souvent et c'est la seule consolation qu'on puisse trouver. Après chaque prière j'étois beacoup plus tranquille et je puisois un nouveau courage. Je pensois encore qu'on feroit peut être chercher le Prince Théodore Chakofskoye pour lui demander s'il étoit vrai que je n'aye pas voulu entrer dans sa société; cela m'embarrassoit et je calculois qu'avant quinze jours il ne pourroit pas être arrivé. A minuit le bas-officier de service visitoit les serrures et emportoit les clefs qu'il remettoit au Major de Place. Si le feu avoit pris au bâtiment dans lequel j'étois, j'aurois été grillé avant qu'on ait eu le temps d'apporter les clefs: aussi défendis-je aux soldats de faire du feu pendant le nuit. On rapportoit les clefs à 8 heures de matin. Les soldats qui apportent les repas sont extrêmement silencieux: on ne peut en tirer une parole; une seule fois l'un d'eux m'a dit qu'à côté de la grande chambre à gauche il y avoit un corridor dans lequel il y a plusieures cazemattes pleines de monde et que dans l'une il y a 3 frères.

On ne donne ni fourchette, ni couteau, mais une cuillère de bois: la mienne n'étoit qu'une moitié de cuillère fort sale, avec laquelle j'avois toutes les peines du monde à pêcher

le peu de viande qu'il y avoit dans la soupe. Je suis assuré que le gouvernement paye beaucoup pour l'entretien des prisonniers, mais des misérables ne manquent pas de mettre une partie de l'argent dans leurs poches. Quelquefois j'avois si faim, que je prenois un peu de pain sec chez les soldats et je le mangeois avec beaucoup d'appétit. Mon linge étoit d'une saleté affreuse; j'aurois donné mes 100 Roubles pour un peu de tabac et une pipe. Je me décidai à écrire au Général Levacheff. Je le priai d'ordonner de me restituer mon portemanteau afin que je puisse changer de linge,—chose indispensable pour un malade; d'ailleurs, lui écrivois-je, dans ce portemanteau se trouvent des poudres que je prenois encore le jour où j'ai été saisi et qui sont indispensables pour ma maladie. Quelques jours après un aide-de-camp de place me rapporta ma lettre et me montra quelques lignes écrites dessus avec un crayon par le Général: il disoit que Sa Majesté avoit permis de me faire restituer mon portemanteau. Cependant je ne l'ai eu qu'après mon élargissement. Je suis resté au cachot pendant 9 jours avec le même linge; au bout de ce temps je me suis décidé à demander du linge destiné aux prisonniers. On m'apporta une chemise et un caleçon humides que je conserve encore. On avoit oublié de m'enlever l'écritoire et la plume; le soir je m'amusai à barbouiller sur un petit morceau de papier qui étoit resté de la feuille avec laquelle j'avois fait un paquet pour la lettre du Général Levacheff, mais l'officier d'artillerie m'ôtâ tout et me dit que cela étoit défendu. J'avois réservé deux des rayons en fer blanc pour moucher ma chandelle, mais les ayant aperçu, il les emporta, craignant probablement que je ne m'en servisse pour me couper la gorge. C'étoit aussi un homme très discret; je n'ai pu jamais rien apprendre de lui: il ne vouloit même pas causer, il se contentoit de parler un peu du beau temps et de la pluie. En prenant le thé je mettois de côté chaque fois un petit morceau de sucre pour avoir de

quoi faire passer le goût du dîner et ce sucre avec une tasse d'eau étoit délicieux. Mon lit avoit été premièrement placé contre la voûte, mais comme je craignois l'humidité, je le plaçai contre la cloison. Un invalide qui chauffoit le poële m'apporta une planche de la même épaisseur que l'une de celles sur lesquelles reposoit mon matelas ensorte que je fus un peu mieux couché.

Le 15 au soir le Major de Place vint dans la grande chambre et ordonna de nettoyer la cazematte qui étoit vis-à-vis la mienne, celle où se trouvoit le grand poële, et une autre séparée de la mienne par la cloison, contre laquelle étoit mon lit; je devinai qu'on alloit me donner des compagnons. En effet, une heure après il revint; j'entendis beaucoup de bruit, on entra dans la cazematte vis-à-vis la mienne et bientôt on tira les verroux et le Major de Place s'en alla. J'ai oublié de dire que dans la porte de chaque cachot se trouve un petit trou carré avec une vitre afin que la sentinelle puisse voir ce que fait le prisonnier. Ordinairement il y a un morceau de toile derrière ce verre ensorte que le détenu ne voit rien à travers; il n'y en avoit pas au trou de ma porte. Le prisonnier nouvellement arrivé en passant par la grande chambre avoit probablement vu de la lumière chez moi, car après quelques instants de silence il me dit d'une voix très forte et très dure: „Il faut absolument que nous nous parlions en françois". Je lui répondis que oui et lui demandai son nom.

„Je suis, me dit-il, Jakoubowitch[79]), capitaine des chasseurs; je suis aux fers (et il secoua terriblement ses chaînes) et bientôt je serai décapité".

Qu'on se figure ma terreur. Il me demanda qui j'étois. Je lui dis mon nom, il me dit qu'il ne me connoissoit pas (не разслыхалъ).

—Je consens, lui dis-je, à causer, mais ne parlons pas, chantons!

Et depuis nous nous sommes toujours expliqués ainsi. Comme il est un peu sourd d'oreille, j'étois obligé de crier pour me faire entendre, aussi parlai-je très peu et pour éviter toutes ses questions je lui dis que depuis longtemps avant mon départ j'étois malade et que par conséquent je ne savois pas tout ce qui s'étoit dit et fait depuis le 14. Il finit par entendre mon nom, se rappeler qu'il avoit passé une soirée avec moi chez Netchaeff[80]). Il m'engagea à ne rien cacher en disant que le Comité sait tout. Il prétend que c'est pour n'avoir pas tout avoué qu'on l'a mis aux fers, qu' Alexandre Bestougeff[30]) l'a dénoncé comme ayant eu le projet d'assassiner le défunt Empereur. Avant son arrivée à St.-Pétersbourg il n'a appartenu, dit-il, à aucune société. Là étant allé un jour se promener avec Bestougeff et parlant du gouvernement, celui-ci lui confia qu'ils avoient une société dont le but étoit de changer la forme du gouvernement, et lui proposa d'en être. Il y consentit, et ce fut alors qu'il dit à Bestougeff en l'air à ce qu'il prétend, que depuis longtemps il vouloit assassiner l'Empereur Alexandre. Il me conta que le 13*) les conspirateurs lui ont dit que plus de 9000 hommes seroient à leurs ordres et que Troubetzkoye[81]) assura que toute la 2-de armée se révolteroit, qu'enfin on le pria de commander deux régiments, mais que le 14 étant venu dans ces régiments et ayant vu que les officiers ne vouloient pas lui obéir et vouloient du sang, il se retira et se rendit auprès de l'Empereur. Tout ce récit est, je crois, faux, au moins cet homme s'est conduit le 14 comme un misérable. Il m'a fait le plus grand éloge du Grand Duc Michel, disant que c'étoit lui qui d'un mauvais cachot l'avoit fait transférer dans cette cazematte. Il me dit que dans le Comité derrière un paravant que j'ai en effet remarqué se trouve un sténographe qui écrit ce que vous dites, afin de

*) т. е. наканунѣ возстанія. Б. М.

comparer vos paroles avec la réponse que vous envoyez par écrit.

Ses fers consistent en deux bracelets en fer unis par une barre de fer. Il dit que ces bracelets lui ont rongé la chair; je ne le crois pas, car je suis sûr qu'on les lui auroit ôtés. Un soldat lui a dit que plusieurs personnes avoient des fers aux pieds. Il prétend qu'on l'a beaucoup questionné au sujet d'une soit disante société en Georgie et m'a juré qu'il n'y en avoit pas.*) Ce qui a pu le faire penser c'est que l'année dernière, pendant qu'il se trouvoit aux eaux du Caucase, le Prince Buchna Volkonsky[83]) y vint aussi et l'engagea à entrer dans sa société. Ne voulant pas faire partie d'une société où se trouvoit un tel imbécile, il lui dit, pour se débarrasser de lui, qu'ils avoient une société en Georgie, et il prétend que Buchna a dit cela dans sa déposition [83]).

Je crois qu'il a encore quelqu'espoir de ne pas être mis à mort, car il me dit qu'il craignoit beaucoup qu' on ne l'envoyât aux mines. Il souhaiteroit être fait soldat, afin, dit-il, de trouver la mort dans une bataille. Enfin il désireroit que l'Empereur les envoyât tous avec les soldats qui se sont révoltés au Caucase, pour s'emparer de Chiva. Quelquefois il étoit assez gai; je l'ai entendu se moucher souvent, - probablement il pleuroit. Toutes les fois que ses fers faisoient du bruit, je tressaillois. Il me pria de dire au Sénateur Kouchnikoff[84]) et à Denis Davidoff[85]) qu'il mouroit comme un vrai Russe pour sa patrie et pour sa liberté. Un jour on lui apporta l'Evangile en françois: il avoit demandé un livre à lire. Il me dit qu'il trouvoit là de grandes consolations. Quelque temps avant le 14 il faisoit l'athée ou l'étoit. Il me dit après une lecture que c'étoit l'amour propre et l'ambi-

*) Le compagnon d'infortune qu'on nous donna, comme on le verra, quelques jours après, m'a dit qu'il savoit qu'il existoit une société au Caucase. Voilà comme ces messieurs étoient au point de tout! Impayable!!

tion qui l'avoient perdu, qu'il espéroit le 14 dicter des lois au Sénat avec la pointe de son sabre. Il n'étoit fâché contre le défunt Empereur que parcequ'on l'avoit chassé des gardes.

„Eh bien, dit-il, figurez vous que j'ai appris ici que l'Empereur Alexandre avoit déjà donné l'ordre de me passer de nouveau avec le rang que j'ai aux lanciers de la garde. J'aurois été capitaine aux gardes à 30 ans; mon père.[86]) venoit de me donner 400 paysans; aimé, considéré de tout le monde, n'aurois-je pas été heureux et actuellement... je suis obligé de faire ma cour au bas-officier Gorbounoff (c'est celui qui envoie à manger), je suis dans les fers!“

Ces regrets me firent plaindre ce malheureux et en effet, comme il paroît, que c'est l' amour propre qui l'a perdu, si au lieu d'être à l'armée il avoit été aux gardes il n'auroit pas trempé dans la conspiration. Il me dit qu'il avoit eu auprès de lui le fils de sa nourrice, qu'il aimoit beaucoup et qui lui étoit très attaché. Que le 13 au soir revenant de chez Riléeff[87]) où tout avoit été arrangé pour le lendemain, cet enfant se jeta en pleurant à ses pieds, et comme il lui demanda ce qu'il avoit, il lui raconta un songe qu'il venoit d'avoir eu, dans lequel il l'avoit vu tout couvert de sang, ce qui lui avoit causé tant d'effroi, qu'il s'étoit réveillé; c'étoit au moment que lui, Jakoubowitch, rentroit. Il m'a dit qu'en prison il avoit écrit une lettre à l'Empereur Nicolas dans laquelle il lui dépeignoit tous les abus qui se commettent en Russie.

Jakoubowitch m'a dit qu'on l'avoit beaucoup interrogé au sujet de Yermoloff[88]), que ce général lui avoit écrit plusieures lettres dans lesquelles il se moquoit des allemands, que ces lettres étoient entre les mains des membres du Comité et que c'étoit peut être une des raisons pour lesquelles on avoit tant d'acharnement contre lui. Il m'a assuré qu'on l'avoit torturé deux fois: la première fois on lui donna fort peu à manger pendant deux jours et le soir du second

on lui apporta à manger du jambon et de la viande salée, et toute la journée suivante il n'eut pas une goutte d'eau à boire. Comme c'est un infâme fanfaron, je suis sûr que tout cela sont des mensonges. D'ailleurs le gouvernement est trop humain et trop noble pour recourir à de pareils moyens. C'est pour se rendre intéressant qu'il m'a conté cela [88]).

Ce n'est pas en un seul jour que Jakoubowitch m'a dit tout cela: c'est pendant tout le temps que j'ai été détenu, car nous ne nous parlions que lorsque la sentinelle étoit seule; dès que quelqu'un entroit, nous nous taisions et il y a des jours où nous ne nous sommes dit que deux ou trois phrases.

Le 17 au soir on amena un autre prisonnier qui fut placé dans la cazematte à côté de la mienne, mais il nous fut impossible de lui arracher une parole; enfin le 18 au soir il me pria en françois de demander je ne sais plus quoi à Jakoubowitch. Je lui demandai d'abord d'où il étoit, il me dit qu'il venoit de Toultchine et qu'il étoit aide-de-camp. Comme j'avois rémarqué qu'il étoit bègue, je devinai de suite que c'étoit le Prince Bariatensky [89]). Nous fimes les mêmes conventions avec lui que j'avois faites avec Jakoubowitch. Ce dernier perdit beaucoup à cette arrivée, car comme nous pouvions avec Bariatensky nous entendre sans crier trop fort, nous ne parlâmes plus que rarement avec lui. D'ailleurs vers les derniers jours il n'entendoit presque rien: il dit que c'étoit parceque sa blessure le faisoit souffrir.

Bariatensky me dit qu'il étoit l'ami de Pestel [90]), qu'il avoit été dans la société et qu'ils avoient eu un projet en l'air d'enlever le défunt Empereur. Il me dit que le Gouvernement savoit tout. Tant que je me suis trouvé là, on ne l'a pas conduit au Comité. Il s'attend à être puni fortement; il plaint beaucoup son vieux père [91]). Il m'a foit souvent rire par ses saillies. Je lui disois, ou plutôt je lui

chantois que cette affaire dureroit encore longtemps et que je ne serois probablement pas élargi avant la fin... „du monde", me répondit il. Cela me fit beaucoup rire. Je lui dis qu'on nous avoit fait passer par l'alambic avant de nous mettre ici, faisant allusions aux différents endroits où on nous avoit mis avant de nous enfermer dans la forteresse.

„Oui, me dit-il, avec cette différence que l'eau-de-vie quand elle passe par l'alambic devient plus forte et que nous, nous devenons plus faibles de jour en jour".

Un jour il pria Jakoubowitch de lui raconter les événements du 14. Celui-ci commença à chanter, mais peu-à-peu il finit tout bonnement par parler en criant et il disoit: „Les uns crioient „Ура! Константинъ!" Je fus obligé de l'interrompre et de le supplier de recommencer à chanter et de ne pas prononcer des mots russes. Il rit beaucoup de ma peur. Pour éviter autant que possible de dire des mots inutiles, nous réglâmes que toutes les fois qu'on n'entendrait pas la personne qui parleroit, pour la faire répéter, on donneroit deux coups avec le doigt. Pour dire *oui*, il falloit éternuer, pour dire *non* — tousser. Comme je me tenois souvent à la fenêtre, je pouvois voir arriver l'officier ou le Major de Place, d'ailleurs j'étois à côté de la porte; ainsi c'étoit moi qui imposois silence, je disois *Silenzio* sur l'air „*Doctor Bartolo*". A l'instant tout rentroit dans le silence. Pour écarter tout soupçon, nous chantions quelquefois des airs russes*).

*) Je n'ai parlé de ma conversation avec ces messieurs qu'à.... qui a eu l'imprudence de le raconter je ne sais à qui, ensorte que plusieurs personnes l'ont su à Pétersbourg. Heureusement cela ne s'est pas trop répandu et à l'arrivée du corps du défunt Empereur on n'en a plus parlé. On m'a cependant rapporté que quelqu'un avoit dit qu'il n'étoit pas étonnant que j'aie été si tôt libéré, qu'on m'avoit exprès mis à côté de ces messieurs pour leur tirer les vers du nez et que grâce au role d'espion que j'avois joué j'avois recouvré ma liberté!!

Lorsqu'on chauffoit ma chambre, je ne voyois rien par la fenêtre, les vitres du dehors étant couvertes d'humidité. Je cassai un petit coin d'un carreau intérieur et à l'aide d'une plume sur laquelle j'entortillois mon mouchoir, je nettoyois la vitre extérieure, ensorte que les derniers jours je pouvois toujours voir ce qui se passoit dans la cour.

Depuis que j'avois deux voisins je m'ennuyois un peu moins: je n'étois plus absolument au secret. Nous nous parlions, il est vrai, rarement, mais au moins je sentois près de moi des êtres comme moi. La cloison qui me séparoit de Bariatensky étoit très epaisse et pas une fente pour se parler à voix basse*).

Ordinairement le matin nous nous souhaitions tous le bonjour et chaque fois qu'il s'agissoit de chauffer, comme c'étoit le même poële qui chauffoit les trois cazemattes, chacun renvoyoit l'invalide à ses compagnons pour savoir s'ils désiroient qu'on chauffât. Nous riions beaucoup de ces politesses. Le cachot de Jakoubowitch donnoit sur la Néva, mais comme le grillage est très serré, il voyoit mal. Il avoit un talent particulier pour tirer les vers du nez aux soldats. Il parloit fort souvent avec la sentinelle; mais jamais nous n'avons appris rien d'intéressant. Son manger étoit absolument le même que le nôtre. Il avoit l'habillement de la couronne, consistant en un surtout de drap et des souliers sans bas. Pour le faire aller au Comité, on lui

*) Nous essayâmes pourtant de nous parler en appliquant nos bouches contre la cloison et nous pouvions nous entendre en parlant à voix basse. Cependant comme nous craignions d'être entendus par la sentinelle nous renonçâmes à ce procédé et continuâmes à chanter. A force de regarder nous nous aperçûmes que le mur de pierre n'adhéroit pas parfaitement à la cloison, mais cette fente n'avoit pas plus d'une ligne de large. Bariatensky essaya vainement de me passer par cette fente la lettre de son père et une lettre qu'il venoit d'écrire à Levacheff; comme il avoit plié le papier par la diagonale et que je n'en vis pas le bout quoiqu'il le glissa en entier, nous jugeâmes que la cloison étoit très épaisse.

avoit toujours mis son uniforme. Il s'étoit procuré un petit miroir. Il nous dit qu'il avoit une barbe énorme et que sa figure étoit effrayante.

Un jour je vis le Major de Place s'arrêter devant ma fenêtre, car la porte d'entrée du bâtiment étoit audessous d'une fenêtre à côté de la mienne. Quelques instants après il mit dans son traîneau un officier voilé. Je crus reconnoître Michel Narichkine[8]) et je restai plus d'une heure pour le voir revenir. Ce personnage fut ramené par un aide-de-camp de place; il ôta son voile et je vis un officier d'armée que je ne connois pas. Souvent en regardant par mon petit trou je voyois les soldats du corps de garde au fond de la place se mettre sous les armes; cela signifioit que le Major de Place passoit, en effet je le vis plusieurs fois avec des détenus voilés dans son traîneau.

Malgré la petite distraction que me causoient mes voisins, je m'ennuyois à mourir. L'attente continuelle de ma libération me minoit, pour ainsi dire. La saleté de mon linge me causoit une demangeaison qui m'empêchoit de me rendormir, si je m'éveillois pendant la nuit; d'ailleurs les soldats faisoient toujours beaucoup de tapage. Depuis quelques jours je ne voyois plus le Major de Place; je pensai que ce qu'il m'avoit dit au sujet de mon élargissement étoit simplement une phrase de consolation. Je lui écrivis pour le prier d'ordonner de me faire rendre mon linge. Il me promit que bientôt je l'aurois. Après diner nous marchions ordinairement avec Bariatensky pendant une heure. J'avois fait des boulettes avec du pain et chaque fois que j'arrivois à la fenêtre j'en jetai une dans ma tasse. Notre promenade finie je comptois les boulettes et comme nos cazemattes avoient 6 pas de long, nous savions, combien nous avions marché de verstes. Je m'endormois ordinairement à $8^1/_2$ heures, tout de suite après le souper. Le temps le plus désagréable étoit le matin depuis le moment du réveil jusqu'au

thé et l'après-dîner jusqu'à ce qu'on donnat de la lumière. Comme je croyois être relâché le soir et que le Comité se rassemble à 7 heures, depuis le thé jusqu'à ce que je fus endormi, chaque bruit me faisoit tressaillir. Je ne puis pas rendre tout le mal que me faisoit cette sensation. Je crois que la faiblesse de mes nerfs m'a fait souffrir plus que d'autres.

Le dimanche on ajoute un plat au dîner: ce sont de petits morceaux de boeuf grillé.

Le 20 un barbier vint me raser. Je crus d'abord que c'étoit un bon signe, mais il me dit que depuis 5 heures du matin il faisoit la barbe aux détenus. Bariatensky fut rasé aussi. Je ne savois pas si on avoit rasé Jakoubowitch; j'eu l'imprudence de le lui demander.

„Non, me répondit-il, on ne rase pas ceux qu'on a condamné à mort!"

Je vois que ma question lui avoit fait beaucoup de peine.

J'aurois donné bien cher pour savoir ce qui se passoit avec Dannass[1]); je n'étois pas sûr qu'il fût à la forteresse, je le pensois cependant, car je n'étois pas plus coupable que lui. Si j'avois su dans quelle position il se trouvoit, je me serois toujours attendu à la même chose, soit que cette position fût meilleure ou plus mauvaise que la mienne. Un jour je me hazardai de parler de lui à l'officier d'artillerie, mais il me dit qu'il étoit étonné de ma question, qu'ayant servi moi-même je devois connoître le service et que son devoir étoit non seulement de ne me donner aucunes nouvelles de qui que ce soit, mais même d'ignorer mon nom. Je ne savois trop à qui je ferois mieux d'écrire — à l'Empereur, au Grand Duc ou au Comité pour hâter mon jugement, dans tous les cas j'étois décidé à le faire, si [illegible] sans qu'on m'eût déclaré si j'étois reconnu coupable ou innocent[2]).

---

[1]) Le cinquième jour de ma détention je supplia un invalide qui faisoit notre poêle et qui venoit le matin balayer ma casemate de me procurer

Le 22 je résolus d'écrire à Moscou; je demandai du papier et j'écrivis deux lettres—à ma mère et à ma femme. Je voulus les envoyer le lendemain. J'ecrivois lentement, pour que cette occupation durât plus longtemps. Depuis 3 jours j'avois très bon appétit et j'avois fini par trouver bon jusqu'au gruyau avec le beurre rance. Comme j'avois été trompé bien des fois par l'espoir d'être libéré, les entrées dans la grande chambre et l'ouverture de la mienne ne me causoient plus le même sentiment pénible d'attente qu'autrefois.

Le 22 au soir après mon souper j'ôtai mes bottes et mon pantalon pour la nuit. Je faisois cela depuis quelques jours. Comme il m'est fort souvent arrivé le contraire de ce que je pensois, j'avoue que quelquefois, quand j'ai envie d'une chose, quand j'espère quelque chose, je me dis à moi-même le contraire en espérant qu'elle arrivera. Par exemple, quand je pensois rester 30 jours au moins à la forteresse, je me le disois à moi-même, mais j'espérois que le contraire arriveroit. C'est fort plaisant de chercher à se tromper ainsi soi-même. Ainsi quand je me déshabillois en me couchant, c'est comme si je me disois: „il est sûr qu'aujourd'hui le Major de Place ne viendra plus me libérer, car il est 8 heures et la fois qu'il m'a conduit au Comité il est venu me prendre à 7 heures; ainsi je puis me déshabiller", et, en même temps, j'espérois que ce seroit peut-être précisément ce jour-là que je serais libéré. Le 22 je ne sais comment, je m'endormis à 10 heures et j'étois fermement persuadé que le Major de Place ne viendroit plus. A 11 heures je fus réveillé par le tapage des soldats et comme je leurs dis qu'ils me fissent le plaisir de parler un peu plus bas, ils me parlèrent très grossièrement et firent plus de bruit que jamais. Une demi-heure après je les entendis se lever avec

---

un peu de savon. Je lui promis de le récompenser, quand je serois liberé; il m'apporta un petit morceau de savon et j'eus le plaisir de me décrasser. Je n'ai plus revu ce brave homme.

précipitation et j'entendis la voix du Major de Place. Il ouvrit mon cachot et me pria de le suivre.

„Oui, lui dis-je, dans quelque cachot plus mauvais que celui-là, — et pourquoi, s'il vous plait?

—Non, me répondit-il, Vous êtes libre, venez entendre cela dans le Comité.

Vite je m'habillai et sans pouvoir dire adieu à mes compagnons, qui dormoient, je le suivis, déjà sans voile. En entrant dans la grande salle de la maison du commandant deux aides-de-camp — celui du ministre de la guerre M-r Sabouroff[93]), et celui du Grand Duc-M-r Ouchakoff[94])—me félicitèrent avec ma liberté. Le premier s'étoit beaucoup intéressé à mon sort. Un moment après je vis sortir du Comité, l'un après l'autre, voilés, Alexandre Bestougeff, très bien mis en uniforme, mais sans épaulettes, Pouchchine le Pionnier[96]) et le colonel des ponts et chaussées Batenkoff[97]), en épaulettes tous les deux. Le commandant[58]) me félicita aussi; il a l'air d'un bien digne homme; il me dit que je n'aurois pas ce soir mon attestat et qu'ainsi je devrois encore coucher à la forteresse; il m'offrit une chambre chez lui et me demanda si je voulois souper. Je lui répondis que ne m'attendant pas à être libéré j'avois eu la sottise de souper dans ma cazematte. Quelques moments après le Général Potapoff[35]) vint me demander des nouvelles de ma soeur[98]). Enfin un aide-de-camp de l'Empereur me pria d'entrer dans le Comité. Là je trouvois le Grand Duc[99]) debout avec les autres membres derrière lui. Son Altesse Impériale me dit que le Comité ayant reconnu que non seulement je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète, mais que même je n'avois eu connoissance d'aucune société pareille, en avoit fait son rapport à l'Empereur, qui avoit ordonné de m'élargir. Il m'engagea à vouer ma vie au service de Sa Majesté. Je lui répondis que c'étoit mon intention. Il me dit que comme on devoit apposer à mon attestat de cachet de l'Empereur, je ne pour-

rois pas l'obtenir ce soir, mais que je l'aurois le lendemain matin, — et il ordonna de me le faire voir. Je lui fis un grand salut et m'en allois dans la chambre que le commandant m'avoit fait donner*). Là on avoit mis un drap de lit et des coussins sur un excellent divan. Enfin on eut pour moi toutes les attentions possibles. J'eus de la peine à m'endormir, tant j'étois bouleversé; je ne dormis cette nuit que deux heures. Le lendemain matin — politesse sur politesse: thé, café, déjeuner et la visite d'un aide-de-camp de place pour savoir, comment je me portois et si j'étois bien servi. J'avoue que dans ma cazematte j'étois tellement habitué à regarder tout le monde au-dessus de moi et à n'entendre que des bruits de soldats, que j'étois confus des politesses du domestique qui me servoit.

Enfin à 11 heures j'allai dans la grande salle. Là je trouvois un Comte Boulgari[101]) saisi à Karkoff. Il avoit la permission de sortir le jour, mais devoit coucher à l'hôpital où on l'avoit fait transférer de sa cazematte comme malade. Il m'a paru avoir tout l'air d'un mouchard. On m'assura que probablement je n'aurais mon attestat que le soir. Je suppliai le chef de la chancellerie Borovkoff[102]) d'ordonner de me rendre mes effets, car je pouvois sortir de la forteresse et je brûlois d'envie de me laver et de m'habiller proprement. On me donna un employer du Commissariat, avec lequel nous allâmes au Commissariat. Là il me rendit tous mes effets et mon argent sous quittance. J'y ai vu une caisse pleine de bijoux et 70000 ass. appartenant aux détenus. Il me dit qu'il y avoit plus que cela d'argent, mais qu'on l'avoit mis au

*) Voilà exactement tout ce qui s'est passé entre nous deux. Eh bien Monseigneur a dit au Prince Dmitri[100]) qu'il avoit été fort mécontent de moi, que j'avois reçu mon attestat avec un air impertinent et que j'avois parlé avec ironie et que j'avois paru plaisanter là-dessus! Cela a été dit 8 mois après. Je suis bien malheureux d'avoir eu des ennemis qui m'ont ainsi calomnié auprès de Monseigneur. Je jure que je ne pensois en ce moment comme actuellement qu'à continuer à servir Sa Majésté.

lombard, afin qu'on ne perdit pas les intérêts. Pendant qu'il déballoit mes effets, je fumois une pipe de son tabac. Il me parut délicieux.

De là je vins prendre une chambre chez Andrieux. Pétersbourg me paroissoit magnifique. En effet j'étois là comme transporté par une magie: j'étois entré de nuit et pendant 13 jours je n'avois vu que des prisons.

Je ne parlerai pas du plaisir que j'eus à revoir toutes mes anciennes connoissances et je fus bien sensible à l'intérêt que tous mes amis m'avoient témoigné pendant mon emprisonnement.

Samedi soir j'allois à la forteresse, où on me donna mon attestat*). Je me reposai le dimanche et je trouvai une occasion pour Moscou: un M-r Jakovleff partoit le surlendemain et consentoit à me prendre.

Dimanche soir j'allai chez M-me Apraxin[103]) où je passai la soirée avec ma belle soeur Sophie[104]) et mon excellent beau frère[105]) qui m'a bien prouvé, combien il m'aime. Il me dit que le Prince Tcherkasky[106]) étoit amené; je l'avois entendu dire à dîner par Tutcheff[107]). Je me souvins de la mystification que nous lui avions faite à Moscou au sujet d'une soit disante conspiration parmil aquelle nous plaçâmes Ermoloff[83]), Alexis Orloff[108]), le Prince Menchikoff[109]) et le Général Saratchinsky[110]); je me souvins aussi de sa poltronerie et en général de son moral. Je me montai la tête et

---

*) Къ дневнику Зубковъ приложилъ переводъ этого документа:

„Attestat. Par ordre de Sa Majesté l'Empereur le Comité chargé de découvrir la Société malintentionnée certifie que le Conseiller de la Chambre civile de Moscou Conseiller Honoraire Zoubkoff ainsi qu'il a été constaté par l'enquête non seulement n'a pas été membre de cette société, mais n'en a pas même eu connoissance. St. Pétersbourg 22 Janvier 1826. № 174. " Далѣе - подписи военнаго министра Татищева, генералъ-фельдцейхмейстера Михаила, князя Александра Голицына, генералъ-адъютантовъ Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашева и Потапова и начальника Канцеляріи Боровкова.

revenu à la maison je m'endormis avec la certitude presque d'être de nouveau arrêté.

Le lendemain matin je me lavois la figure quand un maître de police entra chez moi pour me prier de passer chez le Général-Gouverneur. Je ne doutois plus que ce ne fut pour m'arrêter encore. Je m'habillai à la hâte et nous allâmes chez le Général Koutousoff[111]). Il me reçut tout de suite et me prit mon attestat, en me disant qu'on avoit omis quelquechose et que dès qu'on l'auroit corrigé on me le rendroit. Il me demanda quand et comment je comptois partir. Je lui répondis que je voulois partir le lendemain par une occasion.

„Je pense, me dit-il, que vous ne voudrez pas partir sans votre attestat, ainsi attendez encore quelques jours".

Je m'en retournai chez moi fort peu content. Un moment après arriva mon frère[105]) qui savoit qu'on m'avoit fait chercher, car le maître de Police étoit venu la nuit chez lui, croyant que nous logions ensemble. J'étois fermement persuadé que c'étoit la sottise et la crédulité du nouvel arrivé qui me procuroient ce nouveau désagrement. Je résolus sans attendre qu'on me mit à la forteresse d'aller dire tout au Général Levacheff[89]). Je pris le traîneau de mon frère et j'arrivai chez le Général. Je me fis annoncer. Je ne puis exprimer dans quelle inquiétude je me trouvois. Enfin au bout d'une heure le Général sortit et s'approcha de moi. Je le priai de m'accorder un moment d'audience particulière. Il me fit de suite entrer dans sa bibliothèque; là je lui dis que j'avois une déposition à faire; alors il me conduisit dans son cabinet, s'assit et me fit asseoir à vis-à-vis de lui. Je lui dis comment on m'avoit repris mon attestat et j'ajoutai qu'ayant appris l'arrivée du Prince Tcherkasky[106]), c'étoit à sa déposition que j'attribuois le désagrément qui m'arrivoit. Je lui dis que Tcherkasky avoit été toujours le plastron de notre société et que je lui avois persuadé un jour pour me

moquer ensuite de lui qu'il y avoit une conspiration; je me suis même permis de nommer parmi les conspirateurs des personnes dont le dévouement à l'Empereur est connu. Je voulois continuer quand le Général qui pendant tout ce temps paroissoit, pour ainsi dire, ne pas vouloir m'écouter, me dit enfin:

„Mon cher Monsieur, je veux bien croire à tout ce que vous me dites, mais le Prince Tcherkasky n'a pas parlé de cela et ce n'est pas à cause de lui qu'on vous a repris votre attestat. C'est le Prince Obolensky [112]), qui vient de faire une déposition supplémentaire dans laquelle il dit que la société se partageoit en plusieurs classes, que vous avez appartenu à l'une de ces classes, celle dont faisoient partie beaucoup de gens mariés, dont le but étoit de travailler à propager les lumières. Quoique cette classe ne soit pas aussi blamâble que les autres, mais y étant vous avez dû avoir connoissance des autres et par conséquent de toute la société".

Je lui demandai si on me mettroit encore à la forteresse; il me répondit qu'il ne le savoit pas et m'engagea à ne pas parler de cette nouvelle aventure.

J'allai de suite chez M-me Apraxine [113]), occupé de la sottise que je venois d'avoir eue de parler de Tcherkasky. Je ne doutois plus qu'outre l'accusation d'Obolensky j'aurois encore à me laver de celle de Tcherkasky qui probablement alloit être questionné sur ce que j'avois dit au Général. Heureusement M-me Apraxine m'apprit qu'on venoit de recevoir de Iermoloff le rapport qui constatoit que lui et son corps avoient prêtés serment à l'Empereur. Je pensai qu'il me seroit bien facile de faire comprendre que ce que j'avois dit à Tcherkasky étoit une mystification.

Je revins dîner à la maison. Là nous restâmes avec mon beau-frère, les coudes appuyés sur une table depuis 3 heures jusqu'à 1 heure du matin, moi—me retournant toutes les fois qu'on ouvroit ma porte ou courant à la fenêtre dès

qu'un traîneau s'arrêtoit à la porte, car je m'attendois continuellement à voir entrer un feldjäger qui me conduiroit à la forteresse. J'étois si persuadé que j'y serais mis que je fis avec mon beau-frère mes arrangements pour avoir à la forteresse quelques livres, une pipe et du tabac. Je dormis la nuit assez mal. Enfin je fus dans cette inquiétude mortelle pendant trois jours. Au bout de ce temps un officier de Police vint me prier de me rendre de suite chez le Général-Gouverneur. Je ne savois trop à quoi m'attendre. Je fus reçu de suite. Le Général Koutousoff me rendit mon attestat en disant qu'on avoit changé d'idée et qu'on ne vouloit plus rien y ajouter; il me permit de partir.

Depuis j'ai apris qu'Obolensky n'ayant pas prouvé son accusation, on n'avoit pas voulu m'arrêter plus longtemps.

Quoique je suis enfin tout-à-fait libre, je ne suis pas sans inquiétude, car qui me répond qu'une dénonciation aussi fausse que celle d'Obolensky ne soit la cause d'une troisième arrestation. Chat echaudé craint eau froide.

Il faut s'être trouvé dans la même position que moi pour concevoir ce que c'est que 12 jours de cachot; à toute autre personne mes doléances paraîtroient ridicules. J'ai envie de faire la relation de tout ce qui s'est passé depuis la mort de l'Empereur jusqu'à la fin du procès; j'attendrai pour cela cette fin.

C'est pour vous, mes chers enfants, que j'ai fait ce récit. Votre bonne mère et bonne grand-maman[113]) l'on lu. Lisez le, plaignez les malheureux dont les idées fausses et exaltées ont causé la perte. Votre père a été entièrement innocent, quoi qu'on en dise dans le monde. Il a souffert uniquement à cause de ses liaisons avec quelquesunes des personnes compromises.

Примѣчанія.

1) Графъ Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій, генералъ-адъютантъ (р. 1769, ум. 1843), сенаторъ, авторъ „Записокъ"; онъ пріѣхалъ въ Москву 17-го декабря вечеромъ, съ порученіемъ привести Москву къ присягѣ в. к. Николаю Павловичу (См. Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 74 — 75).

2) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ (р. 25-го марта 1788, ум. 19-го марта 1842 г.), генералъ-маіоръ, женатый на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской (р. 1797, ум. 1885 г.), воспѣтой Пушкинымъ. По словамъ И. Д. Якушкина, Орловъ былъ первый изъ арестованныхъ въ Москвѣ по дѣлу 14-го декабря (онъ былъ увезенъ въ Петербургъ 21-го декабря и заключенъ въ крѣпость 28-го числа); по окончаніи суда онъ былъ приговоренъ къ аресту на одинъ мѣсяцъ, къ отставкѣ отъ службы безъ права вступленія въ нее и съ приказаніемъ жить въ деревнѣ.

3) Никита Михайловичъ Муравьевъ (р. 1795, ум. 1843 г.), капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, въ 1836 г. былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и поселенъ въ сел. Урикѣ, Иркутской губерніи, гдѣ и скончался.

4) Петръ Павловичъ Свиньинъ (р. 14-го февраля 1801, ум. въ Москвѣ 16-го апрѣля 1882 г.) въ 1825 году былъ поручикомъ Кавалергардскаго полка; въ „Алфавитѣ" декабристовъ о немъ записано: „Принятъ въ Сѣверное Общество въ 1825 году. Зналъ только то, что цѣль онаго было введеніе конституціи. Въ члены никого не принялъ; на совѣщаніяхъ общества не былъ; въ происшествіи 14-го декабря участія никакого не бралъ и въ сіе время находился внѣ Петербурга. Сознался, что вступилъ въ Общество по безразсудности. Содержался въ крѣпости съ 26 декабря 1825 г. По докладу Коммиссіи, 13-го іюня Высоч. повелѣно выпустить и перевесть тѣмъ же чиномъ въ полки 2-й арміи и ежемѣсячно доносить о поведеніи. По Высоч. приказу 7-го іюля переведенъ въ Харьковскій драгунскій полкъ" (стр. 651).

5) Александръ Лукичъ Кологривовъ, въ 1825 г. полковникъ Кавалергардскаго полка. Въ „Алфавитѣ" декабристовъ о немъ сказано то-же, что о Свиньинѣ; 13-го іюня его приказано было продержать въ крѣпости

еще 6 мѣсяцевъ, но 7-го іюля онъ былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ (стр. 302 — 303).

6) Павелъ Ивановичъ Колошинъ (р. 1799, ум. 22-го января 1854 г. въ Москвѣ), равно какъ и братъ его Петръ Ивановичъ (р. 11-го октября 1794, ум. 16-го декабря 1849 г. въ Петербургѣ), оба были членами Тайнаго Общества еще въ 1817 году, но затѣмъ изъ него вышли, почему Комитетомъ и были оправданы. Петръ Ивановичъ, съ 1817 по 1823 г. бывшій преподавателемъ въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ (гдѣ, какъ мы видѣли, учился В. П. Зубковъ) и числившійся по Гвардейскому Генеральному Штабу, въ 1825—1829 г. служилъ въ Департаментѣ Внѣшней торговли, затѣмъ былъ членомъ въ Департаментѣ Удѣловъ (1830—1832), вице-директоромъ Комиссаріатскаго Департамента (1832—1841) и, наконецъ, Членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ [1]). Привлекался къ отвѣту, но освобожденъ послѣ предварительнаго допроса. Павелъ Ивановичъ, о которомъ уже въ 1818 г. Бенкендорфъ доносилъ, какъ объ одномъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ тайнаго общества, въ 1821 г., по порученію Н. И. Тургенева, пріѣзжалъ въ Москву къ И. Д. Якушкину по дѣламъ общества (И. Д. Якушкинъ, Записки, стр. 64); онъ служилъ сперва въ военной службѣ, а въ 1823 г. былъ совѣтникомъ во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Гражданскаго Суда; здѣсь (6-го августа 1824 г.) его замѣстилъ В. П. Зубковъ, Колошинъ-же вышелъ въ отставку, женившись, въ апрѣлѣ 1824 года, (Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 358 — 359 и 44 — 45) на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой (ум. въ Москвѣ 16-го іюня 1871 г., на 66 г.), отъ брака съ которой имѣлъ, между прочимъ, сына Сергѣя Павловича (род. въ Москвѣ 10-го января 1825 г., ум. во Флоренціи 27-го ноября 1868 г.), довольно извѣстнаго впослѣдствіи литератора; у него и хранилось нѣсколько автографовъ Пушкина, которые онъ, какъ было сказано выше, въ 1866 г. передалъ въ Чертковскую Библіотеку („Русск. Арх.“ 1867, стр. 317). Послѣ возвращенія въ Москву изъ крѣпости, Колошинъ поселился въ своемъ имѣніи, с. Смольномъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно болѣе 10 лѣтъ (Разсказы Бабушки, стр. 289). О немъ въ „Алфавитѣ“ декабристовъ значится слѣдующее: „Вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1817 году. Былъ въ совѣщаніяхъ Коренной Думы въ 1820 году, гдѣ разсуждали нащетъ образа правленія, а равно и въ другихъ собраніяхъ, но при немъ ни вопроса, ни предложенія объ Августѣйшихъ особахъ не было. О намѣреніи Якушкина покуситься на жизнь

---

1) О немъ см.: Н. Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV; Записки кн. С. Г. Волконскаго; Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи; Н. В. Путята, Біографія Н. Н. Муравьева, С.-Пб. 1852, стр. 14, 15, 34, 36; В. Семевскій, В. Бочугарскій и П. Щеголевъ, Обществ. движенія въ Россіи, т. I, стр. 14, 22, 26 и 30; Д. Кропотовъ, Біографія гр. М. Н. Муравьева, стр. 95, 97, 211, 212, 213, 214, 215, 216; Записки кн. С. П. Трубецкого; Записки И. Д. Якушкина; Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885; „Русск. Стар.“, т. VII, стр. 660, т. 118, стр, 26, 27, 242; Г. Геннади, Словарь, т. II, стр. 152; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. I, стр. 212; „Старина и Новизна“, кн. VII; онъ былъ сотрудникомъ „Журнала древней и новой словесности“ 1818 г., „Сына Отечества“ 1818 г., ч. 48 и 50 и „Соревнователя“ 1824 г.

покойнаго Государя услышалъ уже въ Генварѣ 1818 г. По разрушеніи Союза Благоденствія, въ 1821 году, онъ считалъ себя свободнымъ. Хотя зналъ о продолженіи Общества, но никакого участія въ ономъ не бралъ и съ членами его не сближался. Въ 1824 году Пущинъ показывалъ ему проектъ Общества Соединенныхъ; прочитавъ его, онъ отвѣчалъ, что ему до этого дѣла нѣтъ. — Противу показанія Кашкина, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ на совѣщаніи, бывшемъ въ 1825 году у Оболенскаго, гдѣ положено было въ выборѣ членовъ сохранять болѣе осторожности, Колошинъ отвѣчалъ, что совѣщанія сего не помнитъ, но впрочемъ не смѣетъ отъ сего отрицаться и что если былъ на ономъ, но какъ знакомый только, оставаясь впрочемъ безгласнымъ. Содержался въ крѣпости съ 2-го генваря. По докладу о семъ Коммиссіи, Высоч. повелѣно 13-го іюня: продержавъ еще мѣсяцъ въ крѣпости, выпустить, запретивъ въѣздъ въ столицы, не опредѣлять въ службу и доносить о поведеніи его" (стр. 305—307).

7) Степанъ Михайловичъ Семеновъ (р. 27-го декабря 1789 г.), съ которымъ Зубковъ, по его показанію, познакомился лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста (т. е. когда Семеновъ былъ назначенъ въ Москву экспедиторомъ въ Канцелярію князя Д. В. Голицына), одинъ изъ даровитѣйшихъ декабристовъ, воспитывался въ Орловской Духовной Семинаріи, откуда поступилъ въ Московскій Университетъ, въ 1814 г. окончилъ курсъ кандидатомъ, а въ 1817 году получилъ степень магистра этико-политическихъ наукъ. Оставленный при Университетѣ, онъ одно время читалъ лекціи студентамъ, а въ 1819 г. перешелъ въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Министерства Просвѣщенія и занималъ здѣсь мѣсто столоначальника. 1822 — 1824 гг. онъ провелъ въ секретной командировкѣ по дѣлу объ убійствѣ въ Курской губерніи, вернувшись изъ которой, былъ, въ августѣ 1825 г., назначенъ экспедиторомъ въ Гражданскую Канцелярію Московскаго Генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Хорошо знакомый съ Семеновымъ въ Университетѣ и затѣмъ въ Петербургѣ Д. Н. Свербеевъ въ Запискахъ своихъ пишетъ про него слѣдующее: „Онъ замѣчателенъ былъ, кромѣ познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предразсудковъ, обладалъ классическою латынью и не чуждъ былъ древней философіи. Онъ всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ XVIII вѣка; Спиноза и Гоббесъ были любимыми его писателями. Лѣтъ семь-восемь послѣ этотъ Семеновъ сдѣлался душою тайнаго политическаго общества, подготовившаго мятежъ декабристовъ. Онъ содержался въ крѣпости и былъ подъ слѣдствіемъ, какъ секретарь общества, но отвѣты его передъ слѣдователями были до того преисполнены осторожной, хитрой и при всемъ томъ строго честной и юридической мудрости, что, какъ ни хотѣли предать его суду, вмѣстѣ съ прочими, исполнить этого не могли, и онъ безъ суда, вмѣсто всѣхъ другихъ наказаній, подвергся отправленію на службу въ Томскую, а потомъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и кончилъ жизнь" (Записки Д. Н. Свербеева, т. I, М. 1899, стр. 105 — 106). Далѣе Свербеевъ пишетъ про Семенова: „На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ, увлекаемый всѣми наглядными обольщеніями представительныхъ правленій, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ, не безъ крови, въ Испаніи, Германіи и

Италіи, онъ стремился къ одной задушевной мысли — учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правленіе и у насъ въ Россіи; сошелся со всѣми тогдашними заговорщиками противъ самодержавія и старался болѣе многихъ изъ нихъ пріобрѣтать новыхъ членовъ тайному обществу... Въ 1818 году Семеновъ жилъ въ домѣ..... графа Серг. Павл. Потемкина, женатаго на.... Елиз. Петр. Подчаской. Онъ былъ наставникомъ меньшого ея брата, князя Никиты, коротко познакомился съ старшимъ ея братомъ, княземъ Сергѣемъ Петровичемъ [декабристомъ] и, вѣроятно, черезъ него — со всѣми находившимися тогда въ Петербургѣ членами тайнаго ихъ общества... Семеновъ въ это время служилъ въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ, коего директоромъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и былъ очень коротко знакомъ съ братомъ его Николаемъ" (тамъ-же, стр. 275 — 276). Въ 1819 г. Семеновъ вступилъ въ члены Союза Благоденствія и вскорѣ Коренною Думою былъ избранъ въ секретари ея, а въ 1825 г. принятъ въ члены Общества, основаннаго Пущинымъ (Алфавитъ декабристовъ).—По окончаніи суда надъ декабристами Семеновъ былъ продержанъ 4 мѣсяца въ крѣпости, а затѣмъ сосланъ, безъ лишенія чиновъ и званія, въ Сибирь, „для употребленія на службу". Прибывъ въ Омскъ 30-го ноября 1826 г., онъ былъ назначенъ въ канцелярію Омскаго областного управленія, въ февралѣ 1827 г. опредѣленъ Усть-Каменогорскимъ окружнымъ судьею, а черезъ годъ — столоначальникомъ мѣстнаго окружного управленія. Въ 1829 году Семеновъ сопровождалъ по Омской области А. Гумбольдта. Лестный отзывъ о Семеновѣ, данный Николаю I знаменитымъ путешественникомъ, имѣлъ результатомъ высочайшее повелѣніе: „употребить Семенова.... на службу въ отдаленномъ мѣстѣ безъ права выѣзда"... Вслѣдствіе этого, Семеновъ попалъ (1830) канцелярскимъ служителемъ въ Туринскій окружной судъ и только въ октябрѣ 1838 г. былъ переведенъ столоначальникомъ въ Канцелярію Главнаго управленія Западной Сибири. Назначенный затѣмъ, въ іюнѣ 1841 г., совѣтникомъ въ Пограничное управленіе Сибирскихъ киргизовъ, онъ въ 1843 г. былъ опредѣленъ, совѣтникомъ-же, въ Тобольское Губернское правленіе. Прослуживъ здѣсь 10 лѣтъ, онъ умеръ 10-го іюня 1852 г. и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія, какъ человѣкъ большихъ дарованій и познаній, стойкихъ, независимыхъ и честныхъ убѣжденій, которыми онъ никогда и ни передъ тѣмъ не поступался (А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири, изд. 2, С.-Пб. 1905). Любопытныя подробности о Семеновѣ см. въ „Воспоминаніяхъ" М. И. Муравьева-Апостола („Русск. Стар." 1886 г., т. LI, стр. 545—548), въ „Запискахъ" Н. И. Лорера („Русск. Архивъ" 1874 г., кн. I, стр. 364 — 366), въ „Запискахъ" кн. С. П. Трубецкого („Записки Декабристовъ", Лонд. 1863, вып. II — III, стр. 30 — 31) и др.

8) Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ (род. 4-го февраля 1795 г.), полковникъ квартировавшаго въ Москвѣ Тарутинскаго полка, съ 1818 г. членъ Союза Благоденствія. Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ причисленъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и сосланъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но въ 1832 г. былъ „обращенъ на поселеніе" въ Сибири и жилъ въ Курганѣ, а въ 1837 г. переведенъ ря-

довымъ на Кавказъ. Онъ дожилъ до общей амнистіи декабристовъ, проживалъ одно время въ Москвѣ и здѣсь умеръ 2-го января 1863 г. Въ скитаніяхъ Нарышкина по Сибири и на Кавказѣ ему сопутствовала жена его, Елизавета Петровна, рожд. графиня Коновницына, скончавшаяся въ 1867 г. О Нарышкинѣ см. Записки бар. А. Е. Розена, Лейпц. 1870, стр. 297, Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, книгу А. И. Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири", изд. 2-ое, С.-Пб. 1905 и Записки А. И. Кошелева (Берлинъ. 1884, стр. 13, 14 и 16); по словамъ послѣдняго, въ началѣ 1825 г. у Нарышкина собирались кн. Оболенскій, Рылѣевъ, Пущинъ и др. У Нарышкина-же собирались декабристы въ періодъ послѣ 14-го декабря и до арестовъ, такъ какъ у него „сосредоточивались всѣ доходившіе до Москвы слухи и извѣстія изъ Петербурга".

9) Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель (род. 1783, ум. въ Петербургѣ 20-го сентября 1862 г.), отставной полковникъ, декабристъ 3-го разряда; арестованный 3-го января 1826 года въ Москвѣ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, затѣмъ жилъ на поселеніи въ Ишимѣ, Тобольскѣ, Тарѣ и снова въ Тобольскѣ, откуда и возвратился въ Россію въ 1856 году. До выхода въ отставку Штейнгель былъ адъютантомъ главнокомандующаго въ Москвѣ гр. Тормасова. Человѣкъ большого ума и съ недюжинными способностями, онъ издалъ нѣсколько книгъ по исторіи и оставилъ послѣ себя весьма любопытныя и цѣнныя „Записки", которыя изданы полностію въ книгѣ: „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I, С.-Пб. 1905 (здѣсь-же и біографія Штейнгеля и его портретъ).

10) Не генералъ Н. Н. Раевскій, а его два сына — Александръ и Николай Николаевичи были арестованы по этому дѣлу, но оба вскорѣ-же были освобождены.

11) Борисъ Карловичъ Данзасъ (род. 9-го октября 1799, ум. 18-го октября 1868 г.), близкій пріятель В. П. Зубкова и родной братъ товарища и секунданта Пушкина, воспитывался въ Лицеѣ, откуда выпущенъ былъ съ серебряною медалью въ 1820 году; причислившись (7-го іюля 1820 г.) къ Коммиссіи погашенія долговъ, Данзасъ 26-го апрѣля 1821 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому военному генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, 27-го ноября 1822 г. опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Московское Губернское Правленіе. Въ это время онъ, вмѣстѣ съ Зубковымъ, былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ. Данзасъ пользовался большимъ расположеніемъ князя Голицына; сообщая брату объ его арестѣ, А. Я. Булгаковъ писалъ 11-го января 1826 г.: „Изъ служащихъ при князѣ Дмитріи Владиміровичѣ взяты еще Кашкинъ молодой, Зубковъ и Данзасъ; этотъ послѣдній былъ при князѣ, какъ родной сынъ" („Русск. Арх." 1901 г., кн. II, стр. 343). Заключенный, какъ и Зубковъ, въ Петропавловскую крѣпость, Данзасъ былъ оправданъ Комитетомъ, но, по повелѣнію Николая I отъ 23-го января, продержанъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ („Алфавитъ" декабристовъ, стр. 215). Уволившись отъ службы 26-го апрѣля 1828 г., Данзасъ 24-го октября слѣдующаго года снова поступилъ къ князю Голицыну „для особыхъ порученій", принималъ участіе въ борьбѣ съ холерою въ Москвѣ, а 11-го мая 1835 г. опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-е отдѣленіе 5-го Департамента

Сената, въ 1838 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 2-го Департамента, въ 1839 году директоромъ Департамента Министерства Юстиціи (при графѣ В. Н. Панинѣ), куда вице-директоромъ вскорѣ былъ опредѣленъ его товарищъ В. П. Пальчиковъ. Назначенный въ 1843 г. оберъ-прокуроромъ 1-го Департамента Сената, Данзасъ въ 1851 пожалованъ былъ въ званіе сенатора; скончался въ званіи первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената и въ чинѣ д. тайн. совѣтника. Портретъ его находится въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Академіи Наукъ“ (С.-Пб. 1899).

12) Одинъ изъ ближайшихъ друзей Зубкова, больше его пострадавшій за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ, Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ былъ сыномъ Московскаго сенатора т. сов. Николая Евгеньевича Кашкина и жены его Анны Гавріиловны, рожд. Бахметевой (съ любовью и уваженіемъ упоминаемой въ письмахъ Карамзина), родился 17-го апрѣля 1799 г. въ Москвѣ, въ домѣ отца, въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ, и воспитывался дома; зачисленный въ Углицкій полкъ подпрапорщикомъ 20-го мая 1817 г., онъ 1-го октября произведенъ былъ въ портупей-прапорщики, черезъ мѣсяцъ переведенъ въ 38-й егерьскій полкъ, но вскорѣ (21-го февраля 1818 г.), съ производствомъ въ прапорщики, вернулся въ Углицкій полкъ и въ маѣ 1819 г. получилъ чинъ подпоручика, съ которымъ 20-го сентября 1820 г. переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ; здѣсь онъ служилъ и жилъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ по отцу — княземъ Евгеніемъ Петровичемъ Оболенскимъ, впослѣдствіи декабристомъ 1-го разряда (см. ниже, прим. 112). Выйдя въ отставку, въ чинѣ поручика, 24-го сентября 1820 года, Кашкинъ 3-го ноября 1824 года опредѣлился засѣдателемъ въ 1-й департаментъ Московскаго Надворнаго суда, гдѣ явился сослуживцемъ И. И. Пущина, бывшаго въ томъ-же Департаментѣ судьею. Съ Зубковымъ онъ познакомился въ 1820 году, когда переселился въ Москву и, живя въ отставкѣ, „занимался французскою политикою“ (см. выше, стр. 188). Привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ, Кашкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 11-го января 1826 г. заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ протоколѣ засѣданія Коммиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюня 1826 г. рукою А. И. Чернышева противъ его имени отмѣчено: „Продержать шесть мѣсяцевъ въ крѣпости и запретить потомъ въѣздъ въ столицы“, но въ спискѣ декабристовъ, принадлежавшемъ императору Николаю I, читается объ немъ (стр. 289), между прочимъ: „Высочайше повелѣно 15-го іюля: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Архангельскъ и ежемѣсячно доносить о поведеніи“. — Поступивъ въ канцелярію генералъ-губернатора Архангельскаго, Олонецкаго и Вологодскаго (7-го февраля 1827 г.), Кашкинъ 20-го іюля того же года былъ прощенъ и, за кончиною отца (18-го мая 1827 г.), получилъ разрѣшеніе жить, „для устройства дѣлъ по имѣніямъ“, въ Калужской и Тульской губерніяхъ, безъ права въѣзда въ столицы.

Поселившись въ приданомъ имѣніи матери (умершей еще 30-го января 1825 г.), селѣ Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда Калужской губерніи, онъ въ имѣніи Охотниковыхъ селѣ Татаринцахъ, того же уѣзда, познакомился съ дочерью выходца изъ Саксоніи колл. асс. Ивана Ѳедо-

ровича Миллера и жены его Іуліаніи Григорьевны, рожд. фонъ-Гагенъ, Екатериною Ивановною (род. 1-го мая 1806 г.), съ которой и обвѣнчался въ Прысковской церкви 30-го апрѣля 1828 г. (она умерла въ Калугѣ 18-го октября 1879 года; погребена въ Прыскахъ; братъ ея Николай Ивановичъ Миллеръ былъ директоромъ Имп. Александровскаго Лицея, потомъ почетнымъ опекуномъ, генераломъ-отъ-инфантеріи и ум. въ Петербургѣ 30-го декабря 1889 года).

Всю послѣдующую жизнь С. Н. Кашкинъ занимался исключительно, ревностно и успѣшно сельскимъ хозяйствомъ. Для воспитанія дѣтей онъ исхлопоталъ право въѣзда въ Москву (около 1835 г.) и Петербургъ (около 1842 г.) и большинство зимъ сталъ проводить въ этихъ городахъ. Имѣніе его раздѣлилось между его 4 сыновьями (изъ которыхъ одинъ, Николай Сергѣевичъ, пострадалъ по дѣлу Петрашевскаго) и дочерью. С. Н. Кашкинъ умеръ 7-го ноября 1868 г. въ с. Н. Прыскахъ, гдѣ и погребенъ. (Сообщ. Н. Н. Кашкинъ).

13) Аннѣ Ѳедоровнѣ, рожд. Пушкиной (род. 25-го іюля 1803, ум. 15-го марта 1889 г.).

14) Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, рожд. Васильчикова (р. 1781, ум. 1841 г.), жена Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

15) т. е. Б. К. Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

16) Князь Черкасскій, Петръ Дмитріевичъ (род. 22-го февраля 1799 г.), въ 1825 г. служилъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, а въ 1827 — 1834 г. былъ совѣтникомъ въ 1-мъ Департаментѣ Московской Гражданской Палаты (послѣ Зубкова); затѣмъ былъ Симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ д. с. совѣтника 3-го декабря 1852 г.

17) Петръ Александровичъ Мухановъ (род. въ 1798 г.), „одинъ изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени“ („Русск. Стар.“, т. III, стр. 521), воспитанникъ Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ (вып. 1816 г.), въ 1819—1823 г. офицеръ л.-гв. Сапернаго батальона и адъютантъ П. В. Голенищева-Кутузова, а затѣмъ — штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, куда былъ переведенъ 9-го марта 1821, въ 1825 году былъ адъютантомъ при генералѣ Н. Н. Раевскомъ (съ 15-го апрѣля 1823 г.). Связанный узами дружбы съ Рылѣевымъ („Русск. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 521; Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1874 г., стр. 305 — 307 и „Русск. Стар.“ 1888, т. LX, стр. 325 — 327, 583 — 584, 586, 589 — 592, гдѣ приведены письма Муханова 1824 — 1825 г. къ Рылѣеву, А. О. Корлонивичу и Ѳ. В. Булгарину), Мухановъ былъ знакомъ на югѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, съ Пушкинымъ (въ Одессѣ), А. Бестужевымъ и другими писателями и самъ былъ не чуждъ литературы: такъ, онъ въ 1822 г. написалъ, съ П. Н. Араповымъ, либретто къ оперѣ „Лунная ночь, или домовые“, съ музыкой А. А. Алябьева, своего пріятеля (П. Араповъ, Лѣтопись Русскаго театра, С.-Пб. 1866, стр. 320), въ 1825 г. напечаталъ двѣ статьи о Грузіи въ „Моск. Телеграфѣ“ (ч. XIX и XXI), а въ „Уранiи“ Погодина помѣстилъ одинъ изъ ряда очерковъ Московской жизни: „Свѣтлая недѣля въ Москвѣ“ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. V, стр. 335 — 336). Близкаго участія въ тайномъ обществѣ онъ не принималъ, хотя въ 1819 г. и былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія; онъ

хорошо зналъ многихъ его членовъ и послѣ 14-го декабря выражалъ горячее участіе къ ихъ судьбѣ (Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 75—77). Привлеченный къ слѣдствію, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что„ произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта", былъ за это выдержанъ въ Выборгской крѣпости, а затѣмъ сосланъ въ каторжную работу, въ Читу (гдѣ, между прочимъ, на товарищескихъ лекціяхъ, читалъ курсъ русской исторіи), а въ 1835 году поселенъ въ Усть-Кудѣ; здѣсь у него бралъ уроки ариѳметики Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Мухановъ „былъ человѣкъ могучаго сложенія, широкоплечій и тучный, съ большими рыжими усами и нѣсколько суровый въ обращеніи" (Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, изд. 3-е, М. 1898, стр. 47). Поселившись затѣмъ въ Иркутскѣ, онъ собирался вступить въ бракъ съ начальницей Иркутскаго Института М. А. Дороховой (тамъ-же), но внезапно умеръ — 12-го февраля 1854 г. (Записки бар. А. Е. Розена, Лейпц. 1870).

18) Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ 2-й, замѣнившій въ іюлѣ 1825 г. Александра Сергѣевича Шульгина 1-го (переведеннаго въ Петербургъ на ту же должность)—Московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-маіоръ, впослѣдствіи С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта (ум. 20-го декабря 1854 г.).

19) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ (см. выше, примѣч. 19-е).

20) См. выше, примѣч. 7-е.

21) Василій Александровичъ Обресковъ (ум. 13-го іюня 1834 г., на 49 г.), Московскій полицеймейстеръ, полковникъ (до 1827), впослѣдствіи камергеръ, ст. сов.

22) Александръ Павловичъ Ровинскій (род. 7-го февраля 1778, ум. 23-го ноября 1838 г.), отецъ извѣстнаго иконографа Д. А. Ровинскаго былъ Московскимъ полицеймейстеромъ до 1-го мая 1830 г., когда былъ произведенъ въ д. с. совѣтники и причисленъ къ Герольдіи (о немъ см. „Русск. Обозр." 1895 г., № 10, стр. 803).

23) Вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ Зиловъ (род. 21-го августа 1798, ум. въ Москвѣ 3-го іюля 1865 г.), въ 1817 — 1823 гг. офицеръ л-гв. Преображенскаго полка, вышедшій въ отставку гв. штабсъ-капитаномъ и жившій въ Москвѣ, гдѣ былъ членомъ Общества Сельскаго хозяйства. Въ 1831—1833 г. онъ издалъ въ Москвѣ, въ 5 частяхъ „Басни А. Зилова", въ 1836 г. — „Стихотворенія" (М., 2 тетради) и въ 1843 г. — „Дневникъ Русскаго путешественника по Европѣ" (М., 2 части). Въ „Алфавитѣ" декабристовъ онъ, однако, не значится.

24) Князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, товарищъ Зубкова по выпуску изъ Училища для колонновожатыхъ, служилъ въ это время въ л-гв. Конно-егерьскомъ полку и былъ адъютантомъ при гр. М. С. Воронцовѣ, потомъ въ гражданской службѣ (директоромъ Коммерческаго Банка) и умеръ въ 1851 году въ чинѣ д. с. совѣтника; онъ былъ женатъ въ 1-мъ бракѣ на сестрѣ вышеупомянутаго декабриста П. А. Муханова — Елизаветѣ Александровнѣ.

25) Секундъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Зубковъ (род. 14-іюня 1762, ум. 4-го января 1804 г.).

26) Абрамъ Петровичъ Зубковъ (род. въ Москвѣ 4-го ноября 1791, ум. тамъ-же 8-го апрѣля 1856 г.), въ молодости служилъ въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ (1807 — 1812), Московскомъ и Иркутскомъ гусарскихъ (1812) полкахъ, въ 1816 г. вышелъ въ отставку поручикомъ и въ 1830-хъ гг. служилъ по выборамъ дворянства Дмитровскаго уѣзда, гдѣ у него было имѣніе — с. Полдышкино (всего въ Ярославской, Тверской и Московской губ. было у него свыше 1000 душъ). Онъ былъ женатъ, съ 6-го февраля 1821 г., на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

27) Графъ Егоръ Петровичъ Толстой (род. 1802, ум. 3-го апрѣля 1874 г.), пріятель братьевъ Мухановыхъ, съ которыми былъ хорошо знакомъ Пушкинъ въ Москвѣ въ 1826 — 1827 гг., поручикъ л-гв. Егерьскаго полка, адъютантъ при ген.-маіорѣ Нейдгардтѣ 2-мъ, при коемъ адъютантомъ-же былъ въ это время Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ, братъ жены В. П. Зубкова; впослѣдствіи, съ 1862 г., — сенаторъ.

28) Графъ Иванъ Петровичъ Толстой (род. 30-го октября 1810, ум. 18-го мая 1873 г. въ Москвѣ), впослѣдствіи тайный совѣтникъ.

29) Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ (род. 20-го августа 1788, ум. 30-го апрѣля 1854 г.), отставной генералъ-маіоръ, декабристъ четвертаго разряда, былъ арестованъ въ своемъ имѣніи Крюковѣ подъ Москвой; сосланный въ каторжныя работы, онъ жилъ затѣмъ въ Енисейскѣ, Красноярскѣ и Тобольскѣ (1838 г.), гдѣ занимался писаніемъ своихъ воспоминаній и записокъ по общественнымъ и инымъ вопросамъ. Въ 1853 году Фонвизину съ женой разрѣшено было, по ходатайству его брата Ивана, вернуться въ Россію, — и онъ поселился въ имѣніи послѣдняго, с. Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ и умеръ; погребенъ онъ въ г. Бронницахъ, у собора, рядомъ съ И. И. Пущинымъ, при чемъ на памятникѣ надъ его могилой (виднѣномъ мною въ 1900 году) написано: „*бывшій генералъ-маіоръ* М. А. Фонъ-Визинъ“. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ, рожд. Апухтиной, которая раздѣляла съ нимъ всѣ тягости ссылки и, овдовѣвъ, вышла за Ивана Ивановича Пущина, когда онъ вернулся изъ Сибири. О Фонвизинѣ см. у А. И. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905 и въ книгѣ: „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, С.-Пб. 1905, гдѣ напечатаны и всѣ Записки его.

30) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), извѣстный *писатель*, сосланный на Кавказъ и убитый горцами 7-го іюня 1837 г.

31) Павелъ Христофоровичъ Граббе, полковникъ Сѣверскаго конно-егерьскаго полка, впослѣдствіи графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи и наказной атаманъ войска Донского (род. 1789, ум. 15-го іюля 1875 г.); онъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Фонвизинымъ въ 1818 году. „Граббе не былъ судимъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, но за смѣлые отвѣты въ Комитетѣ послѣ нашего приговора, по волѣ высочайшей власти, онъ содержался нѣкоторое время подъ арестомъ въ Динабургѣ и потомъ отправленъ въ свой полкъ“ (И. Д. Якушкинъ, Записки, М. 1905, стр. 145); въ „Алфавитѣ“ декабристовъ (стр. 201) сказано, что Граббе до 19-го іюля содержался въ Динаминдской крѣпости.

32) Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ (род. въ 1793, ум. 11-го августа 1857 г. въ Москвѣ), декабристъ перваго разряда, приговоренный къ смерт-

ной казни, которая замѣнена ему была вѣчною каторжною работою, былъ арестованъ вечеромъ 10-го января 1826 г., слѣдовательно, днемъ позже Зубкова. И. Д. Якушкинъ оставилъ „Записки“, занимающія, по своему содержанію, первое мѣсто въ ряду мемуаровъ декабристовъ.

33) Упомянутая выше Наталья Дмитріевна Фонвизина, рожд. Апухтина; она осталась въ Москвѣ съ двумя дѣтьми-младенцами: Дмитріемъ (род. 26-го августа 1824) и Михаиломъ (род. 4-го февраля 1825 г.). О Н. Д. Фонвизиной см. статью В. И. Шенрока: „Одна изъ женъ декабристовъ“ — въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1894 г., №№ 11 и 12.

34) Извѣстная въ то время Петербургская гостинница и ресторанъ.

35) Алексѣй Николаевичъ Потаповъ (р. 1772, ум. 1847 членомъ Государственнаго Совѣта), 14-го декабря 1825 г. пожалованный званіемъ генералъ-адъютанта, былъ дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба и состоялъ членомъ Верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами.

36) Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, поручикъ л.-гв. Конно-егерьскаго полка, адъютантъ начальника штаба 2-й арміи генералъ-адъютанта Павла Дмитріевича Киселева, съ 13-го января 1826 г. служилъ въ л.-гв. Уланскомъ полку—до октября 1843 г., когда произведенъ въ генералъ-маіоры Свиты Его Величества; впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи, сенаторъ; род. въ Москвѣ 1-го октября 1802, ум. тамъ-же 16-го декабря 1888 г.

37) Можетъ быть, Семенъ Ардальоновичъ Шишковъ (р. 1807 г.), племянникъ министра А. С. Шишкова, въ это время корнетъ Сибирскаго уланскаго полка.

38) Александръ Викторовичъ Поджіо (р. 1797, ум. въ с. Воронкахъ, Черниговской губ., имѣніи своего друга, декабриста кн. С. Г. Волконскаго, 6-го іюня 1877 г.), отставной подполковникъ, декабристъ перваго разряда, сосланъ въ Читу, въ каторжныя работы, затѣмъ былъ въ Усть-Кудѣ и Иркутскѣ, въ 1856 г. вернулся въ Россію, а потомъ уѣхалъ за-границу, гдѣ провелъ около 10 лѣтъ. Учившійся у него въ 1840-хъ гг. Н. А. Бѣлоголовый такъ описываетъ наружность Поджіо, въ молодости отличавшагося рѣдкой красотой лица: „Длинные черные волосы, падавшіе густыми прядями на плечи, красивый лобъ, черные выразительные глаза, орлиный носъ, при среднемъ ростѣ и изящной пропорціональности членовъ“, давали Поджіо „привлекательную внѣшность и, вмѣстѣ съ врожденною подвижностью въ движеніяхъ и съ живостью характера, ясно указывали на его южное происхожденіе“. Въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ Бѣлоголовый оставилъ цѣнную характеристику этого „идеальнаго альтруиста“, какъ онъ его называетъ. Старшій братъ А. В. Поджіо, Іосифъ Викторовичъ, отставной шт.-капит., извѣстный не столько дѣятельностью въ тайномъ обществѣ (онъ попалъ въ 4-й разрядъ осужденныхъ), сколько своею несчастною судьбою (по проискамъ тестя своего Бороздина онъ 8 лѣтъ провелъ въ крѣпости), скончался въ Иркутскѣ 8-го іюня 1848 г.

39) Василій Васильевичъ Левашевъ (ум. въ 1848 г.), генералъ-адъютантъ (съ 1817 г.), впослѣдствіи графъ (1833), предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ снималъ первый допросъ со всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію и былъ членомъ Коммиссіи.

40) Иванъ Ивановичъ Пущинъ (р. 4-го мая 1798, ум. 3-го апрѣля 1859 г.,

погребенъ въ г. Бронницахъ, Московской губерніи, у городского собора, рядомъ съ М. А. Фонвизинымъ), декабристъ перваго разряда, другъ Пушкина, оставившій о немъ цѣннѣйшія воспоминанія, и одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Зубкова (см. выше, стр. 94-96). По словамъ М. А. Корфа, Пущинъ въ Лицеѣ былъ „одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой.... Сперва онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно, чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра.... Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 года, и съ этимъ погибла вся его будущность“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. CXVIII, стр. 553). По свидѣтельству князя Е. П. Оболенскаго, Пущинъ „промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ“ („Русскій заграничный сборникъ“, ч. IV, тетр. V, Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго, Лейпц. 1861, стр. 5). Поступокъ Пущина былъ настолько необыченъ, что, по его собственному показанію, князь Н. Б. Юсуповъ, „видя на балѣ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью“, и узнавъ отъ находившагося тутъ же В. П. Зубкова, что это Пущинъ, надворный судья, сказалъ: „Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное“ (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, С-Пб. 1899, стр. 76). По словамъ его лицейскаго товарища, свѣтл. князя. А. М. Горчакова, кн. Голицынъ былъ очень доволенъ службою Пущина, который въ это время въ Москвѣ „воевалъ противъ взятокъ“ („Русск. Стар.“ 1883 г., т. 40, стр. 164).

41) Князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской, отставной маіоръ, сперва офицеръ л.-гв. Семеновскаго, а затѣмъ (1817 г.) — 38-го егерьскаго полковъ, отнесенный судомъ къ восьмому разряду преступниковъ, такъ какъ отсталъ отъ общества и жилъ въ „отдаленной деревнѣ“; сосланный, послѣ приговора, на поселеніе въ Енисейскъ, онъ сошелъ съ ума и умеръ въ 1884 году. О немъ см. въ книгѣ А. А. Титова: „Одинъ изъ заключенныхъ въ Суздальской крѣпости“, М. 1904.

42) Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ (р. 1782, ум. 1857 г.).

43) Николай Ивановичъ Депрерадовичъ, генералъ-адъютантъ, командиръ 1-го кавалерійскаго корпуса (р. 23-го октября 1767, ум. 16-го декабря 1843 г.), затѣмъ — генералъ-отъ-кавалеріи.

44) Вѣроятно, Дмитрій Михайловичъ Соболевскій, живописецъ, учив-

шійся въ Дрезденѣ, въ 1825 году состоявшій учителемъ рисованія въ Московской губернской гимназіи (Мѣсяцословъ на 1825 г., ч. I, стр. 483).

45) Иванъ Ивановичъ Пущинъ, служившій въ это время въ Москвѣ судьей Надворнаго Суда, пріѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ А. И. Одоевскимъ (декабристомъ—поэтомъ) 8-го декабря 1825 г.; онъ уѣхалъ изъ Москвы „несмотря на все нежеланіе князя Д. В. Голицына дать ему отпускъ“ („Четырнадцатое декабря“, статья Пущина въ сборникѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, Лейпц., стр. 12), какъ бы для свиданія съ больнымъ отцомъ.

46) Александръ Павловичъ Бакунинъ (род. 1-го августа 1797 г.) воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ одновременно съ Пушкинымъ, И. И. Пущинымъ и Б. К. Данзасомъ и въ 1817 году былъ оттуда выпущенъ, какъ и Пущинъ, въ военную службу; поступивъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ состоялъ адъютантомъ генерала Н. Н. Раевскаго; когда же Семеновскій полкъ былъ раскассированъ (1820 г.), онъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1824 — 1828 гг., въ званіи камеръ-юнкера, состоялъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ кн. Д. В. Голицынѣ, съ которымъ около этого времени породнился, женившись, 23-го іюля 1824 г. (Щукинскій Сборникъ, т. I, М. 1902, стр. 387), на его племянницѣ Аннѣ Борисовнѣ Зеленской [1]), „воспитанницѣ“ его холостого брата князя Бориса Владиміровича Голицына. 21-го октября 1835 г., когда В. П. Зубковъ былъ переведенъ совѣтникомъ изъ 2-го въ 1-й Департаментъ Московской Уголовной Палаты, на его мѣсто опредѣлился Бакунинъ, до того бывшій совѣтникомъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи (съ этого мѣста въ 1828 г. ушелъ Б. К. Данзасъ). Выйдя затѣмъ въ отставку, Бакунинъ съ апрѣля 1838 по октябрь 1839 г. былъ Новгородскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ — вице-директоромъ 1-го Департамента Министерства Государственныхъ имуществъ, а съ декабря 1842 по октябрь 1857 г. занималъ постъ Тверского гражданскаго губернатора и дослужился до чина тайнаго совѣтника. Онъ умеръ въ Ниццѣ 25-го августа 1862 г.

Имя Бакунина связано съ именемъ Пушкина еще тѣмъ, что поэтъ-лицеистъ былъ влюбленъ въ его сестру, фрейлину Екатерину Павловну (ум. 7-го декабря 1869 г.), въ 1834 г. вышедшую за Александра Александровича Полторацкаго (род. 7-го іюля 1792, ум. 13-го марта 1855 г.), брата того Михаила Александровича Полторацкаго (также, какъ и Зубковъ, воспитанника Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ, выпуска 1821 г.), съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Пушкинъ еще въ Кишиневѣ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1126). Въ своихъ стихотвореніяхъ 1816 — 1817 г. поэтъ не разъ обращался къ Е. П. Бакуниной, которая возбудила въ немъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, „первую платоническую, истинно-поэтическую любовь“, и въ которую одновременно былъ влюбленъ и юноша-Пущинъ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I). Портретъ Е. П. Бакуниной (1832 г.), равно какъ и ея брата Александра Павловича, еще въ Лицейской формѣ (1813 г.) воспроизведенъ

---

1) Ея сестра была за профессоромъ Степ. Петр. Шевыревымъ (Д. Благово, Разсказы Бабушки“, С.-Пб. 1885, стр. 239).

въ „Альбомѣ Пушкинской выставки“ въ Москвѣ (М. 1899, л. 73). Овдовѣвъ послѣ первой жены, А. П. Бакунинъ въ 1838 г. женился на Маріѣ Александровнѣ Щулепниковой. М. А. Корфъ въ дневникѣ своемъ за 1839 г. выразился про своего однокурсника Бакунина, что онъ „человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. CXVIII, стр. 551). Къ слѣдствію о декабристахъ Бакунинъ, кажется, привлеченъ не былъ.

47) Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ (род. 25-го апрѣля 1804, ум. 27-го апрѣля 1842 г., въ Псковской губерніи), товарищъ по выпуску изъ Лицея В. К. Данзаса (1820 г.), заставшій тамъ еще Пушкина (послѣдній, въ поясненіе къ именамъ сосѣдей Онѣгина—Дуриной и Мизинчикова—отмѣтилъ въ рукописи: „Дурина“ и „Пальчиковъ“ (Соч. изд. Морозова, т. IV, 1904, стр. 27), разумѣя надъ послѣднимъ, быть можетъ, Владиміра Петровича или кого-нибудь изъ его родныхъ — помѣщиковъ Псковской губерніи). По окончаніи курса въ Лицеѣ, Пальчиковъ 9-го іюня 1820 г. поступилъ въ Департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ 13-го марта 1822 г. назначенъ былъ помощникомъ секретаря при директорѣ, но уже 5-го декабря того-же года перешелъ въ число чиновниковъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына (при которомъ, съ марта 1823 г., служилъ и В. П. Зубковъ), а съ 7-го января по 19-е октября 1825 г. былъ засѣдателемъ во 2-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда (здѣсь, въ 1-мъ Департаментѣ, судьею былъ въ это время Пущинъ, а засѣдателемъ — С. Н. Кашкинъ), послѣ чего опять состоялъ при князѣ Д. В. Голицынѣ. Въ концѣ 1834 или началѣ 1835 г. Пальчиковъ женился на Софьѣ Алексѣевнѣ Пещуровой, дочери Алексѣя Никитича Пещурова (род. 29-го апрѣля 1779, ум. 2-го сентября 1849 г.), подъ снисходительнымъ надзоромъ котораго, какъ Псковскаго губернскаго предводителя дворинства, находился нѣкоторое время (въ 1824 — 1826 гг.) сосланный въ Михайловское Пушкинъ, и которому впослѣдствіи, уже въ качествѣ Псковскаго губернатора (1829 — 1839), пришлось распоряжаться погребеніемъ поэта. Въ 1840 г. Пальчиковъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ уже вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи, гдѣ директоромъ былъ его товарищъ Б. К. Данзасъ. Въ этой должности Пальчиковъ и скончался. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1842 г. (№ 97) былъ напечатанъ краткій некрологъ его, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Лѣта цвѣтущія, благородство чувствъ, умъ возвышенный и полезная дѣятельность на поприщѣ службы заставляли еще многаго ожидать отъ него для отечества, для семейства, для друзей. Преждевременная его кончина пресѣкла сіи надежды, но память о немъ останется живою для всѣхъ тѣхъ, которые умѣли цѣнить его прекрасныя качества и рѣдкія дарованія“.

17-го іюня 1842 г. Б. К. Данзасъ писалъ А. Н. Пещурову изъ Петербурга: „Окончивъ оффиціальную часть письма (предложеніе Пещурову взять на себя сенаторскую ревизію Оренбургской губерніи), я прибавлю нѣсколько словъ, чтобы выразить живое участіе, которое я принялъ въ нещастіи, постигшемъ семейство Ваше; впрочемъ, кончина безцѣннаго Владиміра Петровича поразила меня самого до глубины сердца; по сіе

время, какъ въ первую минуту, не могу привыкнуть къ ужасной мысли, что мы его навсегда лишились. Нѣтъ обстоятельства въ службѣ и вообще по всѣмъ прочимъ свѣтскимъ и семейнымъ отношеніемъ, которое, напоминая о немъ, не возобновляло бы во всей силѣ сердечную грусть. Я въ немъ лишился лучшаго друга и считаю себя съ того времени какъ будто-бы осиротѣвшимъ. Лишившись его, я утѣшаю себя, однако же, мыслью, что Вы сохраните ко мнѣ то же доброе расположеніе, которое внушалъ Вамъ Владиміръ Петровичъ по добротѣ и дружбѣ ко мнѣ....." На сестрѣ Пальчикова былъ женатъ 1-мъ бракомъ Мих. Ив. Пущинъ, братъ друга Пушкина (К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣст." 1905, № 8, стр. 425).

48) Иванъ Николаевичъ Горсткинъ уже въ 1818 г. былъ, по словамъ доноса Бенкендорфа, однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ тайнаго Общества (Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV, стр. 210); онъ былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ („Русск. Стар." 1904, т. CXVIII, стр. 528); въ это время онъ служилъ въ л.-гв. Егерьскомъ полку, гдѣ въ 1820 году былъ подпоручикомъ; затѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ, продолжая состоять членомъ тайнаго общества („Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.", т. I, С.-Пб. 1905, стр. 294), въ которое былъ принятъ кн. Е. П. Оболенскимъ, и былъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, совѣтникомъ Московскаго Губернскаго Правленія. Арестованный послѣ 14-го декабря, онъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и, по окончаніи суда, былъ отправленъ оттуда 12-го іюля 1826 г. въ Вятку, вмѣстѣ съ С. М. Семеновымъ, ѣхавшимъ въ Тобольскъ (Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899, стр. 361 и „Алфавитъ" декабристовъ, стр. 198). Въ 1850-хъ годахъ онъ жилъ въ Москвѣ. По словамъ Н. С. Кашкина (сына декабриста), Горсткинъ былъ человѣкъ умный, но черствый, и товарищи относились къ нему холодно. Отрывки изъ его показаній приведены въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина: „Послѣ Отечественной войны" въ „Русск. Стар." 1904 г., т. CXVIII, стр. 253 — 254. Въ „Алфавитѣ" декабристовъ о немъ значится слѣдующее: „Въ 1818 г. былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія, но въ 1820 году отсталъ отъ онаго. Наконецъ въ 1825 г. поступилъ въ члены Управы, изъ старыхъ членовъ составленной въ Москвѣ Пущинымъ и Оболенскимъ, а потомъ въ Союзъ, подъ названіемъ практическаго, который учредилъ Пущинъ, замѣчая недѣятельность членовъ, и котораго цѣль состояла въ освобожденіи отъ подданства дворовыхъ людей, въ теченіе пяти лѣтъ, и въ поощреніи знакомыхъ своихъ послѣдовать сему примѣру, но дѣйствій его въ томъ никакихъ не было. Содержался въ крѣпости съ 24-го Генваря. По докладу Коммисіи 15-го іюня Высочайше повѣлено: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Вятку, гдѣ и состоять ему подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ мѣстнаго начальства, и ежемѣсячно доносить о поведеніи. О исполненіи сего писано Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ" (стр. 197 — 198).

49) Князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій (см. выше, примѣч. 16-е).

50) Князю Д. В. Голицыну.

51) См. выше, предисловіе, стр. 95-96.

52) Бориса Карловича Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

53) Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ (род. 26-го декабря 1800, ум. около

1879 г.), племянникъ героя Отечественной войны, воспитывался въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ, а затѣмъ въ Московскомъ Университетѣ („Воспоминанія“ его дочери Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1903, стр. 6). Выйдя въ Генеральный Штабъ, Тучковъ сблизился съ И. И. Пущинымъ, А. А. Бестужевымъ, кн. Е. П. Оболенскимъ, Муравьевыми-Апостолами, М. М. Нарышкинымъ и другими и въ 1818 г. примкнулъ къ Сѣверному Обществу; во время возстанія 14-го декабря находился въ Москвѣ, по службѣ, былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. „Послѣ допроса“, разсказываетъ Н. А. Тучкова-Огарева („Воспоминанія“, стр. 10), „отецъ громко сказалъ: Si vous voulez me mener à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré. Государь спросилъ, что это за шумъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ Генеральномъ Штабѣ, гдѣ онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца“, послѣ чего вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ имѣніи Яхонтовѣ, Пензенской губерніи, въ 1830-хъ — 1840-хъ гг. состоя Инсарскимъ предводителемъ дворянства. Его дневникъ за время командировки въ Тульскую губернію, для топографическаго и статистическаго описанія Одоевскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ, напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1900 г., № 8.

54) Ѳедоръ Григорьевичъ Кальмъ, полковникъ (съ 28-го января 1816 г.), въ 1821 году былъ командиромъ 28-го Егерьскаго полка, стоявшаго въ Кишиневѣ и входившаго въ составъ 2-й арміи; затѣмъ онъ командовалъ Одесскимъ полкомъ („Сб. Ист. Общ.“, т. 78), незадолго передъ тѣмъ вступивъ членомъ въ Союзъ благоденствія („Русск. Арх.“ 1866, ст. 1436); активнаго участія въ немъ Кальмъ, повидимому, не принималъ. Произведенный въ генералъ-маіоры 30-го августа 1824 г., онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, но въ декабрѣ 1825 г. былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ; по словамъ Д. И. Завалишина („Записки декабриста“, т. II, Мюнхенъ. 1904, стр. 35), послѣ ареста сидѣвшаго въ Зданіи Главнаго Штаба, въ комнатахъ квартиры Ѳ. К. Толя, тамъ, кромѣ него, собралось нѣсколько арестованныхъ: „полковой командиръ Кончіаловъ, Грибоѣдовъ, бригадный генералъ Кальмъ, два брата Раевскіе, Сенявинъ, сынъ адмирала, Машинскій — Подольскій предводитель дворянства — и князь Шаховской. Если бы каждый не былъ занятъ серьезными мыслями, то можно даже бы сказать, что намъ было весело. Офицеръ, бывшій при насъ... сказалъ намъ: „Господа, дайте мнѣ только слово, что вы не уйдете, а то дѣлайте, что хотите“. Онъ самъ водилъ насъ чрезъ ходъ со двора въ кондитерскую Лореда, бывшую рядомъ съ домомъ Главнаго Штаба. Особенно часто водилъ меня..... и Грибоѣдова, игру котораго на фортепіано любилъ слушать. Мы помѣщались всегда, разумѣется, въ отдѣльной комнаткѣ; офицеръ былъ близкій знакомый въ кондитерской, и намъ все подавали изъ внутреннихъ комнатъ хозяевъ“ (см. также брошюру П. Е. Щеголева; „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“, С. Пб. 1904, стр. 23 — 24).

Какъ видно изъ письма П. Д. Киселева къ К. Я. Булгакову отъ 28-го апрѣля 1826 г., Кальмъ въ это время былъ уже освобожденъ (А. П. Заблоцкій-Десятовскій, „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, т. IV, С.-Пб. 1882, стр. 45), но и уволенъ отъ службы. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о

немъ записано слѣдующее: „Принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, но вскорѣ отсталъ и не участвовалъ въ Тайныхъ Обществахъ, возникшихъ съ 1821 года. Онъ подозрѣвался въ знаніи о существованіи Южнаго Общества по тому случаю, что подполк. Хотяницовъ сказалъ, будто бы Кальмъ, въ 1823 году, совѣтовалъ ему уклониться отъ Общества, но Кальмъ отвергъ сіе показаніе, и всѣ главные члены удостовѣрили, что со времени уничтоженія Союза Благоденствія Кальмъ не имѣлъ съ ними по Обществу никакого сношенія. Съ 14-го Генваря содержался подъ надзоромъ Дежурнаго Генерала. Высоч. приказомъ 18-го апрѣля 1826 г., по прошенію его, прежде 1-го Генваря поданному, уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованія“ (стр. 276 — 277).

55) Николай Павловичъ Воейковъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Московскаго полка, адъютантъ А. П. Ермолова, въ іюлѣ 1825 г. бывшій въ Петербургѣ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. VI, стр. 521), по отзыву Ермолова — человѣкъ „благороднѣйшихъ свойствъ“ (тамъ-же). На Кавказѣ онъ былъ сослуживцемъ декабриста А. И. Якубовича; нѣсколько писемъ его (1822—1823 г.) съ Кавказа къ А. А. Муханову напечатаны въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина“ (ч. X, М. 1902, стр. 307 — 313). Воейковъ умеръ, будучи Медынскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ декабрѣ 1871 г. и оставилъ записки о своей службѣ на Кавказѣ, гдѣ онъ былъ съ 1816 г., и объ Ермоловѣ („Русск. Арх.“ 1873 г., кн. II, ст. 1484). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ отмѣчено слѣдующее: „Былъ взятъ по подозрѣнію о участіи въ мятежѣ 14 декабря и о принадлежности къ Кавказскому Тайному Обществу, о существованіи коего было сдѣлано показаніе княземъ Волконскимъ, со словъ Якубовича, съ которымъ онъ видѣлся на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. По изслѣдованію оказалось, что въ Кавказскомъ корпусѣ тайнаго общества не существовало, и самъ Якубовичъ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ Волконскому говорилъ объ ономъ ложно, и спрошенные о Воейковѣ главные члены Сѣвернаго и Южнаго Обществъ отозвались, что онъ ни къ первому, ни къ послѣднему, а равно ни къ Союзу Благоденствія не принадлежалъ и въ мятежѣ не только не принималъ участія, но и не зналъ о предположеніи онаго. Содержался въ Главномъ Штабѣ. По Докладу коммиссіи, по Высоч. повелѣнію освобожденъ 20 Февраля съ аттестатомъ“ (стр. 131—132).

56) Иванъ Петровичъ Липранди (род. 17-го іюля 1790, ум. въ Петербургѣ 9-го мая 1880 г., погребенъ на Волковомъ кладбищѣ), авторъ цѣнныхъ воспоминаній о Пушкинѣ и сочиненій по военной исторіи, участникъ войнъ 1806 — 1807 г. со шведами, 1812 и 1815 г. съ французами и 1828 — 1829 гг. съ турками; началъ службу въ 1807 г. колонновожатымъ въ свитѣ Е. В. по квартирмейстерской части, съ 1820 г., уже въ чинѣ подполковника, служилъ въ Камчатскомъ, съ 1821 — въ Якутскомъ и съ апрѣля по ноябрь 1822 — въ 33-мъ егерьскомъ полкахъ, послѣ чего вышелъ въ отставку полковникомъ и состоялъ при гр. М. С. Воронцовѣ, а въ октябрѣ 1825 г. снова поступилъ въ квартирмейстерскую часть подполковникомъ (формуляръ). Въ 1820 — 1823 г. Липранди встрѣчался съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ затѣмъ, несмотря на то, что состоялъ правительственнымъ тайнымъ агентомъ, былъ арестованъ — 11-го января 1826 г. (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М. 1893, стр. 82), однако Комитетомъ

былъ не только оправданъ, но 11-го мая 1826 г. получилъ Всемилостивѣйшее пожалованіе въ 2000 р. (формуляръ) и въ декабрѣ за отличіе произведенъ въ полковники. Прослуживъ до 1832 г., онъ былъ уволенъ генералъ-маіоромъ, въ 1840 г. причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1843 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники, а съ 1856 г. по 1861 г. былъ причисленъ къ Департаменту удѣловъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и въ 1864 г. переименованъ снова въ генералъ-маіоры.

57) Александръ Павловичъ Воейковъ, до 1825 года служившій, какъ и его младшій братъ Николай (см. выше), въ л.-гв. Московскомъ, а затѣмъ — въ Измайловскомъ полку. Онъ подозрѣвался въ участіи въ заговорѣ, но, послѣ предварительнаго допроса, Николаемъ I былъ освобожденъ („Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 130 — 131). У Зубкова былъ товарищъ по Училищу колонновожатыхъ Воейковъ, но который изъ братьевъ, неизвѣстно.

58) Комендантомъ Петропавловской крѣпости былъ въ это время Александръ Яковлевичъ Сукинъ (р. 1765, ум. 1887). Отзывы декабристовъ не въ пользу коменданта.

59) Зубковъ былъ помѣщенъ въ крѣпость по приказанію императора Николая, сдѣланному въ запискѣ къ Сукину отъ 21-го января: „Присылаемыхъ к. Шишкова, и г. Данзаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли“ (ж. „Былое“ 1906 г., № 5, май, стр. 204).

60) Е. М. Подушкинъ (род. въ 1774) былъ крѣпостнымъ плацъ-маіоромъ уже въ 1818 г., въ чинѣ маіора, а въ 1825 г. былъ полковникомъ. По словамъ одного изъ декабристовъ, „вся наружность его чрезвычайно какъ походила на того палача, разъ мною видѣннаго рано утромъ, когда я стоялъ въ караулѣ на Сѣнной площади, проѣхавшаго мимо на роспускахъ на конную площадь съ своею жертвою и съ однимъ будочникомъ. Подушкинъ, всегда поддержанный порядочною дозою водки, имѣлъ всегда красное лицо, всегда звѣриное. Онъ всегда готовъ былъ воспользоваться чужою собственностію, считая арестантовъ, какъ отпѣтыхъ, и злоупотребленіямъ его не было конца, чему могъ свидѣтельствовать столъ нашъ, наискверніѣйшій, какой только могъ быть“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Подушкинъ, за крупную взятку съ одного заключеннаго, былъ удаленъ со службы въ крѣпости („Воспоминанія о Кронверкской куртинѣ. Изъ записокъ декабриста“ въ книгѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпц., стр. 289 — 290).

61) Ольга Васильевна Зубкова, родившаяся 25-го марта 1825 года; впослѣдствіи была за Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ.

62) Для „увѣщаній“ декабристовъ Комитетъ пользовался услугами двухъ священниковъ: протоіерея Петропавловскаго крѣпостного собора о. Стахія и священника Казанскаго собора Петра Николаевича Мысловскаго. Къ Зубкову приходилъ, конечно, не Мысловскій, которому въ это время было 47 лѣтъ, а о. Стахій, по словамъ И. Д. Якушкина, человѣкъ „старый и бѣлый, какъ лунь“. Бесѣда его съ Якушкинымъ была такъ же, какъ и съ Зубковымъ, безрезультатна и ни той, ни другой сторонѣ не доставила удовлетворенія („Записки И. Д. Якушкина“, М. 1905, стр. 87 — 88).

63) О томъ-же свидѣтельствуетъ и Н. В. Басаргинъ въ своихъ „Запискахъ“ („Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. II).

64) Александръ Ивановичъ Татищевъ (род. 8-го августа 1763, ум. 17-го іюня 1833 г.), военный министръ съ 12-го декабря 1824 по 27-е августа 1827 г., предсѣдатель Слѣдственной коммиссіи, за участіе въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство.

65) Александръ Ивановичъ Чернышевъ (род. 1786, ум. 1857), членъ Слѣдственной Коммиссіи, за труды въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство, затѣмъ — князь (1841), свѣтлѣйшій князь (1849), военный министръ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

66) Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1783, ум. 1844), генералъ-адъютантъ, съ іюля 1826 г. шефъ жандармовъ, съ 1832 г. — графъ, достаточно извѣстный своими отношеніями къ Пушкину. Онъ отличился во время подавленія возстанія 14-го декабря и получилъ рядъ наградъ: орденъ Александра Невскаго (25-го декабря 1825 г.), табакерку съ портретомъ Николая I и званіе сенатора (1826).

67) В. К. Михаилъ Павловичъ, членъ Коммиссіи.

68) По словамъ Д. И. Завалишина („Записки“, Мюнхенъ. 1904, т. I, стр. 363), Бенкендорфъ и Чернышевъ были „главными дѣйствовавшими лицами въ Комитетѣ“ и, проявляя особенную ревность и усердіе въ допросахъ, „дѣйствовали совершенно недобросовѣстно и обращались вообще грубо“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, по поводу процедуры суда и всей его обстановки, писалъ въ своихъ Запискахъ: „Слуги новаго властителя всегда бываютъ чрезмѣрно усердны въ угодливость порывамъ гнѣва его: и рвать готовы. Въ XIX вѣкѣ Комитетъ генералъ-адъютантовъ, вмѣщавшій царскаго брата, принялъ обряды инквизиціи! Присутствіе въ домѣ коменданта открывалось ночью. Къ допросамъ водили подъ покрываломъ, накидывая на лицо платокъ. По приводѣ въ передній залъ сажали за ширмы, поставленныя въ двухъ углахъ, со словами: „можете теперь открыться“. Въ этомъ ожиданіи за ширмами было слышно, какъ расхаживали по залу плацъ-адъютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субалтерія; стучали шпорами, разсказывали анекдоты дня, театральныя замѣчанія и хохотами, показывая полное безучастіе къ страдальцамъ. Можетъ быть, такъ было и приказано; а никакой приказъ подобными людьми такъ хорошо не исполняется. — Пишущій это черезъ 27 лѣтъ съ трепетнымъ сердцемъ вспоминаетъ, какъ въ одинъ изъ такихъ сеансовъ могъ видѣть чрезъ замѣченную въ ширмахъ дырочку, что изъ-за другихъ ширмъ вывели за руку товарища страданія, съ завязанными назадъ руками и съ наножнымъ желѣзнымъ прутомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться. Едва-ли то былъ не Рылѣевъ. — Когда надобно было весть въ присутствіе, плацъ-маіоръ опять накидывалъ платокъ на голову и вводилъ за руку, какъ слѣпого! При этомъ царствовала глубокая тишина. Когда введеннаго останавливали, раздавался басъ: „откройтесь“, — и приведенный видѣлъ себя предъ самымъ столомъ этого ареопага. — Думали поражать важностью засѣдающаго сонма и производили впечатлѣніе, совсѣмъ тому противное“ („Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“, стр. 450). Та-же система

запугиванія, издѣвательства и вообще недобросовѣстности, которую примѣнялъ Бенкендорфъ, напр., къ кн. С. П. Трубецкому („Записки декабристовъ", в. II и III, Лонд. 1863, стр. 29), видна и въ допросѣ В. П. Зубкова, переданномъ имъ со стенографическою точностью.

69) Пав. Ив. Колошинъ, какъ сказано было выше (примѣч. 6-е), женился въ апрѣлѣ 1824 г. на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

70) Намъ ничего не извѣстно объ этой Справочной конторѣ.

71) Т. е. Надворнаго Суда.

72) Родители И. И. Пущина были: Иванъ Петровичъ (ум. 7-го октября 1842 г., на 88 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и званіи сенатора) и Александра Михайловна, рожд. Рябинина (ум. въ 1841 г.; К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣст." 1905, № 8, стр. 425), у которыхъ было еще три сына и шесть дочерей.

73). Жанъ-Луи Делольмъ (р. 1740, ум. 1806 г.), швейцарскій публицистъ, долго проживавшій въ Англіи, авторъ многихъ работъ по вопросамъ государственнаго права, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ его сочиненіе „Constitution de l'Angleterre", много разъ переиздававшееся и переведенное на англійскій и нѣмецкій языки.

74) Жанъ-Батистъ Сэй (р. 1767, ум. 1832), французскій экономистъ, послѣдователь идей А. Смита, оставилъ много сочиненій по политической экономіи.

75) Сисмонди (р. 1773, ум. 1842), историкъ и изслѣдователь соціальныхъ и политико-экономическихъ вопросовъ, авторъ сочиненія „Nouveaux principes de l'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population".

76) Экспедитора Гражданской канцеляріи Московскаго Генералъ-губернатора.

77) Лицо, намъ неизвѣстное.

78) Вѣроятно, Василій Ивановичъ Даниловъ, служившій въ это время на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ смотрителемъ по плавкѣ мѣди и лаборантомъ въ лабораторіи раздѣленія золота отъ серебра; но онъ въ 1824 — 1827 гг. былъ уже оберъ-бергмейстеромъ 7-го класса, а не оберъ-гиттенфервальтеромъ (Мѣсяцесловъ). Онъ умеръ 23-го іюня 1848 г., на 63 г., въ чинѣ генералъ-маіора Корпуса Горныхъ инженеровъ.

79) Александръ Ивановичъ Якубовичъ, декабристъ перваго разряда. Началъ службу въ л.-гв. Уланскомъ полку юнкеромъ и 20-го декабря 1816 г. произведенъ въ корнеты, но въ 1818 г., 20-го января, „зе неприличный поступокъ" (какъ значится въ приказѣ) переведенъ былъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ (П. О. Бобровскій, Исторія Л. гв. Уланскаго полка, прил. ко 2-му тому, С.-Пб. 1903, стр. 306). Неприличный поступокъ Якубовича состоялъ въ участіи его въ дуэли гр. А. П. Завадовскаго съ В. А. Шереметевымъ (1817 г.), на которой послѣдній былъ убитъ; замѣшанный въ это дѣло Грибоѣдовъ вызвалъ Якубовича, и дуэль ихъ состоялась позже, въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1818 г., при чемъ Грибоѣдовъ былъ раненъ въ лѣвую ладонь. „На Кавказѣ, говоритъ И. И. Пущинъ, онъ служилъ отлично; Ермоловъ не разъ давалъ ему очень важныя и весьма опасныя порученія. Онъ тамъ прославился смѣлыми своими набѣгами на горцевъ. Спустя 12 лѣтъ Розенъ, одинъ

изъ нашихъ (Андрей Евгеньевичъ)... переведенный.... на Кавказъ, писалъ оттуда, что многіе линейные казаки еще помнятъ Якубовича и разсказываютъ про его удалые подвиги" (И. И. Пущинъ, „Четырнадцатое декабря" въ книгѣ: „Тайное общество и 14 декабря 1825 г.", изд. 2-е, Лейпц., стр. 16). Во время одного изъ такихъ набѣговъ, въ августѣ 1823 г., Якубовичъ былъ раненъ въ голову („Сборн. Старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина", ч. X, М. 1902 г. стр. 11 и 12), почему съ тѣхъ поръ всегда носилъ повязку. Пріѣхавъ лѣтомъ 1825 г. въ Петербургъ, онъ, не вступая, собственно, въ общество, предложилъ членамъ его свои услуги, такъ какъ питалъ личную ненависть и неудовольствіе къ Александру I (за переводъ изъ гвардіи) „и въ 17-ти дневный періодъ (междуцарствія) члены тайнаго общества убѣждены были, что при возможности онъ себя покажетъ" („Записки барона В. И. Штейнгеля", стр. 443). Но, какъ дѣятель, Якубовичъ не внушалъ довѣрія: по словамъ Пущина, онъ „былъ великій хвастунъ и при всякомъ случаѣ отпускалъ самыя отчаянныя фразы, не имѣя при томъ никакого политическаго убѣжденія" („Тайное общество и 14 декабря 1825 г.", стр. 16). Во время возстанія 14-го декабря онъ велъ себя весьма странно: приведя на Сенатскую площадь Московскій полкъ, Якубовичъ сказалъ А. А. Бестужеву, что „чувствуетъ сильную головную боль и исчезъ съ площади... Потомъ онъ стоялъ въ толпѣ около императора, съ какою цѣлью — никому не извѣстно" (тамъ-же, стр. 17). По приговору Суда онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жребій на убіеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ "и т. д. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ сосланъ въ Нерчинскіе рудники, а затѣмъ жилъ около Иркутска; въ 1842 г. его видѣлъ Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Якубовичъ „былъ высокій, худощавый и очень смуглый человѣкъ, съ живыми черными глазами и большими усами; всѣ движенія его были полны живости и энергіи" („Воспоминанія", изд. 3-е, М. 1898, стр. 4-5). Онъ умеръ въ Енисейскѣ 10-го сентября 1845 г. („Записки А. Е. Розена", Лейпц. 1870). Якубовичъ оставилъ записки, но онѣ до сихъ поръ не изданы и не извѣстно, гдѣ находятся (газета „Россія" 1901 г., № 870).

80) Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ (род. 18-іюля 1792, ум. 5-го сентября 1860), въ 1824 г. (9-го января) изъ директоровъ училищъ Тульской губерніи былъ переведенъ въ Канцелярію Московскаго Военнаго генералъ-губернатора „для особыхъ порученій", гдѣ въ это время въ томъ-же званіи былъ и Зубковъ. Нечаевъ былъ женатъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцовой; въ молодости, въ 1820-хъ гг., онъ сотрудничалъ въ различныхъ журналахъ и альманахахъ и былъ членомъ Общества любителей Россійской словесности; впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Синода, сенаторъ и д. тайн. совѣтникъ.

81) Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (ум. въ Москвѣ 22-го ноября 1860 г.), полковникъ л-гв. Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, декабристъ перваго разряда; управлялъ дѣлами Сѣвернаго Общества (вмѣстѣ съ Никитою Муравьевымъ и кн.

Е. П. Оболенскимъ). На собраніи декабристовъ у Рылѣева 12-го декабря было рѣшено на время возстанія „ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому, если къ тому времени не прибудетъ изъ Москвы М. Ѳ. Орловъ“ (Записки бар. А. Е. Розена, стр. 86). Однако, Трубецкой не рѣшился взять на себя командованіе въ критическій моментъ: „узнавши, что Московскій полкъ пришелъ на сборное мѣсто, диктаторъ совершенно потерялся и, присягнувши въ штабѣ Николаю Павловичу, онъ потомъ стоялъ съ его свитой“ (И. И. Пущинъ, Четырнадцатое декабря, стр. 28—29). Отнесенный къ первому разряду декабристовъ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Нерчинскіе рудники; за нимъ, первая изъ женъ декабристовъ, послѣдовала его жена, Наталья Ивановна, рожд. гр. Лаваль. Кн. С. П. Трубецкой оставилъ записки, вошедшія въ серію „Записокъ декабристовъ“ (вып. II — III, Лондонъ. 1863).

82) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій (род. 1788, ум. 28-го ноября 1868 г.), декабристъ перваго разряда, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“.

83) Слѣдственная Коммиссія съ особою тщательностью разслѣдовала этотъ вопросъ, надѣясь найти поводъ къ сверженію нелюбимаго Николаемъ I Алексѣя Петровича Ермолова, главнокомандующаго въ Грузіи. См. выше, стр. 177, въ примѣч. 55-мъ.

84) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ (р. 1765, ум. 1839 г.), родной, по матери, племянникъ исторіографа Карамзина, съ 1807 г. сенаторъ, съ 1-го іюня 1826 г. — членъ Верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами. По словамъ Карамзина, „Россія можетъ гордиться такимъ сенаторомъ, а человѣчество — такимъ человѣкомъ“. Кушниковъ умеръ въ званіи предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта; о немъ см. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“, т. II.

85) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (р. 1784, ум. 1839), извѣстный партизанъ, поэтъ и военный писатель; въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, изд. 1893 г., т. III, стр. 156 — 160, напечатано четыре письма Давыдова къ Якубовичу (1824 — 1825 гг.).

86) О родителяхъ Якубовича мы не могли отыскать никакихъ указаній.

87) Собраніе декабристовъ происходило у Рылѣева и Оболенскаго 12-го декабря, утромъ и вечеромъ, и 13-го декабря вечеромъ, снова у Рылѣева, въ домѣ Россійско-Американской Компаніи.

88) Есть, однако, противоположное указаніе одного изъ декабристовъ („Воспоминанія о Кронверкской куртинѣ“ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпц., стр. 293); по его словамъ, Пестель передъ казнью „говорилъ очень тихо: онъ былъ послѣ болѣзни, испытавши всѣ возможныя истязанія и пытки временъ перваго христіанства. Два кровавые рубца на головѣ были свидѣтелями этихъ пытокъ. Полагать должно, что желѣзный обручъ, крѣпко свинченный на головѣ, съ двумя вдавленными глубокими жолобами, оставилъ на головѣ его свои глубокіе два кровавые рубца“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, говоря, въ своихъ „Запискахъ“, что *пытокъ* при допросахъ не употребляли, пишетъ, что слѣдователи „дозволяли себѣ для вынужденія сознанія налагать желѣза на руки и на ноги и опредѣлять въ діэту хлѣбъ

и воду; какъ будто это не то же. Прибавьте къ этому содержаніе въ смрадныхъ, нечистыхъ „номерахъ", наполненныхъ всякаго рода насѣкомыми. Въ нихъ страдальца отдѣляла одна брусная, со сквозными пазами, перегородка, отъ инвалидовъ, на ночь тоже запираемыхъ.... и скажите, что это—не пытка" (Записки Бар. В. И. Штейнгеля въ изд. „Обществ. движенія" и т. д., т. I, стр. 450 — 451).

89) Князь Александръ Петровичъ Барятинскій (р. 1798 г.), штабсъ-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміей гр. Витгенштейна, былъ членомъ Южнаго общества и, отнесенный къ 1-му разряду декабристовъ, былъ заключенъ въ Кексгольмскую крѣпость, потомъ сосланъ въ каторжныя работы, а затѣмъ поселенъ (1840 г.) въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ 19-го августа 1844 года (см. А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири", изд. 2-е, С.-Пб. 1905).

90) Павелъ Ивановичъ Пестель, глава заговора декабристовъ, казненный 13-го іюля 1826 г.

91) Князь Петръ Николаевичъ Барятинскій, титулярный совѣтникъ, умеръ въ концѣ 1827 или въ началѣ 1828 г., оставивъ дочерей: Варвару, дѣвицу, и Екатерину, бывшую въ замужествѣ за подпоручикомъ Мануковымъ („Моск. Вѣд." 1828 г., № 16, стр. 695).

93) Андрей Ивановичъ Сабуровъ (род. 30-го іюля 1797, ум. 13-го февраля 1866 г.), впослѣдствіи директоръ театровъ, оберъ-гофмаршалъ; адъютантъ военнаго министра А. И. Татищева (съ 11-го декабря 1823 до 8-го ноября 1827 г., когда былъ переведенъ полковникомъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ), штабсъ-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка.

94) Алексѣй Павловичъ Ушаковъ (р. 1795, ум. въ іюлѣ 1882 г.), капитанъ л.-гв. Егерьскаго полка, адъютантъ В. К. Михаила Павловича (1819 — 1827), съ 1828 г. въ д. шталмейстера двора Великаго Князя, впослѣдствіи тайн. сов., шталмейстеръ Высочайшаго Двора.

96) Михаилъ Ивановичъ Пущинъ (р. 1800, ум. 25-го мая 1869 г.), родной братъ И. И. Пущина, началъ службу въ 1-мъ саперномъ батальонѣ, изъ котораго былъ переведенъ (1818) въ л.-гв. саперный батальонъ, а затѣмъ (11-го февраля 1819 г.) — въ л.-гв. конно-піонерный эскадронъ („Исторія л.-гв. Сапернаго батальона", С.-Пб. 1897) и въ 1824 г. былъ уже капитаномъ. По приговору Верховнаго уголовнаго суда, былъ отнесенъ къ десятому разряду и за то, что „зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ", былъ лишенъ чиновъ и дворянства и написанъ въ солдаты до выслуги. Сосланный въ Сибирь, онъ былъ потомъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ отличался своими выдающимися способностями, знаніями и храбростью во время войны въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг. Здѣсь, въ лагерѣ Паскевича, Пущинъ встрѣтилъ у Н. Н. Раевскаго только-что пріѣхавшаго Пушкина, о свиданіи и жизни котораго онъ оставилъ любопытную и цѣнную записку, напечатанную Л. Н. Майковымъ (см. его книгу „Пушкинъ", С.-Пб. 1899, стр. 385 — 396). Объ этомъ же свиданіи находимъ указаніе въ письмѣ М. И. Пущина къ брату Ивану Ивановичу изъ Кисловодска отъ 25-го августа 1829 г.: „Время здѣсь провожу довольно пріятно", писалъ онъ. „Лицейской твой товарищъ Пушкинъ, который съ пикою въ рукахъ слѣдилъ Турокъ передъ Арзрумомъ, по взятіи онаго возвратился отъ туда и пріѣхалъ ко мнѣ на воды — мы

вмѣстѣ пьемъ по нѣсколько стакановъ кислой воды и по двѣ ванны принимаемъ въ день — разумѣется часто о тебѣ вспоминаемъ — онъ любитъ тебя постарому и надѣется, что и ты сохраняешъ къ нему то-же чувство" („Щукинскій Сборникъ", вып. III, М. 1904, стр. 324). Впослѣдствіи Пущинъ былъ д. с. совѣтникомъ, а затѣмъ генералъ-маіоромъ и комендантомъ Бобруйской крѣпости. Съ 1831—1834 г. Пущинъ былъ женатъ (1-мъ бракомъ) на С. П. Пальчиковой, сестрѣ друга Зубкова, В. П. Пальчикова (см. выше, стр. 175) (К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣстн." 1905, № 8, стр. 425 и сл., гдѣ приведены выдержки изъ Записокъ М. И. Пущина).

97) Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (р. въ Томскѣ 25-го марта 1793, ум. 29-го октября 1863 г. въ Калугѣ и погребенъ въ имѣніи помѣщицы Елагиной), одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, сотрудникъ Сперанскаго по его дѣятельности въ Сибири, гдѣ онъ управлялъ X округомъ путей сообщенія; подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, членъ Сѣвернаго общества, декабристъ третьяго разряда, былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ, но вмѣсто этого, по особому повелѣнію Николая I, былъ продержанъ эти 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи въ фортѣ Свартгольмѣ, на Аландскихъ островахъ, а затѣмъ—въ Алексѣевскомъ равелинѣ, послѣ чего, уже въ 1846 г. сосланъ въ Томскъ на поселеніе. „Одиночество сильно на него подѣйствовало, но здоровье выдержало это тяжелое испытаніе, — онъ и мыслію теперь начинаетъ освѣжаться", писалъ И. И. Пущинъ Д. И. Завалишину 24-го апрѣля 1848 г. („Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина, ч. X, М. 1902, стр. 291). Въ Томскѣ Батенковъ прожилъ до амнистіи декабристовъ въ 1856 году, а затѣмъ выѣхалъ въ Россію. О Батенковѣ см. „Русскій Архивъ" 1881 г., кн. 2, „Русск. Стар." 1889 г., т. LXIII и книгу А. И. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ Западной Сибири", изд. 2-е, С.-Пб. 1905.

98) Евдокія Петровна Алмазова, жена Николая Петровича (р. 1783, ум. 1864 г.), мать поэта-юмориста Бориса Николаевича Алмазова (р. 1827, ум. 1876 г.); о ней нѣкоторыя свѣдѣнія находятся въ біографіи ея сына (см. Сочиненія Б. Н. Алмазова, т. I, М. 1892).

99) В. К. Михаилъ Павловичъ.

100) Князю Д. В. Голицыну, Московскому Военному генералъ-губернатору.

101) Въ Харьковѣ, по доносу Шервуда, были арестованы два члена тайнаго общества: графъ Яковъ и племянникъ его графъ Андрей Булгари, а также графъ Николай Булгари, поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка („Русск. Стар." 1897 г., т. LXXXIX, стр. 208—211); послѣдній былъ, дѣйствительно, членомъ Южнаго общества, отнесенъ былъ къ седьмому разряду преступниковъ и, по молодости его лѣтъ, приговоренъ къ крѣпостной работѣ на два года, а затѣмъ переведенъ на Кавказъ. Одного изъ первыхъ, вѣроятно и видѣлъ В. П. Зубковъ.

102) Александръ Дмитріевичъ Боровковъ (род. 10-го іюня 1788, ум. 21-го ноября 1856 г.), писатель, одинъ изъ основателей Общества любителей россійской словесности (1817 г.), составитель проекта образованія Слѣдственной Коммиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ и правитель ея дѣлъ. Его біографія, а также весьма цѣнныя Записки, въ

которыхъ много говорится и о декабристахъ, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., № 9 — 12.

103) Екатерина Владиміровна Апраксина, рожд. кн. Голицына, воспитательница свояченицы В. П. Зубкова, С. Ѳ. Пушкиной, впослѣдствіи Паниной; о ней см. въ предисловіи.

104) Софья Ѳедоровна Пушкина, воспитанница Е. В. Апраксиной, въ 1827 г. вышедшая за-мужъ за Валеріана Александровича Панина; см. выше, стр. 104 — 107.

105) Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ (род. въ 1799, ум. 8-го іюня 1834 г.), шуринъ В. П. Зубкова; воспитывался съ 1812 г. въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ 1818 г. прапорщикомъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, а въ 1821 году переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгардту; въ 1826 г. Иванъ Ѳедоровичъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ и, оставаясь при Нейдгардтѣ, въ 1828—1829 г. былъ въ Турецкой кампаніи и находился при осадѣ и взятіи Варны. 14-го декабря 1825 г. Пушкинъ былъ, въ рядахъ Павловскаго полка, на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и 15-го декабря, въ числѣ прочихъ, получилъ Высочайшую признательность „за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній“. Произведенный въ 1831 г. въ штабсъ-капитаны, онъ въ 1832 г. назначенъ состоять по арміи, затѣмъ находился въ Коммиссаріатскомъ штатѣ и умеръ въ чинѣ маіора въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, недалеко отъ могилъ С. Ѳ. и В. А. Панинныхъ. По словамъ А. Я. Булгакова, П. былъ женатъ на Боборыкиной („Русск. Арх.“ 1906, № 7, стр. 420).

106) Вѣроятно, князь Александръ Борисовичъ Черкасскій (ум. 3-го іюля 1880), въ 1823 — 1829 гг. служившій, въ званіи камеръ-юнкера, при Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; двоюродный братъ князя П. Д. Черкасскаго (см. примѣч. 16-е). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ его нѣтъ.

107) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Иванъ Николаевичъ Тютчевъ (ум. 1846 г.), отецъ поэта Ѳ. И. Тютчева и Николая Ивановича Тютчева (род. 9-го іюня 1801, ум. 8-го декабря 1870), товарища В. П. Зубкова по выпуску изъ училища колонновожатыхъ, гдѣ одновременно съ ними окончилъ курсъ и родной племянникъ Ивана Николаевича — Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ (р. 1800, ум. 1857), на сестрѣ котораго, Анастасіи Васильевнѣ (р. 1806, ум. 1846), былъ женатъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

108) Графъ (съ 1825 г.) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (р. 1787, ум. 1862), впослѣдствіи князь, братъ Михаила Ѳедоровича Орлова (см. примѣч. 2-е), съ 1820 г. — генералъ-адъютантъ, съ 1835 г. — членъ и съ 1856 г. предсѣдатель Государственнаго Совѣта; въ 1844 г. послѣ смерти Бенкендорфа, назначенъ начальникомъ III отдѣленія и шефомъ жандармовъ.

109) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (р. 1787, ум. 1869), въ это время генералъ-маіоръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, впослѣдствіи (съ 1828) морской министръ, начальникъ Главнаго Морского штаба, главнокомандующій въ Крыму (1853 — 1855), членъ Государственнаго Совѣта.

110) Илья Степановичъ Сарачинскій (р. 1786, ум. 1845 г.)—въ это время уже отставной генералъ-маіоръ, жившій въ Москвѣ; онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго—Екатеринѣ Михайловнѣ (р. 1787, ум. 31-го декабря 1826 г.), бывшей въ 1-мъ бракѣ за княземъ Николаемъ Даниловичемъ Кудашевымъ (ум. 1813).

111) Графъ (съ 1882 г.) Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (р. 1772, ум. 1848) былъ назначенъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ послѣ того, какъ гр. М. А. Милорадовичъ былъ убитъ Каховскимъ во время возстанія 14-го декабря.

112) Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій (ум. въ Калугѣ 26-го февраля 1865 г.), поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, декабристъ перваго разряда; былъ въ каторжныхъ работахъ, затѣмъ — на поселеніи въ Иркутскѣ, Туринскѣ и Ялуторовскѣ, откуда въ 1856 г. вернулся въ Россію. Его „Воспоминанія“ напечатаны въ „Русскомъ заграничномъ сборникѣ“ (ч. IV, тетр. V, Лейпцигъ. 1861). Князь Е. П. Оболенскій былъ двоюроднымъ братомъ пріятеля В. П. Зубкова—С. Н. Кашкина (см. выше, примѣч. 12-е). Его показаніе на Зубкова см. выше, стр. 97.

113) Мать В. П. Зубкова — Наталья Петровна, рожд. Евреинова (р. 16-го апрѣля 1775, ум. 5-го іюня 1845 г.).

Къ стр. 95. На группѣ пріятелей И. Н. Горсткинъ узнанъ С. А. Панчулидзевымъ.

U OF M

Григорій Пушкин

UofM

Фототипія В. Клавонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2
Пресса И. Кожинскій

Григорій Александровичъ Пушкинъ.

Род. 14-го мая 1835 † 5-го августа 1905.

(Личныя воспоминанія).

Г. А. Пушкинъ, младшій сынъ поэта, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда вышелъ корнетомъ въ л.-гв. Конный полкъ въ 1853 г. Прослуживъ въ полку до 1860 г., онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса, затѣмъ въ 1862 г. переведенъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи подполковникомъ, въ 1866 г. переименованъ въ надворные, а въ 1867 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ декабрѣ 1875 г. Г. А. былъ утвержденъ почетнымъ мировымъ судьею по Опочецкому уѣзду Псковской губ., а въ 1895 г. уволенъ отъ службы по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ производствомъ, въ февралѣ 1896 г., въ статскіе совѣтники.

Вотъ оффиціальное прохожденіе службы Григорія Александровича.

Лично мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ въ 1869 году. Проведя все дѣтство и значительную часть юности въ Тригорскомъ, среди свѣтлыхъ воспоминаній, тогда еще столь живыхъ, о поэтѣ; постоянно слушая

разсказы о немъ моихъ родственницъ по матери — Маріи Ивановны Осиповой и Екатерины Ивановны Фокъ, приходящихся мнѣ бабушками, я не могъ не интересоваться Григоріемъ Александровичемъ, который сперва бывалъ въ Михайловскомъ наѣздомъ, на лѣто, а съ 1866 г. пріѣхалъ на постоянное жительство въ Михайловское, которое хотя и принадлежало роду Пушкиныхъ давно, но досталось ему не по наслѣдству, а было имъ пріобрѣтено при раздѣлѣ.

13-ти лѣтъ, въ 1869 году, я впервые попалъ въ Михайловское и съ тѣхъ поръ каждое лѣто почти что жилъ тамъ, бывая или почти ежедневно, или проводя тамъ по нѣсколько дней подрядъ (разстояніе между Тригорскимъ и Михайловскимъ около $2^1/_2$ верстъ).

Домъ, село и вообще все хозяйство имѣнія были приведены въ порядокъ самимъ Григоріемъ Александровичемъ, занимавшимся этимъ дѣломъ съ любовью. На моей памяти собственно и выросло все село, и обстроилось, заведены были хорошія службы, насаженъ небольшой фруктовый садъ и заведена небольшая оранжерея. Изъ построекъ, уцѣлѣвшихъ отъ временъ дѣда и отца Григорія Александровича, къ нему перешелъ только небольшой флигелекъ, стоящій на углу квадратнаго двора, занятаго посерединѣ круглымъ садикомъ, тоже разведеннымъ имъ самимъ. Все это было выстроено постепенно втеченіе болѣе 20 лѣтъ времени. Великолѣпный видъ съ балкона на ближнее Петровское озеро и протекающую черезъ него р. Сороть, съ заливными лугами и холмами вдали, ограничивающими рѣчную долину, дополняется съ другой стороны села видомъ на большой, многолѣтній сосновый боръ, подошедшій почти что къ самой оградѣ села. Этотъ лѣсъ былъ предметомъ особенной заботливости Григорія Александровича, очень бережливо и внимательно къ нему относившагося.

Среди хозяйственныхъ заботъ любимымъ развлеченіемъ Григорія Александровича была охота: лѣтомъ съ лягавою, осенью съ гончими, а зимою — обкладываніе звѣря и облава на него. Мое первое знакомство съ Григоріемъ Александровичемъ было на охотѣ; лѣтомъ, въ іюлѣ, мы всѣ Тригорскіе жители: М. И. Осипова, К. И. Фокъ, мать моя и я проѣзжали на долгушкѣ дорогою къ перевозу черезъ р. Сороть. Путь шелъ низкимъ лугомъ, частью заросшимъ низкимъ кустарникомъ; среди него мелькали двѣ фигуры въ бѣломъ и изрѣдка раздавались выстрѣлы: это Григорій Александровичъ охотился на сѣрыхъ куропатокъ; его фигура въ бѣломъ, съ большою черною бородою, произвела на меня сильное впечатлѣніе и мнѣ, какъ отдаленная звѣзда, блеснула мечта когда-нибудь, въ будущемъ, тоже походить съ нимъ рядомъ.

Прошло еще два года, втеченіе которыхъ я видалъ Григорія Александровича раза два-три въ Тригорскомъ, пріѣзжавшаго туда на короткое время съ визитомъ къ сосѣдямъ. Постоянные разсказы и воспоминанія о его отцѣ, о былomъ времени и попутно о немъ самомъ М. И. Осиповой, которая всегда относилась къ Григорію Александровичу особенно тепло, поддерживали во мнѣ какое то чувство боязливаго желанія тоже войти въ кругъ лицъ, бывавшихъ въ Михайловскомъ. Наконецъ это и случилось лѣтомъ 1869 г. Охота только что оффиціально открылась, былъ конецъ іюня, появились первые выводки утятъ,—и вотъ управлявшій тогда въ Тригорскомъ П. Н. Бекманъ, тоже большой охотникъ, предварительно переговоривши съ Г. А. Пушкинымъ и съ разрѣшенія моей матери, повезъ меня утромъ въ Михайловское, откуда мы должны были ѣхать за утками на заросшее озеро, по краямъ котораго былъ зыбунъ, и гдѣ всегда бывало много утокъ. Озеро принадлежало къ имѣнію Петровское, лежащему въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго, на

берегу большого озера того же имени, куда оно и имѣло истокъ.

Григорій Александровичъ заботливо снабдилъ меня охотничьей обувью (такъ называемыми поршнями) и, выбравъ изъ своей коллекціи нетяжелое и удобное ружье, обстоятельно объяснилъ все и серьезно, нѣсколько разъ повторялъ, чтобы я никогда не опирался на него, не клалъ бы рукъ на дуло и вообще все время помнилъ, что у меня въ рукахъ ружье, а не палка.

Два егеря отправились отъ запруды на нижнемъ концѣ заросшаго озера на челнѣ по остававшейся еще свободной полоскѣ воды посрединѣ, а мы разошлись по разнымъ точкамъ берега и оттуда, по зыбкому ковру сплевшихся корней болотныхъ растеній, стали пробираться къ окраинѣ воды. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ выстрѣловъ, какъ меня стали звать къ берегу. Оказалось, что хозяинъ озера почему то пожелалъ запретить охоту на немъ, до тѣхъ поръ безпрепятственно производившуюся ежегодно. Выйдя на берегъ, я засталъ Григорія Александровича, очень спокойно выслушавшаго передачу запрещенія охотиться. Усѣлись мы въ экипажъ и поѣхали домой; спутники мои выражали свое неудовольствіе довольно громко, Григорій Александровичъ же не проронилъ ни одного слова по поводу случившагося и затѣмъ никогда объ этомъ не вспоминалъ и не говорилъ, когда бы ни случилось говорить о его сосѣдѣ или по его поводу. Такое корректное отношеніе тогда же поразило меня, и хотя я не могъ его обсудить и взвѣсить, но педагогическое вліяніе на меня оно имѣло большое: люди воспитываются не словами и наставленіями, а примѣрами.

За время, что я видалъ и зналъ Григорія Александровича, помню только одинъ случай, когда онъ вышелъ изъ себя и потерялъ самообладаніе: когда разъ, случайно, онъ поймалъ кучера въ кражѣ овса изъ яслей лошадей, кото-

рыхъ у него было не много, но всѣ хорошія, кровныя,— свой маленькій рысистый заводъ.

Къ своему любимому развлеченію — охотѣ — онъ относился, какъ и ко всему, — серьезно. Онъ не любилъ охотиться между прочимъ, а ужъ если посвящалъ день охотѣ, такъ еще съ вечера дѣлалъ всѣ распоряженія, и утромъ рано, еще по холодку, отправлялись мы съ нимъ вдвоемъ, иногда втроемъ — съ егеремъ Никифоромъ, тоже страстнымъ охотникомъ, чувствовавшимъ всѣ лучшія стороны этого занятія, при чемъ добыча — было дѣло второстепенное. На охоту уходилъ весь день до заката, съ небольшимъ отдыхомъ по серединѣ, при чемъ за день дѣлали верстъ 20 — 25 по болотамъ или лѣсамъ и опушкамъ, смотря по характеру охоты. Случалось, что къ мѣсту охоты приходилось ѣхать довольно далеко; благодаря этому Григорій Александровичъ зналъ отлично огромное пространство окружающей мѣстности Опочецкаго, Островского и Новоржевскаго уѣздовъ. Приходилось уѣзжать и на нѣсколько дней, жить на гумнахъ, въ деревняхъ; конечно, при этомъ неизбѣжно приходилось имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ крестьянъ разнаго рода и склада, и я не знаю ни одного случая, когда бы изъ-за охоты или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ вышло бы у Григорія Александровича какое-либо недоразумiе.

Помню такой случай. Дѣло было осенью, въ сентябрѣ; около одной деревни, кажется Рѣдкино, верстахъ въ 25 отъ Михайловскаго, въ большомъ болотѣ былъ найденъ выводокъ волковъ. Наканунѣ вечеромъ мы вдвоемъ съѣздили поднять окончательно волковъ, которые совершенно ясно обозначили свое мѣсто. На утро была назначена облава, въ деревнѣ наняты загонщики, а участники охоты были увѣдомлены о томъ. Къ 8 ч. утра всѣ были на мѣстахъ, и Григорій Александровичъ завелъ линію загонщиковъ, но волковъ въ загонѣ не оказалось. Не

за всѣмъ, что появлялось въ литературѣ объ его отцѣ. У него имѣлась полная коллекція разныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, а въ послѣдніе годы жизни онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу появленія хорошихъ новыхъ изданій трудовъ его отца. Видно было, что онъ съ ними знакомъ обстоятельно.

Михайловское онъ глубоко любилъ; весною 1899 года случилось мнѣ быть въ деревнѣ и заѣхать къ Григорію Александровичу. Весна была не особенно ранняя, на поляхъ вездѣ еще лежалъ снѣгъ и по утреннему морозу гладкая дорога вилась среди знакомыхъ холмовъ и перелѣсковъ. Передъ Михайловскимъ дорога взбирается на небольшую возвышенность, гдѣ еще не такъ давно стояли „три сосны“; изъ нихъ послѣднюю я особенно хорошо помню: толстая, слегка наклоненная, со сломанною верхушкою, она долго жила въ такомъ видѣ, пока въ іюлѣ 1895 г. ее не сломало окончательно бурею. Грустно было подъѣзжать къ селу черезъ многолѣтній боръ, зная, что это въ послѣдній разъ. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ вслѣдъ за мной подъѣхалъ одинъ изъ сосѣдей, Л. Л. Львовъ, постоянный спутникъ Григорія Александровича по охотѣ. Весь этотъ день какая-то невольная грусть царила среди насъ; нерѣдко наступало невольное молчаніе, чувствовалось, что думы каждаго шли въ унисонъ, — и воспоминанія былого давили насъ. Прогулка вокругъ села со знакомыми, милыми видами насъ не развлекла, а напротивъ навѣяла грустныя мысли, сквозившіе въ нашемъ постороннемъ разговорѣ. Невольно приходили на умъ стихи поэта, въ которыхъ онъ, выражая желаніе лечь „ближе къ милому предѣлу“, говоритъ о томъ, какъ

. . . . . у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Послѣдніе годы Григорій Александровичъ провелъ въ Маркутьѣ, имѣніи своей супруги В. А. Пушкиной, подъ Вильною. И здѣсь ихъ домъ продолжалъ быть тѣмъ же гостепріимнымъ уголкомъ для старыхъ друзей и знакомыхъ, какъ и прежде. Здѣсь Григорій Александровичъ велъ довольно уединенную жизнь въ своей семьѣ, продолжая интересоваться всѣмъ, что относилось къ трудамъ его отца. Здѣсь его и застала смерть послѣ кратковременной болѣзни, тутъ онъ и погребенъ [1]).

Ю. Шокальскій.

1906 г.
Голубово.

1) Замѣтки по поводу смерти Г. А. Пушкина см.: „Виленск. Вѣстн.“ 1905 г., № 686, 687, 688, 693; „Русь“ 1905, № 195; „Разсвѣтъ“, авг. 1905; „Нов. Вр.“ 1905, № 10588 и 10635 (портретъ); „St. Petersburg. Zeitung“ 1905, № 236 и др. газеты.

Замѣчанія и поправки.

Къ вып. II, стр. 22 — 24.

Алексѣй Александровичъ (а не Алексѣевичъ) *Вельяминовъ* скончался въ г. Ставрополѣ 27 марта 1838 г. и погребенъ въ родовомъ своемъ имѣніи „Медвѣдкѣ", Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи.

Дороховъ, о которомъ ходатайствовалъ Жуковскій, есть тотъ Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, который за свои буйные поступки былъ нѣсколько разъ разжалованъ въ солдаты. Послѣ участія въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827 — 1829 гг. онъ вышелъ, за раною, въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь нанесъ онъ нѣсколько кинжальныхъ ранъ отставному ротмистру Сверчкову и за это, по высоч. конфирмаціи 1 марта 1838 г., вновь разжалованъ въ солдаты съ опредѣленіемъ на Кавказъ, въ Навагинскій пѣхотный полкъ. Отправляясь по назначенію, онъ и заручился письмомъ Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому, въ отрядѣ котораго находился Навачинскій полкъ. — Жуковскій пишетъ Раевскому, что съ Дороховымъ мало знакомъ, но коротко знаетъ милую, добрую жену его. Она была дочерью камергера А. А. Плещеева, состоявшаго одно время чтецомъ при вдовствующей импер. Маріи Ѳеодоровнѣ. Отсюда, вѣроятно, и короткое знакомство Жуковскаго съ этимъ семействомъ.

Пушкинъ близко зналъ Дорохова. Онъ упоминаетъ о немъ подъ иниціаломъ *Д.* въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ" въ 1829 году. Они встрѣтились во Владикавказѣ и вмѣстѣ отправились въ Кисловодскъ.

18 января 1852 г. Дороховъ былъ убитъ въ Чеченской экспедиціи.

Е. Г. Вейденбаумъ.

Къ вып. III, стр. 104 — 105.

О *Реми Жилле* упоминается въ „Русскомъ Архивѣ" 1897 г., № 2, 3, 5, 7 и 12 и 1901 г., № 3 и 11 и въ „Историческомъ очеркѣ Импер. Александровскаго Лицея" И. Селезнева; кромѣ того, была статья А. И. Маркевича „Реми Жилле" въ № 3903 „Одесскихъ Новостей" 1 марта 1897. Въ Римско-Католической церкви св. Екатерины (на Невскомъ проспектѣ) сохранилась запись о томъ, что Реми Жилле (Gillet) умеръ въ С.-Петербургѣ 11 января 1849 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Вдова его Вѣра Андреевна въ январѣ 1864 г. жила въ с. Скрыпицынѣ, Владимірской губерніи, откуда писалъ А. Г. Тройницкому.

Въ замѣткѣ о встрѣчѣ Семенова съ Пушкинымъ очевидная ошибка: членъ Госуд. Совѣта *Петръ* Петровичъ Семеновъ здравствуетъ понынѣ, а братъ его *Николай* Петровичъ Семеновъ умеръ въ 1905 г. въ званіи сенатора. Не вѣрны или иниціалы Семенова, или званіе его, что можно исправить объясненіемъ съ П. П. Семеновымъ.

Членъ Пушкинскаго Лицейскаго Общества *Г. А. Тройницкій.*

Къ вып. IV, стр. 17.

№ 69, стр. 3 снизу, вмѣсто: „Порѣдѣла, побѣлѣла" — слѣдуетъ: „Порѣдѣли, побѣлѣли"

УКАЗАТЕЛЬ.

„Аквилонъ“, стих. Пушкина 12.
Акинеова, 114.
Александръ, I, 126, 133, 140, 141, 147, 149, 151, 164, 181.
Алексѣевъ, Н. С. 88.
Алмазова, Авдотья Петр., рожд. Зубкова, 99, 156, 184.
Алмазовы, дѣвицы 99.
Алмазовъ, Борисъ Никол. 99, 184.
Алмазовъ, Николай Петр. 99, 184.
Алябьева, Екат. Ал-др., рожд. Римская-Корсакова, 107.
Алябьевъ, А. А. 168.
Алябьевъ, Александръ Александровичъ 107.
Andrieux (гостинница) 122, 158.
Анненковъ, П. В. — 2, 4, 8, 9, 20, 22, 26, 27, 29, 30, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 105.
„Антеонъ“, поэма (?) Пушкина 22.
Апраксина, Екатерина Владиміровна, рожд. кн. Голицына, 102, 103, 104, 106, 158, 160, 185.
Апраксина, Наталья Степ. (по мужу княгиня Голицына) 102.
Апраксинъ, Степанъ Степановичъ 102.
Араповъ, П. Н. 168.
Арзрумъ, 183.
„Аріонъ“, стих. Пушкина 38.
Аріостъ, 63.

Баболово, — 25.
Бабушкина, Авдотья Андреевна, см. Зубкова.
Байронъ, 26, 40.
Бакунина, Анна Борисовна, рожд. Зеленская — 173.
Бакунина, Екатерина Павловна 173.
Бакунина, Марья Александр., рожд. Щулепникова, 174.
Бакунинъ, Александръ Павловичъ— 94, 95, 111, 126, 173, 174.
Барантъ, бар., 49.
Барковъ, Л. Н. 98.
Бартеневъ, П. И. 104, 112.
Барятинская, кн. Варв. Петр. 183.
Барятинская, княжна Екатерина Петровна — см. **Манукова.**
Барятинскій, кн. Александръ Петровичъ — 150, 152, 153, 154, 183.
Барятинскій, кн. Петръ Николаевичъ 150, 183.
Басаргинъ, Н. В. 179.
Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ 156, 184.
„Бахаріана“, Хераскова 61, 88.
Бахметева, Анна Гавр. — см. Кашкина.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, 4, 5, 7, 37.
Баярдъ, 63.
„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, стих. Пушкина 12.
Бекманъ, П. Н. 189.
Бенкендорфъ, гр. А. Х. 16, 26, 28, 29, 31, 34, 46, 133, 175, 179, 180, 185.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій) — 41, 42, 45, 120, 147, 156, 168, 170, 176, 181.

Благово, Д. 102, 163, 173.
„Благословенъ твой новый путь“, отрывокъ стих. Пушкина, 11.
„Блеститъ луна, недвижно море спитъ“, стих. Пушкина 7.
Боборыкина — см. **Пушкина.**
Бобровскій, П. О. 180.
Бова, 22, 79, 80, 82.
„Бова“, сказка А. Н. Радищева 83.
„Бова“, стих. Пушкина 8.
„Богатырскія повѣсти въ стихахъ“, Н. А. Радищева 83.
Богучарскій, В. 163.
„Богъ веселый винограда“, стих. Пушкина 18.
Болдино, село 11, 12, 13, 14, 17, 51,
Боратынскій, Е. А. 44.
„Борисъ Годуновъ“, 23, 33, 59.
Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ 157, 184.
„Бородинская годовщина“, стих. Пушкина 28.
Бороздинъ, 171.
Бровинъ, сенаторъ 109.
Брюсовъ, В. Я. 87, 108.
„Будрышь (изъ Мицкевича)“ стих. Пушкина 17.
„Будь подобенъ полной чашѣ“, стих. Пушкина 20.
Булгакова, Анна Абр., рожд. Зубкова 91.
Булгаковъ, А. Я. — 95, 102, 166, 185.
Булгаковъ, Иванъ Алексѣевичъ 91.
Булгаковъ, К. Я. 95, 176.
Булгари, графъ 157.
Булгари, гр. Андрей 184.
Булгари, гр. Николай 184.
Булгари, гр. Яковъ 184.
Булгаринъ, Ѳ. В. 41, 168.
Булгаринъ, Ѳ. В.; эпиграмма на него, нач. **„Не то бѣда, Ѳаддей Булгаринъ“** 13.
Бурцовъ, И. Г. 98.
Буслаевъ, Ѳ. И. 59.
Бушарди, физіонатрасъ 116.
Бѣгичева, А. 114.
Бѣлоголовый, Н. А. 169, 171, 181.
„Бѣсы“, стих. Пушкина 12.
„Быть въ сраженьи похвально“, стих. Пушкина 5.

Василій Буслаевичъ, 63.
Вейденбаумъ, Евг. Густ. — 196.
Вельтманъ, А. Ѳ. 92.
Вельяминовъ, Алексѣй Ал-др. 196.
Веневитиновы, 103.
Веневитиновъ, А. В. 109.
Веселовскій, А. Н. 83.
„Вигелю“, стих. Пушкина 37.
Вигель, Ф. Ф. 177.
Виландъ, 61, 63.
„Вино (Іонъ Хіоскій)“, стих. Пушкина 16.
Владиміровъ, П. В. 60, 61, 62.
„Во городѣ было во Астрахани“, пѣсня 37.
Воейковъ, Александръ Павловичъ 127, 178.
Воейковъ, Николай Павловичъ — 127, 177, 178.
„Война“, отр. стих. Пушкина 4.
„Войнаровскій“, дума Рылѣева 45.
Волкова, Марія Аполлоновна 99.
Волконская, княг. З. А. 109.
Волконскій, кн. Серг. Григ. 148, 163, 171, 177, 182.
Вольтеръ, 29, 60,
Воронцовъ, М. С. — 44, 169, 177.
„Во славномъ городѣ во Кіевѣ“, пѣсня 37.
„Во снѣ я вами ощастливленъ“, стих. Пушкина 20.
„Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ“, стих. Пушкина 6.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 98.
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ, замѣтка Пушкина 26.
Вульфъ, Анна Ивановна 37.
Вульфъ, Анна Николаевна 37.
„Въ Еврейской хижинѣ лампада“, стих. Пушкина 8.
„Въ надеждѣ славы и добра“ (Стансы), Пушкина. 8, 104.
„Въ началѣ жизни школу помню я“, стих. Пушкина 14.

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый“, стих. Пушкина 13.
Вяземскій, кн. П. А. 5, 85 86, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 111, 113.
Вяземскій, кн. П. П. (стихи ему Пушкина) 109.

Гагарина, княгиня 100.
Гамильтонъ, 62.
Ганнибалъ, Петръ Абрамовичъ 25.
Гейтманъ, граверъ 87.
Геккеренъ, баронъ 35.
Георгъ Ольденбургскій, принцъ 89.
Гнѣдичъ, Н. И. 33.
Гоббесъ, 164.
Голенищева-Кутузова, Екат. Михайл. — см. княгиня **Кудашева** и **Сарачинская**.
Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, М. И. 186.
Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас. 159, 161, 168, 186.
Голицына, княжна Марья Дмитр. (по мужу княгиня Ухтомская) 103.
Голицына, княг. Нат. Петр. 106.
Голицына, княг. Нат. Степ., рожд. Апраксина 102.
Голицына, княг. Тат. Вас., рожд. Васильчикова, 118, 168.
Голицынъ, кн. Бор. Влад. 173.
Голицынъ, кн. Д. В. 94, 96, 102, 108, 119, 122, 126, 141, 157, 164, 166, 168, 169, 172, 173, 174, 175, 184.
Голицынъ, кн. С. С. 102.
Голицынъ, князь Ѳедоръ 100.
„Гонимый рока самовластьемъ“, стих. Пушкина 38.
Горацій, 45.
Горбуновъ, унтеръ-офицеръ 149.
„Горе отъ ума“, 23.
„Горишь ли ты, лампада наша?“, (Я. Н. Толстому), стих. Пушкина 36.
Городня, село 106.
Горсткинъ, Иванъ Николаевичъ, 94, 95, 97, 98, 126, 175, 186.
Горчаковъ, кн. А. М. 172.
„Гости съѣзжались на дачу...“, набросокъ повѣсти, Пушкина 23.
Граббе, Павелъ Христоф. 121, 170.
„Графъ Нулинъ“, пов. Бѣлкина 24.
„Гречанкѣ“, нач. **„Ты рождена воспламенять“**, стих. Пушкина 40.
Грибоѣдовъ, А. С. 28, 176, 180.
Гриммы бр. 81.
Гротъ, Конст. Яковл. — 175, 180, 184.
„Грустенъ и веселъ вхожу“ (Художнику), стих. Пушкина 19.
Гумбольдъ, А. 165.
„Гяуръ“, поэма **Байрона**. 40.

Давыдова, Юлія 114.
Давыдовъ, Ден. Вас. 148, 182.
Даль, В. И. 83.
Даль, Георгъ 112.
Данзасъ, Борисъ Карловичъ — 94, 95, 96, 99, 104, 111, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 126, 127, 132, 137, 139, 154, 166, 167, 168, 173, 174, 175, 178.
Данзасъ, Конст. Карл. 166.
Данзасъ, Татьяна Борис. — см. Сѣмечкина.
Даниловъ, Василій Ив. 143, 180.
„Даръ напрасный, даръ случайный“, стих. Пушкина 9.
Дашковъ, П. Я. 38.
„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жуковскаго 61.
Декартъ, 29.
„Делибашъ“, стих. Пушкина 11.
Делольмъ, Жанъ-Луи 93, 137, 180.
Дельвигъ, баронъ А. А. 25, 31, 33, 88, 98, 107.
Демидова, Надежда Петровна — см. **Зубкова**.
Депрерадовичъ, Н. И. 125, 137, 172.
Державинъ, Г. Р. 45, 78, 83.
„Диринъ“ (у Пушкина — Дуринъ) 174.
Дмитріевъ, И. И. 88.
Дмитріевъ, Мих. Ал-др. 111, 112.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. 165, 166, 170, 183, 184.
Дмитрій Самозванецъ, 23.
„Добрый совѣтъ“, стих. Пушкина 3.
„Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ“, стих. Пушкина 11.

„Дорожныя жалобы“, стих. Пушкина 11.
Дорохова, М. А. 169.
Дорохова, N. A., рожд. **Плещеева** 196.
Дороховъ, Руфинъ Ивановичъ 196.
Драматическій этюдъ Пушкина 22.
„Другъ сердечный (?) **мнѣ намедни говорилъ“**, запись (?) Пушкина 21.
„Друзьямъ“, стих. Пушкина 9, 89.
Дубровинъ, Н. Ѳ. 175.
„Дубровскій“, пов. Бѣлкина 16, 24.
Душетъ, станція 11.
„Дѣтскія сказки“, Пушкина 49.

„Евгеній Онѣгинъ“, 10, 11, 25, 26, 28, 76.
Евреинова, Екатерина Ѳедоровна, рожд. Пушкина 99, 100, 101, 102.
Евреинова, Нат. Петр. (по мужу Зубкова) 91, 161, 186.
Евреинова, Ольга Вас., рожд. Зубкова 91, 115, 178.
Евреинова, Софья Петр. 101.
Евреиновъ, В. В. камергеръ 91.
Евреиновъ, Вячеславъ Дмитріевичъ 115, 178.
Евреиновъ, Дмитрій Петровичъ 91.
Евреиновъ, М. М. 91.
Евреиновъ, Петръ Дмитріевичъ 99, 100, 101, 102.
Евреиновъ, Яковъ Матвѣевичъ 91.
„Египетскія ночи“, Пушкина 7.
Екатерина II, 85, 87.
Екатерина Павловна, вел. кн. 89.
Елагина, помѣщ. 184.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ 149, 158, 177, 182.
Еруслань Лазаревичъ, 61, 82.
Ефремовъ, П. А. 2, 7, 35, 104.

„Желаніе“, стих. Пушкина 4.
„Женихъ“, отрывокъ Пушкина 7.
Жирарденъ, Э. 114.
Жуковскій, В. А. 61, 83, 85 — 89 (письма къ С. С. Уварову), 196.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. 176.
Завадовскій, 23.
Завадовскій, графъ А. П. 180.
Завалишинъ, Д. И. 176, 179, 184.
Заварзаевъ, фельдъегерь 120.
Загоскинъ, М. Н. 31, 32.
„Заклинаніе“, нач: **„О если правда, что въ ночи“**, стих. Пушкина 18.
Замотинъ, И. И. 83.
Замѣтка объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь, Пушкина 30.
Замѣтка объ изученіи русской словесности, Пушкина 27.
Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ, Пушкина 25.
Замѣтка о новой комедіи Загоскина „Недовольные“, Пушкина 31.
Замѣтка о русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной, Пушкина 29.
Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ, Пушкина 30.
Замѣтка о трагедіи Ромео и Юльета Шекспира, Пушкина 26.
Замѣтки и выписки о государственномъ строѣ, Пушкина 27.
Замѣтки о Байронѣ по поводу Корсара, Пушкина 26.
Замѣтки о русскихъ пословицахъ, Пушкина 27.
„За Netty сердцемъ я летаю“, стих. Пушкина 37.
„Зачѣмъ безвременную скуку“, стих. Пушкина 105, 109.
„Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ“, стих. Пушкина 11.
„Зеленая Лампа“, общество 98.
Зеленская, Анна Борисовна — см. **Бакунина.**
Зиловъ, Алексѣй Мих. 119, 169.
„Зимняя дорога“ стих. Пушкина 8, 105 — 106.
Зубкова, дочь В. П. 129.
Зубкова, Авд. Андр., рожд. Бабушкина 91.

Зубкова, Авдотья Петровна (по мужу Алмазова) — 99, 156, 184.
Зубкова, Анна Абрамовна (по мужу Булгакова) 91.
Зубкова, Анна Ѳедоровна, рожд. Пушкина, 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
Зубкова, Марія Мих., рожд. Шапошникова 91.
Зубкова, Над. Петр., рожд. Демидова, 91, 170.
Зубкова, Нат. Петр., рожд. Евреинова, 91, 161, 186.
Зубкова, Ольга Васильевна (по мужу Евреинова) 91, 115, 178.
Зубкова, Пелагея Васильевна — 115.
Зубковъ, Абрамъ Вас. 91.
Зубковъ, Абрамъ Петр. 91, 120, 170.
Зубковъ, Василій Петровичъ — 8; 90 — 186 (Записки его).
Зубковъ, Владиміръ Вас. 115.
Зубковъ, Дмитрій Петровичъ 116.
Зубковъ, Петръ Абрамовичъ 91, 120, 169.
Зубковъ, Петръ Петр. 91.

Ивановскій, А. И. 46.
„Игрокъ“, комедія Реньяра 101.
„И далѣ мы пошли“, стих. Пушкина 16.
„Изъ Анакреона“, стих. Пушкина 18.
„Изъ А. Шенье: Покровъ, упитанный...“, стих. Пушкина 6.
„Изъ Аріостова Orlando furioso“, стих. Пушкина 6.
„Изъ записки пріятелю“, стих. Пушкина 13.
„Изъ Рима ѣхалъ онъ домой“, стих. Пушкина 6.
„Изъ VI Пиндемонте“, стих. Пушкина 19.
„Иліада“ 13, 36.
„Илья Муромецъ“, сказка Карамзина 83.
Истомина, 23.
„Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина 47, 48.
„Исторія одного города“, Салтыкова 51.
„Исторія Пугачевскаго бунта“, Пушкина 30
„Исторія русскаго народа“, Н. Полевого 48.
„Исторія села Горохина“, Пушкина 47 — 58.
„И ты тутъ былъ?“, отрывокъ Пушкина 22.
Ишимова А. О. 35.

Каверинъ, П. П. 3.
„Кавказскій плѣнникъ“ 37, 76, 77.
„Каковъ я прежде былъ“, стих. Пушкина 8.
„Какъ живо колкій Грибоѣдовъ“, набросокъ Пушкина 23.
„Какъ за церковью за нѣмецкою“, пѣсня 37.
„Какъ на утренней зарѣ“, пѣсня 37.
„Какъ съ древа сорвалося“ (Подражаніе итальянскому), стих. Пушкина 19.
„Какъ щастливъ я, когда могу покинуть“, стих. Пушкина 8.
„Календарь, или мѣсяцесловъ на лѣто..... 1721“ 32.
Кальмъ, Ѳедоръ Григорьевичъ 127, 176, 177.
Каменный островъ, въ Пб. 19.
„Капитанская дочка“ 24.
Карамзинъ, Н. М. 47, 49, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 167, 182.
Карелинъ, Григ. Сил., 111.
Карніолинъ-Пинскій, М. М. 107.
Карсъ, крѣп. 12.
Каръ, Марія Сергѣевна рожд. кн. Хованская, 101.
Каховскій, Петръ Анд. 186.
Кашкина, Анна Гавр., рожд. Бахметева, 167.
Кашкина, Екатерина Ивановна, рожд. Миллеръ, 168.
Кашкинъ, Николай Евгеньевичъ 167.
Кашкинъ, Николай Николаевичъ 168.
Кашкинъ, Николай Сергѣевичъ 168, 175.

Кашкинъ, Сергѣй Николаевичъ 93, 94, 96, 98, 117, 118, 125, 133, 136, 137, 138, 139, 164, 166, 167, 168, 174, 186.
Кеппенъ П. И. 36.
„Кирджали“, Пушкина 17, 24.
Кирпичниковъ А. И. 60.
Кирѣевскій, И. В. 59, 84.
Киселева, Ек. Ник. 107.
Киселева, Елиз. Ник. 107.
Киселевъ, П. Д. 122, 171, 176.
Кишиневъ, 88.
Клингеръ, писатель 82.
„Коварность“, стих. Пушкина 5.
„Когда великое свершалось торжество“, стих. Пушкина 38.
„Когда владыка Ассирійскій“ (Юдиѳь), стих. Пушкина 17.
„Когда за городомъ задумчивъ я брожу“, стих. Пушкина 19.
„Когда порой воспоминанье“, стих. Пушкина 15.
Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ. 106.
Кологривовъ, Александръ Лукичъ 117, 162.
Колошина, Александра Григорьевна, рожд. гр. Салтыкова, 163, 180.
Колошинъ, Павелъ Ивановичъ — 94, 95, 96, 97, 98, 105, 117, 118, 125, 126, 133, 136, 137, 138, 139, 141, 163, 164, 180.
Колошинъ, Петръ Ив. — 94, 163.
Колошинъ, Серг. Павл. 105, 163.
Комаровскій, графъ Евгр. Ѳедот. 117, 126, 137, 162.
Комовскій, С. Д. 173.
Кони, А. Ѳ. 90, 105, 107.
Коновницына, гр. Елиз. Петр. — см. **Нарышкина.**
Кончіаловъ, 176.
Корниловичъ, А. О. 168.
„Короче дни, а ночи долѣ“, стих. Пушкина — 6.
Корсаковъ, 104.
„Корсаръ“, Байрона — 26.
Корфъ, графъ М. А. — 172, 174.
Кошелевъ, А. И. — 166.
Краевскій, А. А. — 85.
„Краледворская Рукопись“, 83.
Краткая замѣтка о Поль-Потерѣ, Пушкина — 28.
Краткія замѣтки по русской исторіи, Пушкина 32.
Кристинъ, Ф. 102.
Крыловъ, Александръ Лукичъ — 87.
Крыловъ, Андрей Прохоровичъ 31.
Крыловъ, Ив. Андр. — 31.
„Кто видѣлъ край“, стих. Пушкина 4.
„Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ“, стих. Пушкина 9.
„Кто идетъ — салдатъ“, набросокъ Пушкина 6.
„Куда вы? за городъ конечно“, стих. Пушкина 17.
„Куда же ты? въ Москву“, стих. Пушкина 13.
Кудашева, княгиня Екат. Михайл., рожд. Голенищева-Кутузова, 186.
Кудашевъ, князь Николай Даниловичъ 186.
Кухарскій, А. 36.
Кушниковъ, Сергѣй Сергѣевичъ — 148, 182.
„Къ Давыдову“, стих. Пушкина 3.
„Къ Каверину“, стих. Пушкина 3.
„Къ переводу Иліады“, стих. Пушкина 13.
„Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ“: „Урну съ водой уронивъ“, стих. Пушкина — 12.
Къ тѣни полководца, стих. Пушкина 15.
„Къ Щербинину“, стих. Пушкина 3.
Кюхельбекеръ, В. К. 25, 26, 105.

Ламартинъ, 114.
Ланская, В. И. 99.
„La Pucelle“, Вольтера 60.
Лафонтенъ, 62.
Левашевъ, В. В. 124, 127, 132, 135, 145, 152, 159, 171.
„Les deux danseuses“, программа повѣсти 23.
„Le coq d'or“, сказка Клингера, 82.
Le-Prince de Beaumont, m-me 81.

Липранди, Иванъ Петровичъ, 127, 177.
„Литературные листки“, Булгарина 41.
Лореда кондитерская — 176.
Лореръ, Н. И. 165.
Лужина, 114.
Лун-Вланъ, 114.
„Лунная ночь, или домовые“, опера 168.
Львовъ, Л. Л. 194.
„Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“, изд. 1815 г., 61.
„Лѣтопись села Горохина“, Пушкина 47 — 58.

Майкова, Александра Алексѣевна 1.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 1, 2, 8, 84, 60, 84, 95, 172, 173, 183.
Малинники, село 10.
Мальцова, Софья Сергѣевна — см. **Нечаева.**
Манукова, Екат. Петр., рожд. кн. Барятинская, 183.
Маркевичъ, А. И. 196.
Маркутье, имѣніе 194.
Масальская-Сурина, Е. А., рожд. **Шахматова**, 39.
„Оленькѣ Массонъ“, стих. Пушкина 8.
Матеріалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевскаго бунта, Пушкина 30.
Машинскій, 176.
„Межъ горныхъ стѣнъ несется шумный Терекъ“, стих. Пушкина 4.
Меншиковъ, кн. Александръ Сергѣевичъ 158, 185.
Мераляковъ, А. Ѳ. 83.
Мериме, 84.
Миллеръ, Вс. Ѳед. 77, 84.
Миллеръ, Иванъ Ѳедоровичъ 167 — 168.
Миллеръ, Іуліанія Григорьевна, рожд. **фонъ-Гагенъ**, 168.
Миллеръ, Николай Ивановичъ 168.
Милорадовичъ, гр. М. А. 186.
Михайловское, село 5, 7, 12, 26, 43, 174, 188, 189, 191, 193, 194.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. 133, 147. 156, 179, 184.
„Мірская власть“ („Когда великое свершалось торжество“), стих. Пушкина 38.
„Мнѣ не спится, нѣтъ огня“, стих. Пушкина 14.
Модзалевскій, Бор. Льв. 95, 116.
Модзалевскій, Вадимъ Льв. 86.
„Мой (первый) другъ, мой другъ безцѣнный“, стих. Пушкина 7.
„Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ“, стих. Пушкина 20.
Морозовъ, П. О. — 2, 89, 174.
„Моцартъ и Сальери“ 24.
„Моя родословная“, стих. Пушкина 13, 14.
Муравьевъ Александръ Николаевичъ 175.
Муравьевъ, Никита Михайловичъ 117, 162, 181.
Муравьвъ, Н. Н. 92.
Муравьевы-Апостолы 176.
Муравьевъ-Апостолъ М. И. 165.
Муханова, Елизавета Александровна — см. княг. **Шаховская.**
Муханова, Наталья Александровна 102, 107.
Мухановы 103, 170.
Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ 107, 177.
Мухановъ, Петръ Алексѣевичъ, 96, 97, 119, 120, 168, 169.
Мысловскій, Петръ Николаевичъ 178.
„Мѣдный всадникъ“, Пушкина 88.
Musset, Alfred 19.
„Мятель“, повѣсть Бѣлкина 15.

Наброскъ введенія въ русскую исторію, Пушкина 28.
„Наливайко“, дума Рылѣева 46.
„Наперсникъ“, стих. Пушкина 9.

Полторацкій, Александръ Александровичъ 173.
Полторацкій, Михаилъ Александровичъ 173.
Поль-Потеръ, художн. 28.
„Полярная звѣзда“, 1824 г. 40, 41, 43.
Пономаревъ, С. И. 86.
Поповъ, М. В. 65, 68, 81, 83.
„Порѣдѣли, побѣлѣли“ (ода LVI. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 17, 196.
„Послѣднія минуты Пушкина“, ст. Жуковскаго 88.
Потаповъ, Алексѣй Никол. 122, 156, 171.
Потемкина, гр. Елиз. Петр., рожд. Подчаская, 165.
Потемкинъ, гр. Сергѣй Павловичъ 165.
„Пошли мнѣ долгу жизнь“, отрыв. стих. Пушкина 19.
„Предъ испанкой благородной“, стих. Пушкина 15.
„Примѣры невѣжливости“, замѣтка Пушкина 26.
„Пріятелямъ“, стих. Пушкина 6.
„Prologue“, отрывокъ изъ записокъ Пушкина 25.
„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, стих. Пушкина 41.
„Протекшихъ лѣтъ безумное веселье“, стих. Пушкина 12.
Прудонъ 114.
Путачевъ 30, 31.
„Пускай увѣчанный любовью красоты Въ завѣтномъ золотѣ хранить ея черты“, стих. Пушкина 20.
„Путешествіе въ Арзрумъ“, Пушкина 196.
Путята Н. В. 92, 163.
Пушкина, рожд. **Боборыкина**, 185.
Пушкина Анна Ѳедоровна (по мужу Зубкова) 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
Пушкина, Варенька 103.
Пушкина, Варвара Алексѣевна 194.
Пушкина, Екатерина Ѳедоровна (по мужу Евреинова) 99, 100, 101, 102.
Пушкина, Елизавета Ѳедоровна (по мужу Штурманова) 99, 101, 102.
Пушкина, Марья Ивановна, рожд. кн. Оболенская, 99, 100, 101, 102, 106.
Пушкина, Над. Ос. 36.
Пушкина, Наталья Абрамовна, рожд. кн. Волконская, 100.
Пушкина, Нат. Никол. — 34.
Пушкина, Софья Ѳедоровна (по мужу Панина) — 90, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 158, 185.
Пушкины, С. Л. и Н. О. 34.
Пушкинъ, А. С. 1 — 89, 94, 98, 104, 107, 162, 163, 166, 168, 170, 172, 174, 175, 177, 179, 183, 196.
Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ 99, 101.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ 187 — 195.
Пушкинъ, Иванъ Ѳедоровичъ — 99, 158, 159, 160, 170, 185.
Пушкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ — 100.
Пушкинъ, С. Л. — 35, 88.
Пушкинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ 99, 106.
Пущина, Александра Михайловна, рожд. Рябинина, 180.
Пущина, С. П., рожд. Пальчикова, 175, 184.
Пущину П. С., стих. Пушкина 7, 37.
Пущинъ, Ив. Петр. — 96, 180.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ — 28, 94, 95, 96, 98, 104, 125, 126, 133, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 164, 165, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 176, 180, 181, 182, 183, 184.
Пущинъ, Мих. Ив. 156, 175, 183, 184.
Пѣсни, записанныя Пушкинымъ, 37.
„Пѣснь о Георгіи Черномъ“, Пушкина 16.
„Пѣснь о полку Игоревѣ“ 27.

Рабенеръ, сатирикъ 50, 51, 57.
Радищевъ А. Н. 83.
Радищевъ Н. А. 83.

Раевская, Екатерина Николаевна — см. Орлова.
Раевскіе бр. 176.
Раевскій, А. Н. 33, 166.
Раевскій Н. Н. 1-й — 117, 166, 168.
Раевскій, Н. Н. 2-й — 33, 34, 42, 166, 173, 183, 196.
„Разставанье“, стих. Пушкина 13
„Расходились по поганскому граду“, стих. Пушкина 6.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ—91.
Реми-Жилле — 196.
Реньяръ, авт. 101.
Римская - Корсакова, Екатерина Александр. (по 1-му мужу Офросимова, по 2-му Алябьева) 107.
Ровинскій, Александръ Павловичъ — 119, 169.
Ровинскій, Д. А. 116, 169.
Родзянко (Арк. Гавр.?) 98.
„Родословная моего героя“, стих Пушкина 88.
Розенъ, баронъ А. Е. 166, 169, 180 181, 182.
Романъ на Кавказскихъ водахъ, программа Пушкина 23.
„Ромео и Юльета“, Шекспира — 26.
Роппольтъ, литографъ — 116.
„Россійская Академія“, статья Пушкина 85, 89.
„Румяный критикъ мой“, стих. Пушкина — 12.
„Русланъ и Людмила“, Пушкина 22, 36, 59 — 84.
„Русскій Пеламъ“, наброски повѣсти — 23.
„Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказыванье въ памяти приключенья“, Чулкова, 61—62, 65, 67, 68, 69, 72, 74, 75, 80, 83.
Рылѣевъ, Кондратій Федоровичъ — 45, 149, 166, 168, 179, 182.
„Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома“, стих. Пушкина — 13, 14.
Рябинина, Алекс. Михайл. — см. Пущина.

Сабанѣева, Е. А. 107.
Сабуровъ, Андрей Ивановичъ — 156, 183.
Сабуровъ (Я. Н.?) 36.
Сазоновъ, фабр. 44.
Салтыкова, графиня Александра Григорьевна — см. **Колошина.**
Салтыковъ, М. Е. 51.
Сарачинская, Екатерина Михайловна, рожд. Голенищева-Кутузова 186.
Сарачинскій, Илья Степановичъ 158, 186.
Свербеевъ, Д. Н. 164, 175.
Сверчковъ, ротм. 196.
Свиньинъ, Петръ Павловичъ — 117, 162.
„Сегодня я поутру дома“, стих. Пушкина — 5.
Сэй, Жанъ-Батистъ — 93, 137, 138, 180.
Селезневъ, И. Я. 196.
Семевскій, В. И. — 168.
Семеновъ, Николай Петровичъ — 196.
Семеновъ, Петръ Петровичъ — 196.
Семеновъ, Степанъ Михайловичъ — 96, 117, 118, 119, 125, 133, 136, 138, 139, 164, 165, 175.
Сенявинъ — 176.
Сиповскій, В. В. 58, 84.
Сисмонди, — 93, 137, 138, 180.
Сихлеръ, m-me — 16.
„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“, Пушкина 82.
„Сказка о мертвой царевнѣ“, Пушкина 82.
„Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“, Пушкина 81, 83.
„Сказка о царѣ Салтанѣ“, Пушкина 82.
„Славная флейта, Θеонъ“, стих. Пушкина 16.
„Славянскія древности“, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 81, 83.

„Слово о полку Игоревѣ“ — 86.
Смирновъ, Никол. Мих. — 24.
Смитъ, Адамъ — 180.
Соболевскій, Дмитрій Михайловичъ, худ. — 95, 126, 172.
Соболевскій, С. А. — 103, 104.
„Современникъ“, ж. Пушкина 85 — 89.
Соединенныхъ Славянъ ложа — 93.
„Созданіе міра“, отрывокъ Пушкина 22.
„Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописи деревни Квирлеквичъ“, соч. Рабенера. 50 и сл.
Соломонъ, штабъ-лѣкарь, 110.
Сонцовъ М. М. 103,
„Сонъ“, стих. Пушкина — 79.
Сороть, рѣка — 188, 189.
Спиноза — 164.
Срезневскій Вс. Изм. 38, 46.
„Стамбулъ гяуры ныньче славятъ“, стих. Пушкина 15.
„Стансы“ (Въ надеждѣ славы и добра), стих. Пушкина 8.
Стахій, протоіерей 131, 178.
„Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы“, Пушкина 14.
„Странникъ“ (Изъ Буньяна), стих. Пушкина 17.
Страховъ, Н. Н. 47, 48, 49.
Сукинъ, Александръ Яковлевичъ — 178.
Сумцовъ Н. Ѳ. 81. 82.
Сѣмечкина Тат. Бор., рожд. Данзасъ — 95, 115, 116.
„Сѣтованія“, стих. Пушкина 4.
Сыганъ-лу, горный хребетъ — 11.

„Таврическая звѣзда“, стих. Пушкина — 3.
Талисманъ, стих. Пушкина 8, 9.
Тассо 63.
Татищевъ, гр. Александръ Ивановичъ 133, 179, 183.
Тверь — 32.
Тимашева, Е. А. 107.
Титовъ, А. А. 172.
„Тогда я демоновъ увидѣлъ“, стих. Пушкина 16.
Толстая, Агр. Степ. 103.
Толстой, гр. Егоръ Петровичъ 120, 170.
Толстой, гр. Ив. Петр. — 120, 170.
Толстой, Я. Н. — 86, 87, 98.
Толь, гр. Ѳ. К. — 176.
„Только что на проталинахъ весенникъ“, стих. Пушкина 7.
Тормасовъ, гр. — 166.
Тригорское, село 187, 189.
Тройницкій, А. Г. — 196.
Тройницкій, Г. А. — 196.
Трубецкая, княгиня Нат. Ив., рожд. гр. Лаваль, 182.
Трубецкой, кн. Никита Петр. 165.
Трубецкой, кн. Сергѣй Петровичъ — 98, 147, 163, 165, 180, 181, 182.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ — 101, 165.
Тургеневъ, Николай Ив. — 163, 165.
Туркестанова, княжна В. Н. 102.
Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ 127, 175.
Тучковъ, П. А. — 92.
„Ты рождена воспламенять“ (Гречанкѣ), стих. Пушкина 40.
„1001 ночь“, сказки 82.
Тьерри — 49.
Тютчевъ, Иванъ Николаевичъ 158, 185.
Тютчевъ, Николай Ивановичъ 185.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ 185.

Уваровъ, А. Ѳ. генералъ 91.
Уваровъ, С. С. 85, 86.
„Увы, зачѣмъ она блеститъ“, стих. Пушкина — 40.
„Узнаемъ коней ретивыхъ“ (изъ Анакреона), стих. Пушкина — 18.
Улыбашевъ, членъ „Зеленой Лампы“, 98.
„Урну съ водой уронивъ“, стих. Пушкина — 12.
„Уродился я бѣдный недоносокъ“, стих. Пушкина 23.

Урусовъ, князь Михаилъ Александровичъ 122, 171.
Ухтомская, княг. Марья Дм., рожд. кн. Голицына, 103.
Ухтомскій, князь Александръ Ивановичъ 103.
Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 156, 183.

„Фиглярин пишетъ, сидя дома“, стих. Пушкина — 15.
Фхоріанъ — 62.
Фокъ, Екатерина Ивановна, рожд. Осипова, 188, 189.
Фонвизина, Наталья Дмитріевна, рожд. Апухтина, 170, 171.
Фонвизинъ, Дмитрій Михайловичъ, 171.
Фонвизинъ, Михаилъ Александровичъ — 120, 121, 122, 143, 170, 172.
Фонвизинъ, Михаилъ Михайловичъ, 171.
Фурье 143.
Фуррье 114.

Херасковъ, Мих. Матв. — 61, 83.
Хитрово, Елиз. Мих. — 28.
Хованская, кн. Марья Сергѣевна — см. **Каръ**.
Ховрина, Александра 114.
Ховрина, Лидія 114.
„Хотѣлъ я душу освѣжить“, стих. Пушкина 16.
„Хотя стишки на именины“, стих. Пушкина 87.
Хотяинцевъ — 177.
„Художнику“ (нач: **Грустенъ и веселъ вхожу“**), стих. Пушкина — 19.

Царское Село, 11, 25, 29.
„Царь-дѣвица“, Державина 78, 83.
„Цезарь путешествовалъ“, отрывокъ, Пушкина 21.

Чаадаевъ, П. Я. — 85. 86.
Черкаскій, князь Ал-ръ Борис. — 158, 159, 160, 185.
Черкаскій, князь Петръ Дмитріевичъ — 94, 95, 96, 118, 126, 142, 168, 175, 185.
Чернышевъ, кн. Александръ Ивановичъ 133, 167, 179.
Черняевъ, Н. И. — 49, 50, 60.
„Чиновникъ и поэтъ“, стих. Пушкина — 17.
„Чистый лоснится полъ“ (изъ Ксенофана Колофонскаго), стих. Пушкина 17.
Чичеринъ, генералъ 141.
Чичеринъ, Б. Н. 90, 111.
„Что же сухо въ чашѣ дно?“ (Ода LVII. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 18.
„Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ“, стих. Пушкина 3.
Чулковъ, Мих. Дм. — 61, 62, 63, 64, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 83.

Шапошникова, Марія Михайловна (по мужу Зубкова) — 91.
Шапъ, аббатъ — 80.
Шахматова, Евгенія Александровна — см. Масальская-Сурина.
Шаховская, княгиня Елиз. Александр., рожд. Муханова — 169.
Шаховской, кн. Валентинъ Михайловичъ — 120, 169.
Шаховской, кн. Ѳедоръ Петров. 92, 98, 125, 135, 137, 144, 172, 176.
Шевырева, рожд. Зеленская — 173.
Шевыревъ, Степ. Петр. — 173.
Шекспиръ — 26.
Шенрокъ В. И. — 171.
Шервудъ-Вѣрный — 184.
Шереметева, домовл. — 109.
Шереметева, Анастасія Васильевна — см. **Якушкина**.
Шереметевъ, Алексѣй Васильевичъ — 185.
Шереметевъ, В. А. — 180.
Шефферъ, Петръ Николаевичъ — 60, 61, 75.
Шильдеръ, Н. К. 163, 175.
Шишковъ 178.
Шишковъ, А. С. 89, 171.

Шишковъ, Семенъ Ардальоновичъ 122, 171.
Шляпкинъ, Илья Александр. 3, 6, 16, 20, 87.
Шокальская, Екатерина Ермолаевна, рожд. Кернъ, 189.
Шокальскій, Юлій Мих. 195.
Штейнгель, баронъ В. И. 96. 98, 117, 166, 179, 181, 182, 183.
Штурманова, Елизавета Ѳедоровна, рожд. Пушкина — 99, 101, 102.
Штурмановъ, Алексѣй Александровичъ 101.
Шульгинъ, Александръ Сергѣевичъ 169.
Шульгинъ Дмитрій Ивановичъ 119, 169.

„Щастливъ, кто избранъ своенравно“, стих. Пушкина — 9.
Щеголевъ, Пав. Елисѣев. — 163, 176.
Щербаковъ, В. Ѳ. — 104.
Щербатовъ, кн. А. Л. 102.
Щербининъ, Михаилъ Андреевичъ — 3.
Щукинъ, Петръ Ивановичъ — 177, 181, 184.
Щулепникова Марья Александровна — см. **Бакунина.**

„Экспромптъ Гнѣдичу“, Пушкина — 36.
„Элегія“ („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“), стих. Пушкина 12.
„Элегія“, нач. **„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“**, стих. Пушкина — 41.
„Элегія“, нач: **„Увы, зачѣмъ она блеститъ“**, стих. Пушкина — 40.

„Юдиѳь“, стих. Пушкина — 17.
„Юноша, скромно пируй“, стих. Пушкина — 16.
Юсуповъ, кн. Н. Б. — 172.

„Я думалъ, сердце позабыло“, стих. Пушкина 29 — 30.
„Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой“ (Кн. П. А. Вяземскому), стих. Пушкина — 5.
„Я знаю край“, стих. Пушкина — 9.
Якобсонъ, Г. Г. 112.
Яковлевъ, 158.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ — 146, 149, 150, 151, 152, 154, 177, 180, 181, 182.
Якубовичъ, Ив., отецъ декабриста, 149.
Якушкина, Анастасія Васильевна, рожд. Шереметева — 185.
Якушкинъ, Иванъ, Дмитріевичъ 121, 162, 163, 166, 169, 170 — 171, 178, 185.
Янькова, Е. П. 102, 103, 106.
„Я помню дѣву, юности прелестной“, стих. Пушкина 14.
„Я помню чудное мгновенье“, стих. Пушкина — 6.

ПУШКИНЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Томъ I.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской академіи наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Содержаніе I тома.

Выпускъ 1.

	стр.
Предисловіе	V—VI.
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ октября 1900 по октябрь 1902 г.	VII—XXXII.
Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 г. (Отчетъ Отдѣленію Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ). Б. Л. Модзалевскаго	1—190.

Выпускъ 2.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 по февраль 1904 года	I—XVI.
Автографы Пушкина, поступившіе въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ въ 1903-мъ году. В. И. Срезневскаго	1—13.
Изъ семейнаго архива Раевскихъ. Б. Л. Модзалевскаго	14—24.
Замѣтка къ Пушкину (Происхожденіе пѣсенки Гринева: «Мысль любовну истребляя»). В. И. Чернышева	25—26.
Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая замѣтка. Б. Л. Модзалевскаго (съ портретами)	27—31.
Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ (Изъ журнальной полемики конца 20-ыхъ гг. XIX в.). В. В. Каллаша.	32—49.
Предполагаемый источникъ для біографіи Пушкина. Ф. А. Витберга	50—64.
Изъ двадцатыхъ годовъ. Замѣтки и матеріалы. I. Къ біографіи Я. Н. Толстого; II. Исторія одного письма К. Н. Батюшкова. П. Е. Щеголева	65—80.
Записка къ Пушкину. Н. О. Лернера	81—83.
Указатель (къ извлеченіямъ изъ протоколовъ I-го и II-го выпусковъ и къ тексту II-го)	85—90.

Выпускъ 3.

	стр.
Опыты окончанія «Русалки». Ѳ. Е. Корша	1—22.
А. С. Пушкинъ въ Казани. Е. А. Боброва	23—67.
Пушкинъ и Рылѣевъ. В. В. Сиповскаго	68—88.
Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей. В. Е. Рудакова	89—91.
Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.). Б. Л. Модзалевскаго	92—95.
«Пушкинскія» замѣтки. А. И. Маркевича	96—106.
О словаряхъ: языка Пушкина и Пушкинскихъ рѳмъ	107—108.
Планъ словаря языка А. С. Пушкина. А. И. Соболевскаго	109—110.
Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ рѳмъ. Ѳ. Е. Корша	111—134.
Указатель	135—138.

Выпускъ 4.

Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой. В. И. Срезневскаго	1—38.
Собраніе автографовъ Пушкина, принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки Императорской Академіи Наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой). В. И. Срезневскаго	39—46.
Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина». В. В. Сиповскаго	47—58.
«Руслан и Людмила» (Къ литературной исторіи поэмы). В. В. Сиповскаго	59—84.
Къ исторіи «Современника» (Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову). Вадима Модзалевскаго	85—89.
Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки. Б. Л. Модзалевскаго (съ портретами и рисунками)	90—186.
Григорій Александровичъ Пушкинъ. Личныя воспоминанія. Ю. М. Шокальскаго (съ портретомъ)	187—195.
Замѣчанія и поправки Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Гройнидскаго	196.
Указатель	197—210.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ V.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

ПУШКИНЪ.

ПУШКИНЪ
и
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ V.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1907 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина. А. П. Кадлубовскаго	1— 29
Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ» (1831—1832). Н. К. Пиксанова	30— 74
Шесть упраздненныхъ мѣстъ. Д. Ѳ. Кобеко	75— 81
А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ. Проф. Е. А. Боброва	82—109
Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ литературной исторіи двухъ мнимыхъ стихотвореній Пушкина. II. Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина. В. В. Каллаша	110—118
Замѣтка о Пушкинѣ изъ дневника Е. С. Телепневой 1827—28 гг. В. И. Саввы и Б. М-аго	119—124
Пушкинъ и Радищевъ. В. П. Чернышева	125—127
Пѣсня Варлаама. В. И. Чернышева	127—129
Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина. В. И. Чернышева	130—139
Дельвигъ и Пушкинъ. (Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) къ П. В. Анненкову). Съ портретомъ и силуэтомъ А. П. Керн. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій	140—157
Поправка. А. А. Сиверса	158
Указатель	159—164

Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина.

Извѣстно, какимъ уваженіемъ и признаніемъ пользовались въ русскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX в. сочиненія Вольтера. Среди нихъ особая слава принадлежала у насъ, какъ и на Западѣ, его многочисленнымъ драматическимъ произведеніямъ, которыя были для него однимъ изъ любимыхъ средствъ проповѣди идей, развивавшихся имъ и вообще французской просвѣтительной философіей. Въ настоящее время сочиненія Вольтера вообще, а въ частности и его театръ, не пользуются у насъ широкой извѣстностью; а между тѣмъ, въ виду ихъ популярности у насъ въ свое время, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они заслуживаютъ со стороны историка русской жизни и литературы бо̀льшаго вниманія, что нѣкоторыя явленія нашего культурнаго и литературнаго развитія станутъ яснѣе при сопоставленіи ихъ съ литературною дѣятельностью патріарха французской философіи.

Не такъ давно немало страницъ посвятилъ Вольтеру, какъ драматургу, И. И. Ивановъ въ своей книгѣ: „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII в.“ („Ученыя Зап. Моск. Ун-та“, отд. истор.-филолог., вып. 22, М. 1895); въ ней авторъ далъ обстоятельный разборъ тѣхъ идей политическихъ, религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, проповѣди которыхъ

служилъ французскій театръ XVIII в., и на которыхъ главнымъ образомъ основывалась популярность произведеній театра и ихъ историческое значеніе. Авторъ названнаго труда не ставилъ себѣ въ немъ вопроса о значеніи дѣятельности Вольтера для другихъ народностей и другихъ литературъ, а держался лишь французской почвы. Но вліяніе идей французской философіи и ея проводника, театра, а въ особенности вліяніе сочиненій Вольтера, и на наше общество, и на нашихъ писателей давно уже признано, хотя можетъ быть и заслуживало бы еще детальнаго и обстоятельнаго изученія и изслѣдованія.

Но если главное значеніе Вольтерова театра и во Франціи, и у насъ заключается въ его идейномъ содержаніи, то все же на читателей дѣйствовала и высоко цѣнилась ими и чисто литературная сторона его; Вольтера и какъ художника высоко чтили у насъ, начиная отъ Сумарокова и кончая молодымъ Пушкинымъ. Потому слѣдовъ вліянія его можно искать не только въ тѣхъ или иныхъ нравственныхъ или философскихъ идеяхъ, усвоенныхъ русской литературой, но и въ художественной сторонѣ литературныхъ произведеній, въ созданіи образовъ и типовъ.

Говоря о проповѣди гуманности у Вольтера, о проводившейся имъ идеѣ свободнаго развитія человѣческой личности, И. И. Ивановъ разсматриваетъ между прочимъ трехъактную комедію Вольтера „Le droit du Seigneur“ (representée à Paris, en 1762, en cinq actes, sous le nom de l'Ecueil du Sage, qui n'étoit pas son véritable titre; remise en théâtre, le 12 juin 1779, en trois actes, après la mort de l'auteur); авторъ отмѣтилъ, что это была довольно видная въ свое время комедія, занимавшая замѣтное мѣсто въ литературѣ, направленной противъ „феодальныхъ правъ“, и вызвавшая много подражаній; въ уста дѣйствующихъ лицъ вложены „ядовитыя за-

мѣчанія по адресу знати"; Mathurin, одинъ изъ героевъ пьесы, зажиточный крестьянинъ, возмущается неравенствомъ правъ, господствующимъ среди людей, и не находитъ для него основанія. Но и другой герой пьесы, аристократъ, маркизъ, является „безкорыстнымъ защитникомъ гуманности и равенства"; онъ пріѣзжаетъ въ деревню, недовольный жизнью въ свѣтѣ, который порабощаетъ личность; маркизъ защищаетъ философію, стремится къ добродѣтели, намѣренъ жениться на небогатой невѣстѣ и стать сельскимъ хозяиномъ[1]).

Этими замѣчаніями И. И. Иванова едва ли не ограничивается все, что сказано по поводу этой комедіи въ русской научной литературѣ; но они далеко не исчерпываютъ содержанія комедіи; характеристикѣ ея и съ идейной стороны можно бы придать больше полноты (напр., обратить вниманіе на обличеніе въ ней глубокой испорченности нѣкоторыхъ знатныхъ господъ, безчеловѣчныхъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ и видящихъ въ нихъ только средство для своего наслажденія жизнью) и точности. Собственно же литературная сторона сама по себѣ не подлежала изслѣдованію названнаго историка. Между тѣмъ, комедія и въ этомъ отношеніи представляетъ для насъ интересъ. Я имѣю въ виду въ дальнѣйшемъ обратить вниманіе прежде всего именно на литературную ея сторону, но въ связи съ нею коснусь и стороны идейной. Прежде всего, однако, въ виду малоизвѣстности въ русской литературѣ этой комедіи, я считаю нужнымъ изложить ея содержаніе.

Завязка пьесы заключается въ томъ, что фермеръ Mathurin, женихъ нѣкоей Colette, измѣнилъ ей и сватается за другую дѣвушку, Acanthe, которая отнюдь не раздѣляетъ его чувствъ. Эта Acanthe воспитывается у крестья-

1) И. И. Ивановъ, назв. соч., 184, 514 — 6, 537 — 8.

нина Dignant, стараго слуги маркиза, и его второй жены Berthe. Его она считаетъ своимъ отцомъ, ее — мачехой. Berthe очень рада сватовству зажиточнаго, хотя грубаго и недалекаго фермера и стремится поскорѣе сбыть съ рукъ нелюбимую дѣвушку. Объ этихъ отношеніяхъ мы узнаемъ въ 1-мъ дѣйствіи изъ сценъ Mathurin'a съ деревенскимъ bailli, съ Colette и съ Acanthe и ея семьей. Изъ бесѣды обѣихъ дѣвушекъ въ концѣ дѣйствія мы узнаемъ, что Acanthe чрезвычайно тяготится мыслью о предстоящемъ бракѣ. Colette въ интересахъ и своихъ и Acanthe стремится разрушить этотъ бракъ. Она обращается къ деревенскому бальи, жалуясь на обманъ со стороны своего жениха. Бальи, который вообще является однимъ изъ комическихъ лицъ пьесы, допрашиваетъ Colette (этимъ допросомъ начинается 2-ое дѣйствіе), но удовлетворить ея жалобы не можетъ, такъ какъ она отказывается представить свидѣтелей въ доказательство того, что Mathurin ее обманулъ; окончивъ разбирательство дѣла, бальи удаляется, а Colette выражаетъ удивленіе, какіе же могутъ быть свидѣтели въ подобныхъ дѣлахъ. По уходѣ судьи является Acanthe, и Colette жалуется ей на него; обѣ онѣ находятъ, что Mathurin не годится въ мужья Acanthe; Colette откровенно признаетъ, что онъ гораздо ниже Acanthe и недостоинъ ея; она сама — другое дѣло, ей онъ подъ пару. Съ этого момента Acanthe привлекаетъ вниманіе читателя, замѣтно выдвигаясь на первый планъ; очевидно, и авторъ заинтересованъ особенно ея судьбою. Ея положеніе въ деревенскомъ обществѣ своеобразно: она превосходитъ не только Mathurin'a, но и всѣхъ окружающихъ (какъ это заявляетъ сама Colette) благородствомъ и возвышенностью своихъ чувствъ. Изъ разговора дѣвушекъ мы узнаемъ отчасти и источникъ такого настроенія Acanthe: она читаетъ романы, увлекается ими и груститъ, видя, какъ непохожи окружающіе ее люди и

вся жизнь на ту жизнь и тѣхъ героевъ, о которыхъ она читала въ романахъ; далѣе, когда въ деревню пріѣзжалъ однажды маркизъ со своей свитой, то ей пришлось видѣть это избранное общество вблизи, даже за столомъ, благодаря роли ея пріемнаго отца; дѣвушка съ восторгомъ вспоминаетъ о видѣнныхъ ею картинахъ свѣтской жизни и не можетъ забыть ихъ: онѣ напоминаютъ ей жизнь, которую она знаетъ изъ романовъ. На вопросы Colette о ея отношеніи къ маркизу она раскрываетъ свое душевное состояніе: самого маркиза она не любитъ, потому что сознаетъ разстояніе между нимъ и собою; но, помня его, она уже не можетъ любить другого; изъ свиты маркиза она помнитъ кавалера Gernance, который позволилъ себѣ немного вольно держать себя по отношенію къ ней, но она, гордая въ своей скромности, отвергла его ухаживанья; впрочемъ, она сознается, что и этотъ кавалеръ ей непріятенъ менѣе, чѣмъ грубый Mathurin. Въ заключеніе бесѣды Colette рѣшается просить помощи у маркиза, котораго ожидаютъ въ деревнѣ; Acanthe же, боясь, что его пріѣздъ можетъ запоздать, желаетъ сперва обратиться къ одной знатной дамѣ, Dormène, и живущей съ нею пожилой особѣ, по имени Laure; онѣ живутъ недалеко, въ замкѣ Dormène, въ уединеніи; обѣ онѣ оказываютъ Acanthe много добра и ласки, и общеніе съ ними также знакомитъ ее съ жизнью болѣе развитой и интеллигентной среды. Дѣвушекъ останавливаетъ приходъ Mathurin'a и семьи Acanthe. Acanthe проситъ обождать со свадьбой до пріѣзда маркиза, ее поддерживаетъ отецъ, но мачеха и женихъ спѣшатъ; особенно спѣшитъ послѣдній, намекая на „право господина“ (отсюда заглавіе пьесы), о которомъ ему ранѣе говорилъ bailli. Colette продолжаетъ его увѣрять, что Acanthe ему не достанется. Между тѣмъ герольдъ маркиза сообщаетъ о его пріѣздѣ. Извѣстіе это очень радуетъ Dignant и Acanthe. Въ слѣдующей затѣмъ

сценѣ происходитъ разговоръ между герольдомъ и кавалеромъ Germance; этотъ послѣдній выступаетъ въ роли знатнаго развратника, который живетъ на средства маркиза и дорожитъ только пирами и женщинами. Онъ помнитъ Acanthe, ея упорство и ея скромность; онъ уже узналъ о ея свадьбѣ и собирается передъ свадьбой ее похитить, пренебрежительно отзываясь о маркизѣ, который слишкомъ скроменъ и сострадателенъ, чтобы самому воспользоваться невинностью невѣсты. Онъ собирается похитить ее въ замокъ той самой Dormène, о которой была уже рѣчь, и которой теперь нѣтъ дома: онъ на дорогѣ встрѣтилъ ее и Laure; изъ бесѣды Germance и герольда мы узнаемъ еще, что отецъ кавалера имѣлъ любовную связь съ Laure, а самъ Germance былъ нѣкоторое время неравнодушенъ къ Dormène; ее герольдъ рекомендуетъ его вниманію вмѣсто Acanthe, но кавалеръ отказывается, такъ какъ обладать этой дамой значило бы жениться на ней, а онъ не сочувствуетъ брачнымъ узамъ (конецъ 2-го дѣйствія).

Въ 3-мъ дѣйствіи выступаетъ на сцену маркизъ, который пріѣзжаетъ дѣйствительно поздно, но не совсѣмъ: состоялась помолвка, но Acanthe еще не стала женою Mathurin'a. Дѣйствіе начинается бесѣдою маркиза и кавалера Germance, раскрывающею передъ читателемъ характеры того и другого и рисующею ихъ полную противоположность. Маркизъ—человѣкъ чувствительный, благородный; онъ умѣетъ цѣнить истинное достоинство въ людяхъ, предпочитаетъ его и богатству, и знатности, и внѣшнему блеску, и красотѣ; онъ въ восторгѣ отъ пріѣзда въ деревню и произноситъ довольно горячую рѣчь противъ тягостной пышности, условности и пустоты придворной и великосвѣтской жизни, гдѣ человѣкъ не бываетъ счастливъ. Онъ является поклонникомъ философіи, трезвымъ обладателемъ своихъ страстей и хочетъ быть примѣромъ добродѣтели. Когда кавалеръ заговариваетъ о свадьбѣ

Acanthe, маркизъ признается, что и для него эта дѣвушка была очень привлекательна, но онъ поборолъ свое увлеченіе, которое погубило бы ее. Мысль о бракѣ съ нею, однако, не приходитъ въ голову маркизу. Впрочемъ, въ вопросѣ о бракѣ онъ держится довольно своеобразныхъ взглядовъ: онъ разъясняетъ собесѣднику, что избѣгаетъ любви, какъ и всякой страсти, а желаетъ построить бракъ только на принципѣ добродѣтели и уваженія, почему и хочетъ жениться на Dormène. Кавалеръ возражаетъ противъ всѣхъ воззрѣній маркиза, противъ философіи и добродѣтельныхъ стремленій, а что касается Acanthe, онъ намекаетъ, что желалъ бы овладѣть ею. Появляющіеся на сценѣ жители деревни привѣтствуютъ маркиза; на первомъ планѣ выступаетъ семья Acanthe; Colette дѣлаетъ возраженія противъ предполагаемаго брака своей подруги, но они не принимаются, и маркизъ даетъ свое согласіе на бракъ Acanthe съ Mathurin'омъ и обѣщаетъ помогать ея семьѣ. Bailli, какъ хранитель порядка, напоминаетъ о „правѣ господина“; на вопросы Mathurin'а ему разъясняютъ, что господинъ имѣетъ право провести четверть часа съ невѣстой, которой даритъ при этомъ подарки. Во исполненіе этого порядка, маркизъ остается на сценѣ вдвоемъ съ Acanthe. Въ началѣ бесѣды съ маркизомъ Acanthe вручаетъ ему бумаги, переданныя ей для того предполагаемымъ ея отцомъ, Dignant; маркизъ, не читая, прячетъ ихъ въ карманъ. Далѣе, Acanthe проситъ маркиза, чтобы ей позволено было оставаться всегда дѣвушкой и жить вдали отъ людей, у Dormène, чтобы только избавиться отъ своего жениха и его немилаго для нея богатства. Дѣвушка очаровываетъ маркиза тонкостью, возвышенностью, благородствомъ своихъ чувствъ, а равно и преданностью, которую она обнаруживаетъ по отношенію къ нему; онъ соглашается, что бракъ ея съ Mathurin'омъ дѣло неподходящее, и готовъ его разрушить.

Бесѣда прерывается ревнивымъ женихомъ, съ трудомъ дождавшимся истеченія срока бесѣды. Acanthe уводятъ, и маркизъ, оставшись одинъ, признается въ монологѣ, что онъ очень увлеченъ Acanthe, но не хочетъ признать надъ собою власти любви. Размышленія маркиза прерываются приходомъ жениха и родителей невѣсты; Берта сообщаетъ, что невѣсту похитили силой, и упрекаетъ маркиза, думая, что это онъ злоупотребилъ „правомъ господина“. Маркизъ догадывается, что это дѣло рукъ кавалера, и посылаетъ за нимъ погоню; Dignant ужасается, услышавъ подозрѣнія маркиза и узнавъ, что переданный послѣднему черезъ Acanthe пакетъ остался пока нераспечатаннымъ; маркизъ начинаетъ читать содержащіяся въ немъ бумаги и узнаетъ, что Acanthe является плодомъ (уже упомянутой выше) любовной связи стараго кавалера Gernance и Laure и такимъ образомъ оказывается по отцу сестрою своего похитителя. Между тѣмъ возвращается кавалеръ, приносящій маркизу глубокое раскаяніе въ своемъ поступкѣ; совѣсть пробуждена въ немъ добродѣтелью Acanthe; онъ, какъ и маркизъ, теперь восхищается ея духовною красотою, сознаніемъ собственнаго достоинства и удивляется, какъ могло развиться подобное совершенство въ деревенской средѣ. Маркизъ разъясняетъ ему тайну ея происхожденія. Пораженный еще болѣе, Gernance предлагаетъ маркизу взять на себя обязанность вознаградить Acanthe за то, что́ она потерпѣла, посредствомъ брака съ нею; онъ сообщаетъ, какъ много говорила Acanthe ему о маркизѣ, противополагая добродѣтель послѣдняго его распущенности. Въ заключеніе пьесы являются обѣ дѣвушки, и маркизъ разрѣшаетъ все дѣло предложеніемъ Acanthe своей руки, которое она принимаетъ съ восторгомъ; Colette онъ обѣщаетъ выдать за Mathurin'a, а кавалеру предлагаетъ бракъ съ Dormène.

Такимъ образомъ, дѣйствіе кончается къ общему удовольствію. Въ общемъ разсматриваемая комедія приближается къ типу „комическихъ оперъ“, которыя были довольно многочисленны въ литературѣ XVIII в. и между прочимъ у насъ[1]) (напомню хотя бы наиболѣе извѣстнаго автора ихъ, Княжнина): та же среда, въ которой совершается дѣйствіе пьесы, деревенская, и та же точка зрѣнія на нее. Хотя устами Mathurin'a и провозглашается идея равенства всѣхъ людей, но въ самой комедіи деревенская среда изображена поверхностно и пренебрежительно; вопросы и конфликты, возникающіе въ жизни крестьянъ, отлично разрѣшаются по волѣ господина, добраго правителя и устроителя судьбы своихъ подданныхъ; чувства ихъ не глубоки и не достаточно серьезны. Передъ нами исторія разбитой любви одной дѣвушки, которой измѣняетъ ея возлюбленный; но и это чувство не изображается сколько-нибудь глубоко; скорѣе напротивъ, Colette (не говоря уже о Mathurin'ѣ) представлена въ забавномъ, шутливомъ свѣтѣ, когда она какъ-нибудь хочетъ заставить своего бывшаго жениха жениться на ней. И она, и онъ, и другія дѣйствующія лица со стороны крестьянъ въ пьесѣ выставлены людьми очень неразвитыми и умственно, и морально; они живутъ въ самой ограниченной сферѣ интересовъ, они наивны и вмѣстѣ съ тѣмъ полны грубоватаго эгоизма[2]). Самая проповѣдь равенства въ устахъ Mathurin'a немало теряетъ въ своемъ значеніи, въ виду его грубости и необразованности. Настроеніе Colette, которая упорно домогается любви Mathurin'a и брака, едва ли понятно: она все же гораздо выше его (она,

---

1) О комическихъ операхъ — Н. И. Незеленовъ, Литер. направленія въ Екатерининскую эпоху; И. И. Ивановъ, назв. соч.

2) Эти черты уживаются въ произведеніяхъ Вольтера съ проповѣдью гуманности и уваженія къ человѣческому достоинству, какъ уживаются и у нашего Княжнина и другихъ авторовъ.

напр., умѣетъ цѣнить Acanthe, догадлива, находчива) и должна была бы видѣть его ничтожество; еще болѣе странно для современнаго читателя то, что она готова заставить его жениться насильно и совершенно удовлетворена, когда дѣло такъ и рѣшается; а между тѣмъ авторъ не находитъ нужнымъ войти въ болѣе обстоятельныя поясненія такихъ чертъ, мотивировать ихъ и показать ихъ развитіе. Вольтеръ, очевидно, имѣлъ въ виду противопоставить пустотѣ свѣтской жизни здоровье и простоту жизни сельской (въ этомъ насъ убѣждаютъ слова маркиза въ 3-мъ дѣйствіи); но, руководствуясь обычными въ его время литературными пріемами, онъ, который вообще не былъ новаторомъ въ сферѣ пріемовъ литературнаго творчества, не могъ подняться надъ ними и далъ такое же по характеру изображеніе сельской жизни, какое не разъ давалось въ ложноклассической литературѣ, въ пастушеской поэзіи, въ идилліи, къ которой близки по содержанію комическія оперы. Идилличенъ и маркизъ, чувствительный и добродѣтельный; серьезная и положительная его сторона оттѣнена И. И. Ивановымъ; однако, при всей своей чувствительности, преданности философіи, любви къ простотѣ и искренности, готовности помочь ближнему, маркизъ очевидно не допускаетъ мысли о женитьбѣ на простой дѣвушкѣ: признаваясь, что Acanthe въ немъ прежде возбудила первые проблески чувства, онъ говоритъ, что разсудокъ не позволялъ ему предаться безумной любви, которая могла бы его скомпрометировать[1]). Правда, маркизъ хочетъ теперь жениться безъ любви, избравъ себѣ только добродѣтельную жену, но выборъ его падаетъ не на Acanthe или иную простую дѣвушку,

---

1) Mais ma raison ne pouvait me permettre
Un fol amour qui m'allait compromettre;
Je rejetai ce desir passager... (III, 1).

а на Dormène. Такое желаніе, можетъ быть, приписано Вольтеромъ маркизу для того, чтобы возвысить значеніе Acanthe въ его жизни: она исцѣляетъ его въ концѣ отъ его отрицательнаго отношенія къ любви. Но замѣтимъ, что аристократическія понятія маркиза не подверглись исправленію: на Acanthe онъ женится, но тогда, когда она оказывается не простою дѣвушкой.

Впрочемъ, всесторонняя общая характеристика комедіи въ настоящее время не входитъ въ мою задачу. Я имѣю въ виду остановиться на личности Acanthe и ея любви къ маркизу. Исторія этой дѣвушки, также находящей въ концѣ комедіи удовлетвореніе своему чувству, составляетъ серьезный элементъ въ комедіи. Забавнаго ни въ ней самой, ни въ ея положеніи и судьбѣ нѣтъ ничего; напротивъ, авторъ повидимому хочетъ возбудить сочувствіе читателя къ бѣдной дѣвушкѣ, рисуя контрастъ между ея идеалами и стремленіями съ одной стороны, а съ другой — той низменной средой, гдѣ она вращается, и тѣмъ гнетомъ, подъ которымъ она страдаетъ; контрастъ этотъ ставитъ дѣвушку въ трагическое положеніе. Хотя авторъ, какъ и обыкновенно авторы „классическихъ“ комедій, все время поддерживаетъ въ читателѣ надежду на счастливый исходъ, но все же исторія Acanthe съ ея серьезными мотивами настолько выступаетъ на первый планъ, что за нимъ комическій элементъ пьесы совсѣмъ стушевывается и выступаетъ лишь эпизодически. Личность Acanthe не только рѣзко отличается отъ окружающей ее низкой по своему развитію деревенской среды, но она гораздо выше и маркиза съ его приближенными; они отъ соприкосновенія съ нею дѣлаются лучше и человѣчнѣе. Вольтеръ постарался дать въ ней весьма положительный типъ и охарактеризовалъ ее исключительно свѣтлыми чертами. Характерною чертою Acanthe является ея идеализмъ, ея порывы къ лучшей жизни, полной возвы-

шенныхъ чувствъ и благородныхъ стремленій, ея неудовлетворенность пошлостью и грубостью, окружающими ее. Colette, признавая ея превосходство, говоритъ, что въ ея выраженіи есть что-то блестящее и гордое, что Mathurin, который годится для нея, недостоинъ Acanthe[1]); послѣдняя сама въ своемъ отвѣтѣ характеризуетъ свое настроеніе и вызываемое имъ ея грустное положеніе: она, къ несчастію, имѣетъ слишкомъ возвышенныя чувства[2]). Она мечтаетъ о высшемъ обществѣ, но ее привлекаетъ не роскошь, а изящество жизни, деликатность, утонченныя формы общежитія; объ этой жизни она составила понятіе по тѣмъ немногочисленнымъ и краткимъ мòментамъ, когда ей приходилось прикасаться къ этой жизни и посмотрѣть на нее непосредственно; прикасалась она къ ней и не столь непосредственно, черезъ Dormène и Laure. Наконецъ, какъ мы знаемъ, она знакомилась съ болѣе возвышенной и идеальной жизнью черезъ романы; ей давалъ читать романы bailli. Она любитъ предаваться воспоминаніямъ о видѣнномъ и прочитанномъ, и такимъ образомъ уходитъ въ мечтанія отъ неприглядной дѣйствительности. О романахъ она сама довольно обстоятельно бесѣдуетъ со своей пріятельницей: романы возбуждаютъ безпокойство въ душѣ, но пріятное; они рождаютъ мысли, переносятъ въ другой міръ; она, читая романы, была на небѣ, и такъ тяжело было ей упасть назадъ, въ ея обычную мрачную обстановку[3]). Романы въ

---

1) ...tu portes dans ton air
Je ne sais quoi de brillant et de fier.
A Mathurin cela ne convient guere,
Et ce maraud était mieux mon affaire (II, 3).

2) J'ai pour malheur de trop hauts sentiments (ibid.)

3) ...On y voit des amants
Si courageux, si tendres, si galants!...
Que les romans rendent l'ame inquiète!...
....Ils forment trop l'esprit:

особенности рисовали ей благородныхъ, совершенныхъ, способныхъ къ героизму людей, манили ее въ страну высокихъ чувствъ, настроеній и дѣлъ: тамъ изображены любящіе, столь смѣлые, столь нѣжные, столь изящные; и какъ мало герои этихъ прелестныхъ книгъ похожи на другихъ людей! Какъ тяжело послѣ такого божественнаго полета спуститься отъ Амадисовъ къ Mathurin'y! Послѣднія слова указываютъ, какой романъ далъ въ руки своей героини Вольтеръ. Это поздній рыцарскій романъ, читавшійся еще и въ его эпоху, вызывавшій новыя подражанія, во многомъ вѣрныя своему образцу (романъ „героическій“: см. Dunlop-Liebrecht, Gesch. d. Prosadicht., 369 sqq). Подъ вліяніемъ такихъ литературныхъ образовъ Acanthe идеализируетъ свѣтскую жизнь, видя въ ней только свѣтлую сторону (или почти только свѣтлую: она столкнулась и съ недостатками ея, съ извѣстной нравственной распущенностью, но и то она откровенно признается Colette, что Mathurin для нея хуже кавалера Gernance). Подъ вліяніемъ образовъ, съ которыми она познакомилась изъ романовъ, она увлекается обществомъ маркиза и его приближенныхъ; тамъ она слышала новый, высокій языкъ, une langue nouvelle, supérieure; она вспоминаетъ, какъ она увидѣла первый разъ маркиза, и онъ рисуется ей весь въ сіяніи (tout rayonnant); послѣ этого, чи-

---

En les lisant le mien bientôt s'ouvrit;....
Que les romans font naître de pensées!
Que les heros de ces livres charmants
Ressemblent peu... aux autres gens!
Cette lumière était pour moi féconde;
Je me voyais dans un tout autre monde;
J'étais au ciel... Ah! qu'il m'était bien dur
De retomber dans mon état obscur;
Le coeur tout plein de ce grand étalage
De me trouver au fond de mon village;
Et de descendre, après ce vol divin
Des Amadis au maître Mathurin! (Le Dr. du seign., II, 8).

тая романы, она во всѣхъ ихъ читаетъ о немъ[1]); въ ея мысли онъ слился съ героями романовъ; въ немъ, слѣдовательно, она увидѣла живое воплощеніе того идеала, который вынесла изъ романовъ. Идеалистически настроенная, мечтательная и чистая, Acanthe наивна и неопытна въ жизни; къ активной борьбѣ она неспособна; смиренная и скромная, она не смѣетъ мечтать о любви къ маркизу и готова склониться передъ тяжелымъ рокомъ, если бы не совѣты Colette и, главнымъ образомъ, не счастливый случай, который помогъ ей найти себѣ въ послѣдній моментъ защитника въ лицѣ самого маркиза. Она не ошиблась въ своемъ выборѣ и своей оцѣнкѣ маркиза: онъ дѣйствительно оказывается благороднымъ человѣкомъ, участливымъ и внимательнымъ, желающимъ быть добродѣтельнымъ и полезнымъ для другихъ, и Acanthe избавляется отъ нежеланнаго брака, какъ и вообще отъ гнета окружающей ее низменности и пошлости, и находитъ себѣ полное счастье.

И личность Acanthe, главной въ сущности героини пьесы, и ея положеніе представляетъ, по моему мнѣнію, для русскаго читателя особый интересъ: Acanthe во многомъ напоминаетъ такъ хорошо знакомую намъ съ раннихъ лѣтъ „барышню уѣздную,

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ“,

хотя развязка ея юношескаго горячаго любовнаго увлеченія была совершенно иною. Также неизмѣримо превосходя окружающую среду, среду ограниченныхъ, низкихъ по своему развитію людей, также осужденная жить въ этой средѣ, и также именно въ деревнѣ, „въ глуши забытаго селенья“, знаменитая Пушкинская героиня также страдаетъ душою; и она ищетъ избавленія отъ окружаю-

---

1) Та же сцена: II, 3.

щей ее жизни, и она уходитъ въ мечтанія. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза особенно сходство въ одной частности: я разумѣю то значеніе, которое имѣетъ въ душевной жизни и развитіи обѣихъ героинь чтеніе романовъ: и Татьянѣ, вспомнимъ,

рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы

знаменитыхъ романистовъ[1]). Приведенныя выше слова, которыми Acanthe характеризуетъ романы и ихъ значеніе для души, такъ напоминаютъ невольно русскому читателю многое изъ того, что́ мы знаемъ о Татьянѣ изъ „Евгенія Онѣгина“.

Любовь Татьяны также подготовлена была ея воспитаннымъ романами воображеніемъ, которое,

сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой[2]).

Обѣ дѣвушки находятъ воплощеніе своего идеала, къ которому онѣ такъ стремятся, въ пришельцѣ изъ другого, блестящаго міра, изъ высшаго общества, изъ столицы; и вотъ, Acanthe говоритъ о томъ, какой новый смыслъ раскрылся для нея въ романахъ послѣ знакомства съ маркизомъ: съ этого дня всѣ романы ей нравятся; когда она ихъ читаетъ, ей никогда не скучно: ей кажется, что они говорятъ ей о немъ[3]). Припомнимъ Татьяну послѣ знакомства съ Онѣгинымъ:

---

1) Евгеній Онѣгинъ, II, 29. Конечно, романы, увлекающіе Татьяну, уже другіе: это романы 2-й половины XVIII в., главнымъ же образомъ Ричардсона и Руссо. В. В. Сиповскимъ указаны тѣ черты, которыя перешли на Татьяну изъ этихъ романовъ (Р. Стар. 1899, 5, 318 слл.)

2) Тамъ же, III, 7.

3) Depuis ce jour, ma chère,
Tous les romans ont le don de me plaire:
Quand je les lis, je n'ai jamais d'ennui;
Il me paraît, qu'ils me parlent de lui (II, 8).

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья.....
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.
Воображаясь героиней
Своихъ излюбленныхъ творцовъ,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньѣ шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя....[1])

Какъ для Acanthe маркизъ, такъ Онѣгинъ для Татьяны является лучемъ свѣта во мракѣ, существомъ высшаго порядка; Acanthe хотѣла бы цѣлый день слушать маркиза[2]), какъ и Татьяна мечтаетъ (въ письмѣ Онѣгину)

Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь, до новой встрѣчи.

Хотя Acanthe не смѣетъ любить маркиза, но, увидавъ его, она не можетъ теперь любить другого... и это, гово-

---

1) Евг. Он., III, 9 — 10.
2) J'aurais voulu l'entendre tout le jour (Le Dr. du Seign., II, 8).

ритъ она, большое мученье[1]). Вспомнимъ восклицаніе Татьяны въ томъ же письмѣ:

Другой!... нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!

Обѣ героини, такъ или иначе, обращаются за помощью къ своему избраннику, за помощью противъ гнета окружающей пошлости. Acanthe считаетъ, что она должна бы примириться со своею жизнью, борется со своимъ сердцемъ, но не можетъ побороть его; Mathurin, деревня, крестьяне, ихъ нравы, ихъ языкъ внушаютъ ей теперь особенный ужасъ: она проситъ освобожденія[2]). Татьяна пишетъ:

Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю....
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

И при той, и при другой героинѣ, въ видѣ контраста, изображена другая дѣвушка (подруга или сестра), честная, добрая, прямая, но вполнѣ подходящая къ окружаю-

---

1) Non, je ne l'aime point... mais il est cause,
Que l'ayant vu je ne puis à présent
En aimer d'autre... et c'est un grand tourment (ibid.).

2) ...J'avouerai sur-tout...,
Que dans les champs élevée et nourrie,
Je ne dois point dédaigner une vie,
Qui sous vos lois me retient pour jamais...
Mais, après tout, Mathurin, le village,
Ces paysans, leurs moeurs, et leur langage
Ne m'ont jamais inspiré tant d'horreur;
De mon esprit c'est une injuste erreur;
Je la combats; mais elle a l'avantage...
J'ose à genoux
Vous demander, non pas un autre époux...
Le premier bien serait votre bonté,
Et le second de tous, la liberté (Le Dr. du Seign., III, 6).

щей средѣ, не задающаяся никакими высшими стремленіями и не имѣющая той глубины и серьезности чувства и мысли, какія мы находимъ у героини.

Приведенныя сближенія даютъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло не со случайнымъ сходствомъ, но что нѣкоторыя подробности Пушкинскаго романа, именно нѣкоторыя черты въ образѣ Татьяны и нѣкоторыя подробности ея положенія подсказаны малоизвѣстной комедіей Вольтера. Мы должны считаться съ тѣмъ, что малоизвѣстною она является для современнаго русскаго читателя, но мы имѣемъ всѣ основанія думать, что она, вмѣстѣ съ другими сочиненіями ея автора, хорошо была извѣстна Пушкину, основательному знатоку Вольтера. Обладавшій огромною начитанностью, особенно же во французской литературѣ XVIII в., Пушкинъ изъ всѣхъ писателей этой эпохи, особенно въ юношескіе свои годы, наиболѣе цѣнилъ и почиталъ Вольтера. Въ лицейскіе годы, какъ это мы знаемъ изъ собственныхъ признаній нашего поэта, изъ всѣхъ писателей у него

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ....
Всѣхъ больше перечитанъ....;

для Пушкина

вездѣ великъ
Единственный старикъ.. ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,

и сочиненія его на особенно почетномъ мѣстѣ стоятъ въ биліотекѣ юнаго лицеиста[1]). Вольтеръ — „мужъ единственный“, „оракулъ Франціи“, и въ своемъ „Бовѣ“ Пушкинъ приглашаетъ его быть его музою[2]) (1815 г.);

---

1) „Городокъ“, 1814 г. (I, 42 — 43). Цитирую, здѣсь и ниже, по изданію Литературнаго Фонда, 1887 г. (За исключеніемъ слѣдующей за этой цитаты).

2) Соч., изд. Ак. Наукъ, I², 96.

въ посланіи къ Юдину (1815) юный поэтъ заявляетъ, что любитъ передъ каминомъ „Вольтера, Виланда читать“ [1]). Онъ читаетъ и біографію Вольтера[2]), въ письмахъ вспоминаетъ различные факты его жизни[3]).

Это отношеніе къ Вольтеру, какъ къ „любимѣйшему въ юные годы писателю Пушкина[4])“, давно уже отмѣчено изслѣдователями послѣдняго; указано и вліяніе на него со стороны Вольтера; наиболѣе цѣльно оно охарактеризовано въ рѣчи Н. П. Дашкевича: „А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“ [5]). Немало отмѣчено переводовъ изъ Вольтера и подражаній ему въ лицейскую пору жизни Пушкина.

Позднѣе слѣды вліянія Вольтера отмѣчены въ „Русланѣ и Людмилѣ“ [6]); во время своего пребыванія на югѣ Россіи (1821), Пушкинъ также читаетъ Вольтера[7]). Н. П. Дашкевичъ находитъ, что впослѣдствіи Вольтеръ сохранялъ свое значеніе для Пушкина только какъ проповѣдникъ идей гуманности и свободы, но не какъ поэтъ[8]). Дѣйствительно, съ годами кругозоръ Пушкина расширился, увлеченія французской литературой замѣнились восторгами передъ иными литературами и иными теченіями въ области мысли и творчества: Байронъ, а потомъ, и еще болѣе, Шекспиръ заняли вниманіе поэта и заслонили собою Вольтера; къ послѣднему Пушкинъ начинаетъ относиться критически и какъ къ художнику, и особенно какъ къ человѣку. Въ трагедіяхъ Вольтера, говоритъ онъ въ 1834 г.,

---

1) Соч. I, 99.
2) Соч. V, 2.
3) Соч. VII, 7.
4) Л. Н. Майковъ: Сочиненія Пушкина, изд. Ак. Н., I², примѣч., 125.
5) „Кіевск. Унив. Изв.“ 1899, 5, 85 — 257.
6) А. И. Кирпичниковъ. Мелкія замѣтки о Пушкинѣ и его произведеніяхъ (Р. Стар. 1899, 2, 489).
7) Соч. VII, 21.
8) Указ. соч.

нѣтъ характеровъ, нѣтъ драмы, а только философія[1]); онъ сильно порицаетъ въ великомъ писателѣ ласкательство и угодливость[2]). Но и тогда онъ все же продолжаетъ высоко цѣнить Вольтера, даже и какъ поэта: онъ признается, что любитъ его[3]) (1834 г.); не только въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ считаетъ его не „обыкновеннымъ талантомъ“[4]) (1825 г.), ставитъ его на ряду съ Гете[5]) (1829), но и въ 1836 г. называетъ его геніемъ, „первымъ изъ французскихъ поэтовъ“, „первымъ писателемъ своего вѣка“[6]); Пушкинъ восхищается его слогомъ, называя его „прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога“[7]); онъ нерѣдко цитируетъ Вольтера[8]), нерѣдко упоминаетъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ[9]); подражанія, переводы, отголоски Вольтера не прекращаются также и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. продолжаются въ эпоху сложенія „Онѣгина“; вспомнимъ четверостишіе кн. С. А. Урусовой[10]) (1827); „въ половинѣ двадцатыхъ годовъ Пушкинъ дѣлалъ опытъ перевода изъ Pucelle“[11]); слѣды вліянія Вольтеровой исторіи Карла XII указаны въ „Полтавѣ“[12]). Пушкинъ самъ констатируетъ огромное вліяніе Вольтера въ области литературы: ему принадлежало, по выраженію Пушкина, „владычество на сѣверѣ“[13]) (1830); „вліяніе Вольтера было неимовѣрно“[14]) (1834).

---

1) Соч. V, 247 — 8.
2) Соч. V, 247 (1834 г.), 306 — 312 (1836 г.), 367 — 9 (1837 г.).
3) Соч. V, 218.
4) Соч. VII, 117.
5) Соч. VII, 129.
6) Соч. V, 306 — 312.
7) Соч. V, 16.
8) Напр. соч. VII, 15.
9) Напр. соч. V, 55 (1827).
10) Соч. II, 14.
11) Л. Н. Майковъ, въ указ. мѣстѣ.
12) Соч. III, 140.
13) Соч. II, 92 (посланіе Юсупову).
14) Соч. V, 248.

Впечатлѣнія юности, впечатлѣнія, навѣянныя основательнымъ чтеніемъ и даже изученіемъ Вольтера, какъ „мужа единственнаго“, не изгладились, конечно, изъ памяти Пушкина (а память у него была прекрасная) въ его молодые годы, и припоминаніе ихъ подъ вліяніемъ какихъ-либо условій представляетъ фактъ вполнѣ понятный и естественный; и ничего страннаго не было бы въ томъ, что воспоминаніе о знакомыхъ литературныхъ образахъ послужило однимъ изъ источниковъ его величайшаго созданія, даже если бы въ это время онъ совсѣмъ отвернулся отъ Вольтера; но если Пушкинъ никогда не разрывалъ съ нимъ, а до половины двадцатыхъ годовъ тѣмъ болѣе, то возможность указаннаго вліянія увеличивается, особенно для первой половины 20-хъ годовъ, когда слагался „Онѣгинъ“ съ его типами и опредѣлялись положенія и основныя черты характера и міровоззрѣнія его героевъ.

Правда, Пушкинъ самъ въ концѣ романа упоминаетъ о той,

> съ которой образованъ
> Татьяны милый идеалъ [1])“;

это заставляло изслѣдователей искать оригинала Татьяны вовсе не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, въ дѣйствительныхъ, реальныхъ отношеніяхъ поэта. Однакоже, эти поиски до сихъ поръ полнымъ успѣхомъ не увѣнчались и не идутъ дальше общихъ предположеній. Было бы странно, конечно, отрицать значеніе самопризнанія Пушкина. Мое предположеніе и не противорѣчитъ выводу о реальной, почерпнутой изъ дѣйствительной жизни основѣ образа Татьяны. Но вѣдь никто и не предполагаетъ полнаго тождества художественнаго образа и его реальнаго оригинала; и если такой оригиналъ не найденъ, то

1) Евг. Он., VIII, 51.

мы не можемъ утверждать, что та или иная черта, которую мы знаемъ въ Татьянѣ, есть воспоминаніе о дѣйствительной жизни, а не произошла изъ другого источника; мы лишены возможности точно различить въ ея художественномъ образѣ то, что почерпнуто изъ реальной, дѣйствительной жизни, и то, что привнесено въ него поэтомъ и какъ продуктъ дѣятельности его собственнаго творческаго воображенія, и какъ результатъ другихъ вліяній, напр. литературныхъ. Для образа Татьяны остается еще много, очень много такого, чего нельзя возвести, чего я и не думаю возводить къ предполагаемому мною источнику; много еще останется и на долю фактическихъ воспоминаній, и на долю самостоятельнаго художественнаго творчества поэта.

Въ настоящее время едва ли нужно защищать поэта отъ подозрѣній въ подобномъ вліяніи на него произведеній предыдущей литературы: оно доказано для величайшихъ поэтовъ (какъ Шекспиръ) и не мѣшаетъ признанію ихъ геніальности. Относительно Татьяны и вообще „Онѣгина“ подобныя указанія уже дѣлались[1]), такъ что вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ въ „Онѣгинѣ“ поставленъ уже раньше меня. Литературныя воспоминанія являются такимъ же матеріаломъ, какъ и тотъ, который доставляетъ художнику-поэту „громадно несущаяся“ жизнь, съ ея богатствомъ фактовъ,—являются матеріаломъ, который онъ еще можетъ обработать, болѣе или менѣе самостоятельно. Что касается даннаго случая, то я до сихъ поръ намѣренно говорилъ только о чертахъ сходства; но не трудно замѣтить, какъ велико различіе между личностями Acanthe и Татьяны, различіе ихъ судьбы, не говоря

---

1) Особенно: Н. П. Дашкевичъ, назв. соч.; В. В. Сиповскій, Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій (Русск. Стар. 1899, 5 — 6, и отд.); главнымъ образомъ, важно указаніе на вліяніе Руссо.

уже о различіи въ степени художественной обработки обоихъ произведеній, о различіи художественнаго замысла, художественныхъ задачъ, которыя ставили себѣ оба поэта. Я укажу главнѣйшія черты.

Прежде — о характерахъ героинь. Какъ ни исключительно свѣтлыми чертами обрисовываетъ Вольтеръ Acanthe, тѣмъ не менѣе Татьяна и какъ личность является глубже мыслящею и чувствующею, и какъ поэтическій образъ — глубже задуманною.

Татьяна — человѣкъ болѣе активный, болѣе готовый къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, чтобы избавиться отъ окружающей пошлости: Acanthe „не смѣетъ“ думать о любви къ маркизу и готова смириться передъ судьбой; Татьяна смѣло и прямо обращается къ Онѣгину съ признаніемъ и просьбой о „защитѣ“; она не входитъ въ компромиссы со своимъ сердцемъ и не находитъ нужнымъ подавлять охватившую ее страсть. Татьяна выше французской героини и по своему уму: не говоря о тѣхъ ея дѣйствіяхъ (изученіе личности Онѣгина по его книгамъ, новая встрѣча съ нимъ), которыя выходятъ за предѣлы проводимой мною параллели, мы находимъ разницу въ самой жалобѣ обѣихъ дѣвушекъ: въ жалобѣ Acanthe ясно выражается только недовольство грубостью деревенскихъ нравовъ; и въ той жизни, о которой она мечтаетъ, она цѣнитъ именно изящество свѣтской жизни, возвышенность чувства; идейная сторона не выражается ясно. Татьяна человѣкъ не только чувства, но и мысли; она отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ умственномъ превосходствѣ, въ томъ, что ея идеи, ея духовный міръ не доступенъ для окружающихъ (ея никто не понимаетъ, разсудокъ ея изнемогаетъ). Глубже пояснена и причина, почему героиня полюбила героя: Татьяна живетъ мечтою; подъ вліяніемъ романовъ она давно создала себѣ героя, сжилась съ нимъ; она его „слыхала“, онъ „говорилъ съ ней въ тиши“, и „чуть онъ во-

шелъ", она его „вмигъ *узнала*". Этой жизненной черты, столь ярко рисующей „мечтательницу" Татьяну, у Вольтера нѣтъ: мы только можемъ догадываться, что романы подготовили любовь его героини; авторъ „Le Droit du Seigneur" останавливается главнымъ образомъ, какъ сказано выше, на томъ впечатлѣніи, какое производятъ на Acanthe романы *послѣ* того, какъ она видѣла маркиза. Здѣсь Пушкинымъ внесено существенное видоизмѣненіе. Очевидно, такимъ образомъ, что если Пушкинъ и воспользовался темою Вольтера, то разработалъ ее самостоятельно и глубже.

Но еще болѣе самостоятельности и еще болѣе отличія отъ комедіи Вольтера видимъ мы у Пушкина въ общей постановкѣ указаннаго мотива: любви мечтательной героини къ прибывшему изъ другой, болѣе культурной среды герою. Чувствомъ любви и благополучнымъ концомъ, которымъ она увѣнчивается, все и кончается у Вольтера; при этомъ сцена объясненія между маркизомъ и Acanthe (III, 6) написана нѣсколько въ игривомъ тонѣ (таково подробное обозначеніе въ ремаркахъ, какъ молодые люди постепенно придвигаютъ свои стулья другъ къ другу, и ревнивое замѣчаніе вбѣжавшаго Mathurin'a по этому поводу). Въ объясненіи Татьяны съ Онѣгинымъ нѣтъ ничего игриваго, а результатъ объясненія совершенно иной. У Пушкина другой, несравненно болѣе серьезный художественный замыселъ. Передъ нами картина того, какъ жизнь со своей безпощадной иронією разбиваетъ мечтательные порывы „неопытной души", какъ о житейскую прозу ломаются благородные, идеальные, но слишкомъ фантастичные и чуждые знанія дѣйствительности планы; передъ нами — настоящая и серьезная, полная суровой, но глубокой жизненной правды трагедія. Натура Татьяны, цѣльная и здоровая, выдерживаетъ тяжелое испытаніе; оставаясь тою же чистою и благородною, она научается правильно

цѣнить людей и вещи, она впослѣдствіи умѣетъ проникать ихъ смыслъ;

такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Моментъ, составляющій все содержаніе комедіи Вольтера, у Пушкина, въ сущности, является только завязкою сложнаго дѣйствія его романа[1]). Отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ находится въ началѣ четвертой главы, а далѣе поэтъ изображаетъ послѣдствія столкновенія, къ которому привели Татьяну и Онѣгина ихъ знакомство и вспышка ея любви, рисуетъ картину духовнаго развитія героевъ, которое является результатомъ этого столкновенія. Ничего подобнаго нельзя искать въ легкой Вольтеровой комедіи, гдѣ можно видѣть лишь зерно, пышно разросшееся въ Пушкинской разработкѣ.

Замѣчу, что и маркизъ,—вообще говоря, мало живое лицо, какъ большею частью добродѣтельные герои въ комедіяхъ ложноклассической эпохи,—представляетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ сходство съ Онѣгинымъ: я разумѣю то осужденіе свѣта, брошеннаго разочарованнымъ въ немъ и его людяхъ маркизомъ, которое вложено въ уста послѣднему авторомъ въ началѣ 3-го дѣйствія[2]). Я не сомнѣваюсь, что Онѣгинъ задуманъ безъ всякаго воздѣйствія комедіи Вольтера; достаточно выяснено, что на его образѣ отразились совсѣмъ другія литературныя вліянія;

---

1) Самъ поэтъ считаетъ, что отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ находится въ „началѣ нашего романа“ (VIII, 20).

2) Que je voudrais oublier pour toujours
L'illusion, les manèges des cours!
Tous ces grands riens, ces pompeuses chimères,
Ces vanités, ces ombres passagères,
Au fond du coeur laissent un vide affreux...
Dans ce grand monde, où chacun veut paraître,
On est esclave, et chez moi je suis maître.

самая разочарованность Онѣгина и серьезнѣе сама по себѣ, и полнѣе объяснена. Но я допускаю, что эта черта Онѣгина послужила точкой соприкосновенія между русскимъ романомъ и французской комедіей: она могла быть поводомъ, въ силу котораго Пушкину припомнилась комедія Вольтера или нѣкоторые ея мотивы, а этимъ уже подсказана была проведенная тамъ мысль — обратить на такого героя любовь чистой, юной, неопытной, мечтательной дѣвушки, неудовлетворенной окружающею средой и видящей въ немъ воплощеніе своего идеала. При первомъ появленіи этой мысли поэтъ могъ еще и не представлять себѣ, куда поведетъ его героевъ это чувство; вѣдь онъ сперва

даль свободнаго романа
...сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ [1]),

а въ черновомъ наброскѣ 3-й главы думалъ заставить Онѣгина влюбиться въ Татьяну [2]).

Задачи, которыя ставилъ себѣ Пушкинъ въ „Онѣгинѣ“, спутникъ многихъ лѣтъ, многихъ перемѣнъ во внѣшней обстановкѣ и переломовъ въ душевной жизни великаго поэта, съ теченіемъ времени все осложнялись, расширялись и углублялись. Припомнимъ, какъ мѣняется общій колоритъ и тонъ романа, какъ онъ изъ веселаго и игриваго, блестящаго остроуміемъ [3]), становится все болѣе и болѣе — не мрачнымъ, но грустнымъ и серьезнымъ. Связь съ комедіею Вольтера я и усматриваю въ первыхъ (трехъ) главахъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто отмѣченныя выше

---

1) „Евг. Онѣг.“, VIII, 50.

2) Соч., III, 282.

3) По словамъ самого Пушкина, въ предисловіи къ изданію 1-й главы, она „напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона“. Вообще же первыя главы „носятъ на себѣ отпечатокъ веселости“ (Соч. III, 419).

аналогіи. А этотъ постепенный внутренній ростъ самого романа, въ которомъ чувствуется ростъ и развитіе его создателя, и который составляетъ особую, чарующую его прелесть, не имѣетъ уже ничего общаго съ комедіей „Le Droit du Seigneur“.

Я не могу не остановиться еще на одной подробности. Выше уже указано, что аристократическія воззрѣнія маркиза не потерпѣли ничего, хотя онъ и увлекся достоинствами Acanthe, въ которой видѣлъ простую дѣвушку. Странное впечатлѣніе производитъ на читателя, что Вольтеръ, пользуясь старымъ и столь обычнымъ у французскихъ классиковъ мотивомъ „узнанія“, нашелъ нужнымъ наградить Acanthe полнымъ торжествомъ только тогда, когда оказалось, что она не крестьянскаго, а знатнаго происхожденія, и тѣмъ ослабилъ впечатлѣніе той нравственной силы, которою она обладаетъ: оно было бы сильнѣе, если бы она побѣдила и аристократическіе предразсудки маркиза. Онѣгинъ также свысока относится къ Татьянѣ; но эта черта иначе мотивирована и разработана Пушкинымъ. Татьяна не крестьянка; но она дѣвушка скромная, живетъ въ глуши и „ничѣмъ не блеститъ“, по ея собственному признанію; отсюда и проистекаетъ такое отношеніе къ ней Онѣгина; впослѣдствіи онъ увлекается ею, когда видитъ ее знатною, богатою, блестящею. Но это неумѣніе вполнѣ оцѣнить человѣка, какъ человѣка, является причиною страданій и для самого Онѣгина, и для другихъ лицъ и заставляетъ его выслушать „урокъ“ Татьяны, которая упрекаетъ его за то, что на него такъ повліяли ея

успѣхи въ вихрѣ свѣта.

Простая и скромная дѣвушка у Пушкина торжествуетъ надъ Онѣгинымъ. Итакъ, данный мотивъ разработанъ у нашего поэта вполнѣ самостоятельно и ориги-

нально. Да и все глубоко-сочувственное отношеніе Пушкина къ деревнѣ, къ простой жизни и простымъ людямъ, которое видно въ „Онѣгинѣ“ и съ собою силою сказалось въ „путешествіи Онѣгина“ (объ этомъ говорилось много разъ, такъ что распространяться здѣсь нѣтъ надобности), значительно отличаетъ романъ отъ Вольтеровой комедіи.

Несомнѣнно, Вольтеръ сыгралъ крупную роль въ воспитаніи у Пушкина,—какъ и вообще въ русской литературѣ и обществѣ,—чувства уваженія къ человѣческому достоинству; но чуткій Пушкинъ пошелъ дальше учителя; мы знаемъ, какъ часто вопросъ объ уваженіи къ человѣческой личности занималъ его мысль и чувство, знаемъ, какъ онъ каралъ своимъ поэтическимъ судомъ гордость, пренебреженіе къ людямъ, эгоизмъ, которые въ его пониманіи являются источникомъ страданій, душевной пустоты; мы знаемъ, какъ дорогъ былъ ему человѣкъ именно какъ человѣкъ.

Сила творчества и глубина дарованія поэта нигдѣ быть можетъ, не бываетъ ясна въ такой степени, какъ въ этихъ обработкахъ навѣянныхъ литературными источниками мотивовъ: сравненіе выдвигаетъ и освѣщаетъ эти его свойства. Громадное дарованіе Шекспира давно уже выясняется съ указанной точки зрѣнія: это наиболѣе извѣстный примѣръ. Относительно Пушкина напомню прекрасную статью покойнаго академика И. Н. Жданова о „Русалкѣ“, гдѣ онъ показалъ, какъ Пушкинъ разработалъ и углубилъ мотивъ, который нашелъ въ неважной драмѣ Генслера „Das Donauweibchen“ [1]). Какъ тамъ, такъ и въ той параллели, которую позволяю себѣ указать я, мы можемъ видѣть примѣры, съ одной стороны, чуткости

1) „Русалка“ Пушкина и „Das Donaubweitchen“ Генслера („Памяти Пушкина. Сборникъ С.-Пб. Университета“). 1900.

и отзывчивости Пушкина, который вездѣ умѣлъ находить благодарные мотивы для своей творческой дѣятельности, подбирая ихъ нерѣдко въ литературныхъ произведеніяхъ второстепеннаго достоинства, а съ другой стороны — той замѣчательной самостоятельной обработки, которой онъ подвергалъ такіе мотивы, возводя ихъ въ перлъ созданія.

А. Кадлубовскій.

Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831—1832).

Въ теченіе многихъ лѣтъ Пушкина занимала и безпокоила мысль объ основаніи своего собственнаго журнала, который могъ бы быть органомъ тѣснаго круга друзей-писателей. Еще въ 1825 г., въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому, онъ высказывалъ эту мысль: „Когда-то мы возьмемся за журналъ. Мочи нѣтъ хочется“ [1]). 30 ноября того же года Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: „Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было-бы чудно-хорошо“ [2]). Въ февралѣ 1826 г. Пушкинъ писалъ П. А. Катенину: „Будущій альманахъ радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь-ли что? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала вродѣ Edimburgh Rewiew? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе“ [3]). Вяземскому поэтъ сооб-

---

1) Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, изд. Суворина, т. VII (1903), стр. 205.

2) Соч. Пушкина, VII, 233.

3) VII, 244.

щалъ въ началѣ іюня 1826 г.: „Пора бы намъ отослать и Булгарина и Благонамѣреннаго[1]), и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка“[2]). Въ письмѣ къ тому же другу отъ 9 ноября 1826 г., Пушкинъ сообщаетъ: „Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому-же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно[3]). Итакъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно... Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала“[4]). Здѣсь не мѣсто подробно излагать, какія побужденія и надежды руководили въ тѣ годы Пушкинымъ въ его заботахъ о пріобрѣтеніи собственнаго литературнаго органа[5]). Достаточно указать, что онъ

---

1) Журналъ А. Измайлова.

2) VII, 254.

3) Кн. Вяземскій сотрудничалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Н. А. Полевого и не хотѣлъ оставить этого журнала ради возникавшаго тогда „Московскаго Вѣстника“ Веневитинова; срав. VII, 264.

4) VII, 362, 363.

5) Подробности о журнальной дѣятельности Пушкина см.: П. В. Анненковъ, Общественные идеалы А. С. Пушкина. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта—„Вѣстникъ Европы“, 1880, № 6 (перепечатано въ „Воспоминаніяхъ и критич. очеркахъ“, т. III, 225 — 267); М. И. Сухомлиновъ, Полемическія статьи Пушкина—„Историч. Вѣстникъ“, 1884, № 3 (перепеч. въ Изслѣдованіяхъ и статьяхъ, т. II, стр. 247—300); В. В. Гиппіусъ, Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—„Памяти Пушкина“, сборникъ Истор.-Филолог. факультета С.-Петербурскаго Университета, 1900, стр. 227 — 328; Ф. Некрасовъ, „Д. В. Веневитиновъ, „Московскій Вѣстникъ“ и А. С. Пушкинъ; ихъ взаимныя историко-литературныя отношенія“—

стремился уничтожить журнальную монополію Булгарина-Греча, поднять литературную критику и открыть себѣ и своимъ литературнымъ друзьямъ-единомышленникамъ независимый заработокъ. Когда родственный поэту по культурному складу Веневитиновскій кружокъ затѣялъ съ 1827 г. издавать „Московскій Вѣстникъ“, Пушкинъ очень сочувственно отнесся къ предпріятію, вербовалъ для новаго журнала сотрудниковъ[1]), уговаривая Погодина не бросать редакторства въ немъ[2]), самъ помѣщалъ въ „Вѣстникѣ“ многія свои произведенія. Въ 1828 г. Пушкинъ самъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему съ Дельвигомъ издавать журналъ[3]). Когда „Московскій Вѣстникъ“ замеръ и возникла „Литературная Газета“ барона А. А. Дельвига (1830), Пушкинъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, торопясь использовать этотъ новый, „свой“ журналъ въ интересахъ литературной критики и полемики[4]). Но „Литературная Газета“ скоро подверглась опалѣ (декабрь 1830) и, со смертью барона Дельвига, захирѣла. Сотрудничество въ чужомъ, Надеждинскомъ „Телескопѣ“ Пушкина не удовлетворяло, и его снова стали безпокоить планы самостоятельнаго журнальнаго издательства.

Въ 1831 году молодые Пушкины (бракъ состоялся 18 февраля того года въ Москвѣ) жили долго (съ конца мая по конецъ октября) въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь поэтъ

„Пушкинскій Сборникъ“ Московскаго Университета, 1900, стр. 64 — 71; К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Москва, 1901, — особ. стр. 65 — 114; А. Ершовъ, Къ исторіи русской журналистики. „Современникъ“ (1836 — 1866) — „Образованіе“, 1908 X — XI; Б. Глинскій, Загробный журналъ Пушкина — „Истор. Вѣстникъ“, 1897, I, 241 — 279.

1) Напр. Н. М. Языкова, VII, 264.

2) VII, 288; 296.

3) VII, 467 — 8; Анненковъ, Общ. идеалы Пушкина.

4) И въ то же время не переставалъ думать о новой газетѣ. См. письмо къ кн. П. А. Вяземскому изъ Москвы въ Петербургъ отъ 2 мая 1830 г. — Соч., VII, 342 — 343.

задумалъ хлопотать о разрѣшеніи и осуществленіи политической и литературной газеты. Эти хлопоты о газетѣ имѣли свою исторію, довольно длинную (полутора-годичную), которая, однако, совсѣмъ не разработана въ пушкинской литературѣ. Правда, уже оглашены нѣкоторые матеріалы, относящіеся сюда, но они не были сведены во-едино. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы постараемся заполнить этотъ пробѣлъ, привлекая и новыя данныя, почерпнутыя изъ неизданныхъ писемъ Н. И. Греча и изъ пушкинскихъ бумагъ Публичной Библіотеки.

Еще 26 марта 1831 г. въ письмѣ къ П. А. Плетневу Пушкинъ упоминаетъ: „Я не прочь издавать съ тобой послѣдніе Сѣверные Цвѣты. *Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ*“ [1]). 11 апрѣля къ тому же Плетневу онъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго и газеты“! [2])

25 мая Пушкинъ переѣхалъ въ Царское Село, а 27 числа уже писалъ А. Х. Беккендорфу: „Maintenant permettez moi de vous importuner pour chose qui m'est personel. Jusqu'à present j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté, mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Petersbourg, et je n'ai de revenu que ce, que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé“ [3]).

1) VII, 399.
2) VII, 401.
3) VII, 404 — 5.

Какъ видно изъ этого частнаго письма къ Бенкендорфу, Пушкинъ мотивомъ своего ходатайства о разрѣшеніи на журналъ (какъ и своей просьбы о причисленіи на службу) выставляетъ свои стѣсненныя финансовыя обстоятельства. При письмѣ Пушкинъ представилъ Бенкендорфу также полуоффиціальную записку объ изданіи газеты, гдѣ мотивы новаго литературнаго предпріятія представлены полнѣе и сложнѣе [1]). Аргументація записки сводится къ слѣдующему. Прежде литературой въ Россіи занимались только немногіе любители, не извлекавшіе изъ этого матеріальныхъ выгодъ. Теперь литература оживилась и „составляетъ отрасль промышленности", доходной для профессіональныхъ писателей. Всего доходнѣе періодическія изданія, помѣщающія политическія извѣстія. Такія изданія привлекаютъ большее число читателей и оказываютъ на нихъ большее вліяніе. Сужденія этихъ изданій, поэтому, имѣютъ большое значеніе въ книжной торговлѣ. Произвольно осужденная ими книга можетъ потерять сбытъ. Изъ русскихъ журналовъ привиллегіей помѣщать политическія извѣстія пользуется „Сѣверная Пчела". „Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣв. Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы". „Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣв. Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя ново-

1) Эта записка представляетъ собою воспроизведеніе записки 1828 г., о которой упомянуто выше, — съ нѣкоторыми дополненіями и отмѣнами. Полностью, съ подлинника, напечатана въ т. VII, 405 (съ варіантами 1828 г.).

сти“ [1]). Такимъ образомъ, Пушкинъ выдвигаетъ впередъ меркантильную цѣль своего предпріятія и настаиваетъ на уравненіи правъ журнальныхъ предпринимателей. Политическую же физіономію проектируемаго журнала онъ опредѣляетъ такъ: „Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностью ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала. Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и не благодарна“. Какой результатъ имѣло это представленіе Пушкина, неизвѣстно. На письмѣ къ Беккендорфу 27 мая сохранилась помѣтка карандашомъ: „Завтра въ 12 часовъ къ Генералу“, но что̀ отвѣчалъ Пушкину шефъ жандармовъ, — объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Пушкинъ мало вѣрилъ въ успѣхъ своего ходатайства. Онъ зналъ, что монополія политическихъ извѣстій, полученная Булгаринымъ-Гречемъ, досталась имъ не случайно; онъ понималъ, что правительству удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ единственнымъ политическимъ журналомъ, къ тому же такимъ исключительно послушнымъ и воспріимчивымъ. 13 апрѣля 1832 г. кн. П. А. Вяземскій иронически писалъ И. И. Дмитріеву: „Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній есть и то, хотя не объявленное Правительствующимъ Сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышленники. — Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи „Европейца“, послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу выше-

1) VII, 406 — 7.

упомянутаго узаконенія“ [1]). Поэтъ чувствовалъ, что правительство Бенкендорфа отнесется къ его публицистическимъ планамъ всячески подозрительно и будетъ ревниво оберегать privillegia odiosa Булгарина-Греча. Пушкинъ очень осторожно выражался въ своей запискѣ о дѣятельности этихъ двухъ журналистовъ-монополистовъ. Напр., указавъ, что „Сѣверная Пчела“, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, можетъ произвольно опорочивать произведенія несимпатичныхъ ей литераторовъ, Пушкинъ торопится добавить: „Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ — и *хорошо дѣлаетъ*. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо“ [2]). Пушкинъ боялся, что Булгаринъ и Гречъ узнаютъ о его предпріятіи, пустятъ въ ходъ всякія интриги и, пользуясь расположеніемъ Бенкендорфа, провалятъ его журналъ. Чтобы предупредить эти интриги, Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, близкому сослуживцу и подчиненному Бенкендорфа. Къ нему онъ питалъ довѣріе и въ своей записной книжкѣ отзывался о немъ очень хорошо; „На дняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ [3]), начальникъ III Отдѣленія Государевой Канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное“ [4]). Въ началѣ іюня Пушкинъ обратился къ нему съ письмомъ, къ которому приложилъ и черновую записки

---

1) „Русск. Арх.“ 1868, ст. 616.

2) VII, 406.

3) Ум. 27 августа 1831 г. *Н. П.*

4) V, 577. И далѣе: „Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей“(!).

о газетѣ[1]). Освѣдомляя фонъ-Фока о своемъ планѣ, Пушкинъ, очевидно, жаловался на покровительство, оказываемое высшей полиціей Гречу-Булгарину. 8 іюня фонъ-Фокъ отвѣчалъ Пушкину[2]): „Дозвольте мнѣ, милостивый государь, возвращая при семъ черновую прошенія, которую вы были такъ добры мнѣ сообщить, увѣрить васъ, съ моей всегдашней откровенностію, что я далекъ отъ покровительства какому либо литератору на счетъ его собратовъ.... Издатели „Сѣверной Пчелы“ болѣе близко знакомы мнѣ вслѣдствіе прежнихъ, чисто-общественныхъ отношеній... Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ, позволяю себѣ думать, что можетъ быть и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія“. Фонъ-Фокъ совѣтовалъ Пушкину обратиться съ просьбой о разрѣшеніи газеты къ Бенкендорфу. Забылъ-ли Пушкинъ предупредить фонъ-Фока, что уже писалъ Бенкендорфу еще 27 мая, или тогда письмо не дало никакихъ опредѣленныхъ результатовъ и фонъ-Фокъ настаивалъ на возобновленіи ходатайства, — неизвѣстно. Мы не знаемъ также, что̀ предпринималъ Пушкинъ послѣ отвѣта фонъ-Фока. Въ его письмахъ за іюнь 1831 года мы не находимъ никакихъ упоминаній о дальнѣйшихъ хлопотахъ.

---

1) Ни даты письма Пушкина къ фонъ-Фоку, ни точнаго содержанія его, ни приложенной записки пока въ біографической литературѣ не извѣстно. О нихъ мы узнаёмъ только изъ отвѣтнаго письма фонъ-Фока.

2) „Русск. Арх.“ 1881, 1, 2 439 — 441 (подлинникъ по-французски).

Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 3 іюля Пушкинъ пишетъ: „По газетамъ видѣлъ я, что Тургеневъ отправился къ тебѣ въ Москву; не пріѣдешь ли съ нимъ назадъ? Это было бы славно. Мы бы что нибудь и затѣяли вродѣ „альманаха“ [1]). Быть можетъ, подъ „альманахомъ“ Пушкинъ разумѣлъ газету или журналъ. Мысли добиться разрѣшенія на газету онъ не оставлялъ. Около 21 — 22 іюля [2]) поэтъ подалъ Бенкендорфу заявленіе, въ которомъ просилъ о повышеніи въ чинѣ и о разрѣшеніи заниматься въ архивахъ [3]) и здѣсь же писалъ: „Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое (*въ черновой*: для политическихъ статей), то буду стараться [4]) съ точностью и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ, — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо [5]). Съ радостію взялся бы я за редакцію *Политическаго и Литературнаго журнала*, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіемъ и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его

---

1) VII, 418.

2) День точно не установленъ, такъ какъ на бумагѣ нѣтъ даты. Г. Ефремовъ относитъ ее къ 21 — 22 іюля.

3) VII, 426 — 7. Въ книгѣ И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПБ., 1903, стр. 84 — 85, черновая письма воспроизведена полнѣе, чѣмъ у П. А. Ефремова, — со всѣми варіантами, отмѣнами и дополненіями оригинала. Въ дальнѣйшихъ сноскахъ мы отмѣчаемъ изъ нихъ болѣе характерное.

4) *Было*: то почту за щастіе.

5) *Зачеркнуто*: правительствомъ.

непріязненнымъ къ просвѣщенію". Въ черновикѣ еще сказано: „Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ Польскихъ мятежниковъ[1]), озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ". И еще: „Правительству легко будетъ извлечь изъ нихъ (т. е. писателей съ дарованіемъ) всевозможную пользу, когда Богъ дастъ миръ и Государю досугъ будетъ заниматься устройствомъ успокоеннаго государства, ибо Россія крѣпко надѣется на Царя и истинные друзья отечества желаютъ ему царствованія долголѣтняго"[2]). Такъ, слогомъ Булгарина, котораго презиралъ за пресмыкательство и продажность, писалъ Пушкинъ шефу жандармовъ просьбу о повышеніи сразу на два чина (титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора), о допущеніи въ государственные архивы, чтобы по стопамъ „исторіографа" Карамзина составлять исторію русскихъ царей отъ Петра I до Петра III, и о разрѣшеніи періодическаго изданія.

Это прошеніе Бенкендорфу — одно изъ темныхъ пятенъ на памяти поэта. Еще въ запискѣ, поданной Бенкен-

---

1) Писано во время польскаго возстанія 1831 г.

2) На подлинномъ написано карандашомъ, рукою Бенкендорфа: „написать гр. Нессельроде, что Государь велѣлъ его принять въ Иностранную коллегію съ позволеніемъ рыться въ старыхъ архивахъ для написанія исторіи Петра Перваго. Не угодно ли будетъ Графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье" (Дѣла III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи о Пушкинѣ—„Всемірный Вѣстн." 1905, № 4, прилож., 120).

Итакъ: 1) Пушкина обѣщали принять на службу съ жалованьемъ и 2) открывали ему доступъ къ архивамъ. Но о позволеніи издавать газету Бенкендорфъ умалчивалъ.

дорфу 27 мая непріятно поражаютъ такія заявленія: „литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. *торговое*[1]). Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами“; отъ несправедливыхъ критикъ „Сѣверной Пчелы“ „терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, охужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи“[2]). Но въ этихъ постоянныхъ подчеркиваніяхъ меркантильной стороны литературнаго дѣла еще можно усматривать старый, испытанный методъ оппортюнистической аргументаціи, подбирающей для начальства доводы, единственно ему понятные и пріемлемые. Въ заявленіи же 21 — 22 іюля Пушкинъ предлагалъ правительству „употребить его перо для политическихъ статей“, при чемъ не ставилъ никакихъ условій и ограниченій и не намѣчалъ своихъ собственныхъ политическихъ взглядовъ, но обѣщалъ „стараться съ точностью и усердіемъ исполнять волю“ правительства. Онъ объявлялъ, что „общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо“ — въ интересахъ начальства; онъ предлагалъ правительству привлечь къ дѣлу „писателей съ дарованіемъ“, увѣряя, что ему „легко будетъ извлечь изъ нихъ всевозможную пользу“. Справедливое негодованіе европейскаго общества на жестокую политику русскаго правительства въ Польшѣ онъ именовалъ „безстыдными и невѣжественными нападеніями иностранныхъ газетъ“.

Мы не будемъ здѣсь касаться эволюціи политическихъ взглядовъ Пушкина и тѣхъ ближайшихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ складывались его настроенія и

---

1) Курсивъ Пушкина.
2) VII, 406 — 7.

мысли въ „описываемое" время[1]). Опубликованные и публикуемые въ послѣднее время богатые архивные матеріалы, изображающіе взаимоотношенія Пушкина съ Николаемъ I, Бенкендорфомъ и вообще съ администраціей и рисующіе ужасную картину насилій надъ личностью поэта, а также — непререкаемое благородство Пушкина, сохраненное имъ, несмотря на всѣ колебанія и паденія, — освобождаютъ насъ здѣсь отъ обязанности входить въ истолкованія или оправданія вышеприведеннаго заявленія Бенкендорфу. Какъ и само заявленіе, — ходъ и исходъ всего новаго литературнаго предпріятія Пушкина зависѣли отъ тяжкихъ „внѣшнихъ условій" тогдашняго времени. Въ своихъ ходатайствахъ о газетѣ Пушкинъ выступалъ, какъ конкурренть монополистовъ Булгарина и Греча. Въ своей тогдашней журнальной полемикѣ, въ частной перепискѣ, въ бесѣдахъ съ друзьями — Пушкинъ заявлялъ себя прямо врагомъ этихъ рептилій. Ниже увидимъ, однако, что Пушкину пришлось и въ этой области личныхъ отношеній сдѣлать большой шагъ назадъ въ интересахъ приспособленія къ „внѣшнимъ условіямъ".

Поворотъ въ политическихъ взглядахъ Пушкина, его готовность идти на компромиссы и служить „видамъ правительства" встрѣтили сочувственный откликъ у лицъ, раньше его эволюціонировавшихъ въ томъ же направленіи. Въ іюлѣ или августѣ 1831 г. Ф. Ф. Вигель написалъ изъ Петербурга Александру Сергѣевичу въ Царское Село очень длинное письмо. Вотъ нѣкоторыя выдержки

1) Объ этомъ писали П. В. Анненковъ, Обществ. идеалы Пушкина; В. Е. Якушкинъ, Статьи о Пушкинѣ; В. А. Мякотинъ, Изъ Пушкинской эпохи (Изъ исторіи русскаго общества); А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній; А. Ѳ. Кони, Общественные взгляды А. С. Пушкина („Чествованіе памяти Пушкина Импер. Академіи Наукъ", СПБ., 1900, стр. 34 — 70); А. Л. Слонимскій, Политическіе взгляды Пушкина („Историч. Вѣстникъ" 1904, VII, 970 — 986); и др.

изъ него: „Проектъ политико-литературнаго журнала восхитителенъ; я имъ очень занятъ; я искалъ и, кажется, нашелъ обезпеченный способъ его исполненія. Вы знакомы съ Уваровымъ, бывшимъ членомъ Арзамаса. Хотя онъ не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ начальствомъ; но благорасположенъ ко мнѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ съ генераломъ Бенкендорфомъ. Вашъ проектъ сообщенъ ему, — онъ его одобряетъ, онъ имъ увлекается и, если вы хотите, онъ поговоритъ съ Бенкендорфомъ... За мысль вашего проекта онъ ухватился съ жаромъ, съ юношескимъ увлеченіемъ. Онъ обѣщаетъ, онъ клянется помогать его исполненію. Съ того момента, какъ онъ узналъ, что у васъ добрые принципы, онъ готовъ обожать вашъ талантъ, которому до сихъ поръ только удивлялся". Вигель и Уваровъ были такъ обрадованы благонамѣренностью Пушкина, что торопились немедленно учесть „добрые принципы" поэта въ пользу его житейской карьеры. „По своему нетерпѣнію, онъ (Уваровъ) хотѣлъ бы васъ видѣть почетнымъ членомъ своей Академіи Наукъ[1]). Первое свободное кресло въ Россійской Академіи Шишкова должно быть вамъ назначено, вамъ оставлено. Какъ поэту, вамъ не нужно служить, но почему бы вамъ не сдѣлаться придворнымъ? Если лавровый вѣнокъ украшаетъ чело сына Аполлона, почему камергерскому ключу не украсить задъ потомка древняго благороднаго рода? Конечно, все это только предначертанія счастья и славы для того, кто не довольствуется только прославленіемъ своей родины, но хочетъ служить ей своимъ перомъ. Отъ васъ только зависитъ имѣть горячихъ и ревностныхъ сторонниковъ. Онъ хочетъ, чтобы вы посѣтили его, но лучше напишите ему просьбу

1) Съ 1818 г. и по смерть (1855) С. С. Уваровъ состоялъ президентомъ Академіи Наукъ.

о свиданіи и назначьте часъ и день; вы тотчасъ получите быстрый, удовлетворительный отвѣтъ“ [1]). Извѣстно, что предположенія Вигеля сбылись: членомъ Россійской Академіи Пушкинъ былъ сдѣланъ 7 января 1833 г., а камеръ-юнкеромъ — 30 декабря того же года. За то неизвѣстно, вступалъ ли Пушкинъ, по совѣту Вигеля, въ переговоры съ Уваровымъ, ходатайствовалъ ли послѣдній за Александра Сергѣевича передъ Бенкендорфомъ, и чѣмъ вообще кончилось вмѣшательство двухъ старыхъ арзамасцевъ въ предпріятіе Пушкина.

Опять неизвѣстно, что̀ отвѣчалъ Бенкендорфъ Пушкину на его второе ходатайство о газетѣ. Извѣстно, что и просьба Пушкина о принятіи его на службу не встрѣтила въ начальствѣ большой предупредительности: правда, согласіе на это было дано тотчасъ же, обѣщано было и жалованье, однако дѣло объ опредѣленіи Пушкина въ Иностранную Коллегію затянулось до 14 ноября 1831 г., а жалованье было назначено только 4 іюля 1832 г. [2]) Просьба о разрѣшеніи газеты могла еще менѣе расчитывать на сочувствіе правительства [3]). Въ перепискѣ Пушкина съ друзьями за ближайшіе послѣдующіе мѣсяцы мало упоминаній о ходѣ интересующаго насъ дѣла, хотя онъ постоянно упоминаетъ объ иныхъ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ [4]). 22 іюля Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: „Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ

1) И. А. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, 1903, стр. 148 — 149.

2) VII, 427.

3) Пушкинъ, впрочемъ, и самъ это предвидѣлъ; въ черновомъ наброскѣ „заявленія“ 21 іюля стояло: „Если Политическій журналъ покажется предпріятіемъ излишнимъ, то буду просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ Госуд. Арх. и библіотекахъ“; VII, 428.

4) Между прочимъ, онъ много тогда хлопоталъ объ изданіи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ пользу семьи покойнаго барона А. А. Дельвига.

меня на службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье [1]), открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобы я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли"? [2]) Однако, о третьей просьбѣ, о разрѣшеніи издавать газету, — въ письмѣ ни слова. Очевидно, просьба тогда была совсѣмъ отклонена или осталась безъ опредѣленнаго отвѣта [3]). Полтора мѣсяца спустя, 3-го сентября, Пушкинъ пишетъ П. В. Нащокину: „Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю" [4]). О разрѣшеніи на газету опять ни слова. Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ того же 3 сентября дѣло разъясняется: разрѣшеніе все еще не было получено, да и надежды на него были плохія: „Ты пишешь о журналѣ: да, черта съ два. Кто намъ разрѣшитъ журналъ? Фонъ-Фокъ умеръ [5]): того

---

1) Т. е., пока только обѣщалъ взять на службу и дать жалованье, какъ мы знаемъ.

2) VII, 428 — 9.

3) Правда, П. В. Анненковъ, указавъ, что въ іюнѣ Пушкинъ подалъ Бенкендорфу просьбу объ изданіи газеты, говоритъ: „Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать и превзошелъ ожиданія Пушкина. 31 іюля 1831 г. ему обѣщано было разрѣшеніе на изданіе газеты, и тогда-же... дано право на посѣщеніе и изученіе государств. архивовъ". („Обществ. идеалы Пушкина", въ „Воспоминаніяхъ и критич. очеркахъ", III, 248, 249, 250). Это сообщеніе Анненкова неточно и неясно. Просьбу Пушкинъ подавалъ не въ іюнѣ, а въ іюлѣ (или раньше,—въ маѣ); согласіе на занятія въ архивахъ получилъ 22 іюля, а не 31-го. Откуда Анненковымъ взята дата 31 іюля 1831 г., — онъ не указываетъ. У Н. О. Лернера, въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина" она не отмѣчена.

4) VII, 436.

5) Пушкинъ, кажется, сильно ошибался и насчетъ фонъ-Фока. По крайней мѣрѣ хорошо освѣдомленный М. М. Поповъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ... Бенкендорфъ же и его помощникъ фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю

и гляди поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречъ. Хороши мы будемъ. О газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четырехмѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать — одна бѣда: *безъ модъ* онъ не пойдетъ, а съ модами стать намъ на ряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. — совѣстно. Какъ ты? *съ* или *безъ*"?[1]) Спустя еще полтора мѣсяца, въ письмѣ къ Нащокину отъ 24 октября, мы читаемъ: „Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго — журнала, альбома, или тому подобнаго. Лѣнь"[2]). Затѣмъ въ письмахъ Пушкина и въ другихъ источникахъ, какими мы располагаемъ, долго не упоминается о начатомъ предпріятіи.

Къ началу 1832 г. относитъ свои показанія новый свидѣтель, Наркизъ Ивановичъ Тарасенко-Отрѣшковъ, человѣкъ, ставшій въ 1832 г. близко къ предпріятію Пушкина и оставившій о немъ воспоминанія[3]). Къ сожа-

---

Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ предприметъ какой либо вредный замыселъ или сдѣлается коноводомъ возмутителей" („Рус. Стар". 1874, VII, 647).

1) VII, 488. Вяземскій отвѣчалъ на это: „Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехмѣсячномъ или третейскомъ журналѣ. Куда же поспѣютъ наши моды, развѣ — въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни" (Собр. соч. кн. П. П. Вяземскаго, СПБ. 1893, стр. 536).

2) VII, 444.

3) Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ литераторствовалъ потомъ въ 40-хъ годахъ. О его литературной освѣдомленности Анненковъ отзывается пренебрежительно: „Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьезнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученомъ, ни въ литературномъ мірѣ... Вѣроятно въ одномъ изъ Петербургскихъ салоновъ Пушкину и указали на Н. И. Отрѣшкова, какъ на образцоваго и дѣльнаго сотрудника по журналу. Отрѣшковъ не усумнился взять въ свои руки газету... и вести ее безъ признака редакторской способности, безъ литературныхъ связей въ обществѣ и безъ капитала... Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова печаталось посмертное изданіе

лѣнію, воспоминанія эти, писанныя въ 1855 г., т. е. 23 года спустя послѣ событій, не отличаются ни полнотою, ни точностью. Захватывая собою періодъ въ цѣлый годъ, они не даютъ послѣдовательнаго хронологическаго перечня событій, такъ что отдѣльныя сообщенія Отрѣшкова трудно пріурочить къ опредѣленному времени. О многихъ фактахъ, интересующихъ насъ и, конечно, хорошо извѣстныхъ Отрѣшкову, онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Но предоставимъ слово ему самому. „Въ 1832 году я лично познакомился съ Пушкинымъ и сейчасъ разскажу, по какому случаю. До того я только встрѣчался съ нимъ. Э. П. Перцовъ, искренно любившій Пушкина[1]), въ то время часто видѣлся съ нимъ, часто говорилъ мнѣ о немъ, такъ что можно сказать, что мы другъ друга достаточно уже знали. По откровенности Пушкина къ г. Перцову, ему было извѣстно состояніе его денежныхъ средствъ. Въ началѣ 1832 года Э. П. Перцовъ, пріѣхавъ ко мнѣ, ска-

---

„Сочиненій Пушкина", удивившее даже и тогдашнюю, не очень взыскательную, публику своей безпорядочностью" (Анненковъ, Воспомин. и критич. очерки, III, 258).

Когда въ 1855 г. появились „Матеріалы для біографіи Пушкина" П. В. Анненкова, Тарасенко-Отрѣшковъ написалъ сочиненіе: „О значеніи Пушкина въ русской словесности". Этотъ трудъ попалъ въ собраніе рукописей Ѳ. А. Бычкова, который опубликовалъ отрывокъ изъ него, относящійся какъ разъ къ нашей темѣ, въ статьѣ „Неосуществившаяся газета Пушкина", („Историч. Вѣстн.", 1886, II, 387 — 391).

1) О Перцовѣ однажды упоминаетъ самъ Пушкинъ, въ письмѣ къ А. А. Фуксъ отъ 19 октября 1834 г. (VII, 579 — 580). Объ этомъ Перцовѣ говоритъ кн. Вяземскій въ своей записной книжкѣ: „Былъ у меня поэтъ, литераторъ, молодой Перцовъ, принесъ свою книжку: „Искусство брать взятки". Въ шуткѣ его мало перца, но въ стихахъ его шаловливыхъ, которые Александръ Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть, много перца, соли и веселости. Онъ теперь, говорятъ, служитъ при „Сѣверной Пчелѣ". Собр. Соч. П. А. Вяземскаго, т. IX, 119 (записная книжка 1830 г.). Объ Э. Перцовѣ см. также въ ст. проф. Е. А. Боброва: „А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30 — 40-хъ годовъ", „Рус. Старина" 1904, VII, 5 — 8; ст. Б. Л. Модзалевскаго въ Русск. Біографич. Словарѣ, С.-Пб., 1902, 582 — 583; „Пушкинъ и его современники", вып. III, С.-Пб., 1905, 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.

залъ, что Пушкинъ желаетъ со мною познакомиться и посовѣтываться. Дѣло въ томъ, что оба они находили, что Пушкинъ, какъ знаменитый и любимый писатель, можетъ съ большою для себя выгодою и пользою для словесности издавать газету. Пушкинъ получилъ уже и предварительное дозволеніе отъ правительства издавать въ большомъ видѣ ежедневную газету политики и словесности". Итакъ, Отрѣшковъ относитъ давно жданное Пушкинымъ предварительное разрѣшеніе правительства на изданіе политической и литературной газеты къ началу 1832 г., не указывая точнѣе,—къ какому, именно, мѣсяцу. Онъ не объясняетъ также, почему дано было только „предварительное" разрѣшеніе, и какія условія ставились начальствомъ для разрѣшенія окончательнаго, и потомъ уже нигдѣ не упоминаетъ о томъ, когда дано было это окончательное разрѣшеніе. Еще въ 1826 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Мы слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ".[1]) Эти слова объяснятъ намъ, почему Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ Отрѣшкову. Самъ Тарасенко-Отрѣшковъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: „Опытъ предшествовавшихъ занятій Пушкина по изданію „Московскаго Вѣстника" и „Литературной Газеты" заставилъ друзей убѣдиться въ несвойственности природы Пушкина къ трудамъ постояннымъ и къ занятіямъ неизбѣжнымъ при изданіи журнала или газеты. Пушкинъ искалъ себѣ товарища и обратился ко мнѣ, по поводу чего въ томъ же 1832 году я имѣлъ нѣсколько совѣщательныхъ свиданій съ Пушкинымъ". Далѣе Отрѣшковъ передаетъ свои разговоры съ Пушкинымъ въ формѣ непрерывнаго діалога, при чемъ трудно установить, насколько точно записалъ онъ слова Пушкина, и къ какимъ

1) VII, 262 (письмо отъ 9 ноября).

мѣсяцамъ относятся разныя части переговоровъ. По словамъ Отрѣшкова, Пушкинъ въ разговорѣ указывалъ на потребность въ газетѣ, уважающей собственное достоинство, безпристрастно оцѣнивающей литературныя произведенія, устанавливающей правильныя понятія въ словесности и имѣющей полный политическій отдѣлъ. Самъ онъ предполагалъ взять на себя „все, что относится до словесности“, въ томъ числѣ разборъ книгъ „по знакомымъ предметамъ“, а Отрѣшкову предоставлялъ отдѣлъ политическій и общее завѣдываніе изданіемъ. Отрѣшковъ, будто-бы, не согласился на это. Онъ говорилъ Пушкину: „для того, чтобы отдѣлъ словесности шелъ безостановочно, необходимы срочныя, постоянныя, ежедневныя занятія. Это для васъ будетъ обременительно, затруднитъ ходъ газеты, возьметъ все ваше время, и русская словесность потеряетъ отъ того“. Самъ онъ готовъ былъ самонадѣянно взять на себя составленіе программы газеты, всѣхъ смѣтъ[1]) и руководство также и словеснымъ отдѣломъ, такъ что становится непонятно, что же оставлялъ онъ на долю Пушкина. Однако, собесѣдники съумѣли договориться, хотя Отрѣшковъ не выясняетъ—на какихъ же, точно, условіяхъ. „Вслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы нѣкоторыя предварительныя распоряженія. Требуемый въ подобныхъ случаяхъ правительствомъ примѣрный нумеръ газеты, подъ заглавіемъ: „Дневникъ. Политическая и Литературная газета“, былъ набранъ въ типографіи и представленъ по принадлежности“.

Графическая схема нумера воспроизведена у Анненкова и въ Сочиненіяхъ Пушкина, ред. Ефремова, т. VII, 470. Доселѣ сохранился и самый подлинникъ пробнаго нумера „Дневника“. „По окончаніи ликвидаціи долговъ и иму-

1) Отрѣшковъ предлагалъ даже устроить для газеты собственную типографію и готовъ былъ ссудить на это до 2000 рублей.

щества умершаго поэта, Отрѣшковъ собралъ бумаги, прошедшія черезъ его руки въ теченіи довольно долгаго разбирательства, и принесъ ихъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ". (Анненковъ, Воспомин., III, 258). Въ числѣ этихъ, донынѣ неизданныхъ бумагъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки, мы нашли и пробный оттискъ „Дневника". Онъ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Была набрана всего одна страница, при томъ—на скорую руку, съ массой корректурныхъ неисправностей. Весь текстъ состоитъ изъ „извѣстій", взятыхъ очевидно изъ послѣднихъ газетъ; напр.: „Санктпетербургъ, 2-го сентября. Въ Среду, 31-го августа, послѣдовало Открытіе Александринскаго Театра. Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всею Августѣйшею Фамиліею Своею, благоволили удостоить сіе открытіе Высочайшимъ Своимъ присутствіемъ"; „Португалія. Въ придворной газетѣ отъ 15-го августа напечатано донесеніе генерала Санта-Морты, полученное изъ Балтара отъ 10-го августа... Передовой постъ Дона Педра въ Піо, состоявшій изъ одного унтеръ-офицера и 10 солдатъ, въ сей день перешелъ съ оружіемъ и снарядами. Армія Дона Педра стоитъ въ укрѣпленіяхъ Опорта". Отмѣтимъ здѣсь одно недоумѣніе. Въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина" (изд. 1873, стр. 350), говоря очень кратко о газетномъ предпріятіи Александра Сергѣевича, Анненковъ замѣчаетъ: „Откладывая день за день исполненіе своего предпріятія, Пушкинъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ о немъ, какъ и слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время еще оставались въ рукахъ его друзей статейки, приготовленныя имъ для газеты въ видѣ обращика. Эти послѣдніе свидѣтели намѣренія его теперь сохраняются въ бумагахъ его, какъ примѣры мастерского изложенія событій". Что это за „статейки для газеты" и въ какихъ бумагахъ онѣ сохраняются? Если

Анненковъ разумѣлъ пробный нумеръ „Дневника", сохраняемый въ бумагахъ Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова, то въ немъ нѣтъ цѣльныхъ статей, и „мастерского изложенія" не замѣтно.

Какъ видимъ, показанія Отрѣшкова не точны и не полны. Онъ не указываетъ, къ какому моменту относится начало переговоровъ съ Пушкинымъ, когда было дано „предварительное дозволеніе" и когда—„окончательное", когда и кому былъ представленъ „примѣрный нумеръ газеты", и какъ потомъ шло дѣло до конца 1832 г.[1]). О хлопотахъ Пушкина по изданію и о сношеніяхъ его съ Отрѣшковымъ сохранилось еще показаніе сестры поэта, но и оно не разъясняетъ хронологическихъ вопросовъ. 28-го апрѣля 1832 г. Ольга Сергѣевна писала своему мужу, Николаю Ивановичу Павлищеву, что Александръ Сергѣевичъ задумалъ приступить къ изданію ежедневной политической газеты. „Мой бѣдный братъ готовъ осквернить свой поэтическій геній и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ; но судя по тому, что онъ мнѣ разсказывалъ, описывая свое ненадежное положеніе, Александръ иначе и поступить не можетъ. Но куда ему съ его высокой созерцательной, идеальной душой окунуться въ самую обыденную прозу, возиться съ будничнымъ вздоромъ, прочитывать всякій день полицейскія извѣстія, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, кто на улицѣ невзначай разбилъ себѣ носъ, кого потащили за уличныя безпорядки въ часть, сколько публики было въ театрахъ, какая актриса

1) Пробный нумеръ набранъ былъ, во всякомъ случаѣ, не раньше первыхъ чиселъ сентября 1832 года. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хронологическія даты помѣщенныхъ въ немъ „извѣстій". Открытіе Александринскаго театра въ 1832 г., дѣйствительно, послѣдовало 31 августа (А. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ, ч. I, стр. 30). Извѣстіе изъ Португаліи относится къ эпизоду междоусобной войны, имѣвшему мѣсто именно въ августѣ 1832 г.

или актеръ тамъ восторгался (вобуждалъ восторгъ? *Н. П.*), болтать всякій день о дождѣ и солнцѣ, а что всего хуже, печатать да разбирать безчисленныя побасенки иностранныхъ лгуновъ, претендующихъ на политическія свѣдѣнія, чортъ съ ними! Гораздо лучше предоставить всѣ эти пошлости Булгарину и Гречу". Тамъ же Ольга Сергѣевна упоминаетъ, что Пушкинъ имѣетъ въ виду взять къ себѣ въ помощь, въ качествѣ распорядителя по изданію газеты, Н. И. Отрѣшкова, и кстати разсказываетъ, какъ смѣшно и плохо говоритъ Отрѣшковъ по-французски [1]).

Слухи о предпринимаемомъ изданіи „распространялись по городу въ большомъ размѣрѣ", скоро перенеслись въ Москву и даже за границу.

Кн. П. А. Вяземскій писалъ 3-го іюня И. И. Дмитріеву изъ Петербурга: „Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ обѣщаннаго позволенія, даннаго Пушкину издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это — важное событіе, ибо подрывается журнальный откупъ, снятый Гречемъ и Булгаринымъ" [2]). 6-го іюня А. И. Тургеневъ, посылая Пушкину изъ Любека въ подарокъ „Album littéraire", сдѣлалъ на книгѣ надпись: „Журналисту Пушкину" [3]). 19-го іюля же Вяземскій сообщалъ Дмитріеву „Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что нибудь новорожденному на зубокъ" [4]). Дмитріевъ отвѣчалъ 31 іюля: „При случаѣ прошу васъ сказать мой поклонъ В. А. Жуковскому, Д. Н. Блудову, С. С. Уварову и А. С.

---

1) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1890, стр. 283 — 284.

2) „Русскій Арх.", 1868, 619.

3) Сообщено Н. О. Лернеромъ (по матеріаламъ Б. Л. Модзалевскаго).

4) „Рус. Арх.", 1868, 622.

Пушкину и подписаться за меня на его газету. Съ нетерпѣніемъ жду ее“ [1]).

Извѣстіе, что прославленный и любимый поэтъ станетъ во главѣ новаго періодическаго изданія, обрадовало, конечно, многихъ почитателей Пушкина. Любимовъ горячо писалъ изъ Петербурга Погодину: „Вѣрно, слышали вы о предположеніи Пушкина издавать ежедневную газету. Отъ души желаю всякаго успѣха. Авось тогда нѣсколько поумолкнутъ Полевые, Булгарины, Гречи и вся нечистая и нерусская ихъ братія... Вы не будете Погодинъ, если не будете съ своей стороны помогать столь доброму подвигу“ [2]). Однако, это же извѣстіе должно было сильно встревожить монополистовъ Булгарина-Греча. Новая газета Пушкина, вокругъ которой объединились бы лучшія литературныя силы Россіи, грозила серьезнымъ подрывомъ ихъ собственнымъ изданіямъ. При первомъ же извѣстіи объ изданіи Пушкина Гречъ и Булгаринъ заторопились учитывать свой возможный рискъ и готовы были принять рѣшительныя мѣры къ борьбѣ съ новымъ соперникомъ. Какъ вдругъ, неожиданно для нихъ, а также и для историковъ литературы, самъ соперникъ пошелъ въ грече-булгаринскую Каноссу, на примиренье и союзъ.

Этотъ любопытный эпизодъ, доселѣ бывшій почти совершенно неизвѣстнымъ въ біографической литературѣ о Пушкинѣ, въ подробностяхъ раскрываютъ намъ неизданныя письма Н. И. Греча изъ Петербурга къ Ѳ. В. Булгарину въ Дерптъ, въ 1832 г. [3]) Правда, въ своихъ

---

1) „Старина и Новизна“, т. II (1898), стр. 168.

2) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, IV (1891), 95.

3) Въ фамильномъ архивѣ Булгариныхъ, въ имѣніи Карлово близъ Дерпта (Юрьева), въ числѣ другихъ неизданныхъ документовъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ, хранится огромная пачка писемъ Н. И. Греча къ Булгарину (до 150 писемъ, за все время ихъ совмѣстной журнальной дѣятельности). Въ этихъ письмахъ, помимо публи-

позднѣйшихъ „Запискахъ“ Гречъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ, но очень кратко, не безъ прикрасъ и неточно. „Въ концѣ 1831 года, вознамѣрившись издавать „Современникъ“, Пушкинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и предлагалъ мнѣ участіе въ новомъ журналѣ. Я отвѣчалъ, что принялъ бы его предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, но не знаю, какъ освободиться отъ моего „польскаго пса“. Пушкинъ самъ сознался, что это невозможно, и прибавилъ, смѣючись: „Да нельзя ли какъ-нибудь убить его?“ У меня стало бы довольно досуга на это занятіе, но Булгаринъ преогорчилъ бы жизнь мою, если бы увидѣлъ, что журналъ Пушкина, при моемъ содѣйствіи, идетъ не худо, а „Пчелу“ я не могъ оставить безъ совершеннаго себѣ разоренія“ [1]).

Въ неизданныхъ письмахъ Греча первое, неясное, извѣстіе о сношеніяхъ съ Пушкинымъ находимъ подъ 1-мъ іюня 1832 г.: „...Съ Пушкинымъ мы сходимся довольно дружно, и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но, ради Бога, не думай, чтобъ я тобою пожертвовалъ. Улажу все къ общему удовольствію“... Не извѣстно, о какомъ „дѣлѣ“ упоминаетъ здѣсь Гречъ, и въ чемъ могъ онъ „пожертвовать“ Булгаринымъ. Второе письмо, отъ 22 іюня, говоритъ уже прямо о газетѣ Пушкина: „...Смирдинъ пріѣхалъ на сихъ дняхъ изъ Москвы, объявилъ мнѣ вчера, что онъ не можетъ начать предполагаемаго союза съ Новаго года, [2]) но въ то же время далъ честное

куемыхъ ниже свѣдѣній о Пушкинѣ, имѣются и другія интересныя данныя, напр. о цензурныхъ притѣсненіяхъ. Къ сожалѣнію отвѣтныя письма Булгарина къ Гречу не были въ нашемъ распоряженіи и черновиковъ ихъ не имѣется въ Карловскомъ архивѣ, хотя возможно, что бѣловыя гдѣ нибудь сохранились донынѣ. Нѣкоторые документы изъ Карловскаго архива обнародованы нами въ „Русской Старинѣ“ 1903, XII, 601 — 609; 1905, IV, 200 — 216; XII, 706 — 718.

1) Записки Н. И. Греча, С.-Пб. 1886, стр. 457.

2) 13-го апрѣля 1832 г. П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Смирдинъ, сказываютъ, снимаетъ „Сѣверную Пчелу“ и „Сынъ Отечества“

слово, что онъ ни съ кѣмъ не вступитъ въ сношенія для изданія какого-либо журнала, надѣясь, что таки со временемъ успѣетъ сладить съ нами. Главною причиною невозможности его приступить къ дѣлу есть то, что Пушкинъ получилъ уже позволеніе на изданіе политическаго журнала и начнетъ оный съ сентября мѣсяца. Какъ это сдѣлалось и когда, не знаю. Никто здѣсь не предсказываетъ добра Пушкину, ибо ему даже трудно, по деньгамъ, взять и Сомова въ сотрудники. Журналъ его, подъ какимъ титуломъ не знаю, будетъ выходить три раза въ недѣлю. Слишкомъ рѣдко для свѣжести извѣстій и слишкомъ часто для лѣнтяя. По-нѣмецки у него никто не знаетъ. Едва ли онъ дотянетъ до Новаго года. Мое мнѣніе такое: оставить его въ совершенномъ покоѣ, не трогать его, даже не говорить о немъ, какъ будто бы его вовсе не было. Самъ свалится, какъ Литературная газета. — Но каковы наши покровители и благодѣтели? Нѣтъ Марена, и все сгибло. Остались для себя мы сами, и этого для насъ довольно. Пушкинъ не отниметъ у насъ ни одного подписчика, ибо всякъ тотъ, кто возьметъ его журналъ, непремѣнно имѣетъ и будетъ имѣть Пчелу“. Изъ этого письма мы узнаемъ, что Пушкинъ ранѣе 22 іюня получилъ разрѣшеніе на изданіе политической газеты. О томъ же разрѣшеніи упоминаетъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 11 іюля: „Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ *мнѣ политическую газету?* Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется. Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу мед-

---

и даетъ за право прежнимъ откупщикамъ по 60 или 50 тысячъ ежегодно.“ „Рус. Арх.“, 1868, ст. 616.

вѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей“ [1]). Согласно съ этимъ сообщеніемъ Пушкина, признававшагося Погодину, что онъ еще не готовъ приступить къ изданію, писалъ и Гречъ въ Карлово Булгарину отъ 16-го іюля: „Журналъ Пушкина вѣроятно не состоится: сказываютъ, онъ расчелъ, что не изъ чего биться“. А 30-го іюля Гречъ докладывалъ Булгарину: „О журналѣ Пушкина извѣстія затихли“. Однако — не надолго. Въ концѣ августа Пушкинъ сдѣлалъ Гречу „важное“ предложеніе. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ Гречъ въ письмѣ отъ 3-го сентября: „Теперь о важномъ дѣлѣ. За нѣсколько дней передъ симъ встрѣчается со мною на улицѣ Пушкинъ и объявляетъ, что вступаетъ на поприще журналиста. Я его поздравляю и желаю терпѣнія. Пушкинъ. Ахъ, если бы издавать съ вами, то было бы славно. Я. „А почему нѣтъ? Я не прочь— вы знаете.“ — Тутъ онъ началъ жаловаться, что его разобидѣли въ Сѣверной Пчелѣ, и что онъ желалъ бы сладить дѣло, но не знаетъ, какъ согласовать разныя требованія, и наконецъ обѣщалъ прійти ко мнѣ и поговорить.

Вчера онъ былъ у меня и сдѣлалъ слѣдующее предложеніе.

С. Пчела остается, какъ есть. Сына Отечества передаю я (или мы съ тобою) ему, то есть: онъ будетъ главный издатель, а я редакторъ. Такъ какъ первоначальная цѣль С. О. 1812 года измѣнилась, то Пушкинъ полагаетъ превратить оный въ Revue и постараться поставить на ногу, достойную Россіи и Европы. Со мною намѣренъ онъ дѣлиться прибылью. Я отвѣчалъ, что соглашусь на его предложеніе, спросясь у тебя.

Мое мнѣніе вотъ.

---

1) VII, 466.

Симъ средствомъ мы избавимся жестокой rivalité. И *еженедѣльная* Revue отнюдь не повредитъ *ежедневной* Пчелѣ. Сынъ Отечества давно уже не соотвѣтствуетъ своему заглавію. Къ Пчелѣ прибавить подписчиковъ трудно, ибо едва ли есть 3000 грамотныхъ людей въ Россіи, но къ 800 экз. Сына Отечества — можно. Вступая въ сотоварищество съ Пушкинымъ, я устраню всѣ гадости, какія могли бы надѣлать Воейковъ, Сомовъ и проч., и первымъ условіемъ моимъ Пушкину было, чтобъ ты былъ неприкосновененъ въ сей Revue. За право, которое ты имѣешь въ С. О., буду я платить тебѣ, какъ донынѣ, ибо новые подписчики будутъ привлечены Пушкинымъ. Лучше всего опредѣлить сумму; напримѣръ 5000 руб. въ годъ. Ты не будешь ни въ какой collision съ Пушкинымъ. — На случай разрушенія нашего союза съ Пушкинымъ, я не теряю права продолжать С. О. и Сѣв. Арх. по прежнему, съ тобою.

Какъ ты думаешь объ этомъ? Дай мнѣ знать. Я сказалъ только свое мнѣніе, но ничѣмъ не обязался. Отвѣчай поскорѣе. Я буду согласенъ на все, что ты рѣшишь. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю ничего противнаго твоей пользѣ или образу мыслей".

Повидимому, въ тѣ времена Пушкинъ очень колебался въ своихъ издательскихъ планахъ. Техническая обстановка „торговаго предпріятія" — журнала — затрудняла его, и онъ, дѣйствительно, „не дерзалъ приступить" къ окончательнымъ предложеніямъ и условіямъ. 7 сентября Гречъ писалъ своему сотоварищу: „Любезнѣйшій Булгаринъ. Сообщаю тебѣ дальнѣйшія послѣдствія Лондонской конференціи.

„На другой день по отправленіи къ тебѣ письма, видѣлся я съ Пушкинымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что перемѣнилъ мысли свои на счетъ Revue, хочетъ издавать газету три раза въ недѣлю и проситъ меня войти съ нимъ въ

половину и печатать ее у меня въ типографіи. Онъ обязуется доставлять статьи. Мое дѣло было-бы только смотрѣть за редакціею и за переводомъ статей газетныхъ. Я отвѣчалъ на сіе, что по условію нашему съ тобою не имѣю права участвовать ни въ какомъ другомъ журналѣ, равно какъ и ты, безъ обоюднаго согласія; что напишу къ тебѣ объ этомъ и потомъ дамъ ему отвѣтъ. — Итакъ, спрашиваю у тебя: *могу ли и долженъ ли я принять это предложеніе?* Отвѣчай мнѣ, какъ другъ, но рѣшительно и откровенно. Я исполню все, какъ ты скажешь.

Мое мнѣніе: зачѣмъ выпускать изъ рукъ П. и его партію? Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство[1]), и къ 1834 году навѣрное соединимся въ *одной* газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возмется другой и напакоститъ и намъ, и Пушкину. Объ интересахъ денежныхъ не говорю: они будутъ ничтожны, ибо и самъ Пушкинъ надѣется имѣть не болѣе 1000 подписчиковъ.

— Но повторяю: это только мое мнѣніе, и на твое рѣшеніе оно вліянія имѣть не должно.

— Сомовъ нагадилъ Пушкину въ Сѣв. Цвѣтахъ, и они размолвили".

Булгаринъ, повидимому, не сдѣлалъ возраженій на предложеніе, изложенное въ письмѣ Греча отъ 3-го сентября. Онъ только смущался, кажется, сотрудничествомъ въ изданіи Пушкина О. М. Сомова, съ которымъ былъ во враждѣ, да еще вопросомъ о личныхъ своихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, противъ котораго еще такъ недавно допустилъ неприличную журнальную выходку. 10 сентября Н. И. Гречъ корреспондировалъ въ Карлово: „Благодарю тебя за отвѣтъ на мое письмо о предложеніяхъ Пушкина. Ты теперь имѣешь другое письмо, на которое жду отвѣта. — Повторяю: Сомовъ совершенно

1) По тогдашнему — соперничество.

отринутъ Пушкинымъ и никакого участія ни въ чемъ съ нимъ не имѣетъ[1]). Я виноватъ, что *во время оно* не облилъ тебя холодною водою и не убѣдилъ не печатать статьи на П. Ничего бы не было. Ты былъ въ азартѣ, а я полѣнился. Пушкина эта статья (будто изъ Анг. газетъ) такъ огорчила, что онъ понынѣ забыть не можетъ.[2]) А

---

1) Упоминаемый не однажды въ письмахъ Греча Орестъ Михайловичъ Сомовъ — небезызвѣстный журналистъ 20 — 30 годовъ, едва ли не первый русскій писатель, жившій только литературнымъ трудомъ. Онъ былъ близкимъ знакомымъ А. С. Грибоѣдова, А. А. Бестужева, К. Ѳ. Рылѣева, бар. А. А. Дельвига, вращался въ передовыхъ политическихъ и литературныхъ кругахъ, сотрудничалъ въ „Литературной Газетѣ", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" и другихъ альманахахъ; долго и много работалъ въ изданіяхъ Греча и Булгарина (перечень его статей въ „Сынѣ Отечества" см. въ „Указателѣ статей серьезнаго содержанія" Бенардаки и Богушевича, СПБ, 1858, вып. I). Невозможный характеръ Булгарина заставилъ Сомова бросить работу въ „Сѣверной Пчелѣ". Вотъ что пишетъ объ этомъ Гречъ: „Булгаринъ бралъ и отставлялъ, привлекалъ и выгонялъ своихъ сотрудниковъ безпрерывно и обыкновенно оканчивалъ дѣло съ ними громкимъ разрывомъ, сопровождавшимся непримиримою враждою... Въ числѣ этихъ несчастныхъ илотовъ былъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, учившійся въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки и очень хорошо писалъ по-русски, переводилъ умно и толково и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ... Вдругъ, въ концѣ 1829 г., Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ: „Вонъ Сомыча, вонъ его" (Записки Н. И. Греча, стр. 454). Вражда продолжалась, очевидно, и въ 1832 г., такъ что Гречу (тоже терпѣвшему немало отъ грубости и самодурства Булгарина) приходилось увѣрять „шального" компаніона, что въ предполагаемомъ изданіи Пушкина Сомовъ участвовать не будетъ. О столкновеніи Сомова съ Пушкинымъ Комовскій писалъ Языкову: „Онъ (Пушкинъ) разладилъ съ Сомовымъ за благоразумное присвоеніе почтеннымъ Орестомъ Михайловичемъ денегъ, которыя выручилъ отъ изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", вслѣдствіе чего должность повѣреннаго и хлопотуна отнята у Ореста и въ оную облеченъ Наркизъ Отрѣшковъ" („Историч. Вѣстникъ" 1883, XII, 535, ст. Д. Н. Садовникова).

2) Столкновеніе Пушкина съ Булгаринымъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Гречъ, относится къ 1830 г. Въ „Литерат. Газетѣ" (№ 14, 7-го марта) былъ помѣщенъ неблагопріятный отзывъ о романѣ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ". Статья принадлежала барону Дельвигу, но не была подписана. Уязвленный Булгаринъ приписалъ ее Пушкину и отвѣтилъ грязной выходкой. Въ № 30 „Сѣв. Пчелы" (11 марта) онъ помѣстилъ въ Смѣси „Анекдотъ (изъ англійскихъ газетъ)", гдѣ вывелъ Пушкина подъ видомъ французскаго писателя, „служащаго болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнару-

мнѣ хотѣлось бы непремѣнно прекратить эти глупые раздоры въ литературѣ, которые не ведутъ ни къ чему хорошему. Adieu."

Въ письмѣ отъ 3-го сентября Гречъ указывалъ Булгарину, что проектируемая Пушкинымъ еженедѣльная Revue не повредитъ ежедневной „Сѣверной Пчелѣ", и этимъ хотѣлъ склонить къ согласію строптиваго сотоварища. Однако, Пушкинъ потомъ передумалъ и теперь собирался издавать газету три раза въ недѣлю, что̀ уже грозило монопольной „Пчелѣ" значительной конкурренціей. Письмо Греча отъ 7-го сентября, содержащее извѣстіе объ этой перемѣнѣ условій, написано очень неувѣреннымъ и заискивающимъ тономъ. Повидимому, Гречу очень хотѣлось вступить съ Пушкинымъ въ соиздательство, но онъ боялся, что Булгаринъ, отъ котораго Гречъ весьма зависѣлъ въ финансовыхъ дѣлахъ, помѣшаетъ этому. Что̀ отвѣчалъ на два послѣднихъ письма Греча Карловскій помѣщикъ, мы не знаемъ. Но надо полагать, что новая комбинація уже не встрѣтила его сочувствія. Съ 10-го сентября извѣстія о предпріятіи Пушкина исчезаютъ изъ писемъ Греча—до 28-го сентября. Повидимому, оборвались и переговоры Пушкина съ Гречемъ. Можно думать, что пока для Пушкина казалось осуществимой возможность повести дѣло съ такимъ опытнымъ и свѣдущимъ журналистомъ, какъ Гречъ,—конъюнктура съ Тарасенко-Отрѣшковымъ была на время отложена. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ вышеприведенныхъ письмахъ Греча совсѣмъ не

жилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства...; который... бросаетъ ризмами во все священное, чванится передъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ", и т. д. Пушкинъ отвѣчалъ въ „Литературной Газетѣ" замѣткой о запискахъ сыщика Видока и эпиграммами о Видокѣ Фигляринѣ. Подробности этой исторіи изложены въ статьѣ В. Гиппіуса: „Пушкинъ и журнальная полемика его времени", стр. 253 — 267.

упоминается этотъ соиздатель Пушкина. Теперь Отрѣшковъ снова появляется — и въ весьма рѣшительной позиціи. Пушкинъ выдаетъ ему довѣренность на принятіе званія редактора политической и литературной газеты. Вотъ ея текстъ, писанный на гербовой бумагѣ рукою самого Александра Сергѣевича:

„Милостивый Государь, Наркизъ Ивановичъ! Получивъ отъ Правительства позволеніе на изданіе Политической и Литературной Газеты и имѣя нынѣ Ваше, Милостивый Государь, согласіе быть Редакторомъ оной, — я довѣряю и покорнѣйше прошу Васъ принять на себя всѣ нужныя для того распоряженія; дѣлать, съ кѣмъ признаете выгоднымъ, условія на заготовленіе бумаги для печатанія; устроить собственную типографію Редакціи на два станка, съ необходимыми принадлежностями и наймомъ нужныхъ людей; нанять квартиру для помѣщенія Редакціи; равно какъ и занять, по оказавшейся надобности, до двухъ тысячъ рублей (*дальше не разобранное слово*: сѣр.? Ас.?); — словомъ производить все то, что клонится къ устроенію и приведенію въ дѣйствіе сего предпріятія, съ сохраненіемъ общихъ нашихъ пользъ. — Въ томъ же, что Вы по сему учините, я спорить и прекословить не буду. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Александръ Пушкинъ, титулярный совѣтникъ. 16 сентября 1832 года“ [1]).

16-го сентября эта довѣренность явлена законнымъ

---

1) На оборотѣ бумаги другою рукой написано: „По 11-й Книгѣ № 202-й. 1832-го года сентября 16 дня сіе письмо Санктпетербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1-мъ департаментѣ титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ явилъ и на основаніи указа 1765-го года сентября 5 дня объявилъ, что оное собственноручно имъ подписано и дано титулярному совѣтнику Наркизу Ивановичу Отрѣшкову“. Подписи: Засѣдатель Ф. Садовниковъ. Секретарь (неразборчиво). Коллеж. Секретарь Соловьевъ. (Печать). (Рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, бумаги Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова).

порядкомъ въ 1-мъ департаментѣ С.-Петербургской Гражд. Палаты. А 17-го сентября Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Между прочимъ, онъ везъ съ собою письмо кн. П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву, гдѣ тотъ писалъ: „При мертвой буквѣ посылаю вамъ живую грамоту — поэта Пушкина и будущаго газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось, съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ вратами ада, т. е. Телеграфомъ, зажметъ ротъ Пчелѣ и прочиститъ стекла Телескопу“ [1]). Въ Москву Пушкинъ прибылъ 21-го сентября, въ среду, и вскорѣ въ „Молвѣ“ появилось слѣдующее сообщеніе: „А. С. Пушкинъ въ Москвѣ. Если мы получимъ достовѣрныя свѣдѣнія объ его предположеніяхъ относительно изданія журнала или газеты, съ такимъ участіемъ ожидаемой всѣми, то постараемся удовлетворить любопытству публики“ [2]). Есть основанія думать, что въ Москвѣ Пушкинъ усердно вербовалъ сотрудниковъ и статьи въ свою газету. 30-го сентября онъ пишетъ женѣ изъ Москвы: „Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить *стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты*, такъ и разошлись... Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно, за него примусь; но покамѣсть голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову [3]); авось вывезетъ“ [4]).

Но дѣло какъ то не спорилось. Московскія хлопоты врядъ-ли дали хорошіе результаты. Незавидное положеніе Пушкинскаго предпріятія скоро выяснилось для „совмѣстниковъ“-монополистовъ: они стали постепенно успокаиваться. Еще 28-го сентября Гречъ писалъ Булгарину:

---

1) „Русск. Арх.“ 1868, стр. 622 — 3, письмо отъ 17-го сентября.
2) „Молва“ 1832 г., № 79.
3) Т. е. Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову.
4) VII, 475, 476.

„Журнала Пушкина я не боюсь нимало: это будетъ хуже Сѣвернаго Меркурія. Но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай. Я согласенъ на всякую благоразумную перемѣну, согласенъ даже и на модныя картинки, хотя издержка тысячь въ шесть, въ восемь въ годъ едва ли вознаградится подписчиками. Я подговорилъ сборщика Смѣси и начну съ сей же недѣли пробовать. Кругликовъ лѣнится ужасно. Еще нужно подсолить критику; для сего буду посылать тебѣ книги и начинаю съ препровождаемыхъ сегодня. Разругай скотовъ. Только съ журналистами заводить брань никакъ не хочу — это гадко, припишутъ зависти и трусости. Если ты возьмешься дѣлать ежемѣсячные обзоры въ С. О., будетъ прекрасно — и тамъ можно солить порядочно". И 1-го октября: „Пушкина журнала боюсь, какъ Бабочки или Литературной газеты". Пушкинъ вернулся въ Петербургъ около 15-го октября. А 19-го октября Гречъ пишетъ: „Все обстоитъ благополучно. Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы, видно съ пустыми руками. Еще Пчелка не згинѣла".

Въ Петербургѣ Пушкинъ узналъ, что въ его отсутствіи Бенкендорфъ извѣщалъ, 1-го октября, Наталью Николаевну Пушкину, что готовъ принять Отрѣшкова. Письмо это, или, вѣрнѣе, записка, также сохранилась въ бумагахъ Отрѣшкова: „L'aide de Camp le Général Benkendorff, en présentant ses respects à Madame Poushkine, a l'honneur de la prevenir, qu'il se fera un plaisir de recevoir M-r Atreshkoff demain matin à 10 heures. — Ce 1 Octobre 1832".

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пушкинъ снова запрашивалъ начальство о судьбѣ своего предпріятія. 21-го октября д. с. с. Мордвиновъ[1]) писалъ Пушкину: „Милости-

1) Управляющій III Отдѣленіемъ, назначенный, по представленію гр. Бенкендорфа, членомъ Главнаго Управленія цензуры (А. Скабичевскій, Очерки по истор. рус. цензуры, 228).

вый Государь, Александръ Сергѣевичъ! На письмо Ваше ко мнѣ [1]) спѣшу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что я представилъ Г. Генералъ-адютанту Бенкендорфу полученные мною отъ Васъ образцы Вашего журнала; и, сколько извѣстно мнѣ, Его Высокопревосходительство располагалъ представить оные Государю Императору по возвращеніи своемъ изъ Ревельской губерніи. — До воспослѣдованія же Высочайшаго по сему предмету разрѣшенія, не полагаю я благонадежнымъ для Васъ приступать къ какимъ-либо распоряженіямъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. А. Мордвиновъ. 21-го октября 1832 г." [2]).

Дѣло, такимъ образомъ, вновь затягивалось на неопредѣленное время. Предпріятіе Пушкина продолжало интересовать тѣсный кружокъ его друзей-литераторовъ. Объ этомъ сохранилось свидѣтельство одного молодого современника, князя П. П. Вяземскаго: „Семейство наше переѣхало въ Петербургъ въ октябрѣ 1832 года. Я живо помню прощальный литературный вечеръ отца моего съ его холостой петербургской жизнью, на квартирѣ въ домѣ Межуева у Симеоновскаго моста. Въ этотъ вечеръ происходилъ самый оживленный разговоръ о необходимости положить предѣлъ монополіи Греча и Булгарина и защитить честь русской литературы, униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкинскаго кружка болѣе, чѣмъ его пріятель. За Греча прорывались изрѣдка и сочувственные отзывы. И въ этотъ вечеръ рѣчь шла о серьезномъ литературномъ предпріятіи, а не о ежедневной политической газетѣ." [3])

---

1) Письмо это доселѣ неизвѣстно въ Пушкинской литературѣ.

2) Анненковъ (Воспоминанія, III, 260) относитъ письмо Мордвинова ко 2-му октября, но въ оригиналѣ письма (въ бумагахъ Отрѣшкова) поставлено 21-ое.

3) Кн. П. П. Вяземскій, А. С. Пушкинъ по документамъ Остафь-

Но дать практическое осуществленіе своимъ планамъ кружокъ оказался не въ состояніи. Затѣя Пушкина была обречена на неудачу. 16-го ноября Гречъ съ удовольствіемъ извѣщалъ Булгарина: „Все обстоитъ благополучно. Пушкинъ образумился и журнала, ни газеты издавать не будетъ".

Это — послѣднее извѣстіе объ изданіи Пушкина, какое мы находимъ въ письмахъ Греча. Такія же вѣсти шли и изъ другихъ источниковъ. 24-го ноября 1832 г. кн. Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу изъ Петербурга: „Пушкинъ единогласно избранъ членомъ Академіи, но чтобы не слишкомъ возгордился сею честью — вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Загоскинъ. Журналъ его рѣшительно не состоится, по крайней мѣрѣ на будущій годъ. Жаль. Литературная канальская шайка Грече-Булгаринская останется въ прежней силѣ".[1]) П. А. Плетневъ писалъ изъ Петербурга въ Швейцарію Жуковскому: „Изданіе газеты, о которой такъ хлопоталъ Пушкинъ еще при васъ, едва ли приведется въ исполненіе, хотя ему и дано на то право. Онъ болѣе роется теперь по своему главному труду, т. е. по исторіи, да кажется въ его головѣ и романъ копышется".[2])

Такъ угасало предпріятіе Пушкина.

Издавна онъ лелѣялъ мысль пріобрѣсти собственный литературный органъ, чтобы въ немъ, собравъ вокругъ себя дружный кружокъ лучшихъ литераторовъ, планомѣрно и настойчиво воздѣйствовать на русское общество въ смыслѣ оздоровленія литературныхъ нравовъ, углубленія литературной критики, а также пропаганды сво-

---

евскаго архива и по личнымъ воспоминаніямъ — Собраніе Сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 534.

1) Собр. сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 537.

2) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 521.

ихъ политическихъ взглядовъ, слагавшихся послѣ 1825 г. въ новомъ направленіи.

Но осуществить мысль оказалось очень трудно.

Для этого не хватало, во-первыхъ, практической опытности и навыковъ и достаточной житейской устойчивости. Пушкинъ самъ признавался: „мы слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ“.[1]) Его близкій пріятель и первый кандидатъ въ члены редакціи, князь П. А. Вяземскій, тоже не надѣялся, что имъ удастся аккуратно издавать, не то что ежедневную газету, — даже ежемѣсячникъ: „А о мѣсячномъ журнилѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни.“[2]) Затрудняло Пушкина также и хроническое безденежье. Въ отвѣтъ на извѣстія о Пушкинскомъ предпріятіи опытный литераторъ, С. Т. Аксаковъ, писалъ Погодину: „Пушкина газета съ большими замыслами выдается, но успѣха никто не надѣется; онъ еще не нашелъ себѣ хозяина по финансовой части“[3]). Потому то Пушкинъ съ такой поспѣшностью и неразборчивостью вошелъ въ соглашеніе съ Тарасенко-Отрѣшковымъ, когда тотъ обѣщалъ дать ссуду въ 2000 р. и принять на себя завѣдываніе хозяйственной стороной дѣла, а потомъ съ той же неразборчивостью велъ переговоры съ Гречемъ. Гречъ сразу оцѣнилъ практическую несостоятельность Пушкина, какъ журналиста, въ письмѣ къ Булгарину отъ 22-го іюня; когда переговоры съ Пушкинымъ растроились, онъ пренебрежительно писалъ: „Журнала Пушкина я не боюсь нимало: это будетъ хуже Сѣвернаго Меркурія“. Самъ Пушкинъ сознавалъ свою неподготовленность и,

1) VII, 262.

2) Собр. сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 536.

3) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 96—97; дата письма не отмѣчена.

прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, считалъ необходимымъ предварительно „осмотрѣться". Въ теченіе полутора года онъ все колебался [1]), въ какіе сроки выпускать свое изданіе, да такъ, кажется, и не рѣшилъ этого вопроса. То собирался онъ издавать ежедневную газету, то еженедѣльную Revue, то ежемѣсячный журналъ, то снова газету — по три раза въ недѣлю—, то „третейскій" журналъ-четырехмѣсячникъ, то опять возвращался къ ежедневной газетѣ.

Но эти препятствія не были труднѣйшими. Важнѣйшія затрудненія шли изъ другой области — правительственной. П. В. Анненковъ, излагая обстоятельства жизни Пушкина въ 1831 — 32 гг., утверждаетъ, что „Дворъ смотрѣлъ на Пушкина съ участіемъ и при всякомъ важномъ случаѣ его жизни доказывалъ это участіе несомнѣннымъ образомъ," и что обѣщаніе разрѣшить газету и, особенно, позволеніе работать въ архивахъ — даны были „съ явной охотой и благорасположеніемъ" [2]). Врядъ ли все это было такъ. Не вдаваясь здѣсь въ подробности отношеній Николая I и Бенкендорфа къ Пушкину [3]), отмѣтимъ, что начальство очень медлило съ зачисленіемъ Пушкина на службу и съ назначеніемъ ему жалованья, такъ что объ этомъ Пушкину приходилось осторожно — и, конечно, съ тяжелымъ чувствомъ — напоминать [4]).

Разрѣшеніе на газету также сопровождалось большой волокитой. До 27-го мая 1831 г. о разрѣшеніи Пушкину издавать газету говорилъ съ Бенкендорфомъ вліятельный при дворѣ Жуковскій; 27-го о томъ же письменно просилъ самъ поэтъ. Однако, удовлетворительнаго отвѣта не

1) VII, 466.

2) Анненковъ, Воспом. и очерки, III, 249, 250.

3) О нихъ въ записной книжкѣ Н. В. Путяты сказано: „Покровительство и опека И. Н. П. тяготили и душили" Пушкина („Русск. Арх." 1896, VI).

4) VII, 445; 465.

послѣдовало. Пришлось забѣгать за протекціей къ фонъ-Фоку, а потомъ снова ходатайствовать передъ шефомъ жандармовъ 22 — 23-го іюля. На этомъ мотивированномъ и столь благонамѣренномъ ходатайствѣ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „принять въ иностранную коллегію и позволить рыться въ архивахъ“. Но просьба разрѣшить періодическое изданіе осталась безъ отвѣта.

По смерти фонъ-Фока Пушкинъ очень сомнѣвался, что, вообще, можно получить такое разрѣшеніе [1]). Дѣло застыло надолго, до 1832 г. Въ этомъ году Пушкину удалось какъ то — и неожиданно для многихъ — получить „предварительное“ разрѣшеніе; пришлось представлять по начальству образцы газетнаго листа, образцы программы и газетныхъ статей — образцы благонамѣренности; послѣдовало утвержденіе Отрѣшкова въ званіи редактора. Но тотчасъ же дѣло опять затормозилось: надо было дожидаться Бенкендорфа изъ Ревеля и представленія образцовъ журнала самому Государю...

Политическіе взгляды Пушкина, какъ они сложились къ 1831 — 32 гг., были сами по себѣ достаточно, если не слишкомъ, „благонамѣренны“; на словахъ, въ своихъ оффиціальныхъ представленіяхъ, Пушкинъ шелъ еще дальше, обѣщая полную готовность писать все, что ни прикажетъ начальство. Однако, общій цензурный гнетъ того времени и личная хроническая заподозрѣнность Пушкина дѣлали недостаточными даже и эти великія жертвы. Въ бумагахъ поэта сохранился набросокъ программы и замѣтокъ по изданію газеты. Вотъ ихъ текстъ [2]): „Что есть журналъ Европейскій. Что есть журналъ рус-

1) VII, 438.

2) VII, 469. Впервые опубликованъ П. И. Бартеневымъ: „Программа журнала, набросанная Пушкинымъ около 1832 г.“ въ газ. „День“ 1861, № 2. Г. Бартеневъ замѣчаетъ, что Пушкинъ набросалъ программу на лоскуткѣ бумаги у С. А. Соболевскаго, съ которымъ совѣтовался объ изданіи, и отъ котораго набросокъ попалъ потомъ къ Бартеневу.

скій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія политическія. Полемика.

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. *Внѣшняя* литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор. матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

Пособія: Повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю Правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Оффиціальность".

Мы видимъ, какъ неопредѣленна и тускла эта „программа", какъ избѣгаетъ Пушкинъ намѣчать свои взгляды и какъ торопливо и настойчиво подчеркиваетъ онъ „оффиціальность" своей газеты и свою готовность служить правительству „орудіемъ его дѣйствія на общее мнѣніе". Такое политическое самосожженіе не дешево стоило Пушкину. Въ его бумагахъ сохранилось черновое письмо (М. П. Погодину?), въ Москву [1]). Здѣсь Пушкинъ говоритъ о своемъ литературномъ предпріятіи съ горькой ироніей. „Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St.-Pétersbourg, безъ правительственныхъ примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли; внутреннія извѣстія — о курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и проч. — Литературная часть: критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія

1) VII, 468. Письмо не имѣетъ хронологической даты; П. А. Ефремовъ относитъ его къ іюлю 1832 г.

статьи, удобо-помѣщаемыя на двухъ столбцахъ,—и выйдетъ газета немного хуже Сѣверной Пчелы. Вотъ Вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію — и успѣлъ. Остальное мало меня интересуетъ. Шутки въ сторону; отъ моей газеты я многаго не ожидаю: часть политическая будетъ офиціально ничтожна, литературная—существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещахъ, которыя никого не интересуютъ, начиная съ литераторовъ? Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ. Угождать публикѣ, восхищающейся пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого, — было бы слишкомъ низко. Печатать стихотворенія я въ ней не буду; и Богъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой, — на то проза-мякина“...

Такъ низко расцѣнивалъ Пушкинъ свое пріобрѣтеніе, за которое заплатилъ дорогою цѣною. Въ письмѣ онъ еще утѣшаетъ себя тѣмъ, что хотѣлъ „уничтожить монополію“ Греча-Булгарина и „успѣлъ“ въ томъ. Но это былъ только „насъ возвышающій обманъ“. Напротивъ, Пушкину пришлось не бороться съ монополіей, а идти къ ней на поклонъ. Здѣсь стоитъ нѣсколько остановиться на эпизодѣ переговоровъ Пушкина съ Гречемъ. Относительно Греча въ литературной традиціи установился нѣкоторый предразсудокъ: его считаютъ лучше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; полагаютъ, что въ его совмѣстной дѣятельности съ Булгаринымъ отвѣтственность за темныя продѣлки должна падать на Булгарина, а Гречъ былъ только невольнымъ свидѣтелемъ, зависѣвшимъ экономически отъ Булгарина. Такой предразсудокъ слагался въ литературныхъ кружкахъ еще при жизни Греча[1]) и не

1) Напр., въ 1832 г., на литературномъ вечерѣ у кн. П. А. Вяземскаго, обсуждался вопросъ, какъ „защитить честь русской литературы, униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкинскаго кружка болѣе, чѣмъ его пріятель. За Греча прорывались

безъ его личнаго дѣятельнаго участія. Въ отсутствіи Булгарина и когда можно было надѣяться, что это не дойдетъ до его ушей, Гречъ охотно разсказывалъ въ обществѣ анекдоты о Булгаринѣ, не жалѣя для него грязи и выставляя свое собственное нарочитое благородство.[1]) Однако, разница между двумя „разбойниками пера“ была невелика. Булгаринъ имѣлъ невозможный, „шальной“ характеръ, легко приходилъ въ свирѣпое раздраженіе (отъ коего бывалъ принужденъ избавляться ветеринарными мѣрами—кровопусканіемъ), въ такіе моменты допускалъ и въ литературѣ, и въ жизни невѣроятныя грубости; былъ чрезвычайно самолюбивъ и въ своихъ антикритикахъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, разъ его авторское самолюбіе было уязвлено. Гречъ былъ всегда уравновѣшенъ, политиченъ, не любилъ ввязываться въ литературную полемику, да и рѣдко выступалъ какъ авторъ, предпочитая редакторскую работу. Онъ, дѣйствительно, весьма зави-

---

изрѣдка и сочувственные отзывы“ (Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 584).

1) Это подмѣтилъ своевременно кн. П. А. Вяземскій и занесъ въ свои записныя книжки. Впослѣдствіи, переживъ своихъ современниковъ, Гречъ въ „Запискахъ“ своихъ не постѣснился забросать грязью одинаково какъ Булгарина, такъ и декабристовъ, самого себя выставляя въ особо благородномъ видѣ. Его измышленія, ошибки и наговоры не разъ были изобличаемы въ исторической литературѣ. См. рецензію на „Записки“ Греча А. Н. Пыпина („Вѣст. Европы“ 1886, VII, Литерат. Обозрѣніе, 408 — 413); также „Общественное движеніе при Александрѣ I“; В. Богучарскій, Изъ прошлаго рус. общества, ст. „Семейство Бестужевыхъ“; ст. Кропотова, — „Рус. Вѣстникъ“ 1869, III, 229 — 245; „Рус. Старина“ 1875, VII, 333 — 334, 352. Однако, легенда о сравнительномъ благородствѣ Греча предъ Булгаринымъ не исчезла до послѣдняго времени. У В. Гиппіуса читаемъ: „Извѣстно, что Гречъ былъ въ союзѣ съ Булгаринымъ по своей сердечной слабости, нуждаясь въ средствахъ для своей большой семьи, и не всегда былъ согласенъ съ нимъ, хотя и поддерживалъ его въ полемическихъ обстоятельствахъ; ни по душевнымъ своимъ свойствамъ, ни по литературнымъ пріемамъ онъ ничуть не походилъ на своего друга, отличаясь скорѣй благородствомъ и нѣкоторой серьезностью своей журнальной дѣятельности“ (Сборникъ „Памяти А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1900, стр. 264).

сѣлъ отъ Булгарина въ денежныхъ дѣлахъ, и изъ его неизданныхъ писемъ къ Булгарину видно, что ему часто приходилось бывать въ положеніи булгаринскихъ „илотовъ“, вродѣ Сомова, и просить извиненія тамъ, гдѣ онъ не чувствовалъ за собою вины. Впослѣдствіи онъ излилъ накопленную противъ Булгарина злобу въ своихъ „Запискахъ“, гдѣ не пожалѣлъ красокъ для изображенія „польскаго пса“, съ которымъ свѣковалъ свой литераторскій вѣкъ. Въ вопросахъ же литературной и общественной этики Гречъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Булгаринымъ. Онъ такъ же цинически смотрѣлъ на журналистику, какъ на „дойную корову“, такъ же ревниво оберегалъ „монополію“, такъ же охотно сносился съ полиціей, и „сколько бы Гречъ ни открещивался отъ Булгарина, онъ вынужденъ сознаться, что — „по товариществу“ — долженъ былъ поддерживать Булгарина въ его полемическихъ предпріятіяхъ“ [1]). Отъ Пушкина, разумѣется, не укрылось это тѣсное единеніе двухъ монополистовъ, и онъ отмѣчалъ его не однажды въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Вотъ образчикъ изъ „Торжества дружбы“ (1831): „Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, *сходствѣ душъ* и занятій *гражданскихъ* и литературныхъ... Единодушіе истинно трогательное“ [2]). А черезъ годъ послѣ этой утонченно-презрительной и злой статьи Пушкинъ уже искалъ согласія Греча на соиздательство.

Что побудило Пушкина къ этому?

Гречъ былъ образованный, опытный и дѣловитый

---

1) А. Н. Пыпинъ — „Вѣст. Евр.“ 1886, VII, Литерат. Обозр.
2) V, 559; курсивы наши.

старый журналистъ; у него было много литературныхъ и общественныхъ связей; онъ, наконецъ, владѣлъ собственной типографіей. Такой человѣкъ былъ бы, конечно, весьма полезенъ технически въ предпріятіи Пушкина.

Но, можетъ быть, у Пушкина былъ и другой разсчетъ. Онъ очень боялся, что его начинаніе не осуществится именно въ силу энергичнаго противодѣйствія „монополіи“. Переманивъ на свою сторону одного изъ монополистовъ, Пушкинъ могъ надѣяться ослабить это противодѣйствіе и, быть можетъ, подорвать совсѣмъ булгаринскія изданія. Однако, расчетъ не удался. Гречъ соглашался на предложеніе Пушкина. Соиздательство съ Пушнымъ подняло бы его собственный престижъ въ литературномъ мірѣ, бросило бы и на его имя отблескъ Пушкинской славы. Но Гречъ вовсе не думалъ порывать съ Булгаринымъ. Онъ не очень надѣялся на прочность и доходность пушкинскаго изданія и не рисковалъ потерять солидные доходы въ прежнихъ изданіяхъ. Съ первыхъ же словъ онъ поставилъ Пушкину условіемъ „неприкосновенность“ Булгарина и потомъ надѣялся, прибравъ къ рукамъ Пушкина и „его партію“, черезъ годъ соединиться съ Пушкинымъ и Булгаринымъ въ одной газетѣ. Предъ Пушкинымъ онъ, вѣроятно, изливался въ комплиментахъ, а за спиной цинически писалъ про него Булгарину: „На дураковъ надѣйся, а самъ не плошай“.

Въ своей погонѣ за „собственнымъ“ органомъ Пушкинъ, какъ мы видимъ, готовъ былъ идти на всякія сдѣлки съ правительствомъ и даже съ его рептиліями. Но тамъ и здѣсь онъ потерпѣлъ неудачу. При всей своей готовности къ компромиссамъ, Пушкинъ все же былъ для обѣихъ сторонъ человѣкомъ неблагонадежнымъ, неподходящимъ. Въ концѣ концовъ онъ и самъ понялъ это. Гоненіе на „Литературную Газету“, разгромъ „Европейца“, исторія съ „Анчаромъ“ и десятки другихъ фак-

товъ настойчиво свидѣтельствовали о томъ, что въ атмосферѣ, насыщенной страхами іюльской революціи и польскаго возстанія, трудно было издавать журналъ кому-либо иному, кромѣ прирожденныхъ Булгариныхъ,

Со стороны это было очевидно. Когда стало извѣстно, что изданіе Пушкина не состоится, Гоголь писалъ: „Газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше. Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться — значитъ помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ“ [1]).

---

1) „Рус. Арх.“ 1866, стр. 1728; перепечат. въ Письмахъ Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. I, 228. (Письмо изъ Петербурга къ И. И. Дмитріеву, отъ 30 ноября 1832 г.).

Очеркъ былъ уже совершенно законченъ, когда автору пришлось познакомиться со статьей Д. Н. Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Къ матеріаламъ для его біографіи“ („Историч. Вѣстникъ“ 1888, № 12, стр. 520 — 542). Г. Садовниковъ располагалъ цѣнными документами изъ архива поэта Н. М. Языкова, но использовалъ ихъ въ статьѣ весьма неудовлетворительно. Часто онъ пересказываетъ документы „своими словами“ или, воспроизводя текстъ писемъ, опускаетъ даты мѣста и времени написанія и т. д. Вслѣдствіе такой манеры многіе детальные вопросы остаются безъ отвѣта. Въ бумагахъ Языкова сохранилось нѣсколько писемъ русскихъ литераторовъ, 1832 года, гдѣ мелькаютъ интересныя сообщенія о газетѣ Пушкина. Вотъ они въ пересказахъ и цитатахъ Д. Н. Садовникова. „Лѣтомъ 1832 года распространился слухъ о томъ, что Пушкинъ хочетъ издавать газету. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату, что Государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія, что газета будетъ политико-литературная, что она разрѣшена, и Пушкинъ приглашаетъ въ нее его и П. Кирѣевскаго. Газета, по словамъ послѣдняго, должна была выходить ежедневно и быть величиною съ „Journal des Débats“. Братъ Языкова, Александръ Михайловичъ, радуется, что за изданіе газеты берется Пушкинъ, а не кто другой. „Она все же будетъ, пишетъ онъ Комовскому 13 сентября 1832 года, лучше „Молвы“ и „Пчелы“; а у насъ на Руси и за это слава Богу!“ 16 ноября Комовскій пишетъ, что Пушкинъ разладилъ съ Сомовымъ, и теперь „въ должность повѣреннаго облеченъ Наркизъ Отрѣшковъ“. „Для Пушкинскаго изданія вербуетъ онъ всѣхъ и каждаго, заводитъ типографію и въ то же время фабрику для немедленнаго перевода и изданія лучшихъ иностранныхъ книгъ“. „Получилъ и я вызовъ сдѣлаться фабричнымъ на заводѣ Отрѣш-

Но потребность воздѣйствовать на общество посредствомъ повременнаго изданія, такъ была сильна въ поэтѣ что мы черезъ четыре года видимъ Пушкина редакторомъ „Современника“.

А смерть уже стояла у порога.

кова. За симъ слѣдуетъ заключеніе такое: Пушкинъ и журналъ его, или газета его не иное что, какъ вздоръ! Но вотъ что было бы не вздоромъ, по крайней мѣрѣ для кармана Пушкина: Гречъ предлагаетъ ему по 1000 или по 1200 руб. въ мѣсяцъ, если онъ вступитъ въ „Сѣверную Пчелу“ и „Сынъ Отечества“ и слѣдовательно введетъ за собою и всю знаменитую ватагу. Не смотря на то Пушкинъ отказался, дабы не ѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринымъ. Это въ немъ похвально“.

Въ этихъ отрывкахъ любопытно сообщеніе Н. М. Языкова, что Государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія. Другіе источники совершенно замалчиваютъ этотъ фактъ (если только это фактъ, а не слухъ). Интересенъ также скептическій отзывъ Комовскаго, товарища Пушкина по Лицею, о литературномъ предпріятіи поэта. Можно думать, что въ бумагахъ Языкова, бывшихъ въ рукахъ Садовникова, были и другія цѣнныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу.

Н. Пиксановъ.

Шесть упраздненныхъ мѣстъ.

Прославленный именемъ Пушкина первый курсъ Царскосельскаго Лицея (1811—1817 г.г.) установилъ собираться товарищамъ ежегодно въ день основанія Лицея, 19-го октября.

Этотъ обычай приняли и послѣдующіе курсы, при чемъ каждый изъ нихъ собирался отдѣльно. Правило это соблюдалось столь строго, что когда бывшій директоръ Лицея, Е. А. Энгельгардтъ, въ 1836 году предложилъ воспитанникамъ первыхъ трехъ курсовъ, покинувшимъ при немъ Лицей, сойтись вмѣстѣ для празднованія дня двадцатипятилѣтняго юбилея, то осуществить эту мысль ему не удалось, несмотря на авторитетъ, которымъ онъ пользовался среди своихъ питомцевъ.

Порядокъ этотъ продолжался до начала шестидесятыхъ годовъ, когда ряды старыхъ лицеистовъ замѣтно порѣдѣли, и оставшіеся въ живыхъ воспитанники первыхъ VII курсовъ стали праздновать день 19-го октября, совмѣстно. Эти курсы имѣли то между собою общее, что въ ихъ время первоначальное устройство, данное Лицею, еще сохранялось. Онъ дѣлился на два класса (по три года въ каждомъ), начиная же съ VIII курса переформированъ былъ въ четырехклассное учебное заведеніе по полтора года въ каждомъ классѣ.

Годовымъ собраніямъ I курса, посвященнымъ, большею частью, воспоминаніямъ о времени пребыванія въ Лицеѣ, такъ называемымъ лѣтамъ или годамъ соединенія[1]), велись записи. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до настоящаго времени и частью извѣстны въ печати[2]).

Пушкинъ былъ желаннымъ участникомъ этихъ годовщинъ. Къ сожалѣнію, ему не часто удавалось проводить съ товарищами день 19-го октября: съ 1820 по 1826 онъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а въ слѣдующіе годы нерѣдко уединялся на осень въ деревню, утверждая, что въ это время года ему легче работается.

Въ относящемся къ 19-му октября 1831 года стихотвореніи его читаются слѣдующія строки:

Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья,
И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ,
Шести друзей не узримъ болѣ,
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой, —
И всѣхъ мы братски поминали.
И мнится, очередь за мной, —
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый...

Кто же были эти шесть умершихъ товарищей Пушкина?

Первымъ изъ нихъ сошелъ въ могилу Павелъ Николаевичъ Ржевскій. Выпущенный изъ Лицея съ правомъ

---

1) Ср. посланія Пушкина къ Кюхельбекеру и Пущину 1817 года и заключительную строфу стихотворенія „19-е октября 1825 года“.

2) В. П. Гаевскій. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время — „Отечественныя записки“ 1861 г., № 11, стр. 29 — 41, и Я. К. Гротъ. Пушкинъ. Его лицейскіе товарищи и наставники, изд. 2-ое., С.-Пб. 1899.

на чинъ офицера арміи, онъ не дождался производства и умеръ въ концѣ 1817 года.

„Военные наши, писалъ 20-го декабря Е. А. Энгельгардтъ, послѣ пятимѣсячнаго фрунтоваго курса, наконецъ попали въ офицеры, а бѣдный Ржевскій и до того не дожилъ; онъ умеръ отъ гнилой нервической горячки. Гробъ его понесли шесть изъ бывшихъ его товарищей[1])".

Ржевскій, по примѣру товарищей, писывалъ иногда кое-какіе стишонки. На него сочинена была въ Лицеѣ, зажиѣо, эпитафія-акростихъ, кончавшаяся такъ:

И онъ писалъ стихи, къ несчастію, безъ прока[2]).

Вслѣдъ за нимъ умеръ Николай Александровичъ Корсаковъ.

Еще въ Лицеѣ носилъ онъ въ груди зачатки сгубившей его болѣзни.

„Ѣду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ, — записалъ онъ 20-го ноября 1819 г. въ альбомъ Энгельгардта, — Богъ знаетъ, вернусь ли, Богъ знаетъ, увижу ль мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней подъ вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои были приписаны какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отческія попеченія и милости ваши ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душѣ моей, и что до послѣдней минуты будетъ помнить васъ вамъ сердцемъ преданный Н. К."[3]).

Но и пребываніе въ Италіи не спасло юношу: онъ скончался 26-го сентября 1820 года во Флоренціи.

„Корсаковъ, — говоритъ его товарищъ, баронъ М. А. Корфъ, былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестя-

---

1) См. мою статью: „Директоръ Царскосельскаго Лицея Энгельгардтъ и его питомцы" — „Вѣстникъ всемірной исторіи" 1900 г., № 1, стр. 94.

2) Гротъ, указ. соч., стр. 227; Дневникъ барона Корфа — „Русск. Старина" 1894 г., № 6, стр. 555.

3) Изъ альбома Энгельгардта — Отдѣленіе рукописей Имп. Публичной Библіотеки.

щихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при тосканской миссіи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ“ [1]).

Памяти Корсакова Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе „Гробъ юноши“ и одну изъ задушевныхъ строфъ въ своемъ „19-мъ октября 1825 г.“

Другой его товарищъ, несчастный В. К. Кюхельбекеръ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10-го ноября 1840 г., говорилъ, что и въ ссылкѣ „хранилъ онъ послѣднее письмо и манишную застежку, наслѣдіе Пушкина, и померанцевый листокъ, сорванный для него его сестрицей во Флоренціи съ гроба Корсакова“ [2]).

Въ концѣ 1830 года скончался Константинъ Дмитріевичъ Костенскій.

„Старика Костенскаго мы нынѣшнею осенью похоронили, — писалъ Е. А. Энгельгардтъ 22-го января 1831 г.; это былъ человѣкъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный“ [3]).

1831-ый годъ нанесъ первому лицейскому курсу три тяжкихъ удара.

14-го января этого года умеръ самый близкій Пушкину товарищъ, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

Вѣсть о смерти друга Пушкинъ получилъ въ Москвѣ. „Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье, писалъ онъ П. А. Плетневу 21-го января, — на другой день оно

---

1) Указ. дневникъ, стр. 552.
2) „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 2, стр. 0178.
3) Указ. моя статья, стр. 96.

подтвердилось. Вчера ѣздилъ къ Салтыкову[1]) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду; — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ".

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 31-го января, Пушкинъ говорилъ: „ Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я узналъ его въ Лицеѣ, — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ „что душу волнуетъ, что сердце томитъ". Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость, но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами".

Не суждено было осуществиться этому благому намѣренію. Гораздо позднѣе біографія Дельвига написана была лицеистомъ XIV курса В. П. Гаевскимъ въ рядѣ прекрасныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ „Современникѣ" за 1859—1860 г.г.

1) Тесть барона Дельвига.

Въ апрѣлѣ того же 1831 года кончилъ жизнь самоубійствомъ Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая о немъ замѣтка Б. Л. Модзалевскаго помѣщена въ изданіи „Пушкинъ и его современники“ (С.-Пб. 1904, II, 27—31). Къ ней приложены два портрета Есакова, изъ которыхъ одинъ изображаетъ его въ лицейской формѣ[1]).

Наконецъ, въ томъ же году умеръ шестой товарищъ Пушкина, Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ, прекрасный, по словамъ барона Корфа[2]), съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ. Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ, который въ Лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, вдругъ впалъ въ жестокую чахотку и скончался за границею, куда поѣхалъ на воды[3]).

При поминѣ этихъ шести, вѣчнымъ сномъ почившихъ товарищей, не обмануло Пушкина предчувствіе. Очередь, дѣйствительно, была за нимъ: скончался онъ седьмымъ лицеистомъ I курса, 29-го января 1837 года.

Послѣднимъ изъ 29 питомцевъ перваго курса умеръ, 27-го февраля 1883 г., князь А. М. Горчаковъ, которому Пушкинъ еще въ лицейскихъ своихъ стихотвореніяхъ предрекъ блестящую будущность. Ему выпало на долю исполнить завѣтъ Пушкина: подъ старость торжествовать одному день Лицея.

Князю Горчакову, проведшему большую часть своей дипломатической дѣятельности за границею, рѣдко удавалось участвовать въ товарищескомъ празднованіи го-

---

1) Работы какого то барона Корфа, какъ сказано въ этой статьѣ.

2) Указанный дневникъ его, стр. 554.

3) Онъ умеръ въ Гамбургѣ, гдѣ и похороненъ. Товарищъ Пушкина, графъ Сильверій Францовичъ Брогліо, уѣхавшій по выпускѣ изъ Лицея во Францію, сдѣлался, по словамъ И. И. Пущина, филэллиномъ, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Греціи и былъ убитъ тамъ въ 1829 году. Показаніе это, кажется, ошибочно. Въ войнѣ за независимость Греціи принялъ участіе и былъ въ 1827 г. убитъ графъ Андрей—Максимиліанъ Брогліо: Hoefer, Nouvelle biographie générale. Paris. 1863, VII, 481.

довщины. Но онъ помнилъ и чтилъ этотъ день. Извѣстно, что знаменитыя въ исторіи русскихъ международныхъ сношеній депеши князя, которыми Россія сложила съ себя обязательства, ограничивавшія ея морскія силы на Черномъ морѣ, подписаны имъ были въ Царскомъ Селѣ, въ 1870 году, 19-го октября [1]).

Д. Кобеко.

1) На это указано въ письмѣ Совѣта Лицея кн. Горчакову отъ 30 апрѣля 1877. См. книжку: „Стипендія Е. А. Энгельгардта въ Лицеѣ", изд. барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, С.-Пб. 1905, стр. 6.

А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ.

I.

Вопросъ объ отношеніи къ Пушкину его современниковъ, особенно современныхъ ему русскихъ поэтовъ, остается до сихъ поръ недостаточно разработаннымъ. Такъ, напримѣръ, еще недавно былъ поднятъ и дебатировался въ печати вопросъ объ отношеніи къ Пушкину одного изъ ближайшихъ его друзей — поэта *Е. А. Боратынскаго*. Небезынтересно будетъ, поэтому, разсмотрѣть отношеніе къ Пушкину еще одного поэта пушкинской эпохи, а именно *Полежаева*.

А. И. Полежаевъ, *столѣтняя годовщина рожденія*[1]) котораго приходилась въ 1905 году, былъ на шесть лѣтъ моложе Пушкина и пережилъ его всего на годъ, скончавшись 16 января 1838 года. Онъ началъ печататься одиннадцатью годами позже, чѣмъ Пушкинъ, былъ очевидцемъ появленія всѣхъ великихъ твореній своего геніальнаго современника и свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое они производили.

Оба поэта, Пушкинъ и Полежаевъ, вѣроятно, лично никогда не встрѣчались. Полежаевъ только одинъ разъ,

---

1) День и мѣсяцъ рожденія А. И. Полежаева остаются неизвѣстными.

еще будучи въ университетѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ къ своему дядѣ, Александру Николаевичу *Струйскому*, и пробылъ тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Пушкинъ неоднократно наѣзжалъ въ Москву, но, надо думать, ни разу не встрѣтился съ Полежаевымъ въ какомъ-либо обществѣ. Нельзя не отмѣтить, къ сожалѣнію, и того обстоятельства, что Пушкинъ, повидимому, не былъ знакомъ со стихотвореніями Полежаева, или, по крайней мѣрѣ, не счелъ нужнымъ о нихъ высказаться. Не упоминаетъ о Полежаевѣ ни разу Пушкинъ и въ своихъ письмахъ....

За то Полежаевъ всю жизнь оставался вѣрнымъ поклонникомъ пушкинской музы.

Мнѣнія Полежаева о Пушкинѣ тѣмъ любопытнѣе, что Полежаевъ по воспитанію, образу жизни и общественной своей средѣ совершенно отличался отъ Пушкина; вдобавокъ, Полежаевъ никогда не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному литературному кружку; въ своихъ сужденіяхъ онъ не былъ простымъ эхо другихъ какихъ-либо лицъ, тѣхъ или иныхъ вожаковъ кружка; онъ высказывался самостоятельно. На Полежаевѣ, стоявшемъ „въ сторонѣ отъ большого свѣта“, можемъ мы съ удобствомъ изучать, какъ отражалась поэзія Пушкина не въ ближайшихъ къ нему литературныхъ кругахъ, но на интеллигентной Россіи того времени вообще.

II.

Симпатій и интереса къ Пушкину Полежаевъ не могъ получить ни въ пансіонѣ, ни въ университетѣ, гдѣ дѣйствовали на каѳедрахъ враги новаго литературнаго направленія. Съ Пушкинымъ Полежаевъ, по всей вѣроятности, ознакомился рано, еще въ пансіонѣ Визара, не въ преподаваніи, конечно, а, такъ сказать, помимо школы,

контрабандой, и Пушкинъ несравненною легкостью своего стиха, вѣроятно, пробудилъ въ мальчикѣ 14 — 15 лѣтъ первое желаніе писать стихи, подбирать риемы, что̀ давалось Полежаеву безъ большого труда. Его первый же опытъ, появившійся въ печати, „Морни“ показываетъ большое мастерство и характерную для Полежаева твердую легкость стиха.

Въ то время, когда Полежаевъ былъ по одиннадцатому году привезенъ въ Москву и помѣщенъ у Визара, Пушкинъ уже началъ печататься. Пока Полежаевъ учился въ своемъ пансіонѣ — и даже за первые его годы въ университетѣ, Пушкинъ успѣлъ уже много напечатать, пріобрѣсти большую популярность своими печатными пьесами — и еще бо̀льшую и громкую извѣстность эпиграммами и другими стихотво̀реніями, распространявшимися въ *рукописи*, вслѣдствіе ихъ неудобства для печати, пьесами, носившими либо *эротическій*, либо *атеистическій*, либо *политическій* характеръ.

Эротическія, политическія и антирелигіозныя рукописныя пьесы Пушкина, запретный плодъ, контрабанда, должны были имѣть особенно притягательную силу для школьниковъ, для учащейся молодежи. Такъ, вѣроятно, впервые ознакомился съ Пушкинымъ и Полежаевъ. Знакомое уже имя поэта не могло не привлекать интереса и къ печатнымъ его произведеніямъ. До вступленія Полежаева въ университетъ появился уже Пушкинскій „Русланъ и Людмила“. Потомъ появляются „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, очень нравившіеся, какъ увидимъ ниже, Полежаеву. Далѣе появляются первыя главы „Евгенія Онѣгина“, вызвавшія уже со стороны Полежаева и подражаніе въ видѣ поэмы „Сашка“.

Весьма любопытнымъ вопросомъ, который мы, къ сожалѣнію, не въ силахъ разрѣшить, является слѣдующій: какъ познакомился Полежаевъ съ *Байрономъ*: черезъ Пуш-

кина или же самостоятельно, безъ его посредства? Но во всякомъ случаѣ, *благодаря* ли Пушкину, или же *вмѣстѣ* съ нимъ, хотя и независимо отъ него, Полежаевъ сталъ поклонникомъ Байрона, скорбѣлъ объ его смерти и завидовалъ его генію. Въ этомъ отношеніи Полежаевъ вполнѣ сходился еще съ однимъ своимъ современникомъ, земляком, московскимъ же поэтомъ и университетскимъ же вольнослушателемъ, Дмитріемъ Владимировичемъ *Веневитиновымъ*, который оплакалъ кончину Байрона въ особомъ циклѣ стихотвореній[1]).

Въ стихотвореніи „Арестантъ“ 1828 г. Полежаевъ говоритъ о себѣ:

„Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ
Главу достойную вѣнка,
И *Чайльдъ-Гарольдова* тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого“[2]).

Въ 1830 г., на Кавказѣ, въ поэмѣ „Эрпели“, п. VI, Полежаевъ, приступая къ описанію батальныхъ картинъ, заявляетъ:[3])

„Я долженъ здѣсь, какъ *Вальтеръ Скоттъ*
Или *Байронъ*, представить списокъ
Съ живыхъ, разительныхъ картинъ“.

Въ 1832 г., на Кавказѣ, же Полежаевъ пишетъ еще одну батальную поэму „Чиръ-Юртъ“, гдѣ во второй пѣснѣ онъ вспоминаетъ о Байронѣ и объ утратѣ, понесенной въ его лицѣ европейскою поэзіею[4]).

---

1) См. въ I томѣ моего сочиненія „Литература и Просвѣщеніе“.

2) Стр. 59. Цитаты приводятся по Ефремовскому изданію.

3) Стр. 274.

4) Къ Байрону же относятся еще у Полежаева: переводное стихотвореніе — отъ 1825 г. — изъ *Ламартина* „Человѣкъ. Къ Байрону“ (стр. 388—393) и одно мѣсто въ „Вѣнкѣ на гробъ Пушкина“, ч. II, стр. 437, котораго мы коснемся ниже. Спеціально объ отношеніи Полежаева къ байронизму мы трактовали въ особой брошюрѣ.

Пѣвецъ Гюльнары [1])! Для чего
Въ избыткѣ сердца моего,
Въ порывахъ сильныхъ впечатлѣній,
На зло природѣ и судьбѣ, —
Зачѣмъ *не равенъ* я тебѣ
Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
Тогда бы кистію твоей,
Всегда живой и благородной,
Я *тронулъ* съ гордостью свободной
Сердца холодныя людей.....
.....
Но ты, *пѣвецъ души и чувства*,
Умѣя смертныхъ презирать,
Ты намъ не передалъ искусства
Умы и души волновать!
Какъ непонятное явленье,
Исчезло міра изумленье —
Великій геній и поэтъ...
Осиротѣвшая природа
И новой Греціи свобода
Вѣщаютъ намъ: *Байрона нѣтъ!*“

Великое умѣнье рисовать батальные сюжеты, вѣроятно, Полежаевъ приписываетъ Байрону за его „Донъ-Жуана“, гдѣ въ пѣсняхъ VII и VIII много говорится объ Измаилѣ и взятіи его *Суворовымъ*. Полежаевъ изображаетъ байроновскую манеру такъ:

„Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразилъ бы я дѣла
Войны жестокой и кровавой:
Отважный *приступъ христіанъ*,
Злодѣевъ яростную встрѣчу,
Орудій громъ, пальбу и сѣчу,
И смерть, и кровь, и трепетъ ранъ...
Изобразилъ бы я страданье

1) Стр. 316 — 317.

Полуживого мертвеца,
И жилъ, и членовъ содраганье,
Его послѣднее дыханье
И чувства мертваго лица".

Полежаевъ называетъ здѣсь Байрона „пѣвцомъ Гюльнары". *Гюльнара* изображена у Байрона въ поэмѣ „Корсаръ". Но любопытно намъ, не заимствовалъ ли этотъ эпитетъ Байрона Полежаевъ опять-таки у Пушкина. Въ IV главѣ „Евгенія Онѣгина", строфа 37-я, Пушкинъ сообщаетъ, что

„Онѣгинъ жилъ анахоретомъ:
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ".....

III.

Самымъ вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Пушкина показалъ себя Полежаевъ въ своей поэмѣ „Сашка" въ двухъ частяхъ, писанной въ 1825 — 1826 гг. наканунѣ окончанія университетскаго курса и неожиданно обрушившейся на его голову грозной Царевой опалы. По формѣ эта поэма есть подражаніе „Евгенію Онѣгину". Каждый поэтъ изображалъ своего героя по своему. У Пушкина герой — „москвичъ въ Чайльдъ-Гарольдовомъ плащѣ;" Полежаевскій герой—забулдыга-московскій студентъ, неутомимо прокучивающій въ трактирахъ и веселыхъ домахъ, въ соотвѣтствующей компаніи, и дядины деньги, и собственное здоровье. Мы должны здѣсь подчеркнуть *двойственный* характеръ Полежаевской поэмы „Сашка". Съ одной стороны это — *пародія*, порой даже каррикатура на „Евгенія Онѣгина". Полежаевъ, какъ увидимъ ниже, иногда умышленно пародируетъ Пушкина, дѣлаетъ то, что̀ у Пушкина прилично, — неприличнымъ,

что̀ у того возвышенно, — забавнымъ и циничнымъ. Съ другой же стороны, „Сашка“ есть искреннее подражаніе, послѣдованіе *въ серьезъ духу* Пушкина, духу, выразившемуся какъ въ его „Евгеніи Онѣгинѣ“, такъ и вообще въ его рукописныхъ стихотвореніяхъ. Послѣднее касается всѣхъ неуважительныхъ замѣчаній Полежаева о предметахъ религіозныхъ, политическихъ, и объ явленіяхъ русской современной ему дѣйствительности. Самая циничность и безцеремонность картинъ въ „Сашкѣ“ есть отголосокъ цинизма юнаго шалуна Пушкина, обильно почерпавшаго въ свою очередь изъ французскихъ и итальянскихъ писателей — „сказочника“ *Ляфонтена*, *Аріоста* и т. д.

Нѣкоторое сходство сюжета между „Онѣгинымъ“ и „Сашкой“ заключается въ томъ, что у Пушкина герой ѣдетъ *изъ* Петербурга въ деревню къ больному *дядѣ*, похоронивъ котораго, онъ затѣмъ поселяется въ унаслѣдованномъ, дядиномъ имѣніи; у Полежаева же „Сашка“ ѣдетъ *въ* Петербургъ къ *дядѣ* послѣ безплодно проведенныхъ студенческихъ лѣтъ на судъ, остается у него на нѣкоторое время, а затѣмъ возвращается докучивать къ себѣ въ Москву. Съ „дяди“ начинается и та и другая поэма.

У Пушкина:

Мой дядя — самыхъ честныхъ правилъ.

У Полежаева:

Мой дядя — человѣкъ сердитый.

Мы не станемъ здѣсь производить полнаго анализа и подробнаго сравненія всѣхъ похожихъ мѣстъ въ обѣихъ поэмахъ. Ограничимся весьма забавнымъ, но не совсѣмъ удобнымъ для печати пародированіемъ у Полежаева поэтическаго воспоминанія Пушкина о петербургскомъ балетѣ. У Пушкина изображается вдохновенный танецъ знаменитой балерины *Истоминой*, у Полежаева выведена дѣвка *Танька*.

Пушкинъ.	*Полежаевъ.*
(„Евгеній Онѣгинъ“, гл. I, строфа XX).	(„Сашка“, ч. I, строфа XXVII).
Блистательна, *полувоздушна*,	.....*Полувоздушна*, Калипсо
Смычку волшебному *по-слушна*,	юная лежитъ,
Толпою нимфъ окружена,	.....грозному *послушна*,
Стоитъ Истомина; она,	Она и млѣетъ, и дрожитъ.
Одной ногой касаясь пола,	*Одна нога коснулась полу*,
Другою медленно кружитъ...	*Другая* нѣжно на отлетъ.
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ!	.....
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола,	.....
То станъ *совьетъ*, то *разовьетъ*	И вьется..
И быстро ножкой ножку бьетъ.	.....

Впрочемъ, какъ ни циничны многія картины Полежаева, нельзя все-таки не признать генетической связи между „Сашкой“ и какою-нибудь „Вишнею“ Пушкина, съ любовью культивировавшаго въ своей поэзіи и соблазнительные образы, и національное сквернословіе. Если Полежаевъ въ концѣ первой части „Сашки“ приглашаетъ „грусти и печали“ „летѣть“ къ....., то еще ранѣе его Пушкинъ отзывался объ Аракчеевѣ, что онъ достоинъ „смерти нѣмца Коцебу, а впрочемъ“..... и т. д.

Полежаевъ не послѣдовалъ благоразумному рѣшенію Пушкина (котораго тотъ, впрочемъ, и самъ не сдержалъ), въ „Городкѣ“, 1814 года, когда, обращаясь къ тѣни *И. С. Баркова* (Свистова), „дѣтины, который наполнилъ лишь собой тетради половину“, Пушкинъ восклицалъ:

„Твой даръ цѣнить умѣю,
Но здѣсь тебѣ не смѣю

Хвалы сплетать вѣнокъ:
Баркова должно слогомъ
Барковскимъ воспѣвать...
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать!“ [1])

„Евгенія Онѣгина“ Полежаевъ вспоминаетъ еще разъ въ своемъ кавказскомъ стихотвореніи „Къ друзьямъ“, писанномъ въ деревнѣ „Лысая гора“ [2]).

„Я пережилъ *мои* желанья“,
Я долженъ съ *Пушкинымъ* сказать:
„Минувшихъ дней очарованья“
Я долженъ вѣчно вспоминать.
.....
Я вѣчно помнить буду радъ:
„Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ“.

Три послѣднихъ цитированныхъ стиха находятся въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, гл. I, строфа 30-я. Стихъ „я пережилъ мои желанья“ взятъ изъ „Элегіи“ 1820 года [3]), писанной

---

1) Вмѣстѣ съ *П. О. Морозовымъ* („Вѣстникъ Европы“ 1899 г., № 8, стр. 865 — 866) и *Б. В. Никольскимъ* („Историческій Вѣстникъ“, т. 77, стр. 204) я отношу эти стихи къ *И. С. Баркову*. *Л. Н. Майковъ* въ своихъ примѣчаніяхъ (стр. 84 второго изданія сочиненій Пушкина, т. I) попытался указать подъ Свистовымъ не Баркова, а графа *Д. И. Хвостова*, потому что далѣе, въ „Городкѣ“, въ стихахъ 382 — 386, говорится опять о Свистовѣ и *утомительномъ* его чтеніи. Но Л. Н. Майковъ какъ бы забываетъ, что дѣло идетъ о содержаніи *„потаенной* сафьянной тетради, гдѣ были собраны „сочиненья, *презрѣвшія печать*“, т.-е. нецензурныя: политическія и эротическія, а именно, ненапечатанныя сатиры князя *Д. П. Горчакова*, „Видѣніе на берегахъ Леты“ *К. Н. Батюшкова*, „Опасный сосѣдъ“ *В. Л. Пушкина*, „Трумфъ“ *И. А. Крылова* и, наконецъ, барковщина. Какъ же въ эту компанію могъ попасть благонамѣренный Д. И. Хвостовъ, не занимавшійся ни эротикой, ни политикой?

2) Стр. 76 — 77.

3) Морозовскаго (перваго) изданія, т. I, стр. 238. У Пушкина: *„свои* желанья“.

за окончаніемъ „Кавказскаго плѣнника“ и носящей подзаголовокъ „Изъ поэмы „Кавказъ“.

Поэму Пушкина „Кавказскій Плѣнникъ“ Полежаевъ вспоминаетъ въ поэмѣ „Эрпели“, глава II[1]), разсуждая о разницѣ между Кавказомъ въ поэзіи и Кавказомъ въ неподкрашенной дѣйствительности.

„Не восхищался ли, какъ прежде,
Однимъ названіемъ: „Кавказъ“?
Не далъ ли крылышекъ надеждѣ
За чертовщиною летѣть,
Какъ то: черкешенокъ смотрѣть,
Плѣняться день и ночь горами,
О коихъ съ многими глупцами
По географіи я зналъ,
Эльбрусомъ, борзыми конями,
Которыхъ *Пушкинъ* описалъ,
И прочая.....“

IV.

Въ особенное волненіе привела Полежаева неожиданная смерть великаго поэта. Вѣроятно, подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства создалъ онъ интересное седмистишіе: „На смерть Пушкина“. Начало его съ союза „И“ какъ будто указываетъ, что сохранившееся есть только заключеніе цѣлаго большого стихотворенія. Эти стихи были отлитографированы съ автографа Полежаева подъ его собственнымъ портретомъ, изданнымъ въ 1838 году литографіею *Ф. Сиверса*. Здѣсь уже и самъ Полежаевъ изображенъ въ гробу: сказанное имъ о Пушкинѣ черезъ годъ пригодилось и для него самого. Основная мысль седмистишія та, что смерть поэта неожидана, что она преждевременна, ибо поэтъ былъ бы еще въ состояніи исполнить многое, и многое обѣщалъ. Самое стихотвореніе читается такъ:

1) Стр. 256.

На смерть Пушкина.

И поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла
Тогда, какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ *тьму надеждъ*, — тогда сразила
Его судьба.....[1])

Въ сборникѣ стихотвореній Полежаева, вышедшемъ черезъ четыре года послѣ его смерти подъ заглавіемъ „Часы выздоровленія“, куда вошло нѣсколько его неизданныхъ пьесъ, и представлявшемъ чью-то спекуляцію на имя поэта, было напечатано еще одно произведеніе Полежаева на смерть Пушкина подъ заглавіемъ „Вѣнокъ на гробъ Пушкина“, одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Полежаева, писанное имъ, вѣроятно, незадолго до собственной смерти. Здѣсь Полежаевъ пытается не только выразить свою скорбь въ сильныхъ стихахъ и пышныхъ образахъ, но и дать нѣкоторую оцѣнку литературной дѣятельности Пушкина, показать его значеніе для Россіи. Обратимся къ подробному обзору этого стихотворенія Полежаева.

„Вѣнокъ на гробъ Пушкина“[2]) состоитъ изъ шести отдѣльныхъ разнаго объема стихотвореній, написанныхъ различными размѣрами и, быть можетъ, даже въ различное время[3]).

Въ *первомъ* стихотвореніи изображается развитіе русской поэзіи до Пушкина.

„Давно ль тебя, о Русь“,
спрашиваетъ поэтъ,

---

1) Стр. 211; ср. стр. 534 и 540. Впрочемъ, замѣтимъ, что принадлежность этого стихотворенія Полежаеву не совсѣмъ установлена.

2) Стр. 435 — 442.

3) См. примѣчаніе г. Ефремова, на стр. 542.

„— изъ нѣдръ пустыни дикой
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій“?

Заслуга Петра заключается въ томъ, что „подъ знаменемъ *наукъ*, подъ знаменемъ *свободы* онъ новые создалъ великіе народы“. Тогда и „засіялъ ярко русской младой поэзіи вѣнокъ“

Услыша зовъ Петра, возникли первые писатели, и *Кантемиръ*, и *Ѳеофанъ Прокоповичъ*. Наконецъ, взгремѣла торжественная лира „холмогорскаго великана“, *Ломоносова*. Ея значеніе для русской литературы Полежаевъ характеризуетъ такъ:

И что за лира! *жизнь!* Ея златыя струны
Подъ смѣлой дланью рыбаря
Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
Стократъ Великаго Царя,
И кроткія твои дѣла, *Елизавета!*

Въ дальнѣйшемъ развитіи исторіи окрѣпъ „полміра властелинъ“ — Русь. Появились и новые пѣвцы, которые обрекли Русь

„Безсмертію вѣковъ и незакатной славѣ“.

То были великіе писатели: *Петровъ*, *Державинъ*, *Карамзинъ*.

Перечисливъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, предшественниковъ Пушкина, Полежаевъ во *второй* части своего „Вѣнка“ переходитъ къ изображенію тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ выступилъ „юный русскій соловей“, и того впечатлѣнія, какое его первые стихи произвели на современниковъ.

Появленіе Пушкина совпадаетъ съ дѣятельностью *Наполеона* и пѣснями *Байрона*.

Робко склонились подъ сѣнь эгиды „неодолимаго сына революцій“ — и пирамиды, и золотой куполъ Рима; смущенная Европа въ волнахъ кроваваго потопа страдала подъ пятой Бонапарта. Отважный, внѣ законовъ, украсилъ онъ дерзкое свое чело діадимою *Бурбоновъ*.....

Его дѣятельность встрѣчала себѣ въ литературѣ различную оцѣнку. Гимны звучные пѣвцовъ читали ему и приговоры, и одобренія вѣковъ. Всѣхъ замѣтнѣе выдѣлился въ эту эпоху одинъ поэтъ.

„И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословеній,
Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманной,
Твой дивный голосъ, о *Байронъ!*

Тогда въ садахъ Лицея расцвѣлъ и нашъ дивный корифей. Его младенческія руки умѣли рано исторгать гармоническіе звуки. Писалъ онъ, *шутя перомъ, играя лирой.* Его поэтическій ростъ Полежаевъ сравниваетъ съ ростомъ молодой пальмы на Іорданскихъ берегахъ, скрывающей высокую главу свою въ облакахъ. Пушкинъ сталъ могучъ, славенъ, великъ и возсоздалъ русскій языкъ.

„И другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній.
. . . . . .
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ“.

Третья часть полежаевскаго „Вѣнка“ изображаетъ расцвѣтъ дѣятельности Пушкина. И сталъ онъ пѣть, и все ему внимало. Поэзія Пушкина называется у Полежаева довольно мѣтко „нагою“, т.-е. реалистическою. Муза сопутствовала поэту во дворцы Царя, князей и вельможъ, входила вмѣстѣ съ нимъ и въ кабинеты ученыхъ и артистовъ, и въ залы, гдѣ софисты шумятъ, мѣняя истину на ложь. Поэзія нигдѣ и никогда не покидала Пушкина, смягчала ему гоненія судьбы, то славной, то коварной; она была въ тоскѣ съ нимъ и на пирахъ—и въ тѣ времена, когда онъ, унылый и печальный, прощался иногда съ Музой, ища

„Покоя, тишины“ —

и тогда, когда,

„какъ духъ, приникнувъ къ изголовью,
Она ему съ своей небесною любовью
Дарила неземные сны.

Когда же его *Муза*, утомясь минутнымъ упоеньемъ, смыкала очи, въ эти времена къ поэту слетала невидимая *Кліо*, богиня исторіи, съ правдивой повѣстью вѣковъ.

„И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
Онъ ваши тѣни изъ гробовъ“.

V.

Охарактеризовавъ и поэтическую дѣятельность Пушкина, и его исторически-научныя занятія, Полежаевъ въ *четвертой* части, въ прекрасныхъ стихахъ, переходитъ къ обрисовкѣ чувствъ, пробужденныхъ утратою великаго народнаго поэта.

„Гдѣ же ты, поэтъ народный“,

спрашиваетъ авторъ,

„Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ,
И могучій, и свободный,
Какъ суровый ураганъ?!“

Почитателямъ поэтическаго таланта Пушкина *не хватаетъ* тѣхъ наслажденій, къ какимъ они уже привыкли.

„Отчего же голосъ звучный, —
Голосъ, съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ *скучной*,
Охладѣлою душой,
Не владѣетъ нашей думой,
То *отрадной*, то *угрюмой*
По *внушенью* твоему?

Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?“

Поклонники Пушкина, превратясь въ безмолвное вниманіе, долго прислушивались къ рокотанью его стиховъ. Здѣсь Полежаевъ перечисляетъ тѣ произведенія Пушкина, которыя, повидимому, произвели на него особенное впечатлѣніе и казались ему наиболѣе великими: онъ называетъ Пушкина „пѣвцомъ *любви*, *тоски*, *страданій неизбѣжныхъ*“, пѣвцомъ „Людмилы и Руслана“, *Земфиры* (т.-е. „Цыганъ“), *Невскихъ береговъ* (т.-е. „Евгенія Онѣгина“) и *единственнымъ* пѣвцомъ волшебнаго („Бахчисарайскаго“) Фонтана“. Очевидно, послѣдняя поэма очень нравилась Полежаеву.....

Пушкинъ мчалъ, уносилъ по лону водъ мятежныхъ своихъ плѣнительныхъ стиховъ; его слушали томимые пріятнымъ содроганьемъ. Но вдругъ наступила катастрофа:

И Пушкинъ — трупъ! и Пушкинъ — прахъ!

Надъ его головой вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный. Пушкинъ — прахъ, и прахъ непробудимый! Современники были вдругъ поражены невольнымъ ужасомъ: угасъ и навсегда Державы Сѣверной баянъ, мильонами (!) любимый!

Послѣднее утвержденіе Полежаева, несомнѣнно, гиперболично: Пушкинъ въ то время не могъ имѣть *милліоны* почитателей.

Пятая часть „Вѣнка“ озаглавлена, какъ „Гимнъ смерти“.

„*Совершилось*: дивный геній —
Совершилось — славный мужъ
Незабвенныхъ пѣснопѣній
Отлетѣлъ въ страну видѣній,
Съ лона жизни въ царство душъ“.

Хотя для Пушкина все — и преждевременно! — окончено на землѣ, но на его челѣ *побѣдный* вѣнокъ.

„О, взгляните“, восторгается нашъ авторъ, „какъ свободно

Это *гордое* чело,
Какъ оно въ толпѣ народной
Величаво, *благородно*
Новой жизнью расцвѣло!

Пушкинъ палъ на землѣ, смерть уравняла его съ прахомъ, но за то въ небесахъ, подъ сѣнію Милосерднаго Творца, безъ печальнаго покрова встрѣтя его, жителя земного, знаменитаго пѣвца, —

„И Святое Провидѣнье
Слово *мира* изречетъ“.

Ему тамъ не поставятъ въ вину его смерть на поединкѣ, которую здѣсь, на землѣ, считаютъ за преступленіе, —

„И небесное прощенье,
Какъ земли благословенье
(за его стихи),
На главу его сойдетъ!“

Пушкинъ, какъ духъ безплотный, величавый, будетъ жить безсумеречною славой. онъ увидитъ яркій, свѣтлый день. Его торжественная тѣнь пробѣжитъ неугасимымъ окомъ милліонъ міровъ. Надъ облаками окружитъ его необозримый легіонъ *родственныхъ* ему тѣней поэтовъ, давно прославленныхъ вѣками; тамъ подойдутъ къ Пушкину и *Петраржа*, и *Тассо*, и, добыча казни, *А. Шенье*, котораго такъ любилъ Пушкинъ, и, наконецъ, съ улыбкою пріязни подастъ ему руку задумчивый *Байронъ*.

Послѣ этого Полежаевъ рисуетъ свои собственныя чувства къ Пушкину.

Всѣ въ изумленной Россіи, и старъ и младъ, предавъ великаго поэта холодной и нѣмой землѣ, оплакали его.

Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы[1]) жадный, преклонилъ колѣно предъ урною Пушкина. Правда, для Пушкина, *второго Анакреона*, готовятъ душистые вѣнки *великіе* поэты. Но Полежаеву вѣрится, что и его скромный „*вѣнокъ*“, благодаря глубокому и искреннему чувству, съ какимъ онъ сплетенъ, не будетъ поглощенъ волнами Леты съ самаго момента рожденія его:

„На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положилъ“.

Послѣдняя часть, *шестая*[2]), озаглавлена „Утѣшеніе“ и представляетъ собою четверостишіе, краткую, но очень сильную похвалу Государю Императору Николаю Павловичу.

„Надъ лирою твоей, разбитою, но славной“,

обращается поэтъ къ Пушкину:

„Зажглася и горитъ *прекрасная звѣзда!*“

Что же это за звѣзда? Полежаевъ мощно отмѣчаетъ то великодушное участіе, съ какимъ отнесся Царь и къ бѣдному Пушкину на одрѣ его смерти, и къ осиротѣвшей семьѣ его:

„Она (звѣзда) облечена щедротою державной
Великодушнаго царя!“

Благородное движеніе въ душѣ Монарха нашло себѣ благородный отзвукъ въ душѣ солдата-поэта!

VI.

А. Н. Пыпинъ, давая суммарную оцѣнку[3]) Полежаева, говоритъ, между прочимъ, объ отношеніи его къ Пушкину слѣдующее:

---

1) Любопытно, что въ эпиграфѣ къ „Сашкѣ“ Полежаевъ, однако, начинаетъ именно съ того, что онъ пишетъ „*не* для славы — для *забавы*“.

2) По предположенію г. Ефремова, позднѣе приписанная.

3) Въ статьѣ „Забытый поэтъ“, „Вѣстн. Европы“ мартъ 1889 г. стр. 196.

„Задатки *сильнаго* и *оригинальнаго* дарованія въ этомъ поэтѣ не подлежатъ сомнѣнію. *Бѣлинскій* вѣрно понялъ *самобытность* этого дарованія, которая у него, младшаго современника Пушкина, развивалась, однако, *независимо отъ вліяній великаго поэта*, овладѣвшаго *безраздѣльно* умами молодыхъ поколѣній. Недостатокъ или почти полное отсутствіе свѣдѣній не даетъ намъ возможности судить о ходѣ развитія Полежаева, но на самыхъ его стихотвореніяхъ мы видимъ, что онъ начинаетъ въ *старомодномъ стилѣ до-пушкинскихъ* временъ, но быстро переходитъ къ совершенно иному стилю содержанія и формы. Для своей шутливой поэмы, такъ печально рѣшившей всю его жизнь, онъ взялъ сюжетъ, выходившій за предѣлы литературы; но въ пріемахъ ея любопытенъ поэтическій реализмъ и легкій стихъ, какіе въ то время не были частымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Полежаевъ былъ, конечно, великимъ поклонникомъ Пушкина, но *онъ не былъ его ученикомъ*; его стихъ *не пушкинскій* и иными чертами скорѣе какъ бы приготовляетъ къ *Лермонтову*, а также и къ *Кольцову*. Тотъ же Бѣлинскій, отмѣчая примѣры этого смѣлаго, энергическаго, *своеобразнаго* стиха, видѣлъ въ немъ свидѣтельство сильнаго таланта“....

Мы никакъ не можемъ здѣсь согласиться съ почтеннымъ историкомъ. Ничуть не умаляя самобытности и дарованія Полежаева, мы, однако, не можемъ не назвать его именно *ученикомъ* Пушкина, а не только его великимъ поклонникомъ. Напрасно считать начальными опытами поэзіи Полежаева — составленныя имъ въ „старомодномъ“ стилѣ до-пушкинскихъ временъ — оды для университетскихъ актовъ. Эти оды были имъ писаны на заказъ отъ тогдашняго ректора университета, *А. А. Антонскаго-Прокоповича*[1]); писались онѣ по извѣстному, уже издревле устано-

1) См. въ нашей книгѣ „Изъ исторіи жизни и поэзіи Полежаева“, стр. 28 — 31.

вившемуся шаблону, съ опредѣленною цѣлью, и подвергались просмотру, а быть можетъ и поправкамъ начальства. Да если бы Полежаевъ и точно началъ въ старомодномъ, до-пушкинскомъ стилѣ, то подъ *чьимъ* же вліяніемъ онъ „быстро перешелъ къ *совершенно иному* стилю содержанія и формы", какъ говоритъ Пыпинъ? Это вліяніе могло быть и было только однимъ: то было вліяніе новаго стиля, созданнаго Пушкинымъ. Именно поэма „Сашка" была, какъ мы выше (стр. 87) говорили, сразу и подражаніемъ Пушкинскому „Евгенію Онѣгину", и пародіею-карикатурою на него. По духу же своему эта шутливая поэма была полнымъ отголоскомъ эротическихъ, политическихъ, антирелигіозныхъ и сквернословныхъ эпиграммъ, поэмъ, посланій и одъ молодого Пушкина. И если *точно* (?) поэма „Сашка" именно послужила причиною гибели Полежаева[1]), то значительная доля вины лежала въ данномъ случаѣ на совѣсти самого учителя. Не забудемъ, что вредное вліяніе стиховъ Пушкина сказалось въ Московскомъ Университетѣ еще тогда же въ одномъ случаѣ, а именно въ политическомъ дѣлѣ кружка братьевъ *Критскихъ* (1827 года), при чемъ основатель кружка, старшій братъ, *Петръ Критскій*, на слѣдствіи прямо показалъ, что къ мысли образовать кружокъ съ цѣлью борьбы противъ правительства онъ былъ приведенъ чтеніемъ *запрещенныхъ* стихотвореній Пушкина.

VII.

А. Н. Пыпинъ затрогиваетъ въ приведенной выше цитатѣ весьма любопытный вопросъ по исторіи русскаго стиха; онъ, повидимому, полагаетъ, что стихъ Поле-

1) См. на этотъ счетъ нашу книгу „Къ столѣтію годовщины рожденія А. И. Полежаева", Варшава. 1905 г.

жаева, — знаменитый двустопный, короткій, *риѳмованный* полежаевскій стихъ, — *совершенно* самобытенъ, не зависитъ въ своемъ возникновеніи отъ Пушкина и является предшественникомъ стиха Лермонтова и Кольцова.

Чтобы провѣрить такое мнѣніе, мы дали себѣ трудъ съ этой спеціально цѣлью просмотрѣть всѣ стихотворенія *Пушкина* (по первому изданію *П. О. Морозова*, томы I и II), *Лермонтова* (по изданію *П. А. Висковатова*, т. I) и *Кольцова* (по изданію *А. И. Введенскаго*) и позволимъ себѣ здѣсь привести результаты, которые намъ показались небезынтересными.

Нѣсколько великолѣпнѣйшихъ произведеній Кольцова писаны стихомъ на манеръ полежаевскаго, какъ напр.,

«Размоловка».

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Любви огонь
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало, ты —
Сестра и другъ!

и т. д. (1828 г., стр. 18).

Молитва.

Спаситель, Спаситель,
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
. . . . . .

(1836 г., стр. 95).

Пѣснь русалки.

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой

Веселый часъ.

Дайте бокалы,
Дайте вина!
Радость—мгновенье:
Пейте до дна!

(стр. 123).

Поминки.

(Памяти *Н. В. Станкевича*).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья.

(1840 г., стр. 140).

Такихъ примѣровъ можно набрать изъ Кольцова еще много; но дѣло въ томъ, что всѣ эти стихотворенія (за исключеніемъ „Веселаго часа", правда риѳмованнаго, но съ риѳмами бѣдными, въ родѣ „заря" и „друзья") писаны *бѣлыми*, нериѳмованными стихами, тогда какъ Полежаевскій стихъ именно поражаетъ неистощимымъ богатствомъ *риѳмъ*. Слѣдовательно, Кольцовскій стихъ совсѣмъ не относится къ нашему вопросу.

Обращаясь къ Лермонтову, мы находимъ у него всего только *пять* пьесъ, писанныхъ Полежаевскимъ короткимъ стихомъ:

Въ верху одна
Горитъ звѣзда;
Мой взоръ она
Манитъ всегда.

(1830 г., стр. 136).

Прощанье.

Прости, прости!
О сколько мукъ
Пропзвести
Сей можетъ звукъ!

Въ далекій край
Уносишь ты
Мой адъ, мой рай,
Мои мечты!

(1830 г., стр. 149).

Къ другу.

Забудь опять
Свои надежды:
Объ нихъ вздыхать —
Судьба невѣжды.
Она — дитя!
Не вѣрь на слово:
Она шутя
Полюбитъ снова.

(1831 г., стр. 202).

Юнкерская молитва.

Царю Небесный,
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня!

(1833 — 1834 г., стр. 242).

Волшебные звуки.

Есть рѣчи: значенье
Темно иль ничтожно, —
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

(1841 г., стр. 323).

Вотъ и всѣ примѣры.

Говорить о спеціальномъ вліяніи Полежаевскаго стиха на соотвѣтствующій Лермонтовскій стихъ тоже едва ли приходится.

Теперь обратимся къ Пушкину. Мы можемъ убѣдиться, что Пушкинъ писалъ короткимъ Полежаевскимъ стихомъ

до Полежаева[1]), и притомъ, что̀ интересно, — охотнѣе въ дни своей молодости — до 1824 г. Послѣ этого года имѣется только одинъ примѣръ отъ 1830 года.

Измѣны.

Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья,
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы!

(1812 г., стр. 2—4, т. I, напеч. въ 1815 г.).

Вишня.

Румяной зарею
Покрылся востокъ;
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

(1815 г., стр. 60—61).

Роза.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари!

(1815 г., стр. 95, напечатано въ 1826 г.).

Пушшевая пѣсня.

(изъ *Шиллера*).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

(1816 г., стр. 118).

---

1) Если поискать, то интересующій насъ размѣръ, конечно, отыщется у поэтовъ даже и до Пушкина!

Заздравный кубокъ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно,
Пѣною парной
Блещетъ вино.

(1816 г., стр. 119, напечатано въ 1827 г.).

Пробужденіе.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?

(1816 г., стр. 152 — 153, напечатано въ 1817 г.).

Адели.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.

(1822 г., стр. 281, напечатано въ 1824 г.).

Испанскій романсъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ,
Гвадалквивиръ.

(1824 г., стр. 307 — 308, напечатано въ 1827 г.).

Подражанія корану.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей

Святая лампада
До утра горитъ.
(1824 г., стр. 326, напеч. въ 1826 г.).

Я — здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
(1830 г., стр. 117 — 118 тома II-го).

Слѣдовательно, и въ исторіи специфическаго, короткаго двустопнаго Полежаевскаго риѳмованнаго стиха нельзя не признать Пушкина предшественникомъ и учителемъ московскаго пансіонера, Полежаева.

VIII.

Въ заключеніе нашего сопоставленія мы считаемъ необходимымъ указать на то, что, по нашему мнѣнію, Полежаева влекла къ Пушкину не одна слѣпая, инстинктивная *переимчивость*. Подражаніе Пушкину коренилось, на нашъ взглядъ, у Полежаева гораздо глубже, въ самой его *натурѣ*: Полежаевъ по силѣ поэтическаго вдохновенья и мастерству языка уступалъ Пушкину, но онъ былъ ему *конгеніаленъ*, онъ обладалъ натурою, схожею и родственною натурѣ Пушкина.

На Полежаева у насъ издавна установился совершенно неправильный и очень односторонній взглядъ: въ его стихотвореніяхъ хотятъ видѣть во что бы то ни стало исключительно либо *протестъ*, либо *плачъ* о своей погубленной долѣ. Если мы взглянемъ на дѣло шире, если примемъ въ расчетъ не нѣсколько, а *всѣ* его стихотворенія, отмѣтимъ не одну-двѣ, а и прочія струны его лиры, то должны будемъ придти къ инымъ заключеніямъ. Элементы плача и протеста попадаютъ въ поэзію Полежаева

извнѣ, благодаря внѣшнимъ вліяніямъ, въ силу неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и происшествій. Тамъ, гдѣ протестъ (какъ въ „Сашкѣ“) высказывается еще ранѣе постигшихъ Полежаева несчастій, этотъ протестъ есть чужое вліяніе, — и именно вліяніе *молодого* Пушкина. Тамъ же, гдѣ Полежаевъ высказывается независимо отъ внѣшнихъ вліяній и отдается вполнѣ внушеніямъ своей натуры, тамъ мы наблюдаемъ чрезвычайно любопытное явленіе: несмотря на болѣзненность своего физическаго организма, разрушеннаго раннимъ разгуломъ, въ душѣ своей поэтъ до конца дней остается свѣжимъ, *здоровымъ* и сильнымъ *реалистомъ*, объективно воспринимающимъ и точно воспроизводящимъ окружающую его дѣйствительность — вдобавокъ, съ большою наклонностью къ здоровому, безобидному, незатѣйливому *юмору*, безъ всякихъ претенціозныхъ „невидимыхъ“ слезъ за видимымъ міру смѣхомъ.

Юмористическія пьесы поэтъ нашъ писалъ до послѣднихъ дней. Ослѣпляемые неправильною тенденціею и при полномъ непониманіи основныхъ чертъ натуры Полежаева, критики либо молчатъ объ юмористическихъ стихотвореніяхъ, либо отзываются о нихъ презрительно, а редакторы изданій сочиненій Полежаева запрятываютъ эти пьесы въ самый конецъ*).

Эти же самыя черты — здоровый, мощный реализмъ въ соединеніи съ безобиднымъ здоровымъ юморомъ представляютъ собою именно наиболѣе характерныя черты *зрѣлаго*, мужественнаго Пушкина — онѣ то именно привлекаютъ насъ въ позднѣйшихъ твореніяхъ геніальнаго поэта, — и быть можетъ, мы среди русскихъ поэтовъ не найдемъ никого, кто бы по свойствамъ своей натуры

1) Такъ поступилъ и г. *Ефремовъ*. Впрочемъ, раздѣленіе стихотвореній Полежаева на отдѣлы въ его изданіи вообще лишено какого-нибудь руководящаго принципа и совершенно хаотично.

подходилъ къ Пушкину такъ близко, какъ именно Полежаевъ.

Этою конгеніальностью натуръ обоихъ поэтовъ всего лучше и объясняется тотъ фактъ, что внѣ всякаго знакомства, внѣ личнаго общенія съ Пушкинымъ и съ его ближайшимъ кружкомъ, одиноко стоявшій юный поэтъ Полежаевъ, къ сожалѣнію, чрезмѣрно поддался фатальному для него вліянію пушкинской музы ранняго періода — и въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что Полежаевъ не родился *позднѣе*, и что онъ со своею конгеніальностію Пушкину встрѣтилъ образцами — произведенія Пушкина — не зрѣлыя, а еще раннія, отъ которыхъ тотъ самъ потомъ нерѣдко открещивался. Отражая въ себѣ, съ одной стороны, вліянія иноземныхъ писателей и обветшалой русской словесности XVIII в., Полежаевъ, съ другой стороны, какъ въ фокусѣ собралъ и разрозненныя черты міровоззрѣнія молодого Пушкина, отрицателя-„аѳея“, въ своемъ первомъ крупномъ и очень оригинальномъ, но писанномъ небрежными стихами произведеніи „Сашка“. Но это весьма сильное пушкинское вліяніе ничуть не помѣшало Полежаеву отпечатлѣть въ той же поэмѣ индивидуальныя черты своего собственнаго таланта. Послѣ перелома въ судьбѣ Полежаева, послѣ 1826 года, дороги обоихъ поэтовъ расходятся, и Полежаевъ, оставивъ подражаніе, идетъ своимъ путемъ, поскольку вообще онъ продолжаетъ заниматься поэзіею, — хотя въ отношеніи формы и стиха остается все-таки ученикомъ Пушкина. Полежаевъ все время сохраняетъ добрыя и восторженныя чувства по отношенію къ своему прежнему образцу. Смерть Пушкина пробудила въ Полежаевѣ съ новою силою чувства преданности и поклоненія, и онъ, нося уже смерть въ собственной груди, излилъ свою скорбь въ рядѣ возвышенныхъ стихотвореній, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Вѣнка на гробъ

Пушкина". Таковы отношенія Полежаева къ Пушкину, поскольку мы можемъ опредѣлить ихъ на основаніи внимательнаго изученія сочиненій Полежаева и біографическаго о немъ матеріала.

Проф. *Е. А. Бобровъ.*

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Къ литературной исторіи двухъ мнимыхъ стихотвореній Пушкина.

Тяжелыя цензурныя условія, которыя болѣе вѣка свинцовою тучей висѣли надъ русскою литературой, всегда вызывали у насъ массовое появленіе „сочиненій, презрѣвшихъ печать“. Усиленное развитіе рукописной литературы, въ которой только и могло найти себѣ выраженіе свободное русское слово, обыкновенно совпадало съ періодами нараставшаго общественнаго возбужденія. Такъ было, напримѣръ, въ первую четверть прошлаго вѣка, когда въ рукописяхъ, въ безконечномъ количествѣ списковъ, расходятся по рукамъ и цѣлыя піесы, — какъ „Горе отъ Ума“ и „Трумфъ“, и большіе политическіе трактаты, какъ записки Мордвинова и Карамзина, и совершенно невинныя литературныя сатиры, какъ „Видѣніе на берегахъ Леты“ Батюшкова, и первыя, робкія еще попытки политической сатиры, какъ „Ночь“ князя Горчакова, и свободолюбивыя стихотворенія Пушкина и будущихъ декабристовъ. Среди этой запретной литературы произведенія чисто-скабрезныя, несомнѣнно, были въ значительномъ меньшинствѣ. Въ этомъ отношеніи очень ха-

рактерно показаніе самого Пушкина въ стихотвореніи „Городокъ“, въ которомъ онъ вкратцѣ перечисляетъ составъ завѣтной тетради, полученной отъ „двоюроднаго брата, драгунскаго солдата“. Въ ней были „Святки“ князя Горчакова, „Видѣніе“ Батюшкова, „Опасный сосѣдъ“ В. Л. Пушкина, „Трумфъ“ Крылова и — Барковъ, котораго Пушкинъ, для приличія, но вопреки требованіямъ риемы, называетъ Свистовымъ.

Многое въ этой литературѣ ходило безъ подписи и совершенно произвольно приписывалось тому или другому писателю. Пушкину не разъ приходилось открещиваться отъ такихъ литературныхъ „подкидышей“, какъ вольнолюбивыхъ, такъ и скабрезныхъ, но даже прямыя опроверженія поэта часто не приводили ни къ какому результату, и цѣлые сборники не принадлежащихъ ему произведеній продолжали ходить съ его именемъ по Россіи.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ обратить вниманіе на любопытную литературную исторію одного изъ такихъ мнимыхъ произведеній Пушкина.

Въ 1803 году Д. В. Давыдовъ написалъ басню „Рѣка и Зеркало“ [1]). Она обыкновенно признается подражаніемъ баснѣ Лафонтена, но мы нашли болѣе близкій ея источникъ. На самомъ дѣлѣ, это — почти дословный переводъ басни Сегюра „Дитя, Зеркало и Рѣка“. Въ „Новостяхъ русской литературы на 1802 годъ“ (IV, стр. 65 — 66) помѣщенъ такой ея прозаическій переводъ.

„Одинъ Калифъ вздумалъ наказать Мудреца за то, что онъ осмѣлился въ поучительномъ своемъ словѣ живо изобразить картину его легкомыслія, тщеславія и чуднаго нрава. При всемъ томъ, осужденному дозволено предъ казнію принесть оправданіе. И вотъ въ чемъ оное заклю-

1) См. „Русская Старина“ 1872 г., т. V, и „Сочиненія“ Давыдова, С.-Пб., 1893, т. I, стр. 14.

чалось: „Ребенку дурному, глупому и сердитому случилось однажды взглянуть на себя въ зеркало, и нелживое стекло точь въ точь показало ему безобразіе его. Дитя взбѣленилось, разбило зеркало въ мелкіе куски и думало, что такимъ удовлетвореніемъ сердца своего могло оно, истребя изображеніе, изгладить и свою отвратительную дурноту. Но зеркалу подобная поверхность чистыхъ струй вскорѣ показала ему то же самое безобразіе, тѣ же самыя черты; не въ силахъ будучи истребить цѣлой рѣки, оно растерзано было стыдомъ и горестію. — О вы, владыки народовъ! вы, коимъ дитя сіе служитъ въ образецъ! если токмо одинъ я былъ неложнымъ вашимъ зеркаломъ, такъ вѣдайте, что, наказавъ меня за вѣрность, остается потомство пространною для васъ рѣкою". — Говорятъ, будто эта притча столь усовѣстила Повелителя, что онъ простилъ Мудреца и даже наградилъ его; но мнѣ сдается, что онъ по крайней мѣрѣ хотя сослалъ его: а то бы и сущая правда походила на сказку".

Давыдовъ почему-то не смогъ или не захотѣлъ напечатать своей стихотворной передѣлки этой басни, и она была напечатана съ его именемъ только въ 1872 году. До этого времени она распространялась въ рукописи — и упорно приписывалась Пушкину.

В. А. Гольцевъ передалъ намъ старинный рукописный сборникъ со стихотвореніями Жуковскаго, Рылѣева, Пушкина и др. Одно изъ нихъ носитъ названіе „Деспотъ" и подписано именемъ Пушкина.

На самомъ дѣлѣ это — „Рѣка и Зеркало" Давыдова. Сравнительно съ текстомъ „Сочиненій" Давыдова нашъ сборникъ даетъ такіе варіанты:

1. Полною.
3. Любимца.
4. Взнести.
5. Сей предъ смертію не могъ, чтобъ не добиться.

6. Предстать передъ него.
7. Не милости просить, не плакать, не крушиться...
8. Правды онъ боится.
9. Хоть басню выслушать его.
10. Позволилъ — филосòфъ садится.
11. И басню эту говоритъ.
13. Увидя.
14. И въ злобѣ веселился.
15. Могъ онъ.
16. Но завтра же.
17. Въ рѣкѣ свой гнусный видъ.
19. Былъ въ душѣ и стыдъ, и страхъ скрывать.

Послѣ 19-го.

Сіе прилично сходство.

20 — 24. „Монархъ! Гнушайся! Для тебя
Я зеркало: разбей меня!
Рѣка — твое потомство!
Ты въ ней найдешь всегда себя!“
25. Эта рѣчь.
26. Ему велѣлъ и жизнь, и волю дать.
27. Позвольте! Виновать! Велѣлъ въ Сибирь сослать.

Эти варіанты, вѣроятно, восходятъ къ первоначальной редакціи перевода Давыдова.

Въ 1827 году возникло дѣло Леопольдова, которое грозило Пушкину большими непріятностями. У Леопольдова были захвачены рукописныя стихотворенія и среди нихъ — отрывокъ изъ „Андрэ Шенье“ съ особенно перепугавшею тогдашнія власти надписью: „На 14 декабря 1825 года“.

Въ сборникѣ Леопольдова Пушкину было приписано нѣсколько не принадлежащихъ ему стихотвореній, въ томъ числѣ „Бичь, басня“ — все та же басня Давыдова „Рѣка и Зеркало“ [1]).

---

1) См. „Всемірный Вѣстникъ“ 1905 г., сентябрь—октябрь, приложеніе („Дѣло о Пушкинѣ“, стр. 288 — 289).

Сравнительно съ текстомъ „Сочиненій“ Давыдова у Леопольдова встрѣчаются такіе варіанты:

3. Любимца.
5. Сей предъ смертію умѣлъ.
8. Правды онъ боится.
9. Хотя бы басню.
13. Увидя.
14. Веселиться.
15. Могъ онъ.
16. На утро же одинъ.
17. Въ рѣкѣ свой гнусный видъ.
19. Въ душѣ и страхъ, и срамъ питать.
20. Ахъ, это сходство.
21 — 22. Прилично ль для царя? Я — зеркало, меня разбей.
25. Такъ убѣдила.
28. Баснь.

Насколько сильна была въ литературныхъ кругахъ того времени увѣренность въ принадлежности этой басни Пушкину, можно видѣть изъ того, что въ своей рѣчи, произнесенной въ Брюсселѣ въ 1834 году[1]), знаменитый польскій историкъ и эмигрантъ Лелевель приписалъ Пушкину „сказочку“, которую будто бы великій поэтъ прислалъ царю „изъ глубины изгнанія“. Излагаетъ онъ ее по памяти, съ большими искаженіями, но въ ней легко можно узнать все ту же басню Давыдова.

„У одного короля былъ другъ, который давалъ ему добрые совѣты и говорилъ правду. Это такъ надоѣло королю, что онъ отдалилъ друга отъ себя. Отдѣленный отъ короля огромнымъ разстояніемъ, другъ уже не могъ подавать ему во-время совѣты, и вотъ онъ прислалъ ему зеркало, которое показывало пороки тѣхъ, кто въ него глядѣлся. Король, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія исправиться, взглянулъ какъ-то въ зеркало. Но вмѣсто того, чтобы измѣниться къ лучшему, онъ тутъ же

1) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1905 г., августъ, стр. 622.

такъ разсердился, что разбилъ зеркало. Оно разлетѣлось въ кусочки, и съ той поры каждый изъ этихъ осколковъ носитъ въ себѣ отдѣльное отраженіе пороковъ короля".

Издатели сочиненій Пушкина много разъ приписывали ему эпиграмму на брата, Льва Сергѣевича: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ"...

Въ своихъ рукописныхъ примѣчаніяхъ на одномъ изъ заграничныхъ изданій стихотвореній Пушкина князь П. А. Вяземскій[1]) усомнился въ принадлежности ея великому поэту: „Не должно быть Пушкина. Про брата не сказалъ бы онъ: „Нашъ пріятель"...

Въ своемъ послѣднемъ (Суворинскомъ) изданіи сочиненій Пушкина г. Ефремовъ (т. VII, стр. 199) прямо приписываетъ ее С. А. Соболевскому, хотя и не указываетъ своихъ основаній.

Мы разыскали ее въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1842 года (январь, стр. 22), безъ подписи, въ такомъ видѣ:

Нашъ пріятель Пустяковъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Вамъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка!

Сопоставленіе обычной редакціи этой эпиграммы съ разысканною нами можетъ привести къ двумъ выводамъ: или „Пустяковъ" было подставлено вмѣсто рукописнаго „Пушкинъ Левъ", или кто-нибудь (можетъ быть, тотъ же Соболевскій), ради шутки, замѣнилъ первоначальнаго „Пустякова" именемъ своего пріятеля. На первое врядъ-ли рѣшился бы тогдашній редакторъ „Русскаго Вѣстника",

1) См. „Старина и Новизна", кн. VIII, стр. 38.

Н. А. Полевой: въ то время онъ слишкомъ былъ вообще запуганъ, да подобная шутка съ Л. С. Пушкинымъ, при его извѣстной горячности, могла быть прямо опасна. Поэтому второе предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. Когда вмѣсто „Пустякова“ было вставлено имя брата поэта, — легко было приписать ему и самую эпиграмму.

II.

Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина.

Въ стихотвореніяхъ современниковъ Пушкина встрѣчается много указаній, интересныхъ для біографіи поэта или освѣщающихъ отдѣльныя мѣста его произведеній. Въ нашихъ сборникахъ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“ и „Puschkiniana“ (выпускъ I—II) имъ посвящено нѣсколько особыхъ отдѣловъ.

Послѣ напечатанія ихъ, нами найдено еще нѣсколько такихъ стихотвореній. Относящіяся къ Пушкину мѣста ихъ мы и приводимъ ниже.

Въ сборникѣ Григорія Ржевскаго: „Новыя басни и разныя стихотворенія“ (С.-Пб. 1827, стр. 43) напечатана „Записка, писанная къ А. С. Пушкину на Кавказѣ, у Горячихъ водъ, прежде, нежели онъ читалъ мнѣ стихи свои“:

Скажи ты, Пушкинъ, мнѣ, зачѣмъ тогда, когда насъ
Соединилъ Кавказъ,
И часто у меня бываешь,
Стиховъ своихъ ты не читаешь?
Причины я другой придумать не умѣлъ, —
Что скромность вышняго таланта есть удѣлъ.
Но, любопытствомъ побуждаясь,
Желалъ бы стѣнкою того покоя быть,
Гдѣ будетъ геній твой парить,
Въ разсказѣ громкомъ увлекаясь, —
Лишь могъ бы чувствовать и, слыша, не забыть!

Извѣстная эпиграмма Пушкина „Собраніе насѣко-

мыхъ“ вызвала въ „Сынѣ Отечества“ (1831 г., ч. 142, стр. 246) такую отвѣтную эпиграмму какого-то А. Б.:

Да, да, въ стихахъ моихъ знакомыхъ
Собранье мыслей — насѣкомыхъ!

Въ Москвѣ въ 1833 году какой-то И. И. Т. выпустилъ сборникъ „Уединенная лира, или собраніе различныхъ стихотвореній“. На стр. 240-й въ немъ напечатано стихотвореніе: „М. Л. Б.....вой съ препровожденіемъ третьей части Онѣгина“:

Татьяной стоитъ ли занять Россію?
И что Онѣгина дѣла?
Поэма Пушкина прелестнѣе бъ была,
Когда бы онъ воспѣлъ Марію!

Когда въ 1850 году Ф. П. Калинычъ, учившій Пушкина въ Лицеѣ чистописанію, праздновалъ свой юбилей, Свѣчинъ написалъ ему въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 44) стихотвореніе, которое начиналось такими словами:

Привѣтъ тебѣ, старикъ! Заботливо взрастилъ
Ты двадцать юныхъ поколѣній;
Писать безсмертнаго ты Пушкина училъ:
Хвала тебѣ!... Онъ геній!

Въ изданномъ за границей сборникѣ „Лютня“ (Лейпцигъ. 1874, II, стр. 215 — 217) напечатано очень интересное „Посланіе къ друзьямъ“ одного изъ декабристовъ (можетъ быть, В. Ѳ. Раевскаго). Значительная его часть относится къ Пушкину:

.....
Быть можетъ... О, молю душой
И силъ, и мужества отъ неба!
Уже судъ мрачнаго Эреба
Мнѣ жизнь, лютѣе смерти злой,
Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки
Подземныхъ стоновъ и цѣпей
И вздохи безпрерывной мукп;
Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей

Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
Полунагіе, полумертвы,
Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
Подъ адской ржавчиной оковъ
Сіи живущіе клевреты
Въ гнилой соломѣ тлѣютъ тамъ!
И не различны ихъ очамъ
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполлона,
Страстей высокихъ пылкій жрецъ,
Сей новый берегъ Ахерона,
Тѣней жилище, воспоетъ.
Сковала грудь мою, какъ ледъ,
Уже темничная зараза;
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа!
Грянь по струнамъ, — и Аполлонъ,
Оставя берегъ Альбіона,
Тебя, о юный Амфіонъ,
Украситъ лаврами Байрона!
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь —
Любовь ли пѣть, гдѣ брызжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое, съ улыбкой,
Терзаетъ насъ кровавой пыткой;
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху,
И гдѣ народъ, подвластный страху,
Не смѣетъ шопотомъ роптать?
Пора, друзья, пора воззвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить правы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше вѣче
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена.....

Вл. Каллашъ.

Замѣтка о Пушкинѣ изъ дневника Е. С. Телепневой 1827—28 гг.

Предлагаемая замѣтка о Пушкинѣ извлечена мною изъ рукописи, принадлежащей И. Н. Михайловскому въ г. Нѣжинѣ и носящей названіе: „Ежедневныя записки Русской путешественницы въ 1827—28 гг.“.

Записки эти состоятъ изъ 5 частей, каждая въ отдѣльной тетради, въ 4 д. листа. На заглавномъ листѣ первой части карандашомъ сдѣлана надпись: „Телепневой мнѣ отъ нея присланной на память. Н. Клемент.“ (слѣдуетъ росчеркъ). Записки писаны мужскою рукою; разговоры на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также слова и фразы на этихъ языкахъ — вписаны другою рукою, повидимому, женскою. Авторъ Записокъ въ разныхъ мѣстахъ сообщаетъ немногое о себѣ. Имя автора — Елена (II, 21 об.), отецъ ея назывался Сергѣй Стахѣевичъ (II, 21), мать — Александра Васильевна (тамъ же); отецъ Телепневой служилъ въ Петербургѣ (II, 93 об.), гдѣ Телепнева начала свое образованіе (III, 38). Изъ Петербурга родители Телепневой переѣхали въ деревню Саратовской губ. (II, 74), гдѣ провели 7 лѣтъ (I, 86).

вскорѣ сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ. Обѣ Ушаковы были красавицы, и къ старшей—Екатеринѣ—Пушкинъ питалъ, по словамъ племянника ея, Н. С. Киселева, нѣжное чувство. Ушаковы имѣли альбомы, въ нихъ вписывалъ Пушкинъ стихи, набрасывалъ рисунки и каррикатуры. Альбомъ младшей дочери, Елизаветы, сохранился съ рисунками Пушкина; альбомы старшей, по свидѣтельству Н. С. Киселева, „сожжены ея мужемъ Д. М. Наумовымъ, ревность котораго не пощадила этого драгоцѣннаго собранія“ [1]).

„Среда, 22 іюня 1827 г. Москва.

„Вчерась мы обѣдали у N****, а сегодня ожидаемъ ихъ къ себѣ; чѣмъ чаще я съ ними вижусь, тѣмъ болѣе онѣ мнѣ нравятся! Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положилъ оружіе свое у ногъ ея, то-есть, сказать просто, влюбленъ въ нее. Это общая молва, а гласъ народа—гласъ Божій. Еще не видавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребываніе свое въ Москвѣ только и занимался, что N****: на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только съ нею, а когда случалось, что въ собраніи N**** нѣтъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу задумавшись, и ничто уже не въ силахъ развлечь его!... Знакомство же съ ними удостовѣрило меня въ справедливости сихъ слуховъ. Въ ихъ домѣ все напоминаетъ о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненія, между нотами—„Черную шаль“ и „Цыганскую пѣсню“, на фортопіанахъ—его „Талисманъ“ и „Копѣечку“[?], въ альбомѣ — нѣсколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ

---

1) Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, С.-Пб. 1899, стр. 355 — 377.

безпрестанно вертится имя Пушкина. Признаюсь, я отмѣнно сожалѣю, что его теперь нѣтъ въ Москвѣ! Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно, видѣть генія — есть счастье, свыше ниспосланное, но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье!“ („Ежедневныя записки Русской путешественницы въ 1827 — 28 гг.“, ч. I, лл. 40 — 41).

В. Савва.

Часть „Ежедневныхъ записокъ Русской путешественницы въ 1827 и 1828 годахъ“ была напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1831 г. (ч. 139, стр. 3 — 17, 65 — 77, 121 — 138, 241 — 256 и 309 — 334, ч. 142, стр. 197 — 213 и 261 — 281 и ч. 143, стр. 3 — 21) и сопровождалась слѣдующей замѣткой Н. И. Греча: „Начинаемъ нынѣшній годъ Сына Отечества статьею, по справедливости достойною вниманія отечественной публики. Записки Русской путешественницы сочинены дѣвицею Еленою Сергѣевною Т-вою, скончавшеюся въ Прагѣ 18-го Августа 1828 г. Она отправилась въ 1827 году въ чужіе краи съ родителями своими, ѣхавшими туда для поправленія здоровья. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года она занемогла и скончалась на 20 году отъ рожденія. Смерть ея поразила родителей печалію невыразимою, безконечною и въ чужихъ людяхъ, успѣвшихъ съ нею познакомиться, возбудила чувство живѣйшаго сожалѣнія. Знаменитый Славянскій Филологъ Ганка сочинилъ Богемскіе стихи на преждевременную ея кончину [1]). Неутѣшные родители, предавъ чуждой землѣ драгоцѣнные останки, возвратились въ отечество“. Далѣе Гречъ говоритъ, что особы, читавшія Записки, убѣдили родителей опубликовать ихъ, и что онѣ печатаются „какъ онѣ были писаны, безъ малѣйшихъ поправокъ въ слогѣ. Исключены однѣ домашнія подробности, неважныя для публики“. Однако, при сличеніи любопытнаго мѣста записокъ, которое приводитъ г. Савва, съ тѣмъ, что напечатано въ „Сынѣ Отечества“, оказывается, что Гречъ выпустилъ не „однѣ домашнія подробности“: такъ, о посѣщеніи Ушаковыхъ находимъ здѣсь только слѣдующее: „Вчера обѣдали мы у Н. Въ этомъ домѣ коротко знакомъ нашъ великій поэтъ А. С. П. — Жаль, что его теперь нѣтъ въ Москвѣ, а въ этомъ домѣ я, конечно, могла бы его увидѣть. Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно; видѣть генія — есть счастье, свыше ниспосланное; но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье. Я видѣла мель-

1) Эти стихи Ганки: „Цвѣтокъ на гробъ Елены Сергѣевны Т...вой, скончавшейся въ Прагѣ 18 Августа 1828“ приведены въ переводѣ въ той же 139 части „Сына Отечества“, на стр. 51 — 52.

комъ Княгиню Зинаиду Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы" (ч. 139, стр. 134 — 135). Какъ видимъ, всѣ любопытныя подробности, касающіяся отношеній Пушкина къ семьѣ Ушаковыхъ, Гречемъ выброшены. — На стр. 124 — 126-й той же части „Сына Отечества" находимъ еще одно мѣсто Запискъ, относящееся, несомнѣнно, также къ Ушаковымъ: „Вчера, пишетъ Телепнева, мы обѣдали у С. А. Z-вой [1]), старинной пріятельницы маменькиной. У ней большое семейство: пять человѣкъ дѣтей; сынъ служитъ офицеромъ въ какомъ-то гусарскомъ полку; двѣ дочери считаются въ числѣ Московскихъ красавицъ. Онѣ мнѣ понравились, особливо, когда я съ ними ознакомилась. Сначала онѣ обошлись довольно сухо, гордясь, можетъ быть, своею красотой; по этому и я была очень холодна, но послѣ обѣда мы пошли въ садъ, разговорились про наше путешествіе; онѣ желали ѣхать въ Италію, а я говорила съ восхищеніемъ про Францію, про Лондонъ, про Англичанъ .... Потомъ возвратились мы въ горницу, сѣли подъ окошкомъ, стали говорить про Москву, про зимнія увеселенія, про коронацію, про красавицъ Московскихъ, про разныя гулянья, про Прѣсненскіе Пруды, на которыхъ былъ въ тотъ день большой съѣздъ. Тутъ услышали мы музыку. Онѣ предложили мнѣ ѣхать на ихъ гулянье, — такъ называютъ онѣ Прѣсненскіе Пруды, ибо этотъ садъ недалеко отъ нихъ. Входимъ. Садъ былъ наполненъ гуляющими, tout le beau monde de Moscou. Дамы, въ прахъ разряженныя, мужчины, по большей части въ черныхъ фракахъ; военныхъ очень мало. Подходимъ къ кофейному дому; предъ нимъ сдѣланы въ нѣсколько рядовъ скамьи, и наши хозяйки, вмѣсто того, чтобъ идти далѣе, усѣлись тутъ, взяли лорнеты и стали разсматривать какъ гуляющихъ, такъ и сидящихъ. Мнѣ показалось скучно сидѣть на одномъ мѣстѣ и глядѣть на особъ, которыя, будучи мнѣ незнакомы, нисколько меня не интересовали и казались выпускными куклами, ибо, не говоря ни слова, кивали другъ другу головами. Итакъ, простившись съ новыми пріятельницами, мы отправились домой". — Въ запискахъ, подъ 30-мъ мая 1827 г., занесены слѣдующія строки о свиданіи, въ Тамбовѣ, съ Баратынскимъ: „Сей часъ у насъ былъ Е. А. Б. Какъ мнѣ пріятно было его видѣть! Онъ Сочинитель, я его знала еще маленькая. Онъ много претерпѣлъ непріятностей, даже, можно назвать, несчастій. Мать его препочтенная женщина. Прежде маменька была съ ней знакома; но несчастіе сына такъ ее убило, что она никуда не выѣзжаетъ. Сестры его, говорятъ, тоже премилыя дѣвушки. Они всѣ теперь проѣздомъ здѣсь и остановились въ томъ же самомъ трактирѣ, гдѣ мы". —

Отецъ Е. С. Телепневой (родившейся 25-го мая 1809 г.), Сергѣй Стахѣевичъ, былъ сыномъ генералъ-лейтенанта Стахѣя Никитича и жены его Анны Сергѣевны (ум. въ 1831 г.; кн. П. И. Шаликовъ посвятилъ ей посланіе — см. „Сочиненія" его, изд. 1819 г., ч. II, стр. 49), въ молодости былъ принятъ „какъ родной" въ домѣ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, затѣмъ служилъ въ Петербургѣ до чина колл. совѣтника, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи — Молчановкѣ, Саратовской губер-

1) Ушакову - мать звали Софья Андреевна.

ніи. Объ отъѣздѣ его за-границу съ женой—Александрой Васильевной, и дочерью Еленою, дѣв. Августою Людвигъ (дочерью доктора философіи) и 4 крѣпостными людьми мы нашли объявленіе въ „Моск. Вѣдом.“ 1827 г. (15-го іюня), № 48, стр. 1940. Замѣтка Телепневой о Пушкинѣ весьма любопытна по нѣкоторымъ подробностямъ, рисующимъ отношенія поэта къ семейству Ушаковыхъ.

Б. М-ій.

Пушкинъ и Радищевъ.

Въ своемъ „Путешествіи“, въ главѣ „Софія“, Радищевъ высказываетъ замѣчательно вѣрное мнѣніе о характерѣ русскихъ народныхъ напѣвовъ. Это мнѣніе неоднократно повторялось Пушкинымъ.

Радищевъ:

„Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго“.

Пушкинъ:

„Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ!“

Домикъ въ Коломнѣ, стр. XXIX.

„Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки

молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный".

„Мысли на дорогѣ, IV, Черная Грязь".

Извѣстно, какъ поучительно оказалось для Пушкина мнѣніе Радищева о Тредьяковскомъ[1]), который въ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ молодые годы, служилъ для нашего поэта исключительно предметомъ порицанія и насмѣшекъ. Въ статьѣ „Мысли на дорогѣ" Пушкинъ уже признаетъ достоинства и заслуги Тредьяковскаго. Очевидно, въ мнѣніяхъ его въ этомъ отношеніи произошолъ полный переворотъ. О „Телемахидѣ" онъ отзывается выраженіемъ, очень близкимъ къ выраженію Радищева.

Радищевъ:

„Въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы" („Путешествіе"... С.-Пб. 1905, стр. 196).

Пушкинъ:

„Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся".

(„Мысли на дорогѣ, III, Ломоносовъ").

Между тѣмъ, вотъ какъ, напр., раньше отзывался Пушкинъ о Тредьяковскомъ:

Желѣзное перо скрыпитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спонден жесткіе и дактили тугіе...

(*„Къ Жуковскому"*).

Мы не вдадимся въ дальнѣйшее сравненіе взглядовъ Пушкина и Радищева (что было бы трудомъ не без-

1) См. *В. Е. Якушкинъ*. Радищевъ и Пушкинъ. М. 1886, стр. 23.

плоднымъ): наша цѣль была лишь обратить вниманіе на мелочи, которыя рѣзко бросаются въ глаза.

В. Чернышевъ.

4. I. 06.

Пѣсня Варлаама.

Немногимъ извѣстна пѣсня:

„Какъ во городѣ было во Казани,
Молодой чернецъ постригся"...—

которую поетъ Варлаамъ въ „Борисѣ Годуновѣ", въ сценѣ: „Корчма на Литовской границѣ". Да трудно ее и найти. Это „монашеская", „чернеческая" пѣсня, а собранія такихъ пѣсенъ у насъ не имѣется. Поэтому данную пѣсню мы не отыщемъ ни у Соболевскаго въ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ", ни у Шейна, предполагавшаго печатать „чернеческія" пѣсни во II томѣ своего „Великорусса", до изданія котораго онъ не дожилъ.

Даже въ оперѣ Мусоргскаго „Борисъ Годуновъ", составленной, какъ заявлено композиторомъ, „по Пушкину и Карамзину", въ уста Варлаама вложена пѣсня о взятіи Казани вмѣсто той народной, которую долженъ былъ имѣть въ виду Пушкинъ (См. либретто оперы, С.-Пб. 1901, стр. 16).

Предлагаемъ здѣсь два варіанта этой пѣсни: одинъ, извлеченный изъ пѣсенника Новикова 1780 года, другой по современной намъ записи во Владимирской губ.

Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Здунинай, най, най во Кизанѣ,
Молодой чернецъ постригся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за воро́та,
За воро́тами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ стары бабы;

Ужъ какъ тутъ чернецъ не взглянетъ,
Чернечище клабучище принахлупилъ.
Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Молодой чернецъ постригся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за воро́та,
За воро́тами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ молодицы;
Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
Чернечище коблучища(!) приподниметъ.
Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Молодой чернецъ постригся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за воро́та,
За воро́тами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ красны дѣвки;
Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
Черночище(!) клабучища долой сброситъ,
Ты сгори моя скучная келья,
Пропади ты мое черное платье,
Ужъ какъ полно мнѣ добру молодцу спасаться
Не пора ль мнѣ добру молодцу жениться,
Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ.

(Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ... Ч. IV. Въ Москвѣ... у Н. Новикова, 1780, № 149).

Какъ во славномъ городѣ во Казани,
Середь ярманки на базарѣ
Тута новай монастырь заводился,
Молодой-ли чернечушка подстригся,
Онъ подстригся, подстригся, подстригался.
Захотѣлось чернечищу погуляти,
По заулкамъ, переулкамъ полятати,
Что за тѣ ли за широкіи ворота.
За воротами бесѣдушка сидѣла.
Во бесѣдѣ-то сидѣли стары бабы.
Чернечище каблучище [1]) принахлюпилъ [2]);

1) Вмѣсто: клобучище.
2) Надвинулъ на лицо.

Принахлюпилъ, принахлюпилъ,
Самъ не взглянетъ.
Какъ во славнымъ городи въ Казани....

(Далѣе повторяюся слѣдующія до этой 8 строкъ).

Во бесѣдѣ-то сидѣли красны дѣвки,
Красны дѣвки, раскрасавицы (—).[1])
Чернечище каблучище приподыметъ,
Приподыметъ, самъ онъ взглянетъ.
Онъ пошолъ, подошолъ къ красной дѣвкѣ,
Онъ взялъ-то ее за ручку,
Онъ повелъ да повелъ въ нову келью.
Ты сгори-тко, сгори-тко, нова келья,
Изотлей-ка, черная ряса.

(По записи солдата изъ с. Константиновскаго, Александровскаго у. Владим. губ., сдѣланной для меня въ 1888 году).

Пѣсня эта „хороводная“ [2]) и, очевидно, „игровая“, — т.-е., при пѣніи ея на средину круга выходитъ молодецъ, который изображаетъ дѣйствія чернеца. Главныхъ дѣйствій три: 1) при видѣ старыхъ бабъ, 2) при видѣ молодицъ, 3) при видѣ красныхъ дѣвокъ. Лучшіе варіанты этой пѣсни и содержатъ три куплета, какъ приводимый нами Новиковскій. Во второмъ варіантѣ не достаетъ втораго куплета [3]).

Удалая пѣсня о монахѣ — любителѣ гулять съ красными дѣвками, конечно, гораздо болѣе идетъ къ Пушкинскому Варлааму, чѣмъ героическая пѣсня о взятіи Казани. Что ему Казань?

В. Чернышевъ.

4. I. 06.

---

1) Какое-то слово пропущено; м. б., „дѣвицы“.

2) Такое указаніе имѣется, напримѣръ, у *Мельникова* (Полное собраніе сочиненій. СПБ. 1897. Т. II. Стр. 326).

3) Пѣсня эта живетъ также и въ Нижегородской губ., гдѣ она записана, вмѣстѣ съ напѣвомъ, для Пѣсенной Коммиссіи И. Р. Географическаго Общества, Ѳ. И. Покровскимъ и покойнымъ И. В. Некрасовымъ.

Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина.

Покойный профессоръ Новороссійскаго Университета А. И. Маркевичъ въ „Пушкинскихъ“ замѣткахъ позволяетъ себѣ сомнѣваться въ томъ, „правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ разсказѣ Григорія („Борисъ Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ“. Хотя знаки здѣсь разставлены точно такъ же, какъ „и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина“, но смыслъ текста заставляетъ автора замѣтки находить ошибку у Пушкина, которую и предлагается исправить.

Именно, теперь печатается:

Григорій.

...Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, и т. д.

А. И. Маркевичъ предлагаетъ иную разстановку знаковъ, при которой, по его мнѣнію, „получается образъ, гораздо болѣе естественный:“

.....съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

(*Пушкинъ и его современники*. Выпускъ III. С.-Пб. 1905. Стр. 105 — 106).

Не можемъ признать въ данномъ случаѣ поправку общепринятаго чтенія удачной. Всѣ читаютъ: „видѣлась Москва, что муравейникъ“. Москва — городъ, дома, постройки, которые многочисленны, часты, лѣпятся другъ къ другу. Они, будучи наполнены массой движущагося народа, сравниваются съ муравейникомъ, оживленнымъ жилищемъ муравьевъ.

А. И. Маркевичъ предлагаетъ читать: „что муравейникъ, внизу народъ на площади кипѣлъ“, гдѣ получается сравненіе народа съ муравейникомъ. Такое сравненіе будетъ грѣшить своею неестественностью. Народъ, толпу можно сравнивать только съ муравьями, но не съ кучей, представляющей ихъ городъ.

Изъ современныхъ писателей подобное мѣсто мы находимъ у Мамина-Сибиряка: „Скоро весь *мысокъ* (лѣса) запестрѣлъ дѣтьми, *какъ муравейникъ*“. Оно говоритъ противъ предлагаемой поправки.

Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 г., ч. I, стр. 5, находимъ знакъ препинанія (двоеточіе), тоже не оправдывающій поправку:

Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:
Внизу народъ на площади кипѣлъ...

Въ варіантахъ даннаго мѣста, напечатанныхъ у П. А. Ефремова (Соч. А. С. Пушкина, СПб., 1905. VIII. 407), мы видимъ послѣ слова „муравейникъ“ даже точку, поставленную, вѣроятно, не безъ фактическихъ основаній:

И вйдѣлъ я Москву, какъ муравейникъ.
Народъ, шумя, на площади кипѣлъ...

Но въ замѣчаніяхъ покойнаго профессора вѣрно то, что самъ поэтъ не всегда хорошо разставлялъ знаки препинанія, и въ современныхъ ему печатныхъ текстахъ его сочиненій кое-гдѣ можно бы было предложить лучшее чтеніе.

Приведемъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ того, какъ разставлены иногда знаки въ „Борисѣ Годуновѣ“, по Петербургскому изданію 1831 года.

Старикъ сидитъ, да пишетъ (15 стр.).

Велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать (34 стр.).

Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь (38 стр.).

Во время чтенія, Григорій стоитъ, потупя голову, съ рукою за пазухой (43 стр.).

Въ современномъ Пушкину изданіи „Кавказскаго Плѣнника“ встрѣчается, напр., такое мѣсто, которое, относительно поставленнаго знака, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе:

Но мощный конь его — стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

(*Кавказскій Плѣнникъ*, повѣсть. Соч. А. Пушкина. С.-Пб. 1822. Стр. 22).

Также необычна пунктуація и здѣсь: Уста, безъ словъ, роптали пѣни (Кавк. пл. 35)[1]).

Впрочемъ, издатели сочиненій Пушкина должны обвиняться не въ томъ, что они не исправили кое-какихъ неудачныхъ въ отношеніи пунктуаціи мѣстъ Пушкинскаго текста, но въ томъ, что они производили сплошь и рядомъ исправленія неосторожныя и неудачныя, обнаруживая собственную небрежность, непониманіе Пушкинскаго текста, плохое значеніе правилъ современной и старой, временъ Пушкина, пунктуаціи.

---

1) Конечно, неудачность Пушкинской пунктуаціи во многихъ случаяхъ является лишь кажущеюся. Несомнѣнно, что его знаки препинанія часто обозначаютъ не только раздѣленіе синтактическихъ частей, какъ это принято въ нашемъ письмѣ, но также паузы и интонацію живой рѣчи. Въ этомъ отношеніи пунктуація Пушкина даетъ чрезвычайно важныя показанія особенностей русскаго произношенія и пріемовъ наиболѣе выразительнаго чтенія даннаго текста. Съ этихъ точекъ зрѣнія пунктуація Пушкина нуждается не въ исправленіи, а въ самомъ внимательномъ изученіи.

Такъ, въ Морозовскомъ изданіи 1887 восклицательныя и вопросительныя фразы Пушкина передѣланы, вслѣдствіе перемѣны знаковъ, на повѣствовательныя въ слѣдующихъ примѣрахъ:

. . . Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?

— „Я? писалъ на тебя доносы?“ — отвѣчалъ Савельичь со слезами... (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 98).

Здѣсь г. Морозовъ (IV. 212) пропустилъ знакъ вопроса послѣ слова „Я“; можетъ быть, счелъ его ошибкой?

Я тебя, стараго пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. (Та же страница).

У Морозова вмѣсто восклицательнаго знака — запятая (IV. 212).

Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный! (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 196).

У Морозова на концѣ фразы просто точка (IV. 264).

Въ этихъ случаяхъ испорчены и смыслъ, и выразительность Пушкинскаго текста.

Во многихъ случаяхъ издатели ставятъ неправильно свои запятыя, когда ихъ нѣтъ у Пушкина, или уничтожаютъ поставленныя имъ безусловно вѣрныя запятыя. Напримѣръ, въ *Современникѣ* 1836 г., № 4, стр. 115 [1]):

Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ...

Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

У Морозова почему-то уничтожены необходимыя запятыя послѣ словъ „человѣкъ“ и „мнѣ“. (IV. 221). Это могло быть простымъ недосмотромъ. Гораздо хуже поправки въ родѣ слѣдующихъ:

---

[1]) Въ текстѣ опечатка: вмѣсто 115 стоитъ 151.

Назвать его въ глаза обманщикомъ — было подвергнуть себя погибели. (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 137).

У Морозова тире стоитъ послѣ „было“.

Я переплылъ его [желѣзосѣрный источникъ] два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. (*Современникъ* 1836 г., № 1, стр. 69).

Въ изданіи Морозова запятая поставлена передъ „вдругъ“, при чемъ измѣнились отношенія словъ и смыслъ фразъ. Пушкинъ говоритъ, что онъ „вдругъ“ потерялъ силу, а по передѣлкѣ издателя выходитъ, что Пушкинъ „вдругъ“ почувствовалъ головокруженіе. Или издателю лучше было извѣстно, что̀ именно „вдругъ“ почувствовалъ Пушкинъ: слабость или головокруженіе?

Пунктуація — дополненіе языка, и знаками препинанія авторъ выражаетъ оттѣнки мысли, не выраженные словами. Въ этомъ отношеніи Пушкинскіе тексты оказываются гораздо болѣе правильными и содержательными, чѣмъ увѣряютъ редакторы, кромсавшіе ихъ собственной произвольной разстановкой знаковъ препинанія.

У насъ есть примѣръ, который довольно хорошо показываетъ, какъ легко иногда не понять и счесть ошибкой знаки препинанія, поставленные съ большимъ изяществомъ. Это—мѣсто „Капитанской дочки“, гдѣ отецъ, благословляя Марью Ивановну и прощаясь съ ней передъ сраженіемъ, говоритъ небольшую рѣчь, конецъ которой и фразу послѣ него мы приведемъ въ орѳографіи *Современника* (1836 г., № 4, стр. 122):

. . .„Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“. (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала).

На первый взглядъ скобки здѣсь кажутся лишними. Въ изданіи Морозова онѣ, дѣйствительно, выброшены; опущена и запятая полѣ слова „шею“ (IV. 225). Порядокъ,

повидимому, возстановленъ; орѳографія стала проще и не заставляетъ задумываться надъ собою. Зато затемнился смыслъ даннаго мѣста; у него отнято то толкованіе, которое сообщилъ ему Пушкинъ своей пунктуаціей.

По Морозову выходитъ, что Мироновъ договорилъ свою рѣчь до конца; послѣ послѣдняго слова „Маша кинулась ему на шею“. Но если бы это было такъ, то почему отецъ говоритъ Василисѣ Егоровнѣ, чтобы она „увела“ Машу? Очевидно, Маша бросилась на шею отцу раньше, чѣмъ были произнесены послѣднія его слова, и это заставило его просить ее увести. Такимъ образомъ, предложеніе, поставленное въ скобкахъ, имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, характеръ вводнаго. Оно не изложеніе послѣдовательныхъ событій, но замѣчаніе, объясненіе того, чѣмъ вызвана предыдущая фраза.

Что касается до уничтоженной здѣсь запятой, то, мы думаемъ, она поставлена Пушкинымъ не по ошибкѣ, но для раздѣленія дѣйствій, изъ которыхъ второе слѣдовало не тотчасъ за первымъ, но съ нѣкоторымъ промежуткомъ. „Кинулась на шею и (тотчасъ) зарыдала“ — вульгарное толкованіе фразы, которое не допускается Пушкинымъ. Онъ ставитъ запятую, которая показываетъ внимательному читателю, что между двумя дѣйствіями былъ моментъ ожиданія, не выраженный внѣшними проявленіями, но наполненный внутренней борьбой нѣжной и сдержанной Марьи Ивановны съ тѣми чувствами, которыя были не у мѣста и могли встревожить болѣе твердыхъ по характеру родителей. „Она нѣкоторое время сдерживалась, крѣпилась—и все таки зарыдала“. Вотъ какъ мы выразили бы тотъ смыслъ фразы, который придается ей Пушкинской запятою. По принятой теперь пунктуаціи эту фразу нужно бы было напечатать съ тире вмѣсто запятой, но никакъ не ограничиваться уничтоженіемъ запятой.

П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ Пушкина болѣе

остороженъ и болѣе внимателенъ къ текстамъ, напечатаннымъ при жизни поэта, но тоже нерѣдко допускаетъ неудачныя поправки въ знакахъ препинанія.

Такъ, въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, которая печаталась подъ наблюденіемъ самого Пушкина, усердно прочитавшаго всѣ корректуры, мы можемъ указать нѣсколько дурныхъ поправокъ, допущенныхъ въ послѣднемъ изданіи Ефремова:

Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца (20 стр. 1-го изданія).

. . .Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ (25 стр).

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ... приказалъ исправить городскія укрѣпленія... (29 стр.)

Здѣсь у Ефремова уничтожены во всѣхъ примѣрахъ запятыя Пушкинскаго текста, поставленныя совершенно правильно. И подобныхъ случаевъ можно указать немало.

Издатель разсматриваемаго текста Пушкина также систематически уничтожаетъ запятыя въ слитныхъ предложеніяхъ предъ союзомъ *и*, которыя нерѣдко встрѣчаются у Пушкина и, при извѣстныхъ оттѣнкахъ смысла и строенія рѣчи, вполнѣ допускаются современнымъ правописаніемъ. Сюда относятся примѣры, подобные слѣдующимъ:

Казаки связяли его, и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью (21 стр. 1-го изданія).

Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы (27).

Подлинный Пушкинскій текстъ, печатный или письменный, — драгоцѣнность искусства и науки. Изданіе его требуетъ величайшаго вниманія и осторожности, но издатели, къ сожалѣнію, допускаютъ въ немъ слишкомъ много ореографической ломки или даже просто порчи.

Къ чему исправлять то, что хорошо?

У Пушкина находимъ:

[Велѣно было] собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человѣкъ идти навстрѣчу Наумову (*Исторія Пугачевскаго бунта*, стр. 24).

У Ефремова:

... собраться какъ можно скорѣе и, въ числѣ тысячи человѣкъ, идти на встрѣчу Наумову (стр. 167).

Чѣмъ это лучше?

Это — практика редактора. Теоретически П. А. Ефремовъ признаетъ за собой весьма опасное для издаваемыхъ авторовъ право устанавливать лучшія чтенія, перемѣщая по-своему знаки препинанія, не руководствуясь даже филологической критикой текста[1]).

---

[1]) Это высказано имъ въ примѣчаніи къ стихотворенію Пушкина „Блаженство“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*, т. VIII. 1905 г., стр. 13). Допуская въ своемъ изданіи, вслѣдъ за г. В. Брюсовымъ, исправленіе Пушкинскаго текста, печатающагося при жизни поэта:

(Богъ лѣсовъ)
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой—

на довольно неуклюжее по расположенію словъ:

(Богъ лѣсовъ)
Слушалъ, пѣсенки ночной
Въ ладъ качая головой—

г. Ефремовъ упрекаетъ академическое изданіе Пушкина за то, что оно не приняло произвольную поправку г. Брюсова, но дало филологическое объясненіе установившемуся тексту. „Стоило только—говоритъ онъ — передвинуть запятую на два слова назадъ, и не пришлось бы оправдывать Державинымъ оборотъ *никогда* и *нигдѣ* у Пушкина не встрѣчающійся“...

Но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что какой-либо рѣдкій вообще оборотъ рѣчи встрѣчается у автора только одинъ разъ. Тѣмъ болѣе, что для даннаго сочетанія словъ можно найти примѣръ не только у старика Державина, но и у тогдашняго любимца читающей публики-Жуковскаго—въ прославленной „Свѣтланѣ“, которая незадолго передъ тѣмъ была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* (1813 г., январь, №№ 1 и 2):

Укажемъ, въ свою очередь, случай, гдѣ нужно бы исправить знакъ препинанія въ принятомъ во многихъ изданіяхъ чтеніи Пушкинскаго текста.

Печатается:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ,
Конями, крытыми ковромъ;
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

(*Сочиненія А. С. Пушкина.* Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ... Т. III. С.-Пб. 1887. Стр. 97).

Въ первомъ предложеніи получается неловкое по смыслу сочетаніе: „промчалась тройка... съ... конями", а во второмъ чувствуется недостатокъ дополненія при глаголѣ „правитъ".

При слѣдующей разстановкѣ знаковъ получается лучшее чтеніе:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ;
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ, и давитъ.

Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.

„Пушкинъ—говоритъ Л. Н. Майковъ со словъ его современника — обладалъ удивительною способностью запоминать стихи любимаго имъ Жуковскаго; такъ, авторъ „Свѣтланы" прочелъ ему свою балладу „Ахиллъ" немедленно послѣ созданія ея, и знаменитый слушатель тотчасъ же вслѣдъ за нимъ повторилъ ее всю, почти безъ ошибокъ" (*Библіографическія Записки* 1858 г., № 7).

Естественнѣе читать не „тройка съ конями“, но „тройка съ молодцомъ, (который) правитъ конями“.[1])

В. Чернышевъ.

3. I. 06.

---

[1]) Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 года, № 13, это мѣсто, оказывается, напечатано такъ:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ,
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

Дельвигъ и Пушкинъ.

Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) къ П. В. Анненкову[1]).

Вы не можете себѣ представить, какъ баронъ Дельвигъ былъ любезенъ и пріятенъ, особенно въ семейномъ кружкѣ, гдѣ я имѣла счастіе его часто видѣть. Вспоминая анекдотъ о Пушкинѣ, гдѣ Александръ Сергѣевичъ сказалъ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ отвѣтъ на

---

1) Настоящая статья Анны Петровны Керн (Марковой-Виноградской) вошла почти цѣликомъ въ тѣ воспоминанія ея, которыя были напечатаны въ „Семейныхъ Вечерахъ“ (Старшій возрастъ) 1864 г., № 10, стр. 679 — 683 (съ заглавіемъ „Отрывокъ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глинкѣ“), откуда, въ извлеченіяхъ, перепечатаны въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Керн)“, вошедшей въ его книгу „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, С.-Пб. 1899 (см. стр. 258 — 265). Здѣсь статья перепечатывается по *черновой* рукописи, писанной подъ диктовку автора, и доставленной мнѣ, при посредствѣ Н. Д. Романова, внучкою Анны Петровны—Аглаею Александровною Кулжинской, — среди нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, не вошедшія въ „Семейныя Вечера“, а также *три неизвѣстныхъ донынѣ записочки Пушкина къ А. П. Керн*.

Портретъ А. П. Керн (миніатюра), впервые здѣсь воспроизводимый, писанъ въ началѣ 1840-хъ гг., когда Анна Петровна была уже женою А. В. Маркова-Виноградскаго; онъ доставленъ былъ также А. А. Кулжинской и нынѣ пожертвованъ ею въ Пушкинскій Домъ. Силуэтъ сдѣланъ въ 1825 году, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на оборотѣ, сдѣланная рукою Алексѣя Николаевича Вульфа; онъ воспроизводится также впервые.

Б. Модзалевскій.

Анна Петровна Керн
въ 1825 г.

Анна Петровна Керн
въ 1840-хъ гг.

критику элегіи „Ахъ тетушка! Ахъ Анна Львовна!“: „J'espère qu'il est bien permis à moi et au baron Delvig de ne pas toujours avoir de l'esprit“, — не могу не сравнить ихъ мысленно и, припоминая теперь складъ ума барона Дельвига, я нахожу, что Пушкинъ былъ не совсѣмъ правъ; нахожу, что онъ былъ такъ опрометчивъ и самонадѣянъ, что, не смотря на всю его геніальность — всѣмъ свѣтомъ признанную и неоспоримую, — онъ точно не всегда былъ благоразуменъ, а иногда даже не уменъ, — въ такомъ же смыслѣ, какъ и Фигаро восклицаетъ: „Ah! qu'ils sont bêtes les gens d'esprit!“ Дельвигъ же, могу утвердительно сказать, былъ всегда уменъ! И какъ онъ былъ любезенъ! Я не встрѣчала человѣка любезнѣе и пріятнѣе его. Онъ такъ мило шутилъ, такъ остроумно, сохраняя серьезную физіономію, смѣшилъ, что нельзя не признать въ немъ истинный великобританскій юморъ.

Гостепріимный, великодушный, деликатный, изысканный, онъ умѣлъ счастливить всѣхъ его окружающихъ. Хотя Дельвигъ не былъ геніальнымъ поэтомъ, но названіе поэтическаго существа вполнѣ можетъ соотвѣтствовать ему, какъ благороднѣйшему изъ людей.

Его поэзія, его пѣсни — мелодія поэтической души. Помните романсъ его:

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь?

Пушкинъ говорилъ, что онъ этотъ романсъ прочелъ и прочувствовалъ вполнѣ въ Одессѣ, куда ему его прислали. Онъ имъ восхищался съ любовію, которую питалъ къ другу-поэту. Онъ всегда съ нѣжностью говорилъ о произведеніяхъ Дельвига и Баратынскаго. Дельвигъ тоже нѣжно любилъ и Баратынскаго, и его произведенія. Тутъ кстати замѣтить, что Баратынскій не ставилъ никакихъ знаковъ препинанія, кромѣ запятыхъ, въ своихъ произ-

веденіяхъ и до того былъ недалекъ въ грамматикѣ, что однажды спросилъ у Дельвига въ серьезномъ разговорѣ: „Что ты называешь родительнымъ падежомъ?“ Баратынскій присылалъ Дельвигу свои стихи для напечатанія, а тотъ всегда поручалъ женѣ своей ихъ переписывать; а когда она спрашивала, много ли ей писать, то онъ говорилъ: „Пиши только до точки“, — точки нигдѣ не было и даже въ концѣ пьесы стояла запятая!

Мнѣ кажется, Дельвигъ былъ однимъ изъ лучшихъ, примѣчательнѣйшихъ людей своего времени и если имѣлъ недостатки, то они были недостатками эпохи и общества, въ которомъ онъ жилъ. Лучшій изъ друзей, ужъ, конечно, онъ былъ и лучшимъ изъ мужей. Я никогда его не видала скучнымъ или непріятнымъ, слабымъ или неровнымъ. Одинъ упрекъ только сознательно ему можно сдѣлать, — это за лѣнь, которая ему мѣшала работать на пользу людей. Эта же лѣнь дѣлала его удивительно снисходительнымъ къ слугамъ своимъ, которые могли быть все, что имъ было угодно: и грубыми, и пренебрежительными; онъ на нихъ рукой махнулъ, и еслибъ они вздумали на головахъ ходить, я думаю онъ бы улыбнулся и сказалъ бы свое обычное „Забавно“! Онъ такъ мило, такъ оригинально произносилъ это „забавно“, что весело вспомнить. И замѣчательно, что иногда онъ это произносилъ, когда вовсе *не было забавно*. Я съ нимъ и его женою[1]) познакомилась у Пушкиныхъ, и мы одно время жили въ одномъ домѣ; это насъ такъ сблизило, что Дельвигъ далъ мнѣ разъ (отъ лѣности произносить вполнѣ мое имя или фамилію) названіе 2-ой жены, которое за мной и осталось.

---

1) Баронъ А. А. Дельвигъ съ 30-го октября 1828 г. былъ женатъ на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой (р. 1809), вышедшей вторично замужъ за Сергѣя Абрамовича Баратынскаго, младшаго брата поэта. Она скончалась 4-го марта 1888 г. въ усадьбѣ Марѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Б. М.

Вотъ какъ это случилось: мы ѣздили вмѣстѣ смотрѣть какого-то фокусника. Входя къ нему, онъ, указывая на свою жену, сказалъ: „Это жена моя"; потомъ, рекомендуя въ шутку меня и сестру мою[1]) проговорилъ: „Это вторая, а это третья". У меня была книга (затеряна теперь), кажется, — „Стихотворенія Баратынскаго", которыя онъ издавалъ; онъ мнѣ ее прислалъ съ надписью: „Женѣ № 2-й отъ мужа безномернаго Б. Дельвига". Онъ очень радушно встрѣчалъ обычныхъ своихъ посѣтителей и,—всѣмъ было хорошо близъ него! On était si à son aise près de lui! on se sentait si protégé!... У меня были „Сѣверные Цвѣты" за всѣ почти годы съ надписью Бароновой руки.

Въ Альбомѣ моемъ (сдѣланномъ для портрета Веневитинова и подаренномъ мнѣ его пріятелемъ Хомяковымъ послѣ его смерти) Дельвигъ написалъ мнѣ свои стихи къ Веневитинову: *„Дѣва и Роза"*. Я уже говорила вамъ, что въ это время я занимала маленькую квартиру во дворѣ, (въ домѣ бывшемъ Кувшинникова, тогда уже и теперь еще Алферовскаго). Въ этомъ домѣ, въ квартирѣ Дельвига, мы, вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, имѣли порученія отъ его матери, Надежды Осиповны, принять и благословить образомъ и хлѣбомъ новобрачныхъ Павлищева и сестру Пушкина Ольгу. Надежда Осиповна мнѣ сказала, отпуская меня туда въ своей каретѣ: „Remplacez-moi, chère amie, ici je vous confie cette image pour bénir ma fille en mon nom". Я съ гордостью приняла это порученіе и съ умиленіемъ его исполнила. Дорогой Александръ Сергѣевичъ, грустный, какъ всегда бываютъ люди въ важныхъ случаяхъ жизни, сказалъ мнѣ, шутя: „Voilà pourtant la première fois que nous sommes seuls—Vous et moi". — „Et nous avons bien froid, n'est ce pas?" — „Oui,

---

1) Т. е. двоюродную сестру Анну Ивановну Вульфъ, извѣстную подъ именемъ Netty; она вышла впослѣдствіи за Трувеллера. *Б. М.*

Vous avez raison, il fait bien froid — 27 dégrès", а сказавъ это, закутался въ свой плащъ, прижался въ уголъ кареты, — и ни слова больше мы не сказали до самой временной квартиры новобрачныхъ. Тамъ мы долго прождали молодыхъ, молча прогуливаясь по освѣщеннымъ комнатамъ, тоже весьма холоднымъ, отчего я, несмотря на важность лица, мною представляемаго (посаженной матери), оставалась, какъ ѣхала, — въ коцавейкѣ; и это подало поводъ Пушкину сказать, что я похожа на царицу Ольгу. Не смотря на озабоченность, Пушкинъ и въ этотъ разъ былъ очень нѣженъ, ласковъ со мною.... Я замѣтила въ этомъ и еще въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ, что въ немъ было до чрезвычайности развито чувство *благодарности:* самая малѣйшая услуга ему или кому-нибудь изъ его близкихъ трогала его несказанно. Такъ, я помню однажды потомъ Батюшка мой[1]), разговаривая съ нимъ на этой же квартирѣ Дельвига, коснулся этого событія, т. е. свадьбы его сестры, мною нѣжно любимой, и сказалъ ему, указывая на меня: „А эта дура въ одной рубашкѣ побѣжала туда черезъ форточку". Въ это время Пушкинъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ моимъ на диванѣ, противъ меня, поджавши по своему обыкновенію ноги и ничего не отвѣчая, быстро схватилъ мою руку и крѣпко поцѣловалъ: краснорѣчивый протестъ противъ шуточнаго обвиненія сердечнаго порыва! Помню еще одну особенность въ его характерѣ, которая, думаю, была вредна ему: думаю, что онъ былъ болѣе способенъ увлечься блескомъ, заняться кокетливымъ стараніемъ ему нравиться, чѣмъ истиннымъ, глубокимъ чувствомъ любви. Это была въ немъ дань вѣку, если не ошибаюсь; иначе истолковать себѣ не умѣю! Un bon mot, la repartie vive, всегда ему нравились. Онъ

---

1) Петръ Марковичъ Полторацкій, женатый, съ 1799 г., на Екатеринѣ Ивановнѣ Вульфъ. *Б. М.*

мнѣ однажды сказалъ, — да тогда именно, когда я ему сказала, что не хорошо меня обижать, — moi qui suis si *inoffensive*; выраженіе ему понравилось, и онъ простилъ мнѣ выговоръ, повторяя: „C'est réellement cela, Vous êtes si inoffensive", и потомъ сказалъ: „Да съ вами и не весело ссориться; voilà Votre cousine[1]) c'est toute autre chose: et cela fait plaisir, on trouve à qui parler". Причина такого направленія — слишкомъ невысокое понятіе о женщинѣ: опять таки, не смотря на всю его геніальность, *печать вѣка*. Сестра моя сказала ему однажды: „Здравствуй, Бѣсъ!" Онъ ее за то назвалъ божествомъ въ очень милой запискѣ. Любезность, остроумное замѣчаніе женщины всегда способны были его развеселить. Однажды онъ пришелъ къ намъ и сидѣлъ у одного окна съ книгой, я у другого; онъ подсѣлъ ко мнѣ и началъ говорить мнѣ нѣжности à propos de bottes и просить ручку, говоря: „C'est si satin"; я ему отвѣчала *„satan"*, а сестра сказала, шутя: „Не понимаю, какъ вы можете ему въ чемъ-нибудь отказать!" Онъ отъ этой фразы пришелъ въ восторгъ и бросился передъ нею на колѣни въ знакъ благодарности. Вошедшій въ эту патетическую минуту братъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ апплодировалъ ему отъ всего сердца. И однакожъ онъ однажды мнѣ говорилъ кстати о женщинѣ, которая его обожала и терпѣливо переносила его равнодушіе[2]): „Rien de plus insipide que la patience et la résignation".

Пріятно жилось въ это время. Баронесса приходила ко мнѣ по утрамъ: она держала корректуру „Сѣверныхъ Цвѣтовъ". Мы иногда вмѣстѣ подшучивали надъ бѣднымъ Сомовымъ, перемѣняя заглавія у стиховъ Пушкина, напр.: „Кобылица молодая" мы поставили „Мадригалъ

1) А. И. Вульфъ. *Б. М.*
2) Вѣроятно, Е. М. Хитрово. *Б. М.*

такой-то“.... Никто не сердился, а всѣмъ было весело. Потомъ мы занимались Итальянскимъ языкомъ, а къ обѣду являлись къ мужу. Дельвигъ занимался въ маленькомъ полусвѣтломъ кабинетѣ, гдѣ и случилось несчастіе съ пѣснями *Беранже*, внушившее эти стихи:

Хвостова кипа тутъ лежала,
А Беранже не уцѣлѣлъ:
За то его собака съѣла,
Что въ пѣсняхъ онъ собаку съѣлъ (bis).

Эти стихи, въ числѣ прочихъ, пѣлись хоромъ по вечерамъ. Пока Баронъ былъ въ Харьковѣ, мы переписывались съ его женою, и она мнѣ прислала изъ Курска экспромптъ Барона:

Я въ Курскѣ, милые друзья,
И въ Полторацкаго тавернѣ
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ [2]), дамѣ Кернѣ!

Я вспомнила еще стихи, сообщенные мнѣ женою Барона Дельвига и сложенные когда то вмѣстѣ съ Баратынскимъ.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ,
Въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ
Жилъ поэтъ Баратынскій
Съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ
Въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли),
Шли и твердили шутя: какое *въ Россіянахъ* чувство!

---

2) Сестра А. П. Кернъ—Елизавета, бывшая за чиновникомъ Решко. Она была жива еще въ 1868 г. *Б. М.*

А вотъ еще стихи Барона: пародія на „Смальгольмскаго Барона“, переведеннаго Жуковскимъ.

До разсвѣта поднявшись, извощика взялъ
Александръ Ефимычъ съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ отъ Песковъ чрезъ каналъ
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бирюковъ.
Не съ Цертелевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ;
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За баллады, сонеты путемъ,
Но во фракѣ былъ онъ, былъ тотъ фракъ заношенъ,
Какой цвѣтомъ, — нельзя распознать,
Оттопыренъ карманъ, — въ немъ торчитъ, какъ чурбанъ,
Двадцатифунтовая тетрадь.
Его конь опѣненъ, его Ванька хмѣленъ
И согласно хмѣленъ съ сѣдокомъ.
Борю онъ дома въ тотъ день не засталъ:
Онъ съ Красовскимъ въ цензурѣ сидѣлъ,
Гдѣ на Олина грозно Фонъ Поль напиралъ,
Гдѣ . . . . . улыбаясь глядѣлъ.
Но изорванъ былъ фракъ, на манишкѣ табакъ:
Ерофеичемъ весь онъ облитъ;
Не въ журнальномъ бою, но въ питейномъ дому
Былъ квартальными больно побитъ.
Соскочивши на Конной съ саней у столба,
Притаяся у будки, онъ сталъ
И три раза онъ крикнулъ Бориса раба,—
Изъ харчевни Борисъ прибѣжалъ.
„Подойди ко мнѣ, Борька, мой трагикъ смѣшной,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но право скотина лихой,
И скотство по нутру мнѣ твое“ [1]).
. . . . . .
. . . . . .

1) Эта пародія барона Дельвига, въ другой и болѣе исправной редакціи, приведена въ собраніи его сочиненій, изд. подъ ред. В. В. Майкова, С.-Пб. 1898, стр 63 — 64; см. тамъ-же, стр. 116 — 117. *Б. М.*

Вскорѣ послѣ того, какъ мы читали эту прекрасную пародію, Баронъ Дельвигъ ѣхалъ куда-то въ санкахъ черезъ Конную площадь; подъѣзжая къ будкѣ, онъ сказалъ очень серьезно: „Вотъ, *на самомъ этомъ мѣстѣ* соскочилъ съ саней Александръ Ефимычъ съ *Песковъ*, и у этой самой будки онъ крикнулъ Бориса Федорова“. Мы очень смѣялись этому точному указанію исторической мѣстности. Онъ всегда шутилъ очень серьезно, а когда повторялъ любимое свое слово „*Забавно*“, это значило, что рѣчь идетъ о чемъ-нибудь совсѣмъ *не* забавномъ, а или грустномъ, или же досадномъ для него! Мнѣ очень памятна его манера серьезно шутить, между прочимъ по слѣдующему случаю: одинъ молодой человѣкъ преслѣдовалъ насъ съ Софьей Михайловной[1]) насмѣшками, за то, что мы смѣемся, повторяя часто фразу изъ романа Поль де Кока, которая ему вовсе не казалась такъ смѣшною. Намъ стоило только повторить эту фразу, чтобъ неудержимо, долго хохотать. Эта фраза была одного бѣднаго молодого человѣка (разбогатѣвшаго потомъ) и взята изъ романа *La maison Blanche*. Молодой человѣкъ въ затрудненіи передъ баломъ, куда приглашенъ школьнымъ товарищемъ, знатнымъ молодымъ человѣкомъ: весь его туалетъ собранъ въ полномъ комплектѣ, не достаетъ только шелковыхъ чулковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись; у него были одни, *почти новые*, да онъ ими ссудилъ свою возлюбленную гризетку, швею въ модномъ магазинѣ. Она пришла на помощь, чтобъ завить волосы своему пріятелю, но, увы, относительно чулковъ объявила, что чулки эти, данные ей взаймы, она тоже дала взаймы своей подругѣ, которая въ свою очередь ссудила ими своего *друга*, а другъ этотъ награжденъ отъ природы огромнѣйшими mollets и потому, надѣвъ ихъ разъ, такъ изувѣчилъ, что

1) Дельвигъ.

они больше никому не могутъ годиться. Она кончила свою рѣчь философическимъ замѣчаніемъ своему Robineau: „Est-ce qu' on a jamais eu un amant qui Vous redemande ce qu'il Vous a *prêté*?“ На это г-нъ Робино возразилъ комическимъ тономъ, чуть не плача: „Quand on n'a que quinze cent livres de rente, on ne nage pas dans les bas de soie!“

Не мы однѣ съ баронессою находили юморъ въ этой *жалостливой* фразѣ; и изъ нашихъ знакомыхъ одинъ только помянутый выше молодой человѣкъ не видѣлъ въ ней смѣшного. Разъ онъ рѣзко выразилъ свое удивленіе, что мы такъ долго смѣемся совсѣмъ не смѣшному. Мы сидѣли въ это время за обѣдомъ, и баронъ Дельвигъ, стоя за столомъ въ своемъ малиновомъ шелковомъ шлафрокѣ и разливая по обыкновенію супъ, сказалъ: „Я съ тобой согласенъ, мой милой, je ne nage pas dans les bas de soie: совсѣмъ *не смѣшно*, а *жалко*!“

Никогда не забуду его саркастической улыбки и забавной интонаціи голоса при словѣ „*жалко*!“

Разбирая свои старыя бумаги и письма, я нашла очень интересныя записки: одну собственноручную барона Дельвига, о дѣлѣ касательно моихъ интересовъ, которая начинается такъ: „Милая жена, очень трудно давать совѣты; спекуляція Петра Марковича[1]) можетъ удасться или же нѣтъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ будете раскаяваться (если отдадите имѣніе). Повинуйтесь сердцу, — это лучшій совѣтъ мой“...

Записка его жены, въ годъ женитьбы Александра Сергѣевича, — именно въ тотъ годъ, когда мы ѣздили на Иматру и я съ ними провела лѣто въ Колтовской, у Крестовскаго перевоза. Я уѣхала въ городъ прежде ихъ, когда мнѣ представился случай достать выгодную квар-

1) Полторацкаго, отца А. П. Кернъ. *Б. М.*

тиру. Вскорѣ, кажется въ концѣ августа, она мнѣ писала: „Léon[1]) est parti hier, Александръ Сергѣевичъ est arrivé avant hier. Il est, dit on, plus amoureux que jamais. Cependant il ne parle presque pas d'elle. Il a cité hier une phrase (de M-me de Willois je crois) qui disait à son fils: „Ne parlez de Vous qu'au Roi et de votre femme à personne, car on risque toujours d'en parler à quelqu'un qui la connait mieux que Vous . . . . . La noce se fera au Septembre". — Дѣйствительно, въ этотъ пріѣздъ Пушкинъ казался совершенно другимъ человѣкомъ: онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо . . .

Такимъ точно я его видѣла потомъ въ другіе разы, что мнѣ случалось его встрѣтить съ женою или безъ жены. Съ нею я его видѣла два раза. Въ первый это было въ другой годъ, кажется, послѣ женитьбы. Прасковья Александровна[2]) была въ Петербургѣ и у меня остановилась: они вмѣстѣ пріѣзжали къ ней съ визитомъ въ открытой колясочкѣ, безъ человѣка. Пушкинъ казался очень веселъ, вошелъ быстро и подвелъ жену ко мнѣ прежде (Прасковья Александровна была уже съ нею знакома, я же ее видѣла только разъ у Ольги[3]) одну). Уходя, онъ побѣжалъ впередъ и сѣлъ прежде ея въ экипажъ; она замѣтила, шутя, что это онъ сдѣлалъ отъ того, что онъ мужъ. Потомъ я его встрѣтила съ женою у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидѣла въ креслахъ у постели больной и разсказывала о свѣтскихъ удовольствіяхъ, а Пушкинъ, стоя за ея кресломъ, разводя руками, сказалъ шутя: „Это послѣднія штуки Натальи Николаевны: посылаю ее въ деревню". Она, однако, не поѣхала, кажется по-

1) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ. *Б. М.*
2) Осипова. *Б. М.*
3) О. С. Павлищевой. *Б. М.*

тому, что въ ту же зиму Надеждѣ Осиповнѣ сдѣлалось хуже, и я его разъ встрѣтила у родителей одного. Это было разъ во время обѣда, въ четыре часа. Старики потчивали его то тѣмъ, то другимъ изъ кушаньевъ, но онъ отъ всего отказывался и, восхищаясь аппетитомъ батюшки, улыбнулся, когда отецъ сказалъ ему и мнѣ, предлагая *гуся* съ кислою капустою: „*C'est un plat écossais*"—замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда ничего не ѣстъ до обѣда, а обѣдаетъ въ 6-ть часовъ. Потомъ я его еще разъ встрѣтила съ женою у родителей, не задолго до смерти матери[1]) и когда она уже не вставала съ постели, которая стояла посреди комнаты, головами къ окнамъ; они сидѣли рядомъ на маленькомъ диванѣ у стѣны, и Надежда Осиповна смотрѣла на нихъ ласково, съ любовью, а Александръ Сергѣевичъ держалъ въ рукѣ конецъ боа своей жены и тихонько гладилъ его, какъ будто тѣмъ выражая ласку къ женѣ и ласку къ матери. Онъ при этомъ ничего не говорилъ.... Наталья Николаевна была въ папильоткахъ: это было передъ баломъ.... Я увѣрена, что онъ былъ добрымъ мужемъ, хотя и говорилъ однажды, шутя, Аннѣ Николаевнѣ[2]), которая его поздравляла съ неожиданною въ немъ способностью вести себя, какъ прилично любящему мужу: „*Ce n'est que de l'hypocrisie*". Вотъ еще выраженіе вѣка: непремѣнно, во что бы то ни стало, казаться хуже, чѣмъ онъ былъ... Въ этомъ по пятамъ за нимъ слѣдовалъ и Левъ Сергѣевичъ.

Я теперь опять обращусь къ Дельвигу, припоминая все это время. Какъ онъ былъ добръ ко всѣмъ и ласковъ къ роднымъ, друзьямъ и даже только знакомымъ! Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Харькова онъ или выписалъ къ себѣ, или самъ привезъ,—не помню,—двухъ своихъ

---

1) Н. О. Пушкина умерла 29-го марта 1836 г. *Б. М.*

2) Вульфъ. *Б. М.*

маленькихъ братьевъ, 4-хъ и 8-ми лѣтъ. Старшаго, Александра, онъ называлъ классикомъ, меньшаго, Ивана, — романтикомъ и такимъ образомъ представилъ ихъ однажды вечеромъ Пушкину. Александръ Сергѣевичъ нѣжно, внимательно ихъ разсматривалъ и ласкалъ, при чемъ баронъ объявилъ ему, что меньшой уже сочинилъ стихи. Александръ Сергѣевичъ пожелалъ ихъ услышать, и маленькій Дельвигъ, не конфузясь ни мало и не гордясь своей ролью, медленно и внятно произнесъ, положивъ свои ручонки въ обѣ руки Александра Сергѣевича:

Индіянди, Индіянди, Индія!
Индіинди, Индіинди, Индіи!

Александръ Сергѣевичъ погладилъ его по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что онъ *точно романтикъ*. Гдѣ то онъ теперь? Какъ бы мнѣ хотѣлось на нихъ взглянуть! Вспоминая о Дельвигѣ, я невольно припоминаю еще многое о Пушкинѣ и, разбирая записки Дельвига, сохранившіяся у меня, нашла еще нѣсколько записокъ Пушкина. Это относится къ тому времени, когда онъ узналъ о смерти моей матери[1]) и о тѣсныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ одна дама, принимавшая во мнѣ большое участіе (а именно Елизавета Михайловна Хитрово[2]) переписывалась со мною, хлопотала о томъ, чтобы мнѣ возвратилось имѣніе, проданное моимъ отцомъ[3]) графу Шереметеву[4]). Я интересовалась этимъ имѣніемъ по воспоминаніямъ моего счастливаго дѣтства, хотя и въ финансовомъ

---

1) Мать А. П. Керн. — Екатерина Ивановна Полторацкая — умерла въ первой половинѣ 1832 г. Поэтому приводимыя ниже записочки Пушкина должны относиться ко второй половинѣ 1832 — началу 1833 года. *Б. М.*

2) Е. М. Хитрово, извѣстная своимъ расположеніемъ къ Пушкину. *Б. М.*

3) Петромъ Марковичемъ Полторацкимъ. *Б. М.*

4) Или графъ Дмитрій Николаевичъ (р. 1803 + 1871), или графъ Николай Алексѣевичъ (р. 1784 + 1847) Шереметевы. *Б. М.*

отношеніи оно не могло быть *неинтересно*, потому что имѣть что-нибудь или не имѣть *ничего* все таки составляетъ громадную разницу.

Не воздержусь умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое навело меня на эту мысль *выкупить* безъ денегъ свое проданное имѣніе. Однажды утромъ ко мнѣ явился гвардейскій солдатъ. „Не узнаете меня, Ваше Превосходительство?[1]) сказалъ онъ, поклонившись въ поясъ. „Извини, голубчикъ, не узнаю тебя, припомни мнѣ, гдѣ я тебя видѣла.“ — „А я изъ вашей вотчины, Ваше Превосходительство, я помню васъ, какъ вы изволили изъ вашихъ ручекъ потчивать водкой отца моего; я жилъ тогда въ нашей чистой избѣ, а въ другой, чистой же, вашъ Батюшка и Матушка.“ — „Помню, помню, мой милый, сказала я (хотя вовсе его-то самого не помнила). Такъ ты пришелъ со мной повидаться, — это очень пріятно!“ — „Да кромѣ того, сказалъ онъ, я пришелъ просить васъ, нельзя ли вамъ, Матушка, откупить насъ опять къ себѣ: мнѣ пишутъ мои старики: сходилъ бы ты къ нашей прежней госпожѣ, къ генеральшѣ такой-то, да сказалъ бы ей, что вотъ, дескать, мы бы рады-радешеньки ей опять принадлежать, что по ревизіи теперь въ двухъ селеніяхъ прибавилось много противъ прежняго, — что мы и теперь помнимъ, какъ благоденствовали у Дѣдушки ихъ, у Матушки и у нихъ самихъ потомъ; скажи ей, что мы даже согласны графу Шереметеву внести половинную цѣну за имѣніе и сами на свой счетъ выстроимъ ей домикъ, коли вы согласны насъ у него откупить опять.“

Это предложеніе было такъ трогательно и вмѣстѣ такъ соблазнительно, что я рѣшилась его сообщить Елизаветѣ

---

1) А. П. Кернъ была въ это время женой генералъ-лейтенанта Ермолая Ѳедоровича Керна († 1841), но съ мужемъ не жила. *Б. М.*

маленькихъ братьевъ, 4-хъ и 8-ми лѣтъ. Старшаго, Александра, онъ называлъ классикомъ, меньшаго, Ивана, — романтикомъ и такимъ образомъ представилъ ихъ однажды вечеромъ Пушкину. Александръ Сергѣевичъ нѣжно, внимательно ихъ разсматривалъ и ласкалъ, при чемъ баронъ объявилъ ему, что меньшой уже сочинилъ стихи. Александръ Сергѣевичъ пожелалъ ихъ услышать, и маленькій Дельвигъ, не конфузясь ни мало и не гордясь своей ролью, медленно и внятно произнесъ, положивъ свои ручонки въ обѣ руки Александра Сергѣевича:

Индіянди, Индіянди, Индія!
Индіинди, Индіинди, Индіи!

Александръ Сергѣевичъ погладилъ его по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что онъ *точно романтикъ*. Гдѣ то онъ теперь? Какъ бы мнѣ хотѣлось на нихъ взглянуть! Вспоминая о Дельвигѣ, я невольно припоминаю еще многое о Пушкинѣ и, разбирая записки Дельвига, сохранившіяся у меня, нашла еще нѣсколько записокъ Пушкина. Это относится къ тому времени, когда онъ узналъ о смерти моей матери[1]) и о тѣсныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ одна дама, принимавшая во мнѣ большое участіе (а именно Елизавета Михайловна Хитрово[2]) переписывалась со мною, хлопотала о томъ, чтобы мнѣ возвратилось имѣніе, проданное моимъ отцомъ[3]) графу Шереметеву[4]). Я интересовалась этимъ имѣніемъ по воспоминаніямъ моего счастливаго дѣтства, хотя и въ финансовомъ

---

1) Мать А. П. Керн — Екатерина Ивановна Полторацкая — умерла въ первой половинѣ 1832 г. Поэтому приводимыя ниже записочки Пушкина должны относиться ко второй половинѣ 1832 — началу 1833 года. *Б. М.*

2) Е. М. Хитрово, извѣстная своимъ расположеніемъ къ Пушкину. *Б. М.*

3) Петромъ Марковичемъ Полторацкимъ. *Б. М.*

4) Или графъ Дмитрій Николаевичъ (р. 1803 + 1871), или графъ Николай Алексѣевичъ (р. 1784 + 1847) Шереметевы. *Б. М.*

отношеніи оно не могло быть *неинтересно*, потому что имѣть что-нибудь или не имѣть *ничего* все таки составляетъ громадную разницу.

Не воздержусь умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое навело меня на эту мысль *выкупить* безъ денегъ свое проданное имѣніе. Однажды утромъ ко мнѣ явился гвардейскій солдатъ. „Не узнаете меня, Ваше Превосходительство?[1]) сказалъ онъ, поклонившись въ поясъ. „Извини, голубчикъ, не узнаю тебя, припомни мнѣ, гдѣ я тебя видѣла.“ — „А я изъ вашей вотчины, Ваше Превосходительство, я помню васъ, какъ вы изволили изъ вашихъ ручекъ потчивать водкой отца моего; я жилъ тогда въ нашей чистой избѣ, а въ другой, чистой же, вашъ Батюшка и Матушка.“ — „Помню, помню, мой милый, сказала я (хотя вовсе его-то самого не помнила). Такъ ты пришелъ со мной повидаться, — это очень пріятно!“ — „Да кромѣ того, сказалъ онъ, я пришелъ просить васъ, нельзя ли вамъ, Матушка, откупить насъ опять къ себѣ; мнѣ пишутъ мои старики: сходилъ бы ты къ нашей прежней госпожѣ, къ генеральшѣ такой-то, да сказалъ бы ей, что вотъ, дескать, мы бы рады-радешеньки ей опять принадлежать, что по ревизіи теперь въ двухъ селеніяхъ прибавилось много противъ прежняго, — что мы и теперь помнимъ, какъ благоденствовали у Дѣдушки ихъ, у Матушки и у нихъ самихъ потомъ; скажи ей, что мы даже согласны графу Шереметеву внести половинную цѣну за имѣніе и сами на свой счетъ выстроимъ ей домикъ, коли вы согласны насъ у него откупить опять.“

Это предложеніе было такъ трогательно и вмѣстѣ такъ соблазнительно, что я рѣшилась его сообщить Елизаветѣ

---

1) А. П. Кернъ была въ это время женой генералъ-лейтенанта Ермолая Ѳедоровича Керна († 1841), но съ мужемъ не жила. *Б. М.*

Михайловнѣ Хитровой вскорѣ послѣ кончины матери моей, и она, по добротѣ своей, взялась хлопотать.

Вотъ 1-ая записка ея:

„J'ai reçu hier matin Votre bonne lettre, Madame, j'aurais été de suite Vous voir sans une grave indisposition de ma fille. Si Vous êtes libre de venir demain à midi, je Vous recevrai avec bien de la joie.

El. Hitroff".

Вслѣдствіе этой то записки Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ своей каретѣ и въ ней меня отправилъ къ Хитровой.

2-ая записка Хитровой написана рукою Александра Сергѣевича. Вотъ она:

„Chère Madame Kern, notre jeune a la rougeole et il n'y a pas moyen de lui parler; dès que ma fille sera mieux, j'irai Vous embrasser",—а ея рукой—El. Hitroff. Опять рукою Александра Сергѣевича: „Ma plume est si mauvaise que Madame Hitroff.... [1]) s'en servir et que c'est moi qui ai l'avantage d'être son secrétaire.

A.

Слѣдуетъ еще одна записочка отъ Елизаветы Михайловны Хитровой (ея рукой): „Voici, ma très chère, une lettre de Che[remete]ff — dites-moi ce qu'elle contient. J'allais Vous la porter moi-même, mais j'ai un vrai malheur, car voilà qu'il pleut.

E. Hitroff".

Потомъ за нее еще рукою Александра Сергѣевича предпослѣдняя объ этомъ неудавшемся дѣлѣ:

„Voici la réponse de Ch[eremete]ff. Je désire qu'elle Vous soit agréable. M-me Hitroff a fait ce qu'elle a pu. Adieu,

[1]) Пропускъ въ рукописи воспоминаній. *Б. М.*

belle dame, soyez tranquille et contente et croyez à mon dévouement".

Самая послѣдняя была уже въ слишкомъ шуточномъ родѣ, — я на нее подосадовала и тогда же уничтожила. Когда оказалось, что ничего не могло втолковать добраго господина, отъ котораго зависѣло дѣло, онъ писалъ мнѣ: (между прочимъ):

„Quand Vous n'avez rien pu obtenir, Vous qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire moi qui ne suis pas même joli garçon.... Tout ce que je puis conseiller c'est de revenir à la charge etc. etc." — et puis jouant sur le dernier mot...

Меня это огорчило, и я разорвала эту записку. Больше мы не переписывались и видѣлись уже очень рѣдко, кромѣ визита единственнаго имъ съ женою Прасковьѣ Александровнѣ[1]). Этой послѣдней вздумалось состроить partie fine, и мы обѣдали вмѣстѣ всѣ у Дюме, а угощалъ насъ Александръ Сергѣевичъ и ея сынъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ. Пушкинъ былъ любезенъ за этимъ обѣдомъ, острилъ довольно зло, и я не помню ничего особенно замѣчательнаго въ его разговорѣ. Осталось только въ памяти одно его интересное сужденіе. Тогда только что вышли повѣсти Павлова, я ихъ прочла съ большимъ удовольствіемъ, особенно „Ятаганъ". Братъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ, что онъ въ нихъ не находитъ ровно никакого интереснаго достоинства. Пушкинъ сказалъ: „Entendons-nous. Я началъ ихъ читать и до тѣхъ поръ не оставилъ, пока не кончилъ. Онѣ читаются съ большимъ удовольствіемъ".

Теперь я себѣ припомнила нѣсколько его сужденій о романахъ: онъ очень любилъ Бульвера, ситировалъ нѣкоторыя фразы изъ „Пельгама" въ то время, когда его

---

1) Осиповой. *Б. М.*

читалъ. Еще я помню (это было во время моего пребыванія въ одномъ домѣ съ Барономъ Дельвигомъ): тогда только что вышелъ во французскомъ переводѣ романъ Манцони „I promessi sposi“ („Les fiancés“); онъ говорилъ объ нихъ: „Je n'ai jamais lu rien de plus joli“.

Возвратимся къ обѣду у Дюме. За дессертомъ („les 4 mendiants“) г-нъ Дюме, воображая что этотъ обѣдъ и въ самомъ дѣлѣ une partie fine, вошелъ въ нашу комнату un peu cavalièrement и спросилъ: „Comment cela va ici?“ У Пушкина и Алексѣя Николаевича немножко вытянулось лицо отъ неожиданной любезности француза, и онъ самъ, увидя чинность общества и дамъ въ особенности, нашелъ, что его возгласъ и явленіе были не совсѣмъ приличны, и удалился. Вѣроятно, въ прежніе годы Пушкину случалось у него обѣдать и не совсѣмъ въ такомъ обществѣ. Баронъ Дельвигъ очень любилъ такія эксентрическія продѣлки. Не помню во все время нашего знакомства, чтобы онъ когда-нибудь одинъ съ женою бывалъ на балахъ или танцовальныхъ вечерахъ, но очень любилъ собрать нѣсколько близко знакомыхъ ему пріятныхъ особъ и вздумать поѣздку за городъ или катанье безъ церемоніи, или даже ужинъ дома съ хорошимъ виномъ, чтобъ посмотрѣть, какъ оно на насъ, ничего непьющихъ, подѣйствуетъ. Онъ однажды сочинилъ катанье въ Красный Кабачекъ вечеромъ, на вафли. Мы тамъ нашли тогда пустую залу и бѣдную Арфянку, которая, вѣроятно, была очень счастлива отъ фантазіи Барона. Въ катаньѣ участвовали только его братья, кажется, — Сомовъ, неизбѣжный, никогда недокучливый собесѣдникъ и усердный его сотрудникъ по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“, я да братъ Алексѣй Вульфъ. Катанье было очень удачно, потому что врядъ можно было-бы выбрать лучшую зимнюю ночь — и лунную, и не слишкомъ холодную. Я замѣтила, что добрымъ людямъ всегда такія вещи удаются, отъ того, что всякое

цхъ дѣйствіе происходитъ отъ избытка сердечной доброты. Онъ, кромѣ прелести неожиданныхъ удовольствій безъ приготовленій, любилъ въ нихъ и хорошее вино, оживляющее бесѣду, и вкусный столъ; отъ этого онъ не любилъ обѣдать у стариковъ Пушкиныхъ, которые не были гастрономы и въ этомъ случаѣ онъ былъ одного мнѣнія съ Александромъ Сергѣевичемъ. Вотъ, по случаю обѣда у нихъ, что разъ Дельвигъ писалъ Пушкину:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать
Дурного масла, яицъ гнилыхъ,—
Такъ приходи со мной обѣдать
Сегодня у своихъ родныхъ.

Вотъ все, что осталось въ моей памяти въ добавленіе къ тому, что Вамъ уже сообщила прежде. При этомъ присоединяю нѣкоторыя записки: можетъ онѣ понадобятся Вамъ.

Поправка.

А. А. Сиверсъ сообщаетъ слѣдующую поправку къ стр. 107-й IV-го выпуска: въ строкѣ 15-й сверху надо сказать: „*Наталья Владиміровна* Муханова (рожд. *Полуектова*) писала *племяннику* своему“ и т. д.: Наталья Александровна Муханова, рожденная княжна Трубецкая, умерла значительно ранѣе — 1-го февраля 1813 г.

УКАЗАТЕЛЬ.

„Адели“, стих. Пушкина, 105.
Аксаковъ, С. Т., 65.
Алферовскій, домовл., 143.
Анненковъ, П. В., 31, 32, 41, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 63, 66, 140.
„Анчаръ“, стих. Пушкина, 72.
Аракчеевъ, гр. А. А., 89.
„Арестантъ“, стих. Полежаева, 85.
„Арзамасъ“, общество 42.
Аріостъ, 88.

„Бабочка“, журналъ, 62.
Байронъ, 19, 26, 84, 85, 86, 87, 93, 94, 97.
Барковъ, И. С., 89, 90, 111.
Барсуковъ, Николай Платон., 52. 65.
Вартеневъ, Петръ Ивановичъ, 67.
Батюшковъ, К. Н., 90, 110, 111.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, 84, 96.
Бенардаки, 58.
Венкендорфъ, А. Х., 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 62, 63, 66, 67.
„Веппо“, поэма Байрона, 26.
Вестужевъ, А. А. (Марлинскій) 30, 58.
Вестужевы, 70.
Бируковъ, И. С., цензоръ, 147.
„Бичъ“, басня Д. В. Давыдова, 113.
„Благонамѣренный“, 31.
„Блаженство“, стих. Пушкина, 136.
Блудовъ, гр. Д. Н., 51.
Бобровъ, Евгеній Александровичъ, 46, 109.
Богучарскій, В., 70.
Богушевичъ, 58.
Боратынскій, Евг. Абр., 79, 82, 123, 141, 142, 143, 146.
Боратынскій, Сергѣй Абрамовичъ, 142.
„Борисъ Годуновъ“, 127, 130, 132.
Брогліо, гр. Андрей—Максиміліанъ, 80.
Брогліо, гр. Сильверій Францовичъ, 80.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 137.
Булгаринъ, Ѳ. В., 31, 32, 35, 36, 37, 39, 41, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 63, 64. 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74.
Бульверъ, 155.
Бурбоны, 93.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоров., 46.
Вѣлинскій, В. Г., 99.

Вальтеръ-Скоттъ, 85.
Варлаамъ (изъ „Бориса Годунова“), 127—129.
Введенскій, Арс. Иванов., 101.
Веневитиновъ, Д. В., 31, 32, 85, 143.
„Веселый часъ“, стих. Кольцова, 102.
Вигель, Ф. Ф., 41, 42, 43.
Видокъ, 59.
„Видѣніе на берегахъ Леты“, стих. Батюшкова, 90, 110, 111.
Визаръ, содерж. Пансіона, 83, 84
Виландъ, 19.
Висковатовъ, Пав. Александр., 101.
„Вишня“, стих. Пушкина, 89, 104.
Воейковъ, А. Ѳ., 56.
Волконская, княгиня З. А., 128.
„Волшебные звуки“, стих. Лермонтова, 108.
Вольтеръ, 1 — 29.

Вольфъ, А., 50.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ, 140, 145, 155, 156.
Вульфъ, Анна Ив. (по мужу Трувеллеръ), 143, 145.
Вульфъ, Анна Никол., 151.
Вульфъ, Ек. Ив. — см. Полторацкая.
„Вѣнокъ на гробъ Пушкина“, стих. Полежаева, 85, 92 — 98, 108.
„Вѣстникъ Европы“, 31, 32, 70, 71, 90, 98, 137.
Вяземскій, князь П. А., 30, 31, 32, 35, 38, 44, 45, 46, 47, 51, 53, 61, 64, 65, 69, 70, 115.
Вяземскій, князь П. П., 63, 64, 65, 70.

Гаевскій, Викт. Павл. 76, 79.
Ганка, Вячеславъ, 122.
Генслеръ, писат., 28.
Гёте, 20.
„Гимнъ Смерти“, стих. Полежаева, 96.
Гиппіусъ, В. В., 31, 59, 70.
Глинскій, Б. Б., 32.
Глинка, Мих. Ив., 140.
Гоголь, Н. В., 73.
Гольцевъ, В. А., 112.
„Горе отъ ума“, 110.
„Городокъ“, стих. Пушкина, 18, 89, 90, 111.
Горчаковъ, князь А. М., 80, 81, 110, 111.
Горчаковъ, князь Д. П., 90.
Гречъ, Н. И., 32, 33, 35, 36, 37, 41, 45, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 74, 122, 123.
Грибоѣдовъ, А. С., 58.
Григорій (изъ „Бориса Годунова“) 130, 132.
„Гробъ юноши“, стих. Пушкина, 78.
Гротъ, Я. К., 76, 77.

Давыдовъ, Денисъ Вас., 111, 112, 113, 114.
Дашковичъ, Николай Павловичъ, 19, 22.
Дельвигъ, баронъ Александръ Антоновичъ, 152.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 32, 43, 58, 76, 78, 79, 126, 140, 142, 143. 144, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 156, 157.
Дельвигъ, баронъ Иванъ Антоновичъ, 152.
Дельвигъ, баронесса Софья Михайловна, рожд. Салтыкова, по 2-му браку Боратынская, 142, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 156.
Державинъ, Г. Р., 79, 93, 137.
„Деспотъ“, стихотв., 112.
„Дитя, Зеркало и Рѣка“, басня Сегюра, 111.
Дмитріевъ, И. И., 35, 51, 53, 61, 73.
„Дмитрій Самозванецъ“, романъ Булгарина, 58.
„Дневникъ“, газета Пушкина, 80 — 74.
„Домикъ въ Коломнѣ“, повѣсть Пушкина, 125.
„Donauweibchen“, драма Генслера, 28.
„Донъ Жуанъ“, Байрона, 86.
„Droit du seigneur“ (Le), комедія Вольтера, 2, 16, 17, 24, 27.
„Дѣва и Роза“, стих. Дельвига 143.
Дюме, ресторатеръ, 155, 156.
Dunlop-Liebrecht, авт. 13.

„Евгеній Онѣгинъ“, 15, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 84, 87, 88, 89, 90, 96, 100, 117.
„Европеецъ“, журн. 35, 72.
„Edimburgh Review“, журн. 30.
Елизавета Петровна, императрица, 93.
Ершовъ, А., авт., 32.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, 80.
Ефремовъ, Петръ Александр., 30, 38, 48, 68, 85, 92, 98, 107, 115, 131, 135, 136, 137.

Ждановъ, Иванъ Никол., 28.
Жуковскій, В. А. 38, 51, 64, 66, 78, 79, 112, 126, 137, 138, 147.

Завальевскій, 31.
Загоскинъ, Мих. Никол., 64.
„**Заздравный Кубокъ**“, стих. Пушкина, 105.

Ивановъ, Ив. Ив., 1, 2, 3, 9, 10.
Измайловъ, Александръ Ефимов. 31, 147, 148.
„**Измѣны**“, стих. Пушкина, 104.
„**Испанскій романсъ**“, стих. Пушкина, 105.
Истомина, Авд. Ильин., танцовщ., 88, 89.
„**Исторія Пугачевскаго бунта**“, Пушкина, 136, 137.

„**Кавказскій плѣнникъ**“, 84, 91, 131.
Кадлубовскій, Арсеній Петров., 29.
Каллашъ, Владим. Владиміров., 118.
Калинычъ, Фотій Павлов., 117.
Кантемиръ, кн. А. Д., 98.
„**Капитанская дочка**“, 133, 134.
Карамзинъ, Н. М , 89, 79, 93, 110, 127.
Карлъ XII, 20.
Катенинъ, Петръ Александр., 30, 31.
Кернъ, Анна Петровна, 140 — 157.
Кернъ, Ермолай Ѳедоровичъ, 153.
Киселевъ, Н. С., 121.
Кирпичниковъ, А. И., 19.
Кирѣевскій, П. В., 73.
Княжнинъ, Я. Б., 9.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, 81.
„**Кобылица молодая**“, стих. Пушкина, 145.
Кольцовъ, Алексѣй Васильев., 99, 101, 102.
Комовскій, Александръ Дмитріев., 58, 73, 74.
Кони, Анатолій Ѳедоровичъ, 41.
„**Копѣечка**“, стих. (?) 121.
Корсаковъ, Николай Александровичъ, 77, 78.
„**Корсаръ**“, поэма Байрона, 87.
Корфъ, графъ М. А., 77, 80.
Костенскій, Конст. Дм., 78.
Коцебу, Августъ, 89.
Красный Кабачекъ, подъ Петербургомъ, 156.
Красовскій, А. И., цензоръ, 147.
Критскій, Петръ, 100.
Кропотовъ, А. Д., 70.
Кругликовъ, 62.
Крыловъ, И. А., 90, 111.
Кувшинниковъ, домовл., 143.
Кузьминскій, К., 32.
Кульжинская, Аглая Александровна (по сценѣ **Дараганъ**), 140.
„**Къ другу**“, стих. Лермонтова, 103.
„**Къ друзьямъ**“, стих. Полежаева, 90.
„**Къ Жуковскому**“, стих. Пушкина, 126.
Кюхельбекеръ, В. К., 76, 78.

Ламартинъ, 85.
Лафонтенъ, 88, 111.
Лелевель, Іоахимъ, 114.
Ленскій (изъ „Евгенія Онѣгина“), 22.
Леопольдовъ, Андрей, 113, 114.
Лермонтовъ, М. Ю., 99, 101, 102, 103.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 44, 51.
„**Литературная Газета**“, 32, 47, 54, 58, 59, 60, 62, 72.
Ломоносовъ, М. В., 93, 126.
Любимовъ, 52.
Людвигъ, Августа 124.
„**Лютня**“, сборникъ, 117.

Майковъ, Валеріанъ Владиміровичъ, 147.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, 19, 20, 90, 121, 138, 140.
Маминъ-Сибирякъ, 131.
Манцони, авт., 156.
Марія Ивановна (изъ „Капитанской дочки“), 134, 135.
Марія Павловна, вел. княгиня, 120.
Маренъ, авт. 54.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, 130, 131.
Маркова-Виноградская, Анна Петровна (Керн), 140 — 157.
„**Maison blanche**“, ром. Поль-де-Кока, 148.
Мельниковъ, Пав. Ив. 129.
Михайловскій, И. Н., 119.

Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 46, 51, 80, 122 — 124, 140.
„**Молва**“, журн. 61, 73.
„**Молитва**“, стих. Кольцова, 101.
Мордвиновъ, Александръ Никол. 62, 63, 110.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 90, 101, 133, 134, 135.
„**Морни**“, стих. Полежаева, 84.
„**Московскій Вѣстникъ**“, 31, 32, 47, 131, 139.
„**Московскій Телеграфъ**“, 31, 61.
„**Московскія Вѣдомости**“, 124.
Мусоргскій, М. П., 127.
Муханова, Нат. Ал-др., рожд. кн. Трубецкая, 158.
Муханова, Нат. Владим., рожд. Полуектова, 158.
Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ, 158.
„**Мысли на дорогѣ**“, Пушкина, 126.
Мякотинъ, В. А., 41.

Надеждинъ, Никол. Ивановичъ, 32.
Наполеонъ, 93.
„**На смерть Пушкина**“, стих. Полежаева, 91, 92.
Наумовъ, Дмитрій Михайл., 121, 137.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ, 44, 79.
Незеленовъ, А. И., 9.
Некрасовъ, И. В., 129.
Некрасовъ, Ф., 31.
Нессельроде, гр. К. В., 39, 73, 74.
Николай I, 41, 66, 98.
Никольскій, Борисъ Владим., 90.
Новиковъ, Н. И., 127, 128, 129.
Новости русской литературы 111.
„**Ночь**“, стих. кн. Горчакова, 110.

Олинъ, Валеріанъ Никол., 147.
„**Опасный сосѣдъ**“, В. Л. Пушкина, 90, 111.
Орловъ-Чесменскій, гр. А. Г., 123.
Осипова, Праск. Александр., 140, 150, 155.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳедоръ Романовичъ, 81.

Павлищева, О. С., 50, 148, 150.
Павлищевъ, Л. Н., 51.
Павлищевъ, Н. И., 50.
Павловъ, Никол. Филипп., 155.
„**Пельгамъ**“, ром. Бульвера, 155.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ, 46.
Петрарка, 97.
Петровъ, В. П., 98.
Петръ I, 39, 44, 98.
Петръ III, 39.
Пиксановъ, Николай Кириаковичъ, 74.
Плетневъ, П. А., 33, 43, 64, 78.
Погодинъ, М. П., 31, 32, 52, 54, 55, 65, 68.
„**Подражаніе Анакреону**“ („**Кобылица молодая**“), стих. Пушкина, 145.
„**Подражанія Корану**“, стих. Пушкина, 105.
Покровскій, Ѳ. И., 129.
Полевой, Н. А., 31, 35, 45, 52, 69, 116,
Полежаевъ, А. И., 82—109.
„**Полтава**“, 20.
Полторацкая, Екатерина Ивановна (мать А. П. Керн), 144, 152.
Полторацкая, Елизавета Петр.—см. Решко.
Полторацкій, Петръ Марковичъ. 144, 149, 152.
Полуектова, Нат. Влад. — см. Муханова.
Поль-де-Кокъ, 148.
„**Поминки**,“ стих. Кольцова, 102.
Поповъ, Михаилъ Максим., 44.
„**Посланіе къ друзьямъ**“, стих. (В. Ѳ. Раевскаго?), 117.
„**Прекрасный день, счастливый день**“, стих. Дельвига 141.
„**Пробужденіе**“, стих. Пушкина, 105.
Прокоповичъ-Антонскій, А. А., 99.
„**Promessi sposi**“, ром. Манцони, 156.
„**Прощанье**“, стих. Лермонтова, 102.
Пугачевъ, Емельянъ, 136.
„**Пушшевая пѣсня**“, стих. Пушкина, 104.
„**Путешествіе**“ Радищева, 125, 126.

Путята, Никол. Вас., 66.
Пушкина, Анна Львовна, 141.
Пушкина, Надежда Осиповна, 143, 151, 157.
Пушкина, Нат. Никол., 62, 150, 151.
Пушкина, О. С. — см. Павлищева.
Пушкинъ, Вас. Льв., 90, 111.
Пушкинъ, Левъ Серг., 115, 116, 150. 151.
Пушкинъ, Серг. Льв. 151, 157.
Пущинъ, Ив. Ив., 76, 80.
Пыпинъ, А. Н., 41, 70, 71, 98, 100.
„Пѣснь русалки“, стих. Кольцова, 101.

Радищевъ, А. Н., 125—127.
Раевскій, Вл. Ѳедос., 117.
„Размолвка“, стих. Кольцова, 101.
Рейнсдорпъ, генералъ, 136.
Решко, Елизавета Петровна, рожд. Полторацкая, 146.
Ржевскій, Павелъ Никол., 76, 77.
Ржевскій, Григорій Павловичъ, 116.
Ричардсонъ, авт., 15.
„Роза“, стих. Пушкина, 104.
Романовъ, Николай Дмитріевичъ, 140.
„Русалка“ (Пушкина), 28.
„Руслanъ и Людмила“, 19, 84, 96.
Руссо, Ж. Ж., 15.
Рыѣевъ, К. Ѳ., 58, 112.
„Рѣка и зеркало“, басня Д. В. Давыдова.

Савва, Владиміръ Ивановичъ, проф., 122.
Савельичъ (изъ „Капитанской дочки“), 138.
Саврасовъ, П. Ѳ., 80.
Садовниковъ, Д. Н., 58, 73, 74.
Садовниковъ, Ф., 60.
Салтыкова, Софія Михайловна (по 1-му браку баронесса Дельвигъ, по 2-му — Боратынская), 142, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 156.
Салтыковъ, Мих. Александр., 72.
„Сашка“, поэма Полежаева, 84, 87, 88, 89, 98, 100, 107, 108.
„Святки“, стих. кн. Д. П. Горчакова, 111.
Сегюръ, гр., 111.
Сиверсъ, Александръ Александровичъ, 158.
Сиверсъ, Ф., литогр., 91.
Сиповскій, Василій Васильевичъ, 15, 22.
Скабичевскій, Александръ Мих., 62.
Слонимскій, А. Л., 41.
„Смальгольмскій Баронъ,“ баллада Жуковскаго, 147.
Смирдинъ, А. Ф., 58.
Соболевскій, С. А., 67, 115, 127.
„Собраніе насѣкомыхъ“, эпиграмма Пушкина, 116, 117.
„Современникъ“, 32, 74, 79, 133.
Соловьевъ, кол. секр., 60.
Сомовъ, О. М., 54, 56, 57, 58, 71, 73, 145, 156.
Станкевичъ, Н. В., 102.
Струйскій, А. Н., 88.
Суворовъ, фельдмаршалъ, 86.
Сумароковъ, А. П., 2.
Сухомлиновъ, Мих. Ив., 31.
Сушковъ, 31.
„Сынъ Отечества“, 53, 55, 56, 58, 62, 74, 117, 122, 123.
„Сѣверная Пчела“, 34, 36, 37, 40, 46, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 69, 73, 74, 117.
„Сѣверные Цвѣты“, 33, 43, 57, 58, 143, 145, 156.
„Сѣверный Архивъ“, 56.
„Сѣверный Меркурій“, 62.

„Талисманъ“, стих. Пушкина, 121.
Тарасенко - Отрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 73.
Тассо, 97.
Татьяна (изъ „Евгенія Онѣгина“), 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 117.

Телепнева, Анна Сергѣевна, 123.
Телепнева, Александра Васильевна, 119, 124.
Телепнева, Елена Сергѣевна, 119—124.
Телепневъ, Сергѣй Стахіевичъ, 119, 123.
Телепневъ, Стахій Никитичъ, 123.
„**Телемахида**“, 126.
„**Телескопъ**“, 32, 61.
Тредьяковскій, В. К., 126.
„**Трумфъ**“, комедія Крылова, 90, 110, 111.
Тургеневъ, А. И., 38, 51, 64.

Уваровъ, гр. С. С., 42, 43, 51.
Урусовъ, кн. С. А., 20.
„**Утѣшеніе**“, стих. Полежаева, 98.
Ушакова, Екатерина Николаевна, 120, 121.
Ушакова, Елизавета Николаевна, 120, 121.
Ушакова, Софья Андреевна, 123.
Ушаковы, 120, 121, 122, 123, 124.

Федоровъ, Борисъ Михайл., 147, 148.
Фокъ, Максимъ Яковл., 36, 37, 44, 67.
Фонъ-Поль, Карлъ Карловичъ, цензоръ, 147.
Фуксъ, Александра Андреевна 46.

Халанскій, М. Г., проф. 120.
Харловъ, маіоръ, 136.
Хвостовъ, гр. Д. И., 90.
Хитрово, Елизав. Михайл., 145, 152, 153, 154.
Хомяковъ, А. С., 143.

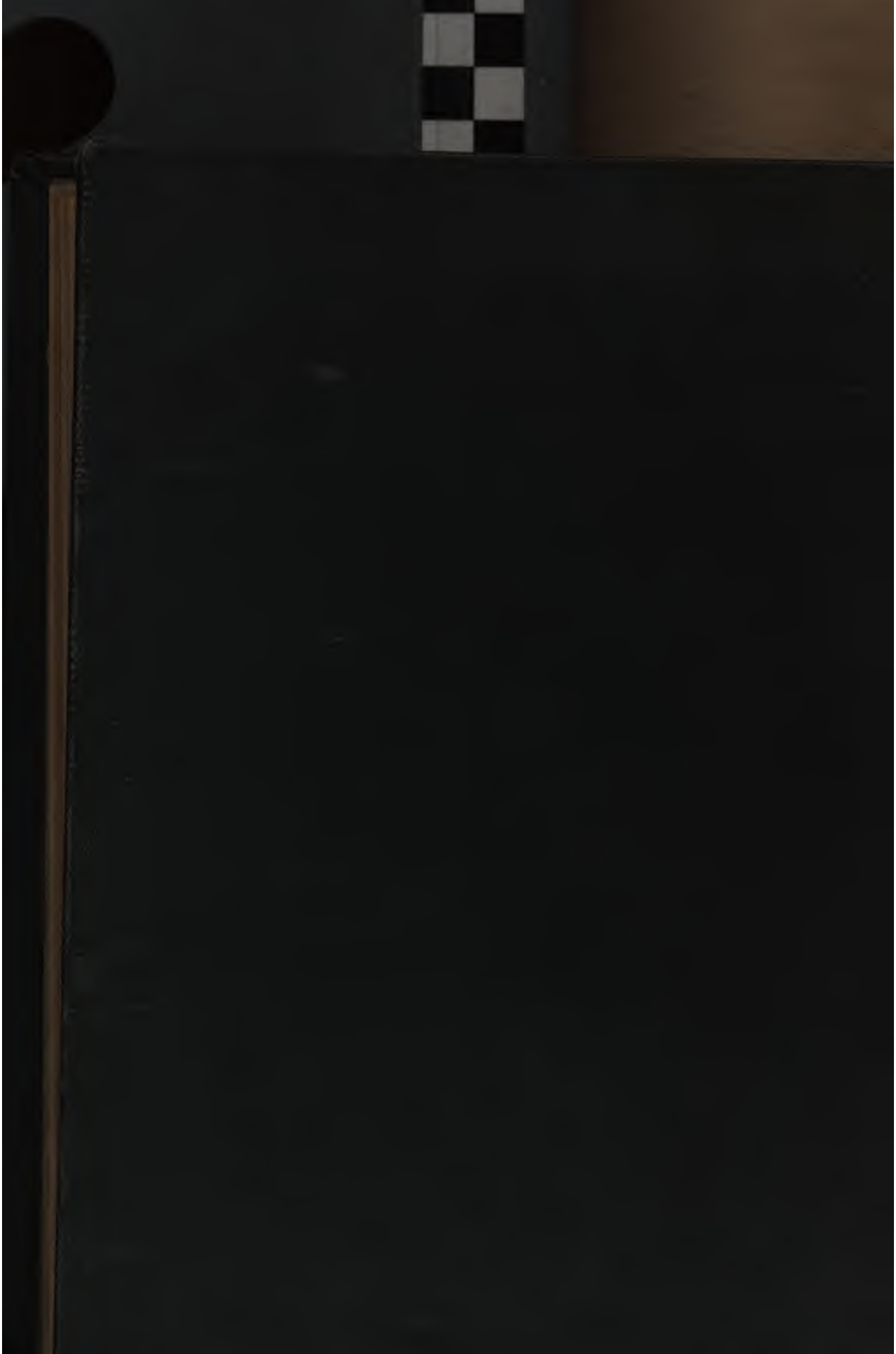
Цертелевъ, кн. Н. Д., 147.
„**Цыганская пѣсня**“, Пушкина, 121.
„**Цыганы**“, 96.

„**Часы выздоровленія**“, собр. стих. Полежаева, 92.
„**Человѣкъ. Къ Байрону**“, стих. Полежаева, 85.
„**Черная шаль**“, стих. Пушкина, 121.
Чернышевъ, Василій Ильичъ, 127, 129, 139.
„**Чиръ-Юртъ**“, поэма Полежаева, 85.

Шаликовъ, кн. П. И., 45, 123.
Шекспиръ, 19, 22, 28.
Шенрокъ, Владим. Ив., 73.
Шенье, Андрей, 97, 113.
Шейнъ, П. В., 127.
Шереметевъ, гр., 152, 153.
Шереметевъ, гр. Николай Алексѣевичъ, 152.
Шереметевъ, гр. Димитрій Николаевичъ, 152.
Шиллеръ, 104.
Шишковъ, А. С., 42.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, 38, 43.

„**Элегія**“ („Я пережилъ свои желанья“), Пушкина, 90.
Энгельгардтъ, Е. А., 75, 77, 78, 81.
„**Эрпели**“, поэма Полежаева, 85, 91.

Юдинъ, Павелъ Михайл., 19.
„**Юнкерская молитва**“, стих. Лермонтова, 103.
Юсуповъ, кн. Н. Б., 20.

Языковъ, А. М., 73.
Языковъ, Н. М. 32, 58, 73, 74.
Якушкинъ, В. Е., 41, 126.
„**Ятаганъ**“, повѣсть Павлова, 155.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, 93.